

Выпускъ 6. - 584

80106
11133-1

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СЪВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ II.

СЪВЕРЪ И ВОСТОКЪ СИБИРИ
ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ V. ~~567~~

СИБИРСКАЯ ФАУНА,

(ОКОНЧАНИЕ.)

См. 341-613; 619-833

ДОМАШНІЯ И УПРЯЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ, ПОВОЗКИ, СУДА, РЫБОЛОВСТВО И ОХОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1877.

ПРОДАТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Эггерсъ и Коппъ, въ С. П. Б.
Н. Квинцель, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна шестаго выпуска 2 руб. 35 коп.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Сибирская фауна	311 — 332
Сохранение теплоты въ Сибирскихъ животныхъ	311 — 332
Мракъ. Отраженіе свѣга стр. 311—313. — Суровость зимней стужи стр. 314—315. —	
Убыль теплоты въ тѣлѣ животного и предохраняющія отъ нея приспособленія стр. 315	
— 324. — Норы и зимняя сначка стр. 325—332.	
Кочеваніе	332 — 451
Недостатокъ въ пищѣ стр. 332—340. — Измѣненіе температуры стр. 340—342. — Вредная насѣкомыя стр. 342—345. — Борьба за существованіе стр. 345—346. — Прирожденная страсть къ кочеванію стр. 347—349. — Кочеваніе до-смерти стр. 349—353. — Выселеніе стр. 353—356. — Сила прирожденного кочевого влеченія возрастаетъ отъ накопленія животныхъ въ одномъ мѣстѣ и отъ случайныхъ кочеваній стр. 357—360. — Осѣдно-переходныя животныя стр. 360—361. — Изображенія доховъ стр. 363 и 364.	
Направленіе и пути кочеванія	365 — 395
Въ горахъ стр. 365. — Регулярность проходовъ стр. 366. — Пути перелетныхъ птицъ стр. 367—368. — Вліяніе гидрографической конфигураціи и другія уклопенія стр. 369—371. — Сравненіе путей кочеванія съ развѣтвленіями деревъ стр. 371—372. — Поперечные пути стр. 372—373. — Арало-Каспійско-Обскій путь; Волжско-Тобольскій путь стр. 375. — Нило-Каспійскій путь стр. 376. — Селенго-Ангарскій и Ленскій пути стр. 377. — Горные проходы и острова стр. 378—380. — Направленіе путей перелета обозначается бросающимися въ глаза видами птицъ стр. 381—384. На него указываютъ изепитенныя линіи стр. 386. — Пути кочеванія рыбъ стр. 387—388. — Способность человека узнавать направленіе стр. 388—391. — Направленіе вѣтра стр. 391—392. — Почтовые голуби стр. 393—395.	
Размѣры путей кочеванія	396 — 416
Сѣв. олени стр. 396—399. — Скитающіяся кочующія животныя стр. 399—400. — Скитающіяся зимоупорныя перелетныя птицы стр. 400—403. — Сѣверный предѣлъ зимованія стр. 403—407. — Пути кочеванія длиною въ 35—50 градусовъ широты стр. 408. — Меридианныя птицы стр. 409—410. — Вліяніе положенія, которое птица занимаетъ въ системѣ, вліяніе климата и горныхъ формъ стр. 411—413. — Разстоянія, проплываемыя рыбами стр. 413—416	
Времена кочеванія	416 — 451
Изепитенныя стр. 416—425. — Средніе дни прибытія стр. 420—421. — Времена кочеванія сѣв. оленей стр. 426—427. — Внезапный напоръ птицъ стр. 428—429. — Запоздавшіе выводки задерживаютъ родителей стр. 430. — Самцы прилетаютъ раньше стр. 431. — Ранній прилетъ стр. 432—433. — Поздній прилетъ стр. 436. — Времена кочеванія рыбъ стр. 440—450.	
Дополненія	451 — 488
Обиліе животныхъ на побережьяхъ Великаго океана стр. 452. — Цвѣтъ животныхъ въ качествѣ основы видоваго отличія стр. 453 — Экваторіальный предѣлъ лося и мускуснаго животного стр. 453—454. — Волкъ избѣгаетъ обилія свѣга. Воробей. Пугливыя птицы становятся свѣлыми. Вторженіе <i>Syrhaptes</i> стр. 454 (и стр. 464). — <i>Aegoceros montanus</i> простирается до Енисея стр. 455. — Слово «мартъ». Свѣжная сѣбнота. Возбужденное развитіе тепла стр. 456—457. — Стерлядь, заходя въ рѣки, не принимаетъ пищи. Горные сѣв. олени сильнѣе другихъ. Кочеваніе доховъ до-смерти стр. 459. — Кочеваніе	

лемминговъ и зайцевъ стр. 460. — Поликлиническія животныя стр. 461. — Нѣкоторыя перелетныя птицы на время дѣлаются осѣдлыми стр. 462. — Взаимныя отношенія между извѣстными видами растеній и птицъ стр. 463. — Въ древности перекочевки были сильнѣе и обширнѣе стр. 466. — Бѣлухи въ большихъ рѣкахъ стр. 467. — Кочеваніе козъ и сѣв. оленей. Древне-борейскіе виды въ Гренландіи стр. 468. — Экваторіальныя предѣлы гиперборейскихъ птицъ стр. 470. — Арктическій поперечный путь. Прилетъ птицъ въ Уссурійскомъ краѣ стр. 471. — Перелетныя птицы не рѣшаются перебираться черезъ степь Гоби. Пути переходовъ стр. 472. — Пути кочеванія рыбъ. Предчувствія рыбъ стр. 474. — Голубиная почта стр. 475. — Стремленіе къ родицѣ. Предчувствія птицъ и грызуновъ стр. 477—479. — Кочеваніе тугуна. Измѣреніе быстроты путешествія стр. 481—482. — Наимъ зимняя рыба стр. 483. — Время метанія икры стерлядьми находится въ связи съ половодьемъ Волги стр. 485. — Порядокъ, въ которомъ рыбы кочуютъ въ Енисей стр. 486. — Замѣтки на возраженія Пальмена относительно метода, развитаго въ Изеиптезахъ стр. 487—488.

Верховыя и упряжныя животныя Сибирскихъ кочевниковъ . . . . . 489 — 570

Сѣв. олень въ упряжи стр. 489. — Измѣненія цвѣта стр. 490—491. — Отсутствие пріятныхъ активныхъ качествъ душевныхъ стр. 492. — Необыкновенная быстрота бѣга стр. 493. — Выючный и верховой сѣв. олень стр. 494. — Поимка его стр. 497. — Способъ сидѣнья на немъ стр. 503. — Болотистыя топи стр. 505. — Переправа вбродъ. Способность помнить мѣстность, и чутье стр. 507. — Спротивленіе стр. 508. — Быстрота стр. 511—512. — Горные или ламскіе сѣв. олени стр. 514—515. — Сплываніе и сбрасываніе роговъ стр. 516 — 517.

Лось стр. 518 — 519

Собака стр. 519. — Собака и сѣв. олень взаимно дополняютъ другъ друга стр. 520. — Упряжь поясничная стр. 521. — Быстрота стр. 522. — Разновидности стр. 526. — Происхожденіе стр. 527. — Тунгусская собака стр. 528.

Лошадь стр. 332. — На глубокомъ сѣверѣ стр. 535. — Якутская лошадь стр. 536. — Дикая степная упряжь стр. 538. — Подготовленіе посредствомъ голода (выдержка) стр. 540. — Переправа вбродъ и вплавь стр. 542. — Умѣніе привариваться къ ширинѣ выюковъ стр. 543.

Верблюды, оселъ и рогатый скотъ стр. 545. — Сладкія травы на крайнемъ сѣверѣ стр. 547. — Якъ стр. 549.

Домашнія животныя съ точки зрѣнія культурнаго государства стр. 550. — Камчатка и Удской Острогъ стр. 551. — Запрещеніе держать упряжныхъ собакъ стр. 554. — Хитрыя животныя стр. 555. — Правильный обывъ стр. 559. — До 150 личинокъ оленьяго овода стр. 561. — Необходимо убивать больше рогатаго скота стр. 562. — Суевѣрный убой скота. Сѣнные сараи стр. 563. — Переходъ отъ пастушества къ скотоводству стр. 563. — Собака и сѣв. олень дышать, не потѣютъ стр. 567. — Обыкновенная мѣра путешествія 4—6 геогр. миль въ день стр. 569.

Повозки и суда кочевниковъ . . . . . 571 — 582

Гибко-упругое устройство стр. 571. — Лыжи стр. 573. — Нарта стр. 575. — Байдара стр. 577. — Челюки стр. 579.

Рыболовство въ Сибири . . . . . 583 — 592

Суда на Енисей стр. 585. — Уменьшеніе количества омулей стр. 586. — Галыгъ мѣсто метанія икры стр. 588. — Гарпуны, лежашіеся поперекъ стр. 589. — Сидѣбка стр. 591.

Охота въ Сибири . . . . . 593 — 618

Охотничій пылъ Самоѣдовъ стр. 594. — Временное прекращеніе охоты стр. 595. — Огнестрѣльное оружіе изъ Китая стр. 596. — Лукъ стр. 598. — Стрѣлы стр. 600. — Рогативы стр. 601. — Травля безъ собакъ, пѣшкомъ стр. 602. — Травля на оленьихъ сапкахъ стр. 603. — Махаки стр. 604. — Засѣки стр. 605. — Самострѣлы стр. 606. — Пастинки стр. 609. — Лизаніе соли и разведеніе костровъ стр. 613. — Труба для приманки оленей стр. 614. — Охота на соболей стр. 615. — Соколиная охота стр. 617.

Сохраненіе теплоты въ Сибирскихъ животныхъ.

На стр. 142—146 и слѣд. этой части мы говорили о томъ, что даже зимою самый крайній сѣверъ не бываетъ совершенно безжизненъ. Пѣкоторые представители различныхъ видовъ гиперборейскихъ животныхъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, какъ млекопитающихъ, такъ и птицъ, рыбъ и безпозвоночныхъ, встрѣчаются даже среди самаго суроваго зимняго времени, даже вблизи самаго полюса.

Нельзя, дѣйствительно, не удивляться этому въ отношеніи къ тѣмъ животнымъ, которыя зимою не отправляются на покой, и тѣмъ замѣчательнѣе обстоятельство, что какъ-разъ между гиперборейскими позвоночными животными шѣтъ настоящихъ представителей зимней спячки.

Кромѣ ужасающей стужи, безпріютныя пустыни глубокаго сѣвера, лишенныя растительности, а слѣдовательно и питательныхъ средствъ, подвержены еще страшнымъ выюгамъ, повергающимъ чувство зрѣнія въ совершеннѣйшій мракъ. Эти бураны во время своего дѣйствія налагаютъ покой на всѣхъ животныхъ.

Мракъ

въ теченіе зимней половины года заставляетъ, конечно, думать, что глубокой сѣверъ совершенно непригоденъ для проявленія животной жизни. Въ сущности же дѣло вовсе не такъ плохо, какъ бы можно было предполагать съ перваго взгляда. Длѣющіеся цѣлыя мѣсяцы сряду зимнюю ночь, даже среди самой зимы, прерываютъ два-три полуденныхъ часа, которые бываютъ свѣтлѣ остальныхъ; подъ 75° — 80° с. ш., сумеречный свѣтъ ихъ, правда при ясномъ небѣ, позволяетъ, хотя и съ трудомъ, на открытомъ воздухѣ, разбирать довольно мелкій шрифтъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, и люди и животныя въ состояніи при немъ отыскивать себѣ пищу. Сумеречный свѣтъ этотъ, какъ извѣстно, основанъ на томъ, что преломленіе атмосферныхъ лучей даетъ нѣкоторый свѣтъ до тѣхъ поръ, пока солнце не спустится за 18 градусовъ ниже горизонта. Но еще подъ 80° с. ш., въ самые короткіе дни, солнце въ полдень приближается къ горизонту на $13\frac{1}{2}$

градусовъ, такъ что подобная-же свѣтлая полоса, какая у насъ предшествуетъ восходу солнца, озаряетъ облачное небо и въ странахъ полярныхъ, сообщая мѣстности мерцающій свѣтъ. Кроме того, луна, при помощи снѣговаго отраженія, обливаетъ полярный пейзажъ великолѣпнымъ серебристымъ блескомъ; въ теченіе темнаго времени она видна также днемъ; наконецъ сѣверное сіяніе становится всеневнымъ свѣтиломъ и, подобно зареву сильнаго пожара, присоединяетъ багровые лучи свои къ упомянутому сумеречному свѣту. Все это на столько даетъ свѣту, что и человѣку и животнымъ представляется возможность существовать даже на крайнемъ сѣверѣ. И такъ какъ послѣдній зимою пользуется описаннымъ нами освѣщеніемъ, солнце же въ теченіе лѣтней половины вовсе не заходитъ, а въ два мѣсяца, прилегающіе къ лѣтней половинѣ, заходитъ только отчасти, то въ продолженіе круглаго года полярныя страны пользуются, можетъ быть, еще большимъ количествомъ свѣта, чѣмъ болѣе теплые поясы.

При всемъ томъ этотъ зимній дневной свѣтъ полярныхъ странъ не что иное, какъ сумерки, которые, правда, позволяютъ различать на разстояніи двухъ-трехъ верстъ, какъ напр. очерки крутыхъ горныхъ высотъ выдѣляются отъ равнины, но все-таки даютъ такой слабый, мерцающій свѣтъ, что охотнику, даже въ полдень, не всегда удается вѣрно направить на дичь прицѣлъ ружья. Какъ привидѣніе, передъ взорами его неожиданно мелькнетъ бѣгущее животное и вслѣдъ за тѣмъ опять погрузится во мракъ почвы. Свѣтлый пѣсець-однолѣтка является темнымъ пятномъ на бѣломъ снѣжномъ фонѣ.

По этому-то близъ полюса могутъ зимовать только животныя такихъ породъ, которыя и у насъ преимущественно выходятъ изъ своихъ убѣжищъ послѣ солнечнаго заката, какъ напр. лисицы, зайцы, мыши, совы¹⁾. Но, подобно полярному человѣку, и имъ на крайнемъ сѣверѣ приходится изъ-за темноты проводить во снѣ большую часть зимняго времени, хотя, какъ мы уже замѣтили, они не подвержены настоящей зимней спячкѣ. Эта необходимость порождаетъ на глубокомъ сѣверѣ непримиримыя противоположности, составляющія единственные въ своемъ родѣ явленія.

Упомянутымъ животнымъ необходима чрезвычайно подвижная радужная оболочка, потому что въ Мартѣ, въ Апрельѣ и даже въ Маѣ, бываетъ еще болѣе 20° морозу и все еще покрыто снѣгомъ, а между тѣмъ солнце, во всей своей красѣ, уже остается надъ горизонтомъ все долѣе и долѣе, пока вскорѣ и вовсе не спускается ниже его. Зрѣніе невыносимо страдаетъ отъ сверканія солнечнаго диска, который стоитъ низко, почти въ уровень съ человѣческимъ глазомъ, и лучи котораго безчисленно отражаются въ зеркальныхъ кристаллахъ снѣга. Еще 5 (17) Іюня на р. Таймырѣ, послѣ свѣжей вьюги, я ужасно страдалъ отъ ослѣпительнаго блеска снѣга. Человѣкъ старается помочь горю и привязываетъ къ глазамъ снѣговыя очки, т. е. непронускающія свѣта пластинки, металлическія

¹⁾ Вотъ почему, можетъ быть, въ Таймырскомъ краѣ или также въ южной Сибири (*Радде*) она легко подпускаетъ къ себѣ, потому что ослѣвлена снѣжнымъ блескомъ.

или берестовыя, въ которыхъ прорѣзана небольшая горизонтальная щелочка. Но и такой приборъ мало помогаетъ; сверхъ того онъ затрудняетъ зрѣніе, потому что передъ собственнымъ, круглымъ зрачкомъ человѣка является еще другой, напоминающій щелкообразный зрачекъ нѣкоторыхъ ночныхъ животныхъ. При свѣтломъ солнечномъ сіяніи, свѣговыя очки, правда, явно спасаютъ отъ немедленнаго ослѣпленія, но въ туманную погоду приходится снимать ихъ, равно какъ и очки съ синими стеклами, чтобъ имѣть возможность различать предметы; при всемъ томъ пораженные свѣтомъ глаза ужасно страдаютъ. Они слезятся, воспаляются все сильнѣе и сильнѣе, болѣютъ болѣе и болѣе, все болѣе возбуждаютъ отчаянную раздражительность, пока, наконецъ, свѣжная слѣпота лишаетъ вась всякой способности видѣть. Притомъ свѣговые лучи, должно быть, сопровождаются лучами тепла, потому что даже неприкрытыя части кожи на человѣческомъ тѣлѣ страдаютъ отъ нихъ точно также, какъ отъ солнечнаго припека въ странахъ, отличающихся вѣсной лѣтностью. Онѣ воспаляются и лупятся. Лишь со сходомъ свѣга это весеннее страданіе быстро прекращается.

Въ такомъ-же родѣ, хотя вѣроятно меньше, по-видимому страдаютъ и животныя. Тюлень, лежащій передъ своей отдушиной, очевидно совершенно ослѣпленъ; дикіе свѣрныя олени натываются прямо на человѣка; черныя волосы волка становятся почти совершенно бѣлыми.

Впрочемъ въ этомъ случаѣ сильнѣе дѣйствуетъ отраженіе свѣта въ зеркальныхъ кристаллахъ свѣга, чѣмъ низкое положеніе солнца, потому что вдали отсюда, подъ южными широтами, гдѣ по степямъ своимъ бродитъ кочевникъ Средней Азіи, Киргизъ и Калмыкъ едва-ли меньше, хотя и рѣже, да и далеко не такъ долго, одержимы тою-же болѣзненно свѣжной слѣпоты.

Упомянутому быстрому переходу животнаго глубокаго сѣвера изъ томительнаго мрака къ ослѣпительному свѣту, соответствуетъ такое-же внезапное пробужденіе изъ преобладающаго соннаго состоянія къ почти непрекращающейся дѣятельности.

Непрерывное присутствіе солнца въ теченіе лѣтней половины года возбуждаетъ усиленную дѣятельность. Уже Линнѣ въ своей *Lachesis lapponica* говоритъ, что постоянное вліяніе солнечнаго свѣта составляетъ одну изъ причинъ, почему лѣтнее путешествіе въ дальнія сѣверныя широты дѣйствуетъ такъ хорошо и живительно на здоровье. Ночной покой животныхъ, въ особенности птицъ, ограничивается нѣсколькими часами. Притомъ сонъ отбывается неправильно, и какъ скоро днемъ (это преимущественно случалось въ Таймырскомъ краѣ) бываютъ туманъ и дожди, ночью же, напротивъ того, солнце свѣтитъ непрерывно, такъ всѣ проявленія жизни главнымъ образомъ совершаются ночью. Пришельцы-животныя, подобно пріѣзжимъ людямъ, очевидно очень лишаются хорошаго сна. Тѣмъ болѣе времени они посвящаютъ ѣдѣ, по-видимому, вслѣдствіе такого-то усиленнаго объема матеріала становятся возможными ускоренное липяніе, ускоренный ростъ животныхъ въ гнѣздахъ и накопленіе запасовъ жира, необходимыхъ для перенесенія зимняго голоданія или усиленныхъ странствованій.

Рядомъ съ мракомъ враждебно дѣйствуетъ на всякую животную жизнь

суровость зимней стужи на глубокомъ сѣверѣ.

Какъ ни гибельна она для животной жизни, но въ распоряженіи животныхъ находятся весьма разнообразныя средства, при помощи которыхъ они въ состояніи избѣгать дѣйствія ея. Главнымъ образомъ, конечно, это достигается тѣмъ, что животныя уходятъ отъ стужи. Подробнѣе мы займемся этимъ предметомъ при разсмотрѣніи вопроса о кочеваніяхъ Сибирскихъ животныхъ. Впрочемъ, крайніе градусы стужи на нашемъ земномъ шарѣ не совершенно губятъ животную жизнь: чрезвычайно обстоятельно можно прослѣдить это въ Якутской области (слѣдовательно еще подъ широтою Берлина) около полюса наибольшей зимней стужи¹⁾. Чѣмъ поразительнѣе тамошнее сочетаніе роскошной растительности и, въ особенности, сильнаго лѣснаго произрастанія съ крайнею зимнею стужею, тѣмъ исключительнѣе вліяніе суровой зимы, враждебное животной жизни, выдѣляется изъ своего смѣшенія съ остальными вліяніями, губельными для животной жизни глубокаго сѣвера.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ климату Сибири, я старался описать впечатлѣніе, которое производятъ на людей морозы, ниже 40° Р., переходящіе за замерзаніе ртути²⁾; къ упомянутому описанію я считаю нужнымъ присовокупить еще нѣкоторыя свѣдѣнія на слѣдующихъ страницахъ этого изслѣдованія. За тѣмъ намъ привелось также убѣдиться³⁾, что хотя въ болѣе холодныхъ мѣстностяхъ Сибири стволы деревьевъ и кустовъ промерзаютъ насквозь, все-таки жизнь этихъ растеній отъ этого не прекращается.

Съ животными, конечно, дѣло не должно доходить до этого, но все-же преобладающія доселѣ мнѣнія о безусловной смертельности замерзанія животныхъ, кажется намъ, слишкомъ односторонни. Лягушекъ я совершенно замораживалъ при 15° Р., но какъ скоро осторожно оттаивалъ ихъ, такъ онѣ опять скакали въ разныя стороны. Если лягушки не водятся на болѣе отдаленномъ сѣверѣ, то въ этомъ вѣроятно не столько виновата зимняя, сколько лѣтняя температура, недостаточная для того, чтобы икра этихъ животныхъ могла созрѣть и чтобы метаморфоза дѣтенышей могла вполне совершиться. Нѣкоторыя Сибирскія рыбы также замерзаютъ зимою. Карасей, и въ особенности маленькаго, похожаго на линя, *Surginus regenicus* я находилъ въ мелководныхъ озерахъ, которыя, вмѣстѣ съ иломъ своимъ, промерзаютъ до самаго дна. При всемъ томъ, въ слѣдующую весну, рыбы эти преисправно оживаютъ опять, вмѣстѣ съ личинками комаровъ и другими, большими личинами, плотно замерзшими съ ними въ иловомъ льду. Очевидно онѣ подвергаются сильной степени зимней спячки, которой болѣе или менѣе поддаются всѣ рыбы сѣверной Сибири. Между 73° и 74° с. ш., въ половинѣ Мая, я разрубилъ ледъ промерзшаго до дна тундреннаго озера и въ замершемъ, наполненномъ льдомъ, илѣ нашелъ водяныхъ жуковъ, гидрактъ, апусовъ, бронхипусовъ и другіе виды

¹⁾ См. отдѣлъ III «Климатъ», стр. 339 и слѣд.

³⁾ См. отдѣлъ IV «Растительность», стр. 619.

²⁾ См. тамъ-же стр. 328.

маленькихъ ракообразныхъ животныхъ, вмѣстѣ съ личинками насекомыхъ и безчисленными червяными трубочками, напоминавшими трубочки нашихъ наидъ.

Особенно поучительны были бы въ этомъ отношеніи наблюденія и въ южной Сибири въ тѣхъ мѣстахъ горныхъ потоковъ, гдѣ образуется ледъ на днѣ, который, какъ извѣстно, охватываетъ, окружаетъ и поднимаетъ не только камни, но и песокъ да иль, затѣмъ сплочиваетъ ихъ съ общимъ ледянымъ покровомъ и увлекаетъ съ собою на огромныя разстоянія.

Гдѣ почти вовсе лѣтъ зимы, тамъ не умѣютъ цѣнить лѣто, а гдѣ царствуетъ вѣчная весна, тамъ нельзя и испытать вліянія весны.

Въ отношеніи

теплоты въ осѣдлыхъ животныхъ

глубокаго сѣвера и частей Сибири подверженныхъ зимней стужѣ, будущимъ изслѣдователямъ предствотъ неисчерпаемое поприще для наблюденій и опытовъ. Новѣйшіе успѣхи питательной химіи, правда, такъ близко ознакомили насъ съ характеромъ процессовъ горѣнія, поддерживающихъ собственную теплоту животныхъ тѣлъ, что мы математически можемъ вычислить количество тепла, развивающагося въ этихъ тѣлахъ. Калориметръ, какъ извѣстно, указываетъ намъ въ такомъ-же точно количествѣ развитіе тепла въ животномъ, въ какомъ въ лабораторіи оно образовалось бы отъ сожженія соответственнаго количества кислорода. При этомъ оказались весьма значительныя, дотолѣ неизвѣстныя, количества тепла, которыя, будучи обращены въ механическія дѣйствія, доказываютъ, что, напр., ежедневно развитая въ человѣкѣ теплота тѣла могла бы сработать, пожалуй, въ шесть разъ болѣе того, съ чѣмъ справляется ежедневная рабочая сила того-же самаго человѣка, и т. д. Дѣйствительно, въ общей сложности, въ животныхъ усиленное дыханіе находится въ прямомъ отношеніи къ усиленному теплу тѣла; такимъ образомъ, напр., въ птицахъ не только больше собственнаго тепла, чѣмъ въ другихъ животныхъ, но и между птицами наибольшее количество собственнаго тепла приходится на долю самыхъ быстро-летающихъ (соколовъ и ласточекъ), которыя притомъ и дышутъ сильнѣе другихъ. При усиленномъ движеніи, дыханіе млекопитающихъ можетъ сравняться со степенью дыханія птицъ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ дыханія животнаго, пробуждающагося отъ зимней спячки, возрастаетъ почти въ тотъ-же моментъ въ сильной степени его собственное тепло; голоданіе вызываетъ лихорадочный ознобъ и т. п. Однимъ словомъ, по части развитія собственнаго тепла въ животномъ тѣлѣ мы находимся на твердой, доступной исчисленію, физико-химической почвѣ.

Въ иномъ видѣ представляется вопросъ о потерѣ тепла животнаго тѣла. По этой части необходимы еще сотни зоологическихъ подготовительныхъ изысканій, потому что въ этомъ отношеніи разнообразіе средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе животныхъ къ сохраненію собственнаго тепла, чрезвычайно велико. Самые крайніе градусы

стужи сами по себѣ, по-видимому, не смертельны для жизни животныхъ: все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы приходъ и расходъ собственного тепла были приведены въ надлежащее соотношеніе. Намъ необходимо освоиться съ мыслью, что способность животныхъ глубокаго сѣвера сопротивляться стужѣ обусловливается не столько особою, закаленною противъ морозовъ, натурою ихъ, сколько нѣкоторыми небольшими данными, выгодными для сохраненія собственного тепла. По этому-то, даже при не очень значительной стужѣ, выюги дѣйствуютъ на людей и животныхъ губительно, если бушуютъ очень свирѣпо, такъ какъ онѣ непрерывно отнимаютъ у животнаго тѣла новые запасы тепла. При самой же сильной стужѣ, какъ извѣстно, очень рѣдко бываетъ вѣтеръ; развѣ только въ горахъ.

Такъ, напр., въ скалистыхъ ущельяхъ рѣки Килѣ (Гилюя), на южной покатости Становаго хребта, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, при замерзшей ртути, насъ постигъ рѣзкій вѣтеръ¹⁾, встрѣтившій насъ въ видѣ падающаго вѣтра (Fallwind). Внезапно насъ обнялъ невыносимый адскій холодъ. Сначала рѣзко, съ ощущеніемъ уколовъ иглами и сотнями стекольныхъ осколковъ, онъ сталъ жечь намъ лице и захватывалъ дыханіе, потому что ротъ судорожно сжимался передъ этимъ натискомъ воздуха; только повернувшись впередъ спиной, намъ удалось пробраться чрезъ это адское ущелье.

Въ нѣсколько мгновеній, въ теченіе которыхъ мы пытались противостоять непогодѣ, крайне сухую кожу нашихъ лицъ, которую мы забыли натереть жиромъ, стянуло до такой степени, что она растрескалась безчисленнымъ множествомъ мелкихъ и нѣсколькими бѣльшими прорвами. Люди, восходившіе на Альпы, испытывали тоже, но въ меньшей степени. Наша кожа стала слишкомъ тѣсна для нашего тѣла: вслѣдствіе этого мы и чувствовали какъ-бы уколы иглою и осколками стекла, чувство, продолжавшееся потомъ въ видѣ непріятнаго щипанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ растрескавшихся частей кожи выступила кровь, которая въ видѣ охраняющей коры, покрыла пораженные части лица. По моему мнѣнію, это примѣрно одно изъ тысячи приспособленій, которыя въ природѣ должны дѣйствовать въ видѣ регулятора, коль скоро дѣло идетъ о возстановленіи равновѣсія между приходомъ и расходомъ тепла. Къ числу этихъ приспособленій нужно отнести уже то, что при такихъ данныхъ человѣку, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ житья въ шалашѣ, приходится отказываться отъ умыванія. Наше лице было покрыто жирнымъ слоемъ крови и грязи, который охранялъ и согрѣвалъ его, а потомъ, при переходѣ нашимъ въ теплое жилье, отдѣлялся вмѣстѣ съ омертвѣвшей кожей и на нѣсколько недѣль обнаружилъ блѣдныя, безцвѣтныя щеки. Съ носа и съ пальцевъ также сходила кожа въ видѣ изодранныхъ чехловъ²⁾. Такую защиту отъ стужи я называю импровизован-

¹⁾ Съ этимъ случаемъ слѣдуетъ, кажется, сопоставить «хиусъ», о которомъ Эрманъ (Archiv, 1850, VIII, стр. 340) говоритъ, какъ о метеорологическомъ парадоксѣ Сибирскомъ.

²⁾ Рядомъ съ значительной стужей этому отдѣленію кожи, очевидно, содѣйствуетъ также сухость воздуха. Гдѣ-то я читалъ, что путешественники, посѣщающіе такія полосы южной Америки, гдѣ не бываетъ дождей

нымъ естественнымъ приспособленіемъ, на ровнѣ со снѣговой стѣною, которая при сильной вьюгѣ, на открытой тундрѣ наматается передъ людьми и животными, наконецъ образуетъ надъ ними родъ свода и служитъ къ спасенію ихъ, потому что снѣгъ не прилегаетъ прямо къ задерживающему его предмету, а оставляетъ свободное пространство, происходящее вслѣдствіе отпряданія крутящагося снѣга. Строго говоря, удерживающимъ тепло приспособленіемъ можно считать уже и то обстоятельство, что вслѣдствіе сжиманія кожи отъ стужи, уменьшается обращеніе въ ней крови, а вслѣдствіе того, и отъ уменьшающагося въ тоже время испаренія, уменьшается и потеря тепла.

Если мы станемъ разсматривать предоставленную животнымъ возможность сопротивляться сильнѣйшей зимней стужѣ, то намъ придется принять въ соображеніе безчисленное множество разныхъ, большею частію оставленныхъ безъ вниманія и съ виду маловажныхъ, но выгодныхъ условій подобнаго рода, имѣющихъ гораздо больше значенія, чѣмъ бы можно было предполагать. Говоря, что въ долинѣ р. Килѣ стужа сперла, или должна была спереть намъ дыханіе, я смотрю на это, какъ на приспособленіе, которое, можетъ быть, насъ и спасло. Тоже самое обстоятельство, вслѣдствіе котораго въ Сибири, при быстрой ѣздѣ зимою, необходимо останавливаться послѣ всякой мили проѣханнаго пути и прочищать лошадямъ ноздри, залегающія отъ замерзшаго дыхательнаго пара (иначе животныя задохнутся), тоже самое обстоятельство, говорю я, явно находилось въ связи съ нашею способностью сопротивляться стужѣ на Становомъ хребтѣ, не смотря на весьма продолжительные ежедневные переходы.

Цѣлые мѣсяцы сряду мы странствовали въ теченіи цѣлаго дня, отъ восхода солнечнаго до вечернихъ сумерекъ. Такъ мы поступали изо дня въ день, желая быстрѣе подвигаться впередъ, потому что сборъ и навьючиваніе оленей сопряжено съ такою большою тратою времени, что ее можно допустить не болѣе одного раза въ день. Не смотря на то, что, съ одной стороны, ртуть постоянно замерзала, а съ другой — тѣло рѣдко нагрѣвалось, т. е. что между отопленіями [обѣдомъ и ужиномъ] былъ долгій промежутокъ времени, тепло въ нашемъ тѣлѣ сохранялось довольно хорошо.

Не мало, должно быть, это зависѣло оттого, что самое значительное выдѣленіе тепла изъ нашего тѣла, чрезъ ротъ и носъ, наступавшее послѣ надлежащаго укутыванія поверхности тѣла, пріостанавливалось самимъ морозомъ, какъ только мы опять начинали нашъ ежедневный походъ, и доводилось до возможно меньшей величины. Дѣло въ томъ, что паръ отъ нашего дыханія въ видѣ инея садился все гуще и гуще на усы и бороду и наконецъ сливался въ одинъ общій комъ, закрывавшій ротъ до такой степени, что оставлялъ лишь узенькую отдушинку, въ которую, при самомъ сильномъ морозѣ, нельзя было даже просунуть мизинецъ и поперечникъ которой, чрезвычайно соотвѣтственно цѣли, соображался со степенью наружной стужи въ отношеніи къ противодѣйствующему ей теплу

жалуются, что солнце, припекая высушенную знойнымъ воздухомъ кожу, совершенно спялетъ обнаженные части тѣла и формально спялетъ кожу съ лица и съ рукъ. Какъ это похоже на то, что намъ самимъ приходилось испытывать отъ мороза.

тѣла. То отдушнина эта оттаивала и расширялась, то покрывалась осадками паровъ и суживалась. Наконецъ все дыханіе довольствовалось этою отдушиною, служившею естественнымъ регуляторомъ степени необходимѣйшаго притока воздуха къ выюшкамъ горнила, гдѣ развивается животное тепло. Невозможно было даже говорить. Когда, наконецъ, на вечернемъ привалѣ разгорался огонекъ, то прежде всего мы оборачивались лицомъ къ огню, чтобы раскрошить привѣшенный ко рту тяжелый замѣкъ и такимъ образомъ отдѣлаться отъ этого прекраснаго приспособленія.

При менѣе продолжительномъ дѣйствіи сильной стужи тепло сберегается тѣмъ, что закрываешь ротъ и дышешь только въ носъ. Если въ такомъ случаѣ, по привычкѣ, слишкомъ раскрываешь ротъ, а не ограничиваешься носовымъ проходомъ, то притокъ воздуха такъ начинаетъ щипать глотку, что невольно приходится откашляться и вытолкнуть избытокъ проглоченнаго воздуха, а это регулирующее приспособленіе вынуждаетъ васъ ограничиваться опять носовымъ проходомъ¹⁾.

При самыхъ крайнихъ градусахъ мороза это щипанье, можетъ быть, происходитъ отъ дѣйствія мельчайшихъ ледяныхъ кристалловъ, въ которые обращается дыхательный паръ. Эрманъ несправедливо отвергаетъ трещаніе дыханія при сильнѣйшемъ морозѣ²⁾. 14-го Ноября на Становомъ хребтѣ, между рѣками Бысой и Иккацью, я въ первый разъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «сегодня такъ холодно, что дыханіе издаетъ звукъ». Если бы мнѣ самому не удалось слышать это трещаніе, то я могъ бы сослаться на нѣсколько другихъ свидѣтельствъ³⁾.

Совершенно иначе, чѣмъ къ подвижному воздуху, который легко отнимаетъ у тѣла излишнее количество тепла, и тѣмъ подвергаетъ его опасности, относится животное тѣло къ тихому безвѣтренному морозу. Самые неслыханные градусы мороза въ Сибири почти не тяготятъ даже прѣзжаго путешественника, которому приходится испытывать ихъ въ первый разъ. На почтовомъ трактѣ въ Якутскѣ я весело шель по дорогѣ въ простомъ полушубкѣ, кажется цѣлый часъ, впереди догонявшихъ меня саней, и мнѣ казалось, что

¹⁾ Ганстель (*Reise-Erinnerungen aus Sibirien*, стр. 14), хотя и Скандинавецъ, по-видимому, страдалъ легкими, потому что уже при не очень сильномъ морозѣ нуждался въ импровизованномъ респираторѣ. Онъ пишетъ: при такой низкой температурѣ нельзя дышать иначе, какъ держа передъ лицомъ медвѣжьей мѣхъ и вдыхая такимъ образомъ воздухъ черезъ медвѣжьи волосы; но и въ такомъ случаѣ нужно беречь дыханіе, чтобы не портить легкихъ.

²⁾ *Archiv*, VIII, 1850, стр. 344.

³⁾ Геденштрэмъ (*Сиб. Вѣстн.* III, стр. 62) сообщаетъ, что звукъ этотъ похожъ на то, какъ будто мнутъ сѣно; кромѣ того, говоритъ онъ, это трещаніе начинается при 38° мороза. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется, не ошибается.

Но и свидѣтельства, относящаяся къ прошедшему столѣтію, уже давно не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ явленіи. Сарычевъ (*Путешествіе* I, 1802, стр. 67), въ Январѣ 1787 года, при 43° мороза, въ Верхне-Колымскѣ сообщалъ слѣдующее: выходящій изъ рта паръ немедленно превращается въ мельчайшія ледяныя частицы, которыя отъ тренія одной о другую, производятъ шумъ, похожій на легкое трещаніе. Зауеръ (*Voyage traduit par Castéra* I, 1802, p. 103) сообщаетъ тоже самое относительно той-же мѣстности уже въ Ноябрь предшествующаго года и сравниваетъ шумъ съ разрываніемъ толстой бумаги или ломаніемъ ивовыхъ прутьевъ.

Такихъ свидѣтельствъ можно бы было отыскать еще нѣсколько. Во всякомъ случаѣ самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію.

меня обдасть свѣжее зимнее утро родины. Каково же было мое удивленіе, когда спутникъ мой догналъ меня и сообщилъ мнѣ, что спиртовой термометръ показываетъ небывалую новостъ въ году, т. е. 38° морозу по Р. Въ самомъ дѣлѣ, ртуть наша, отрекшись отъ своей подвижной натуры, превратилась въ ковкій металлъ. Я и не подозрѣвалъ, что температура такъ понизилась, потому что воздухъ былъ совершенно спокоенъ. Даже на равнинѣ, въ случаѣ крайней стужи, тотчасъ чувствуешь холодъ при малѣйшемъ притокѣ воздуха. При безвѣтренномъ морозѣ, достигавшемъ 40° Р. и болѣе, я впоследствии, занимаясь выпавшею на мою долю колкою дровъ, каждый вечеръ снималъ съ себя полушубокъ, чтобы ускорить работу, довольствуясь рукавами рубашки. Не проходило, правда, 5 минутъ, какъ я опять надѣвалъ накинутый сверху волчій полушубокъ свой, по за тѣмъ, каждый разъ снова снималъ его, чтобы не вспотѣть. Часто, бывало, руки сначала окоченѣютъ до такой степени, что почти невозможно, кажется, держать топоръ, тѣмъ болѣе, что сотрясеніе при каждомъ ударѣ отдавалось чрезвычайно болѣзненно, но достаточно было напрячь всѣ силы и отнести претяжелый пень къ мѣсту привала, какъ уже наступала опасность подвергнуться испаринѣ.

Впрочемъ, при безвѣтренномъ морозѣ, доходящемъ до крайнихъ градусовъ стужи, опять является естественное, удерживающее тепло, приспособленіе, охранительный покровъ, заключающійся въ томъ, что дыханіе, какъ только оно прикасается къ воздуху, сплочивается въ густую туманную массу, благотѣльная защита которой мнѣ постоянно напоминала согрѣвательныя качества вуалей нашихъ дамъ. Это туманное облако, при безвѣтренномъ морозѣ, окружаетъ отдыхающее стадо оленей такъ плотно и въ тоже время такъ неподвижно, что издали только по такому облаку, разстилающемуся непосредственно надъ сибѣжною равниною, можно заключить о присутствіи стада. Если вы подойдете ближе, то даже тогда, когда вы уже сами охвачены таинственнымъ покровомъ, фигура каждаго животнаго еще не выдѣляется совершенно ясно. Не рѣдко минуешь уже передовыя форпосты стада, а все еще подвигаешься впередъ, чтобы отыскать самое стадо.

Позади бѣгущаго животнаго, даже позади пролетающей птицы, нерѣдко тянется легкая туманная полоска. Слюна, которую выплевываешь, замерзаетъ прежде, чѣмъ успѣетъ упасть на землю.

Мы уже замѣтили, что мѣрило сильнѣйшихъ градусовъ мороза не заключается въ насъ самихъ, какъ я прежде полагалъ: если атмосфера охладилась уже на нѣсколько градусовъ ниже точки замерзанія ртути, то дальнѣйшее пониженіе температуры возможно постигнуть только посредствомъ наблюденія за упомянутыми измѣненіями въ окружающихъ васъ предметахъ. Въ дневникѣ моего путешествія отмѣчено слѣдующее: «Пока природа находится подъ гнетомъ сильнѣйшей стужи, путешественника окружаетъ что-то таинственное или, такъ сказать, нелегкое. Предвѣстниками этого чувства являются безвѣтріе и морозный туманъ» (морокъ). Палатка наша въ то время была поставлена въ первобытномъ лѣсу Становаго хребта. Безмолвная тишина, прерываемая только трещаніемъ, описаннымъ въ отдѣлѣ «Климата», очевидно наводитъ какую-то нервичность.

Разрѣшеніе вопроса, есны ли для насъ самихъ эти крайніе градусы мороза, или почти невыносимы, скорѣе зависитъ отъ того состоянія, въ которомъ въ извѣстное время находится наше тѣло, отъ тѣхъ приспособленій, которыми оно окружено. При моихъ густыхъ волосахъ я никогда не надѣвалъ мѣховой шапки, а носилъ простую матросскую парусинную пордвестку, которую, конечно, каждый вечеръ приходилось освобождать отъ примерзшихъ къ ней волосъ. Ноги мои, покрытыя, правда, нѣгіотически чешуйчатою кожею, въ двойныхъ шерстяныхъ чулкахъ и длинныхъ, полумягкихъ рыбацкихъ, не мѣховыхъ, сапогахъ, были достаточно защищены отъ мороза, коль скоро я не забывалъ отъ времени до времени соскакивать со своего оленя. Нерѣдко я снова долженъ былъ садиться и даже высовывать руки въ прорѣхи рукавовъ, чтобы не подвергаться испарнигѣ. При достаточномъ движеніи, мы вскорѣ уже безъ чрезмѣрнаго затрудненія, даже въ самый сильный морозъ, могли подтягивать сѣдельную подпругу, смотрѣть на часы, распорядиться пейль-компасомъ, или также спускать нижнее платье. Только однажды, я чуть-было не пришелъ въ отчаяніе, когда разстройство желудка принуждало меня повторять послѣднее занятіе едва-ли не черезъ каждую четверть часа. И такъ, суть дѣла состоитъ не въ закаленной отъ стужи натурѣ: человѣкъ южныхъ широтъ очень хорошо перенесетъ самую крайнюю стужу, если только онъ воспользуется всѣми тѣми небольшими выгодными условіями, которыя онъ вскорѣ, при внимательномъ разсмотрѣніи окружающихъ его предметовъ, научится чтить очень высоко. Вотъ почему въ Лифляндіи можно встрѣтить людей, искалѣченныхъ морозомъ, тогда какъ въ самыхъ суровыхъ мѣстностяхъ Сибири мнѣ не случалось видѣть такихъ калѣкъ. Даже во всѣхъ Сибирскихъ экспедиціяхъ, предпринимавшихся для новыхъ открытій, я только разъ встрѣтилъ случай пораженія антоновымъ огнемъ пальца у солдата, находившагося въ отрядѣ Харитона Лантева.

При всемъ томъ и во внутреннихъ, развивающихся тепло, процессахъ человеческого тѣла должны происходить значительныя измѣненія: это Сибирскій путешественникъ явно видитъ на закаленномъ отъ стужи положеніи Сибирскихъ туземцевъ. Хотя и не въ одинаковой степени, но все-таки на подобіе того, какъ въ степяхъ внутренней Африки туземцы то считаютъ необходимымъ закутываться отъ солнечнаго припека до крайняго кончика носа, то предоставляютъ дѣйствию его совершенно нагія тѣла, такъ нерѣдко, какъ мы уже замѣтили, васъ поражаетъ чрезвычайная закаленость Сибирскихъ туземцевъ отъ стужи. Невозможность отвергнуть этотъ фактъ заставила меня въ моемъ путевоомъ допесеніи ¹⁾ сказать нѣсколько словъ о приспособленіи развитія тепла. Правда, что Гумбольдтъ въ южной Америкѣ, при $+ 20^{\circ} \text{P.}$, не могъ спать отъ холода. Въ противоположность этому я могу указать на слѣдующій фактъ: когда мой вѣрный спутникъ Вагановъ и я, проживъ 7 зимнихъ мѣсяцевъ въ палаткѣ, наконецъ, при постоянной суровой зимней стужѣ, добрались до перваго топленнаго жилья при началѣ рѣки Амура, въ Усть-Стрѣлкѣ, то мы не могли выносить въ немъ даже въ рубашкѣ. Томительное

¹⁾ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, IX, 1833. стр. 639.

чувство невыносимыхъ приливовъ крови заставило насъ разставить на дворѣ нашу любезную палатку. Въ ней — это было въ началѣ Января — мы спали, а въ жиломъ домѣ только занимались писаніемъ. Мало по малу мы привыкли оставаться въ послѣднемъ все дольше, не выходя наружу за свѣжимъ воздухомъ, и уже черезъ недѣлю могли убрать свою палатку.

Но упомянутому благополучному положенію моему, кажется, очень содѣйствовала значительная сухость воздуха на суровомъ континентальномъ горномъ хребтѣ; по крайней мѣрѣ въ дневникѣ моемъ прямо отмѣчено, что я уже больше не отмораживаю себѣ щекъ и носа, какъ въ Таймырскомъ краѣ, и что не страдаю болѣе ни отъ простуднаго разлива подъ надщечной кожей, ни отъ ознобообразной опухоли въ сочлененіяхъ пальцевъ. Въ Якутскѣ даже не слыхали о томъ, чтобы люди замерзали отъ холоду, хотя я встрѣчалъ инаго Якута, у котораго шея, да инаго Тунгуса, у котораго грудь при откинутомъ пагрудникѣ, обнажалась и была предоставлена дѣйствию мороза.

Взглянемъ теперь на животныхъ и прежде всего припомнимъ приспособленіе, заключающееся въ охранительномъ жирномъ слоѣ, которымъ они запасаются къ осени. Для зимней спячки этотъ слой жира по-видимому такъ необходимъ, что тощіе бурые и бѣлые медвѣди, да другія животныя — такъ называемые шатуны — не могутъ отправиться на покой¹⁾. Не обинуясь, я приписываю это тому, что они зябнутъ, когда ложатся спать. Изъ осѣдлыхъ животныхъ ни одно не встрѣчаетъ зимы безъ такого слоя жира. Норвежцевъ до того поразила толщина жироваго слоя на спицѣ сѣверныхъ оленей, убитыхъ въ прошлое лѣто на сѣверныхъ побережьяхъ Новой Земли, что они привезли къ себѣ домой образчики этого жира. Такой-же толщины жиръ бываетъ на животныхъ и въ Таймырскомъ краѣ. Чтò въ состояніи сдѣлать здоровый запасъ жиру, это мы видимъ на китахъ, тюленяхъ и на нашихъ, потѣющихъ лѣтомъ, собратяхъ-толстякахъ²⁾.

Несравненно сложнѣе слоя сала и жира приспособленіе мѣха. Въ этомъ отношеніи представляется еще совершенно открытое поле для изысканій. Нельзя не удивляться разнообразію устройства мѣха. Привыкнувъ при драгоценныхъ мѣхахъ Сибирскихъ животныхъ имѣть въ виду шелковисто-блестящіе верхніе волосы поверхъ густой пухообразной шерсти, въ Европѣ рѣдко знаютъ, что въ самой Сибири такіе мѣха почти вовсе не употребляются. Уже въ теченіи многихъ вѣковъ Средняя Азія и Европа скупаютъ ихъ за дорогія деньги. Эти драгоценные мѣха, правда, отличаются своею легкостью, роскошною гибкостью, мягкостью и прочностью; но одни только мелкіе хищники, какъ-то: лисица, песецъ и соболь, да животныя, составляющія добычу послѣднихъ, т. е. заяцъ и бѣлка, которымъ приходится на легкѣ убѣгать отъ своихъ преслѣдователей, находятъ въ такихъ мѣхахъ защиту отъ сильной стужи. Мѣха, въ которые кутается Сибирякъ,

¹⁾ По словамъ Ралле (стр. 85), *Canis procyonoides* также не ложится на покой, если не успѣлъ пожирѣть.

²⁾ Въ отношеніи защиты отъ стужи я считаю не мало важнымъ доказанный уже фактъ, что у животныхъ хо-

лодныхъ страпъ жиръ содержитъ меньше стеарины и больше эланиу, чѣмъ жиръ, добытый въ болѣе теплыхъ странахъ (Dingler, Polytechn. Journ. 1848, стр. 159).

имѣютъ толстую шкуру, тяжелы и покрыты грубыми волосами, но обладаютъ тѣмъ преимуществомъ передъ тонковолосыми, что несравненно лучше защищаютъ отъ бурь, слякоти и дождей. Медвѣжьи шкуры слишкомъ тяжелы, волчьи все еще слишкомъ дороги, а потому приходится довольствоваться шкурами сѣверныхъ оленей и козюль. Всѣ они одинаково теплы, но все-таки, можетъ быть, хорошій, южно-европейскій бараній тулупъ былъ бы даже еще лучше ихъ.

▼Разсмотримъ шкуру сѣвернаго оленя по-близке. На открытомъ воздухѣ она очевидно подвергается наибольшей пытки, потому что хищные звѣри и мелкія пушныя животныя укрываются отъ вьюги, сѣверному же оленю не рѣдко приходится вести съ нею открытую борьбу. При всемъ томъ мнѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы на плоской тундрѣ глубокаго сѣвера сѣверные олени гибли отъ вьюги на подобіе многихъ тысячъ стада, погибающихъ у южно-сибирскихъ кочевниковъ въ суровыя зимы. Самоѣды и собратья ихъ поступаютъ очень благоразумно, кутаясь въ шкуру сѣверныхъ оленей. Но шкура эта устроена совершенно иначе, чѣмъ шкура пушныхъ животныхъ: ее покрываютъ толстые волосы, которые болѣе чѣмъ въ десятеро толще волосъ пушныхъ животныхъ, лишены всякаго блеска, къ сожалѣнію очень ломки и въ такомъ незначительномъ количествѣ перемѣшаны съ пушистыми волосами, что послѣдніе служатъ лишь совершенно второстепеннымъ средствомъ для задержанія тепла. Упомянутая толщина и ломкость волосъ обуславливаютъ тутъ главнымъ образомъ способность шкуры удерживать тепло. Не смотря на свою толщину, волосы эти все-таки служатъ плохимъ проводникомъ тепла; ломки они потому, что, какъ показываетъ микроскопъ, плотно примыкающія другъ къ другу клѣточки входятъ въ самый составъ волосъ, такъ что стѣнки этихъ клѣточекъ съ виду образуютъ сѣтчатую поверхность. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный волосъ оказывается приборомъ, который составленъ изъ вмѣстелищъ воздуха и на шкурѣ сѣвернаго оленя замѣняетъ воздушные, изолирующіе собственное тепло, слои, залегающіе между безчисленными тонкими волосами пушныхъ животныхъ и между пухомъ птицъ.

Съ другой стороны волосъ сѣвернаго оленя, съ своимъ сильно утопчающимся къ низу или, лучше сказать, заостреннымъ корневымъ концемъ, такъ плотно сидитъ въ шкурѣ, что даже самый сильный, встрѣчный волосамъ, токъ воздуха въ состояніи сдѣлать въ нихъ не болѣе, какъ узенькое, клинообразное отверстие и поразить кожу едва-ли на большемъ пространствѣ, чѣмъ уколъ иглою. Устройству волосъ сѣв. оленя соответствуетъ, впрочемъ, устройство волосъ не только горныхъ животныхъ, каменнаго барана, аргали и мускусаго животнаго, но и породы оленей и антилопъ. И такъ, не смотря на упомянутыя приспособленія, въ устройствѣ шкуры все-таки преобладаетъ типичное однообразіе. Въдѣ даже у песца, который равнодушнѣе всѣхъ относится къ зимней стужѣ, волосы устроены точно также, какъ у лисицъ теплыхъ климатовъ. Всѣ видоизмѣненія можно свести на мнимонезначительныя различія въ тонкости, длинѣ и плотности расположенія остей и перети. Въ теченіи времени они получили правильную оцѣнку въ мѣховой торговлѣ, выражающуюся въ непомѣрныхъ съ виду разницѣхъ въ цѣнѣ пушныхъ товаровъ. Лягавый

пойнтеръ, котораго я возилъ съ собою, казался сѣвернымъ жителямъ такимъ безволосымъ существомъ, что мнѣ часто приходилось слышать выраженіе: «акій голый»¹⁾!

Въ этомъ отношеіи, какъ мы уже замѣтили, намъ необходимо еще произвести безконечное множество физическо-физиологическихъ наблюденій. Пока они не будутъ произведены, намъ нельзя будетъ понять, какимъ образомъ, при сильныхъ морозахъ, такія крошечныя существа, какъ корольки, синицы и крапивники, зимующіе подъ полярнымъ кругомъ, въ состояніи удерживать свое собственное тепло. Если даже мы воздадимъ должный почетъ удерживающимъ тепло качествамъ роскошнаго запаса перьевъ, то все-же пока еще нельзя понять, какимъ образомъ нѣжныя ножки этихъ крошечныхъ птицъ не коченѣютъ, не говорю уже о томъ, что не замерзаютъ. Будучи такъ тѣсно покрыты плотнымъ роговымъ слоемъ, что намъ кажутся почти голыми, эти чрезвычайно нѣжныя, раздѣленные на нѣсколько частей, продолженія тѣла заключаютъ въ себѣ жилы, въ большую часть которыхъ едва можно просунуть тонкую иглу. Эти единственныя струйки жизненнаго тепла расходятся въ сѣтки тончайшихъ волосяныхъ трубочекъ, какъ будто бы дѣло шло объ устройствѣ охладительнаго прибора. Правда, что чѣмъ меньше животное, тѣмъ быстрѣе кровь совершаетъ свое обращеніе къ подготавливающимъ тепло легкимъ; правда, что ножки, о которыхъ мы говоримъ, находятся въ непрерывномъ движеніи, а какъ скоро птичка захочетъ отдохнуть, такъ она присядаетъ и втягиваетъ ножки въ теплую взъерошенную пуховую шубу. Такимъ-же образомъ водныя птицы, зимующія въ южной Сибири въ нѣкоторыхъ, никогда не замерзающихъ, мѣстахъ (объ этомъ будетъ говорено ниже), прячутъ свои ноги по обѣ стороны тѣла подъ крыльями, колы скоро выходятъ изъ воды и располагаются на льду.

√ Всякому извѣстно, по собственному опыту, что сохранить собственное тепло гораздо труднѣе, когда тѣло покоится. Якуты уже давно успѣли подмѣтить, что если приходится ночевать при сильнѣйшемъ морозѣ подъ открытымъ небомъ или безъ особаго прикрытія, то необходимо затыкать не только ноздри, но и уши. Сдѣлавъ это, Якутъ ложится лицомъ въ снѣгъ, прикрывается собственной спицею и безъ дальнѣйшаго вреда впадаетъ въ глубокій сонъ утомленнаго.

Не перенялъ-ли онъ это у животнаго? Легко можетъ быть. У волка, въ особенности у Альпійскаго волка, у лисицы, песца, собаки, барса-ирбиса, манульскаго кошки, соболя, Сибирскаго хорька, горноста, бѣлки и т. д. длинный хвостъ, на которомъ волосы длиннѣе, чѣмъ на туловищѣ. Онъ не служитъ имъ ни рулемъ, ни опорой, ни ухватомъ, ни закрутомъ, ни махалкой противъ насѣкомыхъ. При всемъ томъ это не бесполезный

¹⁾ Длина зимняго волоса на тѣхъ сибирскихъ животныхъ рѣдко превосходитъ 45 миллиметровъ. Только на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла онъ достигаетъ большей длины, хотя нельзя отыскать связи съ цѣлью лучшей защиты отъ стужи. Такъ напр. мѣхъ на подгрудкѣ сѣв. оленя бываетъ въ 200 и даже въ 250 миллиметровъ длины. Такой-же длины достигаютъ волосы позади локтя

благаго медвѣдя. Брюшные волосы барса-ирбиса длиною въ 100 миллиметровъ; хвостовые волосы въ 64 милл.

У Сибирскаго тигра волосы длиннѣе, чѣмъ у Бенгальскаго въ нашихъ зѣбрицахъ; при всемъ томъ на зимней шкурѣ они не длиннѣе 25 милл., а на хвосту въ 35, на брюхѣ въ 100 миллиметровъ.

значекъ, не пустое украшеніе, пушныхъ животныхъ холодныхъ страшъ. Пушистый хвостъ, которымъ разновидность манджурскаго тигра главнымъ образомъ отличается отъ бенгальскаго, имѣеть своего рода значеніе. По моему мнѣнію, на этотъ хвостъ нужно положительно смотрѣть, какъ на кусокъ мѣха, родъ муфты, которою эти животныя прикрываютъ себѣ лице и голову, когда они ложатся спать и свертываются въ клубокъ, чтобы какъ можно плотнѣе удержать собственное тепло. Птица достигаетъ того-же самого, пряча голову подъ крылья и какъ бы высиживая свои собственныя ноги. Для путешественника по полярнымъ странамъ такое толкованіе очень понятно. Какъ бы ужасна ни была стужа: за исключеніемъ легкаго озноба вы на открытомъ воздухѣ можете превосходно укрыться, если только для почлега можете возить съ собою хорошиі спальный мѣшокъ, т. е. родъ мѣховаго футляра, въ который вы зализаете по самую голову и, въ случаѣ нужды, прячете также и ее, чтобы пользоваться подогрѣтымъ воздухомъ вашей собственной атмосферы¹⁾. Полярному путешественнику, само собою разумѣется, необходимо при этомъ, не смотря на замерзшую ртуть, или совѣмъ раздѣться или снять большую часть одежды, чтобы на снѣгѣ дать испариться влажности, перешедшей изъ тѣла въ платье. Отъ стужи защищаетъ только сухой мѣхъ.

Мнѣ могутъ замѣтить, что у бѣлага и бураго медвѣдей, у полярнаго зайца, лемминга и сурка, встрѣчающагося еще у Нижнеколымска, только обрубки хвоста. Такъ, но вѣдь всѣ эти животныя, у которыхъ не хвостъ, а хвостикъ, укрываются въ пещерахъ. Да и тамъ зимнесящія животныя, подобно медвѣдямъ [своими ступнеобразно раздвинутыми лапами], прикрываютъ прижатую къ груди морду свою. Бѣлые медвѣди, полярныя зайцы и лемминги довольствуются снѣжными норами. Что имъ тамъ тепло, это доказываютъ намъ песцы, которые зимою выходятъ изъ своихъ замковъ, чтобы вездѣ, когда и гдѣ угодно, теплѣе устроиться въ мягкомъ снѣгу. Тоже самое доказываютъ намъ Эскимосы и Чукчи, устраивающіе себѣ изъ снѣга сводообразныя пироты, въ которыхъ температура воздуха, при свѣтѣ маленькаго жироваго свѣтильника, ~~какъ мы знаемъ, что обитатели ихъ лежатъ голыми въ сходящихся къ центру нишахъ общей пещеры.~~ Тамъ они согрѣваются до такой степени, что, подобно посѣтителемъ сѣверныхъ паровыхъ бань, на короткое время смѣло выходятъ нагими вонъ, на зимнюю стужу. Рыхлый снѣгъ принадлежитъ къ самымъ дурнымъ проводникамъ тепла; жировой свѣтильникъ, окруженный снѣжнымъ сводомъ, становится согрѣвательнымъ каминомъ. Лишь въ по-

1) Что по-видимому цевинныя перемѣны могутъ получить величайшее значеніе, это я самъ испыталъ на дѣлѣ; сообщаю этотъ случай въ видѣ предостереженія. Намъ удалось застрѣлить мускусную кабаргу, и затѣмъ мы проходили цѣлый день. Вечеромъ оказалось, что кабарга насвозь промерзла. Я дорожилъ шкурой и железой его, и потому, не успѣвъ оттаять ее за вечернимъ огнемъ, засушилъ ее, раздѣвшись, въ свой спальный мѣшокъ. На слѣдующее утро весь мой бокъ былъ неподвиженъ и холоденъ. Замерзшее чучело одержало верхъ

надъ моимъ собственнымъ тепломъ. Ревматизмы свои, которые нѣсколько дѣтъ заставляли меня обращаться къ разнымъ минеральнымъ водамъ, я главнымъ образомъ долженъ приписать своему коварному однопостельнику.

Кстати замѣчу тутъ также, что въ Анаурской бухтѣ на Большомъ Шантарскомъ островѣ, мы послѣ обѣда легли спать въ травѣ, на морскомъ берегу, и проснулись съ распухшими лицами. Въ то время я принялъ это за ревматическую простуду. Теперь я вижу, что съ Козьминимъ случилось тоже самое, въ томъ-же мѣстѣ.

вѣйшее время наша техника дошла до того, что стала пользоваться дурною теплопроводностью стружекъ, мха и т. д., чтобы въ подобномъ-же родѣ отстранять напр. наружное тепло и, слѣдуя американской методѣ, удобно сохранять лѣтомъ запасы льду и развозить ихъ въ тропическія страны, или на оборотъ, нѣсколько часовъ сряду сохранять пищу въ горячемъ видѣ въ такъ называемыхъ Норвежскихъ ящикахъ, и пожалуй, безъ дальнѣйшаго употребленія огня, окончательно доваривать ее и т. п. Все это было слишкомъ просто, и потому до половины 19-го столѣтія не примѣнялось къ дѣлу, хотя природа, на каждомъ шагу указываетъ намъ, какими уловками пользоваться можно.

Полярный заяцъ или ждеть, пока его замететъ снѣгъ, или прокапываетъ себѣ въ снѣгу ходъ въ сажень длины (подобіе того, но, въ видѣ исключенія, можно видѣть уже въ Лифляндіи), напоминая этимъ столь близко сроднаго ему кролика, прокапывающаго себѣ норы. Леммингъ, равно какъ прочія мыши и землеройки, даже устраиваютъ подъ снѣгомъ свое хозяйство. Какъ нашъ кротъ подъ землею, такъ они въ снѣгу роютъ себѣ длинныя ходы и при этомъ иногда умудряются прокопаться до самой поверхности снѣга. Они погибаютъ, когда сбиваются съ пути на столько, что не могутъ отыскать отверстіе, ведущее въ аллеи ихъ подснѣжныхъ волшебныхъ садовъ. Сначала они такъ живо прыгаютъ по снѣжной поверхности, что ихъ трудно поймать, но вскорѣ они устаютъ и замерзаютъ, когда стужа велика и снѣгъ покрытъ ледяной корою. Немало такихъ заблудившихся мышей я укрывъ въ никогда не замерзающемъ пріютѣ моей спиртовой стклянки.

И такъ, подъ охраняющимъ снѣжнымъ покровомъ звѣрки эти гораздо меньше подвержены стужѣ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, судя по мѣстному климату. Подобно рыбамъ, которыя на глубокомъ сѣверѣ, въ продолженіе всей зимы, также возятся на днѣ рѣкъ, озеръ и морей, упомянутые звѣрки спускаются въ охранительныя бездны снѣговаго покрова¹⁾.

¹⁾ Если Мартенъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ наблюденіяхъ надъ снѣговою мышью (*Agv. pivalis*), обитательницею ближайшей къ снѣговому предѣлу полосы (отъ 7000' даже до 12,800' надъ уровнемъ моря), говорить (*Annales des sc. natur. 1847, VIII, стр. 193*), что она на зиму ни засыпаетъ, ни дѣлаетъ запасовъ, то мы находимъ, что въ этомъ отношеніи снѣговая мышь вполне соответствуетъ леммингу, замѣщающему ее на глубокомъ сѣверѣ.

Но я никакъ не могу согласиться съ Мартеномъ, что ни снѣговая мышь, ни леммингъ не въ состояніи выносить пониженія окружающей ихъ температуры ниже точки замерзанія. Согласиться съ этимъ можно бы было только въ такомъ случаѣ, если бы рѣчь шла о спокойномъ пребываніи въ норѣ. Животныя, взятая Мартеномъ для производства опыговъ, вѣроятно околѣли по какой-нибудь другой причинѣ.

Въ Таймырскомъ краѣ я встрѣтилъ необозримыя поля слѣдовъ, доказывавшія, что, не смотря на морозъ,

большое стадо лемминговъ отправилось къ югу. Считаю лучшимъ напомнить, что Россъ (*Appendix to the second Voyage, 1835, Natur. Hist., стр. XIV*) держалъ лемминга, который 18 дней жилъ на открытомъ воздухѣ при постоянной стужѣ въ 28° R. и болѣе. Парри (*Third Voyage, 1828, Append. p. 93*) также видѣлъ среди зимы слѣды лемминговъ.

Увѣреніе Мартена, что снѣговая мышь, которая по Рютимейеру (*Ueber die Herkunft unserer Thierwelt, стр. 44*) распространена по большей части Альпійской цѣпи, водится на снѣговой границѣ, потому что она болѣе страдаетъ отъ стужи, увѣреніе это не только похоже на парадоксъ, но и въ самомъ дѣлѣ парадоксъ. Впрочемъ наблюденія, производившіяся Мартеномъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ на Фаульгорнѣ надъ температурою земной поверхности, какъ разъ происходили въ такое время года, когда температура ближе къ высшему, чѣмъ къ низшему своему предѣлу.

Несравненно труднѣе, чѣмъ упомянутой братьѣ большихъ и малыхъ снѣжныхъ троглодитовъ, теплый домъ которыхъ можетъ быть немедленно импровизованъ на любомъ мѣстѣ среди суровой зимы, гораздо труднѣе, говорю я, справляться немногочисленнымъ копателямъ земляныхъ пещеръ, живущимъ на сѣверѣ. Прежде всего мы выравѣ предпочли съ величайшею достовѣрностью, что для млекопитающихъ животныхъ, зарывающихся въ землѣ, недоступна вся область ледяной почвы, пѣдра которой никогда не оттаиваютъ. Кому когда-либо приводилось возиться со вскапываніемъ промерзшей насквозь почвы, тотъ ни на одну минуту не задумается объявить, что пока почва мерзла, она не можетъ быть доступна для когтей землероющихъ животныхъ. Такимъ образомъ норы ихъ должны бы были проникать въ ледяную почву не глубже, чѣмъ лѣтніе солнечные лучи въ состояніи растопить поверхность ея. Мои изслѣдованія показали, что въ ледяной почвѣ Сибири, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, это дѣйствіе съ трудомъ простирается на 2 сажени отвѣсной глубины, а въ Нижнеколымскѣ едва-ли болѣе, чѣмъ на 1 сажень; обыкновенно же фута на два или на три, или еще меньше.

При всемъ томъ мы находимъ, что пещеръ устраиваетъ свои норы на самомъ крайнемъ сѣверѣ, что водяная крыса заходитъ далеко въ область ледяной почвы: мы встрѣчаемъ даже сурка у Нижнеколымска, суслика у Якутска; даже птицы, какъ напр. морской попугай, урѣи и стрижи, роютъ себѣ земляныя норы въ области ледяной почвы.

Если уже это обстоятельство довольно поразительно, то еще болѣе насъ поражаетъ сопоставленіе, которое мы встрѣчаемъ въ повѣстныхъ сочиненіяхъ. Въ нихъ увѣряютъ, что Европейскій сурокъ закапывается въ глубь на 6', а Сибирскій сурокъ на 20'¹⁾. По всей вѣроятности неправильно понять одинъ изъ подлинныхъ отчетовъ: должно быть отчетъ Палласа, а можетъ быть и мой собственный²⁾. Уже 20 лѣтъ тому назадъ я предполагалъ, что у Палласа никакъ не могло быть рѣчи о 20' глубины подъ поверхностью земли. Общепринятое мнѣніе, что европейскіе сурки, для избѣжанія мороза, прокапываются на такую глубину, которая внутреннею теплотою земли равномерно согрѣвается выше точки замерзанія, не можетъ имѣть никакого значенія для сурковъ сѣверо-восточной Сибири, потому что, по моимъ наблюденіямъ, такого слоя температуры тамъ можно достигнуть лишь на нѣсколько сотъ футовъ ниже промерзшей насквозь почвы.

На возбужденные мною по этому предмету вопросы³⁾, уже два года спустя Радде

¹⁾ См. соч. Шмарды (Die geog. Verbreitung der Thiere I, стр. 100) и Бергманна (Ueber die Wärmeökonomie der Thiere, 1848, р. 40). Это свѣдѣніе заимствовано у Прюнея и получило всеобщее распространеніе, благодаря превосходному труду Баркова о зимней спячкѣ животныхъ.

²⁾ Палласъ (Neue Nord. Beiträge, I, стр. 136) говорить, что въ Дауріи Мессершмидтъ встрѣтилъ пору тарбагана «глубиною болѣе 3 сажени».

Самъ я сообщилъ (см. Ч. I, стр. 116), что при устройствѣ Амгинской шахты, на глубинѣ около 20' открыты были кости Эверсманова суслика. Но противъ вывода

вышесприведеннаго рода я долженъ положительно протестовать. Но стѣнкамъ упомянутой шахты слои были наклонны и надъ костями, на глубинѣ 8', найденъ слой чистѣйшаго льда (толщиною въ 3' — 12'), чрезъ который суслики уже никакъ не прокопаются. Следовательно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ намывною почвою повѣстнаго времени. Подобнымъ-же образомъ при копаніи Мангановой шахты, на глубинѣ 15' — 20', нашли на слое ясно замѣтнаго дерна (см. тамъ-же, стр. 113).

³⁾ Mélanges biologiques de l'Acad. de St. Pétersbourg T. II, 1854, Oct. 20.

не преминулъ обратить вниманіе ¹⁾. Въ южной Сибири онъ нашелъ нору сурка (по всей вѣроятности въ ледяной почвѣ), на глубинѣ 9 футовъ ниже поверхности земли, съ 21 футовою длиною ходовъ, которые впрочемъ иногда бываютъ, говорятъ, длиннѣе 40 футовъ. На югѣ Европейской Россіи суслики, нерѣдко устрояютъ свои ходы только на 3 или на 4 фута въ глубину, въ болѣе или менѣе отвѣсномъ направленіи, а потомъ футовъ на 4 или на 5, почти параллельно земной поверхности ²⁾. Слѣдовательно, сообразно различію въ величинѣ тѣла, они довольствуются втрое меньшею глубиною и длиною своихъ норъ.

Если примѣрно взять окрестности Якутска или Нижнеколымска, то тамъ на глубинѣ 10 футовъ ниже поверхности земли, къ которымъ еще нужно прибавить нѣсколько футовъ снѣжнаго покрова, животное покоится въ такихъ слояхъ земли, температура которыхъ колеблется между -5° до -10° Р., слѣдовательно при несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Впрочемъ, мы вправѣ предположить, что и тамъ животное, на своемъ снѣжикѣ, отбываетъ зимнюю спячку все-таки еще при такой атмосферѣ, температура которой стоитъ выше точки замерзанія. При той необыкновенной тщательности, съ какою оно задѣлываетъ входъ къ своей норѣ посредствомъ все болѣе удлиняющейся къ веснѣ затычки (Радде попалъ на затычку въ слишкомъ 2 саж. длиною), животное положительно ставитъ себя въ условія, подобныя тѣмъ, которыя я привелъ выше, говоря о шамашахъ Эскимосовъ и Чукчей. Тунгусы справедливо замѣчали Радде, что въ такомъ зимнемъ логовищѣ больше тепла, чѣмъ у нихъ въ юртѣ. Въ послѣдней преобладаютъ другія условія, которыя можно сравнить примѣрно съ теплотою употребительныхъ въ Восточной Пруссіи перинъ, когда ротъ спящаго вдыхаетъ въ себя охладѣвшій до 10 градусовъ мороза воздухъ спальни.

Въ южной Сибири, почти на самомъ днѣ норы, Радде нашелъ $+2\frac{3}{4}^{\circ}$ Р. Это такая температура, на которую вѣроятно уже вліяла наружная стужа. Мы знаемъ, что въ Европѣ сурки отбываютъ зимнюю спячку свою въ норѣ при $3\frac{3}{4}$ до 5° Р. Почти при такой-же температурѣ они впадаютъ въ спячку. Впрочемъ это зависитъ, какъ извѣстно, еще отъ другихъ, весьма существенныхъ условій, такъ что бывали случаи, когда они отправлялись на покой уже при 12° Р. По-видимому это повторяется и въ Сибири. Убѣдительно предлагаю произвести тамъ точныя изслѣдованія и опыты по этой части. Вѣдь остается же для насъ еще доселѣ загадкой, какимъ образомъ животныя опять выбираютъ изъ своихъ плотно заткнутыхъ логовищъ. Трудно повѣрить, чтобы затычка, замерзающая въ одну плотную массу, весною уже могла опять растаять. Окружающая ее почва также не оттаиваетъ. Слѣдовательно, какъ поступаютъ животныя? Въ степяхъ Европейской

¹⁾ Bullet. phys.-math. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Petersb. T. XV, № 20, и его Reisen im Süden von Nordsibirien, 1862, I, стр. 161.

²⁾ Срав. рисунокъ Кипріанова, въ удостойномъ преміи сочиненіи Черняева: Описаніе сусликовъ, 1857,

стр. 17. Нельзя не пожелать, чтобы случаи изслѣдовать предметъ на свѣжихъ разрѣзахъ земли, представляющіеся чрезвычайно часто при производствѣ желѣзнодорожныхъ работъ, вскорѣ доставили намъ болѣе обширныя свѣдѣнія.

Россіи, гдѣ почва глубоко не замерзаетъ, суслики изъ зимней норы своей прокапываютъ совершенно новый ходъ, чрезъ который и выходятъ изъ нея.

Что касается до тщательнаго затыканія входной трубы¹⁾, то я считаю нужнымъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. По-видимому входъ къ глухому концу сурковой и сусликовой норы, съ самаго низу обыкновенно хотя слегка, но нерѣдко также довольно сильно, приподнимается кверху²⁾. Это устройство, можетъ быть, предохраняетъ нору отъ промоканія, но въ тоже время положительно служить къ удержанію внутренняго, согрѣтаго животными, воздуха, который внизу задерживается холоднымъ, слѣдовательно и болѣе тяжелымъ воздухомъ трубы. Это напоминаетъ принципъ, вслѣдствіе котораго теперь такъ стали входить въ употребленіе герметическія печныя дверцы при колѣнчатой, изогнутой вверхъ и внизъ дымовой трубѣ. Принимая во вниманіе такую тщательную задѣлку входа, невольно приходится задать себѣ вопросъ: не дѣйствуетъ ли усыпительно развивающійся углеродъ и не усиливаетъ ли онъ летаргическій сонъ? Входныя галлерейки норъ устроены такъ, что заднею стороною обращены къ господствующимъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, а переднею — къ юго-западу.

Наконецъ нельзя оставить безъ вниманія еще и то обстоятельство, что сурки и суслики обыкновенно цѣлыми компаніями отправляются на покой. Сколько тепла удерживается такимъ образомъ, это доказываютъ намъ пчелы.

Зимнеспящія животныя, какъ извѣстно, пробуждаются при весеннемъ повышеніи температуры, обыкновенно въ одно время съ появленіемъ травы или пробужденіемъ насекомыхъ: ихъ пищи. Изъ перелетныхъ птицъ раннія гости давно уже успѣли прибыть, прежде чѣмъ зимнеспящія животныя выползаютъ изъ своихъ норъ. Притомъ возвращающееся лѣтнее тепло не сразу успѣетъ проникнуть въ тѣ погребя.

Но такому толкованію противорѣчатъ температурныя условія въ ледяной почвѣ Сибири. Обращаясь къ моимъ наблюденіямъ надъ температурою земли³⁾, мы видимъ, что у Якутска, на той глубинѣ, на которой спятъ сурки и суслики, самая низкая температура этихъ слоевъ земли (примѣрно до -11° Р.) настаетъ лишь въ теченіе Апрѣля или Мая (нов. ст.), т. е. около времени ихъ пробужденія, тогда какъ около Декабря и Января въ этихъ слояхъ бываетъ наибольшее тепло. Слѣдовательно, осенью сурки и суслики уходящіе въ норки, когда средняя температура воздуха начинаетъ спускаться ниже точки замерзанія, прячутся въ своихъ логовищахъ, коль скоро въ окружающихъ слояхъ земли бываетъ около 7° холода. Потомъ въ нихъ опять становится теплѣе, а въ Январѣ снова настаютъ 7° холода, и за тѣмъ уже стужа значительно усиливается. Какъ разъ въ то время,

¹⁾ Разные виды улитокъ на зиму задѣлываютъ входъ къ своей раковинѣ посредствомъ крышки, а весною уходятъ еще дальше внутрь, за другую, болѣе тонкую покрывку. Не находится ли это обстоятельство въ связи съ тою выгодой, которую представляетъ заключающійся между обѣими крышками слой воздуха, дурно пропускающій тепло?

²⁾ Срав. Кипріянова у Черняева въ указ. мѣстѣ. Около Екатеринослава глухая галлерейка зимней норы открытыхъ сусликовъ поднималась до 2 футовъ подъ поверхность (Egman, Archiv, XII, 1835, стр. 279).

³⁾ См. нѣмецкое изданіе этого сочин. ч. I, 1, стр. 134 и слѣд.

когда въ означенныхъ слояхъ земли холодъ достигаетъ высшей точки, или по крайней мѣрѣ недалеко отъ нея, сурки и суслики вылѣзаютъ на воздухъ, средняя температура котораго потомъ быстро начинаетъ подыматься выше точки замерзанія. Уже 20 лѣтъ тому назадъ я писалъ: «Ряди парадокса можно бы было увѣрять, что зимнеспящихъ пробуждаетъ не теплота, а напротивъ того, стужа». Въ настоящее время — я даже не считаю это болѣе парадоксомъ¹⁾, такъ какъ теперь полагаютъ, что упомянутыя животныя пробуждаются вслѣдствіе измѣненій температуры; притомъ какъ разъ къ веснѣ они теряютъ хорошую подкладку своей шубы, т. е. толстый слой жиру. Хотя южно-сибирскіе сурки въ Мартѣ и вылѣзаютъ изъ норъ, какъ говорятъ, еще очень жирными, но все-таки, не смотря на уменьшенное дыханіе, значительная доля жироваго запаса, должно быть, уже израсходована.

14-го Апрѣля нов. ст. я застаю сусликовъ у Якутска еще въ зимней спячкѣ, но они уже легко просыпались. Можно предположить, что тамъ они выходятъ изъ норъ въ началѣ Мая, слѣдовательно мѣсяцомъ позже, чѣмъ въ степяхъ Европейской Россіи, правда подъ гораздо болѣе южными широтами²⁾.

Въ это время, какъ мы замѣтили, температура воздуха находится около точки замерзанія, а при превосходной укупоркѣ норы нельзя и думать о томъ, что тепло быстро можетъ проникнуть въ глубину земли. Про Европу мы знаемъ, что въ ней зимнеспящія животныя могутъ бодрствовать вслѣдствіе сильной стужи и могутъ пробуждаться, чувствуя ознобъ; подобнымъ-же образомъ ихъ можно будить посредствомъ теплоты, голода,

1) Тѣмъ болѣе, что уже Марсильи на опытѣ убѣдился, что сурки пробуждаются при очень холодномъ воздухѣ, а по словамъ Валентина зимняя спячка не продолжается, если температура окружающихъ слоевъ ниже точки замерзанія (Moleschott, Untersuchungen zur Naturlehre etc. 136, p. 208).

2) Считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько собранныхъ постепенно свѣдѣній о времени, когда суслики пробуждаются или отправляются на зимній покой. Время вездѣ показано поновому стилю.

70° с. ш. Сѣв. Америка; съ 24-го до 29-го Мая (кажется *Sperm. Richardsonii*, Raе, *Expedit. to the shores*, 1830, стр. 138).

55° с. ш. Приволжье (Уфа) 18-го Апрѣля (*Pallas, Südl. Statthaltersch.* I, стр. 70).

53¹/₂° с. ш. Приволжье (Самара), до половины Апрѣля (1768; *Pallas, Reise I*, стр. 148).

52° с. ш. Около Курска, въ началѣ Апрѣля (1831 г. Кипріяновъ въ указ. мѣсѣ).

50° с. ш. Около Харькова, въ половинѣ Марта (1830 г., Черная, О фаунѣ Харьк. губ. стр. 16). Тамъ сказано: Къ концу Февраля бобакъ покидаетъ свои норы, а вскорѣ послѣ того также сусликъ и хомякъ).

49° с. ш. Около Царицына { 5 Марта (1774; *Georgi, Reise*, стр. 806).
18 Апрѣля (1830; Баумъ въ *Журн. Мин. Госуд. Им.* 1831, XXXIX, стр. 33).

49° с. ш. Въ Галиціи, въ началѣ Мая 1830 г.

46¹/₂° с. ш. Около Одессы въ Мартѣ (*Nordmann, вѣ Annuaire météorologique par Kupffer*, 1849, стр. 79 и пр. А именно 1842 г., 23 Марта; 1844 года, 5 Марта; 1845 года, 10 Марта; 1846 года, 7 Марта).

46¹/₂° с. ш. Около Одессы, къ концу Февраля (1833; необыкновенно рано. *Nordmann, Demi-dof voyage*).

67¹/₂° с. ш. Въ Сѣв. Америкѣ, въ концѣ Августа (1846, 1847 г. Raе, loc. cit. 52, 175).

52° с. ш. Около Курска, 19 Ноября (Кипріяновъ, loc. cit. 1848, со словъ Тарачкова, стр. 3).

49° с. ш. На Дону, 19 Октября (1769 г., *Güldenstädt, Reise*, p. 102; тушканчикъ, ежъ и черепаха уже въ зимней спячкѣ).

49° с. ш. Въ Галиціи, въ началѣ Сентября (*Archiv f. Naturgesch.* 1866, стр. 93, осень 1830 года).

48¹/₃° с. ш. У Екатеринпослава, въ началѣ Ноября (*Erstman, Archiv*, XII, стр. 278).

шума, и т. п., причемъ пробужденіе сопровождается болѣе глубокимъ дыханіемъ и быстрымъ повышеніемъ собственнаго тепла. Но такъ какъ намъ также извѣстно, что сурокъ въ тепломъ комнатномъ воздухѣ впадаетъ въ зимній сонъ въ тоже самое время, когда ему подвергаются собратья его на открытомъ воздухѣ, то все-таки и въ этой области мы встрѣчаемъ еще недостаточно изслѣдованную побудительную силу, которая еще въ высшей степени проявляется въ вопросахъ, касающихся кочеванія животныхъ. Въ этомъ случаѣ очень много значитъ устройство организма извѣстной породы животныхъ; такъ напр. сурки чуть-ли не вездѣ пробуждаются раньше другихъ зимнеспящихъ животныхъ въ одной и той-же мѣстности, хотя лучше ихъ укупориваются и жирнѣе ихъ въ своихъ зимнихъ логовищахъ.

Во всякомъ случаѣ, одно изъ условій зимней спячки по-видимому составляетъ такая температура зимней норы, которая держится выше точки замерзанія ¹⁾. Притомъ вѣдъ зимнеспящія уже отправляются на покой при сравнительно тепломъ воздухѣ ($+4^{\circ}$ до 6°).

Хотя, такимъ образомъ, зимнеспящія составляютъ принадлежность не крайняго сѣвера, а болѣе умѣренныхъ широтъ, но все-таки отличительною особенностью крайняго сѣвера является зимняя дремота, сберегающая питаніе. Дѣло не доходитъ до полного летаргическаго сна, въ которомъ животное, будучи ущиплено, уколото или обожжено, хотя и подвергается движеніямъ рефлекса, но все-же не доходитъ до полного сознанія. Угрожающая жизни опасность въ состояніи испугнуть зимнедремлющихъ. Впрочемъ настоящія зимнеспящія, прежде нежели впадаютъ въ летаргическій сонъ, по-видимому нѣсколько недѣль сряду находятся только въ зимней дремотѣ. Последняя имѣетъ нѣсколько степеней. Такъ напр. въ западной Европѣ согласны на счетъ того, что бурый медвѣдь не подверженъ настоящей зимней спячкѣ. Въ насъ, прибрежныхъ жителей Финскаго залива, этотъ вопросъ также могъ бы возбудить мало сомнѣній. Но какъ скоро рѣчь заходитъ о самомъ ядрѣ стужи, тамъ гдѣ въ сѣверной Сибири медвѣдь проводитъ во снѣ даже болѣе половины года, тамъ гораздо труднѣе становится различать эти подраздѣленія. Чѣмъ ближе медвѣдь находится къ полярному предѣлу своего распространенія на континентальномъ востокѣ, тѣмъ болѣе и тѣмъ глубже онъ спитъ ²⁾. Можетъ быть, положеніе его сходно съ положеніемъ барсука, простирающагося не такъ далеко къ сѣверу, какъ медвѣдь: въ южной Германіи можно видѣть барсука еще въ умѣренную зимнюю погоду, тогда какъ въ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи были бы чрезвычайно интересны подробныя извѣстія о способѣ зимованія самыхъ сѣверныхъ летучихъ мышей, которые по этой части, кажется, составляютъ исключеніе, такъ какъ не прячутся въ норахъ. На Колымы онѣ также простираются до полярнаго круга и вѣроятно вмѣстѣ съ тѣми видами, которые встрѣчаются въ Европѣ. Въ Сибири они, кажется, пробуждаются позднѣе другихъ зимнеспящихъ животныхъ. Въ Дауріи (Чикой, 50° с. ш.) онѣ проснулись 24-го Мая нов. ст. (Sievers, Briefe, стр. 43), а въ Европ. Россіи подъ $54\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. уже въ началѣ Апрѣля. Шренкъ

(Reisen und Forschungen, I, стр. 109) видѣлъ, какъ онѣ летали еще 12 Октября нов. ст. при движеніи льда на Аргуни, примѣрно подъ 53° с. ш. — Не улетаютъ ли всѣ летучія мыши на зиму изъ сѣв. Сибири?

²⁾ Замѣчательно, что накопленный запасъ жира и питательнаго вещества не только достаточенъ для прокормленія животнаго въ теченіи большей половины года, но и къ вскармленію родившихся между тѣмъ дѣтенышей. Даже притупившіеся когти отрастаютъ до такой степени, что медвѣди, добытые весной, считаются особенными украшеніями.

прибрежныхъ странахъ Финскаго залива онъ уже становится настоящимъ зимнеспящимъ животнымъ.

Во всякомъ случаѣ ошибочно приписывать бѣлому медвѣдю, въ противоположность бурому, зимнюю спячку ¹⁾. Между бѣлыми медвѣдями, даже на глубокомъ сѣверѣ, какъ разъ и встрѣчаются тощіе медвѣди, и яловыя медвѣдицы, бродящія цѣлую зиму, да притомъ такъ явно и такъ часто, какъ съ бурымъ медвѣдемъ этого никогда не бываетъ.

Интересный вопросъ, въ состояніи ли маленькія тѣла лемминговъ производить достаточное количество тепла для перенесенія зимняго сна, пока еще остается открытымъ. Считаю нужнымъ обратить на это вниманіе. Обыкновенная прожорливость лемминговъ, сопряженная съ неутомимою подвижностью, даетъ имъ возможность производить много тепла, да и собственное ихъ тепло, какъ извѣстно, нѣсколькими градусами выше собственного тепла человѣка. Но не наступаетъ ли къ срединѣ зимы періодъ отдыха? Въ ледяномъ ущельѣ Быррангскаго хребта, среди лѣта, найдены мною *L. torquatus* въ состояніи, очень похожемъ на пробужденіе отъ летаргическаго сна. Позднюю осень они расплывались отъ жиру. Бѣлки [еще въ меньшей степени, т. е. около двухъ недѣль], а среди самой зимы и соболи предаются зимней дремотѣ. Но первыя тепло пристроены въ своемъ шарообразномъ гнѣздѣ, послѣднія въ дуплахъ.

Натаскиванія запасовъ на зиму я за леммингами не замѣтилъ, хотя пресловутые собиратели зимней пищи, которыхъ презрительно эксплуатируютъ даже кочевники [напр. *Arg. oesonomus*, *Arg. socialis*, *Arg. Brandtii*, *Arg. gregalis*, *Arg. amphibia* ²⁾], пищухи и бурундуки], простираются далеко на сѣверъ. Сурки и суслики также отчасти принадлежатъ къ разряду предусмотрительныхъ по этой части животныхъ. Пользуются ли они этими запасами лишь весной, или уже осенью? Имѣя въ виду сильное пониженіе температуры ихъ въ продолженіе летаргическаго зимняго сна, мы вправѣ предположить, что для того, чтобы имѣть возможность переварить пищу, они должны почти совершенно пробуждаться, такъ какъ этотъ процессъ можетъ совершаться только при возвышенной температурѣ. При сильномъ уменьшеніи дыханія во время самого зимняго сна, вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ питаніи доходитъ до самой малой степени. Слѣдовательно въ запасахъ нуждаются только животныя, дремлющія зимою, и такія зимнеспящія, которымъ приходится испытывать продолжительные переходные періоды.

Сравнивъ вѣсъ тѣла бѣлаго медвѣдя съ вѣсомъ тѣла лемминга, и принявъ въ соображеніе, что трудность сохраненія собственнаго тепла возрастаетъ въ одинаковой мѣрѣ, мы вправѣ предположить, что и подъ снѣгомъ, въ продолженіе всей зимы, леммингъ ведетъ такой-же образъ жизни, за какимъ я засталъ его (см. выше стр. 325) въ началѣ зимы. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи у насъ еще нѣтъ надлежащаго мѣрила. Положимъ, что крошечныя подуры, милліонами скачущія весной по снѣжной поверхности, появляются

¹⁾ Schmagda, loc. laud. I, p. 11.

70° с. ш., равно какъ на сѣверѣ западной Сибири, она

²⁾ Въ Норвегіи, гдѣ ее часто можно встрѣтить подъ собираетъ запасы картофеля.

лишь тогда, когда снѣгъ уже ярко освѣщается еолнцемъ, но все-таки странное насекомое, *Chionea aganeoides*, примѣрно похожее на очень большаго, безкрылаго комара, я засталъ подъ полярнымъ кругомъ, у Туруханска, хотя и 17 Марта стар. ст., но при 8° мороза по Р. Оно быстро двигало своими длинными паукоподобными ногами, весело разгуливая по снѣгу при тускломъ небѣ и въ тѣни пихтоваго лѣса ¹⁾. Тщетно я старался отыскать его на деревьяхъ. Какимъ образомъ сохраняется достаточное количество тепла въ такомъ крошечномъ животномъ? Неужели количество сгорѣвшаго въ немъ углерода необыкновенно велико? откуда оно беретъ его?

Кочеваніе.

Побудительная причина — недостатокъ въ пищѣ.

Съ ранней молодости мы привыкли слышать, что многія животныя мѣняютъ мѣста своего пребыванія и тѣмъ избѣгаютъ вліянія неблагоприятнаго времени года. Такое средство освобождаетъ эти животныя отъ цѣлаго ряда теплосберегательныхъ приспособленій и предостерегательныхъ мѣръ, о которыхъ мы выше говорили, но съ своей стороны заставляетъ предполагать хорошо устроенные органы движенія, главнымъ образомъ выпавшія именно на долю птицъ. Тѣмъ не менѣе процессъ линянія, заключающійся у млекопитающихъ въ перемѣнѣ шерсти, повторяется и у птицъ, въ видѣ перемѣны перьевъ. Хотя съ анатомической точки зрѣнія линяніе волосъ и перьевъ одно и то же, все-таки изслѣдователь животной географіи нѣкоторымъ образомъ вправѣ разсматривать эти два явленія порознь въ двухъ совершенно различныхъ отдѣлахъ. Линяніе волосъ у млекопитающихъ преимущественно относится къ главѣ о сохраненіи тепла въ животныхъ, линяніе же перьевъ у перелетныхъ птицъ относится не столько сюда, сколько къ той главѣ, въ которой говорится о возстановленіи механически поддержанныхъ (потертыхъ) внѣшнихъ частей тѣла. Линяніе перьевъ у перелетныхъ птицъ важно не потому, что птицамъ необходимо запастись болѣе легкою лѣтнею, или болѣе теплою зимнею одеждою, а главнымъ образомъ потому, что изношенная одежда утеряла способность летанія. Теперь намъ уже положительно извѣстно, что птицъ, да и вообще животныхъ, побуждаетъ кочевать не столько непосредственное вліяніе зимней стужи, сколько застои въ произрастаніи растеній и сковываніе водъ ледяною корою. Чтобъ не умереть съ голоду, большая часть кочующихъ животныхъ должна удаляться задолго до наступленія холодной зимы. Вслѣдъ за ними, тоже по необходимости, тянутся хищники, которымъ они сами служатъ добычей.

Въ Сибири, этой странѣ противоположностей (особенно во всемъ, что находится въ

¹⁾ *Desoria glacialis* встрѣчается мириадами въ глетчерѣ р. Ааръ и подъ каждымъ камнемъ среднихъ морей, который вы приподнимете. Но морозъ въ —18° Ц. убиваетъ ихъ въ нѣсколько мгновеній. См. Collomb въ Comptes-rendus de l'Acad. de Paris, 1847.

связи съ климатомъ) кочеваніе животныхъ проявляется въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какіе видѣ Сибиря, на всемъ земномъ шарѣ, можно встрѣтить только еще въ Сѣверной Америкѣ. Континентальный сѣверъ Сибиря оказывается такою мѣстностью, гдѣ кочеваніе животныхъ можно видѣть въ самомъ полномъ развитіи. Не только высокая аристократія свободныхъ обитателей воздуха предается въ Сибиря удовольствію странствовать, но и прикрѣпленные къ глыбѣ млекопитающія носятся съ мѣста на мѣсто, заботливо выполняя свою тягостную обязанность. Если мы хотимъ получить правильное понятіе обо всемъ этомъ, то намъ нельзя ограничиваться однимъ лишь разсмотрѣніемъ перелета птицъ и странствованія млекопитающихъ, а придется еще обратить особенное вниманіе и на рыбъ, которыя также большія охотницы до странствованій.

Во всякомъ случаѣ мы поступили бы слишкомъ односторонне, если бы кочеваніе животныхъ и въ особенности перелетныхъ птицъ, захотѣли главнымъ образомъ приписывать недостатку въ пищѣ, какъ это еще недавно сдѣлалъ проф. Петерсъ ¹⁾, придерживаясь мнѣнія Линнея.

Само собою разумѣется, что животное (отличающееся отъ растенія тѣмъ, что должно отыскивать себѣ пищу) преимущественно прибѣгаетъ къ передвиженію съ мѣста на мѣсто, чтобы отыскивать пищу и избѣгать недостатка въ пищѣ. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то все животныя, безъ исключенія, странствуютъ, то почти у всѣхъ животныхъ, а тѣмъ болѣе у птицъ, и въ особенности у хищныхъ птицъ, необходимо допустить ежедневныя періодическія странствованія. Столь-же неопровержимо обстоятельство, что если вся пища съѣдена или истреблена суровымъ временемъ года, либо укрылась въ недоступныя мѣста или прикрыта глубокимъ слоемъ снѣга, то животное, которое питается этою пищею и не хочетъ умереть съ голоду, должно отыскивать ее въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Развивая эту мысль подробнѣе, мы встрѣчаемся съ временными передвиженіями (Streichen) животныхъ и должны согласиться, что они могутъ обратиться въ періодическія, и даже ежегодныя, странствованія, если побудительныя причины періодически измѣняются и возвращаются.

Но мы никакъ не вправѣ утверждать при каждомъ случаѣ, что причиною странствованія служитъ недостатокъ въ пищѣ. Напротивъ того, намъ придется переставить предложеніе и формулировать мысль слѣдующимъ образомъ: съ прекращеніемъ пищи извѣстнаго животнаго на мѣстѣ его пребыванія, оно не можетъ болѣе оставаться тамъ осѣдымъ животнымъ.

Если же, какъ мы показали ²⁾, нѣкоторые индивидуумы, племена и расы иныхъ кочующихъ животныхъ глубокаго сѣвера въ состояніи оставаться тамъ осѣдыми, какъ напр. сѣверные олени, песцы, зайцы, бѣлыя куропатки, луня, то уже это доказываетъ, что большая часть такихъ животныхъ кочуетъ ни вслѣдствіе холода, ни вслѣдствіе недостатка въ пищѣ. Приведемъ на выдержку примѣръ; если нашъ гуменикъ

¹⁾ Ueber das Wandern der Thiere, 1867, стр. 57, 66.

²⁾ См. эту часть, стр. 143.

въ состояніи провести зиму на прибрежьяхъ Фрисландіи, главныя же массы его все-таки улетаютъ на берега Средиземнаго моря, а нѣкоторые экземпляры залетаютъ даже въ Остѣндію, то побудительной причиной ихъ кочеваній уже очевидно не служитъ потребность въ пищѣ. Тоже самое должно замѣтить о *Tr. capitus*, который распространяется по всей сѣверной Африкѣ и достигаетъ Остѣндіи и даже 4-го градуса широты къ югу отъ Вестѣндіи.

И развѣ перелетныя птицы весною не проносятся мимо роскошно обставленныхъ трапезъ? Развѣ онѣ, по необходимости, иногда при перелетахъ своихъ не спускаются на землю и воды, а за тѣмъ, послѣ непродолжительнаго отдыха, не покидаютъ любимѣйшихъ своихъ лакомствъ? Онѣ улетаютъ на встрѣчу голоду и холоду, нерѣдко даже безразсудно на встрѣчу голодной смерти. Мы вскрываемъ желудокъ такихъ спѣшныхъ путниковъ и находимъ, что онѣ либо пустъ¹⁾, либо набиты, не пищею или остатками пищи, а однимъ только хрящевикомъ и пескомъ; часто онѣ такъ тяжелы, что вамъ невольно приходитъ мысль, не балластъ ли это, которымъ запасаются эти воздухоплаватели. Но въ какомъ бы видѣ птицы ни отправлялись въ свой весенній путь, т. е. довольно ли тучными, или исхудалыми: коль скоро вы застрѣлите ихъ во время самого перелета или вслѣдъ за прибытіемъ ихъ на мѣсто, вы непременно найдете въ ихъ желудкѣ хрящевикъ и песокъ.

Такія птицы, которыя, заплывая отъ жира, тѣсно сомкнутыми стаями, отправлялись въ болѣе теплыя страны, обыкновенно тянулись безостановочно какъ разъ туда, откуда онѣ большею частію возвращались исхудалыми, съ значительнымъ недочетомъ и въ разбродъ. Уже въ моихъ «*Iseriptesen*» я обратилъ вниманіе (стр. 14) на то, что если птицѣ представится случай прозимовать гдѣ-нибудь поближе къ мѣсту своего рожденія, чѣмъ большей части соплеменницъ ея, то къ концу зимы и она тотчасъ-же готова тронуться въ путь, коль скоро погода позволяетъ себѣ несвоевременныя весеннія выходы, за которыми еще неизбѣжно должны послѣдовать строгія, зимнія непогоды. Мало того, что, прозимовавъ подъ слишкомъ сѣверной широтой, птица эта вдоволь натерпѣлась и горя и нужды: она еще отважнѣе начинаетъ сопротивляться климату.

Весною 1871 года, вслѣдствіе исключительно ранней весны, первыя перелетныя птицы прибыли въ Лифляндію, подъ 58¹/₂° с. ш., уже 23-го Февраля стар. ст. Погода простояла хорошо почти цѣлый мѣсяць. Но 20-го Марта настала дурная погода и, за исключеніемъ нѣсколькихъ жаворонковъ, скворцовъ, пигалицъ и голубей, почти всѣ опять улетѣли и возвратились лишь 28-го Марта. Ясно, что въ такомъ видѣ эти животныя вовсе не домогаются большаго количества пищи и болѣе роскошныхъ яствъ.

¹⁾ У хищныхъ птицъ, пролетающихъ надъ Бостфоромъ, желудки такъ пусты, что А. леонъ и Вид (Revue de Zoologie, 1869, p. 258) находили ихъ «pour ainsi dire atrophie». Большія хищныя птицы, не смотря на окружающую ихъ добычу, также участвующую въ перелетѣ, не

дѣлаютъ, говорятъ, ни малѣйшей попытки добыть себѣ что-нибудь. Мелкіе хищники соблюдаютъ постъ не такъ строго, и на лету схватываютъ кое-что. Въ желудкѣ *Falco subbuteo* оказались одинъ только перепелъ, т. е. спутники его.

И развѣ на глубокомъ сѣверѣ, даже среди самого лѣта, такая необычайно роскошная пища, что ее можно считать причиной влеченія къ сѣверу?

Я изслѣдовалъ первыхъ прилетныхъ птицъ въ Таймырскомъ краѣ, бѣлыхъ куропатокъ и подорожниковъ. Къ моему удивленію онѣ были жирны, иногда даже очень жирны, что составляло странную противоположность къ безотраднѣйшей пустынности покрытыхъ снѣгомъ тундръ. Не смотря на это, у всѣхъ только-что прибывшихъ птицъ желудокъ былъ пустъ, или набитъ однимъ пескомъ. Тѣ же птицы, которыя уже успѣли отдохнуть цѣлый день, наполнили себѣ желудокъ ивовыми сережками (у бѣлыхъ куропатокъ), а еще болѣе листьями и плодами прошлогоднихъ сухоребрицъ (*Draba*), дріадъ, саксифрагъ и т. д. Указанная нами (въ главѣ о растительности Сибири) особенность глубокаго сѣвера, заключающаяся въ томъ, что растенія, отчасти въ полномъ цвѣтѣ, либо съ плодами различной степени зрѣлости, какъ бы за-живо, въ полной свѣжести, заносятся снѣгомъ, и такимъ образомъ хорошо сохраняются зимою, а весною снова появляются на свѣтъ въ видѣ консервовъ, вкусныхъ ягодъ и прекраснѣйшаго корма, особенность эта, конечно, даетъ понятіе о ихъ необыкновенной питательности.

Гуси по-видимому также придерживались этихъ консервовъ, пока не явилась свѣжая трава. Во время осенняго своего перелета, они рядомъ съ тиркушками, на болотахъ и вершинахъ южныхъ прибрежій Охотскаго моря, блаженствовали среди необъятнаго множества ягодъ, которыми изобилуетъ природа сѣвера, какъ то: клюквы, черники, брусники, морошки и т. д.

А насѣкомоядныя птицы? Тутъ уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ щедро обставленной трапезы южныхъ широтъ онѣ улетаютъ въ самыя скудныя полосы глубокаго сѣвера, все далѣе и далѣе, туда, куда пробираются сѣверный олень и человѣкъ до тѣхъ поръ, пока не оставятъ за собою несносныхъ роевъ преслѣдующаго ихъ овода. Только въ дужахъ часто встрѣчается множество мелкихъ ракообразныхъ животныхъ и личинокъ. Уже 4-го Іюня я нашелъ у *Limosa rufa* (*uropygialis*) и *Larus Sabinii* желудокъ туго набитымъ личинками (кажется двукрылаго насѣкомаго).

Явному раздолью предаются на глубокомъ сѣверѣ только хищники и всеядныя животныя: песцы, соколы, сарычи, вороны, поморники, чайки. Но на дальнемъ сѣверѣ положительно-хищныя животныя обращаются во всеядныя; такъ напр. лушь даже ловить рыбъ и ѣсть падаль.

Когда рождается много лемминговъ, то хищники положительно не знаютъ, куда дѣваться съ ними и убиваютъ больше, чѣмъ въ состояніи съѣсть, очевидно ради любви къ дѣлу. Акад. Бэръ несправедливо хотѣлъ отвергнуть этотъ фактъ¹⁾. Даже животное способно, подобно человѣку, губить и истреблять другихъ ни за что, ни про что. Такъ поступаютъ вороны съ леммингами, отказавшись уже ѣсть что-либо другое, кромѣ своихъ любимыхъ кусочковъ: легкихъ, сердца и печени. Тоже самое мнѣ привелось видѣть на бе-

¹⁾ Срав. мое изслѣдованіе въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, 1843, VIII, стр. 203.

регу Охотскаго моря. Когда несмѣтныя стаи лоха Кета начинаютъ пробираться вверхъ по горнымъ рѣкамъ, то собаки и медвѣди вскорѣ доходятъ до того, что ѣдятъ только хрящеватыя, жирныя головы этихъ лоховъ, а остальнаго не трогаютъ¹⁾, въ заключеніе же, хотя и совершенно сытые, все-таки хватаютъ рыбу за рыбой, бросая добычу свою нетронутою на берегъ. Эта страсть губить другихъ очевидно содѣйствуетъ быстрому прекращенію слишкомъ сильнаго размноженія нѣкоторыхъ животныхъ. Такъ и розовые скворцы, очевидно изъ любви къ дѣлу, губятъ несравненно больше саранчи, чѣмъ они въ состояніи съѣсть²⁾.

Въ желудкѣ поморника я нашелъ проглоченнаго цѣликомъ лемминга, такъ что трудно было понять, какимъ образомъ ему удалось проглотить его. Эти поморники самыя наглые хищники глубокаго сѣвера: они высматриваютъ гнѣзда и съѣдаютъ яйца, вопреки пуху, которымъ послѣднія тщательно прикрыты; не смотря на отчаянное сопротивленіе матерей, они крадутъ у нихъ изъ гнѣзда птенцовъ, посягаютъ и на взрослыхъ животныхъ небольшихъ породъ³⁾, ловятъ подстрѣленныхъ птицъ въ виду охотниковъ, хватаютъ пойманныхъ птицъ изъ сѣтей, убираютъ потрохи прежде, чѣмъ ихъ выбрасываютъ, и т. п.

Большія чайки (въ особенности *Lag. argentatus*) едва-ли уступаютъ поморникамъ въ опасности, которой они подвергаютъ птичьи гнѣзда. Притомъ содержаніе чаекъ и поморниковъ обезпечено, кажется, еще болѣе тѣмъ, что они отыскиваютъ себѣ добычу на чрезвычайно обширныхъ протяженіяхъ. *Lestr. Buffonii* до такой степени надоѣла мнѣ своимъ воровствомъ, что я рѣшился истребить двѣ пары, которыя подмѣтилъ возлѣ палатки. Но въ теченіи пяти дней въ Іюль мѣсяцѣ я убилъ 16 штукъ; за тѣмъ насталъ день, въ который ни одной не было видно; потомъ я опять возлѣ палатки убилъ 9 штукъ и казалось, что имъ конца не будетъ. Къ сожалѣнію мы сняли палатку и отправились въ дальнѣйшій путь. — Это вороны глубокаго сѣвера.

Вороны простираютъ свои поиски еще дальше; очевидно они чуютъ въ воздухѣ кровавый запахъ недавно зарѣзанныхъ или павшихъ сѣверныхъ оленей, на почти невѣроятныя разстоянія, иногда на пространство нѣсколькихъ дней ѣзды. Подобный случай, упомянутый мною въ «*Iseiptesen*» (стр. 4), мнѣ привелось видѣть самому 20 Октября, среди безжизненной и безвороньей лѣсной глуши Становаго хребта. Охота ихъ парить на значительной высотѣ по-видимому находится какъ-разъ въ связи съ поднимающимися вверхъ теченіями воздуха.

Если мы спросимъ, что же даетъ возможность хищнымъ и всеяднымъ животнымъ

¹⁾ Также на сѣверо-западномъ берегу Америки (Линсаянскій, II, стр. 69).

²⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1848 годъ, Августъ.

³⁾ Возлѣ самой палатки моей свали гнѣздо два подоросника. Однажды я слышу, какъ мой любезный придворный нѣвчій отчаянно пищитъ, выскакиваю изъ па-

латки и вижу, что покачиваніемъ то въ ту, то въ другую сторону старается снастись отъ поморника, котораго не смутили ни мой крикъ, ни брошенные въ него камни. Когда ружье мое убило разбойника, то и маленький пѣвецъ свалился возлѣ меня на землю, съ широко-раскрытымъ клювомъ, едва дыша и неспособный отдѣлаться отъ моихъ ласокъ.

предаваться такой неумѣренности, то само собою является отвѣтъ, что это можетъ происходить только на счетъ и въ ущербъ беззащитной части населенія. Скопляясь на глубокомъ сѣверѣ, перелетныя птицы отбиваютъ только другъ у друга кормъ въ мѣстахъ питанія, вмѣсто того, чтобы отыскивать себѣ, какъ полагаютъ, болѣе обильную пищу. Скучиваясь въ одномъ мѣстѣ, но не приобрѣтая этимъ больше безопасности, напр. для общей защиты противъ нападеній хищниковъ, онѣ только облегчаютъ послѣднимъ возможность истреблять ихъ, вмѣсто того, чтобы столь опасными путешествіями въ дальнія страны добыть себѣ спокойствіе и благоденствіе.

Подобно многимъ другимъ, я отправился въ сѣверную глушь съ тою надеждою, что на каждомъ шагу первобытная природа поразитъ меня своимъ изобиліемъ. Но я встрѣтилъ совершенно иное. На 4-ой страницѣ этой части я упомянулъ о противоположности между сборными пунктами животныхъ и пустынями. Мѣстами, равно какъ и временно, вода и суша либо совершенно пустышны и мертвы, либо преисполнены жизни. Не только зимою все пустѣетъ¹⁾, но и лѣтомъ большая часть тундры представляетъ вымершую пустыню, наименованную нѣсколько, иные безжизненные и безконечныя моховики среднихъ широтъ, мертвая тишина которыхъ лишь изрѣдка прерывается однообразнымъ свистомъ семендохи.

«Тундра мертва и пуста; пуста до того, что можно умереть съ голода», записано мною въ дневникѣ еще въ Маѣ; «ничего, кромѣ нѣсколькихъ бѣлыхъ куропатокъ, да двухъ-трехъ подорожниковъ; кое-гдѣ слѣды песка и волка. Ружье отдыхаетъ».

Мы расположились на берегу р. Таймыра, подъ $73\frac{3}{4}^{\circ}$ с. ш. Тутъ-то наконецъ 2-го (14-го) Іюня появились кое-какіе признаки жизни. На томъ-же самомъ мѣстѣ и всего двумя днями поздиѣе, вокругъ нашей палатки раздавались крикъ, гамъ, прыганіе и жужжанье, какого я въ жизни своей нигдѣ еще ни видалъ, ни слыхалъ²⁾. Весеннія гости, перелетныя птицы, застигнутыя сильнымъ противнымъ вѣтромъ, подобно намъ, принуждены были отдыхать. Но въ тотъ-же день, послѣ полудня, когда сѣверо-восточный вѣтеръ по-видимому сталъ стихать, вдругъ все опустѣло, какъ будто все было выметено. На слѣдующій же день, 5 (17-го) Іюня, вокругъ насъ опять загудѣлъ прежній адскій шумъ, продолжавшійся почти 8 дней. Между тѣмъ большая часть прибывшихъ гостей отправилась дальше; оставшіеся — безъ большихъ приготовленій выбрали себѣ гнѣзда и, на

1) Въ первыхъ главахъ моего путевого дневника, когда я находился между средними широтами (отъ 53° до 56° с. ш.), я встрѣчаю жалобу за жалобой. Такъ напр. въ Январѣ, въ Ишимской степи отмѣчено: «Нѣсколько дней сряду невыразимо мертвая степь. Никакого слѣда, не видно, даже ни вѣрова, ни вороны. Изрѣдка лишь кое-гдѣ слѣды зайца или ряда куропатокъ. Вблизи деревень со- рока, ястребъ, подорожники». Или въ Барабѣ, въ концѣ Января: «Ни одной живой души, никакого слѣда. Подорожники и сороки; послѣднихъ безчисленное множество, чѣмъ ближе къ Барнаулу». Или по дорогѣ изъ Барнаула въ Красноярскъ: «Таже ужасная безжизненность, какъ и

доселѣ. Лишь нѣсколько вѣроновъ и воронъ въ городахъ и деревняхъ». Отъ Красноярска пришлось ѣхать внизъ по Енисею. «Все таже мертвая тишина; ни одной терки; на туилрѣ кое-гдѣ нѣсколько стай бѣлыхъ куропатокъ; toujours perdrix». — Въ томъ-же родѣ дѣло шло все дальше и дальше.

2) Со времени краснорѣчивыхъ описаній Беромъ прібытія его на Новую Землю, глубокой сѣверъ приобрѣлъ славу торжественнаго безмолвія. Сравн. напр. Schmarlda, Die geographische Verbreitung der Thiere, 1833, II, стр. 227.

сколько возможно тихо и уединенно, занялись высиживаніемъ птенцовъ. Во время нашихъ странствованій по тундрѣ въ половинѣ Іюня, не смотря на нашу лягавую собаку, изъ всей прежней массы появлялись только кое-гдѣ кривоноски (*Tr. subarquata*, красногрудка), Темминковы тиркушки, тавыты (*Limosa gufa*) и болотныя семендюхи, которыя старались отвлечь и охотника и собаку; пролетало нѣсколько поморниковъ и чаекъ, высматривая мѣстность, или смѣло натыкаясь на охотника и собаку; изрѣдка неуклюже взлѣталъ токующій самецъ бѣлой куропатки; мѣстами дунь тихохонько подстерегала лемминговъ или мелкихъ птицъ.

Хотя въ этихъ безконечныхъ пустыняхъ одиночество уже не чувствовалось болѣе такъ сильно, какъ прежде, но все-таки, даже во второй половинѣ Іюля (подъ $74\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.), я встрѣчаю въ своемъ дневникѣ прежнюю жалобу: «Тундра до невѣроятія безжизненна; только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ чайки и веселые плавунчики высиживаютъ птенцовъ своихъ, замѣтна жизнь, лишь изрѣдка вспыхивающая оттого, что охотникъ натывается на стаю линяющихъ гусей. Кое-гдѣ слышенъ крикъ песца, но изрѣдка».

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Іюля и въ началѣ Августа, тундра снова ожила: птицы, высидѣвшія птенцовъ, стали собираться въ дальнѣйшій путь. Хищники блаженствовали. Но уже 9-го Августа степь очень опустѣла; 16-го числа убрались всѣ голенастыя. Съ подорожниками и бѣлыми куропатками въ началѣ Сентября исчезли послѣднія птицы, оставивъ насъ одинокими среди мертвой тишины пустыни.

И такъ жизнь проявлялась тамъ замѣтнымъ образомъ только въ продолженіе двухъ недѣль; лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можно было утѣшать себя сознаніемъ, что жизнь должна отыскаться, если только тщательно поискать ее. И по возвращеніи въ лѣса полярнаго круга у Туруханска, въ концѣ Декабря я цѣлый день бродилъ съ ружьемъ, но кромѣ двухъ-трехъ вороновъ и нѣсколькихъ чечетокъ не встрѣтилъ ни единого живаго существа.

Въ то время я утѣшалъ себя надеждою на болѣе южныя широты, въ которыхъ долженъ былъ провести вторую часть моего путешествія, по южнымъ берегамъ Охотскаго моря и въ Амурскомъ краѣ. Но и тамъ мѣстность оживилась не ранѣе, какъ въ началѣ Іюня, когда мы дошли до долины р. Уди, подъ 55° с. ш. Впрочемъ тутъ жизнь проявлялась едва-ли болѣе, чѣмъ въ Европѣ подъ средними широтами. Когда опять настала зима и мнѣ пришлось бродить по Амурскому краю подъ 50° с. ш., то лѣса, на самомъ большемъ своемъ протяженіи, до того были пусты, что нѣсколько дней сряду я не встрѣчалъ ни единого слѣда. «Непонятно, невыразимо пусто!» отмѣчено у меня въ дневникѣ. Цѣлыя недѣли не было даже видно ни одной тетерки.

Какія огромныя массы растительной пищи и какъ мало животныхъ, которымъ суждено питаться ею! Обращаясь къ извѣстіямъ путешественниковъ, посѣтившихъ тропическія страны, напр. Бурмейстера, Кастельно и др., мы узнаемъ, что и тамъ большая часть первобытныхъ лѣсовъ, столь богатыхъ питательными средствами, оказывается безжизненной, какъ бы пустынной. Наклонность жить сообща побуждаетъ живот-

ныхъ, какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и подѣ экваторомъ, скопляются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, такъ что въ общемъ цѣломъ животная жизнь съ виду обильнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

По-видимому рыбы также едва-ли отыскиваютъ себѣ лучшія условія для питанія, предпринимая свои дальнія странствованія вверхъ по рѣкамъ. Въ нѣкоторыхъ заводахъ верхняго теченія горныхъ потоковъ лохи Кета до такой степени были скучены и до того изголодались, что откусывали другъ другу хвосты. Въ р. Таймырѣ, у муксуновъ, которые въ Сентябрь безчисленными стаями плывутъ внизъ по рѣкѣ, кишки постоянно были только наполнены проглоченной рыбьей икрой, которую я притомъ долженъ былъ признать за икру того-же муксуна. Но замѣчательно, что въ громадныхъ налимахъ, которые были пойманы вмѣстѣ съ этими муксунами и отличались своимъ безобразно-толстымъ брюхомъ, найдено было въ каждомъ отъ 10 до 20 и болѣе ряпушекъ (*Albula*), въ пядень длиною, но вовсе не было рыбьей икры. Эти налимы плыли на встрѣчу муксунамъ, изъ моря вверхъ по рѣкѣ, слѣдовательно на встрѣчу голоду.

Вышеприведенныя замѣтки дадутъ, надѣюсь, возможность понять, что хотя первобытныя пустыни глубокаго сѣвера и содержатъ достаточное количество пищи, чтобы своихъ лѣтнихъ гостей отпустить въ благообразномъ видѣ, но пища эта все-таки не всегда и не вездѣ дается слишкомъ легко, и многимъ изъ беззаботныхъ сѣверныхъ гостей въ мѣстахъ высиживанія птенцовъ приходится бороться съ такими опасностями, которыя во стократъ хуже, чѣмъ подѣ менѣе сѣверными, или даже подѣ средними широтами Европы.

Но не только въ средней или южной Европѣ, въ средней или южной Азіи, вѣтъ: даже въ сѣверной Африкѣ птицы, любительницы странствованій, еще не находятъ себѣ покоя. Даже домашнія и трубныя ласточки, живущія въ Сахарѣ, въ концѣ Ноября улетаютъ оттуда и возвращаются лишь въ Февралѣ. Осѣдлыхъ остается такъ мало, что ихъ принимаютъ за молодыхъ и болѣе слабыхъ птицъ, и на каждую лѣтнюю ласточку Арабы насчитываютъ 20 зимнихъ. Въ началѣ Февраля послѣднія возвращаются домой ¹⁾ изъ болѣе южныхъ странъ въ одно время съ тѣми ласточками, которыя летали на сѣверъ.

Какъ бы велико ни было значеніе, которое мы станемъ придавать вліянію временнаго недостатка въ пищѣ на кочеваніе животныхъ, все-таки очевидно, что недостатокъ въ пищѣ никакъ нельзя считать единственною причиною, не какихъ-нибудь временныхъ переходовъ животныхъ и тому подобнаго, но удивительныхъ типическихъ странствованій за 25 и за 30 градусовъ широты; не говорю уже о томъ, чтобъ этимъ можно было объяснить связанныя съ ними непонятныя явленія. Кромѣ того, ниже мы подробно будемъ говорить еще о случайныхъ странствованіяхъ и о кочеваніи до-смерти, которыя также нельзя приписывать недостатку въ пищѣ.

¹⁾ Tristram, The Sahara.

Пытаясь отыскать основную причину кочевого влечения, мы прежде всего для различных случаев можем найти различные побуждения.

Одна изъ причинъ кочеваніи — измѣненіе температуры.

Въ новѣйшее время непосредственное вліяніе осенней и зимней стужи на птицъ перестали считать основною причиною кочеванія. Послѣ всего сказаннаго на стр. 332 становится также ясно какъ ошибоченъ конечный выводъ, будто бы птицы потому болѣе всего должны страдать отъ измѣненій температуры, что онѣ обладаютъ наибольшимъ количествомъ собственнаго тепла¹⁾. Между косвенными послѣдствіями измѣненій въ температурѣ, недостатокъ въ пищѣ, конечно имѣлъ бы самое большое значеніе. Но такъ какъ мы видѣли, что и онѣ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ, то между кочеваніемъ и метеорологическими явленіями намъ едва-ли удастся отыскать такую тѣсную связь, какую надѣялся найти Эрманъ, увѣряя, что время прибытія нѣкоторыхъ перелетныхъ птицъ непосредственно связано съ извѣстною дневною температурою на мѣстѣ прибытія. Такъ напр. (говоритъ онъ) въ различныхъ мѣстностяхъ древняго материка домашняя ласточка появляется при средней дневной температурѣ въ 7° Р. Эрманъ даже неоднократно увѣрялъ, что это происходитъ съ замѣчательною регулярностью, такъ какъ въ день прибытія домашней ласточки, начиная отъ Атлантическихъ береговъ Европы до Охотскаго моря, температура колеблется не болѣе какъ между 6°,3 и 8° Р. Мнѣніе это опровергнуто мною уже 20 лѣтъ тому назадъ²⁾. Въ моихъ «Description» (стр. 141) я еще подробнѣе развилъ свое опроверженіе. Такимъ образомъ прилетающая ласточка никакъ не термометръ, постоянно вѣрно указывающій на приблизительно 7° Р., а очень неточный термоскопъ, который по меньшей мѣрѣ заставляетъ насъ отгадывать температуру между 2° и 12°. Слѣдовательно передовая линія ласточекъ, устремляющихся надъ земнымъ шаромъ къ сѣверу, значительно можетъ уклоняться отъ направленія дневной изотермы для 7° Р.

Вѣдь само собою разумѣется, что если уже періоды растительности, напр. появленіе листьевъ и цвѣтовъ на растеніяхъ, весьма неточно согласуются съ соответственными въ ту минуту температурами, то еще въ гораздо большей степени это должно случаться съ прилетающими перелетными птицами. Помимо климатическихъ условій, кочеваніе ихъ зависитъ отъ самыхъ разнородныхъ обстоятельствъ и отъ непонятныхъ для насъ, внутреннихъ побужденій. Коль скоро температура оказываетъ существенное вліяніе на кочеваніе животныхъ, то, въ строгомъ смыслѣ, можетъ быть рѣчь только о температурахъ тѣхъ мѣстностей, откуда, а не тѣхъ мѣстностей, куда тянутся

¹⁾ Serres въ *Naturk. Verhandelingen van de Holl. Maatschap. der Wetenschappen*, 1842, II, стр. 38.

²⁾ *Mélanges biologiques de l'Acad. de St.-Petersb.* II, стр. 200. Срав. также примѣч. къ 30-й страницѣ этого изслѣдованія.

путники или куда они только-что успѣли прибыть. Состояніе организмовъ ихъ не можетъ зависѣть только отъ той температуры, которая ихъ окружаетъ въ данный моментъ, а обуславливается, напротивъ того, тѣмъ, что предшествовало кочеванію.

Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, легче бы было отыскать связь между температурою и временемъ отбытія животнаго, чѣмъ между температурою и временемъ прибытія его. Такимъ образомъ мы вправѣ допустить, что предположеніе Эрмана, по которому время отлета домашнихъ ласточекъ соотвѣтствуетъ дневной температурѣ въ 10° или 11° , достовѣрнѣе вышеприведеннаго предположенія его. Совѣтую, впрочемъ, остерегаться страсти подводить жизнь подъ математическія формулы. Намъ извѣстно по опыту, что домашнія ласточки нѣсколько дней сряду, и притомъ добровольно, безъ вреда выдерживали температуру въ -5° Цельсія ¹⁾. По моему мнѣнію, мы едва-ли вправѣ согласиться съ Фрейзой, пришедшимъ къ тому заключенію, что птицы остаются на зиму въ такихъ мѣстахъ, гдѣ средняя зимняя температура приблизительно сходна съ нашей лѣтней температурой; какъ скоро тамъ становится нестерпимо тепло, такъ, говоритъ Фрейза, птицы улетаютъ къ сѣверу ²⁾.

Во всякомъ случаѣ нельзя не отнести признательно къ заслугѣ Эрмана, обратившаго вниманіе на такую разность температуры въ день отлета и въ день прилета одной и той-же птицы. Это явленіе, кажется мнѣ, можетъ стать на ряду съ извѣстными наблюденіями, надъ различными растеніями, осенью замерзающими при той-же температурѣ воздуха, при которой весною продолжаютъ зеленѣть, не смотря на большую нѣжность.

Рѣзкія измѣненія погоды, на сколько я могъ замѣтить, оказываютъ на одну и ту же птицу либо то, либо другое дѣйствіе. Прибывшая весною птица только въ крайнемъ случаѣ отступаетъ передъ тою-же непогодой, которая ту же самую птицу удержала бы отъ отлета, если бы эта непогода разразилась раньше въ промежуточныхъ странахъ. Неоднократно я имѣлъ случай замѣчать, что дурная погода въ тѣхъ промежуточныхъ странахъ, чрезъ которыя перелетнымъ птицамъ приходится пробираться къ намъ, была причиною, почему, не смотря на прекрасную погоду у насъ, перелетныя птицы весною все-таки не являлись, или осенью вдругъ прилетали совершенно неожиданно.

Время наступленія поздней стужи весною имѣетъ такое важное значеніе, что напр. въ иной годъ не поддающіеся зимнему холоду подорожники, вмѣстѣ съ альпійскими жаворонками, могутъ быть опережены стаями водныхъ птицъ на своемъ зимнемъ эква-

¹⁾ Левенгильмъ сообщаетъ намъ подобный-же фактъ изъ южной Швеціи (Öfversigt of Kongl. Vetensk.-Akad. Förhandlingar, 1851, стр. 70). Нѣсколько ласточекъ (какъ *Hir. rustica*, такъ и *Hir. urtica*) летало въ Ландскронѣ еще 11-го Октября нов. ст., хотя уже 9-го числа наступилъ морозъ въ 5° , продолжавшійся до 11-го числа. Въ 1838 году, въ Монпелье, не смотря на холодный сѣверный вѣтеръ и 7° Ц., ласточки летали еще

18-го Ноября нов. ст. (Serres, Des causes des migrations, стр. 45).

Среднія температуры дня, соотвѣтствующія днямъ отлета ласточекъ изъ Одессы съ 1842 до 1847 г., колеблются между 9° и 18° Р. и составляютъ среднимъ числомъ около 13° Р..

²⁾ Journal für Ornithologie, 1857, стр. 385.

торіальномъ предѣлѣ, а въ другую весну даже почти двумя мѣсяцами ранѣе прибытія ласточекъ отправляются на сѣверъ¹⁾.

Но если погода непосредственно оказываетъ лишь слабое вліяніе на время перелетовъ, то напротивъ успѣхъ весенней погоды вообще, равно какъ послѣдствій ея, т. е. таянія снѣга, вскрытія рѣкъ, пробужденія растительности и насѣкомыхъ, непременно долженъ находиться въ явной связи со временемъ перелета птицъ. Впрочемъ только вообще, а не въ особенности.

Отсюда само собою разумѣется, что только вслѣдствіе того, что въ средней Сибири лѣтняя теплота повышается несравненно быстрѣе, чѣмъ въ любой мѣстности въ Европѣ, подъ одинаковымъ градусомъ широты, возможна болѣе быстрая послѣдовательность въ прибытіи весеннихъ путниковъ.

Столь-же явна связь между мѣсячными изотермами (въ томъ видѣ, какъ ихъ начерталъ Дове) и изепиптезами. Читая приложенія Дове къ изотермамъ Мая мѣсяца: «Въ Камчаткѣ кривыя линіи уже идутъ съ сѣвера къ югу. Паралельныя кругамъ широты сѣверо-азіатскія кривыя линіи быстро поднимаются вверхъ по вост. побережью древняго материка и за тѣмъ столь-же быстро спускаются къ Алеутскимъ и Курильскимъ островамъ» — читая это, мы поражены сходствомъ съ направліемъ изепиптезъ прилета птицъ. Въ такой-же степени соотвѣтствуетъ явленіямъ кочеванія животныхъ замѣтка Дове относительно Сентября: «Распределеніе тепла въ этомъ мѣсяцѣ самое правильное; даже Америка не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. По этому-то Сентябрь тотъ мѣсяцъ, въ которомъ въ разные годы бываютъ наименьшія аномаліи. Осенью природа засыпаетъ спокойно; весною она пробуждается въ лихорадочномъ состояніи». Не среднія величины ежедневной температуры, но скорѣе среднія числа, взятыя черезъ каждые пять, а еще лучше черезъ каждые десять дней, отзываются сходствомъ съ движеніями перелетныхъ птицъ.

Вторая причина кочеванія животныхъ — вредныя насѣкомыя и другіе заклятые враги.

Отыскивая причину, побуждающую кочевать сѣверныхъ оленей, мы могли бы почти успокоить себя предположеніемъ, что это собственно лѣсныя животныя, которыя раннею весною стараются уходить отъ насѣкомыхъ и затѣмъ возвращаются къ предѣлу

¹⁾ Срав. напр. между собою 1793 и 1794 годы (Pallas, Süd. Statthaltersch. I, стр. 70 и Pallas, Reise, III, стр. 468). Послѣдній альпійскій жаворонокъ улетѣлъ изъ Иркутска въ тотъ-же самый день, въ который первая трясогузка (*M. alba*) прибыла градусомъ широты южнѣе въ Забайкалье. Лифляндію покидаютъ подорожники уже гораздо правльнѣе; обыкновенно за мѣсяцъ до прилета ласточекъ. Предоставляю каждому прискаты себѣ изъ путешествій множество подобныхъ же примѣровъ.

Въ сѣв. Америкѣ встрѣчаются точно такіе-же неправильности. Такъ напр. въ 1827 году, подлѣ 52° с. ш. внутри сѣв. Америки (Carlton House) подорожникъ явился съ юга уже 17-го Марта, но пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ (до 18-го Апрѣля), прежде нежели сталъ продолжать свое путешествіе (Richardson, Searching-Exped. II, p. 239). Точно такимъ-же образомъ и альпійскія бѣлыя куропатки остановились среди своего перелета на цѣлый мѣсяцъ (Parry, Third Voyage, p. 80).

лѣсной растительности только тогда, когда могутъ быть покойны, что ихъ не стануть болѣе тревожить ихъ мучители.

Кто испыталъ страшныя мученія, причиняемыя въ Сибири комарами и мошками (см. начало этой части и мою статью о Барабѣ); кому привелось убѣдиться, что самыя плодородныя ея мѣстности всѣми были покинуты, потому что ни люди, ни домашнія животныя не въ состояніи были выносить эти страданія; кто имѣлъ случай видѣть, что кочевники южной Сибири съ стадами своими уже рано въ году покидаютъ самые роскошныя степныя луга и отправляются на горныя вершины, еще скудно покрытыя зеленью; кому приходилось наблюдать, какъ даже на глубокомъ сѣверѣ Сибири спины сѣверныхъ оленей, на подобіе пробойнаго рѣшета, просверлены крючками обсаженными личинками оводовъ, и какъ сѣверные олени встряхиваютъ свое тѣло, чтобы сбросить съ себя своихъ истязателей; кто, наконецъ, извѣдалъ, съ какимъ страхомъ кочевникъ во время этого бѣдствія слѣдитъ за своими оленями, и, видя, что они ускакали, смѣло предсказываетъ, гдѣ ихъ можно отыскать между востокомъ и западомъ на сѣверной половинѣ горизонта, потому что они безъ удержу мчатся противъ теченія воздуха; — кто все это самъ испыталъ, тотъ навѣрное не затруднится признать всю важность значенія, которое народженіе насѣкомыхъ должно имѣть для бѣдныхъ мучениковъ.

Какъ бы то ни было, взбираются ли животныя все выше и выше, на болѣе воздушныя и холодноватыя горныя вершины; прячутся ли они отъ своихъ мучителей въ воду, или прижимаются плотно, какъ у Охотскаго моря, къ нависшимъ ледянымъ, тающимъ глыбамъ, оставшимся на берегу во время прилива, не обращая вниманія на опасность, которой ихъ такъ легко подвергаютъ въ этомъ положеніи и хищное животное и человекъ, — всюду въ лѣтнее время гадкія насѣкомыя, порождаемыя гнилью первобытныхъ пустынь, составляютъ важный и главный вопросъ для жизни сѣверныхъ оленей.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что многимъ породамъ животныхъ суждено быть добычею паразитовъ, исключительно живущихъ только на этой, а ни на какой другой почвѣ, такъ что и, наоборотъ, въ первобытномъ состояніи нельзя найти животнаго упомянутого рода, которому бы не приходилось принимать участіе въ питаніи паразитовъ, отведенныхъ на долю этой породы. Вспомнимъ о столь сообразномъ съ природою и наблюдениемъ возрѣніи кочевника (еще недавно это относилось даже и къ самому повелителю Небеснаго Царства), твердо убѣжденнаго въ томъ, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣдней пары вшей на тѣлѣ человека, должна прекратиться и жизнь его.

Основываясь на томъ, что справедливо въ этомъ наблюденіи, и зная, что олений оводъ (*Oestrus Tarandi*) свойственный сѣверному оленю паразитъ, безспорно составляетъ особый видъ оводовъ, мы не можемъ не удивляться, что на сѣверныхъ оленяхъ, водящихся на островахъ самаго глубокаго сѣвера (напр. на Шпицбергенѣ), не бываетъ оленьихъ оводовъ.

Объяснить это нельзя иначе, какъ предположеніемъ, что сѣверный олень упомянутыхъ острововъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ первоначальной своей родины, наконецъ

ушелъ за полярный предѣлъ возможности появленія и дальнѣйшаго развитія оленьяго овода и такимъ образомъ отдѣлался отъ присущаго ему въ самомъ началѣ паразита.

Отъ мучителей своихъ ему удалось уйти, пищи онъ находитъ вдоволь, такъ что при этомъ раздольѣ у него на зиму нарастаютъ толстые слои жиру — но онъ замѣтно сталъ меньше ростомъ. Чрезмѣрные невзгоды безконечной полярной зимней ночи задерживаютъ развитіе животныхъ; дѣло кончается тѣмъ, что они не находятъ достаточнаго количества пищи для себя, и что у нихъ нѣтъ молока для своихъ телятъ, а послѣ отела проходятъ цѣлые мѣсяцы, прежде нежели пробуждается растительность среди ледяныхъ массъ полярнаго моря. Телята страдаютъ отъ сырой и холодной погоды и даже отмораживаютъ себѣ уши, которыя такимъ образомъ похожи на искусственно подрѣзанныя. Порода хилѣетъ, не смотря на то, что ей удалось освободиться отъ своихъ мучителей; тѣмъ болѣе, что ей отрѣзана дорога вдаль, къ лучшимъ пастбищамъ. Тамъ на островахъ, гдѣ въ тоже время животнымъ нечего опасаться главнаго врага, волка, небольшія пастбища оказываются недостаточными вслѣдствіе избытка населенія. Гдѣ же наконецъ къ концу зимы ледъ настелетъ дорогу чрезъ морскія теченія, тамъ (какъ это бываетъ на востокъ отъ Лены) въ Февралѣ, Мартѣ, или даже въ Апрѣлѣ животныя появляются на прибрежьяхъ материка.

Въ полной силѣ, въ полномъ развитіи, сѣверный олень, и дикій и прирученный, какъ въ Сибири, такъ и въ Америкѣ, встрѣчается лишь въ горахъ подъ менѣе сѣверными широтами. На прибрежномъ хребтѣ Охотскаго моря, на Становомъ пограничномъ хребтѣ, этотъ видъ (хотя и встрѣчается тамъ рѣже) достигаетъ полнѣйшаго типичнаго развитія.

И въ Европѣ сѣверный олень нѣкогда былъ распространенъ до самыхъ Альповъ. Нельзя, конечно, не согласиться съ остроумными доводами Рютимейера¹⁾, «что животныя, которыя водятся на южной покатости Азій, будучи рассматриваемы въ общей сложности, носятъ на себѣ отпечатокъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ животныя Сибири. Въ Индіи доселѣ еще находятся представители нѣкоторыхъ міоценовыхъ родовъ, которые по ту сторону Гималая, — по выраженію сибирскихъ преданій — живутъ только подъ землею». Не смотря на это, очевидно юное, происхожденіе сѣвернаго оленя, мы вправѣ предположить, на основаніи всего вышесказаннаго, что въ теченіе времени значительное передвиженіе области его распространенія мало по малу успѣло развиться. Вслѣдствіе этого можно допустить, что первоначально олень водился на горныхъ цѣпяхъ сѣверной окраины средне-азіатскаго плоскогорья и ихъ отрогахъ, за тѣмъ ежегодно къ зимней половинѣ года спускался въ низменности, какъ это еще теперь дѣлаютъ его родичи, олень и въ особенности козуля, но, при бѣльшемъ расположеніи къ скитанію, простеръ свои пожденія еще дальше и при поискахъ за своею любимую зимнюю пищу, лишайниками, главнымъ образомъ подвинулся къ сѣверу.

Въ то время прибрежья Ледовитаго моря находились ближе къ горамъ; съ теченіемъ времени изъ пучины морской выдвинулась низменная прибрежная равнина, которая еще

¹⁾ Ueber die Herkunft unserer Thierwelt, 1867, стр. 41.

доселѣ продолжаетъ приподниматься. Морской вѣтеръ отгоняетъ мучительныхъ насѣкомыхъ, и животнымъ, не успѣвшимъ во-время возвратиться на горныя вершины, пришлось привыкать искать защиту на прибрежьяхъ Ледовитаго моря, идя все дальше противъ сѣвернаго вѣтра. На зиму, когда выюги заметали тундры, животныя опять уходили въ лѣса, ища въ нихъ убѣжища отъ вѣтра. Такимъ образомъ первоначально-горный сѣверный олень могъ раздѣлиться на два когѣна, изъ которыхъ когѣно глубокаго сѣвера стало простираетъ свои странствованія все далѣе и далѣе, пока животныя наконецъ дошли до такой аномалии, что телята рождаются во время самого кочеванія; за тѣмъ, вопреки правилу, взрослое животное является на родину только мимоходомъ, а къ сѣверу и къ югу отъ нея проводить довольно долгое время (срав. стр. 170 этой части и слѣд.).

Такимъ образомъ весьма просто объяснилось бы кочеваніе сѣверныхъ оленей, которые по части странствованія болѣе всего похожи на перелетныхъ птицъ, явно одержимыхъ страстью къ передвиженію съ мѣста на мѣсто. Процессъ кочеванія просто можно бы было приводить въ связь съ способностью вѣрно направляться по румбамъ и припоминать мѣстность.

Но спрашивается, какую же пользу намъ доставило это для объясненія процессовъ кочеванія вообще?

По моему мнѣнію, очень мало. Въ отношеніи къ рѣшительнымъ перелетнымъ птицамъ моя геологическая и гадинная теорія, заслуживающая вѣроятія, столь-же мало приемлема, какъ теорія недостатка въ нищѣ.

Другія причины кочеванія — борьба за существование и сохранение потомства.

Кочеваніе, о которомъ идетъ рѣчь, не всегда соглашается съ борьбою за существованіе, или съ чувствомъ самосохраненія — въ какомъ бы видѣ оно ни являлось. Внимательный наблюдатель и любитель птицъ весною замѣчаетъ отсутствіе многихъ старыхъ знакомыхъ. Тщетно онъ поджидаетъ ихъ весною. Сотни тысячъ отважныхъ путниковъ погибаютъ во время опаснаго путешествія¹⁾.

Для удовлетворенія своего внутренняго влеченія, животныя, пренебрегая смертью, подвергаютъ жизнь свою самымъ очевиднымъ опасностямъ. Изнемогающій отъ жиру перепелъ, барахтающійся болѣе обыкновеннаго дергачъ, отправляются въ путь черезъ дальнія, опасныя моря, начавъ свое странствованіе полубѣгая, полуполетая. Долго

¹⁾ Кому неизвѣстно безпопашное истребленіе птицъ въ южныхъ странахъ Европы, снабжающихъ рынки крошечными кусочками, которые высиженыя у насъ пѣвучи осуждены доставлять имъ.

Все, что только могло уйти отъ сѣтей и силковъ этихъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ, переселяется чрезъ Средиземное море, въ Африканскую глушь. И что ожидаетъ тамъ путниковъ? Выслушаемъ разсказъ

очевидца. Тристремъ (The Sahara, стр. 389 и слѣд.) сообщаетъ изъ Сахары слѣдующее: «Зимою миріады скворцовъ посѣщаютъ финиковые лѣса и причиняютъ тамъ спѣлымъ плодамъ неисчислимый вредъ. Тысячами ихъ ловятъ въ силкахъ и убиваютъ, потому что они составляютъ любимое блюдо. Лѣтомъ въ Африкѣ не остается ни единого случайно оставшаго гостя».

птицы эти медлят на берегу, выжидая удобнаго вѣтра, пока наконецъ соберутся духомъ и боязливо въ темнотѣ полетятъ невысоко надъ поверхностью воды. Иная маленькая уставшая пѣвунья послѣ непродолжительнаго отдыха покидаетъ спасительный корабль, представлявшій ей возможность отдохнуть отъ крайняго утомленія. Водобоязливья млекопитающія не обинуясь бросаются въ холодныя, какъ ледъ, бушующія или необозримыя пучины.

Тысячами и сотнями тысячъ погибаютъ животныя, но слѣдующіе за ними ряды не устрашаются этимъ, остающіеся въ живыхъ не извлекаютъ изъ смерти ихъ ни малѣйшаго урока для будущности. Если бы животныя всегда и повсюду были такъ безпечны, то многія породы уже давно не избѣгли бы гибели. Можетъ-ли чувство самосохраненія проявляться въ такомъ видѣ?

Слѣдовательно тутъ рѣшается болѣе важный вопросъ. Не идетъ ли дѣло о сохраненіи вида посредствомъ потомства, о влеченіи приготовить гнѣздо, прежде нежели яйца созрѣютъ во чревѣ?

Въ пользу такого предположенія, конечно, можетъ служить то обстоятельство, что нѣкоторыя птицы тѣхъ фалангъ, которыя весною направляются къ сѣверу, часто уже соединились въ пары. Въ концѣ Мая, въ Таймырскомъ краѣ я застрѣлилъ одинъ экземпляръ изъ цѣлой вереницы перелетныхъ гуменниковъ. Оказалось, что это была самка. Тотчасъ же изъ рядовъ съ сильнымъ крикомъ отдѣлился другой гусь, спустился на ближайшую рѣку и лишь черезъ часъ улетѣлъ по направленію своихъ спутниковъ, которые между тѣмъ преспокойно отправились дальше. Вѣроятно онъ не покинулъ бы могилы своей возлюбленной, если бы я не слишкомъ усердно преслѣдовалъ его ¹⁾.

Но если въ такихъ случаяхъ влеченіе къ отлету зависитъ отъ оплодотворенныхъ яицъ, развивающихся въ яичникѣ, то это не можетъ объяснить намъ причину первоначальнаго отлета стаи, совершившагося нѣсколькими мѣсяцами ранѣе; кромѣ того, это не можетъ относиться къ такимъ птицамъ, самцы которыхъ, отдѣльно отъ самокъ, и раньше ихъ (хотя только нѣсколькими днями), прилетаютъ на глубокой сѣверъ, какъ напр. подорожники, или какъ въ нашихъ широтахъ это бываетъ съ жаворонками и другими птицами. Притомъ мы видимъ, что на глубокомъ сѣверѣ многія птицы вовсе и не торопятся вить гнѣзда и, не смотря на непродолжительность лѣта, начинаютъ устраивать гнѣзда лишь нѣсколько недѣль послѣ прибытія на мѣсто.

Если желаніе сохранить потомство было бы особенно сильно, то нѣкоторыя позднія птицы, которыя осенью рано улетаютъ, какъ напр. наши ласточки, не стали бы иногда внезапно улетать ²⁾, и оставлять своихъ поздно-выведенныхъ птенцовъ на

¹⁾ Ричардсону (Searching Exped. II, стр. 107) рассказывали нечто подобное про *Ans. hyperboreus* и *albifrons*. *Tetrao lagopus*, какъ я уже замѣчалъ нѣсколько разъ, летаетъ, хотя и спарившись, но сначала все-таки цѣлыми стаями.

²⁾ Такъ напр. въ западной Готландіи (въ Швеціи) ласточки улетѣли уже въ первыхъ числахъ Августа, когда настало несчастье, и многіе птенцы подошли съ голоду (Naumannia, 1858, стр. 279).

произволь судьбы, хотя въ пищѣ еще нѣтъ особеннаго недостатка. Но онѣ слѣдуютъ примѣру большинства. На глубокомъ сѣверѣ бываетъ тоже со многими запоздавшими выводками, которыхъ родители, вопреки обычной своей готовности жертвовать собою, безжалостно покидаютъ.

Прирожденная страсть къ кочеванію.

Кому, подобно мнѣ, привелось видѣть, какъ первыя птицы, прилетающія въ неприютную тундру глубокаго сѣвера, съ величайшимъ самоотверженіемъ подвергаются всѣмъ возможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, тотъ не можетъ удовольствоваться предположеніемъ, что единственныя причины кочеваній — недостатокъ въ пищѣ, неудовлетворительность температуры, страданія отъ насѣкомыхъ и т. д. На каждомъ шагу проглядываетъ сила какого-то одолюющаго внутренняго влеченія.

Мы направлялись къ сѣверу, когда мѣстность была покрыта глубокимъ снѣгомъ, воды были скованы толстымъ льдомъ, и на квадратную милю едва приходилась скудная прогалянка плотно замерзшей почвы на крутыхъ обрывахъ, обметаемыхъ вѣтромъ. Съ трудомъ и борясь съ большими лишеніями, мы плелись по зимней пустынѣ, питаясь взятыми съ собою запасами. Вдругъ изъ странъ, наслаждавшихся прекраснѣйшею весною, нахлынули въ видѣ передовыхъ отрядовъ, гуси, чайки и даже лѣсныя птицы и, какъ бы издѣваясь надъ нами, пронеслись мимо насъ по направленію къ сѣверу. «Чего ищутъ легкомысленныя, не запасшіяся дорожной провизіей, среди зимней пустоты? Онѣ непременно должны умереть съ голоду», такъ записалъ я въ своемъ дневникѣ. По всей вѣроятности многія и подошли отъ голода, но много гусей и голенастыхъ, изголодавшись, возвратились туда, откуда прилетѣли, а черезъ нѣсколько дней опять возобновили свои попытки, которыя однакоже удалась имъ лишь послѣ нѣсколькихъ недѣль опасныхъ трудовъ. За исключеніемъ мелкихъ камушковъ, желудки убитыхъ нами птицъ всегда были совершенно пусты. Однѣ только промышленныя чайки добывали себѣ кое-что то тутъ, то тамъ. Какъ настоящія тундренныя вороны, онѣ летали вокругъ палатокъ и покинутыхъ юртъ, отыскивали себѣ разные объѣдки, оставленные людьми и хищными звѣрями, или по временамъ устраивали себѣ даже лакомый пиръ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ телились сѣверные олени, глотая пропитанный кровью снѣгъ и послѣдь. Тутъ не можетъ быть рѣчи о томъ, что птицы (какъ напр. у насъ нѣкоторыя передовыя ласточки) сначала увлекались обильною пищею, а потомъ, вслѣдствіе переменъ погоды, подвергались голодной смерти.

Подобные-же примѣры я могъ бы рассказать не объ однихъ только птицахъ, но и о рыбахъ и млекопитающихъ глубокаго сѣвера.

Что же гонитъ всѣхъ этихъ животныхъ? Вѣдь ужъ никакъ не чувство самосохраненія. Нѣтъ: подвергая опасности свою собственную жизнь, они скорѣе пытаются сохранить свой родъ именно на глубокомъ сѣверѣ.

Но влеченіе къ распложенію можно бы было считать только весеннимъ, а никакъ не осеннимъ побужденіемъ того неодолимаго влеченія къ кочеванію, которому нами выше приведены были примѣры. Положимъ даже, что самые неугомонные кочевники, о которыхъ мною только-что говорено было, потому только подвергаютъ себя опасности, что чувствуютъ въ себѣ назрѣваніе плодовъ преждевременныхъ ласокъ, которые дома нужно пристроить въ гнѣздѣ: все-таки, даже въ области самаго кратковременнаго лѣта глубокаго сѣвера, нѣкоторые менѣе спѣшные путники, даже по прибытіи на мѣсто высиживанія, приступаютъ къ этому дѣлу лишь по прошествіи нѣсколькихъ недѣль. Кромѣ того, какъ уже было сказано, самцы (напр. подорожниковъ) не рѣдко отправляются на дальній сѣверъ отдѣльно отъ самокъ и прежде ихъ.

И такъ страсть къ кочеванію опять таки не зависитъ отъ одного только влеченія къ распложенію: иначе путники, посѣщающіе глубокой сѣверъ, могли бы пріютиться и подъ болѣе южными широтами, среди высиживающихъ яйца родичей своихъ. Но пойманныхъ сѣверянтъ (не говорю уже о гиперборейскихъ птицахъ) пока еще никогда не удавалось доводить до высиживанія яицъ въ нашихъ умѣренныхъ широтахъ. Ихъ постоянно что-то опять тянетъ къ мѣсту родины, благодаря прирожденному влеченію къ родинѣ, почти столь-же непостижимому, какъ то влеченіе, вслѣдствіе котораго тѣ же самыя животныя часто безостановочно стремятся за 40 градусовъ широты, на южныя зимнія квартиры, не смущаясь гостеприимнымъ видомъ промежуточныхъ странъ, избытками которыхъ они лакомятся на пути. Повторяю, что даже такіе жалкіе субъекты по части летанія, какъ напр. перепелъ и дергачъ, перелетаютъ черезъ Черное, черезъ Средиземное море, хотя отъ утомленія тысячами погибаютъ въ волнахъ морскихъ, и встрѣчая на перепутьи корабль, скорѣе готовы отдать себя во власть человѣка, чѣмъ пытаться летѣть дальше¹⁾. Страсть птицъ къ странствованіямъ нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ способности летать, слѣдовательно и надеждѣ на спасеніе во время продолжительнаго полета.

Если бы намъ вздумалось замѣтить, что въ ежегодномъ возвращеніи птицъ и млекопитающихъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго, потому что оно повторяется періодически, подобно кругообращенію всего земнаго шара, то все-таки мы не знали бы что сказать, вспомнивъ о странствованіяхъ лоховъ восточной Сибири, которые едва успѣютъ вылупиться изъ яйца, какъ уже плывутъ внизъ по рѣкѣ къ морю, чтобы найти въ немъ настоящую свою родину, гдѣ они вырастаютъ и блаженствуютъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, ими также овладѣваетъ непреодолимое влеченіе; они покидаютъ море, въ которомъ имъ до тѣхъ поръ было привольно, и безъ удержу плывутъ вверхъ по рѣкамъ, для метанія икры, но на встрѣчу своей собственной гибели. Слѣдовательно, это не происходитъ ежегодно, соотвѣтственно правильному измѣненію временъ года, да кромѣ того нельзя предполагать, что рыбы плывутъ вверхъ только ради потребности въ свѣжей, бо-

¹⁾ Моряки испытали это на всѣхъ моряхъ. На нашемъ Понтѣ подобныя жалкія сцены видѣлъ Нордманъ (см. Démidoff, Voyage III, стр. 202, 274).

лѣе изобилующей воздухомъ, водѣ, такъ какъ намъ извѣстно, что тѣ же самыя рыбы возвращаются въ тѣ же рѣки, въ которыхъ онѣ вышли изъ икры.

Если бы лохъ Кета покидалъ родное море только для того, чтобы отыскать себѣ болѣе обильную воздухомъ, болѣе свѣжую воду, то онъ завернулъ бы въ первый, попавшійся ему на встрѣчу горный ручей. Но нѣтъ: онъ отыскиваетъ мѣсто своей родины, и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока жалостно не погибнетъ среди обильнаго кислорода горнаго воздуха. Точно безуміе непреодолимой силы побуждаетъ его къ самоубійству.

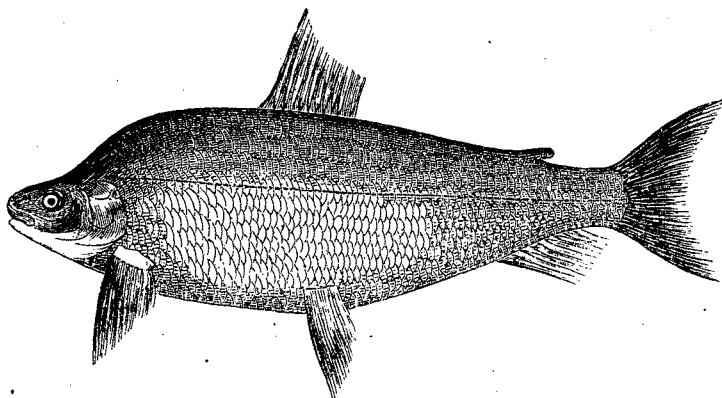
Кочеваніе до-смерти.

Остановимся нѣсколько на разсмотрѣніи того чрезвычайно замѣчательнаго факта, что въ восточной Сибири водятся странствующие лохи, которые, на подобіе однихъ только насѣкомыхъ, вмѣстѣ съ окончаніемъ процесса распложенія, заканчиваютъ и жизнь свою. Неодолимые порывы эротическаго влеченія, до издыханія; цвѣтъ идеи кочеванія; и такіе идеалы въ тупоумной влажно-холодной рыбѣ!

Съ неудержимою силою, цѣлыми милліонами, лохъ Кета ¹⁾ мчится вверхъ по рѣкамъ, въ горные потоки. Вода кишитъ ими, принимая рыбій вкусъ, весла вязнутъ, подкидывая рыбы, и какъ скоро лодка плыветъ вдоль нѣсколько плоскаго берега, такъ крайніе ряды вытѣсняются на сушу, гдѣ они жалостно погибаютъ. Но главная стая продолжаетъ стремиться впередъ, пробирается противъ напора потока, противъ быстринь, вверхъ въ горы, все дальше и дальше, пока наконецъ не хватаетъ воды. Уже выдаются изъ воды спинные плавники, даже самыя спины; люди, вооруженные уже не сѣтями и гарпунами, а просто палками, медвѣди, собаки, птицы безжалостно губятъ ряды — но остальные не прекращаютъ своего движенія. Гдѣ мало воды, тамъ они бросаются на плоскій бокъ, то вправо, то влѣво. Рыба теряетъ свой блескъ, темнѣетъ, становится зеленовато-сѣрой, чешуя на животѣ стирается; плавники, а наконецъ и вся нижняя половина тѣла какъ-бы покрыты запекшеюся кровью, становятся темно-багровыми, синевато-красными, и наконецъ даже черно-синими, зубчатыми изибами по бокамъ, отвратительными на видъ, подобно полупочернѣвшимъ, цынготнымъ ранамъ искалѣченныхъ тѣлъ теплокровныхъ животныхъ, ободранными, какъ будто покрыты дикимъ мясомъ — а лохъ все-таки стремится вверхъ, пока теряетъ послѣднія силы, пока къ концу лѣта во многихъ мѣстахъ послѣдняя вода горныхъ потоковъ скроется между слоями валуновъ и затѣмъ воздухъ заражается зловоніемъ труповъ гнѹющихъ рыбъ. Въ такомъ положеніи я засталъ лоха Кета въ началѣ Октября, въ притокахъ рѣки Тугура. Это было четыре мѣсяца послѣ того, какъ онъ въ первый разъ при мнѣ прибылъ въ устья рѣкъ, впадающихъ у южнаго побережья Охотскаго моря. Онъ такъ измѣнился, что трудно было признать въ немъ стараго знакомаго. Даже фигура его перемѣняется; кромѣ общаго истощенія, вась пора-

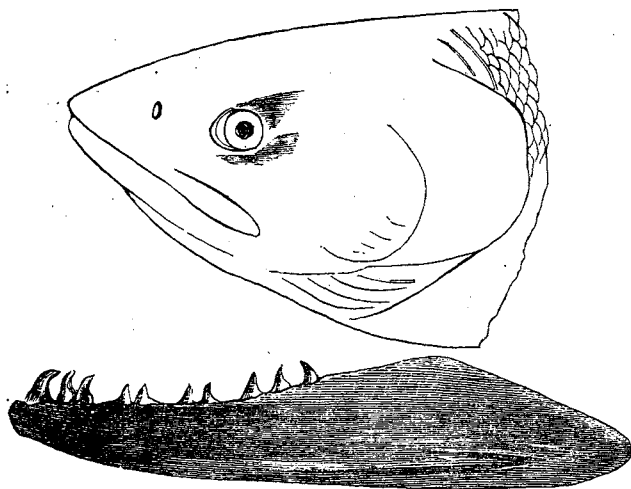
¹⁾ S. Iagocerphalus я имѣлъ случай самъ наблюдать. Неэрна и горбуша (S. Iusaodon и Proteus), говорятъ, дѣлаютъ тоже самое.

жасть известная крючковатость челюстей и выступаніе зубовъ; у горбуши, которая въ молодости имѣетъ форму лоха Кета, тѣло, въ случаѣ возвращенія рыбы въ море, принимаетъ такую горбатую форму, что по этой причинѣ рыба и названа горбушей. Говорятъ, что она тогда бываетъ похожа на интереснаго лоха «бокчегора», который водится въ низовьяхъ Енисея.

Лохъ «Бокчегоръ» изъ Боганиды, пойманный 6-го Сентября.

у тѣхъ, которые по-моложе и по-свѣжѣе, мало чешуи, а ротъ и плавники въ бѣлыхъ пятнахъ, точно такъ, какъ у тѣхъ, которымъ въ городскихъ садкахъ уже слишкомъ долго пришлось ожидать покупателей. Нѣкоторые поворачиваютъ вверхъ брюхо свое, болѣе или менѣе испещренное пятнами. И тутъ подстерегаетъ ихъ человѣкъ. Истощенные,

Плывущій вверхъ лохъ Кета (*S. lagoscephalus*), въ 7 фунтовъ вѣсомъ, пойманный 26-го Юля въ морской бухтѣ Нингѣ.

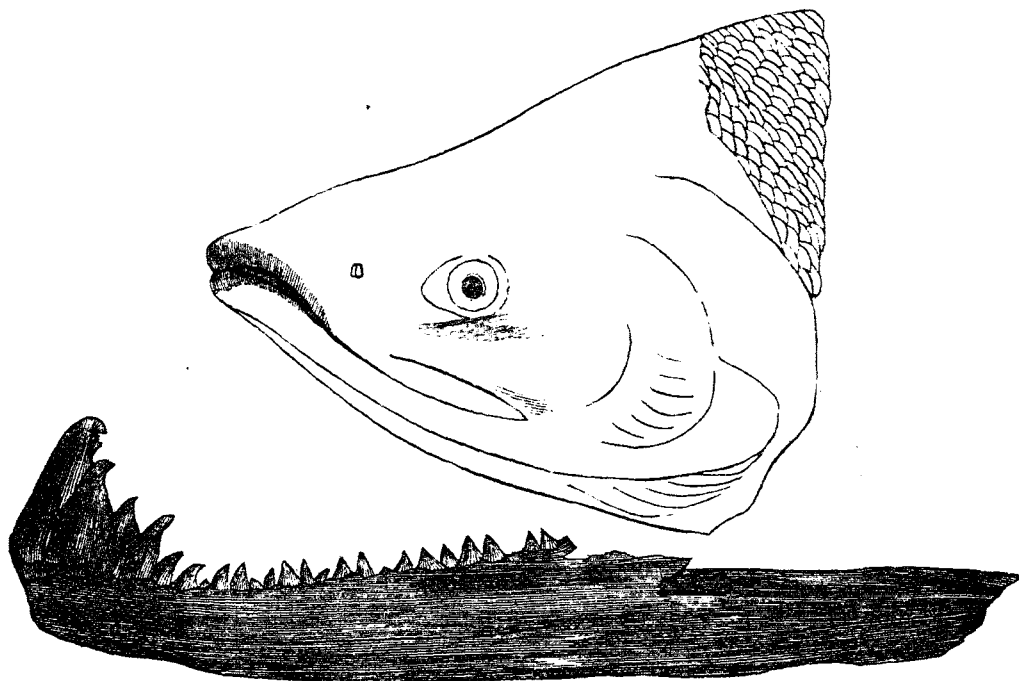
Только немного лоховъ Кета, да кромѣ того, по-видимому, болѣе молодые, остаются въ живыхъ, въ озерахъ, до которыхъ они добрались, или въ глубокихъ мѣстахъ рѣки, въ которыхъ наступившее пониженіе поверхности воды, насильно, очевидно противъ воли ихъ, отрѣзало имъ путь къ неизбежной смерти. Въ такихъ водоемахъ они плаваютъ назадъ и впередъ; даже

измученные и исхудалые, съ незрелатымъ мясомъ, обезображенные до того, что ихъ нельзя узнать, синекраснаго цвѣта, съ крючкообразно загнутыми челюстями, растопыреннымъ ртомъ, огромными, похожими на волчьи клыки, зубами и даже, какъ мы сказали, сгорбленные, немногіе, оставшіеся въ живыхъ, гуляки, осенними водами уносятся въ море, гдѣ, и послѣдніе экземпляры этой братьи, совершенно одряхлѣвши, вѣроятно также погибаютъ мало по малу. Это весьма замѣчательное явленіе, напоминающее жизнь нѣкоторыхъ насекомыхъ, мы назовемъ кочеваніемъ до-смерти (*Godtwandern*). Оно такъ своеобразно, что требуетъ особаго названія; оно

до-смерти (*Godtwandern*). Оно такъ своеобразно, что требуетъ особаго названія; оно

повторяется въ такомъ-же размѣрѣ и на противоположномъ берегу Берингова рукава въ сѣверо-западной Америкѣ¹⁾.

Такимъ образомъ самыя упорныя изслѣдованія метеорологіи, съ помощью своихъ градусниковъ, все-таки могутъ дать намъ лишь одностороннія понятія о законахъ кочеванія животныхъ. Важнѣе оказывается прирожденное влеченіе, которое впрочемъ только

Одряхлѣвшій дохъ Кета (*S. lagoscephalus*), вѣсомъ въ 11 фунтовъ, пойманный въ началѣ Октября въ области рѣки Немилень, далеко въ верховьяхъ, на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ.

при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ возбуждается, развивается и за тѣмъ свободно можетъ дѣйствовать. Опредѣленіе этихъ внѣшнихъ условій будетъ составлять задачу зоологіи, при выполненіи которой метеорологія можетъ оказать намъ во многихъ случаяхъ важное содѣйствіе.

Сила влеченія къ кочеванію нигдѣ не высказывается такъ рѣзко, какъ на сѣверѣ, гдѣ она гонитъ животныхъ къ самому полюсу²⁾, даже за первоначальныя ихъ предѣлы, за мѣста ихъ родины, вдалѣ по направленію къ сѣверу. Если явно-лѣсныя птицы, какъ напр. пустельга и сиринь, осенью улетали далеко за черту своихъ послѣднихъ гнѣздъ, къ сѣверу на плоскую тундру, то на это была очевидная причина — непреодолимая при-

¹⁾ Сравн. напр. Kittlitz Denkwürdigkeiten, I, p. 232, и въ особенности Suckley, Explorations and survey's for a railroad route from the Mississipi-river to the Pacific Ocean Vol. XII, part. II, p. 309.

²⁾ Такъ напр. Кѣнъ еще подлѣ $81\frac{1}{2}^{\circ}$ видѣлъ, какъ значительная стая лебедей (?) летѣла на ССВ. (Müller, въ Journ. für Ornithologie, 1836).

тягательная сила лакомыхъ лемминговъ, которыхъ можно было добывать тамъ безъ всякаго труда. Но совершенно другой видъ принимаетъ это-же самое обстоятельство у значительнаго количества разныхъ птицъ, которыя въ періодъ перелета, либо ежегодно, либо только по временамъ, проникаютъ за свой полярный предѣлъ по направленію къ сѣверу, иногда начинаютъ дѣлать приготовленія къ высиживанію яицъ, но по большей части улетаютъ, не исполнивъ этого намѣренія. Онѣ залетаютъ за предѣлъ свой (*versteigen sich*); такъ я желалъ бы назвать это явленіе. Такихъ залетѣвшихъ слишкомъ далеко птицъ нужно однако отличать отъ занесенныхъ (*Verschlagenen*) противу воли. Въ этомъ положеніи залетающихъ находятся ласточки подъ 70° с. ш. въ Лапландіи или еще сѣвернѣе (до 76° с. ш.) на Новой Землѣ; также въ Исландіи, кромѣ ласточекъ, чапура и пегалица; въ Исландіи и Гренландіи ибисъ-коровайка. Такимъ родомъ горлица, скворецъ, жаворонокъ и даже удождъ появлялись до 69° с. ш. въ Лапландіи, хотя напр. послѣдній уже въ Лифляндіи составляетъ величайшую рѣдкость. Впрочемъ не нужно вовсе ходить такъ далеко за примѣрами, потому что тоже самое можно видѣть повсюду, гдѣ оканчивается полярный предѣлъ какой-нибудь породы птицъ. Перепелъ можетъ служить примѣромъ въ Лифляндіи, такъ какъ въ Курляндію онъ по большей части является, но все-таки иногда не прилетаетъ. Въ сѣверной Лифляндіи онъ столько-же разъ не бываетъ, сколько и прилетаетъ, а около С. Петербурга или Вологды появленіе его уже считается признакомъ особенно хорошаго лѣта. Нѣкоторые аисты въ окрестностяхъ Дерпта въ каждую весну попарно пробираются къ сѣверу за предѣлы послѣднихъ мѣстъ высиживанія яицъ, но вскорѣ, осмотрѣвшись, возвращаются назадъ. Около Кіева я имѣлъ случай видѣть прибытіе стаи пеликановъ и узналъ при этомъ, что такой прилетъ обыкновенно повторяется по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Подобныхъ наблюденій можно набрать множество для всѣхъ странъ изслѣдованной части западной Европы¹⁾.

Такое залетаніе бываетъ только весною. Непомѣрное влеченіе къ кочеванію, не дающее покоя даже птичкѣ уютно укрытой въ теплой комнатѣ, выходитъ изъ своихъ предѣловъ, и обращается въ страсть къ кочеванію (*Wandersucht*), которая съ одинаковою силою овладѣваетъ и человѣкомъ. Впередъ! впередъ! напептываетъ и человѣку

¹⁾ Какъ около Кіева, такъ пеликаны появились и у Харькова (*Szegny, Bullet. d. Natural. de Moscou, 1830. XXIII*). Въ С.-Петербургѣ мнѣ привелось видѣть въ 1848 году прилетъ необыкновеннаго количества выпей. О появленіи въ Лапландіи *Hir. rustica*, *Col. turtur*, *Sturn. vulgaris*, *Alauda arvensis*, *Emb. citrinella*, *Anas tadorna*, *Urupa eros*, см. Песслера и Шрадера въ *Sabanis, Journ. für Ornithol., 1853, p. 243, 258*. О *Hir. rustica* и *urbica* въ Исландіи см. Фабера, *Leben hochnordischer Vögel*, p. 34, и въ Новой Землѣ до $76\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., 22-го Іюля 1869 года, см. *Isis, 1870, p. 303; Geogr. Mittheil. 1871, I; Neuglin, p. 33*. О *Coturn. dactylisona* въ Курляндіи, см. Бюттнера въ *Lüdde's Zeitschr. für Erdkunde,*

VI, p. 168. Такимъ-же образомъ *Otis tarda*, *Otis tetrax*, даже *Otis houbara* забираются въ Данію (*Naumannia, 1830, II, p. 101; III, p. 45, 48; 1832, III, p. 7*), *Meopis arpiaster* въ Кенигсбергъ и т. д. — Если Палласъ въ Апрѣлѣ около Петербурга видѣлъ *Grus leucogeranus* (*Zoogr. II, p. 103*), то это вѣроятно были сбившіяся съ дороги птицы. Но *Grus virgo*, убитую въ 1837 году около Гельголанды (*Nordmann въ Демидовъ, Voy. III, p. 268*), я отношу къ числу залетѣвшихъ слишкомъ далеко. *Ciconia alba* появляется и въ сѣв. Лифляндіи и въ сѣв. Гельзинг-ландѣ, въ Швеціи (*Öfversigt af Kongl. Vetensk. Akad. Förhandlingar, 1831, p. 72*) и т. п.

и птицѣ какой-то внутренней голосъ, пробуждая и въ томъ и въ другой отважныхъ героевъ, открывающихъ роду своему новые міры.

Птицамъ, конечно, очень легко совершать свои перелеты, но и млекопитающія, болѣе привязанныя къ почвѣ, собираются въ путь, какъ только ими овладѣваетъ страсть къ кочеванію. Не только такіе отличные пловцы, какъ сѣверные олени, но и рыси, которыя, подобно всѣмъ кошкамъ, очень боятся воды, или такіе карлики, какъ леммингъ и экономическая мышь, очертя голову, бросаются въ самыя широкія рѣки, въ рѣчныя быстрины, даже въ морскія волны. Старались объяснить это явленіе недостаткомъ пищи, голодомъ. Въ дебряхъ, находящихся по берегамъ Колы, я однажды лежалъ среди роскошнѣйшей расительности глубокаго сѣвера, при великолѣпнѣйшей ясной погодѣ, и, прислонясь къ древесному стволу, задремалъ отъ усталости. Но вдругъ я въ испугѣ вскочилъ, потому что по спинѣ моей, черезъ голову и лице мое, перебирался леммингъ. Оказалось ихъ всего небольшая компанія, которая безъ всякой видимой причины бросилась въ бушующій, наполненный каменными глыбами, горный потокъ, въ явную неизбежную опасность; лишь немногимъ удалось перебраться на другой берегъ¹⁾. Чтò побуждало ихъ поступить такимъ образомъ? Отвѣчаю: дошедшая до безумія страсть къ кочеванію.

Совершенно независимо отъ условій метеорологическихъ, а въ особенности отъ условій питанія, образуется влеченіе къ кочеванію въ цѣломъ ряду животнаго царства, начиная отъ саранчи и другихъ насѣкомыхъ до самого человѣка. Живетъ онъ себѣ цѣлые годы тихо и спокойно, но вдругъ въ немъ, даже въ цѣломъ народѣ, пробуждается страсть къ необычному переселеніямъ.

Выселеніе.

Между сѣверными животными главнымъ образомъ леммингъ прослылъ какъ-то особенно кочевымъ животнымъ. Въ новѣйшее время однакоже выяснилось довольно хорошо²⁾, что странствованія лемминга собственно не настоящія періодическія кочеванія, а только выселенія (*Auswanderungen*), какія предпринимаютъ многіе изъ тѣхъ мелкихъ грызуновъ, которые въ извѣстные годы размножаются непомерно сильно. Считаю впрочемъ нужнымъ рассмотреть этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Въ настоящее время вообще сомнѣваются въ полной достовѣрности древнихъ сѣвероскандинавскихъ извѣстій о кочеваніи лемминговъ въ совершенно прямомъ направленіи. Посѣтивъ Лапландію лѣтомъ 1840 года, я самъ сталъ считать эти извѣстія слишкомъ преувеличенными. Это-же миѣніе печатно высказано и Бэромъ. Дѣло состояло вотъ въ чемъ. Тщетно до начала Іюля мы отыскивали лемминговъ на восточномъ берегу Лапландіи; даже тогда, когда Бэръ за каждаго лемминга, котораго принесутъ матросы, обѣ-

¹⁾ Ричардсонъ (*Searching Expedition I*, p. 106) сообщаетъ случай, относящійся также къ подобнымъ явленіямъ.

²⁾ Мартенъ (*Martins* въ *Revue Zoologique*, 1840, стр. 193 и слѣд.) подробно и превосходно рассмотрѣлъ этотъ вопросъ.

щаль, платить по 1 руб. сер., лишь съ величайшимъ трудомъ удалось набрать съ полдюжины, не смотря на то, что торфяная почва тундры на каждомъ шагу была произана желобчатыми ходами лемминговъ и ходы эти были густо усьяны ихъ испражненіями. Но уже во второй половинѣ Іюля мы вдругъ, совершенно неожиданно, застали миллионы лемминговъ на сѣверномъ берегу, и улицы Колы до такой степени были запружены ими, что даже собаки лишь изрѣдка на нихъ обращали вниманіе. Вскорѣ я убѣдился, что вся движущаяся толпа въ ширину простиралась только на нѣсколько миль, но вѣроятно она тянулась ко всѣмъ побережьямъ Русской Лапландіи, потому что въ концѣ Августа, когда я пѣшкомъ прошелъ по внутренней части Русской Лапландіи, отъ Колы до Бѣлаго моря (Кандалакши), въ прямомъ направленіи къ югу, я внутри полуострова не встрѣтилъ ни одного лемминга. Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ безчисленнѣе становились они, какъ у Ледовитаго, такъ и у Бѣлаго моря. Но стоило отойти на нѣсколько миль во внутреннюю страну, и лемминги встрѣчались лишь кое-гдѣ. На нагорныхъ тундрахъ внутреннихъ частей края, равно какъ и въ лѣсахъ, вовсе не было лемминговъ. Слѣдовательно лѣсная растительность въ этомъ случаѣ также ничего не значила. Даже у Ледовитаго моря, въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа, они еще не проникли ни до самаго крайняго, выдающагося къ сѣверу, полуострова (Рыбачьяго), ни до 70-го градуса широты на противоположномъ западномъ берегу Варангфіорда.

Изъ этихъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что лемминги такъ непомѣрно размножились въ горныхъ цѣпяхъ внутренней части края. Въ концѣ лѣта, они отправились, подобно другимъ альпійскимъ животнымъ, вдаль по всѣмъ направленіямъ, въ томъ числѣ и по направленію къ сѣверу, пока наконецъ отовсюду одинаково - близкое морское побережье рѣшительно преградило ихъ шествіе. Объ опредѣленномъ направленіи, напр. о шествіи къ югу, не могло быть рѣчи, и я увѣренъ, что такое-же безчисленное множество лемминговъ мы встрѣтили бы и на восточномъ берегу Лапландіи¹⁾, если бы мы прибыли туда въ концѣ, а не въ началѣ лѣта. Это доказывалось несмѣтнымъ множествомъ прошлогоднихъ слѣдовъ. Немногихъ лемминговъ, которыхъ мы застали тамъ въ началѣ лѣта, должно, кажется, признать за осѣдлыхъ лемминговъ; вѣроятно это остатки прошлогоднихъ нашествій. Теперь, когда мнѣ удалось ознакомиться съ изслѣдованіемъ Эрнстрёма, я нахожу въ немъ подтвержденіе моей догадки и не сомнѣваюсь въ томъ, что тогда и въ Скандинавіи часть путниковъ могла направиться къ сѣверу²⁾.

1) Ср. также Liljeborg, Observationes Zoologicae, 1844, стр. 11.

2) Нѣкоторыя стаи сообщая перебирались черезъ пороги р. Колы съ праваго берега на лѣвый. По всему берегу оз. Имандры не было видно ни одного лемминга, и только неподалеку отъ южнаго его берега опять стали показываться нѣкоторые. За тѣмъ, не смотря на густые лѣса, число ихъ стало увеличиваться, чѣмъ болѣе я приближался къ берегу (Бѣлаго моря). Впрочемъ въ Кандалакшѣ, хотя они и шныряли повсюду, ихъ все-

таки было несравненно меньше, чѣмъ на берегахъ Кольскаго залива. Правда, что между тѣмъ уже наступало начало Сентября, сопровождаемое слякотью и сибгомъ. Меньшее количество лемминговъ у Кандалакской губы Бѣлаго моря мы вправѣ приписать позднему времени года, въ которое я посѣтилъ эту мѣстность, тѣмъ болѣе, что въ тоже самое лѣто лемминги несмѣтными стаями доходили до Ботническаго залива, наводнивъ побережье его на 2 и на 3 мили ширины (срав. Ehrström въ Notiser ur sällskapet pro Fauna et Flora Fennica. Förhand-

Совершенно иное мнѣ привелось видѣть въ Таймырскомъ краѣ. Претерпѣвъ разныя невзгоды, я долженъ былъ тронуться въ обратный путь съ глубокаго сѣвера поздне, чѣмъ желалъ. Начиная съ $74\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. къ югу до $73\frac{3}{4}^{\circ}$ мнѣ не удалось отыскать ни одного лемминга, ни одного слѣда этого звѣрька тамъ, гдѣ лѣтомъ ихъ было такъ много. Но еще далѣе къ югу, между $73\frac{3}{4}^{\circ}$ и 73° с. ш. (до источниковъ Логаты), снѣгъ густо былъ покрытъ ихъ слѣдами. Какъ на бѣлой бумагѣ необозримой карты, такъ на снѣжномъ полотнѣ обрисовывались несмѣтныя полоски слѣдовъ, почти совершенно параллельныя между собой и среднимъ числомъ на пядень ширины одна отъ другой, то болѣе, то менѣе. Лемминги — такъ явно свидѣтельствовалъ составленный ими самими чертёжъ — одновременно, быстрыми скачками, совершенно прямо шли по тундрѣ съ сѣвера къ югу. Какъ широко было это необозримое шествіе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ, потому что я пересѣкъ только одинъ предѣлъ его¹⁾, когда мы тянулись по направленію къ югу. Шествіе ихъ направлялось отъ юга не много къ западу, а намъ пришлось ѣхать отъ юга къ востоку, такъ что мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя было догнать крохотныхъ путниковъ, тянувшихся передъ нами. Но теперь мнѣ стало ясно, что видѣнное мною въ Лапландіи не составляло самаго шествія. Тамъ они колыхались то туда, то сюда, потому что уже прибыли къ цѣли своего путешествія. Тамъ замѣтно было только еще слабое влеченіе къ западу, такъ какъ нѣкоторыя стаи рѣшались перебраться въ этомъ направленіи черезъ р. Колу и даже черезъ морской заливъ.

Въ Таймырскомъ краѣ вѣроятно кочевалъ Обскій леммингъ; впрочемъ, въ благоприятные годы кочуетъ и песцовая копытная мышь. Въ мое время послѣдняя не уродилась. Но она уходитъ даже за двадцать географ. миль по льду морскому, отъ Ново-Сибирскихъ острововъ на югъ къ берегамъ Сибири и при этомъ, говорятъ, погибаетъ столько же отъ голода, сколько и отъ ранъ на подошвахъ²⁾.

Это кочеваніе, овладѣвающее леммингами отъ времени до времени, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдуетъ, можетъ быть, скорѣе назвать выселеніемъ, которое идетъ то съ высотъ внизъ по всѣмъ направленіямъ, то правильно съ сѣвера къ югу. Необходимо только знать, возвращаются ли они весною. Кочевникамъ, которыхъ я спрашивалъ объ этомъ, извѣстенъ былъ весенній походъ, хотя онъ имъ мало замѣтенъ, потому что лемминги идутъ, говорятъ, впереди ихъ. Въ началѣ Іюня и я уже засталъ лемминговъ на р. Таймырѣ. Хотя снѣгъ еще не успѣлъ стаять, но Обскихъ лемминговъ было тамъ такое множество, что я не могъ признать въ нихъ осѣдлыхъ животныхъ, по-

lingar, 1852, II, p. 1). Эрштрёмъ узналъ, что они кочевали тамъ въ направленіяхъ отъ С. къ Ю., отъ С.-В. къ Ю.-З. и отъ С.-З. къ Ю.-В., и что не измѣняли своего направленія черезъ воды и даже черезъ строения. Что касается до сѣвернаго предѣла ихъ кочеванія, то мнѣ не удалось отыскать ни одного лемминга, ни на Рыбачьемъ полуостровѣ, ни у Wadsöe или Wardöe, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что и ниже 70° с. ш. одно

только море удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Послѣднія мѣстности я посѣтилъ вѣроятно слишкомъ рано лѣтомъ.

1) Неподалеку отъ Логаты.

2) Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 222. Тоже самое у Швеицына въ Сибир. Вѣстн. III, стр. 181, и у Врангеля, Путеш. I, стр. 138.

добно песцовымъ копытнымъ мышамъ, которыхъ тамъ было меньше. До того времени, т. е. въ теченіе всего Мая, между 71 и 73¹/₂° с. ш. мы не видѣли ни одного лемминга.

Иногда, можетъ быть, лемминги и не возвращаются, но большею частью, вѣроятно не обращалось вниманія на возвращеніе и оно совершалось незамѣтно, такъ какъ лишь весьма немногіе переживаютъ всевозможныя невзгоды путешествія и зимняго пребыванія, да кромѣ того звѣрьки эти преимущественно странствуютъ въ ночное время. Впрочемъ и это возвращеніе подтверждается неоднократными свидѣтельствами изъ самыхъ различныхъ мѣстностей, такъ что слова Гюіона «il descend toujours, il ne remonte jamais» невѣрны¹).

Слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, странствованіе лемминговъ есть настоящее кочеваніе, но только не ежегодно-періодическое, а случайное кочеваніе (Gelegenheitswandern), повторяющееся по простествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Мы могли бы назвать его скитаньемъ (Streichen), если бы на первомъ планѣ не появлялось чистое влеченіе къ кочеванію, совершенно затмѣвающее отыскиваніе пищи. Въ такихъ случаяхъ, когда странствованіе незакончивается возвращеніемъ, оно скорѣе походило бы на кочеваніе до-смерти (Todtwandern), чѣмъ на выселеніе (Auswandern), потому что ушедшіе лемминги не только не размножаются, но даже и не сохраняются тамъ, куда они заходятъ при своихъ странствованіяхъ, а большею частью погибаютъ, и въ краѣ не бываетъ лемминговъ до тѣхъ поръ, пока ихъ туда не заведетъ новое нашествіе. Отъ кочеванія до-смерти, на которое оно похоже тѣмъ, что только весьма немногіе переживаютъ переселеніе, странствованіе и погибаніе лемминговъ отличается тѣмъ, что не находится ни въ какой явной связи съ размноженіемъ рода. Мы должны признать лемминговъ за настоящихъ кочевниковъ тѣмъ болѣе, что какъ въ Лапландіи, такъ и въ Таймырскомъ краѣ, мѣста, гдѣ они устраиваютъ свои гнѣзда, осенью были совершенно пусты. По всей вѣроятности, на слѣдующій годъ они опять отправляются домой, чтобы устроить тамъ свои гнѣзда.

Разсматривая ближе вопросъ, по какой причинѣ подобныя случайныя кочеванія (Gelegenheitswanderungen) происходятъ въ извѣстные годы, мы находимъ, что каждый разъ они сопровождаются необыкновенно сильнымъ размноженіемъ того рода животныхъ, къ которому переселеніе относится. Помимо недостатка въ пищѣ, побуж-

¹) Замѣчательно, что одинъ только Гогстрёмъ (Comptes-rendus de l'Acad. de Paris, 1866, p. 323, 324) свидѣтельствуетъ о фактѣ ихъ возвращенія въ Скандинавіи, гдѣ оно, говорятъ, происходитъ также въ прямомъ направленіи. У Самоѣдовъ сѣверо-восточнаго угла Европ. Россіи Шренкъ (Reise durch die Tundren der Samojeden, 1848, I, стр. 335) узналъ, что тамъ въ концѣ Мая и до половины Іюня лемминги (вѣроятно Обскіе) отъ Уральскаго хребта (и даже «черезъ него») правильными отрядами странствуютъ по направленію къ З. до Бѣлаго моря чрезъ Самоѣдскую тундру. Объ осеннемъ стран-

ствованіи у него, къ сожалѣнію, не говорится. Подобнымъ-же образомъ Ричардсонъ (Appendix to Parry, Sec. voyage, 1823, p. 307) упоминаетъ о видѣнномъ имъ издали переселеніи лемминговъ, по ледяному покрову Большаго Невольничьяго озера, въ теплую весну 1816 года. По весьма замѣчательному извѣстію, сообщенному намъ Эрнстрёмомъ (l. c.), они даже перебирались по льду Богвическаго залива, въ 1755 году. Они шли тогда на лежащій передъ Улеоборгомъ островъ Carl-Öe; за ними слѣдовала стая горностаевъ. Ледъ подломился и множество животныхъ погибло.

дающаго къ кочеванію, сила прирожденнаго кочеваго влеченія возрастаетъ по мѣрѣ накопленія извѣстной породы животныхъ въ данномъ мѣстѣ, подобно тому, какъ дѣйствія одной и той-же гальванической силы возрастаютъ сообразно числу спиралей намотанныхъ на мультипликаторъ. Чѣмъ больше увеличивается масса животныхъ, тѣмъ рѣшительнѣе и правильнѣе каждымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ ея овладѣваетъ склонность къ кочеванію. Начиная отъ пчелъ до самого человѣка переполненіе устраняется колонизаціей. Вслѣдствіе уменьшенія или разъединенія явно кочевья животные не рѣдко становятся осѣдлыми.

Но не одинъ только временный недостатокъ въ пищѣ, при извѣстномъ накопленіи, побуждаетъ животныхъ къ переселенію. Нѣтъ, оно бываетъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ особенностей чрезмѣрнаго континентальнаго климата. Въ континентальной Сибири бѣольшая часть животныхъ становится кочевниками, такъ какъ тамъ часто происходитъ накопленіе животныхъ. Тамъ не только странствуетъ множество своеобразныхъ мышей, которыми Сибирь очень богата¹⁾, и между которыми знаменитая экономическая мышь едва-ли уступаетъ леммингамъ по части кочеванія, но и много разныхъ животныхъ, одинаково свойственныхъ Европѣ и Сибири, и извѣстныхъ намъ дома какъ благонадежные осѣдлые граждане, тѣмъ положителнѣе становятся безпокойными кочевниками, чѣмъ дальше мы проникаемъ въ континентальную часть сѣв. Сибири. Поэтому едва-ли стоитъ упоминать о томъ, что такія европейскія животныя, которыя на однихъ только Альпахъ, смотря по временамъ года, то забираются на горы, то спускаются съ нихъ, устраиваютъ правильныя кочевки и на низменныхъ равнинахъ Сибири. Водяныя крысы, бѣлки, зайцы, и даже сони, т. е. настоящія зимнеспящія животныя — въ Сибири массами затѣваютъ случайныя кочеванія²⁾. Сѣв. олени являются тамъ такими-же періодическими кочевниками, какъ и перелетныя птицы. Такимъ образомъ неудивительно, что

¹⁾ Въ томъ числѣ и Нур. Brandtii, какъ недавно сообщилъ Раде (Reisen im Süden von Ostsibirien, I, p. 204). Говорятъ, что онъ кочуетъ сомкнутыми рядами и переплываетъ рѣки.

²⁾ Полевая мышь (*Arv. agvalis*) еще въ западной Европѣ въ нѣвые годы расплождается въ почти певфройтномъ множествѣ и становится настоящимъ мѣстнымъ бѣдствіемъ, но рѣдко дѣло заходитъ немногимъ дальше первыхъ приготовленій къ переселенію. Даже въ западно-европейскихъ степяхъ Россіи кочеваніе этихъ животныхъ высказывается лишь слабо, какъ мы напр. недавно узнали это, когда полевая мышь обратила на себя вниманіе истребленіемъ хлѣба въ Подоліи, а въ Октябрѣ того-же года, какъ говорили, стала переселяться. Впослѣдствіи слухъ этотъ признали преувеличеннымъ (Beike въ *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1851, I, p. 349). Впрочемъ въ Европейской Россіи уже начинаютъ проявляться первые признаки случайнаго кочеванія. Говорятъ, что суслики нерѣдко трогаются съ мѣстъ, и напр. въ 1850 году перешли

чрезъ Двѣпръ въ западномъ направленіи. (Чернай, О фаунѣ Харьков. губ. 1850, стр. 17, прим.). Въ 1847 году, они перебравшись, говорятъ, черезъ Донъ, какъ сообщаетъ Тарачковъ (Сусликъ пятнистый, Курскъ, 1851, стр. 2, 18). Впрочемъ, вѣдь намъ извѣстно, что и сурки на Альпахъ на лѣто забираются въ область сѣвѣ. На кочеваніе *Mus (Arv.) agrarius, vagus, socialis, amphibius, Sciurus* и *Myoxus* указалъ Палласъ (срав. *Glignes* p. 249, 230, 327, 341 и пр. и *Neue Nord. Beiträge*, 1781, I, p. 335). Объ экономической мыши не только Стеллеръ (*Kamtschatka*, 1774, стр. 131), но и Палласъ (*Glignes*, стр. 230, со словъ другихъ) говоритъ, что она изъ сѣв. Камчатки перебравлась, и притомъ весною, чрезъ рѣки, и даже чрезъ морскіе рукава Пенжинской губы, сначала въ западномъ направленіи, а потомъ вдоль побережья къ югу. Эрманъ (*Reise um die Erde*, I, 3, 1848, стр. 258), единственный ученый, старавшійся пополнить эти старинныя наблюденія нашихъ праакадемиковъ, успѣлъ узнать только объ осеннихъ кочеваніяхъ, которыя въ

хищныя животныя, которымъ, подобно росомахѣ, волку, лисицѣ¹⁾, песцу, соболу и горностаю, приходится питаться сѣв. оленями и грызунами, отправляются вслѣдъ за ними и изъ животныя скитающихся должны сдѣлаться кочевыми. Слѣдовательно, если даже допустить, что у этихъ хищниковъ нѣтъ внутренняго, непреодолимаго влеченія къ кочеванію, то фактъ все-таки остается неопровержимымъ, и напр. песецъ, которому преимущественно приходится питаться такимъ явно-случайнымъ странствователемъ, какъ леммингъ, также безусловно долженъ сдѣлаться случайнымъ кочевникомъ, тѣмъ болѣе, что даже въ такомъ случаѣ, когда лемминги не уродились на его родинѣ, и, слѣдовательно не кочевали, недостатокъ въ пищѣ побуждаетъ песца искать спасенія за предѣлами родины, гдѣ на чужомъ полѣ его часто ожидаютъ чужія ягоды. Въ Таймырскомъ краѣ песцы становятся періодическими кочевниками; можетъ быть ими тамъ дѣлаются и лемминги. Бэръ только отчасти правъ, утверждая въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о песцѣ, въ опроверженіе Ричардсона²⁾, что песецъ не кочуетъ. Гдѣ только узенькая полоска тундры отдѣляетъ побережье Ледовитаго моря отъ предѣла древесной растительности, который въ тоже время и экваторіальный предѣлъ песца, тамъ песцу, родившемуся неподалеку отъ предѣла древесной растительности, конечно, негдѣ кочевать. Но въ Сибири, а еще болѣе въ сѣверной Америкѣ, песцы, пристроившіеся подъ 76° с. ш., уходятъ по тундрѣ къ югу, въ Америкѣ за 15, въ Сибири за 10 градусовъ широты. У туземцевъ они извѣстны подъ названіемъ «ходовыхъ». Говорятъ, что обыкновенно они странствуютъ вверхъ по большимъ рѣчнымъ долинамъ, а иногда, даже осенью, переправляются чрезъ большія рѣки. Англійскіе искатели Франклина поступили не только научно и остроумно, но и весьма практично, заживо лова песцовъ въ опорожнившихся бочкахъ и отпуская ихъ съ ошейниками, на которыхъ вырѣзаны были замѣтки, въ какихъ мѣстахъ для Франклина оставлены были жизненные припасы.

Но, въ теченіи столѣтія, не изгладились-ли и въ Сибири процессы кочеванія живот-

Камчаткѣ направляются отъ морскихъ береговъ къ внутреннимъ частямъ полуострова. Даже объ очевидныхъ кочеваніяхъ бѣлокъ мы со временъ нашихъ праакадемиковъ не получили болѣе точныхъ свѣдѣній. Степановъ (Енисейская губернія, 1833, I, стр. 104) говоритъ, правда, что «нѣтъ ничего пріятнѣе вида флотиліи бѣлокъ, когда онѣ толпою переплываютъ черезъ большую рѣку, приподнявъ хвосты въ видѣ паруса», но легко можетъ быть, что это лишь подогрѣтое старинное извѣстіе въ нѣсколько измѣненной формѣ. Палласъ (Reise III, стр. 11, и II, стр. 60), если не единственный, то все-же главный свидѣтель огромнаго появленія и кочеванія бѣлокъ въ Сибири. Радде (Reisen im Süden von Ostibirien, I, стр. 143) говоритъ, что осенью 1847 года, у Красноярска нѣсколько тысячъ бѣлокъ переплыло съ востока на западъ чрезъ Енисей. Кривошапкинъ (Енисейскій округъ, 1863, I, стр. 18) рассказываетъ, что бѣлки переплывали чрезъ Енисей и при этомъ топили въ большомъ

количествѣ. Въ сѣв. Финляндіи бѣлки кочевали, говорятъ, въ 1840 году, въ одно время съ леммингами (Engström въ Notiser ur Sällsk. pro Fauna et Flora Fennica, 1832, II, р. 6). Мнѣ въ тоже самое лѣто не привелось ничего ни видѣть, ни слышать объ этомъ.

¹⁾ На предѣлѣ древесной растительности лисица по видимому больше бродитъ, чѣмъ кочуетъ. Она не связана необходимостью слѣдовать за какимъ-нибудь кочевникомъ; на цѣлое лѣто она забирается далеко на тундру, которая въ то время изобилуетъ пищей, слѣдов. по направленію къ полюсу, а осенью, когда тундра пустѣетъ, возвращается въ свои лѣса.

²⁾ Fauna Boreali americana, 1829, I, р. 87. Срав. стр. 166 этой части. — Безконечная цѣль молушекъ, которая тянется вдоль тундры всего Сибирскаго сѣвера и составляетъ главный источникъ доходовъ тамошнихъ жителей, рассчитана единственно на кочеванія песцовъ.

ныхъ? Замѣчательно, что въ новѣйшее время до насъ не доходило положительныхъ извѣстій о такихъ кочеваніяхъ, о какихъ сообщаютъ старинные путешественники, а потому, въ интересахъ науки, весьма желательно получить ближайшія свѣдѣнія по этой части. Толпу кочующихъ зайцевъ, въ 500 или 600 штукъ, встрѣтилъ Белль въ 1720 году, въ началѣ Марта, около устья Верхней Тунгуски. Чтобы его не заподозрили въ преувеличеніи факта, онъ прибавляетъ: «i speak within compass». Внизъ по рѣкѣ, слѣдовательно въ западномъ направленіи, они осторожно плелись по дорогѣ, которую протоптали себѣ по рѣчному покрову, рядомъ съ проѣзжей дорогой, и только вслѣдствіе встрѣчи съ путешественниками своротили въ лѣсъ. Беллю рассказывали, что каждую весну зайцы еще въ большемъ количествѣ уходятъ къ югу, а осенью, какъ скоро рѣки замерзнутъ, опять возвращаются. Нѣсколько дней спустя, далѣе вверхъ по рѣкѣ, путешественникъ встрѣтилъ также большія «стада» зайцевъ, которые тянулись къ западу. Въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго я нашелъ, что въ 1806 году, когда онъ проѣзжалъ черезъ Киренскъ (58° с. ш.), жители этого города занимались изготовленіемъ чулокъ, одѣялъ и т. д. изъ заячьей шерсти, жалуясь, что въ послѣднія 15 лѣтъ зайцы, которые прежде, бывало, приходили съ Якутска (62° с. ш.) и ловились ловушками, стали являться рѣже.

Съ того времени о Сибирскихъ зайцахъ не было сообщено подобныхъ извѣстій. Не потому-ли, что съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе частыхъ преслѣдованій, количество этихъ животныхъ уменьшилось? Направленія, указываемыя Беллемъ, позволяютъ предполагать, что изъ сильно занесенныхъ снѣгомъ горъ зайцы спускались въ долины. Съ этой точки зрѣнія, кажется, должно разсматривать большую часть кочеваній животныхъ средней и южной Сибири. О весеннихъ странствованіяхъ зайцевъ и мнѣ привелось слышать на Становомъ хребтѣ, но нигдѣ не могли мнѣ сказать, что эти странствованія происходятъ правильными большими стадами. При всемъ томъ охотничьи племена Сибири повсюду жалуется, что «звѣрь откочнулся». Сначала я былъ остороженъ. Не встрѣчая кочующихъ животныхъ, я полагалъ, что то, чему придавалось значеніе случайнаго кочеванія, слѣдуетъ объяснять иначе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ большая часть мелкихъ грызуновъ размножается такъ быстро, что невольно можно подумать: да то, что мы обыкновенно принимаемъ за отвалъ и привалъ, не простая-ли это убыль и прибыль животныхъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, иногда цѣлые годы сряду, до такой степени оказывается недостатокъ въ той или другой породѣ животныхъ (напр. бѣлокъ, соболей и т. п.), что при всемъ усердіи охотниковъ нельзя отыскать ни единого слѣда²⁾. Кромѣ того, постоянно въ ту же самую осень, кото-

¹⁾ Въ томъ-же 1720-мъ году лоси и олени зашли въ окрестности Тары (Bell, I. с. стр. 203). Случается ли это и въ настоящее время?

²⁾ Срав. 2-й томъ нѣм. изд. II, 2, 78. Въ сѣв. Америкѣ происходитъ тоже самое. По р. Мекензи, чрезъ каждыя

6—7 или 8—9 лѣтъ зайцы до такой степени всѣ уходятъ, что нельзя отыскать ни одного, ни живаго, ни мертваго. Слѣдовательно Гуперъ (Hooper, Ten months among the tents of the Tuski, London, 1833, p. 382) придаетъ эпидеміямъ слѣшкомъ большое значеніе.

рая бывает богата мелкими грызунами, появляется очень много хищных животных; невозможно предположить, чтобы и послѣднія размножились съ такою-же быстротою, хотя, правда, нельзя не принять во вниманіе, что въ голодные годы не только большія хищныя животныя уничтожаютъ меньшихъ, но и вообще хищники поѣдаютъ другъ друга. Наконецъ замѣчено, что на самомъ дѣлѣ удачная охота въ одной мѣстности сопровождается неудачею въ другой, ближайшей къ ней, мѣстности, такъ что напр. обильный песцами годъ на Оби соотвѣтствуетъ скудному году на Енисеѣ, а обильный годъ на полуостровѣ Камчаткѣ — скудному на р. Анадыри¹⁾. По этой части зоологія еще чрезвычайно бѣдна наблюденіями.

Удовольствуемся разъясненіемъ факта, что въ Сибири прирожденное царству животныхъ влеченіе къ кочеванію развито несравненно сильнѣе, и несравненно повсемѣстнѣе, чѣмъ намъ позволяютъ судить наблюденія въ Европѣ²⁾. Повторимъ еще разъ, что влеченіе къ кочеванію, въ полномъ своемъ разгарѣ, оказывается положительно-самостоятельнымъ, внутреннимъ побужденіемъ. Метеорологія даже не всегда будетъ имѣть возможность указывать средства, въ какой степени это влеченіе возбуждается и поощряется извнѣ. Способъ проявленія этого влеченія самобытенъ, типиченъ и обусловленъ внутреннею силою. Множество подтвержденій этого мы встрѣтимъ и при дальнѣйшемъ изложеніи нижеслѣдующихъ соображеній. Главнымъ доказательствомъ значительной самостоятельности влеченія животныхъ къ кочеванію долженъ намъ служить тотъ, подробно-разсмотрѣнный уже выше (см. стр. 142 и 311) фактъ, что на глубокое сѣверѣ, равно какъ въ умѣренныхъ широтахъ, нѣкоторыя осѣдлыя животныя на зиму остаются на мѣстѣ, хотя большая часть животныхъ того-же вида откочевываетъ въ другія мѣста. Слѣдовательно зимованію этого вида животныхъ нисколько не противятся неблагоприятныя условія метеорологическихъ особенностей даннаго мѣста. Такого рода осѣдлыя особняки между переходными животными — назовемъ ихъ осѣдло-переходными животными (*ständige Zugthiere*) — встрѣчаются между всѣми кочующими млекопитающими³⁾, даже между самыми явными кочевниками, сѣверными оленями. Туземцамъ сѣверной Сибири этотъ фактъ хорошо извѣстенъ, потому что охотники отличаютъ «стоячихъ» оленей отъ «ходячихъ».

¹⁾ Только вслѣдствіе непосредственной связи, существующей между обиліемъ мышей и обиліемъ хищныхъ животныхъ, первая играютъ такую важную роль у охотничьихъ племенъ глубокаго сѣвера. Но и въ области земледѣлія встрѣчаются примѣры, которые относятся сюда. Осенью 1803 года, когда между Тобольскомъ и Тарой водяныя крысы опустошали поля, онѣ были ограничены множествомъ появившихся горностаевъ (Хвостова и Давыдова, Двукратн. Путешествіе). Срав. наконецъ извѣстія Палласа (*Reise III*, 88) и Стеллера (*Kamtschatka*, 123).

²⁾ Серръ (*Des causes des migrations*, p. 310) увѣрялъ, что кочуютъ только мелкія млекопитающія животныя.

Онъ забылъ про оленью и бычачью породу, про лошадей, антилопъ и т. д., между которыми встрѣчается множество кочующихъ видовъ.

³⁾ Развѣ только мускусный быкъ сѣв. Америки нигдѣ не встрѣчается осѣдлымъ, а бываетъ только кочевымъ животнымъ. Въ Апрѣлѣ нов. ст., въ американо-арктическомъ архипелагѣ (*Barthhurst-Island*), подъ 73½° с. ш., кромѣ мускусныхъ быковъ, встрѣчались также сѣв. олени (*Osborn, Stray leaves*, 1852, стр. 224). Но Осборнъ выводитъ отсюда, кажется, слишкомъ поспѣшное заключеніе, что зимою животныя съ островной группы Нарри вовсе не уходятъ на материкъ.

Иное явленіе намъ представляютъ птицы и рыбы. Между явными перелетными птицами на глубокомъ сѣверѣ нѣтъ ни одной осѣдло-перелетной птицы, да ея и не можетъ быть, потому что у насѣкомоядныхъ птицъ истощается пища, а водныхъ и голенастыхъ птицъ ледяной покровъ лишаетъ ихъ стихій. Осѣдло-перелетными птицами тамъ мнѣ извѣстны только такія, которыя подъ менѣ суровыми широтами чисто осѣдлыя и никакъ не болѣе какъ временно отлетающія птицы (напр. бѣлая куропатка). Такимъ образомъ мы вправѣ сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ осѣдлыми стали не прежнія перелетныя птицы, а по всей вѣроятности большая часть искони осѣдлыхъ птицъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій, преобразилась въ перелетныхъ птицъ. Но это опредѣленіе никакъ не можетъ имѣть такой силы, чтобы оправдать мнѣніе Фабера, полагающаго, что нельзя найти ни одного вида птицъ, у котораго одни индивидуумы, водящіеся въ болѣе южной птичьей полосѣ, принадлежали бы къ перелетнымъ, а другіе, въ болѣе сѣверной полосѣ, къ осѣдлымъ птицамъ. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, галки, вороны, куропатки и т. п. также доказываютъ противное. Подъ болѣе сѣверными широтами (напр. въ Лифляндіи), онѣ постоянно зимуютъ, тогда какъ далѣе къ югу (напр. около Кіева) оказываются настоящими перелетными птицами¹⁾. Если мы, вмѣсто широтъ, примемъ за мѣрило изохимены, то мы, конечно, болѣе приблизимся къ истинѣ, но все-таки не получимъ совершенно вѣрныхъ данныхъ.

Воды глубокаго сѣвера потому только довольно богаты разными видами рыбъ, что въ нихъ остается немало осѣдло-переходныхъ рыбъ. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ ихъ больше. Я не мало удивился, встрѣтивъ болѣе дюжины разныхъ рѣчныхъ рыбъ еще подъ 71° с. ш. и примѣрно въ 50 геогр. миляхъ отъ моря²⁾. Кромѣ того, было еще много разновидностей этихъ рыбъ. При всемъ томъ я только два вида лоховъ сибирскихъ рѣкъ могу признать за настоящихъ осѣдлыхъ лоховъ³⁾, которые никогда изъ моря не забираются вверхъ по рѣкамъ. Всѣ остальные — осѣдло-переходные лохи, т. е. такіе кочующіе лохи, которыхъ не только во время кочеваго періода и метанія икры, но и въ продолженіе всего года, можно застать въ рѣкахъ, да притомъ также невзрослыми, а это доказываетъ, что они совершенно свыклись съ прѣсной водой. По-видимому существуютъ лохи, составляющіе нѣчто среднее между осѣдло-переходными и чисто-осѣдлыми рыбами, какъ напр. пелетъ⁴⁾, который главнымъ образомъ осѣдлая рыба.

¹⁾ Въ Екатеринбургѣ (37° с. ш.) зимуютъ галки и вороны, въ Лифляндіи, подъ тою-же широтою, и куропатки, тогда какъ около Кіева (50½° с. ш.) первыя отчасти улетаютъ, а куропатки около Оренбурга (52° с. ш.) перелетныя птицы. Въ Исландіи Фаберъ засталъ осѣдлыми птицами даже *Rallus aquaticus* и *Naematorus ostralegus*, которыя подъ гораздо болѣе южными широтами Европы являются перелетными птицами. Въ этомъ случаѣ однимъ изохименами также нельзя объяснить дѣло, а необходимо принять въ соображеніе съ одной стороны

затрудненіе для слабокрылаго *Rallus aquaticus* перелетѣть черезъ океанъ, а съ другой — теплые ключи Исландіи.

²⁾ У Боганиды однихъ лоховъ было: *S. thymallus*, *S. Pelet*, *S. nasutus*, *sicus*, *omul*, *Boktschegor*, *microstomus*, *albula*, *Muksun*, *Kundscha*. Кромѣ того тамъ водились налимы, щуки, колюшки, окуни.

³⁾ Такими въ особенности являются харіусы (*Thymallus*), настоящія горныя рыбы. За тѣмъ я причисляю къ этому отдѣлу ленка (*S. coregonoides*).

⁴⁾ На сѣверѣ Сибири пелетъ болѣею частью извѣ-

Осѣдло - переходныхъ рыбъ мы вправѣ считать за такихъ, сѣлавшихся осѣдлыми, переходныхъ рыбъ, предки которыхъ почему-либо не успѣли возвратиться въ море. Такой способъ возрѣнія тѣмъ удобнѣе можетъ быть примѣненъ къ глубокому сѣверу, что нерѣдко осѣдло-переходныхъ рыбъ я встрѣчалъ въ тундренныхъ озерахъ, которыя только во время прибытія лоховъ находятся въ связи съ рѣками, а потомъ, во время отбытія лоховъ, вслѣдствіе осенняго пониженія водной поверхности, разбѣдняются съ рѣками и лишаются всякаго стока. Въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, чисто физическо-географическая необходимость заставляетъ рыбъ перемѣнять образъ жизни. Съ образомъ жизни измѣняются и ихъ свойства, потому что рыбаки глубокаго сѣвера умѣли хорошо отличать осѣдло-переходныхъ отъ неосѣдлыхъ рыбъ того же вида. Какіе поучительные примѣры для будущаго зоологическаго путешественника! Да, мнѣ хотѣлось бы имѣть такое вліяніе, которое дало бы мнѣ возможность отправить специалиста, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ, примѣрно на Енисей и, главнымъ образомъ, къ устьямъ этой рѣки, и окрестностямъ, для ближайшаго разрѣшенія вопроса о видахъ и разновидностяхъ рыбъ въ этихъ необыкновенно-богатыхъ мѣстахъ улова. Встрѣчаются видоизмѣненія формъ, о которыхъ наши музеи позволяютъ только догадываться, отрывочныя переходныя формы, правильный смыслъ которыхъ можно отыскать лишь тамъ, гдѣ вамъ дана возможность рыться въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Сообщаю ниже нѣсколько политипажей, которые сѣланы по рисункамъ моего дорожнаго портфеля и могутъ служить указаніемъ, какъ разнообразна можетъ быть форма одной и той-же рыбы. Сначала мнѣ хотѣлось оспоривать у зоологовъ дикой пустыни установленныя ими опредѣленія видовъ, но вскорѣ я понялъ, что они прозорливѣе меня, и не сталъ затрогивать ихъ, моею задачей было, подвигаться все далѣе и далѣе впередъ. Привезенный мною богатый запасъ ихтиологическихъ матеріаловъ будетъ обработанъ г. академикомъ Брандтомъ.

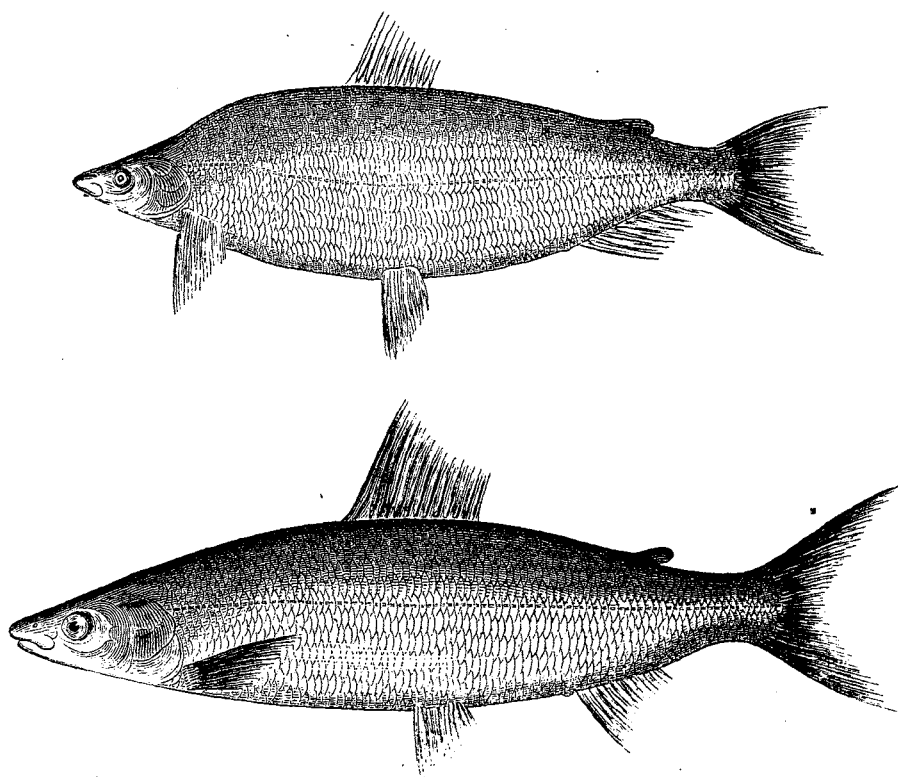
стенъ только какъ осѣдлая рыба. Кочующими рыбами, которыхъ ловятъ въ извѣстное время, можно назвать чира (*S. nasutus*), сига, нельму (*S. leucichthys*). Кроме того, эти осѣдло-переходныя рыбы въ теченіе всего года встрѣчаются въ прѣсныхъ водахъ.

На Енисей подлѣ 63¹/₃° с. ш. (Миробдинское), чиръ еще является осѣдлой рыбой. Подлѣ 74° с. ш. онъ ловился отъ времени до времени къ концу Сентября, когда лохи муксуны сильно стали плыть къ морю. Въ рѣкахъ сѣверо-западной Америки самъ муксунъ называется осѣдло-переходной рыбой (Загоскинъ, Нѣшеход. Описъ, I, 138).

Осетры и стерляди по временамъ, правда, также вы

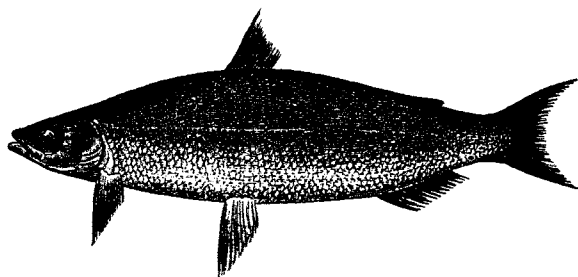
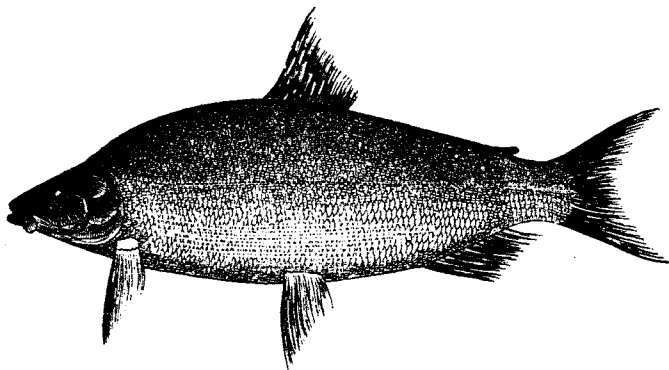
ходить изъ Ледовитаго моря, но далеко не такъ явно, какъ лохи; ихъ ловятъ въ продолженіи всего года. Они проникли также далеко вверхъ въ рѣки (напр. въ верховья Иртыша) и въ озера, находящіяся въ связи съ этими рѣками. Въ продолженіи всего года ловятся и разнаго возраста дѣти всѣхъ этихъ осѣдло-переходныхъ рыбъ, по видимому также предпринимающія дальнія странствованія. Такъ напр., мнѣ рассказывали, что подлѣ 69¹/₂° с. ш. (въ Дудинѣ) по Енисею тянутся вверхъ костѣры всего отъ одной до 3-хъ пяденей длины. Подлѣ 66¹/₂° с. ш. (въ Ангутинѣ) мнѣ подтвердили тоже самое и рыбаки были согласны между собою, что это дѣти простаго осетра.

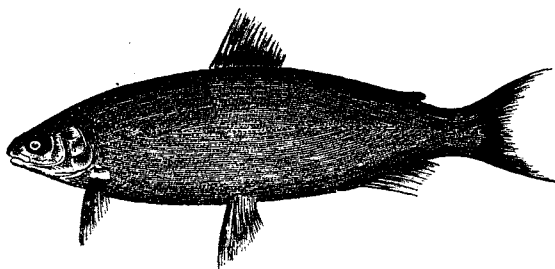

Два сига изъ Боганиды, пойманные въ началѣ Сентября.

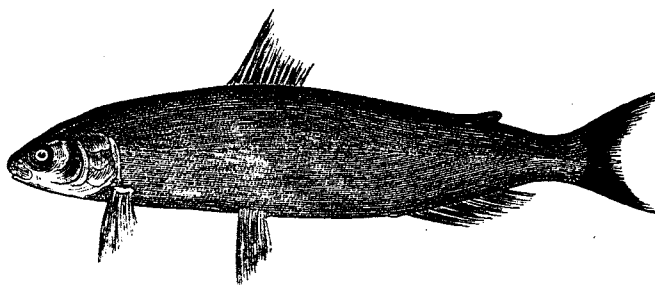
Регулярныя кочеванія переходныхъ рыбъ большею частію также простираются такъ далеко вверхъ по рѣкамъ, что пришлось бы удивляться, если бы изъ безчисленныхъ миллионовъ рыбъ возвратились всё до единой. Притомъ въ Таймырскомъ краѣ малютка лохъ-тугунъ, морской муксунъ и, можетъ быть, также сельдяной лохъ по-видимому единственныя рыбы, которыя, какъ исключительно-странствующія рыбы, нигдѣ не встрѣчались осѣдлыми въ прѣсной водѣ. Въ Охотскомъ же морѣ, напротивъ того, къ такимъ рыбамъ принадлежала бѣольшая часть лоховъ. Такъ какъ тамъ влеченіе къ кочеванію доходитъ до кочеванія до-смерти, то и не остается ни одной рослой рыбы въ пресныхъ водахъ.

Два пелета изъ Боганиды, пойманные въ началѣ Августа.

Морской чирь (*S. nasutus*) изъ озера въ окрестностяхъ Боганиды.

Рѣчной чирь (*S. nasutus*) изъ Боганяды; оба пойманы въ концѣ Июля.

Направленіе и пути кочеванія.

Поищемъ сначала у сѣв. оленей отвѣта на вопросъ о направленіяхъ кочеваній. Между млекопитающими сѣв. олени едва-ли не самые отъявленные кочевники; они похожи на перелетныхъ птицъ въ томъ отношеніи, что проходятъ необыкновенно большія пространства, что, подобно имъ, отправляются въ путь стадами, даже еще многочисленнѣе птицъ, цѣлыми десятками тысячъ, и что, наконецъ, придерживаются извѣстныхъ путей и извѣстныхъ временъ кочеванія.

Прежде всего выдѣлимъ кочеваніе вверхъ и внизъ по горамъ, которое происходитъ во всѣхъ поясахъ и вдоволь извѣстно также Альпійскому обитателю Европы. Послѣдній ежегодно, на зиму, съ увѣренностію ждетъ посѣщенія съ горъ. Каменные бараны, серны, олени, козули, зайцы и лисицы спускаются съ горъ въ долину, хотя и играютъ тутъ роль чужеземцевъ, уходящихъ домой, какъ скоро ихъ беспокоятъ, и вовсе не являющихся, когда весеннее солнце мало-мальски дозволяетъ остаться дома. Страна свѣта тутъ вовсе ничего не значить: нерѣдко животныя на зиму какъ разъ уходятъ къ сѣверу. Вершина горъ — суровый полюсъ, отъ котораго они бѣгутъ; подножіе горъ, вокругъ — лучший поясъ, къ которому они откочевываютъ, или также только на время уходятъ. Богатыя снѣгомъ мѣстности, или особенно снѣжные годы обыкновенно явно усиливаютъ кочеваніе съ горъ. Тогда для жителей долинъ настаетъ раздолье по части добыванія горныхъ животныхъ. По этому-то даже на сѣверной окраинѣ Азіатскаго плоскогорья, т. е. въ южной Сибири, какъ на Становомъ, такъ и на Саянскомъ хребтѣ или на Алтаѣ, горныя животныя, напр. козули¹⁾, на зиму почти постоянно уходятъ въ долины не къ югу, а къ сѣверу; на западной же окраинѣ къ западу, и даже подлѣ 52° с. ш. къ югу онѣ тысячами переправляются чрезъ рѣки, соображаясь съ направленіемъ горнаго хребта, какъ напр. на южной покатости Становаго хребта. Еще десятью градусами южнѣе, тоже самое дѣлаютъ Кавказскіе олени и козули съ собратьями, но они не кочуютъ болѣе, а только спускаются нѣсколько ниже и останавливаются на зимнихъ квартирахъ уже на высотѣ 2000' на уровнѣ моря.

Такимъ-же образомъ поступаютъ и сѣв. олени въ горахъ южной Сибири, но иначе на равнинахъ и въ горныхъ странахъ глубокаго сѣвера, гдѣ они становятся явно-кочевыми животными, которыя на зиму уходятъ далеко къ югу. Съ небольшими лишь исключеніями, которыя вынуждены мѣстностями, они странствуютъ по горамъ и по доламъ, и даже черезъ большія рѣки. Преимущественно, конечно, они тянутся отъ сѣвера къ югу, но въ разныхъ мѣстахъ это направленіе отклоняется отъ направленія меридіана, и идетъ отъ сѣверо-запада на юго-востокъ, или отъ сѣв.-востока на юго-западъ²⁾. Но компасъ,

¹⁾ Срав. напр. Вѣстн. Геогр. Общ. т. XXII, 1858, Изслѣд. и Матеріалы, стр. 180, гдѣ У сольцевъ разсказываетъ, какъ Манегры подстерегаютъ переправу козулей при стеченіи Дзеи и Силимджи.

²⁾ И въ Скандинавіи сѣверные олени болѣе или менѣе странствуютъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу (Lilliebrog, Observations Zoologiques, 1844, p. 21). Они набираются тамъ тысячами.

Срав. также нѣмецк. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 119.

которому они слѣдуютъ, такъ точенъ, что переправа сѣв. оленей чрезъ морской ледъ къ побережьямъ Чукотской земли подала главный поводъ не только къ предположенію о существованіи полярной земли, но и къ опредѣленію заранѣе ея положенія¹⁾; опредѣленіе это въ настоящее время, со стороны Берингова пролива, подтверждено Англичанами, за которыми съ тѣхъ поръ послѣдовало множество китолововъ.

Удивительна регулярность, которую животныя соблюдаютъ при своихъ «проходахъ». Все охотничье искусство, вся радость и все горе цѣлыхъ народныхъ племенъ глубокаго сѣвера основаны на точномъ знаніи настоящихъ періодовъ и положенія этихъ проходовъ, на которыхъ они подстерегаютъ кочующихъ животныхъ, чтобы заготовить запасы на цѣлую зиму. Кто хочетъ ясно представить себѣ свалку при такой почти невѣроятной рѣзвѣ, тому стоитъ только прочесть бойкое описаніе ея въ Путешествіи Врангеля²⁾. Точно также и на томъ-же точномъ мѣстѣ, какъ во времена Врангеля и спутника его Матюшкина, сѣверные олени проходили уже въ прошломъ столѣтіи³⁾. Сильное влеченіе къ кочеванію подавляетъ столь живое въ иное время влеченіе къ само-сохраненію, и сѣверный олень, который обыкновенно очень боязливъ, по-видимому столь-же бессмысленно какъ кочующая рыба, ежегодно мчится къ однимъ и тѣмъ-же гибельнымъ для нихъ засадамъ.

Но такъ какъ птицамъ путь никогда не можетъ быть загражденъ до такой степени, какъ млекопитающимъ животнымъ, то при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса все-таки оказывается, что пути кочеванія послѣднихъ должны быть измѣнчивѣе тѣхъ путей, которымъ слѣдуютъ птицы. Мнѣ извѣстно нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что стада переходныхъ сѣв. оленей пытались освободиться отъ дани проложеніемъ новыхъ путей. Но все-таки они охотно возвращаются опять на покинутый путь. Прекратившіеся со времени Врангеля переходы упомянутыхъ выше сѣв. оленей чрезъ Анюй (они бросили ихъ, такъ что мѣстность опустѣла на долгіе годы), недавно, говорятъ, снова возобновлены ими, какъ сообщаютъ Майдель и Нейманъ⁴⁾.

¹⁾ Срав. напр. свѣдѣнія, собранныя въ 1829 году (Врангель въ Записк. Гидрограф. Деп. Морск. Мин. 1842, I, стр. XXI). По слѣдамъ сѣв. оленей открыты были также Ляховы острова (Saueg, I, стр. 191).

²⁾ Врангель, Путешествіе II, стр. 87, 92, 247. — Съ точно такими-же «проходами» ознакомились искатели Франклина на сѣверѣ Америки. Такъ напр. Кеннеди (Second voyage of the Prince Albert, 1833, стр. 128, 133), въ сѣв.-Соммерсетѣ, между 72° и $72\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., въ началѣ Апрѣля, нашелъ такой «проходъ» сѣв. оленей и мускусныхъ быковъ. Кингу (Narrative of a Journey, 1836, I, стр. 280) подъ $63\frac{1}{3}^{\circ}$ с. ш. въ одинъ день случилось видѣть по крайней мѣрѣ 20,000 сѣв. оленей.

³⁾ Мое мнѣніе я основываю на сравненіи Матюшкинова описанія съ извѣстіями, собранными въ прошломъ столѣтіи Сарычевымъ (Путеш. I, 1802, стр. 78) и

Зауеромъ (Voyage dans la mer glaciale, traduit par Castéra 1802, I, стр. 161). Кажется, что слышныиъ рассказъ современниковъ — И черезъ Анадырь стада кочевыхъ сѣв. оленей три дня сряду такъ тѣснили другъ друга, что, будучи убиваемы, не могли сторониться (Pallas, Neue Nord. Beiträge I, стр. 244).

⁴⁾ Срав. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 120, относительно случая на Хатангѣ. Тамъ кочеваніе сѣв. оленей, и избіеніе ихъ при переправѣ чрезъ Хатапту были въ полномъ ходу уже за 100 лѣтъ ранѣе (см. Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 39). На востокъ отъ Колымы происходило нѣчто подобное (Врангель, Путеш. II, стр. 228, 324, и Сибирск. Вѣстн. III, стр. 17). Въ полной мѣрѣ это подтверждается новѣйшими извѣстіями, привезенными намъ Нейманомъ изъ страны, столь отдаленныхъ отъ цивилизованнаго міра (Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ.

Въ Таймырскомъ краѣ сѣв. олени, водящіеся на самомъ глубокомъ сѣверѣ, странствуютъ около 100 геогр. миль къ югу; въ сѣв. Америкѣ они уходятъ вдвое дальше. Прибывъ въ область лѣсной растительности, они раздѣляются на маленькія стада и скондятся опять лишь къ веснѣ.

У сѣв. оленей встрѣчается даже случай, котораго между птицами еще никогда не бывало. Нѣкоторыя телята рождаются во время лѣтняго кочеванія оленей къ сѣверу и въ теченіе позднѣйшей своей жизни отправляются не къ мѣсту своей родины, а постоянно къ сѣверу или къ югу, т. е. мимо ея. И у лемминговъ рождаются дѣтеныши во время странствованія, на пути. Не отстаютъ-ли они, оставаясь въ мѣстахъ случайнаго рожденія?

Наконецъ упомянемъ еще объ одной аномаліи: о бессмысленномъ, по-видимому, кочеваніи сѣв. оленей съ Ново-Сибирскихъ острововъ и сосѣдняго съ ними Полярнаго края. Весною они отправляются на югъ въ то время, когда всѣ прочія стада отправляются къ сѣверу¹⁾. Противорѣчіе объяснится, коль скоро мы будемъ смотрѣть на это кочеваніе какъ на распространенное бродяжничанье. Вѣроятно, голодъ гонитъ животныхъ съ ограниченной территоріи острова на материкъ, къ которому ледяной переходъ, какъ извѣстно, устанавливается лишь около весны. Осенью же, въ самое время кочеванія, пловучій ледъ еще болѣе открытой воды преграждаетъ всякое сообщеніе. То, что мы тутъ сообщили, рассмотрѣно уже выше (стр. 366) въ другомъ отношеніи.

За тѣмъ перейдемъ къ птицамъ. Узнать пути, по которымъ онѣ странствуютъ, несравненно труднѣе, и намъ удастся изучить ихъ только тогда, когда страны, по которымъ проходятъ пути перелетныхъ птицъ, будутъ покрыты густою сѣтью наблюдательныхъ пунктовъ. Въ Сибири по этой части еще ничего не сдѣлано, а въ Европейской Россіи едва положено начало. Эта истина оградитъ недостатки нижеслѣдующихъ соображеній отъ несправедливыхъ нареканій.

1871, I, стр. 27). Онъ говоритъ, что еще до сихъ поръ сѣв. олени тысячами и десятками тысячъ у Анадырскаго острога переправляются черезъ Анадырь, имѣющаго тамъ около 2 верстъ ширины. Еще лѣтъ 60 тому назадъ нѣчто подобное происходило на Колымѣ и обонихъ Анюяхъ; теперь это бываетъ только на Анадырѣ и Анабарѣ. На всѣхъ другихъ рѣкахъ эта охота теперь кончилась. Такъ гласитъ извѣстіе Неймана.

За 100 лѣтъ до меня въ низовьяхъ р. Таймыра проводили лѣто тысячи сѣв. оленей (Зап. Гидрогр. Деп. IX, стр. 42, 43). — И при Адамсѣ сѣв. олени каждую осень переправлялись черезъ устья Лены (Мѣм. de l'Acad. de St.-Petersb. 1815, т. V, стр. 435).

Ричардсонъ въ описаніи своего послѣдняго путешествія (Searching Exp. II, стр. 84) также говоритъ, что неподалеку отъ Гудзонова залива (Yokk-Fastog, 68° с. ш.) сѣв. олени покинули обычный проходъ послѣ неполярной рѣзпи, и возвратились на старый путь лишь черезъ 17 лѣтъ. Но, слишкомъ уменьшившись числомъ, не ограничили ли они вообще своихъ странствованій?

На сѣверѣ Европ. Россіи сѣв. олени также кочуютъ, какъ я разузналъ, въ Финляндіи, подъ 65° с. ш., но далеко не такъ положительно. Можетъ быть, сѣв. олени, ежегодно убиваемые къ югу отъ Ладожскаго озера, тоже лишь такіе странники?

¹⁾ У Палласа (Neue Nord. Beitr. VII, стр. 231 и 132) Мартъ и Апрель, а въ Запискахъ Гидрогр. Деп. I, XXI, Февраль считается временемъ прибытія сѣв. оленей къ двумъ наиболѣе выдающимся мысамъ на материкѣ Сибири (Шелагскомъ) на востокъ, и (Святомъ) на западъ отъ Колымы.

Имѣя въ виду, что на о. Шпицбергенѣ ежегодно убиваютъ 1500 сѣв. оленей, Кропоткинъ (Докладъ Коммисіи по снаряженію экспедиціи въ сѣверныя моря, 1871, стр. 61) выводитъ отсюда заключеніе, что эта убыль покрывается приходомъ другихъ сѣв. оленей, напр. съ неизвѣстнаго Полярнаго края. Но я не вижу никакой надобности дѣлать такой выводъ: дѣло объясняется очень просто отсутствіемъ волковъ на Шпицбергенѣ. Протяженіе Шпицбергена вполне достаточно.

Въ какомъ направленіи кочуютъ Сибирскія птицы? На это можно отвѣтить отчасти на основаніи непосредственныхъ наблюденій, отчасти косвенно. Въ Таймырскомъ краѣ, подъ 70° с. ш., на нашей постоянной станціи при Боганидѣ, я распорядился точнымъ сравненіемъ направленія кочеванія съ направленіемъ меридіана; за тѣмъ-же я слѣдилъ и самъ подъ болѣе сѣверными широтами. Какъ тамъ, такъ и тутъ, перелетъ водяныхъ птицъ вообще среднимъ числомъ направлялся отъ сѣвера къ югу, но у нѣкоторыхъ стай онъ отклонился на столько, что самая крайняя разница, которую мы наблюдали, равнялась половинѣ прямого угла, такъ какъ нѣкоторыя стай. и притомъ болѣе ихъ часть, тянулись къ ССВ., а другія на ССЗ. По-видимому это относится даже къ птицамъ одного и того-же вида. Главный обратный путь, почти безъ исключенія, шелъ отъ ССВ. къ ЮЮЗ., надъ нашимъ наблюдательнымъ пунктомъ на Боганидѣ.

Остаются-ли при этомъ направленіи тѣ птицы, которыя высидиваютъ яйца свои въ Таймырскомъ краѣ? По моему мнѣнію, едва-ли. Дѣло въ томъ, что при удлиненіи упомянутого направленія къ югу, оно натывается на Алтайскій хребетъ и на верховья Енисея. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя у насъ имѣются, вѣроятнѣе, какъ мнѣ кажется, что перелетныя птицы Таймырскаго края, по крайней мѣрѣ главныя ихъ массы, въ южной Сибири сильнѣе направляются къ западу, чтобы перебраться чрезъ степи при верховьяхъ Оби и Иртыша. Извѣстія путешественниковъ не позволяютъ намъ предполагать, что онѣ летятъ вдоль Енисея до горнаго хребта, чтобы чрезъ эти ворота пронестись надъ Азіатскимъ плоскогоріемъ. Будущимъ наблюдателямъ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ необходимо обратить вниманіе на этотъ предметъ. Попытаемся пока отыскать для нашего взгляда нѣкоторыя данныя изъ другихъ мѣстностей.

Въ Таймырскомъ краѣ, который въ видѣ огромнаго однообразнаго полуострова тянется къ крайней сѣверной оконечности Азіи по направленію къ полюсу, перелетъ птицъ совершается безпрепятственнѣе всего, кажется, въ главномъ направленіи отъ сѣвера къ югу. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ тамъ, гдѣ направленіе морскихъ береговъ оказываетъ свое вліяніе. По-видимому оно въ состояніи совершенно измѣнить нормальное направленіе, и притомъ по самымъ противоположнымъ странамъ свѣта. Не смотря на недостатокъ наблюденій, произведенныхъ именно для нашей цѣли, я не затрудняюсь представленіемъ доказательствъ въ подтвержденіе моего мнѣнія.

Переводчикъ мой, два раза зимовавшій при впаденіи Пясины въ Ледовитый океанъ, увѣрялъ меня, что тамъ, подъ $73\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., перелетныя птицы прилетали съ запада, да туда-же и улетахи.

Врангель¹⁾, напротивъ того, при своей поѣздкѣ на востокъ отъ Колымы, подъ $71\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., 18-го Апрѣля, встрѣтилъ большую стаю «черныхъ утокъ», летѣвшихъ на С.-З., а десять дней спустя — множество стай той-же птицы, летѣвшихъ даже на западъ. Ихъ было такое множество, что онѣ, въ полномъ смыслѣ слова, покрывали большія ледяныя поля.

¹⁾ Путешествіе, II, стр. 171, 176.

Слѣдовательно, если въ Таймырскомъ краѣ водяныя птицы среднимъ числомъ летѣли по направленію отъ юга къ сѣверу, какъ разъ къ самому сѣверному мысу Сибири, то къ востоку и къ западу оттуда, птицы изъ противоположныхъ направленій стремятся къ тому-же самому пункту. Въ этомъ обстоятельстве мы должны признать существенное вліяніе, которое гидрографическая конфигурація различныхъ странъ оказываетъ на направленіе перелета птицъ. Прибрежья, равно какъ и рѣчныя системы, въ состояніи сдвинуть перелетъ на прямой уголъ, и даже направить его въ діаметрально противоположную сторону. Такія отклоненія часто, но не всегда, можно предсказывать; стоить только взглянуть на карту. Такъ гуси прилетаютъ къ южному побережью Новой Земли съ востока, или точнѣе съ В.-Ю.-В., какъ будто бы прилетали съ острова Вайгача. Осенью же они улетаютъ на Ю.-Ю.-З. или даже на Ю.-З.-Ю.¹⁾ Нѣкоторыя птицы, какъ извѣстно, перелетаютъ чрезъ Атлантическій океанъ изъ Европы въ Гренландію въ западно-сѣверо-западномъ направленіи²⁾. Кто взялся бы предсказать это? въ особенности у насъ, привыкшихъ въ восточной Европѣ къ тому, что вообще перелетъ птицъ отъ своего сѣвернаго направленія нѣсколько отклоняется къ востоку.

Впрочемъ, этими замѣчаніями мы далеко еще не затронули всѣхъ отклоненій, которымъ подвергается направленіе перелетовъ. Разные виды птицъ пролетаютъ тутъ или тамъ надъ однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ въ совершенно различныхъ направленіяхъ. Мало того, одинъ и тотъ-же видъ иногда можетъ покидать одну и ту же страну въ разныхъ направленіяхъ, какъ это именно дѣлаютъ Камчатскіе гуси, которые осенью улетаютъ чрезъ море отчасти на юго-западъ (къ Японскимъ островамъ), отчасти на юго-востокъ и даже на востокъ, чрезъ Алеутскіе острова въ Америку³⁾.

¹⁾ По Пахтусову (Зап. Гидрогр. Деп. I, стр. 112, 119).

²⁾ Это положительный фактъ, на который указывалъ уже Фаберъ, но онъ установленъ Гольбѣллемъ (*Isis*, 1845, стр. 748), вълѣдствіе непосредственныхъ наблюденій на морѣ. Этимъ путемъ *Falco peregrinus*, *Str. brachyotos*, *Numenius phaeopus* и *Cygnus melanorhynchus* перелетаютъ въ Гренландію. *Saxicola oenanthe* въ состояніи пробираться только этимъ путемъ, потому что, кромѣ Гренландіи, она нигдѣ въ Америкѣ не встрѣчается. Голенастыя птицы по-видимому улетаютъ осенью изъ Англій въ томъ-же направленіи, только на оборотъ, потому что на фонарихъ маяковъ близъ Гавра расширяютъ себѣ головы съ запад. стороны (Журн. Кошюаз. и Охоты, 1850, XXVI, Май, стр. 158).

³⁾ Ричардсонъ (*Searching Exped. I*, стр. 282) видѣлъ, какъ прихѣрно подъ 70° с. ш. къ востоку отъ р. Мекензи, *Ans. hyperboreus* и *Columbus borealis* (?) перелетали на юго-востокъ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ гаги и казарки улетѣли по направленію къ юго-западу. — Rae (*Journal of the Royal Geogr. Soc. of London*, 1852, № 22, р. 91) при второй своей побѣдѣ въ Victoria-Land, подъ 70° с. ш. также видѣлъ, какъ большія стаи гусей

тянулись въ юго-юго-западномъ направленіи, слѣдовательно во внутрь края, а *Char. pluvialis* и другія мелкія птицы, напротивъ того, пролетали въ юго-восточномъ направленіи, вѣроятно самымъ краткимъ путемъ къ Гулзонову заливу.

О двойномъ осеннемъ направленіи Камчатскихъ гусей свидѣтельствуегъ Эрманъ (*Reise um die Erde*, I, 3, стр. 231). Что они тянутся вдоль Курильскихъ острововъ къ Японскимъ побережьямъ, это понятно; у Головина (Путешествіе шлюп. *Дианы*, 1819, II, стр. 227, замѣч.) я нахожу замѣчательное извѣстіе, что около половины Сентября даже въ широтахъ Японіи сѣверныя перелетныя птицы тянулись въ юго-восточномъ направленіи. Куда? Вѣроятно къ Каролинскимъ и Сандвичевымъ островамъ?

Уже Стеллеръ (*Beschr. von dem Lande Kamtschatka*, 1774, стр. 188) увѣряетъ, что другая часть гусей зимуетъ дѣйствительно въ Сѣв. Америкѣ. Онъ прямо говоритъ, что перелетныя птицы, въ особенности гуси, и между ними *Ans. albifrons*, прилетаютъ къ Берингову острову съ востока и опять улетаютъ въ томъ-же направленіи. Это мнѣ подтвердилъ и г. Вознесенскій. По отзыву моряковъ, часто бывающихъ на Алеутскихъ островахъ,

Очень многія изъ новѣйшихъ наблюденій показываютъ, какъ извѣстно, что осенью нѣкоторыя птицы возвращаются не тѣмъ путемъ, по которому онѣ прилетѣли весной. Гдѣ весной ихъ бываетъ вдоволь, тамъ осенью часто ихъ вовсе не видно. Но для Сибири у меня нѣтъ никакихъ данныхъ, развѣ только то, что фомка (*Lestr. pomarina*) весною на Боганидѣ встрѣчалась очень рѣдко, осенью же, напротивъ того, весьма часто. Впрочемъ, иногда, можетъ быть на одномъ и томъ-же пути, птицы при прилетѣ отдыхаютъ въ однихъ мѣстахъ, при отлетѣ — въ другихъ; вслѣдствіе этого и могъ появиться вышеупомянутый взглядъ. Въ сухую осень охотники (напр. въ окрестностяхъ С.-Петербурга) тщетно выжидаютъ появленія бекасовъ на заведенныхъ искони мѣстахъ отдохновенія. Плавающія и голенастыя птицы вообще тянутся осенью вдоль морскихъ береговъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ осень бываетъ суха, весной же пролетаютъ надъ внутреннею частію тѣхъ-же странъ.

Чтобы покончить со всѣми уклоненіями, я долженъ еще прибавить, что жители сѣверной Сибири нерѣдко даже увѣряютъ, что перелетныя птицы не каждый годъ высиживаютъ яйца въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, а изъ году въ годъ мѣняютъ мѣста. При устьѣ Пясины въ одно лѣто преимущественно убивали казарокъ (*Ans. bernicla*), въ другой годъ — только пискунцевъ и плехановъ (*ruficollis*, *leucopsis*, *albifrons* и *Temminckii*)¹⁾, тогда какъ въ оба эти года не появлялось ни одного гуменника. Хотя многія данныя изъ другихъ, болѣе изслѣдованныхъ странъ говорятъ въ пользу такихъ показаній, но вообще возвращеніе птицъ къ прежнему мѣсту высиживания яицъ, даже къ прежнему гнѣзду, такой положительный фактъ, что нельзя не быть достаточно осторожнымъ, когда дѣло идетъ о подобныхъ разсказахъ. Легко можетъ быть, что только общая и основательная жалоба на этотъ разъ облечена въ другія слова. Дѣло въ томъ, что на глубокомъ сѣверѣ лебеди и гуси въ разные года даютъ то богатый, то очень скудный урожай, смотря потому, прилетѣли ли они въ большомъ или маломъ количествѣ²⁾. На сколько это имѣетъ общее значеніе, на столько же это можетъ быть отнесено и къ отдѣльнымъ видамъ. Довольно часто намъ случается замѣчать, что одинъ видъ хорошо уродится въ тоже самое лѣто, въ которое другой видъ того-же самаго рода, составляетъ рѣдкость. Часто весной не возвращаются наши старые знакомцы, и въ такомъ случаѣ мы, кажется, вправѣ

Ans. segetum, нерѣдко утомленный осеннимъ перелетомъ, спускается на воды этихъ острововъ.

1) Срав. нѣм. изданіе этого сочиненія, II, 2, стр. 229. — Тоже самое, какъ общее правило, разузнали также Врангель (Путен. I, стр. 231) и Кривошапкинъ.

2) Если изъ 84 видовъ, даже 18 не каждый годъ посѣщаютъ Гренландію (*Holböll, Isis*, 1845, стр. 747), но исключеніи, кромѣ того, 14 видовъ, которые являются туда только случайно; если въ иные годы въ Ливландію не прилетаютъ стрижи (*Fischer, Naturgesch. Livlands*, стр. 235), если принять въ соображеніе сотни другихъ подобныхъ случаевъ, подмѣченныхъ нами самими,

то нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что въ ежегодной правильности перелетовъ бываетъ не мало исключеній. Съ другой же стороны вышеприведенный случай при устьѣ Пясины можно объяснить очень просто, предположивъ, что въ первый годъ охота на казарокъ, какъ болѣе легкая, производилась съ такимъ усердіемъ, что уцѣлѣло всего нѣсколько представителей этой породы гусей. Если за тѣмъ случайно, во время перелета и на мѣстѣ зимовки, успешно уничтожались и эти немногіе представители, то не трудно понять, что на другой годъ, въ той-же ограниченной мѣстности, добывались только гуси другихъ видовъ.

предполагать, что они погибли во время продолжительнаго своего путешествія, подверженнаго тысячи разныхъ опасностей.

И такъ вопросъ о путяхъ перелетовъ птицъ оказывается дѣломъ очень запутаннымъ. Нѣкоторые изслѣдователи пришли къ тому заключенію, что собственно нѣтъ опредѣленныхъ путей, а что птицы подвигаются впередъ огромнымъ развернутымъ строемъ. О нѣкоторыхъ птицахъ и мѣстностяхъ это, можетъ быть, и можно сказать, но что касается другихъ, напр. водяныхъ и голенастыхъ птицъ, въ особенности на глубокомъ сѣверѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ придерживаются опредѣленныхъ путей¹⁾. Стоитъ только подумать, что способъ питанія тѣхъ птицъ, которыя въ этомъ отношеніи своеобразны, требуетъ уже совершенно опредѣленныхъ приваловъ. Такъ напр. морскія гагары, преимущественно привязанныя къ морю, странствуютъ черезъ внутреннія части Европы вдоль большихъ рѣкъ, такъ что у нихъ на пути нигдѣ не встрѣтится недостатка въ пищѣ; такимъ-же образомъ краснобрюхая семендюха, какъ справедливо замѣчаетъ Дросте²⁾, тянется вдоль гребней горныхъ хребтовъ, а не вдоль морскихъ береговъ, какъ ея близкіе по гнѣздамъ гиперборейскіе товарищи; ближайшій же ея родичъ, *Squatrola helvetica*, напротивъ того, летитъ преимущественно вдоль морскихъ береговъ, равно какъ и *Tg. platyrhincha*, такъ что во внутреннихъ частяхъ Европы ихъ можно встрѣтить только чрезвычайно рѣдко³⁾. Опредѣленные пути перелета обуславливаются этою зависимостью перелетныхъ птицъ отъ необходимыхъ для нихъ мѣстъ питанія уже потому, что птицы вовсе не такъ быстро перебираются черезъ страны, какъ это доселѣ вообще полагали.

Но главные пути сопровождаются побочными и распадаются на менѣе значительные пути. Чѣмъ ближе мы подвигаемся къ тому поясу, гдѣ извѣстный видъ птицъ высиживаетъ яйца, тѣмъ болѣе развѣтвляется масса древообразно развѣтвленныхъ путей вдоль рѣкъ и рѣчекъ, вдоль горъ и долинъ. Если бы распределеніе въ этомъ поясѣ мѣстъ, гдѣ каждый отдѣльный видъ птицъ высиживаетъ яйца, представить наглядно, то оно, подобно листьямъ, висящимъ на послѣднихъ развѣтвленіяхъ дерева, приняло бы форму совершенно своеобразной древесной листвы, являющейся для каждаго вида птицъ въ другомъ родѣ. Дѣйствительно мы получили бы на бумагѣ самыя разнообразныя формы кустовъ и деревьевъ, если бы намъ удалось нанести на бумагу цѣлый перелетъ каждаго вида

¹⁾ Такіе пути признаны и въ средней Европѣ; Фрейза (*Journ. für Ornithol.* 1837, стр. 385) находитъ, что Рейнъ, равно какъ Мозель и Маась, настоящіе большіе пути, по которымъ перелетныя птицы летятъ къ Женевскому озеру и Средиземному морю. Другія птицы отправляются вдоль Одера къ югу, а у истоковъ этой рѣки перебираются на пригоки Дуная. Это совпадаетъ съ наблюденіями на Босфорѣ.

²⁾ Drostе, *Die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum*, 1869, стр. 149. По этому-то въ горахъ внутреннихъ частей средней Европы кое-гдѣ *Char. marginellus* выси-

живалъ яйца. Въ Крыму онъ остается съ осени до Декабря и возвращается очень рано (Шатилонъ въ *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 505).

³⁾ *Bullet. de la Soc. Ornitholog. Suisse*, I, 1, 1863, стр. 31. Въ Швейцаріи встрѣчены только 3 экземпляра *Tg. platyrhincha*, хотя эта птица ежегодно зимуетъ около Монпелье.

По свидѣтельству многихъ (напр. Богданова, *Поволжье*, стр. 129) *Squatrola helvetica* и *Char. marginellus*, хотя и въ незначительномъ количествѣ, тянутся вдоль Волги.

птицъ въ томъ или другомъ краѣ. Надъ низкимъ сильно перепутавшимся кустарникомъ и густымъ лѣсомъ рослыхъ деревьевъ кое-гдѣ возвышались бы исполинскія, безъ сучьевъ, пальмы, которыя, будучи нанесены на карту, корнями своими засѣли бы въ Египтъ, а широкими листьями своими осѣняли бы прибрежныя страны Ледовитаго океана, за предѣломъ древесной растительности.

Въ видѣ такихъ высокихъ пальмовыхъ фигуръ, съ моей точки зрѣнія, обрисовываются преимущественно пути обонхъ видовъ гусей глубокаго сѣвера: плехановъ и пискунцевъ (*Ans. albifrons* и *ruficollis*), на которыхъ мы ниже обратимъ особенное вниманіе.

Теперь, не смотря на совершенно недостаточный и даже едва существующій матеріалъ положительныхъ наблюдений, я позволю себѣ все-таки набросать нѣсколько замѣтокъ о томъ, какъ я себѣ представляю пути перелетовъ сѣверныхъ птицъ Россіи. Это ничто иное, какъ указанія на субъективныя мои предположенія, составленныя на основаніи произведенныхъ доселѣ недостаточныхъ наблюдений, указанія, цѣль которыхъ — побудить образованныхъ людей, находящихся въ нашемъ необъятномъ отечествѣ въ мѣстностяхъ удобныхъ для производства и сообщенія наблюдений по этой части.

Во-первыхъ, я вправѣ, кажется, предположить, что на сѣверныхъ берегахъ Сибири, нѣкоторыя гиперборейскія водныя птицы прилетаютъ съ запада на востокъ или съ востока на западъ, т. е. арктическимъ поперечнымъ путемъ, который преимущественно идетъ по направленію географической широты. Уже въ предыдущемъ выпускѣ (стр. 298), нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я упомянулъ о томъ, что особенная довѣрчивость гребенухъ (*spectabilis*) у Таймырскаго озера привела меня къ заключенію, что зимою онѣ улетаютъ не къ югу, а на востокъ и на западъ, къ открытымъ частямъ Ледовитаго океана. Этимъ въ тоже время высказано было странное съ виду мнѣніе, что на самомъ глубокомъ сѣверѣ Сибири такія птицы весною прилетаютъ къ своимъ мѣстамъ высиживания яицъ въ направленіи отъ С. къ Ю., осенью же, напротивъ того, съ своими птенцами отправляются на С., ища защиты отъ непогодъ наступающей зимы. Я очень радъ, что нашелъ свидѣтеля, подтверждающаго мою догадку. Священникъ Аргентовъ первый сообщилъ, что къ востоку отъ Лены, на сѣв. берегу Сибири, «однѣ птицы прилетаютъ съ востока, другія съ юга, а нѣкоторыя съ сѣвера, да притомъ, чѣмъ далѣе къ востоку мѣсто лежитъ, тѣмъ ранѣе»¹⁾. Этотъ поперечный путь мы, кажется, вправѣ предположить и для глубокаго сѣвера Америки; кромѣ гребенухи (*An. specta-*

¹⁾ Это извѣстіе подтверждаютъ Хитрово (Жичанскій улусъ) и недавно еще Майдель (Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ. 1871, II, 2 и 3), который говоритъ, что въ Чукотскомъ краѣ очень красивый видъ утокъ (не *An. spectabilis* ли?) тянется съ востока вдоль берега къ западу, а потомъ уже поворачиваетъ къ сѣверу. Тоже самое должно сказать о бѣлыхъ гусяхъ. Осенью они возвращаются тѣмъ же путемъ, по которому прилетѣли. Вѣроятно они выси-

живаютъ яйца на Врангелевой землѣ, потому что часть этихъ гусей улетаетъ на сѣв.-востокъ. Третьякову также рассказывали (Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 323), что весною «съ моря» прилетаютъ нѣкоторые виды утокъ къ устью Хатанги.

Въ Кэново зимовье, подлѣ 80¹/₂° с. ш., казарки также прилетали съ востока, (*Arctic Explorat. I, стр. 289*).

bilis) имъ вѣроятно пользуются еще казарки (*Ans. bernicla*)¹⁾, бѣлые гуси (*Ans. hyperboreus*) и *Lag. Sabinei*²⁾. Съ распространеніемъ мнѣнія о вліяніи Гольфштрота и согрѣтыхъ лѣтомъ водныхъ массъ большихъ Сибирскихъ рѣкъ на Полярное море, указаніе такого поперечнаго пути, по которому тянется часть перелетныхъ птицъ глубокаго сѣвера, пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Судя по свѣдѣніямъ Радде, южно-сибирскій поперечный путь обусловливается стѣною окраиннаго хребта и избирается такими птицами, которыя не рѣшаются перебраться за этотъ крайній хребетъ. Можетъ быть, нижнее теченіе Дуная также побуждаетъ нѣкоторыхъ перелетныхъ птицъ направляться тамъ по поперечному пути.

Перелетныя птицы, слѣдующія по арктическому поперечному пути, среди самой зимы по-видимому вытѣсняются изъ полярнаго водоема въ Атлантическій океанъ, въ Берингово море и въ Великій океанъ. Слѣдовательно, весною эти птицы отправляются вдоль западныхъ и восточныхъ береговъ Атлантическаго и Берингова рукавовъ къ сѣверу, и за тѣмъ, слѣдуя по побережьямъ Ледовитаго океана, расходятся въ противоположномъ направленіи, однѣ къ западу, другія къ востоку. Бѣлый гусь отличается отъ двухъ другихъ вышеупомянутыхъ видовъ тѣмъ, что лишь немногіе представители его вида придерживаются пути Атлантическаго восточнаго побережья. Главная масса его держится восточныхъ и западныхъ береговъ Америки, весною снимается здѣсь съ Кубы, тамъ изъ Калифорніи, къ сѣверу, и за тѣмъ, виллообразно, расходитя по Америкапскимъ и Восточно-Сибирскимъ берегамъ Ледовитаго моря. Какъ на сѣверо-западныхъ побережьяхъ Европы, такъ и на берегахъ Японіи, онъ встрѣчается лишь въ весьма незначительномъ количествѣ.

Явнѣ всего по этимъ поперечнымъ путямъ слѣдуютъ тѣ сѣверныя плавающія птицы, которыя лишь шагъ за шагомъ отступаютъ передъ наступающей зимой³⁾, какъ

¹⁾ И въ извѣстіяхъ Енисея Третьякову рассказывали (Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 319), что «чернаго гуся» потому-то и называютъ «морскимъ гусемъ», что онъ весною прилетаетъ съ востока, даже съ сѣверо-востока.

Валленгрень (*Naumannia*, 1855, стр. 159) справедливо говоритъ, что казарки Скандинавіи родомъ съ сѣверо-востока, объясняя, что въ Балтійскомъ морѣ онѣ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ на запад. побережьяхъ Скандинавіи.

²⁾ Акклиматизація, 1861, стр. 484.

Можетъ быть и орелъ (очевидно морской), который какъ первая перелетная птица появляется, говорятъ, уже въ половинѣ Марта стар. ст. на Ледовитомъ океанѣ, и улетаетъ около половины до конца Октября, и «черная морская утка» (*Ans. fusca*; ср. стр. 374 примѣч. и предыдущій выпускъ, стр. 298), которая, по словамъ Аргентова, прилетаетъ къ Колымы также съ востока.

³⁾ *Lagus Sabinei* вовсе не встрѣчалась на Боганидѣ и по-видимому вообще не пролетаетъ по Сибири. Слѣдовательно, она тянется по р. Таймыру и по арктическому

поперечному пути. *Ans. spectabilis* появляется въ половинѣ Декабря въ Варангеръ-фьордѣ, на юго-востокъ отъ Нордкапа, зимуетъ тамъ и исчезаетъ, не высидивая яицъ, около половины Мая (нов. ст.), вѣроятно на востокъ (*Schradet* въ *Naumannia*, 1833, II, стр. 220). Не тянутся ли они вдоль арктическаго поперечнаго пути изъ Новой Земли, и въ Новую Землю? можетъ быть изъ одной части западныхъ Сибирскихъ береговъ Ледовитаго океана? *Ans. spectabilis* дѣйствительно лишь рѣдко пролетаетъ по внутренней части Сибири, какъ напр. подъ 71° на Боганидѣ, но уже никакъ не вдоль Лены, о чемъ я тщательно разспрашивалъ на мѣстѣ. Въ Ледовитомъ океанѣ, къ востоку отъ Берингова пролива, Бичи встрѣтилъ безчисленныя стаи гребенухъ и гагарокъ, пробиравшихся вдоль побережья Ледовитаго океана, слѣдовательно по арктическому поперечному пути, на юго-западъ, къ Берингову проливу. Тѣ стаи тѣхъ-же самыхъ видовъ утокъ, которыя высидены на прилегающей восточной половинѣ арктическо-американскаго архипелага, странствуютъ, напротивъ того, въ

гребенуха, которая никогда не пролетает по внутренней части Сибири, а отчасти вмѣстѣ съ нею и гага. На сѣверо-западномъ берегу Америки тоже бываетъ съ *An. Fischeri*, столь похожей на *An. spectabilis* ¹⁾.

противоположномъ направленіи, на юго-востокъ, миллионы вдоль Баффина залива, какъ видно изъ донесеній искателей Франклина.

Казарки, вмѣстѣ съ прочими видами, прилетали съ запада къ устью Пясины, на западные берега Таймырскаго края. Мимо устья Колымы, напротивъ того, онѣ пролетали весною съ востока, вѣроятно, чтобы занять свои мѣста высиживания птенцовъ на Ново-Сибирскихъ островахъ (напр. безспорно по Геденштрэму, въ Сибирск. Вѣстн. III, 143, видѣвшему на льду Колымскаго залива, какъ гуси тянулись на С.-С.-З.), можетъ быть даже до восточныхъ береговъ Таймырскаго края; по крайней мѣрѣ въ подлинникѣ полярныхъ путешествій Прончищева я нашелъ извѣстіе, что въ Ледовитомъ океанѣ, къ западу отъ Лены, подъ $73\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., онъ видѣлъ осевью гусей, летѣвшихъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. «Черныхъ утокъ», видѣнныхъ Врангелемъ, мы должны признать за казарокъ, тѣмъ болѣе, что въ сѣверной Сибири ихъ вообще называютъ не гусями, а утками. Если Киберъ прибавилъ къ этому *anas nigra*, то это ничего не значитъ, такъ какъ у насъ есть положительныя доказательства, что онъ прибѣгалъ къ сочиненію самыхъ невозможныхъ зоологическихъ названій. Не хочу впрочемъ скрыть, что на восточныхъ берегахъ Новой Земли Нахтусову встрѣчалась *anas fusca* (Гейглиномъ подтверждено это тамъ-же) еще въ гораздо высшихъ широтахъ, чѣмъ Врангель находилъ своихъ «черныхъ утокъ».

Когда все это уже было написано, я получилъ, благодаря дружескому содѣйствию г. Штубендорфа, рукописное извѣстіе съ нижняго теченія Лены, въ которомъ говорится, что, по увѣренію тамошнихъ уроженцевъ, нѣкоторые виды гусей и утокъ прилетаютъ къ нимъ не изъ лежащихъ южнѣе странъ, а съ сѣвера, съ Ледовитаго океана. Эти виды (сказано въ рукописи) прилетаютъ туда раньше другихъ перелетныхъ птицъ и не встрѣчаются далѣе внутри края. — Извѣстіе это превосходно согласуется съ моимъ предположеніемъ объ арктическихъ поперечныхъ путяхъ. Можетъ быть, оно указываетъ даже на птицъ, зимующихъ въ открытой водѣ полярнаго водоема. Мы можемъ даже навѣрно сказать заранѣе, что вытребованныя головы и ноги этихъ замѣчательныхъ птицъ окажутся головами и ногами *Anas spectabilis*, *An. bernicla* и *Ans. hyperboreus*.

Заканчивая это примѣчаніе, я нашелъ еще подтвержденіе высказаннаго тутъ мнѣнія. Изъ дневника г. Вознесенскаго оказывается, что внутри Камчатки гуси и лебеди въ 1846 и 1847 годахъ иногда тянулись съ юга

на сѣверъ, впрочемъ весною чаще и тѣмъ положительнѣе на сѣверо-западъ, или даже съ востока на западъ, чѣмъ болѣе путешественникъ заходилъ на западные берега полуострова.

Это ничто иное какъ повтореніе извѣстія, сообщеннаго уже 100 лѣтъ тому назадъ нашими моряками (Зап. Гидрогр. Деп., IX, стр. 439) о томъ, что перелетныя птицы прилетаютъ въ Камчатку съ запада и на зиму опять возвращаются туда. — Даже *Anas histrionica* съ конца Сентября зимуетъ у Ситхи (Langsdorff, Reise, II, стр. 90).

Подъ 61° с. ш. въ Беринговомъ проливѣ гуси большими фалангами летѣли на югъ еще 5-го Октября нов. ст., а что имъ приходится зимовать даже близъ 64° с. ш., видно изъ того наблюденія, что еще 6-го Ноября при наступленіи теплой погоды тотчасъ-же появилось и множество гусей (Hooper, Ten-month's и т. д. 1853, стр. 11, 28).

Считаю пужнымъ упомянуть тутъ еще о весьма замѣчательномъ мнѣніи Сотерленда (Southerland, Journal of a voyage, I, стр. 8), полагающаго, что арктическія птицы, въ особенности чистики, отдають себя на произволъ теченій и такимъ образомъ совершаютъ свои странствованія безъ помощи своихъ слишкомъ короткихъ крыльевъ. Зимній предѣлъ морскихъ птицъ, выносящихъ зимнюю стужу, вѣроятно не мало опредѣляется теченіями, которыя не только вліяютъ на предѣлы полярнаго льда, но и увлекаютъ маленькія раковинныя животныя и китовый кормъ въ невольныя и опредѣленные странствованія.

Отдѣльные пискунцы, бѣлые гуси и казарки, появляющіяся зимою около Даніи (Naumannia, 1850, II, стр. 33), у Боркума (Droste, Vogelwelt von Borkum, стр. 267), на берегахъ Шотландіи и Англіи, въ Провансѣ (Journ. für Ornithol., 1856, стр. 231), и даже на берегахъ сѣверной Африки, вѣроятно прилетаютъ по арктическому поперечному пути. Также должно замѣтить о столь гиперборейской птицѣ, какъ *Larus Sabinei*, который все-таки встрѣчается сколо Дублина (Zoolog. Record, 1868, стр. 109). Въ Швейцарію, на Женевское озеро, *Lar. Sabinei* вѣроятно былъ завезенъ только случайно (Naumannia, 1856, стр. 172).

Какія это «снѣговые гуси», которые, по словамъ Чуди (Die Alpenwelt, стр. 63), при своихъ перелетахъ, посѣщаютъ горную область? Навѣрное это не *Ans. hyperboreus*?

¹⁾ *An. Fischeri* была весьма обычная птица на островѣ св. Михаила (Dale et Bannister, List of the birds of Alaska).

Прилетъ птицъ на Сибирскіе берега Ледовитаго моря совершается однакоже не только вдоль упомянутыхъ арктическихъ поперечныхъ путей, но, главнымъ образомъ, по меридіаннымъ путямъ, изъ которыхъ Арало-Каспійскій Обскій путь безусловно самый важный. Всѣ сѣверныя водяныя птицы, оставшіяся на зиму въ Египтѣ, у Персидскаго залива, отъ береговъ Белуджистана до Остѣиндіи, тянутся, кажется, преимущественно вдоль западной окраины и западныхъ отроговъ Гималайскаго хребта къ Арало-Каспійской низменности, къ сѣверу, соединяются тутъ съ тѣми птицами, которыя перенесли зиму уже у южной половины Каспійскаго моря, и за тѣмъ мчатся чрезъ степныя, но богатыя озерами, рѣчныя области Тоболя, Ишима и Иртыша далѣе на сѣверъ къ низовьямъ Оби. Этотъ-то путь я и называю Арало-Каспійскимъ Обскимъ. Это главный путь, оживленность котораго весною превосходитъ всякія соображенія. Въ этомъ согласны между собою всѣ извѣстія путешественниковъ¹⁾.

Этотъ главный путь не только разсыпаетъ свое богатство на прилегающія сѣверныя тундры, но и доставляетъ, по моему мнѣнію, не малое количество птицъ отъ устья Оби, поперекъ основанія полуострова Ямалъ по направленію къ Карскому заливу и далѣе по арктическому поперечному пути, къ берегамъ Новой Земли²⁾; срав. стр. 369. Но и птицы, прилетающія съ запада къ устьямъ Енисея и Пясины, по-видимому отчасти пролетаютъ вдоль Обскаго пути и Обскаго залива. Наконецъ, можетъ быть, обиліе птицъ, встрѣчающееся уже на Енисеѣ у Туруханска, происходитъ оттого, что отъ Арало-Каспійскаго Обскаго пути отдѣляется Иртышско-Енисейскій путь, выходящій на Енисейскій путь.

Но Арало-Каспійскій Обскій путь не только самъ по себѣ богатъ, но явно пополняется еще Волжско-Тобольскимъ путемъ. Изъ сѣверной половины Каспійскаго моря, резервуара, въ которомъ и при которомъ скопляется безчисленное множество перелетныхъ птицъ, послѣднія только отчасти отправляются прямо вдоль рѣки Урала и восточной покатости Уральскаго хребта къ низовьямъ Оби; самымъ же главнымъ путемъ на югъ Европейской Россіи оказывается долина рѣки Волги. Благодаря въ особенности Донскому пути, она получаетъ очень значительное приращеніе съ Понта³⁾. Часть перелетныхъ птицъ, которыя упомянутымъ образомъ поднимаются вдоль Волжскаго пути къ сѣверу, подъ широтами Самары и Уфы переходитъ на востокъ за Уралъ и такимъ образомъ по Волжско-Тобольскому пути достигаетъ нижняго Обскаго пути⁴⁾. Только

¹⁾ Срав. напр. Палласа (Reise III, стр. 20).

²⁾ Пахтусовъ говоритъ, правда, что перелетныя птицы южнаго берега Новой Земли прилетаютъ съ Печоры; но это противорѣчитъ его собственнымъ показаніямъ о компасныхъ направленіяхъ странствованія птицъ.

³⁾ Сѣверцовъ (Періодич. явленія въ жизни и пр. Воронежской губ. 1853, стр. 247) говоритъ, что осенью казарки (т. е. *Ans. segetum*, *Ans. albifrons* и *Ans. bernicla*) тысячами, даже десятками тысячъ долго остаются въ

долинѣ рѣки Дона. Изъ нихъ оказывается послѣднихъ меньше.

Еще однимъ указаніемъ на Волжско-Тобольскій путь можетъ, кажется мнѣ, служить замѣчаніе Богданова (Птицы и звѣри черноземной полосы Приволжья, 1871, стр. 99), что въ иные годы восточная *Alauda tatarica* пѣлыми тысячами весною пролетаетъ надъ Сапругою.

⁴⁾ Уже Гмелинъ Младшій (Gmelin, Reise, I, стр. 168) называлъ Донъ путемъ для птицъ. При Волжской

часть птицъ, появляющихся въ низовьяхъ Волги, тянется на европейской сторонѣ Уральскаго хребта по Волжско-Печорскому пути до береговъ Ледовитаго океана.

На западъ отъ Волги, въ Европейской Россіи перелетъ водяныхъ птицъ сравнительно лишь незначителенъ, и не сильнѣе, чѣмъ на западѣ Европы. Въ особенности вдоль Днѣпра перелетъ можно назвать скуднымъ, хотя при взглядѣ на карту можно было назвать его удобнымъ путемъ черезъ безконечныя Пинскія болота до нашихъ Прибалтійскихъ губерній. Тѣ перелетныя птицы, которыя тянутся вверхъ вдоль и по Малой Азіи, изъ Нильской долины къ западному берегу Понта, вѣроятно больше придерживаются равнинъ нижняго Дуная и Днѣстра¹⁾. Въ прибрежныя страны Финскаго залива птицы прилетаютъ, кажется, главнымъ образомъ съ юго-запада, вдоль Балтійскаго моря.

Будущія наблюденія рѣшатъ вопросъ, который изъ двухъ путей посѣщается болѣе всего: Нило-Каспійскій или Нило-Понтскій, ведущій частію къ Донско-Волжскому пути, частію изъ Малой Азіи кратчайшимъ путемъ къ оконечности Крыма²⁾. Этимъ путемъ, кажется, летятъ только материковыя птицы.

лукѣ (49° с. ш.) Палласъ видѣлъ *Ans. albifrons*, летѣвшихъ на западъ, слѣдовательно по Донскому пути (Reise, III, стр. 648), тогда какъ другія птицы, а именно *Gus leucogeganos*, летѣли на югъ, т. е. вдоль Волжскаго пути.

Направленіе Волжско-Тобольскаго пути я беру изъ наблюденій Палласа (Reise, I, стр. 148; II, стр. 12), видѣвшаго, какъ около Самары и Уфы водяныя птицы весною летѣли по направленію отъ запада на востокъ и даже отъ сѣверо-запада на юго-востокъ. Этимъ объясняется также необыкновенное изобиліе перелетныхъ птицъ на Исети, гдѣ Арало-Каспійскій главный путь и Волжско-Тобольскій путь сдвигаются между собою. Не только Палласъ, въ разныхъ мѣстахъ, но и Георги (Reise, стр. 524) говоритъ о почти вѣроятномъ множествѣ птицъ на всемъ лѣвомъ берегу рѣки Тоболя.

¹⁾ Сюда указываетъ подмѣченное на Босфорѣ направленіе перелетовъ отъ Ю.-Ю.-В. къ С.-С.-З. (Alléon и Viau въ *Revue et Magasin de Zoologie*, 1869, стр. 258). — Далѣе къ сѣверу этотъ путь переходитъ, можетъ быть, въ указанный Фрейзою Одерскій путь (стр. 371, примѣч. 1-е).

²⁾ Во время путешествія по внутренней части Финляндіи я отыскивалъ гнѣздилища безчисленнаго множества болотныхъ бекасовъ (именно дупеля, *Scol. major*), которыя въ иные годы около Новгорода, С.-Петербурга и въ Ливляндіи пролетаютъ столь огромными стаями, что ежедневно можно настрѣлять съ полсотни. Но до 62° с. ш. они, равно какъ и барашекъ (*Scol. gallinago*), встрѣчались лишь изрѣдка, а отсюда до полярнаго круга вовсе не попадались, хотя не могли ускользнуть отъ вниманія моей хорошей охотничьей собаки. Слѣдовательно,

по-видимому они только потому такъ часто попадаютъ нашимъ охотникамъ, что изъ обширныхъ мѣстностей сѣверо-восточнаго угла Европ. Россіи (Двинской области) собираются на сравнительно узкомъ пути, вокругъ Финскаго залива, въ западо-юго-западномъ направленіи, чтобы затѣмъ отправиться далѣе въ юго-западномъ направленіи. Къ югу оттуда, подъ тѣми-же меридіанами, около Кіева, въ теченіе трехлѣтняго моего тамъ пребыванія, пролетали только мѣстные бекасы, высиживавшіе тамъ свои яйца, но не сѣверныя стаи, потому что дупелей было очень мало; большую часть убивали въ концѣ Іюля, а послѣднихъ въ концѣ Августа. Очевидно это были только бекасы, высиживавшіе яйца и набравшіеся изъ той-же мѣстности. Въ слѣдующіе же годы Кеслеру (Естеств. Исторія Губерна. Кіевск. Учебн. Окр. Зоологія, 1852, стр. 31) удалось видѣть большія стаи, но и онъ жалуется на ихъ большую неправильность. Я полагаю, что тамъ едва-ли пролетаютъ сѣверныя стаи; вѣроятно это только такія птицы, которыя высижены около истоковъ Днѣпра и Десны. Просмотрѣвъ дневники одного страстнаго охотника, я убѣдился, что дупеля вовсе не пролетаютъ надъ южнымъ берегомъ Крыма и рѣдко высиживаютъ тамъ яйца, хотя ближайшій родичъ ихъ, барашекъ (*Scol. gallinago*) тамъ-же высиживаетъ яйца и пролетаетъ. Надъ Кіевомъ онъ, равно какъ гаршнепъ (*Scol. gallinula*), пролетаетъ, хотя все-еще въ такомъ умѣренномъ количествѣ, что мы не вправѣ принимать ихъ за то безчисленное множество сѣверякъ, которые встрѣчаются въ основаніи Финскаго залива. Замѣтимъ кстати, что около Томска, на Иртышѣ, пролетаетъ чрезвычайно много дупелей.

Вальдшнепъ же, котораго въ Финляндіи я встрѣчалъ гораздо чаще, чѣмъ маленькихъ родичей его, около Кіева

Все, что намъ еще хочется сказать о путяхъ, по которымъ птицы прилетаютъ въ Сибирь, основано на подробныхъ извѣстіяхъ Радде о перелетѣ птицъ въ Дауріи. Онъ чрезвычайно наглядно описываетъ оживленность Селенго-Ангарскаго пути¹⁾, и указываетъ на то, что р. Сунгари также, можетъ быть, очень оживленный путь. Между тѣмъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о проходахъ и путяхъ, ведущихъ съ юга въ Амурскій край. Къ сожалѣнію Шренкъ, обратившій особенное вниманіе на время перелетовъ птицъ въ Амурскомъ краѣ, не имѣлъ случая пробыть надлежащее время на рѣкахъ Усури и Сунгари. Можетъ быть, отъ Селенго-Ангарскаго пути вилообразно отвѣтвляется сѣверо-восточный путь къ Ленскому пути, который, говорятъ, уже у Якутска чрезмѣрно богатъ перелетными птицами всѣхъ видовъ²⁾. Однакоже главная масса птицъ несомнѣнно прилетаетъ съ береговъ Охотскаго моря на Ленскій путь. Спрашивается только, у какихъ проходовъ онѣ главнымъ образомъ переправляются чрезъ Становой хребетъ. Мой путь, по которому я изъ Якутска ѣхалъ въ Удской острогъ, не давалъ мнѣ отвѣта на этотъ вопросъ; тамъ перелетъ оказался бѣднымъ. Съ другой стороны я засталъ перелетныхъ птицъ на изгибѣ р. Лены у Якутска такъ рано, что трудно предположить, чтобы эти птицы прилетали туда по Селенго-Ангарскому пути³⁾.

Въ нѣкоторыхъ указанныхъ мною путяхъ птицъ дальнѣйшія наблюденія, которыхъ ожидаетъ наука по этой части, признають, можетъ быть, больше слѣдовъ разгула моего воображенія, чѣмъ взмаховъ птичьихъ крыльевъ, но даже въ случаѣ преждевременности моихъ попытокъ я стану утѣшаться тѣмъ, что онѣ по крайней мѣрѣ не остались безъ послѣдствій, побудивъ другихъ къ разъясненію вопроса. Что большая часть перелетныхъ птицъ посѣщаетъ и покидаетъ Сибирь по извѣстнымъ путямъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; это и понятно само по себѣ, если разсмотрѣть непрерывный рядъ горныхъ гребней, которыя вѣнчаютъ сѣверный край Азіятскаго плоскогорья, начинаясь у Охотскаго моря въ видѣ громадной пограничной стѣны. Радде (*Reisen im Süden von Ost-*

собирается съ гораздо большаго пространства (для регулярнаго перелета, какъ весною, такъ и осенью), чѣмъ въ Ливляндіи, гдѣ онъ попадаетъ гораздо рѣже. Такимъ образомъ пути ближайшихъ по родству птицъ все-таки различны.

Крымскимъ путемъ, прямо черезъ Понтъ въ Малую Азію, по наблюденіямъ Нормана (*Demidoff, Voyage, III, 1840, стр. 201*), летали *Falco rufipes, cenchris*; *Str. otus, brachyotos, scops*; *Motac. alba, flava et melanoccephala*; *Sax. oenanthe, leucomela, stapacina, rubetra*; *Sylvia trochilus, phoenicurus, tithys*; *Alauda brachydactyla*; *Hir. rustica, riparia*; *Col. turtur*; *Perd. coturnix*; *Otis tetrax*; *Rallus porzana, Grus vjrgo*. Также *Anas querquedula*.

¹⁾ *Reisen im Süden von Ostsibirien, II, стр. 43, 46 и др.*

Очевидно это тѣ-же самыя перелетныя птицы, которыя, по наблюденіямъ Гюка (*Souvenir d'un voyage I, стр. 242, 243*), большими стаями пролетали надъ степью Доби.

²⁾ Въ пользу моего предположенія нѣкоторымъ образомъ говоритъ извѣстіе Мессершмидта (*Pallas, Neue Nord. Beiträge, III, стр. 139*), видѣвшаго, какъ въ Забайкальѣ, въ долинѣ Онона, примѣрно подъ $30\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., 1-го Октября разныя водныя птицы во множествѣ летѣли на юго-западъ.

³⁾ Весьма странно, какъ рано въ 1844 году перелетныя птицы прилетѣли въ Якутскъ, хотя жители этого города не могли сказать мнѣ, что это было необыкновенно раннее лѣто. Въ прехолодный Якутскъ ласточки прилетѣли въ тотъ-же самый день, какъ въ С.-Петербургу, лежащій 2-мя градусами широты южнѣе; даже еще цѣлымъ днемъ раньше, чѣмъ въ средній по расчету день С.-Петербурга. Трасогузка прилетѣла 4-мя, кукушка — 10-ю, иволга даже 24-мя днями раньше. Эти разности невѣроятны велики, такъ что мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ будемъ ждать изъ Якутска дальнѣйшихъ свѣдѣній по этой части.

sibirien, Vögel, стр. 46) говорить, что даже журавли и гуси тянутся по окраинѣ плоскогорья съ востока на западъ, и что только самыя большія и самыя сильныя птицы круто поднимаются вверхъ, чтобы продолжать свое странствованіе на высотѣ 8—9000' надъ моремъ по направленію отъ сѣвера къ югу. Указаніе проходовъ, чрезъ которые масса стремится преимущественно, будетъ задачею будущности. Знаемъ же мы вѣдь уже нѣсколько такихъ проходовъ на Піемонтскихъ Альпахъ и въ Швейцаріи, хотя эти хребты, по своей незначительной поперечной длинѣ, отчасти могутъ быть обойдены, да частію и обходятся перелетными птицами.

Само собою разумѣется, что гдѣ конфигурація страны допускаетъ расширенія, тамъ и перелетныя птицы болѣе распространяются и установленіе опредѣленныхъ путей становится затруднительнымъ, можетъ быть невозможнымъ. Въ особености, кажется, это бываетъ съ материковыми птицами. Впрочемъ, и онѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, собираются на опредѣленныхъ путяхъ.

Столь-же понятно и то, что пути перелетовъ болѣе всего ограничены тамъ, гдѣ птицамъ пути заграждаются существенными препятствіями, какъ напр. очень круто и высоко выдающимися надъ морскою поверхностію горными цѣпями или также большими водными пространствами. Въ такихъ мѣстностяхъ животныя по-неволѣ скучиваются. Вотъ почему проходы между горными цѣпями, лежащими прямо поперекъ направленія перелетовъ, а еще болѣе острова и продолговатыя полуострова, лежащіе по направленію перелетовъ, особенно годятся для наблюдений, могущихъ послужить къ разъясненію направленій нѣкоторыхъ перелетовъ. Въ этомъ отношеніи Сардинія, Мальта и Босфоръ¹⁾ успѣли приобрѣсти себѣ извѣстность.

Въ Европейской Россіи интереснымъ по этой части краемъ является Крымъ, хотя, впрочемъ, доселѣ мы находимъ въ немъ только повтореніе того, чѣмъ уже прославились выдающіеся въ Средиземное море южные берега Европы, Балеарскіе и Сардинскіе острова, перепелочный островъ Капри, Сицилія и т. д. Какъ тутъ, такъ и на южномъ берегу Крыма, перелетные перепела, выжидая попутный вѣтеръ, въ Сентябрѣ долго остаются на мѣстѣ, прежде нежели рѣшаются приступить къ своему путешествію черезъ Понтъ. Частію днемъ, частію въ ночное время, при свѣтѣ факеловъ, Татары прикрываютъ ихъ тысячами либо маленькими сачками, либо еще проще вѣтками.

Вдоль подобныхъ береговъ, слѣдовательно, выступающія длиннымъ строемъ фаланги даже такихъ материковыхъ птицъ, которыя въ другихъ мѣстахъ, кажется, не придерживаются особыхъ путей, соединяются въ явно-замѣтные пути перелета. Даже на

¹⁾ Оттуда мы вправѣ ждаты еще весьма важныхъ наблюдений. Чрезвычайно интересны повѣстія, сообщенныя намъ въ послѣднее время Аллеономъ и Віаномъ (Revue et Magasin de Zoologie, 1869, p. 238; 1870, p. 163).

Въ особености хищныя птицы летаютъ тамъ такими массами, которыя превосходятъ всякое вѣроятіе.

Milvus ater въ концѣ Августа встрѣчается тысячами. Къ началу же Сентября не остается ни одного. Они летаютъ вмѣстѣ съ Vult. persopiterus.

Черныя аисты и цапли также летаютъ сообща съ хищными птицами. Но пѣвчихъ и водныхъ птицъ пролетаетъ тамъ также безчисленное множество.

островах Зеленаго мыса, которые, по-видимому, лежатъ въ сторонѣ отъ пути перепелочнаго перелета, къ немалому моему удивленію, повторилось тоже самое¹⁾.

Несравненно важнѣе всѣхъ прочихъ Европейскихъ приваловъ этого рода оказывается получившій, благодаря извѣстіямъ Гэтке, классическое значеніе, островъ Гельголандъ, на которомъ птицы, болѣе слабыя по части летанія, отдыхаютъ отъ своего странствованія чрезъ Нѣмецкое море²⁾. Остановимся и мы нѣсколько на этомъ замѣчательномъ привалѣ.

Говорятъ, что на немъ, во время перелета вальдшнеповъ, въ одно утро убиваютъ отъ 300 до 400 штукъ. Откуда они прилетаютъ? Я предполагаю, что между ними лишь нѣсколько финляндскихъ, и можетъ быть вовсе нѣтъ русскихъ слоновъ. Вѣроятно, это почти исключительно скандинавскія птицы, изъ которыхъ многія, можетъ быть, зимуютъ уже въ Англіи и Ирландіи. Такимъ образомъ перелетъ ихъ совершается по направленію отъ сѣверо-востока на юго-западъ³⁾. Во всякомъ случаѣ необходимо опредѣлить, не вліяетъ-ли тутъ, можетъ быть, направленіе Балтійскихъ береговъ, отвлекая эту птицу изъ Россіи на поперечный путь отъ востока на западъ?

Имѣя въ виду, что въ осеннее время вальдшнепы массами пролетаютъ надъ средними частями Европейской Россіи и надъ прибрежными странами Чернаго моря, мы готовы на предложенный вопросъ отвѣтить отрицательно. Изъ моихъ «Iseriptesen» сказывается, что среднимъ числомъ вальдшнепъ прилетаетъ въ Одессу 11-го, въ Кіевъ 19-го, въ Курляндію, подъ $56\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., 27-го, и тамъ-же, градусомъ сѣвернѣе, 31-го Марта. Это представляетъ убѣдительную соотвѣтственность. Въ Финляндіи, къ сожалѣнію, надъ этою птицею не дѣлались наблюденія, но если принять въ соображеніе, что *Scol. galinago* и *Numenius arquata* прилетаютъ въ Финляндію въ половинѣ Апрѣля, то мы вправѣ предположить съ величайшею достовѣрностью, что дѣйствительно вальдшнепъ въ Европ. Россіи пролетаетъ почти по направленію отъ сѣвера къ югу⁴⁾.

¹⁾ Я чрезвычайно удивился, когда 13 Августа 1867 года экипажъ англійскаго военнаго корабля, бросившаго рядомъ съ нами якорь передъ Порто-гранде, настрѣлялъ въ горахъ множество перепеловъ. Впослѣдствіи уже я прочелъ въ разныхъ сочиненіяхъ, что въ концѣ Декабря въ С. Яго перепела бывають любимымъ предметомъ охоты. Одинъ изъ острововъ Зеленаго Мыса поэтому и называется «Перепелнымъ островомъ».

²⁾ Journal für Ornithologie 1856, стр. 70.

Archiv für Naturgeschichte 1857, Jahresbericht über die Vögel, für 1856, p. 35.

³⁾ По Кроммелину (Droste, Bericht über die 18-te Versammlung der deutschen Ornithologen-Gesellschaft, 1870, p. 35), бекасы прилетаютъ въ Голландію при западномъ вѣтрѣ въ Октябрѣ и Ноябрьѣ. Двѣ страницы далѣе говорится, что они при восточномъ вѣтрѣ летятъ въ Фрисландію. Желательно было бы получить достовѣрныя извѣстія по этому предмету. — Въ первой недѣли

Октября въ одномъ мѣстѣ Фрисландіи, въ кустарникѣ было поймано 400 вальдшнеповъ (ibid. стр. 37).

⁴⁾ Правда, что осенью пролетаетъ безчисленное множество бекасовъ чрезъ Смирну (Journal für Ornithologie, 1858, VI, стр. 485), но эти бекасы могутъ также залетать туда изъ западной Сибири.

Вообще было бы довольно трудно въ отношеніи вальдшнеповъ добиться толку по этой части, такъ какъ мѣста, гдѣ они высиживаютъ яйца, тянутся на такое обширное пространство, что съ одной стороны заходятъ даже въ полярный кругъ, а съ другой встрѣчались еще въ Крымскихъ горахъ.

Дупель (*Scolopax major*) по-видимому прилетаетъ на зимнія квартиры преимущественно къ востоку отъ Греціи, гдѣ онъ часто зимуетъ, и едва-ли забирается южнѣе южныхъ береговъ Малой Азіи. Срав. стр. 376, прим. 2-е.

Большая же часть барашковъ, напротивъ того, переле-

Но что сказать в таком случае о пролетающих порознь надъ Гельголандомъ сибирскихъ птицахъ, которыя все-таки могли попасть туда не иначе, какъ летя по направленію отъ востока къ западу?

Хотя, конечно, *Anas dispar* можетъ прилетать и съ Лапландскихъ береговъ Ледовитаго океана, и съ береговъ Финляндіи, другія же птицы, *Sylvia cyaneola*, *Phylloscopus borealis*, *S. locustella*, *Emberiza aureola*, *pusilla*, *Anthus cervinus*, *Limicola pygmaea*, могутъ являться съ сѣвера Европ. Россіи, а *Sylvia cyaneola* и *Pastor roseus* даже изъ Скандинавской Лапландіи, все-таки остается немало такихъ птицъ, о которыхъ мы пока не имѣемъ права сказать, что онѣ прилетаютъ въ Гельголандъ не изъ самой Сибири, а изъ болѣе близкихъ странъ; къ такимъ птицамъ можно отнести напр. *Phylloscopus superciliosus*, *Sylvia certhiola*, *Hirundo rustica*, var. *rufa*, *Lanius phoenicurus*, *Emberiza rustica*, *Pyrrhula rosea*, *Cinclus Pallasii*, *Turd. ruficollis*.

Такъ какъ многія изъ нихъ встрѣчались также въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Средней Европы, то едва-ли можно отрицать, что онѣ пролетаютъ по направленію отъ востока къ западу, хотя доказанное появленіе цѣлаго ряда ихъ въ Провансѣ заставляеть предполагать, что птицы, временно прилетающія въ Гельголандъ изъ Сибири, продолжаютъ путь свой въ юго-восточномъ направленіи до Средиземнаго моря¹⁾. Во всякомъ случаѣ весьма странно, что напр. *Phylloscopus superciliosus* пролетаетъ надъ Гельголандомъ очень поздно въ году, именно въ теченіи всего Октября нов. ст.²⁾. Впрочемъ, по словамъ Раdde, и у озера Тарей-Норъ (къ югу отъ Байкала) эта пѣвунья заключаетъ собою стаи перелетныхъ птицъ въ концѣ Сентября и безъ вреда переноситъ 4—5 градусовъ мороза.

Упомянутые Сибирскіе виды, какъ извѣстно, на о. Гельголандѣ сталкиваются съ американскими, какъ то: *An. persicillata*, *Tr. rufescens*, *Totanus semipalmatus*, *Charadrius virginicus*, *Turdus (Orpheus) rufus*, *T. lividus*, *Anthus pensylvanicus*. Это положительно случайно забревшіе туда гости.

Американскій *Mergus cucullatus* убитъ, говорятъ, даже на Сакмарѣ³⁾.

Бердъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи⁴⁾ обращаетъ вниманіе на то, что на о. Шпицбергенѣ доселѣ еще не встрѣчалось ни одного сѣверо-американскаго вида, тогда какъ изъ 69 видовъ, встрѣчавшихся въ Европѣ, лишь 19 видовъ еще не замѣчено въ Англіи.

Имѣя за тѣмъ въ виду, что на о. Шпицбергенѣ доселѣ не попадалось ни одного сѣверо-американскаго вида, и что европейскіе виды пролетаютъ въ Гренландію и обратно чрезъ Ферерскіе острова и Исландію, Бердъ развиваетъ мнѣніе, что американ-

таетъ чрезъ Средиземное море, во множествѣ встрѣчается по всей сѣверной Африкѣ и зимуетъ даже постоянно на Канарскихъ островахъ (*Journ. für Ornithol.* 1853, стр. 173).

¹⁾ *Journ. f. Ornithologie*, 1856, стр. 217, 219. По словамъ Мюллера, *Emberiza aureola*, *rustica*, *pusilla* ежегодно посѣщаютъ Провансъ къ концу Октября. Также ругг. *erythrina*.

²⁾ *Naumannia*, 1857, стр. 421.

³⁾ *Nouv. Mém. de Moscou*, X, 1835, стр. 281. Не подлежитъ ли сомнѣнію опредѣленіе вида?

⁴⁾ *The distribution and migrations of American birds*, p. 26 etc.

скія птицы вѣроятно рѣдко достигали береговъ Европы чрезъ Гренландію и Исландію, а заносятся въ Европу, равно какъ на Бермудскіе острова, главнымъ образомъ западными вѣтрами, господствующими во время осеннихъ перелетовъ между 32° и 58° с. ш. Если это предположеніе справедливо, то Азорскіе острова могли бы служить прекрасною точкою для повѣрки этого мнѣнія¹⁾. Извѣстный случай появленія *Alca impenis* на берегахъ Норвегіи служитъ новымъ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ доказательствъ, что вмѣсто прямаго направленія отъ Исландіи къ Скандинавіи птицы выбираютъ другое, менѣе обыкновенное, направленіе отъ сѣверо-запада на юго-востокъ²⁾.

Кромѣ непосредственнаго наблюденія и отмѣчанія направленія перелетающихъ птицъ, къ разъясненію этого вопроса значительно можетъ служить еще другой, косвенный способъ. Я разумѣю сравненіе крайнихъ лѣтнихъ мѣстъ пребыванія нѣкоторыхъ отличительныхъ и мало-распространенныхъ птицъ (все равно, будутъ ли это особые виды, или только разновидности) съ географическимъ положеніемъ ихъ крайнихъ зимнихъ квартиръ. Если напр. прекрасный *Grus virgo* ежегодно фалангами тянется чрезъ Одессу въ болѣе теплыя зимою страны (какъ сообщаетъ Нордманъ), то этотъ случай можно объяснить только предположеніемъ, что либо эта птица, высиживающая яйца отъ степей южной Россіи до самой Дауріи, перелетаетъ по направленію отъ В.-С.-В. на З.-Ю.-З., либо въ небольшомъ количествѣ выводитъ птенцовъ также къ сѣверу отъ Одессы, въ степяхъ, заключающихся между Днѣстромъ и Бугомъ. Мнѣ кажется, что послѣднее предположеніе заслуживаетъ большаго вниманія, потому что *Grus virgo* посѣщаетъ и покидаетъ Крымъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу³⁾, да и молодыя птицы этого вида, по словамъ Кесслера, были убиваемы около Кіева.

Сибирская или восточная разновидность варакушки (*S. suesica* var., *soerulescula* Pall.) зимуетъ въ Египтѣ⁴⁾. Отсюда намъ пришлось бы вывести заключеніе, что птица эта исключительно перелетаетъ по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, но недавно намъ стало извѣстно, что эта разновидность высиживаетъ яйца также въ Лапландіи. По этому-то направленію перелета варакушки отъ сѣвера къ югу, противъ котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы въ доказательство привели бы появленіе ея въ Египтѣ тѣмъ болѣе можетъ быть допущено въ отношеніи этой птицы, что ее встрѣчали также въ Индіи⁵⁾. Это доказываетъ только, какъ осторожно нужно дѣлать подобнаго рода заключенія. Во всякомъ случаѣ однакоже для этого вида птицъ нужно исключить направленіе перелета отъ юго-востока на сѣверо-западъ.

¹⁾ Глогеръ (*Journ. für Ornithol.* p. 113) собралъ случаи, изъ которыхъ выводять доказательство, что и материковыя птицы могутъ отдыхать на морѣ, и что слѣдовательно американскіе виды тѣмъ менѣе слѣдуетъ считать прибывшими изъ Сибири.

Все, кажется, зависитъ оттого, на сколько жилички перьевъ пропитаны жиромъ, и посредствомъ присущаго воздуха удерживаютъ промокание.

²⁾ Срав. Валленгрена (*Naumannia*, 1833, стр. 159).

³⁾ Шатиловъ въ *Bulletin de Moscou*, 1860.

⁴⁾ Это подтверждаютъ многіе единогласно; срав. напр. *Journ. für Ornithol.* 1834, стр. 73; *Naumannia*, 1836, стр. 470; *The Annals and Magazine of Natural History*, 1860, стр. 128; также Baird, *Ibis*, 1867, стр. 62.

⁵⁾ Въ Индіи, по Берду, *Ibis*, 1867, стр. 16. На Волгѣ эта разновидность выводитъ птенцовъ даже въ Симбирской губерніи (Богдановъ, Птицы и звѣри черноморской полосы и Поволжья, 1871, стр. 78).

Относительно черноголовой трясогузки можно замѣтить то же самое, что сказано о варакушкѣ.

Явственнѣе и легче замѣтнѣе, по своей привязанности къ человѣку, краснобрюхая разновидность трубной ласточки (*Hir. rustica*, var. *rufa*).

Эта краснобрюхая трубная ласточка, какъ извѣстно, не встрѣчается въ западной Сибири. За самый крайній западный предѣлъ, гдѣ она высиживаетъ свои яйца, уже Палласъ правильно принималъ рѣку Кань; слѣдовательно, мы смѣло можемъ предположить, что эта разновидность нигдѣ не встрѣчается къ западу отъ Енисея¹⁾. Отъ этой рѣки на востокъ по Сибири и Сѣв. Америкѣ распространена одна только эта краснобрюхая разновидность трубной ласточки. Гдѣ же зимуетъ эта ласточка Восточной Сибири? Сколько намъ до сихъ норъ извѣстно, Египетъ самая западная страна, гдѣ ее видѣли во время осенняго перелета; тамъ и въ Нубіи она появляется въ безчисленномъ множествѣ.

Вслѣдствіе этого, пока можно предположить съ величайшею достовѣрностью, что краснобрюхая трубная ласточка странствуетъ по направленію отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Положимъ, что зимующія въ Египтѣ птицы прилетаютъ изъ Енисейскаго края, а зимующія на о. Цейлонѣ и Явѣ (*Hir. javanica*) — изъ болѣе восточныхъ частей Сибири: для всѣхъ будетъ приходиться направленіе отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Если постоянно строго придерживаться этого направленія, то намъ придется предположить, что трубныя ласточки, встрѣчавшіяся въ Китайскомъ морѣ, подъ 14° с. ш. и вполне соответствовавшія европейскимъ²⁾, прилетали съ востока Сѣверной Америки. Это дѣло требуетъ ближайшаго изслѣдованія видовъ и разновидностей тѣхъ морей.

¹⁾ Обыкновенно говорится, что краснобрюхая трубная ласточка (подъ названіемъ *Hir. Boissoneauii*) встрѣчается также въ Македоніи, но Мюле прямо высказывается противъ этого (*Beiträge zur Ornithologie Griechenlands*, 1844, стр. 80).

²⁾ *Meuén, Observationes zoologicae* въ *Nov. Act. Caes. Leop. Carol.* XVI, *Supplem. primum* 1834, стр. 72. Но откуда онѣ прилетали въ Китайское море? Получила же краснобрюхая трубная ласточка, сверхъ многихъ другихъ именъ, и названіе *Hir. sahirica* изъ Египта. Что она зимуетъ на о. Цейлонѣ, это намъ сообщаетъ Келлаартъ, *Prodromus Faunae Zeylanicae, Ceylon*, 1862, *Append.* стр. 36.

Интересно было бы узнать, встрѣчаются ли въ Крыму и въ Абхазіи также положительно краснобрюхія трубныя ласточки, или только переходы между нами и европейскими, упоминаемые Нордманномъ (*Démidoff, Voyage*, III, 1840, стр. 202). Въ Египтѣ Бердъ (*Ibis*, 1867) не видѣлъ *Hir. rufula*, но въ Смирнѣ встрѣчалъ ее часто, въ Апрѣлѣ. Въ Греціи она не рѣдкость. Позднѣе она попадалась на о. Мальтѣ и Сициліи, въ Италіи

и южной Франціи, но очевидно она занесена была туда сильными восточными вѣтрами (*Ibis*, 1864, стр. 57).

Въ Марсели убитъ экземпляръ этой птицы (*Journ. für Ornithol.* 1856, стр. 226), а на С. Готардѣ встрѣченъ даже въ парѣ съ нашей трубной ласточкой (*Naumannia*, 1855, III, стр. 400; 1857, стр. 254; *Journ. f. Ornithol.* 1859, стр. 200). За этимъ началомъ колонизаціи новой помысь, встрѣчающейся также на Кавказѣ (по Нордманну), необходимо внимательно слѣдить.

Впрочемъ, краснобрюхая трубная ласточка встрѣчается, говорятъ, въ Египтѣ и осѣдлой птицей (*Heuglin, System. Uebersicht der Vögel Nordost-Afrika's* въ *Sitzungsbericht der mathem. naturh. Klasse der Kais. Akad. der Wiss.* XIX, стр. 253 и слѣд. (стр. 16).

Такъ какъ *Hir. urbica*, простирающаяся, правда, на востокъ до Камчатки, не встрѣчается, говорятъ, ни въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря, Амурскаго края, ни на Японскихъ островахъ (*Schlegel, Reisen und Forschungen*, 1860, I, 2, стр. 388), то тщательное изслѣдованіе зимнихъ квартиръ этого вида позволяетъ считать на нѣкоторое разъясненіе направленій перелетовъ.

Далѣ мы вправѣ придавать столько-же значенія еще третьему, весьма замѣтному виду перелетныхъ птицъ: такъ называемому пискунцу (*Ans. ruficollis*)¹⁾.

Самые восточные пискунцы тянутся вдоль Арало-Каспійскаго Обскаго, а нѣкоторые вдоль Волжско-Тобольскаго пути²⁾, по направленію отъ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. Такъ какъ этотъ видъ гусей высиживаетъ яйца не къ западу отъ Урала, а только къ востоку отъ этого водораздѣльнаго хребта, и такъ какъ онъ пролетаетъ по Оренбургской губерніи, не останавливаясь въ ней, а въ Египтѣ зимуетъ тысячами, то мы вправѣ вывести отсюда заключеніе, что если въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ низовьямъ Оби, перелеты этого гуся и происходятъ по направленію отъ сѣвера къ югу, то чѣмъ далѣе мы станемъ подвигаться на югъ, тѣмъ болѣе они должны направляться отъ сѣверо-востока на юго-западъ, чтобы имѣть возможность привести птицъ въ Египетъ. Такимъ образомъ это можетъ служить еще новымъ доказательствомъ, что линія перелета птицъ не всегда въ точности направлена въ одну и ту же сторону, а можетъ отклоняться подъ угломъ³⁾. Срав. стр. 368.

Можетъ даже быть, что при ближайшемъ наблюденіи разновидностей плехана (*Ans. albifrons*), подобнымъ-же образомъ, при помощи этого вида гусей, удалось бы получить болѣе точное понятіе о направленіи перелета. Вѣдь уже подмѣченъ въ Египтѣ *Ans. medius* Temm⁴⁾.

Даже космополитъ, или по крайней мѣрѣ кругоборейскій (стр. 228) конюкъ могъ бы, пожалуй, дать возможность изучить направленія перелетовъ. Главнымъ образомъ, какъ извѣстно, онъ высиживаетъ яйца въ предѣлахъ полярнаго круга, вплоть до пояса криворослаго лѣса; слѣдовательно это, такъ сказать, настоящій землякъ лемминга, которымъ онъ по-видимому преимущественно и питается. Очевидно эти-то сѣверныя птицы, зимою, вмѣстѣ съ подорожникомъ съ собратъей, отыскиваютъ свои экваторіальныя

1) Онъ высиживаетъ яйца преимущественно на сѣверѣ Западн. Сибири, но внутри лѣснаго предѣла, и по-видимому похожъ въ этомъ отношеніи на сѣверо-американскаго *Anser canadensis*.

2) *Anser ruficollis* ежегодно, хотя и въ незначительномъ количествѣ, пролетаетъ около Сарепты, подъ 49¹/₂° на Волгѣ (Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, стр. 148).

3) На Понтѣ пискунецъ также рѣдкое явленіе (Nordmann, въ *Démidoff, Voyage*, III, стр. 286) и потому, кажется, преимущественно странствуетъ вдоль Каспійскаго моря, гдѣ, какъ извѣстно, стаями собирается около Астрахани. По Оренбургской губерніи онъ только пролетаетъ (Evermann въ *Nouv. Mém. des Natur. de Moscou*, T. X, 1855, стр. 277). Уже Гмелинъ (*Reise*, III, стр. 87) удивлялся, что на южномъ берегу Каспійскаго моря не встрѣчалъ ни приморскихъ ласточекъ, ни плехановъ, ни пискунцевъ, и потому предложилъ вопросъ, не тянутся ли они, прилетая изъ Астрахани, въ болѣе восточномъ направленіи. Этимъ онъ возбуждалъ вопросъ,

на который мы даже и теперь не умѣемъ отвѣтить, хотя зимованіе въ Египтѣ (которое намъ стало извѣстнымъ въ настоящее время) даетъ мыслямъ нашимъ путеводную нить. — Менетриѣ (*Catal. fais. 1832*, стр. 56) говоритъ о стаѣ плехановъ у юго-западной половины Каспійскаго моря; не видно только, были ли эти, утомленные бурей и заживо пойманные, птицы ежегодныя тамъ гости или онѣ только случайно завесены туда? Гогенакеръ приводитъ ихъ также въ перечнѣ закавказскихъ птицъ (*Bullet. des Natur. de Moscou*, VII, 1834, стр. 222).

Эйхвальдъ (*Zool. spec. III*, стр. 238; *Naturhistor. Skizz.* стр. 235) увѣряетъ, что пискунецъ встрѣчался даже въ Литвѣ. Безъ сомнѣнія только какъ случайно забревшій гость, подобно слѣдующимъ. Въ Германіи бывало нѣскольکو случаевъ (въ Штутгартѣ) и въ Галиціи. Еще рѣже, болѣею частью едва-ли болѣе одного раза, его видѣли въ Голландіи и Франціи. Недавно онъ встрѣтился также около Флоренціи (*Droste, Bericht über die 18te Versammlung der deutschen Ornithologen-Gesellschaft, 1870*, стр. 28). Срав. также выше, стр. 374, примѣч.

4) *Journ. f. Ornithologie*, 1855, p. 367.

предѣлы. Нѣкоторые индивидуумы, правда, высидиваютъ яйца и подлѣ средними широтами. Но, можетъ быть, ихъ слѣдуетъ отличать отъ сѣверныхъ, какъ увѣрялъ Бремъ. Во всякомъ случаѣ странно, что часть этихъ кошкоковъ (не съ глубокаго-ли сѣвера?) зимуетъ уже въ средней Европѣ, тогда какъ другая часть не въ состояніи пробыть даже на южныхъ берегахъ, а перелетаетъ чрезъ Средиземное море, дальше на югъ¹⁾.

Даурская галка, появляющаяся въ Крыму (Radde, *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1854, III, стр. 146), также весьма положительно указываетъ на направленіе перелета отъ сѣверо-востока и даже востока.

На такое-же направленіе (исходящее впрочемъ изъ еще болѣе восточной полосы высидиванія яицъ) указываетъ, можетъ быть, и *Emberiza sordoscephala*, которая встрѣчается также въ Индіи²⁾. *Lagus minutus* и *Sterna caspia*, которыя, сколько мнѣ извѣстно, высидиваютъ яйца не дальше къ западу, какъ въ средней Финляндіи, и которыя зимою встрѣчаются въ Провансѣ и въ Испаніи, тоже, мнѣ кажется, говорятъ въ пользу направленія перелета отъ сѣверо-востока на юго-западъ³⁾.

Limosa cinerea, напротивъ того (если только она не осталась незамѣченной въ сѣв. Сибири), на основаніи нашихъ теперешнихъ свѣдѣній, можетъ указывать на направленіе противоположнаго рода отъ сѣверо-запада на юго-востокъ или, по крайней мѣрѣ, отъ сѣвера къ югу, потому что доселѣ, сколько извѣстно, она высидивала яйца только въ Европ. Россіи и въ Запад. Сибири; зимою же она часто попадаетъ на о. Явъ и Су-матрѣ⁴⁾.

Тожѣ должно замѣтить про *Limosa rufa* и *Limosa uropygialis* (по Финшу, она

¹⁾ Въ Воронежской губерніи (примѣрно подлѣ 51° с. ш. въ области р. Дона) *Buteo lagopus* появляется уже въ началѣ Октября, на смѣну *Buteo vulgaris*, тогда какъ лишь въ Декабрѣ, при сильныхъ морозахъ, прилетаетъ въ значительномъ количествѣ (Сѣверцовъ, *Періодич. явленія*, стр. 257). Онъ зимуетъ также на Днѣпрѣ, около Кіева (*Journ. für Ornithol.* 1870, стр. 201), и около Харькова, подлѣ 50° (Czerpnay въ *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1850), равно какъ на Волгѣ, подлѣ 49° с. ш. (Moeschler, *Naumannia*, 1853, III, стр. 303 и Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, 1871, стр. 36); по Богданову, *Buteo lagopus* тамъ даже высидиваетъ яйца.

Но и чрезъ Кіевъ (50½°) онъ летитъ на югъ (Кеслеръ, *Живот. Кіевск. учебн. округа*, 1851, стр. 11).

Нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣйствительно, даже не удовлетворяетъ климатъ Одессы (46½°), гдѣ они появляются ежегодно (Nordmann, *Démidoff, Voyage*, III, стр. 103; *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 7). Да и въ Крыму онъ зимуетъ только тогда, когда зима не слишкомъ сурова (Шатиловъ, *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 492; Радде, *ibid.* 1854, III, стр. 134).

²⁾ Baird, *Ibis*, 1867, стр. 42.

³⁾ Въ Голландіи (Кроммелицъ въ *Droste, Bericht über die 18te Versamml. der deutschen Ornithologen-Gesellschaft*, 1870, р. 37, 38).

Въ Провансѣ (*Journ. f. Ornithol.* 1856); въ Испаніи (*Isis, Naturhist. Zeitung*, 1857, стр. 473 и т. д.).

⁴⁾ Gould, *Handbook to the birds of Australia*, 1865, Vol. II, 256.

Впервые заставъ ее высидивающую яйца около Архангельска (*Bericht über die ornithologischen Ergebnisse der naturhistorischen Reise in Lappland*, 1840, стр. 33), я ее потомъ неоднократно убивалъ въ губерніяхъ Вологодской и Олонецкой. Сѣверцовъ встрѣтилъ этотъ видъ на Дону. Какъ извѣстно, ее хотѣли назвать по Тереку, у котораго ее застали въ прошломъ столѣтіи. Шрепкъ и Радде встрѣтили ее на Яблонновомъ хребтѣ и на Амурѣ.

Въ Лифляндіи ее убивали два раза, во время пролета; равнымъ образомъ, въ видѣ исключенія, въ Нормандіи и около Парижа. Встрѣчалась она также близъ Пизы (*Zoologic. Record*, 1870, стр. 61) и около Брауншвейга (*Droste, Bericht über die 18te Versamml. der deut. Ornithol.-Ges.* 1870, стр. 63 и др.). Очевидно это были случайно забревшіе гости.

зимуеть въ Новой Зеландіи), о которыхъ Дросте (l. c. стр. 202) совершенно справедливо говоритъ, что непонятно, гдѣ находятся лѣтнія мѣста пребыванія такого удивительнаго множества птицъ этого вида, пролетающихъ по среднимъ широтамъ.

Бѣлыя куропатки также, можетъ быть, могли бы играть роль въ этомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что снова и снова продолжаютъ увѣрять, что въ предѣлахъ полярнаго круга въ Сибири, зимою, кромѣ таловокъ и альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ, появляется еще третій, меньшій видъ¹⁾. Мѣста, гдѣ онъ высиживаетъ яйца, должны быть тѣсно ограниченныя — можетъ быть островами — пространства на глубокомъ сѣверѣ, потому что въ Таймырскомъ краѣ я нигдѣ не могъ отыскать ихъ.

Если не только отдѣльныя разновидности, но и цѣлый рядъ разновидностей, замѣтныхъ орнитологу и свойственныхъ отдаленной полосѣ земли, зимою всѣ встрѣчаются въ другой странѣ, то для зоолога, мнѣ кажется, это должно служить еще гораздо болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ, чѣмъ появленіе вышеупомянутыхъ разновидностей, легко замѣтныхъ и для простаго наблюдателя. Въ такомъ отношеніи, по-видимому, находятся прибрежныя страны Восточной Сибири съ одной, и Корея съ Японіей съ другой стороны. Но при этомъ мы никакъ не должны упускать изъ виду сѣверо-западные берега Америки, потому что, по Берду²⁾, тамошнія туземныя птицы также болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ птицы изъ срединныхъ частей.

Наконецъ и изепитезныя линіи представили намъ путь, которымъ можно изслѣдовать направленія перелетовъ птицъ³⁾. Такъ какъ направленіе прилетающихъ птицъ необходимо представлять себѣ подъ прямымъ угломъ къ направленію изепитезныхъ линій, то уже изъ самаго поверхностнаго взгляда видно, что птицы, пролетающія только по срединнымъ частямъ Россіи, придерживаются (съ большими или меньшими отклоненіями) направленія отъ юга къ сѣверу, въ прибрежныхъ же странахъ на западныхъ предѣлахъ, равно какъ въ прибрежныхъ странахъ Восточной Сибири, напротивъ того, отклоняются отъ меридіаннаго направленія, и опять сходятся потому только, что въ первыхъ направляются отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, а въ послѣднихъ отъ юго-востока на сѣверо-западъ, слѣдовательно въ томъ-же смыслѣ совершаютъ свой осенній обратный перелетъ. Такимъ образомъ въ сѣверныя прибрежныя страны Россіи птицы прилетаютъ главнымъ образомъ со стороны океана ограничивающаго полеты⁴⁾.

1) Срав. вѣм. изд. этого соч. Bd. II, Th. 2, стр. 195, и Третьякова въ Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1869, стр. 314. — Гейглингъ и Ньютонъ признали напр. еще недавно *Lagopus hemileucurus* въ бѣлой куропаткѣ Шпицбергена (*Journ. f. Ornithol.* 1871, стр. 102, 208).

2) *The distribution and migrations of North American birds*, 1867, стр. 20.

Бердъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что птицы Сѣв. Америки, занимающія большое пространство широтъ (все равно: будутъ ли это осѣдлыя или перелетныя

птицы), тѣмъ больше ростомъ, чѣмъ сѣвернѣе онѣ высижены; при одинаковыхъ же широтахъ тѣ птицы больше, которыя выведены на болѣе высокой.

Если это фактъ, то его положительно можно объяснить только такъ, какъ это сдѣлано въ первомъ выпускѣ этой части, на стр. 26.

Во всякомъ случаѣ это опять даетъ средство удостовѣриться въ направленіяхъ и путяхъ перелетовъ, совершаемыхъ пѣкоторыми видами птицъ.

3) См. мои «*Iseriptesen*», стр. 138.

4) Такимъ образомъ предположеніе Серра (*Serres*,

Но это еще вовсе не значить, что тѣ самыя птицы, которыя на югѣ Россіи начинаютъ свой весенній перелетъ отъ юга на сѣверъ, впоследствии не продолжаютъ его съ уклоненіемъ на западъ или на востокъ (срав. стр. 383).

Вообще, большая часть материковыхъ птицъ Россіи, въ особенности насѣкомоядныхъ, главнымъ образомъ, кажется, придерживается направленія отъ юга къ сѣверу¹⁾. Можетъ быть, со временемъ удастся найти, что осенніе возвратные перелеты онѣ совершаютъ въ направленіи, вертикальномъ къ линіямъ одинаковаго осенняго тепла. Но случается также, что онѣ тянутся отъ сѣверо-востока на юго-западъ, или еще ближе къ направленію отъ востока къ западу²⁾. Дрозды на западныхъ границахъ Россіи перелетаютъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, на восточныхъ границахъ съ юго-востока на сѣверо-западъ³⁾, какъ большая часть тамошнихъ перелетныхъ птицъ.

Если, слѣдовательно, открытіе направленій, по которымъ перелетаютъ птицы, даетъ намъ лишь возможность судить о быстротѣ ихъ странствованія, то, съ другой стороны, и обратный ходъ изслѣдованія нерѣдко доставляетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о направленіяхъ передетовъ. Такъ напр. грачъ, жаворонокъ, скворецъ, пигалица, аистъ появляются въ Балтійскихъ прибрежныхъ странахъ двумя-тремя днями раньше, чѣмъ около 10 градусовъ широты южнѣе, подъ тѣми-же меридіанами⁴⁾. Если предположить, что какъ тутъ,

Des causes des migrations, стр. 67), что птицы восточной Европы, летая на востокъ, достигали наконецъ Японіи, по моему мнѣнію совершенно невѣрно. Соответствіе птичьей фауны Японіи съ птичьей фауной Европы по всему, что нами будетъ приведено ниже, объясняется очень просто.

¹⁾ Палласъ (Reise, I, стр. 148) говоритъ, что на Волгѣ у Самары водныя птицы весною прилетаютъ съ запада, пеликаны же, аисты, журавли и материковыя птицы, напротивъ того, — съ юга. Гмелинъ (Reise, 1768 и 1769, I, стр. 78) вѣроятно полемизировалъ съ Палласомъ, говоря: «Замѣчено» и т. д. Но это тутъ непримѣнимо. Довъ — общій путь, по которому описанныя доселѣ перелетныя птицы, вдоль всего его теченія, съ юга, т. е. отъ Чернаго и Азовскаго морей, прилетаютъ (въ Воронежъ). Предложивъ Волжско-Тобольскій путь, по которому материковыя птицы, кажется, не летаютъ, я успѣлъ, кажется, устранить противорѣчіе этихъ двухъ наблюдателей.

²⁾ Драхвы, фазаны, куропатки, жаворонки (напр. *Al. arvensis*, *calandra*, *tartarica* и др.) съ востока тянутся къ устью Волги, или въ Крымъ на зимовку (срав. Pallas, Reise, III, стр. 646, 647; Georgi, Reise, p. 786; Pallas, Reise in die südl. Statthaltersch., I, стр. 267, и II, стр. 13; Hablitzl въ Палласовыхъ Neue Nord. Beiträge, III, стр. 16; Нордманъ въ Demidoff, Voyage, стр. 124).

³⁾ Науманъ (Naumannia, 1850, стр. 7, 9) въ этомъ отношеніи придерживается взгляда, который я вполнѣ раздѣляю. Что я видѣлъ дроздовъ Вост. Сибири проле-

тавшихъ въ перекрестномъ направленіи, это, какъ сказано было, не противорѣчитъ его взгляду, а скорѣе подтверждаетъ его. Такое направленіе съ востока на западъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ также возможнымъ появленіе американскаго дрозда *Turd. pinog. Gm.* въ средней Германіи, гдѣ его, какъ извѣстно, поймалъ Науманъ. Во всякомъ случаѣ возможно, что онъ прибылъ въ Европу чрезъ Атлантическій океанъ; но можно также предположить, что онъ пролетѣлъ чрезъ Сибирь. Сколько мнѣ извѣстно, этого дрозда на древнемъ материкѣ въ другомъ мѣстѣ не видѣли. На сѣверо-западныхъ берегахъ Америки онъ встрѣчается. Китлицъ и Загоскія привезли намъ *Turd. pinog* оттуда, и потому можетъ статься, что онъ живетъ въ Камчаткѣ и оттуда пробрался на западъ.

Ледебуръ (Reise, 1830, II, стр. 431) и въ Зап. Сибири, почти подъ 48° с. ш., на востокъ отъ Тарбагатая, 6-го Сентября видѣлъ многочисленныя стаи пестрой кедровки (*Nucifg. saurocatact.*), тянувшіяся съ запада на востокъ. Но странствовали ли эти цыганки, или скорѣе не бродили ли онѣ, въ качествѣ подъ-альпійскихъ птицъ, отыскивая шишки хвойныхъ деревъ, растущихъ на горныхъ отрогахъ.

⁴⁾ Возмемъ нѣсколько примѣровъ изъ нашего «Приложенія». *Corv. frugilegus* прилетаетъ въ Петербургъ среднимъ числомъ двумя днями раньше, чѣмъ въ Кіевъ; *Alauda arvensis* двумя днями раньше бываетъ въ Митавѣ, чѣмъ въ Кишиневѣ; *Vanell. cristatus* въ Митавѣ двумя днями раньше, чѣмъ въ Кіевѣ; *Cic. alba* въ одно

такъ и тамъ, это все одни и тѣ же индивидуумы, летящіе въ меридіанномъ направленіи, то мы можемъ дойти до безсмысленнаго результата, что средняя часть Европ. Россіи по-сѣщается этими птицами весною съ сѣвера.

Несравненно легче, чѣмъ пути перелетовъ птицъ, можно установить пути кочеванія рыбъ, коль скоро онѣ заходятъ въ прѣсныя воды. Тѣмъ менѣе намъ извѣстны пути, которыми онѣ слѣдуютъ въ моряхъ.

Будучи связано предѣлами, даже направленіемъ узкаго рѣчнаго пути, познаніе направленія страны свѣта теряетъ всякое значеніе для переходной прѣсноводной рыбы: сотни примѣровъ показываютъ намъ, какъ иногда одна и та-же рыба поднимается вверхъ по рѣкамъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи; напр. одни нельмы или лохи Кета плывутъ къ югу, другіе — къ сѣверу, все вверхъ по рѣкѣ, для метанія икры.

Большую часть вопросовъ о путяхъ кочеванія рыбъ зоологія со временемъ, вѣроятно, успѣетъ разрѣшить только при помощи химіи, какъ скоро мы ближе ознакомимся съ свойствами жизненныхъ потребностей всѣхъ этихъ кочевыхъ рыбъ. Если омули и чирьи избѣгаютъ Обь (они умышленно избѣгаютъ ее, потому что встрѣчаются къ западу и къ востоку этой рѣки), то это съ Палласомъ можно объяснить медленнымъ теченіемъ и впаденіемъ многихъ степныхъ и сѣверныхъ болотныхъ водъ въ Обь, вслѣдствіе которыхъ Обская вода, подъ замкнутостью ледянаго покрова, становится гнилою и вонючею. Вѣдь осѣдлый ленокъ (*S. coregonoides*) вовсе не встрѣчается въ Оби, а попадаетъ только въ горныхъ притокахъ его; таймень и харіусъ лишь изрѣдка встрѣчаются въ Оби; осетры же, какъ иловые рыбы, весьма часто¹⁾. Самоѣды увѣряли меня также, что омуль не заходитъ ни въ Пясину, ни въ одну изъ рѣкъ, текущихъ изъ тундръ въ нижній Енисей съ лѣвой его стороны. Мнѣ могутъ замѣтить, что въ р. Пясинѣ и въ озерѣ того-же имени пѣтъ также осетровъ. Но вѣдь Пясина впадаетъ въ Ледовитый океанъ почти подъ 74° с. ш., слѣдовательно подъ такими широтами, которыя могутъ находиться въ предѣлахъ существованія осетровыхъ видовъ въ морѣ.

Омуль дѣйствительно, кажется, принадлежитъ къ самымъ чувствительнымъ рыбамъ, заходя изъ Байкальскаго озера только въ извѣстные горные потоки и оставляя

время появляется въ Митавѣ и въ Кіевѣ; *Grus sinerea* двумя днями раньше въ Якутскѣ, чѣмъ въ Барнаулѣ; *Sturn. vulgaris* 21 днемъ раньше въ Митавѣ, чѣмъ въ области р. Дона, т. е. 6-ю градусами широты южнѣе.

¹⁾ Такъ на южномъ берегу Охотскаго моря въ р. Удѣ не заходятъ ни джукча, ни мальма. Въ Торомѣ же, напротивъ того, не заходитъ лохъ Кета, хотя я встрѣчалъ его и на востокъ и на западъ отъ этой рѣчки. Между рыбами р. Таймуръ ловятся чирьи (*S. nasutus*) и только чирьи въ огромномъ количествѣ, тогда какъ въ Оби рѣдко встрѣчается чирья, по за то бываетъ главный уловъ лоховъ муксуновъ. Если бы послѣдніе не забирались такъ далеко вверхъ, то это было бы тѣмъ

страннѣе, что въ Ленѣ и Енисей они, какъ мы сказали, заходятъ вверхъ очень далеко.

Меня увѣряли даже, что въ р. Алдаму не заходятъ ни нерки, ни харіусы (*S. thymallus*). Красный лохъ (нерка?) избѣгаетъ, говорятъ, и рѣку Колыму, но къ востоку отъ нея заходятъ во множествѣ въ маленькія рѣчки, впадающія въ Ледовитый океанъ (Врангелъ, Путеш. II, стр. 208). Говорятъ, что красный лохъ (вѣроятно также нерка?) заходитъ во множествѣ даже въ рѣки Новой Сибири (Pallas, Neue Nord. Beiträge, VII, стр. 130).

Шокуръ и пыджанъ изъ Оби, говорятъ, заходятъ въ р. Сынѣ къ Уральскому хребту, а сельдяной лохъ въ Сосву и Лыгву (Сибир. Вѣстн. II, стр. 290, 291).

въ сторонѣ другія, лежащія между ними, рѣчки, не смотря на то, что вода и весь характеръ ихъ по-видимому имѣеть совершенно одинаковое достоинство. Что побуждаетъ омуля положительно избѣгать множество значительныхъ притоковъ Селенги, когда онъ поднимается вверхъ по этой рѣкѣ¹⁾? Это замѣчательное явленіе происходитъ такъ близко отъ Иркутска, что по всей вѣроятности мы вскорѣ получимъ ближайшія свѣдѣнія по этой части отъ живущихъ тамъ естествоиспытателей.

Если въ направленіи птичьяго перелета можно было предположить связь съ магнетической силой, а именно съ магнетическимъ полюсомъ, то въ вопросѣ о направленіи, въ которомъ странствуютъ рыбы, уже не можетъ быть рѣчи объ этомъ, тѣмъ болѣе, что движеніе рыбъ противъ теченія воды представляется очень простымъ явленіемъ, и подало даже поводъ предположить, что рыбы чувствуютъ потребность пропускать сквозь жабры большее количество пропитанной воздухомъ воды. Углубляясь въ разсмотрѣніе вопросовъ, что такое можетъ служить кочевымъ животнымъ путеводною нитью при ихъ странствованіяхъ, и что такое даетъ имъ возможность, вопреки громаднымъ разстояніямъ, постоянно отыскивать опять свои прежнія мѣста высиживанія яицъ, мы доселѣ натываемся на болѣе и болѣе сильныя препятствія, затрудняющія объясненіе этого явленія. Что болѣею частію таже самая птица ежегодно возвращается къ тому-же самому гнѣзду, въ этомъ уже никакъ нельзя болѣе сомнѣваться. На это у насъ достаточное количество прямыхъ доказательствъ. Косвенное доказательство я нашелъ въ томъ, что въ одной мѣстности Лиляндіи, три года сряду, до послѣдняго истреблялъ бекасовъ, во множествѣ выводившихъ тамъ своихъ птенцовъ. Не смотря на чрезвычайно благодѣйныя условія мѣстности, до сихъ поръ въ теченіи 35 лѣтъ не появлялась для высиживанія яицъ ни одна птица на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде бекасы водились въ большомъ количествѣ²⁾.

Млекопитающимъ при ориентированіи, должно быть, немало помогаетъ способность ихъ хорошо помнить мѣстности. Нельзя, впрочемъ, сомнѣваться и въ томъ, что они знаютъ направленіе странъ свѣта, потому что умѣютъ находить дорогу и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя имъ совершенно чужды, да притомъ идутъ къ цѣли самымъ прямымъ путемъ. По части этой способности узнавать направленіе (Richtsinne) мнѣ въ теченіе моей жизни случалось видѣть самые убѣдительные примѣры, особенно на собакахъ, да на лошадяхъ³⁾. Но никогда я не былъ пораженъ наблюденіями этого рода до такой

¹⁾ Какъ Георгъ (Reise, стр. 183), такъ и Палласъ (Reise III, стр. 289 и Zoog. III, стр. 406) довольно согласны между собою въ томъ, что омуль не заходитъ въ рѣчки, впадающія въ Байкалъ съ сѣверо-запада, а на восточномъ берегу заходитъ только въ верхнюю Анггару, Сосновку, Чивиркуй, Ковакъ, Баргузинъ и Селенгу; въ послѣдней даже до Орхона, т. е. до Кяхты.

Изъ Анггары омуль, по Гмелину, заходитъ только въ Свѣтлую, изъ Баргузина лишь въ Пшу и Кургу, изъ Селенги въ Итанцу и Уду, и даже мимо Большаго Чоги-

код, въ Джиду. Палласъ прямо говоритъ, что омуль избѣгаетъ Уду и Хилокъ; но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (стр. 163), что нѣкогда омуль встрѣчался въ Хилокѣ. Относительно Чикоя неясное извѣстіе Гмелина разъясняется Палласомъ, который прямо говоритъ, что въ Чикой омуль заходитъ вверхъ за Урлукъ.

²⁾ Подобный-же случай съ *Columba turtur* указанъ въ Гартвиговомъ Forst- u. Jagd- Archiv, 1816, I, стр. 1.

³⁾ Нельзя-ли намъ отъ иныхъ покровителей естественныхъ наукъ со средствами ожидать добросовѣст-

степени, какъ въ безграничныхъ тундрахъ глубокаго сѣвера, увидѣвъ, что тамъ въ дикомъ первобытномъ человѣкѣ тоже самое животное свойство развито почти въ такой-же степени. Способности Самоѣдовъ по этой части превосходятъ всѣ наши понятія.

Крайне обрадовавшись, что въ этихъ людяхъ мнѣ наконецъ удалось найти истолкователей тайны, какимъ образомъ животныя въ состояніи ориентироваться, я старался выпытать у нихъ эту уловку и при всякомъ случаѣ приставалъ къ нимъ съ своими вопросами. Но они глядѣли на меня съ изумленіемъ, удивлялись моему удивленію и отвѣчали, что такое простое дѣло само по себѣ понятно, что имъ, напротивъ того, непонятно, какимъ образомъ мы не умѣемъ ориентироваться. Подъ конецъ они совершенно обезоружили меня вопросомъ: «ну, какимъ же образомъ маленькій песецъ всегда находитъ дорогу и никогда несбивается съ пути въ безконечной тундрѣ?» Такъ вотъ въ чемъ дѣло! мнѣ опять-таки указывали на бессознательное проявленіе прирожденной животной дѣятельности.

Послѣ двухлѣтняго непрерывнаго странствованія по Сибирскимъ пустынямъ, я постояннымъ упражненіемъ и вниманіемъ до такой степени успѣлъ довести свою, уже отъ роду весьма хорошую и всячески развитую способность распознавать мѣстности и направленія, что при совершенно пасмурной, туманной погодѣ могъ отвѣчать немедленно и гдѣ угодно на распросы моихъ спутниковъ. Не смотря на то, что мы странствовали по бездорожнымъ пространствамъ и, слѣдуя за руслами горныхъ потоковъ или избѣгая крутые скаты, непроходимыя лѣсныя чащи и сотни разныхъ мелкихъ препятствій, извивались мѣандрообразно, я могъ все-таки точно опредѣлять направленія странъ свѣта среднимъ числомъ до 5°. Рѣдко магнитная стрѣлка изобличала меня въ ошибкѣ, показывая большее отклоненіе; часто показаніе было совершенно вѣрно. Безпрестанное повтореніе такихъ повѣрокъ служило намъ ежедневнымъ развлеченіемъ, какъ скоро странствованіе становилось однообразнымъ. Но когда я старался подмѣтить то, что во мнѣ происходило при этомъ, то самый ходъ проявленія ускользалъ отъ моего сознанія; мнѣ казалось только, что въ то время, когда вся духовная дѣятельность, проявлявшаяся во мнѣ сознательно или бессознательно, устремлена на правильное веденіе каравана, я слѣдилъ за каждой отдѣльной перемѣной въ направленіи моего шествія и постоянно опять приводилъ ее въ связь съ направленіемъ

ныхъ опытовъ, произведенныхъ именно съ этою цѣлью? Томпсонъ (The Note-Book of a Naturalist, 1845, стр. 224) увѣряетъ, что лисицу, открытую въ Кентѣ для Earl of Thanet, два года сряду увозили въ Уестморлендъ, за 320 англ. миль и тамъ выпускали, но что оба раза она опять уходила на прежнее мѣсто. Какъ желательно было бы получить о подобныхъ случаяхъ самыя подробныя свѣдѣнія.

Очень интересны опыты, произведенные надъ птицами, которыхъ на воздушномъ шарѣ брали на высоту 11,000', гдѣ ихъ выпускали. Зеленушка, а потомъ голубь, послѣ непродолжительнаго колебанія, вѣстрообразно спустились на землю, скрывшуюся за облаками.

Джонъ Россъ при послѣдней поѣздкѣ своей за поискомъ Франклина взялъ съ собою почтовыхъ голубей. Сначала всѣ говорили, что они возвратились домой за 2,400 англ. миль. Но впоследствии оказалось, что это неправда. (Richardson, Searching Expedition, II, стр. 137 и 826, прим.). Вся дрессировка почтовыхъ голубей состоитъ, какъ извѣстно, въ развитіи способности распознавать мѣстность. Путеводное чувство прирождено. Срав. стр. 393.

Въ Сибири меня увѣрили, что лошади, послѣ головаго и даже болѣе продолжительнаго отсутствія, умѣли опять отыскивать мѣсто своего рожденія, на разстояніи 100 геогр. миль и болѣе.

меридиана. Следовательно, если при этом самоаблюденіи я не поддавался самообману, то при каждой переѣмѣ направленія, въ мѣстѣ нахождения способности моеи помнить мѣстности происходилъ тотъ-же самый процессъ, который морякъ графически наноситъ на карту, какъ скоро онъ мѣняетъ курсъ свой. Такимъ образомъ оба процесса находились бы другъ къ другу въ такомъ-же отношеніи, въ какомъ примѣрно математическое исчисленіе изустное находится къ исчисленію на доскѣ. Какую роль при этомъ играетъ упражненіе, это показывала положительная разниа между мною и моимъ топографомъ. Онъ началъ свою карьеру съ семилѣтняго страствованія по Киргизскимъ степямъ, за которымъ послѣдовало наше путешествіе по тундрамъ глубокаго сѣвера. Въ послѣднихъ онъ умѣлъ ориентироваться несравненно лучше меня. Въ нагорныхъ же лѣсныхъ чащахъ Вост. Сибири, напротивъ того, онъ легко сбивался съ пути, особенно сначала, и затѣмъ, въ случаѣ разнорѣчія, всегда не обинуясь предоставлялъ мнѣ вести караванъ. При всемъ томъ весьма сильно развитая у кочевниковъ способность распознавать мѣстность и направленіе въ высшей степени замѣчательна, и я сохранию на память грядущихъ вѣковъ тотъ листокъ моего дневника, на которомъ, какъ ниже подробнѣе будетъ разсказано, я отмѣтилъ поразившее меня открытіе, что меня обманула не Самоѣдская способность распознавать направленіе, а мой компасъ. Не ее, а мой компасъ близость магнетическаго полюса въ состояніи была отклонить необыкновенно сильно, и къ стыду моему я замѣтилъ, что я неправильно обвинилъ моихъ почтенныхъ спутниковъ. Прекрасно-развитое естественное чувство ихъ пристыдило меня со всѣми моими свѣдѣніями и приборами.

Важную роль при этомъ очевидно играютъ различныя обстоятельства. Ежедневное упражненіе съ ранней молодости, чрезвычайно развиваетъ способность распознавать и помнить мѣстность; кромѣ того, ограниченный кругъ идей, въ которомъ вращается мозгъ кочевника, а съ другой стороны сильнѣйшая опасность, которую влечетъ за собою всякій недосмотръ, сосредоточиваютъ всѣ его мысли, гораздо положительнѣе, чѣмъ у образованнаго Европейца, въ одномъ направленіи. Положимъ, что въ случаѣ нужды Европейецъ въ состояніи принудить себя зорко слѣдить за мѣстностями и направленіемъ: все-таки множество и живость другихъ его духовныхъ интересовъ опять отвлечетъ и рассѣетъ его. Притомъ кочевникъ очевидно превосходитъ его въ этомъ случаѣ, благодаря большей прирожденной способности по этой части, перешедшей на кочевника вслѣдствіе наследственной передачи ея нѣсколько поколѣній сряду.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что у различныхъ кочевниковъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, способность распознавать мѣстность и направленіе была развита въ различныхъ видахъ и въ различной степени. Въ тундрѣ и въ степи въ сомнительныхъ случаяхъ путеводаителями служатъ малѣйшіе признаки, указывающіе на направленіе странъ свѣта. Выручаютъ то направленіе свѣговыхъ волнъ (застругъ), либо лишаевъ на древесныхъ стволахъ, то направленіе выходовъ въ норахъ землероекъ, то созвѣздія и т. п.

Но въ чащахъ первобытнаго лѣса на Становомъ хребтѣ Тунгусы — я не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ — не знали даже полярной звѣзды, потому что у нихъ способность

распознавать мѣстность на столько преобладаетъ надъ способностью распознавать направление, на сколько у обитателей степей и тундръ послѣдняя способность превосходитъ первую. Для лѣснаго жителя направленіе горныхъ цѣпей, горныхъ рѣкъ и впадинъ несравненно важнѣе; онъ не уходитъ до такой степени, какъ они, въ безпредѣльную, необозримую даль, а отыскиваетъ вершины, съ которыхъ можетъ обозрѣвать окрестности.

Вопреки этимъ обстоятельствамъ, дающимъ намъ возможность открыть другіе способы объясненія, я все-таки не могу еще отказаться отъ предположенія, что животныя отчасти слѣдуютъ безотчетному чувству тѣхъ отношеній, въ которыхъ вращающіеся въ ихъ тѣлѣ гальваническо-магнетическіе токи находятся къ магнитнымъ полюсамъ; слѣдовательно въ родѣ подобномъ тому, въ какомъ образованный человѣкъ пользуется магнитною стрѣлкою.

Перелетныя птицы, между которыми нѣкоторые виды преимущественно странствуютъ даже ночью, въ тундрѣ пролетали при такой непроницаемой слякоти и въ такую темень (я видѣлъ и слышалъ это самъ), что зрѣніе ихъ, а слѣдовательно, при помощи его, и способность помнить мѣстность, никакъ не могли быть приняты въ соображеніе. Способность эта начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, кажется, только тогда, когда птицы, благодаря своей способности распознавать направленіе, успѣютъ добраться до мѣстности, гдѣ онѣ прежде высиживали яйца, или до зимнихъ квартиръ своихъ. Тогда только, и тогда уже навѣрное, благодаря способности помнить мѣстности, онѣ узнаютъ давно знакомыя имъ мѣста, и мы въ полномъ правѣ говорить о радости, съ какою подорожникъ на глубокомъ сѣверѣ привѣтствуетъ свой обломокъ скалы, подъ которымъ онъ нѣкогда вывелъ своихъ птенцовъ, а савка (*Anas glacialis*) прилетаетъ на старый низкорослый кустъ, въ которомъ она такъ успѣшно оберегала яйца отъ жадныхъ хищниковъ. Пришельцы оглядываются во всѣ стороны, осматриваютъ мѣстность, а потомъ тщательно пересматриваютъ отдѣльныя мѣста. Когда все въ томъ видѣ, въ какомъ они оставили его въ добрыя, старыя времена, то во всѣхъ движеніяхъ ихъ высказывается удовольствіе; онѣ тотчасъ же затягиваютъ веселую пѣсенку и вскорѣ изъ остатковъ прошлогоднихъ устраиваютъ новое гнѣздо. Другія птицы довольно долго носятъ то туда, то сюда, недовольныя и нерѣшительныя; домовитая самка не можетъ рѣшиться, гдѣ ей устроить гнѣздо, а горячка самецъ, менѣе привязанный къ мѣстности, очевидно недоволенъ медлительностью самки. По всей вѣроятности такимъ птицамъ, во время ихъ отсутствія, стихій или человѣкъ попортили ихъ старыя жилища.

Способность распознавать мѣстность покидаетъ птицъ, покидаетъ почтовыхъ голубей въ темную ночь, при густомъ туманѣ, но способность разузнавать направленіе не покидаетъ ихъ. Свойственна ли эта послѣдняя способность преимущественно кочевымъ животнымъ?

Судя по моимъ наблюденіямъ въ Таймырскомъ краѣ, я не могу придавать направленію вѣтра ни путеводнаго, ни какого-либо другаго замѣтнаго вліянія на кочеваніе. Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

Правда, что по увѣренію жителей, поселившихся неподалеку отъ предѣла лѣсной растительности, первые гуси постоянно прилетаютъ съ первымъ Майскимъ продолжительнымъ южнымъ вѣтромъ, который поэтому и получилъ тамъ знаменательное названіе гусиной пурги. Это случилось и въ мое время, когда гуси стали появляться въ Таймырской тундрѣ при необыкновенно сильныхъ юго-западныхъ вѣтрахъ, не смотря на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ наступилъ сильный морозъ. Но это относится все-таки лишь къ первому началу кочеванія, такъ какъ на глубокомъ сѣверѣ такія южныя бури предшествуютъ наступленію весенней погоды. Впрочемъ, водяныя птицы летали при всѣхъ возможныхъ вѣтрахъ¹⁾. Но одна ли это случайность, что главные перелеты гусей постоянно происходятъ при боковомъ вѣтрѣ? именно, при западномъ или юго-западномъ вѣтрѣ перелетъ былъ направленъ къ С.-С.-З., а при восточномъ или юго-восточномъ вѣтрѣ — къ С.-С.-В. Уклонилось ли направленіе перелета съ тою цѣлью, чтобы вѣтеръ не могъ поддуть перья сзади? При сильной Ю.-Ю.-З. бурѣ въ концѣ Мая я видѣлъ лебедей, гусей, чаекъ и голенастую птицу (*Limosa uropygialis*), летѣвшихъ на сѣверъ, при сильной выюгѣ, слякоти и дождливой погодѣ, которая была такъ ужасна, что нельзя было видѣть на 10 сажень вдаль, да такъ ужасна, какъ только можетъ быть непогода въ открытой тундренной степи. Мы съ трудомъ держались на ногахъ. Птицы то отдавали себя на произволъ бури, то боролись съ ней надъ самой землей. Гдѣ онѣ подвергались полному напору бури, тамъ она одолевала ихъ; онѣ обращались лицомъ противъ нея и опускались на снѣжную равнину. Вскорѣ однакоже онѣ опять поднимались, разносились по разнымъ направленіямъ и все снова пытались летѣть по направленію къ сѣверу. 4-го Юня я видѣлъ, какъ птицы боролись противъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, который впрочемъ не столько утомлялъ ихъ. Убѣдясь, что имъ не сладить съ нимъ, онѣ большими стаями спустились для отдыха неподалеку отъ нашей палатки и ждали, пока буря послѣ обѣда нѣсколько улеглась. За тѣмъ онѣ отправились дальше²⁾.

На этомъ останавливаются мои наблюденія среди свободной, мало извѣданной чело-
вѣкомъ, природы, въ пустыняхъ глубокаго сѣвера.

¹⁾ Напр. въ Таймырскомъ краѣ, въ продолженіе весенняго перелета:

при С.-В. вѣтрѣ	»	<i>Ans. albifrons</i> , <i>An. acuta</i> , <i>Charadrius hiaticula</i> , <i>Tr. subarquata</i> ,
» В. »	»	<i>Cygnus</i> , <i>Ans. albifrons</i> или <i>Temminckii</i> ,
» Ю.-В. »	»	<i>Ans. albifrons</i> ,
» Ю.-Ю.-З. »	»	<i>Cygnus</i> , <i>Larus</i> , <i>Tringa</i> ,
» Ю.-З. »	»	<i>Ans. albifrons</i> , <i>An. glacialis</i> , <i>Limosa rufa</i> (<i>uropygialis</i>),
» З. »	»	<i>Cygnus</i> , <i>Ans. segetum</i> , <i>albifrons</i> , <i>Streptopelia interpres</i> .

Осенній перелетъ въ Таймырскомъ краѣ говорилъ еще положительнѣе въ пользу совершенной независимости направленія перелета отъ направленія вѣтра, потому что осенью гуси тянулись тамъ безъ исключенія въ одномъ и томъ-же направленіи отъ С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З.

Но ихъ замѣчали

при С.-В. вѣтрѣ	нѣсколько разъ
» В. »	разъ
» З. »	разъ
» З.-С.-З. »	нѣсколько разъ.

Большую частію, казалось, это былъ *Ans. albifrons*.

При сильномъ вѣтрѣ онѣ часто летали такъ низко, что ихъ можно было сбивать палками.

Слѣдовательно дознанное Третьяковымъ (Зап. Географ. Общ. 1869, стр. 320) направленіе перелета гусей при нижнемъ Енисейѣ съ Ю. на Ю.-В. и съ Ю.-В. обратно, не подтвердилось, также какъ и увѣреніе его, что они преимущественно тянутся по вѣтру.

²⁾ Перелета и коростели положительно выжидаютъ въ Крыму благоприятную погоду. Лишь по наступленіи ея

Но передъ нами рядъ опытовъ, которые произведены въ Европѣ и должны имѣть положительное значеніе въ отношеніи къ правильному пониманію тѣхъ наблюденій. Я разумѣю существующее уже нѣсколько столѣтій, недавно вновь вошедшее въ обыкновеніе, употребленіе почтовыхъ голубей.

Остановимся на, сколько я знаю, самомъ новомъ, разсудительномъ извѣстіи по этому дѣлу, сообщенномъ однимъ изъ самыхъ тщательныхъ современныхъ наблюдателей жизни и быта птицъ¹⁾.

Игравшая такъ часто важную роль, особенно въ биржевыхъ спекуляціяхъ, сопровождавшаяся такими большими денежными успѣхами, голубиная почта, которая лишь въ телеграфахъ встрѣтила себѣ опаснаго соперника, далеко оставляющаго ее за собою, повела къ образованію голубиныхъ обществъ и даже къ появленію особаго журнала, въ которомъ сообщаются произведенныя наблюденія. Сводя добытые барономъ Дросте результаты, мы считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства относительно перелетовъ птицъ:

1) Самое большое разстояніе, на которое доставляли почтовыхъ голубей отъ мѣста высіяживанія ими яицъ и съ котораго они возвращались съ успѣхомъ, должно считать отъ Мадрида въ Люттихъ, т. е. на 10 градусовъ широты²⁾.

Но изъ 150 голубей возвратилось только 6 или 7, т. е. 4 процента.

2) Такъ какъ всѣ опыты показали, что горныя цѣпи, а въ меньшей степени и морскія поверхности, значительно замедляютъ быстроту обратнаго полета, или при очень значительной высотѣ (какъ напр. Альпы) совершенно не допускаютъ возврата, то очевидно, что въ вышеприведенномъ случаѣ Пиренеи были причиною, почему такой малый процентъ голубей могъ возвратиться на родину.

3) Примерно отъ 5 до 6 градусовъ широты (напр. отъ С. Себастіана до Парижа) составляютъ такое разстояніе, которое всякій сильный почтовый голубь, хорошей породы, и надлежащимъ образомъ подготовленный посредствомъ пробныхъ полетовъ, можетъ смѣло пролетѣть при хорошей погодѣ.

4) Въ полной силѣ бываютъ трехъ- и четырехъ-лѣтніе голуби. Хорошей породы они могутъ быть названы, если они происходятъ отъ такихъ родителей и прародителей, которые отличались въ качествѣ почтовыхъ голубей, хотя бы и произошли отъ помѣси различныхъ разновидностей.

они рѣшаются перебираться черезъ Понть. Такъ и на Босфорѣ измѣненія вѣтра влекутъ за собою остановку на нѣсколько дней. Чѣмъ сильнѣе бываетъ вѣтеръ, тѣмъ ниже птицы летаютъ и тамъ.

Плохіе летуны, какъ напр. перепела, летятъ всегда очень низко надъ водою, и притомъ ночью (Revue et Magasin de Zoologie, 1869, стр. 258).

Весенній перелетъ обыкновенно происходитъ тамъ, говорятъ, при южномъ, осенній преимущественно при западномъ вѣтрѣ.

¹⁾ Die Taubenpost, Vortrag, gehalten im historischen Verein zu Münster, von Ferd. Baron Droste.

²⁾ Мнѣ помнится, что разные искатели Франклина брали съ собою почтовыхъ голубей, которыхъ спускали въ Баффиповомъ заливѣ. Нѣкоторыхъ птицъ нельзя было заставить покинуть корабль. Объ остальныхъ никогда болѣе не было ни слуху, ни духу.

Упражнения въ полетахъ начинаются съ полугодоваго возраста и съ 2 — 3 часовъ разстоянія. Послѣ надлежащаго отдыха, продолжающагося нѣсколько дней, разстоянія удваиваются.

5) При бурѣ и туманѣ почтовые голуби никакъ не могутъ совершать свои полеты. По этому пробные полеты должны быть совершаемы въ хорошіе ясные дни.

6) Направленіе страны свѣта, въ которомъ голубямъ приходится летать, вовсе, говорятъ, не имѣетъ значенія; даже пробные полеты на необыкновенно дальнія разстоянія не нужно производить по направленію главнаго полета. Даже въ совершенно неизвѣстныхъ мѣстностяхъ голуби хорошо узнаютъ направленіе, по которому имъ слѣдуетъ летѣть домой.

Какъ ни важны вышеприведенныя указанія, все-таки доселѣ ими можно пользоваться почти только въ отрицательномъ смыслѣ.

Значительную роль, которую въ искусствѣ голубей играютъ постепенное упражненіе и даже наследственная передача его, равно какъ независимость этого искусства отъ происхожденія голубей отъ той или другой разновидности, вправѣ утвердить въ насъ мнѣніе, что и самыя отъявленныя перелетныя птицы изъ едва замѣтныхъ начатковъ могли развить свою способность кочеванія въ теченіе тысячелѣтій до тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые поражаютъ насъ въ настоящее время.

Далѣе мы знакомимся съ размѣромъ препятствія, представляемаго горными цѣпами, и съ важною поддержкою, которую перелетныя птицы (если онѣ сначала въ меньшей степени были преданы кочеванію) должны были найти въ островахъ, какъ бы указывавшихъ имъ путь чрезъ большія моря.

При всемъ томъ эти опыты не столько разъясняютъ, сколько спутываютъ наши понятія о томъ, какимъ образомъ птицы такъ хорошо сознаютъ направленіе къ родинѣ.

Что бури совершенно могутъ сбивать съ толку этихъ воздухоплателей, это для меня (срав. часть I, стр. 368—370, о метеляхъ или буранахъ) совершенно понятно. Если дѣло уже такъ плохо въ то время, когда вы чувствуете подъ собою твердую почву, то что же сказать о томъ, когда вы безъ всякой опоры носитесь по безграничному пространству воздуха. По этому бури, какъ я полагаю, должны служить однимъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ для далекаго распространенія птичьихъ видовъ.

Туманы же, также мѣшающіе голубямъ исполнять свой долгъ, должны (какъ справедливо замѣчаетъ Дросте) служить препятствіемъ не только потому, что лишаютъ ихъ возможности видѣть конечную цѣль путешествія. Разстоянія, которыя одолѣваетъ почтовый голубь, такъ велики, что способность зрѣнія едва-ли можетъ преобладать, не говоря уже о томъ, чтобы она одна могла указывать направленіе перелета. Тоже самое доказывается и тѣмъ, что рѣшительно все равно: будутъ ли упражнительные или подготовительные полеты производиться въ видѣ чрезвычайно далекихъ экскурсій, по направленію образцоваго полета, или по любымъ другимъ направленіямъ, такъ чтобы при образцовомъ полетѣ голубю пришлось летѣть по совершенно неизвѣстнымъ мѣстностямъ. Подоб-

нимъ-же образомъ птенцы нѣкоторыхъ видовъ уже въ первую осень своей жизни совершаютъ свои странствованія отдѣльно отъ старыхъ птицъ, безъ руководителей, да притомъ въ темнотѣ, какъ это любитъ дѣлать большая часть перелетныхъ птицъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы еще положительно ничего не знаемъ о характерѣ прирожденныхъ животнымъ инстинктовъ. По этому-то впредь до разъясненія этихъ вопросовъ, котораго вѣроятно нужно будетъ ожидать еще очень долго, приходится отдѣлываться выраженіями, прикрывающими наше незнаніе настоящихъ причинъ, какъ напр. способностью распознавать направленіе, влеченіемъ къ родинѣ, влеченіемъ къ кочеванію.

Что птицамъ, высиживающимъ яйца на глубокомъ сѣверѣ, нѣтъ крайней надобности отыскивать именно тѣ безпріютныя мѣстности, капризное лѣто которыхъ такъ часто вредитъ выводкѣ птенцовъ, это лучше всего доказывается тѣмъ, что отъ иныхъ видовъ, проникающихъ до самаго крайняго сѣвера, нѣкоторыя пары остаются для выводки почти на 25° южнѣе другихъ и, не смотря на совершенно другія климатическія условія, все-таки на югѣ также чувствуютъ себя очень хорошо. Между такими птицами *Larus argentatus*, какъ кругоборейская тундренная птица, представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ¹⁾. Рядомъ съ этой всеядной птицей, почти столь-же поучительна насѣкомоядная ласточка, которая высиживаетъ яйца не только на глубокомъ сѣверѣ, но и въ Сахарѣ, да и тутъ не можетъ отвыкнуть отъ кочеванія.

Животныя до такой степени чувствуютъ потребность кочевать, что, очевидно со страху запоздать, на глубокомъ сѣверѣ собираются въ путь при несравненно болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ нашихъ среднихъ широтахъ, гдѣ, въ случаѣ нужды, они довольно долго выжидаютъ наступленія лучшей погоды. Даже такіе маленькіе пѣвцы, какъ трясогузки и подорожники, на глубокомъ сѣверѣ по-видимому до того терпятъ, что, при недостаткѣ собственныхъ силъ, пользуются иногда лебедями и гусями, какъ паровиками, для продолженія своего путешествія²⁾.

¹⁾ Хотя въ южныхъ странахъ на зиму прилетаетъ множество *Lar. argentatus* въ качествѣ перелетныхъ птицъ съ сѣвера, но родичи ихъ выводятъ птенцовъ вокругъ Средиземнаго моря и даже на Канарскихъ островахъ.

Въ Крыму эта чайка является осѣдой птицей. Она огромными массами высиживаетъ яйца на берегахъ Гнилаго моря, такъ что яйца ихъ составляютъ тамъ предметъ значительный торговли (*Radde, Thierleben im Faulen Meer, Bullet. des Natur. de Moscov, стр. 12, 29* отдѣльн. оттиска).

Кстати замѣтимъ еще, что Дросте (*Die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, 1869, стр. 348*) несправедливо говоритъ о *Larus argentatus*: «Чайка никогда не выводитъ птенцовъ своихъ въ срединныхъ частяхъ материковъ, ни на озерахъ, ни на рѣкахъ; она устроивается обыкновенно на морскихъ побережьяхъ». Въ одномъ

изъ моихъ имѣній въ Лифляндіи она высиживаетъ яйца на прудахъ моховаго болота, оттуда ей приходится пролетать по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ геогр. мили до ближайшаго озера, рыбами котораго кормятся она и птенцы ея. По прямому направленію къ морю разстояніе составляетъ болѣе 5 геогр. миль.

²⁾ Словамъ моего стараго, но не всегда правдиваго, толмача я не сталъ бы особенно довѣрять, если бы разсказъ его не подтвердился съ другой стороны. Толмачъ этотъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ своими глазами, какъ трясогузки отправлялись на югъ, сидя на спинахъ лебедей. Ричардсоу (*Searching Expedition*) разсказывалъ охотникъ, что онъ видѣлъ, какъ весело съ подстрѣзенаго на лету гуся, тянувшагося къ сѣверу, слетѣла маленькая птичка (кажется *Pl. lapponica*).

Замѣчательно, что въ то время, когда на сѣверѣ съ

Размѣры путей кочеванія.

При разсмотрѣннн условіи кочеванія перелетныхъ птицъ, однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ вопросовъ очевидно является слѣдующій: долетаютъ ли птицы, выснживаемыя подъ самыми высшими широтами, только до полярнаго предѣла зимнихъ квартиръ этого вида птицъ? тянутся ли за тѣмъ птицы того-же вида, выведенныя южнее, на столько-же дальше на югъ?

Непосредственныя наблюденія, къ сожалѣнію, пока не даютъ намъ еще никакого отвѣта на эти вопросы.

Нельзя, однакоже, совершенно терять надежду, что со временемъ ближайшія наблюденія дадутъ намъ возможность различать, изъ какихъ мѣстъ пребыванія являются кочующія животныя одного и того-же вида, которыя намъ удается видѣть въ различныхъ мѣстахъ ихъ зимняго пребыванія. На разрѣшеніе этого вопроса намъ можно будетъ надѣяться, если мы станемъ тщательнѣе различать разновидности.

Поясимъ это примѣромъ сперва на сѣверныхъ оленяхъ. Жители сѣверной Сибири отличаютъ 1) морскихъ сѣв. оленей, т. е. такихъ немногихъ осѣдлыхъ оленей на берегахъ Ледовитаго океана, которые и зимою не покидаютъ этого мѣста пребыванія, да вѣроятно среди зимы еще болѣе пододвигаются къ менѣе суровой температурѣ, господствующей по близости этого океана. Они отличаются, говорятъ, чрезвычайно малымъ ростомъ, и можетъ быть еще тѣмъ, что у оленей почти нѣтъ роговъ.

Во всякомъ случаѣ они напоминаютъ намъ Шпицбергенскихъ сѣв. оленей: для меня только одно странно, что интересное извѣстіе, которымъ мы обязаны Шведской экспедиціи, по-видимому не примѣнимо къ гораздо болѣе сѣверной Сибири. Миѣ не приводилось тамъ ни видѣть дикихъ сѣверныхъ оленей съ укороченными ушами, ни слышать о нихъ, тогда какъ на Шпицбергенѣ короткоухіе сѣв. олени встрѣчаются, говорятъ, очень часто влѣдствіе того, что у телятъ поздлею зимою отмерзаютъ уши.

Что касается до двухъ другихъ разновидностей, различаемыхъ жителями сѣв. Сибири, т. е. 2) тундренныхъ и 3) лѣсныхъ сѣверныхъ оленей, то я считаю возможнымъ сослаться на то, что мною сказано на стр. 172 перваго отдѣла этого сочиненія. Новѣйшія, многократныя поѣздки на Новую Землю подтвердили, что на этомъ островѣ у сѣв. оленей ноги нѣсколько выше, чѣмъ у Шпицбергенскихъ сѣв. оленей. Чрезвычайно толстый слой жиру у сѣв. оленей на Новой Землѣ недавно обратилъ на себя особенное вниманіе, благодаря Норвержскимъ тюленьщикамъ. Въ упомянутомъ выше мѣстѣ я разсмотрѣлъ уже, кажется, все, что можетъ быть сказано объ этомъ предметѣ.

южными вѣтрами прилетаютъ перья плавающая птицы, на западномъ берегу Каспійскаго моря, въ Октябрѣ и Ноябрь, цѣлыми стаями является фламинго. при сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, приносящихъ съ собою дождливую погоду и метель. Олѣ прилетаетъ съ востока. слѣдова-

тельно съ вѣтромъ. При южныхъ, западныхъ, сѣверо-западныхъ или даже сѣверныхъ вѣтрахъ птицы этого вида безслѣдно опять исчезаютъ (Gmelin, Reise, 1774, III, стр. 92).

Новѣйшія извѣстія, сообщенныя Нейманномъ, подтверждаютъ также низкорослость Чукотскихъ сѣв. оленей.

Такимъ образомъ относительно сѣв. оленей намъ дана возможность положительно отвѣтить на нашъ вопросъ. Необходимо только самымъ точнѣйшимъ образомъ различать разновидности.

Можетъ быть, мы получимъ также возможность отвѣтить на нашъ вопросъ, облекши его въ другую форму и поставивъ его слѣдующимъ образомъ: если въ мѣстностяхъ, лежащихъ подъ средними широтами, пролетаютъ птицы извѣстнаго вида, то какія изъ нихъ прилетаютъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ: тѣ ли, которыя прибываютъ прежде всѣхъ, или тѣ, которыя являются послѣ всѣхъ?

Вотъ отвѣтъ, полученный изъ ряда монхъ наблюденій. Подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ, 7-го Сентября стар. ст., появились тянувшіяся съ болѣе отдаленнаго сѣвера бѣлыя куропатки, уже явно въ зимнемъ нарядѣ. Часть ихъ отправлялась на югъ, такъ что примѣрно подъ полярнымъ кругомъ прежде всѣхъ прибыли обитатели самаго крайняго сѣвера. Это было весьма очевидно, потому что въ тоже самое время бѣлыя куропатки, выведенныя подъ 71° с. ш., по большей части были еще въ своемъ лѣтнемъ нарядѣ, да еще вовсе и не собирались въ путь¹⁾. Если бы со временемъ дѣйствительно подтвердилось, что въ Туруханскѣ бѣлыя куропатки прилетаютъ уже въ началѣ Сентября²⁾, то это должны быть куропатки глубокаго сѣвера, которыя однѣ только такъ рано отправляются въ путь.

Но спрашивается: какъ возвращаются эти осеннія передовыя птицы весною, т. е. бываютъ ли онѣ и весною, подобно позднимъ птицамъ, послѣдними своего вида?

По-видимому это подтверждается тѣмъ, что подъ 71° с. ш. весною встрѣчались мнѣ бѣлыя куропатки (обоихъ видовъ), у которыхъ отчасти уже замѣтны были первые признаки линянія, и самцы которыхъ уже токовали, тогда какъ другія, въ зимнемъ нарядѣ, еще цѣлыя недѣли летали стаями и своею пугливостью и нерѣшительностію доказывали, что это не была ихъ родина и что онѣ тутъ только гостили во время перелета. Нѣкоторыя другія птицы подтвердили мнѣ это наблюденіе, которое однакоже опять опровергается другими противоположными наблюденіями. По всей вѣроятности, это бываетъ различно, смотря по обстоятельствамъ³⁾.

¹⁾ Мнѣ очень пріятно, что къ такому-же выводу пришелъ и Сѣверцовъ (Періодич. явленія, стр. 313), на основаніи собственныхъ наблюденій; на перекоръ тому предположенію, что самыя раннія гостины прилетаютъ изъ ближайшихъ мѣстъ.

²⁾ Третьяковъ въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ, стр. 314. Съ Марта бѣлыя куропатки, говорятъ, опять тянутся къ сѣверу.

³⁾ Барашекъ прибылъ въ Таймырскій край подъ 71° с. ш., уже 27-го Мая. Двѣ недѣли спустя появилась еще большая стая этихъ-же птицъ, но она немедленно отправилась далѣе. Въ области р. Лены (см. IV-ю часть, стр. 27), подъ 59° с. ш., я встрѣтилъ еще большія стаи трысогузокъ, тогда какъ 11-ю днями раньше, и всего

на одинъ градусъ широты сѣвернѣе, онѣ попадались мнѣ уже разединенными попарно. Чететка являлась въ мѣстахъ, гдѣ она высиживаетъ яйца свои въ Таймырскомъ краѣ (подъ 71° с. ш.) уже въ концѣ Апрѣля: годъ спустя, 14-ю градусами южнѣе я встрѣтилъ ее почти въ половинѣ Мая стаями, летѣвшими къ сѣверу.

Какъ объяснить себѣ, рядомъ съ этими наблюденіями, что *Falco tinnunculus* покинулъ Таймырскій край (IX, 7) позднѣе, чѣмъ мѣстности, лежащія 20-ю градусами южнѣе, напр. Кіевъ (см. Приложение) или устья Волги, гдѣ эту птицу, вслѣдствіе регулярнаго ея появленія, считаютъ предвѣстницею осени, потому что она является изъ верховьевъ Волги около половины Августа и остается не долѣе Сентября. Подъ 71° с. ш.

Со временемъ, можетъ быть, положеніе, въ какомъ животныя прибываютъ въ различные мѣста, также намъ дастъ нѣкоторыя указанія по этой части. Незначительная по-видимому замѣтка ¹⁾, что осенью, на берегахъ Нѣмецкаго моря, первые пришельцы (*Totanus glottis*) всегда бываютъ худощавы, тогда какъ тѣ, которыхъ убиваютъ впоследствии, чрезвычайно жирны, замѣтка эта, говорю я, со временемъ можетъ повести къ любопытнымъ заключеніямъ.

Воздержимся отъ дальнѣйшихъ толкованій и ограничимся тѣмъ, что успѣли обратить вниманіе на важность вопросовъ, которые, можетъ быть, удастся разрѣшить посредствомъ точнаго наблюденія незначительныхъ по-видимому разновидностей.

Весьма буду радъ, если нижеслѣдующими соображеніями мнѣ удастся содѣйствовать къ разъясненію вопроса о томъ, какъ велики вообще могутъ быть пути, которые животныя глубокаго сѣвера совершаютъ во время своего кочеванія.

Относительно сѣверныхъ оленей въ настоящее время можно только высказать догадки по этому предмету. Экваторіальный предѣлъ странствованій кочующихъ сѣв. оленей по-видимому лишь мало заходитъ въ область высокоствольной лѣсной растительности, такъ что главными мѣстами ихъ пребыванія во время кочевокъ служатъ безлѣсная тундра и криволѣсье. Слѣдовательно, чѣмъ шире тундра, тѣмъ длиннѣе пути кочеванія, по которымъ тянутся сѣв. олени. Такимъ образомъ сѣв. оленю, отправляющемуся изъ Таймырскихъ предгорій къ югу, нужно пройти, по крайней мѣрѣ, 5, 6 и даже 7 градусовъ широты, прежде нежели ему удастся добраться до своего зимовья. Въ сѣверной же Америкѣ, пути кочеванія сѣв. оленей, соотвѣтственно протяженію тамошнихъ тундръ, почти вдвое длиннѣе.

Такъ какъ осѣдлые сѣв. олени изъ высокоствольнаго и криворослаго лѣса лишь недалеко заходятъ за предѣлъ древесной растительности, то полоса, въ чертѣ которой кочующіе сѣв. олени зимою являются вмѣстѣ съ осѣдлыми сѣв. оленями, вообще довольно узка. Впрочемъ, гдѣ тундры невелики, какъ напр. въ Лапландіи, въ которой сѣв. олени всегда рождаются въ виду лѣса, тамъ и пути кочеванія, кажется, тянутся на нѣсколько градусовъ широты къ югу въ предѣлахъ высокоствольной лѣсной растительности, какъ напр. въ Финляндіи, вокругъ Онежскаго и Ладожскаго озеръ, да на Уралѣ ²⁾. Въ Сибири же, напротивъ того, во многихъ мѣстахъ, кочующій сѣв. олень сталкивается съ осѣдымъ довольно рѣзко, почти безъ постепеннаго перехода, въ предѣлахъ криворослаго лѣса. Вблизи предѣла лѣсной растительности, вопреки высокимъ широтамъ, именно зимою бываетъ наибольшее количество сѣв. оленей ³⁾.

она появилась лишь 24-го Августа и оставалась тамъ двѣ недѣли.

Не кроется ли въ томъ, что мною выше (въ текстѣ) сказано о бѣлыхъ куропаткахъ, разрѣшеніе того факта, что *Lagopus albus* зимуетъ подлѣ болѣе сѣверными широтами, чѣмъ *Lagopus alpinus*? (Parrу, Third Voyage, стр. 101).

¹⁾ Drostе, Die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, 1869, стр. 178.

²⁾ Еще и теперь сѣв. олень ежегодно уходитъ съ сѣвера большими стадами въ сѣверо-западный уголъ Казанской губерніи (Богдановъ, Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, 1871, стр. 176).

³⁾ Тоже самое должно замѣтить объ Америкѣ. Зе-

Обращаясь за тѣмъ къ птицамъ, мы встрѣчаемъ безчисленное множество различій въ разстояніяхъ, которыя онѣ пролетаютъ. Начиная съ осѣдлыхъ птицъ, кочевья разстоянія которыхъ равны нулю, мы доходимъ до такихъ птицъ, которыя ежегодно пролетаютъ огромное пространство въ 300, даже, можетъ быть, до 500 геогр. миль, и столько-же обратно. Немудрено, что это отражается въ формѣ ихъ крыльевъ, которыя у нихъ гораздо длиннѣе и острѣе, чѣмъ у осѣдлыхъ птицъ, такъ какъ кончикъ крыла ближе подходитъ къ первому маховому перу¹⁾.

Чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ болѣе уменьшается число осѣдлыхъ, тѣмъ многочисленнѣе становится количество кочующихъ животныхъ. При всемъ томъ, на стр. 143 этого тома мы уже доказали, что нѣкоторые индивидуумы различныхъ видовъ млекопитающихъ и птицъ обыкновенно зимуютъ даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ, какъ настоящія осѣдлыя животныя, и даже мало переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Какъ ни велико лѣтомъ число перелетныхъ птицъ на глубокомъ сѣверѣ, все-таки онѣ бѣдены видами. Только часть птицъ, водящихся подъ нашими средними широтами, добирается до него. Это такія птицы, которыя у насъ являются осѣдлыми и развѣ только къ зимѣ отправляются на поиски за болѣе обильными условіями питанія, но которыя тѣмъ положителнѣе становятся перелетными птицами, чѣмъ дальше онѣ приближаются къ полюсу, чѣмъ континентальнѣе страна и чѣмъ она въ тоже время гористѣе. Такимъ образомъ, напр., на сѣверѣ Сибири, улетають къ югу²⁾, за 5 и даже за 10 градусовъ широты, не только альпійская бѣлая куропатка, свойственная безлѣснымъ тундрамъ, но и наша простая осѣдлая птица Лифляндіи, болотная бѣлая куропатка. Последняя сдѣлалась тамъ постоянною перелетною птицею, хотя одно изъ нашихъ лучшихъ руководствъ по части орнитологіи, съ европейской точки зрѣнія, должно было назвать эту птицу непригодною для кочеванія.

Странствующихъ животныхъ такого рода я готовъ бы назвать скитающимися кочующими животными (Strich-Zugthiere). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ доходятъ не дальше скитанья, а въ другихъ случаяхъ становятся положительно-перелетными

манъ (Reise um die Welt, стр. 142) замѣтилъ, что на сѣв.-западномъ берегу Америки, подъ полярнымъ кругомъ (Кодебу-зундъ), число сѣв. оленей скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается.

¹⁾ Naumannia, 1857, стр. 274. Уже по различной степени округленія, заостренности и длины крыльевъ, можно (говоритъ Блазіусъ) судить о различіи манеры и способности летанія.

Весьма рѣзкими исключеніями могутъ служить перепелъ, дегачъ и лысуха.

²⁾ 19-го Апрѣля вечеромъ, подъ 72° с. ш., (на Хантавгѣ) при мѣѣ прибыли альпійскія бѣлая куропатки. Многими, близко слѣдовавшими другъ за другомъ парами онѣ пролетали мимо меня, на высотѣ роста человѣ-

ческаго, какъ разъ на сѣверъ. Туземцы опровергали мои сомнѣнія о томъ, дѣйствительно ли это прилетныя птицы, а не испуганные бѣглецы. Впрочемъ онѣ кочуютъ и на сѣверномъ Уралѣ (Nothmann, Reise, стр. 196).

Переходомъ къ этимъ странствованіямъ бѣлыхъ куропатокъ служатъ Лододы. По словамъ Бойе (Journ für Ornithol., 1869, стр. 90), Lagopus (subalp.) albus набирается числомъ до 3000. Lagor. alpin. собирается въ Октябрѣ; такимъ образомъ птицы остаются вмѣстѣ до Мая мѣсяца.

Глухари, которые въ Лифляндскихъ лѣсахъ едва скитаются только мимоходомъ, въ гористой Скандинавіи почти становятся перелетными птицами (Nilson, Nummerado figurer, текстъ къ 76-ой таблицѣ), подобно болотной бѣлой куропаткѣ въ Сибири.

птицами. Пространства, которыя онѣ пролетаютъ, въ различные годы бываютъ различны; разрѣшеніе вопроса, какъ далеко въ извѣстную зиму приходится имъ пробираться на югъ, зависить отъ качества зимы, въ особенности же отъ количества выпавшаго снѣга, отъ наличнаго запаса корма и т. д. Кромѣ того, онѣ кочуютъ не очень скоро, часто отдыхаютъ и лишь исподоволь отступаютъ передъ невзгодами. Съ одинаковою выносливостью онѣ очень рано въ году возвращаются къ сѣверу. Кочеваніе, очевидно, не составляетъ для нихъ абсолютной необходимости, какъ это на самомъ дѣлѣ и доказываютъ нѣкоторыя особи.

Такія скитающіяся перелетныя птицы во многомъ похожи на скитающихся, но свои перелеты онѣ совершаютъ нерѣдко за 20 градусовъ широты къ югу, а нѣкая, какъ напр. большая часть голенастыхъ птицъ, нѣкоторыя казарки и др.¹⁾ предаются даже вполне развитой страсти кочеванія, пролетая безъ удержу чрезъ такія мѣстности, гдѣ онѣ положительно могли бы оставаться на извѣстное время. Мы вправѣ, кажется, утверждать, что эти скитающіяся перелетныя птицы, по близости отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ высиживаютъ свои яйца, являются настоящими перелетными птицами и даже совершаютъ перелеты свои въ довольно опредѣленные времена. Но чѣмъ дальше онѣ пробираются къ югу, тѣмъ явнѣе тѣ же самыя индивидуумы, во всѣхъ своихъ пріемахъ, становятся скитающимися птицами. Слѣдовательно, смотря по обстоятельствамъ, эти виды бываютъ то осѣдлыми, то скитающимися, то перелетными птицами.

Къ скитающимся перелетнымъ птицамъ, кромѣ многихъ другихъ, принадлежатъ всѣ гиперборейскіе обитатели тундры, т. е. птицы, высиживающія яйца лишь въ предѣла лѣсной растительности. Между ними встрѣчаются такіе чудачки, которые, не въ видѣ какихъ-нибудь отдѣльныхъ особей, а всѣ до послѣдняго, выютъ гнѣзда не иначе, какъ подъ самыми дальними градусами широты. Во главѣ этихъ полюсолюбцевъ является красивая маленькая крячка, *L. Sabinei*, которую и въ Гренландіи и въ Сибири трудно встрѣтить высиживающею яйца къ югу отъ 74° с. ш. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что эта чайка выводитъ своихъ птенцовъ на берегу прѣсныхъ водъ, такъ что къ ней нельзя примѣнить то, что можетъ быть сказано о многихъ птицахъ, которыя въ Таймырскомъ краѣ, подъ дальнею широтою въ 74° все-таки еще не находили покоя, а пролетали мимо меня, до послѣдняго индивидуума, еще дальше по направленію къ полюсу. Эти-то птицы, а именно *Tr. canutus*, *Tr. maritima*, *Cal. aegaeia*, столь-же положительно, какъ чистики, кайры, гаги, казарки и т. д. выютъ гнѣзда свои только близъ самаго моря²⁾. Гдѣ

¹⁾ *An. glacialis* занимаетъ средину между ними и зимующими скитающимися перелетными птицами. Но она никогда не добирается даже до Нонта. Появленіе ея около Монпелье въ Январѣ 1810 года (*Serres, Des causes des migrations*, стр. 12) нужно считать несслыханнымъ случаемъ. Казарка, какъ извѣстно, добирается до Египта.

²⁾ Не только нельзя было встрѣтить ни одного экзем-

пляра крячки на Боганидѣ (подъ 71° с. ш.), но и подъ 73 $\frac{3}{4}$ ° на р. Таймырѣ она являлась лишь гостьей. Гольбѣль говоритъ, что въ Гренландіи эта чайка не высиживаетъ яицъ своихъ къ югу отъ 75-го градуса (*Isis*, 1845, стр. 745). На островѣ Шницбергенѣ ей даже не приходится измѣнять своему правилу. Но на полуостровѣ Мельвиллѣ она, по-видимому, заходитъ къ югу отъ 70-го градуса широты и высиживаетъ яйца даже подъ поляр-

материкъ не такъ далеко простирается къ полюсу, тамъ онѣ рѣшаются высиживать яйца даже къ югу отъ 70° с. ш. Но экваторіальный предѣлъ той полосы, гдѣ онѣ высиживаютъ яйца, или вовсе не доходитъ до полярнаго круга или, можетъ быть, достигаетъ его только на восточномъ берегу Сѣв. Америки. Оставляемъ въ сторонѣ встрѣчающихся кое-гдѣ поселенцевъ, очевидно происшедшихъ отъ случайно заброшенныхъ туда животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. *Anser bernicla*, *An. spectabilis*¹⁾, пролетающія надъ Европой, по-видимому считаютъ даже Нордкангъ за невыносимо экваторіальную полосу высиживанія яицъ, потому что переправляются на время выводки птенцовъ на Шпицбергенъ и Новую Землю. Для такихъ птицъ даже побережья Сибирскаго Ледовитаго океана все еще не довольно прохладны; по-этому онѣ и тутъ остаются недолго и тянутся дальше, на острова Ледовитаго океана и на встрѣчу неизвѣстнымъ полярнымъ странамъ²⁾.

Часть этихъ поклонниковъ полюса кочуетъ, какъ уже замѣчено было, на подобіе настоящихъ перелетныхъ птицъ, но неохотно заходитъ за 45° широты европейскихъ береговъ къ югу. Другая часть ихъ (въ томъ числѣ и голенастыя птицы, какъ напр. морскія тиркушки и плавунчики) соединяется съ многочисленными морскими птицами, которыя не такъ разборчивы относительно полосы высиживанія яицъ, не такъ стоятъ за близость полюса и одинаково охотно выводятъ птенцовъ своихъ какъ внѣ, такъ и внутри полярнаго круга³⁾, какъ напр. чистяки, кайры, гаги и савки. Единomyшленниками ихъ оказываются: чогунокъ, краснобрюхая семендюха, морская и альпійская тиркушки. Соединяясь въ безчисленные стаи, птицы эти, которыхъ мы назовемъ зимоупорными ски-

нымъ кругомъ (Appendix to Parry's second voyage, 1825 стр. 360).

Еще подъ 80° с. ш., 23-го Мая нов. ст., казарки съ Шпицбергена тянулись къ сѣверу. Torell und Nordenskjoeld, Die schwedische Expedition nach Spitzbergen, 1861—1868, стр. 37.

Въ верховьяхъ р. Таймыра, и даже на Боганидѣ (71° с. ш.) лишь изрѣдка можно было встрѣтить казарокъ высиживающихъ яйца. Причиною этого, вопреки отдаленности моря, вѣроятно была дальняя широта. Въ Гренландіи, говоритъ Гольбѣллъ, 70-ый градусъ широты обозначаетъ экваторіальный предѣлъ той полосы, гдѣ онѣ выютъ гнѣзда свои (*Isis*, 1845, стр. 745). Но *Calidris arenaria*, говорятъ, высиживаетъ тамъ яйца до 69°, а *Tringa canutus* даже до 68° с. ш.

О многихъ птицахъ, которыя въ Таймырскомъ краѣ, подъ 71° с. ш. только пролетали, но не высиживали яицъ, я не рѣшаюсь утверждать положительно, но полагаю, что онѣ тянулись дальше только вслѣдствіе отдаленности моря. Я разумю *Sterna macrura*, *Lestris pomarina*, *Col. glacialis*, *Anas spectabilis*, *Anas Stelleri*, *Tr. subarquata*, *Lim. urogalialis*. Гдѣ высиживаетъ яйца *Ans. hyperboreus*, въ Зап. Сибири? Она тянется вдоль Арало-Каспійскаго Обскаго пути (*Pallas, Reise*, II, стр. 323), а въ видѣ исключенія даже вдоль Днѣпровскаго пути (Кесслеръ въ вышепривед. сочин. стр. 91).

¹⁾ Schrader, Journ. für Ornithol. 1833, стр. 317, 322. *Ans. bernicla* весною часто встрѣчается въ сѣрахъ Финляндіи (*Nordmann, Bull. des Natural. de Moscou*, 1860, стр. 44). И на Дауцигскомъ побережьи почти каждую зиму являются *An. mollissima*, *spectabilis* и *Stelleri*; но никогда еще не было стараго самца (*Radde, Bullet. des Natur. de Moscou*, 1834, III, стр. 165).

Lar. glaucus и *Lar. leucopterus* встрѣчались также около Гельсингфорса (*Falek, Description d'un exemplaire et Notice*, 1843).

²⁾ Изъ рукописныхъ дневниковъ Прончищева я вижу, что, когда онъ находился 24-го Августа 1735 года, примѣрно, на меридіанѣ устья рѣки Лены, подъ 74° с. ш., то прилетѣли гуси съ сѣверо запада. Очевидно они прибыли съ неизвѣстныхъ намъ полярныхъ острововъ.

³⁾ Онѣ высиживаютъ яйца, примѣрно, до 55° с. ш.; на берегахъ Ирландіи (*Thompson, Report of the British Association, tenth meeting*, 1841, стр. 380, въ Даніи (*Naumannia*, 1830, III, стр. 46), на о. Борнгольмѣ (тамъ же стр. 56); на о. Сильтъ (*Rhea*, 1849, стр. 131. *Anas mollissima*). *Uria grylle* и *Alca torda* высиживаютъ яйца на скалахъ Готландіи, какъ мнѣ сообщаетъ академикъ Фр. Шмидтъ. *An. mollissima* во множествѣ на Оландскихъ островахъ и въ Финляндскихъ сѣрахъ (*Nordmann, Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 43), а порознь даже *An. Stelleri* и *An. spectabilis*.

тающимися перелетными птицами (winterzähe Strich-Zugvögel), съ такимъ упорствомъ сопротивляются зимней стужѣ, что при внезапно наступающемъ морозѣ морскія птицы погибають тысячами, и даже десятками тысячъ¹⁾. Не мудрено, что нѣкоторыхъ заносить тогда до Азорскихъ и Канарскихъ острововъ²⁾.

Зимнее пребываніе этихъ зимоупорныхъ водяныхъ птицъ сообразуется, слѣдовательно, каждый разъ съ предѣлами какъ неподвижнаго, такъ и пловучаго льда. Онѣ напоминають моихъ гиперборейскихъ ледяныхъ животныхъ (стр. 153). Зимуютъ онѣ, примѣрно, ежегодно въ Кольскомъ заливѣ Лапландіи (69° с. ш.) и въ соседнемъ Варангскомъ фюрдѣ³⁾; но заходятъ и дальше, вдоль береговъ Норвегіи, на 15 градусовъ широты южнѣе, до береговъ Даніи, Голландіи, Великобританіи, а съ рѣдкими исключеніями еще на 10 градусовъ широты южнѣе, до береговъ Испаніи, подъ 44° с. ш. Соотвѣтственно этому, тѣже самыя птицы спускаются вдоль болѣе холодныхъ восточныхъ береговъ Америки

An. Stelleri, впрочемъ, выводить птенцовъ не только въ Русской Лапландіи, но и въ восточной части Варангскаго Фюрда (Wright, Bidrag 1843, till. Prakt-Eiderns, Helsingfors; Neuglin, Journ. für Ornithol. 1871, стр. 107).

На берегахъ Норвегіи, *An. glacialis* высиживаетъ яйца, говорить, до 61° и даже до 60° с. ш. къ югу; на Шведскихъ же берегахъ не южнѣе 64° с. ш.

Tr. cinclus высиживаетъ яйца и на о. Боркумѣ (Droste, die Vogelwelt der Nordsee-Insel Borkum, 1869, стр. 221).

¹⁾ Напр. по Гольбѣлю, гаги на берегахъ сѣв. Гренландіи, въ 1856 году (Isis, 1845, стр. 750), по Фаберу, *Uria Brünnichi* и *Uria alle* у Исландіи (Leben hochbord. Vögel, 1825, стр. 73). Уже Парри (Append. to the Sec. Voyage, стр. 371, 373) сообщалъ, что гаги и гребенухи на самомъ глубокомъ сѣверѣ почти осѣдали птицы и преимущественно ищутъ такія мѣста, гдѣ вода не замерзаетъ, и что у Гудзонова залива онѣ не заходятъ къ югу далѣе 59° с. ш. То же самое въ маломъ видѣ мы ежегодно видимъ въ С.-Петербургѣ. Савка не хочетъ покидать немногихъ незамерзшихъ частей рѣки, даже во время самаго сильнаго ледохода, и при этомъ сопротивляется не только стихіи, но и многократнымъ преслѣдованіямъ, которымъ ихъ подвергаютъ, бросая въ нихъ каменьями. Никогда не посѣтивъ Крыма (Шатилловъ въ Bulet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 513), эти пролетающіе надъ С.-Петербургомъ экземпляры, вѣроятно отправляются на западъ, чрезъ Финскій заливъ въ Балтійское море. Столь-же упорно она держится на соляныхъ озерахъ Обскаго края (Pallas, Reise, II, стр. 323). Въ Таймырскомъ краѣ, подъ 71° с. ш., это была послѣдняя водяная птица, остававшаяся до 8-го Сентября, да вмѣстѣ съ нею еще *Falco tinnunculus*.

An. histrionica въ южной Сибири остается до Ноября, пока быстрыны горныхъ рѣкъ еще гдѣ-либо от-

крыты. Тоже самое должно замѣтить объ *An. fusca* подъ 65° с. ш. на рѣкѣ Мекензи (до IX, 29).

²⁾ Напр. чистики до Канарскихъ и *Mergulus alle* до Азорскихъ острововъ (Ibis, 1861, стр. 96). Но какимъ путемъ *Fraterecula arctica* въ 1832 году добралась до Мальты? (Ibis, 1864, стр. 157).

³⁾ По Нордманну (Bulletin des Natur. de Moscou, 1860, стр. 52) *Lar. eburneus*.

О томъ, что *Mormon arcticus*, *Alca torda*, *Uria grylle*, *Anas mollissima* и *An. glacialis* зимуютъ въ Кольскомъ заливѣ, я узналъ отъ тамошнихъ жителей. И въ Америкѣ *An. glacialis* отступаетъ только передъ замерзаніемъ воды и зимуетъ на открытыхъ мѣстахъ Девисова пролива и Гудзонова залива (Parry, Append. to the Sec. Voyage, стр. 373).

Въ Варангскомъ фюрдѣ зимуютъ *Mergulus alle*, *Larus eburneus*, *Anas spectabilis* и *Anas Stelleri* (Naumannia, 1853, II, стр. 220, по Прадеру). Въ открытомъ океанѣ, напротивъ того, 53-ій градусъ широты составляетъ экваторіальный зимній предѣлъ для *Mergulus alle* и *Procellaria glacialis*; какъ только корабли поворачивали на югъ, такъ птицы исчезали (Goodsir, An. arctic Voyage, 1850, стр. 5).

Anas spectabilis, *An. Stelleri*, *An. mollissima*, *An. histrionica* *An. bernicla*, т. е. многіе изъ тѣхъ-же самыхъ видовъ, которые зимуютъ на сѣв. берегахъ Лапландіи, зимою появляются и на берегахъ Даніи (Naumannia, 1850, стр. 53, 55) и, подъ тѣми-же широтами (53°), на берегахъ Ирландіи (Thompson, Report of the Brit. Assoc. tenth meeting, 1841, стр. 376, 377), вмѣстѣ съ гуменниками, лебедями, плеханами, плавунчиками, морскими тиркушками и морскими орлами.

Mormon fraterecula и *Uria troila* простирають свои странствованія до Прованса (Journ. für Ornithol. 1856, p. 231) до береговъ Испаніи (Archiv für Naturgesch. 1833,

регулярно до 42° с. ш., слѣдовательно среднимъ числомъ примѣрно на 10 градусовъ широты южнѣе, чѣмъ на западныхъ берегахъ Европы и Америки¹⁾.

Впрочемъ индивидуумы одного и того-же вида встрѣчаются то на полярномъ, то на экваторіальномъ предѣлѣ широкаго пояса, занимаемаго ихъ зимовьями. При этомъ, кажется, немаловажную роль играютъ индивидуальныя способности, личная храбрость и особое расположеніе къ приключеніямъ, привычка, товарищество, примѣръ и т. п. Однолѣтки по-видимому при своихъ зимнихъ странствованіяхъ всегда улетаютъ дальше къ югу, чѣмъ старыя птицы²⁾, а между послѣдними самцы забираются дальше самокъ.

Часть материковыхъ птицъ глубокаго сѣвера и сѣвера вообще также принадлежитъ къ зимоуцорнымъ скитающимся перелетнымъ птицамъ. Между всѣми ими первое мѣсто принадлежитъ альпійской бѣлой куропаткѣ, которая даже въ Сибири лишь недалеко переходитъ за полярный кругъ, хотя она ежегодно должна удаляться изъ тундръ въ криволѣсье, а оттуда въ высокоствольный лѣсъ, совершая эти странствованія очень быстро³⁾.

Вслѣдъ за бѣлою куропаткою тянется ея заклятой врагъ, лунь, но, соотвѣтственно безпокойному характеру всѣхъ хищниковъ, лунь забирается уже на нѣсколько градусовъ южнѣе, чѣмъ бѣлая куропатка, а въ исключительныхъ случаяхъ, даже по ту сторону Океана, играетъ роль перелетной птицы и большими стаями появляется на сѣверныхъ берегахъ Великобританніи. Тѣже самые градусы широты, но не та же самая изохимена, обозначаютъ тогда самое крайнее и исключительное появленіе луни въ видѣ зимняго гостя по Средней Европѣ, почти до 49° с. ш. на Волгѣ. Около Петербурга же и въ Лифляндіи онъ лишь неблагонадежный гость⁴⁾, хотя и появляется также большими стаями.

II, стр. 31) и, вѣроятно въ видѣ заблудившихся экземпляровъ, до Канарскихъ острововъ.

Anser albifrons появляется регулярно въ холодныя зимы въ Камаргѣ; рѣже встрѣчаются *Ans. bernicla*, *Ans. leucopsis*, *An. glacialis*, *An. mollissima*, *Phalaropus cinereus* и *rufescens* въ Ировансѣ (*Journ. für Ornithol.* 1856, стр. 231).

Прежде, говорить, зимоуцорныя скитающіяся перелетныя птицы встрѣчались на восточномъ берегу Америки, еще нѣсколько южнѣе 42° с. ш. (*Audubon, American Ornithological Biography*, III, стр. 342). *Phalaropus hyperboreus* часто встрѣчается даже до 40° с. ш. на сѣверо-западномъ берегу Америки (*United States Exploring Exped. VIII, 1848, стр. 236*).

¹⁾ По Пиллю (*United States Explor. Exped. VIII, 1848, стр. 257*) *Uria grylle* простирается на западныхъ берегахъ Америки до 45° с. ш. — *Squatrola helvetica* доходитъ тамъ до Санъ-Франциско, т. е. до 38° с. ш. (*Explorations and surveys for Railroad-route from the Mississippi, to the Pacific Ocean, vol. XII, part. II, стр. 232*).

²⁾ Такъ въ южной Франціи встрѣчались только молодые *Morpon fratercula*, *Anas mollissima*, *Colymb. glacia-*

lis, *Plectroph. calcarata*. Равнымъ образомъ у Данцига встрѣчаются лишь молодыя *An. molissima*, *spectabilis* и *Stelleri* (*Radde, Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 165*).

³⁾ Даже подлѣ 69° с. ш. бывають въ Норвегіи зимы, когда альпійскія куропатки или вовсе не появляются въ долинахъ или попадаютъ лишь немногія (*Schrader въ Journ. für Ornithol. 1853, стр. 260*). Срав. также Мальмгрена (*Botanik resa in Sällskap pro Fauna et Flora Fennica, Ny serie, III, 1861*) и Нордмана (*Bullet. des Natur. de Moscou, 1860*).

Съ р. Таймыра бѣлая куропатка неслась такъ быстро къ югу, что миѣ нельзя было обогнать ихъ на своемъ пути. 9-го Ноября онъ уже пробрался за 69½° с. ш. (см. нѣмецк. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 191).

⁴⁾ Въ Ирландіи Томпсонъ встрѣчалъ его перелетной птицей (*Annals of Natural Hist. 1838, I, стр. 244*). Въ Ней-Форпоммернѣ, не смотря на чрезвычайно умѣренную зиму 1863—66 годовъ, луни появилась въ такомъ множествѣ, въ какомъ уже давно не встрѣчались (*Journ. für Ornithologie, 1866, стр. 143*). Въ ту же самую зиму они появились и въ Лифляндіи (срав. выше стр. 233).

Въ Европѣ *Str. funerea*, *Garrul. infaustus* и *Corythus epuscleator* зимою странствуютъ почти до тѣхъ-же экваторіальныхъ предѣловъ, какъ и лунь¹⁾, слѣдовательно въ Сибири залетаютъ лишь недалеко за экваторіальный предѣлъ странствованій сѣверныхъ оленей²⁾.

Съ другой же стороны цѣлый рядъ зимоупорныхъ, большею частію небольшихъ, материковыхъ птицъ ежегодно добирается до экваторіальнаго предѣла полярнаго зайца³⁾, часто даже за этотъ предѣлъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, особенно замѣчательно то, что какъ разъ самыя гиперборейскія изъ нихъ, напр. *Plect. nivalis*, *Pl. lapponica* и *Fring. linaria*, вмѣстѣ съ птицами, вьющими гнѣзда свои южнѣе, какъ-то: *Al. alpestris*, *Bombus garrula*, *Pyrghula vulgaris*, достигаютъ даже южныхъ береговъ Европы⁴⁾. На этомъ предѣлѣ кочеванія сталкиваются какъ гиперборейскія высиживающія яйца, такъ и плодящіяся въ лѣсахъ, скитающіяся перелетныя птицы, а именно: подорож-

Въ Германіи они встрѣчаются по $51\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. (*Naumannia*, 1849, стр. 7) и еще южнѣе, потому что упоминаются въ числѣ птицъ Австрійской Имперіи (*Wiener zoolog. botan. Verhandlungen*, VII, стр. 353—366). Около Кіева ($50\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.) Кеслеръ видѣлъ ихъ только всего оди́нъ разъ (*Естеств. Исторія губ. Кіевск. Учебн. Окр.* 1852, стр. 100, допоян.). На Волгѣ они являются подлѣ 49° с. ш. (*Naumannia*, 1853, III, стр. 303).

1) На зиму *Garrul. infaustus* по-видимому положительно удаляется изъ Сѣв. Сибири, такъ что на Енисей въ предѣлахъ полярнаго круга я уже не встрѣчалъ болѣе ни одного. Нѣкоторые запоздалые экземпляры впрочемъ, говорятъ, зимуютъ подлѣ полярнымъ кругомъ. Въ Верхней Силезіи онъ встрѣчался еще въ Татрѣ (*Naumannia, Naturg. der Vögel*, XIII, стр. 219). Въ Сѣв. Америкѣ ему соответствуетъ *Garrul. canadensis*. Последний зимовалъ въ срединныхъ частяхъ Сѣв. Америки, подлѣ 66° с. ш. (*King, Journey to the shores of the arctic Ocean*, 1836, II, стр. 123), на сѣверо-западномъ берегу, вопреки зимней стужѣ, подлѣ $63\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. (Загоскинъ, Пѣшех. Опись, I, стр. 115).

2) Но не то мы видимъ въ Европѣ, какъ полагаютъ Блазиусъ (*Reise*, стр. 97). Въ Европ. Россіи лунь уже въ Ливляндіи, гдѣ даже вѣтъ гнѣзда, достигаетъ болѣе южныхъ широтъ, чѣмъ сѣв. олень. Безъ сомнѣнія, странствованія его въ срединныхъ частяхъ Европ. Россіи также достигаютъ болѣе южныхъ широтъ. Срав. Сѣверцова, Период. явленія, 1853, стр. 20.

3) Срав. Миддендорфа, *Ueber die als Bastarde angesprochenen Mittelformen zwischen Lepus europaeus und Lep. variabilis* (*Mélanges biologiques de l'Acad. de St.-Petersb.* 1851, I, 3, p. 217) и Шренка, *Zoolog. Nachrichten vom Ussuri* и пр. (*Bullet. de l'Acad. de St.-Petersb.* 1861) T. IV, стр. 182).

4) Подорожникъ добирается до Кіева ($50\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.) почти ежегодно. Однакоже и тамъ онъ не являлся зимою 1841—1842 г. По крайней мѣрѣ я тщетно отыскивалъ его. На Волгѣ, въ 49° с. ш., онъ прилетаетъ, ка-

жется, каждую зиму (*Naumannia*, 1853, III, стр. 304; *Georgi, Reise*, стр. 786). Даже до Одессы ($46\frac{1}{2}^{\circ}$) онъ добирается почти каждый годъ (*Nordmann, въ Démidoff, Voyage*, III, стр. 179). Въ Крыму онъ появляется, говорятъ, только въ очень суровыя и продолжительныя зимы (*Schatilov, Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 302, и *Radde, Journal für Ornithol.* 1855, стр. 60), такъ что Палласъ никогда не встрѣчалъ его тамъ.

При всемъ томъ нѣкоторыя стаи не улетаютъ къ югу дальне Оландскихъ острововъ ($60\frac{1}{2}^{\circ}$). Въ Ирландіи онъ появляется ежегодно до 53° с. ш., рѣдко южнѣе, (по Томпсону). Въ Тюрингии подорожникъ встрѣчается только въ сѣверной части; въ южной его никогда нѣтъ (*Naumannia*, 1834, стр. 196).

Такъ какъ въ Провансѣ его ловили не болѣе 4 или 5 разъ (*Journ. für Ornithol.* 1856, стр. 217, и *Guérin, Revue et Magasin de Zoolog.* 1855, стр. 313), равно какъ и *Pl. lapponica*, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что экземпляры, видѣнные на Азорскихъ островахъ (*Ibis*, 1866, стр. 96) были, должно быть, заблудившіяся птицы.

Въ Сѣв. Америкѣ *Plect. nivalis* ежегодно доходитъ до 34-го градуса широты (*Parry, Sec. Voyage, Append.* стр. 344), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до 40-го градуса.

Трапюкъ, который, какъ извѣстно, зимуетъ въ средней часта Зап. Европы, а съ другой стороны и въ Юж. Сибири, въ Европ. Россію, кажется, вовсе не заходитъ, или только очень рѣдко. Въ Кіевѣ напр., гдѣ подорожникъ является постоянно въ множествѣ, ни Кеслеръ, ни я не встрѣчали трапюка. Нордманнъ (*Démidoff, Voyage*, III, стр. 177) также полагаетъ, что трапюкъ не встрѣчается въ южной Россіи. И у Богданова я не нахожу его. Не встрѣчался онъ мнѣ также около С.-Петербурга. Слѣдовательно, изъ сѣв.-восточной Европы онъ улетаетъ, кажется, на юго-западъ, а изъ Сѣв. Сибири на югъ и на юго-востокъ, такъ что Европейская Россія остается въ сторонѣ. Въ Сѣв. Америкѣ онъ остается у

никъ, тракилокъ, альпійскій жаворонокъ, чечетка, свиристель, кречетъ, которыя никогда не залетаютъ далѣе южныхъ береговъ Европы, и сарычъ да короткоухая сова, которыя частію останавливаются на этихъ южныхъ берегахъ, частію тянутся чрезъ Понтъ и Средиземное море дальше на югъ¹⁾.

Такимъ образомъ скитающіяся перелетныя птицы сѣв. Сибири привели насъ къ большимъ соленымъ водамъ, ограничивающимъ южную Европу. Всѣ птицы, улетающія за Средиземное море, за Понтъ и Каспійское море, могутъ быть признаны за настоящихъ перелетныхъ птицъ. Впрочемъ даже эта явно высказывающаяся кочевая натура большей части птицъ какого-нибудь извѣстнаго вида не въ состояніи одолѣть въ нѣкоторыхъ болѣе смѣлыхъ характерахъ зимоупорное свойство, которое не только равняется свойству, составляющему отличительную черту зимоупорныхъ скитающихся перелетныхъ птицъ, но иногда даже превосходить его.

Вслѣдствіе умѣренныхъ зимъ западной Европы случается, что даже въ южной Норвегіи, въ Даніи, не говоря уже о Великобританіи, подъ 55° с. ш., зимуютъ нѣкоторыя жаворонки, скворцы, бекасы, галки и даже чапуры²⁾, которыя на западѣ Европ. Россіи

Гудзонова залива (по крайней мѣрѣ подъ 51°) въ теченіе всей зимы (Parrу, Sec. Voyage, Append. стр. 347).

Альпійскій жаворонокъ едва замѣтно улетаегъ къ югу за экваторіальный предѣлъ своего спутника, подорожника, долетая ежегодно только до Одессы (Nordmann, loc. cit. стр. 161), и забираясь также въ Крымъ (Radde, Journ. für Ornithol. 1853, стр. 60); 1854, III, стр. 142; Schatilov, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 501).

Въ Данію залетаегъ онъ рѣдко, но въ особенно снѣжныя зимы забирается даже въ среднюю Германію (Naumannia, 1850, III, стр. 43; II, стр. 4).

Впрочемъ альпійскій жаворонокъ не настоящая гиперборейская птица, потому что по словамъ Эверманна (Journal für Ornithol. 1833, IV, стр. 284) любитъ вить гнѣзда въ степяхъ южной Сибири, подъ 48° с. ш., между Волгой и Ураломъ, и въ южной Зюнгарской степи. Слѣдовательно не на однихъ только горахъ южной Сибири. Не зимуетъ онъ также, говорятъ, ни на южномъ Уралѣ, ни въ прилегающихъ Оренбургскихъ степяхъ, а появляется тамъ только въ Мартѣ, когда снѣгъ начинаетъ таять.

Чечетка и свиристель держатся одинакихъ предѣловъ съ альпійскимъ жаворонкомъ. Около Кіева они встрѣчаются сотнями. Въ Одессѣ и въ Крыму они являются постоянно. Въ 1843 году они даже не останавливались въ Одессѣ (Kirberg, Ann. météorol. 1846, II, стр. 76 и др.). По Сѣверцову (Періодич. явленія, стр. 258) въ Воронежѣ чечетки, говорятъ, являются позднѣе и заканчиваютъ свой осенній перелетъ въ Декабрѣ. Ка западѣ они добираются до береговъ Нѣмецкаго моря (Droste, Borkum, стр. 111). Уже въ Верхней Италіи чечетки встрѣчаются рѣдко.

Свиристель часто зимою добирается до Крыма (Schatilov, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 491, 514), по говорятъ, что это молодыя птицы (Radde, ibid. 1854, III, и Journ. für Ornithol. 1853, стр. 56); встрѣчается онъ не только въ лѣсу, но и въ степи. Въ Лифляндіи бываетъ ежегодно.

Въ Даніи свиристель является почти каждую зиму (Naumannia, 1850, III, стр. 41), въ Маркѣ Бранденбургской (Journ. für Ornithol. 1853, стр. 126) до половины Апрѣля. У Средиземнаго моря въ южной Франціи встрѣчался только два раза (Journ. für Ornithol. 1856, стр. 221).

Въ Лифляндіи онъ остается до поздней весны; напр. въ 1867 году до 13 го, а на слѣдующій годъ до 2-го Апрѣля около Дерпта.

Зимою, да и то только при сильной стужѣ, свирить заходитъ въ Крымъ (Шатиловъ въ Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 503). Вьетъ гнѣзда даже около Казани (Богдановъ, Приволжье, стр. 111).

Около Боркума свирить встрѣтился только разъ въ Ноябрь (Droste, die Vogelwelt der Nordseeinsel Borkum, стр. 113).

¹⁾ Въ Крыму (Radde, Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 136; Schatilov, ibidem, 1860, стр. 490) и около Одессы (Nordmann, въ соч. Демидова, Voyage стр. 112) послѣдняя зимуетъ, равно какъ и въ южной Франціи; но въ половинѣ Апрѣля улетаегъ черезъ Понтъ къ сѣверу и за тѣмъ позволяетъ брать себя руками на корабляхъ (Nordmann, Bullet. des Natur. de Moscou, 1860, стр. 10). Такимъ-же образомъ и на Альпахъ она прилетаетъ и отлетаетъ съ бекасами; въ умѣренныхъ зимы она даже и зимуетъ тамъ (Tschudi, стр. 103).

²⁾ Faber, Leben hochnordischer Vögel, стр. 23.

(въ Одессѣ) едва рѣшаются на это 10-ью градусами широты южнѣе. По этому не мудрено, что въ Лифляндіи, подь 57° с. ш., въ рѣдкія, особенно умѣренныя, зимы, въ довольно теплыхъ родниковыхъ мѣстахъ и на незамерзшихъ, по другимъ причинамъ, водахъ зимуютъ туземныя прѣсноводныя утки (а именно кряквы и чирки). Но въ высшей степени замѣчательно, что тоже самое встрѣчается подь тою-же широтою, съ тѣми-же видами, въ Уральскихъ горахъ, или близъ Байкала подь 52¹/₂° с. ш., не смотря на всевозможныя преслѣдованія, и подь 54° с. ш. въ Камчаткѣ. Такимъ образомъ намъ удалось указать полярный предѣлъ такихъ зимоупорныхъ чудаковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ отыщется тѣмъ больше, чѣмъ дальше мы станемъ отодвигаться отъ этого полярнаго предѣла къ югу¹).

Вышеупомянутымъ пловучимъ птицамъ подражаютъ (*Cinclus*) водяныя оляпки²).

Поясъ странъ, въ предѣлахъ котораго явно - перелетныя птицы Сѣверной Сибири зимуютъ постоянно и релулярно, начинается приблизительно съ 44-го градуса широты и простирается, кажется, до ближайшихъ окрестностей экватора. Слѣдовательно ширина его очень значительна.

¹) Относительно Лифляндіи можно сослаться на Фишера (*Naturgesch. Livlands*, 1848, стр. 29). Упоминаются *An. fusca*, *querquedula* и *boschas*. Неожиданнѣе извѣстіе Мочульскаго (*Bullet. des Natur. de Moscou*, 1848, III, стр. 29), что на Уралѣ, около Екатеринбургѣ, на незамерзающемъ горномъ озерѣ, зимуютъ не только утки (подь 57° с. ш.), но даже гуси и лебеди.

Самымъ замѣчательнымъ случаемъ можетъ служить зимованіе водяныхъ птицъ на польняхъ нижней Тунгуски, которыя примѣрно подь 68° с. ш. въ разныхъ мѣстахъ не замерзаютъ въ теченіе всей зимы; такъ мнѣ рассказывали это мои казаки, которые зимовали тамъ неоднократно.

Тожѣ самое повторяется на Пясинѣ и на Хатангѣ, гдѣ, говорятъ, находятъ подобныя-же мѣста, вѣроятно еще внутри полярнаго круга.

На польняхъ альпійской Ангары и Байкала (53° с. ш.) многія водяныя птицы, садясь на ночь на ледъ, скокываются набѣгающею на нихъ и примерзающею водою, такъ что ихъ потомъ легко ловятъ (*Georgi, Reise*, стр. 500 и 501). При выходѣ Ангары изъ Байкальскаго озера Сиверсъ (*Pallas, Neue Nord. Beiträge*, VII, стр. 235) въ Январѣ встрѣтилъ также кряковъ, бѣлоглазковъ, чирковъ и другихъ водяныхъ птицъ и осматривалъ приспособленія, при помощи которыхъ ихъ тамъ стрѣляютъ въ теченіе всей зимы (см. также Мартоса, стр. 135).

Уже подь 59° с. ш., къ югу отъ Охотска, на Улѣ, водяныя птицы зимуютъ, говорятъ, около теплыхъ родниковъ (*Вѣстн. Геогр. Общ.* 1853, VII, Отд. VIII, стр. 5).

На Паратункѣ, равно какъ на берегу Камчатки, въ Петропавловской гавани (53° с. ш.) зимуютъ *An. boschas*,

An. greca, *An. clangula*, *An. glacialis*, чайки, лебеди (Сарычевъ, Путеш. 1802, I, стр. 168; Sauer, *Voyage de Billings*, trad. par Castéra, 1802, II, стр. 194; Eгman, *Reise um die Erde*, I, 3, стр. 331). Въ Декабрѣ 1846 года г. Вознесенскій застрѣлилъ *Larus glaucopterus* на р. Камчаткѣ, гдѣ эта чайка иногда зимуетъ, какъ я видѣлъ изъ дневника этого путешественника.

На о. Сахалинѣ водяныя птицы могутъ зимовать только подь 51° с. ш. въ верховьяхъ никогда не замерзающей тамъ рѣки Тыми (*Schrenck, Reise, Zool.* стр. XVI).

Гуси зимуютъ на сѣв.-западномъ берегу Америки въ видѣ исключенія подь 57° с. ш. (у Калъяка; см. Хвостова и Давыдова, *Двукрат. Путеш.* II, стр. 208).

За тѣмъ неудивительно, что, по словамъ Палласа (*Reise*, II, стр. 28), *An. marila* ежегодно зимуетъ въ Приволжѣ (около Уфы), подь 55° с. ш.; по Сѣверцову (*Периодич. явленія*, стр. 226), въ области р. Дона, подь 52° с. ш., *Anas boschas* и *An. leucorhynchos*. Но еще менѣе странно, что *An. boschas* и *An. fuliginea* зимуютъ около Киева (50¹/₂°) верѣдко (*Kessler, Bullet. des Natur. de Moscou*, 1853, I, стр. 184), или даже на Волгѣ подь 48°—46° с. ш. постоянно (*Pallas, Reise*, III, стр. 646, у Царицына, а по Габлицю въ Палласовыхъ *Neue Nord. Beitr.* III, стр. 10, при устьѣ Волги).

²) *Cinclus aquaticus* зимуетъ постоянно въ Лифляндіи (58°) при быстринѣхъ мельничныхъ плотинѣхъ. Еще полными тремя градусами широты сѣвернѣе онъ зимуетъ, говорятъ, у водопадовъ Финляндіи, подь 61° с. ш. (*Wright, Helsingfors - Traktens Fogel - Fauna*, 1847, стр. 43).

На сѣверныхъ берегахъ Понта и Каспійскаго моря зимуетъ мало сѣверныхъ водяныхъ птицъ, напр. гагары, чайки и нѣсколько плехановъ¹⁾; на южныхъ же берегахъ этихъ водъ и въ Малой Азіи, напротивъ того, зимуетъ уже очень много сѣверныхъ перелетныхъ птицъ всякаго рода²⁾. Но и онѣ, по большей части, все еще могутъ считаться лишь передовыми отрядами, потому что главная масса зимующихъ сѣверянъ всякаго рода останавливается только въ сѣверной Африкѣ и на южныхъ берегахъ Азіи, къ югу отъ 30-го градуса широты. Наиболѣе выдвинувшихся мы находимъ въ верховьяхъ Нила, въ Абиссиніи, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, равно какъ въ Индіи³⁾.

Между разными названіями, встрѣчающимися въ этомъ главномъ отрядѣ, наше

¹⁾ *Columb. septentrionalis* и въ особенности *agsticus* часто зимуютъ около Одессы; *Ans. albifrons* въ небольшомъ количествѣ (Нордманнъ въ соч. Демидова, *Voyage*, III, стр. 305, 285). На южныхъ берегахъ Крыма нырки не только часто зимуютъ, но даже, говорятъ, высиживаютъ яйца въ большомъ количествѣ (*Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 517). Встрѣчались они зимою также у Мальты (*Ibis*, 1864, стр. 157); въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, потому что эти птицы странствуютъ вдоль рѣчныхъ областей, къ югу, и потому были убиваемы въ Венгріи, однакоже только молодыя птицы (*Zoolog. Garten*, 1864, стр. 27), въ Штирии (*Versamml. der Ornitholog.* XVII, стр. 6), въ Швейцаріи и т. д. Чайки зимуютъ близъ устья Волги (*Gmelin, Reise*, II, стр. 191).

²⁾ У южной половины Каспійскаго моря, отчасти уже на Терекѣ, зимуютъ: *Corvus frugilegus* и согахъ, *Muscisara albicollis*, *Saxicola starzapina*, *Alauda cristata*, *Parus caeruleus*, *major* и *palustris*, *Loxia soccothraustes*, *Alauda arvensis* и *tatarica*, *Columba oenas*, *Calidr. arenaria*, *Charadr. hiaticula*, *Totus hypoleucos*, *Scolop. gallinula*, *Phalaropus hyperboreus*, *Haematopus ostralegus*, *Numen arguata*, *Grus leucogeranus*, *Ciconia alba* и *nigra*, *Anas cluysata*, *An. boschas*, *An. querquedula*, *An. rufina*, *ferina*, *glacialis*, *fuligula*, *Podiceps cristatus*, *Cygnus musicus*, *Ans. albifrons*, пеликаны, кормораны, чайки и т. д. (срав. *Gmelin, Reise* III, стр. 87; *Güldenstädt, Reise*, p. 146; *Hablizl* въ *Палласовыхъ Neue Nord. Beitr.* IV, p. 1; *Ménétriè, Catalogue raisonné*, 1832, стр. 28 и др.; кроме того я имѣлъ случай пользоваться рукописными записками того-же автора).

³⁾ По Боллю (*Journal für Ornithol.* 1857, стр. 263, 265), на Канарскихъ островахъ встрѣчаются не только *Turdus iliacus*, *Char. pluvialis*, *Numen phaeopus*, *Saxicola oenanthe*, *Motac. alba*, но и такіе положительныя сѣверяне, какъ *Calidris arenaria* и *Squatarola helvetica* (см. выше стр. 186).

Такъ и на Азорскихъ островахъ (*Ibis*, 1866, стр. 96, 100 и др.) являются не только *Strepsilas interpres*, но и *Tringa maritima*.

Въ Абиссиніи (*Heuglin, Reise*, 1868, стр. 288) встрѣ-

чаются не только голенастые нашихъ среднихъ широтъ *Tot. ochropus*, *hypoleucos*, *stagnatilis*, но даже и *Tr. minuta* и *Tr. variabilis*.

Въ сѣверо-восточной Африкѣ зимуютъ по Гейглину (*Uebersicht der Vögel Nordost-Afrika's*, стр. 9 и др.): *Numen phaeopus*, *Machetes pugnax*, *Calidris arenaria*, *Tr. subarquata*, *Tr. alpina*, *Tr. Temminckii*, *Tr. minuta*, *Scol. gallinago* и *gallinula*, *Sterna macrura*, *Squatarola helvetica*, *Charadr. pluvialis*, *Char. morinellus*, *Str. brachyotos*, *Str. bubo*, *F. tinunculus*, *F. peregrinus*, *F. lezajou*, *F. rufipes*.

Какъ въ сѣв.-восточной, такъ и въ сѣверо-западной Африкѣ, европейскія птицы простираются до 14° с. ш. и далѣе; а именно въ Гамбії: *Ciconia alba* и *nigra*, *Numenius phaeopus*, *Limosa rufa*, *Tringa canutus*, *Tr. subarquata*, *Tr. Temminckii*, *Tr. minuta*, *Calidris arenaria*, *Strepsilas interpres*, *Scolop. gallinago*, *Larus argentatus*, *Larus tridactylus*, *Sterna caspia* и т. д. (*Hartlaub, Journ. für Ornithol.* 1854, стр. 289).

Ср. также *Tristram, Ibis*, 1860, II, стр. 76.

Между тѣмъ какъ тысячи вострохвостокъ зимуютъ на озерахъ и лонкахъ Нижняго Египта, сотни гнаются длинными фалангами вверхъ по Нилу, слѣдуя всѣмъ изгибамъ его теченія, съ такою-же спѣшностію у Хартума, какъ у Каира, и отдыхая, можетъ быть, лишь подъ 4-мъ градусомъ широты (*Alfr. Vrehm, Reiseskizzen in Nordost-Afrika*, III, стр. 212).

Tr. subarquata, *Tr. canutus* (чрезвычайно рѣдко), *Strepsilas interpres* и др. встрѣчаются въ Индіи (*Gould, Handbook, to the birds of Australia* 1865, Vol. II, стр. 256, 263). Также *Tr. crassirostris*, которую, хотя и не высиживающую яйца, во множествѣ заставлялъ я на южныхъ берегахъ Охотскаго моря; она водится и на Амурѣ (Шренкѣ) и въ Японіи и встрѣчается также въ Новой Голландіи.

Strepsilas collaris и *Charadr. pluvialis*, которыхъ Китлицъ принялъ за Камчатскихъ птицъ, онъ встрѣтилъ въ Улаанѣ (приблизно подъ 5° с. ш.). См. *Kittlitz, Denkwürdigkeiten*, II, стр. 32. Ближайшее изученіе разновидностей обыкновенной семенюхи могло бы вѣроятно послужить къ разъясненію его догадки.

особенное вниманіе должны обратить на себя тѣ, которыя обозначаютъ виды, высиживающіе яйца по близости отъ предѣла лѣсной растительности, отчасти же и только по ту сторону этого предѣла. Прежде всѣхъ должно назвать плекхана (*Anser albifrons*); онъ высиживаетъ яйца въ Сибири только гиперборейски, т. е. внѣ предѣла лѣсной растительности¹⁾, и на экваторіальномъ предѣлѣ своихъ зимовьевъ стаями достигаетъ 30-го градуса широты въ Египтѣ. Желая приступить къ дѣлу по осторожнѣе, предположимъ, что плекханы, высиживающіе яйца на самомъ глубокомъ сѣверѣ, останавливаются на полярномъ предѣлѣ зимовьевъ своего вида и что, слѣдовательно, это именно тѣ немногіе плекханы, которые зимуютъ на берегахъ Поица и Каспійскаго моря; тогда мы вполне удостовѣримся, что плекханъ и осенью и весною пролетаетъ въ оба пути по крайней мѣрѣ болѣе 30 градусовъ широты. Мы получимъ 35 градусовъ широты, если сравнимъ самыя южныя мѣста высиживания яицъ подъ полярнымъ кругомъ съ самыми южными зимовьями (въ Египтѣ). Получится даже разстояніе въ 50 градусовъ широты, если окажется, что индивидуумы, родившіеся въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ высиживания яицъ, посѣщаютъ побережья Египта, а это весьма вѣроятно не только потому, что плекханы появляются при устьяхъ Нила большими стаями, но и потому, что подобное-же явленіе представляютъ и другія полярныя птицы, напр. бѣлый гусь (*Ans. hyperboreus*²⁾, который въ Америкѣ вмѣстѣ съ плекханомъ отправляется на общія зимовья подъ тѣми-же широтами, какъ на древнемъ материкѣ, морская чайка (*Lar. glaucus*), доходящая до 13° с. ш., и варакушка (*S. suesica*), приближающаяся къ экватору на 12°. Относительно Америки у насъ также есть неопровержимыя доказательства подобной длины перелетныхъ путей, совершаемыхъ нѣкоторыми сѣверными птицами³⁾.

Сверхъ упомянутыхъ птицъ, мы могли бы привести въ доказательство еще нѣсколько голенастыхъ, которыя высиживаютъ яйца свои далеко за предѣломъ лѣсной растительности по направленію къ полюсу, зимою же встрѣчались на берегахъ Нила (и даже подъ 4° с. ш.), напр. краснобрюхая семендюха. Но какъ она, такъ и нѣкоторыя другія голенастыя⁴⁾ и даже двѣ-три хищныя птицы, голубятникъ и колюкъ (*F. peregrinus* и

¹⁾ И та пара, которую я засталъ высиживающей яйца въ Лапландіи, подъ 67° с. ш. (Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs, 1843, VIII, стр. 200, табл. № 81), находилась внѣ предѣла лѣсной растительности. Въ Сѣв. Америкѣ *Ans. albifrons* также высиживаетъ яйца въ тундрахъ, въ предѣлахъ полярнаго круга (Richardson, Search. Exped. I, стр. 320).

Извѣстіе Черная (О фаунѣ Харьк. губ. 1830, стр. 34), что *Ans. albifrons* высиживала яйца въ Харьков. губ., мнѣ кажется не очень вѣроятнымъ, даже какъ аномалія.

²⁾ *Ans. hyperboreus* высиживаетъ яйца въ Волластоновой землѣ еще близъ 70° с. ш. (Richardson, Search. Exped. I, стр. 320).

³⁾ На запад. берегахъ Сѣв. Америки *Ans. albifrons* и

Ans. hyperboreus проводятъ зиму также примѣрно подъ 30° с. ш. въ Калифорніи (Peale въ United States Explor. Exped. 1848, VIII, стр. 248). На восточныхъ берегахъ *Ans. hyperboreus* является даже примѣрно подъ 20° с. ш. на о. Кубъ, большими стаями (Arch. für Naturgesch. 1833, XIX, III, 38).

На о. Кубъ (приблизительно подъ 21° с. ш.) Дорбиньи (Arch. für Naturgesch. 1842, II, стр. 63) засталъ 48 видовъ, которые въ Сентябрѣ и Октябрѣ прилетаютъ туда на зимовку. Между ними находятся *Tr. Temminckii* и *Char. squatarola*, въюшіе гнѣзда подъ самыми дальними широтами Сибири.

⁴⁾ Гиперборейскій *Streptopelia interpres*, кругоборейскій *Char. squatarola*, *Char. pluvialis*, *Char. hiaticula*, *Tr. cin-*

Buteo lagopus), принадлежать уже къ космополитамъ, живущимъ на обоихъ полушаріяхъ нашей земли. Такихъ космополитовъ (въ этомъ, теперь, кажется, нельзя болѣе сомнѣваться) встрѣчали въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ земнаго шара. Хотя это обитатели глубокаго сѣвера Европы, Сибири и Сѣв. Америки, но они встрѣчаются также на южныхъ оконечностяхъ древняго и новаго материковъ, въ архипелагѣ южно-азіатскихъ острововъ и въ Нов. Голландіи, встрѣчаются¹⁾ какъ близъ полюса, такъ и близъ экватора. Со временемъ, по ближайшемъ изслѣдованіи вопроса: вездѣ-ли, гдѣ ихъ встрѣчали лѣтомъ, онѣ и вьютъ гнѣзда, нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ быть, придется исключить изъ числа космополитическихъ вьющихъ гнѣзда птицъ²⁾.

Присоединимъ къ этимъ космополитамъ еще нѣсколько видовъ птицъ, которые мы назовемъ меридіанными. Это такія птицы, которыя, правда, также встрѣчаются на обоихъ полушаріяхъ, къ сѣверу и къ югу отъ экватора, но не распространились по всему земному шару, а водятся лишь подъ извѣстными долготами, какъ напр. чернѣй устричникъ (*Naematorus ater*), который водится на зап. берегахъ Сѣв. Америки, но встрѣчается также на Курильскихъ островахъ и въ Чиле; морская турухтановка (*Calidris arenaria*), которая однакоже на сѣверѣ оказывается кругополярной птицей; буревѣстникъ (Альбатросъ), который отъ южной оконечности Америки и даже отъ Нов. Голландіи простирается до Охотскаго моря и до Алеутскихъ острововъ, и еще нѣсколько другихъ видовъ³⁾.

clus, *Calidris arenaria*; также *Falco peregrinus* и *F. aesalon* (Naumannia, 1836, III, стр. 214). Торелль и Норденскиольдъ застали *Char. hiaticula* на яйцахъ даже на о. Парри, къ сѣверу отъ Шпицбергена.

Char. pluvialis большими стаями тянется надъ Вестъиндїей въ Юж. Америку до Парагови (Baigd, The distribution and migrations in North-America, стр. 32). Вѣроятно это такія, которыя выведены въ Сѣв. Америкѣ, слѣдовательно въ этомъ отношеніи меридіанныя птицы.

О томъ, что *Tot. fuscus*, *Tot. calidris*, *Tot. ochropus*, *Actitis hypoleucos*, *Tr. caputus*, *Tr. maritima*, *Tr. subarquata* и т. д. появляются въ Канской землѣ, а *Limosa uropygialis* (Миддендорфъ принималъ ее за *Limosa rufa*) въ Новой Зеландіи, срав. Фипша (Droste, Bericht über die 18te Versamml. der deut. Ornithologen-Gesellsch. 1870, стр. 40, 41).

¹⁾ По Фиргалеру (Naumannia 1833, I, стр. 19) *Strepsilas interpres* встрѣчался подъ 4° с. ш. при истокахъ Нила. Подъ 7° с. ш. онъ является на о. Цейловѣ (Kelaart, Prodr. Faunae Zeulanicae, Zeylon, 1832, стр. 133). Альфр. Бремъ (Cabanis, Journal für Ornithol. 1854, I, стр. 73) полагаетъ, что немногія пары высидываютъ яйца въ Египтѣ. На о. Ямаикѣ онъ дѣйствительно вьтъ гнѣзда (Günther, The record of zoological literature, 1864).

Относительно *Tr. cinclus* (Schinzii) и *Calidris arenaria* уже Гай (Historia fisica y politica de Chile, 1847, стр. 425) положительно говорилъ, что они встрѣчаются въ

Чиле. Гартлаубъ недавно подтвердилъ это извѣстіе (Naumannia, 1853, II, стр. 222). Но мнѣ неизвѣстно, встрѣчались ли эти два вида и въ Нов. Голландіи.

При сопоставленіи всѣхъ извѣстныхъ доселѣ случаевъ космополитизма между птицами, самый фактъ уже не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію, хотя кое-гдѣ и могутъ оставаться еще нѣкоторыя затрудненія, напр. относительно меньшаго роста *F. peregrinus* въ Канской землѣ, къ которому, впрочемъ, панданами могутъ служить нѣкоторые экземпляры Ливляндскіе. Срав. Глогера относительно *Buteo lagopus* и *Lestr. catarrhactes* (Journal für Ornithol. 1856, стр. 260, 298, 300).

²⁾ Извѣстно, что космополитическія птицы, голенастыя, лѣтомъ стаями летаютъ по морскимъ прибрежьямъ такихъ странъ, гдѣ онѣ никогда не высидываютъ яицъ. Такъ напр. я засталъ ихъ на южныхъ берегахъ Охотскаго моря, а Радде (Thierleben am faulen Meere, Bullet. des Natur. de Moscou, 1835, стр. 31 отдѣльнаго оттиска); это были: *Strepsilas interpres*, *Tr. caputus*, *Tr. minuta*, *Tr. variabilis*.

³⁾ *Naematorus niger* встрѣчался, впрочемъ, и на Канарскихъ островахъ (Hartlaub, Bericht, 1836, стр. 10). Если американскій *Brachyotos palustris* дѣйствительно разновидность нашего *Str. brachyotos* древняго материка (что, по моему мнѣнію, еще нельзя считать рѣшеннымъ дѣломъ), то онъ также принадлежитъ къ меридіаннымъ птицамъ, потому что распространенъ въ Америкѣ отъ сѣвера до южной оконечности.

Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что космополиты, а можетъ быть и меридіанныя птицы, изъ тропическихъ странъ прилетаютъ въ противоположныхъ направленьяхъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ высиживаютъ свои яйца: однѣ, водящіяся къ сѣверу отъ экватора, къ сѣверному, другія, зимующія къ югу отъ экватора, къ южному полюсу. Мы обязаны Пилю прекраснымъ доказательствомъ въ пользу этого предположенія. Онъ утверждаетъ, что космополиты и другія, зимующія въ тропикахъ, перелетныя птицы встрѣчаются въ зимнемъ нарядѣ къ сѣверу отъ экватора въ Ноябрь и въ Январѣ, а къ югу отъ экватора въ томъ-же нарядѣ отъ Мая до Юля¹⁾,

Но какъ быть съ тѣми необозримыми стаями ласточекъ, которыя Андерсенъ видѣлъ въ концѣ Ноября въ срединныхъ частяхъ Африки подъ тропикомъ Козерога, т. е. подъ 20° южной широты²⁾? гдѣ онѣ высиживали яйца свои? Желательно, чтобы вскорѣ удалось ближе узнать обстоятельства, при которыхъ совершаются эти перелеты.

И такъ, желая опредѣлить пути, по которымъ летаютъ сибирскія птицы, мы пока изъ списковъ должны исключить космополитовъ и меридіанныхъ птицъ. Между тѣмъ птицы, высиживающія яйца свои лишь за предѣломъ лѣсной растительности или неподалеку отъ него, доказываютъ, что протяженіе въ 35 градусовъ широты соответствуетъ средней длинѣ самыхъ длинныхъ путей перелета. Изъ птицъ, которыя высиживаютъ яйца свои до средней или даже южной Европы, но которыхъ мы встрѣчали на гнѣздахъ и подъ 71° с. ш. въ Сибири, почти ни одна не зимуетъ къ сѣверу отъ 36° с. ш. Слѣдовательно птицы, высиженные на полярномъ предѣлѣ ихъ видовъ, должны пролетать до своихъ зимовьевъ болѣе 35 градусовъ широты. Такимъ образомъ, точное опредѣленіе полярнаго предѣла ихъ зимовьевъ, въ сущности для насъ пока интереснѣе опредѣленія экваторіальнаго ихъ предѣла, хотя для насъ не можетъ быть безинтересно, что птицы, о способѣ которыхъ специалистамъ приходится допытываться у Лапландцевъ и Самоѣдовъ, хорошо извѣстны въ своемъ зимнемъ нарядѣ (какова иронія!) неграмъ внутренней Африки³⁾.

Можетъ быть мы вправѣ назвать нашу *Tot. glaucole* древ. материка также меридіанной птицей, потому что она встрѣчалась въ Капской землѣ.

Sterna caspica Pall. достигаетъ, по словамъ Финша (*Journ. für Ornithol.* 1870, стр. 364), до Нов. Зеландіи, а *Calidris arenaria* до Чили (срав. Hartlaub, *Naturwiss.* 1853, стр. 232).

Бердъ (*The distribution and migrations of North-American birds*, стр. 17) недавно даже утверждалъ, что большая часть голенастыхъ птицъ Сѣв. Америки зимою распространяется по Южн. Америкѣ, до Патагоніи. За ними слѣдуютъ, говорятъ, нѣкоторыя плавающія птицы.

1) Reale въ *United States Explor. Exped.* VIII, стр. 238, 239. Дѣйствительно, *Haemat. niger* не встрѣчается, говорятъ, къ сѣв. отъ Вальпарайсо (32° ю. ш.), на берегахъ Юж. Америки (см. тамъ-же), такъ что онъ временно (во время перелета?) также встрѣчается въ

двухъ, неходящихся въ связи, областяхъ распространенія, т. е. на сѣв. и на южномъ полушаріи.

Нельзя-ли, можетъ быть, такимъ-же образомъ разрѣшить загадочное и даже страшное извѣстіе, что альбатросъ удаляется съ южной оконечности Америки, гдѣ онъ высиживаетъ яйца, и все время, пока на южномъ полушаріи продолжается зима, т. е. съ Апрелья до Августа, проводить на сѣв. полушаріи до 50° с. ш.

2) Н. Wagner, *Die neuesten Entdeckungsreisen an der Westküste Afrika's*, 1863, стр. 279. У маленькаго озера Омонбола пролетаютъ стаи ласточекъ, своимъ протяженіемъ напоминающія стаи саранчи. Нѣкоторыя изъ этихъ стай были шириною въ нѣсколько сотъ футовъ, и по-видимому имѣли подобную-же толщину; въ длину же тянулись болѣе чѣмъ на часть пути.

3) Изъ тѣхъ видовъ, представители которыхъ вьютъ гнѣзда свои также близъ предѣла древесной раститель-

Въ заключеніе обратимъ особенное вниманіе на то, что наблюденія не показываютъ ни малѣйшей послѣдовательной связи между положеніемъ, которое птица занимаетъ въ системѣ, и степенью ея способности къ странствованію. Близко сродственные птицы принадлежатъ: одна къ положительно осѣдлымъ, другая къ положительно перелетнымъ птицамъ; одна пролетаетъ максимумъ перелетныхъ путей, ближайшая же его родня вдвое меньше. Даже птицы одного и того-же вида различны между собою, смотря по климату, мѣстности, или даже по индивидуальной способности¹⁾.

ности и даже за этимъ предѣломъ, нижеслѣдующіе встрѣчаются въ Египтѣ до 18, 12, а нѣкоторые даже до 4° с. ш., или даже на о. Цейлонѣ (примѣрно до 7° с. ш.): *Falco aesalon*, *F. tinnunculus*, *Str. brachyotos*, *Saxicola oenanthe* (по Брему, около Хартума, подъ 18° с. ш.; что онъ тутъ, впрочемъ, еще не достигаетъ своего экваторіальнаго предѣла, это намъ доказываетъ случай, когда онъ встрѣтился подъ 7° с. ш. въ Атлант. Океанѣ; см. Peale въ *United States Explor. Exped. VIII*, стр. 90), *Motac. alba*, *M. flava*, *Hirundo rustica* (поймана подъ 7° с. ш. въ Атлант. Океанѣ 20-го Октября пов. ст.; см. *United States Explor. Exped. VIII*, стр. 174. Мейеръ засталъ *Hir. rustica*, *Lan. phoeniceus* и *Motac. flava* въ Китайскомъ морѣ, подъ 14° с. ш., въ большомъ количествѣ во время перелета ихъ къ югу; срав. *Nov. Act. Acad. Leop. Carol. XVI*, *Suppl. I*, 1834, стр. 72, 73, 80), *Hir. urbana* и *giparia*, *Cuculus canorus* (на о. Цейлонѣ), *Scolopax gallinago* и *gallinula*, *Tringa minuta*, *Tr. subarquata*, *Tot. ochropus*, *fuscus*, *calidris*, *hypoleucus*, *glareola* (? на о. Цейлонѣ, примѣрно подъ 7° с. ш.; см. Kelaart, *Prodrom. Faunae Zeylonicae*, *Zeylon*, 1852, стр. 133, 134 и *Append. 35*; Hartlaub въ *Journ. f. Ornithol.*, 1854, II, стр. 159, 160), *Numenius arquata*, *N. phaeopus*, *Grus cinerea* (также до 4°), *Anas acuta*, *An. crecca*.

Изъ птицъ, высиживающихъ яйца подъ менѣ дальними широтами, зимуютъ въ Египтѣ, между 22° и 18° с. ш. или на о. Цейлонѣ: *Coturnix dactylisona*, *Fring. carduelis*, *cannabina*, *coelebs*, *Merops apiaster* (также до Сенегамаби, вмѣстѣ съ *Saxic. rubicola*, *rubetra* и *Musc. griseola*; см. Cabanis, *Journ. f. Ornithol.* 1854, I, стр. 5), *Oriolus galbula* (до 4°), красношейки, соловьи, жаворонки, *Cirruca cinerea*, *Anthus campestris* и *rufogularis*, *Motac. sulfurea*, *Crex pratensis*, *Totus hypoleucus*, *Ardea purpurea*, *Grus virgo* (до 4°), *Ciconia alba* (до 4°), *Cic. nigra*, *Anas clypeata* и др.

Но гдѣ остаются *Scolop. major* и *Scolop. rusticola*, которыя, по Альфр. Брему, не прилетаютъ въ Египетъ? или *Char. pluvialis*, который тамъ, по словамъ того-же ученаго, при перелетѣ бываетъ рѣдкое явленіе, тогда какъ въ Крыму онъ собирается въ путь на югъ съ милліонами пугалитъ (*Radde*, *Thierleben am faulen Meer*, стр. 34). Не улетаютъ ли всѣ вальдшнепы

въ юго-западную Африку? Тамъ, по словамъ Лабуйсса (*Naumannia*, 1853, III, стр. 344) они зимуютъ въ Алжирѣ.

¹⁾ Такимъ образомъ, нельзя считать замѣчательнымъ исключеніемъ, что Гмелинъ (*Reise*, II, стр. 174) встрѣтилъ въ Европ. Россіи, около Воронежа (51½° с. ш.) зимовавшего тамъ *Ember. schoeniclus*, тогда какъ около Астрахани (46½°) всѣ птицы этого вида улетаютъ къ югу. Можно еще собрать нѣсколько наблюденій того-же рода. Такъ напр. подъ 69° с. ш. въ Гренландіи нѣкоторые подорожники остаются на зиму, большая же часть улетаетъ (*Holböll*, *Isis*, 1848, стр. 746). Подъ 64° с. ш. въ Исландіи, напротивъ того, большая часть подорожниковъ остается на зиму, и только немногіе улетаютъ (тамъ-же, стр. 736, 737). Подобные-же примѣры можно привести относительно южныхъ широтъ Россіи. Нѣкоторыя трясогузки (*Mot. alba*), нѣкоторые барашки и гаршнепы (*Scolop. gallinago* и *gallinula*) и нѣкоторыя водяныя курочки зимуютъ, какъ рѣдкости, на южныхъ берегахъ Крыма (45° с. ш.), хотя значительно большая часть тѣхъ же видовъ бываетъ тамъ только пролетомъ (взято изъ многолѣтнихъ рукописныхъ замѣтокъ охотника; относительно трясогузки это подтверждается въ Кабанисовомъ *Journ. f. Ornithol.* 1854, I, стр. 58). На западѣ Европы равнозначительная широта зимованія доходитъ до 64° с. ш., такъ какъ въ Исландіи зимуютъ нѣкоторые барашки. Отъ этого острова линія опускается почти на 10 градусовъ широты до сѣверной Ирландіи, гдѣ перепелы, желтыя трясогузки (*Motac. boarula*) и барашки зимуютъ уже постоянно (Thompson, въ *Report of the British Associat.*, 10 meeting, 1841, стр. 354). Лишь слегка опускаясь, линія идетъ къ востоку, черезъ Дакію и сѣв. Германію и образуетъ за тѣмъ, обходя Одессу (тамъ даже вальдшнепы не зимуютъ), второй переходъ къ Крыму. Отсюда линія въ равныхъ широтахъ направляется черезъ внутреннюю Азію и въ вост. Азіи снова поднимается вверхъ, почти на 10 градусовъ широты, до Охотскаго моря, гдѣ (подъ 54½° с. ш.), у Удскаго острога, встрѣченъ былъ зимующій куликъ-отшельникъ (*Scolop. solitaria*), составляющій нѣчто среднее между болотнымъ куликомъ и барашкомъ.

Грачъ, самый положительный кочевникъ изъ вороньей породы, зимуетъ въ видѣ исключенія въ Европ. Россіи

Относительно климата особенно важенъ болѣе или менѣе континентальный характеръ его, какъ мы уже неоднократно имѣли случай замѣчать при нашихъ изслѣдованiяхъ. Материковыя же перелетныя птицы на зиму покидаютъ страны полярнаго круга всегда и безъ всякаго исключенiя; онѣ не могутъ тамъ зимовать, каковъ бы климатъ ни былъ. Этими онѣ положительнѣе всего отличаются отъ скитающихся перелетныхъ птицъ, между которыми нѣкоторыя на глубокомъ сѣверѣ остаются на зиму, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе мы подвигаемся внизъ къ югу. Подъ 69° с. ш. въ Гренландiи изъ материковыхъ птицъ зимуютъ нѣкоторые подорожники, альпiйскiя бѣлыя куропатки, чечетки, вороны, луны и Исландскiе соколы¹⁾. Въ Лапландiи подъ тѣми же широтами зимуютъ всѣ тѣ же виды птицъ, но къ нимъ присоединяется еще столько же другихъ птицъ, какъ то: таловка, глухая тетерка, сибирская синица, водяная оляпка, *Garrul. infaustus*, ворона, *Str. nisogla*, такъ что зимою внутренняя часть сѣверной Лапландiи населена вдвое болѣе Гренландiи. Причина этого явленiя понятна; она заключается въ климатѣ, т. е. въ зависящемъ отъ него обилии лѣсовъ въ Лапландiи, потому что присоединившiяся птицы живутъ въ лѣсахъ. вмѣстѣ съ водяными птицами въ Лапландiи насчитываютъ до 25 видовъ птицъ, зимующихъ въ предѣлахъ полярнаго круга²⁾.

Если мы за тѣмъ обратимся дальше къ востоку, на сѣверъ континентальной Сибири, то количество зимующихъ тамъ птицъ не увеличится, а скорѣе, можетъ быть, нѣсколько уменьшится. Впрочемъ, за исключенiемъ водяной оляпки, которая нуждается въ открытой водѣ и потому, подобно всѣмъ водянымъ птицамъ, должна покидать сѣверную Сибирь, тамъ встрѣчаются тѣ же самые виды материковыхъ птицъ, какъ и въ Лапландiи, но въ меньшемъ количествѣ³⁾.

подъ 51½° с. ш. (Воронежъ). Подъ 30½° с. ш. (Кiевъ) каждую зиму остается ихъ нѣсколько. То же самое повторяется въ Ливландiи подъ 58½°.

1) По Гольбѣлау. Весьма важно было бы убѣдиться положительно въ показанiи Гольбѣла (Loc. cit. стр. 760), что *Lin. Nagnemannii* зимуетъ въ сѣверной Гренландiи, а *Lin. Linagla* постоянно улетаетъ. Если это подтвердится, то придется предположить, что мѣста, гдѣ эти два вида высидываютъ яйца, имѣютъ различное положенiе. Мои сибирскiя наблюденiя говорятъ противъ Гольбѣла, но не довольно убѣдительно.

2) Срав. Шрадера въ Кабансовомъ *Journ. f. Ornithol.* 1833, стр. 243. Морскаго орла (*Aq. albicilla*) я не включилъ въ свой списокъ, потому что эта птица положительно связана съ моремъ. Изъ зимующихъ водяныхъ птицъ Шрадеръ называетъ: *Tr. maritima*, *Lar. glaucus*, *Hal. carbo*, *Hal. graculus*, *An. glacialis*, *An. mollissima*, *Merg. serrator*, *Uria grylle*, *Uria troile*, *Ur. Rhingvia*, *Morm. arctica*, *Alca torda*.

3) Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что нѣкоторые подорожники, бѣлыя куропатки, луны и вороны зимуютъ въ сѣверной Сибири.

Ворона, которая въ Норвегiи остается на зиму подъ 70° с. ш., зимуетъ, какъ извѣстно, подъ полярнымъ кругомъ, при устьѣ Оби. Говорятъ, что она даже зимуетъ у Нижне-колымска (Киберъ въ *Сиб. Вѣстн.* I, стр. 22), но спрашивается, не подало ли поводъ къ этому извѣстию смѣшенiе вороны съ ворономъ, потому что Киберъ называетъ птицу въ одно и тоже время *Corv. corpix* и *ворономъ*. Мое сомнѣнiе еще подтверждается тѣмъ, что въ близлежащей системѣ р. Илы ворона не встрѣчается ни у Верхоянска, въ полярномъ кругѣ (Фигуринъ въ *Сиб. Вѣстн.* I, стр. 230, 231), ни даже къ сѣверу отъ 58-го градуса широты, въ Камчаткѣ (*Steller, Kamtschatka*, 1774, стр. 193). Замѣчательно, что ворона, слѣдуя за добычей, которую выбрасываетъ море, повсюду по морскимъ прибрежьямъ пробирается дальше, чѣмъ во внутреннихъ частяхъ материковыхъ странъ. Даже на лежащемъ насупротивъ Камчатки сѣверо-западномъ берегу Америки вороны водятся еще подъ полярнымъ кругомъ (*Seemann, Reise um die Welt*, 1833, стр. 30). Во всякомъ случаѣ только немногiя изъ нихъ зимуютъ неподалеку отъ упомянутаго полярнаго зимняго предѣла; большая часть принадлежитъ къ скитающимся перелет-

Подъ полярнымъ кругомъ во внутреннихъ частяхъ Сибири къ вышеупомянутымъ зимнимъ птицамъ присоединяются уже нѣкоторые тетерева и глухари, орѣховки, дятлы и конюки, а на Оби, подъ 64° с. ш. (Березовъ), къ нимъ приобщаются даже сороки и воробьи.

Желая, наконецъ, привести также примѣръ тому, какъ важно вліяніе, которое горныя формы могутъ оказывать не только на направленіе путей перелетовъ, но и на длину пролетаемыхъ пространствъ, я считаю нелишнимъ напомнить, что на сѣверной окраинѣ Алтая (приблизительно подъ 53° с. ш.) драхвы, куропатки и перепела зимуютъ на солнечныхъ и безснѣжныхъ горныхъ покостяхъ¹⁾. Они не рѣшаются болѣе перебираться за горы къ югу, потому что послѣднія ко времени ихъ прибытія уже покрыты снѣгомъ. Такимъ образомъ упомянутыя птицы совершенно неожиданно останавливаются въ южной Сибири, отличающейся холодными зимами, уже подъ широтами Берлина, тогда какъ перепела, почти 10 градусовъ широты южнѣе, на югѣ Европ. Россіи, гдѣ зима гораздо теплѣе, ежегодно покидаютъ Крымъ всѣ до одинаго, какъ ни трудно и ни губельно этимъ неуклюжимъ летунамъ перебираться чрезъ водную поверхность Понта.

О путяхъ, совершаемыхъ сибирскими странствующими рыбами въ морѣ, и о пространствахъ, которыя онѣ проплываютъ въ морскихъ водахъ, мы пока еще ничего не знаемъ²⁾.

Разстоянія, проплываемыя странствующими рыбами противъ теченія рѣкъ, несравненно короче самыхъ длинныхъ путей перелетныхъ птицъ, но едва-ли они менѣе замѣчательны. И между странствующими рыбами Сибири, морскими лохами, нѣкоторые, напр. Кута, пробираются едва 14 , другіе же, напротивъ того, какъ напр. лохъ Кета (*S. lagocerphalus*) до 40 геогр. миль въ одной и той-же рѣкѣ (а именно въ Уди); даже одинъ и тотъ-же видъ въ одной рѣкѣ проплываетъ больше, въ другой меньше. Въ

пнымъ птицамъ и на зиму улетаетъ къ югу въ населенныя деревни и города. Съ $53\frac{1}{2}^{\circ}$ до 56° с. ш. я засталъ южную Сибирь переполненною такими прилетѣвшими туда воробьями, воронами и сороками. Когда во второй половинѣ Февраля я ѣхалъ внизъ по Енисею, то къ сѣверу отъ 62 -го градуса широты меня нагнали вороны, уже такъ рано возвращавшіеся домой. Ихъ множество удивляло жителей, которые восклицали: а воронье-то, а воронье-то!

Чечетокъ встрѣчалъ я на Енисеѣ еще въ Январѣ подъ полярнымъ кругомъ у Туруханска.

¹⁾ Pallas, Reise III, стр. 389, и Gehler въ Mém. des Sav. étrang. III, стр. 473. Въ юго-западной Европѣ, гдѣ зима умѣрена, зимуютъ по крайней мѣрѣ на 5 градусовъ широты южнѣе лишь нѣкоторые рѣдкіе перепела въ южной Франціи, лежащей подъ одинаковыми градусами широты съ Крымомъ (Segges, Des causes des migrations, стр. 31).

Нѣчто подобное, впрочемъ, по-видимому происходитъ

даже подъ $48\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. на западныхъ предѣлахъ Россіи въ Подолии. По крайней мѣрѣ изъ моихъ «Isériptesen» можно убѣдиться, что въ 1851 году тамъ замѣтили перепеловъ уже въ первыхъ числахъ Февраля, т. е. цѣлыми двумя мѣсяцами раньше, чѣмъ тамъ обыкновенно наступаетъ весна. Въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ вѣроятно зимуютъ только нѣкоторые запоздавшіе экземпляры, задержанные горами. Если это справедливо, то въ Европѣ, гдѣ зима умѣрена, совершенно исключительно разъ происходитъ то, что въ Сибири, гдѣ зима сурова, пятью градусами широты сѣвернѣе, происходитъ постоянно.

²⁾ Лохъ Кета является, говорятъ, въ устьѣ Алы довольно правильно около 10-го Іюня. Въ то же время онъ появляется въ устьѣ Уды; но лишь отъ 7 до 10 дней позднѣе въ устьѣ Тугура. Такъ какъ въ Тугурскомъ заливѣ ледъ постоянно держится дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, то промедленіе въ появленіи тутъ лоха я приписываю именно этому обстоятельству, а не направленію рыбы въ водѣ съ запада на востокъ.

этомъ отношеніи Лена и Енисей особенно удобны для сравненія, потому что обѣ рѣки впадаютъ въ Ледовитый океанъ подъ 72° с. ш. и въ главномъ своемъ направленіи текутъ параллельно. Въ Енисей только нѣкоторыя передовыя рыбы изъ настоящихъ странствующихъ лоховъ, какъ напр. муксунъ, омуль и чирь, пробираются вверхъ по рѣкѣ до 61° . Это составляетъ разстояніе въ 11 градусовъ широты, которое, со включеніемъ изгибовъ рѣки, можетъ составить путь въ 200 геогр. миль. Маленькій, въ палець длины, лохъ тугунъ, говорятъ, единственная рыба, которая въ Енисей пробирается еще дальше вверхъ по рѣкѣ. На сѣверномъ и сѣверо-западномъ берегахъ Америки лохи странствуютъ на столько же дальнія разстоянія¹⁾.

Въ Ленѣ же три вида лоховъ, которые только-что нами были упомянуты, пробираются еще на 2, и даже на 3 градуса широты южнѣе, чѣмъ въ Енисей²⁾. Мы можемъ предположить это разстояніе въ 300 геогр. миль пути, потому что верхняя Лена течетъ съ запада на востокъ. Слѣдовательно тѣже самые лохи проплываютъ въ Ленѣ путь на $\frac{1}{3}$ болѣе, чѣмъ въ Енисей. Отчего это происходитъ? Не сокращаетъ ли большее сопротивленіе, противопоставляемое рыбамъ болѣе сильнымъ теченіемъ Енисея, пути, совершаемые ими въ этой рѣкѣ? Въ пользу этого предположенія служитъ также то обстоятельство, что упомянутые лохи въ Енисей оканчиваютъ свой путь вблизи его быстринь.

Не берусь утверждать, что въ Оби тѣже самые странствующие лохи заходятъ дальше къ югу, чѣмъ въ Ленѣ³⁾, но считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что путь, который имъ приходится проплывать, долженъ быть весьма значителенъ, и что поэтому Обь,

¹⁾ По Суклею (Expeditions and surveys for a railroad route from the Mississippi-river to the Pacific Ocean, vol. XII, part. 2, стр. 309) странствующие лохи въ р. Колумбию пробираются до Snake-river, а въ послѣднемъ еще 200—275 миль (англ.) вверхъ до большихъ водопадовъ Clark's river, слѣдовательно всего отъ впаденія Колумбии въ Тихій Океанъ до 650 миль вверхъ по рѣкѣ.

И въ Квихпакѣ, по словамъ Загоскина (Пѣшеход. опись, I, стр. 33), лохъ чавыча (*Salmo orientalis*) пробирается вверхъ по рѣкѣ до 700 миль.

²⁾ На Енисей я тщательно разспрашивалъ, отъ поселенія до поселенія, о крайнемъ предѣлѣ, до котораго добираются странствующія рыбы. Еще въ Яриновѣ, примѣрно подъ $60\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., положительно не знали ничего о странствующихъ рыбахъ, а дальше внизъ по рѣкѣ, мнѣ указывали на мѣстность подъ 61 град. широты (поселенія Зотино, Ворогово или Дубчесы и Осиново), гдѣ ежегодно, какъ мнѣ говорили, ловятся послѣдніе являющіеся порознь экземпляры омуля и чира (*S. nasutus*). Муксунъ, говорили поселенцы, приплываетъ туда все-таки иногда стаями. Но въ Яриновѣ и его уже не знали. Въ Назимовѣ (60° с. ш.) меня увѣрили, что чирь и муксунъ рѣдко встрѣчаются, можетъ быть въ видѣ странствующихъ осѣдлыхъ рыбъ, чего вѣрнѣе было попытаться. Сельдь и пелеть отстали уже къ сѣверу отъ быстринь

Енисея (61° с. ш.). Степановъ (Енис. губ. I, стр. 89) говоритъ, что омуль встрѣчается вверхъ по Енисею до Хатагги, изъ которой Словцовъ (Истор. обзоръ Сибири, II, стр. 98), сообразно другимъ показаніямъ Степанова, слѣдлъ Хантайку, но эти извѣстія приводятъ къ совершенно фальшивымъ заключеніямъ, такъ какъ послѣдняя рѣчка впадаетъ въ Енисей подъ $68\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. Въ мое время еще при устьѣ Нижней Тунгуски ($65\frac{3}{4}^{\circ}$) омуль составлялъ весьма важную статью улова.

Въ Ленѣ странствующія рыбы забираются лишь немного къ югу отъ Витима (69°), но Палласъ (Zoogr.) говоритъ, что валежъ (*S. microstomus*) забирается даже до Киренска ($57\frac{3}{4}^{\circ}$). Я упустилъ случай собрать объ этомъ въ Киренскѣ ближайшія свѣдѣнія. Въ Якутскѣ муксунъ и омуль ловятся еще въ значительномъ количествѣ. Тугунъ встрѣчается еще вблизи Олекминска. Стерлядь заходитъ въ р. Витимъ.

Чавыча (*S. orientalis*) заходитъ въ Квихпакѣ въ сѣв.-зап. Америкѣ болѣе 150 геогр. миль (Загоскинъ, Пѣш. опись, I, стр. 33, примѣч.), а муксунъ забирается даже въ верховья Квихпака (Загоскинъ, Пѣшеход. опись, I, стр. 137).

³⁾ По словамъ Гмелина (Reise, 1751, I, стр. 318), муксунъ встрѣчался по крайней мѣрѣ до Томска ($56\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.). Срав. также Сиб. Вѣстн. II, стр. 290.

впадающая въ Ледовитый океанъ уже подъ полярнымъ кругомъ, нельзя просто сравнивать съ Енисеемъ и Леною. Такъ какъ Енисей впадаетъ въ Ледовитый океанъ на $5\frac{1}{2}$ град. широты сѣвернѣ Оби, то отсюда видно, почему Палласъ отнесся къ нему несправедливо¹⁾, сказавъ, что Енисей несравненно бѣднѣ рыбами, чѣмъ Обь, Иртышъ и Томь, и что по-этому мѣстности около Красноярска и Енисейска запасаются рыбой изъ Томска. На одинаковомъ разстоянїи отъ устья, Енисей, по моему мнѣнїю, положительно богаче рыбой, чѣмъ Обь, вода котораго, какъ извѣстно, течетъ весьма медленно и менѣ годна для лоховъ.

Кромѣ разстоянїя отъ устья должны быть приняты въ соображеніе еще другія обстоятельства, которыя намъ доселѣ неизвѣстны. Въ доказательство привожу Колыму, которая впадаетъ въ Ледовитый океанъ подъ 69° с. ш., и въ которой вышеупомянутые три вида лоховъ (мукунь, омуль, чирь, а также и сельдь) доходятъ только до полярнаго круга. Менѣ предприимчивый въ другихъ мѣстахъ чирь единственный между ними, который ловится въ Верхнеколымскѣ (примѣрно подъ 60° с. ш.). Не появился ли онъ тамъ въ качествѣ осѣдой странствующей рыбы, рядомъ съ сигомъ и нельмой?²⁾

Изъ показаній рыбаковъ я считаю себя вправѣ заключить, что даже состояніе погоды въ теченіе года положительно оказываетъ вліяніе на длину путей кочеванія, потому что при необыкновенно раннемъ наступленїи ледохода, рыбы, плывущія осенью вверхъ по рѣкѣ, не доходятъ такъ далеко до послѣдней цѣли своего странствованія, какъ въ обыкновенное время.

Вопросъ о разстоянїяхъ, проплываемыхъ сибирскими лохами, получить особенно важное значеніе, когда мы обратимъ вниманіе на омуля. Дѣло въ томъ, что если омуль Байкальскаго озера принадлежитъ къ тому-же виду, какъ омуль Ледовитаго океана, то рождается вопросъ: не зашелъ ли онъ въ Байкальское озеро изъ Ледовитаго океана, какъ это полагаетъ и Палласъ? Въ пользу Палласова предположенія дѣйствительно говорить то обстоятельство, что омуль встрѣчается не только въ Байкалѣ, но и въ сравнительно небольшомъ озерѣ, Маджарѣ, которое чрезъ Тубу у Минусинска вливается въ Енисей³⁾. Аналогія этого факта съ существованіемъ Байкальскаго тюленя, который, кромѣ того, встрѣчается еще въ другомъ, меньшемъ озерѣ, Оронѣ, поразительна и вопросъ этотъ долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ другими, тѣмъ болѣе, что сырокъ (*S. wimba*), лохъ, водящійся преимущественно въ устьѣ Оби, встрѣчается также въ Байкалѣ⁴⁾. Но сырока мы не умѣли даже назвать поселенцы при низовьяхъ Енисея. Какимъ же образомъ онъ могъ попасть въ Байкалъ чрезъ Енисей? Послѣдній предѣлъ, до котораго добирается омуль, также находится почти на 10 градусовъ

¹⁾ Reise, III, стр. 13.

²⁾ Срав. Sauer, Voyage, I, стр. 159.

³⁾ Pallas, Reise, III, стр. 290, 392; Сибир. Вѣстникъ II, стр. 98, 132.

⁴⁾ Georgi, Reise, стр. 181, 353. — Pallas, Zoogr. III, стр. 409.

широты къ сѣверу отъ Байкала и озера Маджаръ, и у меня нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о томъ, чтобы когда-либо омуль оказывался между этими двумя мѣстами находенія. Мы можемъ даже зайти еще дальше и утверждать, что разстояніе между Байкаломъ и мѣстомъ впаденія Енисея въ Ледовитый океанъ, простирающееся на 20 градусовъ широты и составляющее до 500 геогр. миль пути, такъ велико, что мы не въ состояніи предположить, чтобы странствующая рыба могла проплыть его въ теченіе короткаго Сибирскаго лѣта.

Итакъ, прежде всего слѣдовало бы доказать, что тождественность упомянутыхъ рыбъ въ томъ и другомъ мѣстѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. На мой взглядъ она довольно сомнительна; если же она все таки окажется дѣйствительною, то я стоялъ бы за то предположеніе, что рыбы попали изъ Ледовитаго океана въ Байкалъ въ такое время, когда этотъ океанъ врѣзывался еще несравненно дальше къ югу въ материкъ Сибири. Впослѣдствіи океанъ отступилъ назадъ по направленію къ полюсу, а вмѣстѣ съ нимъ подался и предѣлъ странствованія рыбъ, прежнее сплошное распространеніе которыхъ такимъ образомъ разъединилось на двѣ части.

Приписка, сдѣланная при чтеніи корректуры: Г. Дыбовскій положилъ весьма похвальное начало разъясненію этихъ вопросовъ, установивъ различіе между Байкальскимъ и простымъ тюленемъ. Жалѣю, что, находясь теперь за границей на минеральныхъ водахъ, я не въ состояніи указать цитату и снова справиться съ этимъ мѣстомъ. Считаю впрочемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, что весьма важно сравнить именно тюленя, водящагося въ устьѣ Енисея, съ Байкальскимъ тюленемъ, и принять также въ соображеніе всѣ другія разновидности.

Времена кочеванія.

Только теперь, хотя и поздно, могу сообщить то, о чемъ намѣренъ былъ поговорить уже на стр. 128 этой части.

Прошло почти 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я напечаталъ рядъ заключеній, въ которыхъ сообщилъ все, что считалъ себя вправѣ высказать о временахъ прибытія перелетныхъ птицъ въ Россію¹⁾.

За тѣмъ на 2-ой годъ я счелъ себя обязаннымъ подтвердить эти заключенія документами, издавъ мои «*sepiptesen Russlands. Grundlagen zur Erforschung der Zugzeiten und Zugrichtungen der Vögel Russlands*»²⁾.

Я заявилъ въ то время, что накопившіяся мало по малу данныя по части наблю-

¹⁾ Die Ankunftszeiten der Zugvögel in Russland im Kenntniss der Wärme - Oekonomie einiger Thiere Russ-
Allgemeinen (Mélanges biologiques, T. II, стр. 209, и lands.
Bulletin phys.-mathém. de l'Acad. de St.-Petersbourg, ²⁾ Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pétersb., Scien-
T. XIII, стр. 212) подъ заглавіемъ: Bemerkungen zur ces naturelles, T. VIII.

деній надъ временемъ перелетовъ птицъ въ разныхъ странахъ, всегда отодвигался въ сторону какъ сырой матеріалъ, но при этомъ приняли такой объемъ, что по моему мнѣнію настала крайняя пора приняться за разработку ихъ для окончательныхъ выводовъ, иначе вскорѣ всѣ попытки исполнить этотъ трудъ заглохнутъ въ массѣ собранныхъ свѣдѣній.

Отъ первоначальнаго моего намѣренія собрать все, что относилось къ временамъ перелетовъ птицъ во всѣхъ странахъ, мнѣ вскорѣ пришлось отказаться, такъ какъ я былъ заваленъ дѣлами по званію Непремѣннаго Секретаря Академіи, и потому ограничился сводомъ всего, что относилось до области Россійской имперіи. Въ этомъ отношеніи Финляндія значительно превосходила всѣ остальные части государства, благодаря цѣлымъ рядамъ многолѣтнихъ наблюденій, производившихся на 50 различныхъ, прекрасно распределенныхъ пунктахъ, вообще же чуть ли не въ 150 мѣстахъ. Остальной, весьма неудовлетворительный матеріалъ я заимствовалъ изъ 91 сочиненія.

Въ противоположность Кеслеру я высказался въ пользу того мнѣнія, что многія птицы придерживаются извѣстныхъ путей кочеванія, и причину моего разногласія съ Кеслеромъ по этой части нашелъ въ томъ, что Кеслеръ производилъ свои наблюденія на западѣ Европ. Россіи, тогда какъ главнѣйшіе пути перелетныхъ птицъ тянутся по востоку нашего государства.

Мѣста одинаковыхъ дней прибытія извѣстныхъ птицъ я соединялъ на картѣ посредствомъ линій — линіи прибытія или изениптезъ — и оказалось, что, вопреки нѣкоторымъ уклоненіямъ въ направленіяхъ линій прибытія различныхъ видовъ птицъ между собою, всѣ линіи прибытія вообще могутъ быть сведены въ одинъ широкій поясъ. Прилетъ птицъ происходитъ къ этому поясу въ перпендикулярномъ направленіи. Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія общаго направленія этого пояса оказалось, что подъ меридіаномъ средней Сибири птицы тянутся отъ юга къ сѣверу; въ Европ. Россіи отъ юго-запада на сѣверо-востокъ; на восточныхъ же бережьяхъ Сибири, напротивъ того, отъ юго-востока на сѣверо-западъ. Кромѣ того, по берегамъ Ледовитаго океана нѣкоторыя птицы тянулись съ запада на востокъ и съ востока на западъ.

Указавъ на явную неудовлетворительность наличнаго матеріала и неизбежно протекающей изъ нея произволъ при опредѣленіи дня средняго времени прибытія извѣстной птицы въ опредѣленномъ мѣстѣ, я развилъ общіе мои выводы въ слѣдующей формѣ:

а) На меридіанахъ западныхъ предѣловъ Европ. Россіи, за исключеніемъ Балтійскихъ прибрежныхъ странъ, птицы прилетаютъ, подъ самыми различными широтами, приблизительно въ одно время (слѣдовательно въ юго-западномъ и западномъ направленіи). Иногда онѣ появляются даже нѣсколько раньше подъ болѣе сѣверной, чѣмъ подъ болѣе южной широтой.

Въ этой области сближеніе направленія нашихъ линій прибытія съ направленіемъ изохименъ очевидно.

b) Выводъ *a* примѣняется къ мѣстностямъ, лежащимъ отъ западныхъ границъ примѣрно до меридіановъ С.-Петербурга, ведущихъ чрезъ Кіевъ въ Одессу. Еще дальше къ востоку направленіе линій прибытія вдругъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ, т. е. въ мѣста, лежащія подъ одинаковыми широтами, перелетныя птицы прилетаютъ почти въ одно время. Въ ту полосу Европ. Россіи, которая лежитъ приблизительно подъ меридіанами Онежскаго озера, внизъ до Крыма, перелетныя птицы прилетаютъ позднѣе всего; почти въ тоже время какъ въ мѣстности на Балтійскихъ побережьяхъ, лежащія до 10 градусовъ широты сѣвернѣе. При извѣстныхъ, впрочемъ, обстоятельствахъ, ближайшія окрестности Онежскаго озера составляютъ исключеніе изъ этого запаздыванія.

Запаздываніе перелетныхъ птицъ подъ Онежско-Крымскими меридіанами безспорно, кажется, можно приписать главнымъ образомъ горнымъ цѣпямъ Малой Азіи. Сильный снѣгъ, выпадающій въ этихъ горахъ, задерживаетъ весну, а вмѣстѣ съ нею и всѣхъ путниковъ, избирающихъ самый краткій путь чрезъ водное пространство Понта (къ южнымъ берегамъ Крыма). Впрочемъ очевидно, что тамъ, гдѣ перелетъ совершается вдоль морскаго побережья — будетъ ли это у Балтійскаго моря или Понта (отъ Одессы до устья Днѣпра) — перелетныя птицы подвигаются впередъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ рядомъ, надъ внутренними частями материка.

Что касается до птицъ, тянущихся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, то причину замедленія ихъ прибытія внутри Европейской Россіи подъ Онежско-Крымскими меридіанами, слѣдуетъ, кажется, главнымъ образомъ приписать тому, что тутъ онѣ встрѣчаются съ болѣе положительнымъ континентальнымъ климатомъ, рѣзкія температурныя измѣненія котораго портятъ птицамъ начало весны.

c) Чѣмъ дальше отъ этихъ долготъ къ востоку, до подошвы Урала, тѣмъ раньше опять прибываютъ перелетныя птицы, въ сравненіи съ географическою широтою мѣста. Мѣста одновременнаго прибытія лежатъ у подножья Западнаго Урала, лишь нѣсколькими градусами широты южнѣе, чѣмъ въ Балтійскихъ прибрежныхъ странахъ.

d) Восточная сторона Урала, а именно даже мѣстность въ низовьяхъ Оби, едва или только немного запаздываетъ въ сравненіи съ западною стороною; она даже оживляется иногда раньше послѣдней.

На востокѣ Европ. Россіи, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, направленіе линій прибытія почти перпендикулярно къ направленію изохиметъ и близко соответствуетъ направленію изотеръ. Кромѣ ранняго открытія пути, которое Каспійское море представляетъ путникамъ, зимующимъ къ югу отъ него, намъ очевидно необходимо принимать въ соображеніе быстрое развитіе весенней теплоты, свойственное континентальному климату; тогда намъ будетъ понятно сравнительно раннее прибытіе перелетныхъ птицъ, при подножьи Урала и на востокъ отъ него. Слѣдуетъ также брать въ расчетъ незначительное коли-

чество снѣга, выпадающаго въ степяхъ. На огромныхъ пространствахъ отъ Волги до Алтая почва обнажается уже отъ дѣйствія нервыхъ лучей весенняго солнца. Этотъ недостатокъ въ снѣгѣ даетъ даже нѣкоторымъ перелетнымъ птицамъ возможность зимовать тамъ, не смотря на то, что градусы холода непомяры. Само собою разумѣется, что это не такія перелетныя птицы и совершенно другаго свойства, чѣмъ упомянутыя подь буквою *b*, тянущіяся съ юго-запада на сѣверо-востокъ.

e) Азіятская плоская возвышенность и окаймляющія ее Алтайскія, Саянскія и Даурскія горы заставляютъ опаздывать прибытіе перелетныхъ птицъ, хотя значительно меньше, чѣмъ подь Онежско-Крымскими меридіанами.

f) Въ соотвѣтственныхъ широтахъ средней долины Лены (Якутскъ) съ одной стороны и меридіановъ С.-Петербурга съ другой, перелетныя птицы прибываютъ опять довольно одновременно; иныя материковыя птицы даже нѣсколько раньше. Нижняя долина Колымы, внизъ до самаго Ледовитаго океана, принимаетъ значительное участіе въ этомъ ускореніи прибытія.

Попытка моя сдѣлать общій сравнительный выводъ о времени прибытія перелетныхъ птицъ въ долину Лены на основаніи одного неполнаго годоваго свода наблюдений, произведенныхъ въ Якутскѣ въ продолженіе нашей экспедиціи, должна казаться слишкомъ смѣлою. Въ оправданіе свое я долженъ впрочемъ сказать, что птицы, время прибытія которыхъ въ то время наблюдалось въ Якутскѣ, преимущественно были водныя птицы; притомъ 15-ти лѣтнія наблюденія надъ вскрытіемъ Лены у Киренска изданныя нашимъ сочленомъ Веселовскимъ, достаточно доказываютъ, что 1844-ый годъ, въ который производились наблюденія надъ прилетомъ птицъ, какъ разъ былъ не исключительнымъ, а скорѣе нормальнымъ, среднимъ годомъ. Такое-же мнѣніе уже въ мое время высказывали жители Якутска.

g) На востокъ отъ верховьевъ Лены, до восточныхъ береговъ Сибири, опять замѣтно значительное и внезапное запаздываніе перелетныхъ птицъ. Въ прибрежныя страны Вост. Сибири перелетныя птицы прилетаютъ съ востока, такъ что тутъ, до устья Колымы, линіи прибытія опять болѣе являются въ меридіанномъ направленіи, приблизительно соотвѣтствуя тѣмъ, которыя мы отмѣтили на европейскихъ западныхъ предѣлахъ Россіи.

Становой хребетъ своими снѣжными вершинами безъ сомнѣнія задерживаетъ полетъ птицъ въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря; вслѣдствіе этого и происходитъ запаздываніе. Тѣмъ важнѣе было бы получить рядъ годовыхъ сводовъ такихъ наблюдений, которыя были бы произведены на прибрежьяхъ Охотскаго и Берингова морей, какъ напр. въ Николаевскѣ, въ Аянѣ, Гижигинскѣ, Большерецкѣ, Петропавловскѣ, на р. Анадыри и въ Нижнеколымскѣ.

Не смотря на то, что въ Охотскомъ морѣ ледъ держится до второй половины лѣта, полетъ птицъ все-таки этимъ задерживается не столько, сколько, именно въ гораздо большей степени замедляется время высиживанія ими яицъ.

Взглядъ на двѣ карты, приложенныя къ моимъ «Iseriptesen», лучше пояснитъ вышеприведенныя заключенія, чѣмъ это можно сдѣлать на словахъ, и указываетъ поразительнымъ образомъ, какъ тѣсно прилегаютъ другъ къ другу изепиптезы на среднемъ Уралѣ, а вслѣдствіе этого оказывается безпримѣрное, можетъ быть, замедленіе въ весеннемъ передвиженіи перелетныхъ птицъ, замедленіе, которое скопляетъ ихъ въ одномъ мѣстѣ и должно заставлятъ думать, что ихъ количество несоразмѣрно велико. Этому-то обстоятельству, главнымъ образомъ, а далеко не столько дѣйствительно большому числу птицъ въ тѣхъ мѣстахъ мы должны приписывать кипучее движеніе весенняго перелета, которое, по единогласному отзыву нашихъ академическихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, превосходитъ всякія понятія.

Эти выводы я выставилъ въ видѣ «возбудительнаго средства, или спорныхъ пунктовъ, чтобы вызвать противорѣчія», указавъ на то, что для науки было бы полезнѣе, если бы первая попытка могла быть сдѣлана въ западной Европѣ, на основаніи несравненно болѣе богатаго запаса наблюденій, въ особенности, если бы моему труду могла предшествовать разработка многочисленныхъ и систематическихъ наблюденій, произведенныхъ въ Скандинавіи.

Я дѣлалъ различіе между ранними птицами (Frühvögel), рядъ которыхъ начинается съ появленіемъ грачей или жаворонковъ и заканчивается прилетомъ чогунка (Saxicola) и аиста, и между поздними птицами (Spätvögel), вереницы которыхъ открываются ласточкою и заканчиваются дергачомъ (Circus). Первые отличаются самыми непостоянными временами прибытія, но это непостоянство все-таки не смущаетъ соблюденія извѣстнаго послѣдовательнаго порядка.

Гдѣ птицы при своемъ перелетѣ скопляются, какъ напр. на среднемъ Уралѣ, тамъ раннія и позднія птицы больше сливаются между собою.

Но ничто такъ не нарушаетъ правильности временъ перелетовъ, какъ близость исходнаго или конечнаго пункта путешествія извѣстной птицы. Такъ какъ у различныхъ птицъ полярный предѣлъ ихъ распространенія находится подъ самыми различными широтами, то подъ этими широтами бывають неправильности, правда, чаще всего въ самыхъ сѣверныхъ странахъ, которыя препятствуютъ распространенію большаго числа птицъ.

За тѣмъ мною указано (стр. 15), что, въ строгомъ смыслѣ, нельзя болѣе говорить о видахъ, летящихъ примѣрно съ юга на сѣверъ, и противопоставлять имъ другихъ, примѣрно летящихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ; нельзя дѣлать это потому, что одна и таже птица полетъ свой въ предѣлахъ прибрежнаго климата направляетъ иначе, чѣмъ во внутренней части материка.

На стр. 131 своихъ «Iseriptesen» я попытался указать средніе дни прибытія 16-ти различныхъ видовъ птицъ въ 15-ти мѣстахъ Европ. Россіи, лежащихъ между $46\frac{1}{2}^{\circ}$ и 60° с. ш. Несравненно вѣрнѣе и правильнѣе можно было опредѣлять въ томъ-

же родѣ (стр. 134 — 137) средніе дни прибытія перелетныхъ птицъ въ Финляндіи и Скандинавіи. Тутъ, въ предѣлахъ Прибалтійскаго края, оказывается двойное запаздываніе весенняго прилета, которое можно приписать съ одной стороны горной природѣ внутреннихъ частей, а съ другой — морскому льду, понижающему весною температуру непосредственныхъ морскихъ побережьевъ¹⁾. Между этими двумя полосами, слѣдовательно, должна лежать полоса, на которой прибытіе перелетныхъ птицъ совершается нормально. Отлетаютъ ли онѣ осенью на морскомъ побережьи на столько-же позднѣе, на сколько онѣ запоздали весною? Во всякомъ случаѣ на берегу и внутри, Финляндіи извѣстны идутъ въ самомъ не соответствующемъ направленіи, если мы станемъ сравнивать ихъ съ направленіемъ остальныхъ западныхъ границъ Россіи, слѣдовательно не параллельно градусамъ широты, а отъ юго-запада на сѣверо-востокъ.

Что касается до быстроты перелета, то я показалъ не только на кукушкѣ, но и на быстролетной ласточкѣ, что столь прославляемая быстрота, свойственная птичьему полету, имѣетъ значеніе только въ нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ перелету птицъ, но никакъ не въ вопросѣ о быстротѣ путешествія вообще, отъ одного исходнаго пункта до другаго.

Положимъ, что самые быстрые почтовые голуби могутъ пролетать по 25 геогр. миль въ часъ, а медленные по 15, или еще меньше, когда рѣчь идетъ о такихъ разстояніяхъ, какъ о путешествіи сокола, возвратившагося съ Канарскихъ острововъ въ Андалузію: все-таки средняя быстрота полета кукушки и ласточки ограничивается совершеніемъ ежедневнаго пути примѣрно въ $\frac{1}{3}$ градуса широты или 5 геогр. миль. Смотра по обстоятельствамъ, эта быстрота можетъ иногда увеличиться вдвое или даже втрое, если понадобится наверстать упущенія. Эти замѣчательные факты я выразилъ въ моихъ «Iscriptesen» слѣдующимъ образомъ: птицы, въ томъ числѣ и самыя лучшія летуньи, путешествуютъ крайне медленно; тѣ изъ нихъ, которыя тянутся съ сѣвера на югъ или на оборотъ, летятъ медленнѣе всѣхъ другихъ. — Этимъ мы не хотимъ сказать, что путешествуя, онѣ значительно уменьшаютъ быстроту своего мѣстнаго движенія, а желаемъ выразить, что перелетныя птицы на время останавливаются тамъ, гдѣ имъ нравится, отдыхаютъ и т. д., а потому среднимъ числомъ, въ теченіе каждаго путевого дня, пролетаютъ не болѣе 4—12 миль, такъ что нѣкимъ млекопитающимъ, а въ благопріятномъ случаѣ даже и пѣшеходу, возможно бы было не отставать отъ перелетныхъ птицъ.

Первыя передовыя птицы появляются такъ неправильно, что на ихъ появленіи нельзя основывать вычисленія, тѣмъ болѣе, что наблюденія не въ состояніи порядочно услѣдить за ними. Болѣе достовѣрную основу даетъ начало главнаго полета, т. е. появленіе первой стаи, за которой вскорѣ являються другія. Сравнивая между собою моменты

¹⁾ Въ г. Або, сравнительно съ Петербургомъ, ласточки запаздываютъ едва замѣтно. Трясогузки же прилетаютъ 3-мя или 4-мя днями позднѣе, кукушка 9-ью и 10-ью,

жаворонокъ 10-ью и 11-ью днями, даже по вычетѣ одного или двухъ дней пути на полградуса широты, которымъ Або лежитъ сѣвернѣе С.-Петербурга.

наступленія его на нашихъ двухъ пунктахъ, гдѣ одновременно производились наблюденія въ Таймырскомъ краѣ (70° и 74° с. ш.), мы видимъ, что гусьямъ нужно было 6—7 дней на то, чтобы подвинуться на 2 градуса широты; слѣдовательно, ежедневно они пролетали, по крайней мѣрѣ, 4 геогр. мили. Такой-же точно путь совершали и голенастыя птицы¹⁾. Опредѣляя среднюю быстроту, съ которою плеханъ (*Ans. albifrons*) изъ своихъ зимовьевъ спѣшитъ на глубокой сѣверъ, по 5—6 геогр. миль въ день²⁾, оказывается, что въ Таймырскомъ краѣ сравнительно онъ подвигался нѣсколько медленно. Снѣжный покровъ тундры заграждалъ ему путь.

Какъ ни незначительна упомянутая выше средняя скорость путешествія, все-таки по-видимому она приложима къ большей части перелетныхъ птицъ Россіи, какъ водяныхъ, такъ и материковыхъ. Можетъ быть, что самые плохіе летуны, какъ напр. перепелы, странствуютъ еще медленнѣе. Лишь недолго, напр. во время перелета чрезъ море, или возвышенную степь Гоби, или столь-же пустынную, покрытую снѣгомъ, тундру, птицы летятъ несравненно быстрѣе³⁾. За такіе необыкновенные перелеты онѣ по-видимому вознаграждаютъ себя сравнительно болѣе продолжительными привалами.

Если принять въ соображеніе извѣстіе, сообщенное такимъ превосходнымъ наблюдателемъ, какъ Бердъ (*Ibis*, 1867, стр. 57), уже послѣ появленія моихъ «Изеиптезъ», извѣстіе, что *Hir. rustica* прилетѣла въ Каиръ 25-го Марта (лишь въ Апрѣль она стала являться чаще), и если предположить, что она летитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Оби, гдѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ 64° град. широты она появляется среднимъ числомъ 19-го Мая н. ст., то и въ этомъ случаѣ мы получимъ отъ $8\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{3}$ миль въ день (см. ниже).

1) Если за основаніе нашего исчисленія мы примемъ времена прибытія голенастыхъ птицъ, то мы должны класть до 10 дней на $2\frac{3}{4}$ град. широты, такъ какъ тѣже самыя птицы, которыя съ 24 до 29 Мая прилетали на Боганиду, лишь 4-го Іюня появлялись на р. Таймырь, Это опять составляетъ по 4 геогр. мили въ день.

2) По нашему «Приложенію I-му» оказывается, что среднимъ числомъ плеханъ пролетаетъ чрезъ Харьковъ (50° с. ш.) около 20-го Марта. Положимъ, что въ тѣже годы, равно какъ и въ мое время, онъ появлялся 27-го Мая подъ 73° с. ш.; значить, на 23 градуса широты онъ употреблялъ 64 дней, т. е. пролеталъ ежедневно по 5 геогр. миль. Тѣже самыя результаты мы получимъ для гуменника, если станемъ сравнивать времена прилета его на Таймырь и въ Каменецъ. Но, придерживаясь того-же способа исчисленія, мы получимъ лишь $4\frac{1}{2}$ геогр. миль въ день, если за исходную точку примемъ пролетъ плехана у устья Волги 1-го Марта, или только 4 геогр. мили, если въ основу исчисленія положимъ наблюденія Георга въ Казани.

Какъ на древнемъ материкѣ *Ans. albifrons* принадлежить къ числу первыхъ прилетныхъ птицъ, такъ внутри

Сѣв. Америки положительно раньше всѣхъ появляется Канадскій гусь. Время прибытія его прослѣжено такъ точно отъ привала до привала, что мы должны помѣстить его тутъ для сравненія. Онъ прилетаетъ (срав. Раггу, *Append. to the Second Voyage*, стр. 363):

подъ $64\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. между 12—20 Мая; что составл.	} 4 } геогр. миль, ежедневно.
» 61° » » 1—6 » » »	
» 59° » » 20—23 Апр. » »	
» 54° » » 8—12 » » »	
» $41\frac{1}{2}$ » » 22-го Февр. » »	4

Среднимъ числомъ и по расчету конечныхъ сроковъ наблюдательныхъ пувктовъ, Канадскій гусь, слѣдовательно, также пролетаетъ не болѣе $4\frac{1}{4}$ геогр. миль ежедневно. Но такъ какъ при всѣхъ этихъ вычисленіяхъ я принималъ въ расчетъ только число градусовъ широты, то средняя быстрота путешествія навѣрное составитъ отъ 5 до 6 геогр. миль, которыя эти птицы дѣйствительно ежедневно пролетаютъ.

3) Справедливо-ли извѣстіе Бѣлова, что у перелетныхъ птицъ, прибывающихъ въ Африку, въ зобу попадаютъ еще перепереварившіяся хлѣбныя зерна изъ южныхъ странъ Европы? Это, конечно, указывало бы на значительную скорость совершенія этого пути.

Въ Смирну ($38\frac{1}{2}$ с. ш.) журавли прилетаютъ среднимъ числомъ 2-го Марта стар. ст., а такъ какъ намъ положительно извѣстно, что подлѣ $60\frac{1}{2}$ с. ш. въ Финляндіи они прибываютъ 8-го Апрѣля стар. ст., то и на этого быстролетнаго и аккуратнаго странника приходится въ день по 9 геогр. миль. По всей вѣроятности-же журавли, пролетающіе у насъ съ сѣвера на югъ, придерживаются этого направленія и при дальнѣйшемъ путешествіи. Черезъ Рюгенъ и Померанію, гдѣ журавли собираются, они тянутся съ сѣвера на югъ (Quistorp, Journ. f. Ornithol. 1868, стр. 260).

Самое достовѣрное подтвержденіе этихъ выводовъ я нашелъ въ томъ, что сравнилъ и вычислилъ время прилета нѣкоторыхъ птицъ на протяженіи 30 градусовъ широты. Въ этомъ отношеніи оказалась особенно удобной *Ans. ruficollis*, потому что эта птица меньше распространена по направленію географическихъ долготъ, чѣмъ другія птицы, какъ напр. *Grus sinerea* и *Anser albifrons*. По-этому мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что въ Египтѣ зимуетъ та-же *Ans. ruficollis*, которая прилетаетъ изъ прибрежной низменности между Обью и Енисеемъ, да туда-же опять и возвращается.

Въ заключеніе я указалъ въ своихъ «Изэиптезахъ», что проведеніемъ этихъ линій едва удалось достигнуть половины цѣли этого труда; настоящее ихъ значеніе выяснится только тогда, когда, при сопоставленіи ихъ съ равнозначащими имъ линіями температуры, окажется, что онѣ или согласуются съ ними, или уклоняются отъ нихъ, сообразно внутренней причинной связи.

Съ тѣхъ поръ прошло, какъ я уже замѣтилъ, почти 20 лѣтъ, и надежда моя, что мнѣ удалось подать поводъ къ дальнѣйшимъ трудамъ по этой части, доселѣ не оправдалась. Назначенная между тѣмъ премія¹⁾ за разрѣшеніе вопросовъ, относящихся къ странствованію птицъ, подтвердила мое мнѣніе о необходимости разсмотрѣнія этого предмета, но, сколько мнѣ извѣстно, не успѣла вызвать отвѣта.

Чрезвычайно богатый матеріалъ о временахъ перелета птицъ, накопившійся въ различныхъ странахъ западной Европы, все еще составляетъ грубую массу неразобранныхъ документовъ. Должно же наконецъ настать время, когда этотъ матеріалъ будетъ разработанъ. Доселѣ мы почти отстали отъ кочевыхъ первобытныхъ народовъ Сибири, которые, по крайней мѣрѣ съ своей точки зрѣнія, распредѣлили время прилета птицъ по мѣсяцамъ или, скорѣе на оборотъ, назвали мѣсяцы по прилету птицъ, какъ это видно напр. изъ слѣдующихъ названій:

Мартъ называется у Юраковъ и Тунгузовъ: мѣсяць прибытія.

у Остяковъ еще точнѣе: прибытіе орла.

¹⁾ Götting'sche Gel. Anzeigen, 1839, стр. 202, Preis-aufgabe: Такъ какъ доселѣ еще недостаточно извѣстны пути, въ предѣлахъ которыхъ движутся различные виды перелетныхъ птицъ при своихъ періодическихъ странствованіяхъ, то желательно ближайшее изслѣдованіе и

опредѣленіе какъ направленія, въ которомъ тянутся птицы или, по крайней мѣрѣ, большая часть птицъ извѣстной мѣстности, такъ и продолжительности пути, времени отлета и времени возвращенія съ родины и обратно. Премія въ 50 червонцевъ.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

Апрѣль называется у Остяковъ: прибытіе гусей или гусиный мѣсяць
(также отель сѣверныхъ оленей).

Маіъ называется у Юраковъ и Якутовъ: прибытіе гусей.

Августъ называется у Якутовъ: отлетъ гусей.

у Юраковъ: отлетъ комаровъ.

у Остяковъ: прибытіе сельдей (*S. albula*).

Сентябрь называется у Юраковъ: отлетъ лебедей.

Я готовъ предположить, что въ своихъ «Изеиптезахъ» избралъ ложный путь, если бы возможно было открыть хотя малѣйшій признакъ болѣе сообразнаго приема въ изслѣдованіи. Съ другой же стороны мои преемники на дальнемъ востокѣ Сибири не преминули обратить особенное вниманіе на времена перелетовъ птицъ Восточной Сибири на основаніи моихъ Изеиптезъ; изслѣдованія ихъ подтвердили, и притомъ блистательно, результаты моего труда.

Шренкъ¹⁾ нашелъ, что указанное мною, сравнительно весьма значительное, запаздываніе перелетныхъ птицъ на всемъ пространствѣ къ востоку отъ Лены и до восточныхъ береговъ Сибири (см. предыдущія страницы) вполне подтверждается и въ нижнемъ Амурскомъ краѣ; онъ успѣлъ точнѣе опредѣлить это запаздываніе, замѣтивъ, что: въ Якутскѣ, лежащій на 9 градусовъ широты сѣвернѣе, перелетныя птицы прилетаютъ почти въ тоже самое время, часто даже нѣсколько раньше, чѣмъ въ Николаевскій постъ при устьѣ Амура. Шренкъ совершенно справедливо приписываетъ это огромному изобилію снѣга да лѣсовъ, вслѣдствіе чего весна отдалается на столько, что при устьѣ Амура Мартъ чисто-зимній мѣсяць. Онъ доказываетъ, что въ низовьяхъ Амура, также какъ при Охотскомъ морѣ, птицы, какъ осѣдлыя, такъ и перелетныя, очень поздно высиживаютъ свои яйца. Главной побудительной причиною поздняго высиживанія яицъ я готовъ считать преимущественно исключительное положеніе морскаго льда, который, какъ я уже замѣтилъ, держится тамъ даже до Августа мѣсяца.

Радде²⁾, на основаніи своего богатаго матеріала по части наблюденій пролета, приходитъ также къ тому результату, что соображенія, высказанныя въ моихъ «Iscriptesen Russlands», вполне подтверждаются. Къ моимъ выводамъ *e*) и *g*) Радде прибавляетъ еще 4 другіе пояснительные, которые сводятся на слѣдующее: 1) на восточномъ Саянскомъ хребтѣ оказывается запаздываніе перелетныхъ птицъ, рядомъ съ раннимъ прилетомъ по Селенго-Байкальскому пути; 2) на среднемъ теченіи Амура бѣольшая часть прибывающихъ туда перелетныхъ птицъ прилетаетъ еще нѣсколько раньше, чѣмъ въ Дауріи, т. е. чѣмъ на Селенго-Байкальскомъ пути.

Съ своей стороны я вижу по наблюденіямъ Радде, что указанный мною ранній прилетъ птицъ въ долину средняго теченія Лены не можетъ быть выраженъ такъ рѣзко,

¹⁾ Reisen und Forschungen im Amur-Lande, 1860, стр. 332 и 334 и слѣд.

²⁾ Reisen im Süden von Ost-Sibirien, 1863, II, стр. 8 и слѣд., стр. 43 и слѣд., стр. 39 и слѣд.

какъ это сдѣлано въ моихъ Изепиптезахъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно предположить, что въ Якутскъ весною птицы прилетаютъ не внизъ по Ленѣ, Селенго-Байкальской дорогой, а инымъ путемъ, такъ что во всякомъ случаѣ въ Якутскъ птицы должны бы были прилетать замѣтно позднѣе, чѣмъ на Байкаль¹⁾. Но прилетъ такихъ легко узнаваемыхъ птицъ, какъ напр. *Cogrus cogone* и *Cuculus canorus*²⁾ на оз. Тарей-Норъ, лежащее почти на 12 градусовъ южнѣе Якутска, у Радде отмѣченъ позднѣе, чѣмъ у меня значителенъ прилетъ ихъ въ Якутскъ. Слѣдовательно, или въ тотъ годъ, когда я отмѣтилъ свое наблюденіе, весна наступила необыкновенно рано, хотя туземцы увѣряли противное, или Радде наблюдалъ необыкновенно запоздавшій весенній перелетъ. Можетъ быть произошло и то и другое въ незначительной степени, въ противоположныхъ направленіяхъ. Кромѣ того мнѣ кажется вѣроятнымъ, что ворона, прилетѣвшая въ Якутскъ такъ рано (во второй половинѣ Марта); прозимовала въ Иркутскѣ, тогда какъ тѣ вороны, которыя пролетѣли у Тарей-Нора цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе; очевидно прибыли чрезъ Монголію изъ болѣе южныхъ странъ.

Имѣя въ виду подтвержденіе возможности достигнуть положительныхъ и важныхъ результатовъ способомъ, предложеннымъ въ моихъ «Изепиптезахъ», я все еще надѣюсь, что со временемъ изслѣдователи западной Европы этимъ путемъ успѣютъ проложить дорогу дальнѣйшимъ открытіямъ. Если со временемъ рядъ продолжительныхъ наблюдений представитъ дѣйствительныя, тщательно разслѣдованныя, среднія величины временъ прилета, то намъ станетъ ясно то, о чемъ теперь мы можемъ высказывать только догадки, будучи принуждены принимать кое-какія наблюденія за среднія величины.

Между тѣмъ я позволю себѣ представить слѣдующія, извлеченныя изъ моихъ дневниковъ, и подробнѣе разработанныя наблюденія, которыя, подобно дополненіямъ, напечатаннымъ на стр. 422, еще не вошли въ мои «Изепиптезы».

¹⁾ Извѣстіе, что въ 1827 году кукушка прилетѣла за цѣлые 1½ мѣсяца раньше, чѣмъ въ 1772 году, и по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго, заставляетъ насъ остерегаться колебаній въ временахъ прилета птицъ въ Сибири. Но во всякомъ случаѣ весьма замѣчательно упомянутое выше ранее прибытіе иволги въ Якутскъ, потому что этимъ подтверждается подобное же явленіе въ Барнаулѣ, за годъ передъ тѣмъ. Если даже положить 25 дней на совершеніе пути въ 6½ градусовъ широты, на которые С.-Петербургъ лежитъ сѣвернѣе Барнаула, то иволга все-таки прилетѣла въ Барнауль еще 15-ю днями раньше обыкновеннаго. Дальнѣйшія из-

слѣдованія со временемъ, безъ сомнѣнія, успѣютъ разъяснить это обстоятельство. Дѣло это тѣмъ подозрительнѣе, что прилетъ ближайшаго по времени спутника иволги, кукушки, никакъ не подходитъ относительно Барнаула; между тѣмъ въ пользу его говоритъ даже голенастая птица, такъ какъ барашекъ (*Scol. galinago*) прибылъ въ Кіевъ только 6-ю днями раньше, чѣмъ въ Барнауль, лежащій на 3 градуса широты сѣвернѣе Кіева.

²⁾ *Plectr. lapponica*, которую Радде видѣлъ 8-го Мая на Байкалѣ въ 80 экземплярахъ, а же встрѣтилъ на Алдаи уже 27-го Апрѣля, такъ же, мнѣ кажется, заслуживаетъ вниманія.

Обратимъ сначала вниманіе на времена кочеванія сѣверныхъ оленей. На прилагаемой таблицѣ эти времена обозначены какъ для Сибири, такъ и для Сѣв. Америки.

ОТПРАВЛЕНІЕ				ВОЗВРАЩЕНІЕ		
по новому ст.				по новому ст.		
Мѣсто наблюденія.	Широта.	Передовые.	Главный отрядъ.	Передовые.	Главный отрядъ.	Отсталые.
1) Мельвилевъ остр., Сѣв. Ам.	74½°	V 13	V сред.	—	IX сред.	IX кон.
Рѣка Таймыръ, Сиб.	74°	—	V	IX сред.	IX кон.	
Боганида, Сиб.	71°	IV сред.	IV кон.	—	X	
Новая Земля.	70½°	III сред.	—	—		
2) Боотія, Сѣв. Амер.	69°	IV сред.	V кон.	—	IX сред.	
3) Колыма, Сиб.	68°	V кон.	VI нач.	VIII нач.	IX	
4) Мельвилевъ полу- островъ	до 67½°	V 2	—	VIII 9		
5) Тамъ-же	66½°	II 23	III	IX кон.	X нач.	X кон.
6) Рѣка Мекензи	66°	—	IV кон.			
7) Анадырь, Сиб.	65°	—	V кон. до VI нач.	—	VIII кон. до IX сред.	
8) Сѣв. - зап. берегъ Америки	63°	III сред.				

1) Parry, First Voyage, Suppl. to the Append. стр. 189 и First Voyage, стр. 173, 183.

2) Ross, Sec. Voyage, Appendix, 1833, Natur. Hist. стр. XVII.

3) Врангель, Путеш. II, стр. 87.

4) Rae, Expedition, 1850, стр. 58, 132.

5) и 6) Въ томъ-же сочиненіи, стр. 73, 76 и 92.

7) Pallas, , Neue Nord. Beiträge, I, стр. 244.

8) Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, 1847, II, стр. 57.

При разсмотрѣннн этой таблицы, которая такъ скудна, что не можетъ дать положительныхъ результатовъ, нельзя не обратить вниманія на значительное различіе въ показаніяхъ. Время перекочевки сѣв. оленей длится въ данномъ мѣстѣ, пожалуй, цѣлый мѣсяць, потому что не всѣ стада разомъ трогаются съ мѣста: сѣв. олени, зимующіе близъ предѣла древесной растительности, уже до ухода своего, при хорошей погодѣ охотно забѣгаютъ въ прилегающія тундры; даже осѣдлые сѣв. олени любятъ бродить съ мѣста на мѣсто. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятые, значительно ослабляютъ силу показаній, но при всемъ томъ странно, что сѣв. олени Приколымскаго края чрезвычайно поздно весною уходятъ за притокъ Колымы, Анюй, и возвращаются чрезъ него уже въ началѣ осени. Мои собственныя наблюденія на глубокомъ сѣверѣ согласуются съ наблюденіями, произведенными въ Сѣв. Америкѣ подъ одинаковыми широтами, въ томъ отношеніи, что лѣтній сезонъ сѣв. оленей между 74° и 75° с. ш. продолжается около 4 мѣсяцевъ. На предѣлѣ лѣсной растительности кочующіе сѣв. олени Сибири остаются среднимъ числомъ отъ 6 до 7 зимнихъ мѣсяцевъ; съ Мая до Сентября стар. ст. они странствуютъ, покидая лѣсной предѣлъ. Какимъ же образомъ въ Колымскомъ краѣ часть кочующихъ оленей даже подъ 69° с. ш. остается только 2 мѣсяца, а наиболѣе запоздавшіе между ними проводятъ на тундрѣ лишь 3½ мѣсяца? Какимъ это образомъ еще дальше къ востоку, въ Чукотскомъ краѣ, и даже однимъ или двумя градусами широты южнѣе, сѣв. олени, переплывавшіе чрезъ Анадырь, поступали точно также, какъ и на Колымы 1)?

Впрочемъ другое извѣстіе въ соч. Врангеля 2) указываетъ на особенныя, оставшія намъ неизвѣстными, вредныя условія, вслѣдствіе которыхъ сѣв. олени Приколымскаго края съ году на годъ все долѣе и долѣе оставались на тундрѣ, и наконецъ, вмѣсто того, чтобы переплывать черезъ Анюй, переходили черезъ него по льду какъ туда, такъ и обратно. Этимъ они приближались, слѣдовательно, къ нормальнымъ срокамъ странствованій сѣв. оленей вообще.

Положительную противоположность явленіямъ на Колымѣ представляетъ необыкновенно короткое зимнее пребываніе сѣв. оленей въ основаніи Мельвила полуострова, подъ полярнымъ кругомъ. Только въ Январѣ и Февралѣ тамъ собираются всѣ сѣв. олени; уже въ концѣ Февраля проявляется у нѣкоторыхъ охота откочевать, а въ теченіе Марта трогается главное стадо. При неблагоприятномъ положеніи климатическихъ условій на всемъ сѣверо-восточномъ берегу Америки, въ особенности же Мельвила полуострова, при значительномъ разстояніи упомянутаго мѣста наблюденія отъ предѣла древесной растительности, насъ тѣмъ болѣе должно поразить такое раннее проявленіе кочевыхъ стремленій. Другой наблюдательный пунктъ, на томъ-же полуостровѣ, и едва на градусъ широты сѣвернѣе, позволяетъ намъ нѣсколько понять это явленіе. Такъ какъ тутъ сроки прохода приближаются къ срокамъ, замѣченнымъ при Колымѣ, то становится яснымъ, что часть сѣв. оленей глубокаго сѣвера Америки зимуетъ подъ

1) Срав. Pallas, Neue Nord. Beiträge I, стр. 244.

2) Путеш. II. стр. 228.

полярнымъ кругомъ, въ основаніи Мельвилева полуострова, не смотря на то, что лѣсной предѣлъ находится отсюда еще на нѣсколько градусовъ широты южнѣе. Не такіе-ли это сѣв. олени, которые лѣто проводятъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ? Это легко можетъ стать, да и довольно вѣроятно. У нихъ цѣлый мѣсяцъ времени на то, чтобы, при осеннемъ передвиженіи, пробраться съ самага крайняго сѣвера до полярнаго круга, при чемъ имъ необходимо пройти отъ 9 до 10 градусовъ широты, т. е. среднимъ числомъ примѣрно по 5 геогр. миль въ день. При своемъ осеннемъ возвращеніи они странствуютъ, какъ извѣстно, безостановочнѣе, чѣмъ весною, въ началѣ которой они бродятъ то туда, то сюда, а потому лишь исподоволь уходятъ со своихъ зимовьевъ и нерѣдко, какъ это напр. тутъ ясно доказываетъ Мельвилевъ полуостровъ, два мѣсяца проводятъ на протяженіи одного градуса широты. Дѣйствительно ли оленицы уходятъ раньше самцовъ? Мои наблюденія говорятъ противное¹⁾.

Кочевые олени, появляющіеся на Мельвилевомъ полуостровѣ уже въ началѣ Августа, очевидно сходились только изъ ближайшихъ окрестностей наблюдательнаго пункта, потому что на самомъ глубокомъ сѣверѣ они начинаютъ возвращаться лишь въ Сентябрѣ.

И такъ, мы замѣчаемъ на кочующихъ сѣв. оленяхъ тѣ же явленія, съ которыми мы сейчасъ ознакомимся на птицахъ: величайшую неопредѣленность во времени кочеванія; съ приближеніемъ къ зимовьямъ болѣе правильное осеннее странствованіе; и осенніе предварительные сборы и предварительные переходы животныхъ, родившихся подъ мѣнѣе отдаленными широтами. Кромѣ того, я считаю вѣроятнымъ, что при весеннемъ кочеваніи должно принимать въ соображеніе разстояніе лѣснаго предѣла отъ крайняго лѣтнаго мѣстопробыванія сѣв. оленей самага дальняго сѣвера. Сѣверо-американскіе сѣв. олени, которымъ приходится проходить отъ 150 до 200 геогр. миль, отправляются въ путь раньше сибирскихъ, а между послѣдними сѣв. олени Таймырскаго края, гдѣ отъ моря до лѣснаго предѣла едва 70 миль, раньше оленей къ востоку отъ Колыми, гдѣ разстояніе между моремъ и лѣснымъ предѣломъ еще меньше, чѣмъ въ половину противъ указаннаго.

Перелетнымъ птицамъ приходится на глубокомъ сѣверѣ проводить такое короткое время, что тамошняя тундра почти внезапно наполняется всѣми возможными гостями. Тѣ изъ нихъ, которыя высидываютъ яйца въ 35, и даже, можетъ быть, въ 50 градусахъ широты отъ своихъ зимовьевъ, проводятъ песлыханнымъ образомъ только $\frac{1}{6}$ и не больше $\frac{1}{4}$ каждаго года на мѣстѣ своего рожденія²⁾. Большую часть своей жизни, они, какъ

1) Россъ (Wiegmann, Archiv für Naturg. 1836, I, стр. 188) утверждаетъ даже, что сѣв. оленицы приходятъ на глубокій сѣверъ Америки почти мѣсяцомъ раньше самцовъ. Въ Сибири я видѣлъ во главѣ стада старыхъ самцовъ, въ особенности при обратномъ кочеваніи.

2) Позднія птицы, какъ напр. *Megops apiaster*, проводятъ, смотря по обстоятельствамъ, и не болѣе 3 хъ мѣ-

сяцевъ въ мѣстахъ высидыванія яицъ, но только неподалеку отъ своего полярнаго предѣла. Въ Одессѣ, въ 1843 году, *Meg. apiaster* оставался цѣлыхъ 4 мѣсяца ($\frac{V}{5}$ до $\frac{IX}{6}$). Тѣмъ долѣе, вѣроятію, они остаются въ своихъ зимовьяхъ (такъ какъ путь, который имъ приходится пролетать, коротокъ). Но крайней мѣрѣ болѣе половины года.

курьеры, проводятъ на оси тяжести своего тѣла, которая, какъ извѣстно, соединяетъ между собою основанія обоихъ крыльевъ. Такъ какъ имъ приходится пролетать ежегодно въ оба конца 1000 и еще гораздо болѣе геогр. миль, то имъ пигдѣ нельзя оставаться особенно долго. За исключеніемъ времени высиживанія яицъ, вся жизнь ихъ уходитъ на странствованія.

Явно опасаясь опоздать, эти сѣверяне покидаютъ свои зимовья такъ рано, что на глубокомъ сѣверѣ они нерѣдко натыкаются на снѣжныя и ледяныя равнины, останавливающія ихъ дальнѣйшее движеніе. Внезапно на глубокомъ сѣверѣ наступаетъ весна; внезапно, безъ удержу, какъ мощный потокъ, постепенно накопившійся изъ небольшихъ ручейковъ, прорываются перелетныя птицы изъ-за своей плотины, заставлявшей ихъ ждать благопріятной погоды.

Масса прилетающихъ птицъ, которая у насъ постепенно разлетается въ разныя стороны, наводняетъ глубокій сѣверъ почти разомъ. Одинъ видъ птицъ слѣдуетъ за другимъ. Нѣкоторые смѣльчаки отправляются впередъ для развѣдокъ. Какъ только имъ удастся пробраться, такъ авангардъ, главный отрядъ и арріергардъ, которые у насъ странствуютъ порознь, одинъ за другимъ сомкнутыми рядами устремляются на тундру. Чѣмъ поздиѣ, чѣмъ внезапнѣе наступаетъ весна, тѣмъ сильнѣе напоръ. Разъ за разомъ они безостановочно подвигаются впередъ.

Еще за долго до того времени, когда вода освободится отъ своихъ оковъ, уже появляются плавающія птицы. Онѣ располагаются на безснѣжныхъ возвышенностяхъ, какъ-то странно выдѣляясь изъ снѣжной равнины, среди падающаго снѣга и слякоти, всячески стараются удержаться кое-какъ на малѣйшемъ обнаженномъ клочкѣ земли, въ самой жалкой лужицѣ, образовавшейся изъ растаявшаго снѣга, около покинутыхъ кочевьевъ Самоѣдовъ, пока наконецъ на ледяныхъ покровахъ покажется первая вода.

Возвратное путешествіе осенью совершается правильнѣе, потому что тогда полетъ птицъ не можетъ быть задержанъ климатическими случайностями. Необыкновенно благопріятная осенняя погода дѣйствуетъ однакоже подобно неблагопріятной веснѣ въ томъ отношеніи, что хорошая погода побуждаетъ птицъ долѣе оставаться на одномъ мѣстѣ, а потому дальнѣйшее странствованіе становится тѣмъ быстрѣе, тѣмъ скученнѣе. При весеннемъ своемъ путешествіи птицы въ сѣверныхъ мѣстностяхъ иногда должны подвигаться впередъ довольно медленно и останавливаться на довольно продолжительное время, тогда какъ, тронувшись съ мѣста, онѣ безостановочно пролетаютъ черезъ мѣстности, лежащія по близости отъ ихъ зимовьевъ. При осеннемъ же путешествіи, напротивъ того, онѣ безъ удержу покидаютъ сѣверныя мѣстности, по которымъ имъ приходится пролетать, и только подъ болѣе южными широтами позволяютъ себѣ летѣть спокойнѣе¹⁾.

¹⁾ Эти замѣтки мои съ сѣвера подтверждаются соотвѣтственнымъ положеніемъ перелетныхъ птицъ около Астрахани. Уже Габлицъ (Pallas, Neue Nord. Beitr.

III, стр. 11) сообщилъ, что оба сѣверянина *Aus. gambicollis* и *albifrons*, при отправленіи своемъ на сѣверъ, почти вовсе не останавливаются у Астрахани, но уже въ Сеятя.

Но какъ весной, такъ и осенью время странствованія затягивается процессомъ распложенія; нигдѣ до такой степени, какъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ, нельзя убѣдиться въ томъ, что птицы, которымъ лѣтомъ спокойно удалось высидѣть яйца свои, составляютъ главную перелетную силу. Тѣ же, которыя не связаны никакими родительскими обязанностями, которымъ вовсе не удалось вывести птенцовъ, выказываютъ свое неудовлетворенное состояніе раннимъ безпокойствомъ. Меня, для котораго сѣверъ былъ такъ привлекателенъ, поразили уже среди самаго лѣта эти пресыщенные сѣверомъ индивидуумы. Едва успѣвъ покопчить линяніе, онѣ скучивались и отправлялись въ путь, составляя авангардъ своего вида.

Птенцы же запоздавшихъ выводковъ задерживаютъ и своихъ родителей¹⁾. Эти семейства составляли на глубокомъ сѣверѣ весьма многочисленный арріергардъ, который напр. у гусей улетѣлъ цѣлыми 3-мя недѣлями позднѣе авангарда²⁾. Кромѣ арріергарда на глубокомъ сѣверѣ остается еще нѣсколько запоздавшихъ птицъ до послѣдней крайности. Это наиболѣе запоздавшія выводки. Они нарушаютъ даже порядокъ отправленія, который обыкновенно строго соблюдается. Такъ напр. морскія ласточки успѣли уже покинуть рѣку Таймыръ, авангардъ слѣдовавшихъ за ними чаекъ также уже тронулся въ путь, а между тѣмъ запоздавшая морская ласточка встрѣтилась мнѣ еще 16/28 Августа. Такія запоздалыя птицы показываются тѣмъ чаще (по этому ихъ кажется больше, чѣмъ ихъ на самомъ дѣлѣ), чѣмъ неугомоннѣе онѣ становятся вслѣдствіе внутренняго безпокойства. Впрочемъ послѣдовательный порядокъ отлета не совсѣмъ отказывается отъ своихъ правъ. Частыя по-видимому исключенія нерѣдко, кажется, не что иное какъ ошвбки въ наблюденіяхъ³⁾. Главный отрядъ, а тѣмъ болѣе послѣдніе остатки чаекъ вы-

брѣ возвращаются и тогда остаются тамъ цѣлый мѣсяцъ. Нужно замѣтить, что они въ томъ-же самомъ мѣсяцѣ, въ которомъ, по моимъ наблюденіямъ, покидаютъ глубокой сѣверъ, прилетаютъ въ Астрахань, слѣдовательно безостановочно летятъ къ югу.

1) Если бы Радде (Bullet. des Natur. de Moscou, 1854, III, стр. 165) былъ правъ и по части менѣе сѣверныхъ широтъ, то-онъ во всякомъ случаѣ не правъ относительно глубокаго сѣвера, говоря, что «для всѣхъ видовъ утокъ, перелетающихъ съ сѣвера на югъ, можно принять за правило, что молодые птенцы обоего пола и старыя самки первыя оставляютъ холодныя страны».

2) Три приѣма отлета по-видимому очень замѣтны даже въ южной Сибири. Въ этомъ отношеніи обратила на себя мое вниманіе замѣтка одного неспеціалиста (Отч. Зап. 1848, Авг. VIII, стр. 137) о томъ, что по словамъ Иркутскихъ старожилковъ, ласточки улетаютъ оттуда въ три приѣма (1-го, 6-го, 13-го Авг.), продолжающіеся до среднихъ чиселъ Августа мѣсяца.

Многочисленный авангардъ возвращавшихся гусей показася въ Таймырскомъ краѣ, подлѣ 71° сѣв. широты, уже 13-го Августа. Въ теченіе всего Августа за ними

слѣдовали сильныя фазанги, не ежедневно, но почти регулярно черезъ каждыя 3 или 4 дня, а именно 13-го, 17-го, 21-го, 28-го, 31-го Августа, 3-го и 6-го Сентября. 7-го Сентября уже не пролетѣло ни одного гуся.

3) Въ концѣ третьей недѣли Августа (21-го) исчезли подлѣ 71° с. ш., въ Таймырскомъ краѣ, послѣдніе насѣкомоядные пѣвцы. Недѣлю спустя пролетѣла чететка. Голенастыя птицы разлетѣлись въ теченіе первой недѣли Сентября, а 6-го Сентября улетѣли послѣдніе гуси (*Ans. albifrons*). Два дня спустя убрались чайки и савки, а подлѣ конецъ — и пустельга. 20-го Сентября тамъ оставался еще только воронъ, можетъ быть какъ осѣдлая или кочевая птица.

Слѣдовательно чететка, прилетѣвшая туда уже 29-го Апрѣля, сравнительно улетѣла слишкомъ рано. По-этому намъ приходится предположить, что она начала только кочевать, но не отлетать. И въ Гренландіи чететка прилетаетъ лишь нѣсколькими днями позднѣе подорожника и улетаетъ только въ началѣ Октября (Holböll, Isis, 1845, стр. 738). *Ans. glacialis* замѣтили весной лишь недѣлю позднѣе, чѣмъ *Ans. albifrons*, что слѣдовательно также не согласуется съ общимъ правиломъ.

держиваютъ долѣе, чѣмъ запоздалыя морскія ласточки. 4/16 Сентября на р. Таймырѣ, подѣ 74° с. ш., видны были еще цѣлыя стаи чаекъ; вскорѣ послѣ того онѣ исчезли. Но медлившіе птенцы еще долго задерживали иныхъ матокъ. 21 и даже 22 Сентлября, т. е. уже двѣ недѣли послѣ того, какъ установился ледъ, еще носились взадъ и впередъ послѣднія чайки и поморники; они ходили даже внизъ по рѣкѣ, къ сѣверу. Обильные остатки осенней прощальной рыбной ловли Самоѣдовъ щедро питали этихъ воронъ глубокаго сѣвера, не смотря на толстую снѣжную и ледяную кору. Когда мнѣ въ началѣ мѣсяца пришлось лежать одному, въ изнеможеніи и безъ всякой помощи, я цѣлыми часами наблюдалъ, какъ матки старались сманивать за собой своихъ малютокъ. Но послѣдніе, еще не вполне привыкнувъ летать, снова предавались наслажденію настоящимъ и, не заботясь о морозномъ будущемъ, опять возвращались къ хорошо знакомому озерному побережью, пролетѣвъ сперва болѣе или менѣе въ сторону, къ югу, вслѣдъ за матерью. Громко, отчаянно кудахтая, мать бросалась опять въ погоню за своимъ птенцомъ, обгоняла бѣглеца и старалась перерѣзать ему путь. Но пути въ поднебесьи широки, яйца вездѣ, даже близъ полюса, хотятъ учить курицъ и бѣдной взволнованной матери еще нѣсколько дней сряду приходилось возиться съ своимъ глупымъ упрямецемъ. Увѣнчались ли ея хлопоты и заботы наконецъ достиженіемъ цѣли или нѣтъ? Меня, брошеннаго на произволъ судьбы, тогда чрезвычайно занималъ этотъ вопросъ. Какъ мало онъ теперь тревожитъ меня, естествоиспытателя, живущаго въ довольствѣ¹⁾!

При опредѣленіи времени перелета птицъ на глубокомъ сѣверѣ слѣдуетъ принимать въ соображеніе, что у нѣкоторыхъ видовъ самцы летятъ отдѣльно отъ самокъ и прибываютъ на мѣсто раньше ихъ. Такъ на Боганидѣ, подѣ 71° с. ш., маленькія кучки непомѣрно жирныхъ самцовъ подорожника прибыли недѣлею раньше большихъ стай, въ которыхъ находились и самцы и самки. Въ слѣдующую весну я засталъ подорожниковъ въ тотъ-же самый день въ долину р. Лены, лишь подѣ 60° с. ш., но дѣйствительно только однихъ самокъ. У нѣкоторыхъ голенастыхъ птицъ самцы также встрѣчались нѣсколькими днями ранѣе самокъ²⁾; плавающія птицы, именно гагка, слѣдуютъ, говорятъ,

Въ американско-арктическомъ архипелагѣ перелетныя птицы покидаютъ 74½° с. ш. по видимому позднѣе, чѣмъ въ Таймырскомъ краѣ. Голенастыя и водяныя птицы улетаютъ отсюда въ концѣ Сентября (нов. ст.), слѣдовательно добрую недѣлю позднѣе, чѣмъ по моимъ наблюденіямъ. Я готовъ это не столько признать за уклоненіе отъ среднихъ годовичныхъ данныхъ, сколько приписать большей близости моря, вслѣдствіе которой осень дѣлается продолжительнѣе.

¹⁾ На сѣверѣ по-видимому не мало молодыхъ птицъ платятъ своею жизнью за такое безразсудство. Подѣ 75° с. ш. Чаг. marginellus улетѣлъ 15-го Августа, но 27-го Августа я все-таки встрѣтилъ годовалую птицу этого вида. Она уже такъ изнемогла, что я безъ труда убилъ ее камнями. 30-го Августа я нашелъ уже околѣвшаго *T. caputus*; онъ былъ очень вкусень.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

²⁾ Въ этомъ отношеніи многія другія пѣвчія птицы, кажется, сходны съ подорожниками. По Фаберу (Leben hochpord. Vögel, стр. 33), самцы *Mot. alba*, *Anth. pratensis* и *Sax. oenanthe* прилетаютъ въ Исландію также раньше самокъ. У болотныхъ и водяныхъ птицъ этого не бываетъ, говоритъ тотъ-же Фаберъ. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весьма замѣтные самцы *Limosa rufa* встрѣчались намъ 4-мя днями ранѣе самокъ. Случайность ли это? Бичи (Voyage, стр. 271, 279), относительно 70° с. ш. сѣв.-западнаго побережья и Рае (стр. 64), относительно полярнаго круга на сѣв.-восточномъ берегу Америки, согласны между собою въ томъ, что осенью самцы гагъ улетаютъ уже раньше, а самки съ птенцами отправляются за ними позднѣе. Не одинъ ли это поздній выводокъ?

тому-же обыкновенію. Миѣ кажется даже, что и альпійскія бѣлыя куропатки поступаютъ точно также, потому что самцовъ ихъ я убивалъ въ Таймырскомъ краѣ задолго до самокъ, а когда послѣднія появились большими стаями, то самцы все-таки держались въ сторонѣ отъ нихъ, частью порознь, частью гораздо меньшими кучками.

У другихъ видовъ, напр. у чистиковъ и тепориковъ, старыя птицы постоянно улетаютъ раньше на югъ, чѣмъ птенцы однолѣтки: какъ напр. въ Охотскомъ морѣ старыя *Alca cirrhata* и *Uria carbo*.

Наконецъ на времена перелета вліяютъ, кажется, даже различныя мѣстности. Какъ высокіе горныя хребты въ состояніи отодвигать экваторіальный предѣлъ перелета нѣкоторыхъ видовъ птицъ значительно къ полюсу (стр. 394 и 413), такъ, по-видимому, даже невысокія горныя цѣпи на время могутъ задерживать перелетъ птицъ. На Становомъ хребтѣ это положительно такъ и было. Мы прошли во время перелета птицъ нѣсколько паралельныхъ цѣпей этого хребта и, страствуя съ сѣверо-запада на юго-востокъ, всякій разъ, перебравшись чрезъ новый гребень, на восточномъ склонѣ, т. е. на морской его сторонѣ, встрѣчали множество новыхъ стай перелетныхъ птицъ¹⁾.

Какъ бы ни передвигались времена перелета птицъ, смотря по обстоятельствамъ и годамъ, все-таки послѣдовательный порядокъ, въ которомъ прилетаютъ извѣстные виды птицъ одинъ за другимъ, довольно постояненъ. Даже на глубокомъ сѣверѣ, гдѣ промежутки между перелетами, къ которымъ мы привыкли, почти незамѣтны, потому что одинъ видъ птицъ быстро слѣдуетъ за другимъ, даже на глубокомъ сѣверѣ, говоримъ мы, строго соблюдается первенство, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ послѣдовательнаго порядка. Въ Таймырскомъ краѣ, этотъ порядокъ былъ слѣдующій:

Вся мѣстность была еще въ полномъ зимнемъ облаченіи и только внимательному наблюдателю природы возможно было замѣтить первое дѣйствіе весенняго солнца по движенію, начавшемуся въ сержкахъ тѣхъ нѣтъ, верхушки которыхъ выглядывали изъ глубокаго снѣжнаго покрова, а между тѣмъ подъ 71° с. ш. уже въ концѣ Марта и въ началѣ Апрѣля (стар. ст.) успѣли появиться оба вида бѣлыхъ куропатокъ. Размягченіе почекъ приманило птицъ, которыя наслаждались ими, пока изъ-за чешуекъ не проглянули пушистыя сержки. Какъ только появились послѣднія, такъ куропатки стали отыскивать нвы другихъ, менѣе развитыхъ мѣстностей, или улетали дальше на сѣверъ.

Но онѣ странствовали скорѣе, чѣмъ мы, и обгоняли насъ. Подъ 72½ с. ш., 10-го Мая, сержки уже были обвѣдены бѣлыми куропатками, а самихъ куропатокъ я уже засталъ на Таймырѣ, когда прибылъ туда наконецъ 2-го Юнія. Двѣ, почти три недѣли куропатки властвовали тутъ одинѣ, пока, въ половинѣ Апрѣля, подъ 71° с. ш., появился

¹⁾ Уже при переходѣ изъ Амгинской долины въ Алданскую, подъ 60° с. ш., чрезъ незначительныя и поросшіе лѣсомъ, но, конечно, покрытые снѣгомъ, гребни, я увидѣлся, 20-го Апрѣля, живца, которую я засталъ позади такой небольшой завѣсы. Я спелъ за случайность, что встрѣтился тутъ съ вѣстниками весны. Но я замѣ-

тилъ свою ошибку, встрѣтивъ даже три недѣли спустя (13-го Мая) и притомъ почти 3 градусами южнѣе, послѣ перехода черезъ покрытую снѣгомъ, болѣе высокую горную цѣпь Катъ-Катъ, и въ долинѣ Учурѣ, множество занозавшихъ голенастыхъ птицъ. Даже 21-го Мая пролетѣли тамъ значительныя стаи птицъ.

передовой отрядъ подорожниковъ, состоявшій изъ однихъ самцовъ. Не смотря на ясное, чрезвычайно ослѣпительное солнце, вся мѣстность была еще объята глубокимъ зимнимъ сномъ, такъ что птичкамъ, этимъ любимымъ вѣстницамъ весны, приходилось, ради корма, слетаться около человѣческаго жилья. На слѣдующій годъ, 9-го Марта, мнѣ привелось видѣть въ Якутскѣ, какъ жители его павѣщали и поздравляли другъ друга по случаю прилета первыхъ подорожниковъ. Среди суровой зимы прїѣзжему лицу подорожникъ представляется какимъ-то прозорливымъ пророкомъ.

Показались также два-три ворона, можетъ быть зимовавшія осѣдлыя птицы. Недѣлю спустя, число подорожниковъ увеличилось, явились самки, но только недѣли три или четыре послѣ появленія первыхъ подорожниковъ пролетѣлъ главный отрядъ¹⁾, была уже почти половина Мая (12/24 Мая). Съ тѣхъ поръ, какъ показались первыя бѣлыя куропатки, т. е. въ теченіи 1½ мѣсяца, явились только двѣ различныя птицы²⁾.

Вмѣстѣ съ главнымъ отрядомъ подорожниковъ, когда на возвышенностяхъ снѣгъ уже началъ исчезать и показались первые лемминги, появился и закланной врагъ послѣднихъ, конюкъ. Но вѣроятно подорожникъ, котораго труднѣе добыть, не доставляетъ ему удовлетворительнаго путевого пропитанія, а потому онъ чрезвычайно охотно мѣняетъ его на свою любимую добычу, лемминга, котораго ему легче схватить и прижать къ сердцу.

Этотъ третій видъ скитающихся перелетныхъ птицъ заключаетъ собою рядъ ихъ къ половинѣ Мая (по нов. ст. къ концу Мая), и за тѣмъ только появляется въ одиночку плеханъ, какъ первая положительно-перелетная птица. Съ восторгомъ люди привѣтствуютъ этого непогрѣшимаго вѣстника наступившей весны, настоящаго пророка грядущаго лѣта. Проходитъ еще недѣля и съ нею оканчивается, шума и свиста, среди слякоти и бури, самая свирѣпая борьба стихій. За тѣмъ уже самые отважные смѣльчаки ихъ рода слѣдуютъ за этими пролагающими путь пророками, которые часто становятся мучениками своего призванія. Съ такими передовыми смѣльчаками изъ гусей вмѣстѣ съ тѣмъ появляется нѣсколько чаекъ и даже нѣсколько тиркушекъ, какъ первые посланцы голенастыхъ птицъ (*Tr. cinclus*). По недостатку корма эти первые гуси дѣлятся съ подорожниками ивовыми почками.

¹⁾ Тоже самое бываетъ и въ Сѣв. Америкѣ. Въ 1823 году въ американско-арктическомъ архипелагѣ, т. е. двумя градусами сѣвернѣе, чѣмъ въ Таймырскомъ краѣ, подорожники прилетѣли 1½ недѣли ранѣе (*Parry, Third Voyage, Append. стр. 98*). Подъ 67° с. ш. онѣ появились за 4 недѣли до первой водяной птицы (*Richardson, Searching Exped. II, стр. 104*). Даже черезъ Атлантическій океанъ эти маленькія птички улетаютъ почти такъ-же рано, какъ черезъ сушу къ сѣверу. Подорожники перѣдно уже въ половинѣ Апрѣля (12/24 Апрѣля) ищутъ себя на корабляхъ шѣстечка отдохнуть (*Goodsir, Arctic Voyage, 1850, стр. 9*). Десять дней спустя появилась чечетка (тамъ-же, стр. 15).

Даже подъ 78½ с. ш. подорожники еще не улетали 10 Сентября (нов. ст.), хотя морскія ласточки и молодыя морскія чайки уже успѣли покинуть мѣсто (*Kane, Arctic Explor. 1856, стр. 105*).

²⁾ Киберъ безъ сомнѣнія жестоко ошибается, говоря, что въ Нижне-Колымскѣ *Plectr. nivalis* былъ вмѣстѣ съ *Sylvia calliope* въ началѣ Апрѣля. Я не въ состояніи даже отгадать, какую птицу онъ принялъ за *Sylvia calliope*. Русское названіе «гили», которе ей даетъ Киберъ, мнѣ неизвѣстно. Стоило бы разузнать это.

Съ каждымъ днемъ число прежняго прилета увеличивается, съ каждымъ днемъ, въ послѣднюю недѣлю Мая, прилетаютъ новые виды голенастыхъ птицъ, тиркушекъ, семенюхъ разнаго рода и т. п.¹⁾ Вмѣстѣ съ ними является и первая изъ утокъ, савка.

На слѣдующій день (26-го Мая) прибыли морская ласточка, большой поморникъ и альпійскій жаворонокъ.

Еще днемъ позднѣе показался Лапландскій подорожникъ, ближайшій родичъ простаго подорожника и товарищъ его по высиживанію яицъ. Его сопровождаютъ лебеди, гуменники и турухтаны.

Лишь въ послѣдніе три дня Мая мѣсяца появилась наша трясогузка (*Mot. alba*) вмѣстѣ съ нашимъ вирильдикомъ (*Tot. glareola*), но въ сообществѣ такихъ положительныхъ сѣверянокъ, какъ Исландскія и кривоклювыя тиркушки.

Уже въ первыхъ числахъ (по нов. ст. въ половинѣ) Іюня прибыли остальные. Къ такимъ замедлившимъ птицамъ принадлежали не только чечетка и другія маленькія пѣвуньи, не только самыя малыя тиркушки, и оба вида краснаго плавунчика, не только наши утки, какъ-то: вострохвостка, черная утка и бѣлоглазка (*An. sharila*), но и самыя явные сѣверяне, какъ напр. пискунцы и казарки, поморники и сѣверная льдистая гагара.

И такъ, подь 71° с. ш., настоящій перелетъ продолжался едва-ли болѣе двухъ недѣль. Эти наблюденія по части прибытія птицъ производились на р. Боганидѣ, на постоянной обсерваторіи, которую я тамъ оставилъ. Большая часть замѣтокъ была подкрѣплена занумерованными шкурками застрѣленныхъ тутъ перелетныхъ птицъ. Какое значеніе могутъ имѣть такія наблюденія на глубокомъ сѣверѣ, которую биткомъ набить прилетающими и улетающими птицами и гдѣ мудрено не замѣтить того или другаго? Поставивъ себѣ задачей отвѣтить на этотъ вопросъ, я тщательно отмѣчалъ то, что встрѣчалъ между тѣмъ подь болѣе дальними широтами. Хотя я постоянно подвигался впередъ, но къ счастью все-таки я находился къ сѣверу отъ наблюдательнаго пункта, почти въ томъ направленіи, въ которомъ перелетали птицы, такъ что нерѣдко мнѣ приходилось видѣть вѣроятно тогъ-же самый птичій индивидуумъ, который видѣли мои товарищи на Боганидѣ. Такъ напр. 12-го Мая гусь въ одиночку пролетѣлъ мимо обоихъ наблюдательныхъ пунктовъ по направленію къ югу. Вообще наши обоюдныя наблюденія хорошо согласовались между собою²⁾. Только прибытіе двухъ голена-

¹⁾ Напр. *Limosa rufa* (*uropygialis*), *Scol. morinellus*, *pluvialis*, *hiaticula* и *squatarola*, *Strepsilas interpres*.

²⁾ Сообщимъ нѣсколько сравнительныхъ данныхъ въ такомъ-же точно видѣ, въ какомъ ихъ можно извлечь и свести изъ дневниковъ. Бѣлыхъ куропатокъ и подорожниковъ я уже засталъ на тувдрѣ.

Первые гуси отмѣчены слѣдующимъ образомъ:

Криворослый хѣсъ на Боганидѣ, 71° с. ш.

Таймырская тундра.

Мая 10-го. Якуты видѣли, какъ гуси летѣли по направленію къ сѣверу (вѣроятно *Ans. albifrons*).

» 12-го. Вѣроятно тѣже самые возвращались съ сѣвера на югъ (очень высоко въ воздухѣ) .....

72° с. ш. гусь, летящій съ сѣв. на югъ.

» 14-го. Два гуся (*Ans. segetum*, по направленію къ сѣверу)..... 72½° с. ш. Гусь, послѣ обѣда при пасмурномъ небѣ я почти совершенной тишинѣ, довольно высоко.

стыхъ¹⁾ какъ на Боганидѣ, такъ и на градусъ широты къ сѣверу отъ нея, показано было въ одинъ и тотъ-же день, да двѣ водяныя птицы встрѣтились далѣе къ сѣверу ранѣе, чѣмъ на Боганидѣ, но за то почти цѣлою недѣлею ранѣе²⁾. Эти отдѣльные случаи не имѣютъ значенія, потому что касаются передовыхъ птицъ, которыя по своей рѣдкости, или можетъ быть въ ночное время, могли пролетѣть незамѣченными мимо перваго пункта, гдѣ наблюдатели жили подъ кровлею, тогда какъ мы днемъ и ночью слѣдили за пролетомъ птицъ подъ открытымъ небомъ.

Лѣто на глубокомъ сѣверѣ такъ коротко, что тамъ не можетъ быть и рѣчи о столь сильномъ колебаніи временъ прилета въ различные годы, къ какимъ мы привыкли въ средней Европѣ. Подъ 50° с. ш. разности этого колебанія въ Европ. Россіи доходятъ до цѣлаго мѣсяца, а подъ 75° въ Таймырскомъ краѣ вѣроятно не далѣе полумѣсяца.

Лѣто глубокаго сѣвера такъ непродолжительно, что явленія, которыя у насъ далеко отстоятъ одно отъ другаго, тамъ совпадаютъ между собою. Такъ напр. подъ 71° въ Таймырскомъ краѣ варакушка появилась на другой день послѣ вскрытія рѣки.

Осенью же перелетъ затягивается и на глубокомъ сѣверѣ. Подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ гуси прилетѣли уже 6-го и 7-го Августа и отдыхали тамъ. Лишь двѣ недѣли спустя (21-го Августа) улетѣли послѣднія пѣвчія птицы, а черезъ двѣ слѣдующія недѣли послѣдніе гуси покинули этотъ наблюдательный пунктъ.

Хотя на основаніи этихъ данныхъ на пролетъ гусей приходится цѣлый мѣсяцъ, и тѣмъ нарушается отношеніе ихъ ко времени отлета пѣвчихъ птицъ, но я полагаю все-таки, что тутъ наблюденіе путается вслѣдствіе смѣшиванья видовъ, и что это были различные виды гусей, у которыхъ есть различныя времена перелета³⁾. Продолжительность

- » 21-го. За первымъ довольно большимъ отрядомъ, примѣрно въ 50 штукъ, слѣдовало много другихъ..... 72 $\frac{1}{2}$ с. ш. Одинъ, а нѣсколько часовъ спустя, еще два гуса по направленію къ сѣверу.
- » 27-го..... 73° с. ш. Первая стая гусей (*Ans. albifrons*).
- Юня 3-го..... 73 $\frac{3}{4}$ ° с. ш. Тѣже гуси.

Передъ вторичнымъ появленіемъ нѣсколькихъ гусей показала, 16-го Мая, чайка. 22-го Мая показались первые два лебедя и ржаво-красный куликъ (*Lim. urogallus*), какъ первая голенастая. Птицы прилетѣли въ одиночку, такъ что прошелъ день, когда не было видно ни одной. На слѣдующій день, 24-го Мая, показалась первая стая поморниковъ и *Char. pluvialis*. День спустя, 25-го Мая, явилась стая кривонозыхъ тиркушекъ и двѣ чайки (*L. argent.*). Но лишь 4-го Юня тиркушки подъ 73 $\frac{3}{4}$ стали появляться массами. Уже два дня спустя онѣ вездѣ встрѣчались попарно и усердно вили гнѣзда. При всемъ томъ 9-го Юня опять прибыла новая стая тиркушекъ, но не берусь сказать, были ли это тѣже самые виды, или новые, разлѣтались ли онѣ также въ разныя стороны, или полетѣли вмѣстѣ къ сѣверу.

¹⁾ *Limosa urogallialis* и *Char. pluvialis*.

²⁾ Лебеди тремя днями, чайка (*L. argent.*) недѣлею раньше.

³⁾ Это одинаково примѣнимо и къ Америкѣ и къ Сибири. Первымъ изъ всѣхъ гусей въ Сѣв. Америкѣ положительно является свойственный этой части свѣта *Ans. Canadensis*. Въ этомъ согласны между собою всѣ извѣстія. Какъ первый перелетный гусь, онъ соответствуетъ *Ans. albifrons* нашего древняго материка. Какъ въ Сѣв. Сибири (напр. въ Якутскѣ, въ 1844 году) *Ans. hutchingsi* прилетаетъ даже 4-мя недѣлями позднѣе *Ans. albifrons* (срав. также извѣстіе Зауера, подъ 66° с. ш., въ Верхнеколымскѣ), такъ и въ Сѣв. Америкѣ онъ опаздываетъ въ сравненіи съ *Ans. canadensis* (Franklin, Second Journ. Append. II, стр. 84).

Между тѣмъ встрѣчается важное уклоненіе, такъ какъ Франклинъ (въ вышепривед. сочиненіи, стр. 86) гово-

перелета одного и того-же вида едва-ли продолжается столько времени, какъ мы привыкли полагать. При всемъ томъ въ Средне-Европ. Россіи случалось, что ласточки весною прилетали за нѣсколько дней до арріергарда *Ans. albifrons*, хотя авангардъ того-же вида гусей принадлежитъ къ первымъ весеннимъ гостямъ¹⁾.

Впрочемъ время странствованія находится въ весьма плохой связи съ систематическими степенями родства, станемъ ли мы принимать во вниманіе роды, или виды того-же рода. Близко сродственныя между собою птицы часто кочуютъ въ разныя времена, другіе же совершенно различныя виды, напротивъ того, иногда странствуютъ вмѣстѣ. Даже ни по стихіи, ни по пропитанію, нельзя сгруппировать птицъ относительно времени перелета. Хотя бѣлая куропатка и подорожники принадлежатъ къ самымъ раннимъ весеннимъ, а *Podiceps*, *Ib. falcinellus*, дергачъ и др. къ явно-позднимъ птицамъ. Между зерноядными однѣ прилетаютъ рано, другія поздно.

О насѣкомоядныхъ можно сказать положительнѣе, что всѣ онѣ принадлежатъ къ позднимъ птицамъ²⁾. Между ними однѣ только личинкоядныя менѣе зави-

рять, что въ Сѣв. Америкѣ первый *Ans. albifrons* прилетѣлъ 10-ю днями позднѣе, чѣмъ *Ans. hyperboreus* и 20-ю днями позднѣе перваго *Ans. canadensis*. Я готовъ бы предположить тутъ ошибку въ наблюденіи, если бы Ричардсонъ (*Search. Exped. II*, стр. 108) не утверждалъ того-же самаго. Не летятъ-ли, можетъ быть, *Ans. albifrons* и *Ans. Temminckii* въ различное время и не разрѣшится ли такимъ образомъ путаница? По словамъ туземцевъ въ визовыхъ Енисея (Третьяковъ въ *Зап. Геогр. Общ.* 1869, стр. 348 и пр.), весною туда прежде всѣхъ прилетаетъ гуменникъ; послѣ него *Ans. albifrons*, а позднѣе всѣхъ *Ans. Temminckii*(?). Правда, что и между лебедями *Cygn. Bewickii* принадлежитъ въ тѣмъ водянымъ птицамъ, которыя прилетаютъ позднѣе всѣхъ; такъ это увѣряютъ не только Американскіе путешественники (*Bask, Reise, übers. von André*, стр. XLV, подъ 63°, и *Franklin, loc. cit.* стр. 307, подъ 59° с. ш.), но и Вознесенскій, по наблюденіямъ въ Камчаткѣ (54½ с. ш.), гдѣ этотъ лебедь, напр. въ 1847 году, еще 11-го Мая летѣлъ на сѣверъ.

¹⁾ Напр. въ Казани, въ 1774 году (*Georgi, Reise*, стр. 806). Последнія *Ans. albifrons* пролетѣли тамъ двѣ недѣли послѣ прибытія зябликовъ и пѣвчихъ птицъ, а именно варакушки.

Еще положительнѣе намъ привелось видѣть это на глубокомъ сѣверѣ. Подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ, еще 20-го, 22-го и даже 23-го Іюня, слѣд. среди ранняго лѣта, летѣли большія стаи гусей, въ томъ числѣ и *Ans. albifrons*, въ сѣверо сѣверо-восточномъ направленіи. Двѣ недѣли раньше прибыла туда варакушка. Первые гуси появились тамъ почти за 1½ мѣсяца до этого арріергарда.

²⁾ Такъ напр. морскія ласточки улетаютъ цѣлыми недѣлями раньше чаекъ, да и прилетаютъ позднѣе, какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и у Каспійскаго моря (срав. съ моими наблюденіями Гмелина, *Reise*, III, стр. 87). *Podicil. aritus subcristatus* и *cristatus* прилетаютъ чуть-ли не цѣлый мѣсяць позднѣе лебедей, гусей и утокъ. *Ib. falcinellus* въ Одессѣ прилетаетъ еще позднѣе, чѣмъ шурка (*Nordmann, Démidoff Voyage*, III, стр. 236). Трапикокъ на глубокомъ сѣверѣ появляется двумя или тремя недѣлями, даже цѣлымъ мѣсяцемъ, позднѣе наиболѣе сродственнаго ему подорожника. И подъ 35° с. ш., въ юго-западной Сибири, онъ иногда встрѣчается еще, когда перелетныя птицы уже успѣли прилетѣть двумя недѣлями ранѣе. Дѣйствительно и въ Сѣв. Америкѣ Индѣйцы увѣряютъ, что онъ странствуетъ сидя на Гучинсовомъ гусѣ. Но этотъ видъ принадлежитъ къ тѣмъ гусямъ, которые прилетаютъ позднѣе всѣхъ. Бѣлая трясогузка принадлежитъ къ положительно раннимъ птицамъ, тогда какъ желтая и лимонная трясогузка подъ 71° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ почти заключали собою рядъ прилетныхъ птицъ. Даже обѣ наиболѣе сродственныя между собою ласточки, домашняя и трубная, которыхъ мы вообще считаемъ одновременными, не прилетаютъ въ одно время, а какъ по ту сторону полярнаго круга въ Сибири, такъ и подъ средними широтами Россіи и Европы, трубная ласточка прилетаетъ нѣсколькими днями ранѣе домашней (срав. Зауера, *loc. cit.* стр. 146, для Нижнеколымска; Черная для Харькова). Между голенастыми птицами *Char. morinellus* на весеннемъ перелетѣ является позднѣе, чѣмъ *Char. pluvialis* (подъ 74° с. ш. въ Таймырскомъ краѣ, равно какъ въ Одессѣ; срав. *Nordmann, Démidoff, Voy.* III, стр. 232). Изъ

сятъ отъ температуры и потому зимуютъ даже подъ средними сѣверными широтами ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что одинаковыя жизненныя потребности, какъ это само собою разумѣется, должны бы были вызывать одновременное или совокупное странствованіе. Но не слѣдуетъ забывать, что многія птицы, по окончаніи перелета, соединяясь попарно, совершенно измѣняютъ свои прежнія привычки. Такъ напр. многія морскія птицы глубокаго сѣвера на время высиживанія яицъ удаляются на прѣсныя воды и въ теченіи лѣтней половины вовсе не видятся съ тѣми товарищами своими, съ которыми зимою бывають неразлучны ²⁾.

Оказывается совершенно справедливымъ, что тѣ виды, которые весною являются позднѣе другихъ, упорнѣе всѣхъ придерживаются своихъ временъ, такъ что если вообще можетъ быть рѣчь о довольно точномъ прилетѣ нѣкоторыхъ птицъ къ извѣстному вре-

воляныхъ птицъ пискунцы и казарки прилетаютъ тремя недѣлями позднѣе перваго плехана, какъ на самомъ сѣверѣ Таймырскаго края, такъ и подлѣ 49° на Волгѣ (Pallas, Reise III, стр. 648 и т. п.).

¹⁾ Назовемъ напр. *Sylvia rubecula*, *Regulus ignicapillus*, *Cinclus aquaticus*. Изъ личинкоядныхъ зимуютъ въ предѣлахъ полярнаго круга нѣкоторые *Garrul. infaustus* и дятлы.

²⁾ *Anas glacialis*, *An. histrionica*, *An. hyperboreus*, разные виды *Phalacropterus* и *Lestris* покидаютъ море для высиживанія яицъ, но въ различной степени. *An. hyperboreus* напр. высиживаетъ яйца лишь совершенно близко отъ моря.

Скворецъ и пугалица являются въ среднѣй Европ. Россіи, напр. въ Кіевѣ (вѣроятно повсюду) вмѣстѣ на сырыхъ лугахъ и на берегахъ водъ. Начинается время вывода птенцовъ; тогда скворцы тотчасъ-же отправляются на деревья вить гнѣзда, и таже самая птица, которую, подобно пугалицѣ, мы до тѣхъ поръ привыкли видѣть только на болотистыхъ равнинахъ, теперь постоянно находится на самыхъ высокихъ верхушкахъ деревьевъ, постоянно высоко надъ дроздами, которые тамъ занимають средину древесныхъ верхушекъ.

Въ Кіевѣ наша европейская *Fring. coelebs* прілетала съ болѣе восточной *Fring. montifringilla* и даже съ глубоко-сѣверной *Fr. linaria*, большими стаями, хотя у этихъ птицъ бывають разные времена перелета. Дѣйствительно я нашелъ, что застрѣленные мною въ этихъ стаяхъ экземпляры *Fring. coelebs* всѣ были самцы, такъ что тутъ авангардъ *Fr. coelebs* совершалъ путь совокупно съ главнымъ орядомъ *Fr. montifringilla* и съ аррьергардомъ *Fr. linaria*. Гораздо позднѣе слѣдовали другія стая, въ которыхъ *Fr. chloris* были соединены съ *Fr. coelebs*, а именно съ самками ея. *Fr. coelebs* летаетъ также съ *Fr. petronia* (Pallas, Reise, III, стр. 648).

Наконецъ я долженъ упомянуть еще о двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ сотовариществахъ, изъ которыхъ одно впервые было замѣчено Фаберомъ въ Исландіи и вполнѣ подтвердилось въ Таймырскомъ краѣ. Это — еще совершенно непонятное сотоварищество *Tringa cinclus* и *Charadrius pluvialis*, изъ которыхъ первый играетъ при второмъ какъ бы роль караульнаго и при наступленіи опасности подаетъ знакъ къ отлету. Эти, въ первую весну самые неразлучные товарищи оставляють другъ друга, какъ скоро настаетъ время высиживанія яицъ.

Другое сотоварищество подобнаго же непонятнаго рода встрѣтилось живъ въ Сибири. Прибыли первыя горлицы и я съ двойкою страстью охотника и зоолога сталъ охотиться на нихъ. Мое усердіе не осталось безплоднымъ, потому что это была положительно разновидность (*Col. gelastes*). Но представьте себѣ, какъ я удивился фокуснической продѣлкѣ природы, когда я три раза сряду, слѣдя за воркованьемъ голубей, и съ трудомъ подкрадываясь къ нугливымъ животнымъ, послѣ хорошо намѣченнаго выстрѣла, вмѣсто голубя находилъ — кукушку. Уждаго голубя былъ товарищъ-кукушка, которому случайно, или скорѣе потому что онъ легче поддавался, пришлось поплатиться за своего товарища. Къ сожалѣнію намъ пришлось отправиться дальше и я не могъ прослѣдить, что это за товарищество. Уже возвратившись, я отыскавъ лавстие (Tiedemann, Zoologie, III, стр. 616), что въ Греціи кукушку зовутъ предводителемъ горлицъ, потому что онъ обѣ прілетаетъ туда въ одно время. Но тутъ кроется, какъ мы видѣли, настоящее товарищество.

О подобныхъ товариществахъ, какія существовали между вышеупомянутыми голенастыми, сообщаетъ интелесный извѣстія Дросте (*Die Vogelwelt der Nordsee-Inseln*, 1869, стр. 144).

мени, то это можно сказать о позднихъ птицахъ, въ особенности о такихъ, которыя находятся не слишкомъ близко къ своему полярному предѣлу. Чѣмъ раньше пришедецъ является въ послѣдовательномъ порядкѣ перелетныхъ птицъ и чѣмъ позднѣе онъ улетаетъ, тѣмъ неопредѣленнѣе время его прибытія. По-этому къ самымъ непостояннымъ принадлежатъ зимо упорныя скитающіяся перелетныя птицы, осеннее появленіе которыхъ, неподалеку отъ экваторіальнаго предѣла, подобно появленію скитающихся птицъ, можетъ быть названо совершенно неопредѣленнымъ, потому что въ различные годы уклоняется на два и даже на три мѣсяца (отъ Ноября до Января¹⁾). Нѣсколько опредѣленнѣе время ихъ прилета.

Прилетъ раннихъ птицъ главнымъ образомъ потому такъ неопредѣленъ, что приходится въ самую шаткую пору года. Бѣольшая часть раннихъ птицъ зимуетъ не на слишкомъ дальнемъ разстояніи и потому тотчасъ-же можетъ явиться, какъ скоро окажутся первые признаки весны²⁾. Ходъ погоды при первомъ началѣ весны рѣшаетъ дѣло. Если зима затягивается, то раннія птицы прилетаютъ позднѣе обыкновеннаго, тогда какъ позднія птицы, напр. кукушка, иволга, соловей и другія пѣвчія птицы въ томъ-

¹⁾ *Meops asiaster*, почти послѣдняя перелетная птица; являлся въ Одессѣ въ 1843, 1843 и 1846 годахъ постоянно 3-го Мая; въ 1844 году 4-го Мая (Nordmann, въ Купферовомъ *Annuaire météorol.* 1846, стр. 76 и сл.). Между тѣмъ всего на 6 лѣтъ въ Кіевѣ приходится разность въ 21 день между самымъ раннимъ и самымъ позвднимъ прибытіемъ. Но около Кіева *Meops asiaster* находится возлѣ самого полярнаго предѣла своего. Ласточка является около Кіева, какъ около С.-Петербурга равновремѣнно, хотя и раньше. Вѣроятно потому, что и тамъ и тутъ она находится еще далеко отъ полярнаго своего предѣла.

Если мы хотимъ опять примириться съ неопредѣлительностью времени пролета птицъ, то намъ необходимо взять среднія числа возможно длинныхъ рядовъ наблюдательныхъ годовъ и сравнить ихъ между собою. Тогда даже довольно раннія птицы, какъ журавль и аистъ, дадутъ чрезвычайно утѣшительную соотвѣтственность среднихъ чиселъ между собою.

Считаю излишнимъ сообщить еще нѣсколько ближайшихъ свѣдѣній объ осеннихъ перелетахъ раннихъ птицъ. *Buteo lagopus* начинаетъ показываться около Одессы уже въ Ноябрь. Число его увеличивается до Января.

Bombusilla garrulla, по Кеслеру, прилетаетъ въ Кіевъ иногда въ концѣ Октября, обыкновенно же въ Ноябрь. Въ 1840 году я тщетно ожидалъ ее тамъ пѣлую зиму; наконецъ она явилась въ Февралѣ, и улетѣла уже въ концѣ того-же мѣсяца. Хотя въ Кіевъ она прилетаетъ въ Октябрѣ, но 10-ью градусами сѣвераѣ, въ Гельсингфорсѣ, она является обыкновенно лишь около половины Ноября (Wright, Helsingfors Tractens Fogel-Fauna 1847,

стр. 41). Вѣроятно это опять доказательство тому, что свиристель прилетаетъ въ Кіевъ съ сѣверо-востока. Въ Одессѣ свиристель бываетъ между концемъ Октября и началомъ Декабря (Нордманнъ въ *Démidoff, Voyage*, III, стр. 194).

И въ Сѣв. Америкѣ мы встрѣчаемъ тоже, потому что подорожникъ, неопредѣленные сроки котораго у насъ достаточно извѣстны, даже на лѣсномъ предѣлѣ Сѣв. Америки появляется то въ Ноябрь, то лишь въ Январѣ (Bask, *Reise durch Nordamerika*, übers. von Andree, 1837, Anhang, стр. XL).

По словамъ Нордманна, альпійскій жаворонокъ прилетаетъ въ Одессу въ половинѣ Ноября, а улетаетъ оттуда въ концѣ Марта, тогда какъ по наблюденіямъ Кеслера, да и моимъ собственнымъ въ Кіевѣ альпійскій жаворонокъ прилеталъ лишь въ концѣ Декабря и улеталъ оттуда до конца Марта. Можно ли отсюда заключать, что въ южной Россіи эта птица тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ? или другими словами, прилетаетъ ли альпійскій жаворонокъ среднимъ числомъ въ Кіевъ позднѣе, чѣмъ въ Одессу и улетаетъ-ли онъ изъ Кіева опять ранѣе?

²⁾ По этой причинѣ, вѣроятно, такъ запаздываетъ и жаворонокъ въ Якутскѣ и въ Барнаулѣ. Разстояніе его тамошняго зимовья отъ этихъ городовъ больше, чѣмъ разстояніе его зимовья отъ Балтійскихъ прибрежныхъ странъ. Вотъ почему вѣроятно и *An. fusca*, *An. spectabilis*, *An. beringia* появляются въ арктической Америкѣ гораздо раньше, чѣмъ въ Сибири. Они наименьшемъ разстояніи встрѣчаютъ открытое море, на которомъ и проводятъ зиму.

же самомъ году могутъ прилетать раньше обыкновеннаго времени, въ такомъ случаѣ, когда развитіе весны хотя и началось поздно, но тѣмъ быстрѣе наступало лѣто.

Если весна настааетъ необыкновенно рано, то все зависитъ оттого, когда и какъ сильно наступитъ слѣдующая за тѣмъ стужа; сообразно этому тѣ или другіе виды перелетныхъ птицъ задерживаются и пропускаютъ свой законный срокъ.

Если странствованіе различныхъ видовъ птицъ происходитъ въ опредѣленномъ послѣдовательномъ порядкѣ, то прежде всего можно бы было требовать, чтобы исходная точка этого порядка была совершенно опредѣленная. Между тѣмъ этого нѣтъ, потому что во главѣ перелетныхъ стай мы находимъ то гусей, то лебедей, то утокъ, а то и чаекъ. Но въ одной и той-же мѣстности перелетъ птицъ вѣроятно всегда начинается одинаково. Это указываетъ намъ на ту роль, которую мѣстное положеніе играетъ въ этомъ отношеніи. Чѣмъ ближе какой-нибудь видъ птицъ могъ прозимовать къ тому мѣсту, о которомъ идетъ рѣчь, тѣмъ быстрѣе онъ и можетъ явиться при первомъ наступленіи весны.

За зерноядными скитающимися перелетными птицами на глубокомъ сѣверѣ, какъ мы видѣли, слѣдовали прежде всего хищныя. Это не подлежитъ сомнѣнію. Въ Таймырскомъ краѣ, не говоря о луни, являлся конюкъ; по близости моря на глубокомъ сѣверѣ, рядомъ съ нимъ, мы встрѣчаемъ морскаго орла¹⁾.

За ними слѣдуютъ всеядные члены вороньяго рода, вѣроны, ворѣны, галки, на сколько послѣднія простираются къ сѣверу. Этотъ послѣдовательный порядокъ появленія ихъ въ средней Европейской Россіи и въ Сибири не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ водныхъ птицъ перелетъ открываютъ обыкновенно гуси и лебеди; впрочемъ, мнѣ извѣстно множество случаевъ, въ которыхъ утки оспариваютъ у нихъ первенство; болѣею частію это бываетъ наша обыкновенная кряква²⁾. При всемъ томъ главный отрядъ

¹⁾ У Нижнеколымска морской орелъ появлялся недѣли двѣ послѣ прилета подорожника и равнѣ первыхъ водныхъ птицъ (Киберъ въ Сибир. Вѣст. I, стр. 122). Подъ 54° с. ш. (Cumberlandhouse), въ Сѣв. Америкѣ морской орелъ также первая перелетная птица, которую тамъ можно видѣть (12/24 Марта, Richardson, Search Exped. II, стр. 235). Въ Кіевѣ, въ мое время, зимовало нѣсколько морскихъ орловъ, но безъ сомнѣнія это были такіе, которые высижены въ средней Россіи, потому что морскіе орлы не пролетаютъ ни по болѣе сѣв. широтамъ Европ. Россіи, ни по Сибири; слѣдовательно морскіе орлы въ русскихъ Ледовитыхъ моряхъ вѣроятно летаютъ вдоль арктическихъ поперечныхъ путей.

Но Книгу (см. вышеприв. соч. II, стр. 135), во внутреннихъ частяхъ Сѣв. Америки *Str. brachyotos* являлась первою изъ числа перелетныхъ птицъ; въ предѣлахъ полярнаго круга (Fort Confidence у Медвѣжьяго озера), по словамъ Ричардсона (I. с. II, стр. 104), за два дня до перваго гуся (17/29 Мая) появились разнаго рода хищныя птицы.

Даже поды 47° с. ш., на сѣв. берегу Касп. моря, стаи Мидлендорфа, Путешеств. по Сиб. ч. II.

хищныхъ птицъ принадлежатъ къ первымъ прилетнымъ птицамъ (II, въ концѣ).

Подъ 74° с. ш., 8/20 Апрѣля 1831 года вѣроны были единственныя живыя существа, которыя, кромѣ тюленей, встрѣчались въ американско-арктическомъ архипелагѣ. Зимовали-ли они тамъ, или это уже былъ весенній прилетъ? (срав. Sutherland, Journal of a voyage, 1832, II, стр. 49).

²⁾ Въ Сибири, 18-го Апрѣля, поды 60° с. ш., въ долину Алдана, утка была первой прилетной птицей, хотя мѣстность еще была покрыта глубокимъ снѣгомъ, такъ что даже подорожникъ еще не могъ улетѣть и пропѣвался только вблизи человѣческаго жилья. Въ 1843 году, въ Барнаулѣ простая кряква прилетѣла за цѣлыя двѣ недѣли равнѣ гусей и лебедей.

Поды 61 $\frac{1}{2}$ ° с. ш., на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки также появилась кряква за два дня до гусей (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, II, стр. 79).

И при устьѣ Воли кряква прилетаетъ раньше гусей и лебедей (Габлицъ въ Палласовыхъ Neue Nord. Beitr. III, 1782, стр. 10).

утокъ прилетаетъ всегда послѣ гусей и лебедей и, по моему мнѣнію можно сказать вообще, что утки являются во главѣ перелета только тамъ, гдѣ зимоупорные индивидуумы ихъ рода нашли случаи прозимовать подь болѣе высокими широтами, чѣмъ гуси и лебеди. По этой-то причинѣ первенство полета остается по-видимому въ болѣе южныхъ широтахъ за утками, въ болѣе сѣверныхъ же, главнымъ образомъ, за гусями и лебедями. Это одинаково примѣнимо и къ древнему и къ новому матеріку¹⁾.

Чайка только тамъ является во главѣ всѣхъ водяныхъ птицъ, гдѣ открытое море позволяетъ ей прозимовать по близости²⁾.

Наконецъ бросимъ еще бѣглый взглядъ на времена кочеванія рыбъ. Если трудно слѣдить за перелетомъ птицъ, то еще преждевременнѣе было бы требовать уже теперь результатовъ по части періодическихъ явленій, замѣчаемыхъ въ кочеваніи рыбъ. Впрочемъ наблюденіе за движеніемъ прѣсноводныхъ рыбъ не встрѣчаетъ особенныхъ препятствій³⁾; скорѣе мы вправѣ предположить, что уже есть на лицо цѣлый запасъ такихъ наблюденій, которымъ только нужно воспользоваться. Рыбная ловля представляетъ въ Сибири одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ питанія, и вездѣ, гдѣ это бываетъ, столѣтняя практика достаточно подготовила данныя для естественнаго испытателя. Къ сожалѣнію моя неутомимая кочевая жизнь удерживала меня вдали отъ всѣхъ, маломальски значительныхъ рыбныхъ тоней Сибири, но все-таки считаю нелишнимъ сообщить тотъ

¹⁾ Срав. напр. Franklin, Second Journey, 1828, стр. 88, подь 66° с. ш. Срав. также его Append. II, стр. 84 и Richardson, Search. Exped. II, стр. 104. Гуперу (Ten months among the tents of the Tuski, 1853, стр. 387) привелось видѣть на р. Мекензи, что сперва прилетѣла утка, а уже на слѣдующій день гуси.

²⁾ По этому-то при устьѣ Волги чайка появляется прежде (На бѣлѣ, I, с. стр. 10), да и на берегахъ Новой Земли (Пахтусовъ, въ Зап. Гидрограф. Деп. I, стр. 111, подь 70½° с. ш., 13-го Мая, за два дня до первыхъ гусей).

Вслѣдствіе той-же близости моря, вѣроятно, и плавунчики въ арктической Америкѣ принадлежатъ къ раннимъ, а въ Таймырскомъ краѣ къ позднимъ птицамъ.

Въ американско-арктическомъ архипелагѣ чайки, а именно *Lag. glaucus*, принадлежатъ къ первымъ птицамъ, которыя даже равнѣе морскихъ птицъ, и почти въ одно время съ бѣлыми куропатками, прилетали 29-го Мая (нов. ст.) подь 75°—75¾° с. ш. (Sutherland, Journ. of a voyage, II, стр. 106 и 138).

³⁾ Между тѣмъ все-таки возможны ошибки въ наблюденіяхъ во всякой рѣкѣ, въ которой рыбу не ловятъ переходящими на обѣ стороны заторами или сѣтями соотвѣтственной величины. Такъ напр. Загоскинъ (Шѣшех. Опись, I, стр. 33, примѣч.) удивляется, что чавича (*S. orientalis*) въ одно время приходитъ въ устье Квихпа-

ка и 150 геогр. миль вверхъ по той-же рѣкѣ. Къ концу I-ой части его путешествія (I, стр. 179) загадка разрѣшается сама собою тѣмъ, что локъ кета (хайко) вовсе не ловится при устьѣ Квихпака, а только выше по рѣкѣ. Плыва по срединѣ рѣки или въ глубинѣ ея, рыбы не попадаютъ въ сѣтя. Вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ рыбы ловятся преимущественно лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки. Такъ напр. въ Енисей, подь 65° с. ш. (Пупковское) ежегодно ловилось едва-ли 50 муксуновъ; полагая, что я добрался почти до самаго крайняго предѣла кочеванія этого вида лоховъ, я и занесъ этотъ случай такъ въ свой дневникъ. Между тѣмъ вверхъ по рѣкѣ были мѣстности, гдѣ приплытія ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ; они плыли даже еще 4 градуса широты дальше. Притомъ время улова не всегда совпадало со временемъ кочеванія, когда временный уровень воды, другого рода промыслы и т. п. не позволяли во-время заняться рыбной ловлей.

Въ р. Таймырѣ мы закинули нашу сѣть въ первый разъ лишь 14-го Іюня; до того времени этого не позволялъ толстый ледъ, въ этотъ же день ледъ образовалъ на берегу пробѣлъ. Мы тотчасъ-же наловили нѣсколько *S. Thumallus*, и особенно много сиговъ, хотя оба вида были малорослы, но мы должны были принять ихъ за такихъ сиговъ, которые уже плыли вверхъ по рѣкѣ. Впослѣдствіи я убѣдился, что это были не кочевые, а осѣдлые лохи. Вотъ и однимъ поводомъ къ ошибкамъ болѣе

небольшой матеріалъ, который находится въ моемъ распоряженіи, желая болѣе выяснитъ нѣкоторые вопросы и вызвать на нихъ отвѣты.

Къ сожалѣнію наша систематическая ихтиологія такъ поотстала, что пока нельзя еще поручиться, дѣйствительно ли всѣ тѣ рыбы принадлежатъ къ одному и тому-же виду, которыя въ обыкновенной рѣчи сводятся подъ одно названіе. Такъ напр. Эрманнъ неоднократно говоритъ о водящихся въ сибирскихъ рѣкахъ сельдяхъ, имѣющихъ весьма важное значеніе для Сибиряковъ. Сельди въ прѣсной водѣ? Въ зоологическомъ отношеніи это, конечно, безсмыслица, которая коренится въ языкѣ Сибиряковъ и производитъ путаницу тѣмъ болѣе, что на берегахъ Камчатки дѣйствительно водится несмѣтное множество настоящихъ сельдей. Сельдь сѣвернаго Сибиряка есть видъ небольшого лоха, какъ уже замѣтилъ Палласъ¹⁾. Наука въ настоящее время подъ именемъ бѣлаго лоха (*S. leucichtys*) разумѣетъ два рода распространенныхъ по всей Сибири рыбъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду и различаютъ, нельму и бѣлорыбицу. Нельма достигаетъ большей величины, вкусае, а потому и цѣнится дороже. Непосредственно сравнивая ту и другую, я нашелъ различія въ откосахъ головы и даже въ формѣ жаберной крышки. При всемъ томъ мы пока не вправѣ различать обѣ формы въ видовомъ отношеніи. Опредѣленіе видовъ лоха составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ ихтиологіи. Въ послѣднее время стали сводить подъ одну категорію все большее число видовъ европейскихъ лоховъ и форелей. Я имѣлъ случай видѣть въ Сибири самыя поразительныя разновидности одного и того-же вида лоха, какъ напр. пелета, кеты, горбуши. Притомъ нѣтъ сомнѣнія, что подъ старость, да вслѣдствіе болѣе питательнаго корма, рыбы скорѣе растутъ въ ширину, чѣмъ въ длину, слѣдовательно мѣняютъ форму тѣла. Худощавыя съ виду рыбы кажутся сравнительно большеголовыми; мы и называемъ ихъ такъ, хотя голова собственно самая постоянная часть тѣла.

Съ другой стороны смѣшиваются также положительно различные виды рыбъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы взяться за сравненіе омуля Ледовитаго океана съ омулемъ Байкальскаго озера, оказалъ бы наукѣ положительную и важную услугу по части вопросовъ, затронутыхъ уже на стр. 415. Геденштремъ нашелъ, что оба вида замѣтно отличаются другъ отъ друга²⁾.

Слѣдовательно, собственно нужно еще поразобрать кое-что, прежде нежели намъ возможно будетъ основательно говорить о кочеваніи рыбъ. Къ сожалѣнію г. акад. Брандтъ, принявшій на себя обработку привезеннаго мною богатаго матеріала по части рыбъ, не успѣлъ еще исполнить свое намѣреніе. Да и кто изъ насъ не застрялъ бы въ изобиліи матеріала, подлежащаго разработкѣ? Пусть это хотя нѣсколько послужитъ извиненіемъ неопредѣлительности нижеслѣдующихъ страницъ.

Вообще мы вправѣ сказать, что кочеваніе лоховъ начинается не раньше вскрытія льда на рѣкахъ. Впрочемъ, даже на самомъ глубокомъ сѣверѣ, водятся лохи, которые

¹⁾ Фигуринъ (Сибирск. Вѣстн. стр. 238) замѣтилъ
разницу, но не появлъ, въ чемъ суть дѣла.

²⁾ Отрывки о Сибири. стр. 113.

осенью тянутся вверх по рѣкѣ, чтобы прозимовать въ рѣкѣ или въ озерахъ подъ ледянымъ покровомъ, а потомъ вмѣстѣ съ вскрывшимся льдомъ, раннимъ лѣтомъ опять уходятъ въ море¹⁾. Вообще ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что съ установленіемъ ледяной коры прекращаются жизнь и движеніе въ водахъ глубокаго сѣвера²⁾. Напротивъ того, середина лѣта самое неоживленное время года. Со второй половины Юля подъ 74° с. ш. въ р. Таймырѣ уловъ рыбы у насъ по большей части совсѣмъ прекратился; только во второй половинѣ Сентября, когда ледъ успѣлъ уже давно установиться, безчисленное множество муксуновъ поплыло внизъ по рѣкѣ. Объединившій Самоѣдъ, котораго потеря сѣверныхъ оленей заставила тамъ прозимовать, даже разбогатѣлъ вслѣдствіе большихъ запасовъ рыбы, которые онъ наловилъ при началѣ и въ концѣ зимы.

Налимъ, впрочемъ, кажется, и на глубокомъ сѣверѣ самая положительная зимняя рыба. Онъ странствуетъ еще въ предѣлахъ полярнаго круга до Ноября и Декабря, а въ Февралѣ опять уже начинаетъ копошиться³⁾.

Слѣдовательно, если вы вслѣдствіе разныхъ исключеній не захотите допустить нашъ вышеупомянутый выводъ, то всежь во всякомъ случаѣ время ледохода можетъ служить самой удобной исходной точкой для сравненія временъ кочеванія.

Составленные за нѣсколько лѣтъ списки временъ прихода рыбъ и времени вскрытія льда, вдали отъ впаденія Сибирскихъ рѣкъ въ море, безъ сомнѣнія дали бы намъ лучшія точки опоры. При устьѣ Уды я замѣтилъ, что лѣтомъ 1844 года кута зашла въ рѣку тремя недѣлями поздне (16-го Юня), чѣмъ обыкновенно. Морской ледъ тогда продержался чрезвычайно долго въ устьѣ упомянутой рѣки и оказалъ сильное вліяніе на температуру воды.

Такимъ образомъ время прибытія кочевой рыбы въ данномъ мѣстѣ рѣки обуславливается не только временемъ вскрытія льда на рѣкѣ, но и положеніемъ морскаго льда, хотя оно, вѣроятно, и имѣетъ только второстепенное значеніе.

¹⁾ Подобно омулю, по устнымъ извѣстіямъ, голецъ (*S. leucostaeus*) въ Августѣ безчисленными стадами плыветъ вверхъ по рѣкѣ Нехватовѣ на западн. берегу Новой Земли (71½° с. ш.), чтобы прозимовать въ озерѣ, изъ котораго эта рѣчка вытекаетъ. На слѣдующій годъ, съ конца Юня до половины Юля, онъ опять возвращается въ море. Это подтверждаетъ Лангсдорфъ (*Mém. des Natural. de Moscou*, III, стр. 99), по словамъ котораго въ Камчаткѣ голецъ въ теченіи Апрѣля возвращается въ море.

Даже близко родственные между собою виды одного и того-же рода поступаютъ въ этомъ случаѣ различно; такъ напр. севрюга осенью возвращается въ Каспійское море, тогда какъ осетръ и бѣлуга зимуютъ въ рѣкѣ (*Pallas, Reise*, I, стр. 285).

²⁾ Этотъ взглядъ я еще до моей поѣздки усвоилъ себѣ изъ прежнихъ извѣстій. Такъ напр. Сарычевъ (*Путеш.* I, стр. 64) говоритъ, что въ Верхнеколымскѣ, подъ полярнымъ кругомъ, когда вода стала замерзать въ Ок-

тябрѣ, ловились чирь (*S. nasulus*), а когда ледяная кора установилась, уловъ совершенно прекратился. Зауеръ (*Voyage 1802*, I, стр. 103) сообщаетъ, что въ томъ-же самомъ мѣстѣ, въ концѣ Октября, налимы ловились еще массами, а черезъ 5 дней уже стали убавляться и въ Ноябрѣ мало по малу совершенно исчезли, такъ что около половины Декабря нельзя было поймать ни одной рыбы.

³⁾ У Туруханска (66° с. ш.) запрудили рѣку Туруханъ только ради лова налимовъ, послѣ образованія ледяной коры. Подъ 61½° с. ш. (Сумароково) уже въ половинѣ Феврала выставили сѣти для налимовъ, подвигавшихся вверхъ по рѣкѣ. Въ Сѣв. Америкѣ мы видимъ тоже самое, такъ какъ тамъ въ концѣ Феврала нов. ст. (подъ 65¼° с. ш.) у форта Франклина уловъ рыбы уже былъ очень обиленъ (*Franklin, Second Voyage*, стр. 72).

Подъ 61½° с. ш. въ сѣверо-западной Америкѣ налимы начинаютъ трогаться уже въ началѣ Декабря и тянутся въ теченіи всего Января. — У насъ, въ Средней Европѣ, налимы мечетъ икру, какъ извѣстно, въ Январѣ.

Впрочемъ, въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, рыбы зимою, какъ жетса, не только водятся, но и переходятъ съ мѣста на мѣсто¹⁾. По этому-то, согласно отзывамъ рыбаковъ, разные виды лоховъ и собираются почти въ одно время близъ впаденія рѣкъ въ Ледовитый океанъ. Отсюда они начинаютъ свое движеніе вверхъ по рѣкѣ въ опредѣленномъ послѣдовательномъ порядкѣ.

Кромѣ наступленія ледохода. время движенія рыбъ существенно зависитъ еще отъ разстоянія мѣстности отъ устья рѣки. Чѣмъ дальше мѣсто лежитъ вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ позднее приходятъ туда рыбы, тѣмъ ранѣе онѣ и уплываютъ²⁾.

Такимъ образомъ, при дальности географическаго положенія устьевъ рѣкъ и діаметрально противоположномъ направленіи текущихъ въ нихъ водъ, можетъ случиться, что подъ однимъ и тѣмъ-же градусомъ широты одинъ и тотъ-же видъ лоховъ появится въ одной рѣчной области въ совершенно другое время года, чѣмъ въ близлежащей. Напр. нельма уже въ Февралѣ начинаетъ подниматься изъ Каспійскаго моря къ сѣверу вверхъ по р. Уралу. Отправляясь же изъ Ледовитаго океана къ югу вверхъ по Енисею, она достигаетъ 61-го градуса широты полгода позднее. Еще поразительнѣе примѣръ, который мнѣ привелось видѣть на кетѣ. Устье Амура лежитъ южнѣе устья Тугура, и потому кета заходитъ въ устье этой послѣдней рѣки, можетъ быть, въ одно время, но по всей вѣроятности позднее, чѣмъ въ устье Амура. При всемъ томъ кета по Тугуру гораздо скорѣе доплываетъ до того мѣста (Укакытъ), гдѣ Тугурская и Амурская системы, посредствомъ соприкасающагося изгиба руслъ Тугура и Немилена, близко подходят другъ къ другу. Притомъ путь по Амуру до того мѣста примѣрно вшестеро длиннѣе пути по Тугуру. Тунгусы, пользуясь этимъ, сперва кончаютъ рыбную ловлю на изгибѣ Тугура (Буруканъ), а затѣмъ отправляются на сосѣдній Немилень, снова ловить кету.

Кромѣ вышеуказанныхъ главныхъ условій, на передвиженія рыбъ значительно вліяютъ еще нѣкоторыя, по-видимому маловажныя обстоятельства. Такъ напр. у маленькихъ горныхъ потоковъ, впадающихъ въ Охотское море, рыбы выжидаютъ время, когда эти потоки усиливаются отъ дождевой воды; иногда имъ приходится ждать этого довольно долго. На Енисеѣ рыбаки даже приписывали особое вліяніе на передвиженіе рыбъ охотамъ морскихъ чудовищъ, подъ которыми они преимущественно разумѣли бѣлыхъ дельфиновъ. Они увѣряютъ, что все зависитъ оттого, кто явится раньше другаго: если рыбы раньше приходятъ къ устью рѣки, то онѣ тѣмъ быстрѣе и тѣмъ болѣе сплошными массами стараются уйти вверхъ по рѣкѣ, если же ихъ опередаютъ бѣлухи, то рыбы уходятъ въ другія рѣки и на такой годъ уловъ уже плохъ. Мои наблюденія у Охотскаго моря противорѣчатъ, какъ мы видѣли, этому предразсудку.

¹⁾ Въ морѣ это было даже подъ 70° с. ш. на сѣв. берегу Русской Лапландіи, гдѣ рыбу ловятъ круглый годъ и ловлю приостанавливаютъ только на время сѣнокоса. Конечно, это морскія рыбы. Впрочемъ, при устьѣ Колымы бѣлую зиму ловятъ нельму и омулей (Врангель, Путеш. II, стр. 234).

²⁾ Подъ 72° с. ш. сельдя (*S. albus*) плывутъ вверхъ по Хагангѣ до 1-го Октября, слѣдовательно подо льдомъ. Подъ 63° с. ш. (Пуповское) они-же тянутся внизъ по Енисею незадолго до ледохода.

Тамъ ежегодно, говорятъ, бываетъ одинаково много кеты, да и въ мое время ея было вдоволь, хотя бѣлые дельфины и шли на встрѣчу подплывавшимъ рыбамъ. Дѣйствительно и рыбаки во многихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, умѣютъ отличать между лохами мѣстныя расы, которыя встрѣчаются только въ той или другой рѣкѣ, а это служить лучшимъ доказательствомъ, что постоянно одни и тѣже индивидуумы возвращаются въ одні и тѣже воды ¹⁾. Это гораздо замѣчательнѣе памятованія мѣстности птицами, потому что происходитъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, т. е. тогда, когда рыба, родившаяся въ рѣкѣ, успѣла вырости въ морѣ. Никогда напр. нельзя видѣть въ рѣкѣ молодой кеты. Тунгусамъ она извѣстна либо въ видѣ зародыша, либо полнорослой. Никто до сихъ поръ еще не знаетъ, гдѣ вырастаетъ молодая кета.

Какъ многое, что нами доселѣ высказано, должно было уже напомнить намъ законы, которымъ слѣдуетъ перелетъ птицъ, такъ и во всемъ остальномъ нельзя не признать соотвѣтствія между перелетомъ птицъ и передвиженіемъ рыбъ.

Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ у птицъ, передвиженіе рыбъ обусловливается потребностями распложенія. Соленая морская вода очень быстро погубила бы икру плывущихъ вверхъ лховъ; такъ на оборотъ морскіе обитатели, офіуры и подобныя, немедленнодохнуть, если ихъ положить въ прѣсную воду. Чистая вода дѣйствуетъ на нихъ какъ сильнѣйшій ядъ. Икра лховъ, напротивъ того, нуждается, какъ извѣстно, не только въ чистой, но и изобилующей кислородомъ, прѣсной водѣ. Впрочемъ, подобно птицамъ, даже ближайшіе по родству виды одного и того-же рода, весьма отличаются другъ отъ друга относительно времени прибытія, продолжительности метанія икры и другихъ особенностей.

Къ самымъ раннимъ рыбамъ принадлежитъ, кажется, сигъ: онъ одинъ изъ первыхъ, если только не самый первый изъ весеннихъ рыбныхъ гостей. Сообразно законамъ послѣдовательнаго порядка, соблюдаемаго при перелетѣ птицъ, онъ осенью и возвращается послѣднимъ ²⁾. Подъ $69\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., напротивъ того, омули только тогда плывутъ вверхъ по Енисею (Дудино), когда предстоитъ прибытіе возвращающихся сиговъ. Это особенно чувствительно для рыбаковъ, живущихъ на Енисеѣ подъ упомянутою

¹⁾ Такъ напр. уже Палласъ (Reise, III, стр. 289) обратилъ вниманіе на то, что омуль, заходящій въ Селенгу, всего въ 2 пядени длины, тогда какъ тотъ, который ловится въ Чивирикуйской бухтѣ Байкальскаго озера, славится своею необыкновенною величиною. Тоже самое должно замѣтить о всѣхъ почти рыбахъ, которыя въ однихъ водахъ величиною, формою, цвѣтомъ, вкусомъ и т. д. отличаются отъ другихъ своихъ видовыхъ товарищей. Скептику стоитъ только понавѣдаться у нашихъ рыбаковъ. Уже Геденштремъ (Отрывки о Сибири, стр. 113) говоритъ, что въ Янѣ самые маленькіе сельди, въ Индигиркѣ они по больше, и въ Колымѣ самыя большія, такъ что къ востоку онѣ становятся больше. Имѣя притомъ въ виду, что въ Ленѣ, слѣдовательно совсѣмъ на западѣ, сельдь рѣдко показывается, Геденштремъ

счелъ себя вправѣ заключить, что сельдь отправляется къ устьямъ рѣкъ съ сѣверо-востока. Врангель (Путеш. I, стр. 253) очевидно повторяетъ его слова. Дѣло о мѣстныхъ расахъ было ими можно понято. Доказывается это тѣмъ, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ на Хатангѣ, слѣдовательно къ западу отъ Лены, подъ 72° с. ш., сельдь составляетъ главное средство пропитанія жителей.

²⁾ Подъ 74° с. ш. въ исходѣ Сентября его еще не было въ р. Таймырѣ, хотя ледяная кора давно уже установилась. Только нѣсколько передовыхъ пловцевъ (врядъ ли осѣдлыя рыбы?) показалось вмѣстѣ съ главною массою муксуна. Въ Енисеѣ подъ 68° с. ш. (Посовское) послѣдніе сиги тянутся еще до конца Ноября. Но это и послѣднія странствующія рыбы. Позднѣе они тамъ и не ловятся.

широтою, потому что во время прохода этихъ двухъ видовъ, скупщики (Карасинцы), опасаясь ледохода, уже успѣли уѣхать, а потому означенными рыбами могутъ пользоваться поселенцы только для собственнаго потребленія. На 6 градусовъ широты вверхъ по рѣкѣ (Алинское) омуль появляется среднимъ числомъ 1-го Октября, и не рѣдко избавляется отъ ловли, потому что въ то время уже идетъ ледъ. По-этому плывущіе вверхъ омули вѣроятно встрѣчаются съ плывущими внизъ сигаами приблизительно подъ 67° — 68° с. ш. Интересно было бы развѣдать мѣста, гдѣ эти виды рыбъ сходятся съ противоположныхъ сторонъ.

Хотя порядокъ, въ которомъ различные виды рыбъ слѣдуютъ другъ за другомъ при своихъ передвиженіяхъ, довольно опредѣленъ¹⁾, но все-таки они плывутъ одни за другими то сплошь, то съ промежутками, которые измѣняются, смотря по разстоянію даннаго мѣста отъ устья рѣки, потому что тутъ рыбы остаются то дольше, то меньше. Напр. у Обдорска, слѣдовательно близъ самаго устья Оби, муксунъ появляется, говорятъ, только нѣсколькими днями, едва-ли недѣлю, позднѣе, чѣмъ вимба и нельма. На 2½ градуса широты сѣвернѣе, у Березова, муксунъ является уже цѣлымъ мѣсяцемъ позднѣе двухъ другихъ вышеозначенныхъ видовъ лоховъ, потому что послѣдніе безостановочно тянутся дальше, а муксунъ остается съ мѣсяць у Обдорска, и затѣмъ уже быстро плыветъ вверхъ по рѣкѣ.

Каждый видъ тянется двѣ или нѣсколько недѣль сряду; ближе къ морю меньше. Вслѣдствіе разныхъ препятствій, которыя онѣ встрѣчаютъ въ рѣкахъ, отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ каждый кочующій отрядъ, измѣняютъ своему первоначальному порядку. При р. Хатангѣ меня увѣрили, что сельдь никогда не кочуетъ днемъ, а только ночью. Слѣдовательно менѣе разборчивыя кочевыя рыбы вѣроятно обгоняютъ его.

Различному времени кочеванія соотвѣтствуетъ въ одинаковой степени различное время метанія икры. Послѣднее и на глубокомъ сѣверѣ приходится въ самыя различныя времена года и у лоховъ вообще распределено весьма неравно. Въ Таймырскомъ краѣ встрѣчались лоха, метавшіе икру въ Сентябрѣ и Октябрѣ, но встрѣчались и такіе, которые метали ее уже въ Іюнѣ и Іюль²⁾.

¹⁾ Такъ вверхъ по р. Уралу тянутся, какъ извѣстно, сначала бѣлорыбица (въ Февралѣ), потомъ бѣлуга (въ Мартѣ), за тѣмъ осетры и стерляди (въ Апрѣлѣ), а въ концѣ Апрѣля северюги (Pallas, Reise, I, стр. 284). — Такъ у Охотска появляются сперва мальма (S. callaris) и кунджа (S. leucotaenii) въ Маѣ, потомъ корюшка и сельдь въ Іюнѣ и наконецъ кета (Iagocerphal.) и черка (S. Iucasdon) въ Іюль (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 43). И во время моего пребыванія на южномъ берегу Охотскаго моря, мальма вѣсть съ джукчей прошла тамъ задолго до кеты. — Эти два вида лоховъ на берегахъ Берингова рукава постоянно послѣдніе; на восточныхъ его берегахъ имъ непосредственно предшествуетъ то чавыча (S.

orientalis), то, гдѣ ея нѣтъ, горбуша (S. proteus). См. Загоскина, Пѣшеход. Опись, II, стр. 104; I, стр. 26. При устьѣ Оби сначала плыветъ сырокъ (S. wimba); за нимъ слѣдуетъ нельма (S. leucichtys), а потомъ уже муксуанъ и осетръ (Сибирск. Вѣстн. II, стр. 305).

²⁾ Подъ 74° с. ш. Самоѣды ловили въ озеряхъ Таймырскаго края, въ концѣ Августа и въ началѣ Сентября, кунджу, пелетовъ и сиговъ, наполненныхъ въ то время крупно-зернистой, легко сходящей икрой. Въ концѣ Сентября чиры и муксуны въ р. Таймырѣ собирались метать икру, такъ что ова отдѣлялась въ то время, когда рыбъ вынимали изъ сѣтей. Тамъ-же чарюсы метали икру въ двѣ послѣднія недѣли Іюня, когда въ

Продолжительность метанія икры столь-же значительна и иногда, кажется, нарушает законный послѣдовательный порядокъ кочеванія рыбы. Корюшка кута остается въ р. Уди едва-ли болѣе двухъ недѣль и за тѣмъ, окончивъ метаніе, немедленно возвращается въ море. У лоха кеты же это дѣло длится до самой глубокой осени. Еще на второй недѣлѣ Октября мы поймали въ р. Немиленѣ (въ Хамбыканѣ) не мало лоховъ кеты, наполненныхъ икрой, такъ что въ каждый день наша похлебка приправлялась икрой. Не смотря на то, уже цѣлый мѣсяцъ ранѣе воздухъ былъ зараженъ гниющей кетой¹⁾, и я нашелъ, что въ тоже самое время промежутки между валунами (въ кулакъ и въ голову величиною), устилавшими дно горныхъ ручьевъ, были наполнены кучами кетиной икры, имѣвшей величину горошинокъ. По словамъ Тунгусовъ, эта икра лежитъ тамъ цѣлую зиму и развивается на столько, что Тунгусы умѣли вѣрно указывать двѣ темныя глазныя точки. Вмѣстѣ съ ледянымъ покровомъ, говорятъ, вода уноситъ въ море и едва вылупившуюся рыбку.

Мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, какъ лоха стали опять спускаться внизъ по рѣкѣ, прежде нежели успѣли выпустить икру. Въ нашихъ «пущальныхъ» въ р. Таймырѣ, въ Іюнѣ и Іюлѣ, ловились лоха, у которыхъ головы были обращены противъ теченія. Въ концѣ же Сентября у всѣхъ пойманныхъ муксуновъ головы были обращены внизъ по теченію, хотя, какъ мы замѣтили, икра ихъ только-что начала сходить. Морозъ ли застигъ ихъ, или любовный пылъ ихъ остылъ преждевременно?

Какъ птицы, такъ и большая часть лоховъ кочуютъ, такъ-сказать, порывами, нѣсколькими, слѣдующими другъ за другомъ отрядами. Впереди каждаго изъ этихъ отрядовъ, плыветъ, говорятъ, нѣсколько отдѣльныхъ рыбъ того-же вида, за два и даже за нѣсколько дней раньше остальныхъ. Заслуги этихъ предвѣстниковъ съ благодарностью признаются рыбаками.

На основаніи наблюденій, находящихся въ нашемъ распоряженіи, мы едва-ли имѣемъ право вывести заключеніе о быстротѣ, съ которою Сибирскія рыбы совершаютъ свои странствованія. По-видимому она весьма различна: ближе къ устью она очень незначительна. Среднимъ числомъ она, можетъ быть, подходитъ къ средней быстротѣ перелета птицъ, т. е. составляетъ около 2 до 3 географическихъ миль въ день²⁾.

чирахъ и сигахъ икра была лишь небольше проса. Въ Пясипѣ подъ 70° с. ш. харіусы, говорятъ, мечутъ икру около половинны Іюля. Въ южной же Франціи они мечутъ икру уже въ Мартѣ. Совершенно иначе мечутъ икру разные виды карповъ, окуни и щуки въ Лифляндіи. Всѣ они мечутъ въ Маѣ и даже самые поздне, лещи, въ Іюнѣ.

¹⁾ Еще въ Октябрѣ мы въ числѣ преобладавшихъ зубастыхъ самцевъ поймали нѣсколько штукъ кеты, челюсти которой съ виду мало измѣнились. Почти три мѣсяца ранѣе (16-го Іюля) мы поймали въ морѣ точно такихъ-же рыбъ. Горбуша заняла въ рѣки раньше кеты. Мѣся-

цемъ позже (23 Іюля) я видѣлъ горбушу, у которой еще не было горба. Не была-ли эта помоложе рыба? Дѣйствительно, на южномъ берегу Охотскаго моря, у Медвѣжьяго острова, мы поймали сразу 400 лоховъ мальмы, и притомъ мѣсяцомъ позже (16 Іюля), чѣмъ мальма двинулась въ рѣки для метанія икры. Я принялъ ихъ за болѣе молодыхъ рыбъ, которымъ, можетъ быть, въ слѣдующее лѣто предстояло удовольствіе въ первый разъ метать икру.

²⁾ При устьѣ Колымы сельдякъ понадобилось 3 дня, чтобы проплыть 3 версты (Врангелъ, Путеш. I, стр. 233, примѣч.). Въ Оби сырокъ (винба) и целыма съ

ПЕРЕЧЕНЬ ВРЕМЕНЪ ПРИПЛЫТІЯ И ОТПЛЫТІЯ.

(Сокращенія объяснены ниже на стр. 451).

Исход- никъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	
Salmo leucichthys.			
1.	Колыма (Нижне-Кол.) .	68 $\frac{1}{2}$ °	1787 , VII — X.
4 ^d .	Устье Квихпака (Сѣв.-З. Америка)	63	1842 , VI, П.
М.	Лена (Якутскъ)	62	1844 , VI, 20.
4.	Кускоквимъ (С.-З. Аме- рика)	61 $\frac{1}{2}$	1844 , IV, Н.
М.	Енисей (Осиновка)	61 $\frac{1}{2}$	1843 , VIII, 15 — IX, 23.
9.	Устье Урала	47	1769 , II.
Salmo nasutus.			
М.	Рѣка Таймыръ	74°	1843 , VI, 18.
М.	Хатанга	72	1843 , VII, 8.
М.	Енисей (Дудино)	69 $\frac{1}{2}$	1843 , VI, К.
Salmo Muksun.			
М.	Хатанга	72°	1843 , VII, П.
7.	Яна (Устьянскъ)	71	1822 , VIII, К — IX, Н.
М.	Енисей (Дудино)	69 $\frac{1}{2}$	1843 , VI, К.
1.	Колыма	68 $\frac{1}{2}$	1787 , IX.
М.	Енисей (Мироѣдинское) .	65 $\frac{1}{2}$	1843 , VIII, К. — IX, Н.
М.	Лена (Якутскъ)	62	1844 , IX, 1.
М.	Енисей (Осиновка)	61 $\frac{1}{2}$	1843 , IX, 14.
4.	Кускоквимъ (С.-З. Аме- рика)	61 $\frac{1}{2}$	1844 , II, К.
Salmo albula (сельдь).			
М.	Хатанга	72	1843 , V, Н — VI, 24.

осетромъ въ двѣ недѣли добираются изъ Обдорска концѣ Октября прибываетъ въ Верхнеудинскъ, поди-
до Березова. Это составляетъ 2 $\frac{1}{2}$ град. широты, рав-
няющіеся 40 милямъ сухопутья; слѣдовательно, они
ежедневно проплываютъ до 3 геогр. миль. Омуть въ
малясь вверхъ по Семенгѣ. Слѣдовательно на 12 геогр.
миль ему нужно около 6 дней, что составляетъ по 2
геогр. миль въ день.

Источ- никъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	
М.	Боганида (Кор. Филипов- ское)	71°	1843 , IV, 14.
1; 6.	Колыма	68 $\frac{1}{2}$	1787 , IX, Н. (плывя вверхъ!)
4 ^d .	Нортоновъ заливъ (Ре- дуть Михаилъ)	63 $\frac{1}{2}$	1842 , IV, К.
5 ^b .	Охотскъ	59 $\frac{1}{2}$	1786 , V, П.
1 ^a .	Камчатка (Авача)	53	1793 , IV, К — VI, (VI, 7, меча икру).

Salmo sicus.

М.	Рѣка Таймырь	74°	1843 , VI, 14 (вскрытіе рѣки).
М.	Енисей (Дудино)	69 $\frac{1}{2}$	1843 , VI, 14 — VI, К.
1.	Колыма	68 $\frac{1}{2}$	1787 до XI.

Salmo lavaretus (сигъ морской).

4.	Кускоквимъ (С.-З. Аме- рика)	61 $\frac{1}{2}$	1844 , II, К.
----	---	------------------	----------------------

Salmo Omul.

М.	Рѣка Таймырь	74°	1843 , VI, 18.
М.	Енисей (Дудино)	69 $\frac{1}{2}$	1843 , IX, Н.
1.	Колыма	68 $\frac{1}{2}$	1787 , XI.
М.	Енисей (Ниж. Тунгуска)	65 $\frac{3}{4}$	1843 , IX, 14 — XI.
М.	Енисей	63 $\frac{1}{2}$	1843 , X, 1.
М.	Лена	62	1844 , VIII, 15.
М.	Енисей (Осиновка)	61 $\frac{1}{2}$	1843 , X, I.
8; 8 ^a .	Забайкалье (Баргузинскъ)	53 $\frac{1}{2}$	1772 , VIII, 14; VIII, 26. 1864 , VIII, 31 до IX, 29. 1865 , VIII, 7 — IX, 7. 1866 , VIII, 18. 1867 , VIII, 20. 1868 , VIII, 24 — IX, 20. 1869 , VIII, 20 — IX, 21. 1870 , VIII, 24. 1871 , VIII, 17 — IX, 23. 1872 , VIII, 14.
6.	Устье Ангары при выхо- дѣ изъ Байкала	51 $\frac{1}{2}$	1855 , VIII, 28 — IX, 8.

Salmo eperlano-marinus.

5	Охотскъ	59 $\frac{1}{2}$	1786 , V, П.
---	-------------------	------------------	---------------------

Источ-никъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир.	
7.	Камчатка, зап. берегъ..	55°	1843 , V, 10.
М.	Устье Уди	54 $\frac{1}{2}$	1830 , V, 18, вверху; VI, 5, внизъ. 1844 , IV, 16.
7 ^a .	Камчатка (Авача)	53	1793 , IV, К. 1848 , V, 7,
Salmo leucomaenis (голецъ).			
	Новая Земля (Нехватова)	71 $\frac{1}{2}$	1840 , VIII, 1 — 15.
5 ^b .	Охотскъ.	59 $\frac{1}{2}$	1786 , V, Н.
Salmo callaris (мальма).			
2.	Гижигинскъ (Охот. море)	63	¹⁾ 1787 , VI, П.
5 ^b ; 10.	Охотскъ.	59 $\frac{1}{2}$	1786 , V, Н. 1852 , V, 10 — V, 21.
10.	Камчатка (Еловка)	57	1787 , не ранѣ VIII, 3.
Salmo lagocerphalus (кета).			
4 ^a .	Квихпакъ, въ самыхъ верховьяхъ.	64 $\frac{3}{4}$	1843 , VI, 21.
2.	Гижигинскъ (Охот. море)	63	1852 , VI, К. до X.
4.	Кускоквимъ	61 $\frac{1}{2}$	1844 , VI, П.
5 ^b .	Охотскъ.	59 $\frac{1}{2}$	1786 , VI, К. и VII, Н.
10.	Камчатка (Еловка)	57	не позже IX, 8 до IX, 13, плывя вверхъ въ р.
М.	Охотское море, южн. бе- регъ	54	Камчатку. 1844 , VII, 9.
5 ^a .	Уналашка.	54	1792 , VI.
Salmo lycaodon (неэрка).			
4.	Кускоквимъ (С.-З. Аме- рика)	61 $\frac{1}{2}$	1844 , VI, П.
5 ^b .	Охотскъ.	59 $\frac{1}{2}$	1786 , VII, Н.
Salmo orientalis (чавыча).			
4 ^a .	Кускоквимъ (С.-З. Аме- рика).	62 $\frac{3}{4}$	1844 , VI, 10 — 15.
4.	Кускоквимъ	61 $\frac{1}{2}$	1844 , VI, 7 (VI, П. среднимъ числомъ).

¹⁾ Въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго я нахожу по р. Ижигъ, зимуетъ въ ней и потомъ весною возвра-
щаются, что мальма осенью, говорятъ, плыветъ вверхъ шается въ море.

Источ- никъ.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. шир	
			Salmo proteus (горбуша).
	Гижига (Охотск. море) .	64°	1844, тотчасъ по вскрытіи льда.
4.	Кускоквимъ	61 $\frac{1}{2}$	1844, II, К.
	Устье р. Уди.	54 $\frac{1}{2}$	1844, VI, 22.
5 ^a .	Уналашка.	54	1792, V, Н.
			Petromyzon camtschaticus.
4 ^a .	Квицпакъ (С.-З. Америка)	61 $\frac{3}{4}$	1844, XI, 5.
			Lota vulgaris.
М.	Рѣка Таймыръ.	74	1843, VII, 1.
М.	Енисей (Сумароково). . .	61 $\frac{1}{2}$	1844, II, 16 (плыли еще вверхъ).
	Кускоквимъ	61 $\frac{1}{2}$	1844, XII, Н. до I, К.
			Acipenser.
1.	Колыма	68 $\frac{1}{2}$	1787, VII — X.
			Acipenser ruthenus.
	1) Енисей (Дудино). . . .	69 $\frac{1}{2}$	VIII, 25 (возвращаясь, внизъ по рѣкѣ).
			Delphinus leucas.
4.	Устье Енисея (Лед. море)	72 $\frac{3}{4}$	1738, VIII, 16.
2.	Новая Земля.	71	1833, VI, 24.
1.	Нортоповъ заливъ	61 $\frac{1}{2}$	1843, VII, Н.
М.	Охот. море, южн. бер. . .	54 $\frac{1}{2}$	1844, VII, 1 — VII, 15.
			Otaria ursina (котики ²).
	Беринг. море, о. Св. Павла	57	IV, 18 — 23 (всегда около 20-го). До Юля, II, самки X, 5 при сѣв. и сѣв.-зап. вѣтрахъ.
3.	Беринговъ островъ	55	17 ?? IV, 19 прибываютъ.
	Алеутскіе острова	52	X, К. уплыли.
			(Сивучъ).
3.		55	17 ?? V, А. прибываетъ.

1) Кривошапкинъ, I. стр. 162.

2) Прѣжнее мнѣніе, что Котики меридіанная животныя, справедливо, кажется, опровергается въ новѣйшее время (см. Zoological record, 1868, стр. 19. Ср. также стр. 61, 99—100, 237 этой части моего Сиб. путеш.).

Объясненіе сокращеній, употребленныхъ въ вышеприведенныхъ таблицахъ.

Въ первомъ столбцѣ значать: 1. Загоскина, Пѣшеходная опись, I, стр. 53. — 2. Зап. Гидрографическаго Департамента, I, стр. 122. — 3. Палласа Neue Nordische Beiträge, VI, стр. 19; стр. 288. — 4. Дневникъ Минина; рукопись. — 6. Радде, статья въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs, p. 310. — 7. Рукописное сообщеніе Вознесенскаго. — М. служитъ для обозначенія наблюденій, лично мною произведенныхъ или разысканныхъ.

Въ послѣднемъ столбцѣ Н. значить начало, П. половина, а К. конецъ мѣсяца.

Д о п о л н е н і я.

Условія, при которыхъ я живу уже нѣсколько лѣтъ сряду, повели къ большимъ замедленіямъ въ изданіи выпусковъ лежащаго Путешествія. Они даже лишаютъ меня возможности слѣдить за зоологической литературой. Свободное время мое раздроблено, библиотекъ у меня нѣтъ подъ рукою; наконецъ подступило и бремя прожитыхъ лѣтъ. Нѣсколько изслѣдованій, написанныхъ въ это время по разнымъ случаямъ, показываютъ, куда отвлекли меня обстоятельства. Я посѣтилъ тропики, изучалъ морскія теченія въ Ледовитомъ океанѣ между Новой Землей и Исландіей¹⁾, изслѣдовалъ Барабинскую степь, внутри Сибири²⁾, производилъ практическія наблюденія и въ особенности опыты скрепчиванія рогатаго скота и лошадей³⁾ и т. п. Съ тѣхъ поръ, какъ продолжительная горловая болѣзнь, которую мнѣ наконецъ-таки удалось одолѣть, заставила меня сперва сложить съ себя должность секретаря при Академіи Наукъ, а потомъ окончательно выдти въ отставку, съ тѣхъ поръ я сдѣлался практическимъ сельскимъ хозяиномъ.

Глядя на отпечатанные уже годъ тому назадъ листы этого выпуска, представленныя мною Вѣнскому сельско-хозяйственному съѣзду въ 1873 году, съ цѣлью обратить вниманіе на необходимость оказать покровительство птицамъ, я еще больше сознаю всю трудность рѣшенія затронутыхъ мною вопросовъ.

Пересматривая эти листы, со включеніемъ предшествующаго выпуска, въ которомъ

¹⁾ Гольфштромъ къ востоку отъ Нордлана, 1870; см. Mél. phys. et chim. de l'Acad. de St.-Petersb. T. VIII и Зап. Акад. Наукъ, т. ?

²⁾ Бараба въ Mémoires de l'Acad. de St.-Petersb. VII, T. XIV, № 9 и Зап. Акад. Наукъ, т. XIX, прилож. № 2.

³⁾ По вопросу объ опредѣленіи чистопородности Орловской лошади. Журн. Коннозаводства, 1863, № VIII, стр. 106. — Замѣтки по поводу статей объ улучшеніи

русск. скотоводства, Землед. Газета, 1868, № 9. — О собакахъ улучшенія нашего скотоводства, Журн. Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1872. — Das Landesgestüt der Livländischen Ritterschaft zu Tegel, 1872. Mittheil. der Kais. Livl. Oekonom. Societät, № 3. — Вѣнская международная выставка лошадей, 1874. Журн. Коннозав. 1874, № 1. — Отзывъ объ отчетѣ г. Бландова по изслѣдованію Ярославскаго крупнаго скота. Труды Импер. Вольн. Эконом. Общ. 1874, I, 1.

говорится о Сибирской фаунѣ, я считаю теперь нужнымъ присоединить къ нимъ слѣдующія дополненія, къ которымъ иные, можетъ быть, добавятъ еще много другихъ свѣдѣній.

См. стр. 1-ую и слѣд. Любитель охоты, какого я предполагалъ, и притомъ одинъ изъ самыхъ ретивыхъ, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ, нашелся. Я разумѣю г. Пржевальскаго. Но, перешагнувъ чрезъ безотрадно скудную пустыню, о которой я говорилъ, посредствомъ быстрого перехода примѣрно въ $1\frac{1}{2}$ тысячи геогр. миль, онъ занялся осмотромъ прибрежій Великаго океана, на южной границѣ русскихъ владѣній, странъ, прилегающихъ къ Корей, и мѣстностей въ верховьяхъ Уссури¹⁾. Уже въ тамошнихъ безлюдныхъ пустыняхъ, лежащихъ между $42\frac{1}{2}$ и 45° с. ш., встрѣчается необыкновенное изобиліе животныхъ, не смотря на довольно неблагоприятныя, какъ известно, климатическія условія и на опустѣніе края во время зимы.

Такое богатство первобытной природы въ упомянутой области мы готовы бы были приписать главнымъ образомъ удвоенію силъ ея вслѣдствіе страннаго смѣшенія южныхъ, даже тропическихъ формъ съ кругоборейскими, если бы словесныя сообщенія отважнаго путника, недавно возвратившагося изъ своего втораго путешествія, не удостоиврили насъ, что на южной окраинѣ плоской средне-азиатской возвышенности, встрѣчается такое-же безчисленное множество четвероногихъ животныхъ, какъ и во внутреннихъ частяхъ Африки. При всемъ томъ эти широты, приближающіяся въ экватору едва до 35-го градуса, не въ состояніи однакоже произвести такихъ исполинскихъ животныхъ, поразительную смѣсь которыхъ встрѣтилъ напр. Андерсонъ.

Во всякомъ случаѣ Рютимейеръ имѣлъ полное право сдѣлать остроумное замѣчаніе (*Herkunft unserer Thierwelt*, 1867, p. 41), что «животныя южнаго ската Азии въ совокупности носятъ на себѣ отпечатокъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ Сибирскія животныя. Въ Индіи еще доселѣ существуютъ нѣкоторые миоценовые роды, которые «по ту сторону Гималая — выражаясь словами сибирскихъ и китайскихъ сказаній о мамонтахъ и носорогахъ — живутъ еще только подъ землею». Еще болѣе это можетъ относиться къ Африкѣ.

См. стр. 2-ую и слѣд. Гомейеру угодно было (*Journal für Ornithologie*, 1868) разразиться Зевсомъ-громовержцемъ надъ Сибиряками Мяддендорфомъ, Шренкомъ и Радде. Очевидно онъ не замѣтилъ, что страница 12-ая уже заранѣе изобразила его. Путнику, производящему наблюденія ежедневно среди огромнаго обилія животной жизни, подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ видоизмѣненій ея (срав. стр. 270, 287, 290), природа является въ совершеннѣишемъ видѣ, чѣмъ роющемуся въ музеѣ знатоку отдѣльныхъ чучель.

И тому и другому, конечно, необходимо учиться другъ у друга. Но жаль во всякомъ случаѣ, что такой орнитологъ, какъ г. фонъ Гомейеръ, въ заключеніе приходитъ къ тому, что увѣковѣчиваетъ себя слѣдующимъ нефизиологическимъ заключеніемъ: измѣре-

¹⁾ Пржевальскаго, Путешествіе въ Уссурийскомъ краѣ, 1870.

нію придается слишкомъ много вѣсу. Гораздо важнѣе и постояннѣе всѣхъ мѣръ оказывается цвѣтъ животнаго.

По этому намъ тремъ Сибирякамъ нетрудно утѣшиться на счетъ неправильнаго замѣчанія г. Ф. Гомейера, будто бы мы не обратили вниманія на незначительныя уклопенія въ цвѣтъ птичьихъ нарядовъ. Мы расходимся съ нимъ лишь въ мнѣніяхъ относительно предѣловъ видоваго понятія; онъ могъ упрекнуть насъ развѣ только въ непоумѣрной боязни окрещиванія. *Assentor erythropugus* въ видовомъ отношеніи, можетъ быть, отличается отъ *Ass. alpinus*, а можетъ быть и долженъ только считаться его разновидностью; это разсудить будущность нашей науки. Но я уже теперь не могу скрыть улыбки при видѣ того, какъ г. фонъ Гомейеръ съ такою положительною, ультрамонтанскою увѣренностью трубить на весь міръ, что болѣе красный цвѣтъ зада несомнѣнно служить доказательствомъ самостоятельности вида. Это мнѣ чрезвычайно живо напоминаетъ тѣхъ, которые серьезно увѣряютъ, что феодалы отличаются отъ другихъ людей болѣе мрачнымъ темнымъ цвѣтомъ той-же части тѣла.

Г. Ф. Гомейеръ можетъ причислить себя къ тѣмъ пророкамъ, о которыхъ я говорилъ выше (стр. 12). Отъ души, какъ уже тамъ сказано, поздравляю его съ этимъ саномъ.

Въ систематикѣ цѣль окрещиванія именами можетъ заключаться лишь въ желаніи не только вѣрнымъ, но и удобопонятнымъ, облегчающимъ память и кругозоръ способомъ помочь намъ ориентироваться среди пестроты безконечнаго разнообразія органическихъ формъ. Но достигается ли эта цѣль разумно посредствомъ всѣхъ тѣхъ поименныхъ дробленій родовъ и видовъ, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать зоологическіе перекрещенцы? Мнѣ кажется, что исторія систематической синонимики минувшихъ временъ надѣлила насъ такой грудой названій, которая невольно заставляетъ насъ опасаться дальнѣйшаго непомѣрнаго размноженія ихъ. Новѣйшее развитіе палеонтологическихъ взглядовъ на происхожденіе нынѣ существующихъ видовъ изъ формъ незадолго предшествовавшей имъ эпохи образованія нашей земли въ настоящее время совершенно отвергаетъ всякое мелочное видовое дѣленіе. Нельзя болѣе отвергать предположеніе, что передъ нами нерѣдко являются отчасти разные возникающіе виды, отчасти сливающіяся разновидности, да и не Дарвинъ впервые высказалъ эту догадку. Вопросъ о томъ, на сколько замѣняющія другъ друга формы должны или не должны быть объясняемы на основаніи такого предположенія, относится къ труднымъ задачамъ географической зоологіи, которая болшею частію должна еще разрѣшить будущность.

Само собою, конечно, разумѣется, что однимъ изъ главныхъ условій происхожденія замѣняющихъ видовъ должно считать продолжительное разъединеніе съ родовымъ видомъ, въ положеніи отдѣльной колоніи.

См. стр. 54: Предѣлы распространенія упомянутой тамъ пестрой смѣси глубоководныхъ и южныхъ, даже тропическихъ формъ раздвигаются еще болѣе, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ Пржевальскаго, доказавшаго (см. вышеприв. соч. стр. 262, примѣч.), что экваторіальный предѣлъ лося и мускуснаго животнаго при истокахъ Ус-

сури простирается на 3 градуса широты южнѣе, чѣмъ Радде показалъ его на своей картѣ; слѣдовательно до 43° с. ш.

См. стр. 89 и 205: Мое толкованіе подтверждается тѣмъ, что волкъ избѣгаетъ какъ альпійскія возвышенности Кавказа (Radde, Biologisch-geographische Untersuchungen, 1866, стр. 112), такъ и обильную снѣгомъ область рѣки Уссури. (По Пржевальскому, тамъ-же, стр. 251).

См. стр. 116: Тогда какъ въ Скандинавіи воробью удалось расширить свое царство только на одинъ градусъ широты (отъ 67° до 68° с. ш., по Валленгрену, Naumannia 1855, стр. 437), въ теченіе четверти вѣка послѣ моего пребыванія на Енисеѣ, тамошній воробей подвинулся отъ 61° почти до 66° с. ш. (Туруханска) и послѣдовалъ тамъ за человѣкомъ далѣе полярнаго предѣла земледѣлія (Третьяковъ въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1869 годъ, стр. 313). Онъ пользуется защитою и искусственною теплою человѣческихъ жилищъ. Будущимъ изслѣдователямъ предлагаю искать въ Сибири рѣшенія вопроса, предложеннаго Глогеромъ. Такъ какъ воробей проникъ въ Германію очевидно изъ Италіи, то это явно была *F. cisalpina* или *hispaniolensis* или *rufidorsalis*; а насъ увѣряютъ, что воробей, выдвинувшійся въ Сибири съ распространеніемъ культуры, *Passer Pallasii* Bonap., особый видъ, отличавшійся уже въ древности отъ вышеупомятаго воробья (см. Journ. für Ornithol. 1862, стр. 261). Это требуетъ ближайшаго изслѣдованія.

Мыши и тараканы со времени моего пребыванія также подвинулись впередъ (Schmidt, Mém. biologiques, VI, 3, 1868, стр. 655).

Даже перепелъ, говорятъ, долетаетъ въ видѣ исключенія, до Туруханска (по Третьякову, въ тѣхъ-же записк.). Если это извѣстіе подтвердится, то оно будетъ служить дополненіемъ къ стр. 120.

См. стр. 124: Г. Пржевальскій подтверждаетъ, что уже въ самыхъ отдаленныхъ дебряхъ Уссури ласточка оказывается тщательно оберегаемой сожительницей встрѣчаемыхъ мѣстами китайскихъ земледѣльческихъ поселеній.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія «Sea-bird Act», обыкновенно столь пугливыя птицы уже сдѣлались чрезвычайно смирными. Онѣ преспокойно оставались на мѣстѣ и подпускали наблюдавшаго за мѣстами высиживания ими яицъ на нѣсколько футовъ. Вскорѣ онѣ стали также вить гнѣзда свои на большемъ пространствѣ (Report of the 40 meeting of the British Association for the advancement of science, 1871, p. 14).

См. стр. 245: Относительно истребленія *Otis tarda* въ Англии срав. Report of the 38 Meeting of the British-Association of Advancement of science, 1869, стр. 111.

См. стр. 247, прим. 5: Ньютонъ присоединилъ къ своимъ выводамъ карту (Ibis, 1864, стр. 185). Новѣйшую литературу по этому предмету принималъ въ соображеніе Дросте (Bericht über die Vers. der deutsch. Ornithol. Ges. 1871, стр. 76). *Syrnhaptus* встрѣчался не только въ Италіи (Zoolog. Garten, 1864, стр. 346; Zoolog. Record, 1868,

р. 102), но и появился въ 1863 году около Баіонны и Бордо (Zoolog. Garten, 1864, р. 172), равно какъ и въ Швейцаріи (Bullet. de la Soc. Ornithol. suisse, I, 1865. р. 111).

Въ Лифляндіи, о которой я упомянулъ, онъ явился близъ гор. Валька. Другіе изъ большой вереницы были убиты весною около Риги (Correspondenzblatt des Naturf. Vereins zu Riga. 1864, р. 52).

Если самымъ сѣвернымъ пунктомъ появленія этихъ птицъ сначала считали О. Готландъ (Journ. f. Ornithol. 1869, р. 256), а потомъ 62-й градусъ широты въ Норвегіи (тамъ-же, стр. 393), то мнѣ все-таки еще удалось присоединить къ длинному списку 65-ый градусъ широты, при устьѣ Сѣв. Двины, близъ Архангельска (Bericht über die 19. Versamml. der deutsch. Ornithologen-Gesellsch., 1872, р. 65). У Фишера (Journ. f. Ornithol. 1872, р. 389) сказано: Syrrh. paradoxa (около Петербурга) встрѣчается «не ежегодно въ большомъ количествѣ». — Это похоже на мистификацію.

См. стр. 261, прим. 1: Выказанное тамъ сомнѣніе теперь устранено. *Aegoceros montanus* Desm. простирается къ западу до Енисея (срав. F. Schmidt, Mammuthcadaver, 1872, стр. 40). Недавно мы узнали, что это горное животное часто встрѣчается на Анюѣ и даже у Ледовитаго Океана (Изв. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1871, I, стр. 19).

См. стр. 262: Обращаю вниманіе на то, что необходимо еще узнать, встрѣчались ли на Омолонѣ *Tetr. urogalloides* или *T. falcipennis*. На одну изъ этихъ двухъ птицъ указываетъ названіе «Омолонская тетеря», о которой говоритъ Аргентовъ (Акклим. 1861, II, стр. 494).

См. стр. 266: Съ тѣхъ поръ *Agv. guttilus* неоднократно встрѣчался въ болѣе западныхъ частяхъ Средней Европы.

См. стр. 270: *Mustela sarmatica* водится также въ Малой Азіи.

См. стр. 278: Барабинская степь также подтверждаетъ правильность предположенія, что безлѣсье удержало бѣлокъ отъ перехода въ Камчатку и въ Крымъ. Въ Барабу по временамъ заходятъ сѣв. олени, лоси и медвѣди, но не являются ни бѣлки, ни соболи.

Не по той-ли самой причинѣ и сорока не встрѣчается на южномъ берегу Крыма? (Шатиловъ въ Bullet. de Moscou, 1860, стр. 503).

См. стр. 289: Слѣдовательно каждая область фауны должна отличаться такими животными формами, которыя составляютъ ея исключительную особенность и не встрѣчаются въ другой области.

Изъ сказаннаго (см. также стр. 140 и слѣд.) явствуетъ, что я не могу согласиться съ академикомъ Брандтомъ, пришедшимъ въ своихъ доводахъ къ тому заключенію, что сѣв. олень «полуполярное животное» (Unters. über die Verbreitung des Tigers, 1856, р. 34).

Для меня очень утѣшительно, что Гёксли, въ противоположность Склатеру, признаетъ «сѣверную кругополярную область» сверхъ новоарктической и древнеарктической области (Zoolog. Record. 1868, р. 35).

См. стр. 294: Въ Киргизской степи удоны часто встрѣчаются на кладбищахъ. Въ то время, когда этимъ краемъ завладѣли Русскіе, удоны позволяли брать себя въ руки и

даже спокойно оставались на мѣстѣ, когда ихъ сажали на луку сѣдла (Венюковъ, стр. 135).

См. стр. 310: Слово маръ совершенно неожиданно встрѣчается намъ также на Эйфель, въ видѣ кратерныхъ озеръ Pulver-Mar, Schalkenmehrer-Mar, Weinfelder-Mar, Gemündener-Mar, Meerfelder-Mar, Dauner-Mare.

См. стр. 313: Снѣжную слѣпоту значительно усиливаетъ нестерпимый дымъ въ шалашахъ, а при противномъ вѣтрѣ болѣзнь увеличивается отъ бьющихся въ глаза ледяныхъ иголокъ. Въ дневникахъ нашихъ сѣверныхъ геодезистовъ: Стерлегова, Чекина, Лаптева, Моисеева (Зап. Гидрогр. Деп. III, стр. 84, 88; IX, стр. 287, 307 и др.) безчисленное множество разъ говорится, въ одинаковомъ тонѣ, о необходимости вернута, вслѣдствіе снѣжной слѣпоты.

Такъ какъ кожа на лицѣ воспаляется точно также, какъ при солнечномъ ударѣ, и ухудшаетъ гнойное воспалительное состояніе глазъ, то неоднократно прибѣгали къ вуаламъ, но они слишкомъ затрудняютъ свободу дѣйствій при настоятельной необходимости зрѣнія во время странствованій. Кисея, вдѣланная въ очковую оправу, нравилась мнѣ въ этомъ отношеніи болѣе, а именно она лучше узкой прорѣхи кочевниковъ, слишкомъ мѣшающей смотрѣть вокругъ себя.

Что касается клеевыхъ листковъ или желатиновыхъ пластинокъ, которыя предлагаютъ въ видѣ масокъ (Dingler, Polyt. Journ. 1855, April, p. 160), то необходимо было бы испробовать на дѣлѣ, въ состояніи ли онѣ удовлетворить предположенной цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что горю можно бы было помочь, если бы сдѣлать его предметомъ спеціальнаго, основаннаго на опытахъ, изслѣдованія. Посредствомъ извѣстныхъ цвѣтныхъ стеколъ вѣроятно удалось бы облегчить способность видѣть при поражающихъ зрѣніе сѣверныхъ туманахъ (ср. Фрорипа, Tagesberichte über die Fortschritte der Natur- u. Heilkunde, 1850, № 180, p. 128).

При первомъ появленіи воспаления хорошо дѣйствуетъ постоянное прикладываніе снѣга. Впослѣдствіи доставляютъ облегченіе тинктура опиума и Гулардова вода.

Упряжныхъ собакъ снѣжная слѣпота, говорятъ, иногда поражаетъ такъ-же сильно, какъ и человѣка.

См. стр. 315 и слѣд., особенно же стр. 320: Что по части развитія тепла въ животныхъ нельзя принимать за исходную точку преимущественно физическо-химическіе процессы, въ этомъ мы можемъ убѣждаться ежедневно. Вслѣдствіе непрерывнаго вліянія стужи, организмъ приобретаетъ способность развивать все болѣе и болѣе собственнаго тепла. Такимъ-же образомъ онъ лишается этой способности при продолжительномъ дѣйствіи тепла, и потому-то значительные градусы холода, внезапно наступающіе иногда лѣтомъ и осенью, животнымъ гораздо чувствительнѣе, чѣмъ зимою и весною. Споспособность развивать тепло находится въ обратномъ отношеніи ко времени года. Либермейстеръ (Deutsche Klinik, 1869, p. 40) доказалъ, что посредствомъ душей или другихъ холодныхъ прикладываній реактивное повышение тепла можетъ быть доведено до возбужде-

вія вчетверо, и даже вшесгеро большаго количества тепла сравнительно съ нормальнымъ. Къ сказанному мною на стр. 320 я считаю нужнымъ добавить еще слѣдующія приключенія и наблюденія, чтобы между прочимъ оправдать также употребленное мною въ путевыхъ донесеніяхъ выраженіе «приспособленіе для развитія тепла» (Adaptation), такъ какъ меня чрезвычайно поражало различіе въ способности тѣла къ развитію тепла.

Когда 25-го Марта 1842 года на Енисеѣ подъ 67° с. ш. (между Денежкинымъ и Карасинымъ) караванъ мой подвигался очень медленно, то я сбросилъ съ себя шапку, армякъ и галстукъ, потому что въ полдень стало сильно таять при густомъ туманѣ, подвязалъ лыжи и отправился впередъ къ ближайшей станціи. Не успѣлъ я осмотрѣться, какъ меня охватилъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, переобразовавшійся изъ дувшаго передъ тѣмъ южнаго вѣтра. Температура быстро понизилась до 18° и даже почти до 20° морозу. Во весь опоръ я пробѣжалъ разстояніе приблизительно въ 6 геогр. миль и не зябнулъ, когда прибылъ на мѣсто; но слишкомъ легкая нижняя одежда моя, заключавшаяся всего въ холщевыхъ штанахъ, повлекла за собою нѣкоторыя непріятныя послѣдствія, въ особенности несносный зудъ, отъ котораго я долго не могъ отдѣлаться (*prurigo glandis, cum oedemate praerutii*) и за который меня лишь слабо вознаградили изумленіе поселенца, къ которому я примчался, и восклицаніе его: «этогого у насъ еще не бывало».

На Становомъ хребтѣ я проснулся однажды отъ собачьяго лая. Не случись этого, я преспокойно проспалъ бы долѣе, не смотря на то, что при 10 градусахъ холода моя спина ничѣмъ не была прикрыта. Я вспомнилъ при этомъ случаѣ описанія путешествій Гумбольдта и Мейена, въ которыхъ разсказывается, что они подъ тропиками чувствовали ознобъ при + 22°. Вотъ до какой степени измѣняется способность развивать тепло, равно какъ и субъективное чувство.

20-го Ноября, не смотря на — 24,6 Р., мнѣ въ шалашѣ, передъ пылавшимъ огонькомъ, показалось такъ тепло, что я нѣсколько времени оставался въ подштанникахъ и откладывалъ надѣваніе штановъ. Перемѣна бѣлья, не смотря на тѣ градусы холода, причиняла мало затрудненій. Убѣдительно была польза отъ насыщеннаго желудка, въ особенности когда онъ былъ наполненъ теплою пищею или чаемъ въ 60° или 70° Р.; вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялось также постоянно возраставшее расположеніе къ жирнымъ кушаньямъ и даже къ употребленію топленнаго жира.

18-го Октября, когда на дворѣ было — 11° Р., я поднесъ руку къ горѣвшему въ шалашѣ огоньку на столько, на сколько она могла вытерпѣть жаръ, и въ то время, когда пальцы жгло и подъ ногтями чувствовалась сильная боль, термометръ, прикасавшійся къ рукѣ шарикомъ, никогда не поднимался выше 25,6 Р.

Вслѣдствіе этого я измѣрилъ температуру въ различныхъ мѣстахъ шалаша и на-
шелъ, сидя, какъ всегда, передъ пылавшимъ въ немъ огонькомъ,

на землѣ, у самой стѣнки шалаша, — 10,3

у моеи спины . . . . . — 4°—5°

у моихъ колѣнъ . . . . . $\mp 0^{\circ}$

передъ ними . . . . . $+ 10^{\circ} + 15^{\circ}$ и т. д.;

при всемъ томъ сидѣть было весьма удобно. Мы сняли шалашъ и развели огромный костеръ (галеунтъ). Въ то время, когда я подносилъ руку мою къ нему на столько, что она едва была въ состояннн выдерживать жаръ, стоявшнй возлѣ термометръ показывалъ $+ 10^{\circ},9$ при наружной температурѣ въ $- 21^{\circ},1$. Когда я, при тѣхъ-же условняхъ, держалъ термометръ непосредственно передъ своею голою ладонью, то онъ поднимался до 16° ; когда же я одѣвалъ рукавицу, то онъ опять доходилъ до 16° . Слѣдовательно при лучистой жарѣ рука моя уже не была въ состояннн выносить нашу обыкновенную комнатную теплоту. 3-го Ноября я повторилъ эти сравнительные опыты при 11° мороза и нашелъ въ шалашѣ, хорошо обнесенномъ снѣгомъ:

возлѣ самой стѣнки шалаша, на землѣ . . . . . $- 3^{\circ},2$ Р.

2' ближе къ огню, у спины моей . . . . . $- 0^{\circ},8$

у моихъ колѣнъ . . . . . $+ 5^{\circ}$ до 11° , когда огонь раздували,

возлѣ самаго тыла руки, когда я подводилъ его къ огню, на сколько могъ

выносить жаръ . . . . . $+ 21^{\circ}$ до 26° ; немногимъ болѣе, когда я ставилъ термометръ передъ ладонью.

Когда я обтянулъ термометръ замшею

тѣльнаго цвѣта, то онъ возлѣ тыла

руки, поднесеннаго къ огню до не-

выносимой боли, показывалъ . . . . . 35° ; вѣроятно вслѣдствнн накопленнн тепла и устраненнн холоднаго наружнаго воздуха.

См. стр. 323: Что даже самыя маленькнн птицы въ состояннн переносить весьма значительныя градусы мороза, это доказываютъ упомянутыя тамъ крошечныя животныя, зимующнн подъ полярнымъ кругомъ. Въ этомъ отношеннн интересна замѣтка (Zoolog. Garten 1864, № 9, р. 297), что въ Регенсбургѣ даже снльвнн, которыя при раннемъ лѣтѣ прилетаютъ позднѣе всѣхъ, а потому и улетаютъ опять раньше всѣхъ, перенесли зимнюю стужу въ нетопленной комнатѣ, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствнн.

Правда, что на глубокомъ сѣверѣ, осенью, при внезапномъ наступленнн суровой погоды, попадаютъ замерзшнн птицы. Такихъ я самъ встрѣчалъ много, такими и Ф. Шмидтъ (Mammuthsadaver р. 42) нашелъ *Turd. atrigularis* и *T. pilaris* послѣ ранней вьюги 20-го Августа, подъ 70° с. ш. Но по всей вѣроятности это все-таки хворые экземпляры и притомъ большею частью поздннн выводки, число которыхъ увеличивается по мѣрѣ приближеннн къ полюсу.

См. стр. 328: Срав. интересныя изслѣдованнн Радде (Reisen im Süden von Ost-sibirien 1863, I, стр. 162 и слѣд.). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 235?) онъ говоритъ, что въ Ногайской степи входъ байбачьей норы постоянно обращенъ къ югу, такъ что для ориен-

тированья при пасмурномъ небѣ, или въ темнотѣ ночи стоило только ощупывать норы, чтобы узнать страну свѣта.

См. стр. 330, прим. 1: Относительно сказаннаго необходимо было бы въ точности знать, какъ далеко простираются странствованія летучихъ мышей въ Сибири.

См. стр. 331: Радде привелось видѣть въ Забайкальѣ, что барсуки покидали свои норы уже 10-го Марта ст. стилиа, хотя по утрамъ холодъ еще доходилъ до -12° Р.

См. стр. 334: Въ упомянутомъ отношеніи мы обязаны г. Гримму (Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, 1874, Январь, стр. 10) чрезвычайно интереснымъ извѣстіемъ о томъ, что пока стерлядь еще плыветъ вверхъ, для метанія икры, она не принимаетъ никакой пищи. Необходимо далѣе прослѣдить этотъ фактъ, чтобы узнать, составляетъ-ли онъ у рыбъ такое общее явленіе, какъ у птицъ. Если это подтвердится, то мы можемъ смѣлѣе ожидать открытія существенной основной причины этого страннаго явленія.

См. стр. 344: Уже подъ 69° с. ш. за сѣверными оленями горнаго народа Долганъ признаютъ гораздо болѣе силы (Schmidt, Mammothcadaver, 1872, стр. 41).

См. стр. 345: Какъ въ упомянутомъ случаѣ взрослое животное бываетъ на родинѣ только мимоходомъ, такъ и настоящее мѣстопробываніе кочующихъ рыбъ часто находится на нѣсколько сотъ миль отъ ихъ мѣсторожденія, которое имъ, какъ напр. кетѣ (стр. 349) съ собратьей, удается видѣть снова лишь при самой смерти. Мы согласились считать родиною птицъ то мѣсто, гдѣ онѣ вьютъ гнѣзда, даже если онѣ проводятъ тамъ меньше времени, чѣмъ въ зимовьяхъ своихъ. Въ примѣненіи къ упомянутымъ кочующимъ рыбамъ, этотъ принципъ не имѣлъ бы смысла.

См. стр. 350: У Пржевальскаго (Путеш. 1870, стр. 98, 127) я нахожу подтвержденіе того, что кета заходитъ и въ маленькіе горные потоки Усури даже тогда, когда они не шире сажени и такъ мелки, что плавательныя перья рыбы выглядываютъ изъ воды. Когда онъ хотѣлъ разузнать время возвращенія ея, то ему сказали, что зашедшія въ рѣки рыбы всѣ погибаютъ. Въ такомъ-же точно видѣ этотъ замѣчательный фактъ мнѣ привелось видѣть на Тугурѣ и Немилнѣ.

Бокчегоръ, котораго Шмидтъ (Mammothcadaver, р. 45) приводитъ подъ другимъ его названіемъ мучугора, ближе всего, говорятъ, похожъ на S. Polkur, и встрѣчается не только въ устьѣ Енисея и въ Таймырскомъ краѣ, но и въ озерахъ Гыдинской тундры, даже въ цѣпи Норильскихъ озеръ.

См. стр. 354: По этой части, равно какъ и по многимъ другимъ, скандинавскія наблюденія представляютъ намъ немало потаенныхъ кладовъ, такъ какъ почтенные господа приставляютъ къ этимъкладамъ, въ видѣ цербера, трудность понимать скандинавскіе языки. Въ Notiser ur Sällskapet pro Fauna et Flora Fennica Förhandlingar, 1852, II, стр. 1, я нахожу весьма важные выводы Эрштрёма относительно странствованія лемминговъ въ Финляндіи.

Мѣстныя ограниченныя странствованія, не переходящія за горы, происходятъ, говорятъ, каждые 5, 6, и никакъ не болѣе какъ 10 лѣтъ. Большія же кочеванія, прости-

рающіяся до Ботническаго залива, бываютъ, говорятъ, лишь каждые 20 или 30 лѣтъ. Такъ

въ 1755 году они весною добрались до Карлѣ (извѣстный островъ въ виду Улеоборга, подъ 65° с. ш.);

въ 1798 году осенью произошло кочеваніе, какого не было въ теченіе цѣлаго столѣтія. Животныя исчезли зимою;

въ 1808, 1809 и 1810 годахъ также происходили странствованія;

въ 1827 — 1838 годахъ въ Муоніо, Торнео и на рѣкѣ Кеми были неурожай, такъ что кочующіе звѣрки (особенно *Agv. amphibius*) стали размножаться лишь послѣ того;

въ 1839 и 1840 годахъ весною открылось странствованіе лемминговъ, которое наводило прибрежныя мѣстности на 2 и на 3 мили отъ моря, внутрь страны, и разразилось такъ быстро, что крестьяне стали увѣрять, что лемминги свалились съ неба. Большею частью странствованіе происходило съ С. на Ю., но кочевали также съ С.-В. на Ю.-З. и съ С.-З. на Ю.-В. Животныя переплывали рѣки и тутъ погибали тысячами.

При этомъ они распложились во время кочевки. Осенью животныя исчезли. Нѣкоторыя прозимовали въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ.

Въ 1840 году въ Финляндіи кочевали и бѣлки.

Въ такіе годы, которые слѣдуютъ за усиленнымъ появленіемъ млекопитающихъ животныхъ, чрезвычайно размножается, говорятъ, и дичь, такъ что на финскомъ языкѣ существуетъ пословица: «впереди коготь, а позади перо».

Относительно замѣчанія моего на стр. 354 и слѣд., что странствованіе лемминговъ вѣроятно ничто иное, какъ распространеніе явленія, происходящаго въ горныхъ мѣстностяхъ въ видѣ кочеванія съ горъ и на горы, вполне подтверждается данными, которыя намъ сообщаетъ Эрштрёмъ.

Замѣчательны весеннія странствованія, о которыхъ говорится два раза. Были-ли это обратныя перекочевки?

Еще замѣчательнѣе распложеніе животныхъ во время этихъ странствованій, т. е. не то, что въ продолженіи путешествія являются на свѣтъ дѣтеныши, а то, что родители вѣроятно оставляютъ ихъ на произволь судьбы, такъ какъ нахлынувшіе кочевники, все-таки опять совершенно исчезаютъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы тщательно разсмотрѣть, дѣйствительно-ли справедлива упомянутая пословица.

См. стр. 359: Что перекочевки зайцевъ еще доселѣ положительно происходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, это доказывается вліяніемъ, которое они продолжаютъ оказывать на хозяйство туземцевъ. Въ пользу этого факта весьма убѣдительно говорить при-

водимый Третьяковымъ обращикъ обычнаго разговора въ зимней лачугѣ въ низовьяхъ Енисея: «а что ушканъ? на проходъ идетъ?»

См. стр. 360: Если мы попытаемся представить себѣ данныя, отъ которыхъ зависитъ страсть къ кочеванію, то намъ нельзя не замѣтить, что прежде всего мы должны различать внутреннія и внѣшнія условія.

Дѣло въ томъ, что животныя по своей природѣ чрезвычайно отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одни способны подчиняться самымъ разнообразнымъ условіямъ жизни, другія же, какъ бы созданныя для совершенно особыхъ обстоятельствъ, легко гибнуть, когдѣ скоро вырвать ихъ изъ тѣхъ условій, при которыхъ они родились и выросли.

Животныхъ, легко переносящихъ очень значительныя измѣненія температуры, академикъ Брандтъ назвалъ поликлиническими, причисливъ къ нимъ напр. тигра, медвѣдя, волка (*Untersuchungen über die Verbreitung des Tigers*, 1856, стр. 46, 91).

На способность къ большому распространенію вліяютъ условія питанія еще гораздо больше климата. Вотъ отчего такъ далеко распространяются всеядныя животныя, какъ напр. птицы вѣроной породы, чайки, поморники и т. д. Вѣрона мы встрѣчаемъ и около самого полюса, и въ Сахарѣ, гдѣ онъ является самой обыкновенной птицей и, за неимѣніемъ другаго возвышеннаго мѣста, обыкновенно садится на верблюжій горбъ (*Tristram, The great Sahara*, 1860, p. 61). Какъ скоро ко всеядной природѣ еще присоединяется особенное умѣнье принаровливаться ко всѣмъ возможнымъ условіямъ, такъ получаютъ превосходныя данныя для космополитическаго существованія. Припомнимъ въ этомъ отношеніи напр. необыкновенно податливый характеръ крякушки (*An. boschas*). Смолоду имѣвши дома случай удивляться способности, съ какою эта по-видимому глупая птица ускользаетъ отъ всѣхъ преслѣдованій ея на болотистыхъ трясилахъ и топяхъ, какъ тамъ, гдѣ на ровномъ мѣстѣ гнѣздо не довольно безопасно, она укрываетъ яйца на развѣтвленіяхъ старыхъ древесныхъ стволовъ, въ вороньихъ гнѣздахъ или въ дуплахъ, вы окончательно поражены, когда, бродя среди засохшихъ пучковъ травы на безводныхъ, лишенныхъ тѣни, нагорныхъ степяхъ, то тутъ, то тамъ, ту же крякушку спугиваете съ гнѣзда. И тамъ даже, на самомъ ровномъ пространствѣ, она умѣетъ укрываться.

Животныя, до такой степени чувствующія себя вездѣ хорошо, менѣе всѣхъ другихъ сознаютъ въ себѣ потребность къ кочеванію; но если внѣшнія обстоятельства все-таки вынуждаютъ ихъ странствовать, то они обладаютъ способностью устраиваться гдѣ угодно, уживаться повсюду, смотря по обстоятельствамъ. Отсюда напр. у крякушки явилось особенное свойство зимовать въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, подъ такими дальними широтами, подъ какими, судя по общимъ климатическимъ условіямъ, нельзя и предполагать ее. Даже въ Сибири она довольствуется полыньями на горныхъ рѣкахъ подъ 65° с. ш. (срав. стр. 406).

Если я сказалъ «даже въ Сибири», то это относится къ дальней широтѣ, тогда какъ съ другой стороны можно смѣло сказать, что и въ древности въ Европѣ инныя водныя

птицы проводили зиму на полыньяхъ сѣверныхъ широтъ. Въ настоящее время ихъ употребляютъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ ограниченнѣе такого рода мѣста. Теперь даже маленькая оляпка въ тѣхъ-же мѣстахъ избѣгаетъ этой участи, лишь благодаря эстетическимъ чувствамъ образованнаго человѣка. Ее охраняютъ потому, что она служитъ у водопадовъ мельничныхъ плотинъ живымъ украшеніемъ безжизненнаго зимняго пейзажа.

Сказанное позволяетъ намъ судить о томъ, какъ мы должны относиться къ дознанному теперь факту, что въ различныхъ частяхъ свѣта, остаются кое-гдѣ, на продолжительное время, разные виды птицъ, главная масса которыхъ положительно улетаетъ въ самые отдаленные края къ извѣстнымъ климатическимъ мѣстамъ высиживанія яицъ. Для примѣра укажемъ на *Lag. argentatus*. Мы причислили его къ кругоборейскимъ тундрнымъ птицамъ (стр. 209). Въ этомъ качествѣ онъ положительный кочевникъ, и является въ безчисленномъ множествѣ зимою на Средиземномъ морѣ и до Канарскихъ острововъ. Съ наступленіемъ весны онъ удаляется массами къ мѣстамъ высиживанія яицъ, на сѣверъ. При всемъ томъ нѣкоторые остаются на зимнихъ квартирахъ и высиживаютъ яйца либо на Азорскихъ (*Ibis*, 1866, стр. 96), либо на Канарскихъ островахъ (*Journ. f. Ornithol.* 1855, стр. 173), въ Провансѣ (*Journ. f. Ornithol.* 1856, стр. 234), на о. Мальтѣ (*Ibis*, 1864, стр. 151; очень рѣдко), либо при устьѣ Днѣпра (*Journ. f. Ornithol.*, 1870) и т. д.

Хотя такіе сѣверяне, поселяющіеся, по какой бы то ни было причинѣ, на югѣ, положительно доказываютъ, что эти животныя могутъ жить, а со временемъ и благоденствовать, да чрезвычайно размножаться подъ южными широтами, но съ другой стороны они столько-же свидѣтельствуютъ о силѣ влеченія къ кочеванію, все-таки опять непреодолимо побуждающаго главныя массы къ дальнимъ опаснымъ странствованіямъ.

Какъ въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ *Lag. argentatus* заводитъ на югѣ колоніи, гдѣ высиживаетъ яйца подъ совершенно другимъ небомъ, такъ нѣкоторыя отставшія птицы заводятъ себѣ съ другой стороны зимнія квартиры необыкновенно далеко на сѣверѣ. Такъ напр. ворона, залетающая въ Египетъ и Аравію, гдѣ нѣкоторыя семейства ея высиживаютъ яйца, все-таки зимуетъ также у Нижнеколымска подъ 68½ с. ш. (Киберъ въ Сиб. Вѣстн. I, стр. 122), потому что тамъ въ теченіе всей зимы находятъ разные остатки пищи. Такимъ-же образомъ въ Лифляндіи иногда (особенно въ 1866 и 1867 годахъ) зимовали нѣкоторые зяблики и даже хохлатые жаворонки, или до поздняго лѣта оставались свиристели и т. д. При этомъ сначала меня въ особенности поражало появленіе зимою хохлатаго жаворонка, потому что лѣтомъ онъ не встрѣчался около Дерпта. Оказывается, что онъ высиживаетъ яйца въ сѣверной Эстляндіи и потому на улицахъ Везенберга бываетъ постояннымъ зимнимъ гостемъ. Такіе отдѣльные случаи заслуживаютъ вниманія, какъ документы, поясняющіе процессъ распространенія животнаго царства на землѣ въ древнія времена. Нужно поступать какъ можно осторожнѣе, нужно отыскивать по возможности больше доказательствъ, если мы хотимъ уловить происходящія на нашихъ глазахъ передвиженія предѣловъ распространенія животныхъ.

Убѣдившись, что всеядный характеръ нѣкоторыхъ животныхъ служитъ главнымъ рычагомъ далекаго распространенія ихъ, мы не вправѣ безъ дальнѣйшаго выводить заключеніе въ противоположномъ направленіи. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить орѣховка. Мало, кажется, птицъ, которыя такъ положительно обрѣчены на извѣстную любимую пищу, какъ орѣховка на кедровые орѣхи. Въ ней развился, такъ сказать, вполне выработанный приѣмъ срыванія шишекъ, раскусыванія орѣховъ и накапливанія потаенныхъ запасовъ на черный день. Она наполняетъ послѣдніе не рѣдко при помощи обворовыванія Сибиряковъ, занимающихся собираніемъ тѣхъ-же орѣховъ.

Если такая односторонность условій питанія орѣховки заставляетъ ее ограничиваться тѣсными предѣлами распространенія, то съ другой стороны ей приходится улетать въ самые дальніе края, коль скоро дома не уродился ея плодъ. Вслѣдствіе этого она сдѣлалась чисто-цыганскою птицей, которая однакоже мало по малу сумѣла развѣдать, за предѣлами цѣлыхъ частей свѣта, всѣ мѣста, гдѣ только растутъ кедръ. Гдѣ бы послѣдніе ни находились, хотя бы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, непременно туда является орѣховка, по крайней мѣрѣ, въ осеннее время, когда орѣхи созрѣли.

Кромѣ того, орѣховка чрезвычайно интересная птица еще и потому, что простые орѣхи, которыми она питается въ случаѣ нужды, принуждаютъ ее чрезвычайно напрягать жевательные аппараты, почему и сила клюва необыкновенно разнообразна (см. нѣм. изд. этого соч. II, 2, стр. 158). Вотъ прекрасный случай для видодѣлителей (они уже и воспользовались имъ) приставлять новосочиненнымъ видамъ то необыкновенно толстыя, то необычайно длинныя клювы. Жаль только, что какъ разъ эта птица до того неизмѣнно придерживается своего стариннаго фрака, что никакая новомодная одежда не хочетъ явиться на помощь столь кстати раздувающемуся и съезживающемуся носу.

Мимоходомъ мы замѣтимъ тутъ еще, что по части тѣсной связи между *Pip. sembra* и орѣховкой можно отыскать нѣсколько замѣчательныхъ аналогическихъ примѣровъ, какъ напр. *Tetrao tetrix* и *Betula*, *Tetr. urogallus* и *Populus tremula*, *Tetr. falci-pennis* и *Ab. Ajanensis*, *Tetr. alpinus* и *Dryas*, *Tetr. albus* и *Empetrum*, *Tamias striatus* и *Ab. obovata* рядомъ съ *Ab. pichta*, *Rangifer* и *Cepomys* и т. п.

Лучшимъ доказательствомъ того, что даже всеядный характеръ все-таки еще не составляетъ необходимаго условія осѣдлости, можетъ служить альпійская бѣлая куропатка, которой почти столько-же приходится пользоваться плодами *Dryas*, сколько орѣховкѣ кедровыми орѣхами. При всемъ томъ альпійская бѣлая куропатка по своимъ прирожденнымъ свойствамъ такъ склонна къ осѣдлости, что есть не мало стай альпійскихъ бѣлыхъ куропатокъ, которыхъ даже соединенная сила самыхъ глубоко-сѣверныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ альпійскихъ условій не въ состояніи побудить къ странствованіямъ.

Бросивъ нѣсколько взглядовъ на вліяніе, которое первоначальныя природныя свойства и прирожденный характеръ животнаго оказываютъ на его способность кочевать, мы обратимъ вниманіе на внѣшнія побудительныя причины, обуславливающія кочеваніе.

Если оставить въ сторонѣ географическія широты и зимы полярнаго климата то однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ кочеваніямъ оказывается форма рельефовъ земной поверхности. Мы должны обратить особенное вниманіе на то, что объ крайности, т. е. и рѣзкая альпійская природа и безпредѣльно ровная степь въ одинаковой степени побуждаютъ животныхъ къ кочеванію. Такое-же вліяніе оказываютъ на нихъ и степи глубокаго сѣвера, тундры и степи южныхъ широтъ. Въ послѣднихъ, не только во время лѣтнихъ жаровъ подѣ тропиками, но и зимою, напр. даже подѣ 45° с. ш. къ востоку отъ Аральскаго моря, водворяется полнѣйшая мертвая тишина. На поприсѣ яростной борьбы стихій жизнь животная не въ состояніи состязаться съ суровымъ временемъ года. Когда млекопитающія уже успѣютъ удалиться, особенно на безснѣжныхъ солончакахъ, сѣверные подорожники и чисто степныя, зерноядныя птицы, жаворонки, *Pterocles*, *Syrnhartes* и великанъ между ними, драхва, пытаются еще удержаться въ степи. Но даже глубокосѣверныя пуночки и альпійскіе жаворонки, вмѣстѣ съ своимъ землякомъ-тиранномъ, конюкомъ, принуждены избѣгать крайней ярости зимы на ровной степной поверхности. Южная степь представляетъ даже еще другую побудительную причину къ кочеванію, чѣмъ самая пустынная тундра и самая суровая альпійская возвышенность. Причина эта — безводность, сухость, жажда. Послѣдняя побуждаетъ къ самымъ далекимъ странствованіямъ, какъ зимою, по недостатку снѣга, такъ и среди лѣта, когда на сотни квадратныхъ миль не въ состояніи удержаться ни малѣйшая капля воды. Что это значитъ, объ этомъ намъ свидѣтельствуютъ извѣстныя мученія, испытываемыя въ тропическихъ песчаныхъ пустыняхъ, и восклицаніе Перуанскаго путешественника (*Kittlitz*, *Denkwürdigkeiten* II, стр. 207) «какъ несчастна страна, гдѣ при постоянно сильномъ и гнетущемъ зноѣ нельзя укрыться подѣ тѣнью деревъ».

Подобно горамъ, степь гонитъ своихъ животныхъ не всегда только къ югу, въ лучшій климатъ, но и въ другія мѣста: тамъ вдоль по долинамъ, а тутъ во всѣ страны свѣта, не исключая и сѣвера. Сообщенныя нами извѣстія безпріютности, охватывающей степи по временамъ, представляютъ намъ обширное поприсѣ для разныхъ предположеній по части объясненія замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ кочеваній, разнесшаго *Syrnhartes paradoxus* въ 1863 году по всей Европѣ. Въ дополненіи къ стр. 247 мы указали на послѣдній сводъ извѣстій объ этомъ кочеваніи, которое, если я не ошибаюсь, Ньютонъ удачно назвалъ «татарскимъ нашествіемъ». Въ пользу того, что это было нѣчто въ родѣ выселенія, какое мы указали, говоря о млекопитающихъ животныхъ (стр. 353 и слѣд.), свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что уже въ 1853 году въ Европѣ показались первыя птицы этого вида, что потомъ въ 1859 году опять появилось нѣсколько, и за тѣмъ уже 4 года спустя нахлынула главная масса. Не будь этого обстоятельства, мы могли бы нашествіе 1863-го года смѣло признать за непомѣрное появленіе случайно забревшихъ гостей, вызванное чрезвычайно сильною весеннею бурей, пронесшеюся надъ нагорною степью. Въ этомъ случаѣ проявилось бы въ огромныхъ размѣрахъ тоже самое, что мы безпрестанно встрѣчаемъ въ одиночку у подобныхъ-же длиннокрылыхъ птицъ, буревѣстни-

ковъ, альбатросовъ, пеликановъ, фрегатъ-орловъ и т. д., которые съ степной поверхности океановъ заносятся въ средину материковъ, и позволяютъ брать себя руками, потому что они слишкомъ утомлены. Такое предположеніе прекрасно подтверждалось бы наблюденіемъ Радде (Reisen, II, стр. 294), по которому около той-же весенней поры (въ Маѣ), у Тарей-Нора, стая *Syrharpes*, въ количествѣ чуть-ли не 1000 штукъ, исчезла за ночь. Слѣдовательно, они также собираются весною стаями и предпринимаютъ за тѣмъ дальнѣйшіе полеты, во время которыхъ легко могутъ быть занесены въ другія мѣста. Во всякомъ случаѣ, способъ распространенія птицъ по всей Европѣ доказалъ, что птицы, увнесенныя съ своего материка, совершенно сбились съ толку, и не сумѣли ориентироваться. Сибиряку при этомъ невольно приходитъ на память доходящее до какой-то безсмысленности состояніе людей, заблудившихся въ первобытной пустыни. Вѣрообразно разсыпавшись отъ сѣвера до востока, *Syrharpes* въ 1863 году распространились по Европѣ на столько, на сколько полетъ ихъ не преграждался океаномъ. Тоже самое усиленное вниманіе къ необычайнымъ явленіямъ природы, которое намъ дало возможность обозрѣть это переселеніе, было однакоже вѣроятно причиною, почему на этотъ разъ не могло послѣдовать такое расширеніе области распространенія птицъ, какое въ этомъ случаѣ произошло бы въ древнее время. На дюнахъ Ютландіи и Голландіи животныя нашли себѣ жилища, которыя были въ состояніи замѣнить имъ родныя ихъ степи. Но яйца, птенцы и старики были истреблены вслѣдствіе большихъ премій, назначенныхъ за нихъ орнитологическою жадностью.

Лѣсная растительность положительно вызываетъ осѣдность животныхъ, такъ что Гейглинъ справедливо замѣчаетъ, что въ сѣв. Африкѣ не встрѣчается ни одинъ изъ нашихъ дятловъ. Тоже самое должно замѣтить о нашихъ тетеревахъ.

Но не смотря на лѣса, вызываемое ими нерѣдко изобиліе осадковъ (если послѣдніе образуютъ слишкомъ толстый снѣжный покровъ) принуждаетъ животныхъ предпринимать кочеванія, либо случайныя и мѣстныя, либо регулярныя и дальнія. Въ этомъ отношеніи поучительнѣе всего, безъ сомнѣнія, русское побережье Великаго Океана, къ югу отъ низовьевъ Амура, потому что рѣдко-гдѣ такъ близко сходятся непомѣрные осадки съ сильною сухостью воздуха и такъ непосредственно вызываютъ животныхъ на переселеніе. Самый характеръ мѣстности манитъ ихъ къ почти внезапному переходу отъ величайшихъ лишеній къ раздольному житію.

Къ упомянутымъ причинамъ причислимъ еще слѣдующія: воды первобытныхъ мѣстностей ежегодно по временамъ возвышаются отъ 3 до 8 сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ воды и на время затопляютъ цѣлыя сотни квадратныхъ миль сухихъ въ другую пору земель; иногда огромныя водныя пространства (напр. Тарей-Норъ) совершенно высыхаютъ; необъятные степные и лѣсные пожары ежегодно на столь-же обширныхъ пространствахъ, лежащихъ гораздо выше надъ водною поверхностью, производятъ еще болѣе продолжительныя измѣненія, чѣмъ наводненія; животныя сами (напр. многочисленныя колоніи корморановъ, организованнымъ разбойничьимъ шайкамъ кото-

рыхъ удалось выловить рыбу изъ ближайшихъ озеръ) иногда, вслѣдствіе истребленія своею пищи, поставлены въ необходимость выселяться; насѣкомыя (оводъ) въ степи становятся невыносимыми и т. д. Принявъ все это въ соображеніе, мы найдемъ дѣйствительно больше поводовъ къ кочеванію, чѣмъ къ осѣдлому существованію.

Все, что мы имѣли случай видѣть въ первобытныхъ мѣстностяхъ, показываетъ намъ, до какой степени культура была въ состояніи уменьшить кочеваніе животныхъ, являющееся въ первобытныхъ странахъ земнаго шара нормальнымъ состояніемъ и притомъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, которые въ Европѣ давно уже забыты. Этотъ фактъ положительно доказываетъ, что, возводя пынѣшнія явленія къ древнимъ временамъ, мы должны постоянно имѣть въ виду, на сколько въ то время кочеванія происходили въ болѣе сильной степени. Очевидно мы не придадимъ слишкомъ большаго значенія перекочеваніямъ дилувіальныхъ животныхъ, маммутовъ, носороговъ и ихъ современниковъ, предполагая, что они въ свое время предпринимали кочеванія по обширнѣе тѣхъ, какія теперь совершаютъ сѣв. олени, современниками которыхъ они были вмѣстѣ съ мускусными быками, зубрами, лосемъ, оленемъ, барсукомъ и т. д. Но какъ послѣдній, безъ сомнѣнія, никогда не кочевалъ, такъ и въ настоящее время не кочуетъ въ Сибири *Lagomys* и *Moschus*, породы которыхъ въ Европѣ вымерли и, будучи тамъ находимы только въ третичныхъ слояхъ, напоминаютъ о прежнихъ условіяхъ распространенія животныхъ. Намъ не нужно восходить къ тѣмъ временамъ повѣйшей исторіи земли, когда полярныя страны были покрыты буками, ясенями, орѣшниками, платанами и липами и очевидно имѣли среднюю температуру въ слишкомъ 8° Ц. Да и тотъ недавній періодъ, когда море омывало низменности, прилегающія къ Уральскому хребту съ востока, равно какъ отроги сѣверной окраины средне-азиатскаго плоскогорія, когда сѣверная окраина Сибири еще не выдавалась изъ моря, когда, можетъ быть, даже существовала связь между Арало-Каспійскою низменностью и Ледовитымъ океаномъ и т. д., и этотъ періодъ, говорю я, относился къ условіямъ кочеванія животныхъ, должно быть, совершенно иначе, чѣмъ мы можемъ судить по теперешнему времени. Но мы вправѣ также предполагать, что въ тѣ времена нѣкоторыя изъ нашихъ, теперь положительно кочующихъ, животныхъ принадлежали еще къ числу осѣдлыхъ.

См. стр. 362: При устьяхъ большихъ Сибирскихъ рѣкъ всѣ переходныя рыбы являются, кажется, осѣдлыми. Предположеніе мое, что осѣдло-переходныя рыбы ничто иное, какъ переходныя рыбы, слѣвавшіяся осѣдлыми, отчасти даже вслѣдствіе того, что онѣ были совершенно отрѣзаны, предположеніе это, говорю я, становится вполне достовѣрнымъ, когда мы, слѣдуя Рютемеіеру (*Die Herkunft unserer Thierwelt*, 1867), мысленно перенесемъ въ давно-минувшія времена. Въ этомъ отношеніи весьма важно отмѣчать происходящія на нашихъ глазахъ перемѣны въ образѣ жизни животныхъ. Мы видѣли, что нѣкоторыя водныя птицы проводятъ зиму необыкновенно далеко на сѣверѣ вездѣ, гдѣ по какимъ-нибудь причинамъ воды мѣстами зимою не покрываются льдомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли также, какъ быстро распространеніе

человѣка и его смертоносныхъ орудіи по всѣмъ первобытнымъ странамъ земнаго шара истребляетъ на всегда такія зимующія колоніи.

Тоже самое бываетъ со вторженіемъ обитателей моря въ рѣки и озера. Съ году на годъ бѣлуха слѣдуетъ за входящими въ рѣки стаями рыбъ на меньшее разстояніе; да и послѣднія постепенно все менѣе далеко заходятъ въ рѣки¹⁾. Въ Сѣв. Двинѣ бѣлуха, какъ извѣстно, прежде заходила по крайней мѣрѣ верстъ за 80 выше устья, мимо Архангельска²⁾, но уже въ прошломъ столѣтіи это прекратилось.

Палласъ³⁾ могъ еще сообщить, что въ Оби бѣлухи заходили вверхъ обыкновенно верстъ на 200 (до Кушеватскаго погоста), и что одна забралась даже до Иртыша. Въ Енисеѣ и Хатангѣ онѣ также заходятъ далеко вверхъ. Съ каждымъ годомъ это дѣлается рѣже⁴⁾ и совершенно измѣнится, когда станутъ серьезно преслѣдовать этихъ дельфиновъ въ моряхъ, окружающихъ Новую Землю, гдѣ смѣлые Норвежскіе жиропромышленники еще въ послѣдніе годы встрѣчали ихъ тысячами.

Поразительнѣе всего первобытнѣйшій порядокъ вторженія бѣлухъ въ рѣки, въ Амурѣ, на которомъ пока еще мало поселеній, и гдѣ эти чудовища забираются верстъ за 400 отъ устья этой рѣки; правда, что это уже рѣдко случается, но верстъ за 200 отъ устья онѣ встрѣчаются еще часто⁵⁾.

Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что тамъ и тюлепъ (а именно два вида его) на столько-же заходитъ въ рѣку⁶⁾. Впрочемъ забираются, говорятъ, такъ далеко только молодыя животныя, какъ это уже замѣчено и въ Европѣ, гдѣ они даже, перебираясь сухимъ путемъ черезъ шлюзы и плотины, доходили до Дессау⁷⁾.

Если бы эти животныя не подвергались неизбѣжному истребленію, то они, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы оставаться въ рѣкахъ въ теченіи всей зимы и, не смотря на самую сильную зимнюю стужу, держать открытыми свои продушины въ ледяномъ покровѣ. Это слѣдовало бы принять въ соображеніе при разсмотрѣніи сказаннаго нами на стр. 415 о происхожденіи Байкальскаго тюлена и Байкальской омули. Даже Альпійскій *Salmo salvelinus* принимается Рютимейеромъ за *species relicta* Поляр-

1) Въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться обіія жалобы по этому предмету. На Енисеѣ главные рыбные промыслы мало по малу подвигались вслѣдъ за предѣлами странствованій муксуновъ все далѣе внизъ по рѣкѣ (Кривошапкинъ, Туруханскій край, II, стр. 173). Въ очень безлюдной рѣчной области Уди мнѣ сообщали даже, какъ несомнѣнный фактъ, что кета, никогда не появлявшаяся въ Половинной въ слишкомъ большомъ количествѣ, въ то время почти совершенно не показывалась, и притомъ не заходила уже по прежнему до устья Курунга. Фактъ по-видимому былъ вѣренъ, но не столько былъ результатомъ уменьшенія кеты, сколько, кажется, слѣдствіемъ неизвѣстныхъ измѣненій въ свойствѣ воды или ложа Половинной.

2) Лепехинъ, Путешествіе, IV, стр. 337.

3) Zoographia I, стр. 274; срав. также Сиб. Вѣсти. II, стр. 306.

4) Впрочемъ въ 1838 году все-таки поймана была бѣлуха въ 360 верстахъ отъ Тобольска, у погоста Самаровскаго (Завалишинъ, Описание Зап. Сибири, 1862, стр. 49).

Въ Енисеѣ въ 1836 году выброшено было на берегъ 10 бѣлугъ при устьѣ Пыри (Третьяковъ, Зап. Имп. р. Геогр. Общ. 1869, стр. 263).

5) L. v. Schrenck, Reise, Zool. p. 191. Bullet. de Moscou, 1861, II, p. 237.

6) L. v. Schrenck, p. 180, 181.

7) Rolle, Archiv des Vereins in Meklenburg, 1836, стр. 71 и 73, примѣч.

наго моря, съ тѣхъ поръ какъ изслѣдованія Мальмгрена доказали тождественность этой рыбы съ Скандинавскимъ морскимъ *S. alpinus* L. Уже въ первомъ путевомъ донесеніи моемъ изъ Сибири я высказался объ этой тождественности 30 лѣтъ тому назадъ.

Изъ всѣхъ этихъ случаевъ, равно какъ изъ образа жизни лоховъ, оказывается, какъ легко многія морскія животныя перемѣняютъ соленую воду на прѣсную.

Осѣдло-переходными рыбами Таймырскаго края, сколько мнѣ позволяютъ судить мои собственныя наблюденія, я долженъ признать кунджу, чира, пелета, сига, нельму и, можетъ быть, также омуля.

Шмидтъ¹⁾ говоритъ, что въ Енисей муксуна ловятъ цѣлый годъ около Звѣрева (71½° с. ш.). Слѣдовательно тамъ эта лвно-переходная рыба является осѣдлою.

См. стр. 364: Проф. Кеслеръ сообщилъ (Труды С.-Петербур. Общ. Естествоиспыт. I, 2, 1870; стр. 135) интересныя, относящіяся сюда, свѣдѣнія о значительныхъ отклоненіяхъ въ ростѣ мелкихъ видовъ лоховъ въ различныхъ частяхъ Финскаго водоема; онъ упоминаетъ даже объ одномъ случаѣ, въ которомъ морская корюшка бываетъ меньшаго роста, чѣмъ соотвѣтствующая прѣсноводная корюшка.

См. стр. 365, прим. 1: Менетриѣ (Catalogue raisonné, 1832, стр. 14) первый сообщилъ свѣдѣнія о кочеваніяхъ альпійскихъ животныхъ Кавказа.

Уже Геденштрёмъ (Отрывки о Сибири, стр. 73) сообщилъ о странствованіи козулей Саянскаго хребта. Впослѣдствіи Бунге (Ledebour, Reise, II, стр. 201, 322) описалъ, какъ козули перебираются черезъ Иртышъ, когда онѣ въ началѣ Октября отправляются на равнины, а въ началѣ Апрѣля опять возвращаются въ горы.

О странствованіяхъ козуль на южной покатоги Становаго хребта см. нѣм. изд. этого соч. т. II, 2, стр. 119, и дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщенныя Шренкомъ, Радде и Шварцомъ (стр. 33, 72, 112).

Максимовичъ (Bullet. de l'Acad. de St.-Petersbourg, II, стр. 601) познакомилъ насъ съ кочеваніями козуль на р. Уссури, а Пржевальскій (loc. cit. стр. 267) описалъ громадныя размѣры этихъ кочеваній съ краснорѣчіемъ страстнаго охотника. Въ его время соединялись въ одно, не только стаи и маленькія общества, но и стада въ 100 головъ и болѣе.

См. стр. 366: Почти подъ 70° с. ш. сѣв. олени кочевали регулярно и переправлялись черезъ Енисей (Ф. Шмидтъ, Mammuth-Kadaver, стр. 40). Теперь это прекратилось и они переправляются черезъ рѣку то тутъ, то тамъ, стаями или небольшими отрядами.

См. стр. 369: Эта европейская колонія нѣсколькихъ древне-борейскихъ видовъ, безъ сомнѣнія, ежегодно перебирающихся съ западныхъ береговъ Европы, чрезъ Ферарскіе острова и Исландію, въ Гренландію, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія тѣмъ болѣе, что направленіе, въ которомъ тянутся эти птицы, поразительно напоминаетъ намъ столь раннее открытіе древней Винландіи. Какъ Норманны тогдашняго времени распо-

¹⁾ Mammuth-Kadaver, p. 46.

лагали лишь столь слабыми мореходными средствами, что ничѣмъ не превосходили перелетавшихъ туда птицъ, двигавшихся однакоже несравненно быстрѣе людей, такъ и птицы, о которыхъ мы говоримъ, вѣроятно происходятъ отъ занесенныхъ первоначально изъ Европы въ Гренландію паръ, потомки которыхъ возвратившись въ Европу не могли не направиться обратно къ мѣсту высиживанія ихъ изъ яицъ.

Развивая прежнія наблюденія, Бэрдъ (*The Distribution*, стр. 23) обратилъ вниманіе на то, что всѣ европейскія материковыя птицы, часто встрѣчающіяся въ Исландіи, почти безъ исключенія принадлежатъ къ числу обычныхъ птицъ Гренландіи. Замѣчательно, что *Falco aesalon* единственная европейская, встрѣчающаяся въ Исландіи, материковая птица, которую до сихъ поръ еще не видѣли въ Гренландіи. По словамъ Бэрда, всѣ европейскія птицы, часто попадающіяся въ Гренландіи, встрѣчаются также въ континентальной части Сѣв. Америки. Часть же ихъ, вмѣстѣ съ чисто-американскими перелетными птицами, странствуетъ, говорятъ, вдоль Сѣв. Америки къ югу. *Plectr. nivalis*, *Saxic. oenanthe*, *Hir. riparia*, *Strix nuctea*, по случаю перелета своего изъ Новой Шотландіи и Ньюфаундлендена въ Мексику, Гватемалу и Вестиндію, появляются, говорятъ, на Бермудскихъ островахъ.

Если бы можно было безошибочно отличать исландскаго *Charadr. agricius* отъ гренландскаго *Char. americanus*, какъ напр. *Num. phaeopus* отъ *Num. melanorhynchus* (см. *Comptes-rendus de l'Acad. de Paris*, 1856, стр. 1019), то была бы возможность прослѣдить далѣе вопросъ о колонизаціи, о которой идетъ рѣчь, и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на отличительные признаки *Char. agricius* сѣв. Сибири.

Бэрдъ (*The distribution and migrations of North-American birds*, p. 26) подтверждаетъ, что въ Америкѣ птицы при осеннемъ возвращеніи также не всегда избираютъ весенніе пути. Осенью нѣкоторыя птицы во множествѣ являются въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ въ другое время года онѣ вовсе не бываютъ. Очень много птицъ, возвращающихся вдоль морскаго побережья, нерѣдко, особенно при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, движутся, кажется, по долипѣ рѣки Миссисипи, перелетая изъ Флориды чрезъ Кубу въ Юкатанъ, слѣдовательно примѣняютъ направленіе своего странствованія также къ мѣстностямъ. И тамъ стаи весною совершаютъ перелетъ гораздо быстрѣе и дѣлаютъ менѣе приваловъ.

Если осенній перелетъ сравниваютъ съ этапнымъ странствованіемъ, то весенній перелетъ дѣйствительно можно сравнить съ желѣзно-дорожнымъ поѣздомъ. Осенью различные виды меньше смѣшиваются. Положительно сѣверныя птицы, какъ напр. *Ans. albifrons* и *Ans. bernicla*, во время осенняго перелета своего, остаются въ срединныхъ частяхъ Россіи тысячами и десятками тысячъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду (Сѣверцовъ, *Період. явленія*, стр. 247). Аллеонъ (*Revue et Magas. de Zoologie*, 1869, стр. 258) подтверждаетъ, что и на Босфорѣ существуютъ подобныя различія во время осенняго перелета. Такое различіе тѣмъ болѣе естественно, что уже въ обыденномъ порядкѣ, столь

близко-родные виды, какъ *Sterna hirundo* и *St. cantiaca*, тянутся каждый своимъ особымъ путемъ (Droste, p. 331).

Если Радде (*Beiträge zur Kenntn. des Russ. Reichs*, стр. 436) нашелъ, что у Тарей-Нора осенній перелетъ не такъ продолжительнъ, какъ весенній, то это можетъ относиться только къ такимъ мѣстностямъ, гдѣ осень непродолжительна и зима настаетъ внезапно.

См. стр. 370: Майдель сообщаетъ (*Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.*, 1871, II, стр. 63), что бѣлые гуси, которые въ прежнее время во множествѣ вили гнѣзда на Индигиркѣ, теперь встрѣчаются только при перелетѣ на острова Ледовитаго океана (въ сѣверо-восточномъ направленіи).

См. стр. 371: *Char. morinellus* (по Радде, *Reisen*, II, стр. 323, высидивающій яйца въ альпійскихъ тундрахъ Саянскаго хребта; по Тристрему, 1860, стр. 61, водящійся громадными стаями въ Сахарѣ) и *Squat. helvetica* рѣдко зимуютъ въ Испаніи, какъ это въ большомъ количествѣ дѣлаетъ *Char. pluvialis* (*Isis, Nat. Zeit.* 1857, стр. 473). При всемъ томъ *Squat. helvetica* во время своего перелета встрѣчается и близъ Харькова (*Czegnay, Bullet. de Moscou*, 1865, стр. 60). *Tr. canutus* пролетаетъ чрезъ Провансъ (*Sabanis, Journ. f. Ornithol.* 1856, стр. 230) и, въ видѣ рѣдкаго исключенія, является въ Февралѣ, даже лѣтомъ, на о. Мальтѣ (*Ibis*, 1864, стр. 148), и даже внутри Сибири (*Radde, Reisen* II, стр. 322).

Трудно составить себѣ ясное понятіе объ этихъ птицахъ, такъ какъ онѣ столько-же способны зимовать на морскихъ побережьяхъ глубокаго сѣвера (какъ это перѣдко встрѣчалось), сколько съ другой стороны часть ихъ появляется среди лѣта на побережьяхъ Средней Европы и проводить тамъ нѣкоторое время. Къ такимъ птицамъ должны быть причислены не только *Tr. cinclus*, *Tr. minuta*, *Tr. Temminckii*, и многія другія, но и въ особенности оба вида *Phalaropus*, обыкновенно водящіеся зимою въ Исландіи и Гренландіи (*Holböll Isis*, 1845, стр. 764), и притомъ на столько приближаются къ полюсу, на сколько море не покрыто льдомъ. При всемъ томъ онѣ рано улетаютъ изъ Шпицбергена (*Heuglin, Journ. f. Ornithol.* 1871, p. 102), даже лѣтомъ являются въ Испаніи (*Isis*, 1857, стр. 47), были убиваемы въ Москвѣ, въ концѣ Августа встрѣчались въ Крыму (Шатиловъ, *Bullet. de Moscou*, 1860, стр. 507) и осенью часто тянутся надъ внутренними частями Сибири, оживляя тогда степныя озера ея.

Птицы, отъ которыхъ трудно было ожидать этого, какъ напр. *Lestr. parasitica* и *Lag. glaucus*, иногда пролетаютъ надъ внутренними частями материковъ. Перваго вида птицы были убиваемы подъ Москвою, втораго — на Ангарѣ (*Radde, Reisen*, II, стр. 382). *Tr. maritima* жѣ при своихъ перелетахъ до того держится морскихъ побережій, что по этому никогда, кажется, и не долетаетъ до Понта.

Впрочемъ *Lestr. parasitica*, можетъ быть, остается въ южной Россіи для высидиванія яицъ, такъ какъ, по Шатилову (*Bullet. de Moscou*, 1860, стр. 509), она появляется въ Крыму въ концѣ Іюля и началѣ Августа, когда морскія ласточки покидаютъ

свои гнѣздилища, на счетъ которыхъ онѣ живутъ. Чрезвычайно странно, что тамъ водится, говорятъ, именно *Sterna arctica*.

См. стр. 372: Существованіе арктическаго поперечнаго пути недавно подтверждено Майделемъ (Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1871, II, стр. 2 и 3). Онъ говоритъ, что на берегахъ Чукотскаго края перелетныя птицы летятъ не прямо на сѣверъ черезъ море, а сначала нѣкоторое время къ западу, вдоль прибрежья, и уже за тѣмъ направляють полетъ свой къ сѣверу.

См. стр. 377 и прим. 1: Чрезвычайно интересныя наблюденія, сообщенныя г. Пржевальскимъ (Путеш. въ Уссурійскомъ краѣ, 1870, стр. 168 и слѣд.; Приложенія на стр. 55), уже теперь даютъ намъ возможность, если не вполне ясно уразумѣть дѣло, то по крайней мѣрѣ точно означить, на чтò будущимъ изслѣдователямъ необходимо обратить главное вниманіе.

Въ Уссурійскомъ краѣ, подлѣ 45° с. ш., явились жаворонки 6 недѣль, трясогузки 3 недѣли, ласточки 8 дней раньше, чѣмъ въ Якутскѣ, лежащемъ на 17 градусовъ широты сѣвернѣе. Можно конечно сказать, что эти птицы поспѣшили съ Усури въ Якутскъ, но эта поспѣшность слишкомъ отличается отъ дознанной средней быстроты перелета, такъ что мы не вправѣ считать ее вѣроятною относительно двухъ послѣднихъ птицъ. Если мы, кромѣ того, сравнимъ времена прилета позднихъ птицъ, т. е. кукушки, прилетавшей и туда и сюда почти въ одно время, и иволги (правда, другой видъ: *Oriol. cochinchinensis*), явившейся въ Якутскъ 4 недѣли ранѣе, то оказывается необходимымъ предположить, что часть перелетныхъ птицъ, прибывающихъ въ Якутскъ, тянется другимъ путемъ. Срав. стр. 425.

Что касается мѣстностей, лежащихъ ближе къ морскому прибрежью и къ устью Амура, то Шренкъ (*Reisen und Forschungen im Amurlande*, 1858, I, Введеніе, стр. XXVI; подтверждено Шварцомъ, Подробный Отчетъ математич. Отдѣла Сиб. Эксп., 1864, стр. 12) чрезвычайно наглядно и подробно доказалъ необычайное запаздываніе тамошней весны. Согласно съ этимъ онъ и нашелъ, что предсказанное мною запаздываніе тамъ перелетныхъ птицъ вполне оправдывается (стр. 558). По-этому, оставляя въ сторонѣ долины Усури и Сунгари, онъ считаетъ Селенгинско-Ангарскій путь главнымъ проходомъ, чрезъ который перелетныя птицы возвращаются въ Сибирь. Такъ какъ это съ самаго начала было и мое мнѣніе, то я не стану противорѣчить ему, а относительно нѣкоторыхъ не подходящихъ дней прилета замѣчу еще и теперь, что въ Якутскѣ перелетныя птицы могутъ прилетать и по Сунгарскому пути, гдѣ, по словамъ Шренка, царствуютъ болѣе умѣренныя весна и лѣто, замѣняющія зимнюю стужу болѣе высокою температурою. Рѣкъ Сунгари соотвѣтствуютъ въ сѣверномъ направленіи преобразившіяся въ плоскогорья мѣста истоковъ Дзеи. Не только Сунгаря, по всей вѣроятности, но и Усури, безъ всякаго сомнѣнія, служатъ перелетнымъ птицамъ путями кочеванія. Сотни за сотнями и тысячи за тысячами тянулись внизъ по Усури, густыми толпами, то спускаясь на землю для отдыха, то проносясь мимо безчисленными стаями. Тамошняя мѣстность

кишми кишѣла отъ несшихся вдаль птицъ. Впрочемъ, часть этого избытка количества должно приписывать, кажется, какъ на южномъ Уралѣ, чрезмѣрному накопленію птицъ остановленныхъ препятствіями.

Чрезвычайно интересно было для меня словесное сообщеніе г. Пржевальскаго, что второе его путешествіе, простершееся до Тибета, убѣдило его въ томъ, что перелетныя птицы, почти безъ исключенія (какъ я уже замѣтилъ на стр. 359, 378 и 413) не рѣшаются перелетать черезъ азіатское плоскогорье по степи Гоби. Онѣ, напротивъ того, тянутся вдоль юго-восточной окраины средне-азіатской возвышенности, въ сѣверо-восточномъ направленіи, за широту Пекина къ сѣверу, и потомъ подъ прямымъ угломъ направляются къ Селенгѣ на сѣверо-западъ, туда, гдѣ степь представляетъ самое узкое пространство. По-видимому это высоко-приподнятая, обуреваемая непогодами, пустыня перелетнымъ птицамъ чуть-ли не страшнѣе морей, чрезъ которыя онѣ перебираются. Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаемъ появленія самихъ наблюденій, которыя отважный путешественникъ намѣренъ издать въ непродолжительномъ времени.

Прекрасна замѣтка Чуди, что перелетныя птицы и путь, которому онѣ слѣдуютъ при переправѣ черезъ Альпы, уже давно означили направленіе позднѣйшихъ проходовъ и искусственныхъ путей.

Замѣтки г. Пржевальскаго изъ Уссурійскаго края уже теперь даютъ намъ нѣкоторыя указанія по части особеннаго свойства перелета птицъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ голая континентальная степь и глубокій снѣгъ до такой степени сталкиваются съ пышною лѣсною растительностію густаго подлѣся, какъ при истокахъ Усури. Постараемся обрисовать эти явленія нѣсколькими характеристичными чертами.

Кое-гдѣ утка (особенно *An. clangula*) зимуетъ въ полыняхъ горнаго ручья или озернаго стока. Мѣстность еще глубоко погружена въ зимній сонъ, но уже 24-го Февраля (стар. стиля) начинаютъ появляться лебеди, въ качествѣ первыхъ перелетныхъ птицъ. За ними, въ началѣ Марта, быстро слѣдуютъ другъ за другомъ утки, журавли, хищныя птицы, даже *Emberiza polaris*, *Alauda arvensis*, *Vanellus cristatus*, *Lanius major*; короче сказать, до 9-го Марта прибыло уже 22 вида. Между тѣмъ 4-го Марта холодъ достигалъ еще 21° Р., ледъ на озерѣ былъ толщиною до 3'; лишь 23-го Марта въ полдень термометръ въ тѣни поднимался выше 0, и, не смотря на это, стужа (до 13°), вьюги и непогоды продолжали свирѣпствовать еще и въ Апрѣлѣ. Но отважныхъ спутниковъ это нисколько не удерживаетъ, а развѣ только немного задерживаетъ. Уже 10-го Марта являются *Monedula dahurica*, *Sturnus cineraceus*, *Totanus fuscus*; 20-го и 21-го Марта *Motac. alba paradoxa*, *Upupa epops*, *Ibis*, *Nipon*; 28-го и 29-го — *Coturnix muta*, *Columba gelastes*, *Ruticilla aurea*; въ началѣ Апрѣля *Ficedula superciliosa*, *Motac. cinereocapilla*, *Scolop. galinago*, *Calliope kamtschatkensis*; въ половинѣ Апрѣля — *Yunx torquilla*, *Ficedula sibirica*; 19-го *Hir. rustica rufa*; 30-го *Hir. urbica*, *Plectr. lapponica*; 10-го Мая *Cucul. canorus*, и 15-го *Oriolus cochinchinensis* заканчиваетъ собою перелетъ, хотя недѣлю передъ тѣмъ еще тянулись послѣдніе гуси.

Противоположности такъ рѣзки, что *Ibis Nipon* раздѣляетъ пребываніе съ *Plectr. nivalis*, и даже еще цѣлый мѣсяць съ *Str. pusteа* (до IV, 7). Внезапно наступающая теплота во вторую недѣлю Апрѣля, начинающая распускать болота, застаётъ огромное озеро Ханка еще совершенно покрытымъ льдомъ. До тѣхъ поръ прилетѣвшія птицы жалко довольствуются немногими проталинами. Сходство этого явленія на Уссури, подъ 45° с. ш., съ явленіемъ на глубокомъ сѣверѣ, какъ оно описано мною на стр. 429, явно бросается въ глаза.

См. стр. 381: Количество зимующихъ въ Египтѣ *Sylv. suecica coerulescula* во всякомъ случаѣ такъ велико, что едва-ли можно считать ихъ прибывшими изъ Лапландіи.

Варакушка очень рѣдко является осѣдой птицей въ Крымскихъ горахъ (Шатилловъ въ *Bullet. des Natur. de Moscou*, 1860, стр. 498, 516), равно какъ и на Дону (Сѣверцовъ, Період. явленія 1855, стр. 301).

Что встрѣчающіяся на югѣ западной Европы краснобрюхія трубныя ласточки должны считаться случайно занесенными туда птицами, это доказываетъ также появленіе ихъ въ одиночку на о. Гельголандѣ, въ Ростокѣ (Naumannia, 1858, стр. 403, 1160) и т. д.

См. стр. 383: Пискунецъ (*Ans. ruficollis*), говорятъ, ежегодно пролетаетъ по Галиціи (*Journ. f. Ornithol.*, 1856, I, стр. 95) и встрѣчался также въ Финляндіи (*Ibid.* 1870, стр. 287).

См. стр. 384, прим. 1: Хотя *Buteo lagopus* въ Европѣ кое-гдѣ вьетъ гнѣзда (напр. въ Помераніи, *Journ. f. Ornithol.* 1853, стр. 153; Моравіи, *Verhandl. des zoolog.-botan. Vereins in Wien*, IV, стр. 433) и постоянно въ ней зимуетъ, но все-таки въ Провансѣ, даже во время перелета, онъ встрѣчался очень рѣдко (до 1854 года только разъ, см. *Revue de Zoologie*, V, стр. 259, и *Journ. f. Ornithol.* 1856, стр. 214). Въ Ирландіи онъ также рѣдкое явленіе (Thompson, Report of the British Association tenth meeting, 1841, стр. 365).

При всемъ томъ онъ встрѣчается, говорятъ, въ Алжирѣ. Во всякомъ случаѣ пути его перелета лежатъ на востокѣ, гдѣ онъ ежегодно пролетаетъ по Босфору въ большомъ количествѣ (*Revue et Magasin de Zoologie*, 1869, стр. 258 и слѣд.).

Къ упомянутымъ уже мѣстамъ перелета птицъ по югу Европ. Россіи я долженъ присоединить еще дальше къ востоку южный Ураль (Eversmann, *Bull. des Natur. de Moscou*, 1848, I, стр. 214), гдѣ впрочемъ *Buteo lagopus* также вьетъ гнѣзда, и подобно альпійскому жаворонку, держитъ себя какъ степная птица. Въ Каракумѣ онъ зимуетъ къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи (по частнымъ свѣдѣніямъ); на Алтаѣ, на сѣверномъ скатѣ (*Gebler, Mém. des sav. étrangers*, 1857, стр. 528).

О томъ, что онъ будто бы встрѣчается въ южной Африкѣ, срав. Финша (*Droste, Bericht über die 18. Versamml. der deutschen Ornithologen-Gesellschaft*, 1870, стр. 39).

Такъ какъ *Buteo lagopus* встрѣчается на крайнемъ востокѣ въ Камчаткѣ и на Курильскихъ островахъ, то странно, что ни я, ни Шренкъ, ни Радде, ни Пржевальскій не встрѣтили его въ Амурскомъ краѣ во время перелета его.

См. стр. 384 прим. 1: Райтъ (Wright) встрѣтилъ *St. caspia* на о. Мальтъ (Ibis, 1870).

См. стр. 387: Хотя для рыбы, странствующей въ прѣсной водѣ, страна свѣта не имѣетъ никакого значенія, но все-таки и у рыбъ мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи какіе-то таинственные процессы, объясненіе которыхъ доселѣ намъ кажется еще совершенно невозможнымъ. Какимъ образомъ ориентированы рыбы, когда имъ приходится снова отыскивать часто весьма скрытыя устья незначительныхъ притоковъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ моря? Очень поучительна въ этомъ отношеніи напр. рѣка Уссури, устье которой уже довольно далеко отстоитъ отъ устья Амура. Венюковъ (стр. 35, 82 и др.) первый указалъ на то, что Уссури тѣмъ отличается, что выпуклая сторона каждаго изъ мѣандрообразныхъ изгибовъ ея расширяется въ просторную бухту. Въ этихъ бухтахъ, которыя я принимаю за прежніе рукава рѣки, живущіе при ней Гольды занимаются рыболовствомъ, изъ чего мы вправѣ заключить, что переходныя рыбы пользуются болѣе спокойной, питательной водой ихъ для своихъ странствованій. Но при этомъ упомянутые рыбаки считаютъ правиломъ, что во время половодья, когда рыбы плывутъ вверхъ по рѣкѣ, необходимо обращать вниманіе на то, какой путь, какой рукавъ рѣки онѣ избираютъ. Тѣмъ-же самымъ путемъ, говорятъ, рыбы и возвращаются, а вслѣдствіе постояннаго въ то время мелководія уловъ рыбы въ такихъ рукавахъ чрезвычайно обилень. Такимъ образомъ рыбы, направляясь къ своей цѣли, слѣдуютъ вполнѣ опредѣленнымъ путямъ. Но, читая интересное путевое сообщеніе Пржевальскаго (Путеш. въ Уссур. краѣ, стр. 204) о регулярномъ появленіи переходныхъ рыбъ въ обширномъ озерѣ Ханка, которое въ мѣстѣ съ трудомъ доселѣ отыскиваемомся, посредствомъ своего истока Сунгачи, на возвышенности, гдѣ беретъ начало р. Уссури, соединяется съ этимъ притокомъ Амура, мы конечно раздѣляемъ вполнѣ понятное удивленіе путника тому, что рыбы на своемъ длинномъ, чуть ли не 2000 верстномъ пути, умѣютъ безошибочно ориентироваться и направляться къ своей цѣли съ такою необыкновенною точностью. Не могу не замѣтить при этомъ, что большая часть рыбъ, кромѣ того, подобно многимъ перелетнымъ птицамъ, странствуетъ въ темное ночное время. Но чтò значать всѣ эти мелкія побочныя обстоятельства на ряду съ великой загадкой, т. е. тѣмъ фактомъ, что едва вылупившееся изъ яйца и безобразное по своему желтковому мѣшечку животное теченіемъ воды уносится въ море, проводитъ тамъ цѣлыя годы, пока становится способнымъ плодиться, и за тѣмъ умѣетъ отыскивать путь къ тому мѣсту, гдѣ оно было оставлено въ видѣ икры. Разъясненіе всего этого зависитъ еще отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Обратимся теперь ко второму, загадочному, относящемуся къ области предчувствій, вопросу, который мы разсматриваемъ на стр. 478, говоря о грызунахъ. Какъ на глубоконъ сѣверѣ, такъ и въ высокихъ горныхъ странахъ южной Сибири, многія рѣки, населенныя рыбами, зимою совершенно лишаются воды и замерзаютъ до самаго дна. Хотя при этомъ, конечно, не малое количество рыбъ остается въ прудообразно выдѣляющихся, болѣе глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, но все-таки большая часть еще во-время уходитъ отъ

такой бѣды посредствомъ перекочевокъ, которыя совершаются ею обыкновенно очень стремительно. Замѣчательно при этомъ, что рыбы обыкновенно спускаются внизъ по рѣкѣ въ болѣе обширныя воды, но что въ Сибири бываютъ и такіе случаи, когда рыбы уходятъ вверхъ по рѣкамъ въ озера¹⁾, въ болѣе глубокой водѣ которыхъ онѣ за тѣмъ проводятъ зиму. Это обстоятельство служитъ къ объясненію совершившагося въ древности превращенія нѣкоторыхъ чисто-переходныхъ рыбъ въ осѣдло-переходныя.

Изъ р. Таза, въ которую, по освобожденіи ея отъ льда, далеко заходятъ почти всѣ виды переходныхъ рыбъ, исчезаютъ не только эти, но и всѣ вообще рыбы, какъ скоро она покрывается льдомъ. Уже въ первой половинѣ зимы вода ея становится зловонною и рѣка какъ бы умираетъ. Осѣдлыя рыбы ея, говорятъ, удаляются вверхъ по рѣкѣ изъ предѣловъ стоячей воды.

См. стр. 391: Если магнитные полюсы имѣютъ нѣкоторую связь съ способностью животныхъ отыскивать направленіе и съ перелетами птицъ, то въ послѣднемъ отношеніи въ теченіи послѣднихъ столѣтій произошли, должно быть, нѣкоторыя измѣненія, такъ какъ полюсъ, приходящійся теперь на Таймырскій край, съ 17-го столѣтія мало по малу подошелъ отъ меридіана Великобританскихъ острововъ.

Бэрдъ говоритъ, что въ Сѣв. Америкѣ мое предположеніе ничѣмъ не подтверждается.

См. стр. 393: Возвращаюсь еще разъ къ разсмотрѣнію голубиной почты, которая могла бы послужить прекраснымъ средствомъ для безчисленнаго повторенія опытовъ по части кочеванія птицъ. Ознакомясь съ литературою о голубиной почтѣ²⁾, мы убѣждаемся къ сожалѣнію, что съ тѣхъ поръ, какъ древніе Египтяне и Греки пользовались этой почтой, а халифы раскинули вокругъ водоема Средиземнаго моря сѣтъ голубиныхъ почтъ, устроенныхъ въ огромныхъ размѣрахъ, все-таки до сего времени это нисколько не привело къ лучшему пониманію означеннаго вопроса. Журналы, посвященные голубиной почтѣ, почти исключительно издаются лишь для спортсменовъ, и хотя въ одной Бельгіи они служатъ органомъ чуть-ли не 800 обществъ, хотя ставки бьющихся объ закладъ ежегодно простираются до 500,000 франковъ, все-же эти спортсменскіе листки, если мы станемъ разсматривать ихъ съ научной точки зрѣнія, въ сущности служатъ только для удовлетворенія всякаго рода страстишекъ, для самообмановъ, превозношеній и преувеличеній разгорячившихся и жадныхъ до пари любителей. Больше надеждъ возбуждаютъ 4000 почтовыхъ голубей, воспитываемыхъ, какъ говорятъ, въ Jardin d'acclimatation для снабженія крѣпостей; въ Пруссіи также помышляютъ объ учрежденіи центрального заведенія въ Берлинѣ, которое въ случаѣ надобности должно будетъ снабжать крѣпости (главнымъ образомъ Мецъ, Страсбургъ, Кельнъ) почтовыми голубями. Привлече-

¹⁾ Какъ на глубокомъ сѣверѣ, такъ и на Становомъ Киренгу. Относительно р. Таза сообщается такое же хребтѣ. Относительно сѣверной покатости послѣдняго сѣдланіе. я могу сообщить подобный-же случай изъ путевого отчета г. Шварца (Подробный отчетъ матем. отдѣла, 1864, стр. 15). Онъ касается р. Ханды, впадающей въ

²⁾ Напр. Lenzon: Die Briefbauben, 1873; Liese, Postduiven, etc.

ніемъ къ дѣлу научныхъ специалистовъ, чрезвычайно богатые средства, предоставленныя въ распоряженіе военныхъ потребностей, будутъ сопровождаться строго-научными изслѣдованіями, которымъ несомнѣнно принесутъ пользу успѣхи усовершенствованной практики.

При распространеніи страстной охоты къ голубямъ, обереганію и разведенію голубей въ Россіи, нетрудно было бы посредствомъ небольшихъ премій быстро довести у насъ разведеніе почтовыхъ голубей до огромныхъ размѣровъ.

Къ соображеніямъ моимъ, высказаннымъ на стр. 393 и слѣд., я считаю нелишнимъ добавить еще слѣдующее:

Кромѣ способности распознавать направленіе, почтовыхъ голубей по-видимому особенно руководитъ способность помнить мѣстность, которая и служитъ главнымъ основаніемъ умѣнія ихъ ориентироваться. Чтобы правильно понять это, мы должны вдуматься въ дальноркость голубиныхъ глазъ, обозрѣвающихъ раскинутую передъ ними панораму съ значительной высоты. Самыми вѣрными данными для разъясненія дѣла могли бы послужить обзоры мѣстностей, произведенные съ воздушнаго шара, вооруженнымъ глазомъ, въ видахъ подобнаго сравненія. Пока это будетъ сдѣлано, намъ постоянно нужно имѣть въ виду, что гусеница должна судить о разстояніи между двумя недалекими пространствами совершенно иначе, чѣмъ мотылекъ, образовавшійся изъ этой гусеницы. Очень можетъ быть, что едва замѣтныя очертанія горъ, увѣнчанныхъ лѣсистыми вершинами и т. п., хотя они почти и теряются въ синевѣ, все-таки служатъ голубямъ вѣрными руководителями; легко можетъ быть, что при полетѣ голубей изъ Мадрида въ Люттихъ, дальнее мерцаніе моря по лѣвую сторону служитъ имъ такою-же точкою опоры, какъ очертанія рельефовъ материка по правую сторону.

По этому одно изъ главныхъ условій, требуемыхъ отъ хордшаго почтоваго голубя, заключается въ томъ, чтобы онъ, будучи спущенъ, поднялся на воздухъ, [не чрезъ мѣру высоко, но] на такую высоту, съ которой лучше всего можно обозрѣть мѣстность. По этому и понятно, что голубь, взлетѣвъ, поворачиваетъ голову во всѣ стороны, въ незнакомой мѣстности описываетъ все болѣе и болѣе значительные круги до тѣхъ поръ, пока по-видимому высмотритъ знакомый ему предметъ, и за тѣмъ направляетъ полетъ свой прямо на него. Будучи спущенъ тамъ-же вторично, онъ уже не кружится такимъ образомъ, а взлетаетъ прямо вверхъ и потомъ направляется прямо на извѣстный ему предметъ.

Очевидно по той-же причинѣ голуби ночью летятъ только при лунномъ свѣтѣ; въ сумеркахъ и при неясной, туманной погодѣ, они летятъ низко (какъ и перелетныя птицы), садятся на крыши, выжидая прекращенія тумана, и сбиваются съ пути почти всегда, когда во время полета ихъ внезапно начинаетъ разстилаться густой туманъ или идти снѣгъ. Если голуби не совсѣмъ сбьются съ дороги, то они возвращаются домой, правда поздно, часто чрезъ нѣсколько недѣль. Въ такихъ случаяхъ они нерѣдко бываютъ крайне утомлены, вѣроятно вслѣдствіе долгихъ поисковъ. Замѣчательно, что запазды-

вающіе голуби преимущественно возвращаются по воскресеньямъ; это позволяет намъ думать, что они присоединяются къ возвращающимся голубямъ, которые въ этотъ день высылаются для упражненія или вслѣдствіе пари, и многими сотнями проносятся по однимъ и тѣмъ-же направленіямъ, или пожалуй путямъ именно въ этотъ день.

Сезонъ ежегодно приходится открывать (даже съ самыми испытанными голубями) небольшими пробными полетами; разстояніе въ 20 — 30 геогр. миль составляетъ, кажется, тотъ предѣлъ, при которомъ можно быть увѣреннымъ въ возвращеніи даже и не отборныхъ голубей; слѣдовательно оно можетъ быть принято за норму при выборѣ станцій для военныхъ цѣлей. Все это также доказываетъ, какое значеніе при этомъ имѣютъ зрѣніе, способность помнить мѣстность и упражненіе. Но по приведеннымъ уже причинамъ, мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ предположенія, что существуетъ такъ называемая способность распознавать направленіе (см. стр. 391).

Удастся-ли намъ со временемъ, когда мы ближе ознакомимся съ существовавшими прежде условіями, объяснить правдоподобнымъ образомъ то, что пока еще намъ кажется страннымъ по части кочеванія животныхъ, въ особенности птицъ, возможно ли будетъ со временемъ, подъ вліяніемъ прежнихъ условій, признать почти всѣ загадочныя явленія кочеванія за результатъ одного лишь стремленія къ родинѣ; разрѣшеніе этихъ вопросовъ мы должны предоставить будущности. Въ настоящее время мнѣ такое простое рѣшеніе кажется еще невѣроятнымъ. Да и для возможности предположить наследственныя наклонности тутъ слишкомъ мало простору. Во всякомъ случаѣ насъ должно поразить, что птицы, покидающія насъ ранѣе, чѣмъ этого требуютъ условія питанія, промедливъ нѣсколько времени въ трепетномъ ожиданіи, перелетаютъ черезъ Средиземное море, и по ту сторону его прибываютъ какъ разъ ко времени самыхъ роскошныхъ трапезныхъ удовольствій, примѣрно къ тому времени, когда Нилъ опять уходитъ въ прежніе берега свои.

Много было говорено и писано о таинственномъ предчувствіи животныхъ, главнымъ образомъ птицъ, о способности ихъ предугадывать явленія природы, особенно измѣненія погоды. Въ введеніи къ Изеписитезамъ я упомянулъ объ основанномъ на этомъ авгурствѣ. Такъ какъ инстинктъ признается за нѣчто въ родѣ ясновидѣнія, а не за сознательное дѣйствіе, возбуждаемое чувственными воспріятіями, то въ признаваніи такой способности предчувствованія можно отыскать извѣстный смыслъ.

Разсмотримъ ближе нѣсколько случаевъ подобнаго рода. Такъ напр. вообще говорятъ о предчувствіи наступленія наводненій. Уже Гмелинъ (*Reise II*, стр. 81) сообщалъ, что большія животныя предчувствуютъ начало затопленій Волжскихъ острововъ и удаляются оттуда, тогда какъ зайцы, мыши и т. д. уходятъ на вышележащія мѣста и наконецъ тонуть или дѣлаются добычей охотниковъ, которые специально занимаются такою охотою и хватаютъ ихъ руками. — Еще положительнѣе, говорятъ (*Pallas, Neue Nordische Beiträge*, I, стр. 335), пастухи по временамъ уходятъ съ наносныхъ острововъ Волги на низменный берегъ ея, но чувствуя себя и тутъ не совсѣмъ безопасными, ухо-

дятъ въ вышележаную степь. Такимъ-же образомъ Тунгусы Байкальскіе (Georgi, Reise, p. 162) приписываютъ всѣмъ степнымъ мышамъ способность вѣрно предчувствовать приближеніе наводненій; предчувствіе это, говорятъ, уже осенью до наводненія гонить мышей съ острововъ въ возвышенную степь. Когда это бываетъ, то на слѣдующую весну мѣстность непременно будетъ затоплена. По прекращеніи наводненія онѣ возвращаются опять на свои прежнія мѣста.

Этимъ рассказамъ мы можемъ однакоже противопоставить, не только изъ собственныхъ, но и многихъ постороннихъ наблюденій, весьма убѣдительные примѣры другого рода, которые по части перелета птицъ относятся къ самымъ обыденнымъ явленіямъ. Палласу самому привелось видѣть (Reise, II, стр. 10, 13), что въ 1770 году подъ 55° с. ш. около Уфы гуси появились уже въ концѣ Марта, но были опять отбиты непогодами, такъ что главныя массы могли тронуться въ путь лишь въ Маѣ. Въ томъ-же году и въ Лифляндіи ласточки прилетѣли во множествѣ въ началѣ Мая и оставались тамъ до 18-го числа, но потомъ исчезли вслѣдствіе холодной погоды (Fischer, Naturgesch. Livlands, стр. 232, 235). Тоже самое случилось видѣть Тарачкову въ 1851 году въ Орлѣ (Отеч. Зап. за 1851 г., Июль, VIII, стр. 149), гдѣ ласточки появились уже 10-го Апрѣля, но еще 1-го Мая должны были удалиться вслѣдствіе дурной погоды. Палласъ (Reise, стр. 19, и Südl. Statthaltersch. I, стр. 69) видѣлъ въ 1773 году, что подъ 51° с. ш., при р. Уралѣ, прибывшіе туда пчелояды погибли по случаю холода и снѣга. Годъ передъ тѣмъ, погибло множество мелкихъ пѣвчихъ птичекъ въ Дауріи, 5-го Мая, когда послѣ совершенно лѣтней погоды вдругъ выпалъ снѣгъ по колѣно (Pallas, Reise, III, стр. 520). Въ Лифляндіи 11-го Марта 1756 года (Fischer, Landwirthschaftsbuch, стр. 162) возвратились гуси, соблазненные теплою погодою Февраля мѣсяца и начала Марта. За тѣмъ выпалъ глубокой снѣгъ, прогнавшій ихъ съ сѣвера.

Бютнеру (Wiegmann, Archiv f. Naturgesch. 1839, II, стр. 397) случилось видѣть, что съ 12-го Апрѣля стали являться скворцы, голуби, жаворонки, 30-го трясогузки, 2-го Апрѣля аисты, а 12-го Апрѣля, вслѣдствіе снѣга, выпавшаго на 2' глубины, имъ пришлось опять вернуться.

Радде (Thierleben am Faulen Meere, Bullet. de Moscou 1855, стр. 20) имѣлъ случай видѣть, какъ сотни утокъ, слишкомъ рано прилетѣвшихъ въ Крымъ, погибли отъ холода и голода.

Третьяковъ (Зап. Геогр. Общ. 1869, стр. 283) сообщаетъ, что 6-го Іюля 1850 года и 7-го Іюля 1857 года около Туруханска (66° с. ш. на Енисеѣ) наступила дурная погода, съ сѣвернымъ вѣтромъ и снѣгомъ, которая продолжалась 3 или 4 дня и погубила всѣхъ птицъ, сидѣвшихъ на гнѣздахъ. Подъ 74½° с. ш. при р. Таймырѣ, 22-го и даже 27-го Августа мнѣ самому привелось найти нелетавшихъ еще птенцовъ *An. spectabilis*, *Lar. leucopterus*, *L. argentatus*, которые всѣ, вслѣдствіе запозданія, безусловно должны были погибнуть. Говорятъ, что и лебеди на глубокомъ сѣверѣ Сибири оставляютъ много птенцовъ на произволъ судьбы, вслѣдствіе такого-же запаздыванія. Причиною запаздыванія многихъ

выводковъ очевидно весьма часто бываетъ повышеніе весенней воды въ Сибири. У пары пуночекъ, свившей гнѣздо свое на $1\frac{1}{2}$ сажени надъ уровнемъ ледянаго покрова р. Таймыра, за моимъ шалашемъ, при вскрытіи рѣки вода унесла гнѣздо ихъ съ полнымъ количествомъ снесенныхъ яицъ. Не смотря на краткость времени подъ 74° с. ш., птичкамъ этимъ, подобно множеству другихъ сомученицъ, пришлось снова приняться за устройство гнѣзда и высиживаніе новыхъ яицъ. Онѣ столько-же не предчувствовали наводненія, сколько и мы сами, когда на южномъ берегу Охотскаго моря преспокойно легли отдыхать на вышинѣ 3 сажень надъ поверхностью моря и вдругъ, въ темнотѣ ночи, были застигнуты необыкновеннымъ тогда повышеніемъ воды на 21'.

Такихъ примѣровъ, противорѣчащихъ способности животныхъ предчувствовать бѣду, можно отыскать множество. Мы знаемъ также, что во время изверженій Геклы птицы въ Исландіи стали вить гнѣзда свои слишкомъ рано.

Съ другой стороны, при довольно значительной возбудительности, безспорно свойственной птицамъ, дѣйствительно нельзя отвергать у нихъ способности предчувствовать сильныя готовящіяся въ атмосферѣ перемѣны. Но вѣроятно она простирается не далѣе того предчувствія, которое проявляется въ старинныхъ ранахъ, въ подверженныхъ ломотѣ костяхъ, или въ барометрѣ. По-этому мы можемъ противопоставить упомянутымъ ошибкамъ Исландскихъ птицъ слѣдующій случай изъ Камчатки. Зауеръ (*Voyage de Billings trad. par Castéra, 1802, II, стр. 166*) рассказываетъ, что въ 1792 году ласточки появились въ большомъ количествѣ въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ. Изъ этого необыкновеннаго событія жители заключили, что предстоитъ какое-нибудь необыкновенное явленіе. Дѣйствительно, на другой день произошло чрезвычайно сильное землетрясеніе.

Подобнымъ-же образомъ сообщали, что галки и ласточки иногда покидали мѣста, въ которыхъ появлялась сильная холера. Такъ это случилось въ Каменцѣ-Подольскѣ (*Bullet. de Moscou, 1859, стр. 28*) и во Франціи (*Serges, Causes des migrations, стр. 147*). Совершенно отвергать такую связь нельзя, но все-таки это слишкомъ большія исключенія изъ правила, по которому птицы нисколько не смущаются холерой. Нужно бы было ближе изслѣдовать этотъ пунктъ.

Такимъ-же образомъ животныя способны очень вѣрно измѣрять небольшіе промежутки времени, съ которыми сопряжены извѣстныя явленія, правильно повторяющіяся. Домашній скотъ, привыкшій къ извѣстнымъ срокамъ, когда его кормятъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ объ этомъ не только на любомъ скотномъ дворѣ, но и весьма поразительно на всѣхъ прибрежьяхъ, подверженныхъ значительному измѣненію морскаго уровня. Домашнія животныя, коровы, собаки и т. д., превосходно знаютъ время отлива и являются на берегу во-время столь-же аккуратно, какъ медвѣди, лисицы и огромныя стаи голенастыхъ птицъ, чаекъ и т. п. На южныхъ берегахъ Охотскаго моря я имѣлъ случай видѣть, что даже дельфины постоянно съ приливомъ заходили въ устья рѣкъ и каждый разъ во-время возвращались въ море чрезъ мелководные бары, находящіеся пе-

редь устьями, прежде чѣмъ могли быть отрѣзаны отъ него обнажавшимися мелями валуновъ на этихъ барахъ. Они уходили не смотря на то, что самое ложе рѣки (напр. въ Уди) повыше бара было глубже, чѣмъ нужно было для того, чтобы доставить должный просторъ этимъ огромнымъ хищникамъ. Очевидно ихъ проучилъ опытъ, въ особенности же охота на нихъ.

См. стр. 395: Глубоко-сѣверная *Fring. linaria* также встрѣчалась высидивающею яйца въ Курляндіи (Naumannia, 1858, стр. 274) и въ Верхней Штиріи (Verhandl. des zoolog.-botan. Vereins in Wien, IV, стр. 620). Есть также нѣсколько примѣровъ того, что нѣкоторыя пары *Bomb. garrula* высидивали яйца въ Германіи (Naumannia, 1850, III, стр. 68). Срав. впрочемъ стр. 411, примѣч. 1-е.

См. стр. 401, примѣч. 3-е: *Fratercula arctica* выводитъ яйца на берегу Атлантическаго океана, подъ широтою Лиссабона (Saunders, Ibis, 1871).

См. стр. 404: *Str. funerea* простираетъ свои зимнія странствованія до Харькова (Czernay, Bullet. des Natur. de Moscou, 1865, стр. 60).

См. стр. 404: Райтъ (Wright) видѣлъ *Plectrophanes nivalis* на о. Мальтѣ въ Ноябрьрѣ 1869 года (Ibis, 1870).

Впрочемъ эта птица зимуетъ, какъ извѣстно, на Ферэрскихъ островахъ, даже въ Исландіи и Гренландіи.

См. стр. 405, примѣч. 2-е: По словамъ Коллетта (Droste, Bericht über die 18. Versamml. der deutsch. Ornithol.-Ges. 1870, стр. 46), въ южной Норвегіи, подъ 60° с. ш., иногда зимуютъ *Turd. viscivorus*, *T. musicus*, *Erythr. rubecula*, *Accentor modularis*, *Sturnus vulgar.*, *Motac. alba*, *Corv. frugilegus*, *Scolop. rusticola*, *Rallus aquaticus*, *Numen arquata*.

См. стр. 407: Уже Соннини сообщилъ намъ довольно удовлетворительныя извѣстія о тѣхъ перелетныхъ птицахъ, которыя зимуютъ въ Африкѣ (Tiedemann, Zoologie, III, стр. 618). Срав. также стр. 410, примѣч. 1-е.

Пролетающія по Восточной Сибири *Phylloperneuste coronata*, *Lusciola cyanura*, *Parus ater*, *Muscicapa cinereo-alba*, *Fring. montifringilla*, *Emberiza rustica*, *Totanus glareola*, *Scol. rusticola*, *Anas glacialis* и т. д. встрѣчаются опять въ Гакодаде; *Calliope kamtschatkensis* на Филиппинскихъ островахъ (Ibis, 1867).

См. стр. 410: Нелишнимъ будетъ напомнить при этомъ случаѣ, что у растеній мы встрѣчаемъ нѣчто подобное. Гукеръ въ своей *Flora antarctica* призналъ до полусотни видовъ явноточныхъ растеній за тождественныя съ европейскими видами; но изъ нихъ большая часть считается занесенною, остальные же, по мнѣнію нѣкоторыхъ ботаниковъ, различными въ видовомъ отношеніи, хотя и чрезвычайно похожи на европейскіе виды.

См. стр. 413: На Евисеѣ я встрѣчалъ орѣховку зимою не далѣе 64° с. ш. Но, по словамъ Фигурина, орѣховка и тетерки зимуютъ на Янѣ у Верхоянска, подъ 67° с. ш.

По рукописнымъ извѣстіямъ, даже въ предѣлахъ полярнаго круга на Ленѣ (у Жиганска) зимою встрѣчались *Falco islandicus*, *Buteo lagopus*, *Stryx pustea*, *Corv. corax*, *Tetrao lagopus*, *T. urogallus* и *tetrix*. *Picus martius*, одинъ изъ пестрыхъ дятловъ, и *Fring. linaria*.

См. стр. 414: Относительно тугуна въ моемъ дневникѣ прямо замѣчено, что я его развѣдалъ въ Пупковскомъ (на Енисеѣ, примѣрно подь 65° с. ш.), гдѣ онъ, какъ мнѣ сказали, во время своего кочеванія появлялся въ одно время съ сельдами (*S. albula*). Другая замѣтка показываетъ мнѣ, что онъ заходитъ даже, какъ говорятъ, за Енисейскъ. Но Шмидтъ (*Mammuth-Kadaver*, стр. 46) говоритъ, что при устьѣ Енисея (Бреховскіе острова) вовсе не знаютъ тугуна и что о немъ шла рѣчь только выше Туруханска.

Такъ какъ не вѣроятно, чтобы тугунъ могъ быть единственнымъ примѣромъ кочующаго лоха, не заходящаго изъ моря вверхъ по рѣкѣ, то я скорѣе готовъ предположить, что при устьѣ Енисея, среди изобилія большихъ лоховъ, не обращаютъ никакого вниманія на этого крошечнаго лоха. Дѣло это заслуживаетъ однакоже точнаго изслѣдованія потому, что въ осетриной породѣ стерляди представляютъ отдѣльный примѣръ подобнаго исключительнаго положенія. Стерляди кочуютъ для метанія икры почти столько же положительно, какъ и другіе виды осетринаго рода, но въ море они заходятъ только въ видѣ исключенія.

Было бы интересно узнать, далеко-ли сельдь (*S. albula*) заходитъ вверхъ по р. Ленѣ. До Якутска (62° с. ш.) онъ не добирается.

См. стр. 419: Почти въ одно время съ моею разработкою изеиптезъ Россіи, Стенструпъ (*Videnskablige Meddelelser fra den naturhistoriske Forening i Kjöbenhavn*, 1854, р. 4 и т. д.) на основаніи продолжительныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Даніи, доказалъ тоже, что и я, т. е. что разница между сроками прибытія одной и той-же птицы въ различные годы бываетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ранѣе прилетаетъ эта птица; такъ напр. для скворцевъ въ Даніи промежутокъ составляетъ 47 дней, а для ласточекъ только 20 дней, для кукушекъ лишь 13, для соловья не болѣе 11 дней.

См. стр. 423: Само собою разумѣется, что при исчисленіяхъ быстроты путешествія перелетныхъ птицъ необходимѣе всего, чтобы для сравненія принимались въ соображеніе такія мѣстности, которыя лежатъ по направленію полета разсматриваемой птицы. Не угадавъ мѣстности, мы получимъ невѣрные результаты.

Если бы напр. мы вздумали сравнивать время прибытія аиста въ Одессу, подь $46\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., безъ всякаго дальнѣйшаго соображенія, со временемъ прилета его въ Лифляндію, то мы получили бы въ результатѣ, что онъ ежедневно пролетаетъ отъ 10 до 14 геогр. миль. Если же, обративъ вниманіе на изеиптезы аиста, мы примемъ въ соображеніе, какъ слѣдуетъ, перпендикулярно приходящееся къ нимъ направленіе полета этой птицы отъ Кишенева къ Кіеву, то мы получимъ скорость путешествія приблизительно по 4 геогр. мили въ день и убѣдимся, что въ Лифляндію аисты прилетаютъ чрезъ Германію и Польшу, а не прямо съ юга.

Я успѣлъ убѣдиться, что, въ противоположность аисту, перепелъ во внутреннихъ частяхъ Россіи довольно положительно слѣдуетъ направленію съ С. на Ю. Будь у насъ точныя свѣдѣнія о времени прибытія перепела въ болѣе сѣверныя широты, мы могли бы точно исчислить быстроту его полета. Кишиневъ и Вологда, будучи сравнены между

собою, даютъ почти 6 геогр. миль въ день. Можетъ быть, конечно, это и совершенно правильно, но Вологда лежитъ слишкомъ близко отъ полярнаго предѣла этой птицы, такъ что мы пока еще не правѣ вывести окончательное заключеніе.

На *Tot. glareola*, *Scol. galinago*, *Plectr. nivalis*, по расчету разстояній между широтами Кіева и Таймырскаго края, приходится по 5 геогр. миль въ день, а на *Plectr. nivalis*, между $51\frac{1}{2}^{\circ}$ на Волгѣ (*Pallas, Südl. Statthalt.*, стр. 38) и Таймырскимъ краемъ, по 6 геогр. миль.

Alauda arvensis пролетаетъ по 6 геогр. миль между Кишиневомъ и Вологдою.

Saxicola oenanthe по $5\frac{1}{4}$ геогр. миль между Одессой и Таймырскимъ краемъ; по 6 между Одессой и Кіевомъ.

На *Hirundo* приходится по 5 геогр. миль между Митавой и Петербургомъ, по $5\frac{1}{4}$ между Одессой и Таймырскимъ краемъ, по 5 между Одессой и Кіевомъ, по 7 между Одессою и Петербургомъ или также Березовымъ.

На *S. suecica* причитается по $5\frac{1}{2}$ геогр. м. между Кіевомъ и Таймырскимъ краемъ.

На *Milvus niger* по 4 геогр. м. между Барнауломъ и Якутскомъ.

На *Oriolus galbula* приходится по 5 геогр. м. между Одессою и Кіевомъ и только по $2\frac{1}{2}$ между Одессою и Петербургомъ, изъ чего ясно видно, что и онъ прилетаетъ къ намъ не съ юга, а съ юго-запада, какъ это доказываетъ его изениптеза. На глубокомъ сѣверѣ и вообще тамъ, гдѣ вслѣдствіе замедленія (особенно климатическаго) въ наступленіи весны, происходятъ накопленія птицъ, быстрота путешествія можетъ то на половину, то вдвое противъ обыкновенной величины, и еще болѣе, либо повышаться, либо уменьшаться.

Ричардсонъ (*Search. Exredit. II*, стр. 107) дознался напр., что подъ 68° с. ш. у Пиль-риверъ-форта первые гуси каждый годъ регулярно появлялись между 12 и 15 Мая. Теперь я нахожу, что на 9 градусовъ южнѣе, въ фортѣ Чёрчилъ (59° с. ш.), близъ Гудзонова залива, наблюденія, производившіяся нѣсколько лѣтъ, представили разницу всего въ 2 недѣли (*Parry, Sec. Voyage, Append. 1825*, стр. 364). Это дало бы скорость въ слишкомъ 9 геогр. миль въ день.

На перелетъ же пуночки, тракилока и чогунока въ Гренландіи приходится только $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ геогр. м. въ день, если мы примемъ за исходную точку, что они появляются подъ 64° с. ш. въ началѣ Апрѣля, въ началѣ и въ половинѣ Мая, а подъ 69° с. ш. въ началѣ Мая, въ концѣ Мая и до начала Іюня (*Holböll, Isis 1845*, стр. 755 и слѣд.).

Что касается направленія, по которому прилетаютъ различныя перелетныя птицы, быстроты, съ которой онѣ совершаютъ перелетъ, и причинъ большаго ускоренія и большаго промедленія, то мы скоро получили бы объ этомъ самое точное понятіе, если бы, хотя только въ теченіе одного лѣта, могла быть раскинута правильно распредѣленная сѣть наблюденій, особенно при помощи телеграфическихъ извѣщеній, которыя опережали бы путешественниковъ.

См. стр. 425. Для перелетныхъ птицъ Якутска я пока еще и теперь оставляю Сунгарскій путь; срав. мое дополненіе къ стр. 377.

Ans. glocitans, который подь 45° с. ш. на Уссури появился въ половинѣ Марта, а въ концѣ мѣсяца набирался пѣсколькими тысячами (Пржевальскій), принадлежитъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ, пролетающихъ черезъ Якутскъ. Если онъ въ началѣ Апрѣля появлялся въ Маріинскѣ, а въ концѣ того-же мѣсяца въ Николаевскѣ (Шренкѣ), то эта птица должна находиться въ связи съ перелетными *Ans. glocitans*, которыхъ я встрѣтилъ лишь въ началѣ Мая на Становомъ хребтѣ.

Но Радде видѣлъ, что у Тарей-Нора, подь 50° с. ш., и примѣрно на градусъ южнѣе у Бурейнскаго хребта, та-же птица появилась уже въ концѣ Марта. Это скорѣе заставляетъ предполагать Дзейскій и Олекминскій путь, чѣмъ Селенго-Ангарскій.

Уже Георги (Reise I, стр. 169) сообщилъ, что *Ans. glocitans* лишь пролетаетъ чрезъ Иркутскъ. Яйца свои птица высиживаетъ въ этихъ широтахъ по видимому только въ рѣдкихъ случаяхъ, а на глубокомъ сѣверѣ повсюду, какъ я видѣлъ это въ Таймырскомъ краѣ. Въ верховьяхъ Уссури ни одна изъ нихъ не остается.

См. стр. 430. Третьяковъ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. 1869, II, стр. 317) приписываетъ даже поздній отлетъ лебедей изъ глубокаго сѣвера только тому обстоятельству, что птенцамъ нужно больше времени для того, чтобы подрасти и опериться. Это мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ.

Дикіе гуси не рѣдко покидаютъ своихъ птенцовъ еще поспѣшнѣе, чѣмъ лебеди, если они не въ состояніи во-время собраться въ путь.

См. стр. 439. Описаніе это, основанное на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ, превосходно подтверждается извѣстіемъ, сообщеннымъ въ Bericht über die 17-te Versammlung der deutsch. Ornitholog.-Gesellsch. 1869, стр. 7. Птицы, обыкновенно являющіяся въ Голландіи въ началѣ Марта, въ означенномъ году прилетѣли лишь въ концѣ Марта или въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. Апрѣльскія же птицы прибыли во-время.

Непрерывная связь между періодами произрастанія извѣстныхъ растений и временемъ прилета извѣстныхъ видовъ птицъ мыслима только для положительно позднихъ птицъ.

См. стр. 441. Рыбы, пойманныя въ р. Таймырѣ въ теченіи Іюня, всѣ были такъ тощи, что изъ нихъ нельзя было добыть ни малѣйшаго жиру, какъ ни нуждались въ немъ наши смазные сапоги.

См. стр. 442. Налимъ дѣйствительно самая отъявленная зимняя рыба и кочуетъ притомъ ночью. По-этому рыбачьи кузовы, которые сначала обращены были отверстіями вверхъ по рѣкѣ къ возвращавшимся лохамъ, поворачивались потомъ внизъ по рѣкѣ. Тоже самое дѣлается и на Уссури, по Пржевальскому (стр. 99). Только въ сильную стужу, при замерзаніи ртути, и налима, кажется, не трогается съ мѣста (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 68).

20-го Сентября налимы въ р. Таймырѣ начали уже подниматься вверхъ по рѣкѣ, для метанія икры, и встрѣчались съ муксунами, которые, хотя на половину готовые метать икру, уже тянулись къ морю.

Такимъ-же образомъ дѣйствуютъ не только всюду встрѣчающійся налимъ, но и родичи его. Такъ напр. и вахня въ Сѣв.-Зап. Америкѣ является тогда только, когда ледъ уже установится, и уходитъ, говорятъ, также подъ ледянымъ покровомъ (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, I, стр. 33).

См. стр. 443. Пржевальскій (I. с. стр. 97) говоритъ, что кета въ концѣ Августа заходитъ въ устье Амура, а въ половинѣ Сентября достигаетъ низовьевъ Усури. Это не согласуется со сроками прибытія кеты на южный берегъ Охотскаго моря (срав. стр. 413, прим. 2-е). Изъ рукописнаго дневника Редовскаго я вижу, что кета въ Ижигѣ (62° с ш.) идетъ вверхъ въ Іюль, тогда какъ переходное движеніе рыбъ начинается тамъ съ нерки (*S. lusaodon*), за которой слѣдуютъ корюшка, а въ Іюнѣ горбуша (*S. proteus*).

Мнѣ говорили, что кета уже не доходитъ до Бурей, что Унмѣ самый дальній притокъ Амура, до котораго она добирается. Въ рѣки Большаго Шантарскаго острова кета по-видимому также не заходитъ, хотя мальму и горбушу тамъ ловили.

Даже въ прежнее время въ Сѣв. Европѣ не были извѣстны такія странствованія лоховъ, которыя можно бы было сравнивать съ странствованіями ихъ въ Сибири. Въ древнѣйшія времена даже материкъ Норвегія причислялся къ морскому побережью до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ лохъ пробирался по рѣкамъ (Weinhold, Altnordisches Leben, стр. 70). Въ Сибири такое опредѣленіе было бы бессмыслицею.

См. стр. 444. Эрманъ (Archiv, IV, стр. 620) говоритъ: «Близъ Охотска и въ Камчаткѣ при какомъ-нибудь селеніи на главной рѣкѣ или на притокахъ ея, лохи извѣстнаго вида являются ежегодно какъ-разъ въ одинъ и тотъ-же день, и въ этомъ отношеніи, кажется, съ незапамятныхъ временъ не произошло ни малѣйшей перемѣны.

Мои собственныя наблюденія, распросы и всѣ печатныя свѣдѣнія, которыя мнѣ извѣстны, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что хотя прибытіе лоховъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ ежегодно приходится почти въ одно и тоже время, но что все-таки бываетъ разница въ нѣсколько дней и недѣль, точно также какъ и у птицъ.

Впрочемъ Эрманъ самъ противорѣчитъ своему вышеприведенному, очевидно совершенно неосновательному показанію, сообщая на той-же страницѣ, что мальма (*S. callaris*) у Охотска «между 22 Мая и 2 Іюня возвращается въ море», что «у Еловки въ Камчаткѣ первые экземпляры этого вида появляются не раньше 15 Августа» и что послѣдніе странники кеты (*S. lagocerphalus*) «заходятъ въ р. Камчатку едва-ли позже 20—25 Сентября».

Такъ какъ цѣлый рядъ разныхъ явленій, изъ которыхъ я привелъ только нѣсколько, оказываетъ свое вліяніе на начатіе странствованій рыбъ, и безъ того продолжающихся у каждаго вида, равно какъ у птицъ, цѣлыя недѣли, то и невозможно, чтобъ день прибытія былъ такъ опредѣленъ, какъ того хочетъ Эрманъ.

Г. Кноху мы должны быть признательны за то, что онъ успѣлъ дознаться (Bullet.

des Natur. de Moscou, 1871, p. 262), что время метанія икры стерлядьми находится въ тѣснѣйшей связи съ половодьемъ Волги. Этимъ весьма просто разъясняется непонятное до тѣхъ поръ обстоятельство, что рыба эта мечетъ икру подъ сѣверными широтами раньше, чѣмъ подъ южными. Легко можетъ быть, что время метанія икры нѣкоторыми лохами Сибири также находится въ связи съ тѣмъ-же обстоятельствомъ. На Енисеѣ это можно бы было провѣрить тѣмъ легче, что у пороговъ ея, близъ Осиновки, такъ называемая «черная вода» образуетъ повышение воды, бывающее два раза въ году, а именно въ концѣ Октября или въ началѣ Октября и въ первой половинѣ Декабря, совершенно независимо отъ настоящаго времени половодья въ Енисеѣ.

Вѣдь до сихъ поръ не разъяснена даже связь между температурою воды и потребностью метать икру. Не подлежитъ, какъ мнѣ кажется, сомнѣнiю, что омуль изъ холодной Байкальской воды заходитъ въ болѣе нагрѣтую въ теченiи всего лѣта воду при-токовъ Байкала, тамъ выпускаетъ свою икру и тогда только, когда рѣчная вода позднею осенью снова сильно охладѣетъ, возвращается (подъ названiемъ котцоваго) въ воду Байкала, которая теперь опять теплѣе рѣчной. Подтвержденiемъ догадки, что рыбы чувствуютъ себя хорошо не въ слишкомъ холодной водѣ, служатъ показанiя рыбаковъ, что при хорошей теплой осенней погодѣ переходныя рыбы всякаго рода заставляютъ ожидать себя очень долго, пока наконецъ вслѣдствiе внезапно наступившаго мороза начинаютъ проноситься тѣмъ быстрѣе и неожиданнѣе. Говорятъ даже, что при необыкновенно раннихъ осеннихъ морозахъ рыбы, обыкновенно забирающiяся въ это время въ рѣки далеко вверхъ, возвращаются прежде чѣмъ достигнуть верховьевъ, въ которыхъ онѣ прежде бывали. Такъ какъ съ другой стороны рыбаки увѣряютъ также, что въ теченiе тѣхъ лѣтъ, когда въ рѣкахъ и рѣчкахъ бываетъ много воды, рыбы заходятъ вверхъ по рѣкамъ дальше, то опять спрашивается, какъ же быть въ такомъ случаѣ съ правильнымъ возвращенiемъ рыбъ въ тѣ мѣста, на которыхъ онѣ вылупились изъ яйца? Что этотъ фактъ впрочемъ должно разсматривать не слишкомъ строго, а только въ такомъ смыслѣ, какъ по отношенiю къ птицамъ, это намъ доказываетъ нерѣдкое появленiе рыбъ въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ ихъ прежде не знавали¹⁾.

Къ вышеприведеннымъ соображенiямъ мы можемъ присоединить еще, что бѣло-рыбица *S. leucichthys* (тождественна ли съ нельмой, или нѣтъ?) въ текущихъ на сѣверъ рѣкахъ, Сѣв. Двинѣ и большихъ рѣкахъ Сибири, заходя въ рѣки, отыскиваетъ болѣе теплую воду, тогда какъ, плывя вверхъ по текущимъ къ югу рѣкамъ, напр. по р. Уралу, очевидно покидаетъ теплую воду, чтобы отыскать болѣе холодную.

Мы вправѣ надѣяться, что ближайшее изученiе лоховъ въ этомъ направленiи вскорѣ разъяснитъ дѣло, потому что характеръ этихъ рыбъ по-видимому въ связи съ большою чувствительностью къ уклоненiямъ температуры, а уклоненiя, которыя онѣ выносятъ, едва-ли простираются дальше 10 градусовъ. Совершенно иначе устроена порода

¹⁾ Какъ напр. появленiе стерлядей въ области Сѣв. Двины, корюшки въ р. Мстѣ, въ 1831 году, какъ сообщалъ Кесслеръ (Труды С.-Петербур. Общ. Естествоиспыт. I, 2, 1870).

карасей. Эти рыбы зимою преспокойно замерзаютъ, зарывшись въ иль; лѣтомъ же онѣ выносятъ полный солнечный припекъ, нагрѣвающей воду мелкихъ степныхъ озеръ выше 30°. Съ этою нечувствительностью къ измѣненіямъ температуры идетъ объ-руку большое равнодушіе къ химическому свойству воды. Солоноватая степная озеро, содержащая болѣе 3 процентовъ поваренной соли, съ сильною примѣсью глауберовой и горькой соли, и развивающая сквернѣйшій запахъ сѣрнистаго водорода, при всемъ томъ служатъ карасямъ безвреднымъ мѣстомъ пребыванія.

См. стр. 445. Изъ всѣхъ лоховъ странствованіе рыбъ открываютъ, кажется повсюду, осетринные виды, вскорѣ послѣ вскрытія льда; затѣмъ уже слѣдуютъ лохи.

Свѣдѣніе о томъ, что въ Сибири сигъ поднимается вверхъ вскорѣ по вскрытіи льда, я не умѣю согласить съ достовѣрнымъ извѣстіемъ, что въ Новгородской губерніи сиги начинаютъ метать икру съ послѣдней недѣли Октября¹⁾.

По словамъ Третьякова (Зап. Геогр. Общ. 1869 года, стр. 269, 467), странствованіе рыбъ открываетъ чиръ, за которымъ слѣдуютъ сельдь, сигъ и пелеть. Большая часть этихъ рыбъ, говоритъ онъ, достигаетъ примѣрно 60 градуса широты и задерживается порогами близъ Осиновки, такъ что лишь нельма и тугунъ доходятъ до Енисейска. Хорошая часть муксуновъ заходитъ, говорятъ, въ Нижнюю Тунгуску. Въ началѣ этого столѣтія муксуны начинали свое странствованіе, кажется, 10 днями ранѣе. Омуль только въ такіе годы, когда осень бываетъ тепла и продолжительна, достигаетъ устья Каменной Тунгуски (61½ с. ш.) и, не останавливаясь тамъ, возвращается оттуда. По словамъ Шмидта (Mammuth-Kadaver, стр. 46), омуль является въ Енисеѣ, между 70° и 71° с. ш., въ одно время съ муксуномъ, въ Іюнѣ или въ началѣ Іюля; позднюю осень его ловятъ въ Подкаменной Тунгускѣ еще подо льдомъ. Тоже дѣйствительно я встрѣтилъ и у Пескина (63⅔° с. ш.).

Муксуны встрѣчались Шмидту подъ тѣми-же широтами 70° и 71° (Бреховскіе острова) нѣсколькими отдѣльными стаями лишь въ началѣ Іюля; но въ Августѣ за ними слѣдовали еще дальнѣйшія стаи.

По словамъ Шмидта, сельдя во множествѣ ловятъ въ началѣ Сентября у Туруханска. Онъ тянется плотными стаями и слѣдовательно проводитъ мѣсяца 1½ или 2 въ путешествіи отъ устья Енисея до Туруханска.

Судя по моимъ даннымъ, послѣдовательный порядокъ, въ которомъ прибываютъ рыбы, подъ разными широтами, по-видимому измѣняется. Однѣ обгоняются другими.

Тѣ рыбы, которыя въ началѣ весны поднимаются вверхъ по рѣкамъ, въ концѣ Октября или въ первой половинѣ Ноября, опять, кажется, являются у впаденія рѣкъ въ Ледовитый Океанъ.

¹⁾ Согласно отчету заведенія для искусственнаго разведенія рыбъ, въ Земледѣльч. Газетѣ за 1870 годъ, № 22, стр. 340.

Въ то время, когда я пересматривалъ послѣднюю корректуру вышеприведенныхъ дополненій, я получилъ сочиненіе «Om Foglarnes flyttingsvägar, af Johan Axel Palmén, Helsingfors, 1874». Не смотря на то, что почтенный авторъ его, хорошо извѣстный по своей прекрасной Орнитологіи Финляндіи, очень обязалъ меня присылкою вышеупомянутой книги, я нахожусь однакоже въ неприятномъ положеніи, не имѣя возможности тотчасъ-же воспользоваться этимъ весьма интереснымъ для меня сочиненіемъ, потому что въ уединеніи своемъ не могу отыскать человѣка, знающаго шведскій языкъ, который не принадлежитъ къ числу шести извѣстныхъ мнѣ языковъ.

Будучи вынужденъ отложить ближайшее изученіе Пальменова труда до другаго времени, я теперь могу только отъ души радоваться тому, что мы оба въ одно время, хотя и совершенно независимо другъ отъ друга, занялись разслѣдованіемъ одного и того же предмета. Результаты, которые, судя по картѣ, приложенной къ соч. Пальмена, въ главныхъ чертахъ, кажется, сходны съ моими, должны быть тѣмъ достовѣрнѣе.

Хотя книга Пальмена поступила въ продажу нѣсколькими мѣсяцами раньше предлагаемаго выпуска моего Путешествія, но уже въ Сентябрѣ 1873 года, на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Вѣнѣ, по случаю совѣщаній объ охранѣ птицъ, я роздалъ нѣсколько экземпляровъ первой половины этого послѣдняго выпуска Путешествія (нѣм. изд. до стр. 1228), а именно въ видѣ отдѣльныхъ отисковъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Zur Kenntniss der Wärme-Oekonomie und des Wanderns der Thiere, 1873, im August.

Въ Ноябрь 1874 года, т. е. въ то время, когда въ нѣмецкомъ изданіи эта глава уже была отпечатана, я получилъ отъ г. Пальмена составленный на нѣмецкомъ языкѣ рукописный перечень содержанія вышеупомянутого сочиненія.

Пользуюсь предстоящимъ случаемъ, чтобы разсмотрѣть этотъ перечень на столько, на сколько г. Пальменъ высказывается противъ метода, предложеннаго и развитаго въ моихъ «Иезиптезахъ».

Во-первыхъ, по мнѣнію г. Пальмена, для достиженія вполне надежныхъ результатовъ, необходимы гораздо болѣе точныя среднія данныя, чѣмъ тѣ, которыми мы можемъ располагать до настоящаго времени.

Вполнѣ согласенъ съ г. Пальменомъ, что такія данныя крайне желательны. Въ изслѣдованіи своемъ вѣдъ я старался снова подстрекнуть почти уже ослабѣвающія силы на продолженіе прежнихъ и предпринятіе новыхъ наблюденій по части перелетовъ птицъ. Этого можно было достигнуть только тѣмъ, что я, въ видѣ опыта и примѣра, попытался показать, какую положительную пользу могутъ наконецъ оказать такія наблюденія. Болѣе точныя среднія данныя могутъ быть добыты лишь при помощи обширныхъ и продолжительныхъ наблюденій.

Во-вторыхъ, г. Пальменъ полагаетъ, что «если бы у насъ и были такія болѣе точныя среднія данныя, то въ проведенныхъ на основаніи ихъ общихъ изепиптезахъ должны оказаться пробѣлы для нѣкоторыхъ видовъ. Слѣдовательно, принимая за основаніе изслѣдованія одни только среднія данныя, мы можемъ провести изепиптезы и по такимъ мѣстамъ, въ которыхъ извѣстная птица вовсе не бываетъ».

Изепиптезы, безъ сомнѣнія, должно обозначать посредствомъ прерывающихся линий, и я не нахожу ни малѣйшаго затрудненія изображать ихъ, гдѣ нужно, посредствомъ прерывающихся рядовъ линій. Вѣдь и изотермическія линіи въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть наносимы только съ промежутками и касаться лишь такихъ мѣстностей, въ которыхъ дѣйствительно производились наблюденія.

Наконецъ г. Пальменъ дѣлаетъ еще одно возраженіе, касающееся самаго принципа этой методы. Если вопросъ (говоритъ онъ) долженъ быть рѣшенъ въ такомъ смыслѣ, то означенное явленіе, на подобіе метеорологической проблемы теплоты, болѣе или менѣе разсматривается какъ физическій процессъ, и потому результатъ получаетъ такой-же колеблющійся характеръ. Между тѣмъ явленіе, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, совершается надъ живыми существами, слѣдовательно оно гораздо сложнѣе и потому должно быть разсмотрѣно съ біологической стороны».

Всѣ предыдущіе листы этого выпуска свидѣтельствуютъ о томъ, что я смотрю на означенное явленіе какъ на очень сложный біологическій вопросъ. При всемъ томъ едва ли кто станетъ отрицать, что перелетъ птицъ главнымъ образомъ находится въ связи съ измѣненіемъ временъ года; даже зависитъ отъ нихъ. Если же климатическія данныя играютъ главную роль, то важнѣе всего разъяснить, въ какомъ именно отношеніи къ нимъ находится перелетъ птицъ, и такимъ образомъ получить возможность, выдѣливъ ихъ, правильно оцѣнить и опредѣлить значеніе остальныхъ данныхъ. Для этой цѣли графическій способъ изображенія, введенный мною въ «Изепиптезахъ», самый наглядный; онъ позволяетъ намъ ознакомиться съ дѣломъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и потому уже оказался положительно полезнымъ.

Верховья и упряжные животныя Сибирскихъ кочевниковъ.

Принужденный довольствоваться въ своемъ быту однимъ лишь царствомъ животныхъ, первобытный житель Сибири также долженъ былъ приняться за кочеваніе. Какъ охотнику и рыбаку ему, конечно, открывалась возможность устраивать свой шалашъ въ такихъ мѣстахъ, которыя кочевья животныя посѣщали больше всего, подстергать ихъ на пути кочеванія и собирать съ нихъ десятину, нѣкогда причитавшуюся вѣнцу творенія въ необыкновенномъ изобиліи.

При всемъ томъ мы находимъ, что и осѣдлаго первобытнаго жителя Сибири, подобно животнымъ, одолѣвало желаніе выбраться въ даль. Возможность исполнить это желаніе представляли рыбаку лодка, а охотнику — вѣрная спутница его, собака, на которую онъ напяливалъ упряжь.

Но значительно большая часть первобытныхъ жителей Сибири, въ противоположность туземцамъ Сѣв. Америки, съ незапамятныхъ временъ была пастушескимъ народомъ и вслѣдствіе этого въ такой-же степени должна была предаться кочеванію, въ какой послѣднее составляетъ, какъ мы показали, жизненное условіе Сибирскихъ животныхъ. Чтобы облегчить себѣ эти кочеванія, кочевникамъ пришлось сдѣлать домашнія животныя верховыми и упряжными животными, ближайшее изслѣдованіе которыхъ должно возбудить любопытство внимательнаго наблюдателя животнаго царства тѣмъ болѣе, чѣмъ явственнѣе первобытныя особенности различныхъ домашнихъ животныхъ внесли и совершенно различныя культурно-историческіе моменты въ образъ жизни эксплуатирующихъ и тиранящихъ ихъ благодѣтелей.

Сѣверный олень въ упряжи.

Употребленіе сѣв. оленя въ упряжи такъ извѣстно, что я не намѣренъ и не стану тутъ распространяться объ этомъ предметѣ. По нижеуказаннымъ причинамъ я займусь здѣсь единственно подробнымъ разсмотрѣніемъ вьючнаго и верховаго сѣвернаго оленя. Пусть нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ относительно упряжнаго сѣв. оленя обратятъ вниманіе читателей на то, что мнѣ привелось видѣть и о чемъ я считалъ нелишнимъ упомянуть съ тою цѣлью, чтобы ученый изслѣдователь исторія человѣческой культуры могъ

ознакомиться съ такими вещами, которыя въ состояніи сообщить только опытный путешественникъ, насмотрѣвшійся на безпріютныя пустыни глубокаго сѣвера.

Всѣмъ достаточно извѣстно, что сѣв. олень эксплуатируется сѣверными кочевниками самымъ экономическимъ образомъ до послѣдней капли крови, до послѣдней жилки, даже до перепрѣшаго содержанія желудка его. Всякому извѣстно также, что это ничѣмъ незамѣнимое для сѣвернаго хозяйства животное обязано своимъ существованіемъ лишь произрастанію оленьяго моха. По-этому А. Шренкъ совершенно справедливо ставитъ значеніе этого лишайника въ хозяйствѣ полярнаго пояса еще выше значенія хлѣбныхъ растеній въ умѣренныхъ климатахъ. Но едва-ли еще по достоинству оцѣнивается, въ кругу большинства образованныхъ людей, то неопредѣлимое вліяніе, которое должно было оказать на развитіе челоуѣка въ Европѣ и Азіи прирученіе домашнихъ животныхъ. Америка и Австралія, гдѣ челоуѣкъ не сдѣлалъ изъ животнаго своего помощника, должны были остаться на прежней степени культуры, пока наконецъ Европа явилась къ нимъ на помощь подвозомъ своихъ домашнихъ животныхъ. Хотя житель глубокаго сѣвера Азіи прослылъ за дикаря, все-таки и онъ болѣе развитъ, чѣмъ житель Сѣверной Америки, не сумѣвшій подчинить себѣ сѣв. оленя. Туземецъ Сѣв. Америки самъ никогда не сумѣлъ отдѣлаться отъ состоянія вьючнаго животнаго. Съ большимъ трудомъ онъ да жена носятъ все свое добро на спинѣ и въ самомъ благопріятномъ случаѣ тащатъ его за собою на салазкахъ. Эта причина достаточна для того, чтобы заставить ихъ довольствоваться возможно меньшимъ количествомъ имущества. Въ Сибири же кочевникъ, владеющій сѣв. оленями, нагружаетъ свои пожитки на безчисленное множество саней: потребности его усиливаются. О низкомъ уровнѣ Сѣвернаго Американца свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что готовый примѣръ столь близкихъ сосѣдей, какъ Чукчи, не могъ привиться къ нимъ. Даже на американскихъ побережьяхъ Берингова моря туземецъ не сумѣлъ хотя приблизительно обучить собаку такъ хорошо, какъ это дѣлается въ Сибири (Загоскинъ, Пѣшеход. Опись, 1847, I, стр. 59). Онъ даже самъ не садится на санки, а идетъ рядомъ съ собакой, вмѣстѣ съ нею тащитъ поклажу и въ теченіе ряда всѣхъ поколѣній остается вьючнымъ животнымъ.

Скажу нѣсколько словъ о цвѣтѣ сѣв. оленей. Замѣчательно, на сколько онъ вообще однообразенъ. На нѣсколькихъ тысячахъ, осмотрѣнныхъ мною на сѣверѣ, преобладалъ нормальный сѣрый костюмъ, а если онъ и измѣнялся, то перемѣна происходила въ такомъ-же направленіи, въ какомъ перемѣна волосъ къ зимѣ сопровождается болѣе бѣловатою шубою. Короткіе, плотно прилегающіе, блестящіе волоса переднихъ частей ногъ и головы преимущественно упорно придерживаются темно-сѣраго цвѣта, изрѣдка переходящаго въ темно-бурый и черноватый; грудь, брюхо, подвздохи и задъ готовы принять совершенно бѣлый цвѣтъ. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ обнаруживается преобладающее у всѣхъ нашихъ домашнихъ животныхъ правило, что у небѣлыхъ, одноцвѣтныхъ животныхъ сгибающаяся часть туловища и оконечностей готова принимать болѣе или менѣе преобладающій бѣлый цвѣтъ. Эти бѣлые цвѣта и пятна, которыя съ нижней стороны тѣла, чрезъ

нижнюю челюсть и морду, такъ любятъ тянуться вплоть до самаго лба или перескакивать туда, свидѣтельствуя у рогатаго скота и лошади весьма достоверно о томъ, что родители или прародители ихъ были разнаго цвѣта; въ сущности однакоже они все-таки сводятся на то, что животныя принимаютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ въ то время, когда на нихъ появляются зимніе волосы. Чѣмъ континентальнѣе климатъ, тѣмъ рѣже выступаетъ зимняя бѣлизна. Ссылаясь относительно цвѣта на сказанное мною на стр. 27 и слѣд. этой части¹⁾, я возвращаюсь къ ручнымъ сѣв. оленямъ на глубокомъ сѣверѣ.

Въ Таймырскомъ краѣ бѣлые сѣв. олени также встрѣчаются несравненно рѣже сѣрыхъ. Но и послѣдніе весною являются бѣлыми или, по крайней мѣрѣ, въ бѣлыхъ яблокахъ на нижней части боковъ, съ плечь до заднихъ колѣнъ.

Замѣчательно, что когда бѣлые волосы доходятъ и до копыта, то у бѣлыхъ сѣв. оленей копыто растетъ нормально, у сѣрыхъ же бѣлое копыто вырастаетъ такъ сильно, что его приходится подрѣзывать, чего у другихъ обыкновенно не дѣлаютъ. Если не подрѣжутъ копыта, то оно до того удлиняется, что (мнѣ самому случалось видѣть это) кончикъ копыта закручивается вверхъ, какъ у рогатаго скота, простоявшаго большую часть года въ хлѣвѣ, на хорошемъ кормѣ, на мягкомъ навозѣ. Это необыкновенное прорастаніе бѣлаго копыта соотвѣтствуетъ подобному-же явленію, замѣченному мною на принадлежащемъ мнѣ семействѣ рогатаго скота изъ вост. Фрисландіи. На всѣхъ большихъ и малыхъ бѣлыхъ пятнахъ, разбросанныхъ по черному полю главнаго цвѣта, волоса вдвое длиннѣе, чѣмъ на черныхъ частяхъ тѣхъ-же животныхъ.

Чѣмъ дальше въ сѣв. Сибири подвигаешься къ востоку, тѣмъ больше проявляются перемены въ цвѣтѣ, которымъ подвержены вообще домашнія животныя. Наконецъ къ востоку отъ Колымы встрѣчаются сѣв. олени шифернаго цвѣта, черноватые, пѣгіе (бѣло-бурые) и чубарые. Вѣроятно это результаты искусственнаго скрещиванія, на которое Коряки и Чукчи особенные мастера. Такъ какъ подобный мѣхъ цѣнится очень дорого, то они вѣроятно воспользовались огромнымъ выборомъ племенныхъ животныхъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, чтобы добыть такіе необычные наряды и размножить однажды достигнутыя, годныя въ дѣло, измѣненія.

Оленята Таймырскаго края всѣ желтобурого или козуляго цвѣта, переходящаго въ ржавокрасный цвѣтъ съ черноватой мордочкой и полосой на спинѣ. Встрѣчались также два пятна черноватаго цвѣта на томъ мѣстѣ, гдѣ должны были пробиться рога. Первые оленята появились 4-го Мая и уже до окончанія этого мѣсяца всѣ оленицы успѣли отелиться. Хрюканіе оленятъ, очень напоминающее хрюканіе старыхъ и молодыхъ свиней и раздающееся также отрывочно и въ тактъ свиного хрюканія, никакъ не носовой, а положительно горловой звукъ, похожій на стонущее хрюканіе людей, неловко подражающихъ хрюканію свиньи. Иногда оно напоминаетъ кашель и хриплый ревъ на-

¹⁾ Кроме того должны быть приняты въ соображеніе дополнителныя замѣтки моихъ преемниковъ, гг. Л. Шренка и Раdde.

шихъ коровъ. Европейскія уши очень поражаетъ хрюканіе сѣв. оленя; въ предѣлахъ басоваго голоса хрюкающаго быка яка оно ежедневно и ежечасно напоминаетъ о томъ, что самыя разнообразныя варіаціи хрюканія составляютъ настоящій основной тонъ всякаго рода скотоводства.

Довольно странны на видъ мягкія, черныя роговыя шишки, зачатки которыхъ весною вѣнчаютъ головы сѣв. оленей. Онѣ легко испускаютъ кровь изъ себя и довольно легко даже совершенно отламываются. Тогда на кровь или вовсе не обращаютъ вниманія, или обвязываютъ шишки веревочкой. Ломкость по-видимому вызываетъ иного слишкомъ грубаго Самоѣда на жестокое обхожденіе съ животными и на насилія, такъ какъ отломанный кусокъ немедленно отправляется въ ротъ Самоѣда и сѣдается имъ цѣбликомъ. Я замѣтилъ, что посредствомъ тщательнаго разсмотрѣнія этихъ черныхъ роговыхъ шишекъ, изъ которыхъ по-видимому проглядываетъ что-то красноватое, Самоѣды въ состояніи судить о томъ, страдаетъ-ли животное приливомъ крови къ головѣ или нѣтъ.

Въ популярныхъ сочиненіяхъ и журналахъ въ послѣднее время слишкомъ сентиментально стали восхвалять достоинства сѣв. оленя. Указываютъ на его привязанность къ хозяину, на его вѣрность и т. д. Къ сожалѣнію всего этого въ нихъ вовсе не видно. По-видимому животное едва въ состояніи отличать своего хозяина отъ другихъ. При томъ оно привязано къ человѣку только потому, что страстно любитъ лакомиться его испражненіемъ и боится волка. Сѣв. олень не столько довѣрчивъ къ человѣку, сколько смиренъ, даже назойливъ, наглъ. Но при этомъ онъ покоренъ, податливъ, чрезвычайно терпѣливъ и все спокойно переноситъ. Однимъ словомъ, вслѣдствіе множества пассивныхъ качествъ удобнаго и полезнаго рода, онъ для человѣка дорогое животное, но за то активныхъ, пріятныхъ душевныхъ качествъ въ немъ рѣшительно нѣтъ никакихъ. Не мудрено, что кочевникъ съ этимъ животнымъ, о которомъ онъ вообще заботится, часто обходится очень грубо, потому что оно переноситъ все безропотно. Когда однажды сѣв. олень, пойманный на арканъ изъ стада, послѣ нѣкотораго сопротивленія, не хотѣлъ идти въ упряжь, не смотря на всѣ толчки, то его закололи. Оказалось, какъ я увидѣлъ, что непослушаніе его произошло оттого, что во время возни съ нимъ ему проломили 4 ребра.

Ѣзда на сѣв. оленяхъ также имѣетъ свои степени развитія. Когда мы, отправившись изъ Туруханска на собакахъ, внизъ по рѣкѣ, подъ полярнымъ кругомъ, у поселенія Курейскаго въ первый разъ перешли къ новой для насъ въ то время ѣздѣ на сѣв. оленѣ, то мы такъ были озадачены ею, что я вскорѣ потерялъ терпѣніе и отправился пѣшкомъ впередъ за цѣлую станцію¹⁾, чтобы пріучиться бѣгать на лыжахъ. У Остяковъ нашихъ было лишь нѣсколько сѣв. оленей, съ которыми имъ нужно было обходиться очень бережно. Они везли насъ почти только шагомъ.

Такъ дѣйствительно всегда движутся тяжелые транспорты, плетущіеся изрѣдка маленькою рысцою. На далекія разстоянія накладываютъ только отъ 250 до 300 русскихъ

¹⁾ Отъ Денежкина до Карасна 23-го Марта.

фунтовъ на всякую нарту въ два сѣв. оленя и ежедневно проходятъ не болѣе 5 или 6 геогр. миль. Дальше внизъ по рѣкѣ намъ встрѣчались уже болѣе нагруженные транспорты съ рыбою. На каждую нарту навалено было свыше 300 и даже болѣе 350 фунтовъ. Но транспортъ сопровождали запасные сѣв. олени, такъ что каждый день можно было дѣлать смѣну. Совершенно иначе пошло дѣло у богатыхъ сѣв. оленями Юраковъ, которые впрягали въ наши тяжелонагруженные нарты¹⁾ по четыре сѣв. оленя, но за то быстрою рысью²⁾, при которой мы проѣзжали въ часъ по 1½ геогр. мили и болѣе, везли насъ 10 геогр. миль, безъ перепряжки. Это конечно можно было дѣлать только въ такомъ случаѣ, когда за тѣмъ впрягали свѣжихъ сѣв. оленей. Люди эти старались перещеголять другъ друга въ быстротѣ и ловкости ѣзды. На тундрѣ самыми ловкими оказывались такіе опытные возчики, которые умѣли весело погонять рядомъ двѣ четверки.

Сѣв. оленя нельзя очень нагружать, но онъ отличается тѣмъ, что умѣетъ пробираться по глубокому снѣгу, равно какъ по болоту, лучше всякаго другаго животнаго. Правда, что при этомъ безпрестанно раздается понуканіе «кс» или «кш», правда, что ящикъ вмѣсто стяганія кнутомъ грозно размахиваетъ своимъ копьемъ и по временамъ, противоположнымъ закругленнымъ концемъ копья вѣзжаетъ животному въ ляшки. Кнутомъ вовсе бы нельзя было пробрать его по густому, толстому мѣху. Кочевникъ наноситъ удары свои клаштосами, такъ что летятъ клочья волосъ, остатки которыхъ за тѣмъ при остановкѣ тщательно выдергиваются. Если онъ по ошибкѣ ударитъ въ корень хвоста, то хвостъ обыкновенно вывихается, либо въ бокъ, либо кверху и навсегда уличаетъ виновника въ его жестокой неловкости. Такіе удары тупымъ, съ шарикомъ на концѣ копьемъ, такъ называемымъ «хореемъ»³⁾, раздаются съ извѣстнымъ шикомъ, иногда съ двойнымъ толчкомъ, какъ бы въ подражаніе стихотворнаго размѣра хорая.

При такой безжалостной погонѣ сѣв. оленя, впряженные въ легкія сани, въ состояніи оказать чудеса. Изъ достовѣрныхъ случаевъ извѣстно, что въ день (т. е. едва 14 часовъ) проѣзжали 30 геогр. миль; рассказываютъ даже о еще болѣе необыкновенныхъ исключительныхъ подвигахъ⁴⁾.

¹⁾ Мы считали по 1000 фунтовъ на нарту.

²⁾ См. ниже таблицу скорости ѣзды на сѣв. оленяхъ.

³⁾ См. полтипажъ въ главѣ о Самоѣдахъ.

⁴⁾ А. Шренкъ (Reise nach dem Nordosten des Europ. Russl., 1854, II, стр. 339) рассказываетъ про одинъ случай, когда 200 верстъ проѣхали въ 12 — 14 часовъ, но сѣв. олени падали.

Гофманъ (Der nördliche Ural, стр. 58) говоритъ: Въ Березовѣ меня посѣтили Остяки, стада которыхъ находились за слишкомъ 80 верстъ; они остались часа два въ городѣ, катали насъ по улицамъ и за тѣмъ пустились въ обратный путь, который хотѣли также совершить, не распрягая своихъ оленей.

Считаю великимъ присоединить еще замѣтку, кото-

рая при этомъ имѣетъ свое значеніе. Кочевникъ дѣлаетъ привалъ, не слѣзая съ саней; въ это время сѣв. олени пасутся.

Гамель (въ своемъ Традескантиѣ, стр. 309) сообщаетъ со словъ Гордона, что сѣв. олень не отдыхая можетъ проѣхать 200 миль, и притомъ послѣднія 350 верстъ въ 40 часовъ.

Невѣроятно извѣстіе Пиктѣ (Nov. Comment. Acad. Petrop. 1769), что проѣхать въ сутки 150 англ. миль (т. е. болѣе 30 геогр. миль) дѣло обыкновенное. Проскакать такое разстояніе въ 13—14 часовъ на однихъ и тѣхъ-же животныхъ уже значить быстро ѣздить. Но въ 1699 году кто-то проскакалъ 124 швед. мили (слѣд. 1240 верстъ или 177 геогр. миль) въ 48 часовъ, за что и возведенъ былъ въ дворяне подъ именемъ Rhenstjerna, но жи-

На ровной тундрѣ поимка сѣв. оленей для впряганія легче, чѣмъ поимка этихъ животныхъ въ лѣсныхъ чащахъ, какъ мы увидимъ при описаніи верховой ѣзды на сѣв. оленяхъ. При непрерывныхъ восклицаніяхъ на всемъ скаку объѣзжаютъ животныхъ на двухъ саняхъ, въ которыя впряжены самые быстроногіе олени, сгоняютъ ихъ въ тѣсную кучку и прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться, при содѣйствіи всей путешествующей компаніи окружаютъ длиннымъ ремнемъ. Вскорѣ животныя отказываются отъ попытки сбѣжать, ловятся на арканѣ, на время привязываются къ окружающему ихъ ремню и отводятся на мѣсто, какъ скоро пойманы всѣ тѣ, которыхъ хотѣли словить.

Нѣкоторыя животныя стараются, правда, испытывать ловкость людей, но арканъ застигаетъ ихъ вѣрнѣйшимъ образомъ на всемъ скаку на разстояніи 30 или 40 шаговъ.

Вьючный и верховой сѣверный олень.

Мартенсъ¹⁾ сообщаетъ, что Альбертъ Великій говоритъ о сѣв. оленѣ: «equitant eum». Въ видѣ поясненія онъ прибавляетъ, что такая «верховая ѣзда на сѣв. оленяхъ» упоминается кое-гдѣ у другихъ старинныхъ писателей, но кажется всегда ошибочно понималась, такъ какъ подъ ней должно разумѣть обыкновенную ѣзду въ повозкѣ на сѣв. оленяхъ, сообразно тому времени, когда, въ противоположность нынѣшнимъ порядкамъ, верховая ѣзда составляла гораздо болѣе общій способъ путешествованія, чѣмъ ѣзда въ повозкѣ. Да и уже до Мартенса смотрѣли на это точно также²⁾.

Мартенсъ съ обратіей правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно на всемъ сѣверѣ Европы, равно какъ и материка сѣв. Сибири, за р. Леной, различныя небольшіе народцы, какъ-то: Лапландцы, Зыряне, Остяки, Юраки, Самоѣды, Долганы, Якуты, Юкагиры и т. д. употребляютъ сѣв. оленя только въ упряжь. Но какъ скоро мы зайдемъ въ область Тунгускиныхъ горъ и Становаго хребта, покрывающаго, какъ извѣстно, своими развѣтвленіями Восточную Сибирь, слѣд. съ 70° с. ш. къ югу за 50°, такъ мы увидимъ, что на дальнемъ востокѣ сѣв. олень служитъ первобытному челювѣку дѣйствительно столько-же вьючнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и верховымъ животнымъ, сколько остальному сѣверу онъ извѣстенъ только какъ упряжное животное.

Вслѣдствіе нѣжнаго своего сложенія, сѣв. олень дѣйствительно не такъ пригоденъ для непосредственнаго навьючиванія грузовъ на его спину, какъ лама, которая одинаковаго съ нимъ роста, но положительно коренастѣе его. Неудобность протащить какую-бы то ни было, хотя бы и легчайшую повозку, по лѣснымъ чащамъ и скаламъ означенныхъ хребтовъ, вынудила восточнаго Сибириака воспользоваться ничѣмъ незамѣнимымъ спутни-

вовное (?) его пало. — Ср. ниже таблицу скорости ѣзды на сѣв. оленяхъ.

1) Archiv für Naturgeschichte 1858, I.

2) Марсденъ папр. (Travels of Marco Polo, 1818, p. 222)

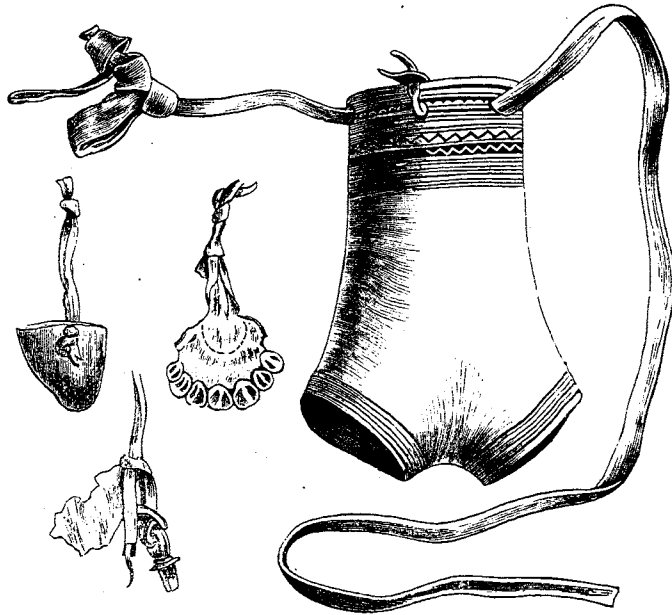
подобно Бюрну сомнѣвается въ томъ, что сѣв. олени употреблялись иначе какъ въ упряжи. Слово «cavalcano» онъ поясняетъ такъ: «but this must have been a misconception, either on the part of our author, or more probably of those who made the early versions of his work».

комъ такимъ способомъ, который во многихъ отношеніяхъ составляетъ крайній предѣлъ возможнаго.

Если предположить, что по всей вѣроятности санная упряжь, нѣмнѣ употребляемая жителями плоской тундры сѣв. Сибири, не что иное какъ первоначальная упряжь, улучшенная, въ настоящее время, благодаря тысячелѣтнимъ усовершенствованіямъ, то мы увидимъ, что одинаковыя причины — горы и лѣса — съ одной стороны на самомъ дальнемъ западѣ, съ другой на самомъ крайнемъ востокѣ, измѣнили способъ употребленія сѣв. оленя въ совершенно противоположномъ направленіи. И тутъ и тамъ пришлось отказаться отъ мысли впрягать по нѣскольку сѣв. оленей разомъ точно также, какъ въ безлѣсной тундрѣ.

Въ гористой и лѣсистой Лапландіи высокія Самоѣдскія сани преобразились въ маленькое, короткое, спереди загнутое вверхъ, корыто легчайшаго вида, которое впряженный въ него сѣв. олень въ состояніи тащить за собою куда-угодно; въ рыхломъ снѣгѣ оно рѣдко вязнетъ и никакому пню, никакому сучку и т. д. не представляетъ ни малѣйшаго свободнаго мѣста, за которое они могли бы зацѣпиться.

Должно бы казаться, что такое удобное приспособленіе успѣлъ усвоить себѣ и горный житель Вост. Сибири, но нѣсколько тысячъ верстъ отдѣляютъ его отъ лапландскаго изобрѣтателя. Непосредственное навъучиваніе слабого спиною сѣв. оленя съ перваго взгляда значительно уступаетъ, кажется, способу впряганія его въ упомянутое корыто. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ выученный, въ особенности же верховой сѣв. олень имѣетъ большое преимущество предъ впряженнымъ въ корыто. Преимущество это заключается не только въ большей свободѣ движеній, но и главнымъ образомъ въ возможности да-

Роговой колоколь тунгусскій, на южной покатости Становаго водораздѣльнаго хребта.

же въ теченіе лѣтней половины года, которая подъ кожными широтами болѣе продолжительна, перебираться чрезъ многочисленныя, болшею частью мелководныя, горныя потоки. Такимъ образомъ таже самая причина преобладала при выборѣ

дальнѣйшій путь. Пришлось не спать, хотя я совершенно утомился отъ тягости переезда, напряженія и заботъ.

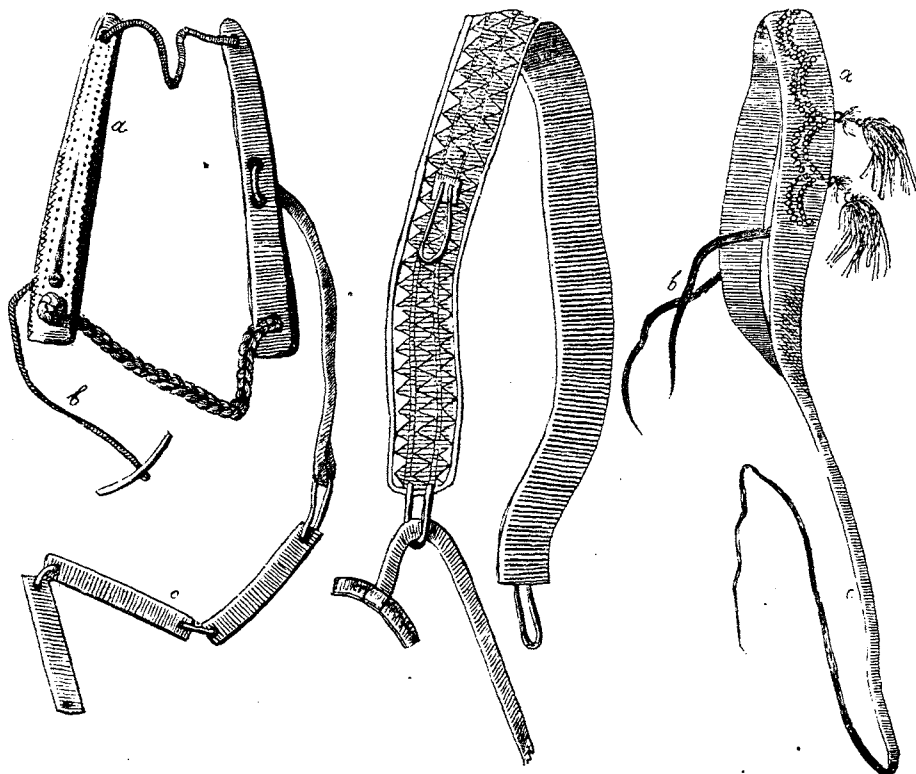
Когда, благодаря ежедневному странствованію, наконецъ привыкнешь къ дѣлу, то оно справляется скорѣе, но все-таки среднимъ числомъ уходитъ часа полтора на сборы и навьючиваніе. Въ первый ночлегъ животныя не далеко уходятъ, и даже собираются около шалаша. Во всякомъ случаѣ слѣды не затоптаны.

Въ началѣ осени, т. е. въ началѣ Сентября, надежными помощниками нашими были комары и въ особенности мошки (срав. начало Сиб. фауны и Бараба, стр. 3), потому что какъ скоро утромъ ночной морозъ смѣнялся пригрѣвавшимъ солнечнымъ свѣтомъ, эти мучители начинали вылѣзать изъ своихъ закоулковъ, и бѣдные сѣв. олени, глаза которыхъ, вслѣдствіе уязвленій этими почти невыносимыми, назойливыми насѣкомыми, были наполнены гноемъ, добровольно прибѣгали къ мѣсту привала, подъ защиту дымокура отъ пылавшихъ огоньковъ, которые мы разводили.

Впослѣдствіи, въ теченіи зимы, намъ помогала возраставшая все болѣе и болѣе страсть сѣв. оленей лизать соль. Страсть эта такъ усиливается, что требуется величайшая аккуратность при укладкѣ дорожнаго мѣшка, въ которомъ хранится соль. Одаренныя прекраснымъ чутьемъ, животныя эти, шаря, раззоряютъ все оболочки, когда найдутъ мѣшокъ. Описанною прежде жадностью, съ которою сѣв. олень бросается на каждый клочокъ снѣга, смоченный человѣкомъ при удовлетвореніи естественной потребности, кочевники пользуются въ полной мѣрѣ при поимкѣ животныхъ. Рано утромъ всей путешествующей братіи приходится терпѣть и особенно копить мочу до тѣхъ поръ, пока начинаютъ ловить животныхъ, съ тѣмъ чтобы нагрязнуть на нихъ за «чаемъ». Сначала дѣло идетъ быстро и арканъ, петля котораго проходитъ черезъ костяную трубку, забираетъ одно животное за другимъ. Обыкновенно подъ конецъ загонки два-три оленя, которые подичѣе другихъ, остаются еще на волѣ, но тогда и вся приманка уже успѣетъ истощиться. Чрезвычайно смѣшно видѣть, какъ каждый на свой ладъ старается обмануть животное, притворяясь, что онъ испражняется. Бѣглець остается въ почтительномъ отдаленіи, но не можетъ устоять противъ искушенія и пучить глаза, поглядывая, не поднесетъ ли все-таки чего-нибудь тотъ или другой разстегнувшійся человѣкъ, присѣвъ на корточки, пыхтя и кряхтя. Въ это время другой идетъ въ обходъ животнаго и накидываетъ на него арканъ. Страсть полакомиться солью развивается, кажется, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ исключительнѣе сѣв. олени зимою питаются одними лишайниками, которые, слѣдовательно, должны содержать въ себѣ очень мало соли: по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ дающими поташъ травами, которыми сѣв. олень питается лѣтомъ. Какъ только зимою остановишься и распахнешься, такъ сѣв. олень, видя это, начинаетъ страшно тащить глаза. Если есть чѣмъ поживиться, то они безцеремонно протискиваются и, отбивая другъ у друга лакомое угощеніе, грозятъ опрокинуть шалашъ. Въ стадѣ почти всегда бываетъ нѣсколько животныхъ, которыя постоянно поглядываютъ на шалашъ, чтобы тотчасъ-же быть на мѣстѣ, какъ только представляется пожива.

Другого рода лакомство соблазняет осенью нѣкоторыхъ сѣверныхъ оленей нерѣдко уходить такъ далеко, что иногда они совершенно пропадаютъ, какъ это разъ мнѣ случилось испытать. Я разумѣю грибы, которые содержатъ въ себѣ столько азота.

Пасущіеся сѣв. олени большею частью возвращаются по направленію предшествующей ночевки, и потому ихъ прежде всего начинаютъ отыскивать по этому направленію. Въ горахъ они любятъ взбираться вверхъ. При сильномъ морозѣ они убѣгаютъ дальше. Впрочемъ, при самой сильной стужѣ, т. е. не только при замерзаніи ртути, но и въ такіе дни, когда температура понижалась до 60° Цельсія и болѣе, мнѣ случалось заставить ихъ утромъ дрожащими, съ взъерошенными волосами. При сдвиганіи переднихъ и заднихъ ногъ, спина была нѣсколько сгорблена, фигура животного казалась какъ то шарообразною. Одинъ сѣв. олень, у котораго зябла нога, приподнималъ даже эту ногу, точно такъ, какъ у насъ это дѣлаетъ собака, когда у нея зябнутъ подошвы.

Самойдскій недоуздокъ.

Подпруга сѣв. оленя въ четверной упряжи.

Тунгусскій недоуздокъ.

Животное изъ большаго стада не легко заблудится. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ у лошадей, въ видѣ товарищей, слѣдуютъ за болѣе старшимъ вожакомъ. Молодые животные присоединяются къ старшимъ; даже тогда, когда собиралось отъ 3 до 4 однолѣтокъ, они не рѣшались удалиться отъ стада, если впереди не шелъ старшій вожакъ. При этомъ приходитъ вамъ на память идущая во главѣ «madrina» погонщикова муловъ.

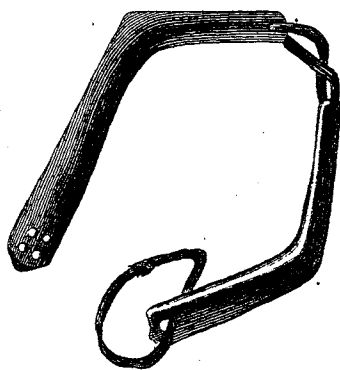
Если въ началѣ путешествія сѣв. олени слишкомъ куролѣсять, то приходится прибѣгать къ быстро импровизованнымъ засѣкамъ, въ которыя загоняютъ животныхъ; потомъ ихъ вылавливаютъ по одиночкѣ посредствомъ аркана.

Будучи испуганы хищными животными, сѣв. олени большею частію укрываются по близости отъ шалаша; это во всякомъ случаѣ заставляетъ предполагать въ нихъ сознаніе, что человѣкъ въ состояніи защитить ихъ.

Если сѣв. олени въ дорогѣ устали, то рано утромъ ихъ сгоняютъ свистомъ и громкими восклицаніями, отыскивая ихъ пѣшкомъ или верхомъ. Протяжный, громкій зовъ кой-кой-кой раздается по лѣсу и будитъ отдыхающихъ. Но послѣ утомительныхъ переходовъ животныя, которыя сначала очень проворны, встаютъ съ трудомъ. Особенно имъ тягостно вставать, когда они заняты жвачкою; нерѣдко даже нѣкоторыя ждутъ, чтобы человѣкъ толкнулъ ихъ ногой, прежде чѣмъ они встанутъ.

Очень забавно видѣть, какъ животное приподнимается, сгибаетъ спину по кошачьему, при этомъ обрубокъ хвоста своего плотно прижимаетъ къ спинѣ и иногда даже зѣбаетъ. Когда все стадо собрано, послѣднее животное привязано, тогда принимаются за взнуздываніе и сѣдланіе.

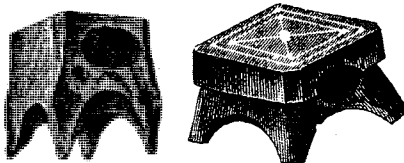
Недоуздокъ у вьючныхъ животныхъ такой-же и накладывается точно также, какъ у самоѣдскихъ упряжныхъ сѣв. оленей, т. е. идетъ съ верхней части лба, позади ушей, вокругъ роговъ до затылка; позади челюстей до сгиба шеи. У верховыхъ сѣв. оленей этотъ недоуздокъ принимаетъ видъ узды вслѣдствіе того, что поперечный ремень подъ глазами обхватываетъ морду и отчасти обложенъ нанизанными другъ возлѣ друга кусочками роговъ, которые, если ихъ сильнѣе натянуть,

Первобытная цѣпочка подбородочная.

давать скулу животного и дѣйствуютъ какъ подбородочная цѣпочка. Если-же животное все таки еще не слушается, то ремень, идущій поперекъ морды, продѣвается черезъ костяную скамѣчку, у которой либо нѣсколько туповатыхъ, либо остроконечныхъ ножки (см. прилаг. рисунокъ).

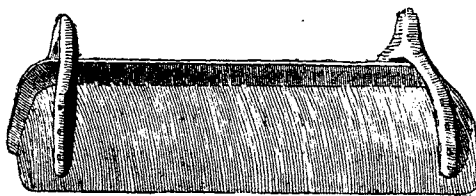
При сильномъ натягиваніи вожжи, какъ это дѣлаетъ ѣдущій верхомъ, ножки нажимаются на спинку морды и дѣйствуютъ какъ капцунъ, самымъ первобытнымъ примѣромъ котораго можетъ считаться этотъ приборъ, тогда какъ ни одинъ народъ, пользующійся сѣв. оленемъ, не успѣлъ, кажется, добиться того, чтобы вложить этому животному

въ ротъ мундштукъ. Я видѣлъ изображенный приборъ на двухъ слишкомъ горячихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ пугливыхъ сѣверныхъ оленяхъ.

Вьючное сѣдло сѣв. оленя состоитъ изъ двухъ дощечекъ, сдерживаемыхъ спереди и сзади двумя сучковыми вилами изъ твердаго дерева, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ.

Средняя щель образуетъ свободное пространство для спиннаго хребта. Хотя подъ это сѣдло подкладываютъ шубы, мѣховыя одѣяла, и рогожныя подушки въ палецъ толщины, спле-

Сѣдло сѣв. оленя по якутск.: игаръ.

тённые для этой цѣли изъ мягкой травы и состоящія изъ двухъ половинокъ, которые соединены между собою посредствомъ шнура, слѣдовательно не дотрогиваются спиннаго

хребта, но при всемъ томъ кочевники еще далеко не успѣли устранить вообще давленіе сѣдла. При толстой шерсти, которою покрытъ сѣв. олень, это озадачиваетъ.

Пока стояла не очень холодная погода, я находилъ, что расположеніе къ нажиму сѣдла было очень сильно. 7-го Сентября мы совершили первое свое путешествіе, проѣхавъ не болѣе 16 верстъ, и для перваго начала нагрузили на каждое вьючное животное только по 2 пуда. Между тѣмъ къ вечеру у четырехъ изъ нихъ оказались желваки отъ нажима. Когда послѣдніе потомъ были разрѣзаны, то изъ одного изъ нихъ вытекло съ полстакана воды съ кровью, а изъ другаго пошелъ гной.

Старикъ Тунгусъ упрекнулъ меня за эту операцію и его кочевничій практической взглядъ на дѣло былъ, кажется, правиленъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что съ каждой стороны нужно было сдѣлать по двѣ, слѣдовательно всего 4 моксы. Такъ и поступили съ третьимъ животнымъ, у котораго натертый желвакъ на плечѣ находился еще въ первой степени развитія. За недостаткомъ особаго желѣзнаго прибора, сильно накалили на огнѣ сковороду и однимъ краемъ надавили ее на больное мѣсто, такъ что спалили волоса. Кромѣ удобства, которое представляла такая оттягивающая эмпирическая припарка, этотъ способъ леченія представлялъ по-видимому еще ту выгоду, что на больномъ мѣстѣ укорачивалъ шерсть, которая вслѣдствіе этого избѣгала давленія. Настоящую моксу сдѣлали другому сѣв. оленю, у котораго натертый желвакъ на плечѣ уже началъ гноиться. На больномъ мѣстѣ шерсть сбрили ножомъ, кожу смазали густою слизью, которую докторъ своимъ ногтемъ соскоблилъ у себя съ зубовъ и съ десны¹⁾, потомъ наложили труть, величиною въ простой орѣхъ, зажгли его и начали раздувать.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ рассказать еще объ одномъ леченіи, при которомъ мнѣ привелось присутствовать. Одинъ изъ сѣв. оленей сталъ хворать. Послѣ непродолжительной діагнозы объявили, что онъ «внутренно боленъ». Моей толстой штопальной иглѣ почти въ два дюйма длины привелось пойти въ дѣло. Отъ края послѣдняго

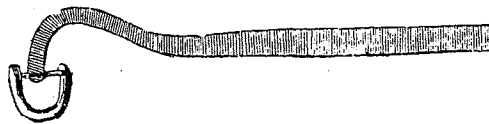
¹⁾ Это дѣйствительно, кажется, практической способъ. нѣсколько разъ сряду намажешь соплей, то этииъ боль- Если обожжешь и обожженное мѣсто немедленно и шую частію устраняешь образованіе пузыря.

настоящаго ребра отсчитали впередъ промежутки между ребрами и на боку, между 3 и 4 обратно отсчитаннымъ такимъ образомъ настоящимъ ребромъ, втыкали иглу такъ глубоко, что она совершенно уходила въ тѣло и могла быть вытащена только за продѣтую въ нее нитку. Такую акупунктуру повторили три раза и за тѣмъ произвели эту операцію еще на концѣ хвоста и въ обоихъ ухахъ.

При той легкости, съ какою развивается нажимъ сѣдла, не смотря на длинные въ 2 дюйма волосы сѣв. оленя, и при важномъ значеніи этого нажима, стараются дѣлать все возможное, чтобы избѣгнуть его. Выбираютъ старательно такія сѣдла, наклонные углы которыхъ лучше всего приходятся къ спинѣ животнаго, или въ извѣстныхъ случаяхъ вовсе не накладываютъ сѣдла, замѣняя его толстыми мѣховыми подушками и т. п. При всемъ томъ у нѣкоторыхъ животныхъ отдѣляется шкура зашейка и верхней части спины, такъ что ничего не подѣлаешь и остается только заколоть животное. Подобныя непріятныя обстоятельства приводятъ къ нѣкоторымъ суевѣріямъ. Такъ напр. поднялся сильный ропоть, когда для разведенія вечерняго огня я употребилъ прекрасно разгорающуюся березовую кору. Послѣдняя, растолковали мнѣ, да подкладываніе въ огонь кедровыхъ вѣтвей, содержащихъ въ себѣ много скипидару, а потому ярко вспыхивающихъ, и производятъ желваки.

Особенно осторожнымъ нужно быть въ сырую погоду. Только при наступленіи ея въ то время, когда уже находишься въ пути, можно продолжать путешествіе, потому что необходимость защитить и бока животнаго отъ нажима вьюковъ, заставляетъ класть на сѣдло подъ вьюки или мягкія мѣховыя платья или особо приготовляемыя для этого бисквитообразныя мѣховыя одѣяла, которыя называются кумаланъ. Они приготовляются изъ крѣпкихъ, коротковолосыхъ головныхъ шкурокъ сѣв. оленей, и такъ какъ мѣста вокругъ глазъ окаймлены бѣлыми волосами, да кромѣ того нашиваются мѣховыя квадратики другаго цвѣта, и все кругомъ обшивается пестрой каймой, то такія покрывала на видъ очень красивы, блестящи и щеголеваты. Эти кумаланы защищаютъ отъ прониканія дождя и слякоти, тѣмъ болѣе, что тунгусскія женщины подъ ними вѣшаютъ еще карманы, въ которые укладываютъ мягкое платье. Въ такомъ случаѣ кумаланъ набрасываютъ на тюки въ видѣ дождеваго зонтика.

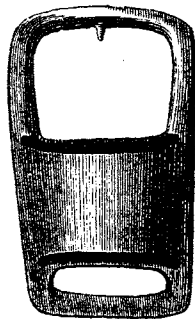
Само собою разумѣется, что весьма много значитъ равновѣсіе тюковъ съ обѣихъ сторонъ. Окончательное уравновѣшиваніе дѣлается при помощи добавочнаго груза, который кладется между наложенными по обѣ стороны вьюками и заключается либо въ ружьѣ, медвѣжьей рогатинѣ, сверткахъ березовой коры, служащихъ для устройства стѣнокъ шалаша, либо въ ребенкѣ и т. п. Накладка эта обвязывается широкой подпругой (по якутски: тимектинъ);

на одномъ концѣ этой подпруги придѣлана виллообразная часть рога сѣв. оленя, замѣняющая пряжку или

скорѣе кольцо; чрезъ него сперва продѣвается ремень, который потомъ завязывается въ узелъ. Подпруга скрѣпляетъ всю равномерно наложенную поклажу.

У одного зажиточнаго Тунгуса я встрѣтилъ также прототипъ нашей пряжки въ столь-же практической, сколько и простой формѣ. Сдѣлана она, какъ показываетъ рисунокъ, изъ трубчатой кости. Чрезъ нижнюю поперечную скважину продѣвается конецъ подпруги и пришивается. Небольшой шпинецъ на другомъ концѣ замѣняетъ нашъ уже рано утромъ, но сѣв. олени просохли лишь послѣ обѣда. Да, среди первобытной природы научаешься терпѣнію по неволѣ. Утренней росѣ, стрясенной въ лѣсу съ деревьевъ, нужно дать испариться на болѣе открытомъ мѣстѣ. Если забудешь эту мѣру предосторожности, то вскорѣ образуются опасные желваки вслѣдствіе того, что нѣкоторыя мѣста нагрѣваются и начинаютъ прѣть.

язычекъ, а въ слѣдующую за тѣмъ дужку вкладываютъ свободный конецъ ремня.

Если же сѣв. олени успѣютъ промокнуть, прежде чѣмъ дѣло дошло до сдѣланія, то нельзя отправляться въ путь до тѣхъ поръ, пока они не высохнутъ вполне. Это очень замедляетъ путешествіе. Хотя однажды дождь прекратился

уже рано утромъ, но сѣв. олени просохли лишь послѣ обѣда. Да, среди первобытной природы научаешься терпѣнію по неволѣ. Утренней росѣ, стрясенной въ лѣсу съ деревьевъ, нужно дать испариться на болѣе открытомъ мѣстѣ. Если забудешь эту мѣру предосторожности, то вскорѣ образуются опасные желваки вслѣдствіе того, что нѣкоторыя мѣста нагрѣваются и начинаютъ прѣть.

Расположеніе къ желвакамъ очевидно вызывается не только нѣжностью шкуры, но и въ особенности необходимостью пододвигать ношу какъ можно ближе къ переднимъ ногамъ. Вслѣдствіе этого чрезвычайно подвижныя лопатки сѣв. оленей попадаютъ подъ тиски сѣдла, а потому давленіе зашейка становится неизбѣжнымъ. По той-же причинѣ поклажа лежитъ такъ спокойно, что становится необходимымъ безпрестанно останавливаться, передвигать и перетягивать тюки, хотя при переходѣ чрезъ неровныя мѣстности употребляются тормозящіе ремни, которые проходятъ спереди вокругъ груди и сзади, подъ заднею частью, и не должны позволять поклажѣ сѣзжать въ разныя стороны.

Но необходимо отодвигать поклажу какъ можно ближе къ зашейку, потому что связь между спинными позвонками сѣв. оленя, въ особенности около поясницы, чрезвычайно слаба. Тунгусы увѣряютъ, что достаточно опереться рукою на поясничные позвонки и налечь тѣломъ, чтобы у животнаго совершенно отнялись заднія ноги. Сначала жалко видѣть, какъ животныя сильно выгибаютъ спину даже тогда, когда на нихъ положишь руку, не говоря уже о тяжелой ношѣ, и какъ, если этого мало, у нихъ сгибаются также заднія колѣна. Это сгибаніе повторяется вездѣ, гдѣ дорогу заграждаютъ хотя и незначительныя, но крутыя возвышенности. Только благодаря тому, что у сѣв. оленя при спускѣ съ горы такъ сгибаются заднія ноги, поклажа не сѣзжаетъ имъ еще чаще на шею. Присматриваешься къ этому уже впоследствии, когда заметишь, что это вовсе не такъ опасно, какъ кажется. Во всякомъ случаѣ сѣв. олень въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность ослу, у котораго крѣпкая, приподнятая кверху въ видѣ свода, спина

выдерживаетъ самыя большія тяжести. Киргизская степная лошадь въ этомъ отношеніи похожа на осла.

Сѣдло вообще нажимаетъ подъ ѣздокомъ рѣже, чѣмъ подъ поклажею. Когда къ 2 пудамъ размѣщеннымъ по обѣ стороны выюковъ прибавляютъ еще добавочную поклажу до $\frac{1}{2}$ пуда, то это довольно полная нагрузка. Такъ какъ ѣздокъ тяжелѣе, а въ прѣзжемъ Европейцѣ вдвое больше вѣсу¹⁾, то упомянутый фактъ о томъ, что подъ сѣдломъ сѣдло рѣже давитъ, кажется страннымъ. Онъ объясняется тѣмъ, какъ сѣдоку приходится сидѣть на сѣдлѣ.

Онъ становится по правую сторону животнаго возлѣ передней его ноги, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, и держитъ единственный длинный поводъ въ лѣвой рукѣ, которою опирается на переднюю часть сѣдла. Правую рукою онъ беретъ за верховую палку, упирается ею возлѣ своей правой ноги въ землю и, заноса за тѣмъ лѣвую ногу вверхъ, по возможности бережно садится на сѣдло, приподнимая свое тѣло при помощи двухъ опоръ, которыя ему даютъ руки его. Слѣдовательно до спины животнаго онъ нисколько не дотрогивается. Хорошій ѣздокъ вмѣстѣ съ тѣмъ пододвигаетъ къ себѣ сѣв. оленя при помощи надавливанія лѣвой рукой, такъ что незамѣтно какъ бы вспалзываетъ на животное. Въ особенности это необходимо дѣлать съ такими животными, которыя стараются не позволить ѣдоку сѣсть на нихъ.

Для того, чтобы усидѣть на сѣв. оленѣ, нужно имѣть нѣкоторый навыкъ, потому что ѣдоку приходится сидѣть на тарелкообразной, сѣдельной замшевой подушкѣ въ тарелку величиной, набитой шерстью сѣв. оленя. Сѣдло это еще болѣе выючнаго сѣдла лежитъ на зашейкѣ; о стремянахъ же или смыканіи колѣнъ не можетъ быть и рѣчи, потому что этимъ прямо задерживался бы ходъ животнаго. Колѣна не должны прикасаться къ животному и икры, равно какъ и ноги, должны свободно болтаться, да по немногу принять равномерную качку, соответствующую движеніямъ сѣв. оленя.

Такимъ образомъ ѣдешь, балансируя и избѣгая всякаго смыканія колѣнъ, тѣмъ болѣе, что сѣдельная подушка на острой верхушкѣ спиннаго хребта, на обложенномъ покачивающимися лопатками зашейкѣ, шатается, да и подпругу нельзя сильнѣе подтянуть, чѣмъ нужно, чтобы удержать пустое сѣдло; слѣдовательно она совершенно слабо натянута. Это сотрудничество балансирующаго ѣздока очевидно очень облегчаетъ животному обязанность нести его на себѣ, такъ что на небольшихъ разстояніяхъ кочевники ѣдутъ скорою рысью, даже обгоняя другъ друга, иногда и вскачь, такъ что разъ мнѣ пришлось дѣлать перевязку такому молодчику, который свалился вмѣстѣ съ своимъ животнымъ и при этомъ порядкомъ расшибъ себѣ голень о пень дерева.

Въ первый день я постоянно падалъ, особенно когда садился на оленя. То привскочишь слишкомъ мало, то слишкомъ сильно, такъ что въ послѣднемъ случаѣ перекачнешься,

¹⁾ Священникъ, отецъ Геронтій, вѣсъ котораго я ѣздитъ на сильныхъ сѣв. оленяхъ. Попытка удавалась, въ слѣдствіе его большаго роста и необыкновенной его по конечно только на небольшихъ разстояніяхъ. точности долженъ былъ цѣвять въ 6 пудовъ, пытался

пока не научишься пользоваться верховой палкой, къ которой на обширныхъ болотахъ снизу придѣлываютъ тарелочку¹⁾. За побудительными причинами дѣло не станетъ; я напр. началъ свой дебютъ съ того, что хотѣлъ заставить своего сѣв. оленя пройти черезъ болотистую, узкую, но глубокую канаву. Однакоже мое животное поняло дѣло иначе, сдѣлало скачокъ черезъ канаву, и я очутился погруженнымъ въ Сентябрьскій холодный п.л. Особенно важно ни за что не выпускать изъ рукъ поводъ: иначе сѣв. олень уходитъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что когда животное заупрямится, то съ нимъ не совладаешь, не смотря на небольшія его силенки. Всѣ старанія ловкаго Тунгуса, который, ради моего поученія, хотѣлъ заставить свое животное пройти черезъ наполненную водою канаву, окончились пресмѣшною круговою ѣздой. Съ иною лошадыю довольно трудно справиться, слѣдовательно тѣмъ болѣе съ сѣв. оленемъ, у котораго только одинъ поводъ съ лѣвой стороны и вмѣсто непосредственнаго смыканія колѣнъ приходится удерживаться при помощи верховой палки. Упрямый сѣв. олень сбрасываетъ своего сѣдока, когда угодно, и тѣмъ болѣе прибѣгаетъ конечно къ своей продѣлкѣ, чѣмъ чаще она ему удавалась. Я видѣлъ, какъ сѣв. олень безошибочно сбрасывалъ своего сѣдока разъ за разомъ тѣмъ, что спереди опускался, при чемъ ѣдокъ самымъ смѣшнымъ образомъ переваливался черезъ шею, голову и рога и падалъ въ снѣгъ.

Займемся еще нѣскольکو сравненіемъ сѣв. оленя съ лошадыю. При большой слабости сѣв. оленя, особенно въ сравненіи съ вѣсомъ человѣческаго тѣла, непосредственное навьючиваніе поклажи на это животное является лишь крайней необходимостью, вызванною преимущественно тѣмъ, что ѣзда на саняхъ невозможна и что сѣв. оленя зимою можно кормить, не заготовляя особыхъ запасовъ корма. Питавшись въ теченіе лѣтней половины года травой²⁾ и листьями³⁾, онъ пренебрегаетъ имѣющеюся еще въ обиліи количествѣ сухою травою, какъ скоро осенью начинаетъ выпадать снѣгъ, а придерживается листьевъ и грибовъ, переходя вмѣстѣ съ тѣмъ къ употребленію лишайниковъ, которые на сибирскихъ горныхъ вершинахъ не рѣдко растутъ въ непомѣрномъ изобиліи. Такимъ образомъ сѣв. олень блаженствуетъ тамъ, гдѣ лошадь издыхаетъ отъ голода. Даже и въ такихъ случаяхъ, когда мѣсто привала выбрано неправильно и подъ снѣгомъ нѣтъ лишайниковъ, стараются помочь горю тѣмъ, что срубаютъ хвойныя деревья, которые на сибирскихъ горахъ часто густо покрыты длиннымъ мхомъ. Этотъ мохъ для сѣв. оленей также служитъ пріятнымъ лакомствомъ.

Плохо приходится оленю послѣ сильной оттепели, когда снѣгъ, пропитавшись водою, превращается въ ледъ, такъ что до почвы невозможно добраться; плохо бываетъ и

1) Какъ у лыжной палки.

2) Говорятъ, что сѣв. олени любятъ также замѣчательную хвощевую траву «сибирскѣ» (срав. нѣм. изд. этого соч. I, Сибирскія растенія, Прилож. IV, стр. XXV) и откармливаются ею.

Нашему ученію о кормленіи домашнихъ животныхъ

предстоитъ въ этомъ отношеніи еще ближайшее изслѣдованіе. И въ Исландіи хозяева лошадей увѣряли меня, что тамошній хвощъ (*equiset palustre*) вовсе не вреденъ лошадямъ, а напротивъ того очень укрѣпляетъ ихъ.

3) Напр. листья тополей, осины и березъ.

послѣ большихъ лѣсныхъ пожаровъ, опустошающихъ огромныя пространства, какъ напр. это случилось со мною на лѣвомъ берегу Амура, гдѣ я очень обрадовался неожиданной встрѣчѣ съ контрабандистами, давшей мнѣ возможность отослать назадъ сѣв. оленей и пересѣсть на лошадей. Послѣ лѣсныхъ пожаровъ, правда, скоро начинается пышно расти трава, но нужны долгіе годы, болѣе четверти столѣтія, чтобы получились опять хорошіе лишайники. Сама зола, должно быть, въ которой, правда, превосходно растутъ мархантии, не благопріятствуетъ произрастанію оленьяго моха. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ почва покроется коротенькими трубочками молодыхъ цетрарій, которыя однакоже еще вовсе не пригодны для корма.

При выборѣ мѣста привала кочевники слѣдуютъ указаніямъ опыта. То шалашъ устраивается въ чисто-лиственничныхъ лѣсахъ, гдѣ есть надежда на сыроватую почву; при этомъ важно не попасть на мѣста, слишкомъ заросшія болотнымъ багульникомъ. То останавливаются въ лѣсахъ, перемежанныхъ съ березой, которые лежатъ выше и бывають суше, но за то угрожаютъ тѣмъ, что можно попасть на давнишнія пожарища, на которыхъ изъ-за кустовъ брусники, черники, голубицы, водяники, гордовины и т. п. лишь кое-гдѣ является оленій мохъ. Дурны также мѣста, на которыхъ уже прежде долго паслись сѣв. олени, потому что такія мѣста, вслѣдствіе разгребанія ихъ животными, обнажались отъ снѣга и потомъ нерѣдко, оставаясь непокрытыми, подвергались сильнымъ морозамъ. Выбирать мѣста прошлагодняго привала также обманчиво потому, что они могутъ оказаться мѣстами лѣтнихъ приваловъ, а въ это время года преобладаютъ совершенно другаго рода условія питанія.

Обыкновенно снѣгъ разгребаютъ ногою, чтобы получить болѣе правильное понятіе о мѣстѣ привала. Но несравненно основательнѣе выбираютъ мѣста сами сѣв. олени, потому что тамъ, гдѣ есть чѣмъ поживиться, они тотчасъ-же, какъ остановится караванъ, начинаютъ рыть снѣгъ мордою, а если онъ глубокъ, то и разгребать его. Прекрасно развитое въ нихъ чувство обонянія проявляетъ себя тѣмъ, что сѣв. олени часто прямехонько направляютъ шаговъ 15 въ сторону къ какому-нибудь мѣсту и тамъ безошибочно, подъ снѣжнымъ покровомъ въ 1 — 1½ фута толщины, добываютъ лакомые кусочки оленьяго моха. Такъ какъ для человѣческихъ носовъ эти лишайники не имѣютъ особаго поразительнаго запаха, а съ другой стороны толстый снѣжный покровъ прикрываетъ ихъ такъ плотно, что доставляетъ имъ лучшую защиту противъ вліяній температуры — какъ это уже доказываетъ зависимость толщины льда отъ снѣжнаго слоя, — то упомянутое чутье сѣв. оленей весьма замѣчательно и доказываетъ, что при всемъ томъ чрезъ снѣжный покровъ должны проникать вверхъ токи воздуха. Какъ бы глубокъ ни былъ слой снѣга, сѣв. олень никогда не ошибется и не станетъ шарить въ снѣгу, когда приваль дѣлается на льду.

Слѣдовательно во-первыхъ мы показали, что въ сравненіи съ лошадью сѣв. олень совершенно незамѣнимъ относительно нѣкоторыхъ условій прокармливанія. Во-вторыхъ сѣв. олень несравненно лучше переправляется чрезъ болотистыя топи: отчасти

вслѣдствіе гораздо болѣе легкаго абсолютнаго вѣса своего тѣла, отчасти благодаря раздвоеннымъ копытамъ, на помощь которымъ являются еще побочныя копытца, чрезвычайно развитыя у сѣв. оленей. Эти-то копытца, стуча одна о другой, и образуютъ звукъ кастаньетовъ, который замѣчательно какъ характеризуетъ шествіе стада сѣв. оленей, особенно въ противоположность тихой походкѣ неуклюжаго верблюда, выступающаго на своихъ мозоляхъ какъ въ туфляхъ.

Сѣв. олень отличается отъ своихъ родичей, оленя и козули, чрезвычайно широкими подошвами копытъ, вслѣдствіе чего слѣды, которые онъ оставляетъ по себѣ, очень велики и въ особенности очень широки. Впрочемъ онъ не только раздвигаетъ настоящія и побочныя копыта, особенно на переднихъ ногахъ, но и ходитъ болѣе всею стопою, чѣмъ лошадь, выступающая такъ сказать колючею походкою, какъ бы на кончикахъ пальцевъ. Съ этою цѣлью онъ сгибаетъ всѣ составы подъ болѣе острыми углами и выше поднимаетъ ноги. Эта болъшая гибкость прежде всего поражаетъ васъ тѣмъ, что сѣв. олень съ такою же легкостью чешетъ себя за ухомъ, какъ собака. Такимъ-же образомъ сѣв. олени расчищаютъ себѣ ноздри, когда послѣднія при сильной стужѣ обмерзаютъ и ни чиханіе, ни трѣніе о другіе предметы не достигаютъ цѣли. Снѣгъ и ледъ, которые забиваются у нихъ въ копыта, они также обгрызаютъ и облизываютъ, какъ собаки.

Благодаря этимъ особенностямъ, навьюченный сѣв. олень перебирается черезъ совершенно зыбкіе моховища, мхи которыхъ (*Sphagnum*) до того пропитаны водою, что никакая лошадь не посмѣла бы приблизиться къ нимъ. Гдѣ среди топкаго болота мѣстами встрѣчаются болѣе твердыя кочки, тамъ сѣв. олень пользуется ими и своими раздвоенными копытами удерживается на нихъ. Завязнувшую въ болотѣ ногу онъ безъ труда опять вытаскиваетъ на поверхность. Такъ какъ чрезъ подобныя мѣста очень трудно перебираться, то животныхъ въ этомъ случаѣ не привязываютъ, какъ всегда, одно къ другому, а предоставляютъ имъ самимъ въ одиночку выбирать лучшія переправы. Они выказываютъ при этомъ замѣчательную осмотрительность и ловкость.

Въ такихъ топяхъ, или въ горахъ, покрытыхъ слегка-соприкасающимися между собою обломками скалъ, опасныя промежутки которыхъ прикрыты обманчивыми моховыми подушками, или наконецъ въ нагорныхъ лѣсахъ, гдѣ огромныя стволы ваижника со множествомъ обломанныхъ сучьевъ заграждаютъ путь на каждомъ шагу, сѣв. олень несравненно полезнѣе лошади. Кромѣ увѣренности въ поступи преимущество его заключается еще, чего и не ожидаешь, въ болѣе быстрой походкѣ. Лошадь передъ каждымъ особымъ препятствіемъ слегка медлитъ, какъ бы одумывается и становится въ позицію, тогда какъ сѣв. олень, не останавливаясь, подвигается впередъ совершенно одинаковымъ шагомъ. Нисколько не смущаясь, онъ перебирается чрезъ разныя препятствія, на сколько позволяетъ длина его ногъ, т. е. на сколько туловище его отстоитъ отъ земли. Большая равномерность поступи и сравнительно большіе шаги составляютъ отличительную черту сѣв. оленя. На гололедицѣ, которая такъ часто бываетъ въ горахъ, онъ выказываетъ опять тѣ же достоинства, т. е. болъшую увѣренность въ поступи, меньшую опасность при

паденіи и бѣльшую ловкость при вставаніи. Нерѣдко на гололедицѣ сѣв. олени, даже съ ношей, встаютъ опять безъ содѣйствія человѣка. Рѣдко приходилось надрубать ледъ для переправы чрезъ гололедицу. Но забавно было видѣть, когда изъ десяти привязанныхъ другъ за другомъ сѣв. оленей, первые уже успѣютъ перебраться черезъ гололедицу и за тѣмъ для слѣдующихъ за ними слишкомъ спѣшатъ впередъ. Въ этихъ случаяхъ трусливые сдвигали всѣ четыре ноги поближе одну къ другой и скользили, какъ на конькахъ, предоставляя тащить себя по льду. Когда при этомъ животное падало, то его перетаскивали по льду лежащимъ на согнутыхъ ногахъ. Крики наакъ-паакъ-наакъ предостерегаютъ сѣв. оленей быть осторожными, гдѣ слѣдуетъ.

Чрезвычайно важна увѣренность сѣв. оленя при переправѣ чрезъ горные потоки и рѣчки. Какъ бы сильно послѣднія ни напирала на животное и вѣздока, какъ бы явно валуны на днѣ потоковъ ни скатывались подъ ногами животнаго внизъ по рѣкѣ, съ громкимъ шумомъ, сѣв. олень не пошатнется, не спотыкнется, не оступится. Часто вода стремится чрезъ туловище животнаго, какъ черезъ плотину, но оно храбро выдерживаетъ напоръ воды и, сознавая опасность, употребляетъ всѣ усилія съ величайшимъ напряженіемъ. При томъ сѣв. олень плаваетъ чрезвычайно легко, такъ что половина туловища, и до $\frac{3}{4}$ задней части находятся надъ водою. Даже съ вьюкомъ сѣв. олень плыветъ прекрасно и при этомъ держитъ хвостъ свой такъ же прямо вверхъ, какъ во время ходьбы; на видъ это презабавно.

Подобно лошади, сѣв. олень обладаетъ способностью превосходно помнить мѣстность, а по части обонянія онъ превосходитъ даже лошадь. Онъ умѣетъ чутьемъ отлично отыскивать стадо по слѣдамъ его. Однажды, когда я отсталъ на нѣсколько часовъ и, торопясь догнать караванъ, вдругъ неожиданно увидѣлъ передъ собою р. Силмджи, которая шириною болѣе версты, и дробясь на нѣсколько рукавовъ, смыла слѣдъ, мою Ариадницу нить, я усомнился въ томъ, удастся ли мнѣ выпутаться изъ лабиринта зигзаговъ, образуемыхъ переправою, удастся ли мнѣ перебраться чрезъ разные острова и въ сумеркахъ наступающей ночи еще во-время отыскать на другомъ берегу слѣдъ. Но увѣренность, съ которою мое вѣрное верховое животное пробиралось по перепутаннымъ ходамъ, вскорѣ убѣдила меня, что оно не идетъ вслѣдъ за непосредственнымъ, прямо, переносившимся къ намъ испареніемъ стада. Пробираясь до половины туловища въ водѣ, оно слѣдовало за извилинами прошедшаго передъ нимъ каравана, который мнѣ дѣйствительно и удалось догнать. Въ другой же разъ, когда я опять предоставилъ себя на волю моего животнаго, я потерпѣлъ неудачу, потому что не сумѣлъ угадать хода его мыслей. Дѣло происходило 20-го Октября въ горахъ. Я отсталъ для съемки мѣстности и слѣдовалъ за караваномъ по сильно натоптаннымъ дорожкамъ. Передо мною лежали двѣ долины; по обоимъ направленіямъ шли дороги. Я предоставилъ выборъ моему животному, которое, нисколько не задумываясь, и побрело по одной изъ нихъ. Черезъ нѣсколько времени я очутился на мѣстѣ, на которомъ нѣкоторое время жили Тунгусы, но которое ими уже было

покинуто. Миѣ пришлось вернуться и стоило много труда, чтобы среди путаницы разныхъ дорогъ отыскать настоящую. Я прибылъ на почлегъ, когда всѣ уже успѣли улечься.

Сѣв. олень кажется смириѣе лошади, чуть ли не потому только, что онъ не такъ силенъ, какъ она, и человекъ въ состояніи легче справиться съ нимъ. Но во всякомъ случаѣ сѣв. олень и добрѣе лошади. Разъ только одинъ изъ нашихъ сѣв. оленей показалъ видъ, что намѣренъ укусить человека. При навьючиваніи они никогда не сопротивляются такъ, какъ напр. якутскія лошади. Если сѣв. олень запутается, если передовое животное безжалостно притянетъ поводъ его къ дереву такъ, что онъ наконецъ разорвется, если, завязнувъ въ болотѣ, онъ наткнется на сучокъ, если ѣздокъ свалится и т. п., — сѣв. олень останавливается, даже если его только-что истязаніями до крайности раздражили, и спокойно ждетъ, а не бѣсится, какъ лошадь. Замѣчательно, что онъ не только не пугливъ, но и не боится выстрѣла, чего я объяснить не умѣю.

Такъ какъ ѣздоку трудно держаться на сѣдлѣ, то дрессирующій кочевникъ нерѣдко теряетъ терпѣніе и, вслѣдствіе добродушія животнаго, очень часто позволяетъ себѣ страшно истязать его. Только въ такомъ случаѣ я видѣлъ, что сѣв. олень дѣлаетъ слабья попытки сопротивленія, и какъ бы вынужденной обороны. Если у животнаго нѣтъ болѣе роговъ, то озлобленный кочевникъ наноситъ ему удары верховою палкою на боковыя части морды и въ лобъ; сѣв. олень встаетъ на дыбы и, чтобы хоть нѣсколько дать отпоръ, старается передними ногами ударить человека или выступаетъ противъ него нагнувъ голову, пока не сброситъ еще роговъ. Это случилось въ концѣ Сентября и началѣ Октября, когда животныя еще въ полной силѣ и кромѣ того въ течкѣ. Миѣ самому пришлось испытать тоже поздиѣ, въ довольно критическомъ случаѣ. Нужно замѣтить, что если подъ вечеръ, когда предвидится приваль, животныя уже безъ того торопятся и, не смотря на усталость, начинаютъ бѣжать рысью, то верховые сѣв. олени, съ которыми остаешься позади каравана, становятся еще нетерпѣливѣе. Прозябнувъ отъ пейлеванія и записыванія и потому бѣжа сзади пѣшкомъ, я вдругъ очутился передъ глубокимъ и широкимъ горнымъ потокомъ, по которому неслись льдины. Я еще не пріучился хорошо сидѣть на сѣдлѣ и для меня было очень важно приоровиться къ правильной качкѣ, прежде чѣмъ начнется переправа. По этому я отвелъ свое отборное животное, необыкновеннаго роста, шаговъ на 50 назадъ, нѣсколько крѣпче подтянулъ подпругу и попытался вскочить на сѣдло. Чѣмъ больше животное, тѣмъ труднѣе это сдѣлать. Нѣсколько разъ я падалъ въ снѣгъ, или соскакивалъ передъ самой рѣкой, потому что не уловилъ еще настоящей тактъ этого гимнастическаго упражненія. Тогда животное мое, отъ нетерпѣнія догнать остальныхъ, начинаетъ выходить изъ себя, бьетъ ногами, опускаетъ голову и съ своими большими рогами надвигается на меня. Я изо всѣхъ силъ верховою палкою ударилъ его по основанію роговъ, и такъ какъ это происходило при замерзаніи ртуті¹⁾, то сломалъ не только рогъ, имѣвшіе 2 дюйма въ поперечникѣ, но и мою надеж-

¹⁾ А между тѣмъ вода все-таки не замерзала!

ную палку, вырѣзанную изъ каменной березы. Пока мой сѣв. олень, потряхивая головою, раздумывалъ о сотрясеніи своего мозга, я успѣлъ вскочить, привести себя въ равновѣсіе и отдѣлаться отъ холоднаго купанья.

Что сѣв. олени такъ рѣдко сопротивляются человѣку, это говоритъ въ пользу ихъ добродушнаго характера тѣмъ болѣе, что другъ противъ друга они прибѣгаютъ къ оружію при каждомъ случаѣ. По этому въ короткое время тѣ изъ нихъ, у которыхъ шея по крѣпче, хотя бы они были и меньше ростомъ, успѣваютъ другимъ внушать къ себѣ уваженіе, такъ что изъ прежнихъ соперниковъ уже никто не рѣшается затѣвать дѣло съ опытнымъ бойцемъ. Не смотря однакоже на это, такіе побѣдители не отличались отъ другихъ по части переноски тяжести, да и впоследствии, когда рога сваливаются и споры изъ-за алчности приходится рѣшать передними ногами, вѣроятно должны уступать право сильнѣйшаго другимъ, умѣющимъ лучше справляться съ этимъ дѣломъ. Тунгусская собака — Лугди — которою я обзавелся лишь въ половинѣ зимы и которая по-этому еще не была признапа стадомъ, часто только съ трудомъ, а часто и вовсе не могла отдѣлываться отъ нападений и въ такомъ случаѣ быстро обращалась въ бѣгство.

Заклучимъ перечисленіе преимуществъ верховой ѣзды на сѣв. оленѣ замѣчаніемъ, что на немъ гораздо меньше зябнешь, чѣмъ на лошади. Это весьма естественно объясняется балансируваніемъ при ѣздѣ, которое съ одной стороны постоянно приводитъ въ движеніе мускулы туловища по всѣмъ направленіямъ, а съ другой не вынуждаетъ ногу задерживать въ нихъ кровообращеніе постояннымъ смыканіемъ, а напротивъ того требуетъ непрерывнаго, маятникообразнаго движенія ногъ.

Причина, почему на сѣв. оленѣ меньше зябнешь, чѣмъ на лошади, заключается наконецъ отчасти и въ недостаткахъ, сопряженныхъ съ верховой ѣздой на сѣв. оленѣ. Слѣзаешь напр. чаще, уже потому, что это дѣлается очень легко.

За тѣмъ необходимо сдѣлать оговорку, что на путешествіе на сѣв. оленѣ не должно смотрѣть съ точки зрѣнія человѣка, избалованнаго ѣздой по желѣзнымъ дорогамъ. Вы ѣдете куда глаза глядятъ, по бездорожнымъ мѣстамъ, чрезъ бездонныя топи и по ревуцымъ, покрытымъ несущимися льдинами, потокамъ, чрезъ ужаснѣйшія лѣсныя чащи, которыя мѣстами вихри повалили и обратили въ непроницаемыя засѣки. Въ поту лица, при 50 градусахъ мороза, стараешься въ такихъ мѣстахъ проложить дорогу съ топоромъ въ рукахъ. При всемъ томъ иногда, бывало, стемнѣетъ, а мы уже не въ силахъ шевелиться; стаду сѣв. оленей приходилось ночью грызть скудные бородастые мхи, а мы бывали принуждены утромъ угрюмо отступать отъ засѣки. Процалъ цѣлый день тяжелой работы, выючныя животныя выбились изъ силъ, второй день потерянь. Или вы подвигаетесь, перебираясь съ камня на камень, такъ что сѣдло безпрестанно приходится поддерживать, передвигать, перевязывать; въ такихъ мѣстахъ опять натыкаешься на непроницаемыя засѣки, состоящія изъ нераспутываемыхъ кустарныхъ кедровъ или кустарныхъ березъ.

То на равнинѣ или въ долинѣ слишкомъ мягко и вы подвергаетесь опасности завязнуть, то снѣгъ слишкомъ глубокъ, то въ горахъ слишкомъ неровная и каменная

почва, то стволы и сучья заграждают вамъ путь, то вамъ угрожаетъ гололедица, то колѣна заболятъ и окоченѣютъ, то морозъ вѣднителъ въ ваши ноги, то пронесется звѣрь — однимъ словомъ представляются сотни причинъ, которыя заставляютъ человѣка, вѣдущаго верхомъ на сѣв. оленѣ, бѣгать побольше пѣшкомъ. Вѣдь тутъ опять идетъ дѣло о томъ, какъ бы поберечь превосходное, необходимое животное. Тамъ оно для путешественнаго дорожке всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ мѣрѣ, потому что оно единственное, ничѣмъ не замѣнимое средство передвиженія. Правда, что вы подвигаетесь впередъ очень медленно, но все-таки, проѣхавъ тысячи верстъ, вы достигаете цѣли.

Пусть странствователь по желѣзнымъ дорогамъ, полагающій, что онъ чуть-ли не во всемъ отказываетъ себѣ, потому что поклажа, которую онъ возитъ съ собою, не превышаетъ вѣса дароваго багажа, пусть онъ отправится путешествовать на сѣв. оленѣ и испробуетъ тамъ свою умѣренность. Онъ можетъ рассчитывать только по 2 пуда на каждое животное, а между тѣмъ долженъ везти съ собою хорошия запасъ обуви, бѣлья, лѣтняго, зимняго и запаснаго платья, постель и наконецъ свой домъ, свою палатку — конусъ, который при 15 футахъ въ поперечникѣ долженъ защищать отъ непогодъ 5 занятыхъ дѣломъ людей, собаку, ружье, множество разныхъ вещей, таганъ съ кухоннымъ приборомъ и т. д. Естественныи испытателю, путешествующему на оленѣ, приходится таскать съ собою на нѣсколько мѣсяцевъ провіантъ, инструменты, аммуницію, топоры, кухонные приборы, табакъ и другіе, замѣняющіе деньги, подарки, возитъ много бумаги для сушки растений, хранить коллекціи и т. д. и т. д.

Тутъ поневолѣ научишься быть невзыскательнымъ и бѣгать пѣшкомъ, чтобы беречь животныхъ, которыя и безъ того не въ состояніи долго выдерживать тягости путешествія. Хотя мы ежедневно проходили среднимъ числомъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ геогр. миль, и ни разу не прошли болѣе $4\frac{1}{2}$, все-таки изъ 42 сѣв. оленей, съ которыми я тронулся въ путь отъ Охотскаго моря, три мѣсяца спустя только 11 могли добраться до р. Дзеи, а еще три недѣли позднѣе ни одинъ не дошелъ до прибрежій Амура. Мы же верховые въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ прошли пѣшкомъ по меньшей мѣрѣ половину, а мѣстами пожалуй и $\frac{2}{3}$ дороги. Въ послѣдній мѣсяцъ мы запаслись чередовавшимися животными, которымъ лишь черезъ день приводилось ходить подъ верхомъ, но за то они должны были носить на себѣ сѣдока болѣе половины, даже до $\frac{3}{4}$ дороги въ день. Вьючныхъ животныхъ со дня на день облегчали уменьшеніемъ провіанта; закалывали же лишь немногихъ.

При всемъ томъ животныя, которыя съ самаго начала были круглы, явно стали худѣть, хотя впрочемъ эта худоба не сразу замѣтна на ребрахъ, вслѣдствіе толстой въ два дюйма и чрезвычайно густой шерсти, а проглядываетъ только на поясницѣ и на бедрахъ. Какъ у верблюда худѣніе замѣчается по горбу, такъ у сѣв. оленя оно отзывается на зашейкѣ, на плечевыхъ лопаткахъ и на шеѣ. Сѣдло безпрестанно сѣзжаетъ съ исхудавшаго зашейка. Если животное, по снятіи съ него сѣдла и недоуздка, хоть на минуту задумается, или пожалуй ляжетъ, вмѣсто того, чтобы немедленно приняться за отыскиваніе

форма, то дѣло съ нимъ положительно подходитъ къ концу, особенно когда это случается вечеромъ, потому что многіе, которые въ полдень выказываютъ самые явные признаки сильнѣйшаго изнеможенія, къ вечеру опять становятся совершенно бодрыми. Очевидно постъ съ утра до вечера для нихъ слишкомъ продолжителенъ. Необходимъ хорошій аппетитъ, потому что и кормовыя мѣста не изъ лучшихъ; часто мы дѣйствительно нѣсколько недѣль сряду не встрѣчали никакихъ слѣдовъ дикихъ сѣв. оленей. Намъ приходилось отгребать кормъ изъ-подъ глубокаго снѣга, тогда какъ дикіе олени уходили на такія возвышенности, съ которыхъ вѣтеръ сметаетъ снѣгъ¹⁾.

Подвигаясь весьма медленно, можно почти подумать, что такое путешествіе въ сущности пѣшее странствованіе. Но на дѣлѣ это не такъ. Не говоря уже о выюкахъ, съ которыми не согласишься безъ животныхъ, чувствуешь чрезвычайное облегченіе въ томъ отношеніи, что не приходится самому таскать ружье и что на ровныхъ мѣстахъ можно попеременно садиться на сѣв. оленя. Путешествіе замедляютъ необыкновенныя затрудненія бездорожья, о которыхъ мы выше говорили. Раннею осенью оказалось, правда, что Тунгусы, отправившіеся пѣшкомъ чрезъ обширныя болота Тугура, добрались до цѣли скорѣе, чѣмъ мы, которымъ приходилось обходить нныя трясины и постоянно передвигать поклажу на проваливавшихся животныхъ. Въ заключеніе мы должны были 11-го Сентября безъ крова, промокши съ головы до ногъ, проночевать на голой, обуреваемой вѣтромъ равнинѣ. Никогда я не зябъ такъ отчаянно, какъ тогда, потому что утромъ не только почва, но и нѣкоторыя части одежды, которая на насъ была, совершенно смерзли. Лишь тогда, когда моховой покровъ, замерзнувъ сверху въ видѣ корки, еще не выдерживалъ давленія человѣческой ноги, да и потомъ, когда глубокой, покрытой корою снѣгъ, заграждалъ намъ путь, мы ясно сознали, какое благодѣяніе сидѣть на сѣв. оленѣ. Даже по совершенно утопанному снѣгу тропинки, по которой мы плелись гусинымъ шагомъ, часто трудно было слѣдовать за караваномъ, главнымъ образомъ, впрочемъ, потому, что животныя дѣлаютъ короткіе и частые шаги, да и ямки, образуемыя ихъ копытами, слишкомъ узки. Кончикъ ноги въѣзжаетъ въ эти ямки, такъ что человеку преимущественно приходится наступать на пятки, которыя вскорѣ становятся очень чувствительными. При разныхъ препятствіяхъ, затрудняющихъ путь, не легко успѣвать пѣшкомъ даже за незначительною скоростью каравана, составляющею отъ 3¹/₂ до 3¹/₄ версты въ часъ²⁾, особенно въ толстой укупоркѣ противъ такихъ бѣдовыхъ морозовъ, при кото-

1) Въ Долинь р. Керби, по которой мы тянулись вверхъ, были напр. очень плохія кормовыя мѣста. Гораздо лучше, говорятъ, ѣхать чрезъ истоки Тылакачана, Джакладаккона и Омольеккона.

2) Въ Сентябрѣ у Бурукана и 19 Октября на р. Керби мы отиѣрили 3 версты и наши, что мы среднимъ числомъ проходили отъ 3¹/₂ до 3³/₄ версты слишкомъ въ часъ. За тѣмъ, на основаніи неоднократныхъ опытовъ, мы установили шесть различныхъ степеней

нашего марша съ верховыми сѣв. оленями по замерзшей почвѣ:

I. на очень трудныхъ мѣстахъ...	2 ¹ / ₂ версты въ часъ		
II. спокойная путевая поступь животныхъ.....	3 ¹ / ₂ " " "		
III. ускоренная поступь животн.	3 ³ / ₄ до 4 " " "		
IV. быстрая " " "	4 " " "		
V. самая быстрая; на ровной негладкой ледяной поверхности	5 " " "		

рыхъ замерзаетъ ртуть. По этому быстрота путешествія обуславливается временемъ года и сопряженными съ нимъ побочными обстоятельствами, особенно погодою, такъ что поздною осенью часто безъ труда проѣзжаешь въ одинъ день такія разстоянія, на которыя весною требовались три дня.

Мы признали сѣверныхъ оленей даже за нашихъ благодѣтелей, когда на насъ вдругъ повалилъ сильнѣйшій снѣгъ и мы 3-го Ноября проснулись среди снѣжнаго слоя въ 3 фута толщины. Мнѣ, не говорю уже о меньшихъ ростомъ кочевникахъ, онъ доходилъ до паха, даже до половины живота; подвигаться впередъ можно было только такъ, что самые длинноногіе сѣв. олени должны были идти впереди безъ ноши и чередоваться въ прокладываніи тропинки. Въ хвойномъ лѣсу дѣло все-таки шло еще лучше, потому что часть снѣга остается на сучьяхъ, а упавшій на землю сильно слегаается. За то въ березовомъ лѣсу едва можно было пробраться: добра накопилось уже слишкомъ много. Мы проклинали снѣгъ, котораго недѣлю передъ тѣмъ не могли дожидаться, потому что на крѣпко замерзшей почвѣ наши животныя начали хромать. Когда въ другомъ мѣстѣ снѣгъ оказался лишь въ $\frac{5}{4}$ футовъ глубины, но былъ покрытъ корой, то онъ намъ столько-же мѣшалъ двигаться, сколько и бѣднымъ сѣв. оленямъ, находившимся теперь въ томъ-же безвыходномъ положеніи, въ какомъ бывають дикіе ихъ родичи, когда ихъ закалываютъ цѣлыми сотнями.

Но что могъ бы сказать самый злѣйшій критикъ сѣв. оленя, очутившись передъ горнымъ потокомъ съ пловучими льдинами, глубина котораго доходитъ до половины бедра и по которому ему приходится пробраться при 20° мороза (18-го Октября и позднѣе въ году) даже при замерзаніи руги? Запрятавъ ноги, какъ мы, въ высокіе, съ толстыми травяными стельками, мягкіе смазные сапоги (сары) и сидя высоко па сѣв. оленѣ, онъ счелъ бы себя счастливымъ, что вода смочить его только снизу, на противоположномъ берегу постарался бы обсушить набрызганную воду снѣгомъ и вознесъ бы до небесъ сѣв. оленя, своего благодѣтеля. Никакая лошадь не сдѣлаетъ того, что дѣлаетъ въ этомъ случаѣ сѣв. олень, который въ такіе морозы, конечно, также неохотно принимается за это дѣло. Не продѣлаетъ она и того, что неоднократно случалось съ на-

VI. таже поступъ тамъ-же, съ переходомъ въ иноходь. . . . . $5\frac{1}{2}$ верстѣ въ часъ.

Впослѣдствіи изъ-за глубокаго снѣга движеніе замедлилось примѣрно на $\frac{1}{4}$ версты и болѣе въ часъ.

Въ тундрѣ глубокаго сѣвера, напротивъ того, скала стала повышаться, начиная съ послѣдней упомянутой выше скорости, которая впрочемъ вслѣдствіе большей тяжести сапей замедлялась бывало на $\frac{1}{4}$ версты; поэтому тамъ въ Апрельѣ оказалось

V. въ упряжи шагомъ. . . . . $3\frac{1}{4}$ верстѣ въ часъ.

VI. самую малую рысью. . . . . $6\frac{1}{2}$ » » »

VII. спокойною путевою рысью въ упряжи . . . . . 8 верстѣ въ часъ.

VIII. ускоренною рысью . . . . . $9-9\frac{1}{2}$ » » »

IX. самую быстрою рысью. . . . . 13 » » »

X. тоже, по временамъ галопомъ 16 » » »

Если Пиктè (Vasmeister, I, стр. 153) опредѣлялъ среднюю скорость сѣв. оленя въ $19'$ въ секунду, то тутъ кроется ошибка. Въдъ это составляло бы 19.5 верстѣ въ часъ, т. е. примѣрно самую крайнюю скорость, которой возможно добиться только на самыхъ короткихъ разстояніяхъ. Срав. стр. 493, прим. 4-е.

шими выючными животными, которыя при сильнѣйшемъ морозѣ¹⁾ проваливались сквозь ледь, но плавали до тѣхъ поръ, пока съ нихъ можно было спять выюки и послѣ долгой возни помочь имъ выбраться, потомъ усердно отряхивались и за тѣмъ спокойно продолжали свой путь, какъ будто ничего не случилось.

Основательно отряхиваться съв. олени умѣютъ мастерски; дѣлаютъ они это обыкновенно вечеромъ, когда съ нихъ снимаютъ выюки. Однажды осенью, когда они вечеромъ стали отряхиваться съ необыкновеннымъ искусствомъ, кочевникъ, основываясь на этой примѣтѣ, предсказалъ, что на слѣдующій день будетъ сильный морозъ. И дѣйствительно, они натрапали намъ морозъ. Весною они иногда стряхиваютъ съ себя личинки оленьяго овода, какъ стрѣлы.

Преимущество четвероногого животнаго передъ двуногимъ человѣкомъ научаешься цѣнить только тогда, когда плетешься по глубокому снѣгу ровной по-видимому мѣстности, а между тѣмъ постоянно попадаешь то въ незамѣтно скрытыя щели камней, то въ сучки, то въ валежникъ и т. д., спотыкаешься, падаешь, въ рукавицы и мѣховую одежду забираешь снѣгу и т. д. При всѣхъ этихъ препятствіяхъ человѣкъ въ сравненіи съ животнымъ находится въ невыгодномъ положеніи; также впрочемъ и на ровныхъ мѣстахъ. Не только нѣтъ несносной задержки по части передвиганія выюковъ, но и животныя подвигаются — особенно по ледянымъ покровамъ рѣкъ — такъ весело, что мы удивились немало, когда вмѣсто прежнихъ 4½ верствъ въ часъ, по измѣреніи довольно большаго разстоянія, нашли, что скорость ходьбы составляла 5 верствъ въ часъ. Если хорошенько закутаешься отъ мороза, то опять не легко и не долго выдержишь пѣшкомъ такой темпъ каравана. Притомъ это не малая скорость; даже въ Аральскихъ степяхъ путевая поступь киргизскаго верблюда, опредѣленная на основаніи одометрическихъ измѣреній, составляла ровно 4 версты въ часъ.

У себя дома станешь, пожалуй, разсуждать о возможности поспѣвать за караваномъ при 5-ти верстной скорости. Но вспомните только обо всемъ, что нужно дѣлать и какъ приходится возиться, когда вечеромъ, послѣ семи- или восьмичасоваго странствованія, наконецъ дѣлается приваль. Отыскавъ кормовое мѣсто, иногда также заставляющее васъ сворачивать въ сторону, прежде всего нужно развьючить животныхъ. Потомъ расчищается мѣсто для шалаша, вбиваются шесты для него, прилаживаются и обтягиваются стѣнки, добывается достаточное количество вѣтвей отъ хвойныхъ деревьевъ для подстилки, устанавливается таганъ, нарубаются запасъ льда и сухаго дерева, разбирается, выколачивается, чистится багажъ и тщательнѣйшимъ образомъ просушивается вся одежда, особенно обувь. Съ этимъ часто бываетъ немало хлопотъ. То въ обувь проникла снизу вода, или сверху снѣгъ. На колѣнахъ штаны обыкновенно промочены. То въ одежду попалъ снѣгъ, свалившійся съ деревьевъ и съ похожихъ на нагнувшихся снѣговыхъ чучелъ маленькихъ деревцевъ, то на верхней части тѣла все обледенѣло отъ дыханія, то все платье пропитано потомъ вслѣдствіе успленной работы.

¹⁾ Въ первый разъ на р. Буреѣ, 31-го Октября стар. ст., при 24° мороза.

За тѣмъ уже начинаешь варить и штопать, преимущественно обувь свою и сбрую сѣв. оленей, постоянно портящуюся; принимаешься за дневникъ — поставивъ желѣзную чернильницу въ огонь, за коллекціи и т. д. Спать ложишься очень поздно. Утромъ же опять приходится исполнять часть вечернихъ работъ въ обратномъ порядкѣ; во всякомъ случаѣ нужно пересматривать сбрую сѣв. оленей съ удвоеннымъ вниманіемъ. Ни на чемъ не должно быть льду. Если напр. подпруга не вычищена какъ слѣдуетъ, то она до-крови растираетъ локтевую часть, потому что должна очень выдаваться впередъ, или примерзаетъ къ волосамъ и образуетъ ссадины на кожѣ, такъ что животныя начинаютъ хромать. Послѣ вьюги или слякоти работа эта чрезвычайно продолжительна, особенно если и шкуры, которыми прикрываютъ стѣнки шалаша (инюканъ), приходится не только очищать, но и скоблить медвѣжьими рогатинами (пальма) и ножами и сушить передъ огнемъ, потому что эти шкуры, нагрѣвшись отъ огня въ шалашѣ, пропитались водою. Наконецъ необходимо отыскать, согнать и изловить сѣв. оленей, чему въ-которые животныя довольно ловко долго не поддаются. Если проберешься черезъ воду — а по стоящей поверхъ льда водѣ приходится странствовать даже среди зимы, — то пропитанныя водою комья снѣга или ледяные куски засѣдаютъ между ногтями или примерзаютъ къ пучку длинныхъ волосъ, соответствующихъ щеткамъ лошадей. Часто тамъ висятъ двѣ, три, даже четыре грушеобразныя, толстыя сосульки. Все это нужно устранять, если хочешь, чтобы сѣв. олени не хромали.

Измучаешься вдоволь. Считаешь себя счастливымъ, когда представится возможность проѣхать верхомъ хотя четверть дороги. Но хорошо откормленный смолоду Европеецъ положительно слишкомъ тяжелъ для сѣв. оленя, такъ что приходится избѣгать малѣйшаго дорожнаго мѣшка, даже не привязывать ремешковъ, служавшихъ Тунгусамъ для привѣшыванія сзади къ сѣдлу мелкой дичи. Для меня и для моего топографа припасены были издалека животныя, которыя были больше и сильнѣе обыкновенныхъ. Это отборныя, такъ называемыя «ламскіе» сѣв. олени, т. е. приморскіе, что значитъ взятые изъ отроговъ Алданскаго хребта; они были пальца на четыре выше другихъ. Одинъ изъ нихъ носилъ меня превосходно и я совершилъ на немъ большую часть моего пути; другой былъ, правда, также высокаго роста, но спина его сгибалась подо мною и при этомъ у него такъ подгибались заднія ноги, что сѣдло постоянно соскользало назадъ, а шаткость и неувѣренность походки все болѣе усиливались. Высокій ростъ животныхъ очень затруднялъ вскакиваніе на нихъ. Чрезвычайно смѣшно было видѣть, какъ малорослая Тунгуска, на перекозь лучшей балетной танцовщицы, подъ тупымъ угломъ откидывала лѣвую ногу отъ правой, протягивала ее вверхъ и спускалась на сѣдло моего громаднаго животнаго.

Этихъ горныхъ (ламскихъ) сѣв. оленей можно было отличать отъ сѣверныхъ¹⁾ уже потому, что стѣнки копытъ ихъ спускались довольно круто и не расходились такъ тарелко-

¹⁾ Къ нимъ Тунгусы причисляли и Вилюйскихъ сѣв. оленей, которыхъ они называли малу.

образно, какъ у оленей сѣверной тундры. Это вполнѣ согласуется съ нашими европейскими наблюденіями относительно крутыхъ копытъ горныхъ и арабскихъ лошадей, сравнительно съ лошадьми низменностей, и подтверждаетъ тѣмъ несомнѣннѣе, что мы справедливо приписываемъ такого рода копыта вліянію горныхъ путей. Далѣе утверждали, что у горнаго сѣв. оленя ноги длиннѣе, да и красивѣе, шея также длиннѣе, такъ что въ сравненіи съ болѣе плотными сѣверными животными наружностью онъ болѣе похожъ на козулю. Правда, что это плохо согласуется съ нашими наблюденіями относительно признаковъ горныхъ породъ нашихъ жвачныхъ домашнихъ животныхъ, горныхъ оленей, которые плотнѣе оленей, водящихся на равнинѣ, и т. д. По-этому мы рекомендуемъ будущимъ путешественникамъ обратить на этотъ вопросъ особое вниманіе.

Наконецъ нельзя было не замѣтить, что у сѣверныхъ спина оказывалась совершенно прямою, а у горныхъ приподнималась къ зашейку, который сильнѣе выдавался кверху. Слѣдовательно передъ у нихъ выше.

Эти горные сѣв. олени обнаруживаютъ своимъ прирученіемъ, что они находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ человѣку. Уже оленята спокойно позволяютъ себя трогать. Между этими горными животными попадаются пестрые экземпляры. Ни того ни другаго я не встрѣчалъ у Самоѣдовъ. У Тунгуса-то всего нѣсколько оленей, у Самоѣда ихъ сотни и тысячи. У Тунгусовъ сѣв. олень въ большей степени домашнее животное, чѣмъ у Самоѣдовъ.

Индивидуальная разница въ доброкачественности верховыхъ сѣв. оленей такая-же какъ у лошадей и высказывается въ цѣнахъ, за которыя они продаются¹⁾.

Недостатки ихъ заключаются главнымъ образомъ въ слабости; шалости ихъ въ неготовности позволять садиться на нихъ, при чемъ часто наѣзжаешь на пни и сучки, или торопливо усаживаешься и вскорѣ валишься въ болото, лужи или снѣгъ.

Спотыкаются они рѣдко, развѣ только вслѣдствіе очевидно чрезмѣрной навалки вьюковъ или утомленія. Мягкая поступь этихъ животныхъ отличается увѣренностью. При всемъ томъ, разумѣется, иногда дѣло не обходится безъ опасныхъ паденій. Такъ мнѣ привелось видѣть, что сѣв. олень споткнулся и упалъ, хотя на немъ было мало поклажи, потому что сверху сидѣлъ, какъ это въ обычаѣ у Тунгусовъ, маленькій ребенокъ, затиснутый между двумя досками. Начался большой переполохъ; старики тотчасъ подбѣжали, хотя мальчуганъ вовсе не кричалъ. Теперь только я увидѣлъ, что онъ ртомъ окунулся въ воду. Когда его вытащили, начался плачь и ревъ, не хуже европейскаго. Подобно нашимъ ребятамъ, мальчишка сталъ бояться всякаго, маломальски опаснаго мѣста.

¹⁾ Когда моему поставщику сѣв. оленей пришлось заколотъ одного изъ нихъ вслѣдствіе сѣдельнаго нажима, то онъ оцѣнилъ его (въ 1844 году!) въ 63 руб. ассигн. Съѣлъ 4 моихъ проводниковъ за карты и каждый поставилъ на ставку $\frac{1}{4}$ этого сѣв. оленя. Играли они до тѣхъ поръ, пока всего проиграно было 65 руб., и сколько каждый проигралъ, столько онъ заплатилъ за свою чет-

вертую часть оленя. Другой оцѣненъ былъ только въ 40 руб. За моего сѣв. оленя было заплачено 100 рублей. за другаго большаго, 80 руб. Говорили, что иногда платили по 150 руб. за штуку.

Разница въ цѣнѣ упряжныхъ сѣв. оленей никогда не бываетъ такъ велика.

Не говоря уже об опасности задохнуться, такое сибирское холодное купанье, на открытом воздухе, в конце Сентября, вовсе не привлекательно.

Лѣнь не составляет слабой стороны сѣв. оленя, хотя иные и заставляют идущих впереди тащить их за собою за повод¹⁾. Большая часть подвигается вперед очень усердно. Для понуканія достаточно обыкновеннаго восклицанія чоу — чоу или мѣду. Употребляется также слово ганга, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ вниманіе животныхъ на дурныя или сомнительныя мѣста. Лѣнливыхъ погоняютъ прищелкиваніемъ языка, похожимъ на звукъ, которымъ въ Лифляндіи манятъ поросятъ. Но гораздо основательнѣе погоняетъ неизбѣжное при тамошней верховой ѣздѣ болтаніе ногами и равномерное какъ бы въ тактъ удареніе ногами въ грудной ящикъ. Въ случаѣ надобности наносится также ударъ верховой палкой. Лѣнливый сѣв. олень еще несноснѣе лѣнливой лошади, потому что вдругъ некстати начинаетъ отставать на ровномъ мѣстѣ; за тѣмъ въ затруднительныхъ мѣстахъ приходится торопиться, чтобы не отстать совсѣмъ или не потерять слѣда. Восклицаніемъ тать Тунгусъ выражаетъ нетерпѣніе свое и гнѣвъ, въ случаѣ какого-нибудь сопротивленія со стороны сѣв. оленя.

Нужно упомянуть еще о двухъ обстоятельствахъ, а именно во-первыхъ о столь непривычномъ для насъ стenanіи и рычаніи сѣв. оленей, не смотря на то, что подпруга у нихъ очень слабо подтянута. Оно происходитъ во время самой жвачки, при чемъ они часто захлебываются и потомъ долго перхаютъ. Во-вторыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о рогахъ. Сначала имъ удивляешься, сидя среди такой величественной наkolки. Не обходится дѣло и безъ толчковъ, которымъ подвергаешься при этомъ, особенно когда животное, которое на бѣгу держитъ голову въ горизонтальномъ положеніи, теряетъ терпѣніе, начинаетъ вертѣть или трясти голову, или старается пробраться чрезъ лѣсную чащу. По этому я очень обрадовался, когда въ концѣ Сентября уже почти всѣ сѣв. олени успѣли лишиться роговыхъ мочекъ. Это было первое начало омертвѣнія. Дѣйствительно въ концѣ того-же мѣсяца я удивился, что красивая наkolка моего верховаго животнаго преобразовалась въ палки длиною въ $\frac{3}{4}$ фута. Ее отпилили, и голова животнаго, внезапно освобожденная отъ такой тяжелой ноши, замѣтно дрожала цѣлый вечеръ, и даже до слѣдующаго дня. Черезъ нѣсколько дней кровь перестала идти и за тѣмъ поверхность обрѣза была замазана саломъ и смолой; иначе вода, которая попадетъ туда, нерѣдко, говорятъ, производитъ смертельныя нагноенія. Съ этихъ поръ, правда, я могъ сидѣть на сѣдлѣ гораздо удобнѣе, но, какъ это бываетъ съ человѣкомъ, пустота вокругъ моего сидѣнія, на верхушкѣ зашейка, нѣсколько дней все-таки казалась странной. Вьючнымъ животнымъ въ тоже время главнымъ образомъ срѣзали глазныя вѣтви, въ которыхъ повода путаются и производятъ безпорядокъ. Сосуну оленепку подрѣзали и заострили всѣ кончики роговъ его, (которые были похожи на козулы рога), такъ что мать не позволяла ему болѣе сосать.

¹⁾ Поводъ сѣв. оленей по якутски называется N'jugó, уздечка S'yrbá.

Послѣднія животныя сбросили роговыя мочки въ концѣ Октября. Тунгусъ, спилившій полуобвисшіе рога, снялъ мочки, ножомъ сбрилъ съ нихъ волоса и тотчасъ же съѣлъ мочечную кожу. Кровь изъ оставшагося обрубка роговъ тщательно высосали потому, будто бы, что это предупреждаетъ дальнѣйшій вредъ, вѣроятнѣе же потому, что она составляетъ лакомство; но такъ какъ кровь продолжала сильно идти, то навязали сверху кусокъ мочечной кожи.

Выкладенные въ томъ-же году молодые сѣв. олени сбросили рога уже въ концѣ Сентября и въ началѣ Октября. Въ половинѣ мѣсяца тоже съѣдали и нѣкоторые другіе. Физиономія ихъ казалась совершенно измѣненною, особенно у бабьихъ оленей, у которыхъ недоузки разукрашены были разными болтавшимися, кистеобразными привѣсками. Изъ роговъ, обломанныхъ въ бою, сильно шла кровь, а такое кровотеченіе иногда, говорятъ, очень опасно. Во второй половинѣ Октября изъ роговъ, когда ихъ обламывали или пилили, вовсе не шла болѣе кровь, вѣроятно отчасти вслѣдствіе наступившаго между тѣмъ холода. Въ половинѣ Ноября въ нашемъ стадѣ уже на многихъ не было роговъ.

Такимъ образомъ у сѣв. оленя на южномъ предѣлѣ его распространенія возрожденіе роговъ совершается раньше, чѣмъ на сѣверной тундрѣ¹⁾. Вѣроятно это главнымъ образомъ зависитъ отъ способа питанія животныхъ. Пріемъ смышленнаго Зырянина, который уже весною обламываетъ нарастающій роговой стволъ животнаго (подлежащаго закланію осенью) съ тѣмъ, чтобы облегчить ожирѣніе²⁾, очевидно основанъ на правильномъ наблюденіи. Эту уловку должно считать дополненіемъ къ кастраціи.

Если изъ вышесказаннаго приходится вывести заключеніе, что сѣв. олень, въ качествѣ верховаго и выючнаго животнаго, очевидно слишкомъ слабъ для непосредственнаго навьючиванія на него тяжестей, но все-таки не менѣе полезенъ и необходимъ, чѣмъ упряжной сѣв. олень, то невольно рождается вопросъ: почему же первобытный человѣкъ Восточной Сибири не обратилъ лося въ верховое и выючное животное? Лось обладалъ бы всѣми перечисленными выше преимуществами сѣв. оленя передъ лошадыю; притомъ для него была бы бездѣлица таскать на себѣ человѣка. Что лосю еще больше, чѣмъ сѣв. оленю,

1) Подъ 70° с. ш., въ Таймырской тундрѣ, дикіе самцы сбросили рога между Декабремъ и Февралемъ. Такимъ-же образомъ тамошніе сильныя упряжныя сѣв. олени сбросили рога въ Декабрѣ и новые козли начали расти въ Январѣ. Это не согласуется съ утвержденіемъ, что ручныя сѣв. олени будто бы всегда опережаютъ дикихъ по части течки, отелки и сбрасыванья роговъ почти на цѣлый мѣсяць. До слабыхъ же и измученныхъ олень доходитъ мѣсяца на 3 и даже на 4 позднеѣ. Въ концѣ Марта между нашими упряжными сѣв. оленями

можно было видѣть такихъ, у которыхъ еще были оба рога; у нѣкоторыхъ было только по одному рогу, а у иныхъ выросли уже козли въ 3 дюйма длины. Но въ концѣ Мая встрѣчались самки, у которыхъ былъ еще одинъ рогъ. Такимъ образомъ этотъ процессъ, подобно ливанію, зависитъ отъ способа питанія, а слѣдовательно и отъ отелки. Послѣ отелки онъ совершается очень быстро.

2) A. Schrenck, Reise n. d. Nordosten Russlands. I, стр. 323; II, стр. 386.

и даже зимою, слѣдовательно со включеніемъ хвойныхъ деревьевъ, приходится питаться листьями, корою, почками и вѣтками, это даетъ ему въ горахъ большое преимущество передъ сѣв. оленемъ. По части этой особенности онъ могъ бы прекрасно замѣнить козу, которая въ отдаленномъ будущемъ не можетъ не выступить на сцену какъ особенно удобное средство, дающее возможность воспользоваться богатыми лѣсомъ горами.

Мнѣ кажется, что тотъ-же самый избытокъ силы, который могъ бы быть такъ полезенъ человѣку, былъ виною того, что первобытный человѣкъ не сумѣлъ подчинить лося своей власти. Впрочемъ, можетъ быть, лось свирѣпъ именно вслѣдствіе этого полного сознанія своей силы. Онъ чуть-ли не отъ природы строптивѣе добродушнаго, смирнаго какъ овца, сѣв. оленя; вся неуклюжая фигура лося напоминаетъ намъ о томъ, что собственно это не столько нашъ современникъ, сколько переходный видъ отъ чудовищъ прежняго времени къ нашимъ теперешнимъ животнымъ, такъ сказать младшій сверстникъ торфянаго оленя, носившаго исполнскіе рога.

Во время течки лоси-самцы дѣйствительно злы, и я хорошо помню, съ какимъ выраженіемъ ужаса Тунгусы, мои товарищи по охотѣ, старались спрятать меня за прикрытіемъ древесныхъ стволовъ, когда я въ концѣ Сентября, ничего не чая, хотѣлъ направиться на тяжело-раненнаго лося-самца, котораго пока занимала лаявшая на него собака. Что впрочемъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ нужно опасаться и сѣв. оленя, въ этомъ я убѣдился совершенно неожиданно, въ предшествовавшую осень въ Таймырской тундрѣ, ранивъ въ пятку стараго вожака стаи сѣв. оленей. Самоѣды подѣзжали къ нему, одинъ за другимъ шаговъ на 30, и, пустивъ въ него стрѣлу, тотчасъ-же во весь опоръ удалялись отъ него. Но развѣ нашъ конь на свободѣ и во главѣ табуна менѣе строптивъ и золъ?

И съ лосемъ можно бы было уладить это затрудненіе, какъ это намъ доказываетъ примѣръ съ столь строптивымъ верблюдомъ и буйволомъ. Но тутъ все зависитъ отъ того, какъ это станутъ дѣлать. Если напр. на одинъ изъ разспросовъ моихъ о томъ, какъ обращаются съ прирученными лосями въ Лифляндіи и какъ они ведутъ себя, мнѣ замѣтили: «они именно не позволяли вкладывать удила», то въ этомъ отвѣтѣ кроется больше, чѣмъ думаешь. Мы видѣли, что не совсѣмъ послушнымъ сѣв. оленямъ Тунгусъ не вкладываетъ въ ротъ ни ремня, ни узды, даже и костяной, а налагаетъ канцунъ. Это, конечно, былъ и самый первобытный способъ взнуздыванья лошади, но у сѣв. оленя онъ вѣроятно имѣетъ болѣе глубокое основаніе, извѣданное вѣками, основаніе, которое можетъ быть примѣнено и къ лосю. Послѣдняго скорѣе слѣдовало бы укротить посредствомъ продѣтаго въ носъ кольца, какъ это дѣлается съ быками и у Якутовъ глубокаго сѣвера и у южныхъ Африканцевъ. Во всякомъ случаѣ и тутъ, какъ у всѣхъ домашнихъ животныхъ, дѣло окончательно рѣшила бы кастрація, хотя строптивость во время течки обыкновенно уменьшаютъ уже тѣмъ, что устраняютъ главнаго виновника ея, т. е. равноправнаго соперника.

Такъ какъ лося уже неоднократно удавалось не только приручать и вскармливать,

дальше къ сѣверу, гдѣ лошадь была непригодна, замѣнена сѣв. оленемъ. Даже въ нашемъ Остзейскомъ краѣ выраженіе «реннікогн» (собачья пона), вмѣсто географической миши, напоминаетъ давно исчезнувшій обычай впрягать собакъ. Въ Сибири же собачья упряжь еще въ историческое время была болѣе распространена, чѣмъ теперь, хотя и въ настоящее время она играетъ тамъ большую и почетную роль.

Эліанъ (Кн. XVI, гл. XXXI) рассказываетъ еще чудеса о народѣ «Супомолги», т. е. о донтеляхъ собакъ. Дѣло въ томъ, что ему сообщены были неудовлетворительныя свѣдѣнія; но такъ какъ до него все-таки уже дошли темныя преданія о жителяхъ Сибири, то рассказъ его о волкахъ, которые, при переправѣ чрезъ стремительные потоки, хватаютъ другъ друга за хвостъ (Кн. III, гл. VI), чтобы не быть увлеченными водою, можно отнести къ обычаю Сибиряковъ привязывать недоуздки слѣдующихъ другъ за другомъ животныхъ въ караванѣ къ хвостамъ идущихъ передъ ними животныхъ.

Уже Марко Поло зналъ о торговлѣ Сибирскими мѣхами и описалъ ѣзду на собакахъ, которая съ тѣхъ поръ очень стала обращать на себя вниманіе и повела къ тому, что у нѣкоторыхъ писателей и географовъ говорилось о странѣ «Насобачье». Войско въ извѣстномъ походѣ въ Югорскій край, въ 1499 году, прибѣгло къ собачьей упряжи¹⁾. У старика компилятора Витсена мы находимъ также названіе «Насобачье», какъ обозначеніе частей Восточной Сибири до Чукотской земли. Тому-же Витсену (II, стр. 426, 482) мы обязаны однакоже точнымъ извѣстіемъ о томъ, что въ его время далеко на сѣверѣ на Енисей не было лошадей, а были только собаки, и что даже по большой дорогѣ у Томска лѣтомъ ѣздили на лошадяхъ, зимою же на собакахъ. Въ мое время еще было много собакъ въ Туруханскѣ и оттуда внизъ по Енисею, но уѣздные начальники Туруханскаго округа всячески старались замѣнять собакъ лошадьми и отгѣснять первыхъ все дальше въ тундру.

Въ глуши собака въ значительномъ количествѣ можетъ водиться только на берегу моря и при самыхъ рыбныхъ рѣкахъ, снабжаемыхъ рыбою изъ моря, потому что это хищное животное требуетъ слишкомъ большихъ запасовъ животной пищи. Но гдѣ послѣдняя имѣется, тамъ собака принадлежитъ къ любимѣйшимъ упряжнымъ животнымъ. Собака и сѣв. олень взаимно дополняютъ другъ друга. На всѣ поѣздки въ такія мѣстности, въ которыхъ пѣтъ корма для сѣв. оленей, можно употреблять одну только собаку. Уже вслѣдствіе того, что упряжныхъ собакъ можетъ прокармливать только осѣдлый рыбакъ, собака, въ качествѣ упряжнаго животного, не принадлежитъ юрта, не спутница кочеваго пастуха. Гдѣ собаку хотятъ употреблять въ упряжь, тамъ человѣку необходимо устроить себѣ осѣдлое жилище. Такимъ образомъ собака принуждаетъ человѣка къ осѣлости, равно какъ къ заблаговременному заготовленію зимнихъ припасовъ для домашняго животного. Вотъ отчего зависить процвѣтаніе собачьей упряжи при устьяхъ Яны и Индигирки, откуда предпринимаются поѣздки черезъ морекой ледъ, на Ново-Сибирскіе острова, поѣздки, получившія извѣстность со временъ Геденштрёма и Вран-

¹⁾ Lehrberg, Untersuchungen über das Jugrische Land, стр. 17.

геля. Въ Геденштрёмово время Устьянскія собаки превосходили Индигиркинскихъ¹⁾. Врангель посвятилъ этимъ животнымъ не только множество замѣтокъ, разбросанныхъ въ его книгѣ, но и особую главу въ приложеніи ко 2 му тому, такъ что я считаю достаточнымъ обратить вниманіе только на нѣкоторые практическіе вопросы.

Уже въ Нижнеколымскѣ собаки значительно хуже вышеупомянутыхъ, хотя, можетъ быть, и не уступаютъ собакамъ другой школы, которыхъ впрягаютъ въ совершенно другаго рода сани и которыхъ мы назовемъ камчатско-американскими²⁾. На Оби, на Енисеѣ, а тѣмъ болѣе въ Удскомъ острогѣ, равно какъ у Гиляковъ, я засталъ только еще тѣнь вышеупомянутой красивой собачьей упряжи.

Въ Западной Сибири васъ неприятно поражаетъ способъ упряжи. Собаки тянутъ тамъ сани не грудью, какъ на востокъ отъ Лены, а тазомъ, т. е. передъ подвздошною костью черезъ спину протянуть мягкій въ видѣ хомута поясъ, который идетъ черезъ подвздохи и на животѣ смыкается въ хомутное кольцо, а между задними ногами проходитъ бичевка, которая въ этомъ мѣстѣ обматывается чѣмъ-нибудь мягкимъ, чтобы не растирать ногъ. Этотъ способъ упряжи требуетъ кастраціи, которой кочевники впрочемъ и по другимъ, обусловливаемымъ выгодою, причинамъ подвергаютъ даже собакъ, предназначенныхъ исключительно для охоты. Съ самой верхней части упомянутого хомутнаго пояса, протянута веревка чрезъ поясицу къ бичевой для того, чтобы послѣдній не съѣзжалъ подъ ноги³⁾.

На Енисеѣ собачья упряжь была очень неразвита и тѣмъ неудовлетворительнѣе, что въ полную упряжь рѣдко могли быть употребляемы животныя, вмѣстѣ обученныя; обыкновенно онѣ набирались изъ разныхъ поселеній⁴⁾. При неизбежной, чрезмѣрной нагрузкѣ нашихъ саней намъ часто приходилось идти рядомъ на лыжахъ, или при дурной дорогѣ самимъ впрягаться рядомъ съ собаками. При болѣе быстрой ѣздѣ оказывалось, что собаки были плохо вышколены, безпорядки повторялись безпрестанно, животныя постоянно снова перепутывались, нѣкоторыя уставали, при всякомъ соблазнительномъ случаѣ свора соскакивала съ дороги; однимъ словомъ, воякамъ приходилось то и дѣло бѣжать рядомъ съ собаками и приводить ихъ въ порядокъ. Безпрерывно повторялись скучнѣйшія остановки, даже при поѣздкѣ по улицамъ главной квартиры. Туруханска.

Безпорядочное состояніе тамошней упряжи высказывалось къ моему удивленію уже въ томъ, что приходилось спрашивать, понимаетъ ли передовая собака по русски или по якутски. Дѣло въ томъ, что когда кричали «поць—поць», то собака, понимающая по русски, разумѣла, что ей нужно повернуть направо, собака же, обученная по якутски, сворачивала налево⁵⁾. Для «лѣвой стороны» въ русскомъ словарѣ ихъ были даже различ-

¹⁾ Сибир. Вѣстн. III, стр. 98, 129.

²⁾ Со временъ Сарычева, многіе описывали Камчатскихъ собакъ; не меньше писано и объ Эскимосскихъ собакахъ, о которыхъ Кэнъ говоритъ чрезвычайно подробно и съ особенною любовью.

³⁾ Судя по названію, тазовая упряжь перепла въ Азію изъ Европы, потому что Евсейскіе Якуты называли ее

«нуца-алыгвэ», т. е. русскій поясъ, а грудную упряжь «саха-алыгвэ», т. е. якутскій поясъ.

⁴⁾ Въ прошломъ столѣтіи, напротивъ того, каждый домъ въ Охотскѣ содержалъ отъ 12 до 24 собакъ (Сарычевъ, Путеш. I, стр. 44).

⁵⁾ Направо по якутски говорилось «стагъ». Осталь

ныя выраженія, напр. «манá» или «пхра», вѣроятно чтобы испытывать умственные способности животныхъ воспитанниковъ путемъ человѣческой путаницы.

Собака, единственное хищное животное, которое мы употребляемъ въ упряжь, сообразно этому и носить на себѣ совершенно другой отпечатокъ, чѣмъ наши остальные упряжные животныя, особенно въ туцдрѣ, гдѣ она еще является самымъ первобытнымъ, исключительно плотояднымъ животнымъ. Будь она такъ сильна, какъ напр. лошадь, съ нею нельзя бы было совладать; ѣзда на ней была бы такъ опасна, что пришлось бы отказаться отъ ея содѣйствія. Носъ отъ головы до ногъ страстный, холерическій сангвиникъ. Подъ вліяніемъ неукротимыхъ страстей онъ сравнительно гораздо сильнѣе жвачныхъ животныхъ, даже, можетъ быть, сильнѣе представителя самаго сильного тѣла, арабскаго коня. Подобно послѣднему и еще гораздо болѣе его, собака создана скорѣе для быстрого бѣга, для внезапныхъ, часто повторяющихся сокращеній мускуловъ, чѣмъ для продолжительнаго и востояннаго, хотя и медленнаго одолѣванія тяжестей. Уже вдавливаніе въ спику тормазной палки тотчасъ задерживаетъ весь поѣздъ. На Енисеѣ полагалось на каждую собаку не болѣе $2\frac{1}{2}$ пудовъ. Отъ возки тяжестей собака вскорѣ доходитъ до полнаго утомленія, тогда какъ передъ легкими санками она утомляется меньше сѣв. оленя и въ состояніи пробѣгать въ день 30 геогр. миль¹⁾. Желудокъ собаки, довольствующійся небольшимъ количествомъ самой концентрированной пищи, безъ того почти всегда пустой и не требующій, какъ напр. желудокъ жвачныхъ животныхъ, извѣстнаго растяженія посредствомъ набиваемыхъ въ него массъ, — желудокъ собаки, говорю я, не обременяетъ ее и можетъ нѣсколько времени вовсе обходиться безъ корма, не смотря на быстрое бѣганье животнаго. Послѣ лошади собака принадлежитъ къ тѣмъ упряжнымъ животнымъ, которыхъ подвергаютъ самому тщательному подготовленію къ тягостямъ дальняго путешествія, потому что отъ старательности, которая употребляется на такую подготовку²⁾, зависитъ быстрота бѣга.

Если мы рассмотримъ Врангелеву таблицу исчисленій быстроты ѣзды на собакахъ³⁾ и сравнимъ ее съ нашею таблицею быстроты ѣзды на сѣв. оленяхъ⁴⁾, то мы увидимъ, что у Врангеля не достаетъ всѣхъ тѣхъ болѣе медленныхъ степеней, которыя дѣйствительно встрѣчаются при ѣздѣ. Врангель начинаеть съ 6 верстъ ѣзды на собакахъ въ часъ, что нѣсколько менѣе самой медленной рыси сѣв. оленя, и заканчиваетъ вдвое болѣею быстротою, соответствующею очень быстрой рыси сѣв. оленя. Какъ послѣдняго на короткихъ разстояніяхъ можно довести до болѣе значительной скорости, такъ тоже самое можно заставить сдѣлать и собачью упряжь. Но ни на одну упряжь

ныя выраженія, какъ напр. «таай» стой, «то» ступай, были на обоихъ языкахъ одни и тѣже.

Бичевая называлась «поводокъ», тормазная палка «тормако».

¹⁾ На Енисеѣ сочили впрочемъ за неслыханный подвигъ, что Мироѣдинскій поселенецъ, выѣхавъ вечеромъ съ уѣздыимъ начальникомъ, чтобы догнать почтара, на слѣдующій вечеръ прибылъ въ Нижне-Илбатское, и кормилъ собакъ. Поселенецъ считалъ

209 верстъ; почта рассчитывала это разстояніе въ мое время въ 166 верстъ. Такъ какъ оба поселенія отстоятъ одно отъ другаго приблизительно на $1\frac{3}{4}$ градуса широты, и дорога по Енисею дѣлаетъ нѣсколько извиливъ, то расчетъ въ 200 верстъ едва-ли неправиленъ.

²⁾ На Хатангѣ это называлось: «справить собаку».

³⁾ Путешествіе 1841, Прибавленія, стр. 106.

⁴⁾ Срав. стр. 311—312, примѣч.

не вліяеть такъ сильно качество снѣга, какъ на собачью. Все дѣло сводится на вопросъ: бродъ или торъ? ¹⁾

Но и между упряжными собаками есть опять такія, которыя способны скоро бѣжать, и такія, которыя годны къ тасканію тяжестей. На Енисеѣ считали дѣломъ рѣшенымъ, что собаки изъ самыхъ сѣверныхъ странъ не годятся для поселеній подъ полярнымъ кругомъ, потому что тамъ «на тору и на духахъ» бѣганіе важнѣе тасканія. Собаки же, оказавшіяся хорошими нѣсколько южнѣе, годны, говорятъ, и для дальняго сѣвера. На этомъ основанъ и выборъ щенковъ, хотя только во вторую зиму можно быть увѣреннымъ въ правильномъ выборѣ собаки, обѣщающей сдѣлаться лучше другихъ. Впрочемъ на каждую собаку полагается отъ 2 до 2½ пудовъ тяжести; при этомъ все зависитъ отъ того, хорошо ли сдѣланы полозья, хороша ли дорога. То приходишь въ отчаяніе, что не трогаешься съ мѣста, то собаки скачутъ во весь опоръ. Зимомъ нагружаютъ только половину всей весенней поклажи, потому что въ то время снѣгъ еще не убитъ и броденъ.

Дрессировка важна не только по отношенію къ передовой собакѣ, но и потому, что отъ нея отчасти зависитъ также, чтобы собака не излѣзилась. Неисправимыхъ лѣнтыекъ впрягаютъ не въ бичевую, а прямо къ барану саней. Какъ мало усовершенствована дрессировка передовыхъ собакъ на Енисеѣ, это видно изъ того, что въ мое время обыкновенная упряжная собака стоила тамъ 5 руб. ассигн., передовая 10 руб. ²⁾; напротивъ того, къ востоку отъ Лены платили по сту и нѣсколько сотъ рублей ³⁾.

Погоняютъ собакъ посредствомъ постоянного пощуканія и покрикиванія. Лѣнливую называютъ по имени ⁴⁾, при этомъ потряхиваютъ кнутовищемъ, грозятъ и наконецъ стегаютъ. При дурныхъ дорогахъ или, что совпадаетъ съ ними, при тяжелой поклажѣ, и это наконецъ не помогаетъ. Все чаще и чаще уставшій пестъ оглядывается на своего хозяина или, лучше сказать, на его кнутъ, все отвратительнѣе становится это посмотриваніе вкось, съ поворачиваніемъ головы, потому что глаза затекаютъ кровью и принимаютъ болѣе и болѣе злобный видъ. Все чаще и чаще повторяется и безъ того отвратительно исполняемое отправление естественной потребности.

Наконецъ прибѣгаютъ къ послѣднему средству: къ возбужденію животнаго посредствомъ его страстей. Замѣтимъ при этомъ, что дѣйствительность психическаго возбужденія послѣ того, какъ тѣло животнаго стало нечувствительнымъ для истязаній, служить вѣрнымъ масштабомъ его страстности. Впереди идутъ вожакъ на лыжахъ, частію для того, чтобы выровнять дорогу, частію потому, что собаки въ этомъ случаѣ слѣдуютъ охотнѣе за идущимъ передъ ними. Внезапно раздаются слова: ушканъ! т. е. заяць! заяць!

¹⁾ Срав. т. I, Климатъ, стр. 368.

²⁾ Харитонъ Лаптевъ заплатилъ, какъ я вижу изъ рукописныхъ его дневниковъ, за двѣ передовыя и 8 простыхъ упряжныхъ собакъ 7 руб. и 80 коп. Это было въ 1739 году. Таймырскій край извѣдывали въ то время при помощи собакъ.

Даже у сѣверо-американскихъ туземцевъ добродѣтельность хорошей собаки оцѣняется тѣмъ, что за нее

гораздо больше платятъ (Prinz Max Reise, II, стр. 285). Срав. также стр. 288 объ украшеніи упряжи.

⁴⁾ Ихъ называли преимущественно именами разныхъ животныхъ и, что замѣчательно, болѣею частью, именами птицъ, рѣже именами качественными: напр. соловей, пѣтухъ, воронъ, беркутъ, перна; кривой, шибвій, баскій и т. д.

и вдругъ, столь-же внезапно, вся свора вскачь съ воемъ несется впередъ. Но, пробѣжавъ небольшое пространство, собаки замѣчаютъ, что ихъ обманули, и за тѣмъ мало по малу настааетъ прежняя бѣда: сильное, неохотное утомленіе. Куропать! куропать! куропать! снова кликнувъ вожакъ отстающимъ собакамъ, и снова онѣ воя пробѣгаютъ небольшое пространство. Такъ еще долго смѣняются то заяць, то куропатка, по фантазіи страсти все-таки наконецъ ослабѣвала, и приходилось по необходимости останавливаться. Если же истощается провизія, то собакъ доводить лучше до крайняго непомярнаго утомленія, но не останавливаются, не добравшись до запасовъ корму. Стоитъ только машинѣ остановиться изъ-за голоданія, и на слѣдующій день уже не поставишь ее болѣе на ноги. Съ пустымъ же желудкомъ собака въ состояніи справляться лучше всякаго другаго упряжнаго животнаго. Не пужно только останавливаться: дѣлю все еще пойдетъ.

Лучшимъ доказательствомъ правильности этого заключенія мнѣ послужили мои собаки, когда я съ огромною поклажею возвращался съ сѣвера. Это былъ послѣдній день ѣзды до Туруханска, но на нашу бѣду дуть теплый вѣтеръ и снѣгъ рыхлѣлъ. Вся поѣздя съ зайцами и куропатками идеальнаго міра, лучшаго чѣмъ пустынный зимній пейзажъ, была израсходована съ полнѣйшимъ безстыдствомъ. Впрягшись въ сани, подобно собакамъ, мы сами, рядомъ съ ними, употребляли послѣднія наши усилія, чтобы на сколько можно было заставить собакъ двигаться впередъ. Я такъ добросовѣстно занялся этимъ, что и не глядѣлъ впередъ; съ трудомъ и только при помощи моего гужа я успѣлъ еще броситься на сани, которые внезапно, какъ по волшебному мановенію, пронеслись мимо меня. Псы подняли безконечный гамъ, лай и радостный вой, раздававшійся по всему лѣсу, и мы вдругъ, со скоростью быстрѣйшей почтовой ѣзды, безостановочно пронеслись 8 верстъ, въ самый Туруханскъ. Произошло это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ мы попали на крѣпко и ровно утопанный слѣдъ воевъ съ дровами, которыми Туруханскъ запасался для начала наступающей зимы, и во-вторыхъ собаки узнали мѣстность, гдѣ онѣ находились. Будучи психически возбуждены, животныя въ запасъ своей безграничной страстности нашли пищу для выполненія такого необыкновеннаго подвига.

На основанія этого можно себя представить, чего должно ожидать, когда при легкихъ саняхъ и хорошей дорогѣ, вы дѣйствительно встрѣтите дичь. Свора громко лаетъ и изо всѣхъ силъ несется вслѣдъ за дичью, съ быстротою паровоза, какъ попало, въ лѣсную чащу или въ оврагъ, ничѣмъ не стѣсняясь, или санки ваши разлетаются въ дребезги, или вамъ удастся палкой затормозить скачку, и въ такомъ случаѣ вся упряжь въ 13 собакъ растянется на снѣгу въ томъ видѣ, какъ она скакала, не только передними ногами впередъ, но и задними ногами назадъ, подобно человѣку. Въ этомъ положеніи онѣ продолжаютъ лежать нѣкоторое время. Да, упаси Богъ, если бы этотъ бѣловый народъ обладалъ лошадиною силою. Какъ сошедшій съ рельсовъ локомотивъ, онъ расшибъ бы все въ дребезги. Въ такихъ случаяхъ видно, что значитъ хорошая передовая собака. Она обманываетъ свою свору и крюкомъ приводитъ ее на прежнюю дорогу. Это указываетъ на высокую школу дрессировки.

Мою лягавую собаку мнѣ приходилось возить съ собою въ мѣшкѣ, потому что, какъ только я ее выпускалъ на волю, такъ начиналась возня, и мы кружились до тѣхъ поръ, пока собака моя улучшала время, чтобы вскочить ко мнѣ на сани.

Такая громадная разница между этими необузданными хищниками и степенными сѣв. оленями поразила меня въ особенности однажды, когда я съ Хатанги ѣхалъ домой въ легкихъ санкахъ, въ которыя впряжены были сѣв. олени. Безмолвно мы скользили по снѣжной поверхности, ровною спокойною рысью. Вдругъ раздается убійственный гамъ; олени мои, почтительно давая дорогу, дугою шаговъ въ 50 уклоняются отъ направленія, но нисколько не измѣняютъ бѣга. Мимо насъ съ воемъ проносится, какъ курьерскій поѣздъ, во весь опоръ, бѣшеная собачья свора поселенца, возвращающагося въ Хатангскій погостъ.

Эта необузданная страстность проявляется въ частыхъ дракахъ и свалкахъ собакъ между собою. Сначала это васъ очень поражаетъ. Представьте себѣ такой случай, что одной изъ нашихъ лошадей, впряженныхъ рядомъ въ экипажъ, вдругъ вздумалось бы накинуться на другую, и что ихъ только съ трудомъ можно было бы разнять. Со мною случилось еще нѣчто худшее. Мы остановились въ 5 саяхъ передъ поселеніемъ, до котораго добрались, и разговаривали съ поселенцами. Наши собаки были набраны изъ разныхъ поселеній и отчасти не знали другъ друга. Вдругъ поднялся шумъ; не успѣли мы подбѣжать, какъ уже вся упряжная компанія, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 50 собакъ, вступила въ драку. Всѣ накинулись на двухъ несчастныхъ псовъ, не признанныхъ компаніей; всѣ хватили ихъ и звѣрски рвали во всѣ стороны. Прежде чѣмъ мы могли спасти ихъ, обѣ несчастныя собаки буквально были растерзаны на куски.

Какими бы усталыми ни лежали собаки передъ санями, стѣить только завязаться дракѣ, и ихъ ничѣмъ не разнимешь.

При всемъ томъ эти проказницы не злонаправны, и положительно сознаютъ надъ собою власть кнута. Скорѣе онѣ недовѣрчиво-робки, потому что лишились своего призванія, оберегать имущество отъ чужихъ посяженій. Въ самомъ городѣ Туруханскѣ никто не боялся этихъ рабовъ. Даже мой лягавый поинтеръ, которому удивлялись не только люди, потому что онъ казался имъ голымъ звѣринечнымъ животнымъ, но и сибирскія коровы да лошади, при видѣ его ужаснѣйшимъ образомъ ревѣвшія, толкавшія, скребшія, пыхтѣвшія, топавшія и обращающія его въ бѣгство, даже поинтеръ мой умѣлъ справляться съ ними, когда его окружала толпа такихъ упряжныхъ собакъ. Но когда онъ бѣгалъ, то та или другая любила подкрадываться къ нему, чтобы украдкою укусить его въ пятки.

Очень важную роль играетъ раса собакъ. Между всѣми упряжными собаками очевидно чище всѣхъ сохранились собаки эскимосовъ, живущихъ внѣ всякаго сообщенія, и за тѣмъ собаки Чукчей, да жителей Камчатки. Въ остальной Сибири въ упряжныхъ собакахъ есть примѣсь чужой крови, такъ что тамъ встрѣчаются собаки не только всѣхъ цвѣтовъ, но и всѣхъ формъ.

Не вслѣдствіе ли этой разнообразной помѣси, или вслѣдствіе усиленнаго культурою

обособленія, измѣняется не только цвѣтъ шерсти, но и устройство и способъ употребленія глотки? Во всякомъ случаѣ обратимъ вниманіе на хорошенькую замѣтку Врангеля, удивлявшагося, что изъ 400 собакъ въ Нижнеколымскѣ, когда онѣ начинали выть, каждая лаяла на особый, свойственный ей ладъ. Переходъ отъ баса къ высокому сопрано такъ великъ, что среди подобнаго концерта замѣчательныя личности слышны по особому оттѣнку голоса.

Въ Туруханскѣ и лежащемъ близъ него Троицкомъ монастырѣ преобладало цѣнное собачье семейство¹⁾. Подъ длиною, сѣро-бурою, блестящею остью находился очень густой пухъ мышасто-сѣраго цвѣта. Внутреннія стороны членовъ тѣла перѣдко были бѣлаго цвѣта. Очень часто наследственно переходили отъ одной собаки къ другой бѣловато-сѣро-желтое очковое пятно вокругъ глазъ и желто-бурое пятно у внутренняго угла бровей. Не указывало-ли это на примѣсь крови монгольской собаки? Но и эти животныя не достигали величины упряжныхъ собакъ при устьѣ Яны, которыя, по словамъ Врангеля²⁾, бываютъ вышиною слишкомъ въ $2\frac{3}{4}$ '. Притомъ у собакъ на устьѣ Яны, кажется, болѣе высокія ноги, потому что вышина ихъ достигала $\frac{6}{7}$ длины ихъ тѣла, тогда какъ въ Туруханскѣ она составляла отъ $\frac{3}{4}$ до $\frac{5}{6}$.

Весьма жалки и малы были собаки въ Удскомъ острогѣ³⁾, которыя тогда, во время весенняго голода, должны были почти исключительно питаться человѣческими испражнениями и едва могли быть отгоняемы палками. Позднѣе весною онѣ разбѣжались въ разныя стороны и бродили по берегамъ р. Уди и на прибрежьяхъ моря. Сосѣдки ихъ, гилацкія собаки, однажды, когда на берегъ выбросило кита, неслись за кормомъ за три геогр. мили и переправлялись чрезъ два стремительныхъ горныхъ потока. Впослѣдствіи, когда появилась кета, онѣ опять предались раздолью и были до того сыты, что, подобно важнымъ лакомкамъ, запускали только зубы въ самую лучшую рыбу, да и то не были въ состояніи съѣсть ее. По временамъ собаки питаются, говорятъ, и медузами. Такимъ образомъ, то утопая въ изобиліи, то съ трудомъ добывая себѣ нѣсколько мышей и худѣя до того, что остаются только кожа да кости, онѣ теряютъ свои достоинства, если человѣкъ не позаботится о нихъ въ ихъ молодые годы.

Такъ какъ сибирскимъ собакамъ приходится самимъ добывать добрую долю своего лѣтняго корма, то не мудрено, что вездѣ, гдѣ преобладаютъ упряжныя собаки, не могутъ укорениться ни овцы, ни домашнія птицы. Даже телятамъ эти хищныя домашнія животныя становятся опасны. Этому нечего удивляться; рассказываютъ же намъ англійскія экспедиціи, что эскимосскія собаки, одичавъ, соединяются въ большія своры и охотятся на сѣв. оленей. Хотя передъ прожорливостью ихъ не устоятъ ни шуба, ни ремень, ни испражненіе, но все-таки онѣ питаются отвращеніемъ къ нѣкоторымъ предметамъ. Такъ напр. онѣ заѣдаютъ песка, но не съѣдаютъ его; гнушаются онѣ также свѣжаго мяса

¹⁾ Тамашній мѣшанинъ Турбовъ былъ счастливымъ обладателемъ лучшихъ собакъ. Отличались также поселенія Миродницкое и Мельничное.

²⁾ Путешествіе, I, стр. 260.

³⁾ Сарычевъ (Путеш. II, стр. 103) нашелъ, что у Чукчей собаки малорослы и худо дрессированы.

блага медвѣдя и волка. Очевидно это дѣло обонянія. Отъ мерзлаго мяса того и другого они не отказываются.

Всѣ путешественники, побывавшіе въ Сибири, въ странѣ Эскимосовъ и въ менѣе полярной Сѣв. Америкѣ, согласны между собою въ томъ, что производятъ упряжную собаку отъ волка, или прямо называютъ ее прирученнымъ волкомъ. Дѣйствительно, нельзя не признать въ ней большаго сходства съ волкомъ; откуда бы мы ни начали путешествія: съ Лапландіи ли или подъ тѣми-же широтами, вокругъ земнаго шара до Гренландскихъ Эскимосовъ, вездѣ мы встрѣтимъ одну и ту же, чистокровную, волкообразную собачью породу, которая въ Европѣ простирается даже съ береговъ Ледовитаго Океана, мимо Улеборга, до Куопіоскаго края, а въ Вост. Сибири до лѣсистыхъ горъ при-амурскихъ странъ. Въ этихъ безпредѣльныхъ областяхъ повсюду оказывается замѣчательное единство: все одна и та же порода собакъ, все одна и та же раса, хотя и съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

Не смотря на то, что всѣ признаютъ сходство упряжной собаки съ волкомъ и часто безусловно производятъ ее отъ него, мы все-таки находимъ, что всякій умѣетъ указать нѣкоторыя отличія. Даже Линнеевъ отличительный признакъ, который тѣмъ замѣчательнѣе, что повидимому онъ очень маловаженъ, а именно изгибъ кончика хвоста на лѣво, также всегда оправдывается. Но всегда волкоподобная собака значительно меньше волка, хотя мѣстами такъ похожа на него, что на открытомъ полѣ, если при ней нѣтъ чловека, положительно не знаешь, кого видишь передъ собою: волка или собаку.

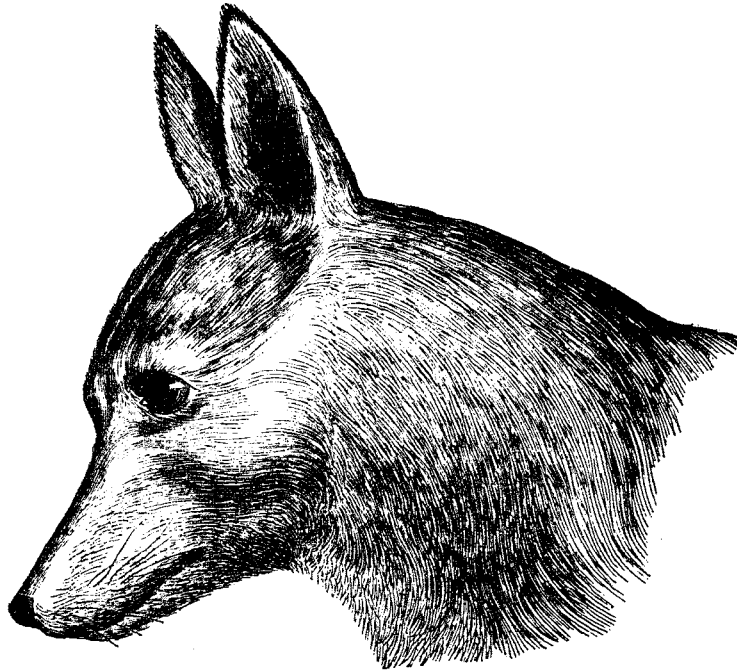
Давно указанное сходство характера ея съ характеромъ шакала дѣйствительно такъ поразительно, что только огромное разстояніе его отечества отъ отечества собакъ, о которыхъ мы говоримъ, вызвало сравненіе съ волкомъ, встрѣчающимся вмѣстѣ и рядомъ съ этими собаками. Большая часть сѣверныхъ путешественниковъ не имѣла случая видѣть шакала подъ открытымъ небомъ. Сообразивъ все это какъ слѣдуетъ, лучше всего, кажется, признать сѣверную упряжную собаку за помѣсь волка съ шакаломъ. Если кто серьезно захочетъ положить начало рѣшенію стариннаго вопроса о происхожденіи собаки, тому необходимо начать съ опытовъ добыванія волко-шакальныхъ и шакало-волчьихъ ублюдковъ.

Водится ли и на сѣверѣ настоящая шавка въ качествѣ пушной или охотничьей собаки какъ особая первобытная порода, или она принадлежитъ только къ крайнему флангу ублюдковыхъ разновидностей между волкомъ и шакаломъ, это вопросъ другого рода. По ея крайней типичной малорослости, по величайшему сходству острой морды ея съ мордой лисицы, и совершенно лисоподобнымъ приемамъ, путешественники часто сравнивали ее съ лисицей, нерѣдко весьма положительно производили ее отъ лисицы и даже прямо называли ее прирученной лисицей. Сходство дѣйствительно поразительно, когда еще въ добавокъ собака является въ лисоподобной шубѣ. Но какъ разъ у этой-то шавки, отъ которой Самоѣды разводятъ только бѣлыхъ или черныхъ псовъ, не допуская краснаго цвѣта, хвостъ нерѣдко загнуть впередъ надъ спиной; зра-

чекъ же ея, который всегда бываетъ кругль, не имѣеть уже ни малѣйшаго сходства съ зрачкомъ лисицы. Манеры ея столько-же похожи на манеры волка и шакала, сколько и на манеры лисицы, которую только больше знаютъ, чѣмъ волка и шакала.

Но если, можетъ быть, эта шавка и не одного происхожденія съ упряжной собакой, все-таки она имѣла самое положительное вліяніе на вырожденіе послѣдней, и среднія между ними формы составляютъ, на сколько теперь можно судить, нераздѣльную переходную степень¹⁾.

Необыкновенный интересъ, который представляетъ подробное изученіе со-

Убрчакъ.

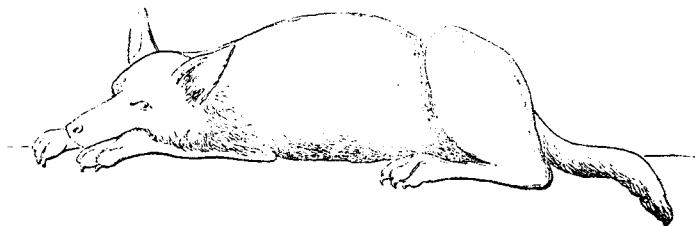
бачьихъ породъ у первобытныхъ народовъ, побуждаетъ меня сообщить прилагаемыя изображенія тунгусской шавки, волящейся въ горахъ на лѣвомъ берегу Амура, при истокахъ Силимджи, самой чистой породы, существовавшей еще 30 лѣтъ тому назадъ.

Убрчакъ, такъ называлось это животное²⁾, былъ небольшого роста, — зашеекъ его

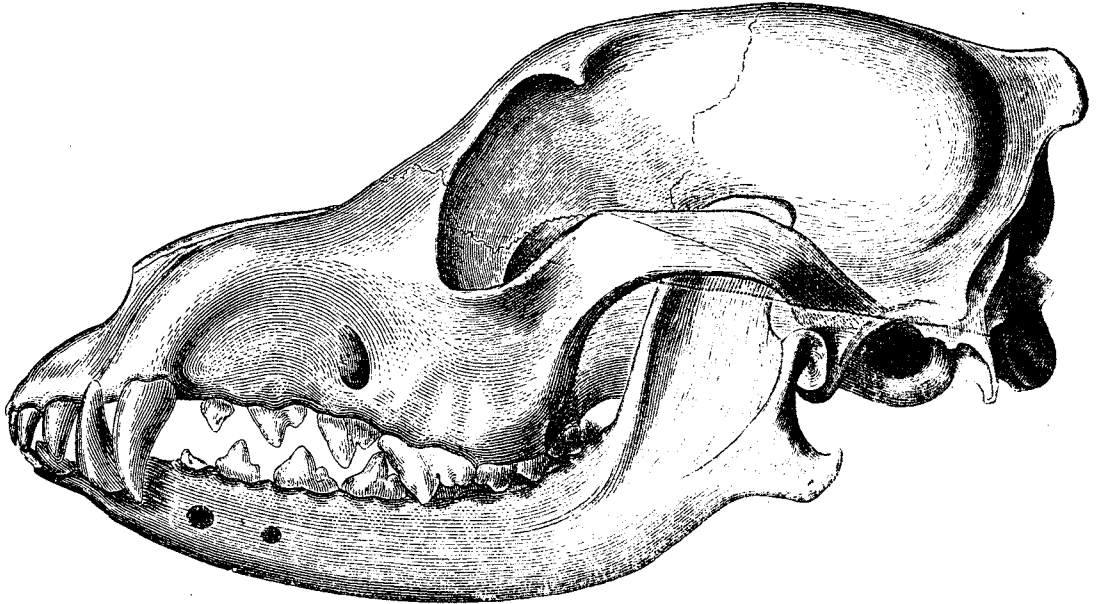
¹⁾ Подмѣченный Радде (Reisen im Süden von Ost-sibirien, I, стр. 87) въ Забайкальѣ способъ судить о способностяхъ собакъ посредствомъ ощупыванія черепа заслуживаетъ особеннаго вниманія. Очень можетъ быть, что способъ правиленъ; въ такомъ случаѣ зоотому можно тамъ многому поучиться, чтобы потомъ развить это научнымъ путемъ. Вѣроятно однакоже, что это одна

изъ тѣхъ породъ, къ которымъ повсюду прибѣгали и прибѣгаютъ охотники.

²⁾ Другую тунгусскую собаку звали совершенно романтическимъ для нашего слуха именемъ Меолинда. Третья называлась Сироманиомъ. Убрчакъ означаетъ, говорятъ, маленькую пѣвчую птицу, кажется синицу.

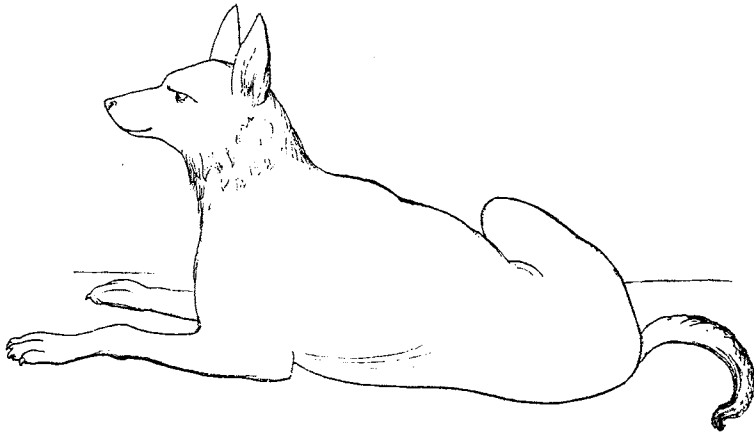
былъ всего въ $1\frac{1}{2}$ фута вышины¹⁾ —, но веселый и умный песъ. Длинные, гладкіе волосы его были сѣраго цвѣта въ перемежку съ черными; за тѣмъ бѣлая лысина и бѣлое брюхо. Радужный кружокъ былъ свѣтло-орѣховаго цвѣта, съ нѣскольکو болѣе темнымъ внутреннимъ кругомъ. Зрачекъ большею частью былъ очень расширенъ; даже, будучи

Черепъ Убрчака въ натуральную величину.

- 1) По тщательномъ измѣреніи Убрчака оказалось:
дециметр.
- 1) Вся длина отъ бугра на затылкѣ до корня хвоста 6,18
  - 2) Вышина тѣла у зашейка 4,5
  - 3) Вышина тѣла у крестца 4,3
  - 4) Длина головы, отъ конца морды до бугра на затылкѣ 1,45

- 5) Длина хвоста безъ волосъ 2,3
- 6) Длина волосистой кисточки на концѣ хвоста.. 0,8
- 7) Длина ушей 1,06
- 8) Объемъ шеи у туловища 3,22
- 9) Объемъ переднихъ ногъ, у туловища 2,19
- 10) Объемъ заднихъ ногъ, у туловища 3,06

обращенъ къ яркому свѣту, онъ суживался немного и, во всякомъ случаѣ, очень медленно. Уши его обыкновенно торчали кверху столь-же остро, какъ на изображеніи профиля; когда же онъ отдыхалъ, то оба уха отклонялись одно отъ другаго примѣрно под угломъ въ 70° . При этомъ они на половину захлопывались, такъ что щель входа въ ушную раковину была обращена внаружу. Уши были чрезвычайно подвижны. Ласкаясь къ вамъ, онъ плотно отодвигалъ ихъ назадъ. Но какъ скоро онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ чемъ-нибудь, или когда его звали, то онъ сильно выдвигалъ уши наружно. Лишь изрѣдка, и то на минуту, онъ шевелилъ однимъ ухомъ. Слухъ очевидно служилъ ему въ сильной степени.

Хвостъ, этотъ странный, никогда не измѣняющій себя, критерій собаки, какъ особой породы животныхъ, въ спокойномъ состояніи онъ всегда держалъ прямо, нѣсколько книзу, но все-таки съ поворотомъ по крайней мѣрѣ въ 60° влево, и такъ, что кончикъ приходился влево отъ средней линіи спины, хотя средняя часть хвоста нѣсколько направлялась вправо отъ нея. Когда собака вставала и прислушивалась, то она большею частью задирала хвостъ кверху; въ этомъ случаѣ онъ описывалъ полукругъ, такъ что кончикъ опускался на лѣвое бедро.

Бѣгая, собака, казалось, быстро частила погами.

Урчакъ былъ очень мирнаго нрава, весьма доверчивъ и особенно любилъ ласкаться, но ласкалась столько-же она не отличалась и другой характерной чертой культурной собаки, бдительностью, какъ мы ее понимаемъ; можетъ быть, это происходило оттого, что въ ней не было специально развитой до болѣзненного состоянія личной привязанности, и вѣроятно также потому, что въ глуши встрѣча съ другими людьми, равно какъ и съ ихъ собакой, вполне радостное событіе и для человѣка и для собаки. Это отсутствіе бдительности поражаетъ васъ тѣмъ болѣе, что собака чрезвычайно внимательна, какъ это уже доказываетъ сильная подвижность ушей. Урчакъ очевидно былъ настоящій типичный шпицъ первобыт-

Урчакъ.

ся ко всякому встрѣчному, такъ что въ первобытныхъ странахъ собака еще не отличается привязанностью, символомъ которой ее сдѣлала уже культура. Вѣдь и любовь, соединяющая членовъ тунгусскаго семейства между собою, проявляется совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Тунгусская шавка чрезвычайно легко переходила отъ одного хозяина къ другому. Верхъ ласки ея высказывался необыкновенно нѣжнымъ лизаніемъ. На сколько она, по нашимъ понятіямъ, не была вѣрна, на

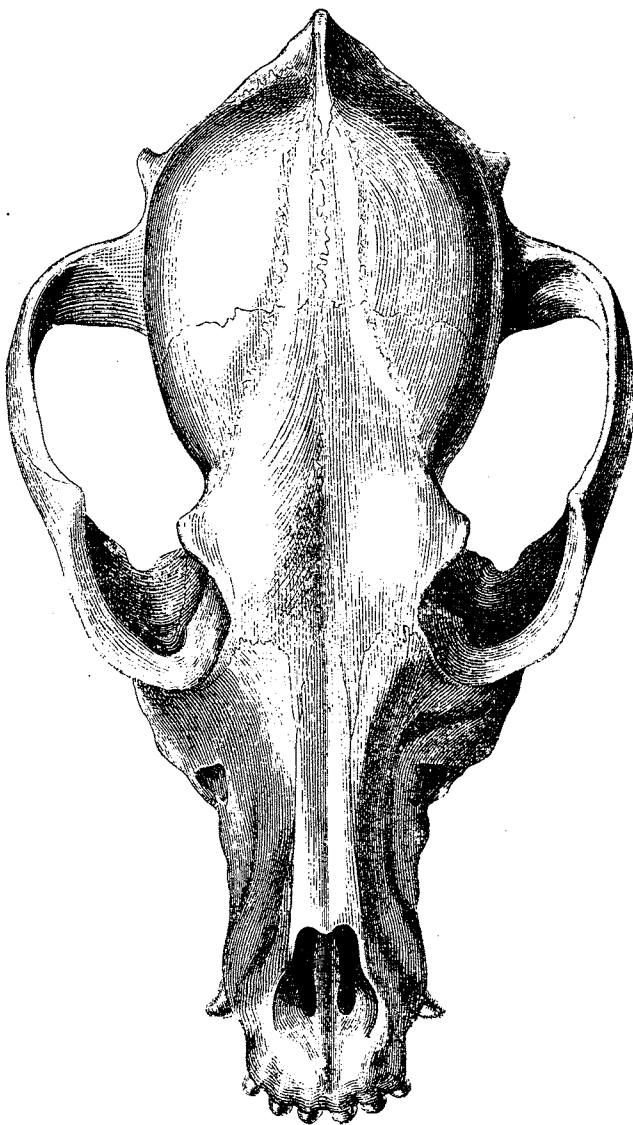

ной природы. Къ нашимъ культурнымъ собакамъ онъ относится, примѣрно, такъ, какъ вѣнскій «Spitzerl» къ нашему почтенному благовоспитанному гражданину.

Не могу тутъ умолчать объ одномъ случаѣ, проливающемъ на собачью натуру, не совсемъ понятный для меня свѣтъ. Однажды оказалось, что мы потеряли одинъ изъ нашихъ добавочныхъ тюковъ. Я очень дорожилъ тѣмъ, что въ немъ находилось и потому не могъ безъ дальнѣйшаго отказаться отъ него. Нашъ караванъ тронулся дальше, а я поскакалъ верхомъ назадъ. Нѣсколько часовъ сряду я тщетно ѣхалъ по нашимъ слѣдамъ; наконецъ я увидѣлъ тюкъ, но къ величайшему удивленію возлѣ него, свернувшись, лежалъ Убрчакъ.

Его никогда не обучали этому; что же могло побудить его, посвятить себя этому тюку? По моему мнѣнію, это возможно объяснить только тѣмъ, что родители или прародители этой собаки обучались охраненію сложенныхъ предметовъ. Подобнаго-же рода проявленіе наследственной передачи приобретенныхъ качествъ не трудно подмѣтить при внимательномъ изученіи свойствъ нашихъ домашнихъ животныхъ.

Въ голодное

Черепъ Убрчака въ натуральную величину.

время собраты его пожирали все, что попадалось на глаза, напр. усердно набивали желудокъ разного рода ягодами, даже такими, которыя еще были довольно кислы. Такъ какъ медвѣдь, соболь и бѣлка дѣлали тоже самое, то я вывелъ изъ этого заключеніе, что по всей вѣроятности на покрытыхъ ягодами безконечныхъ пожарахъ южно-сибирскихъ первобытныхъ лѣсовъ, лисицѣ и волку осенью также преимущественно приходится довольствоваться этою

растительною пищею, какъ меня въ этомъ увѣряли туземцы. Когда же зимою нашъ шалашъ доставлялъ достаточное количество животныхъ остатковъ, чтобы накормить Уорчака, то онъ сталъ брезгать всякою растительною и мучною пищею, заявивъ себя исключительно плотояднымъ животнымъ и любителемъ отборнаго вкуса, *haut-goût* нашихъ изверженій.

По должности своей это былъ настоящій глухарегонитель нашихъ старинныхъ охотниковъ. Послѣ дичи онъ охотилъ всего гонялся за бѣлками. Это была его специальность. Но съ такимъ-же усердіемъ онъ преслѣдовалъ соболей и другихъ животныхъ, на слѣдъ которыхъ его наводили. Однажды въ лѣсу раздался ужаснѣйшій гамъ. Уорчакъ гнался за старымъ самцомъ-лосемъ, котораго лай собаки, подскакиваніе къ мордѣ и хватаніе за ноги по-видимому тяготили также, какъ намъ иногда надоѣдаетъ жужжаніе назойливаго комара. Но лосю (сохатому) пришлось при этомъ поплатиться жизнью.

Этотъ шпицъ служитъ охотничьей собакой всѣмъ мѣстнымъ кочевникамъ, какъ въ Сибири, такъ и въ Сѣв. Америкѣ¹⁾.

Тѣмъ-же первобытнымъ, но еще менѣе культивированнымъ и болѣе малорослымъ, шпицомъ является маленькое, лисоподобное, длинноволосое, совершенно бѣлое (рѣже черное) животное, которое Самоѣдскія женщины берутъ съ собою и держатъ въ чумѣ на привязи. Не смотря на социалашничество съ человѣкомъ, эти собаки были чрезвычайно пугливы. Ихъ держатъ ради шерсти, изъ которой Самоѣдки дѣлаютъ нижнюю бахромку своего подшубка и шапки — потому что это такъ слѣдуетъ и красиво. Кочевники держатъ такихъ собакъ у себя подобно тому, какъ поселенцы держатъ у себя молодыхъ лисицъ, особенно черныхъ, для того чтобы потомъ продать шкуру вполне выросшихъ животныхъ. Такихъ пушныхъ шпицовъ я видѣлъ, впрочемъ, и у Лапландцевъ. Встрѣчаются они, говорятъ, также у Чукчей.

Между тѣмъ какъ въ степяхъ Европ. Россіи, особенно въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, кое-гдѣ встрѣчается тотъ-же самый первобытный, волкоподобный песъ, о которомъ мы выше говорили, степная собака средне-азиатскаго плоскогорья, такъ называемая монгольская собака, совершенно въ другомъ родѣ, какъ по строенію, такъ и по наклонностямъ и способностямъ своимъ. Я встрѣчалъ ее только проездомъ по Забайкалью. На видъ это свирѣпый субъектъ; переходъ къ нѣсколько коренастымъ, коротко- и широко-мордымъ собакамъ, которыя пользуются больше своимъ зрѣніемъ, чѣмъ обоняніемъ.

Лошадь.

До какой степени собака приурочилась къ домашнему быту человѣка и стала настоящимъ сотоварищемъ и спутникомъ его, это мы чувствуемъ по внезапному скачку, который дѣлаемъ, переходя къ разсмотрѣнію лошади. Мы начали говорить о собакѣ, какъ упряжномъ животномъ, и перешли къ собакѣ, спутницѣ охотника.

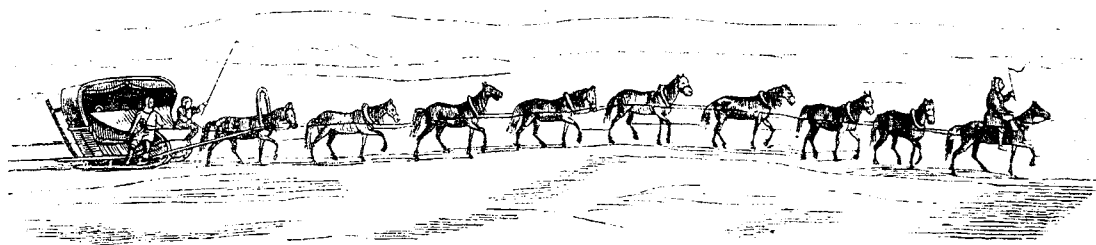
¹⁾ Срав. напр. Загоскина, Пѣшеходная опись, II, стр. 66; I, стр. 134.

Прежде чѣмъ человекъ сталъ пользоваться лошадыю для своихъ потребностей, она безспорно была положительно степнымъ животнымъ. По-этому не безынтересно ближе рассмотреть условия, при которыхъ въ Сибири она постепенно водворилась въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Въ богатыхъ снѣгомъ лѣсныхъ областяхъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ условий употребленія лошадей зимою является необходимость извѣстной учащенности движенія, при которой затрудненія по части постепеннаго прокладыванія дорогъ, послѣ cadaго, вновь выпавшаго снѣга, и въ особенности послѣ каждой новой метели, распределяются на цѣлый рядъ путешественниковъ; иначе затрудненія эти, накопляясь и не будучи постепенно уравниваемы вслѣдъ за выпавшимъ или наметеннымъ снѣгомъ, разрастаются до громадныхъ, непреодолимыхъ размѣровъ.

Если лѣтнее употребленіе лошади главнымъ образомъ сопряжено съ прокладываніемъ дорогъ, и если въ непроходимыхъ дебряхъ, сверхъ разныхъ затрудненій, которыя приходится одолѣвать, ѣзда на лошадахъ доходитъ до медленности пѣшеходнаго странствованія, то зимою, напротивъ того, значеніе проложенной разъ на всегда большой дороги отстываетъ на второй планъ, и постепенное но непрерывное дѣйствіе повторяющейся ѣзды по дорогѣ пріобрѣтаетъ почти такое-же значеніе, какое въ другихъ мѣстахъ имѣетъ снѣжный плугъ¹⁾ по отношенію къ тяжелымъ возамъ и локобилямъ.

Нагляднымъ выраженіемъ высказанной нами мысли можетъ служить прилагаемый рисунокъ.

Почтовая упряжь между Омскомъ и Барнауломъ.

Рисунокъ этотъ не требуетъ особаго поясненія. Глубина снѣга не позволяетъ запрягать лошадей рядомъ. Само собою разумѣется, что для такихъ мѣстностей нашъ экипажъ совершенно не рационаленъ. Одна только необходимость дальше опять воспользоваться этимъ экипажемъ, напр. въ малоснѣжномъ Забайкальѣ, можетъ оправдывать столь смѣшное съ точки зрѣнія рациональной механики употребленіе его до поры до времени. Болѣе всего бессмыслица эта бросается въ глаза, когда дорога сворачиваетъ подъ угломъ, или вьется то въ одну, то въ другую сторону. Половина лошадей могла бы сдѣлать больше, если бы таже самая тяжесть была разложена на пару болѣе легкихъ саней.

¹⁾ Составленный изъ бревень треугольникъ, употребляемый на сѣверѣ и на востокѣ для расчистки дороги послѣ сильно выпавшаго снѣга.

Пусть читатель представитъ себѣ, для обстановки сцены, невидимую деревню, лежащую подъ наметеннымъ снѣгомъ. Останавливаешься наконецъ посреди безлюдной на видъ снѣжной равнины и спускаешься, какъ черезъ шахту, въ глубину теплаго людскаго жилья.

Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Ишимской степи, въ Забайкальѣ и вообще тамъ, гдѣ мало снѣгу, тройка несется съ тѣми-же санями такъ неистово, что у путешественника сердце замираетъ. Мѣстами я съ очень тяжелой поклажей проѣзжалъ по 3½ геогр. мили въ часъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Ниже я расскажу объ этомъ еще подробнѣе.

По отношенію къ предшествующей виньеткѣ и вступительнымъ замѣткамъ къ этой главѣ, конечно, интересно узнать, что еще во времена Витсена даже по большой столбовой дорогѣ около Томска лѣтомъ ѣздили на лошадахъ, а зимою на собакахъ. По прошествіи полутора ста лѣтъ я засталъ тѣже самые порядки, но нѣсколько дальше къ сѣверу. Уже подъ 60° с. ш., по дорогѣ изъ Енисейска въ Туруханскъ, я встрѣтилъ упряжныхъ собакъ въ поселеніяхъ на Енисеѣ. Въ болѣе значительныхъ селеніяхъ держали даже до 10 такихъ собакъ, но такъ, что каждый домъ поставлялъ по одной собакѣ и упряжь составлялась изъ общей складчины¹⁾. Людямъ по неволѣ приходилось дѣлать это, потому что ихъ обязали возить почту и чиновниковъ въ Туруханскъ. Но зимою метели затрудняютъ ѣзду или нагромождаютъ по дорогамъ тѣ странныя плотины, о которыхъ мною говорено въ отдѣлѣ, посвященномъ «Климату». Съ трудомъ тащиться шагомъ, версты по 3 въ часъ, такъ что станція длиною въ 40 верстъ, кажется, тянется безконечно долго. Весною же иногда наступаетъ весьма продолжительная распутица, при которой никакъ нельзя проѣхать на лошадахъ²⁾. Подъ снѣгомъ набирается и стекается глубокая вода, лошадь проваливается по самое брюхо; нѣтъ возможности ѣхать дальше. Тутъ-то важна вытѣсненная уже изъ употребленія упряжная собака, потому что она незамѣнима въ теченіи многихъ недѣль, пока дороги находятся въ такомъ положеніи. Въ продолженіи остальныхъ 5/6 года она, правда, составляетъ тягость, какъ хищное животное, отъ котораго все нужно прятать, но за то въ теченіи всей лѣтней половины ей приходится самой, какъ лошади, заботиться о своемъ прокормленіи. Окружные начальники Туруханска сочли долгомъ довести дѣло до того, что сверхъ собаки введены были также лошади, по крайней мѣрѣ по одной въ каждомъ поселеніи. Эта мѣра должна была быть выполнена правительствомъ, потому что тогда только могла оказаться успѣшною, когда была введена во всѣхъ 22-хъ поселеніяхъ Туруханскаго округа, которыя должны были отбивать почту. Правительство дало деньги на первое обзаведеніе, и такимъ образомъ послѣднюю лошадь я еще засталъ къ сѣверу отъ Туруханска, въ чертѣ полярнаго круга³⁾.

¹⁾ До 60 градуса собани встрѣчались только мѣстами, для особыхъ цѣлей. Въ Вороговѣ ихъ было всего 10; въ Осиновкѣ только 5 и т. д.

²⁾ Шмидтъ (Mammothkadaver, стр. 3) ѣхалъ въ болѣе удобное время года и уже тогда, когда Сибирь успѣла подвинуться впередъ на четверть столѣтія.

Верхъ быстроты моей ѣзды на перекладныхъ, между Енисейскомъ и Туруханскомъ, составлялъ 77 верстъ, которыя я проѣхалъ съ 7 часовъ утра до 11 часовъ вечера.

³⁾ Въ Усть-Курейскомъ поселеніи. Можно довольно хорошо прослѣдить постепенно проникающія лошади къ сѣверу вдоль Енисея. Полстолѣтія послѣ Витсена,

Часто повторявшіеся голодные годы, значеніе которыхъ усиливалось еще тѣмъ, что собаки съѣдали большую часть рыбныхъ запасовъ, лучше всего содѣйствовали водворенію лошади.

Въ это время, благодаря ежедневнымъ опытамъ, успѣли убѣдиться въ томъ, что лошадь вполне способна подчиниться климатическимъ условіямъ глубокаго сѣвера. Не смотря на то, что уже Витсенъ¹⁾ собралъ свѣдѣнія о томъ, что въ его время въ Зыряннѣ держали лошадей, Палласъ²⁾ все-таки повѣрилъ, что лошади не въ состояніи водиться на сосѣдней Оби въ Березовѣ, а подъ полярнымъ округомъ въ Обдорскѣ дажедохнуть, не переживая года. Правда, что въ Обдорскѣ до сихъ поръ еще не водворилась лошадь³⁾, но это очевидно происходитъ отъ условій сообщенія, и нисколько не зависитъ отъ климата.

Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ могутъ служить рѣчные области къ востоку отъ Лены. И тамъ нѣкогда упряжными животными служили только собаки да сѣв. олени. Но съ тѣхъ поръ, какъ Якуты поселены по Верхоянскому водораздѣльному хребту въ видѣ этаповъ, для перевозки почты, лошадь выдвинулась впередъ до Средне-Колымска, слѣдовательно уже въ полярный кругъ⁴⁾. Въ 1808 году въ Верхоянскѣ, т. е. также въ чертѣ полярнаго круга, Геденштрёмъ нашелъ лошадей до такой степени освоившихся съ тамошнимъ климатомъ, что ему пришла несбыточная мысль, предпринять на нихъ путешествіе къ Новосибирскимъ островамъ⁵⁾. Въ то время лошади водились также въ Устьянскѣ, подъ 71° с. ш., но въ незначительномъ количествѣ. По этому неудивительно, что тамъ, въ области полюса стужи, Врангель⁶⁾ отправился на лошадяхъ изъ Средне-Колымска въ Нижне-Колымскъ (68½° с. ш.). Хотя отъ деревни Омолонской къ сѣверу и начиналась ѣзда на собакахъ, все-таки уже тогда до Нижне-Колымска повсюду часто встрѣчались лошади⁷⁾; зимою же ихъ замѣняли собаками, особенно тамъ, гдѣ по близости отъ моря снѣгъ такъ сильно спекается, что на отгребаніе подножнаго корма уже нельзя болѣе разсчитывать. Для съемки береговъ Ледовитаго океана и Врангель рѣшился воспользоваться лошадьми, добытыми изъ Средне-Колымска.

Тогда какъ рогатый скотъ на сѣверномъ предѣлѣ его распространенія приходится тщательно укрывать въ хорошо-защищенныхъ хлѣвахъ и прокармливать зимою наготовленными запасами корма, якутская лошадь, даже въ самые сильныя на земномъ шарѣ морозы, когда-либо измѣренныя человѣкомъ при помощи термометра, безпощадно предоставляет самой себѣ. Никогда мнѣ не случалось видѣть, чтобы она дрожала, развѣ

Гмелинъ (Reise, I, стр. 238) засталъ лошадей примѣрно до половины дороги отъ Енисейска въ Туруханскъ. Сто лѣтъ спустя это дѣло находилось въ такомъ-же положеніи, такъ какъ лошади простирались только до Дубчесскаго (Ворогово). См. Степанова, Енис. Губ. стр. 190, и Hansteen, Reise-Erinnerungen, стр. 113, 116.

1) II, стр. 469.

2) Reise, III, стр. 18, 23.

3) Castrén, Reise-Erinnerungen, 1853, стр. 280; Журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1853 годъ, стр. 237.

4) Словцовъ, Историч. Обзорніе Сибири, 1844, II, стр. 119.

5) Сибирскій Вѣстникъ, III, стр. 97.

6) Путешествіе по сѣв. берегамъ Сибири, 1841, I, стр. 220.

7) Тамъ-же, I, стр. 247 и 256; II, стр. 54 и 142. Каж-

только послѣ самого поила. Большою частію ей даже приходится самой отгребать себѣ кормъ, при чемъ ей весьма кстати является превосходно сохранившаяся питательная, осенью еще заживо занесенная снѣгомъ растительность, о которой мною уже прежде говорено. Трудную задачу эту ей облегчаетъ невзыскательность ея, не гнушающаяся ни прошлогоднихъ травяныхъ стебельковъ, ни кустовъ, ивовыхъ сережекъ, березовыхъ, ольховыхъ и осиновыхъ вѣтокъ, ни вяжущихъ листьевъ брусники, ни мховъ, лишайниковъ и хвощей¹⁾, ни вонючаго болотнаго багульника, ни ядовитаго Veratrum. Она довольствуется тайнобрачными растеніями, стараясь превзойти въ этомъ отношеніи сѣв. оленя. Однажды, во время нашего странствованія, будучи занесены въ горахъ снѣгомъ, а потомъ застигнуты гололедицей, мы срубили деревья полу-высохшего горнаго лѣса, и животныя наши чувствовали себя хорошо, довольствуясь соскабливаньемъ древесныхъ мховъ и обгрызаніемъ коры. Притомъ хлопоты Якута о лошади ограничиваются развѣ только тѣмъ, что онъ вокругъ своего зимовья не коситъ травы и не пасетъ лошадей съ тѣмъ, чтобы имъ зимою легче было отгребать кормъ; или онъ обрубаеъ ивы съ тѣмъ, чтобы онѣ пускали отростки, кора и заболонь которыхъ должны выручать изъ бѣды, какъ скоро снѣгъ станетъ слишкомъ глубокомъ или покроется корой. Я не мало удивился, когда увидѣлъ, что между Иркутскомъ и Леной бурятскія лошади въ концѣ Января были предоставлены дѣйствию самой суровой зимней стужи; но снѣга было мало, и лошадямъ было нетрудно разгребать его. Тѣмъ болѣе я былъ изумленъ, когда передъ Якутскомъ нашелъ образовавшіеся отъ срубанія ивъ отпрыски толстыхъ ивовыхъ стволовъ и слѣды положительнаго западно-европейскаго способа подрѣзанія деревьевъ. Мѣстами весною и лѣтомъ поджигаютъ деревянистую траву, чтобы вызвать болѣе сочный кормъ²⁾. Этимъ и ограничиваются всѣ хлопоты о полнорослыхъ животныхъ. Только 3-хъ и 4-хъ лѣтнимъ животнымъ зимою даютъ немного сѣна, когда они, мѣняя зубы, не въ состояніи справиться съ грубою пищею. По этому ихъ-то въ этомъ возрастѣ все еще и называютъ жеребятами, хотя трехгодное животное по временамъ уже ходитъ подъ сѣдломъ.

Такимъ образомъ точное знаніе хорошихъ кормовыхъ мѣстъ принадлежитъ къ главнымъ предметамъ, которые изучаетъ кочующій Якутъ. Онъ долженъ знать, гдѣ подъ глубокимъ снѣгомъ можно найти высокую траву, гдѣ короткій, но питательный хвощъ, долженъ знать, въ какое время года подъ тою или другою наледью³⁾ освободится зеленѣющій подъ нею хвощъ и т. д. Такъ какъ въ неблагопріятныхъ мѣстностяхъ всегда нужно обращать вниманіе на кормовыя мѣста, то постоянно встрѣчаешь препятствіе въ устройствѣ поѣздокъ по собственному усмотрѣнію. При своемъ нетерпѣніи скорѣе до-

дый домъ содержалъ 1 или 2 и болѣе лошадей. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ Верхне-Колымскѣ было мало лошадей; большою частію тамъ ѣздили на собакахъ.

1) О пресловутой сибиртѣ я сообщилъ нужнѣйшее уже въ прежнемъ выпускѣ: «Растительность Сибири», Прилож. IV, стр. XXVII. Ссылаясь на наши европейскія

наблюденія, я все-таки долженъ обратить вниманіе на то, что въ Восточ. Сибири говорили о какой-то «пьяной травѣ», получившей свое названіе оттого, что лошади, поѣвши ее, шатались.

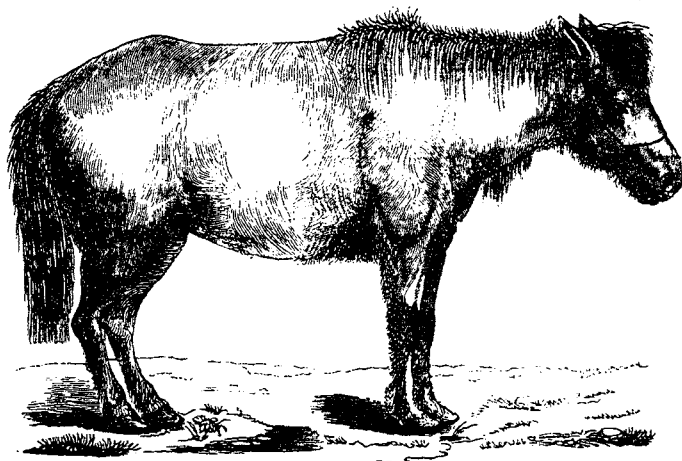
2) Срав. т. I, стр. 613.

3) Срав. т. I, стр. 407.

браться до моря, я сначала задумалъ учить своихъ Якутовъ, но потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, подчинился ихъ лучшему знакомству съ природою и мѣстностью.

Да, якутская лошадь замѣчательное животное и очевидно больше всякаго другаго домашняго животнаго, не исключая даже собаки, съумѣла освоиться съ самыми разнообразными климатическими условіями. Собака распалась на сотни разнообразнѣйшихъ породъ, изъ которыхъ десятки, если бы мы захотѣли примѣнить къ нимъ такое-же мѣрило, какъ къ дико-живущимъ животнымъ, пришлось бы возвести въ разные новыя породы. Лошадь же и подъ экваторомъ и подъ полюсомъ въ сущности сохранила свою породу. Этимъ

я никакъ не хочу сказать, что изображенный на прилагаемомъ рисункѣ якутскій конь мой очень похожъ на арабскаго коня, однако-же въ сѣверной Сибири измѣнился все-таки только наружный видъ ло-

Мой якутскій верховой конь.

шельны, какъ это показываетъ рисунокъ; тщетно пытаешься разгадать отдѣльныя части внѣшности. На ней не только длинные, но и косматые волосы, ибо подъ верхними волосами выросъ густой пушистый волосъ, который къ лѣту она теряетъ, такъ какъ лѣтомъ она является довольно коротковолосой и гладкой. Особенно на жеребятахъ какъ бы медвѣжья шуба. Въ образованіи волосъ проявляется необыкновенная производительность. При этомъ волосъ сдѣлался безцвѣтнѣе, большею частью сѣро-бѣловатымъ. Эта безцвѣтность нерѣдко переходитъ даже на радужную плеву, такъ что мой спутникъ Брантъ не упускалъ случаи замѣчать, что на родинѣ его, въ Даніи, это бываетъ совершенно иначе, что тамъ лошадь, у которой оба глаза бѣлаго цвѣта, свободно проходитъ по шоссе, потому что случай увидѣть такую диковинку считается равноцѣннымъ шоссе-сбору.

Въ Забайкальѣ я нашелъ лошадей похожихъ на лошадей Ишимской степи: онѣ были ниже ростомъ и не такъ сильны какъ якутскія лошади, хотя меньшій ростъ ихъ главнымъ образомъ обуславливался короткими оконечностями. Въ Ишимской степи меня поразили: нѣсколько болѣе покатыя крестецъ, необыкновенная ширина бедра при со-

шадю; степень дѣятельности ея мало пострадала и, по отношенію къ жалкому корму, должна быть названа необычайною.

Внѣшнія очертанія ея весною, когда на ней еще висятъ зимнія ключья, очень непривлекатель-

гнутомъ скакательномъ составѣ, весьма широкая пристановка шеи къ груди съ сильнымъ утоненіемъ къ головѣ, и нѣсколько дугообразный подъ самымъ глазомъ профиль. Такъ какъ якутская лошадь родомъ изъ Байкальскаго края, то на тучныхъ низменныхъ пастбищахъ Якутовъ, на которыхъ лѣтомъ она стоитъ по брюхо въ сочной травѣ, объемъ ея по-видимому увеличился, хотя она еще далеко не сдѣлалась лошадейю низменности въ европейскомъ смыслѣ. Зимнее голоданье очевидно противодѣйствуетъ росту, а при помощи морозовъ, доходящихъ до замерзанія ртути, и сырому вспучиванію тѣла. Животное сохраняетъ свои сухія жилистыя части, которыя вслѣдствіе боковаго расширенія ногъ выступаютъ очень сильно, хотя и скрываются за густыми волосами.

Если принять въ соображеніе кажущуюся разладницу между устройствомъ тѣла и жалкимъ, превосходящимъ всякія европейскія понятія, кормомъ, то якутская лошадь, подобно всѣмъ первобытнымъ конямъ во всѣхъ частяхъ свѣта, отработываетъ чудеса. Въ сравненіи съ тѣмъ, что могутъ дѣлать такія первобытныя лошади въ первобытныхъ мѣстахъ, намъ, европейскимъ заводчикамъ нужно откровенно сознаться, что мы со всѣми своими ухищреніями и нововведеніями успѣли лишь или ослабить организмъ лошади, или развѣ только односторонне и съ такими расходами закалить ее, что выгоды, которыхъ мы думаемъ добиться при этомъ, въ сущности заслуживаютъ понесенныхъ жертвъ лишь въ томъ отношеніи, что необыкновенная польза, которую лошадь доставляетъ первобытному человѣку, сравнительно умаляется культурою и приводится въ рабскую зависимость отъ цѣлаго ряда разныхъ предварительныхъ условій.

И такъ, начнемъ съ разсмотрѣнія неблагоприятныхъ условій, при которыхъ мнѣ стала извѣстна якутская лошадь, въ качествѣ культурнаго животнаго, почтовой лошади, вдоль Лены до Якутска. Верхъ людской заботливости объ этихъ лошадяхъ заключался въ томъ, что имъ давали сѣно «сколько его оказывалось», да и то только тамъ, гдѣ глубина снѣга не позволяла довольствоваться законнымъ подножнымъ кормомъ. При такомъ содержаніи онѣ, смотря по тратку, черезъ каждые 2, 3 или 4 дня пробѣгали отъ станціи до станціи среднимъ числомъ 25 верстъ и такое-же разстояніе обратно, домой. Были впрочемъ и станціи длиною верстъ въ 40.

Но при какихъ обстоятельствахъ лошади эти отбывали свою почтовую гоньбу! Чтобы впрячь ихъ, сначала приходилось ловить ихъ арканами и притаскивать насильно къ экипажу. За тѣмъ, при самомъ впряганіи, нерѣдко случалось, что лошадь со спутанными ногами (связывалась передняя нога съ заднею на одной и той-же сторонѣ) нѣсколько человѣкъ пододвигали къ экипажу; при всемъ томъ, во время прикрѣпленія постромокъ еще одинъ человѣкъ изо всѣхъ силъ держалъ ее за хвостъ, а двое другихъ за ноздри и за уши, не смотря на то, что передъ впрягаемыми лошадьми, въ видѣ препятствія, ставились поперекъ сани. Все это преимущественно дѣлалось у Бурятъ.

Наконецъ все готово, путники усѣлись, ямщикъ сидитъ на козлахъ; по данному знаку въ одинъ и тотъ-же мигъ всѣ путы снимаются, стоящія поперекъ сани разомъ отодвигаются; едва раздаются слова: айда-пошелъ, какъ тройка уже мчится во весь опоръ,

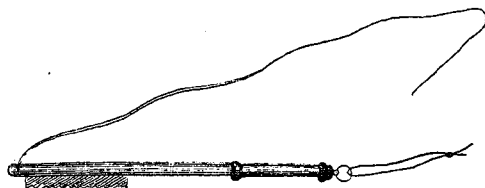
съ горы на гору, какъ попало. Но бываютъ также случаи, когда лошади ведутъ себя иначе. Онѣ стоятъ какъ вкопанныя; никакія понуканія не помогаютъ, пока наконецъ, когда вся команда сзади надвинетъ имъ сани на шею и на пятки, чары внезапно какъ рукой сняты и разражается буря.

Этотъ бурный періодъ кончается тѣмъ, что лошади, совершенно запыхавшись, не прочь послѣдовать приглашенію остановиться, но при всемъ томъ не всегда позволяютъ ямщику подойти, чтобы смести съ нихъ иней и прочистить имъ ноздри. За тѣмъ онѣ снова несутся впередъ, но бѣшенство ихъ мало по малу улегается. До чего оно доходитъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ двумъ несчастнымъ случаямъ, которыхъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ. Одинъ разъ припряжная лошадь, бѣжавшая параллельно наѣзжанному крѣпкому пути, по глубокому снѣгу, пала и задохлась; въ другой разъ (между Якутскомъ и Амгинскомъ) припряжная-же лошадь не успѣла во время посторониться, лбомъ ударилась въ дерево, стоявшее у самой дороги, и упала мертвой на снѣгъ.

Опасности задохнуться лошади подвергаются при стужѣ, доходящей до замерзанія ртути, если ихъ отъ времени до времени не останавливать и не прочищать ноздрей, которыя все сильнѣе и сильнѣе затягиваются льдомъ.

При тяжелой поклажѣ, плохой дорогѣ и въ голодные годы случается, правда, что даже кнутъ не помогаетъ и вся машина останавливается прежде чѣмъ доберешься до мѣста. Тогда высылаются на выручку свѣжія лошади.

Наконецъ лошади въ поту приходятъ на мѣсто и вскорѣ покрываются инеемъ, среди обдающей ихъ морозно-туманной оболочки. Ихъ привязываютъ, подтянувъ имъ голову, чтобы они не хватали снѣга; при этомъ якутскій кнутъ оказывается не только весьма соответствующимъ цѣли, но и необходимымъ инструментомъ. Придѣ-

Якутскій кнутъ.

ланная къ нему съ боку, пилообразно жестяная пластинка неоднократно употребляется для очистки волосъ отъ пѣны, пота и инея.

Дальнѣйшую осущку разгорячившихся животныхъ принимаетъ на себя непомѣрная стужа. Попоны я видѣлъ только въ Якутскѣ, да и тамъ лишь въ видѣ исключенія, и главнымъ образомъ какъ украшеніе для городской щегольской упряжи. Въ то время всѣ еще раздѣзжали верхами, и лошади при сильнѣйшемъ морозѣ, на привязи, ничѣмъ не покрытыя, ожидали, бывало, своихъ хозяевъ полдня. Не будь другихъ поводовъ предполагать, что лошадь первоначально явилась на свѣтъ животнымъ степнымъ, животнымъ нагорной степи, одна уже эта необыкновенная способность выносить крайнюю степень стужи на земномъ шарѣ была бы достаточнымъ доказательствомъ ея происхожденія.

Но лишь въ качествѣ верховаго и вьючнаго животнаго, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вашего странствованія по горамъ, якутская лошадь даетъ вамъ возмож-

ность понять, какъ она въ состояніи служить. Хотя такое странствованіе большею частью и совершается шагомъ, но лошади подготовляются для него систематически; подготовленіе это тамъ, гдѣ отъ него много зависитъ, начинается съ откармливанія лошади мѣсяца за два до отправленія. За то послѣднюю недѣлю имъ приходилось плохо, потому что начиналась выдержка, т. е. или имъ вовсе не давали корму, или имъ попеременно на 24 часа клали только 10 фунтовъ сѣна, а на слѣдующій день опять ничего не давали. Лошади по цѣлымъ днямъ стоятъ съ высоко подвязанными къ деревьямъ головами (вывязывать, «вывязанный конь»). Опытъ убѣдилъ Якутовъ, что у лошадей, отправляющихся въ путь безъ подготовки, жирными, заболѣваютъ легкія и ноги («жирные кони непременно загораютъ»); очевидно вслѣдствіе приливовъ крови и воспаленій, равно какъ известной совпадающей съ ними боли въ жилистыхъ частяхъ ногъ съ застоємъ крови въ подреберной плевѣ у лошадей. Если возможно, то имъ дается умѣренное движеніе, или, выражаясь мѣстнымъ языкомъ, ихъ мнутъ, пока покажется малая отпотъ. Столь-же тщательно лошадей, во время путешествія, каждый вечеръ, снявъ вьюки, высоко подвязываютъ къ деревьямъ, пока онѣ совершенно не остынутъ, и за тѣмъ уже позволяютъ имъ пастись. Это дѣлаетъ тотъ-же самый Якутъ, который, не смотря на сильнѣйшее утомленіе своихъ лошадей, не иначе какъ верхомъ можетъ приняться за сборъ лошадей, по окончаніи ночлега, если бы даже ему пришлось пройти всего нѣсколько сотъ шаговъ.

Не смотря на всѣ эти подготовленія, въ первые дни приходится по возможности сокращать переѣзды. Притомъ возня при отправленіи такъ продолжительна, что, не смотря на ранніе сборы и на множество помощниковъ, трогаясь съ мѣста не раньше полудня. Нѣтъ конца сортировкѣ и уравниванію тюковъ и ящиковъ, распредѣленію добавочной клади, навьючиванію, перевьючиванію и болѣе удобному размѣщенію тюковъ. Обыкновенная тяжесть вьюковъ простирается отъ 250 до 300 фунтовъ. Едва только тронется караванъ, какъ строптивость того или другаго животнаго или какая-нибудь ошибка въ навьючкѣ опять разстраиваетъ движенія его; едва только случится что-нибудь на одномъ концѣ необозримаго каравана, какъ въ другомъ мѣстѣ самыя предприимчивыя животныя начинаютъ шалить и бѣситься, или въ другомъ ими овладѣваетъ паническій страхъ. Не успѣешь оглянуться, какъ всѣ уже подверглись какому-то эпидемическому припадкамъ, которые можно унять только съ величайшимъ трудомъ. Тутъ идутъ другъ за другомъ два противника, которые кусаются и брыкаются; тамъ вьюки теряютъ равновѣсіе и съѣзжаютъ подъ брюхо; лошадь скачетъ, мечется, падаетъ, снова вскакиваетъ, лягается, однимъ словомъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока ей не удастся стащить съ себя всю кладь чрезъ крестецъ и высвободить заднія ноги. Или оторвется лошадь, пронесется вдоль и мимо всего каравана, ящичками своими ударитъ въ другіе тюки, и наткнется на деревья; снова раздастся общее фырканіе, ржаніе и ляганье. Начинаются общая суматоха и адскій шумъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше караванъ. Но у передоваго коня бѣглець останавливается. Мой караванъ состоялъ изъ 72 лошадей.

Въ теченіи первыхъ двухъ или четырехъ переходовъ караванъ провожаютъ помощ-

ники. Тогда только онъ мало по малу начинаетъ приходить въ нѣкоторый порядокъ и затѣмъ образуются болѣе правильные отряды по 10 выючныхъ животныхъ въ каждомъ, подъ начальствомъ передоваго ѣздока. Сплетенный изъ лошадиныхъ волосъ поводъ повязанъ вокругъ шеи каждаго идущаго впереди животнаго и ведетъ къ недоузду слѣдующей лошади, будучи приподнята кверху тѣмъ, что у передней лошади подвязана часть хвостовыхъ волосъ.

Но не думайте, что наконецъ водворилось полное спокойствіе. Вѣдь приходится ѣхать, не разбирая дороги, по лужамъ, болотамъ, топямъ, ручьямъ (срав. политипажъ въ 1-ой части, на стр. 722), чрезъ лежащія поперекъ дороги стволы свалившихся старцевъ первобытнаго лѣса, съ горы на гору, перебираясь на высокихъ горахъ со скалы на скалу. Каждое изъ такихъ препятствій подаетъ поводъ ко всѣмъ возможнымъ невздамъ. Къ этому присоединяются шалости животныхъ, которыя даже въ бѣдѣ не могутъ забыть своего нерасположенія другъ къ другу, кусаются и лягаются. На это вообще охотницы лошади, выросшія на свободѣ. Если вы подтянете подпругу, лошадь старается схватить васъ, а не удастся ей это, она вымещаетъ свою злобу на первой-же близстоящей лошади, кусая или лягая ее.

Ревниво животныя охраняютъ порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ. Какъ только лошадь задумаетъ выдти изъ ряда, такъ та, которая чувствуетъ себя обиженною, опускаетъ уши, оглядывается, старается укусить ее, сгибаетъ крестецъ въ сторону къ наглецу, грозитъ задней ногой и наконецъ лягаетъ то одной, то обѣими ногами. Если все это не помогаетъ, то обогнанное животное начинаетъ бѣжать рысью, и не рѣдко дѣло кончается тѣмъ, что весь караванъ пускается въ бѣгъ. Нѣкоторымъ животнымъ удается обогнать другихъ вслѣдствіе облегченія, которое любятъ доставлять себѣ вожаки. Такихъ лошадей, которыя уже испытаны въ прежнія поѣздки, любятъ предоставлять ихъ собственной опытности; онѣ не ставятся въ общую цѣпь, а слѣдуютъ за караваномъ свободно, отыскивая себѣ дорогу по собственному усмотрѣнію.

Поводомъ къ величайшимъ беспорядкамъ часто служитъ паническій страхъ, овладѣвающій лошадьми, когда онѣ почувютъ хищныхъ звѣрей, въ особенности столь часто встрѣчающихся въ Вост. Сибири медвѣдей, которые попадаютъ на пути, или успѣли оставить по дорогѣ свѣжіе слѣды. Часто лошади пугаются собакъ, камней, пней и т. п., и нѣкоторыя животныя поддаются внезапному впечатлѣнію такъ быстро, что нерѣдко, уставши и слѣдя за другими предметами, замѣтишь слишкомъ поздно, что лошадь понеслась, и вдругъ порядкомъ ударишься о стволъ дерева, головой натыкаешься на сучья и т. д. Однажды верховой конь мой, вдругъ соскочивъ въ сторону съ береговаго обрыва, въ сажень вышины, погрузилъ меня въ воду, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться отъ своихъ размышленій. Это только показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ выбирать верховую лошадь. Благонадежность, увѣренная и быстрая поступь, преимущественно инокходъ, спокойный нравъ, возможно меньшая пугливость, такъ чтобы съ коня можно было стрѣлять,—вотъ самыя существенныя качества, на которыя нужно обращать вниманіе. Не

слишкомъ малый ростъ лошади очень облегчаетъ ей трудъ перебираться чрезъ воду въ бродъ.

Одной изъ труднѣйшихъ задачъ оказывается переправа чрезъ стремительные и глубокие горные потоки. Вода напираетъ на выступающаго наискось коня, хотя вы тщательно направляете его прямо противъ теченія и туго натягиваете поводъ. При этомъ лошадь сравнительно не такъ смѣла, какъ сѣв. олень. Она слишкомъ возбуждена, не довольно спокойна, горячо спѣшитъ за идущими передъ нею и недостаточно остерегается при этомъ спотыканія о камни, торчащiе подъ водой; кромѣ того, копыто ея, сравнительно съ раздвоеннымъ копытомъ, оказывается менѣе удобнымъ, потому что среди валуновъ, съ громкимъ трескомъ катящихся по дну рѣки внизъ по теченію, не можетъ приобрѣсти той стойкости, какой требуетъ такая, ускользящая подъ ногами подстилка. Два раза лошади моихъ спутниковъ теряли подъ собою почву; вода увлекла сѣдока и коня и крутила ихъ такъ, что попеременно всплывали то всадникъ, то четыре ноги животнаго ¹⁾. При переправѣ чрезъ Уянь я лишился двухъ вьючныхъ животныхъ съ ихъ тюками. Въ другой разъ я очень обрадовался, что мнѣ опять удалось возвратиться на берегъ, послѣ того, какъ мы съ трудомъ добрались до плоской мели Уяна, состоявшей изъ валуновъ, и отыскивая бродъ чрезъ другой рукавъ руки, были застигнуты внезапно наступившимъ приливомъ воды. Не успѣли мы осмотрѣться, какъ наше временное убѣжище, мель, было затоплено водою. Жизнь всего каравана подвергалась опасности.

При переплываніи чрезъ горные потоки лошадь не можетъ сравниться съ сѣв. оленемъ. Лошади при этомъ робѣютъ, и часто проходитъ много времени, прежде чѣмъ онѣ рѣшаются броситься въ широкій шумящій потокъ. Въ случаѣ необходимости должны выручать изъ бѣды быстро импровизованныя боковыя засѣки. Какъ только одна лошадь войдетъ въ воду, такъ и другія довольно слѣпо идутъ за нею. Но въ водѣ онѣ не слѣдуютъ другъ другу. Однѣ изъ нихъ возвращаются; самыя смѣлыя и сильныя храбро борются съ потокомъ и переплываютъ черезъ него; боязливныя совершенно теряются, изо всѣхъ силъ плывутъ противъ теченія, но все-таки уносятся водою, и тонуть, или, подобно болѣе слабымъ лошадямъ, прибиваются къ стволамъ наплывнаго лѣса, которые на противоположномъ берегу торчатъ въ водѣ. Если къ нимъ во-время не подоспѣешь на помощь, то онѣ безвозвратно погибаютъ; нерѣдко однакоже, не смотря на всѣ старанія, также пропадаютъ.

Замѣчательна осторожность и смышленность, съ какою старшія вьючныя лошади, предоставляемая самимъ себѣ, отыскиваютъ себѣ дорогу, особенно между деревьями лѣсной чащи. Онѣ имѣютъ совершенно точное понятіе о томъ, на сколько ширина ихъ собственнаго тѣла увеличивается вьюками. Интересно было видѣть, какъ въ этомъ отношеніи въ первые дни путешествія постоянно ошибались лошади, на которыхъ были навьючены тол-

²⁾ Въ раздувшемся Коняномъ и притоки его, и въ Со-журной. Много хлопотъ надѣлала намъ Половинная, когда намъ пришлось переправлять лошадей черезъ нее вплавь. Быстрота ея теченія составляла 13 верстъ въ часъ

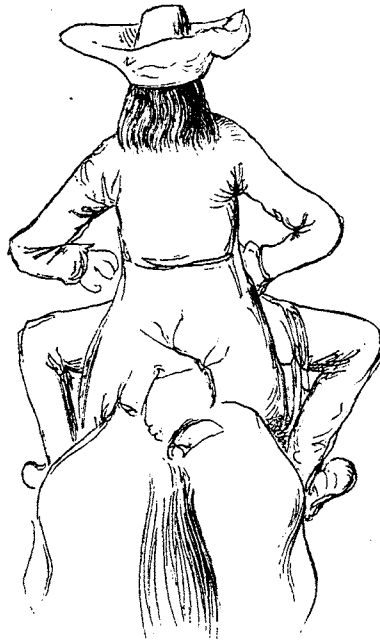
стые мѣшки съ сухарями. Застрянувъ въ узкомъ пространствѣ между двумя стволами, онѣ пытались сначала податься назадъ, а потомъ съ удвоенною силою все-таки старались проложить себѣ дорогу, разгорячались при этомъ все болѣе и болѣе и подъ конецъ бѣсновались, сбрасывали съ себя вьюки и т. д. Но вскорѣ онѣ приучились приспосабливать свой глазомѣръ къ непомѣрной ширинѣ непривычной тяжести, не слѣдовали за лошадьми, на которыхъ навьючены были болѣе узкіе вьюки, а благоразумно отыскивали себѣ для прохода большіе промежутки между деревьями. Такимъ-же образомъ лошади, несшія на себѣ очень высокіе тюки, вскорѣ стали обращать все свое вниманіе на вышину ихъ, и сторонились въ лѣсу отъ толстыхъ нависшихъ сучьевъ.

Нѣкоторыя лошади превосходно умѣли перебираться съ своею тяжелою ношею чрезъ болота и выкарабкивались изъ нихъ, не смотря на то, что мѣстами проваливались по самое брюхо. При одномъ такомъ случаѣ одна изъ нашихъ лошадей оказала чудеса. Тронувшись въ путь, мы съ утра должны были перебираться черезъ очень опасное болото. Со многихъ лошадей пришлось снять вьюки, другихъ нужно было вытаскивать за хвосты и за гривы. Одна изъ отборнѣйшихъ, самостоятельно выступавшихъ лошадей, съ тяжестью въ 9 пудовъ, все-таки успѣла перебраться черезъ опасныя мѣста, нѣсколько, правда, прихрамывала, но благополучно дотащила свои вьюки до ночлега. Мы совершили въ тотъ день переходъ въ 5 геогр. миль. При развьючиваніи позвали меня къ лошади, потому что она была больна. Подъ брюхомъ я открылъ у нея небольшую рану, съ мокрыми зелеными краями, а въ самой ранѣ оказался сухой сучекъ, который, скрываясь въ болотѣ, прокололъ лошади внутренности. При всемъ томъ, лошадь, которую теперь тотчасъ-же убили, была въ состояніи проходить цѣлый день съ ношей, не смотря на свою смертельную, мучительную рану.

Такія болота самыя бѣдовыя мѣста. Мнѣ самому привелось испытать это однажды, послѣ того какъ я успѣлъ проѣхать уже длинное пространство бурныхъ, мутныхъ лужъ, и лошадь моя, перебравшись чрезъ старый стволъ, лежавшій въ водѣ, вдругъ, по другую сторону его, лишилась почвы подъ собою и погрузила меня въ наполненную водою яму глубоко выгорѣвшей когда-то впадины. Сколько ни остерегаешься, а все-таки попадешься. Счастливы тотъ, кто опять благополучно вылѣзетъ въ видѣ какого-то лѣшаго, покрытаго толстымъ слоемъ бурой грязи. За насмѣшками дѣло не станеть.

Подобнаго рода приключенія по временамъ утомляютъ и обезсиливаютъ лошадей. При этомъ обнаруживается такая особенность лошадей, на которую профанъ сначала считаетъ себя вправѣ не обращать никакого вниманія, пока наконецъ горькій опытъ проучаетъ его. Уставшая лошадь плетется за другими, напрягая послѣднія силы, безъ всякаго понуканія. Если во-время не обратишь вниманія на нее, въ особенности же на шаткую ея походку, то она по-видимому внезапно изнемогаетъ и падаетъ, силы ея до такой степени измѣняютъ ей, что большею частію даже развьючиваніе не приноситъ пользы; меньше всего въ этомъ случаѣ можно сдѣлать кнутомъ. Дѣйствию послѣдняго предшествовало несравненно болѣе сильное возбуждательное средство. т. е. страсть быть

въ сообществѣ прочихъ животныхъ. За истощеніемъ этой страсти, дѣйствіе кнута теряетъ всякое значеніе. Лошадь продолжаетъ лежать въ лѣсу, хотя бы это было въ виду цѣли путешествія. Нѣкоторыхъ истребляютъ хищные звѣри, ншыя поправляются, отъѣдаются и съ радостнымъ крикомъ принимаются позднѣйшими путешественниками или отыскиваются хозяевами на возвратномъ пути. Всякій, маломальски значительный караванъ оставляетъ по дорогѣ такихъ измученныхъ лошадей; усилія напрягаются все болѣе, потому что послѣ каждого несчастнаго случая на остальныхъ животныхъ приходится распредѣлять вьюки тѣхъ лошадей, которыя выбыли изъ рядовъ. Какъ я ни хлопоталъ о томъ, чтобы сохранить моему верховому коню свободу движенія, но въ послѣдніа недѣли нашего путешествія въ Удской Острогъ мнѣ все-таки пришлось, подобно всѣмъ другимъ сѣдокамъ, навьючить на моего коня прибавку въ 80—120 фунтовъ. Этимъ еще больше, чѣмъ широкимъ якутскимъ сѣдломъ, обуславливается якутская посадка ѣздока, характеристически изображенная на прилагаемомъ рисункѣ.

Заложивъ ноги въ короткія стремяна, вамъ, вслѣдствіе разныхъ придачь, занимающихъ спину лошади спереди и сзади, необходимо приложить верхнюю трудность, доходящую иногда до невозможности, вслѣдствіе чего теряется нѣсколько лошадей. Въ первую недѣлю странствованія особенно видно, что лошадь гораздо болѣе сдѣлалась домашнимъ животнымъ, чѣмъ сѣв. олень: она старается пробраться домой и потому сначала ее приходится стеречь, спутывать (голову и ноги съ одной и той-же стороны) или даже удерживать посредствомъ огораживанія ночнаго пастбища. Тогда только, когда мы перебрались чрезъ широкій Алданъ, водворилось спокойствіе въ этомъ отношеніи, потому что желаніе вернуться домой не могло преодолѣть тяжелую рѣшимость въ одиночку ринуться въ волны необозримой рѣки. Громкое ржаніе лошадей, по которому ихъ отыскиваютъ, составляетъ въ тиши первобытнаго лѣса замѣчательную противоположность къ спокойному характеру сѣв. оленей.

Какъ и при путешествіи съ сѣв. оленями, главнымъ условіемъ для быстрого пере-

нюю часть тѣла горизонтально къ шеѣ лошади и, на сколько можно, согнуть въ колѣнѣ правую ногу; иначе вы не попадете на сидѣніе. На послѣднемъ вы можете удержаться также только при помощи сильно согнутыхъ и обращенныхъ въ сторону колѣнъ. Но и къ этому привыкаешь.

Самое путешествіе совершается при обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мною описаны въ главѣ о «верховыхъ сѣв. оленяхъ». И тутъ также является трудность утромъ собрать всѣхъ лошадей,

движенія оказывается точнѣйшее знакомство съ предстоящими кормовыми мѣстами. Въ случаѣ ранней весны особенно много зависить оттого, успѣли ли уже поля, покрытыя хвощевыми травами, освободиться отъ накипней, или нѣтъ (срав. отдѣлъ «Климатъ», стр. 414 и слѣд).

Подобно сѣв. оленю, лошадь посредствомъ обонянія отыскиваетъ слѣдъ тѣхъ лошадей, которыя отправились въ путь раньше ея; но чувство обонянія у нея очевидно развито не такъ сильно, какъ у сѣв. оленя: послѣдній при отыскиваніи слѣда, держитъ голову высоко, лошадь же опускаетъ носъ свой въ самый слѣдъ.

И въ первобытныхъ мѣстахъ лошади идутъ въ ногу, а если одна изъ нихъ собьется, то она перемѣняетъ ногу, какъ это дѣлаетъ человекъ въ подобныхъ случаяхъ. Выбоины, вслѣдствіе которыхъ зимою наши дороги въ такихъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжаетъ много возовъ, превращаются въ ухабистые пути съ правильными поперечными бороздками, основаны, слѣдовательно, на анатомическомъ свойствѣ ногъ.

О разныхъ приключеніяхъ, начиная отъ давленія сѣдла, вывиховъ, всякаго рода хроманія, всевозможныхъ ранъ, до вспарыванія брюшной полости, которую пришлось зашить, я не стану тутъ распространяться. Замѣтимъ только къ чести Якутовъ, что они посредствомъ огромныхъ, т. е. пальца въ три толщиною, войлоковъ, тщательно окоймленныхъ, по возможности стараются устранять давленіе сѣдла. Войлокъ остается на лошади до тѣхъ поръ, пока она остынетъ, и за тѣмъ служить человѣку прекраснымъ лежемъ, или употребляется для укрыванія поклажи отъ ночнаго дождя.

Чѣмъ дальше подвигаешься, чѣмъ терпѣливѣе устраиваешь привалы для надлежащаго и своевременнаго отдохновенія животныхъ, тѣмъ правильнѣе устанавливается шествіе. Утромъ начинаешь съ успокоивающаго бѣ-бѣ-бѣ, потомъ подбодряешь лошадей перерывистымъ свистомъ и громкимъ хотъ-хотъ, а иногда даже громкимъ тпрр пытаешься заставить ихъ бѣжать рысью.

Предоставляю себѣ право поговорить еще о якутской лошади въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ изученіе и разведеніе лошадей уже сдѣлалось моею спеціальностью. Тутъ же скажемъ еще нѣсколько словъ относительно другихъ вьючныхъ животныхъ, о которыхъ можетъ быть рѣчь при разсмотрѣніи Сибири.

Верблюдъ, осель и рогатый скотъ ¹⁾.

Изъ всѣхъ вьючныхъ и упряжныхъ животныхъ, которыхъ человекъ сумѣлъ подчинить себѣ въ различныхъ странахъ свѣта, верблюдъ и осель меньше другихъ распространены по направленію къ полюсу. Такъ какъ эти животныя, на своемъ мѣстѣ нецѣнными, то этотъ полярный предѣлъ безспорно основанъ на тысячелѣтнихъ, мѣстами вѣроятно тысячекратно неудававшихся, попыткахъ развести ихъ дальше къ полюсу.

¹⁾ Срав. также нижеслѣдующій листъ.

Отъ «корабля пустыни» и кабинетный ученый не сталъ бы требовать большей способности подчиняться совершенно другимъ условіямъ. На это у верблюда уже слишкомъ степная натура. При всемъ томъ у управленія Вост. Сибири хватило духу попытаться, если и не водворить верблюдовъ, то все-таки по крайней мѣрѣ воспользоваться ими для переходовъ чрезъ болотистыя, изобилующія снѣгомъ, Алданскія горы, подъ 62° с. ш. Вѣроятно это была затѣя моряка, такъ какъ дѣло шло о раззорительной для жителей Якутской области доставкѣ кораблестроительныхъ матеріаловъ къ Восточному Океану. Исторія кончилась, разумѣется, тѣмъ, что всѣ верблюды передохли. Такимъ образомъ Прибайкальскимъ Бурятамъ, и Киргизамъ Иртышскаго края нужно отдать честь, что они разводять самыхъ сѣверныхъ, уже нѣсколько хилѣющихъ верблюдовъ, примѣрно подъ 55° с. ш. Практическое выполненіе идеи Американцевъ, задумавшихъ развести сибирскаго верблюда на солончакахъ сѣв.-западной Америки, напротивъ того, такъ соотвѣтствуетъ естественнымъ условіямъ, что неудачный исходъ этой попытки едва-ли возможенъ. На стр. 95 мною уже говорено объ этомъ.

Къ ослу нужно отнести нѣсколько иначе. Судя по устройству его и по сравненію съ дикими родичами, онъ долженъ быть родомъ по крайней мѣрѣ изъ нагорныхъ степей; онъ даже до такой степени горное животное, что могъ быть употребленъ человѣкомъ на порожденіе отъ лошади такихъ потомковъ, посредствомъ которыхъ этому повсемѣстному животному привить желаемый болѣе типичный горный характеръ. Если мы припомнимъ, что важнѣйшія услуги осель оказываетъ въ Африкѣ и что тамъ водятся благороднѣйшіе или, по крайней мѣрѣ, самые щегольскіе родичи его, намъ могутъ замѣтить, что осель считается произведеніемъ болѣе теплыхъ климатовъ и боится холода. Но Сибирь какъ разъ опровергаетъ это предположеніе, потому что водящійся тамъ родичъ его, джиггетай (*Eg. hemionus*), какъ слѣдуетъ, выноситъ самыя ужасныя климатическія невзгоды, самыя крайнія явленія зимнихъ и лѣтнихъ температуръ въ Даурскомъ сѣверо-восточномъ углу степи Гоби, правда всего подъ 50° с. ш. Въ образѣ джиггетая столь невзыскательный и полезный осель могъ бы, кажется, быть распространенъ до полярнаго круга. Неоднократныя усилія приручить его доселѣ не удались въ Сибири. Китайцы повели это дѣло, кажется, правильнѣе, и такъ какъ джиггетай, привезенные отъ нихъ въ Парижъ, распложаются въ заточеніи¹⁾, то для нашего правительства является необходимая, уже оправданная сдѣланными за границею опытами, обязанность разводить джиггетая такимъ неизбалованнымъ, какимъ онъ водится въ Сибири, и сдѣлать изъ него полезное домашнее животное. Наука и Академія сдѣлали въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ отъ нихъ требовалось, потому что Палласъ уже сто лѣтъ тому назадъ обращалъ вниманіе на то, какъ бы полезно было сдѣлать это. Притомъ это можно устроить очень просто и дешево. Возможность со временемъ, соответственно мѣстному климату,

¹⁾ Раде въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches. Notizen aus Natur- und Heilkunde, 155. VIII, I, p. 38) со- XXIII, p. 433. Въ числѣ старинныхъ замѣтокъ моихъ общено было извѣстіе о прирученномъ джиггетай. авачится, что уже въ 1848 году (Schleiden u. Frogiep,

разводить муловъ при помощи самцовъ джиггетаевъ, должна была бы содѣйствовать осуществленію этой идеи и вызвать правительственныя преміи для поощренія попытокъ по этой части ¹⁾).

Кромѣ верблюда и осла въ Сибири отказался подвинуться въ полярный кругъ и рогатый скотъ. Мы должны удивляться способности также рогатого скота принаравляться къ мѣстнымъ условіямъ, зная, что быкъ является наиболѣе цѣннымъ вычнымъ и упряжнымъ животнымъ въ разныхъ странахъ Африки, и въ тоже время играетъ такую-же роль у Якутовъ въ Сибири. Но что у этого народа рогатый скотъ распространенъ далеко за предѣлы верблюда и осла только искусственнымъ образомъ, это доказываетъ съ перваго-же взгляда искусственная старательность, съ какою его тамъ оберегаютъ. У южныхъ степныхъ кочевниковъ, Бурятъ, Монголовъ, Киргизовъ и т. д. стада, зимующія подъ открытымъ небомъ, насчитываются тысячами и десятками тысячъ, да иногда, когда выпадаетъ глубокой снѣгъ или образуется гололедица, гибнутъ тысячами, тогда какъ Якутъ устраиваетъ теплыя зимнія помѣщенія, въ которыхъ и самъ живетъ и стадо укрываетъ; потому онъ заготавливаетъ также сѣно для своихъ животныхъ, ставитъ ихъ на деревянный помостъ, такъ какъ у него нѣтъ соломы для подстилки, и выметаетъ навозъ. Такимъ образомъ тутъ быкъ сдѣлался только лѣтнимъ вычнымъ и упряжнымъ животнымъ, а сами Якуты изъ кочевниковъ превратились въ положительно пастушескій народъ, даже въ скотоводовъ ²⁾). Гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, тамъ быкъ становится

¹⁾ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы съ величайшей надеждой на успѣхъ могли бы приручить еще не мало другихъ животныхъ. Какъ мало на это нужно, это доказываютъ примѣры, приведенные мною на стр. 124, 299 и 319; къ нимъ я присоединю еще слѣдующіе.

Въ Якутскѣ я къ удивленію своему увидѣлъ, что въ-сто домашнихъ гусей прирученъ былъ только *Anser cygnoides*. Это напоминаетъ мнѣ, что въ Улеборгѣ я повсюду заставлялъ *Ans. cinereus*. Ежегодно ихъ ловятъ молодыми и уже на другой день они бѣгаютъ за человѣкомъ. Они ходятъ тамъ на свободѣ и уплываютъ въ море. Никто и не опасается, что они уплывутъ, но боятся, что ихъ могутъ убить охотники. Они высидиваютъ яйца лишь по прошествіи двухъ лѣтъ. — Тоже самое сообщалъ уже Георгіи (стр. 166) изъ Забайкалья.

Суля по описанію, это была, должно быть, утка телкъ (*An. clangula*), которая эксплуатируется тамъ преимущественно какъ яйценосная птица. Отбирая яйца у хрекалей, *Mergus*, ихъ доводятъ до того, что она кладетъ до 20 яицъ.

Сибирь почти безъ всякаго труда могла бы доставить еще цѣлый рядъ красивыхъ дворовыхъ птицъ. Въ Якутскѣ, у одного купца я видѣлъ двѣ прекраснѣйшія клушки (*An. glaucitans*). Это была совершенно ручная пачка, очищавшая поля отъ сорныхъ травъ.

²⁾ Извѣстно, что при такихъ ограниченіяхъ трудолюбивые Норвежцы съ успѣхомъ занимаются разведеніемъ

рогатого скота до Нордкапа. Такъ какъ я въ Новой Землѣ встрѣчаюсь еще множество травъ, то даже тамъ, равно какъ и въ Таймырскомъ краѣ, мыслимо разведеніе рогатого скота. Вѣдь уже теперь, благодаря Траутфеттеру, мы знаемъ, что въ Нов. Землѣ встрѣчаются изъ сладкихъ травъ: *Dupontia Fischeri*, *Aira caespitosa*, *Arctagrostis latifolia*, а изъ кислыхъ травъ *Carex rigida*, *frigida*, *pulla*, *Eriophoron Scheuchzeri*. Я нашелъ еще у Вардгуза: *Poa pratensis*, *Festuca rubra* var. *arenaria*, *Calamagrostis phragmitoides* и т. д. Но особенно убѣдительно мнѣніе мое подтверждается тѣмъ, что у р. Таймыра, между 73° и 78° с. ш., я встрѣтилъ еще цѣлый рядъ сладкихъ травъ (см. нѣм. изд. т. I, ч. 2, стр. 6), какъ-то: *Alopecurus alpinus*, *Hierochloa racemosa*, *Phippsia algida*, *Colpodium latifolium*, *Calamagrostis lapponica*, *Deschampsia caespitosa*, *Poa arctica* и *pratensis*, *Koeleria hirsuta*, *Festuca rubra*, *Elymus mollis* и, кромѣ того, девять видовъ кислыхъ травъ, которыя на низменностяхъ (лайлахъ, срав. «Растительность Сибири», прилож. IV, стр. XXIV) образуютъ пышный дернъ.

Недавно это блистательно подтверждено Шмидтомъ (*Mammuthcadaver*, р. 73, 80, 81, 83, 122). Въ низовьяхъ Енисея онъ нашелъ, какъ я, до 70° с. ш. чрезвычайно пышную растительность, которая множествомъ своихъ злаковъ походила на прекраснѣйшія луговья равнины

необходимостью, потому что обыкновенная якутская лошадь рѣдко позволяет впрягать себя въ плугъ.

Основаніемъ возможности развести рогатый скотъ такъ далеко на сѣверѣ служило происхожденіе рогатаго скота. Человѣкъ очевидно взялъ его не изъ степей, а изъ лѣсныхъ областей среднихъ широтъ. По видимому рогатый скотъ уже первоначально простирался отъ плодородныхъ низменностей далеко въ горы.

Съ разведеніемъ рогатаго скота для кочевника глубокаго сѣвера настаетъ необходимость дѣйствовать предусмотрительно, т. е. заводить для скота зимніе запасы. Такимъ образомъ онъ вдругъ вступаетъ въ культурное состояніе скотовода, а это составляетъ рѣзкую противоположность къ первобытнымъ порядкамъ южныхъ пастушескихъ народовъ, равно какъ сѣверныхъ пастуховъ, у которыхъ сѣв. олени и лошади должны довольствоваться отгребнымъ кормомъ. Между сѣверными народами только собаководы вынуждены хлопотать о зимнихъ запасахъ для своихъ животныхъ. Это обстоятельство влечетъ за собою капитальный переворотъ въ наклонностяхъ кочевниковъ, во всемъ устройствѣ хозяйства, въ направленіи идей и тамъ, гдѣ невозможно хлѣбопашество, значительно обуславливаетъ переходъ къ осѣдлости. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ Якуты, еще подъ 64° и 65° с. ш., въ притокахъ верховьевъ Индигирки, равно какъ къ западу и востоку отъ нихъ, скученные обрабатываютъ населенные оазисы и живутъ въ пріятномъ довольствѣ. Они содержатъ тамъ тысячи рогатаго скота и лошадей, отчасти на тучныхъ пастбищахъ, добытыхъ посредствомъ спуска мелководныхъ озеръ.

Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія Якуты проникли съ одной стороны до Зашиверска и Верхоянска, а съ другой до лежащаго у Пенжинской губы, къ сѣв. отъ Тауиска, мѣстечка Оля (Фигуринъ въ Сибир. Вѣстн. I, стр. 228; Cochrane, Fussreise, 1825, стр. 181, и Zeitschrift für allgem. Erdkunde, 1857, стр. 171) и Ямска. Въ послѣднемъ Редовскій уже въ 1806 году нашелъ (какъ я узналъ изъ рукописнаго дневника его), что скотоводство уменьшилось, хотя, кромѣ 50 штукъ рогатаго скота, тамъ водились также лошади.

Еще на два градуса широты сѣвернѣе, въ Средне-Колымскѣ, одинъ Лифляндскій баронъ (Cochrane, Fussreise, 1825, стр. 188) съ трудомъ пытался водворить скотоводство. Въ Нижне-Колымскѣ же (68' 2° с. ш.) Кохрэнъ, этотъ псевдопѣщій англійскій чудакъ пѣшеходъ, засталъ лишь еще нѣсколько коровъ. Слѣдовательно, въ нѣсколько

южныхъ странъ и могла прокормить цѣлую зиму довольно значительное количество рогатаго скота. Занимающийся разведеніемъ рогатаго скота восторгается, слыша, что кромѣ 2 видовъ *Luzula*, 4 видовъ *Juncus*, 4 *Eriophorum*, 17 (замѣтьте 17) *Carex*, встрѣчаются еще слѣдующія предѣсти: *Triticum repens*, *Festuca ovina*, *F. rubra*, *Bromus ciliatus*, *Poa alpina*, *P. arctica*, *P. caesia*, *P. nemoralis*, *P. pratensis*, *Colpodium pendulinum*, *Dupontia Fischeri*, *Catabrosa algida*, *Hierochloa borealis*, *H. alpina*, *H. pauciflora*, *Avena subspicata*, *Deschampsia caespitosa*.

Calamagrostis neglecta, *C. Langsdorffii*, *C. phragmitoides*, *Arctagrostis latifolia*, *Agrost. rubra*, *Digraphis arundinacea*, *Alopecurus alpinus*, *Al. pratensis*.

Чего еще болѣе желать скотоводу? Какое разнообразіе блюдъ! Даже у тупѣйшаго чинювика въ столицѣ, торгующаго холъ государственныхъ дѣлъ, текутъ при этомъ слянки по молоку, маслу и сыру отъ Холмогорскихъ коровъ, благоденствующихъ и неискоренныхъ при подобныхъ-же условіяхъ.

лѣтъ тамъ оказался положительный прогрессъ, потому что въ 1822 году Врангель (Путеш. I, стр. 282; срав. также Фигуринъ въ Сиб. Вѣсти. I, стр. 228) призналъ привезенныя ему въ Нижне-Колымскъ консервы, т. е. пластинки замороженнаго молока и сливокъ, за привозную статью величайшей роскоши.

Въ низовьяхъ Енисея я встрѣтилъ послѣднюю корову подъ тою-же широтою ¹⁾, но и дальше къ сѣверу не имѣлъ надобности отказываться отъ употребленія молока—хоть и въ небольшихъ порціяхъ, въ видѣ подливки къ чаю—, потому что его заступило оленье молоко ²⁾.

Должно полагать, что хрюкающій якъ (о которомъ я упомянулъ уже на стр. 97 съ приложеніемъ рисунка) способенъ, подобно гиперборейскому мускусному быку, послѣдовать за человѣкомъ до крайнихъ полярныхъ предѣловъ. На немъ такая-же шуба, какъ на мускусномъ быкѣ, и во всякомъ случаѣ онъ больше въ состояніи переносить стужу, чѣмъ жаръ, такъ что для него лѣто въ Якутскѣ, пожалуй, уже слишкомъ положительно, и ему пріятнѣе было бы провести его въ Нижне-Колымскѣ. Въ качествѣ вьючнаго, дойнаго и мяснаго животнаго якъ могъ бы сдѣлаться для глубокаго сѣвера такимъ-же чрезвычайно полезнымъ животнымъ, какимъ онъ оказывается на средне-азіатскомъ плоскогорьѣ, гдѣ онъ встрѣчается въ дикомъ состояніи еще на высотѣ 19,000 футовъ.

Можно также продолжать попытки скрещиванія его съ нашимъ домашнимъ рогатымъ скотомъ, потому что нѣкоторые случаи подтверждаютъ удачу скрещиванія ³⁾. Такъ какъ яка въ видѣ опыта стали разводить въ Сибири уже въ прошломъ столѣтіи ⁴⁾, то необходимо было бы собрать на мѣстѣ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, что могло препятствовать его распространенію.

Въ животныхъ, которыхъ я наблюдалъ въ Якутскѣ, явно высказывалась буйволовая натура въ томъ отношеніи, что лѣтомъ они даже тамъ отправлялись въ воду. Въ крестцѣ якъ-самецъ не выше ⁵⁾ рослыхъ домашнихъ Якутскихъ быковъ, да и вѣсомъ,

¹⁾ Въ поселеніи Сергѣевѣ, ниже историческаго мѣстечка Хантайскаго. И тамъ также телата являлись около Рождества и были однократниками жителей. Отъ Сергѣева вверхъ по рѣкѣ въ каждомъ поселеніи было отъ одной до трехъ коровъ. У монаховъ Троицкаго монастыря, лежащаго подъ полярнымъ кругомъ, было уже стадо коровъ въ 20.

²⁾ А. Шренкъ (loc. cit. II, стр. 387) говоритъ, правда, ссылаясь на Палласа, что въ Сибири еще не имѣютъ понятія о доеніи сѣв оленей. Но на Енисей и Пясины я уже засталъ обыкновеніе доить оленей, какъ роскошь, которую нѣкоторые позволяли себѣ, или считали приличнымъ для угощенія важныхъ чиновниковъ.

³⁾ Въ соч. Шребера, Säugethiere, Дополненіе, 4-ый отдѣлъ, стр. 317, и въ Proseed. Zool. Soc. Mammalia, табл. XV, помѣщены ближайшія свѣдѣнія о послѣдствіяхъ такихъ скрещиваній. См. также примѣч. къ стр. 98 этой книги.

По словамъ Радде, въ Забайкальѣ много продуктивнаго скрещиванія, мясо которыхъ очень хвалили, тогда какъ про яка говорили, что мясо его состоитъ изъ толстыхъ волоконъ.

⁴⁾ По Беллю (Travels, I, стр. 212) якъ въ прежнія времена, кажется, встрѣчался въ Кузнецкѣ чаще, чѣмъ впоследствии. Палласъ (Neue Nord. Beiträge, I, стр. 21) сообщаетъ свѣдѣнія о такихъ экземплярахъ, которые распложились въ 1772 году въ Иркутскѣ и впоследствии въ Москвѣ. О разведеніи яка въ Забайкальѣ, въ Чиндантакомъ округѣ, недавно говорилось въ Журн. Сельскаго Хозяйства за 1857 годъ. № 3, стр. 138. Радде также говоритъ, что нѣкогда яка держали въ Забайкальѣ несравненно чаще теперешняго.

⁵⁾ Въ немъ было:

Выпуща въ зашейкѣ.....	56 англ. дюйм.
» » крестцѣ.....	49, ₂ » »

казалось, онъ не превосходитъ ихъ. Теленокъ, которому было два мѣсяца, былъ значительно больше своихъ ровесниковъ изъ числа домашняго рогатаго скота.

Слѣдовало-бы произвести опытъ съ нѣкоторыми животными этого рода въ Верхоянскѣ, Зашиверскѣ, Гижигинскѣ или Пенжинскѣ, т. е. въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ найдется способный на это человекъ.

Домашнія Сибирскія животныя, рассматриваемыя съ точки зрѣнія культурнаго государства.

Можетъ казаться почти какимъ-то злополучіемъ, что во многихъ отношеніяхъ человѣчеству, послѣ тысячелѣтняго развитія, приходится снова возвращаться къ тому, съ чего оно начало.

Въ концѣ того выпуска, въ которомъ говорится о растительности Сибири (см. Приложение IV-е, стр. XXX и слѣд.), я указалъ, что въ первобытномъ Забайкальскомъ земледѣліи достигается высшая степень того, чего самые лучшіе хозяева Западной Европы все еще тщетно добиваются: не только луга, но и поля тамошнія орошаются искусственно, а луга тамошніе удобряются. Все это дѣлается подъ гнетомъ естественной необходимости, не смотря на полное отсутствіе поощрительныхъ мѣръ со стороны правительства. Чего бы мало по малу нельзя было сдѣлать изъ такихъ добровольныхъ зачатковъ, если бы это дѣло поддерживать, какъ слѣдуетъ.

Но этого не дѣлаютъ даже по части скотоводства, и вотъ въ этомъ-то отношеніи человѣчество въ Европѣ опять дошло до того, съ чего началъ сибирскій кочевникъ. Последній, даже на перекоръ требовательной Англіи, еще болѣе питается животною пищею. Усиленіе мясной пищи и введеніе ея въ общее употребленіе сдѣлалось въ Европѣ главной статьёй всякаго сельскаго и государственнаго хозяйства. Одна Англія уже теперь поглощаетъ весь избытокъ животныхъ остальной Европы, Англія расшевелила также Сѣв. и Южную Америку и Новую Голландію. Цѣны за произведенія скотоводства чрезвычайно повышаются; чѣмъ сильнѣе онѣ повышаются, тѣмъ больше народныя массы требуютъ мяса. Но безпредѣльныя степи Сибири, которыя должны бы были наводнить мясомъ всю Европу и непомѣрно обогатить своихъ жителей, до сихъ поръ эксплуатируются такъ недостаточно и неправильно, что болѣшая часть ежегодной ихъ производительности поглащается сама собою. Мы старались убѣдиться въ томъ, что и на глубокое сѣверѣ Сибири выгодно заниматься скотоводствомъ разнаго рода, даже разведеніемъ рогатаго скота. Если же мы станемъ доискиваться причинъ, которыя все-таки затрудняютъ большее его распространеніе и приводятъ къ тому, что выгоды всего ското-

Отъ уха до основанія хвоста	86 англ. дюйм.	выдающагося на 1 дюймъ затылоч-
» зашейка внизъ до груди, между	»	ной шишки. . . . .
передними ногами.	38,5 " "	Ширина уха отъ уха. . . . .
Длина головы отъ кончика морды до		Объемъ шеи позади затылка. . . . .
		21 англ. дюйм.
		13,5 " "
		48 " "

водства обширныхъ странъ, превосходящихъ пространствомъ всѣ европейскія государства вмѣстѣ взятыя, уничтожаются непроезжимымъ образомъ, то мы можемъ надѣяться, что рѣшеніе нашей задачи облегчится, если мы сначала рассмотримъ не глубокой сѣверъ Сибири, а болѣе южныя, необыкновенно благоприятно расположенныя, мѣстности ея.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительна Камчатка. Чего только уже не сдѣлано въ теченіи полутора вѣка въ пользу скотоводства въ Камчаткѣ, которая по видимому такъ благоприятна для него! Сколько уже разъ новые начальники требовали все новыхъ жертвъ со стороны правительства и какъ мало при всемъ томъ удалось сдѣлать! Но намъ пришлось бы вдаваться въ слишкомъ большія подробности, если бы мы захотѣли ближе рассмотретьъ Камчатское скотоводство. Предоставляя болѣе свѣжимъ силамъ изслѣдовать этотъ вопросъ во всей подробности¹⁾, мы укажемъ тутъ только на описаніе превосходящей всякое вѣроятіе травяной растительности на низменностяхъ первобытной почвы (срав. мою статью «Бараба» и особенно «Растительность Сибири», Прилож. IV, стр. XXV).

Обратимся къ неменѣе благоприятно расположенному Удскому Острогу, къ южному побережью Охотскаго моря. Какъ тамъ не улаживалось дѣло съ хлѣбопашествомъ, такъ не улаживается и скотоводство. Въ 3-емъ Приложеніи къ «Растительности Сибири», стр. XVI, я уже показалъ, что, не смотря на всякаго рода поддержку, на всевозможныя распоряженія, на присмотръ и отвѣтственность, въ Удскомъ Острогѣ рогатый скотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ-то странно все оставался при злополучномъ количествѣ 22-хъ головъ. Это былъ предписанный шаблонъ. Какъ только правительство уменьшило строгость ревизій, такъ стадо съ каждымъ годомъ стало убавляться. Въ началѣ этого столѣтія Поповъ, старшина Якутовъ Мегинскаго улуса, подарилъ небольшое стадо въ Удской Острогъ. При всемъ томъ, лѣтомъ 1844 года, т. е. 100 лѣтъ послѣ введенія перваго скота²⁾, я засталъ тамъ только 7 головъ «казеннаго скота» и жители очевидно

¹⁾ Сообщаю только нѣсколько замѣтокъ изъ моего портфеля. Можетъ быть онѣ подадутъ другимъ поводъ принятыя за разработку этой статьи. Камчатское скотоводство началось, если не ошибаюсь, при Павлуцкомъ въ 1733 году. Десять лѣтъ спустя Стеллеръ (Beschr. v. Kamtschatka, 1774, стр. 84, 86, 140) не могъ нахвалиться, какъ необыкновенно благоприятна Камчатка для скотоводства, какъ скотъ, перевезенный туда изъ Якутска, быстро увеличивается ростомъ и улучшается, такъ что его и не узнаешь, какъ онъ раньше созрѣваетъ и т. д. Барда отъ водки, которая тамъ выкуривалась изъ зонтичныхъ растений, оказалась также пригодной скоту. Главнымъ распространителемъ рогатаго скота въ Камчаткѣ онъ называетъ Девьера. Срав. также Записки Гидрогр. Департ. IX, стр. 429. Въ послѣдней четверти 18-го столѣтія обращено было много вниманія на ското-

водство и коневодство въ Камчаткѣ. Особеннымъ покровителемъ называютъ главнаго начальника Бема (Pallas, Neue Nord. Beiträge, IV, стр. 146; Сибир. Вѣстн. I, стр. 3). Въ 1772 году въ Камчаткѣ было, говорятъ, уже 370 головъ рогатаго скота (Словцовъ, Исторія. Обзор. II, стр. 30). См. Сиб. Вѣстн. II, стр. 333 о скотоводствѣ въ Верхне-Камчаткѣ. — Сарычевъ (Путеш. I, стр. 169, 176, 187) въ 1790 году замѣтилъ, кажется, уже уменьшеніе скотоводства — Крузенштернъ (Reise um die Welt, I, стр. 234, II, стр. 216, 232, 254, 255) цѣнилъ количество рогатаго скота въ Камчаткѣ уже опять въ 600 головъ и т. д.

²⁾ Впослѣдствіи (когда вышеупомянутое «Приложеніе № III» было напечатано) я нашелъ, что въ одно время съ попытками водворить земледѣліе, уже въ 1747 году въ Удской Острогъ посланы были поселеннымъ тамъ

очень обрадовались, когда я потребовалъ у нихъ за деньги одну изъ этихъ коровъ, чтобы запастись мясомъ для своей морской поѣздки. Но я встрѣтилъ тамъ толковаго и помышлявшаго о доходахъ священника, рассчиталъ съ нимъ громадную выгоду, которую должно бы доставить тщательно веденное скотоводство, такъ какъ ежегодно огромное количество масла привозилось на вьючныхъ лошадяхъ болѣе чѣмъ за 1200 верстъ черезъ горы изъ Якутскаго края, и рассчиталъ, что на 100 слишкомъ десятинахъ луговъ, отличающихся величайшею пышностью, и на безпредѣльныхъ пастбищахъ, можно прекрасно прокормить сотни двѣ скота. Я сталъ усовѣщивать отца Новгородова, что ему не слѣдуетъ терять времени, чтобы нажить огромныя богатства, и въ тоже время сдѣлаться незабвеннымъ благодѣтелемъ этого дальняго уголка земли, для котораго онъ, какъ самъ сознавался, ничего не въ состоянн сдѣлать въ другомъ отношенн¹⁾. Я обнадеживалъ его особеннымъ поощреннмъ со стороны правительства. Дѣйствительно, отецъ Новгородовъ очевидно былъ наэлектризованъ и общалъ сдѣлать все возможное. При всемъ томъ я готовъ побиться объ закладъ, что коровой, которую я велѣлъ заколотъ, воспользовались съ величайшимъ удовольствнмъ, чтобы прикрыть совершенную гибель «казеннаго скота» несомнѣнно послѣдовавшую за тѣмъ въ Удскомъ острогѣ. Корова, которую я велѣлъ заколотъ, дошла, вслѣдствн дурнаго присмотра и зимняго голоданн, до почти невѣроятной малорослой фигуры, вѣсомъ едва въ 7 пудовъ, тогда какъ потомство пригнаннаго изъ Якутскаго края скота, принадлежавшаго священнику, замѣтно улучшилось въ Удскомъ острогѣ, сдѣлалось рослѣе, мясистѣе и стало давать больше молока²⁾. Но въ Якутскѣ всѣмъ было признано, что скотъ Якутовъ рослѣе того, который Буряты иногда скупаютъ и отправляютъ внизъ по рѣкѣ. Слѣдовательно стѣпной скотъ Бурятскнй

земледѣльцамъ «казенный рогатый скотъ, казенныя же ребцы и казенныя кобылы», съ строгими предписаннми тамошнему надзирателю сержанту, наблюдать за тѣмъ, чтобы они не пострадали и чтобы ихъ хорошо кормили. Кромѣ того уже тогда предписывалось доносить о положенн ихъ. Въ Удскомъ архивѣ я нашелъ даже указъ 1745 года, предписывавшн мѣры, которыя должны быть приняты въ случаѣ появленн скотскаго падежа. Слѣдовательно легко можетъ быть, что упомянутому «казенному скоту» уже предшествовалъ другой скотъ.—Изъ перечня поступившихъ указовъ я увидѣлъ, что 16 Октября 1773 года разсуждали о займообразной раздачѣ назакамъ Удскаго Острога до 40 «казенныхъ коровъ».

¹⁾ Урочище Шапка, при устьѣ Галлама, казалось, было особенно удобно для устройства хутора. Необыкновенно хороши показались мнѣ луга на право и на лѣво отъ р. Уди. Хотя они и заливаются во время половодья, но я засталъ ихъ на сажени вышины надъ уровнемъ воды, на пропускающей сырость почвѣ, и они были покрыты прекраснѣйшими сладкими травами.

²⁾ Быкъ, котораго я у него купилъ, былъ низокъ на ногахъ; по-этому тѣло его казалось длиннымъ и особенно тяжеловѣснымъ въ передней части. Крестецъ спускался очень покато къ далеко отстоявшимъ отъ спинной линн бугоркамъ сѣдалищной кости. Спинная часть тѣла сравнительно была слишкомъ длинна. Короткая голова при тонкихъ, не очень длинныхъ, рогахъ указывала на незначительное преобладанн костяка. Когда онъ былъ убитъ, мясо его вѣсило безъ малаго 10 пудовъ, безъ головы, крови и внутренностей. Такимъ образомъ въ немъ при жизни было въ три раза больше вѣсу, чѣмъ въ вышеупомянутой коровѣ. Кромѣ того коровы священника давали въ нѣсколько разъ больше молока противъ того, что онѣ давали въ Амгинскѣ.

Вышина его въ шейкѣ составляла... 53,₅ англ. дюйм.
 » » » крестцѣ ..... 52 » »
 Вся длина отъ лба до основанн хвоста 87 » »
 Отъ шейка (холки) внизъ до груди,
 посреди переднихъ ногъ ..... 38 . . . . . » »

не доходитъ ростомъ до скота сѣверныхъ низменностей, хотя послѣдній, по всей вѣроятности, и происходитъ отъ перваго.

Такъ почему же въ Удскомъ острогѣ и въ сходныхъ съ нимъ мѣстностяхъ скотоводство все-таки не удается?

Главнымъ препятствіемъ прежде всего безспорно служатъ рыбы. Онѣ счастливыя, или, правильнѣе, злополучныя конкуренты, не позволяющіе развиваться разведенію рогатаго скота тамъ, гдѣ время передвиженія морскихъ рыбъ, стремящихся вверхъ по рѣкамъ, представляетъ такіе-же неистощимые запасы пищи, какъ всѣ Сибирскія побережья; нерѣдко на далекія разстоянія вглубь страны.

Только тамъ, куда стаи этихъ переходныхъ рыбъ не забираются, успѣло водвориться правильное скотоводство. Убѣдительно это доказываетъ Забайкалье (срав. «Растительность Сибири», Прилож. IV, стр. XXXVIII), а еще убѣдительнѣе Якутскій народъ въ мѣстахъ, лежащихъ несравненно неблагопріятнѣе при истокахъ Вилюя и рѣкахъ Вост. Сибири, впадающихъ въ Ледовитый Океанъ; въ лежащемъ на Ленѣ Жиганскѣ еще все не было рогатаго скота въ то время, когда въ лежащемъ по сосѣдству Верхоянскѣ уже завелось скотоводство.

Первобытный человѣкъ живетъ только настоящимъ; будучи рожденъ хищнымъ животнымъ, онъ вообще не иначе, какъ по крайней необходимости, мѣняетъ охоту и рыбную ловлю на беззаботную пастушескую кочевую жизнь; еще неохотнѣе онъ протѣиваетъ послѣднюю на скотоводство, заставляющее его сегодня хлопотать о запасахъ, которые могутъ пригодиться его скоту лишь на слѣдующій годъ. Гораздо охотнѣе онъ готовъ болѣе напрягать свои силы, но въ тоже время удовлетворяетъ своей прирожденной страсти, вытаскивая изъ воды, разъ за разомъ, что ему благосклонно предлагаетъ естественный первобытный порядокъ. Онъ трудится съ утра до вечера, не знаетъ усталы, копить запасъ за запасомъ, и притомъ не для одного себя и своей братьи, но и для множества собакъ своихъ. Рыба является прекрасною охотничьею добычею, которая тотчасъ же можетъ быть съѣдена, которая возбуждительно дѣйствуетъ на хищнаго отъ природы звѣря, человѣка, и производитъ сильныя ощущенія, возбуждаемыя игрою счастья, т. е. удачею или неудачею улова. Какъ, напротивъ того, невыносимо скучны для первобытнаго человѣка продолжительныя усилія ежедневныхъ однообразныхъ занятій по уборкѣ сѣна.

Время же улова рыбъ большею частью совпадаетъ съ уборкою сѣна. Нерѣдко сѣнокосъ откладывается до окончанія рыбной ловли. Не говоря уже о томъ, что трава перестойтсѣ¹⁾, обыкновенно тогда и конецъ хорошей погодѣ. Сѣно гниетъ, или наводненія уносятъ его. Если кто вздумаетъ раньше приняться за сѣнокосъ, то всѣ оставляютъ его и онъ не въ состояніи найти себѣ ни одного помощника, потому что въ прекрасную

¹⁾ Въ мое время начинали косить не раньше 15-го Іюля, тогда какъ скотъ посылали пастись уже 25-го Апрѣля, но, правда, онъ загоялся въ хлѣвы уже въ концѣ Сентября. Эти 7 мѣсяцевъ прокармливанія скота въ хлѣ-

вахъ требуютъ, конечно, большихъ званыхъ запасовъ, которые являются тамъ въ весьма неблагопріятномъ сѣнѣ, потому что Забайкальскія степи въ хорошіе годы представляютъ настѣща въ теченіи всей зимы.

лѣтнюю пору и послѣдній бѣднякъ либо утопаетъ въ раздолѣѣ безпредѣльныхъ природныхъ богатствъ, либо предается по-крайней-мѣрѣ надеждѣ, что завтра настанетъ и для него праздникъ, завтра и на его долю выпадетъ счастье.

Вслѣдствіе этого, конечно, зимою большею частію оказывается лишь столько корму, что скотъ удается кое-какъ проволочить при помощи голоданья и зимней спячки. Впрочемъ съ такими порядками хорошо знакомы и въ Европѣ, а потому мы не станемъ распространяться о нихъ. Но Европа въ случаѣ нужды изворачивается обмѣномъ произведеній, въ первобытныхъ же странахъ мы видимъ не то. Весною 1843 года, вслѣдствіе необыкновенныхъ наводненій, въ Якутскѣ оказался такой недостатокъ въ снѣгѣ, что за возъ пришлось платить по 70 и даже по 80 руб. ассигнаціи. Въ слѣдующую весну, когда я былъ тамъ, такой-же возъ можно было купить за рубль, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ даже за 50 коп., слѣдовательно въ 160 разъ дешевле! Когда возможны такіа значительныя колебанія цѣнъ, отъ 1 до 100 слишкомъ, то и выгода отъ скотоводства становится вообще сомнительною; не успѣешь оглянуться, какъ настанетъ неурожайный годъ, снѣгъ выпадетъ глубже обыкновеннаго, или весна наступитъ позднѣе, чѣмъ ее ожидали, и все опять пропадаетъ. Тогда-же скотъ подвергается разнымъ заразительнымъ болѣзнямъ изнурительнымъ, желвачнымъ и др., коровы выкидываютъ, телята дохнутъ отъ злокачественныхъ поносовъ. Племенный скотъ гибнетъ исчезаетъ.

Чрезвычайно опасны заразы, по временамъ распространяющіяся въ краѣ, особенно опустошительная чума рогатаго скота.

Какъ осторожно должна дѣйствовать добрая воля лицъ, желающихъ помочь дѣлу, это весьма ясно показываетъ слегка затронутый Врангелемъ (Путеш. I, стр. 262, прим.) проектъ запрещенія жителямъ Сѣв. Сибири держать упряжныхъ собакъ. Благонамѣренное чиновное усердіе основывалось на математическомъ разсчетѣ: 13 собакъ ежедневно съѣдаетъ отъ 60 до 80 и даже 100 сельдей ¹⁾). Для 3,000 собакъ, которыхъ, по Киберу ²⁾, держали на одной нижней Колыме и ея притокахъ, это составляло, правда, огромное количество въ 200,000 рыбъ ежедневно. Но если бы мы вздумали также разсчитывать по фунтамъ количество зерноваго хлѣба, поѣдаемаго въ Англии при мѣрно скотомъ и лошадьми, то мы подобнымъ-же образомъ затерялись бы въ статистической дебри численныхъ данныхъ.

Въ то время кстати появился собачій сапъ, свирѣпствовавшій въ 1821 и 1823 годахъ и показалъ игравшимъ цифрами господамъ чиновнымъ математикамъ, пріѣхавшимъ издалика, какое значеніе упряжныя собаки имѣютъ на глубокомъ сѣверѣ. Докторъ Киберъ обвинялъ суровую зимнюю стужу въ томъ, что она была причиною болѣзни, которая, какъ онъ увѣрялъ, вовсе не была заразительна, а появилась одновременно въ

¹⁾ Геденстрэмъ (Сибир. Вѣстн. III, стр. 72) можетъ увести лишь столько корму, сколько хватаетъ на прокормленіе ея въ теченіи мѣсяца. ²⁾ Сибир. Вѣстн. III, стр. 3, въ концѣ.

мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой. Многія собаки околѣвали въ теченіи 24 часовъ въ судорогахъ ¹⁾. Передохло все собачье населеніе.

Въ такихъ случаяхъ оказывается необыкновенное превосходство собакъ передъ всѣми другими упряжными животными: чрезвычайная ихъ плодовитость, при весьма раннемъ созрѣваніи. Если не пострадавшія мѣстности сами, то по-крайней-мѣрѣ окрестности ихъ, въ состояніи покрыть убыль уже на слѣдующій годъ. Въ урожайные годы жители Сѣвера топятъ большую часть сукъ, вслѣдъ за ихъ рожденіемъ.

При этомъ случаѣ будетъ кстати упомянуть о совершенно еще загадочномъ явленіи, что на глубокомъ сѣверѣ не бываетъ бѣшенства собакъ ²⁾. Всѣ разспросы мои по этому предмету были безуспѣшны. Если бы мы захотѣли приписать это обстоятельство стужѣ или тому, что на сѣверѣ большую часть собакъ холостятъ, то этому противорѣчитъ рѣдкость бѣшенства и въ тропическихъ первобытныхъ странахъ, къ которымъ непримѣнимы обѣ предложенныя причины.

Попытавшись показать, что прежними мѣрами правительству не удалось содѣйствовать хозяйству первобытныхъ жителей Сибири ³⁾, мы тѣмъ болѣе должны обратить вниманіе на то, что по такимъ предметамъ, по которымъ слѣдовало бы всячески дать возможность беспомощнымъ кочевникамъ устроить свое скотоводство, пока еще ничего не сдѣлано.

Въ столицахъ еще не имѣютъ никакого понятія о томъ, какія огромныя массы народнаго богатства ежегодно истребляются хищными звѣрями. Если бы успѣли составить себѣ разумный взглядъ на это, то безъ сомнѣнія было бы сдѣлано распоряженіе, чтобы вмѣсто разныхъ дорогихъ, убійственныхъ для человѣчества, мѣръ обращено было вниманіе на этотъ предметъ. Собрать статистическія свѣдѣнія объ убыткахъ, которые хищные звѣри причиняютъ пастухамъ-кочевникамъ, само собою разумѣется, невозможно, но окружающія нашу столицу губерніи Новгородская и Псковская даютъ намъ уже довольно поучительныя данныя ⁴⁾. Я утомилъ бы своихъ читателей, если бы сталъ выписывать изъ своего дневника постоянно повторяющіяся въ Таймырской тундрѣ происшествія, случающіяся отъ непомѣрнаго голода волковъ. То мы натыкались на послѣдніе обѣдки растревоженныхъ нами пиршествъ, то отбивали у хищниковъ годную еще для насъ добычу. Не проходило

¹⁾ И Кэнъ (Arctic Explorations, 1856, I, стр. 138, 163) лишился всѣхъ собакъ вѣроятно вслѣдствіе той-же болѣзни, которую онъ, врачъ, принялъ за болѣзнь мозга.

²⁾ Даже въ Тобольскѣ и въ Даурии оно встрѣчалось чрезвычайно рѣдко. Впрочемъ и самое сѣверное положеніе не предохраняетъ безусловно отъ этой болѣзни. Подъ 72° с. ш. въ Февраль 1860 года проявилось бѣшенство собакъ въ самой сѣверной колоніи Гренландіи, при — 23° Р. и распространилось быстро (Sanstätt, Jahresber. 1861, стр. 53).

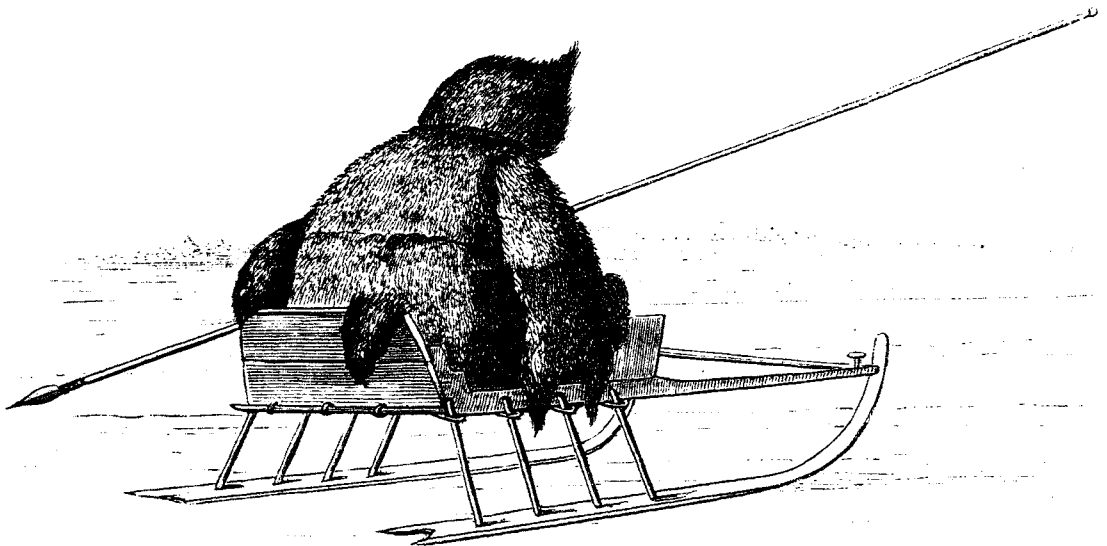
³⁾ Одной изъ самыхъ рѣзкихъ пародій на это обстоятельство является написанное въ серьезномъ тошѣ

донесеніе врача Маньяра (Revue contemporaine 1857, p. 43), который, побывавъ на мѣстѣ, пишетъ: Les Russes ont établi des haras dans toutes les Zaimka. Dans peu d'années il y aura autant de chevaux au Kamtschatka qu'en Écosse et en Irlande.

⁴⁾ Въ Новгородской губерніи убытокъ, причиненный въ 1871 г. хищными животными, официально исчисленъ въ 126,000 рублей. На самомъ же дѣлѣ онъ безспорно былъ вдвое больше, такъ какъ свѣдѣнія подобнаго рода по возможности не сообщаются. Въ Вологодской губерніи ежегодный убытокъ оцѣненъ въ 380,000 рублей (см. Землед. Газ. за 1874 годъ, № 10).

въ тундрѣ ни одной ночи безъ бѣды, хотя кочевники постоянно стерегли своихъ животныхъ. Впродолженіи одной и той-же ночи три раза происходила тревога для отраженія хищниковъ. Послѣ удачнаго отраженія двухъ нападений, волкамъ подъ утро все-таки удалось утащить оленницу.

Какъ только вечеромъ ужинъ кончался, такъ выдвигалось 2, 3, даже 4 саней, которыя разставлялись на самыхъ опасныхъ пунктахъ около пасущихся сѣв. оленей. Точно въ рыцарскомъ вооруженіи, готовый на бой Самоѣдъ, плотно закутавшись въ шубу и

Асиинскій Самоѣдъ, стерегущій стадо отъ волковъ.

подогнуть ноги, сидитъ на своихъ санкахъ и держитъ въ лѣвой рукѣ наготовѣ длинное копье. Впряженные сѣв. олени пасутся, онъ же отъ времени до времени нагибается надъ своими санями, и поглядываетъ въ темную ночь, стараясь кошачьими глазами своими вовремя подкараулить злаго врага. «Темная пора» зимней половины года самая дурная. Закругленный кончикъ своего копья онъ пока еще повернулъ впередъ, чтобы въ случаѣ надобности быстро погнать оленей на встрѣчу разбойникамъ.

О положеніи, въ какое приходитъ бѣдный народъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Возвращаясь съ глубочайшаго сѣвера съ громоздкими запасами коллекцій, я пожелалъ добытьсебѣ побольше подводъ и съ этою цѣлью отрядилъ впередъ самого расторопнаго своего казака съ Самоѣдомъ. Ему слѣдовало скорѣе добраться до южной окраины Большой сѣверной тундры и во-время сообщить тамъ нужныя свѣдѣнія народцамъ, кочующимъ въ такъ называемой Малой тундрѣ.

Потихоньку плелись мы за нимъ нѣсколько дней сряду, какъ вдругъ прекратился слѣдъ его санокъ. Это возбудило наше подозрѣніе и заставило насъ остановиться. Мы распрягли нашъ караванъ и пара легкихъ санокъ съ здоровою упряжью отправилась со мною назадъ, развѣдать, куда дѣвался слѣдъ. Опасенія наши оправдались: казакъ и са-

моѣдскіи вожакъ его сидѣли на санкахъ среди необъятной равнины и готовились къ самому дурному исходу своего положенія. Ночью волки зарѣзали у нихъ двухъ сѣв. оленей и разогнали остальныхъ, такъ что посланецъ мой безъ нашей помощи былъ обрѣченъ на гибель.

Охранять сотни и тысячи сѣверныхъ оленей самоѣдскаго стада отъ нападеній хищныхъ звѣрей слишкомъ трудно. Волки врываются цѣлыми стаями, чтобы разогнать перепуганныхъ до смерти животныхъ, разъединить ихъ и за тѣмъ легко справиться съ ними. По этому важнѣе всего постоянно держать стадо въ одной кучѣ; при этомъ Сибиряку недостаетъ вѣрной сотрудницы собаки, столь-же умно помогающей Лапландцамъ, какъ пастухамъ цивилизованной Европы. Волковъ еще слишкомъ много, стерегущая собака еще не въ состояніи сладить съ ними. На каждаго волка въ теченіи года по меньшей мѣрѣ можно положить по одному сѣв. оленю въ недѣлю, слѣдовательно 52 оленя въ годъ. Такимъ образомъ на тысячи водящихся тамъ волковъ число жертвъ простирается на нѣсколько сотенъ тысячъ сѣв. оленей, изъ которыхъ каждый въ первыхъ рукахъ представляетъ цѣнность въ нѣсколько рублей серебромъ. Неоднократно въ одну ночь волки растерзываютъ по двадцати и болѣе животныхъ изъ одного того-же стада, а множество другихъ разгоняли въ разныя стороны¹⁾.

При такихъ убыткахъ было бы чрезвычайно важно назначить большія преміи за содранныя волчьи шкуры, какъ это дѣлается въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверой Америки²⁾.

До сихъ поръ убиваютъ чрезвычайно мало волковъ; будучи очень хитры, волки не идутъ на обычныя ловушки кочевниковъ, да и не легко поддаются на другія хитрости. Въ теченіи всего моего Сибирскаго путешествія ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, ни кочевникамъ, у которыхъ мы бывали, не удалось убить ни одного волка.

Кромѣ назначенія премій, было бы необходимо дать людямъ возможность уничтожать волковъ. Мы встрѣчаемъ тутъ странную аномалію, что народы, все пропитаніе которыхъ основано на охотѣ, остаются при своихъ первобытныхъ стрѣлахъ и лукахъ; тогда какъ имъ всячески слѣдуетъ облегчить возможность пріобрѣтать хорошее огнестрѣльное оружіе, въ особенности же огнестрѣльные снаряды. Впрочемъ, добывать порохъ чрезвычайно трудно еще въ настоящее время даже въ нашихъ большихъ городахъ, и любителямъ охоты пришлось бы бѣдствовать, если бы имъ на помощь не явилась контрабанда и тайная продажа.

Этою замѣткою мы хотѣли указать на послѣдствія запрещенія свободной продажи пороха.

¹⁾ Въ такомъ-же размѣрѣ уничтожаются рогатый скотъ и лошади Якутовъ на глубокомъ сѣверѣ. Волки усерднѣе безпріютнаго климата противятся водворенію прогресса. Въ одинъ мѣсяцъ они съѣли 80 головъ рогатаго скота въ известной мѣстности на Колымѣ (Врангеля,

Путеш. II, стр. 67, 70, 142); въ мое время медвѣди уничтожили 60 штукъ въ небольшой Прибайкальской деревушкѣ. и т. д.

²⁾ Тамъ платятъ за каждую шкуру по 3 доллара (Gerstäcker, Jagd- und Streifzüge, II, p. 176).

Мое огнестрѣльное оружіе возбуждало во всѣхъ кочевникахъ сильнѣйшіе желаніе добыть нѣчто подобное; они громко вскрикивали отъ удовольствія, видя, какъ вѣрно пуля настигала добычу на большомъ разстояніи, и на бѣгу и на лету. Правда, что рядомъ съ уменьшеніемъ числа хищныхъ звѣрей быстрѣе уменьшилась бы также удачная охота на съѣстные припасы. Но тѣмъ скорѣе установилось бы и правильное скотоводство.

И полагаю, кажется правильно, что одно только превосходство силъ волчьихъ стай заставляетъ кочевниковъ сѣв. Сибири не прибѣгать для охраненія стадъ сѣв. оленей къ содѣйствию овчарки, какъ это дѣлаютъ Лапландцы да Самоѣды по сю сторону Урала. Тѣмъ необходимѣе было бы завести волкодавовъ, которыхъ, вслѣдствіе премій на волковъ, вскорѣ стали бы разводить повсюду; они могли бы послужить къ улучшенію породы упряжныхъ собакъ, и, внушая волкамъ уваженіе къ собакамъ, проложили бы путь къ употребленію овчарки.

Гдѣ нельзя завести собакъ, тамъ необходимо было бы предоставить въ распоряженіе людей капканы, въ особенности же стрихниновыя пилюли съ подлежащимъ указаніемъ способа ихъ употребленія. Можно было бы также научить ихъ извѣстному, хотя и жестокому средству прибрежныхъ жителей Берингова моря, т. е. употребленію спирально скрученнаго и съ обѣихъ сторонъ заостреннаго китоваго уса, который, какъ скоро успѣетъ перевариться наткнутый на него кусокъ жира, непремѣнно, говорятъ, прокалываетъ внутренности¹⁾ и т. п.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ Сибири на большихъ протяженіяхъ вовсе не бываетъ волка, какъ я объяснилъ это уже прежде²⁾. По этому живущіе въ лѣсахъ Долганы, отвезшіе меня въ Тундру, въ лихорадочномъ волненіи спѣшили домой, не давая животнымъ своимъ роздыха, въ которомъ послѣднія очень нуждались.

Гдѣ нѣтъ волковъ, тамъ тѣмъ чаще встрѣчаются медвѣди, которыхъ нисколько не смущаетъ толстый слой рыхлаго снѣга, удерживающій волковъ. Они спятъ въ это время. Лѣтомъ же, въ селеніяхъ, лежащихъ по рѣкѣ ниже Енисейска и при верховьяхъ Амура, они нападали на лошадей, на рогатый скотъ и на овецъ. Въ оленеводство они, кажется, рѣдко вмѣшиваются.

Сколько нашему правительству можно бы было сдѣлать добра по этому предмету, т. е. по освобожденію странъ отъ подобныхъ разбойниковъ, это намъ показываетъ Пршевальскій³⁾, особенно въ той части своего труда, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что въ 1867 году тигры на одной рѣкѣ при Владивостокѣ умертвили 21 человѣка и ранили 6 другихъ.

Къ числу несомнѣнно весьма важныхъ указаній на постепенное развитіе способностей, и на умѣніе ихъ принаравливаться къ измѣняющимся обстоятельствамъ принад-

¹⁾ Объ этомъ сообщали уже наши академическіе путешественники. Загоскинъ (Пѣшеходная Опись, I, стр. 32) говоритъ, что этотъ способъ употребляется съ большимъ успѣхомъ и въ сѣверо-западной Америкѣ.

²⁾ Срав. нѣм. изд. т. II, 2, стр. 70 и т. IV, стр. 869, 983.

³⁾ Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, 1870, стр. 233.

лежитъ и то обстоятельство, что не только волкъ, какъ мы замѣтили на стр. 292, но и медвѣдь не трогаеть коровъ и овецъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ послѣднія недавно заведены. Очевидно онъ не увѣренъ въ томъ, на сколько онъ способенъ защищаться. Одинъ уже запахъ ихъ кажется ему, можетъ быть, страннымъ и заставляетъ его быть осторожнымъ.

Давно бы уже слѣдовало обратить особенное вниманіе на открытіе правильнаго сбыта для нарастающаго количества скота у кочевыхъ племенъ. Посредствомъ такого сбыта можно было уже столѣтіе тому назадъ надѣлать ихъ множествомъ благодѣтельныхъ послѣдствій культуры.

Если у каждаго Пустозерца было не болѣе 2000, а у Березовскихъ горожанъ до 6000 сѣв. оленей¹⁾, если вообще въ сравнительно-небольшомъ уголкѣ земли между Бѣлымъ моремъ и Ураломъ содержалось до 90,000 сѣв. оленей²⁾, а на прилегающемъ къ нему восточномъ скатѣ Урала все-таки уже встрѣчаются нѣкоторые зажиточные Остяки, у которыхъ олени стада заключаютъ въ себѣ отъ 5 до 8 тысячъ головъ³⁾, если вообще количество сѣв. оленей въ Березовскомъ краѣ принимается въ 150 тысячъ головъ⁴⁾, то въ этомъ счетѣ заключаются почти всѣ сѣв. олени, доставляющіе доходъ сѣв. Россіи. А какъ мало они приносятъ барыша. При всемъ томъ промышленный Зырянинъ осенью закалываетъ изъ своего стада нѣсколько сотъ, иногда даже болѣе 1000 головъ⁵⁾, и сбываетъ ихъ по 10 руб. и болѣе за штуку. Недавно начали готовить для западной Европы олени языки. Чего бы только нельзя было нажать, если бы въ оленицахъ, какъ въ коровахъ, развили способность давать молоко, или если бы стали по крайней мѣрѣ обрабатывать, какъ слѣдуетъ, тотъ стаканъ молока, который теперь ежедневно даетъ оленица. Чего бы нельзя было выварить уже изъ цѣлаго лѣса нѣсколькихъ сотенъ тысячъ роговъ, ежегодно сбрасываемыхъ животными и болышею частью пропадающихъ нынѣ безъ пользы, между тѣмъ какъ нѣкогда они вмѣстѣ съ костями вывозились въ Норвегію. Вѣдь лишь въ недавнее время около Самары развилась новая отрасль промышленности, дающая 100 процентовъ тѣмъ, что кишки убиваемыхъ тамъ овецъ, прежде ни на что не употреблявшіяся, солятся и разсылаются въ западную Европу, гдѣ онѣ употребляются на оболочки для сосисекъ.

Вы спросите конечно: куда же дѣвается бездна подростковъ. такъ какъ молодая оленица на третій годъ опять телятся; гдѣ остаются безчисленные стада къ востоку отъ Енисея до Камчатки, тамъ, гдѣ оленеводство процвѣтало, да и теперь еще процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; тамъ, гдѣ еще въ Паласово время у инго Коряка было до 50 тысячъ сѣв. оленей, гдѣ и теперь еще иное стадо состоитъ изъ десятковъ тысячъ головъ? Вѣдь у счастливаго обладателя ихъ могло бы быть отъ 10 до 30 ты-

¹⁾ Записки Р. Георг. Общ. 1837. XII, стр. 363.

⁴⁾ Зап. Р. Георг. Общ. 1837. XII, стр. 403.

²⁾ A. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europ. Russlands, 1848, I, стр. 303, и Пиславинъ. Самоѣды. 1847, стр. 75.

³⁾ Гофманъ (loc. cit. стр. 202) говоритъ только о 4 руб. сер., но А. Шренкъ (въ вышеупом. соч. II, стр. 390) представилъ намъ очень подробный расчетъ.

⁵⁾ Hofmann, Der Nördliche Ural, 1836. II. стр. 199.

сячь рублей годового дохода. Между тѣмъ жизнь его ничѣмъ не отличается отъ жизни самыхъ трудолюбивыхъ, самыхъ грязныхъ родичей его, подверженныхъ всѣмъ возможнымъ лишениямъ, и весь его капиталъ, доставляющій ему едва заслуживающій вниманія процентъ по части бойнаго скота, для собственнаго его продовольствія, заключается въ этихъ оленьихъ стадахъ — до тѣхъ поръ пока они живы.

Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ о томъ, что столь обычное въ Россіи голоданіе скота, въ теченіи зимы, постоянно снова безъ пользы уничтожаетъ тѣ миллионы пудовъ, которыя успѣваютъ нарастать на животныхъ во время питательныхъ лѣтнихъ пастбищъ. Тоже самое кажется, происходитъ съ сѣв. оленями Сибирскихъ кочевниковъ. Закалывая ежегодно весьма незначительный процентъ своихъ оленей, даже самый богатый стадами кочевникъ судорожно дорожитъ удовольствіемъ наслаждаться несмѣтностью своихъ стадъ точно также, какъ скотоводъ западной Европы держитъ скота вдвое больше того, сколько онъ въ состояніи прокармливать. Кочевникъ поступаетъ такимъ образомъ очевидно только подъ вліяніемъ неоднократно испытанныхъ имъ невзгодъ, доказавшихъ ему, какъ внезапно и быстро все опять можетъ исчезнуть. Положимъ даже, что все сошло благополучно, что волковъ успѣшно отгоняли, что сѣв. оленей сбѣжало немного и т. д., однимъ словомъ, что стадо подросло благополучно, но вдругъ настаетъ падежъ, а онъ повторяется, говорятъ, среднимъ числомъ, по крайней мѣрѣ каждыя 10 лѣтъ.

То появляется копытная, то желвачная болѣзнь, и мы вправѣ предположить, что если бы представился случай къ распространенію заразы, то мѣжду сѣв. оленями могла бы разразиться и чума рогатаго скота. Говорятъ, по крайней мѣрѣ, что не рѣдко, особенно весною, свирѣпствуютъ смертельные поносы¹⁾. Уже старикъ Витсенъ (II, стр. 600) упоминаетъ о падежѣ сѣв. оленей у Самоѣдовъ. Дѣло въ томъ, что такіе падежи бывали тамъ искони²⁾.

Читая ужасныя извѣстія о губительномъ дѣйствіи ихъ, мы вправѣ придти въ тупикъ и спросить: не слишкомъ-ли сѣв. олень подверженъ такимъ заразительнымъ болѣзнямъ и въ состояніи-ли онъ служить полезнымъ домашнимъ животнымъ при дальнѣйшемъ развитіи государственнаго хозяйства? Вскорѣ однакоже мы узнаемъ, что въ первобытномъ состояніи не менѣе сильнымъ опустошеніямъ подвергаются и рогатый скотъ въ своихъ степяхъ³⁾, и лошади⁴⁾.

¹⁾ А. Шренкъ, loc. cit. II, стр. 384. Около Зашиверска сушатъ, говорятъ, сусликовъ и даютъ ихъ сѣв. оленямъ противъ такихъ смертельныхъ поносовъ (Сиб. Вѣстн. I, стр. 224).

²⁾ Это было въ Кашинскомъ краѣ. А. Шренкъ (I, стр. 418 и 693; II, стр. 382) говоритъ о падежѣ (вѣроятно желвачномъ) въ 1811—1833 годахъ, въ Малоземельской тундрѣ. Стадо въ 3000 головъ лишилось напр. ежегодно 100 штукъ, пока наконецъ осталось 600. Лѣтомъ 1847 года снова свирѣпствовала копытная болѣзнь въ Тыманской и Кавинской тундрѣ и уничтожила тамъ, по письменнымъ свѣдѣніямъ 30 тысячъ животныхъ. По

словамъ Гофмана (Der nordl. Ural, стр. 161, 183), богатый владѣлецъ стадъ лишился въ три дня всего своего стада въ 8000 головъ и долженъ былъ, бросивъ все, самъ бѣжать.

Осенью 1837 года свирѣпствовала копытная болѣзнь (A. Schrenck, l. c. I, 313; II, p. 383), а въ 1847 году она повторилась снова (Hofmann, l. c. p. 128). Эта болѣзнь вообще, говорятъ, появляется очень часто.

³⁾ И на верблюдовъ переходитъ чума рогатаго скота (Pallas, Reise II, p. 382; III, p. 169).

⁴⁾ Срав. Миддендорфа, Бараба, стр. 46.

Съ другой же стороны мы узнаемъ, что также самая способность чрезвычайно сильнаго развиванія и хорошаго сохраненія собственнаго тепла, которая даетъ сѣв. оленю возможность переносить страшнѣйшія невзгоды сибирской стужи и непогоды, дѣлаетъ его также чрезвычайно чувствительнымъ къ наружному теплу. Миѣ случалось видѣть, что уже при 8° мороза сѣв. олени, пройдя известное пространство шагомъ, начинали томиться. Слѣдовательно, если въ Лапландіи, въ видѣ исключенія, ихъ впрягаютъ въ соху и въ борону, то это дѣлается по необходимости и наперекоръ природѣ. Лишь въ гористомъ краѣ оленеводство въ состояніи, какъ у Койбаловъ, примкнуть къ верблюдоводству, потому что тутъ можетъ быть рѣчь только о переселеніи домашнихъ животныхъ, встрѣчающихся у первобытныхъ народовъ, а не объ акклиматизаціи ихъ. Даже зимою приходится черезъ каждые полчаса останавливаться на 10 минутъ, чтобы дать животнымъ возможность перевести духъ и успокоить волнующуюся кровь ихъ; при всемъ томъ они не упускаютъ случая постоянно на бѣгу подхватывать снѣгъ, чтобы освѣжиться; весною или даже лѣтомъ возможно путешествовать только ночью и все-таки это чрезвычайно утомляетъ животныхъ. Они часто бросаются на землю и не встаютъ даже, не взирая на всевозможныя истязанія. Самоѣды не рѣдко считаютъ это за плутовство и лукавство и повидимому, по молодымъ, мягкимъ роговымъ стволамъ, умѣли отличать дѣйствительно-ли у животныхъ приливъ крови къ головамъ, или нѣтъ, и если по осмотру находили, что животныя просто лѣнятся, то тѣмъ свирѣпѣе трясли ихъ за весьма еще чувствительные роговые отростки. Даже, на свободѣ, сѣв. олени въ знойные дни глядятъ какъ-то уныло. Притомъ въ теплыхъ мѣстахъ насѣкомыя, въ особенности оленьи оводы, свирѣпствуютъ гораздо безжалостнѣе. Такъ еще подъ 72° с. ш., подъ спинной кожей заколотога съ этою цѣлью оленьяго теленка я насчиталъ болѣе 150 личинокъ оленьяго овода, въ бобъ величиною. Теленокъ этотъ былъ взятъ изъ стада на удачу. Такъ страдали всѣ животныя. Личинки сидятъ съ двухъ сторонъ вдоль позвоночнаго столба, на ладонь ширины отъ него. При снятіи шкуры, снимаются и сумочки личинокъ, тѣсно прилегающія къ нимъ. Только на нижней части спины и на крестцѣ, гдѣ ихъ было сличкомъ много, сумочки эти, очевидно вслѣдствіе сильнаго воспаления, срослись съ подкожною сухожильною оболочкою, такъ что личинки висѣли на мясѣ¹⁾.

Слѣдовательно, гдѣ сѣв. олени при наступленіи теплой погоды лишены возможности перебраться на горныя вершины, по возможности покрытыя снѣгомъ, или къ Ледовитому океану, тамъ они въ особенности подвержены опасности заболѣть сибирскою язвою. Если при этомъ на пастбищахъ собирается слишкомъ большое количество животныхъ²⁾, какъ это положительно бываетъ на сѣверѣ Европейской Россіи, то зараза дѣй-

1) Было бы чрезвычайно важно дознаться практически, дѣйствительно-ли, какъ говоритъ Палласъ, *Uegatum album* съ пользою можетъ быть употреблено противъ оленьихъ оводовъ (можетъ быть даже противъ слѣпней).

2) А. Шренкъ справедливо считаетъ поварьяныя болѣзни въ тундрахъ по сю сторону Урала регуляторами, которые одинъ только онигъ даютъ возможность оленьимъ жхамъ оправиться, благодаря продолжительному отдыху, и снова достигнуть необходимой пышности.

стствует тѣмъ губительнѣе, и гибели избѣгаютъ только такіа стада, которыя во-время успѣли удалиться въ самые недоступные уголки глубокаго сѣвера.

Образованію и распространенію чумныхъ болѣзней лучше всего могла бы противо-дѣйствовать болѣе сильная эксплуатація стадъ посредствомъ рациональнаго употребленія ихъ на убой. Укрѣпленіе тѣла, большее изолированіе, избѣганіе неблагоприятныхъ мѣстностей, вотъ единственныя средства, которыми можно дѣйствовать въ первобытныхъ мѣстахъ противъ повальныхъ заразы, а не командировка ветеринарнаго врача, какъ это принято и требуется закономъ.

На Становомъ хребтѣ чумныя болѣзни повидимому бывають рѣже, чѣмъ на сѣверѣ¹⁾.

Но спрашивается: какъ великъ долженъ бы быть процентъ употребленія такихъ стадъ на убой? Всѣ показанія сходятся въ томъ, что осенью изъ стада сѣв. оленей смѣло можно бы было закалывать $\frac{1}{6}$ и даже $\frac{1}{3}$ часть всѣхъ головъ²⁾. Это осторожный расчетъ, потому что въ гасіендахъ Южной Америки назначается на убой $\frac{1}{4}$ часть стадъ рогатаго скота³⁾. И тамъ стада болѣею частию состоятъ приблизительно изъ 1000, а иногда содержатъ также отъ 4 до 20 тысячъ головъ.

Чѣмъ меньше общее количество стада, тѣмъ осторожнѣе имъ слѣдуетъ пользоваться⁴⁾, тѣмъ больше становится пропорція необходимѣйшихъ вьючныхъ животныхъ, гѣмъ чаще случается недонашиваніе телятъ вслѣдствіе напряженія стелекъ, пока наконецъ при стадѣ всего въ 10 головъ владѣльцу лишь при случайныхъ несчастіяхъ представляется возможность отгнѣдать оленьяго мяса. О сбытѣ, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи. Вотъ почему пастуху - кочевнику надобно по крайней мѣрѣ нѣсколько сотенъ животныхъ, чтобы имѣть возможность скромно существовать исключительно произведеніями своего стада. Если ему однакоже не представится случай сверхъ того значительно поживиться звѣриною ловлею, то онъ и тутъ еще подвергается явной опасности попасть въ просакъ, и въ такомъ случаѣ стаду вскорѣ угрожаетъ очевидная опасность.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, которое окончательно губить олени стада уже обѣднѣвшихъ племенъ. Оно заключается въ вѣрованіи Самоѣдовъ

¹⁾ Рѣчь шла о чумѣ, дѣйствовавшей губительно въ томъ 1829 году.

²⁾ Мы застаи слѣдующій составъ стадъ:

Стельныхъ коровъ	4	до	2	стада
Молодаго скота	3		12	
Убойнаго скота	3	до	2	"
Племенныхъ быковъ	1		12	"
Воловъ	1		12	"

³⁾ Срав. напр. Роерриг. Reise, I. p. 132, 133.

⁴⁾ Въ Европѣ необходимость беречь дикія стада оказала столь настоятельную, что Вагенгеймъ (Hartig, Forst- und Jagd-Archiv, 1816, I. 1, p. 46) заканчиваетъ свое интересное изслѣдованіе тѣмъ, что хотя старыя лосины

всегда имѣють по 2, даже по 3 теленка, онъ все-таки не рѣшается въ годъ убивать болѣе 10—12 штукъ (въ томъ числѣ 8—9 негодныхъ по старости лосей и лосицъ), если на одномъ участкѣ, считая молодыхъ и старыхъ, не болѣе 100 животныхъ и если мы хотимъ, чтобы составъ лосьяго стада не подвергся опасности уменьшиться. Правда, что въ такомъ совѣтѣ кроется добрая доля нѣмецкой осторожности. Но если даже не принять въ расчетъ экстренныхъ несчастныхъ случаевъ, то все-же, по строго математическому исчисленію вѣроятностей, и формулы не подають намъ особой надежды. Срав. Миддендорфа, Естеств. исторія медвѣдя Бурого, 1831, стр. 276. изъ соч. Ю. Симашико: «Русская Фауна».

и Тунгусовъ, что лучшія упряжныя животныя каждаго умершаго хозяина должны сопровождать его на тотъ свѣтъ. Такъ въ мое время, въ честь и въ успокоеніе души богатаго Самоѣда, принявшаго православіе, заколото было 20 лучшихъ упряжныхъ сѣв. оленей. Лучшая сторона этого обычая еще заключается въ томъ, что тамъ шаманы не одни поѣдаютъ животныхъ. Противодѣйствуя такому обряду, а не поддерживая его изъ своекорыстныхъ видовъ¹⁾, можно было бы очень помочь кочевникамъ, олени стада которыхъ и такъ уже сильно убываютъ.

Наконецъ мы должны затронуть еще одинъ важный вопросъ. Выше я говорилъ о томъ, что сѣв. олени очень жадны до всего, что содержитъ въ себѣ соль. Столь-же необходимо это рогатому скоту и лошадямъ. Недавно Г. Бунге отлично доказалъ, что это обусловлено химическими данными. Въ луговыхъ степяхъ (prairies) Америки соль служитъ главнымъ вспомогательнымъ средствомъ, чтобы регулярно по вечерамъ собирать въ извѣстныхъ мѣстностяхъ стада полудикихъ домашнихъ животныхъ. Въ Сибири это попеченіе ограничивается ежедневной естественной дистилляціей пастуховъ и огонькомъ, который разводится для того, чтобы служить убѣжищемъ для животныхъ, мучимыхъ насѣкомыми. Сильную потребность въ соли животныя доказываютъ жаднымъ испиваніемъ морской воды. Иной сѣверный Финнъ, при помощи вышеупомянутой собственнѣйшей цѣженной приправы, приготовляетъ для своихъ оленей и рогатаго скота изъ нелюбого подспорья сѣна вкусный кормъ. Столь важная для всякаго человѣка и животнаго, жизненная потребность, какъ соль, къ величайшему вреду для государственнаго хозяйства, обращена въ источникъ доходовъ государственной казны. Это необходимо отмѣнить.

Скотоводству оказали бы огромную пользу, если бы приняты были мѣры ко введенію устройства сѣнныхъ сараевъ. Повсюду, и чѣмъ лѣсистѣе мѣстность, тѣмъ сильнѣе, раздаются жалобы, что все сѣно сгниваетъ отъ частыхъ дождей. Слѣдовало бы только лѣсъ на мѣстѣ срубить на саран. Труднѣе всего было бы устраивать крыши. Въ случаѣ недостатка коры хвойныхъ деревьевъ, прекрасно могъ бы бѣть устроенъ весьма простой снарядъ для выдѣлки гонтовъ, приводимый въ движеніе водою, особенно тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ возможна доставка водою на очень далекія разстоянія.

Для правильнаго пониманія условій перехода отъ дикаго кочеваго пастушества къ скотоводству, необходимо рассмотретьъ еще нѣкоторыя обстоятельства.

Что въ сѣверныхъ горныхъ странахъ такъ называемое дикое скотоводство должно продержаться еще нѣсколько столѣтій, это достаточно доказываетъ Норвежскій Финмаркенъ. Но особенно поучительными мнѣ показались переходныя условія, съ которыми я ближе ознакомился въ сѣв. Финляндіи, вверхъ до Лапландіи.

Переходъ отъ пастушеской жизни къ скотоводству улаживается не безъ затрудненій и легко приводитъ даже къ полному разстройству хозяйства. Затрудненія усиливаются въ особенности при переходѣ отъ одного рода домашнихъ животныхъ къ другому.

¹⁾ «Помины», отвѣтилъ мнѣ на мои замѣчанія Самоѣдскій старшина Тойчумъ, спасшій мнѣ жизнь. Этимъ же самоѣдскимъ словомъ, усвоеннымъ отъ культурныхъ народовъ, все выразилось коротко и ясно.

Владынецъ сѣв. оленей, намѣревающійся постепенно перейти къ разведенію рогатаго скота, легко можетъ придти въ такое затруднительное положеніе, что не сладитъ, какъ слѣдуетъ, ни съ тѣми, ни съ другимъ. Ради примѣра, могущаго лучше уяснить дѣло для непосвященныхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ особенныхъ свойствахъ, которыми означенныя животныя отличаются другъ отъ друга.

Корова безъ отвращенія съѣдаетъ свѣжій лошадиный пометъ, такъ что въ Европѣ нѣкоторые скотоводы основали на этомъ прокармливаніе скота.

Въ Норвегіи уже несконн варятъ лошадиный навозъ съ рыбьими костями и рогатый скотъ жадно съѣдаетъ этотъ наваръ¹⁾, находясь при этомъ въ такомъ хорошемъ положеніи, что въ повѣйшее время опытный прогрессивный сельскій хозяинъ рекомендовалъ въ журналахъ этотъ способъ прокармливанія. Я готовъ видѣть въ этомъ нѣкоторое сходство съ кормленіемъ масляными лепешками²⁾.

Лошадь же, напротивъ того, не ѣстъ даже свѣжей травы, если послѣдняя достигла роскошнаго роста вслѣдствіе удобренія коровимъ навозомъ.

Изъ Норвегіи же опять намъ извѣстно³⁾, что корова очень брезгаетъ пометомъ сѣв. оленей; не прикасается къ травѣ, унавоженной имъ, даже не ѣстъ травы или сѣна, на которомъ, хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, стояла нога сѣв. оленя.

Но это подъ конецъ все-таки улечучивается и я привелъ эти случаи только потому, что мнѣ хотѣлось нагляднѣе показать, что для различныхъ домашнихъ животныхъ существуютъ различныя жизненныя условія, и что вслѣдствіе этого нерѣдко возникаютъ противоположныя требованія. Съ другой стороны и человѣкъ иногда сумѣлъ преобразить жизненныя условія различныхъ домашнихъ животныхъ до такой степени, что животныя, которыя могли бы пополювать другъ друга, враждуютъ между собою. Такъ напр. въ 1770 году, какъ извѣстно, Датское правительство завело сѣв. оленей въ Исландію, горы которой, покрытыя мхами, должны были такимъ образомъ послужить ко благу Исландцевъ. Животныя дѣйствительно стали быстро размножаться, но до такой степени стали противны Исландцамъ, что въ настоящее время послѣдніе, пожалуй, опять совершенно истребили ихъ: по крайней мѣрѣ, мнѣ, при посѣщеніи Исландіи, невозможно было собрать вѣрныя свѣдѣнія о томъ: водятся ли еще сѣв. олени на этомъ островѣ, или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что, подобно всѣмъ почти сѣверянамъ, Исландцы приучили рогатый скотъ свой и овецъ, въ случаѣ надобности, за недостаткомъ сѣна зимою, кромѣ листьевъ, вереска и морской капусты, довольствоваться также оленьимъ мхомъ, который приправляютъ рыбьимъ наваромъ, разваренными рыбьими внутренностями и рыбьими костями. Сѣв. олени вскорѣ слишкомъ усердно принялись за уничтоже-

¹⁾ Capel Brooke, A winter in Lapland, p. 323.

²⁾ Срав. Миддендорфа, Bericht über einen Abstecher durch das Innere von Lapland, въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reichs, Бэра и Гельмерсена, 1845. XI, стр. 171.

³⁾ Впервые сообщено Бухомъ (Reise durch Norwegen und Lapland, 1810, p. 435); впоследствии подтверждено многими другими.

ніе моховиковъ Исландіи, такъ что Исландцы, существованіе которыхъ основано на скотоводствѣ и преимущественно на овцеводствѣ, возненавидѣли сѣв. оленей.

По древнѣйшимъ скандинавскимъ извѣстіямъ лошадь существовала у Финновъ рядомъ съ сѣв. оленемъ до завоеванія Скандинавіи германскими племенами. Всѣ другія животныя получены Финнами, какъ доказываетъ ихъ языкъ, отъ Германцевъ¹⁾. Слѣдовательно рогатый скотъ у Финновъ лишь въ новѣйшее время подвинулся къ сѣверу. Медленно, но положительно, онъ пробрался во всѣ низменности, даже быстрѣе по самымъ сѣвернымъ морскимъ побережьямъ, чѣмъ во внутреннихъ, отчасти гористыхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время даже рыбаки, ежегодно отправляющіеся лѣтомъ съ южныхъ береговъ Бѣлаго моря въ Русскую Лапландію, къ берегамъ сѣв. Ледовитаго океана, съ завистью жалуются, что Норманъ съ своей короной непозволительнымъ образомъ начинаетъ селиться на Рыбачьемъ полуостровѣ, самомъ сѣверномъ отросткѣ Лапландскаго полуострова, вдающемся въ Ледовитый океанъ²⁾. Даже тутъ, гдѣ доселѣ господствовали одни лишь сѣв. олени Лапландца, рогатый скотъ уже сталъ отодвигать ихъ отъ побережья и отгѣснять во внутреннія части. За то только, что корова явилась тамъ подъ норвежскимъ флагомъ, бюрократическое неблагоразумье вздумало пожертвовать ею въ пользу оленя, и притомъ въ виду блистательнаго примѣра, поданнаго намъ скотоводствомъ, заведеннымъ иноками Соловецкаго монастыря. Подобное распространеніе скотоводства въ отдаленномъ будущемъ предстоитъ также сѣверу Сибири. Но не вездѣ это совершается безъ внутренней борьбы. Поселянинъ колеблется, потому что онъ консерваторъ и справедливо не довѣряетъ нововведеніямъ, пока не научится справляться съ ними.

Въ Оялѣ, въ сѣв. Финляндіи, я встрѣтилъ крестьянина, который кромѣ своихъ 6 лошадей, да рогатаго скота, составившаго стадо въ 15 коровъ и 2 быковъ, держалъ еще стадо въ 100 сѣверныхъ оленей. Но для нихъ ему пришлось держать особаго пастуха, который долженъ былъ оберегать ихъ отъ насѣкомыхъ на открытыхъ мѣстахъ, въ районѣ болѣе соединенныхъ между собою водныхъ пространствъ. Зимой уже легче было караулить ихъ въ обширныхъ изгородахъ, составленныхъ посредствомъ засѣкъ. Рогатый же скотъ лѣтомъ пасся безъ присмотра среди необозримо большаго пространства, ограниченнаго съ обѣихъ сторонъ множествомъ озеръ и имѣвшаго только два входа, одинъ спереди, другой сзади, т. е. перешейки, у которыхъ рукава этихъ озеръ близко сходились между собою и которые заканчивались плотными засѣками. Такимъ образомъ становилось возможнымъ съ успѣхомъ отдѣлить обѣ породы животныхъ одну отъ другой, но въ заключеніе сѣв. оленямъ все-таки придется отступить передъ рогатымъ скотомъ.

Дадѣ къ востоку Пустозерскъ, 30 лѣтъ тому назадъ, представлялъ, да вѣроятно

¹⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, p. 33, 50.

²⁾ 1810 года, уже до 20 головъ рогатаго скота, которыхъ зимою приходилось главнымъ образомъ довольствоваться оленнимъ мхомъ.

³⁾ На Лапландскомъ берегу Бѣлаго моря, подъ полярнымъ кругомъ, въ деревнѣ Поной, я засталъ, лѣтомъ

и теперь еще представляет подобное-же зрѣлище¹⁾. Но у богатаго жителя этой мѣстности больше, даже отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 тысячъ сѣв. оленей, которыхъ онъ употребляетъ преимущественно въ качествѣ упряжныхъ животныхъ, для своихъ торговыхъ дѣлъ. Главный промыселъ его составляютъ рыболовство и ловля морскихъ животныхъ, но и рогатый скотъ уже успѣлъ тамъ водвориться, преуспѣваетъ и принадлежитъ къ извѣстной холмогорской породѣ. Разведеніе рогатаго скота успѣло упрочиться, потому что какъ ни незначительно оно, но уже можетъ переносить невзгоды. Съ каждымъ годомъ оно станетъ не уменьшаться, а возрастать. Пустозерскъ доказываетъ убѣдительно, что Палласу по недоразумѣнію навязали ошибочное мнѣніе²⁾, будто бы въ сосѣднемъ Обдорскѣ ни одна рогатая скотина не въ состояніи прожить болѣе 4 лѣтъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя Кастренъ нашелъ, что въ Обдорскѣ коровы и овцы «не очень рѣдки»³⁾.

Несравненно труднѣе устраивается дѣло тамъ, гдѣ изъ небольшихъ зачатковъ хотятъ выростить подобныя большія стада. Это доказалъ намъ Удской острогъ, это еще яснѣе видѣлъ я въ нѣсколькихъ поселеніяхъ на Енисеѣ ниже Туруханска. Гдѣ держатъ одну только корову, тамъ уже нельзя добыть быка, тамъ такъ легко причиняютъ бѣду упряжныя собаки проѣзжихъ лицъ, еще никогда не видавшія коровы, тамъ хищныя животныя направляютъ свои нападенія положительно на одинъ пунктъ, тамъ съ гибелью одного животнаго все дѣло покончено. Но на большой рѣкѣ, по которой теперь даже ѣздятъ пароходы, легко можно пополнять убыль сверху и пополненіе это повторяется до тѣхъ поръ, пока наконецъ новые подростки успѣютъ вполне укрѣпиться.

Въ иномъ положеніи находится кочевой охотникъ въ горахъ. У Тунгусовъ восточной Сибири оленеводство уже пришло въ такой упадокъ, что они не въ состояніи оправиться. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія былъ богатый старшина Ламутовъ, Гарамзинъ, у котораго было до 3000 сѣв. оленей⁴⁾. Уже Георги разсчиталъ⁵⁾, что 10 сѣв. оленей не въ состояніи прокормить одного Тунгуса, и нашелъ, что у болѣе зажиточныхъ было до 50 животныхъ⁶⁾. Георги былъ совершенно правъ; 10 сѣв. оленей не только не могутъ прокормить Тунгусское семейство, но даже лишь при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва достаточны для сохраненія необходимаго количества вьючныхъ животныхъ, коль скоро могутъ быть закалываемы только такія животныя, которыя сдѣлались негодными.

Если Тунгусъ хочетъ навѣрное прокармливать охотою и рыболовствомъ, то онъ долженъ быть готовъ на самыя дальнія странствованія, чтобы, въ случаѣ неудачи на

1) A. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europäischen Russlands, 1848. I, стр. 582. 590.

2) Reise, III, стр. 23.

3) Castrén, Reise-Erinnerungen, 1843, стр. 290.

4) По рукописному дневнику Редовскаго (1806 г.). Аріоски называлось сборное мѣсто при устьѣ Майлы. Уже въ то время Гарамзинъ и другіе Тунгусы Алдан-

скаго хребта отправлялись, черезъ Удской острогъ, къ Китайской границѣ за соболями. Срав. также Сарычева. Путеш. I, стр. 35.

5) Reise, I, стр. 238.

6) Подтвержденіе вышесказаннаго мы встрѣчаемъ и въ Сѣв. Америкѣ. Принцъ Макъ (I, стр. 360) нашелъ, что Индіанцы уже называютъ богачемъ, когда у него отъ 30 до 40 лошадей.

одномъ мѣстѣ, попытать счастье на другомъ. Такимъ образомъ эти кочевники дошли до того, что въ теченіи года проходятъ нѣсколько тысячъ верстѣ. Вслѣдствіе этой потребности, на Алданскомъ и Становомъ хребтѣ за сѣвернаго оленя платятъ такія цѣны, которыхъ Тунгусъ уже едва-ли въ состояніи платить. Ниже, въ главѣ о Тунгусахъ, мы еще нѣсколько ближе взглянемъ на эти замысловатыя отношенія.

Старанія завести снова оленеводство въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оно уже совершенно прекратилось, составляютъ такое предпріятіе, за которое можно взяться только въ чрезвычайно благоприятной мѣстности и притомъ съ самаго начала въ довольно большихъ размѣрахъ. Не рѣдко самый фактъ неудачи уже служитъ указаніемъ, что съ теченіемъ времени условія измѣнились и что наступаетъ періодъ другой, болѣе высокой культуры, затрудняющій кочевые порядки, съ которыми сопряжена пастушеская жизнь оленеводовъ.

Если мы въ заключеніе взглянемъ снова на эксплуатацію животной силы со стороны первобытнаго человѣка, то прежде всего насъ должно поразить то, что оба избранника крайнихъ полярныхъ странъ, сѣв. олень и собака (хотя одинъ изъ нихъ, какъ жвачное, а другой, какъ хищное животное, принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ организаціямъ), все-таки сходны по одной физиологической особенностямъ, которая, кажется, имѣетъ положительное значеніе въ жизни и трудахъ ихъ при самыхъ суровыхъ климатическихъ условіяхъ. У обоихъ животныхъ испарина не выдѣляется чрезъ покровъ тѣла, т. е. чрезъ наружную кожу, но регулированіе испаренія и температуры тѣла совершается посредствомъ многосложной поверхности слизистой оболочки легкихъ; оба они запыхаются, далеко высунувъ языкъ, при чемъ грудная полость дѣйствуетъ въ видѣ мѣха. Въ практическомъ отношеніи непотѣбнѣе тотчасъ-же бросается путешественнику въ глаза тѣмъ, что мѣховую одежду, за сухостью которой зимою нужно строго слѣдить, смѣло можно класть подъ вѣочное сѣдло на спину сѣв. оленя: одежда даже не отсырѣетъ.

Вслѣдствіе того, что сѣв. оленю и собакѣ, при помощи рта съ одной стороны и упомянутаго мѣха съ другой стороны, дана возможность ежеминутно, вдругъ и сообразно потребности въ данное мгновеніе, регулировать истокъ собственнаго тепла тѣла, т. е. или усиливать его по усмотрѣнію, или уменьшать до крайности, — оба они по возможности предохранены отъ вліянія невзгодъ и рѣзкихъ климатическихъ скачковъ температуры. Они не забнутъ, не покрываются льдомъ, не подвергаются такимъ неизбѣжнымъ случайностямъ злѣйшихъ ревматизмовъ, какъ животныя, шкура которыхъ при напряженіяхъ пропитывается потомъ, и въ такомъ видѣ, по самымъ простымъ и физическимъ причинамъ, не въ состояніи переносить внезапно наступающія бури, при стужѣ, доводящей ртуть до замерзанія. Что происходитъ на сѣверѣ съ потовыми железами собакъ, у которыхъ онѣ, какъ извѣстно, потѣютъ только на ступняхъ, т. е. отступаютъ ли онѣ такъ

же на второй планъ и остаются неразвитыми, это необходимо было бы еще излѣдовать. Во всякомъ случаѣ животныя, даже при самыхъ дурныхъ условіяхъ, не страдаютъ ознобами и не смороживаютъ себѣ ногъ, но сравнительно легко стираютъ себѣ до крови подошвы бѣганіемъ, а потому повсюду, гдѣ держать собакъ, употребляются сапожки (бокарки собачьи¹⁾) или поршни.

Собака и сѣв. олень, какъ уже замѣчено было выше, взаимно дополняютъ друга; преимущественно смотри по условіямъ питанія. По этому, при усиленіи культуры, собаку вытѣсняетъ не сѣв. олень, а лошадь.

Замѣчательно, что съ развитіемъ культуры (какъ мы уже замѣтили выше въ другомъ отношеніи) опять наступаетъ время, когда и собака, къ собственному своему вреду, снова пріобрѣтаетъ свое старинное право служить упряжнымъ животнымъ. Les extrêmes se touchent. По мѣрѣ того какъ пріобрѣтеніе и содержаніе большихъ домашнихъ животныхъ становится все дороже, а съ другой стороны увеличивается количество объѣдковъ человеческой пищи, которыми культурный человѣкъ, даже бѣднѣйшій, начинаетъ пренебрегать, оказывается надежный и дешевый способъ содержанія всеяднаго животного, собаки, и Европа, въ особенности Германія, снова вирягаетъ собаку. Если я не ошибаюсь, въ Англіи не дѣлаютъ этого лишь вслѣдствіе запрещенія, очевидно внушеннаго предразсудками. Спрашивается только, станетъ-ли Европа, успѣвшая ввести у себя конину, подражать со временемъ Китаю и островамъ Великаго океана также въ томъ, что и безъ нужды, вызванной осаднымъ положеніемъ, на рынкахъ будутъ продавать собачье и крысье мясо. Такъ называемый кровельный заяцъ Парижскихъ ресторацій подаютъ поводъ допустить такое предположеніе.

Но какъ различно все-таки слагаются взгляды! Въ Европѣ почти само собою кажется понятнымъ, что человѣкъ вирягается въ повозку, чтобы помочь своей вѣрной собацѣ. Въ Сибири, гдѣ нерѣдко также настоятельно требуютъ этого особенныя обстоятельства, этимъ обозначается низшая школа собачьей упряжи. Тамъ, гдѣ послѣдняя успѣла достигнуть извѣтнаго развитія, человѣкъ не только заставляетъ ее возить себя, но часто съ большимъ трудомъ управляетъ необузданною, несущемою во весь опоръ, сворою, при помощи разумнаго передоваго вожака, пса.

Если мы станемъ доискиваться окончательной причины, придающей разнымъ упряжнымъ животнымъ у первобытныхъ народовъ особенное значеніе, то мы все-таки опять столкнемся съ безпутницей, о значеніи которой мы говорили уже на стр. 533. Она заставляетъ прибѣгать то къ тому, то къ другому средству, чтобы имѣть возможность двигаться впередъ.

Въ первобытныхъ мѣстностяхъ человѣкъ въ состояніи удержаться только тѣмъ, что принаравливается къ естественнымъ условіямъ. Если напр. непомерно-глубокій снѣгъ затрудняетъ ходьбу, какъ это описано на стр. 512, то вы рады-радехоныки, когда доберетесь

¹⁾ Такъ они назывались на Хатангѣ

до рѣки, на которой ледяной покровъ провалился подъ тяжестью снѣга, такъ что выступившая вода, пропитавъ снѣгъ, превратила его въ плотно-замерзшую дорогу. Становишься перазборчивымъ, радуешься, что подвигаешься впередъ, если даже открытая дорога ведетъ на западъ, вмѣсто того чтобы на югъ. Радуешься, когда весеннее солнце сдѣлало тоже самое, т. е. спекло затруднявшій васъ снѣгъ, и за тѣмъ передало его въ распоряженіе мороза (часть и убой), такъ что полозья скользятъ съ удивительною легкостью. Съ удовольствіемъ мѣняешь дневныя путешествія на ночныя странствованія, чтобы воспользоваться ночными морозами. Стараешься даже подмочь дѣлу и предусмотрительно подготавливаешь дорогу на слѣдующую ночь тѣмъ, что на всемъ пространствѣ притаптываешь снѣгъ лыжами¹⁾. Освѣщенный на такомъ мѣстѣ снѣгъ иногда держитъ въ слѣдующую ночь и собакъ и сани, тогда какъ рядомъ съ нимъ проваливаешься. Съ какимъ тщаніемъ въ этихъ случаяхъ отыскиваешь въ глубинѣ заметныхъ снѣгомъ равнинъ крѣпкую подстилку, которую представляютъ слѣды прежнихъ путниковъ, запесенные лишь рыхлымъ снѣгомъ. Палка превращается въ тщательно сондирующій шупъ.

Съ восторгомъ привѣтствуешь счастливую находку, которую представляетъ среди первобытной природы всякій, неожиданно открываемый, проторенный путь.

Европейцы, незнакомые съ способомъ путешествія среди первобытной природы, обыкновенно совершенно ложно судятъ о времени, необходимомъ для того, чтобы пройти большія пространства и притомъ не перемѣняя животныхъ. Важное вліяніе безпутницы на совершеніе путешествія въ первобытной природѣ особенно поразительно высказывается въ томъ, что вы вездѣ ежедневно совершаете въ сложности не болѣе 4 до 6 геогр. миль и что при этомъ сравнительно почти все равно, какое домашнее животное вы станете употреблять, потому что, смотря по силѣ его, главнымъ образомъ измѣняются только размѣры тяжести, которую вы можете взять съ собою.

Станете ли вы спрашивать, какъ великъ переходъ, который совершаетъ въ день кочующій пѣшкомъ сѣверо-американскій Индѣецъ, немѣющій домашняго животнаго, или полярный путешественникъ, пытающійся пробраться на салазкахъ, намфрены ли вы путешествовать по ровной степи на собакахъ, на лошадяхъ, на сѣв. оленяхъ (либо впрягая ихъ въ повозку, либо навьючивая ихъ, либо сидя на нихъ верхомъ), или вы наконецъ хотите ѣхать на верблюдахъ²⁾, все-же вамъ придется удовольствоваться неизбѣжными 4—6 геогр. милями, составляющими средній размѣръ совершаемаго въ день перехода; къ этому слѣдуетъ еще прибавить необходимыя дневки и необычныя препятствія, вызываемыя бурями и непогодами, временемъ года и мѣстностью, безпутницей, водой и т. д. Въ сказанномъ отношеніи и слонъ не составляетъ исключенія.

¹⁾ Слѣдовательно извѣстіе, которое сообщаетъ старикъ Витсеу (II. стр. 473; не вымыселъ, какъ ни баснословно оно показалось Европейцамъ. Срав. также сказанное на стр. 372.

проходить въ день до 46 верстъ (Basiner въ Beitr. zur Kenntn. d. Russ. Reichs, XV, стр. 48). Среднее число всѣхъ переходовъ въ день составляетъ $31\frac{1}{2}$ версты или почти $4\frac{1}{2}$ пѣм. мили.

²⁾ На верблюдахъ улаживается, когда раскочаешься.

Только тогда, когда мы все это примемъ въ соображеніе, намъ станетъ понятно, почему кочевникъ, отправляющійся въ путь со всёмъ своимъ скарбомъ и съ своими стадами, проходить въ день такое незначительное пространство. Число его переходовъ совпадаетъ съ числомъ «дневокъ», «почевокъ» и «установокъ котловъ». Это служитъ ему единицей для опредѣленія пройденнаго пространства. Но этотъ масштабъ имѣетъ неопредѣлимую растяжимость. Больше всего, безъ сомнѣнія, распространено выраженіе, которое употребляютъ Якуты для такой путевой и походной единицы: кѣссъ¹⁾. Какъ татарско-монгольское племя тянется по западной сторонѣ азіатскаго плоскогорья отъ крайняго сѣверо-востока до отдаленнаго юга, такъ точно распространено, рядомъ съ словомъ улусъ, это якутское выраженіе кѣссъ. Въ Афганистанѣ, гдѣ улусъ значитъ тоже, что у Якутовъ, мы встрѣчаемъ и слово кѣссъ, но оно сѣжилось тутъ всего въ 2½ версты²⁾, тогда какъ у Якутовъ, да у Киргизовъ оно обнимаетъ 5—10 верстъ. Эта слишкомъ малая мѣра, рядомъ со многими другими признаками болѣе южнаго происхожденія, по-видимому указываетъ также на то, что Якуты, прежде чѣмъ были отбѣснены къ сѣверу, преимущественно пасли овецъ. Употребляемая же на сѣверѣ мѣра для опредѣленія дневнаго перехода, вездѣ извѣстная тамъ подъ названіемъ аргынь, сводится на вышеприведенныя 4—6 геогр. миль.

---

¹⁾ Казацкое названіе «Кошевой атамая» также, какъ извѣстно, находится въ связи съ этимъ многозначущимъ кѣссъ.

²⁾ Petermann, Geogr. Mittheilungen, 1857, IV и V, стр. 216.

Коренные жители Сибири.

Повозки кочевниковъ.

О глубокой древности употребленія упряжныхъ собакъ несомнѣнно свидѣтельствуеъ чрезвычайно искусственное устройство употребляемыхъ для этой ѣзды саней. Оно носитъ на себѣ, даже въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ, явный отпечатокъ появлявшихся мало помалу улучшеній и переходившихъ изъ рода въ родъ усовершенствованій, которыя, вслѣдствіе тысячелѣтныхъ опытовъ, сложились въ особый характеристичный принципъ.

Этотъ принципъ заключается въ упруго-податливомъ сочетаніи всѣхъ отдѣльныхъ частей повозки. Основу его составляетъ необходимость, при извѣстной степени податливости, или я почти готовъ сказать посредствомъ ея, достигнуть наибольшей, по возможности, силы сопротивленія. Такая сила, въ примѣненіи къ непроторенной первобытной природѣ, достигается не упорною твердостью, а посредствомъ превосходной способности принаравливаться, т. е. при помощи упругой податливости.

Примѣненіе этого принципа по-видимому получило начало свое у первобытныхъ народовъ на берегахъ Берингова моря, и служитъ характеристическою чертою сѣверо-азіятскихъ судовъ и повозокъ.

Не постигнувъ этого принципа при устройствѣ своихъ саней на подобіе собачьихъ санокъ Эскимосовъ, Кэнь¹⁾, несмотря на то, что снаряжился въ походъ лучше всѣхъ полярныхъ путешественниковъ²⁾, засѣлъ въ рыхломъ снѣгѣ, какъ я вижу изъ замѣтки, которую я записалъ у себя въ свое время.

Крѣпкость камчатскихъ собачьихъ санокъ, не смотря на чрезвычайно незначительный

¹⁾ Arctic explorations, I, 1856, стр. 219, 220, 457; II, стр. 98.

²⁾ Когда я писалъ это, знаменитая Австрійская экспедиція еще не была совершена.

вѣсъ ихъ, возбуждало уже удивленіе Стеллера ¹⁾. Онъ говоритъ : «Камчатскія сани такъ хорошо приспособлены къ силамъ собакъ и къ гористой мѣстности края, что искуснѣйшій механикъ не могъ бы придумать ихъ лучше. Они основаны, кажется, на анатоміи человѣческаго тѣла... Хотя вѣсъ части ихъ очень тонки и гибки, но онѣ все-таки выдерживаютъ такое давленіе, что нельзя довольно надивиться имъ. Частенько такъ сильно пабъзаеши на деревья, что сани сгибаются почти на двое³, а все-таки они не повреждаются.»

Но главное достоинство ихъ заключается все-таки не въ крѣпости верхняго станка, а въ эластичной гибкости полозьевъ, именно въ томъ отношеніи, что они могутъ принаравливаться къ волнистой поверхности снѣга. Чтобы достигнуть верха совершенства, эти полозья должны быть длиною до 9 футовъ, шириною почти въ $\frac{1}{2}$ фута и толщиною сначала въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, но потомъ эта толщина уменьшается, потому что полозья стираются. При такой тонкости и такой значительной длинѣ, санки на ходу представляютъ нѣчто въ родѣ лыжъ, тѣмъ болѣе что тяжесть, которая можетъ быть навалена на нихъ, простирается до 30 пудовъ. При такомъ сильномъ грузѣ гнутся отдѣльныя части полозьевъ, принаравливаясь, на ходу, къ обусловливающимъ неровностямъ снѣжной поверхности. По этому они не врѣзываются въ снѣгъ, какъ болѣе короткія, узенькія, толстыя и крѣпкія полозья обыкновенныхъ саней, которыя на непроторепныхъ дорогахъ при глубокомъ снѣгѣ проваливаются даже безъ груза и взрываютъ борозды снѣга.

Помимо основнаго факта, что полозья должны быть гибки, метода устройства саннаго кузова получила два противоположныхъ направленія. Камчатскій кузовъ, устройство котораго напоминаетъ наши стулья, сплетенныя изъ ивовыхъ прутьевъ, поставленъ на такія высокія стойки, что вамъ до всякое время удобно соскочить и вскочить. Основной идеи полозьевъ онъ соотвѣтствуетъ меньше, потому что главнымъ образомъ рассчитанъ на возможно-большую легкость собственнаго вѣса и только на легкую нагрузку, бчевидно и на меньшее количество упряжныхъ животныхъ. Въ специальной отдѣлкѣ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя начинаются у сѣверо-западнаго берега Америки ²⁾ и кончаются у Эскимосовъ. Такъ устроены камчатско-американскія сани.

Другое устройство верхней части саней представляютъ сибирскія нарты, которыя преимущественно, кажется, рассчитаны на грузы, и потому должны устраиваться поплотнѣе, дѣлаются безъ кузова, и имѣютъ во всю длину полозьевъ полотно, недалеко отстоящее отъ полозьевъ. Тутъ вполне высказывается польза упругихъ полозьевъ. Ихъ можно сравнить, какъ сказано было, съ лыжами, а потому мы и начнемъ съ того, что сперва посвятимъ нѣсколько словъ лыжамъ лѣсной области Сибири.

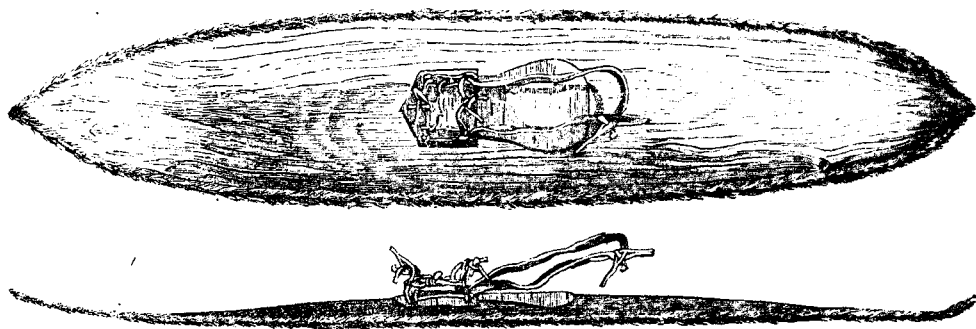
Лыжа служитъ кочевнику зимнимъ челнокомъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, когда послѣ коротенькаго лѣта ему приходится покинуть влажную стихію. Какъ онъ въ челнокѣ ежедневно опорожняетъ и снова разставляетъ свои сѣти, такъ на лыжахъ онъ

¹⁾ Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 370.

²⁾ Срав. Загоскина, Нѣшеходная опись, I, стр. 59.

распорягается съ своими ловушками. Какъ онъ выжидаетъ время, пока успокоятся бушующія волны, и тогда тогда только опять рѣшается отправиться дальше на своемъ челнокѣ, такъ онъ и зимою выжидаетъ, пока пройдетъ метель. Но волны метели цѣпенѣютъ и образуютъ неровности (заструги), которыя затрудняютъ ему путь, и вотъ ему нерѣдко приходится ждать до тѣхъ поръ, пока другая буря въ другомъ направленіи намететъ снѣгъ въ прежнія волнистыя долины и выровняетъ дорогу.

Лыжи, употребляемыя въ Лапландіи и Европейской Россіи, состоятъ изъ тоненькихъ досокъ, въ 4 дюйма ширины и 7 до 8 футовъ длины, съ нѣсколькими загнутымъ сверху носкомъ. По-этому онѣ очень похожи на пару полозьевъ и Сибиряку кажутся не только негодно аляповатыми, но и сдѣланными безъ толку, хотя по срединѣ нижней поверхности ихъ дѣйствительно идетъ продольный желобокъ, въ одну линію глубины и $\frac{3}{4}$ " ширины, предназначенный для того, чтобы нельзя было поскользнуться въ сторону. Онѣ слишкомъ аляповаты, потому что толщиной отъ 1" до $1\frac{1}{2}$ ", и нѣсколько упруги только на крайнихъ концахъ загнутыхъ сверху носковъ. Это приборъ древнихъ Финновъ, которые отъ нихъ получили названіе Skrida Finna, Finni lignipedes. И на Енисей я встрѣтилъ эти лыжи у русскихъ поселенцевъ. Тамъ онѣ называются голицами, въ противоположность лыжамъ, которыя въ мое время стоили до 15 рублей. Настоящій охотникъ не поскупится ни на какое вооруженіе.

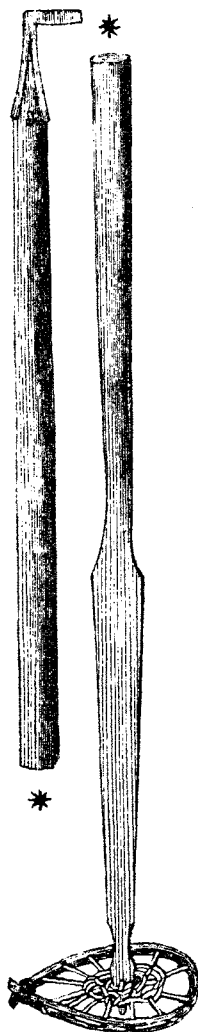
Въ сравненіи съ такими тесаными чурбанами, лыжи кочевыхъ охотниковъ Сибири, сдѣланныя подъ вліяніемъ идеи о необходимости возможно-большой упругости, оказываются художественными произведеніями.

Отобравъ, послѣ долгаго исканія и перебиранія, безусловно прямую, не сучковатую ель, срубаютъ часть ствола въ слишкомъ 5 футовъ длины и раскалываютъ. Если стволъ, согласно ожиданію, расходится по прямой плоскости, безъ изгибовъ, то изъ него выкалывается на сколько возможно тонкая доска и отесывается такъ тонко, что могла бы служить резонансомъ для отличнѣйшаго виолончеля. Какъ при виолончель дѣло идетъ объ удовлетвореніи требованій виртуозности въ искусствѣ, такъ тутъ идетъ рѣчь о гораздо важнѣйшихъ требованіяхъ по части насущной заботы о добычѣ. За тѣмъ доску натяги-

ваютъ и высушиваютъ такимъ образомъ, что она, какъ показываетъ верхній контуръ профиля, принимаетъ очертаніе лука кочевника, т. е. не только по срединѣ, но и по концамъ, приподнята. Кромѣ того устраивается легкая выпуклость сбоку, такъ что доска, на срединѣ своей длины по поперечному разрѣзу, также слегка приподнята. Когда доска окончательно приметъ такую форму, то на обоихъ концахъ ее заостряютъ въ видѣ ланцета съ притупленною оконечностью, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ. Къ нижней сторонѣ посредствомъ бѣлужьяго клея прикрѣпляютъ коротковолосыя шкурки съ оленьихъ ногъ (кама-сы); эти шкурки, чтобы онѣ крѣпче держались, должны заходить за край верхней стороны. Тунгусы, у которыхъ нѣтъ бѣлугъ, готовятъ клей посредствомъ варки хорошо очищенной рыбьей кожи, особенно лоховъ (кеты, ленка). Добываемый такимъ образомъ клей сгущается и сохраняется въ замороженномъ видѣ.

пластинокъ, чтобы онѣ лучше скользили и не уклонялись въ сторону. Случается даже, что онѣ прибѣгаетъ къ особымъ, совершенно узкимъ лыжамъ и подкрѣпляетъ быстроту своего бѣга тѣмъ, что въ каждую руку беретъ снѣговую палку и, сильно напирая обѣими руками, съ большимъ успѣхомъ ускоряетъ передвиженіе ногъ.

Такой-то приборъ, въ слишкомъ 5 футовъ длины и 13 дюймовъ ширины, позволяетъ вамъ пройти нѣсколько миль, въ случаѣ хорошаго состоянія снѣга; при каждомъ шагѣ, который вы дѣлаете, подтягивая за нимъ другую ногу, онѣ несетъ васъ вдвое дальше того, что вы шагнули, а при плохомъ состояніи снѣга представляетъ единственное средство пробираться дальше, и наконецъ даетъ бѣгущему кочевнику возможность не говорю уже утомить, но догнать быстроногихъ оленей. Употребленіе лыжъ подкрѣ-

Наконецъ на срединѣ верхней части лыжи наклеивается попооб-разный кусокъ коры и продѣваются ремни, которые спереди образуютъ плетеную сумку, для вдѣванія носка ноги, а оттуда проходитъ назадъ ремневая петля, обхватывающая пятку.

Хотя обтяжка оленьими шкурками придаетъ лыжамъ бѣольшую тяжесть, но только благодаря щетинистому свойству ихъ возможно взбираться на горы; вмѣстѣ съ тѣмъ при такой ширинѣ достигается надлежащая стойкость. Въ каждой изъ двухъ лыжъ, если онѣ правильно изготовлены, отъ 3 до 3½ фунтовъ вѣсу. Бываютъ обстоятельства, когда легкій вѣсъ и величайшая гибкость такъ важны, что лыжи не обтягиваются оленьими шкурами и послѣднія замѣняются узенькими сухожильными связками, которыя наклеиваются подъ лыжу въ продольномъ направленіи.

Если весною снѣгъ покрывается корою, то Тунгусъ подвязываетъ подъ лыжи пару костяныхъ

плется изображенною выше снѣговою палкою, просвѣтная, оплетенная пластинка котораго, будучи уперта въ снѣгъ, позволяет вамъ упираться, а когда вы ее поднимаете, пропускаетъ лежащій на ней снѣгъ¹⁾). Крюкъ на другомъ концѣ служитъ къ тому, чтобы ухватиться за деревья, въ случаѣ если вы слишкомъ раскатитесь подъ гору.

Говорю я такъ подробно объ устройствѣ лыжъ для того, чтобы доказать, какъ оно вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію и какъ искусно тутъ также примѣнена упругость. Нога стоитъ на свообразной верхушкѣ продолговатой, спускающейся во все стороны, весьма плоской выпуклости. Подъ тяжестью тѣла эта выпуклость становится совершенно плоской, но, благодаря щетинистому свойству оленьей шкуры, которою лыжи обтянуты, придаетъ каждому шагу упругій толчекъ и, тотчасъ же приподнимаясь, когда тяжесть тѣла переходитъ на другую ногу, сбрасываетъ снѣгъ, падающій на поверхность лыжи. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своей упругости, лыжи принаравливаются къ неровностямъ снѣговой поверхности, по которой онѣ скользятъ, не проваливаясь. Все, до самыхъ мелкихъ частей, принято въ соображеніе при устройствѣ лыжъ. Даже пластинка березовой коры подъ ступней должна не только придавать ногѣ большую плотность, но и въ особенности предохранять ее въ теплую погоду отъ прилипанія снѣга, такъ какъ древесная кора не всасываетъ въ себя воды.

Новичку ширина такихъ лыжъ, раздвигающая ноги шире, чѣмъ онѣ расположены въ полости таза, причиняетъ усталость и боль; но кто умѣетъ переносить невзгоды, тотъ черезъ нѣсколько дней привыкаетъ къ такимъ лыжамъ. Можетъ быть, впрочемъ, кочевникъ монгольской расы, у котораго тазъ шире европейскаго, по этому и менѣе чувствуетъ растопыриваніе ногъ. Въ рыхломъ снѣгѣ густыхъ лѣсовъ, гдѣ необходимо подвязывать короткія лыжи, приходится раздвигать ноги въ ширину по крайней мѣрѣ на одинъ футъ. Вѣдь и Монголкѣ приходится пропускать черезъ тазъ свой преширокое лицо.

Если, въ случаѣ нужды, намъ захотѣлось бы уложить на такія лыжи тяжесть, въсомъ немногимъ болѣе $7\frac{1}{2}$ пудовъ²⁾, то ее удобно можно бы было перевезти по глубокому непротоптанному, рыхлому снѣгу, по которому иначе пробраться невозможно.

Вотъ идея, на которой основано устройство нарты, и привыкшіи къ удобству Европейецъ не ограничился этимъ, а поставилъ надъ нартой огромный сундукъ изъ оленьихъ шкуръ и такимъ образомъ устроилъ себѣ легкую, но при всемъ томъ просторную, крытую повозку, въ которой превосходно можно укрыться отъ всеѣхъ непогодъ. Такая повозка,

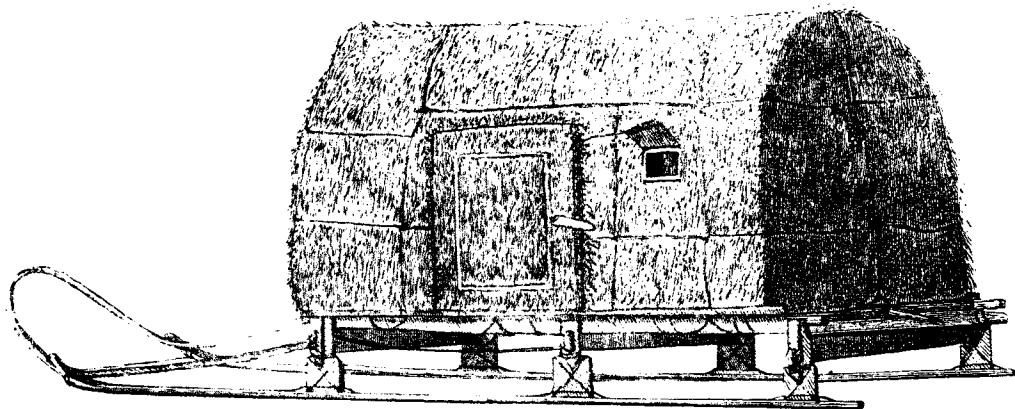
¹⁾ На этомъ принципѣ основано устройство особаго рода лыжъ, такъ называемыхъ лапокъ. Весною, когда снѣговая вода садится и покрываетъ почву, но сама еще прикрыта толстымъ слоемъ наста, нѣтъ возможности пробраться иначе, какъ на такихъ сѣткообразно ажурныхъ лапкахъ, которыя иногда имѣютъ лишь небольшую обѣмъ, иногда же бываютъ длиною до $4\frac{1}{2}$ футовъ, въ родѣ лыжъ. На изготовленіе ихъ требуется также известное искусство, которое уже у первобытнаго

человѣка вызываетъ раздѣленіе труда. Не всякій кочевникъ въ состояніи смастерить ихъ для собственнаго употребленія, и только въ случаѣ нужды принимается за эту работу.

Когда вѣсть начинаетъ прилипать къ ногамъ, то она крайне затрудняетъ ходьбу.

²⁾ Попытка подобнаго рода увѣнчалась успѣхомъ. Срав. Записки Гидрограф. Деп. III, стр. 80.

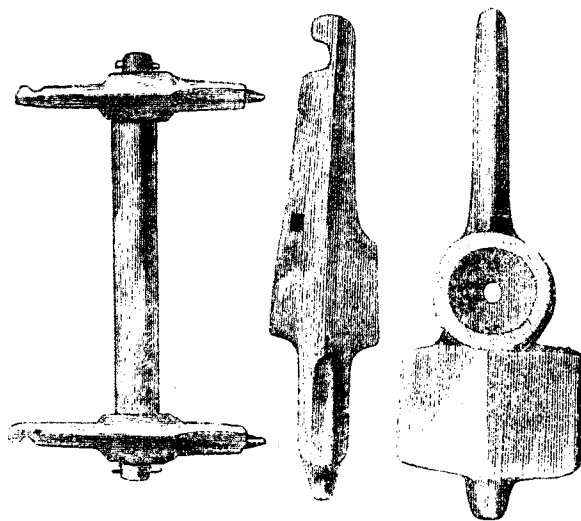
которую Третьяковъ неблагодарно сравниваетъ съ погребальными носилками, называется бѣлокомъ ¹⁾. Я нашелъ ее, правда, не совсѣмъ удобною, потому что она была слишкомъ низка; притомъ мнѣ не хотѣлось отказаться отъ свободнаго сидѣнія на картѣ.

Бѣлокъ въ визовьяхъ Енисея.

Полозья, какъ показываетъ рисунокъ, въ трехъ мѣстахъ нѣсколько утолщены, для вставки шипа или копыля. Эта стойка придумана такъ умно, что я изобразилъ ее съ трехъ сторонъ, при чемъ первая фигура уменьшена вдвое противъ другихъ.

Съ внутренней стороны у коня находится шарообразная суставная чашечка (см. 3-ю фигуру). Въ эту чашечку входят подставки горизонтальной плоскости въ видѣ поперечныхъ перекладинъ между обоими полозьями съ полушаріемъ; однимъ кончикомъ, въ которомъ чека, онѣ выдаются нѣсколько дальше. Эти части, при помощи дырочки и выемки (см. 2-ю фигуру), при-

Копыль съ трехъ сторонъ.

вязываются ремнями на-крестъ къ утолщеннымъ мѣстамъ полозьевъ въ такомъ видѣ, какъ показываетъ рисунокъ. Такъ прикрѣпляется копыль нижнимъ концомъ своимъ къ полозьямъ. Верхній конецъ копыля соединяется съ такимъ-же концемъ остальныхъ копылей тѣмъ, что привязывается къ

¹⁾ Въ Дудинѣ я видѣлъ небольшіе деревянные шалаши, которые также назывались бѣлоками. Ихъ ставили на обыкновенныя санные полозья и впрягали въ нихъ 8 сѣв. оленей. Они служили настуху странствующимъ

жилищемъ, которое по временамъ передвигалось, когда истощенное настбище сѣв. оленей приходило замѣнять новымъ.

идущему черезъ всѣ санки продольному гибкому бруску, входящему въ выемку этого верхняго конца (срав. 2-ую фиг.). Этотъ продольный брусокъ, посредствомъ туго натянутыхъ ремней, притягиваютъ къ просверленной доскѣ горизонтальной плоскости. Посредствомъ упругаго изогнутаго вѣзла (по-русски баранъ) соединяются головняки поюзевъ между собою и съ самыми передними коньями. Такъ какъ эти передніе коньяи далеко отстоятъ отъ головяшекъ поюзевъ, то передній свободный конецъ полоза особенно гибокъ. Онъ послушно слѣдуетъ за всѣми неровностями снѣга и прокладываетъ для всего длиннаго полоза змѣеобразно-колебательное движеніе, которое вы, растянувшись вдоль саней, ясно чувствуете подъ собою. Когда полозья мало помалу сотрутся до толщины тупой стороны пожа, то это колебательное движеніе начинаетъ возбуждать въ васъ какое-то томительное чувство. Наконецъ раздастся трескъ и вамъ придется нѣсколько часовъ чинить полозья или подводить новые. Но кто перечтетъ всѣ безчисленныя препятствія и непріятности такого странствованія: стираніе поюзевъ на безснѣжной почвѣ, остановки вслѣдствіе того, что вы проваливаетесь въ глубокомъ снѣгѣ, подъ которымъ уже скопилась вода, боль въ плечахъ отъ вытаскиванія изъ снѣга тяжело нагруженныхъ саней и т. д., однимъ словомъ всѣ невзгоды и мгновенныя отчаянныя положенія? Это принадлежности путешествія среди первобытной природы, закаляющія человѣка до невозмутимости.

Изобрѣтательность человѣка выразилась и въ изготовленіи упомянутыхъ нами поюзевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ замѣтили, что въ чертѣ полярнаго круга дерево березы теряетъ часть своей твердости, полозья для нартъ стали привозить изъ болѣе южныхъ мѣстностей, вдоль большихъ Сибирскихъ рѣкъ¹⁾. Въ иномъ мѣстѣ и въ иное время полозья просто мочатъ въ водѣ, выставляютъ на морозъ, и отъ времени до времени поливаютъ водой, чтобы дать имъ покрыться свѣжей ледяной глазурью²⁾. Подвзываютъ подъ полозья также китовыя кости, которыя еще поздравятъ деревья и тѣмъ лучше всасываютъ въ себя воду.

Когда весною выпадаетъ хотя легкій снѣжокъ, то онъ съ своей стороны смазываетъ дорогу и въ почти невѣроятной степени облегчаетъ ѣзду по ней. Тогда слѣдъ, оставляемый нартами, какъ зеркало блеститъ въ лучахъ весенняго солнца.

При крѣпкомъ снѣгѣ тоненькія пластинки мамонтовыхъ зубовъ исполняютъ роль нашей желѣзной оковки. Слоновая кость тамъ самая обыкновенная вещь, тогда какъ желѣза добыть нельзя.

До тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ человѣку придется ѣздить по непротореннымъ дорогамъ, до тѣхъ поръ удержатся тамъ и эластично-устроенныя сани и упряжныя собаки, потому что онѣ незаменимы. Сомнительнѣе вопросъ о долговѣчности эластичныхъ морскихъ судовъ, но и большой кожаный челнъ прибрежныхъ жителей Берингова моря — байдарá — осуществляетъ въ такой-же степени, какъ нарты, идею упруго-податливой

¹⁾ Къ югу отъ 60° с. ш. Большая часть привозилась изъ Ворогова; въ мое время пара стоила 5 руб. ассигнаціями.

²⁾ У поселенцевъ это называется войдать. Вѣроятно взято изъ финскаго языка (намаслить).

силы сопротивленія. Мы положительно ошиблись бы, если бы стали утверждать, что особенности байдары происходят только отъ недостатка въ доскахъ и въ желѣзѣ, подобно тому какъ недостатокъ и дороговизна гвоздей на сѣверѣ Европейской и Азіятской Россіи породили такъ называемые шитики. Доски этихъ шитиковъ, которые еще доселѣ тамъ употребляются, скрѣпляются между собою посредствомъ прутьевъ, прокладываемыхъ какъ шовъ, чрезъ просверленные отверстія¹⁾. За тѣмъ эти отверстія законопачиваются. Правда, что и этотъ способъ представляетъ не такое тугое скрѣпленіе, какъ гвозди, но тутъ подобная податливость является только случайною принадлежностью.

Оснóву байдары составляютъ упругіи киль и рядъ поперечныхъ нижнихъ досокъ, наколоченныхъ на него, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. На этой подставкѣ устраивается сѣтконоподобный кузовъ, который обшивается шкурами, но этотъ кузовъ такъ упругъ, что даже ребра, служащія опорой боковымъ стѣнкамъ, только привязаны къ подставкѣ. Не смотря на упругость, которую такое судно противопоставляетъ цанору волнъ, и не смотря на тонкія бычачьи шкуры, которыми я обшилъ свою байдару «Шантаръ», я везъ въ ней грузъ въ 300 пудовъ и 12 человѣкъ²⁾.

¹⁾ И тутъ также высказывается очевидно финское происхожденіе посредствомъ употребляемаго на Бѣломъ морѣ выраженія: «сшигъ вицею.»

Въ прошломъ столѣтіи шиваніе досокъ считали еще неизбѣжною необходимостью, говоря, что огромныя магнитныя горы вытянули бы гвозди изъ кораблей (Das veränderte Russland, 1744, II, стр. 18).

²⁾ Если бы я въ Таймырскомъ краѣ устроилъ себѣ лодку, а байдару, то мнѣ не только удалось бы избѣгнуть многихъ затрудненій и неудобствъ, но и навѣрное я успѣлъ бы объѣхать восточный полуостровъ Таймырскаго края. Не имѣя возможности во-время справиться въ Удскомъ острогѣ съ устройствомъ лодки и узнавъ, что напути туда зимнее состояніе горъ задержитъ меня до самаго лѣта, я задумалъ въ Якутскѣ устройство байдары и съэтою цѣлью купилъ въ Якутскѣ 64 бычачьи шкуры, которыя тамъ-же могли быть приготовлены и сшиты въ 4 тюка. Это была прекрасная идея, которая одна только и дала мнѣ возможность добраться до мѣста моего назначенія, т. е. до Шантарскихъ острововъ, когда начальникъ Аляска, (впослѣдствіи адмиралъ) Завайко, наотрѣзъ отказалъ мнѣ въ сварженіи лодки съ матросами, ссылаясь на отвѣсно спадающія въ море береговыя скалы, на непреодолимо бурныя теченія и закатываясь пенью своею словами: «мнѣ поручено бережно сохранять, а не губить своихъ людей.»

Опасно, въ отношеніи байдары, было только то, что у меня не было прочныхъ тюленьихъ кожъ, необходимыхъ для обшивки байдары, особенно такой величины, какъ я требовалъ. Я рѣшился прибѣгнуть къ воловьимъ шкурамъ, и какъ ни страшно казалось сперва, когда чрезъ эту тонкую, пропитанную водою, а потому и прозрачную об-

шивку съ солнечной стороны видны и приборъ волнъ и весело шырявшихъ морскихъ рыбъ, какъ ни вздувалась подъ сильнымъ давленіемъ промокшая шкура и какъ ни вдавливалась она въ петли свободной части сѣтконоподобнаго кузова, но выбранная нами обшивка не измѣняла намъ. А когда ледъ сталъ шапирать и прорвалъ дыру, то насъ тотчасъ-же выручилъ изъ бѣды самый большой кусокъ нашей солонины, которымъ мы прикрыли отверстіе, такъ какъ море плотно прижало обрывки шкуры къ мясу.

Неприятны были многочисленные порѣзы шкуры, сдѣланные по неосторожности при сдираніи шкуръ, выходившія отверстія, прогрызанныя личинками слѣпней, и т. д. Приходилось заплату на заплату. Еще больше протекали сначала швы, которые при такихъ тонкихъ шкурахъ сдѣлывало бы устроить иначе. Подлежащія шиванію края нужно бы было наложить одинъ на другой болѣе, чѣмъ на дюймъ ширины, скрѣпить ихъ двойнымъ швомъ и на эти швы снаружи нашить еще нѣсколько болѣе широкой ремешокъ, прикрѣпивъ его посредствомъ шва, проникающаго въ шкуру только до половины ея толщины.

Посредствомъ смазыванія шкуръ густымъ коровьимъ саломъ задрывалась снаружи самая незначительная течь и нѣсколько уменьшалась промокаемость сырыхъ, безволосыхъ шкуръ. За недостаткомъ дегтя шкуры подвергали надъ угасавшими кострами дѣйствию развивающихся въ нихъ смоляныхъ и скипидарныхъ паровъ. При всемъ томъ нужно было просушивать шкуры какъ можно чаще, такъ какъ онѣ слишкомъ размокали. По этому нельзя было употреблять смолы.

Съ благодарностью вспоминая услуги, оказанныя намъ байдарою и подъ впечатлѣніемъ сожалѣнія, что не устроилъ себѣ въ Таймырскомъ краѣ маленькаго кожа-

Челноки кочевниковъ внутренней Сибири рассчитаны единственно на легкость. Въ глазахъ кочевниковъ они имѣютъ цѣну только въ такомъ случаѣ, когда они чрезвычайно быстры на ходу, такъ что на нихъ можно догнать и закалывать животныхъ, переплывающихъ черезъ рѣки и озера. Челнокъ долженъ быть такъ легокъ, чтобы его безъ труда можно было перетаскивать сухимъ путемъ отъ одного озера къ другому, отъ одной рѣки къ другой.

Повсюду, въ низовьяхъ Сибирскихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, употребляются челноки, выдолбленные изъ тополевого ствола. Они изготовляются къ югу отъ полярнаго круга и привозятся сѣвернымъ жителямъ.

наго ботика такого-же рода, я сообщаю нижеслѣдующія замѣтки съ тою подробностью, съ какою я записалъ ихъ въ своемъ дневникѣ, полагая, что онѣ могутъ пригодиться позднѣйшему полярному путешественнику.

Вся длина байдары составляла 33 англ. фута, наибольшая ширина ея 9'. Киль былъ подысканъ такъ, что одинъ конецъ его корня шелъ отъ него вертикально вверхъ на $3\frac{1}{2}'$; онъ былъ въ 6" ширины и $6\frac{1}{2}"$ вышины. Къ главному килю притесанъ былъ постепенно возвышавшійся носъ въ слишкомъ 8' длины, прикрепленный посредствомъ двухъ деревянныхъ болтовъ и сдерживаемый двумя желѣзными кольцами, отстоявшими одна отъ другой на футъ.

За тѣмъ на киль были поперекъ вшупены и прибиты гвоздями 13 половыхъ дощечекъ въ $1\frac{1}{2}"$ толщины и отъ 6 до 8" ширины, на равномерномъ разстоянн (среднимъ числомъ $\frac{5}{4}$ футовъ.) Онѣ образовали плоское дно байдары и прилажены къ желаемой формѣ корабельнаго дна, такъ что наибольшая ширина дна составляла $6\frac{1}{2}'$. На эти половыя дощечки, при помощи просверленныхъ въ нихъ отверстій, навязано было съ каждой стороны по 16 изогнутыхъ брусевъ, составившихъ ребра судна. Эти ребра возвышались съ своимъ стволомъ на 4' и образовывали каждое подъ нѣсколько тупымъ угломъ ногу, длиною отъ 6" до 11", плотно сидѣвшую на половыхъ дощечкахъ, и имѣвшую на нѣсколько утолщенномъ концѣ выемку для шнура, посредствомъ котораго она притягивалась къ отверстіямъ половой дощечки. Чѣмъ ближе къ концамъ судна, тѣмъ нога была короче, тѣмъ уголъ ребра былъ менѣе тупъ. Самая передняя и самая задняя пара ребръ приходилась своею ногою подъ острымъ угломъ къ килю, къ которому она непосредственно примыкала. Ребра были въ $1\frac{1}{2}"$ толщины, внизу въ $2\frac{3}{4}$, на верху въ $2\frac{1}{4}"$ ширины. Въ нижней части реберной ноги въ небольшомъ разстоянн отъ изгиба, сдѣланъ поперечный желобокъ, надъ которымъ просверлено отверстие. Въ этотъ желобокъ, чрезъ оконечности всѣхъ изгибовъ, кладется съ каждой стороны нижній лежень, который у нашей байдары былъ свыше 30' длины и при-

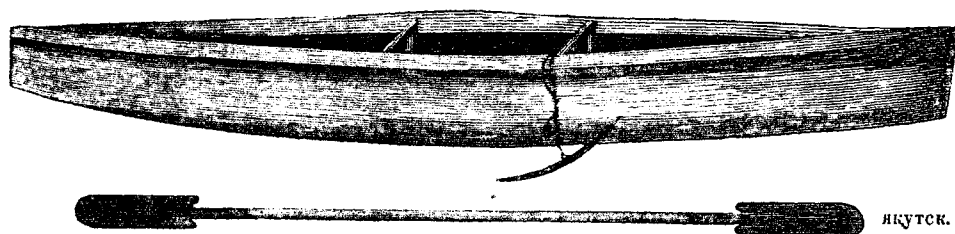
зывался чрезъ реберныя отверстія къ ребрамъ, равно какъ къ двойнымъ отверстіямъ нижнихъ дощечекъ. По концамъ шли веревки отъ одного лежня къ другому противоположному, ради лучшаго скрѣпленія.

Такихъ лежней было всего 4 пары; изъ нихъ 3 пары въ равномерныхъ разстояннхъ одна отъ другой были привязаны къ ребернымъ стволамъ чрезъ просверленныя въ послѣднихъ отверстія. Верхняя изъ этихъ паръ (въ 36' длины) одна имѣла круглый разрѣзъ ($2\frac{1}{2}"$), сидѣла на желобкѣ ребернаго ствола и образовывала бортъ судна. Четвертая пара, единственная, которая прикреплена къ внутренней сторонѣ реберъ, проходитъ на ладонь ширины ниже упомянутаго борта съ тѣмъ, чтобы сквозь обшитыя кожею петли кожанаго обшивка байдары могла быть подтянута посредствомъ продѣтыхъ веревекъ чрезъ бортъ. Чтобы придать задней части судна круглую форму, нужно было помощью огня гнуть задніе концы лежней, хотя послѣдніе, за исключеніемъ болѣе толстой бортовой перекладины, имѣли только 2" въ поперечникѣ.

Всему судну придаетъ стойкость тѣмъ, что между стволами реберъ вдвигаются банки, а чтобы ребра не раздвигались, то подъ каждой банкой соотвѣствующая противоположная пара реберъ соединяется веревочною петлею, которая посредствомъ заворота затагивается, смотря по надобности, такъ какъ напряженіе веревки измѣняется сообразно сырой или сухой погодѣ. Въ полученномъ такимъ образомъ кузовѣ судна промежутки были слишкомъ велики для нашихъ тонкихъ шкурокъ, такъ что потомъ пришлось сдѣлать его, протянувъ мѣстами прутья, особенно подъ нижними дощечками, чрезъ которыя, само собою разумѣется, нужно класть нѣсколько продольныхъ половыхъ досокъ.

Весьма важную роль играетъ еще фальшкиль, который снаружи прилаживается къ настоящему и привинчивается къ нему посредствомъ двухъ желѣзныхъ шворней по концамъ и одного по срединѣ, проходящихъ какъ чрезъ кожанаго обшивку, такъ и чрезъ главный киль. Такъ какъ подъ этимъ фальшкилемъ шкура легко начинаетъ прѣть, то при продолжительныхъ привалахъ нужно снн-

У Самоѣдовъ этотъ челнокъ не такъ плосокъ, какимъ мы его знаемъ, а имѣеть нижеслѣдующую форму.

якутск.: Эрди.

По русски: Ветка; по якутски: Той, на Боганидѣ.

Изображенный тутъ челнокъ не принадлежитъ къ самымъ маленькимъ¹⁾, а былъ въ 16 англ. фут. длины, 2 фута наибольшей ширины и 11 дюймовъ вышины. Не смотря на то вѣсу въ немъ было не болѣе 70 фунтовъ, по тому что стѣнки нигдѣ не оказывались толще полдюйма. Чтобы достигнуть этого, въ сомнительныхъ мѣстахъ просверливаются въ стѣнкахъ отверстія, которыя потомъ тщательно законопачиваются. Тогда получаются такіе легкіе челноки, что на всякій, опрокинутый на берегу, челнокъ кладутъ камни, чтобы вѣтеръ не могъ унести его. У Самоѣдовъ бывають челноки, которые длиною не болѣе 11', а между тѣмъ, кромѣ человека, могутъ вмѣщать въ себѣ еще убитаго сѣв. оленя, или также собаку, да сотни полторы убитыхъ гусей.

Великолѣпнѣе видѣ цѣлаго ряда челноковъ, возвращающихся домой послѣ удачной охоты, когда стройныя лодки до самаго края погружены въ воду и съ берега видишь, какъ стрѣлою несется по водѣ лѣсъ прекрасныхъ роговъ старыхъ сѣв. оленей, вѣнчающій верхи челноковъ. Между ними сверкаетъ въ тактъ, то справа, то слѣва, высоко поднимающійся кверху свободный конецъ двухлопатнаго, красиваго весла, которое дѣлается на сколько возможно легкимъ. Покойно, но какъ будто вкопанный, сидитъ Самоѣдъ въ маленькомъ корытѣ своемъ, и поджавъ ноги, безошибочно соблюдаетъ равновѣсіе узенькаго челнока, который, не смотря на вѣтеръ и непогоду, держится своего направленія. Онъ не обращаетъ вниманія даже на высокія волны, которыя часто жестоко врываются въ челнокъ, и съ стоическимъ равнодушіемъ опять вычерпываетъ лишнее добро. Какъ скоро

мать его. Мы находили весьма полезнымъ вѣшать между фальшкилемъ и кожаной обшивкой узенькую полоску шкуры.

Алеуты, какъ извѣстно, связываютъ лещи распластаннымъ китовымъ усомъ. Ремни неудобны тѣмъ, что отъ сырости растягиваются, а веревки слишкомъ колются, когда высохнутъ. Сначала мы слишкомъ растягивали кожаную обшивку, но это совершенно бесполезно и при сушкѣ ея только портитъ швы. Во всякомъ случаѣ для привязыванія кожаной обшивки полезно употребить веревки, которыя при сушкѣ поддаются. Но все-таки необходимо присматривать.

Воротъ необходимъ, чтобы въ опасныхъ мѣстахъ притягивать судно на берегъ. Нашъ якорь, съ 37 саженьми каната, спасъ насъ при чрезмѣрномъ теченіи и сильномъ ледоходѣ по близости отъ берега.

Будучи нагружена, наша байдара сидѣла въ водѣ вѣснаго глубже 2'. Ей смѣло можно было быть по крайней мѣрѣ на $1\frac{1}{2}'$ ниже настоящей своей вышины, потому что она чрезвычайно легко покачивалась на волнахъ и въ случаѣ боковаго вѣтра, при распушенныхъ парусахъ, ее слишкомъ относило въ сторону.

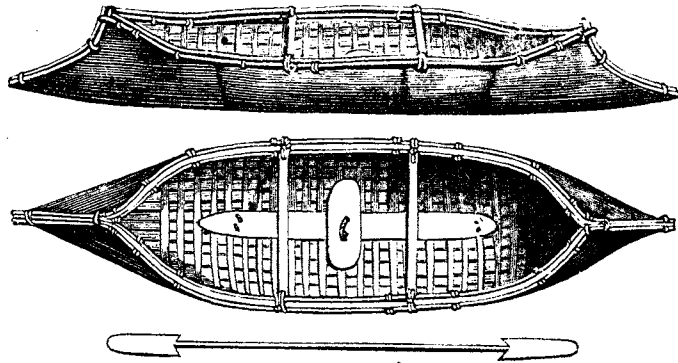
1) У поселенцевъ бывають челноки, вѣсомъ до 50 пудовъ и длиною до 30'.

гдѣ окажется течь, такъ замазка, паскоро составленная изъ угля и гусиного жира, быстро выручаетъ изъ бѣды.

Но еще легче челноки, которые Сибирскіе Тунгусы, особенно Тунгусы Становаго хребта, подобно туземцамъ Сѣв. Америки ловко умѣютъ дѣлать изъ бересты. На изго-

товленіе одно-го челнока достаточно коры трехъ березъ. Устройство такихъ челноковъ не трудно понять по слѣдующимъ рисункамъ. То у нихъ борты приподняты

Тунгусскіе челноки изъ бересты.

нѣсколько выше, для защиты отъ сильнаго бушеванія волнъ, то нѣсколько болѣе плоска середина, чтобы придать челноку болѣе устойчивости, когда онъ

сильнѣе нагружается; въ такомъ случаѣ они далеко не такъ шатки, какъ Самоѣдскіе челноки. Но такія лодки не пригодны для большихъ водныхъ пространствъ, потому что при вѣтрѣ онѣ не слѣдуютъ данному направленію и потому не могутъ справиться съ волнами.

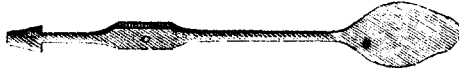
Щегольски отдѣланныя, какъ куклы, онѣ вѣсомъ едва въ 50 фунтовъ и обязаны своею крѣпостью вложенію стружекъ и обкладкѣ краевъ стружками. Онѣ рассчитаны на горные потоки, потому что почти совершенно сидятъ надъ водою и въ состояніи проходить по самымъ медководнымъ порогамъ. Но замѣчательна также необыкновенная, мгновенно пользующаяся каждымъ удобнымъ случаемъ, ловкость Тунгуса, когда онъ, какъ стрѣла, несаясь внизъ по теченію, то обходитъ или камень или затонувшее дерево и его развѣтвленія, то направляетъ челнокъ въ шумящій порогъ, либо въ покрывающій его брызгами водоворотъ, либо въ несущееся на встрѣчу теченіе, то ищетъ спасенія на правомъ, то на лѣвомъ берегу, то хватается за весло, то за багоръ, или стольже внезапно отъ самаго возбужденнаго вниманія и напряженія всѣхъ своихъ силъ переходитъ къ самому, по-видимому, апатичному спокойствію и на безопасномъ фарватерѣ отдаетъ себя на произволъ побѣжденной стихіи, которая должна довести его до цѣли.

Не знаешь, когда болѣе удивляться уругости тунгусскаго горнаго обитателя: тогда-ли, когда онъ, какъ мы только-что описали, несется съ горными потоками внизъ по те-

ченію, или когда онъ, съ неутомимымъ терпѣніемъ, при помощи двухъ короткихъ шестовъ (мукечей), которые онъ съ каждой стороны челнока упираетъ въ воду, пробирается противъ теченія шумящаго потока, часто борется съ нимъ съ величайшимъ трудомъ, почти отбрасывается имъ назадъ, но опять настаиваетъ на своемъ и все-таки подвигается впередъ, хотя и поднимается въ гору. На Тугурѣ я имѣлъ случай ближе ознакомиться съ этими челноками. Ни разу я не выходилъ изъ нихъ, не бывъ совершенно промоченъ снаружи водоворотами, изнутри дѣйствіемъ всѣхъ поръ моей кожи¹⁾).

Какъ противоположность къ щегольскому челноку Тунгусовъ и его принадлежностей, считаю нелишнимъ сообщить тутъ рисунокъ Гилякского весла.

Хотя это весло предназначено для моря, но оно коротко и лопатобразно, напоминая собою неуклюжихъ люлемъ особой идеи, такъ какъ широкая доска, образующая плоское дно челнока, выдвигается далеко впереди носа его, и тѣмъ помогаетъ этому концу легче взбираться на вершущи волнъ.

Гилякское весло

дей, которые его употребляютъ. При всемъ томъ лодка, къ которой онъ принадлежитъ, является представите-

¹⁾ Въ противоположность этому челноку я считаю нужнымъ упомянуть о небольшомъ челночкѣ, который мы составили изъ остатковъ шкуры отъ большой байдары. Хотя нашъ маленькій кожаный челночекъ имѣлъ всего 11¹/₂ длины, 3' наибольшей ширины и 14 дюймовъ глубины, но онъ плавалъ легко по водѣ, какъ ореховая скорлупа, и мы съ Вагановымъ успѣли сдѣлать на немъ съѣмку Тугурскаго залива. Правда, что однажды, когда море сильно стало бушевать и мы находились въ

3 верстахъ отъ ближайшаго берега, мы подверглись большой опасности, но за то насъ спасла чрезвычайная легкость челнока, когда приливъ настигъ насъ при морскомъ вѣтрѣ и такъ прижалъ насъ къ скалистымъ стѣнамъ отвѣснаго берега, что мы тѣмъ только могли выкрутиться изъ бѣды, что, взбираясь отъ бѣшенаго прибоя волнъ все выше и выше, съ уступа на уступъ, все-таки могли тащить за собою спасительный челночекъ свой.

Рыболовство въ Сибири.

Хотя изобиліе первобытной природы прекрасно питаетъ человѣка рыболовствомъ, но континентальный кочевникъ Сибири исключительно предается ему все-таки только въ крайней нуждѣ. Какъ случайный второстепенный промыселъ, успѣшная рыбная ловля пастуху и охотнику пріятна, но когда потеря домашнихъ животныхъ, исчезновеніе звѣрей и т. п. принуждаетъ ихъ совершенно предаваться рыболовству, то они такое несчастіе принимаютъ за тяжкое для нихъ наказаніе. Правда, что къ различнымъ племенамъ это должно примѣнять въ различной степени. Разницу въ этомъ отношеніи составляетъ морское побережье, у котораго рыбная ловля тѣсно связана съ ловлею большихъ морскихъ животныхъ. При всемъ томъ рыбаки въ Сибири означаютъ если не европейскаго переселенца, или потомка его, то во всякомъ случаѣ низшій классъ туземцевъ.

Не имѣя нисколько намѣренія представить общую картину рыбнаго промысла въ Сибири, я хочу сообщить тутъ изъ моихъ дневниковъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи.

Къ югу отъ полярнаго круга, слѣдовательно вверхъ по теченію Енисея, я часто слышалъ жалобы поселенцевъ на малый уловъ рыбы. При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ, дѣйствительно оказалось, что тамошняя рыбная ловля, въ сравненіи съ рыболовствомъ прибрежныхъ жителей низовьевъ Енисея, не только была значительно скуднѣе¹⁾, но даже, дѣйствительно, не всегда могла прокармливать людей.

Хотя деревни Назимово, Анцыферово, Ярцово, Ворогово и т. д. первоначально были рыбацки поселенія, но въ мое время онѣ уже сильно стали принимать за другіе промыслы, и при незначительности своего хлѣбопашества занимались главнымъ образомъ извозомъ на золотыхъ россыпяхъ, заготовленіемъ сѣна для нихъ, звѣроловствомъ и т. п. Преимущественно, кажется, это указывало на переходъ къ болѣе надежному промыслу, вызванному усилившимися потребностями новооткрытыхъ золотыхъ приисковъ, которые такъ глубоко затрогивали интересы промышленной дѣятельности. Даже кочевники того края частенько бросали свои тяжелые, а вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки сопряженные съ огромными лишеніями, охотничьи и рыбацки промыслы: Тунгусы во множествѣ нанимались вожатыми безчисленныхъ искателей золота, Остяки покинули свои сѣти и ловушки и

¹⁾ Обстоятельство это привело Палласа (Reise III, стр. 13) къ неправильному заключенію, что въ Енисей мало рыбъ. Палласъ, прибывшій туда изъ мѣстъ, лежащихъ близъ устья Оби, забылъ принять въ соображеніе, что на Енисей онъ находился очень далеко отъ впаденія его въ море.

стали изготовлять нарты, лыжи и другія принадлежности этого рода, работали плотниками у золотопромышленниковъ, платившихъ имъ неслыханными до тѣхъ поръ запасами муки и предметами роскоши. Кромѣ того, Остяки на Енисей не пользовались тѣми-же правами на лучшіе рыболовные участки, какими они пользуются на своей родной рѣкѣ, Оби, гдѣ они, въ вождѣленной праздности, живутъ большими откупными деньгами, которыя имъ должны платить за такіе участки (пески) расторопные рыбаки русскаго происхожденія.

За тѣмъ, нѣкоторыя поселенія, при вынужденномъ устройствѣ которыхъ мѣстныя власти главнымъ образомъ имѣли въ виду только удобство почтовыхъ сообщеній между Енисейскомъ и Туруханскомъ, уже съ самаго начала заведены на такихъ береговыхъ мѣстахъ, которыя были очень неблагопріятны для рыболовства. Такъ напр. духоборцамъ пришлось почти совершенно отказаться отъ пользованія Енисеемъ и довольствоваться преимущественно ловлею пелетовъ въ близлежащихъ озерахъ. Кромѣ того мнѣ казалось, что уже Верхне-Имбатское селеніе потому имѣло полное право жаловаться на недостатокъ рыбы, что оно лежало почти на крайнемъ предѣлѣ, до котораго нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ морскихъ рыбъ заходили вверхъ по рѣкѣ.

Подъ 65 градусомъ широты (въ сел. Пупковскомъ) было уже совсѣмъ не то. Тамъ еще прекрасно ловились *S. albus*, лохи, которые въ Сибири, какъ извѣстно, неправильно называются сельдями. Впрочемъ и имъ на совершеніе длиннаго путешествія нужно столько времени, что они являются туда незадолго до ледохода. Но при мнѣ, именно вслѣдствіе этого поздняго времени года, чрезвычайно облегчавшаго заготовленіе ихъ, они, весьма охотно закупались развѣзжающими по Енисею Карасинцами, платившими отъ 2 руб. 60 коп. до 3 рублей ассигнаціями за пудъ.

Нѣсколько ниже лежащій Туруханскъ пользовался особой выгодой: возможностью совершенно загородить значительную рѣку Туруханъ посредствомъ запруды (язъ, заязокъ). Загражденіе это устранялось какъ только ледъ маломальски позволялъ ходить по немъ, и три рыбачьихъ кузова принимали въ себя проносившихся по рѣкѣ рыбъ. Если въ кузова ежедневно попадалось только 60 огромныхъ рыбъ, то это возбуждало горькія жалобы; большею частью ловилось гораздо болѣе, ловилось даже до 150 штукъ.

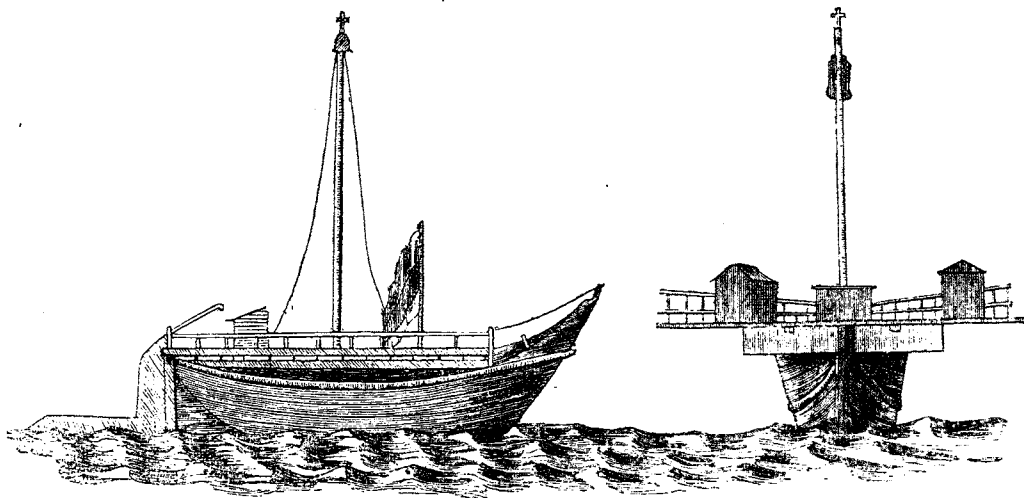
Чѣмъ дальше внизъ по рѣкѣ, тѣмъ положительнѣе смолкали жалобы; сожалѣли развѣ лишь о томъ, что все-таки можно разсчитывать уловъ рыбы собственно только на 3 лѣтнихъ мѣсяца, или что бывали годы, когда бурная лѣтняя погода не позволяла осматривать и опораживать выставленныя сѣти, въ особенности при такихъ вѣтрахъ, которые дули противъ теченія и тѣмъ вздымали высокія волны.

Можно надѣяться, что въ теченіи тридцати протекшихъ съ того времени лѣтъ послѣдняя жалоба смолкла и прежнія рыбачьи суда вытѣснены другими, лучшими. И такъ называемые шитики и набойницы (струговья) плохо соответствовали своему назначенію. Правда, что мѣстами не стѣснялись нѣсколько лишнею величиною судовъ; лодкою называлось даже всякое судно, не имѣвшее пяти саж. длины; были даже крытыя лодки

подобнаго рода, но при всемъ томъ это были какіе-то уродливые ящики, нисколько не усвоившіе себѣ той мастерской формы, образцомъ которой служила корабельная лодка голландскаго покроя, лежавшая лѣтъ сто тому назадъ передъ глазами всѣхъ, на Хатангѣ, у Казачьяго зимовья. Правда, что киль ея былъ не болѣе 15 футовъ длины.

Впрочемъ изолированныхъ поселенцевъ въ низовьяхъ Енисея нельзя было слишкомъ упрекать въ равнодушіи къ болѣе совершеннымъ образцамъ. Хотя историческія названія дощаниковъ и кочей исчезли безслѣдно, но громадныя суда, въ мое время ежегодно появлявшіяся въ низовьяхъ Енисея, напоминали чудовища былаго времени. Въ виду нартъ и лыжъ, онѣ напоминали тѣ домообразныя чудовищныя фургоны, въ которыхъ укрываются путешественники на материкѣ южной Африки. Эти Енисейскія суда отвозили, на счетъ Енисейскихъ купцовъ, богатые запасы мѣховъ и рыбъ, которые заготавливались Сѣверомъ. Впрочемъ уже на Волгѣ я встрѣчалъ точно такія-же суда.

Не нужно также думать, что это были безпріютныя уродливыя произведенія грубой спѣшной работы. Нѣтъ, они съ большимъ искусствомъ были всячески разукрашены

Купеческое судно въ низовьяхъ Енисея.

множествомъ рѣзныхъ орнаментовъ по борту, самыми яркими, пестро намазанными красками, особенно у сдѣланныхъ въ видѣ триумфальныхъ арокъ входовъ въ каюты и т. д.

Къ красивому присоединено было и полезное, какъ это доказываетъ паромообразный полъ, выдававшійся надъ палубой, съ будочками для удовлетворенія естественныхъ нуждъ. Еще полезнѣе былъ, какъ мнѣ говорили, придѣланный къ кораблю съ обѣихъ сторонъ прорубень, посредствомъ котораго грузовая способность небольшого судна, поднимающаго до 500 пудовъ, доводилась до 1000 пудовъ. Мнѣ объясняли даже, что въ случаѣ слишкомъ сильной нагрузки корабля къ нему прикрѣпляются еще два

легкихъ бревна. Самыя большія изъ этихъ рѣчныхъ судовъ поднимали до 5000 пудовъ и могли быть управляемы едва-ли менѣе чѣмъ 50 работниками.

Въ мое время, въ 1843 году, почетный гражданинъ Мясниковъ взялъ первую привилегію на постройку парохода. Но Третьякову ¹⁾ это пароходство осуществилось однакожь лишь въ 1863 году. Въ настоящее время пароходы ходятъ по Енисею почти до 71° с. ш., отвозя грузы прекраснѣйшихъ лоховъ, набирающіеся тамъ изъ неизсякаемаго множества рыбъ, въ южную Сибирь, которая съ своей стороны сплавляетъ внизъ по рѣкѣ свои избытки хлѣба, снабжая имъ неспособныя къ земледѣлію пустыни глубокаго сѣвера.

Такой обмѣнъ взаимнаго избытка можетъ спокойно продолжаться еще нѣсколько столѣтій сряду. Истощенія громаднхъ запасовъ въ устьяхъ Енисея пока нечего опасаться, если мы даже вспомнимъ, что еще въ историческія времена въ Зундѣ Балтійскаго моря происходило тоже, о чемъ теперь вѣсть доходитъ до насъ изъ Камчатки и Амурскаго края почти въ видѣ баснословнаго разсказа. И въ Зундѣ нѣкогда было такое изобиліе рыбъ, что часто лодкамъ не было прохода и рыбъ ловили руками ²⁾.

Съ другой же стороны можно предсказывать, что уже въ непродолжительномъ времени являющіяся доселѣ исполнскія рыбы всякаго рода станутъ, пожалуй, встрѣчаться все рѣже и рѣже. До сихъ поръ тамъ попадаются въ сѣти патриархи удивительныхъ размѣровъ, такъ что лохи и налимы въ пудъ и даже въ три пуда вѣсомъ не слишкомъ большія рѣдкости ³⁾. На сколько быстро рыбы растутъ въ молодости, на столько повидному ростъ ихъ медленно подвигается впередъ по достиженіи имъ средней величины.

Байкаль служить намъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости и въ Сибири въ-время приняться за рациональное устройство рыболовства. Удобный сбытъ омулей въ Иркутскъ, не смотря на еще весьма слабое населеніе тѣхъ мѣстностей, все-таки уже успѣлъ истощить считавшійся нѣкогда неизсякаемымъ запасъ рыбъ, которымъ въ бывшее время славилась Селенга. Уже въ мое время стали жаловаться на уменьшеніе числа омулей; теперь поселенцы нашли себя даже вынужденными ловить его въ другой большой рѣкѣ, впадающей въ Байкаль: въ Верхней Ангарѣ. Такъ какъ омуль ловится именно во время метанія икры, когда онъ собирается цѣлыми стаями, чтобы заходить въ рѣчки и выпускать въ нихъ свою икру, то производящаяся тамъ неправильная ловля становится весьма губельною; но посредствомъ надлежащихъ мѣропріятій она могла бы быть устроена весьма хорошо, именно потому, что весь надзоръ за правильнымъ выполненіемъ ихъ ограничивается только нѣсколькими пунктами и продолжался бы лишь нѣсколько недѣль. По разспросамъ Радде, во всемъ количествѣ пойманнхъ тамъ омулей лишь $\frac{1}{4}$ и

¹⁾ Въ вышеприведенномъ сочиненіи (срав. «Долгане»), стр. 315.

²⁾ Weinhold, Altnordisches Leben, p. 69.

³⁾ Подъ 64° с. ш. мнѣ могли показать сельдя (S. albula) въ $\frac{1}{3}$ фута длины. Тамъ былъ пойманъ циръ

въ 44 фунта, а между тѣмъ половина этого вѣса уже представляла необыкновенное явленіе. Въ мое время въ Туруханѣ наловили съ дюжину Тайменскихъ лоховъ для-ною въ ростъ человѣческой и вѣсомъ до 3 пудовъ. Нашъ простой налимъ въ Енисей нерѣдко также достигалъ пуда вѣсу.

никакъ не больше $\frac{1}{2}$ молоковыхъ рыбъ, такъ что на 10 — 12 бочекъ рыбы добывается бочка икры въ 25 пудовъ вѣсу. Какъ легко при такихъ обстоятельствахъ устроить обезпеченную на всегда эксплуатацію!

На стр. 361 (примѣч. 2-е) мы ознакомились съ неожиданнымъ разнообразіемъ лоховыхъ породъ, дѣлающихся добычею Самоѣдовъ даже къ сѣверу отъ 70° с. ш. При этомъ случаѣ перечислимъ названія, которыми Асианскіе Самоѣды строго отличаютъ одну породу отъ другой.

чѣра они называютъ бѣхтѣнга,	сига они называютъ сига́хку,
муксуна » » гфау́лѣ,	сельдя » » сельдей,
омуля » » сырру́лѣ,	хари́уса » » моку-джорру,
пелета » » пелѣтка,	нельму » » дьинту,
кунджу » » нѣорра,	голеца » » бо́пета.

Изъ всѣхъ этихъ названій мнѣ удалось только узнать, что имя хари́уса «моку-джорру» значитъ «черное плавательное перо.»

Живущіе на Боганидѣ Якуты давали рыбамъ русскія названія; только хари́уса они называли джѣрга, а пелета—іюкѣ.

Разнообразіемъ рыбъ своихъ Таймырскій край очевидно обязанъ какъ близости моря, такъ и не очень гористой природѣ страны. Въ отношеніи рыбъ Боганида принадлежала къ самымъ бѣднымъ водамъ глубокаго сѣвера. Тамошнимъ жителямъ преимущественно приходилось довольствоваться сельдемъ, такъ какъ въ рѣкѣ только весною бываетъ достаточное количество воды; главнымъ образомъ они питаются рыбами изъ тундровыхъ озеръ, лежащихъ за областью лѣсной растительности. При всемъ томъ собранная нами тамъ коллекція рыбъ представляетъ очень хорошенькій сборникъ образцовъ.

Даже на южномъ скатѣ Становаго хребта количество породъ, важныхъ для рыболовства, сводится на весьма небольшое число, какъ скоро мы выйдемъ изъ тѣхъ предѣловъ, до которыхъ доходятъ странствующія рыбы. Рыбакъ опять долженъ довольствоваться хари́усами, тайменями и ленокami, къ которымъ еще присоединяются неизбѣжный налимы, да мѣстами два-три вида карповъ. Но что между ними вѣроятно окажутся новые виды, это уже доказываетъ первая попытка Базилевскаго ¹⁾, ознакомившаго насъ съ *Nasus Dahuricus*, *Leptocephalus mongolicus*, *Abramis Mandshuricus* и др.

Вѣроятно между однимъ изъ этихъ видовъ намъ придется искать кетакита Шамагровъ, о необыкновенно жирномъ мясѣ котораго мнѣ, постоянно причмокивая, рассказывали на р. Немиленѣ. Считаю еще пелишнимъ замѣтить, что въ озерѣ Большаго Шантарскаго острова водится особый видъ карповъ, который, говорятъ, не встрѣчается на южномъ прибрежьи Охотскаго моря и потому заслуживаетъ ближайшаго вниманія.

Налимы пользуется у Сибиряковъ почти бѣльшимъ почетомъ, чѣмъ любой лохъ.

¹⁾ Ichthyographia Chinae borealis въ Nouv. Mémoires des Natural. de Moscou, 1833, Т. X; p. 217, 234, 230.

Правда, что тамошние исполины-патріархи его, вѣсомъ превосходятъ большую часть лоховъ. Кожа и плавательный пузырь его высоко цѣнятся, потому что содержатъ въ себѣ клей, мясо вкусно, а жирная печень, какъ лакомство, составляетъ приправу всякой порядочной похлебки. Она замѣняетъ сметану и масло нашихъ поваровъ и своимъ живительнымъ вкусомъ всякій разъ напоминала мнѣ *Liquor hepaticus mustelae fluviatilis* европейскаго лекарственнаго запаса, въ который она попала вѣроятно вслѣдствіе давнишней извѣстности своей, снисканной еще въ первобытныхъ пустыняхъ.

За тѣмъ обратимся къ необычайно богатству Берингова рукава Великаго океана по части странствующихъ рыбъ, пока еще столь же неисчерпаемому, какъ на побережьяхъ Ледовитаго Океана. Мы упомянули объ этомъ уже на стр. 349. Мы видѣли, какъ просты могутъ быть приспособленія, необходимыя для взиманія пошлинъ съ имѣющихся тамъ въ избыткѣ источниковъ пропитанія. Достаточно обложить берегъ рѣки досками такимъ образомъ, чтобы онѣ образовывали наклонныя плоскости, погруженныя нижнимъ концомъ въ воду, и несмѣтное количество рыбъ своей-же братьей выпирается изъ воды за эти доски на сушу, потому что рѣка не въ состояніи вмѣстить въ себѣ всѣ стаи, старающіяся обогнать другъ друга. Самые же цѣнные лохи кеты останавливаются въ нѣсколько болѣе глубокихъ заводяхъ рѣки и въ рукавахъ ея, которые отчасти, вслѣдствіе осенняго спада водъ, обращаются въ отдѣльные пруды. Такія мѣста по тунгуски называются тамъ гадыгъ, что Русскіе исказили въ слово вадяга или бадяга¹⁾. На Тугурѣ у Бурукана и въ урочищѣ Хамбыканъ я нашелъ 11-го Октября такія заводи глубиною въ 2 и въ 3 фута; онѣ были устланы валунами (величиною въ кулакъ и въ голову), между которыми вездѣ видна была выпущенная икра. Рыбы плавали въ этихъ вадягахъ стаями въ 10—20 штукъ.

Смотря по осени, рыбы въ этихъ заводяхъ ловятся или въ концѣ Сентября, или въ началѣ Октября. Якуты и Тунгусы, аккуратно эксплуатирующіе эти рыбныя мѣста, увѣрили меня, что одно и тоже несмѣтное количество рыбъ является тамъ изъ году въ годъ и никогда не уменьшается.

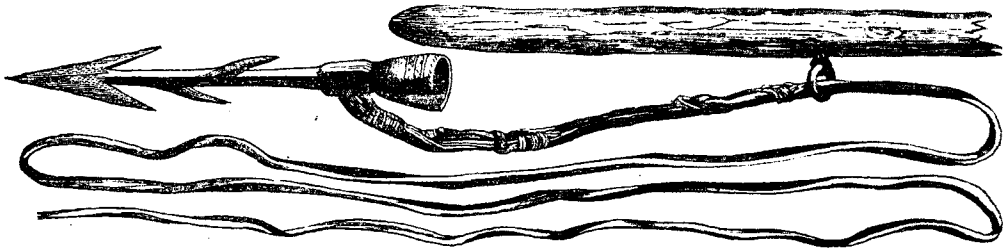
Для вытаскиванія рыбъ изъ этихъ прудовъ Тунгусы употребляли особаго рода гарпунъ, который они постоянно носятъ при себѣ и которымъ дѣйствуютъ чрезвычайно ловко.

Къ концу тонкой, даже гибкой жерди въ 3 саж. длины они придѣлываютъ большой здоровый крюкъ, изгибъ котораго въ радіусѣ имѣетъ около 1 дюйма, вдвигая его за намотанный на жердь ремень такимъ образомъ, что стволъ крюка плотно прилегаетъ къ жерди, а изгибъ и оконечность его обращены къ концу жерди, но такъ, что этотъ конецъ жерди все-таки выдается дюйма на два дальше оконечности крюка. Этотъ гарпунъ Тунгусъ вонзаетъ такъ ловко въ плывущую по дну рыбу, что конецъ жерди подъ нею

¹⁾ Это такъ называемая «курья» сѣв.-западной Россіи. (Чумиканъ); 2) въ 20 верстахъ, Тумиканъ; 3) въ 50 верстахъ, Сохатый; 4) въ 97 верстахъ; 5) въ 190 верстахъ, т. е. въ 10 верстахъ выше впаденія Галлама; 6) въ 230 верстахъ, на Шелегѣ.

входить въ покрывающіе дно валуны, а защищенный такимъ образомъ крюкъ прокалываетъ рыбу. Такъ какъ стволъ крюка привязанъ къ концу жерди посредствомъ коротенькаго ремня, то рыба не можетъ уйти, потому что, начиная сильнѣе биться, вырываетъ крюкъ изъ ремневой обвязки, за которую онъ задвинуть, и освобожденный такимъ образомъ крюкъ вонзается въ рыбу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше она бьется. При выниманіи жерди изъ воды, крюкъ и сидящая на немъ рыба, слѣдуютъ за коротенькимъ ремнемъ, соединяющимъ стволъ крюка съ концомъ жерди.

Довольно долго я тщетно пытался наловчиться искусству, котораго требуетъ употребленіе этого умно-задуманнаго снаряда. «Весьма неуклюжій приборъ» отмѣтилъ я у себя въ дневникѣ. Вышеизложенное да послужитъ выраженіемъ моего покаянія. Помимо приспособленія, предохраняющаго крюкъ отъ удара о валуны и отъ притупленія, интересенъ еще принципъ, вслѣдствіе котораго крюкъ тѣмъ вѣрнѣе обезнечиваетъ добычу, чѣмъ больше она силится высвободиться. По-видимому, если я правильно понялъ нѣкоторыя описанія, этотъ-же принципъ очень распространенъ въ Сѣв. Америкѣ, какъ у Индѣйцевъ, такъ и у Эскимосовъ. Алеуты усовершенствовали его еще тѣмъ, что между желѣзнымъ наконечникомъ гарпуна (см. прилагаемый рисунокъ) и стволомъ его вставляютъ еще дру-

Гиллякскій гарпунъ.

гой, приблизительно столь-же длинный кусокъ, середина котораго посредствомъ коротенькаго ремня также прикрѣплена къ главному ремню. Какъ скоро удастся вонзить гарпунъ въ мягкокожее животное, напр. въ дельфина, такъ сильно, что обѣ приставныя части входятъ въ него, то обѣ онѣ, отдѣлившись отъ жерди, тѣмъ болѣе становятся поперекъ тѣла животнаго, чѣмъ ближе укрѣпленіе гарпунной бичевки находится отъ середины этого гарпуннаго желѣза ¹⁾ и второй вставленной части. Къ свободному концу гарпунной бичевы Алеуты, какъ извѣстно, прикрѣпляютъ надутый пузырь, указывающій имъ, гдѣ слѣдуетъ ожидать появленія пронзенныхъ гарпуномъ моржей и китовъ.

У Хамбыкана (на р. Немиленѣ) Тунгусы ежедневно убивали около 100 рыбъ, такъ что, каждый изъ нихъ ежедневно очень легко и безъ большихъ приспособленій, добывалъ до 25 пудовъ рыбнаго мяса.

Гдѣ кету хотѣли ловить уже въ Іюлѣ, прежде чѣмъ она начнетъ заходить въ гор-

¹⁾ Такимъ образомъ и изображенное тутъ гарпунное желѣзо прикрѣплено къ своему ремню слишкомъ близко отъ толстаго конца своего.

ный рѣки. тамъ стояло только по морскому берегу разставить сѣти съ петлями въ 4—5 пальцевъ ширины. Однажды вечеромъ, въ Уяконскомъ заливѣ, когда мы, будучи тѣсными льдомъ, должны были укрыться на берегу и выбросили нашъ маленькій неводъ, мы уже не были въ состояннн вытащить его. Привязавъ его къ кольямъ, мы легли спать. Когда мы проснулись, послѣ сильнаго отлива воды, нашъ неводъ лежалъ на песчаномъ берегу и въ немъ находилось болѣе 400 порядочныхъ мальмъ. Это было 20-го Юля. Жители Удскаго Острова ловили рыбу не сѣтями. На мои укорительные разспросы по этому предмету беззаботный народъ отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ сѣтей. При всемъ томъ, у нихъ оказались большіе неводы, которые имъ навязали изъ Якутска. Но сѣтки этихъ неводовъ были слишкомъ высоки, потому что мелководныя горныя рѣки и прибрежья, которыхъ придерживаются плывущія стаи рыбъ, допускаютъ только глубину сѣти въ 4 фута. Беззаботность облѣившихся жителей была такъ велика, что передѣлка подареннаго имъ невода была, по ихъ мнѣнію, сопряжена съ слишкомъ большими хлопотами. По заведенному изстари порядку и такое казенное имущество конечно нельзя было уменьшать.

Изъ всего этого читателю однакоже не слѣдуетъ выводить заключеніе, что въ юго-восточной Сибири сѣти вообще мало употребляются. Напротивъ того, я удивился, какъ ловко сумѣли извернуться Тунгусы, у которыхъ, въ противоположность Самоѣдамъ Таймырскаго края, получающимъ все съ Енисея, большею частію не было пеньковыхъ нитокъ. У Тунгусовъ были въ употребленнн ставныя сѣти, сдѣланныя какъ изъ жилъ сѣв. оленей, такъ и изъ конскихъ волосъ. Мнѣ особенно нравились послѣднія, которыя не только отличались чистотою, но и были такъ легки, что, вися за сѣдломъ, не обременяли лошади. Между тѣмъ онѣ были чрезвычайно полезны тѣмъ, что когда во время привала на ночь ихъ опускали въ ближайшія воды, то при осмотрѣ ихъ утромъ рѣдко случалось не находить въ нихъ весьма пріятной приправы къ утренней похлебкѣ.

Само собою разумѣется, что въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ Сибири употребляются всѣ тѣ разнообразныя измѣненія въ приспособленнн сѣтей, которыя хорошо извѣстны въ Европѣ. По-этому мы не станемъ останавливаться на перечисленнн ихъ.

Главнымъ средствомъ повсюду служатъ запруды, съ принадлежащими къ нимъ вершами. Въ устьѣ Уди такимъ образомъ ловились сотни тысячъ заходившей изъ моря куты. Къ запрудамъ съ величайшимъ успѣхомъ приобѣгаютъ мѣхопромышленники, запружая уже лѣтомъ тѣхъ рыбъ, которыя весною зашли вверхъ по рѣкамъ. Окончивъ охоту свою, они осенью возвращаются къ этимъ запрудамъ, ставятъ въ нихъ верши и наслаждаются обильною добычею.

У Тунгусовъ употребляется способъ багренья рыбы зимою, который особенно въ началѣ этого времени года, пока ледъ еще не успѣетъ покрыться снѣгомъ, обыкновенно бываетъ очень удаченъ. Багоръ состоитъ изъ трезубца съ коротенькой рукояткой, такъ какъ горныя рѣки въ это время мелководны. Черезъ множество прорубленныхъ во льду отверстій выматривается, что происходитъ на днѣ рѣки, и за тѣмъ выбирается мѣсто

ловли. Тутъ прорубается во льду отверстіе фута въ 2 въ квадратѣ, и надъ нимъ, при помощи шестовъ, шубъ и мѣховыхъ одѣялъ, устраивается шалашъ, который снизу обкладывается снѣгомъ. Если въ этомъ темномъ шалашѣ ляжешь на ледъ и смотришь въ прорубь, то очень ясно видишь все до самаго дна и тѣмъ легче можешь попадать багромъ въ рыбу. Это такъ называемая сидѣбка русскихъ Сибиряковъ. При этой ловлѣ со мною случилось слѣдующее забавное происшествіе: пока я, желая ознакомиться съ нею, около четверти часа пролежалъ на животѣ, налимъ наконецъ наскочилъ на мой багоръ, а когда я захотѣлъ вытащить его, то къ удивленію моему самъ оказался пойманнымъ. Дикая борода моя примерзла ко льду и не хотѣла отстать отъ него. Мнѣ рассказывали, что въ 1844 году въ Забайкальѣ, въ Аргуни, вслѣдствіе сильнаго половодья, рыбы изъ породы карповъ зашли въ рѣку выше обыкновеннаго предѣла и сидѣбка¹⁾ доставляла несмѣтное количество рыбы, но все-таки не могла равняться успѣхамъ запруды, гдѣ въ первую половину зимы крестьянинъ тамъ-же наловилъ болѣе 1000 пудовъ рыбы, на которую, вслѣдствіе такого изобилія, цѣна понизилась отъ средней цифры (6—8 рублей) на половину и менѣе.

Козаки дѣлаютъ забойки поперекъ всей Аргуни и ловятъ въ нихъ осетровъ, тайменей, ленковъ и т. д. Въ мое время тамъ помѣшалъ этому ледоходъ. Но уже тогда козакъ спускались по Амуру, чтобы ставить извѣстныя снасти. На полную снасть считались 51 крюкъ, которые, вися на бичевкахъ, прикрѣплялись къ одной общей веревкѣ и опускались въ болѣе спокойныя или обратныя теченія (улова). Главная веревка прикрѣплена къ якорю, на положеніе котораго указываютъ плавающіе колья. Кромѣ большихъ осетровъ, козакъ главнымъ образомъ рассчитывали при этомъ на Амурскую бѣлугу (калуга, Нигидальскій адинъ, *Acipenser orientalis*), между которой нѣкоторые пойманные экземпляры вѣсили отъ 10 до 20 пудовъ. Люди, заслуживающіе довѣрія, рассказывали мнѣ даже, что встрѣчались калуги въ 30 пудовъ вѣса, какъ напр. пойманная въ 1844 году у Шилкинскаго завода, успѣвшая передъ тѣмъ уйти со всею снастью. Она дала болѣе 5 пудовъ икры.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ старинная метода ужения рыбъ, искони свойственная всѣмъ первобытнымъ народамъ, не употребляется. Исключеніе однакоже составляли русскіе поселенцы въ Введенскомъ, на Дудыптѣ, которые таскали лоховъ-кунджу изъ ближайшихъ озеръ.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ сообщить описаніе особаго способа, какъ Якуты ловятъ карасей и крошечныхъ линьковъ мундушекъ (*Surg. regeniugus*), которые въ тамошнихъ мелко-

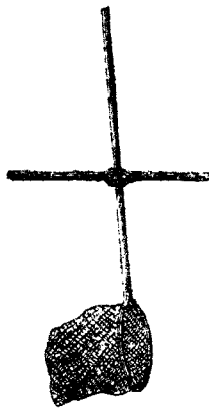

Сибирскій ледосниматель.

водныхъ, илистыхъ болотныхъ озерахъ водятся въ необыкновенномъ изобиліи. Пробивъ долотооб-

¹⁾ Здѣсь она устраивается подъ шалашами, крытыми соломкою.

разнымъ концомъ лѣта прорубь во льду и убравъ ледоснимателемъ отдѣльно плавающіе кусочки льда, опускаютъ изображенный тутъ сачекъ подъ ледъ, кладутъ просверленную палку поперекъ проруби и крѣпко придавливаютъ ее колѣнами, продѣвъ въ нее предварительно рукоятку сачка. Затѣмъ сачекъ толчками опускается на дно и вслѣдствіе того, что рукоятка, поворачиваясь кругомъ, въ тоже время постепенно приподнимается вверхъ, сѣтка сачка описываетъ спираль. Сдѣ-

лавъ до 50 оборотовъ, рыбакъ быстро поворачиваетъ сачекъ вокругъ оси, такъ что онъ закрывается, и вытаскиваетъ его изъ воды. При этомъ вода взбалтывается въ какую-то мутную кашу. Вкусъ рыбъ дѣйствительно отзывается такимъ происхожденіемъ.

Сачекъ для ловли карасей и линей.

Охота въ Сибири.

Преданіе возводитъ первые зачатки человѣческаго существованія къ райскому питанію растеніями. Исторія главнымъ образомъ принимаетъ за исходную точку первоначальнаго быта рыболовство и охоту, которыя наконецъ, посредствомъ кочеваго скотоводства, доходятъ до созидающаго государство земледѣлія.

Объ охотѣ говорится, что ею занимались сначала по необходимости, а потомъ ради удовольствія, и что наконецъ она обратилась въ искусство, примкнувшее къ наукѣ о львоводствѣ.

Съ зоотомической точки зрѣнія физиологическая антропологія должна согласиться съ преданіемъ, такъ какъ зубы и кишечный каналъ человѣка, хотя и устроены какъ у всеядныхъ животныхъ, но все-таки главнымъ образомъ приспособлены къ растительной пищѣ. Съ психологической же точки человѣкъ является положительно хищнымъ животнымъ, которому страсть къ охотѣ такъ прирожденна, что до сихъ поръ высшей культурѣ и цивилизаціи нисколько не удалось измѣнить его хищническую натуру. О воинскихъ его наклонностяхъ, вплоть до каннибализма, мы не станемъ тутъ говорить.

Образъ дѣйствій кочевниковъ, любого племени, среди первобытной природы, на каждомъ шагу доказываетъ, что человѣкъ родился хищнымъ животнымъ. Кто человѣка признаетъ за высшую степень развитія одной изъ породъ обезьянъ, тотъ долженъ представить его себѣ потомкомъ хищной обезьяны, или предположить, что первоначальная обезьянья порода его предковъ, преимущественно питавшаяся растеніями, въ теченіи тысячелѣтій болѣе и болѣе переходила къ питанію мясомъ, болѣе и болѣе передавала своимъ потомкамъ плотоядную наклонность, все сильнѣе возбуждая этимъ дѣятельность мозга, все сильнѣе разжигая страсти, составляющія все-таки основу всякой культуры. Питающійся растеніями браминъ положительно помѣшанное на одномъ предметѣ искусственное произведеніе культурныхъ условій глубокой древности.

Одаренный такою страстью къ охотѣ, что въ молодые годы каждая внезапно вылетающая дичь судорожно сжимала мнѣ сердце, но смолоду пріучившись обуздывать этотъ пылъ и доводить себя до невозмутимаго спокойствія надежнаго охотника, я былъ увѣренъ, что среди кочевниковъ найду настоящихъ мастеровъ этого дѣла. Каково же было мое удивленіе, когда я въ первый разъ отправился на охоту съ моими спокойными миролюбивыми пріятелями, Асинскими Самоѣдами. Мы тронулись въ путь на 14 саняхъ. Пришлось проѣхать нѣсколько верстъ съ однихъ возвышеній на другія, выдававшіяся надъ тундрою, и быстроногіе сѣв. олени, составлявшіе нашу упряжь, несли насъ довольно скоро. Но на каждомъ возвышеніи дѣлался привалъ, и болтовня да куренье, въ которыхъ я не умѣлъ

принимать участіе, требовали очень много времени, потому что привалы повторялись очень часто. Моему нетерпѣливому понуканію самоѣдскій старшина Тойчумъ, мой патронъ, затагиваясь табачнымъ дымомъ до самой глубины своихъ легкихъ, противопоставилъ философское, спокойное изрѣченіе: «кто не курить, тотъ плохой охотникъ; ему недостаетъ необходимой доли спокойствія». По дѣломъ тебѣ, горячка, подумалъ я, и замолчалъ. Наконецъ показалось соответствовавшее охотничьимъ требованіямъ стадо, и мы тотчасъ-же отретировались за небольшой пригорокъ. Оставивъ тамъ запряженные сани свои, мы, стрѣлки, укрылись на возвышеніи, съ котораго довольно хорошо видна была вся охота. Дичь стала приближаться; я не узнавалъ своихъ друзей. Кровь ихъ вскипала, какъ у самой горячей охотничьей собаки. Возбужденная до крайности страстность ихъ высказывалась въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ; но временамъ они обмѣнивались коротенькими восклицаніями, свидѣтельствовавшими о спертотъ дыханіи, и когда животныя по-видимому хотѣли уйти въ сторону, то охотники стали издавать громкіе, похожіе на вой, протяжные вопли, въ высокихъ тонахъ. Ими вполне овладѣла самая страстная возбужденность, и мнѣ, привыкшему къ строгому соблюденію порядка при европейскихъ облавахъ, казалось, что теперь все дѣло испорчено. Но открытая тундра обширнѣе, чѣмъ ее себѣ представляетъ новичекъ, вѣтеръ былъ выбранъ превосходно, животныя ничего не слышали и даже вдругъ пошли прямо на насъ. Какъ пораженные молніей, сотоварищи мои по охотѣ пали на землю за свое снѣговое прикрытие. Нѣсколько минутъ спустя, стадо въ слишкомъ 30 головъ подошло къ намъ и пробѣжало мимо насъ шагахъ въ 50. Двѣ, даже три стрѣлы каждый Самоѣдъ успѣлъ вынуть черезъ плечо изъ своего колчана и пустить въ животныхъ, прежде нежели они ушли изъ подъ выстрѣла, но даже и на такомъ разстояніи большая часть стрѣлъ не попала въ цѣль. Такъ неукротимъ былъ дикій охотничій пылъ у этихъ дѣтей природы, умѣвшихъ иногда убивать чаетъ на лету! Я онѣмѣлъ отъ удивленія: этого я никакъ не ожидалъ. Это были, отъ головы до пятокъ, настоящіе хищные звѣри. Глаза ихъ сверкали, сами они были съ отчаянія. Правда, что это былъ исключительно неудачный случай, но онъ былъ тѣмъ характеристичнѣе. Столь-же характеристичны были восторженные крики, низкіе поклоны и изъявленія благодарности, когда раненныя мною животныя вскорѣ пали. Описаніе такой-же страстности я встрѣтилъ прежде, читая объ охотѣ у Кафровъ, добыча которой доставалась даже не имъ самимъ, а ихъ князю.

Такимъ образомъ не удивительно, что иногда въ горахъ Тунгусъ на лыжахъ своихъ слишкомъ отважно преслѣдуетъ дичь и, не будучи въ состояніи во-время остановиться, падаетъ въ пропасти. Вблизи крутыхъ долинъ р. Керби, 14-го Октября, мнѣ самому привелось Тунгуса, поспѣшившаго раньше насъ на охоту за соболями, застать въ самомъ странномъ положеніи. Было прехолодное утро, градусовъ въ 20° Р. Когда я, съ полчаса послѣ ухода Тунгуса, верхомъ, на сѣв. оленѣ, отправился въ путь впереди нашего каравана, то я вдругъ, верстахъ въ 3-хъ въ сторонѣ, увидѣлъ пылающій огонекъ. Поѣхавъ прямо на него, я засталъ тамъ своего спутника, который какъ на вертелѣ голый кружился

у сильно пылавшаго костра и въ тоже время ножемъ тщательнѣйшимъ образомъ соскабливалъ съ кожаной стороны своей одежды ледяные наросты и впитавшуюся въ нее воду. Желая во что бы то ни стало поймать уже почти достигнутаго имъ соболя, онъ провалился въ ручей, который еще едва успѣлъ покрыться льдомъ, потому что вода его вытекала изъ горныхъ расщелинъ.

Но кто въ состоянїи перечислить всѣ невзгоды и опасности, которымъ ежедневно подвергается кочевникъ-охотникъ? Мнѣ хотѣлось только охарактеризовать охотничїй задоръ этихъ записныхъ охотниковъ. Вспыхнувъ случайно, онъ разгорается быстро и безъ удержу, а между тѣмъ тотъ-же кочевникъ вообще прехладнокровный человекъ, умѣющій напр. свою страсть къ наживѣ подчинить разсудку на столько, что въ тундрѣ успѣлъ установиться обычай въ извѣстное время не охотиться на песцовъ. По-этому одна изъ главныхъ жалобъ европейскихъ Самоѣдовъ на вторгающихся въ ихъ землю Зырянъ заключалась въ томъ, что послѣдніе выкуриваютъ песцовъ изъ норъ. Когда я попытался сдѣлать тоже самое въ Таймырской тундрѣ, то друзья мои очень внушительно упрекнули меня въ этомъ, говоря, что вслѣдствіе этого нора на будущій годъ останется незанятою. Такимъ образомъ предложеніе Гамеля ¹⁾ вовсе не такъ невыполнимо, какимъ оно кажется; онъ совѣтовалъ назначить срокъ прекращенія охоты на сѣв. оленей, также какъ на козуль, сайгу и т. д. въ такое время, когда мѣха ихъ не имѣютъ цѣны, т. е. въ началѣ лѣта, когда шкура ихъ какъ сито пробуравлена прошлогодними подкожными личинками.

Припомнимъ, какое значеніе охота имѣла уже въ первыя времена открытія или завладѣнія Сибири казаками. Ссылаемся въ этомъ отношенїи на сказанное нами на стр. 81. Соболи, чернобурья лисицы и песцы составляли золотое руно, за которымъ стремились искатели богатствъ. Они-то и влекли завоевателей отъ открытія къ открытію, потому что правительство измѣряло значеніе этихъ открытій по цѣнности тѣхъ пушныхъ животныхъ, о существованїи которыхъ ему можно было донести. Выгода, которую сулила каждая вновь открытая полоса земли, опредѣлялась главнымъ образомъ по числу «сороковъ», добытыхъ у кочевниковъ; сорокъ соболей составляли связку и обращались въ торговлѣ подъ названіемъ «сорока» соболей, уже въ началѣ 13-го столѣтія ²⁾ и вѣроятно еще гораздо раньше. Герберштейнъ говоритъ, что въ Новгородѣ онъ видѣлъ соболя шкуры (вѣроятно цѣлую шубу), за которыя платили отъ 20 до 30 тысячъ червонцевъ ³⁾. Наплывъ разнаго рода «промышленныхъ гулящихъ людей», привлекавшихся такими богатствами, сопровождался гораздо болѣе бурными переворотами, чѣмъ настоящее золотое руно, открытое два съ половиною вѣка позднѣе въ образѣ чрезвычайно богатыхъ золотыхъ присковъ, распространенныхъ въ Сибири на большомъ протяженїи.

Что касается самой охоты, то въ общемъ цѣломъ она, кажется, мало измѣнилась

¹⁾ Mémoires de l'Acad. de St.-Petersbourg, VIe série. Builet. scientif. p. XVIII.

²⁾ Adelung, S. Freih. v. Herberstein, 1818, стр. 207, примѣч.

³⁾ Мнѣ не представляется теперь возможность справиться съ подлинникомъ, и потому ссылаюсь на извѣстїе, напечатанное въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ за 1833 годъ, стр. 185.

тѣхъ поръ, какъ Сибирь подпала европейскому владычеству. Въ этомъ слѣдуетъ упрекнуть правительственныя учрежденія. Напр. (срав стр. 558) они вовсе не старались поощрять возможно большее распространеніе цѣлюбухи, а въ новѣйшее время не позаботились о замѣнѣ его стрихниномъ, объ обученіи жителей приготовленію стрихниновыхъ пилюль, о возможно большемъ распространеніи огнестрѣльнаго оружія, объ ознакомленіи кочевниковъ съ постепенными его усовершенствованіями, объ отпускѣ лучшаго пороху въ достаточномъ количествѣ и т. д.

Огнестрѣльное оружіе первоначально распространилось изъ Китая къ сѣверу. Уже при старикѣ Витсенѣ ¹⁾ у Манджуровъ и Монголовъ были мушкеты. Но передъ Албазинымъ они все еще играли въ видѣ фитильныхъ ружей. Отъ Монголовъ послѣдніе въ концѣ восьмага столѣтія перешли къ Калмыкамъ и Киргизамъ ²⁾, которые однакоже до самаго послѣдняго времени не могли отвыкнуть отъ фитиля. Весь сѣверъ Сибири до нынѣшняго столѣтія довольствовался лукомъ и стрѣлою. Между приобскими татарами Ермакъ возбуждалъ удивленіе и ужасъ огнестрѣльнымъ оружіемъ своей дружины, особенно «невидимыми стрѣлами», поражавшими враговъ, не смотря на щиты ихъ ³⁾.

Тогда какъ въ шведской Лапландіи уже въ концѣ первой половины 18-го столѣтія огнестрѣльное оружіе совершенно вытѣснило лукъ и стрѣлу, мнѣ привелось лично убѣдиться цѣлое столѣтіе спустя, что народы въ низовьяхъ Енисея, (не говорю уже о моихъ пріятеляхъ, Асинскихъ Самоѣдахъ Таймырскаго края) все безъ исключенія довольствовались лукомъ и стрѣлой. Между тѣмъ негры африканскихъ прибрежныхъ странъ уже двумя столѣтіями раньше запаслись огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кромѣ русскихъ поселенцевъ, въ мое время огнестрѣльное оружіе было только у Тунгусскаго племени (со включеніемъ Долганъ, Ламутовъ и Юкагировъ). Это были извѣстныя мелкопульбныя винтовки, которыя на всемъ сѣверѣ Европейской Россіи служатъ главнымъ образомъ для стрѣлянія куропатокъ и бѣлокъ и по-видимому заведены тамъ въ первой половинѣ 18-го столѣтія ⁴⁾. При состязаніи въ стрѣльбѣ, которое я устроилъ на прибрежьяхъ Охотскаго моря, оказалось, что Тунгусы съ недлинными дулами, въ 4 или 5 пядей длины, которые они клали на подставки въ 2 или 2½ пяди вышины, на 100 шаговъ рѣдко дѣлали промахъ въ четвертушку бумаги, часто даже попадали въ нее довольно близко къ центру.

Тунгусъ въ прибрежныхъ странахъ Охотскаго моря содержалъ свою винтовку очень чисто; главнымъ образомъ онъ дѣлалъ это вѣроятно потому, что ружье сильно засорялось отъ плохаго пороха. Не успѣешь, бывало, оглянуться, какъ Тунгусъ опять уже отвинтилъ казенный винтъ и чиститъ дуло.

¹⁾ Witsen, II, стр. 3, 433.

²⁾ Müller, Samml. Russ. Geschichte. III, стр. 488; IV, стр. 223.

³⁾ Тамъ-же. VI, 264, 265.

⁴⁾ Въ 1733 году Черемисы употребляли лукъ и стрѣлы, тогда какъ у сосѣдей ихъ, Чувашей и Вогуловъ, уже были винтовки (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 327, 379). Но еще при Георгіи (Reise, II, стр. 397) Вогулы были вооружены луками.

Въ мое время въ округѣ Удскаго Острога трудно было приобрести винтовку дешевле 100 руб. асс., хотя на Уралѣ она тогда стоила отъ 2—5 рублей, а перевозка изъ Екатеринбурга въ Якутскъ обходилась не дороже 7 рублей. Давленію со стороны купцовъ, торгующихъ этимъ необходимымъ товаромъ, мѣстному управленію въ то время слѣдовало противопоставить конкуренцію. Въ настоящее время дѣло приняло, кажется, другой оборотъ¹⁾.

Кромѣ мелкопульныхъ винтовокъ въ мое время только въ верховьяхъ Амура встрѣчались мѣстами винтовки большихъ размѣровъ, приобретенныя, какъ говорили, въ Ташкентѣ и слывшія подъ именемъ Солонскихъ винтовокъ.

О странномъ короткомъ прикладѣ, да еще болѣе странномъ, открытомъ снаружи замкѣ, пружина котораго усиливается или совершенно замѣняется упругой деревянной дужкой, о выдолбленной деревяшкѣ съ желобомъ для литья, въ которомъ, посредствомъ раздуванія горящихъ углей, топится свинецъ для пуль, и о тому подобныхъ, поражающихъ насъ, первобытныхъ особенностяхъ, я не стану распространяться, такъ какъ это всѣмъ хорошо извѣстно.

По видимому не только апатія, но и послѣдствія прежнихъ порядковъ, были причиною, почему бѣднымъ кочевникамъ долго не представлялась возможность запастись лучшимъ оружіемъ. Длинный рядъ мелкихъ возстаній, послѣдовавшихъ за занятіемъ Сибири, повлекъ за собою неоднократно подтвержденіе строжайшаго запрещенія снабжать сибирскихъ туземцевъ огнестрѣльными припасами²⁾.

Вслѣдствіе этого дѣло дошло до такой несообразности, что правительство, оставивши продажу пороха за собою, своихъ же собственныхъ подданныхъ, для которыхъ охота составляетъ единственный источникъ пропитанія, и у которыхъ подать взимается въ видѣ добытыхъ ими мѣховъ, лишало огнестрѣльныхъ принадлежностей. На замѣчаніе Палласа³⁾, что Башкиры сами готовятъ для себя порохъ, на жалобу Крузенштерна⁴⁾ относительно недостатка пороха въ Камчаткѣ, на заявленіе Уваровскаго⁵⁾, требовавшаго отъ своего начальства уже въ 1827 году, чтобы въ Удской край вмѣсто дозволенныхъ до того времени 2 пудовъ, впрочемъ также не отпускавшихся (см. главу

¹⁾ По письменному сообщенію Радае, на Амурѣ не было недостатка въ винтовкахъ и въ его время хорошую маленькую винтовку можно было купить за 10 руб. сер. И по словамъ Черкасова (Записки охотника Восточн. Сибири, 1867, стр. 13), путешествовавшаго 20 лѣтъ послѣ меня, винтовка въ Забайкальѣ стоитъ отъ 15 до 3 руб. сер. Очевидно тамъ дѣлу помощи вооруженія по случаю занятія Амура.

²⁾ Такое распоряженіе было слѣдано напр. еще въ 1700 году (Словцовъ, Историч. обзор. Сибири, II, стр. 468). При Стеллерѣ (Kamtschatka, стр. 178) огнестрѣль-

ное оружіе было запрещено Камчадаламъ и самъ Стеллеръ подвергся слѣдствію за то, что уступилъ Камчадаламъ пороху. Въ Палласово время (Reise, II, стр. 74) Башкирамъ не позволено было имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе, и въ Якутскѣ я самъ еще засталъ приказаніе не отпускать жителямъ пороха, хотя они большею частью питались дичью.

³⁾ Reise, II, стр. 63.

⁴⁾ Reise, II, стр. 258.

⁵⁾ Найдено мною въ Якутскомъ архивѣ.

о Тунгусах), ежегодно посылалось 10 пудовъ пороху (и 20 пудовъ свинцу) не обращалось никакого вниманія. Прибывъ въ Удской Острогъ, я, вопреки указанію правительства, не засталъ тамъ ни малѣйшаго количества пороху, которое могло бы быть отпущено въ мое распоряженіе. Изъ пороха же, все-таки находившагося у Тунгусовъ, имъ приходилось дѣлать непомерно большіе заряды, потому что онъ былъ слишкомъ слабъ ¹⁾.

Затронутыя тутъ несообразности не могли бы удержаться столько времени, если бы въ охотничьемъ быту кочевниковъ вообще ружье не играло лишь второстепенной роли до тѣхъ поръ, пока дѣбри оставались настоящими первобытными дѣбрями. Отчасти огнестрѣльное оружіе достаточно замѣняется лукомъ и стрѣлой. Пока не представляется случая, во всякое время, безъ труда, добывать огнестрѣльные принадлежности, до тѣхъ поръ кочевникъ благоразумно придерживается оружія собственнаго изготовленія.

На первый взглядъ лукъ Таймырскихъ Самоѣдовъ по-видимому чрезвычайно простъ; при всемъ томъ однакоже требуется немало опытности и искусства, чтобы толково приготовить для него дерево смолистыхъ корней глубоко-сѣверной листвен-

Лукъ Таймыр-

скихъ Самоѣдовъ.

У Юкагировъ упругость лука усиливается, какъ извѣстно, тѣмъ, что онъ обкладывается пластинками носоваго нароста отъ ископаемаго носорога; Чукчи употребляютъ китовый усъ и т. д.

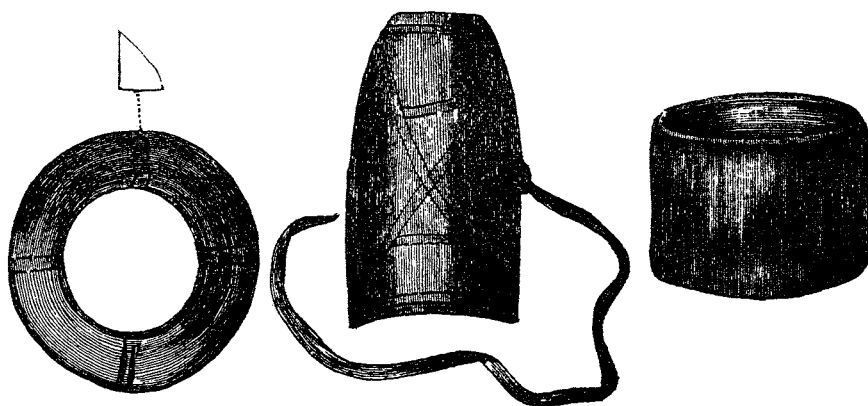
¹⁾ При этомъ случаѣ считаю излишнимъ упомянуть о слѣдующемъ, непонятномъ для меня обстоятельстве. Въслѣдствіе-ли необыкновенной стужи, перенесенной моею прекрасной двустволкой (Баргмеръ), или по другой причинѣ, выстрѣлы изъ нея стали такъ слабы, что въ Апрѣ-

лѣ и Маѣ дробинки мои отлетали только на 30—40 шаговъ и лежали разбросанными по снѣгу. «Вотъ тебѣ твои стрѣлы», говорили мнѣ Самоѣды, которые подбирали ихъ и приносили ко мнѣ.

Отъ поврежденій и главнымъ образомъ отъ сырости лукъ защищается футляромъ, сдѣланнымъ изъ шкуры сѣв. оленя, а на морскихъ бережьяхъ изъ тюленьей шкуры. На XV-й таблицѣ изображенъ самоѣдскій футляръ въ полномъ его блескѣ, Тщательно исполненные узоры могутъ служить нашимъ дамамъ доказательствомъ, что самоѣдскія женщины опередили ихъ по части любезной внимательности.

лѣ и Маѣ дробинки мои отлетали только на 30—40 шаговъ и лежали разбросанными по снѣгу. «Вотъ тебѣ твои стрѣлы», говорили мнѣ Самоѣды, которые подбирали ихъ и приносили ко мнѣ.

Неизбѣжную принадлежность лука составляетъ предохраненіе натягивающей его руки отъ обратнаго отскакиванія тетивы. Это предохранительное приспособленіе (у Русскихъ наручка) имѣетъ либо видъ металлическаго щитка, который ремнемъ прикрѣпляется вокругъ сгиба руки и прикрываетъ мѣсто около пульса, либо видъ кольца, которе или дѣлается изъ металла, или бываетъ только наперсткообразнымъ кускомъ трубчатой кости, насаживается на большой палецъ и задерживаетъ обратный ударъ тетивы.

Приспособленіе противъ обратнаго удара тетивы.

Значительный выборъ стрѣлъ встрѣчается даже у Таймырскихъ Самоѣдовъ, приборы которыхъ вообще отличаются большою простотою. На слѣдующей страницѣ изображена вся моя коллекція стрѣлъ изъ Таймырскаго края.

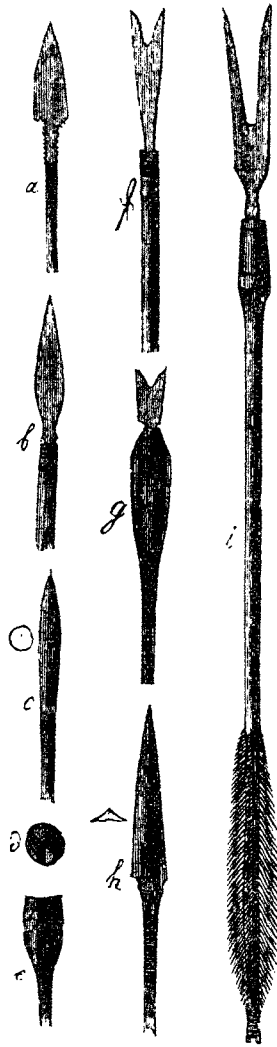
a, b, h назначены для крупныхъ животныхъ, вплоть до сѣвъ оленя; *c* имѣетъ конусообразный костяной наконечникъ и служитъ для нанесенія широкой раны при недалежномъ разстояніи выстрѣла; *f, g, i* употребляются для птицъ, преимущественно гусей, а *e* остяцкій обращикъ, т. е. тупая стрѣла, которою Остяки убиваютъ бѣлокъ. Она не портитъ шкуры, но на тупомъ концѣ ея дѣлаются разныя нарѣзки (*d*) для усиленія удара ¹⁾.

Такимъ образомъ на самомъ глубокомъ сѣверѣ недостаетъ развѣ только свистящей бурятской стрѣлы, наконечникъ которой просверленъ такъ, что стрѣла не только шипитъ, но и свиститъ, подобно просверленнымъ пулямъ. Она остроумно придумана, для пусканія вслѣдъ за убѣгающими четвероногими, которыя на время приостанавли-

¹⁾ Ниже, въ главѣ о Долганахъ, будутъ приведены этихъ стрѣлъ. Срав. также стр. 606, гдѣ говорится о якутскія названія, которыми обозначается каждый видъ мострѣлахъ.

ваются, прислушиваясь къ свисту, и тѣмъ даютъ стрѣлку время прицѣлиться. Обыкновенно это достигается простымъ свистаніемъ, либо подражаніемъ голосу каркающаго ворона или воющаго волка.

Стрѣльбу изъ лука я представлялъ себѣ болѣе успѣшною. Самоѣды, которымъ приходится довольствоваться только этимъ оружіемъ, не отличались ни ловкостью прицѣла, ни дальними и сильными выстрѣлами. Однажды, при санной облавѣ, когда я изъ каждаго ствола убилъ по сѣв. оленю и взялся за винтовку, чтобы убить вожака стаи, стараго самца, ружье осѣклось. Пока я успѣлъ насадить новый пистонъ, животное уже ускакало далеко въ тундру, но посланною ему въ слѣдъ пулею мнѣ все-таки удалось раздробить ему голенную кость какъ-разъ надъ правою пяткою. Олень мой, прихрамывая, медленно подвигался впередъ. Чтобы ознакомиться съ дѣйствіемъ стрѣлы, я предложилъ Самоѣдамъ доконать животное. Одинъ за другимъ подъѣзжалъ къ нему шаговъ на 30 или на 40, соскакивалъ съ саней, спускалъ свою стрѣлу. Олень пытался стрѣлять на лету поморниковъ, которые подлетаютъ очень близко и долго висятъ на одномъ мѣстѣ. Онъ приманивалъ ихъ брызгами воды, которыя производилъ весломъ. Но и онъ не попадалъ въ птицу.

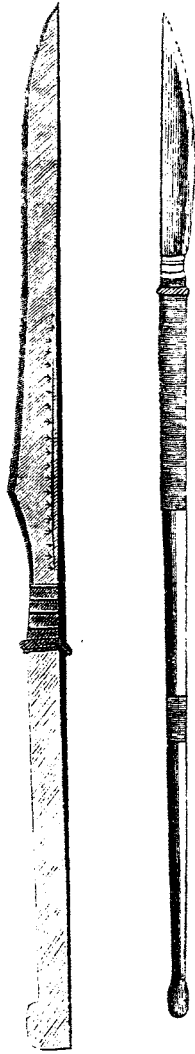
Стрѣлы Таймырскихъ Самоѣдовъ.

и уѣзжалъ въ величайшемъ страхѣ. Тутъ я въ первый разъ узналъ, что раненный сѣв. олень самецъ, подобно лосю, иногда можетъ сдѣлаться охотнику опаснымъ; при добродушіи этихъ животныхъ мнѣ никогда это не приходило въ голову. Одиннадцать стрѣлъ пронзило бѣдное животное, прежде нежели оно пало. Изъ нихъ двѣ попали въ ребра, желѣзный наконечникъ согнулся отъ удара въ кость и стрѣла повисла безвредно; двѣ другія стрѣлы пронзили животъ, такъ что концы торчали съ другой стороны; остальные засѣли болѣе или менѣе глубоко въ разныхъ мѣстахъ туловища. Самоѣды постоянно рассказывали мнѣ о сѣв. оленяхъ, которые хотя и были сильно ранены, все-таки уходили. Это мнѣ напомнило убитаго спутникомъ Врангеля медвѣдя, въ которомъ сидѣли три стрѣлы отъ прежняго преслѣдованія¹⁾. Только одинъ Самоѣдъ

¹⁾ Врангель, Путешествіе II, стр. 69.

У Забайкальскихъ Тунгусовъ, славящихся своимъ искусствомъ стрѣлять изъ лука, я уже засталъ огнестрѣльное оружіе и потому не имѣлъ случая любоваться ихъ искусствомъ.

Неудовлетворительное дѣйствіе стрѣль повело къ употребленію средствъ, усиливающихъ это дѣйствіе. Должно казаться страннымъ, что ядовитыя стрѣлы употребляются и на глубокомъ сѣверѣ, который вѣдь пользуется особою привилегіею, т. е. изъять природою отъ опасныхъ ядовитыхъ веществъ растительнаго и животнаго царства, свойственныхъ теплымъ климатамъ. Это вспомогательное средство по-видимому распространилось вдоль береговъ Великаго Океана до Сибири. По словамъ Зибольда ¹⁾ Айно смазываютъ свои стрѣлы для медвѣжьей охоты аконитовымъ ядомъ. О сѣверныхъ сосѣдяхъ ихъ, Курильцахъ и Камчадалахъ, равно какъ о Корякахъ, Чукчахъ и Юкагирахъ, со временъ Стеллера, говорятъ тоже самое ²⁾. Этотъ же обычай перешелъ, говорятъ, и на Манчжурскихъ Тунгусовъ. О дальнѣйшемъ его распространеніи въ Сибири мнѣ ничего не извѣстно. Но отравленіе пометовъ (приманокъ) посредствомъ целибухи — способъ, употребляв-

Медвѣжья рогатина изъ Якутска. Русск: отназь; якутск. Bataja. На Богашидъ.

шійся уже древними Римлянами, — распространилось съ Запада по всей Сибири до восточныхъ береговъ ея ³⁾. Я уже говорилъ (стр. 558) о необходимости особенной поддержки этой методы, такъ какъ въ глуши она безопасна и хищныя животныя легко идутъ на приманку ⁴⁾.

Вообще же охота въ Сибири основана главнымъ образомъ на самомъ точномъ знакомствѣ съ характеромъ животныхъ, ихъ образомъ жизни, привычками и т. д. По-этому Сибиряки преимущественно любятъ разставлять ловушки; въ гораздо меньшей степени они стрѣлки и несравненно большая часть животныхъ добывается не оружіемъ какого-бы то ни было рода. Даже страшнаго своего соперника, медвѣдя, сибирскій кочевникъ встрѣчаетъ не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а рогатиной, которую Тунгусъ дѣлаетъ длиною въ 6 футовъ и, на случай надобности, у мѣста соединенія рукоятки съ желѣзомъ, привязываетъ коротенькимъ ремнемъ небольшой поперечный валецъ, чтобы устранить слишкомъ глубокое про-

¹⁾ Fauna Japonica, Mammalia, p. 29.

²⁾ Steller, Kamtschatka, стр. 27, 94, 236. Шелеховъ, Странствованія, стр. 91.

³⁾ Въ Чаунскомъ заливѣ, по Запискамъ Сибир. Отд. Геогр. Общ., кн. III, стр. 99.

⁴⁾ Поселенцы въ низовьяхъ Енисея очень требовали

никаніе ея въ мясо. За тѣмъ свирѣпо наступающему сопернику рогатину втыкаютъ въ грудь и вмѣстѣ съ тѣмъ свободный конецъ ея упираютъ въ землю, такъ что медвѣдь накалывается собственною тяжестью.

На сколько Тунгусъ отважно вступаетъ въ бой съ медвѣдемъ, на столько боятся этого животнаго обитатели тундръ, Русскіе, Самоѣды, Якуты, къ которымъ оно забирается лишь изрѣдка. Они привыкли охотиться не на медвѣдей, а на сѣв. оленей.

Упражненіе, съ ранней молодости, сообщаетъ человѣку первобытной природы невѣроятное умѣнье отыскивать почти совершенно изгладившіеся слѣды животныхъ. Онъ читаетъ по нимъ, какъ по книгѣ, что дѣлало животное, которое онъ отыскиваетъ, что оно будетъ дѣлать сегодня или завтра въ такое-то и такое-то время. За тѣмъ ему уже не трудно подстеречь свою добычу и, подкрадываясь какъ кошка, напасть на нее въ распахъ; не трудно засѣсть, гдѣ слѣдуетъ, или въ безграничной пустыни загнать любое животное какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ поджидаетъ товарищъ охотника. Онъ неподражаемый мастеръ подкрадываться и для этой цѣли употребляетъ также сѣв. оленя¹⁾, на длинномъ поводѣ, въ замѣнъ стрѣлковаго коня. Если же снѣгъ глубокъ, или весною покрытъ настомъ, то Тунгусъ опять на иной ладъ подражаетъ волку, т. е. соединяется по возможности съ другимъ охотникомъ и пускается въ запуски. Такъ напр. въ тундрѣ, на границѣ лѣсной растительности, караулятъ сѣв. оленей. Имъ осторожно отрѣзаютъ путь въ тундру и этотъ маневръ удается кочевникамъ, какъ было сказано, такъ хорошо, что они вдвоемъ гонятъ другъ къ другу животныхъ не только въ горахъ, но и на ровной степи, даже если они охотятся на антилопу²⁾. Сѣв. оленей понемногу оттѣсняютъ къ лѣсу и часто травля начинается только подъ вечеръ назначеннаго для охоты дня. На чрезвычайно легкихъ охотничьихъ лыжахъ преслѣдуютъ животныхъ до тѣхъ поръ, пока они едва дышатъ, за тѣмъ настигаютъ ихъ, и не рѣдко закалываютъ ножемъ, не рѣдко же на нѣсколько шаговъ не попадаютъ въ нихъ стрѣлою, потому что и охотникъ до такой степени запыляется, что ему даже не всегда удается натянуть лукъ. Такимъ-же образомъ охотятся и на лося и часто при благопріятномъ снѣгѣ онъ, съ трудомъ пробѣжавъ двѣ мили, уже болѣе не въ состояніи трогаться съ мѣста. Закалываніе же его рисковано, потому что онъ сильно боится и бѣется.

Въ горахъ Тунгусъ бродитъ по хребтамъ и заглядываетъ въ долины. Завидѣвъ животное или услышавъ его, потому что звукъ несется сверху, онъ какъ молнія спускается на лыжахъ своихъ въ долину и настигаетъ стаю прежде, нежели она успѣетъ ускакать отъ него. На Алданскомъ хребтѣ я бесѣдовалъ съ двумя тунгусскими братьями, кото-

целибухи. Это весьма понятно, потому что, во-первыхъ, они терпятъ большіе убытки въ количествѣ сѣв. оленей, а во-вторыхъ, мѣха хищныхъ животныхъ доставляютъ большія выгоды. Въ мое время въ Дудинѣ россомаха стоила еще отъ 12 до 20 руб., а волкъ, за котораго прежде платили до 30 руб., отъ 10 до 25 руб. Все это на ассагнаціи.

¹⁾ Маньчжикъ. Нѣкогда такая охота происходила и въ Лапландіи.

²⁾ Срав. напр. Радде въ Beitr. zur Kenntniss des Russ. Reiches, p. 369.

рымъ при глубокомъ снѣгѣ и настѣ въ теченіи трехъ недѣль удалось заколоть до 600 сѣв. оленей. Пригодились имъ единственно шкуры этихъ оленей.

Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время Тунгусъ высматриваетъ слѣдъ лося или оленя, преслѣдуетъ животное осторожно и медленно, но непрерывно, не даетъ ему возможности поѣсть, ночуетъ, преслѣдуетъ его на другой, на третій день, пока оно наконецъ дѣлается его жертвой. Обыкновенно оно становится слишкомъ смѣлымъ.

Всего этого Самоѣдъ не въ состояніи продѣлать, потому что онъ плохой ходокъ. Но пріятель мой Тойчумъ, Асинскій старшина, показалъ мнѣ, что и Самоѣды занимаются травлей, хотя въ совершенно другомъ родѣ. Былъ Октябрь мѣсяць и тундра была уже покрыта глубокимъ снѣгомъ, который бури еще не успѣли ни смести, ни сбить; онъ былъ рыхлъ. Впрягши въ сани двухъ здоровыхъ сѣв. оленей, Тойчумъ пустился въ погоню за песцомъ, постоянно перерѣзалъ ему путь и вскорѣ довелъ его до утомленія. Изнемогавшее животное стало описывать вокругъ саней все меньшіе круги и Тойчуму приходилось употребить въ дѣло всю поворотливость своихъ оленей. Забава кончилась тѣмъ, что Тойчумъ сбросилъ съ саней свой мѣховой ножной мѣшокъ, совершенно утомленный песецъ залѣзъ подъ него, и ловкій возница на запыхавшихся оленяхъ привезъ намъ свой трофей. Въ другой разъ, когда мы во время сильной выюги замѣтили песка, откапывавшаго мышей, Тойчумъ подлѣхалъ къ нему съ подвоѣтренной стороны, соскочилъ съ саней и, снявъ съ себя верхнюю шубу, такъ ловко подползъ къ песцу, что схватилъ за хвостъ усердно лакомившагося звѣря прежде, нежели онъ успѣлъ опомниться. Песецъ столь же неостороженъ, какъ его землячки на глубокомъ сѣверѣ, бѣлыя альпійскія куропатки, которыхъ на открытой тундрѣ Самоѣдъ одинъ загоняетъ въ сѣть. Послѣдняя состоитъ большою частью, изъ 5 крыльевъ, каждое длиною въ 5 шаговъ. Ячейки величиною въ 4 квадр. дюйма, стѣнка, вышиною всего въ $1\frac{1}{2}$ фута, выпукло ниспадаетъ на землю между туго натянутыми на палки бичевками. Такую сѣтку разставляетъ Самоѣдъ, когда находитъ стаю бѣлыхъ куропатокъ; за тѣмъ заходить къ нимъ съ тыла, преспокойно гонитъ ихъ къ сѣткѣ, и, нагибаясь, прокрадывается то туда, то сюда, чтобы дать птицамъ необходимое направленіе. Догнавши ихъ до самой сѣтки, онъ съ крикомъ выскакиваетъ, куропатки взлѣтаютъ и зашутываются въ ячейкахъ сѣти.

Чтобы вкратцѣ покончить дѣло съ охотой кочевниковъ на птицъ, считаю еще только нужнымъ замѣтить, что нѣсколько тысячъ гусей и лебедей, убиваемыхъ во время линія на тундренныхъ озерахъ, да множество тетеревовъ и рябчиковъ, добываемыхъ Тунгусами, по временамъ не мало содѣйствуютъ увеличенію сѣстныхъ запасовъ кочевниковъ. Дубина, лукъ да стрѣла, винтовки и простыя ружья, всякаго рода ловушки, капканы и силки употребляются въ дѣло для добыванія гусей.

Однимъ словомъ, способовъ добыванія животныхъ, смотря по обстоятельствамъ, безконечно много. Не являются на помощь насты и выюги, такъ охоту облегчаютъ то комары, то прибой волнъ, то шумъ горныхъ потоковъ и т. п. Кромѣ того, у каждаго

животнаго есть своя слабая сторона: такъ напр. сѣв. олень чуетъ присутствіе человѣка, по запаху, едва-ли не за версту и въ такомъ случаѣ тотчасъ убѣгаетъ, но за то, подобно медвѣдю, сравнительно плохо слышитъ и видитъ.

Такъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ не совсѣмъ понятнаго для меня случая. Въ началѣ Мая, подь 72^о с. ш., въ Таймырской тундрѣ, когда мы съ Самоѣдами медленно подвигались къ сѣверу, при незначительномъ туманѣ, небольшая стая дикихъ сѣв. оленей быстро направлялась прямо на нашъ караванъ. Поднялся страшный шумъ и крикъ, при чемъ Самоѣды приподнимались и стояли на своихъ саняхъ, но все это ничего не помогало. Наконецъ они ухватились за конецъ башлыка своего рубашкообразнаго верхняго тудупа, скидывая эту шубу черезъ голову, стали съ адскимъ шумомъ раскачивать ее и махать руками, пока животныя не повернули назадъ и не убѣжали въ открытую тундру. Самоѣды, встревожившіеся со страху, что дикіе сѣв. олени увлекутъ за собою свободно слѣдовавшихъ за караваномъ запасныхъ сѣв. оленей, утверждали, что въ это время года сѣв. олень страдаетъ насморкомъ и что, вслѣдствіе этого, животное, вообще столь осторожное, становится просто нахальнымъ¹⁾.

Самый удобный случай для успѣшной охоты, преимущественно на сѣв. оленей и козюль, представляютъ регулярныя странствованія этихъ животныхъ, на которыя они собираются цѣлыми тысячами (срав. стр. 366). Бывали времена, когда одинъ охотникъ съ лодки своей закалывалъ до 100 животныхъ, при переправѣ ихъ вплавь²⁾.

Кочевникъ положительно можетъ разчитывать на то, что добыча его не уйдетъ отъ него, когда она отправилась въ воду. По этому Самоѣдъ подстерегаетъ сѣв. оленей въ удобныхъ мѣстахъ въ лодкѣ. Часто животныя и безъ всякаго видимаго повода охотно идутъ въ воду. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ двѣ оленницы съ своими телятами добровольно вошли въ Таймырское озеро, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разстоянія до противоположнаго берега было болѣе географической мили. Особенно это бываетъ въ Таймырскомъ краѣ въ то время, когда молодыя альпійскія бѣлыя куропатки начинаютъ летать, т. е. отъ половины до конца Іюля. Трава и ивовые побѣги уже становятся жесткими, и по временамъ, даже такъ глубоко на сѣверѣ, появляются насѣкомыя; по-этому сѣв. олени заходятъ въ горы, за лишайниками. При этомъ самцы бываютъ спокойнѣе и легче позволяютъ загонять себя въ опредѣленные мѣста.

Чтобы облегчить себѣ этотъ трудъ, Самоѣды разставляютъ въ тундрѣ ряды маленькихъ колышковъ, на которые насаживаютъ головки изъ дерна, землю кверху. Этимъ они замѣняютъ лѣтомъ свои зимнія мастерски придуманныя махалки.

Для послѣднихъ они тщательно собираютъ чернобурыя крылья черныхъ гусей, сушатъ ихъ въ растопыренномъ видѣ, попарно кладутъ одно противъ другаго, и посредствомъ колышка соединяютъ ихъ въ одно неподвижное цѣлое. Каждая пара этихъ крыльевъ

¹⁾ Геденштрёмъ (Отрывки о Сибири, стр. 114) испыталъ вѣчто подобное.

²⁾ Точно тоже самое повторяется въ Сѣв. Америкѣ, въ такъ называемыхъ deer-passes (напр. King, I, стр. 245, 255).

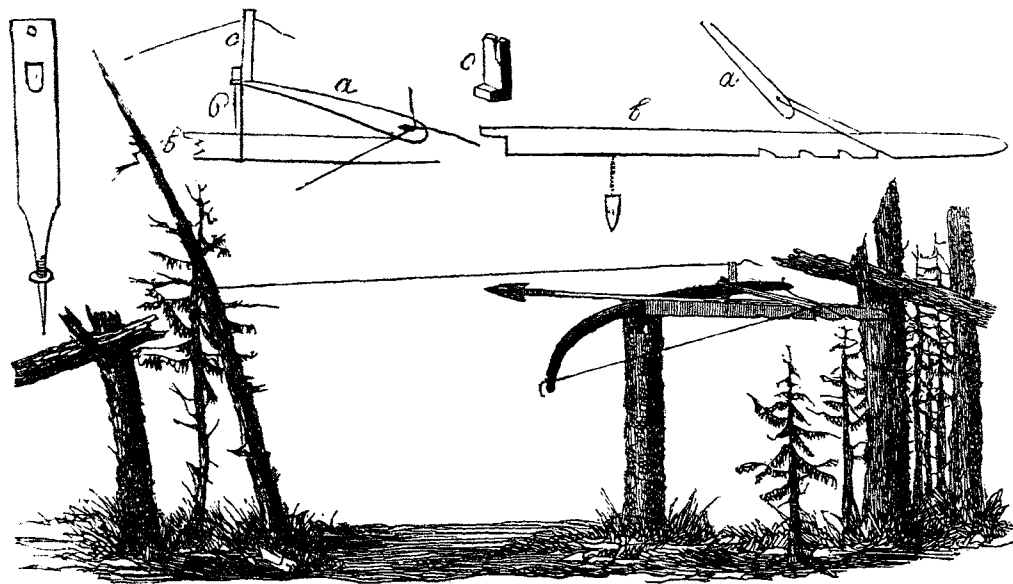
составляет махалку и короткимъ ремнемъ привязывается къ пруту въ 3 фута длины. За тѣмъ выѣзжаютъ на сѣв. оленяхъ по крайней мѣрѣ въ 4 или 5 саняхъ, порядкомъ нагруженныхъ мѣшками съ такими махалками и развѣдываютъ тундру указаннымъ выше (см. стр. 594) способомъ. Какъ скоро показываются животныя, такъ въ 2 или болѣе саней впрягаютъ лучшихъ сѣв. оленей, по 3 въ каждыя, кладутъ на нихъ всѣ махалки, во весь опоръ несутся впередъ, все болѣе удаляясь одни отъ другихъ, и черезъ каждыя 30 или 50 шаговъ вкось втыкаютъ въ снѣгъ пруть съ крыльями, попеременно то болѣе высокій, то болѣе низкій, т. е. болѣе короткій пруть. Крылья эти покачиваются даже при совершенно тихой по-видимому погодѣ. Несясь все далѣе въ тундру, эти сани такимъ образомъ натываютъ на снѣгъ очертанія громадной воронки и въ тоже время объѣзжаютъ замѣченную стаю на такомъ разстояніи, что забираются ей въ тылъ. Потомъ, по возможности спокойно, начинаютъ загонять стаю въ пространство, обставленное махалками до тѣхъ поръ, пока она подойдет къ суженому концу воронкообразнаго пространства. Тутъ на самомъ опасномъ поворотѣ, примѣрно шаговъ на сто отъ стрѣлковъ, лежащей въ засадѣ загонщикъ внезапно выскакиваетъ, скидываетъ съ себя мѣховую рубаху черезъ голову, размахиваетъ ею и руками и кричитъ. Такимъ неистовымъ крикомъ Самоѣды не даютъ животнымъ времени опомниться и до такой степени увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что къ удивленію моему мы, три стрѣлка, залегшіе конечно изъ-подъ вѣтра, повалены были въ снѣгъ не рядомъ, а по одной линіи одинъ позади другаго, и дѣйствительно подвергались опасности, что насъ животныя задавятъ. При этомъ черноволосые, да чернобурые отъ грязи Самоѣды надѣваютъ на голову и на лобъ маленькіе, бѣлые колпаки изъ оленьей шкуры, чтобы лучше укрыться. Миѣ пришлось лежать на животѣ, спутники же мои, сидя на поджатыхъ подъ себя ногахъ, свернулись какъ складные ножи.

У Самоѣдовъ сцена измѣняется, принимая, то тутъ, то тамъ, новую или другую форму, тогда какъ въ области лѣсной растительности Тунгусъ въ одиночествѣ, въ которомъ онъ является, достигаетъ того-же посредствомъ засѣкъ¹⁾. На Становомъ хребтѣ я нѣсколько дней сряду ѣхалъ вдоль такихъ засѣкъ. Обыкновенно онѣ тянутся по хребтамъ возвышенностей; одно дерево за другимъ надрублено на высотѣ лосиной груди и повалено для загражденія пути. На 40, 60 или болѣе шаговъ разстоянія, въ болѣе рѣдкихъ мѣстахъ, по которымъ животныя обыкновенно проходятъ быстрѣе, поваленъ болѣе толстый стволъ и оставленъ проходъ шага въ полтора. Но въ этихъ проходахъ встрѣчаетъ животныхъ не охотникъ, а либо силки, либо ямы, либо самострѣлы. Точно «Наге» древнихъ Германцевъ.

Силокъ, этотъ простой охотничій приборъ, употребляется для ловли, начиная съ рябчиковъ, бѣлокъ, горностаевъ и соболей до животныхъ оленьей породы и медвѣдя. Для ловли послѣдняго Гиляки разставляютъ большія ремневые петли, которыя укрѣ-

¹⁾ По якутски: топгú, по тунгуски: огбг.

плетутся между двумя стволами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ глубоко протоптанныя тропинки, ведущія высоко на верху вдоль скалистаго отвѣснаго побережья, спускаются къ морю, такъ что часто ни справа, ни слѣва нѣтъ другой дороги. Такимъ-же образомъ разставляются силки въ засѣчныхъ проходахъ, а на мелкую дичь силки раскладываются преимущественно по стволамъ валежника, особенно тамъ, гдѣ такой стволъ служитъ мостомъ черезъ рѣчку. По такимъ стволамъ любятъ перебираться, главнымъ образомъ, не только бѣлки, горностаи, а въ особенности соболи, но и рябчики. Прикрѣпленный къ стволу силокъ соединяется съ камнемъ. Какъ только звѣрекъ попался въ силокъ и начинаетъ метаться, такъ камень съѣзжаетъ съ своей подставки и давитъ животное. Иногда, въ другомъ мѣстѣ, упругій сучекъ, разгибаясь, замѣняетъ камень. Тоненькими, прикрѣпленными къ шесту, силками изъ лошадинаго волоса или китоваго уса ловятъ даже рыбъ.

Тугусскій самострѣлъ въ засѣчномъ проходѣ.

Интересное примѣненіе силка мы встрѣчаемъ у Самоѣдовъ, особенно въ Таймырской тундрѣ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда течка у сѣв. оленей достигаетъ высшей степени, выбираютъ смирныхъ самцовъ, отличающихся безупречною типичностью цвѣта. На развѣтленія роговъ его раскладываютъ съ большимъ искусствомъ большую ремневую петлю. Когда на томъ или другомъ мѣстѣ недостаетъ необходимаго зубчика, то рога просверливаютъ, втыкаютъ коротенькій колышекъ и на добытую тѣмъ опору надѣваютъ петлю. Вооруживъ его такимъ образомъ, Самоѣды отправляются въ тундру противъ вѣтра и спускаютъ самца, какъ скоро покажется стая. Вожакъ стаи тотчасъ выступаетъ противъ приближающагося соперника, начинается бой, рога скрещиваются и дикій самецъ вскорѣ попадаетъ въ петлю, такъ что не въ состояніи уйти, когда Самоѣдъ подѣзжаетъ на помощь своему домашнему животному.

Впрочемъ, въ засѣчныхъ проходахъ устраиваютъ главнымъ образомъ не столько силки, сколько волчьи ямы и самострѣлы. Послѣдніе заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія, потому что должны быть причислены къ самымъ искуснымъ охотничьимъ приспособленіямъ кочевниковъ.

Лукъ¹⁾ дѣлается незатѣйливо изъ смолистаго корня лиственницы и все вниманіе обращено только на выборъ хорошаго дерева. Его защемляютъ въ щель древеснаго пня²⁾ и посредствомъ кола, вбитаго передъ нимъ примѣрно на полфута, предохраняютъ отъ сдвиганія животнымъ; прикрываютъ его также вѣтвями. Тетива³⁾, выдубленный на манеръ замши, слегка прокопченный, не смазанный жиромъ кожаный ремень, въ дождливую погоду, правда, нѣсколько растягивается, но за то дерево лука отъ сырости тѣмъ сильнѣе напрягается. Опасаются только чрезмѣрнаго натяженія дерева, ослабляющаго дѣйствіе на столько, что онъ не сохраняетъ болѣе прежней упругости, когда за дождемъ наступаетъ сухая погода⁴⁾.

На лукѣ лежитъ безперая стрѣла, которая, страннымъ образомъ, получаетъ совершенно различныя названія, смотря по тому, костяной ли у нея наконечникъ или желѣзный, и оканчивается ли онъ простыми крючками (для соболей) или въ видѣ гарпуна⁵⁾. Послѣдній предназначенъ для соболей, преимущественно же для выдръ. Наконечникъ стрѣлы находится приблизительно на шагъ отъ середины прохода, или отъ слѣда, потому что самострѣлъ ставится не только въ засѣкахъ, но и по слѣдамъ животнаго тамъ, гдѣ оно протоптываетъ себѣ тропу. Такіе самострѣлы дѣлаютъ лѣсъ опаснымъ для путниковъ и немалому числу ихъ уже пришлось убѣдиться въ этомъ. Такъ какъ чрезвычайно важно установить вышину стрѣлы именно такъ, какъ это дознано давнимъ опытомъ, то изображенный на рисункѣ слѣва мѣрникъ⁶⁾ составляетъ необходимую принадлежность самострѣловъ. Черезъ отверстія такихъ мѣрниковъ, на нѣкоторомъ разстояніи наводится стрѣла, для правильной установки ея. Конецъ ея долженъ слегка смотрѣть вверхъ и это обстоятельство такъ важно, что если одинъ крючекъ наконечника обломанъ, то неповрежденную сторону его поворачиваютъ кверху.

Слабая сторона самострѣловъ заключается въ томъ, что необходимо знать, какого

1) По якутски: аја, по тунгусски: бѳгкѳнј.

2) По якутски: агаһа, по тунгусски { у Учурскихъ Тунгусовъ: тјіііѳпај.
у Кангаласскихъ Тунгусовъ: тѳпа.

3) По якутски: Кігіс'ј, по тунгусски: ііј.

4) Палласу (Reise, III, стр. 352) хвалили, правда, тетивы изъ конопля, крапивы или *Linum catharticum*, но я нашелъ, что Тунгусы избѣгали ихъ, потому что въ дождливую погоду напряженіе лука, какъ отъ дерева его, такъ и отъ растительнаго волокна тетивы, становится слишкомъ велика.

5) На Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ я узналъ слѣдующія названія:

Стрѣла съ костянымъ наконечникомъ по якутски: билтѳс'ј; по тунгусски: тсчѳһѳмдра.

Стрѣла съ желѣзнымъ наконечникомъ по якутски: ѳбѳнј; по тунгусски: дјіігогі.

Соболиная, заячья стрѣла по якутски: бадаг; по тунгусски: биѳга.

Стрѣла съ гарпуннымъ наконечникомъ по якутски: уһіі; по тунгусски: уһіікѳн (Кангаласскимъ Тунгусамъ не известна). Срав. еще главу о Долганахъ.

6) По якутски: сһоіо; по тунгусски: улкѳвоп.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

рода животное можно ожидать, потому что каждое животное требует другой мѣры установки, если вы хотите, чтобы стрѣла хорошо попала въ цѣль. Необходимо не только различнымъ образомъ устанавливать высоту стрѣлы надъ землею для каждой породы животныхъ, но и натягивать приводной волосъ ¹⁾ различнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы стрѣла спускалась лишь тогда, когда животное, смотря по длинѣ своего тѣла, пододвинулось надлежащею частью своего туловища подъ линію выстрѣла ²⁾.

На стрѣлахъ, выставляемыхъ противъ лосей, оленей или сѣв. оленей, дѣлаются въ двухъ или трехъ мѣстахъ зарубки, съ противоположныхъ сторонъ, съ тою цѣлью, чтобы стрѣлы эти, вонзаясь въ тѣло, обламывались, но не могли бы быть сброшены; въ особенности оленю не легко гибнуть отъ стрѣлы, и, по увѣренію Тунгусовъ, умѣютъ излечивать свои раны, посредствомъ цѣлительныхъ растеній. Для мѣсть, гдѣ слѣдуетъ дѣлать эти зарубки, также существуютъ вполне опредѣленная, установленная опытомъ, мѣра, даже особыя названія ³⁾.

Приводъ видѣнъ на политипажѣ. На прикладѣ (b)⁴⁾ сдѣланы три или четыре зарубки, дающія возможность натягивать лукъ въ различной степени. Язычекъ (a)⁵⁾ захватываетъ за взводный клинъ (c), выступъ котораго удерживается петлею (б)⁶⁾, свободно скользящею по прикладу въ ту и другую сторону.

Неудобное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что животное, неожиданно наткнувшись на самострѣлъ, вслѣдствіе неразчитанной на него установки, или безнака-

¹⁾ По якутски на Становомъ хребтѣ: *us'ö'n*; на Алданскомъ Билирѣ, у самострѣловъ на зайцевъ: *kuľu*; тунгусски: *s'igä'nj*.

²⁾ Я засталъ у Тунгусовъ слѣдующіе размѣры:

	Вышина стрѣлы надъ землею.	Запасная длина приводнаго волоса сверхъ мѣры растяженія,
для лося.....	41"	21" до 18"
» сѣв. оленя.....	37"	14"
» медвѣдя.....	24"	14" до 10"
» волка.....	25" до 24"	6" до 4"
» рыси, кабарги и козули.....	17" до 16"	2" когда стрѣла выставлена на слѣдъ, или 0, если можно ожидать, что набѣжитъ кабарга или козуля. Когда же для приманки положены лишайники, въ особенности бородачье мхи, то дѣлается запасъ въ 4".
» росомахи.....	10" до 9"	4" до 2"
» лисицы.....	11" до 10"	3" до 2"
» выдры и соболя.....	3½"	—
» бѣлки.....	2½"	0

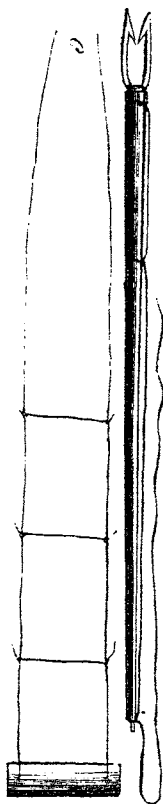
³⁾ Первая зарубка дѣлается на 3½" отъ конца и называется по тунгусски: *minkördin*. Другая, 3½" дальше отъ конца, называется: *ortönnin*. Третья, опять на 3½" далѣе, называется: *ölgynnaa*.

⁴⁾ По якутски: *khölogük*; по тунгусски: *lotahaj'*.

⁵⁾ По якутски: *eibeä'kb*; по тунгусски: *chjurgün*. — Для самострѣловъ на зайцевъ приманка состоитъ изъ такихъ березовыхъ прутьевъ, которые, будучи прогрызаны, освобождаютъ приводъ. По якутски они называются: *känty'k*.

⁶⁾ По якутски: *bietschugajä*; по тунгусски (у Каагаласкихъ Тунгусовъ): *agenä'konj*.

занно уходит или не получает смертельной раны, вызвало изменение в томъ, что лукъ и стрѣла устанавливаются отвѣсно. Но и отвѣсная установка годна только для малорослыхъ животныхъ, начиная отъ кабарги до болѣе мелкихъ, потому что для вѣрности выстрѣла необходимо, чтобы лукъ не былъ поставленъ слишкомъ высоко, хотя стрѣла и направляется по отвѣсу. Отвѣсный самострѣлъ годенъ, слѣдовательно, только для всякаго рода мелкихъ животныхъ, но не для лоса, сѣв. оленя, медвѣдя и волка. Преимущественно онъ рассчитанъ на соболя, а потому оканчивающаяся зубчиками стрѣла посредствомъ сплетеннаго изъ жилъ шнурка прикрѣпляется къ дереву, такъ какъ соболь очень живучъ и легко уходитъ.

Собольная стрѣла съ приспособленіемъ для отвѣснаго прибора ¹⁾.

Тунгусскимъ засѣкамъ въ Сибирскихъ горныхъ лѣсахъ соотвѣтствуютъ необозримые ряды ловушекъ (пастники, отъ слова пастъ) въ тундрахъ глубокаго сѣвера. Онѣ предназначаются для песка и разставляются самыми сѣверными поселенцами разныхъ народностей. Онѣ похожи на засѣки не потому, что принуждаютъ живот- повсюду она была испрептрена рядами ловушекъ и очевидно это въ такомъ-же родѣ продолжается дальше на востокъ, за Колыму. Каждый рядъ идетъ въ меридіанномъ направленіи и простирается отъ предѣла лѣсной растительности къ сѣверу нерѣдко на два и даже на три градуса широты. На Хетѣ людямъ приходилось выѣзжать очень рано, съ восходомъ солнца, чтобы въ тотъ-же вечеръ доѣхать до лѣснаго предѣла, т. е. только до начала своихъ пастниковъ. Поэтому каждый хозяинъ пастника — а у инаго ихъ три — строитъ по крайней мѣрѣ одинъ охотничій шалашъ ²⁾, стоящій на противоположномъ концѣ пастника и дающій возможность перепочевать въ немъ и

ныхъ идти извѣстными путями, а по обширности своего расположенія, вслѣдствіе которой песецъ, куда бы онъ ни шелъ по безграничной тундрѣ, не можетъ не наткнуться на какую-нибудь ловушку или пастъ, приманка которой щекотитъ носъ проголодавшемуся бѣдняку. Онъ находится въ положеніи пьяницы, котораго, куда бы онъ ни повернулся, и справа и слѣва манятъ къ себѣ кабаки. Прекраснѣйшія намѣренія кончаются тѣмъ, что послѣдній, также какъ и первый, попадаютъ въ ловушку. Количество ловушекъ, разставленныхъ по всему бездревесному побережью Ледовитаго океана до предѣла лѣсной растительности, почти невѣроятно. Гдѣ я ни бывалъ въ тундрѣ, на Хатангѣ, на Хетѣ, Боганидѣ, Дудынтѣ, Пясинѣ, и въ Авамской тундрѣ, которую эксплуатируютъ Долганы,

¹⁾ По якутски: үткөлж; по тунгусски: тјү'wka.

²⁾ Или «отъѣзжее зимовье»: въ Приколымскомъ краѣ: «балаганъ, поварня».

обождают непогоду. Такъ какъ р. Новая течетъ на значительномъ разстояніи отъ предѣла лѣсной растительности, съ З. на В., то она ¹⁾ почти на всемъ своемъ протяженіи обставлена такими шалашами. Каждый хозяинъ пастниковъ разставляетъ по нѣскольку сотъ, даже до 500 пастей, такъ что на осмотръ пастниковъ, на выниманіе пойманныхъ животныхъ, на разстановку приманокъ и т. п., уходитъ нѣсколько дней. Первый владѣлецъ пастниковъ, съ которымъ я познакомился (на Хатангѣ), возвратился домой черезъ цѣлую недѣлю, замѣтивъ, что на этотъ разъ ему удалось отдѣлаться довольно скоро, потому что онъ ничего не засталъ. Вслѣдствіе этого пастники обѣзжаются среднимъ числомъ только разъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ лишь въ особенно удачный годъ въ Таймырскомъ краѣ выдается счастливый случай, что на 8 и даже на 6 пастей попадетъ одинъ песецъ. Хорошій годъ ²⁾ бываетъ не раньше какъ черезъ 3 года, по добыванію шкуръ сильно уменьшается, пожалуй на одну треть, вслѣдствіе того, что при непомѣрномъ количествѣ песцовъ, они вѣчно голодны и варварски поѣдаютъ не только сдохшихъ, но и живыхъ плѣнныхъ. Кромѣ того, ловушки нерѣдко ревизуются волками прежде, нежели хозяиномъ. Но самымъ опаснымъ разбойникомъ оказывается росомаха, которая, говорятъ, набираетъ большіе запасы и портитъ пасты. За тѣмъ доходъ еще уменьшается тѣмъ, что шкура песца рѣдко вполнѣ хороша, и изъ извѣстныхъ низкихъ сортовъ двѣ шкуры всегда идутъ за одну.

Но, несмотря на всѣ ловушки, судьба песца иногда все-таки устраивается лучше, чѣмъ бы можно было думать. Такъ напр. въ тундрѣ мы нашли охотничій шалашикъ, который чрезъ дверь и окошко до верху наполнился снѣгомъ. Очистивъ его, добывъ съ ближайшаго озера стекло для окна, и выждавъ добрый часъ, пока вода съ потолка перестала капать, мы влѣзли въ шалашъ и провели въ истопленномъ ящикѣ комфортабельную ночь, хотя около очага почти можно было сгорѣть, а стѣны старались уравнить внѣшнюю температуру въ -27° Р. съ теплотою нашего тѣла. Впослѣдствіи мы узнали, что хозяинъ этого шалаша умеръ и теперь не было никого, кто бы взялся насторожить пастникъ, разставлять приманку и т. д. При первобытныхъ порядкахъ случается нерѣдко, что домъ и усадьба остаются въ заустѣніи, потому что нѣтъ никого, кто бы вступилъ въ обладаніе наслѣдствомъ и оно предоставляется любому лицу.

Ловушки, въ которыя ловятъ песцовъ, придавливаютъ животное, въ родѣ изображенной далѣе заячьей ловушки, съ тою только разницею, что первыя устраиваются по крѣпче и снабжаются двумя давящими бревнами.

Ловушка или пастъ ³⁾ по бокамъ обставляется кольями ⁴⁾, которые вбиваются въ землю. Конецъ давящаго бревна ⁵⁾ образуетъ, какъ показано съ лѣвой стороны, сомкнутую

¹⁾ Отъ Каттарова зимовья внизъ по рѣкѣ.

²⁾ Зима 184 $\frac{1}{2}$ года въ Таймырской тундрѣ дала богатую добычу.

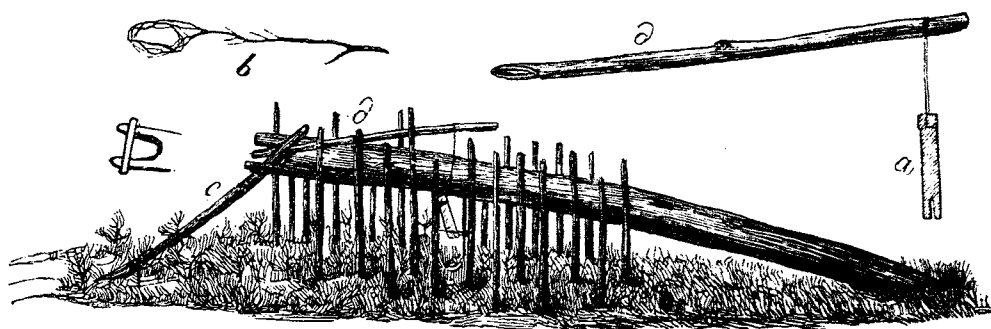
³⁾ По якутски: s'ochs'ó.

⁴⁾ По якутски: s'eredita.

⁵⁾ По якутски: bamy'k.

вилку; въ нее сбоку входит подпорка (с)¹⁾ которая, упираясь въ одинъ изъ боковыхъ колевъ²⁾, поддерживается перекладиной (d)³⁾ и приводомъ (a)⁴⁾ до тѣхъ поръ, пока послѣдній молодою вѣткою (b)⁵⁾ и кольцеобразно сплетенными концами ея припирается къ одному изъ боковыхъ колевъ. Въмѣсто вѣтки, которую предлагаютъ прогрызть зайцу, песцу кладутъ кусокъ мяса отъ попавшагося въ ловушку предшественника его.

Пасть для зайцевъ.

Пасть эта бываетъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, начиная отъ мелкихъ до такихъ, которыя приспособляются для медвѣдей⁶⁾. Дерево для песцовыхъ ловушекъ привозится въ тундру съ большимъ трудомъ отъ предѣла лѣсной растительности. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, прибѣгаютъ и къ каменнымъ плитамъ. Ловушки изъ ледяныхъ глыбъ, употребляемыя Эскимосами, въ Таймырскомъ краѣ неизвѣстны.

Другая ловушка, приспособленная для мелкихъ животныхъ: бѣлокъ, горностаевъ, хорьковъ и т. д., прекрасно помогавшая намъ ловить лемминговъ и мышей, и справедливо предлагаемая для ловли сусликовъ, основана на примѣненіи лука къ придавливанію животнаго. Это такъ называемый чирканъ, способъ установки котораго указанъ на

1) По якутски: bwr̄gás'.

2) По якутски: baganatá.

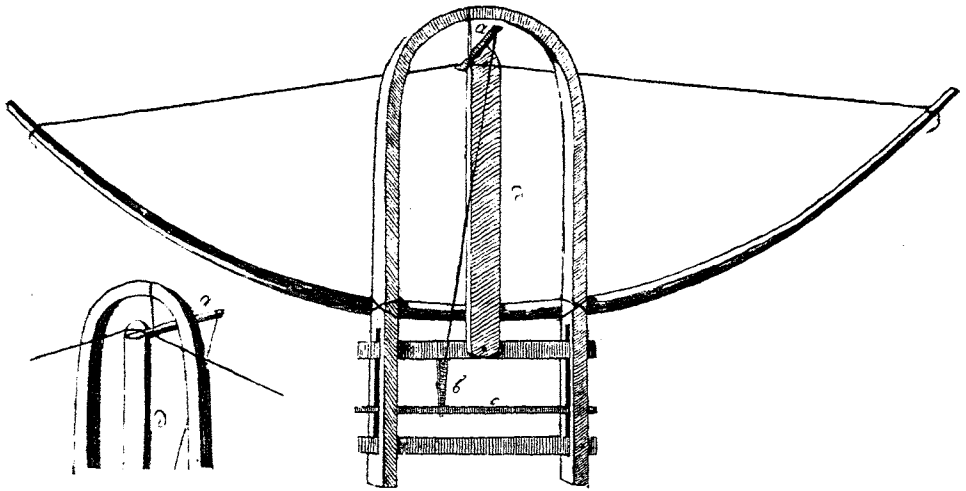
3) По якутски: eljbrá'g.

4) По якутски: kumitá.

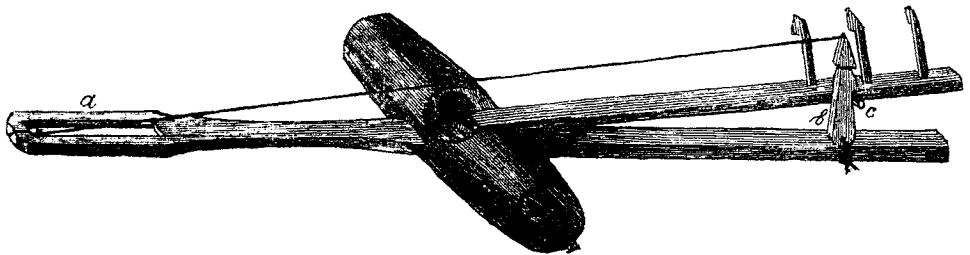
5) По якутски: tarderá.

6) Можетъ быть Цесарево извѣстіе, что Германцы надрубали деревья, придавливавшія лосей и оленей, какъ скоро эти животныя прислонялись къ нимъ, должно быть также отнесено къ такой придавливающей ловушкѣ?

прилагаемомъ рисункѣ. Животное защемляется, когда оно, принимаясь за приманку, на-
давливаеъ на подножку (с).

Болѣе жестоко дѣйствуетъ и потому менѣе удобенъ нижепоказанный приборъ, из-
далека ударяющій своими зубцами въ жертву (въ *a*). Пружиною служитъ сильно скру-
ченная бичевка, которая скрыта въ углубленіи главной положенной поперекъ части и по
желанію сильнѣе можетъ быть закручиваема и натягиваема.

Упомянемъ еще разъ (срав. стр. 558) объ оригинальномъ, также слишкомъ жесто-
комъ, но при всей его простотѣ остроумномъ, способѣ ловли посредствомъ заостренныхъ
кусковъ китоваго уса, которые скручиваютъ въ маленькіе клубки, смачиваютъ и въ та-
комъ замороженномъ видѣ обкладываютъ приманкой. Не только волки, но и бѣлые мед-
вѣди, говорятъ, попадаютъ такимъ образомъ въ руки охотниковъ, когда проглоченные
клубки, растаявъ въ кишкахъ, раскручиваются и распариваются внутренности.

О степени страданія животныхъ, убиваемыхъ такимъ образомъ, равно какъ само-
стрѣлами и пастями, можно судить по тому обстоятельству, что охотники и мѣхопромы-

шленники, по качеству волосъ и мѣгѣ плотному сидѣнію ихъ въ шкурѣ, хорошо умѣютъ отличать мѣхъ животныхъ, замученныхъ такимъ образомъ, отъ мѣха тѣхъ, которыя быстро убиты и съ которыхъ тотчасъ-же содрана шкура. По видимому у первыхъ происходитъ такое-же разложеніе крови, какъ у животныхъ, добытыхъ способомъ травли. Даже при морозахъ, доходящихъ до замерзанія ртути, это разложеніе совершается быстро, или, можетъ быть, прямо пропорціонально силѣ такихъ морозовъ. По крайней мѣрѣ отъ кабарги, пойманной въ пасти во время самой свирѣпой зимней стужи, сильно воняло, когда ее сварили. Наружный слой тѣла въ короткое время замерзаетъ въ непроницаемую оболочку, мѣжду тѣмъ какъ внутреннія части сохраняютъ еще теплоту крови. Получился бы такой-же результатъ, если бы животное, у котораго кровь еще тепла, заключить въ тѣсноприлегающій къ нему плотный ящикъ.

Говоря о способахъ ловли, которыми съ помощью приманокъ обманываютъ животныхъ, нельзя не упомянуть и о лизаніи соли. Сдѣланное надъ животными оленьей породы наблюденіе, что они, особенно весною, чрезвычайно жадно облизываютъ и глотаютъ землю, пропитанную солью, повело къ тому, что стали не только подстерегать ихъ тамъ, гдѣ отъ природы находятся подобныя мѣста, но и устраивать искусственныя лизни такого рода. Дѣйствительно животныя лнуть къ подобнымъ мѣстамъ такъ сильно, особенно раннею весною, что дернъ совершенно растаптывается и земля превращается въ какую-то грязную кашу.

Но при этомъ интересно одно обстоятельство, проливающее неожиданный свѣтъ на психическую сторону жизни животныхъ. Тамъ, гдѣ животныхъ преслѣдуютъ, они такъ осторожны, что малѣйшее колебаніе въ теченіяхъ воздуха, малѣйшій обратный вѣтерокъ вспугиваетъ ихъ, потому что они чувятъ скрытаго охотника. Для устраниенія этого обстоятельства, охотники придумали вышки, которыя устраиваютъ на деревьяхъ, скрываясь такимъ образомъ въ болѣе высокыхъ слояхъ воздуха. За тѣмъ оказалось, что столь осторожныя вообще животныя не обращаютъ никакого вниманія на огонекъ, который разводитъ охотникъ, чтобы защититься отъ комаровъ. Притомъ дымъ отбиваетъ запахъ, выдающій человека. Этимъ-то и пользуется сибирскій охотникъ. Въ Сѣв. Америкѣ умудрились еще гораздо лучше: тамъ обкладываютъ вышку дерномъ, на которомъ поддерживаютъ веселый огонекъ, сожигая смолистое дерево, а подъ вышкой въ темнотѣ прячется охотникъ. Животныя, не боясь огня, подходятъ къ нему шаговъ на 20, и даже въ темную ночь представляютъ охотнику вѣрную цѣль, особенно если онъ, въ избѣжаніе ослѣпляющаго дѣйствія огня, вооружится зачерненнымъ забраломъ.

Это спокойствіе животныхъ при видѣ дыма и огня можно объяснить только такимъ образомъ: мы должны считать его слѣдствіемъ наблюденія животныхъ, которымъ съ одной стороны ежегодно приходится имѣть дѣло съ луговыми, степными и лѣсными пожарами; съ другой же стороны имъ по опыту извѣстно, что люди, ночью сидящіе за огнемъ, ни для одного животнаго не опасны, а напротивъ того, будучи ослѣплены огнемъ, безнаказанно могутъ быть разсматриваемы животными на самомъ близкомъ разстояніи. Кромѣ

того, лѣсныя животныя, подобно домашнимъ, перѣдко, говорятъ, находятъ себѣ защиту отъ насѣкомыхъ около многочисленныхъ костровъ, которые разводятся для домашнихъ животныихъ. Невольно вспоминаешь при этомъ, что и четвероногіе хищники по пятамъ преслѣдуютъ степной пожаръ, чтобы поѣдать обожженныхъ грызуновъ, и что въ Африкѣ, въ случаѣ пожаровъ въ деревняхъ, насѣкомоядныя хищныя птицы появляются немедленно, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, для добыванія вспуганныхъ огнемъ насѣкомыхъ²⁾.

Не только за желаніе полакомиться, но и за священній огонь любви, животнымъ приходится жизнью расплачиваться предъ коварнымъ человѣкомъ. Мы уже видѣли, какъ въ этомъ отношеніи въ Сентябрѣ прирученный сѣв. олень предаеть въ руки Самоѣдовъ отборнѣйшихъ стадныхъ вожаковъ. Для приманки оленей, Тунгусъ подражаетъ громкому крику ихъ во время течки, воспроизводя хриплый ревъ ихъ, раздающійся по горамъ и долинамъ, посредствомъ изображеннаго тутъ инструмента.

Есть еще, говорятъ, трубы, сдѣланныя изъ большой веретенообразной морской раковины, у которой кончикъ на столько отрѣзываютъ, что кажется, какъ будто въ ней просверлено небольшое отверстіе.

Можно приманивать, говорятъ, и лосей. Впрочемъ иногда вмѣсто оленя сер.³⁾ На вопросъ мой, къ чему Китайцамъ нужны такіе панты, спрошенный Тунгусъ отвѣтилъ мнѣ такими пантоминами, которыя довольно ясно указывали на любителей

Тунгусская труба для приманки оленя¹⁾.

къ охотнику подкрадывается тигръ, какъ это въ мое время случилось съ Буральцами на Букульдивынѣ.

Самцовъ козули и кабарги приманиваютъ свисткомъ; послѣднихъ сдѣланной на подобіе гобойнаго мунштука кудрей изъ бересты, длиною въ 1", шириною въ $\frac{1}{2}$ ".

Гибельнѣе всего становится свистокъ для самокъ кабарговыхъ, до тѣхъ поръ, пока дѣтенышъ еще малъ и тщательно прячется. Онѣ тотчасъ кидаются на свистъ и обыкновенно въ послѣдствіи является дѣтенышъ къ матери и раздѣляетъ горькую судьбу ея.

Помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ удачъ, случающихся тому или другому охотнику въ видѣ чернубурой лисицы, даже помимо морскихъ выдръ, высшую цѣну въ глазахъ охотника имѣютъ такъ называемые панты. Пантами называются олени рога, пока они въ первую половину лѣта, приблизительно до конца Іюня, еще мягки, покрыты волосами (лыкомъ) и концы ихъ еще шипковаты. Добиваются ихъ чрезвычайно потому, что выстрѣлъ, убивающій оленя съ парой хорошихъ пантовъ, доставляетъ счастливому бѣдняку, за одни рога, отъ китайскихъ купцовъ 150 руб.

¹⁾ Любопытно было бы узнать форму трубъ, которыми приманиваютъ оленей на Кавказѣ.

²⁾ Heuglin, Reisen in Nordost-Afrika, 1857, p. 16.

³⁾ Гюкъ (Voyage, I стр. 23) говоритъ, что въ Китаѣ ихъ оцѣниваютъ въ 150 унцій серебра.

женскаго пола. Странно, что наша *materia medica* мало знаетъ объ этомъ дѣйствиі согни севгі, которое все-же должно быть очень сильно, потому что за нее платятъ такія огромныя деньги¹⁾.

За пантами самую цѣнную добычу составляетъ соболь. При этой охотѣ особенно важна хорошая собака (срав. стр. 528). Кромѣ того, тутъ много зависитъ отъ счастья. Если напр. на кустарномъ кедрѣ бываетъ много плодовъ, то на такой годъ охота испорчена, потому что соболь покидаетъ долины и отыскиваетъ кедровые орѣхи на возвышенностяхъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряли Тунгусы. Конечно, это возможно, но все-таки я желалъ бы оставить открытымъ вопросъ: не гоняется ли соболь скорѣе за мышами, бѣлками и разными птицами, которыя всѣ имѣютъ гораздо больше права находить кедровые орѣхи весьма вкусными.

Въ трудности и почти невозможности преслѣдовать соболя въ предѣлахъ растительности кустарныхъ кедровъ я убѣдился 20-го Октября на Становомъ хребтѣ. Повсюду лежалъ глубокой снѣгъ; мы шли по свѣжему слѣду и вскорѣ спустили собаку. Она быстро стала подвигаться впередъ, изъ лѣса все выше въ область кустарнаго кедра. Не смотря на —27° Р., которые показывалъ термометръ, не смотря на то, что я сбросилъ тулупъ и въ матросской рубашкѣ слѣдовалъ за собакой, у меня скоро потъ градомъ сталъ струиться по лбу. Уже прежде, въ отдѣлѣ о сибирской растительности, говоря о кустарномъ кедрѣ, я мимоходомъ замѣтилъ, что значить забраться въ сѣть, образуемую перепутавшимися сучьями кустарныхъ кедровъ. Проходишь большія пространства и нога не проникаетъ до земли, но вдругъ она проваливается и засядетъ внизу, въ промежуткахъ между раздробленными глыбами скалъ, наверху въ непроходимой путаницѣ переплетенныхъ между собою сучковъ. Теперь представьте себѣ эту путаницу еще прикрытою толстыми слоями снѣга, которые, лежа на густомъ хвойникѣ кедровъ, еще плотнѣе придавливаютъ сучья. Сверху на васъ безпрестанно падаютъ комья снѣга, ноги перепутываются, вы безпрестанно падаете въ снѣгъ, а внизу кроется особый прикрытый сверху безснѣжный міръ лабиринтообразныхъ ходовъ, сводовъ, погребовъ, какъ бы созданныхъ для гибко извивающагося соболя. Вскорѣ ему удалось на столько забѣжать впередъ, что собака потеряла его слѣдъ. Но на сколько въ лѣсу мнѣ показалось тепло, на столько теперь на возвышенности охватилъ меня немилосердый вѣтеръ. Хотя соболя потъ скатывался крупными каплями, во шапка примерзла къ волосамъ и къ покрытымъ ледяными сосульками бровямъ; особенно тягостно было и даже раздражало нервы немедленное смерзаніе вѣкъ рѣсницами, какъ только при морганіи они прикасались другъ къ другу. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ моихъ экскурсій и я возвратился въ шалашъ, вполне убѣдившись, что соболя дѣйствительно стоятъ платимыхъ за нихъ дорогихъ цѣнъ. Другой разъ собака

¹⁾ У кого подъ рукою сочиненіе «Das veränderte Russland, 1744, I», тотъ пусть прочтетъ въ немъ стр. 71. Въ Маймачинѣ, едва я успѣлъ войти въ городъ, и у меня на улицѣ стали просить «шампансквихъ мухъ». Непомѣрно

количество шампанскаго, которое въ то время истребляли золотопромышленники, подало Китайцамъ поводъ къ забавному смѣшенію.

выгнала соболя изъ-подъ огромной кучи валежника, нагроможденной горнымъ потокомъ во время половодья. Соболя трудно выкурить, хотя и зажжешь огонь надъ вѣтромъ. На этотъ разъ онъ все-таки вылѣзъ, но, скача по глубокому рыхлому снѣгу, едва показалъ раза два свою спицу, и два выстрѣла мои позволили мнѣ только заглянуть въ поденѣжный мѣръ, въ который нырнулъ мой соболя.

Хорошая ловля соболей рѣдко продолжается долгое время. Даже осенью, которую ограничивается охота на соболей съ собакою, необходимы еще ясная погода, благоприятное паденіе снѣга и т. п. Въ мое время, 27-го Октября, когда дня два сряду продолжалась слякоть, стали говорить, что на нынѣшній годъ конецъ охотѣ на соболей. Зимой дни слишкомъ темны и слишкомъ коротки; весной же слишкомъ много снѣга на хвойныхъ деревьяхъ въ лѣсу и упадающій съ нихъ снѣгъ уничтожаетъ слѣды животныхъ.

Часто и соболий мѣхъ бываетъ съ большими недостатками; но Тунгусы въ этомъ отношеніи очень смѣтливы: то они растягиваютъ шкурки, то чернятъ ихъ ягодами *Empetrum*, то разводятъ слегка курящійся огонекъ изъ сырыхъ сучьевъ кустарнаго кедра и дымомъ чернятъ волоса и т. п.

Но и въ первобытной природѣ оправдывается практичность системы мелкаго сбора. Самую крупную статью дохода доставляютъ вообще охотнику бѣлчьи шкурки, тѣмъ болѣе, что количество бѣлокъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества соболей. Помѣщая ниже нѣкоторые извѣстія о хозяйствѣ Тунгусовъ, мы будемъ имѣть случаи сообщить въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній на уменьшеніе количества соболей. Бѣлка представляетъ еще то удобство, что охота на нее прерывается только на время самыхъ сильныхъ зимнихъ морозовъ, происходитъ и осенью и весной, и можетъ производиться въ видѣ дополненія къ земледѣлію, въ такое время, когда долгая зима сковываетъ почву.

Смотря по годамъ, успѣшность и этой охоты бываетъ различна. Тунгусы не знали, какими словами описать несмѣтное количество бѣлокъ, появившихся въ рѣчной области большаго Айма осенью, передъ моимъ пріѣздомъ. Будь у насъ достаточно порошу и свинцу, говорили они, каждому можно бы было убить по 2,000 штукъ. Въ слѣдующую за тѣмъ весну мѣстность опустѣла: по крайней мѣрѣ 4 Тунгуса, которыхъ я встрѣтилъ въ концѣ Апрѣля въ Алданскихъ горахъ и которые отправлялись въ путь на 2 вьючныхъ лошадей, возвращались каждый всего съ 50—100 бѣлчьиими шкурками, убивъ кромѣ того нѣсколько лосей и сѣв. оленей. На притокахъ нижней части Амура въ мое время было еще столько соболей, что Тунгусы убивали тамъ бѣлокъ только между прочимъ. Притомъ у нихъ были уже не крошечныя винтовки, а штуцера довольно большаго калибра, рассчитанныя на большихъ животныхъ.

Правильнѣе всего въ мое время охота на бѣлокъ производилась въ Забайкальѣ. Столь же правильно, какъ тамъ воздѣлывалась земля, столь же аккуратно тамошніе хлѣбопашцы и козаки, по окончаніи полевыхъ работъ, отправлялись на охоту за бѣлками; при

этомъ нѣкоторые заходили очень далеко, вглубь Китайскихъ владѣній. Въ этихъ континентальныхъ, болѣею частью плоскогорныхъ странахъ, во всякомъ случаѣ подверженыхъ вліянію нагорной степи и пустыни, падаетъ такъ мало снѣгу, что лыжи не употребляются и даже неизвѣстны. Въ случаѣ нужды лошадь вездѣ находитъ подножный кормъ. На нее навьючиваютъ провизію, и охотникъ почти всегда идетъ пѣшкомъ. Но такъ какъ лошади цѣлый день, пока охотникъ бродитъ по лѣсамъ, стоятъ на привязи и только ночью могутъ пастись, то онѣ очень, говорятъ, выбиваются изъ силъ.

Кто не можетъ отлучиться на долго, тотъ охотится по близости. У охотниковъ такого рода, встрѣченныхъ много въ Селенгинскомъ краѣ, дѣла на этотъ разъ шли плохо. Въ двѣ или три недѣли лучшіе охотники убили не болѣе 6 штукъ; у многихъ было только по 3 и по 4 шкурки, тогда какъ въ хорошиіи годъ можно добыть вдесятеро больше.

Тѣ, которые могли собраться въ дальній путь, отправлялись на 2 и даже на 2½ мѣсяца въ горные лѣса: нѣкоторые вверхъ по Нерчѣ въ Становой пограничный хребетъ, къ верхнимъ притокамъ Олекмы, Тунгира, Витима; другіе, тронувшись съ истоковъ Амура (Срѣтепска) уходили на Урѣ, къ Албазихѣ, многіе даже далеко вверхъ въ область рѣки Панги. Въ хорошіе годы приходилось до 300 бѣлокъ на ружье. Годъ моего пребыванія былъ чрезвычайно неблагопріятенъ, такъ что въ 1½ мѣсяца лучшій охотникъ привезъ домой всего 60 штукъ, т. е. по 10 штукъ на недѣлю. Въ этомъ году охотники на Урѣ и на Пангѣ были счастливѣе, чѣмъ на Олекмѣ.

Приманкой, увлекающей людей въ такую даль, служитъ премія на бѣлокъ, т. е. возможность добыть также двухъ-трехъ соболей, тогда какъ по близости соболи уже почти совершенно истреблены. Кромѣ того въ такую дальнюю глушь манить челоуѣка еще богатая придаточная добыча: крупныя, мясныя животныя, да цѣнность ихъ кожъ.

Такъ какъ эти охотничьи экспедиціи происходили весьма регулярно, то нашлось много людей, которые устраивали дѣло поудобнѣе, строили себѣ на наиболѣе правившихся имъ мѣстахъ охотничьи шалаши, на плотахъ спускались въ окрестности прежняго Албазина, чтобы беречь лошадей, и т. п. Такимъ образомъ даже въ самомъ дикомъ и безлюдномъ первобытномъ лѣсу все-таки можно было набрести на шалаши.

Соколиная охота, столь обычная у кочевниковъ южныхъ степей, у Киргизовъ и Калмыковъ, не производится ни въ тундрахъ, ни въ области лѣсной растительности, отдѣляющей эти сѣверныя степи отъ южныхъ, хотя нѣкогда именно сѣверъ Сибири долженъ былъ доставлять множество соколовъ, требовавшихся ко дворамъ. Герберштейнъ¹⁾ говоритъ: «за этою рѣкою (Печорою) находятся большія и высокія горы, которыя простираются до побережья. На нихъ не растутъ ни деревья, ни трава. . . . На

¹⁾ Moskowiter wunderbare Historien, 1567, p. 92, 182.

«этихъ горахъ гнѣзятся соколы (Gyrfalcken). . . . Между послѣдними находится бѣлый «видъ съ пестрыми крыльями, называемый Herodii».

Въ Сибири существовали ¹⁾ особые кречетники и сокольниковы помощники для двора. Царю Алексѣю Михайловичу въ 1669 году доставлено было водою, черезъ Холмогоры и Вологду, 77 кречетовъ, а осенью еще 22. На нихъ отпускались кормовыя деньги [ежедневно по 2 деньги на птицу], сдѣланы были особыя сани, обтянутыя рогожами и войлокомъ и т. п. ²⁾.

---

¹⁾ Журналъ Коннозводства за 1842 годъ, стр. 35.

²⁾ Дополненія къ актамъ историческимъ, V, стр. 435.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СЪВЕРЬ И ВОСТОКЪ СИБИРИ,

А. МИДДЕНДОРФА.

ЧАСТЬ II.

СЪВЕРЬ И ВОСТОКЪ СИБИРИ
ВЪ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

ОТДѢЛЪ VI.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ СИБИРИ.

(ОКОНЧАНИЕ ВСЕГО СОЧИНЕНІЯ.)

СЪ ШЕСТЬЮ ТАБЛИЦАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1878.

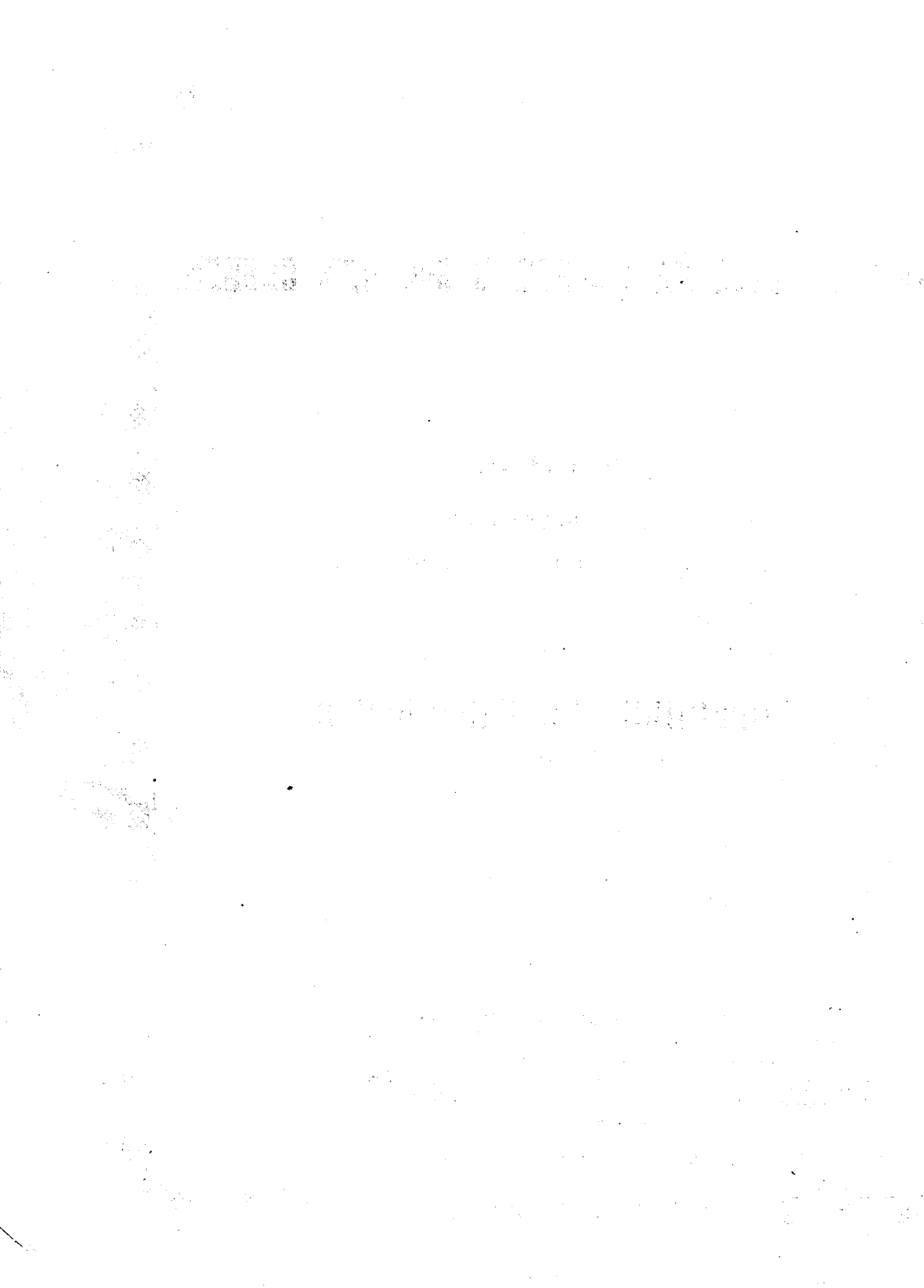
ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Эггера и Коми., въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Леопольда Фосса, въ Лейпцигѣ.

Цѣна седьмого выпуска 1 руб. 55 коп.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Коренные жители Сибири.

Общая свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири . . . . . 619 — 657

Потеря составленнаго мною собранія черепныхъ измѣреній стр. 619. — Измѣренія Бурятскихъ и Самоѣдскихъ череповъ стр. 620. — Лингвистическій матеріалъ стр. 621. — Глухое произношеніе словъ первобытными народами. Шепеляніе стр. 621—622. — Различныя взгляды путешественниковъ на одинъ и тотъ-же предметъ стр. 622—623. — Смѣшеніе типовъ; возвращеніе къ первоначальному типу стр. 624. — Рефератъ (1847 года) о портретахъ Сибирскихъ туземцевъ. Самоѣды смѣсь финскихъ и монгольскихъ народовъ. Лингвистическая и соматическая этнографія. Измѣреніе головъ живыхъ людей. Важность типа лица стр. 624—629. — Чрезвычайно благоприятныя условія для скрещиванія типовъ кочевыхъ народовъ. Сымскій Остякъ чисто-финскій типъ стр. 630—631. — Канинскій Самоѣдъ съ такимъ-же типомъ. Напротивъ того, татарско-якутское лицо съ преобладаніемъ верхней челюстной части. Третій типъ съ монгольскими широкими и высокими черепами стр. 631—633. — Смѣсь финской и монгольской крови стр. 633—634. — Самоѣдскія парфічія по Кастрену. Не смотря на его сомнѣнія, лингвистическая и соматическая антропология приводитъ къ одинаковымъ результатамъ стр. 634—638. — Зыряне, Русскіе, Якуты вытѣсняють другіе народы. Маленькая нога Самоѣдовъ и Тунгусовъ (Монголовъ?) стр. 639. — Цвѣтъ кожи. Отсутствие дородности у сѣв. кочевниковъ стр. 639—640. — Урывчатое дѣйствіе мускуловъ (см. также стр. 659). Совершенства первобытныхъ порядковъ, указывающія на тысячелѣтнія постепенныя усовершенствованія стр. 640—641. — Мастерское дубленіе шкуръ стр. 641—643. — Практичныя моды (спальный мѣшокъ, туловищныя штаны, сары, разрѣзъ въ рукавицѣ) стр. 643—643. — Раздѣленіе труда стр. 646. — Деспотическое господство моды въ нарядахъ первобытныхъ народовъ; съ другой стороны простѣйшіе идолы. Неумѣнье отличать цвѣта стр. 646—650. — Татуированіе стр. 650—651 (срав. также стр. 684 и 699). — Сogласіе, коммунизмъ стр. 651—652. — Условность приличій стр. 652 — 653. — Честность вслѣдствіе стѣснительнаго варварскаго воспитанія стр. 654—655. — Деморализація, порождаемая соприкосновеніемъ съ культурою стр. 655. — Повиновеніе при отсутствіи строгости въ воспитаніи. Различіе природенныхъ способностей. Страсть къ свободному передвиженію стр. 656—657.

Енисейскіе Остяки . . . . . 657 — 660

Нѣкогда сильный, нынѣ вымирающій народъ, но всею отличающійся отъ прочихъ Остяковъ. Признаки. Урывчатое дѣйствіе мускуловъ. Свообразная походка стр. 657—659.

Постепенная гибель стр. 660.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ . . . . . 660 — 688

Общая свѣдѣнія о нихъ. Самоѣды не простираются до Ледовитаго Океана стр. 660—661. Енисейскіе Самоѣды стр. 662—664.

Хантайскіе Самоѣды. У нихъ фамилныя имена стр. 664—665.

Береговые Юраки. Страженная голова съ каймою длинныхъ прядей позади ушей стр. 665.

Тавгынскіе или Авамскіе Самоѣды. Боятся бѣлыхъ медвѣдей. Физиономія имѣеть несравненно болѣе финскій типъ, чѣмъ на восточномъ берегу Бѣлаго Моря. Сѣдые волосы. Шпиды, мѣхъ которыхъ служатъ для украшенія колпаковъ. Любовь къ дѣтямъ. Судебный приговоръ старшины. Сопrotивленіе крещенію. Суевѣріе. Жреческіе проски шамановъ. Охотники до водки стр. 665—670.

Водеевскіе Самоѣды или Ася. Происходятъ отъ Тунгусовъ. Крошечныя ноги (срав. также стр. 639). Медвѣжья пляска. Мелодія. Походъ и вожаки каравана. Привалъ. Пища. Легкомысленное закалываніе животныхъ. Лакомые куски. Лисы и волчьи капкавы. Слѣдовало бы озаботиться о пеньковой пряжѣ, о неводахъ. Большой вредъ коммунизма при дѣлежѣ добычи на доли. Обычай относительно наследства. Отсутствие фамилныхъ названій. Отдача женъ въ наемъ. Цѣна невѣсты. Татуированіе (срав. также стр. 650 и 699). Спиная скребница. Поклоненіе естественнымъ достопримѣчательностямъ. Женщины считаются нечистыми. Дармовды-чародѣи. Погребеніе стр. 671—688. Относительно портретовъ на табл. II-й срав. стр. 833.

Долганы . . . . . 688 — 698

Своеобразная формалица стр. 688. — Зашли съ востока стр. 689. — Зимніе шалаши стр. 691. — Якутскій нарядъ стр. 691—692. — Некрещены. Ловкость въ единоборствѣ. Значительныя различія въ ростѣ. Помѣсь. Осѣдлые стр. 692—693. — Свѣдѣнія, сообщаемыя Кастреномъ, Кривошапкинымъ и Третьяковымъ стр. 693—697. — Долганы родомъ Якуты стр. 698.

Тунгусы . . . . . 698 — 743

Сѣверные Тунгусы стр. 699. — Татуированіе. Особое названіе для сѣры. Высокоголовые Тунгусы стр. 699—700. — Боягры. Ялегры. Помѣсь съ Долганами стр. 700. — Одежда. Нарядная осанка. Простираются до Якутска стр. 701—702. — Похороны. Юнагры стр. 703—704.

Южные Тунгусы. Горный народъ: гостепримны, любители удовольствій, легкомысленны стр. 704. — Живутъ уединенно. Объясненіе посредствомъ знаковь. Гибнуть. Дальнія странствованія, за 2000 верстъ стр. 705. — Юрты. Кюрбюдинскій родъ Учурскаго племени. Мало сѣв. оленей стр. 706. — Еще 600 сѣв. оленей у Охотскаго моря. Шаманы у крещеныхъ. Суевѣріе. Осеннее странствованіе стр. 706—707. — Стрѣльба въ цѣль. Пляска стр. 707 — 708. — Нравственность. Рѣчи. Торговцы. Пирушки стр. 708—709. — Нерасчетливая жизнь общества стр. 709. — Отправленіе въ походъ. Беззаботность стр. 710—711. — Доли въ дѣлежѣ лося. Пища стр. 712—714. — Одежда и нарядъ женщинъ и дѣтей стр. 715—717. — Глаза не страдаютъ отъ огня въ чумѣ стр. 718. — Цѣна невѣсты стр. 719—720. — Работа мушкетера закаляетъ человека стр. 721. — Эротическія пѣсни стр. 722. — Легкомысліе, поддерживаемое торговцами стр. 723. — Экономическія условія стр. 723—725. — Запрещеніе пороха стр. 725. — Китайскіе Буралы и Гурагры стр. 726—727. — Распредѣленіе тогдашней дичи. Рыболовство стр. 727—730. — Ивкалиры, Ниниганъ, Сологовъ (Солоръ), Мурнгаткаръ стр. 731—732. — Ружья большаго калибра. Чѣмъ меньше соболей, тѣмъ меньше долговъ. Бѣлоты стр. 732—733. — Боягры съ Вилюя, на Амурѣ. Орочовѣ стр. 733. — Пограничныя затрудненія и торговли запрещенія стр. 734—735. — Сборщики податей стр. 735—737. — Отвага. Медвѣжья рогатина. Мой спутникъ Вагановъ убитъ. Вымогательства чиновниковъ стр. 738. — Обиліе соболей и легкомысленное дѣланіе долговъ стр. 738—741. — Козаки, чиновники, священники являются торговцами стр. 742. — Предстоитъ разореніе, если вскорѣ не будетъ устроено скотоводство стр. 743.

Нягидальское племя Китайскихъ Тунгусовъ . . . . . 744 — 757

Девять родовъ стр. 744. — Соприкосновенія и столкновенія. Шамагры въ качествѣ торговцевъ; торговля стр. 745—747. — Рыболовный народъ. Китайскіе образцы одежды. Рыбья шкура. Береста стр. 747—755. — Пища. Почетная дубина стр. 756—757. — Ньгатку, Шамагры, Буралы стр. 757. (срав. также стр. 726).

Заброшенный обломок на Енисей, у Туруханска стр. 738—739. — Якуты Таймыр-скаго края, тѣсняшіе Самоѣдовъ. Поселенія. Количество населенія не измѣняется. Срубы, зимовья. стр. 760—761. — Зимняя спячка. Календарь стр. 761—762. — Старинная крѣпость Якутскъ стр. 763. — Простираются до Ледовитаго Океана въ качествѣ коневодовъ стр. 764. — Черты лица: первобытныя и съ примѣсю монгольскаго типа стр. 765—766. — Не могутъ быть причислены къ исчезающимъ народамъ. Ассимиляціонная сила стр. 767. — Намеки на прежнія, болѣе южныя мѣста пребыванія стр. 768—769. — Подводчики стр. 770. — Умѣнье приравливаться ко всѣмъ условіямъ. Способность торговать и умѣньесоблазнять Тунгусовъ стр. 771—773. — Отсутствие той способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ еврейскій торгошъ стр. 774. — Долги, Азартныя игры 775—776. — Способность къ ремесленнымъ занятіямъ стр. 777—779. — Усвоеніе тунгусскихъ построекъ стр. 780—782. — Умѣнье приравливаться къ условіямъ (срав. также стр. 771) способности, земледѣліе, скотоводство стр. 782—784. — Хозяйство стр. 785. — Суррогаты муки стр. 785—786. — Роскошные пиры стр. 787—788. — Рѣчи, жертвенныя приношенія стр. 789—790. — Жертвенныя рѣчи на горныхъ перевалахъ стр. 790—791. — Старинныя условныя выраженія въ рѣчахъ стр. 792—793. — Трудность пониманія стр. 794. — Освященіе привала стр. 795—798. — Хороводная хоровая пѣсня при кумысовомъ праздникѣ стр. 799—807. — Мелодія. Сказки. Сборникъ словъ стр. 808—819. — Преданія стр. 819—821. — Фразы стр. 821—823. — Разнообразное значеніе одного и того-же слова стр. 824. — Преизбытокъ значеній и лагонизмъ стр. 825. — Недостатокъ словъ для передачи выраженій благодарности и прощанія стр. 826. — Память. Честность. Послушаніе при патриархальныхъ порядкахъ стр. 826—827. — Любознательность. Крещеные стр. 827. — Суевѣріе стр. 828. — Совпаденіе выраженій бѣдный и худой стр. 829. — Наряды. Одежда стр. 829—831. — Способность переносить стужу. Браки стр. 831—832. — Цѣна невѣсты. Наслѣдованіе стр. 832. — Будущее нашествіе стр. 833.

Портреты изображенныхъ на II-й таблицѣ Самоѣдовъ съ низовьевъ Енисея.

Общія свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири.

Одну изъ весьма существенныхъ принадлежностей возложенной на меня экспедиціи на самыя глубокія сѣверы Сибири, снаряженной въ 1842 году С.-Петербургскою Академіею Наукъ, составлялъ, по плану предпріятія, лингвистическій этнографъ. Между тѣмъ назначеніе и отправка его продлились почти до моего возвращенія изъ Сибири.

Съ какимъ умѣніемъ, съ какимъ искреннимъ научнымъ самоотверженіемъ, съ какою преданностью дѣлу, пренебрегшею даже таившимся въ немъ зародышемъ смерти, наконецъ съ какимъ успѣхомъ Кастренъ выполнилъ свою задачу, объ этомъ ученому міру повѣдали посмертныя его сочиненія¹⁾, обработанныя и издачныя трудами академика Шифнера.

Такимъ образомъ на мою долю выпала только зоофизиологическая сторона этнографическаго наблюденія, которая впрочемъ въ то время вообще еще была, такъ сказать, въ пеленкахъ. Сначала, т. е. тамъ, гдѣ болѣе продолжительное пребываніе предоставляло мнѣ нѣсколько свободнаго времени, я съ величайшимъ усердіемъ занимался измѣреніемъ череповъ различныхъ народностей, съ которыми я встрѣчался. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1843 года поѣздка моя въ пустыни глубокаго сѣвера значительно замедлилась отъ необходимѣйшихъ матеріальныхъ приготовленій къ ней. Впослѣдствіи мнѣ пришлось странствовать, и странствовать безостановочно, да еще болѣею частью въ самое дурное время года, чтобы одолѣть неизмѣримыя пространства, которыя я долженъ былъ пройти. Лѣтомъ мнѣ удалось работать нѣсколько болѣе охотливо, но и 1843—1844 годы я провелъ въ безлюдныхъ пустыняхъ.

Когда главное мое сокровище, нѣсколько тысячъ копотливыхъ измѣреній, произведенныхъ мною надъ черепами Остяковъ, Юраковъ, разныхъ Самоѣдскихъ племенъ, Тунгусовъ, Долганъ, сѣверныхъ Якутовъ, потонуло, какъ извѣстно, во время гибели нашей лодки на Таймырскомъ озерѣ, то мнѣ уже нельзя было снова приняться за такой-же трудъ, потому что народы разбрелись и мнѣ удалось бы собрать развѣ только какіе-нибудь лоскутки. Въ

---

¹⁾ A. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den aus den samojedischen Sprachen, 1853, и цѣлый рядъ изданныхъ въ 1845—1849. A. Castrén's Wörterverzeichnis следованій по части языковъ остяцкаго, тунгусскаго ит.д.

особенности же меня одолевала бездна других работ¹⁾, и я долженъ былъ торопиться въ отдаленный Якутскъ, для производства ожидавшихъ меня тамъ геотермическихъ наблюдений.

Все, что уцѣлѣло отъ этнографической коллекціи, читатель найдетъ на приложенныхъ къ этому выпуску 14 таблицахъ типическихъ головъ, встрѣченныхъ мною въ началѣ 1843 года. За вѣрность изображеній я могу поручиться, потому что на мѣстѣ слычалъ ихъ съ оригиналами со всею точностью систематическаго зоолога-видодѣлителя, а потомъ, когда ихъ рисовали на камнѣ, не допустилъ ни малѣйшихъ художническихъ прикрасъ.

Кромѣ этихъ портретовъ, я нахожу въ дневникахъ своихъ разныя этнографическія замѣтки, изъ которыхъ хочу сообщить тутъ нѣкоторыя данныя. О томъ, что я собралъ

¹⁾ Воспоминаніемъ о моихъ погибшихъ трудахъ у меня остались только слѣдующія измѣренія, которыя я привожу здѣсь какъ матеріалъ для сравненій, пригодный, можетъ быть, для ипаго этнографа:

А) Бурятъ Банзаровъ съ широкимъ черепомъ и типическимъ монгольскимъ лицомъ.

		Миллиметр.
Въ средней лицевой линіи:	1) Отъ того мѣста на лбу, гдѣ начинались волосы, до промежутка между внутреннимъ концомъ бровей.....	33
	2) Отъ послѣдняго мѣста до переносицы (шва носовой кости).....	10
	3) Оттуда до линіи щелей вѣка.....	9
	4) Оттуда до нижняго конца носа.....	30
	5) Отъ носовой стѣнки до отверстія рта (вышипа верхней губы).....	27
	6) Оттуда до подбородка.....	46
	7) Линія щели вѣка находится выше ушнаго отверстія.....	27
	8) Внутренній уголъ глаза находится ниже линіи щели вѣка (отверстіе которой очень узко).....	0,5
	9) Внешній уголъ глаза находится выше линіи щели вѣка (отверстіе которой очень узко).....	0,25
	10) Нижняя часть ушной мочки (почти недостающей) выше нижняго конца носа.....	13
	11) Вся длина наружнаго уха.....	70,5
	12) Отъ внутренняго угла глаза горизонтально до основанія носоваго хребта.....	12
	13) Ширина носоваго хребта.....	9,5
	14) Наибольшая ширина лица въ скуловыхъ сводахъ.....	123
	15) Вся длина тѣла.....	1601
	16) Отъ плеча до локтя (сбоку).....	280
	17) Отъ локтя до ручной кисти.....	238
	18) Оттуда до корня средняго пальца.....	80

	Миллиметр.
19) Длина средняго пальца.....	113
20) Длина большаго пальца.....	69
21) Ширина руки у корня пальцевъ.....	82

Слѣдовательно, щель вѣка, хотя была узка и у наружнаго угла оканчивалась складкою кожи, все-же не тянулась косо кверху; носъ широкъ; пальцы длинны и тонки, за исключеніемъ коротковатаго большаго пальца. Цвѣтъ кожи ясно показываетъ распредѣленіе чернаго пигмента и потому кажется черновато-блѣлымъ, въ сравненіи съ смуглой отъ солнца кожи нашихъ крестьянъ подлѣ 58° шир., имѣющей бурый цвѣтъ.

	А) Тиманск. Самоѣдъ. Монгольск. типъ. въ англійск. дюймахъ.	В) Каминск. Самоѣдъ. Финиск. типъ.
1) Вышина тѣла.....	50,33	46,4
2) маховая его сажень.....	54,5	—
3) Вышипа послѣдняго шейнаго позвонка (надъ землею).....	40,5	36
4) Вышина начала грудной кости.....	38,75	33,75
5) » гребня тазовой кости (crista oss. ill.) и пупа.....	37,75	33,75
6) Вышипа spina ant. sup. oss. ilei.....	35	32
7) » symphysis oss. pub.....	32,25	28,5
8) » trochanter.....	31,5	29,25
9) » колѣна (нижній край Patella).....	17,25	15
10) Длина ноги.....	9,2	8,1
11) » передней части руки.....	11	9,3
12) » руки (отъ кисти до конца сред. пальца).....	6,83	6,75
13) Ширина плечъ (совключеніемъ рукъ).....	14,1	14,8
14) Разстояніе между сосками.....	7,3	7,3
15) Ширина таза (отъ однаго trochanter до другаго).....	12,1	10,7
16) Зрачекъ.....	темнобурый	желтобурый.

и разные филологическо-этнографическіе матеріалы, ученому міру стало достаточно извѣстно потому, что они подали поводъ такому знаменитому филологу, какъ Бѣтлингку, своротить съ главнаго пути изслѣдованій, которыми онъ постоянно занимался прежде, и посвятить нѣсколько лѣтъ подробному изученію Якутскаго языка, т. е. побочному труду, который между тѣмъ можетъ поспорить съ главнымъ трудомъ иныхъ ученыхъ.

Сборникъ словъ, собранныхъ мною у береговыхъ Юраковъ, Тавгинскихъ и Енисейскихъ Самоѣдовъ, равно какъ у Тунгусовъ, также не совсѣмъ остался незамѣченнымъ. Акад. Шифнеръ воспользовался имъ для интересныхъ сравненій, при обработкѣ Кастреновыхъ сборниковъ словъ¹⁾. Для правильнаго пониманія этихъ сравненій, позволю себѣ замѣтить тутъ, что тщательно пріучивъ ухо вслушиваться въ звуковыя отличія произношенія, я употреблялъ много вниманія на возможно вѣрное вслушивание и передаваніе звуковъ. По этому алфавитъ нашъ, дѣйствительно, вскорѣ оказался мнѣ неудовлетворительнымъ. Я прибѣгнулъ къ надписыванію одной надъ другой двухъ буквъ, между которыми заключался слышанный мною звукъ. По этому желанье отстоять мой собственный способъ передачи звуковъ не сочтутъ, надѣюсь, за неумѣстное самолюбіе, хотя, правда, такой основательный филологъ, какъ Кастренъ, послѣдовалъ по моему слѣду. Если напр. Кастрену слышалось только *n*, а я постоянно находилъ нужнымъ ставить звукъ, колеблющійся между *n* и *φ*, или если я передъ *k* и *t* указывалъ сильное или слабое придыханіе, то я очевидно не довольствовался звукомъ *n*, или звуками *k* и *t* безъ придыханія, слѣдовательно иной разъ, можетъ быть, точнѣе подмѣчалъ звукъ, или встрѣчалъ людей, иначе произносившихъ слова.

Акад. Шифнеръ совершенно справедливо указываетъ на то, какъ трудно бываетъ правильно понимать звуки первобытнаго народа, у котораго органы произношенія устроены совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, я полагаю, что лингвистъ, имѣющій возможность пользоваться заблаговременно придуманнымъ алфавитомъ сравнительнаго языкознанія новѣйшаго времени, не смотря на это великое удобство, можетъ подвергнуться невыгодѣ предвзятаго систематизирующаго обобщенія, невыгодѣ, которая нисколько не смущаетъ простаго, немудрствующаго дилеттанта, прислушивающагося только къ произношенію словъ. Бывало слушаешь, наостривъ уши, и все-таки никакъ не уловишь полу-бормотнаго, полу-гортаннаго, полу-посоваго, полу-проглоченнаго глухаго звука первобытнаго человѣка. Языкъ этихъ первобытныхъ народовъ, казался мнѣ, находится въ дѣтскомъ состояніи и въ томъ отношеніи, что даже произношеніе не приняло еще совершенно твердой формы, и что каждый кочевой родъ, даже любое отдѣльное лицо вправѣ произносить звукъ на свой ладъ.

¹⁾ См. вышепривед. сочиненіе, стр. XIV—XIX. Тунгусскія замѣтки мои сообщены акад. Шифнеромъ въ *der Tungusischen Sprachlehre*, 1836, стр. XI—XV и стр. 119—139. изданномъ имъ небольшомъ соч. Кастрена: *Grundzüge*

Последнее обстоятельство даже поразило меня среди русских поселенцевъ въ низовьяхъ Енисея. Они жили въ то время чрезвычайно изолированно, и этимъ — то недостаткомъ взаимныхъ сношеній я объяснялъ себѣ нѣкоторыя странности въ произношеніи русскихъ словъ, иногда чрезвычайно меня поражавшія. Такъ напр. были поселенія, въ которыхъ не только у всѣхъ членовъ семейства, но и у всѣхъ другихъ, постепенно перебравшихся туда, домочадцевъ различнаго происхожденія, преобладало шепеляніе ¹⁾. Мнѣ казалось, что это примѣры особенностей, усвоенныхъ привычкою, а не унаслѣдованныхъ вслѣдствіе особаго устройства органовъ произношенія.

При этомъ случаѣ не мѣшало бы согласиться на счетъ нѣкоторыхъ названій степеней родства. Изъ писемъ Кастрена ²⁾ я вижу, что акад. Шёгрень не былъ доволенъ его способомъ употребленія названія племени (Stamm). Я намѣренъ удержать слово родъ (Geschlecht) для подраздѣленія народности тѣхъ сибирскихъ туземцевъ, между которыми должно предположить близкое семейное родство. Слово племя (Stamm) включаетъ въ себѣ болѣе обширное понятіе и соответствуетъ слову ордѣ (Horde) ³⁾. Вождь или начальникъ племени искони получаетъ титулъ князца ⁴⁾. Едва-ли не каждая изъ различныхъ сибирскихъ народностей дѣлится на племена, за исключеніемъ развѣ такихъ, которыя уже начали исчезать.

Въ видѣ введенія къ нижеслѣдующимъ извѣстіямъ, предпосылаю прилагаемое изображение новой церкви и старой колокольни въ Туруханскѣ. Пусть точный рисунокъ съ нихъ станетъ говорить за меня тамъ, гдѣ Кастрень смотрѣлъ на дѣло иначе, чѣмъ я. Мнѣ постройка показалась весьма изрядной по отношенію къ тому, что мы вправѣ требовать отъ заштатнаго города подъ пустыннымъ полярнымъ кругомъ. Кастрень же ⁵⁾ говоритъ: «для пріѣзжаго челоуѣка въ Туруханскѣ церковь очень трудно отличить отъ солянаго магазина». Упряжныя собаки въ городѣ ему показались страшными, я же нашелъ (см. стр. 525), что онѣ были трусливы. Поселенія ему пока-

¹⁾ Какъ-то въ Нижне-Имбатскомъ и Баклановскомъ, напр. низайсе; сибко; ули запрекаты; стѣ снйи уроменець (вм. уроженецъ). Буква *o* пропускаясь; напр. мѣстѣ (вм. вмѣстѣ): *р* часто вовсе не произносилось; вм. *л* употреблялось *м*.

Все это такъ напоминало мнѣ нашихъ Эстовъ, что я усердно, но тщетно старался отыскать связь съ финскимъ племенемъ.

Подобнымъ образомъ Редовскій въ своемъ рукописномъ дневникѣ замѣтилъ, что у крестьянъ въ Инѣ, на Охотскомъ морѣ, было странное произношеніе, напр. Оскипъ, вм. Осипъ.

²⁾ Reiseberichte und Briefe, стр. 142.

³⁾ Въ мое время мѣстное управленіе создало искусственную неизмѣнную грань, установивъ, что небольшой народъ въ болѣе чѣмъ 100 душъ муж. пола нужно называть ордой, а при меньшемъ числѣ душъ — родомъ.

⁴⁾ Изъ нихъ Гантимурскіе князцы въ Забайкальѣ возводились, какъ извѣстно, въ дворянское достоинство. Обдорскіе князцы — являющіеся въ царскомъ титулѣ, получали дипломы и почетные кафтаны. Одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что сталъ чувствовать свое достоинство. Онъ обзавелся тѣлохранителемъ, и когда его разбирали охота выказать свой санъ, то онъ отъ времени до времени бросалъ на землю свою шапку, которую тѣлохранитель долженъ былъ поднимать.

⁵⁾ Reiseberichte und Briefe, 1865, стр. 234.

зались невыносимыми; по моему мнѣнію они были сносны и, для приваловъ въ глуши, неоцѣннымы. Кастренъ, въ ущербъ другимъ кочевникамъ, питалъ особенную любовь

Церковь въ Туруханскѣ.

къ Остякамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ближайшихъ родичей Финновъ; онъ восхваляетъ добродѣтели и извѣщаетъ недостатки ихъ. Я же не видѣлъ болѣе жалкаго и испорченнаго Сибиряка-туземца, какъ Остяка, и не знаю другаго спасенія для этого народа, какъ сглаженія его національности, слиянія съ Русскими, и полнаго поглощенія его послѣдними, хотя я вполне того мнѣнія, что правительству необходимо загладить много ошибокъ своихъ въ отношеніи къ другимъ народнымъ племенамъ и что не слѣдуетъ затрогивать самостоятельный характеръ большей части ихъ.

Но вернемся къ дѣлу.

Что касается наружнаго вида Сибирскихъ туземцевъ, то путешественнику вскорѣ становится яснымъ, что, не смотря на поразительныя типическія особенности, на которыя онъ повсюду натѣкается, послѣднія все-таки потому только такъ бросаются въ глаза, что составляютъ противоположность европейскимъ фізіономіямъ, среди которыхъ онъ выросъ. Если мы станемъ поближе входить въ сравнительное различеніе Сибирскихъ туземцевъ, если станемъ сравнивать народъ съ народомъ, племя съ племенемъ, родъ съ родомъ, или наконецъ отдѣльныя личности одного и того-же рода между собою, то передъ нами станутъ возникать, все сбивчивѣе и сбивчивѣе, такія различія, которыя

намъ, сообразно съ лингвистическими и историческими изслѣдованіями, придется объяснять все-таки одинаковымъ способомъ, т. е. тѣмъ, что въ теченіи доисторическихъ тысячелѣтій жители Сибири въ огромныхъ размѣрахъ мѣняли между собою мѣста пребыванія своего, а еще болѣе скрещивались, вслѣдствіе кровныхъ помѣсей. Конечнымъ же результатомъ этихъ помѣсей для зоотехника, занимающагося скрещиваніемъ скота, оказывается, что обратившееся въ непоколебимый догматъ ученіе о математически-формулированныхъ условіяхъ помѣси, т. е. о полукрови, четверти крови, трехъ четвертяхъ крови и т. д., совершенно неправильно. Больше всего, напротивъ того, намъ приходится удивляться возвращенію скрещенныхъ индивидуумовъ къ первоначальному типу, совершается-ли это возвращеніе уже въ первомъ поколѣніи, или только въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній; какъ только различные типы народовъ, племенъ или родовъ скрещивались между собою, такъ является возвращеніе или къ типу отца, или къ типу матери. Но рѣзче всего монгольскій типъ высказывается всегда у женщинъ, у которыхъ въ молодые годы появляется недурная кошачья физиономія, съ широкими скулами и яблокообразно выдающимися щеками, со впадиною снизу, переходящею въ довольно острый подбородокъ.

Можно бы было подумать, что я нѣкоторыя убѣжденія, добытыя въ послѣднія 30 лѣтъ изъ результатовъ производившихся мною скрещиваній, теперь, по легкопонятому самообману, переношу и на сибирскихъ туземцевъ. По этому я очень радъ, что у меня есть неопровержимое доказательство на то, что я съ такими-же убѣжденіями возвратился уже изъ Сибири, и что они только еще болѣе подтвердились моими наблюденіями надъ домашними животными.

Нижеслѣдующее извлеченіе изъ изустнаго доклада, читаннаго мною 5-го Марта 1847 года въ засѣданіи Импер. Русскаго Геогр. Общества, но не помѣщеннаго ни въ одномъ изъ специальныхъ журналовъ, будетъ служить доказательствомъ¹⁾, которымъ я дорожу.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду два самоѣдскихъ семейства зимою посѣщали нашу столицу. Денежный расчетъ побудилъ корыстолюбивыхъ аферистовъ преподнести намъ эти этнографическія рѣдкости. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Со всѣхъ сторонъ стекались любопытные, всѣ осматривали, на ледяномъ покровѣ Невы, этотъ странный на-

¹⁾ Заимствовано его буквально изъ St. Petersburg. Zeitung, 1847, № 76, 77, изъ статьи, озаглавленной слѣдующимъ образомъ: «Die Samoeden in Petersburg als Gegenstand ethnographischer Forschung. Nach einem von Herrn v. Middendorff... gehaltenen Vortrage». Этотъ рефератъ въ свое время возбудилъ много желчи. Показавъ съ одной стороны, что черепъ, хранившійся тогда специально какъ славянскіе типы, болѣе всего отличаются характеристическими признаками финскаго типа, принявъ съ другой стороны разсмотрѣніе черепъ обезьяны за исходную форму для видоизмѣненій человѣческаго черепъ, я расшевелилъ пчелиный рой кваснаго національнаго чувства. Ме-

ня стали честить названіемъ единомышленника сочинителя эпиграммы на Буле. Какъ съ тѣхъ поръ Дарвинова теорія успѣла все-таки охладить чувства людскія относительно происхожденія человѣка отъ обезьяны!

Столь-же положительно, какъ въ этомъ рефератѣ, я уже за два года передъ тѣмъ противопоставилъ также Лацландцевъ — финское племя, Самоѣдамъ — Монгольскому племени. Въ то время, т. е. въ 1840 году, когда я посѣтилъ Бѣлое море, я еще не зналъ Самоѣдовъ съ финскимъ типомъ лица (срав. Baer und Helmersen, Beiträge z. Kenntn. d. Russ. Reiches, 11-tes Bändchen, 1843, p. 172.)

родець, жалкій шалашъ ихъ, который долженъ былъ защищать ихъ отъ самой сильной стужи, и помѣщавшуюся въ немъ Самоѣдку, съ утра до ночи гнодавшую сырыхъ, замерзшихъ рыбъ. По осмотрѣ всего этого, быстрою рысью катались на саняхъ, въ которыя впрягалась рогатая четверка — однимъ словомъ Самоѣды между нами превосходно довели свою роль до конца. Они продержались, съ почетомъ и барышемъ, долѣе италіанской оперы и почти столько-же времени, сколько вольтижеры. На этотъ разъ они покинули насъ съ намѣреніемъ лишить насъ на нѣсколько лѣтъ своего интереснаго знакомства и пребываніе ихъ, которое за границу безъ сомнѣнія породило бы ученѣйшія объемистыя изслѣдованія, совершенно безслѣдно прошло бы мимо насъ среди столичной суматохи, если бы рѣзецъ г. Митрейтера не сохранилъ для потомства грубыхъ лицъ ихъ съ такою вѣрностью и отчетливостью, за которую иное благообразное и благородное лицо чистокавказскаго типа должно позавидовать этимъ рожицамъ ¹⁾).

Тогда какъ частыя большія морскія экспедиціи новѣйшаго времени доставили намъ точныя изображенія самыхъ отдаленныхъ народовъ и дали намъ возможность въ одной галлерей разставить для сравнительнаго изученія сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, у насъ до сихъ поръ не было изображеній многочисленныхъ кочевниковъ, бродящихъ по внутреннимъ частямъ нашей континентальной Сибири. Вотъ почему коммиссія, которая назначена была для обсужденія плана сибирскаго путешествія автора, постановила издать все привезенныя имъ, набросанныя г. Браунтомъ, портреты Самоѣдовъ, Юраковъ, Остяковъ, Тунгусовъ, Юкагировъ, Долганъ и Якутовъ. Но коль скоро признавалось нужнымъ издать портреты первыхъ, то безспорно важно было имѣть возможность сравнить нашихъ самыхъ западныхъ Самоѣдовъ Европы съ самыми восточными Сибирскими Самоѣдами, чтобы получить точку опоры въ пользу или противъ тождественности ихъ тѣлосложенія. Если, однакоже, мы посмотримъ, чего мы достигли собственно въ этомъ отношеніи, то намъ со стыдомъ придется сознаться, что мы умѣемъ строго различать мышей европейской части края, населеннаго Самоѣдами, но этнографически еще не опредѣлили людей. Въ классическомъ сочиненіи Причарда ²⁾ мы находимъ, пожалуй, на стр. 225, изображе-

¹⁾ Передъ нами двѣ таблицы, изъ которыхъ одна изображаетъ двухъ Кавіанскихъ, другая двухъ Тимаискихъ Самоѣдовъ. Уже при разсмотрѣніи этихъ портретовъ, каждый долженъ убѣдиться въ необыкновенномъ талантѣ упомянутаго художника. Г. Митрейтеръ обладаетъ такою удивительною твердостью руки и такою щощренностью глаза по части правильнаго пониманія размѣровъ и соразмѣрности, что все дѣлаемое имъ портреты тотчасъ прямо самъ рисуетъ на камнѣ. Такимъ образомъ составлены и эти два листка. Рисунокъ сдѣланъ такъ вѣрно и такъ отчетливо, что даже критикующій глазъ этнографа не сумѣлъ отыскать въ немъ ни малѣйшей ошибки и что, слѣдовательно, эти точные индивидуальныя портреты нисколько не грѣшатъ противъ истины и сдѣланы безъ всякой предвзятой системы, бо-

торая часто бываетъ неизбѣжна, когда рукою художника управляетъ критика этнографическаго изслѣдователя.

Двѣ таблицы, о которыхъ тогда говорилось, предначались уже въ то время для предлежащаго сочиненія и съ прибавленіемъ другихъ портретовъ приложены къ этому выпуску на таблицахъ III и IV. Академикъ Шифнеръ присоединилъ ихъ въ уменьшенномъ масштабѣ къ путевымъ воспоминаніямъ Кастрева. Въ Русской Фаунѣ Симашко также уже помѣщены въкоторыя изъ издаваемыхъ тутъ портретовъ. Но правда, что до сихъ поръ приходилось ожидать ключа къ пониманію этихъ изображеній.

²⁾ The natural history of man by J. C. Pritchard. London 1845.

ніе Самоѣдской головы, но она очевидно взята изъ стариннаго путешествія Голландца Де-Брюинса ¹⁾. Можетъ быть это есть единственное существующее изображеніе этого народнаго племени, но во всякомъ случаѣ оно скорѣе напоминаетъ о состояніи нашей этнографіи въ началѣ прошлаго столѣтія, чѣмъ о характерѣ Самоѣдской фізіономіи. Лобъ выше Талейрановскаго, который у Каруса представленъ какъ образчикъ мыслящей головы: глаза и ротъ кавказскаго происхожденія и только выдающіяся скулы могутъ служить намекомъ на монгольскую расу.

Первый достовѣрный матеріалъ для будущаго сравнительнаго изслѣдованія даютъ лишь наши рисунки. Если мы станемъ разсматривать каждую пару въ отдѣльности, то нельзя не убѣдиться въ сходствѣ чертъ мужскаго и женскаго лица; а если мы обѣ пары будемъ сравнивать между собою, то насъ поразитъ разница въ обоихъ типахъ лицъ. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что это только портреты двухъ самоѣдскихъ паръ, случайно занесенныхъ въ нашу столицу, а никакъ не подобранные представители того или другаго типа лица. Съ перваго же взгляда васъ поражаютъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ узковатые и наискось внаружу и кверху прорѣзанные впавшіе глаза, совершенно плоская переносица (*glabella*), сильно выдающіяся скулы и довольно значительно выступающія челюсти (*prognathous*, — Причарда). У Каннскихъ Самоѣдовъ всѣ эти признаки имѣютъ противоположный характеръ: глазное отверстіе также не можетъ быть названо большимъ, но все-таки оно замѣтно больше, чѣмъ у Тиманскихъ, и прорѣзано совершенно горизонтально, такъ что наружный глазной уголъ находится на одной плоскости съ внутреннимъ или, пожалуй, еще ниже. Сами глаза очень близки къ верхней части глазной впадины. Переносица большею частью не такъ широка и не такъ плоска, какъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ, но посреди ея возвышается узенькій и выдающійся сверху книзу хребетъ, образуемый носовыми костями. Скулы развиты меньше, чѣмъ у Тиманцевъ и, хотя спереди довольно похожи на скуловые очертанія послѣднихъ, но, будучи разсматриваемы сбоку, во всякомъ случаѣ, выдаются гораздо меньше, а слѣдовательно и меньше закрываютъ носъ, чѣмъ у Тиманцевъ. Челюсти выдаются меньше (*prognathous* — Причарда), что весьма бросается въ глаза, если мы станемъ сравнивать женщинъ, а при сравненіи мужчинъ становится яснымъ только тогда, когда, по примѣру Каруса, рисуешь профили одинъ надъ другимъ.

Точное численное опредѣленіе всѣхъ этихъ различій посредствомъ пропорцій должно составлять задачу этнографіи, какъ зоологически классифицирующей науки; здѣсь мы должны довольствоваться тѣмъ, что намъ удалось достигнуть поразительнаго дѣйствія наглядности и убѣдиться въ томъ, что портреты Тиманскихъ Самоѣдовъ во всемъ соотвѣтствуютъ признакамъ монгольской расы и въ особенности полярнаго семейства (*polar-family*), что съ другой стороны оба Каннскихъ Самоѣда очень близко похожи на типъ финскихъ народовъ, и притомъ во всякомъ случаѣ больше всего на Лапландцевъ. Входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе этихъ частныхъ намъ не позволяетъ цѣль этой статьи.

¹⁾ Cornelius de Bruins Reizen over Moskovie etc. Amsterdam 1711.

Если за тѣмъ мы пожелаемъ бы переступить за предѣлы разсмотрѣнія этихъ портретовъ и, опираясь на него, вывести общее заключеніе, то послѣднее могло бы только состоять въ томъ, что по кровному происхожденію своему Самоѣды смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ. При этомъ можетъ быть допущено, хотя и съ малою вѣроятностью, что Тиманскіе Самоѣды происходятъ отъ Монголовъ, а Каппскіе отъ Финновъ. Скорѣе можно предположить, что въ этой помѣси участвуютъ оба племени, но въ различной степени, т. е. съ преобладаніемъ въ первомъ случаѣ монгольскихъ, въ послѣднемъ — финскихъ элементовъ.

Вопросъ о томъ, согласуются ли съ этими выводами результаты лингвистическихъ розысканій, или нѣтъ, не долженъ смущать этнографическаго изслѣдователя, потому что намъ не трудно указать случаи, когда народъ въ теченіи времени мѣнялъ свой прежній языкъ на новый. Чѣмъ менѣе подвинулась цивилизація какого нибудь народа, чѣмъ больше становилась несоразмѣрность, слѣдовательно чѣмъ значительнѣе были перевѣсы новаго языка надъ прежнимъ по части понятій и словъ, тѣмъ безслѣднѣе могъ изгладиться языкъ предковъ. Большое количество примѣровъ этого рода очевидно относится къ доисторическому періоду Сибири, но для того, кто все-таки еще захотѣлъ бы усомниться въ этомъ, мы приведемъ примѣръ Киргизовъ, который столько-же замѣчательнъ, сколько пока еще непонятенъ: Они несомнѣнно по рожденію и безъ всякой помѣси принадлежатъ къ монгольскому племени, а между тѣмъ говорятъ языкомъ кавказскихъ Турко-Татаръ. Единство языка двухъ народовъ нисколько еще не доказываетъ природнаго ихъ единства, точно также, какъ на оборотъ различіе языка не доказываетъ природнаго ихъ различія. Изъ этого слѣдуетъ, что изъ природнаго единства или различія еще нельзя выводить заключенія о единствѣ или различіи языка, а изъ послѣднихъ нельзя выводить заключенія о природномъ единствѣ или различіи. Вопросъ о соплеменности народовъ окончательно должна рѣшать соматическая этнографія, и только въ такомъ случаѣ, когда она подтверждаетъ результаты лингвистическихъ изслѣдованій, они могутъ считаться достовѣрными и несомнѣнными. Что касается Самоѣдовъ, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что лингвистическія изслѣдованія подтверждаютъ данныя указанія ¹⁾.

У Гиляковъ (Айно) еще въ гораздо большей степени, чѣмъ у Самоѣдовъ, можно строго отличать два совершенно различныхъ типа лица. Противъ предположенія, что это случайныя измѣненія, ежедневно встрѣчающіяся на каждомъ шагу, какъ выраженія личныхъ или свойственныхъ нѣкоторымъ семействамъ особенностей въ формѣ головы и лица, авторъ возстаетъ самымъ положительнымъ образомъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ имъ на мѣстѣ. Чѣмъ замкнутѣе въ самомъ себѣ (продолжаетъ онъ), чѣмъ необразованнѣе народъ, чѣмъ одностороннѣе его образъ жизни, чѣмъ незначительнѣе разница между сословіями, тѣмъ болѣе вышній видъ его получаетъ

¹⁾ В. Иславинъ, Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Сиб. 1847.

замѣчательное однообразіе. Сначала путешественнику только съ большимъ трудомъ удается подмѣчать индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ орды, которую онъ постигъ, и часто происходятъ презабавныя ошибки. Физиономіи отдѣльныхъ личностей теряются въ общемъ физиономическомъ впечатлѣніи, какъ въ стадѣ овецъ, пока продолжительное упражненіе не разовьетъ въ путешественникѣ звора овчаря, который, среди сотни животныхъ своего стада, узнаетъ каждую отдѣльную овцу по ея особой физиономіи. Доказательствомъ этому служатъ портреты Юраковъ, снятые авторомъ во время его путешествія въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ одно отъ другаго. Однажды случилось, что самоѣдскую вдову, нѣсколько педѣль сряду починавшую одежду путешественниковъ, авторъ все-таки не узналъ потому, что она умылась. Единственный отличительный признакъ ея составляли особенности грязи на ней. При смѣшеніи кочевниковъ помѣси весьма односторонне возвращаются къ типу отца или матери, тогда какъ у цивилизованныхъ народовъ онѣ несравненно больше склонны заимствовать одну черту у отца, другую — у матери и вслѣдствіе этого образуютъ безконечное количество переходныхъ членовъ.

Впрочемъ цѣль этихъ строкъ не заключалась въ одномъ только желаніи доказать, что намъ необходимо совершенно отказаться отъ мысли о тѣлесномъ единствѣ всѣхъ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ кочевниковъ, которые говорятъ на одномъ и томъ-же языкѣ, и что уже въ доисторическое время нѣкоторые національности на сѣверѣ были поглощены другими въ такомъ-же родѣ, въ какомъ еще теперь Самоѣды поглощаются Зырянами и Тунгусами, а Тунгусы, въ свою очередь, Якутами и т. д. Нѣтъ, онѣ хотѣли также побудить къ собиранію матеріаловъ, которые дали бы возможность съ тѣлесной точки зрѣнія составить самостоятельную этнографію нашихъ мелкихъ разбросанныхъ народностей. Необходимо поторопиться, потому что съ каждымъ днемъ изглаживаются грани тамъ, гдѣ вчера онѣ еще были видны. Считаемъ нелишнимъ напомнить о томъ, что мы люди и что изученіе высшаго творенія природы справедливо должно стоять выше изученія мышей, жуковъ и всего остальнаго зоологическаго добра. Собираніе череповъ не есть впрочемъ единственное средство къ добыванію данныхъ для болѣе твердыхъ основаній этнографіи тѣлесной стороны человѣка. Если черепа будутъ доставляться такъ рѣдко, какъ до сихъ поръ, и если мы не будемъ знать въ точности, какимъ личностямъ они принадлежали, то они скорѣе могутъ спутать, чѣмъ разъяснить наши знанія. Всякому извѣстно, что религиозные обычаи и воззрѣнія загораживаютъ путь самому усердному собирателю череповъ или, пожалуй, угодаютъ не по добру пожалованіемъ въ морозный край, и что съ другой стороны рѣдко удается собрать точныя свѣдѣнія о томъ человѣкѣ, которому черепъ принадлежалъ при жизни. Всѣ эти затрудненія намъ очень легко избѣгнуть, если мы станемъ изучать головы живыхъ людей. Такимъ способомъ намъ можно накопить въ самое непродолжительное время чрезвычайно богатый матеріалъ, который именно вслѣдствіе этого богатства и вытекающей изъ него многосторонности будетъ служить мѣриломъ. Только этимъ способомъ мы и будемъ въ состояніи представить кабинетному краниоскопу возможность провѣрить этнографическую задачу, рѣшенную имъ

дома. Все дѣло заключается только въ томъ, чтобы съ крумциркулемъ въ рукѣ измѣрить различныя головы различныхъ паціи и добытыя мѣры размѣщать по рубрикамъ.

Въ этомъ отношеніи до сихъ поръ несправедливо обращали слишкомъ мало вниманія на лицевую часть черепа, которая даже въ систематикѣ животныхъ играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей. Если бы и прежде на лицевую часть обращено было вниманіе во всѣхъ, а не въ отдѣльныхъ только случаяхъ, то не укоренилось бы много ошибочныхъ взглядовъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что форма черепа американскаго близко сходна съ формою черепа монгольскаго. Вслѣдствіе почти непреодолимой трудности раскрыть путаницу формъ американскихъ череповъ, большею частью искусственно искаженныхъ, этнографы ухватились за поразительную форму лица и стали ее ставить рядомъ съ постояннымъ конькомъ въ пользу Монголовъ, т. е. съ Калмыками. Но послѣдніе только одна отрасль этой огромной расы, представляющая гораздо больше различій въ національностяхъ, чѣмъ разныя народности Европы! За то cadaго поразить большое сходство Долганскаго старшины Мани, съ котораго авторъ распорядился снять портретъ, съ Онопатонгой, старшиной американскихъ *Omahaws*, который у Мортонна ¹⁾ изображенъ на заглавномъ листѣ и представляетъ единственный портретъ Индѣйца. По нашимъ понятіямъ ихъ можно бы было признать за двоюродныхъ и даже за родныхъ братьевъ. Оба портрета, правда, единственные, которые существуютъ, но отнюдь не подобраны, ради сравненія, изъ цѣлой коллекціи. Въ Европѣ это сходство рѣшительно ничего не значить; даже для Азіи оно, само по себѣ, только намекъ, а въ связи съ другими — руководящая нить. Эта нить должна обратиться въ якорный канатъ, когда съ нею тѣсно сплетется историческая ткань. Но изъ того, что въ приведенномъ случаѣ лица и *habitus* доселѣ одни могли служить опорой для большей половины мнѣній даже противъ намековъ нѣкоторыхъ историческихъ указаній, каждый тѣмъ убѣдительнѣе можетъ уразумѣть, что мы придаемъ этимъ признакамъ больше значенія невольно и по какому-то внутреннему чувству, хотя они еще совершенно лишены научной оболочки. Но не слѣдуетъ пренебрегать правиломъ, которому насъ научаетъ чтеніе исторіи систематической зоологіи. Хорошіе рисунки вездѣ послужили основаніемъ для рѣзкаго разграниченія видовъ. Основательное изслѣдованіе началось со времени цитированія опредѣленныхъ изображеній; за ними послѣдовали по немногу описанія, которыя цѣлыя столѣтія сряду полировались и получали бѣольшую опредѣленность, пока наконецъ (правда въ слишкомъ незначительномъ кругу) мы дошли до окончательной отдѣлки главной статьи, т. е. до математическаго метода распредѣленія видовъ (на основаніи численныхъ данныхъ и измѣреній).

¹⁾ S. C. Morton, *Crania Americana*. Philadelphia 1839. Comptes-rendus de l'Acad. des Sciences de Paris, 1845. Juillet, p. 4, 7 etc.

И такъ первый мой тезисъ, представленный безъ малаго 30 лѣтъ тому назадъ, былъ тотъ, что Самоѣды, по кровному происхожденію своему, смѣшанный народъ, образовавшійся изъ смѣшенія финскихъ и монгольскихъ народовъ.

Это положеніе вполне подтверждено, какъ я предсказывалъ заранѣе, лингвистическими изслѣдованіями Кастрена, который прямо говоритъ¹⁾: «Къ тому-же самому результату насъ приводитъ и самоѣдское племя, которое въ родствѣ съ одной стороны съ финскимъ племенемъ, съ другой съ семействомъ монгольскихъ народовъ». Обои ми путями, зоологически- и филологически-этнографическимъ, оба мы, совершенно разносторонніе изслѣдователи, пришли къ одному и тому-же выводу, который, слѣдовательно, тѣмъ болѣе, кажется, заслуживаетъ довѣрія.

Сказанное мною въ то время о Киргизахъ, я теперь, поспѣввъ ихъ²⁾, снова могу подтвердить еще положительнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе моихъ изслѣдованій въ Башкиріи, оно примѣнимо также къ Башкирамъ тѣмъ болѣе, что различіе лошадиныхъ породъ въ сѣверной и южной Башкиріи помогаетъ доказать несомнѣнно столкновеніе различныхъ національностей.

Мое наблюденіе надъ Гиляками, о которомъ тамъ говорится, подтвердить, надѣюсь, акад. Шренкъ. Отъ сопровождавшихъ меня Якутовъ и Тунгусовъ Гиляки замѣчательно отличались своими кругловатыми формами лица; особенно у женщинъ были почти совершенно круглыя, полнолуныя лица. Противоположность монгольскихъ или же опять кавказскихъ типовъ между Гиляками Тугурскаго залива была такъ поразительна, что я не могъ не приписать ея сильному кровному смѣшенію туземнаго населенія съ русскими удайцами, во время занятія страны при низовьяхъ Амура, въ то время, когда заложники ихъ показывались даже въ Москвѣ³⁾. У такихъ личностей скулы почти совсѣмъ не выдавались, да и въ глазахъ не было ничего монгольскаго. Были между ними такія лица, которыхъ въ европейской одеждѣ нельзя бы было отличить отъ Европейцевъ. У одного Гиляка были двѣ жены, изъ которыхъ одну, по нашимъ понятіямъ, можно было назвать красивою, а другая могла быть крайне-китайскою красавицею. Слѣдовательно тутъ искои происходили самыя замѣчательныя помѣси⁴⁾.

Если мы примемъ во вниманіе постоянныя взаимныя передвиженія туземныхъ кочевниковъ; если мы сообразимъ, что сибирскіе туземцы покупаютъ жену у родителей, что эта покупка легко опять разстраивается, что пѣкогда, а у Самоѣдовъ еще и въ мое время, одна изъ обязанностей гостепрѣимства состояла въ томъ, что гостю предоставлялось право свободно располагать женою и дочерью хозяина, что нѣсколько не казалось страннымъ, когда (напр. казакамъ, золотопромывальщикамъ и т. д.) Тунгуски и женщины другихъ племенъ мужьями уступались за извѣстное вознагражденіе на лѣтнее или на зимнее

1) Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 22.

2) Срав. мое изслѣдованіе о Барабѣ.

3) Müller, Samml. Russ. Gesch. I, 2 p. 303, 341, и II, p. 293. Это было около половины 17-го столѣтія.

4) Уже Мюллеръ (Samml. Russ. Gesch. III, 2, p. 92) говоритъ, что во время занятія Русскими, многіе Камчадалы и Камчадалки содержались пѣвными на Курильскихъ островахъ.

время, что у якутскихъ (да и русскихъ) торговцевъ, объѣзжавшихъ кочевниковъ на нѣсколько тысячъ верстъ, въ мое время перѣдко въ 2, 3, 4, далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, были, да безъ сомнѣнiя и теперь еще есть, маленькiя избы, гдѣ въ каждой жила туземка, большею частью Тунгусска, перѣдко со множествомъ дѣтей, оказывавшихся отводками оставшагося въ городѣ законнаго семейства торговца¹⁾; если мы все это взвѣсимъ, то во всякомъ случаѣ нужно удивляться не столько многочисленнымъ переходнымъ типамъ, сколько существованiю характерныхъ типовъ. Въ прежнiя времена Русскiе очень часто покупали дѣтей у кочевниковъ и впослѣдствiи перѣдко усыновляли ихъ. Я самъ у поселенцевъ очень часто находилъ дѣтей, наружность которыхъ свидѣтельствовала о ихъ происхожденiи. Большею частью это были спасенныя отъ голодной смерти, часто найденныя въ чумахъ, круглыя сироты. Будучи усыновлены, они потомъ входили въ составъ семейства, но иногда возвращались въ тайгу (пустыню).

Не рѣшаясь останавливаться на мелочахъ, я позволю себѣ просмотрѣть съ моимъ читателемъ приложенныя таблицы рисунковъ, но предварительно считаю нужнымъ увѣрить его, что путешествующему этнографу въ Сибири неоднократно представляется случай не только изощрять, но и провѣрять свою наблюдательность. Такъ, напр., въ поселенiи Осиновъ первый-же Чувашъ, котораго я увидѣлъ, выдалъ себя своимъ эстскимъ произношенiемъ русскаго языка. Въ поселенiи Зырянскомъ киргизская помѣсь ссыльнаго вполне оправдалась подтвержденiемъ, что онъ родомъ съ Семипалатинской линiи.

Сымскiй Остякъ, который на 1-ой таблицѣ преспокойно сидитъ на бочекѣ, не подозрѣвая, что это наполненная порохомъ бочка нашей экспедици, вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ отличается несомнѣннымъ типомъ чисто-финскаго происхожденiя, хотя и живетъ въ крайнемъ юго-восточномъ углу распространенiя этого народа. На сѣверѣ Скандинавскаго полуострова я не сумѣлъ бы отличить его отъ Лапландца. Люди эти такiе-же несомнѣнные Финны, какъ изображенные на III-ей таблицѣ самые западные Канинскiе Самоѣды, отличительные признаки которыхъ нами рассмотрѣны выше и которые, диагонально противоположно, въ Европѣ, живутъ въ самомъ крайнемъ сѣверо-западномъ углу распространенiя Самоѣдовъ. Енисейскiй Самоѣдъ Сылкинъ, на табл. V-ой нѣм. изданiя также можетъ считаться типичнымъ Финномъ, тѣмъ болѣе, что у него чрезвычайно широко раскрытыя глаза. Но цвѣтъ его кожи болѣе былъ похожъ на цвѣтъ монгольской, чѣмъ на цвѣтъ остяцкой кожи.

Противоположностью этому финскому типу являются намъ два другихъ вполне выразившихся типа. Я разумѣю, во-первыхъ, татарско-якутское лицо, кавказской расы, на табл. VI-ой, 3, изображающее Долгана Манi. Характеристическую черту его составляютъ пре-

¹⁾ Этотъ обычай заимствованъ, можетъ быть, у китайскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ приамурскiй край. Последнiе оставляютъ дѣтей своихъ въ тайгѣ. Такинъ, «Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состоянiи» 1848, I, стр. V. — И наши государственныя учрежденiя точно также очень часто подаютъ новодѣль значитель-

нымъ помѣсцемъ. Въ Сибири издавна многiе туземцы зачисляются въ мѣстное казачество. Тунгусъ, котораго я встрѣтилъ на Биларѣ, былъ сынъ обывателя города Якутска и его братъ находился еще въ этой категорiи. Онъ же, какъ рожденный до свадьбы, былъ включенъ въ списки Тунгусовъ.

обладаніе (но не выдающееся положеніе) верхней челюстной части и удлиненная оттого форма лица, въ особенности удлиненный носъ съ рѣзко приподнятымъ кверху сгибомъ, нѣсколько напоминающимъ орлиный носъ. Въ сравненіи съ двумя другими типами, линія, проведенная черезъ оба внутреннихъ глазныхъ угла, дѣлитъ голову на нижнюю продолговатую и верхнюю короткую половину. Въ слегка выдающихся скулахъ и малораскрытой глазной щели высказывается на лицѣ Мані незначительная доля монгольской примѣси. Въ поселеніи Бахтинскомъ, по этой удлиненной формѣ лица, мнѣ, къ большому моему удовольствію, удалось отыскать между Остяцкими Самоѣдами двухъ сосланныхъ туда Минусинскихъ Татаръ, хотя они почти по всѣмъ признакамъ въ замѣчательной степени похожи были на первыхъ.

Во-вторыхъ, передъ нами положительные типы третьей, т. е. монгольской расы, но они являются въ двухъ формахъ, составляющихъ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга подраздѣленія, а именно: у однихъ широкіе, у другихъ высокіе черепа.

Что я разумѣю подъ этимъ, станетъ понятнымъ читателю, если я укажу ему на табл. IV-ую, изображающую самоѣдскую чету съ положительно широкими черепами, равно какъ на Тунгусовъ Савилія (табл. V), Черемокъ, табл. IV, 1; Тюпринна (табл. VIII), и Шантаула (табл. IX). (Двѣ послѣднія въ нѣмецкомъ изданіи). Широкія и выдающіяся скулы, большія глазныя впадины, обозначенныя уже высокими дугообразными бровями, тѣмъ болѣе узкая, косо внаружу и [по крайней мѣрѣ на видъ также] кверху идущая глазная щель, широкая вдавленная glabella (переносица) и протянутые впередъ жевательные органы вполне достаточны, чтобы этимъ лицамъ придать совершенно монгольскій типъ.

Такими же типичными Монголами являются двѣ тунгусскія головы на V-ой 1 и 2, таблицѣ, у которыхъ однакоже, при этомъ, въ противоположность предыдущимъ, черепъ такъ высокъ, что онъ гораздо выше идетъ поверхъ линіи, соединяющей оба внутреннихъ глазныхъ угла, чѣмъ ниже этой линіи, до подбородка. Это почти такъ называемая башенная голова. Менѣе высокочерепными, но сходными съ ними въ томъ, что надъ скулами до лба голова en face суживается, оказываются головы Юкагиро-Тунгуса на табл. I-ой, Долгана Гаврилы Палькова на табл. VI-ой, 2, и Якутки съ Учурна на табл. VI, 1. У нихъ оба вышеприведенныя измѣренія равны между собою.

У широкочерепнаго монгольского лица эти два размѣра также сходны, но лобовыя шишки хорошо видны и отстоятъ другъ отъ друга, такъ что, вслѣдствіе этого, лобъ получаетъ четырехугольный видъ, а лицо разумное выраженіе. И дѣйствительно, при этой формѣ лица умственные способности безъ исключенія казались мнѣ немалыми. Кромѣ того, я на высокопоставленномъ врачѣ, на сынѣ извѣстнаго ученаго, на воспитанномъ въ Петербургѣ филологѣ и т. д. могу доказать прекрасныя, фактически заявленныя умственные способности при означенной широкочерепной и широколобной формѣ монгольского типа, потому что въ указанныхъ лицахъ несомнѣнно течетъ монгольская кровь. При этомъ монгольскій глазъ придаетъ умному лицу лукавое выраженіе.

Еще прежде чѣмъ я успѣлъ добраться до Сибири, меня поразило, что у двухъ Калмыковъ, прїѣхавшихъ изъ степи въ Казань, точно также, какъ у рассмотрѣнныхъ нами тунгусскихъ головъ, у одного былъ положительно широкій, у другого положительно высокій черепъ. Если бы мнѣ не удалось видѣть это, то я принялъ бы распадѣніе на двѣ упомянутыя формы за особенность, свойственную Тунгусамъ, потому что у Забайкальскихъ Бурятъ и Монголовъ, являвшихся мнѣ самыми типичными Монголами, я встрѣчалъ одни только широкіе черепа. Упомянутыя двѣ различныя формы развитія череповъ очевидно должны зависѣть отъ двухъ различныхъ способовъ оссификаціи черепныхъ швовъ.

Принявъ за исходную точку вышерассмотрѣнные три основныхъ типа моихъ портретовъ, нетрудно будетъ объяснить и остальные физономіи, заключающіяся между ними.

Такимъ образомъ можно замѣтить, что между Тунгусами встрѣчаются только монгольскія формы лица; изъ нихъ у Савилія на табл. V-ой, и Черемокъ на табл. IV-ой 1, такой-же широкій черепъ, какъ у Самоѣдовъ на табл. IV-ой. Но при этомъ у Савилія совершенно якутская форма носовой части лица, точно такъ какъ у Шантаула (табл. IX нѣм. изд.). Самыя монгольскія лица Самоѣдовъ всегда можно было отличать отъ Тунгусскихъ по кругловато-овальному очертанію первыхъ, тогда какъ у Тунгусовъ были болѣе продолговатыя лица. Это относилось къ обоимъ поламъ.

У Якутокъ на табл. VI-ой, не смотря на то, что онѣ раздѣлены нѣсколькими тысячами верстъ (одна изъ нихъ съ Учтура, другая, Одай, съ Хеты), такія типичныя монгольскія лица, что ихъ нельзя отличить отъ Тунгусокъ. По всей вѣроятности онѣ и монгольскаго происхожденія, потому что только по близости у Амура, у китайскихъ Нигидальцевъ-Тунгусовъ, я встрѣчалъ еще болѣе типичныя китайско-японскія монгольскія лица. Въ сравненіи съ ними Якутъ съ Хеты, изображенный на XII таблицѣ нѣм. изд., кажется Русскимъ съ небольшою примѣсью тунгусской крови. Къ такимъ явленіямъ на Хетѣ, какъ мы увидимъ ниже, представляется особенно много поводовъ. Хотя у Мирона Тюприна (табл. VIII нѣм. изд.) положительно тунгусскіе глаза и носъ, но совершенно круглая форма лица его, соответствующая предыдущему лицу, все-таки напоминаетъ также о русской, если не финской примѣси.

Снова просматривая таблицы съ самаго начала, мы замѣтимъ, что Юкагирь на табл. I-й на столько-же не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ Тунгусъ, на сколько у остяцкаго семейства несомнѣнно чисто-финскія лица. Остякъ Укта, на табл. I-ой также Финъ, только менѣе типиченъ, да притомъ заплылъ отъ жира, но представляетъ особенный интересъ потому, что принадлежитъ къ Енисейскимъ Остякамъ, языкъ которыхъ Кастрень, какъ мы увидимъ ниже (въ главѣ о Енисейскихъ Остякахъ), считается совершенно своеобразнымъ.

За финно-монгольскую помѣсь я готовъ признать Юраковъ на табл. II-ой 4, 6, 7, 8. Они, и въ профили (см. нѣм. изд.), отличаются чрезвычайною однородностью, столь-же ре-

гулярно встрѣчающагося при извѣстныхъ скрещиваніяхъ въ скотоводствѣ и напоминающаго замѣчательное однообразіе формы муловъ, которая постоянно составляется изъ разнообразныхъ элементовъ, но неизмѣнно слагается въ одинъ и тотъ-же типъ. Всѣ они очень короткоголовы; у женщины Фхыддо (нѣм. изд.), кромѣ того, лобъ сильно подается назадъ. У Юрака Агатѣ (нѣм. изд.) замѣчательны чисто монгольскія высокія брови, слѣдовательно монгольская широкая глазная впадина, съ довольно узкими глазными щелями и незначительно выдающимися скулами.

Въ Самоѣдахъ на табл. V-ой нѣм. изд. также много финскаго, хотя глаза у Нгуфо свидѣтельствуютъ о монгольскомъ происхожденіи. О слѣдующихъ затѣмъ таблицахъ до X-ой нѣм. изд. включительно мы уже говорили.

Долганъ Гаврила Пальковъ на табл. VI-ой 2, представляетъ самое поразительное изъ всѣхъ лицъ. Онъ вовсе не былъ такъ тупоуменъ, какимъ кажется, и при здоровомъ человѣческомъ разсудкѣ отличался такими прекрасными правилами, какихъ я бы желалъ иному благородному Европейцу. Средняя часть его лица отличается полною длиною якутскаго типа, но глазная щель и носъ отзываются монгольской примѣсью. Очень низкій лобъ составляетъ индивидуальную уродливость. У Прыса Палькова нѣм. изд., вслѣдствіе осѣдлой поселенческой жизни и питанія рыбою, зажирѣвшее тунгусско-русское лицо.

Вотъ что мы хотѣли сказать о формѣ черепа и лица. Для яснаго пониманія географическихъ случайныхъ причинъ разнообразной помѣси разсматриваемыхъ нами народовъ, необходимо представить себѣ положеніе ихъ мѣстопребываній и принять въ соображеніе, что иное племя въ теченіи всего года проходитъ двѣ-три тысячи верстъ и забирается очень далеко, не стѣняясь опредѣленными границами.

Мѣста жительства различныхъ народовъ въ низовьяхъ Енисея я старался указать на II-ой картѣ атласа, приложеннаго къ нѣмецкому изданію моего Путешествія, и акад. Шмидтъ могъ только подтвердить мои показанія относительно посѣщенныхъ имъ стѣхъ поръ странъ въ низовьяхъ Енисея. Но, вслѣдствіе специальныхъ изслѣдованій Кастрена, распредѣленіе красокъ впредь должно подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя мы попытаемся тутъ выяснить.

Кастрень самъ, и притомъ къ концу своего путешествія, замѣтилъ¹⁾, что его труды «не могутъ быть напечатаны въ настоящемъ ихъ видѣ» и при жизни старался отыскать ученаго, который, по его стопамъ, долженъ былъ заняться обработкою его матеріаловъ. Такъ какъ ему не удалось сдѣлать это, то довольно трудно изъ объемистыхъ томовъ составить себѣ общій краткій выводъ. Постараемся свести результаты Кастреновыхъ отчетовъ, чтобы ясно увидѣть, на сколько совпадаютъ выводы соматическихъ и лингвистическо-историческихъ изслѣдованій.

По языкамъ Кастрень²⁾ дѣлитъ туземцевъ всей сѣверо-западной Сибири на

- 1) Угорскихъ, т. е. Вогуловъ и Остяковъ, и
- 2) Самоѣдскихъ.

¹⁾ Reiseberichte und Briefe, 1836, стр. 432

²⁾ Тамъ-же, стр. 166.

Первые живутъ въ рѣчной области низовьевъ Оби (вверхъ до Иртыша) и въ рѣчной долинѣ низовьевъ Иртыша, а послѣдніе — въ рѣчныхъ областяхъ Таймыра, Пясины, низовьевъ Енисея и вверхъ по лѣвому берегу его, на всемъ пространствѣ, которое заключается между среднимъ теченіемъ Оби и Енисея къ югу до лежащаго поперекъ передъ ними Чулыма.

Обитателей этого послѣдняго пространства ¹⁾ сибирскіе Русскіе большею частью принимали за Остяковъ, но уже Клапротъ и Шёгрень ²⁾ указывали на ихъ самоѣдскій языкъ. Кастрень придалъ этой догадкѣ величайшую достовѣрность ³⁾.

Далѣе къ западу Самоѣды простираются за Таъзъ и низовья Оби до восточнаго прибрежья Бѣлаго моря.

Самоѣдскій языкъ дѣлится на 3 главныхъ нарѣчій ⁴⁾: 1) сѣверо-западное, 2) сѣверо-восточное и 3) южное или остяцко-самоѣдское.

Каждое изъ этихъ нарѣчій дѣлится на поднарѣчія, ведущія самыми разнообразными сплетеніями отъ одного нарѣчія къ другому ⁵⁾.

На сѣверо-западномъ главномъ нарѣчій, кромѣ Самоѣдовъ Европейской Россіи, говорятъ Обдорскіе и Касымскіе Самоѣды, да Юраки ⁶⁾, простирающіеся отъ лѣваго берега нижняго Енисея до рѣчной области нижняго Таза.

Къ сѣверо-восточному или Тавгынскому (или Авамскому) главному нарѣчію Кастрень приурочиваетъ всѣхъ Самоѣдовъ, кочующихъ къ востоку отъ Пясины ⁷⁾ (Авамскихъ и Водеевскихъ Самоѣдовъ), и Енисейскихъ Самоѣдовъ, которые зиму проводятъ на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, а лѣтомъ отчасти (Карасинцы) на самомъ глубокомъ сѣверѣ уходятъ на правый берегъ его и добираются до рѣчной области Пыры. Подъ именемъ Енисейскихъ Самоѣдовъ разумѣются Хантайцы, Карасинцы и Бай ⁸⁾. Это сѣверо-восточное главное нарѣчіе распадается на четыре поднарѣчія ⁹⁾.

Южное, остяцко-самоѣдское нарѣчіе, самое чистое выраженіе котораго слѣдуетъ искать, примѣрно, около р. Кеты, дѣлится на два поднарѣчія, томское и туруханское.

¹⁾ Къ нему принадлежатъ рѣчныя области Ваха, Тыма, Васюгана, Кета и верховья Сыма и Елогуя. Такимъ образомъ Самоѣды простираются до сѣв.-восточной оконечности Барабы, а Остяки до сѣв.-западнаго конца ея. Самоѣды обхватываютъ Остяковъ съ сѣвера, востока и юга.

Встрѣчались мѣстами отдѣльныя самоѣдскія семейства (Евши) до устья Иртыша (стр. 66, 67; на Надымѣ, Лямичъ Сорѣ; производятъ ихъ слѣдуетъ отъ Касыма.

²⁾ Тамъ-же, стр. 509.

³⁾ Тамъ-же, стр. 119, 127, 134.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 462, 439, 450, 237, примѣч.

⁵⁾ Такъ юракское поднарѣчіе очень — даже почти совершенно — сходно съ обдорскимъ (стр. 262, 266), а тав-

гынское поднарѣчіе на столько-же, если не болѣе, близко къ царымскому, сколько послѣднее къ чулымскому (стр. 255, 261).

⁶⁾ Стр. 235, прим. 3; стр. 255, 259, 265, 461 У Таза, къ югу до Кудася (или Кудосья, какъ мнѣ называли эту рѣку).

⁷⁾ По словамъ Кастреня (стр. 266, 278), всѣ они говорятъ на одномъ поднарѣчій.

⁸⁾ Пыру называли Кастреню Турой (стр. 243); она впадаетъ съ запада въ нижнюю Пясину.

⁹⁾ Тавгынское, загѣмъ Хантайское и Карасинское съ одной и Байхинское поднарѣчіе съ другой стороны (стр. 279), и наконецъ Камасинское въ южной Сибири (стр. 381)

Изъ нихъ первое представляетъ три видоизмѣненія ¹⁾, а второе обнимаетъ Тазскихъ ²⁾ [или] (Тымско-Караконскихъ) Самоѣдовъ.

Это нарѣчіе простирается слѣдовательно къ сѣверу до средняго теченія Таза ³⁾, къ югу до Чулыма и средней Оби. У Курейки, Нижней Тунгуски и нѣкоторыхъ мелкихъ рѣчекъ на небольшомъ протяженіи переходитъ и за правый берегъ Енисея ⁴⁾.

Кромѣ этихъ различныхъ подраздѣленій самоѣдскаго языка, у средняго теченія Енисея появляется еще языкъ — енисейско-остяцкій — и притомъ въ двухъ поднарѣчіяхъ, изъ которыхъ одно на Имбакѣ, другое южнѣе, на Сымѣ. Языкъ этотъ, по словамъ Кастрена, очень разнится отъ финско-самоѣдскихъ языковъ и, по всей вѣроятности, обломокъ своеобразнаго семейства языковъ, находящагося лишь въ дальнемъ родствѣ съ финско-самоѣдскими языками ⁵⁾; родъ китайскаго безъ полной флексіи. По Кастрену Енисейскіе Остяки составляютъ, кажется, послѣдній остатокъ нѣкогда распространеннаго и могущественнаго племени, отъ котораго уцѣлѣло нѣсколько сотъ душъ.

На столько, слѣдовательно, все хорошо выяснилось; лишь на счетъ Юраковъ дѣло для меня не совсѣмъ ясно. Кастренъ, вездѣ приурочивающій ихъ къ сѣверо-западному главному нарѣчію, на стр. 277 говоритъ, что языкъ береговыхъ Юраковъ ⁶⁾ «до послѣдней мелочи сходенъ съ тазовскимъ нарѣчіемъ, но нѣсколько разнится отъ обдорскаго». Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 235) Кастренъ прямо говоритъ, что подъ Тазскими Самоѣдами онъ разумѣетъ только два рода или племени, причисленные къ Тымско-Караконской управѣ. Но они говорятъ, какъ мы знаемъ, на южномъ главномъ, т. е. на остяцко-самоѣдскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны (стр. 266) Кастренъ увѣряетъ, что юракское нарѣчіе почти совершенно (*fast auf ein Naar*) сходно съ обдорскимъ.

При всемъ томъ я предполагаю тутъ ошибку со стороны Кастрена и думаю, что береговыхъ Юраковъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ причислить къ сѣверо-западному главному нарѣчію. Собранные мною у нихъ образчики языка не возвращены мнѣ гг. лингвистами, такъ что я болѣе не въ состояніи разъяснить себѣ дѣло.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще о томъ, что Кастренъ ⁷⁾ по историческимъ причинамъ возстаетъ противъ предположенія о гиперборейской или полярной расѣ. Уже въ 1840 году, увидѣвъ у Бѣлаго моря съ одной стороны Самоѣдовъ, съ другой — Лапландцевъ, я также отвергъ это предположеніе съ соматической точки зрѣнія ⁸⁾.

¹⁾ Нижнее на Вахѣ и Тымѣ; среднее на Кетѣ; верхнее на Чулымѣ (стр. 167, 463).

²⁾ Стр. 235. прим. 3-е. Было бы, кажется, лучше оставить названіе Тазскихъ Самоѣдовъ, потому что въ административныхъ спискахъ это имя уже дано одному отдѣлу Юраковъ (см. ниже главу о Самоѣдахъ).

³⁾ Въ упомянутомъ соч. стр. 235.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 236. Сюда относятся Карасинскіе Самоѣды (обыкновенно Остяки) на Курейкѣ; ихъ не слѣ-

дуетъ смѣшивать съ тѣми, которые живутъ на противоположномъ лѣвомъ берегу Енисея и принадлежатъ къ сѣв.-восточному главному нарѣчію (стр. 235).

⁵⁾ Стр. 230, 280, 281, 291, 292.

⁶⁾ Они живутъ между устьями Енисея и Таза и зимуютъ преимущественно на Соленой и на Кетѣ, впадающихъ съ запада въ рукавъ нижняго Енисея.

⁷⁾ Стр. 394.

⁸⁾ Baer und Helmersen, Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches, XI, 1845, p. 172.

Хотя Кастренъ въ одномъ мѣстѣ по-видимому сильно колеблется на счетъ своихъ мнѣній о довольно близкомъ сродствѣ Самоѣдовъ и Финновъ¹⁾, но впослѣдствіи онъ опять подтверждаетъ все²⁾. Онъ приводитъ много словъ въ доказательство сродства³⁾ и выводитъ это сродство изъ общей исходной точки обоихъ народовъ, т. е. Алтая⁴⁾. Приискивая затѣмъ еще общія данныя, составляющія переходъ отъ финскаго и самоѣдскаго къ татарскому, манджурскому и тунгусскому⁵⁾, и открывая съ перваго же взгляда въ бурятскомъ языкѣ точки соприкосновенія съ самоѣдскимъ⁶⁾, Кастренъ даже начинаетъ сомнѣваться въ томъ, существуетъ-ли извѣстная разница между кавказскою и монгольскою расою людей. Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно⁷⁾, и не смущается тѣмъ, что естественныя испытатели ссылаются на различную форму череповъ. «Замѣчательнѣе фактъ, (продолжаетъ онъ), что у европейскаго Финна кавказскій, у азіятскаго монгольскій типъ, что Турокъ въ Европѣ похожъ на Европейца, въ Азій на Азіятца. Но если все-таки хотятъ отстаивать это различіе расъ физиологическимъ путемъ, то одну половину финскихъ и тюркскихъ племенъ нужно причислить къ кавказской, другую къ монгольской расѣ — а это было бы нелѣпо».

Почему же? Кастренъ упустилъ изъ виду, что онъ самъ больше всѣхъ привелъ свидѣтельствъ въ пользу сліянія и еще болѣе рѣзкой замѣны языковъ въ Сибири, а потому ему слѣдовало не отрицать вѣроятности тѣлеснаго смѣшенія различныхъ типовъ, а напротивъ того, подтвердить ее съ лингвистической точки зрѣнія⁸⁾. Различіе между разными поднарѣчьями и нарѣчьями одного и того-же языка самъ онъ, главнымъ образомъ, приписываетъ вліянію чужихъ языковъ⁹⁾. Въ остяцкомъ онъ находилъ примѣсь то русскаго, то татарскаго, то самоѣдскаго; въ нижнемъ остяцко-самоѣдскомъ поднарѣчьи замѣтилъ много словъ, взятыхъ съ остяцкаго, а въ верхнемъ — вліяніе татарскаго языка¹⁰⁾; хантайское и карасинское поднарѣчья примыкаютъ, по его мнѣнію, къ тавгыгнскому нарѣчью и напоминаютъ о сосѣдствѣ Юраковъ, между тѣмъ какъ байское поднарѣчіе по-видимому заимствовало кое-что изъ енисейско-остяцкаго¹¹⁾ и т. д.

Въ южной Сибири онъ встрѣчаетъ повсюду отатарившихся Самоѣдовъ, обрусѣвшихъ Коттовъ и т. д., т. е. полнѣйшія замѣны языковъ.

Какъ вышеприведенный сводъ результатовъ Кастреновыхъ тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій, и наше вышеизложенное рассмотрѣніе портретовъ, такъ и немногія историческія извѣстія, а еще гораздо убѣдительнѣе теперешняя географическая спутанность мѣстожительствъ всѣхъ упомянутыхъ народовъ, единогласно и несомнѣнно

¹⁾ Стр. 137. — ²⁾ Стр. 160.

³⁾ Стр. 69—74. Уже такого профаиа, какъ меня, который зналъ только эстскій языкъ, поразило множество сходныхъ словъ, какъ напр. и тутъ и тамъ *muina*; самоѣдское *s'ejmae* вмѣсто эстскаго *silma*; тунгусское *naðaldra* вмѣсто эстскаго *naðdal*.

⁴⁾ Стр. 91. — ⁵⁾ Стр. 76. — ⁶⁾ Стр. 394. — ⁷⁾ Стр. 161.

⁸⁾ Тогда только, когда мною это уже было написано, мнѣ стала извѣстна выходка Кастрена противъ антропологовъ (Castrén, *Ethnolog. Vorlesungen über die Altaischen Völker*, p. 11 и 12). Возраженіе издателя, акад. Шишнера (тамъ-же, стр. VII) освобождаетъ меня отъ особаго опроверженія, которое впрочемъ заключается въ приведенныхъ выше данныхъ.

⁹⁾ Стр. 121. — ¹⁰⁾ Стр. 167. — ¹¹⁾ Стр. 279.

свидѣтельству о чрезвычайно сильномъ смѣшеніи, которому въ теченіи времени подверглись туземные народы Сибири.

Изъ теперешнихъ сѣверныхъ Сибиряковъ я готовъ признать первоначальными обитателями Тунгусовъ, типичный, распространенный по всѣмъ возвышенностямъ сѣверной Сибири горный народъ, который постепенно, пожалуй, и могъ подвинуться болѣе къ сѣверу, но все-таки вездѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, удерживаетъ свои горныя мѣста пребыванія при такихъ условіяхъ, какимъ остальные кочевые народы не въ состояніи подчиниться.

Отрѣзанные, въ видѣ острова, остатки Самоѣдовъ на Алтаѣ, которые и Кастренъ призналъ таковыми, доказываютъ, что Самоѣды, будучи вѣроятно не столько вытѣснены съ Алтая, сколько обращены въ отчаянное бѣгство ¹⁾, не могли остановиться ни въ Барабинской степи, ни въ первобытныхъ лѣсахъ между Обью и Енисеемъ, но, оставивъ на мѣстѣ обезсиленныхъ бѣгствомъ, устроили себѣ новую родину только тогда, когда пробрались чрезъ широкій лѣсной поясъ и опять увидѣли передъ собою степь на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Тутъ-то, среди тундры, они и застѣли, сдавленные съ одной стороны обитавшими къ западу Финнами, именно Остяками, а съ другой — живущими въ лежащихъ къ юго-востоку горахъ Тунгусами.

Лишь къ сѣверу передъ ними широко открывалась совершенно необитаемая прибрежная европейско-азиатская полоса, по которой они и распространились. Вслѣдъ за Остяками, Самоѣдами и Тунгусами, внизъ по большимъ рѣкамъ, тронулись Русскіе завоеватели. Но на Ленѣ ихъ успѣли уже опередить Якуты, въ свою очередь очевидно вытѣсненные переселеніемъ средне-азиатскихъ народовъ, ринувшихся также на Европу. Впрочемъ Якуты, приведшіе съ собою въ сѣверную Сибирь татарскую лошадь, которая до тѣхъ поръ въ области лѣсной растительности вовсе не была извѣстна, явились въ Сибири болѣе въ качествѣ промышленныхъ торговцевъ, чѣмъ завоевателями. При своей изворотливости, гибкости, страсти барышничать и заниматься спекуляціями, они играли на дальнемъ востокѣ роль жидовъ, съ тою только разницею, что вездѣ выказывали готовность усваивать мѣстные, приспособленные къ природѣ края, нравы и обычаи болѣе простодушныхъ туземцевъ и сливаться съ ними, не утрачивая однакоже при этомъ своего превосходства надъ ними.

Будучи тѣсными Русскими, Якуты разсѣялись до Ледовитаго океана, къ востоку отъ Лены, а съ другой стороны были отброшены на западъ до Таймырскаго края и до окрестностей Туруханска, гдѣ они потомъ, опять скорѣе другихъ туземцевъ, слились съ русскими поселенцами. Слѣды постепеннаго передвиженія Якутовъ, подобно слѣдамъ проникающаго Русскихъ, можно изобразить на картѣ Сибири въ видѣ цвѣтныхъ червообразныхъ фигуръ, которыя вслѣдъ за теченіемъ большихъ рѣкъ тянутся до Ледовитаго океана.

Какъ на европейскомъ сѣверѣ Самоѣды эксплуатируются, развращаются, вытѣсня-

¹⁾ По словамъ Илано Карпини, Оготаемъ, сыномъ Чингисъ-Хана. СРАВ. Witsen, p. 13.

ются и поглощаются дѣтельными и смѣлыми Зырянми, принадлежащими къ финскому племени, какъ на Оби Русскіе такимъ-же образомъ поступаютъ съ Остяками, опять финскаго племени, и какъ въ томъ и другомъ случаѣ правительство, уже давно обративши на это вниманіе, не находитъ средства помочь горю, такъ и тунгусскіе да самоѣдскіе народы Сибири, мало по малу, Якутами обращаются въ Татарь.

Болѣе общему типичною чертою Сибирскихъ туземцевъ, нежели различная форма головъ, съ которою мы ознакомились, служитъ маленькая нога, особенно у Самоѣдовъ и Тунгусовъ. Помимо незначительнаго ихъ роста, нога ихъ, даже при исключительно бѣльшей длинѣ тѣла, поразительно мала и во всякомъ случаѣ короче 8 англ. дюймовъ. Ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, невозможно было надѣть даже самые просторные сапоги кочевниковъ, хотя форма Самоѣдскихъ сапоговъ, напоминающая слоновую ногу, устраняетъ всякое препятствіе, которое могъ бы представить высокій подъемъ ноги. Хотя неразвитость самоѣдскихъ ногъ сначала я и приписывалъ привычкѣ Самоѣдовъ сидѣть, поджавъ подъ себя ноги, и тому, что они на время, такъ сказать, почти разучиваются ходить, но все-таки болѣе положительныя данныя для разрѣшенія вопроса намъ могутъ представить лишь точныя сравнительныя измѣренія и сопоставленія съ ногами непрерывно странствующихъ Тунгусовъ. Не составляютъ-ли уже крошечныя ноги первобытную особенность монгольской расы, и не потому-ли у Китайцевъ вошла въ моду крайность, непомѣрное изувѣчиванье женскихъ ногъ?

Что касается цвѣта коренныхъ жителей сѣв. Сибири, то я не могу признать повсемѣстнымъ желтоватый тонъ, который нѣкоторые хотѣли приписать цѣлой расѣ, принявъ за основаніе монгольскіе народы, живущіе южнѣе. При чрезвычайно сильномъ отраженіи свѣта, о которомъ я уже говорилъ на стр. 313, нельзя удивляться весьма сильному загару лица, какъ онъ переданъ съ натуры на табл. VII и X нѣм. изд. Стужа, дымъ и изобиліе грязи не мало служатъ къ усилению смуглости кожи, и если Русскіе, да пожалуй и Якуты, казались, можетъ быть, нѣсколько менѣе смуглыми, то это должно было все-таки считать слѣдствіемъ меньшаго дѣйствія дыма и грязи.

Сапогъ Самоѣда Таймырскаго края.

Набедренныя штаны Тунгуса.

частей тѣла туземцевъ вообще былъ одинаковъ съ цвѣтомъ кожи русскихъ лицъ. Но я долженъ замѣтить, что между Монголами у нѣкоторыхъ личностей дѣйствительно былъ нѣсколько желтоватый цвѣтъ кожи, особенно тамъ, гдѣ мнѣ представлялся случай сопоставлять ихъ съ Остяками, которые болѣе казались блѣлаго цвѣта. Черезъ смуглую кожу Монгола, въ особенности же Монголки, довольно часто просвѣчиваетъ свѣжій румянецъ молодости.

Цвѣтъ неприкрытыхъ одеждою

Монголовъ составляли черныя жесткіе волосы на головѣ, равно какъ рѣденькіе усы и

борода, которые впрочемъ, страннымъ образомъ, и у финскихъ типовъ Сибири растутъ почти столь-же плохо¹⁾).

У сѣверныхъ кочевниковъ сплошь сухое, мускульное, жилистое тѣлосложеніе. Между всѣми Самоѣдами я видѣлъ только одного, нѣсколько толстоватаго человѣка. Онъ страдалъ ожирѣніемъ и былъ мнѣ предъявленъ своими соплеменниками какъ рѣдкость. Впрочемъ полярный Монголъ столько-же расположенъ къ дородности, сколько и южный Монголъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ мнѣ въ Хантайскомъ поселеніи толстобрюхій откормленный Самоѣдскій мальчишка, котораго усыновилъ богатый поселенецъ и который, благодаря безразсудной любви къ нему новыхъ родителей, отъ неумѣренной ѣды и бездѣлья обратился въ какой-то безобразный чурбанъ, едва переваливавшійся съ одной ноги на другую. У Якутовъ, равно какъ и у Киргизовъ, можно встрѣтить поразительные образчики такого-же рода. Среди населенія, укрѣпляющагося постоянною подвижностью, откормленные богатые старшины народа составляютъ какую-то отвратительную противоположность.

Въ началѣ моей встрѣчи съ туземцами меня поразило, какъ въ Остякахъ, такъ и особенно въ Тунгусахъ, какое-то совершенно особое дѣйствіе ихъ мускуловъ урывками. Преимущественно это проявлялось въ языкѣ ихъ. Слова произносились до такой степени толчками, что часто казалось, какъ будто человѣкъ старался преодолѣть расположеніе къ заиканію. Они вырывались съ особенною силою и прекращались внезапно оторваннымъ послѣднимъ слогомъ. Даже пятнадцатилѣтній тунгусскій юноша, съ пятого года жизни воспитывавшійся между Русскими въ Троицкомъ монастырѣ и совершенно свободно говорившій по-русски, отличался такою-же особенностью, разговаривая на томъ и на другомъ языкѣ.

Въ тѣлодвиженіяхъ также замѣтно было проявленіе такихъ толчковъ. Такъ какъ эта особенность была свойственна кочевникамъ и финскаго и монгольскаго племени, то мнѣ казалось, что тутъ повторялся какъ бы тотъ-же самый энергичекій способъ дѣйствій мускуловъ, который отличаетъ арабскаго коня отъ лошади низменныхъ странъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ дневникѣ нигдѣ больше ничего объ этомъ предметѣ не говорится. Успѣлъ-ли я привыкнуть къ этой особенности? Или это только мѣстное явленіе на среднемъ Енисеѣ?

Европеецъ, надѣющійся, что въ глуши самаго безпріютнаго сѣвера ему наконецъ удастся отдохнуть отъ повелительницы міра, моды, вскорѣ разочаровывается въ своей надеждѣ, видя, что мода властвуетъ вездѣ, куда только успѣлъ проникнуть человѣкъ на земномъ шарѣ. Само собою разумѣется, что я не говорю тутъ о разнообразіи нарядовъ и о томъ, на сколько построй ихъ приспособленъ къ различнымъ условіямъ жизни, при которыхъ каждый народъ ведетъ свое хозяйство. Въ этомъ отношеніи разсудительный

¹⁾ Таймырскихъ Самоѣдовъ такъ поражала моя густая борода, что по ней они вывели заключеніе о моей старости и называли меня Войкунанку, т. е. «старикомъ».

Славная европейская лысина съ парикомъ поддѣйствовала бы на нихъ конечно несравненно больше, но уничтожила бы выводъ о глубокой старости.

путешественникъ научается со дня на день правильнѣе судить о томъ, что сначала ему казалось страннымъ, или, пожалуй, смѣшнымъ. И даже чѣмъ онъ разсудительнѣе, тѣмъ чаще онъ ловитъ самого себя на усвоенныхъ привычкою, а потому одностороннихъ и предвзятыхъ сужденіяхъ, которыми запасся у себя дома. Очень трудно относиться къ дѣлу совершенно объективно. Тамъ только мы научаемся понимать, сколько рутиннаго въ нашихъ жизненныхъ привычкахъ, и какъ мало онѣ соответствуютъ полнѣйшей практичной сущности.

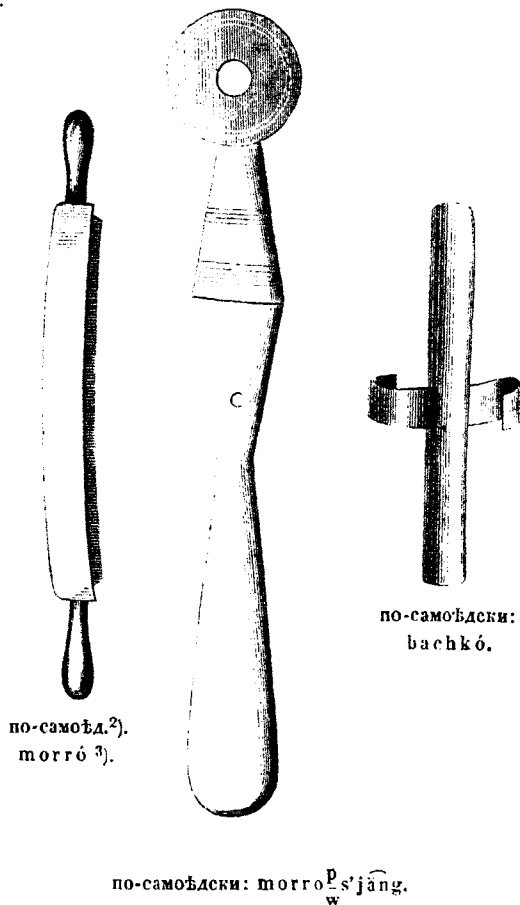
Существуютъ только два средства, чтобы выкинуть въ эти условія безъ всякаго предубѣжденія; или нужно всмотрѣться какъ можно ближе въ наши высшія европейскія положенія съ ихъ волшебною обстановкою всяческаго приличія и всяческой мнимой важности, или необходимо цѣликомъ влѣзть въ шкуру кочевника; одѣваться, укрываться, питаться и жить какъ кочевникъ, и стараться, такъ-ли или не такъ, дѣлать то, что онъ дѣлаетъ. Не успѣешь оглянуться, какъ чувствуешь себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ, какъ въ надменномъ Европеецѣ не останется слѣда спѣси, и ему станетъ ясно, какъ день, что въ первобытныхъ условіяхъ жизни заключаются своего рода совершенства, которыя развиваются посредствомъ тысячелѣтнихъ усовершенствованій до тѣхъ поръ, пока они въ данномъ направленіи становятся недоступными для дальнѣйшаго совершенствованія и вступаютъ въ періодъ оцѣпенѣнія. Спѣсивый Европеецъ, не упускающій случая сначала устраивать все по-своему, лучше глупыхъ туземцевъ сѣверной Азіи, вскорѣ, послѣ жестокихъ уроковъ (которыя своеобразность природы и жизненные условія неминуемо даютъ ему, изолированно стоящему культурному человѣку), отказывается отъ всякаго умничанья и, если не хочетъ погибнуть, можетъ сохранить себя только тѣмъ, что самъ превращается въ кочующаго Азіятца. Онъ ежечасно начинаетъ сознавать, что все его европейское житье-бытье кроется только въ обмѣнѣ промышленныхъ, торговыхъ и podobныхъ выгодъ соціального хозяйства. Но вѣдь какъ скоро истощается запасъ пороха, портится курокъ или дуло, изнашиваются привезенное бѣлье и верхнее платье и т. д.!

Да, переходы отъ лука и стрѣлы къ огнестрѣльному оружію, отъ мѣховой къ тканой одеждѣ, составляли скачки, повергавшіе человѣка въ новый міръ. Я живо припоминаю чувство сожалѣнія, которое я испыталъ, когда, вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, прочелъ въ Динглеровомъ Polytechnisches Journal подробное описаніе и громкое восхваленіе необыкновенныхъ преимуществъ новаго изобрѣтенія по части отдѣлки замши при помощи мозговъ и яичнаго желтка. Это было ничто иное, какъ способъ, искони мастерски употребляемый полярными народами Сибири, но болѣе усовершенствованный ими сначала посредствомъ разныхъ мелкихъ уловокъ, а въ заключеніе посредствомъ про-капчиванія, и позволяющій дѣйствительно превосходно выдѣланную замшевую шкуру подвергать сырости безъ малѣйшаго вреда. Дѣло въ томъ, что мягкость [вопреки сильнѣйшей стужѣ] и сухость мѣховой одежды составляютъ необходимыя условія для того, чтобы человѣкъ могъ переносить сильнѣйшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этихъ свойствъ, нужно только вдуматься въ противоположную

крайность. Охотникъ, который захотѣлъ бы лучше уберечь себя отъ мороза при помощи свѣжо-содранныхъ шкуръ сѣв. оленей, заснулъ бы, закутавшись, пожалуй прекрасно, но на слѣдующее утро увидѣлъ бы, что безъ чужой помощи безвыходно замерзъ бы въ самыхъ тѣсныхъ оковахъ.

Вотъ почему всѣ сѣверяне тщательно снимаютъ все съ себя на ночь, что тѣмъ необходимо мѣ, чѣмъ сильнѣе морозъ, которому они намѣрены противостать подъ открытымъ небомъ или въ шалангѣ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Такъ просто разбирается непонятное для непосвященнаго въ дѣло извѣстiе старика Витсена¹⁾, что Самоѣды «wegren hare kleederen des nachts buiten de tente».

Этимъ - то и

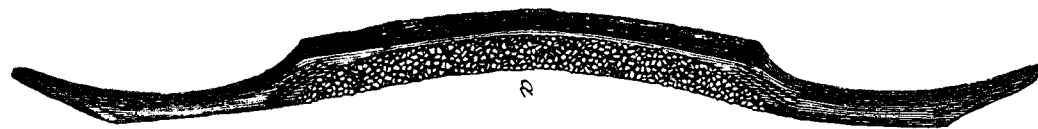

Дубильная скребница.

Примѣч. Палка слѣва длиною въ 15 дюймовъ, съ желѣзными концами; средняя палка длиною въ 2 фута, съ желѣзною круглою пластиною. У Тунгусовъ рукоятка ея была длиннѣе, такъ что она, когда одна нога положена на другую, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняла роль пивальнаго пресса, лежавшаго на одномъ колѣнѣ. Палка справа была длиною въ 10 дюймовъ, а изогнутое въ видѣ *s* желѣзо шириною въ 2 дюйма.

объясняется превосходная отдѣлка замши у полярныхъ народовъ.

Я нашелъ даже, что чѣмъ болѣе я удалялся отъ центровъ цивилизаціи въ Сибири, тѣмъ техника дубленія была болѣе развита. Ближе къ нимъ, у Остяковъ, Тунгусовъ и Самоѣдовъ, встрѣчались, правда, еще тѣ же самые болѣе усовершенствованные инструменты, которые употребляются и Русскими въ Сибири и изображены на прилагаемыхъ рисункахъ.

¹⁾ Witsen, II, p. 343.

²⁾ На асиновскомъ варъчин.

³⁾ Русскіе поселенцы называли этотъ инструментъ: кѣдеро.

У Авамской Самоѣдки я купилъ въ Таймырской тундрѣ изображенную внизу скребницу первобытнѣйшаго рода. При всемъ томъ дерево было симметрически обдѣлано съ большимъ искусствомъ, чѣмъ вышеозначенные приборы, гладко отполировано и украшено красивымъ узоромъ. Но желѣзо у этихъ людей составляло еще такую большую рѣдкость, что его нельзя было добыть. Въмѣсто него обращенная въ лезвіе сторона *a* была обмазана искусственно приготовленнымъ, чрезвычайно вязкимъ рыбьимъ клеемъ и плотно обставлена остроугольными осколками кремневаго кварца, столь-же острыми какъ обломки стекла.

Не смотря на несовершенство этого инструмента, замшевыя шкуры, выдѣланныя Авамскими Самоѣдами, принадлежали къ самымъ лучшимъ ¹⁾. Недостатокъ желѣза у этихъ Самоѣдовъ женщины ихъ замѣняли при дубленіи отчасти прилежаніемъ и терпѣніемъ въ механической обработкѣ, да неусыпнымъ скобленіемъ и треніемъ, отчасти знаніемъ и тщательностью въ дальнѣйшей химической обработкѣ. Европейскій техникъ, пожалуй, станетъ смѣяться надъ этимъ, но увидѣвъ, какъ печень сѣв. оленя, а затѣмъ и мозгъ его да желтокъ отъ яицъ морскихъ птицъ, сперва тщательно пережевываются мастерицами, при этомъ усердно смачиваются слюною, и уже потомъ употребляются при натираниіи и слѣдующемъ за нимъ распариваниіи шкуръ, не нужно обладать физиологическими познаніями, чтобы признать важное значеніе чрезвычайно разрѣшающаго дѣйствія слюны при этомъ производствѣ. Участіе, которое наслюниваніе принимаетъ въ перевариваніи пищи, въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ успѣху дубленія. Шкуры смазываются пережеванною кашицею, свертываются и въ такомъ положеніи, въ видѣ подушекъ — очевидно для нагрѣванія, необходимаго для броженія — остаются нѣсколько дней. Затѣмъ со шкуры все соскабливаютъ, въ случаѣ надобности снова смазываютъ ее, опять представляютъ броженію и т. д. У южныхъ Тунгусокъ я встрѣтилъ такое-же употребленіе жеванія. Отваренную сначала печень жуютъ, а потомъ про запасъ либо сгущаютъ, когда предстоитъ теплая погода, либо сохраняютъ замороженною.

Замшевую кожу дубятъ мозгомъ, а замшевую шкуру (покрытую волосами) печенью. Маленькія шкурки, напр. съ ногъ выхухоли, скоблятся, потомъ спиваются и затѣмъ уже дубятся.

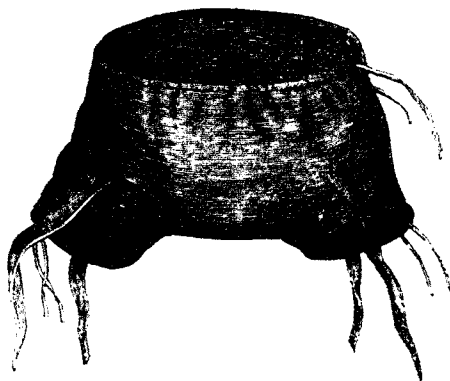
Но возвратимся къ рассмотрѣнію моды, о которой начали говорить, и прежде всего укажемъ на то, что нами утрачены многія принадлежности покроя и наряда, которыя были въ употребленіи у нашихъ предковъ и которыми мы научаемся дорожить у кочевниковъ, вслѣдствіе необыкновенной ихъ практичности. Для примѣра я напомнимъ объ употреблявшихся нѣкогда, особенно на корабляхъ, набитыхъ листьями кожаныхъ мѣшкахъ, въ которые залѣзали на ночь. Подобный мѣшокъ единственное средство, позволяющее безопасно лечь спать подъ открытымъ небомъ при стужѣ, доходящей до за-

¹⁾ Уже при первомъ знакомствѣ съ Европейцами, Самоѣды отличались именно этимъ. Müller, Samml. Russ. Gesch. III, p. 557.

мерзаяя ртуть. Гдѣ у насъ не было приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другого, вследствие чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ общій мѣшокъ. Это опять напоминаетъ обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ. Нашимъ Этамъ такіе мѣшки часто могли бы очень пригодиться.

Другой примѣръ представляетъ употреблявшееся также нашими предками дѣленіе геперешнихъ штановъ на двѣ части, которое и въ настоящее время положительно было бы полезно нашему сельскому работнику, нашимъ сельскимъ хозяевамъ, лѣсничимъ и любителямъ охоты. Въ центральныхъ горахъ Европы такое дробленіе штановъ [«Beinhös» и «Gasshose»], благодаря своей практичности, удержалось до сихъ поръ. Ту часть штановъ, которая служитъ набедреннымъ футляромъ¹⁾, мы уже изобразили на стр. 639; другую часть составляютъ туловищные штаны (см. прилагаемый рисунокъ), къ которымъ привязываются набедренные штаны.

Въ глубокомъ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ мы вскорѣ познакомились съ необыкновенною выгодною такого двоенія, потому что даже при 15—20 градусахъ холода, во время труднаго перехода, еще до вечера наши колѣна были промочены и намъ приходилось сушить прикрывавшую ихъ одежду, чтобы не лишиться способности продолжать странстваніе. Мягкіе смазные сапоги прибрежныхъ жителей сѣверныхъ мо-

Тулупищные штаны Тувугуса.

рей²⁾, долѣ служившіе намъ превосходно, оказались совершенно негодными для такихъ прогулокъ въ рыхломъ снѣгѣ нагорныхъ лѣсовъ.

Заговоривши о двойственномъ дѣленіи, считаю излишнимъ упомянуть еще объ одномъ такомъ двоеніи, также ока-

¹⁾ Мы встрѣчаемъ его и у Сѣвероамериканцевъ подъ мѣткимъ названіемъ «leggin». Тувугсы называли его кинпи.

²⁾ Сары Якутовъ, у которыхъ Верхоянскіе пользуются особенною извѣстностью. Большею частью они сдѣланы изъ лошадиной шкуры, только на половину дублены, очень сильно пропитаны ворванью и за тѣмъ прокопчены. Такъ какъ у нихъ, какъ и у всей остальной обуви кочевниковъ, мягкія подошвы, сдѣланныя изъ такой-же кожи, то ихъ рѣдко носятъ недѣлю; на прибрежныхъ утесахъ и скалистыхъ горахъ они часто держатся лишь

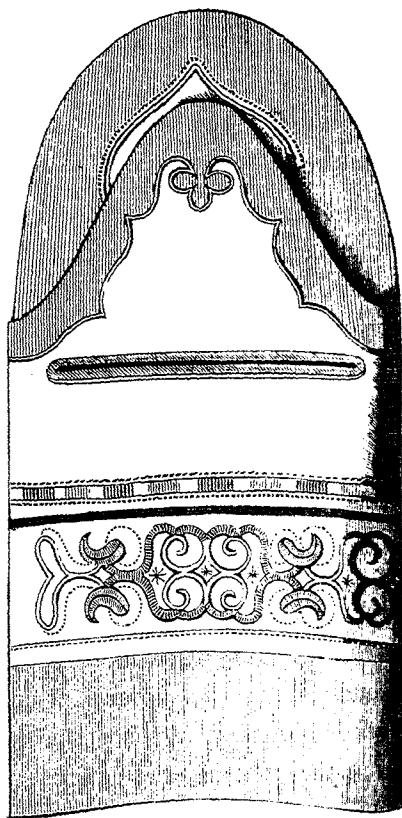
одинъ день. При отличной легкости и плотности, они гѣмъ не хороши, что пропитываются насквозь, промокши растягиваются въ половину, и слишкомъ скользятъ на мокрой травѣ или мхѣ. Лучшіе сары выходятъ, говорятъ, изъ шкуры двухгодовыхъ коровъ.

Впрочемъ легкую и при всемъ томъ тихую, крадущуюся походку кочевниковъ очевидно слѣдуетъ приписать ихъ обуви, которая позволяетъ подкрадываться къ дичи, нѣжностью своею вынуждаетъ носящаго эту обувь обращать вниманіе какъ и на что онъ наступаетъ и всегда быть готовымъ, въ случаѣ непригоднаго шага, немедленно переносить центръ тяжести тѣла на другую ногу.

зываются полезнымъ. Я разумью рукавицу у южныхъ Тунгусовъ, которая устроена такъ, что часть, прикрывающая большой палецъ, составляетъ положительную оппозицію второй части прикрытія пальцевъ. Указательный палецъ часто перебѣгаетъ на помощь большому. Схватываніе и удерживаніе предмета облегчается этою клещеобразною формою. Разрѣзъ въ основаніи части, прикрывающей большой палецъ, это такое придуманное полярными народами средство, которымъ ученый, обязанный дѣлать разнаго рода тонкія наблюденія, топографическія съемки и т. д., не можетъ нахвалиться. Къ счастью, кочевникъ, которому постоянно приходится возиться съ упряжью и сѣдельнымъ приборомъ, также вынужденъ, при сильнѣйшихъ морозахъ, выставлять на мгновеніе голые пальцы¹⁾. Можно тотчасъ-же опять сирятать ихъ, благодаря этому разрѣзу, который, будучи густо обшитъ мѣховою опушкой, тѣмъ лучше заграждаетъ путь морозу, чѣмъ больше сдвинуть египь руки. У Самоѣдовъ рукавицы составляютъ нераздѣльное продолженіе рукавовъ, къ которымъ онѣ пришиты, такъ что часто Самоѣды представляютъ забавную позу, когда вытаскиваютъ обѣ руки изъ рукавовъ, чтобы согрѣть ихъ въ пояскомъ мѣшкѣ тулупа, а рукава стоятъ оттопырившись отъ туловища.

Послѣ разныхъ замѣтокъ, вызванныхъ разсмотрѣніемъ практической стороны моды, я возвращаюсь къ модѣ, вызванной роскошью. Удивительно какъ глубоко засѣло эстетическое чувство уже въ первобытномъ человѣкѣ, хотя сначала оно и высказывается только въ раз-

Покрой рукавицы Нигидальскихъ Тунгусовъ.

украшиваніи одежды. Оно гѣмъ болѣе удивительно, что къ кочевнику вообще, а въ особенности полярному, никакъ нельзя приложить цивилизаціонный масштабъ употребленія мыла. Онъ еще живетъ въ Гомеровскомъ періодѣ, и незнакомъ съ мыломъ, а знаетъ развѣ только щелочное мытье, употребляемое Алеутами, Коряками, сѣверо-западными Американцами и Готтентоттами²⁾. Даже у Европейца, пріѣзжающаго въ его пустыни, очень скоро исчезаетъ охота мыться въ теченіи продолжительной зимней полю-

¹⁾ У Забайкальскихъ охотниковъ я нашелъ, что для облегченія такихъ манипуляцій, вмѣсто теплыхъ рукавицъ, употреблялся при длинныхъ рукавахъ родъ пульсопарѣвателей изъ пушистаго мѣха (затычка), какъ бы

мѣховое кольцо, прикрывавшее всю длину пальцевъ. Оно очень практично.

²⁾ Щелочные растворы, выделяемые ихъ собственными мочевыми органами.

вины года. При такой грязи, отъ которой немывтыя физиономіи часто, а мывтыя уже непременно, низачто не узнаешь, женщины каждую свободную минуту посвящаютъ не только убранству своего собственнаго и дѣтскаго наряда, но и наряжанію мужчинъ своего племени. Между тѣмъ всякому извѣстно, что тамъ на женщинахъ и такъ уже лежить рабское бремя безконечныхъ домашнихъ хлопотъ, между тѣмъ какъ мужчина считаетъ своею обязанностью только изготовлять деревянную посуду и приборы для ловли животныхъ, пасти стада, заниматься охотою и рыболовствомъ. Дѣло доходитъ до того, что пріятель мой Тойчумъ, князецъ Асинскихъ Самоѣдовъ, при всемъ уваженіи, которое онъ мнѣ оказывалъ, все-таки считалъ меня и моихъ спутниковъ весьма несчастными людьми, находившимися въ неслыханной бѣдѣ, потому что обязаны были заботиться о своемъ хозяйствѣ. Указавъ мѣсто привала и отпустивъ сѣв. оленей, везшихъ его, онъ не выходилъ изъ своихъ саней. Какъ онъ, такъ и остальные мужчины орды сидѣли совершенно равнодушно, преисполненные чувствомъ собственнаго достоинства, не шевеля ни однимъ пальцемъ, хотя женщины въ это время выбивались изъ всѣхъ силъ и иной разъ казалось сомнительнымъ, удастся ли имъ, при установкѣ шалашей, совладать съ свирѣпою борьбою мощныхъ стихій. Распределеніе труда въ тундрѣ разграничено, правда, до того, что женщина никогда не входила и не смѣетъ входить въ лодку.

Какъ бы свирѣпо погода ни бушевала, женщина, оставивъ сначала шалашъ, должна отправиться за льдомъ для котла, должна набрать охапку кроющихся подъ снѣгомъ малорослыхъ ивъ, самое жалкое изъ всѣхъ топливъ, или расколоть на дрова привезенные пни. Кончилась стряпня, начинаются безустальное нянчанье дѣтей, выколачиванье, сушка и починка сильно поврежденныхъ стѣнокъ чума, одежды, а въ особенности обуви, заготовленіе впрокъ рыбы и мяса на безконечно долгую зиму и т. д. Каждая свободная минута употребляется на дубленіе неотдѣланныхъ шкуръ, и хотя вездѣ проглядываетъ Эвва, но все-таки я скорѣе готовъ сообщаемый Гофманомъ фактъ¹⁾ истолковать въ пользу чрезвычайнаго прилежанія жены кочевника, чѣмъ выставить на видъ искусство этихъ женщинъ притворяться.

Едва горитъ огонекъ среди зимней полярной ночи; чадъ и дымъ вылетаютъ изъ полусухаго, гнилаго топлива и затемняютъ свѣтъ въ чумѣ. Слезы безостановочно струятся изъ воспаленныхъ глазъ, а женщина сидитъ лицомъ къ огню, выкраиваетъ лоскутокъ за лоскуткомъ по красивому узору, сортируетъ волосы по цвѣтамъ, прищипываетъ разные мелкія привѣсочки и кисточки, красить и шьетъ, сшиваетъ и вышиваетъ, нанизываетъ

¹⁾ Rae-Choi und das Uralgebirge, p. 105. Гофманъ говоритъ, что Самоѣдскія женщины считаютъ стыдомъ, если ихъ застанутъ безъ дѣла, хотя у нихъ въ сущности страсть къ бездѣльничанью также велика, какъ у мужчинъ. Когда вы, продолжаетъ Гофманъ, неожиданно войдете въ чумъ или юртъ, то женщины немедленно принимаются за первую попавшуюся подъ руки ра-

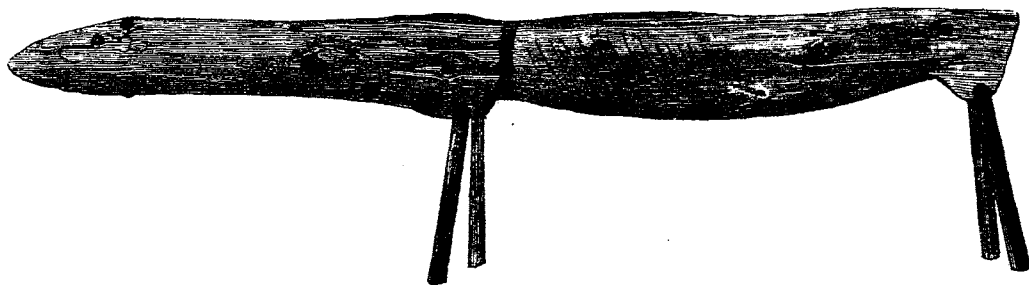
боту и такъ усердно перебираютъ руками, какъ будто онѣ все время были заняты и работаютъ отъ всей души. Обыкновенно онѣ принимаются за дубленіе, растирая руками кусокъ шкуры. Случалось намъ иногда прѣзжать въ юртъ поздно, когда обитатели его уже спали. Еще въ темнотѣ женщины схватывали кусокъ шкуры и т. д.

бисеринку за бисеринкой на самоѣльные шитки, которыя она съумѣла расщепить и спрясть изъ сухихъ жилокъ сѣв. оленя.

Не туфли, не подушечку для дивана вышиваетъ она въ досужій часокъ, при яркомъ освѣщеніи, портя глаза, и не по купленному, на половину уже готовому образцу. Нѣтъ, не довольствуется Тунгуска однимъ кисегомъ, а рядить съ головы до ногъ всѣхъ дорогихъ ея сердцу, да и самое себя, въ великолѣпнѣйшее, блистательнѣйшее шитье. Что значатъ въ сравненіи съ ними произведенія нашихъ наемныхъ изготовителей нарядовъ? самые блестящіе костюмы или парадные мундиры нашихъ самыхъ щегольскихъ гвардейцевъ? Развѣ еще камергеръ можетъ сравниться съ наряднымъ Тунгусомъ, потому что и у него шитье тянется по запретной части тѣла¹⁾.

Теперь взглянемъ еще разъ на дѣло и посмотримъ на жертвующую собою мистку, которая сама никогда не моется и одежда которой, когда чумъ долго запертъ, до такой степени наполняетъ его рѣзкимъ кислымъ запахомъ, что даже вонючіе Китайцы прозвали эти народы «вонючими Татарами»²⁾. Въ какомъ видѣ она представляетъ себѣ божество, управляющее ея судьбою? въ какія формы и краски облакаетъ она это высшее проявленіе человѣческой силы воображенія?

Два ниже изображенныхъ идола Асинскихъ Самоѣдовъ сами пусть отвѣтятъ на эти вопросы.

Божество Асинскихъ Самоѣдовъ въ видѣ сѣв. оленя.

Грубая фигура этого божественнаго сѣв. оленя³⁾, взятая съ жертвеннаго мѣста на р. Таймырѣ, была сдѣлана изъ дерева лиственницы. Передняя темная точка, отверстіе отъ выпавшаго сука, изображала глаза. Нѣсколько выше и позади ея была просверлена дыра, въ которую очевидно продѣто было подражаніе рогамъ. Лопатки, ребра и тазъ принадлежатъ къ наиболѣе удачнымъ частямъ этого художественнаго произведенія.

Другой идолъ, домашній божокъ, котораго я привезъ отъ Таймырскихъ Самоѣдовъ, изображенъ на слѣдующей страницѣ съ двухъ сторонъ.

¹⁾ Срав. политипажни въ главѣ о Тунгусахъ.

²⁾ Тмо-та-Дзе, по Гюку. Voyage I, стр. 63.

³⁾ Срав. Castrén, Reiseberichte und Briefe, стр. 179

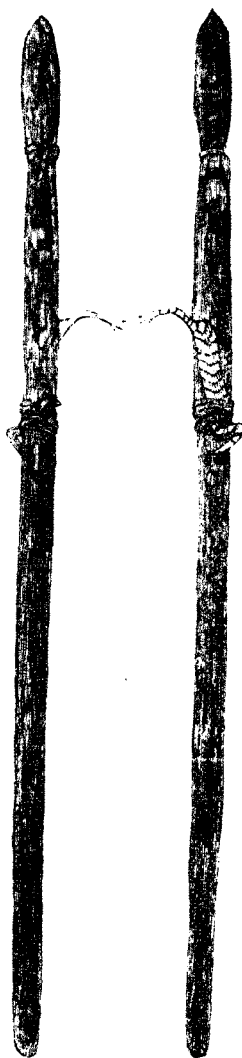
Миддедорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

и 168. Сѣверные Самоѣды даютъ божеству эпитетъ «стража сѣв. оленя», опасаясь употреблять во зло настоящее его имя Num.

Это кусок лиственничного дерева, воплощенный шаманомъ Loñ или духъ¹⁾, который опирающемуся на него старику, страдавшему каменною болѣзнию, долженъ былъ служить талисманомъ противъ другихъ злѣйшихъ страданій. Верхній конецъ составляетъ голову, чрезвычайно грубо вырѣзанную, съ обычнымъ заостреніемъ темени. Двѣ голубыя стекляныя бусы, играющія роль глазъ, придаютъ ему видъ какого-то привидѣнія. Нѣсколько ниже помѣщена жестяная фигура, которая должна изображать сѣв. оленя; съ противоположной стороны палки ему соотвѣтствуютъ какія-то очертанія лица. Старикъ крѣпко держался своего домашнего божка. Только мои увѣренія, что нужно сжечь этотъ шаманскій талисманъ, прежде чѣмъ можетъ подѣйствовать мое средство — лѣкарство высшаго шамана, за котораго меня принимали, передали это сокровище въ мои руки.

Какую непростительную свободу позволила себѣ фантазія благочестивыхъ художниковъ при изображеніи этихъ божествъ; какъ мучительно-аккуратно, напротивъ того, тутъ-же дѣйствовала мода; какъ образовательно она вынудила неотесаннаго дикаря выдти изъ грубаго, первобытнаго состоянія.

Ни выборъ покроя, ни выборъ матеріала и цвѣта она не предоставила свободной фантазіи дикого баснословнаго въ глазахъ полярнаго Самоѣда, никогда не виданнаго имъ живот-

Самоѣдскій домашній божокъ.

каря. Съ всеподавляющимъ деспотизмомъ мода даже въ первобытной глуши все предусмотрѣла, все въ точности установила. Горе тому, кто бы рѣшился пренебречь ея требованіями; горе ему въ Европѣ, горе и въ Азій!

Уже издали узнаешь длиноволосяго, растрепаннаго Самоѣда по его кокардѣ. Надо лбомъ, на мѣховой его шапкѣ, торчитъ хвостикъ сѣв. оленя, несомнѣнно отличающій его отъ сосѣда Юрака. Жена его спереди, сверху до низу, покрыта, какъ броней, болтающимися, бряцающими щитками изъ мѣдныхъ пластинокъ. Совершенно иначе одѣвается Тунгусъ съ своей косичкой; на другой ладъ наряжаются также Якутъ и жена его.

Тутъ кормятся черныя и бѣлыя собаченки особаго рода, единственно съ тою цѣлью, чтобы украсить шанку Самоѣдки длинными, жесткими волосами, дико развѣвающимися вокругъ косматой, черноволосяй головы; тамъ для украшенія нѣкоторыхъ частей наряда выше всего цѣнится шкура какого-ни-

¹⁾ Срав. Castrén, Reiseberichte und Briefe, 1856, p. 169.

наго ¹⁾, напр. козы, лошади или жеребенка: въ другомъ мѣстѣ шерсть росомахи или лоскутокъ рысейей шкуры составляетъ такую необходимую принадлежность извѣстной части одежды, что мѣха ихъ продаются по непомѣрно-высокимъ цѣнамъ.

При вышиваніи не только узоры, но и цвѣтъ бусъ подчинены совершенно опредѣленнымъ правиламъ. Какъ въ торговлѣ съ сѣверо-американскими туземцами вскорѣ оказалось, что для кушаковъ-вампувъ требуются черныя и бѣлыя бусы, такъ мы читаемъ уже въ прошломъ столѣтіи ²⁾, что Якутамъ нужны были бѣлыя, синія и черныя, Бурятамъ красныя, Тунгусамъ зеленыя стекляныя бусы. Это тѣмъ болѣе странно, что къ моему удивленію я убѣдился въ почти невѣроятной неспособности Самоѣдовъ и Тунгусовъ отличать извѣстные цвѣта. Объ этомъ уже говорено акад. Шифнеромъ, на основаніи собранныхъ мною перечней словъ ³⁾. Не только у Самоѣдовъ желтый, зеленый и синій цвѣта нерѣдко обозначаются однимъ названіемъ, но и у южныхъ Тунгусовъ я встрѣтилъ неумѣнье отличать близко сходные между собою цвѣта. Я не могу согласиться съ акад. Шифнеромъ въ томъ, что такое отсутствіе способности различать цвѣта происходитъ отъ недостатка упражненія въ распознаваніи цвѣтовъ. Тунгусъ обсыпанъ стеклярусомъ разныхъ цвѣтовъ, со вкусомъ нанизаннымъ его женою. Вопросъ, почему эта неспособность различать цвѣта, довольно часто встрѣчающаяся въ Европѣ у отдѣльныхъ личностей, составляетъ почти всеобщую принадлежность первобытныхъ народовъ; вопросъ этотъ требуетъ ближайшаго изслѣдованія; можетъ быть причина явленія, при необыкновенной дальнорзости этихъ людей, заключается въ несовершенствѣ ахроматіи глаза. Они въ состояніи отличать, послѣ долгаго раздумыванія, только самые яркіе тоны упомянутыхъ цвѣтовъ. Всѣ темноватыя цвѣта они называютъ просто «чернымъ». Сначала я потѣшался надъ ними, когда они, рассматривая мою таблицу цвѣтовъ, не умѣли отличать положительно желтый цвѣтъ ни отъ синяго, ни отъ зеленого, не говорю уже о неумѣннн отличать другъ отъ друга оба послѣднихъ цвѣта; но впослѣдствіи я пересталъ осмѣивать такія явленія, потому что даже мои добродушные и веселые Самоѣды не на шутку обижались этимъ.

И такъ, всѣ требованія моды искони установились на неумолимо твердыхъ основахъ. Богоподобная, бессмертная мода, прости, что я такъ часто хулилъ тебя! Ты неоспоримо древнѣйшаго, самоѣдско-тунгусскаго происхожденія, песомнѣнно созданіе небесной милости. Кто рѣшался сомнѣваться въ этомъ, тотъ пусть взглянетъ на помѣщенные ниже политипажи, на которыхъ изображены нѣкоторыя одежды Самоѣдовъ, Тунгусовъ и Якутовъ, да сравнить ихъ съ идолами на предыдущей страницѣ. Табл. XV-ая нѣм. изд.,

¹⁾ Мой бараній тулупъ я выдавалъ за медвѣжью шкуру. Друзья мои на глубокомъ сѣверѣ съ ужасомъ рассматривали его. — Во времена Витсена (II, стр. 432, 433) Остяки цѣнили собачій мѣхъ выше соболя и украшали соболью шубу собачьимъ мѣхомъ.

²⁾ Müller, Sammlung Russisch. Geschichte, III, стр. 491, 489.

³⁾ Castrén's Wörterverzeichnis aus den Samojedischen Sprachen, 1855, p. XIX.

рис. 2-ой, также показывает намъ, какъ красиво Самоѣдка убираетъ сайдакъ своего мужа, какъ Долганка, посредствомъ чрезвычайно красиво составленной привѣски, старается удержать свою плотно-обмотанную косу въ надлежащемъ положеніи. Но рис. 1-ый, на той-же таблицѣ, можетъ служить намъ доказательствомъ (въ сравненіи съ чисто-самоѣдскимъ кафтаномъ, изображеннымъ въ главѣ о Самоѣдахъ), до чего можетъ довести вкусъ, если первобытная мода столкнется съ цивилизаціей. Впрочемъ легко можетъ случиться, что этотъ тулупъ самоѣдскаго старшины не гермафродитъ, а только подражаніе европейскому образцу. Можетъ быть, такой видъ имѣли въ прошломъ столѣтіи почетные кафтаны, которые раздавались Москвою знатнѣйшимъ вождямъ туземцевъ и опоясывались коротенькою саблею, какъ мнѣ самому привелось видѣть это на Становомъ водораздѣльномъ хребтѣ. Въ нашъ вѣкъ Петербургъ высылалъ туда красные кафтаны, обшитые золотыми галунами. На темномъ грязномъ фонѣ туземцевъ, при вспыхивающихъ огонькахъ въ шамашѣ, такой парадный нарядъ напоминалъ появленіе Саміеля на нашихъ сценахъ ¹⁾.

Отъ бубенчиковъ, которыми Самоѣдки убираютъ свои косы, да отъ параднаго украшенія, которымъ служитъ Тунгускамъ изображенная на табл. XV-ой привѣска къ косѣ, наши дамы, правда, изволили отказаться; но цвѣтъ человѣческаго чувства изящнаго, наши образованныя дамы все еще уродуютъ свое тѣло привѣпиваніемъ серегъ. Непонятно, почему имъ угодно такъ упорно отстаивать отъ нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ въ томъ отношеніи, что онѣ не просверливаютъ для подобныхъ привѣсокъ, если не губу, то по крайней мѣрѣ стѣнку между ноздрями, какъ это дѣлаютъ Гольдскія Тунгуски на Амурѣ. Въ виду этого, право, удивительно, что и сибирскіе туземцы татуируютъ себя.

У чванныхъ, любящихъ наряжаться, Тунгусовъ я неоднократно встрѣчалъ татуированныя лица. Фигуры вытравляются тоже по однажды установленному образцу, какъ это видно на табл. IV-ой. Уже со временъ первыхъ этнографическихъ изслѣдованій Сибири имѣются извѣстія о татуированіи Тунгусовъ и о томъ, что оно производится посредствомъ шитья ²⁾. Очевидно, оно проникло изъ южной Азіи и съ береговъ Тихаго Океана въ самыя сѣверныя страны. Уже Марко Поло ³⁾, говоря о татуированіи, называлъ его индѣйскимъ искусствомъ. Странно только то, что, не смотря на плотное укутываніе тѣла въ полярныхъ странахъ, фигуры, непосредственно и неизгладимо вытрав-

¹⁾ Такіе парадные наряды неоднократно испрашивались для тѣхъ туземцевъ, которыхъ, въ угоду ихъ тщеславію, удавалось убѣдить сначала подарить на государственныя надобности нѣсколько сотъ сѣв. оленей. Считаю великимъ замѣтить, что одинъ изъ такихъ щедрыхъ жертвователей успѣлъ совершенно обдѣлать, прежде чѣмъ ему могъ быть присланъ парадный кафтанъ. Ничѣмъ нельзя было убѣдить честнаго кочевника принять этотъ кафтанъ. Такой важный нарядъ, говорилъ

онъ, назначенъ великимъ государемъ богачу. Я (бѣднякъ) въ теперешнемъ своемъ положеніи не вправе осквернить эту державную волю.

²⁾ Gmelin, Reise I, p. 358. Das veränderte Russland, 1774, I, p. 164. Кастрень (Reiseber., p. 221) встрѣтилъ татуированныхъ Тунгусовъ на Сымѣ.

³⁾ Bürck, Die Reisen des Venezianers Marco Polo, 1845, p. 498.

ленные на кожѣ, все-таки проложили себѣ путь ко всеѣмъ народамъ глубокаго сѣвера. Татуируются не только сѣверо-американскіе Индѣйцы, жители Кадьяка ¹⁾, Алеуты и Чукчи ²⁾, но даже Эскимосы въ Committee-Bay, и притомъ послѣдніе до единого ³⁾.

Тѣмъ болѣе татуированіе въ Сибири нельзя считать особенностью однихъ Тунгусовъ. На р. Новой я видѣлъ татуированную Самоѣдку ⁴⁾; у Остяковъ ⁵⁾ и Якутовъ ⁶⁾ также встрѣчали татуированныхъ. Но у упомянутой Самоѣдки татуировано было не лицо, а рука. Вдоль поверхностной кровопускательной вены, паискошь снаружи и сверху, во внутрь и книзу, слѣдовали три кругловатыхъ пятна, сопровождавшіяся двумя другими, неправильно размѣщенными пятнами. Операція произведена была въ ранней молодости, посредствомъ вшиванія скрученной изъ жилы нитки, намазанной углемъ. Вшиваніе это, какъ незначительно оно ни было, сопровождалось сильною краснотою и опухолью.

Татуированіе мало по малу, кажется, начинаетъ все болѣе выходить изъ употребленія, прежде же производилось чаще и во всякомъ случаѣ распространено было между всеѣми народами. Съ завоеваніемъ Сибири должна была также наступить новая эра и въ отношеніи одежды. Туземцамъ, рядившимся прежде въ мѣха соболей и выдръ, пришлось совершенно отказаться отъ такихъ дорогихъ мѣховъ ⁷⁾. Уже во времена Стеллера ⁸⁾, Камчадалы все носили рубашки. Въ мое время додумались до нихъ, или даже до зипуновъ, только самые богатые Якуты и Тунгусы. Теперь, вѣроятно, все это уже опять совершенно измѣнилось, потому что сбытъ товаровъ въ безпредѣльные азійскія страны чрезвычайно усиливается.

Доселѣ мы рассматривали вліяніе моды и видѣли, что корень ея пускаетъ живѣйшіе побѣги въ продолженіи грубѣйшаго, первобытнаго состоянія человѣка. Цивилизація успѣла чрезвычайно разнообразно видоизмѣнить и художественно развить первобытныя моды, но не преминула вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усилить дурачества первобытной моды.

Взглянемъ еще на нѣкоторыя первобытныя явленія, заслуживающія, кажется, вниманія.

Въ тѣсномъ помѣщеніи Тойчумоваго чума сѣмъли размѣститься 18 человѣкъ. старыхъ и молодыхъ. Между ними было восемь женщинъ, и при всемъ томъ тутъ, гдѣ нельзя было шевельнуть локтемъ, не затронувъ сосѣда, царило величайшее согласіе. Даже въ высшей степени рѣзвымъ дѣтямъ, которыхъ чрезвычайно рѣдко наказывали, нельзя было возбудить ссоры между матерями, къ большому стыду культурнаго человѣка. Но

1) Впрочемъ уже Лисянскій, Путеш. II, стр. 74, говорилъ, что тамъ начало выводиться татуированіе.

2) Сарычевъ, Путеш. II, стр. 110, 126.

3) Rae, p. 39, 58.

4) У европейскихъ Самоѣдовъ Ал. Шренкъ (I. p. 486) не нашелъ никакихъ слѣдовъ татуированія.

5) Сибир. Вѣстн. IV, стр. 43. — Pallas, Reise III. p. 41. — Egm ann, I, 638; II. 36.

6) Gmelin. Reise I, p. 70, съ рисункомъ.

7) Въ сѣв.-западной Америкѣ Загоскинъ (Пѣшеходная опись, I, стр. 172) еще полстолѣтія тому назадъ, засталъ у туземцевъ одежды изъ собольихъ и выдровыхъ шкуръ.

8) Kamtschatka, p. 308.

уже и тутъ это счастливое состояніе общественнаго строя одержимо порожденіями коммунизма, мечты котораго Асиныцы осуществили посредствомъ несчастной долевои системы ¹⁾, равно какъ и тѣмъ, что у нихъ самый жалкій бѣднякъ и самый великій богачъ вели совершенно одинаковій образъ жизни. Голышъ живетъ на счетъ богача, а богачъ, у котораго нѣсколько тысячъ сѣв. оленей и который, по нашимъ понятіямъ, капиталистъ, живетъ ничѣмъ недлучше любаго нищаго земляка своего. А все-таки богачъ имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что въ плохія времена онъ не умретъ съ голоду, потому что при всемъ коммунизмѣ и при всемъ первобытномъ гостепрѣимствѣ являются и для нихъ нѣкоторыя, и притомъ весьма тѣсныя ограниченія, какъ скоро распространится паника всеобщаго бѣдствія и голодная смерть грозитъ прикрыть своимъ саваномъ не только того или другаго, а цѣлыя племена. Стада самаго богатаго хозяина быстро уменьшаются, какъ только началось бѣдствіе и кто въ нынѣшнемъ году насчитываетъ нѣсколько тысячъ головъ, у того на слѣдующій годъ, можетъ быть, не будетъ ни одной, если наступитъ безпощадный падежъ. Не смотря на такія превратности судьбы, Самоѣды и Якуты обозначаютъ качества «бѣдный» и «дурной» однимъ и тѣмъ-же словомъ. Какъ это знаменательно! ²⁾.

До какой степени въ нашемъ общественномъ строѣ многое обусловливается только условнымъ приличіемъ, это вскорѣ можно подмѣтить въ самоѣдскомъ чумѣ: гдѣ 18 человѣкамъ обоего пола, да еще нѣсколькимъ гостямъ, собакамъ, разнымъ приборамъ, очагу и т. д. приходится умѣститься въ чумѣ, имѣющемъ 3 саж. въ поперечникѣ, и непогода часто нѣсколько дней сряду не позволяетъ выходить изъ чума, гдѣ, кромѣ необходимости самымъ тщательнымъ образомъ осушать нижнее платье, насѣкомыя заставляютъ при каждомъ случаѣ снимать тулупъ, какъ только огонь въ чумѣ разгорится сильнѣе, тамъ не можетъ быть рѣчи о стыдливости въ европейскомъ смыслѣ. Что въ этомъ отношеніи дѣти кочевниковъ нѣсколько опередили деревенскую молодежь Европы, это само собою разумѣется. Но меня удивилъ оригинальный способъ выговора, сдѣланнаго мнѣ Тунгусомъ. Нашъ чумъ былъ наполненъ гостями, которыхъ я угощалъ чаемъ. При коверканіи языка я, говоря о дочери главнаго гостя, стоявшей возлѣ него, сдѣлалъ промахъ и произнесъ слово сынъ. Не долго думая, отецъ отдернулъ занавѣсъ, чтобы зоологически наглядно доказать мнѣ передъ всей почтенной компаніей, на сколько жестоко я ошибаюсь

Въ другой разъ мнѣ привелось видѣть нѣчто несравненно худшее, а именно какъ Тунгусскій ма-ычикъ, передъ цѣлымъ обществомъ, успокаивалъ плакавшаго въ люлькѣ брата своего на манеръ иныхъ негодныхъ кормилицъ и нянекъ, — обстоятельство, заставившее физиолога сильно призадуматься, такъ какъ при всемъ томъ мнѣ нерѣдко встречались между Тунгусами престарѣлые отцы грудныхъ дѣтей (срав. главу о Тунгусахъ)

¹⁾ См. ниже въ главѣ объ Асиныцахъ.

²⁾ Нѣчто подобное встрѣчается также въ эстскомъ, и даже въ шведскомъ языкѣ («дурной народъ»).

Между тѣмъ Тунгуски часто долго чванились, прежде нежели мнѣ удавалось упробовать ихъ, чтобы они мнѣ сѣли пѣсню. *Tout comme chez vous*. Но, рѣшившись наконецъ пѣть послѣ долгаго хихиканія, онѣ совершенно простодушно высказывали слова и мысли, которыя перо мое отказывается переводить. А при всемъ томъ сколько смысла въ тунгускомъ преданіи, по которому названіе крутой скалистой стѣны Сырраджокъ, въ основаніи Тугурскаго залива, производится отъ имени чрезвычайно искусной въ вышиваніи Тунгуски. Она и сестра ея (говорить это преданіе), подобно другимъ дѣвушкамъ того-же племени, обыкновенно занимались шитьемъ на упомянутой скалѣ, представляющей такую веселую, дальнюю перспективу. Однажды, расположившись на скалѣ, старшая сестра шила какъ-то лѣнливо, пѣла пѣсни и поглядывала на море. Будучи спрошена младшею сестрою, что съ нею, она поцѣловала ее вмѣсто всякаго отвѣта, поручила ей много поклоновъ и бросилась въ море.

Это единственный проблескъ мысли о самоубійствѣ, который мнѣ удалось открыть у сибирскихъ туземцевъ.

На переборъ-же сказанному отсутствію стыдливости, горе той самоѣдской дѣвужкѣ, которая, перемѣняя обувь, выкажетъ свою босую ногу¹⁾. Самоѣдка и красѣтъ до такой степени, что волненіе ея просвѣчиваетъ даже сквозь слой грязи въ палецъ толщины. Это проявленіе краски и чувство, служащее ему основою, весьма естественно и неразрывно связано съ неугомнымъ біеніемъ сердца. Эта стыдливость относительно ногъ совершенно условна, и ничуть не менѣе условна, чѣмъ наше отвращеніе отъ лошадиного мяса или нисколько не предосудительное въ чумовомъ быту проявленіе чистоплотности Самоѣдки, которая кончикъ своего языка, необыкновенно искусно, пропускаетъ не только по верхней губѣ, но и глубоко въ ноздри своего сопливаго любимца, чтобы очистить ихъ; ничуть не менѣе условна, чѣмъ усиленіе того «пожиранія» и шелканія, о которомъ говорится въ главѣ о Самоѣдахъ по случаю изображенной тамъ спинной скребницы, до степени внимательнаго поднесенія отъ жены мужу²⁾, или чѣмъ наше упорное сопротивленіе ѣсть мясо сѣв. оленей, задушенныхъ на самоѣдскій ладъ, при чемъ Окó мнѣ замѣтилъ совершенно справедливо: «вѣдь вы же ѣдите птицъ и рыбъ, пойманныхъ въ сѣтяхъ и силкахъ»; не менѣе условна, чѣмъ старинная сыновняя обязанность у Чукчей, отправлять роднаго отца, по его желанію, на тотъ свѣтъ, когда онъ состарится и соскучится жизнью; наконецъ не менѣе условна, чѣмъ свѣтскость Долгана, который уже слышалъ, что Европейцы считаютъ мокроты нечистою, и, разговаривая со мною, высокопочтеннымъ, непосредственнымъ посланцемъ изъ столицы солнцеподобно возсѣдающаго на престолѣ самодержца, изо всей силы харкаетъ въ руку и держитъ въ ней нечистоту, чтобы укрыть ее отъ моихъ глазъ.

Потому именно, что онъ слышалъ, что прилично и что неприлично, тотъ-же Долганъ уже умѣлъ принимать со скромною благодарностью то, что я ему давалъ въ изоби-

¹⁾ Почему именно ногу? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ, можетъ быть, стр. 639.

²⁾ Prinz Max, Reise II, p. 138. — Вѣдь вѣскольکو столѣтій тому назадъ *Phitgorphagi* жили въ нашей те-перешей Европейской Россіи.

лин, и не быть изгойнымъ, между тѣмъ какъ Самоѣды — эта нищенствующая братья вѣчно сытыхъ и ненасытныхъ — подобно избалованнымъ дѣтямъ, становились все требовательнѣе, все безстыднѣе, чѣмъ больше я имъ давалъ.

Но эти-же ненасытные, которые, въ моемъ присутствіи, передъ боченкомъ съ водкой предавались звѣрской необузданности ¹⁾, съ непоколебимою твердостью не поддавались искушенію, когда я, отправившись на нѣсколько мѣсяцевъ къ полюсу, оставилъ тотъ-же боченокъ, и бутылки, открыто и безъ присмотра на тундрѣ. Той-же былъ правъ, увѣряя меня, что мнѣ нечего опасаться какого бы то ни было похищенія и совѣтуя вспомнить, что съ той лодки, которую я осматривалъ и которая, какъ я ему говорилъ, выброшена на тундру уже сто лѣтъ тому назадъ, не взять ни одинъ гвоздь, потому что это собственность солнцезарнаго царя. Между тѣмъ, еще въ мое время, для самыхъ сѣверныхъ Самоѣдовъ гвозди, и вообще желѣзо, были дороже лучшаго золота.

Откуда же у этихъ бѣдняковъ, необузданно предающихся своимъ страстямъ и алчности, является такая образцовая честность? Откуда берется эта сила самообладанія рядомъ съ такими дѣтскими выходками? Откуда столько правдивости, столько вѣры и довѣрія, такое точное выполненіе даннаго обѣщанія?

Какъ часто мнѣ приходилось убѣждаться въ послѣднемъ, хотя стихіи напускали на слабого человѣка цѣлый рой своихъ фурій: въ такихъ случаяхъ, казалось, сверхъестественныя силы непогодъ такъ и напрашивались служить отговоркою.

Означенные вопросы, кажется мнѣ, чрезвычайно важны какъ для государственныхъ людей, такъ и для друзей человѣчества. Безъ сомнѣнія, недостаточно предположить, что перечисленные выше добродѣтели основаны единственно на прирожденномъ нравственномъ чувствѣ, т. е. такъ сказать на инстинктѣ, и на вытекающемъ изъ ежедневной общественной жизни ученіи, что безъ честности и довѣрія, безъ неприкосновенности собственности, не возможно существовать при всѣхъ коммунистически-гостепримныхъ обычаяхъ. Это заставляло бы предполагать необыкновенную твердость характера, который у Самоѣда, дѣтски-предающагося минутному влеченію, не достаетъ.

Скорѣе можно, да и необходимо предположить, что въ еще болѣе грубыя времена самой первобытной жизни, когда не только старшина, но и каждая глава семейства по своему усмотрѣнію располагалъ жизнью и смертью своихъ приближенныхъ, установлены были такія тяжкія и немедленные наказанія за проступки противъ истины и честности, за ложь и воровство, что боязнь совершить такіе проступки не только путемъ преданія искоренила ихъ, но и мало по малу перешла въ плоть и кровь людей. Съ этимъ выраженіемъ мнѣ иной скептикъ все-таки, можетъ быть, согласится, если я для примѣра укажу на первостепенно-породистую лягавую собаку, которая по наследственно перешедшей на нее, второй, т. е. привитой, природѣ, не шевелясь, стоитъ передъ дичью и къ досадѣ охотника, при сильнѣйшемъ истощеніи, ни за что не станетъ ѣсть костей дичи, если бы даже онѣ были поджарены на маслѣ. Оба эти качества никакъ не могли быть прирожденными

¹⁾ Срав. главу о Самоѣдахъ.

свойствами ея со времени первобытныхъ порядковъ, иначе она бы сохла съ голоду и вымерла окончательно.

Я могу привести еще другое убѣдительное доказательство изъ настоящаго быта нашего края. Еще недавно въ нашихъ губерніяхъ полевое и луговое воровство было, можно сказать, совершенно неслыханное явленіе, даже тамъ, гдѣ лѣсъ, желѣзо, веревки и т. п. крестьяне считали общимъ достояніемъ. Донскиваясь причины, мы найдемъ ее во времена зачатковъ распространенія хлѣбопашества въ Европѣ тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ уже успѣла подрасти народная масса. При невозможности охранять разбросанные поля и луга, тогдашняя варварская эпоха установила ужасное наказаніе: пойманнаго на мѣстѣ вора на томъ-же полѣ, которое имъ было обкрадено, по горло зарывали въ землю, и за тѣмъ сохою отрывали у него голову. Гнусная жестокость эта, которую можно простить только тогдашней эпохѣ едва возникавшихъ культурныхъ зачатковъ, принесла однакоже благодѣтельные плоды прогрессивному устройству человѣческаго общества.

Мы дожили до того, что ложно-понятая гуманность уничтожила благодѣтельное вліяніе тѣхъ варварскихъ временъ, т. е. вторую природу, что она даже баранту Киргизской степи, наглое конокрадство, распространило до нашихъ самыхъ западныхъ границъ. Она подготовила неизбѣжныя послѣдствія неурядицы, которая лишь путемъ беззаконной самозащиты, линча и «краснаго пѣтуха» совершенно постепенно можетъ довести опять до исчезнувшей прежней безопасности.

Интересно, хотя и прискорбно, было видѣть у Самоѣдовъ первые зачатки подобной-же деморализаціи. При всей удивительной правдивости и честности, у нихъ уже оказывались двѣ слабыя стороны, которыя мнѣ удалось отыскать лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ ними, потому что во всемъ остальномъ правдивость ихъ была безупречна. Тамъ, гдѣ начинало появляться больше чиновнаго движенія, показанія ихъ о количествѣ добытыхъ мѣховъ, равно какъ о числѣ сѣв. оленей, постоянно были умышленно невѣрны. Грабежи и требованія о дальнѣйшей перевозкѣ, которымъ эти добродушныя и слабыя дѣти природы подвергались со стороны чиновниковъ, казаковъ, священниковъ и торговцевъ, успѣли уже освятить ложь въ этомъ отношеніи.

Тутъ, какъ и вездѣ, святая невинность первобытныхъ людей разрушалась соприкосновеніемъ съ культурой, которая подкрадывалась къ нимъ въ образѣ неодолимой водки въ рукахъ самыхъ алчныхъ и часто самыхъ отвратительныхъ элементовъ. Да и можно ли было ожидать другаго исхода, когда даже священники, которыхъ имъ посылали, назначались въ эти глухія мѣста возвѣстителями слова Божія въ наказаніе за проступки всякаго рода и за дурное поведеніе. Путешественники всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что съ этой стороны къ кочевникамъ рѣдко являлось доброе, а главнымъ образомъ приходило только дурное¹⁾. Сама государственная система обращенія въ христіанство,

¹⁾ На память могу призвать въ свидѣтели Кастрена, Кривошапкина, Пршевальскаго, которые не боялись откровенно высказать объ этомъ всю правду. Въ святой невинности, въ началѣ моего путешествія, я спросилъ сосланнаго въ Дудино священника: окликаются ли Самоѣды доступными христіанскому уче-

награждение одного парюю сапоговъ и красною рубахою, другаго освобожденіемъ на три года отъ податей, да поощреніе священника-миссіонера за обращеніе столькихъ - то тысячъ душъ, система эта въ самомъ основаніи своемъ была безнравственна. Такъ дѣла шли нѣкогда и еще тридцать лѣтъ тому назадъ. Весьма понятно, что путешественники почти всегда лучше всего отзывались о некрещенныхъ кочевникахъ.

Вернемся къ высказанному мною выше предположенію о томъ, что цѣлымъ народамъ можно привить вторую натуру. Не могу не признаться откровенно моимъ либеральничалющимъ противникамъ, что у туземцевъ дѣти растутъ почти безъ всякой выправки. Но за то и пужно принять въ соображеніе, что при этомъ нѣтъ никакой сентиментальности европейской дѣтской любви. Не смотря на то, путешественника вскорѣ поражаетъ безусловное повиновеніе младшихъ сородичей старшимъ. Гдѣ бы ни появлялся младшій, его тотчасъ-же заставляютъ или рубить дрова, или сгонять сѣв. оленей и т. п. Онъ и исполняетъ все это не переча, безъ малѣйшаго промедленія и всегда охотно, какъ будто это ему доставляетъ удовольствіе. Такимъ-же образомъ всякій туземецъ относится къ стоящему выше его чиновнику. Дѣлаются возраженія, вызываемыя мѣстностью и природными условіями вообще, но коль скоро вы по чему-либо считаете пужнымъ не принимать ихъ въ соображеніе, вы можете быть увѣрены въ безпрекословномъ повиновеніи.

Можно-ли объяснить это иначе, чѣмъ предложеннымъ мною способомъ? Не обязаны-ли мы, именно на основаніи этого, возлагать тѣмъ большую отвѣтственность на начальствующихъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находится возможность цѣлыя племена человеческого рода или предавать вѣрной гибели, или выводить, по возможности непосредственно, изъ завиднаго дѣтскаго состоянія на степенъ культурнаго быта.

При сообщеніи свѣдѣній о Тунгусахъ и Якутахъ намъ представится случай ясно увидѣть разницу въ прирожденныхъ способностяхъ разныхъ народовъ. Въ сравненіи съ корыстолюбивымъ, предприимчивымъ Якутомъ, или быстрымъ, отважнымъ, готовымъ на убійство Тунгусомъ, Самоѣдъ остался добродушнымъ и мирнымъ существомъ, не смотря на свое кровавое, безжалостное охотничье ремесло, не смотря на частыя возстанія, нападенія и рѣзни въ первое время покоренія Самоѣдовъ. Якуты и Тунгусы губители медвѣдей, Самоѣды ловцы сѣв. оленей. Народъ, который разставляетъ ловушки не въ состояніи произвести героевъ. Это очевидно основано на прирожденномъ внутреннемъ свойствѣ Самоѣдовъ ягнять глубокаго сѣвера, и очевидно побудило ихъ искать убѣжища отъ притѣсненія въ области крайней безпріютности почвы.

Единственный случай уголовного преступленія, совершеннаго между Самоѣдами,

и набожны ли они. «Ну, (отвѣтилъ онъ мнѣ), какъ бы ни былъ благочестивъ такой Самоѣдъ, больше пещовой запы онъ не дастъ».

Другой священникъ, объѣзжавшій Тунгусовъ въ Алдаскихъ горахъ, неподалеку отъ Якутска, посвятилъ меня въ дѣло еще ближе. Вотъ его слова: «Получивъ то, что слѣдуетъ священнику, приимашь угощеніе. За

тѣмъ слѣдовало твое угощеніе, и за него онъ долженъ дать что нибудь. Потомъ за совершеніе обряда. Потомъ начинается торгъ. Наконецъ прощальный подарокъ, а если онъ тебѣ не явится, то самъ пошаришь и помотришь, не спряталъ ли онъ чего. Да наконецъ попросишь себѣ еще чего-нибудь у жены». Всякій объѣздъ доставлялъ этому священнику до 200 соболей.

лѣтъ за двадцать до моего прїѣзда къ нимъ, тотъ-же самый, о которомъ Третьяковъ говоритъ тридцать лѣтъ спустя. Но и этотъ случай былъ слѣдствіемъ суевѣрнаго страха, въ видѣ появляющагося повсюду одинаковымъ образомъ страшнаго преданія о ликантрофїи.

Сильнѣйшею изъ всѣхъ прирожденныхъ кочевнику, упорно дѣйствующихъ страстей оказывается охота свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто. Сотни питомцевъ и усыновленныхъ дѣтей, смолоду воспитанныхъ русскими поселенцами, вскорѣ представили примѣры удивительнѣйшихъ побѣговъ дѣтей въ степь, замѣчательнѣйшихъ возвращеній взрослыхъ къ кочевой жизни.

Енисейскіе Остяки.

Мнѣ привелось столкнуться съ ними лишь совершенно мимоходомъ, при проѣздѣ изъ Енисейска въ Туруханскъ. Они простирались далеко на правый берегъ Енисея, такъ какъ въ мое время Каменная Тунгуска была занята одними только этими Остяками, которые въ Сумароковѣ вели дѣла съ торговымъ міромъ. На Нижней Тунгускѣ они также жили до пороговъ. Я не сталъ бы печатать свои короткія замѣтки, которыя я помѣстилъ о нихъ въ своемъ дневникѣ, если бы Кастренъ не призналъ этихъ Остяковъ за особенно замѣчательный народецъ, который иѣкогда былъ великъ, а теперь вымираетъ и представляетъ лишь отдаленное сходство съ Финнами, Угрскими Остяками и Самоѣдами. При склонности Кастрена къ выискиванію сродства, это много значить.

Такъ какъ мнѣ, вслѣдствіе задержки при проѣздѣ, удалось распорядиться изображеніемъ какъ разъ Енисейскихъ Остяковъ (табл. I), то я очень радъ, что у изображенныхъ личностей были очевидно типичныя фізіономїи, потому что съ вышесообщеннымъ мнѣніемъ моимъ объ этихъ портретахъ, набросаннымъ мною уже въ Сибири, вполне согласуется, какъ я теперь вижу, и отзывъ Кастрена, который высказалъ другими словами тоже самое, говоря¹⁾: «Въ наружности ихъ монгольскій элементъ не такъ бросается въ глаза, какъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ... По характеру они очень похожи на насъ, Финновъ. Это добрый, тихій, мирный, бѣдный и неприхотливый народъ. Они живутъ охотою и рыболовствомъ и ведутъ кочевой образъ жизни. По вѣроповѣданію они принадлежатъ къ православной церкви, но преданы шаманству и поклоняются тремъ мощнымъ божествамъ: 1) богу неба, котораго называютъ Эсъ, 2) богу преисподней, котораго зовутъ Имля, и 3) богу земли, которымъ оказывается медвѣдь».

Что мои портреты изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ, въ томъ служатъ порукою не только мѣста пребыванія послѣднихъ, рѣки Сымъ и Пмбáкъ, но случайно и иѣ-

¹⁾ Reiseberichte und Briefe p. 251. Въ своихъ Ethnologische Vorlesungen über die Altäischen Völker (стр. 87) Кастренъ повторилъ о Енисейскихъ Остякахъ почти то же самое. Онъ выводитъ ихъ изъ Саянскихъ горъ и опредѣляетъ число ихъ едва въ тысячу ползательныхъ душъ.

которые собранные у нихъ образчики языка, оставшіеся у меня отъ матеріала, переданнаго мною гг. лингвистамъ. Безъ сомнѣнія, они послужатъ неопровержимымъ доказательствомъ ¹⁾.

Сымцы называли своихъ Имбацкихъ родичей: *Tygybändjäng*; Тунгусы назывались у нихъ: *Fúmb^ä_an*.

Составленное мною въ Назимовѣ описаніе этихъ людей гласитъ слѣдующее: «Изображенный человекъ (табл. I) смотритъ Финномъ; у его товарища нѣсколько болѣе монгольская физіономія, съ кругловатымъ очертаніемъ лица, съ довольно широкой *glabella*, и едва-едва нѣсколько прорѣзаннымъ глазомъ. У обоихъ, особенно на головѣ, черные, какъ смола, волосы, но безъ всякаго блеска (чѣмъ и отличаются отъ одинаково-черныхъ европейскихъ волосъ) и жесткостью похожіе на тонкіе лошадиные волосы. Борода и усы очень рѣдкіе. Въ послѣднихъ къ угламъ рта нѣсколько волосковъ подлиннѣе. Маленькіе живые глаза, съ темно-кофейнымъ зрачкомъ, который рѣзко отдѣляется отъ бѣлка глаза. Цвѣтъ лица у перваго грязный, желтовато-чалый, у втораго — цыганско-бурый.

У женщины самая несомнѣнная финская физіономія, которая выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе я ее сравниваю съ моимъ типичнымъ эстскимъ слугою; при всемъ томъ скуловыя кости сильно развиты. Волосы не такъ черны, какъ у мужчины. Зрачекъ голубовато-сѣраго цвѣта ²⁾. Продолговатый овалъ лица отличается отъ тупаго верху кругловатаго овоида мужчинъ, у которыхъ лицо, въ сравненіи съ женскимъ, особенно по тому, какъ оно обросло волосами, и по подвижности маленькихъ глазъ, носить на себѣ монгольскіе слѣды».

¹⁾ При отдачѣ главнаго матеріала я, къ сожалѣнію, забылъ оставить себѣ копию съ ключа, т. е. съ вѣщныхъ фразъ, которымъ соответствуютъ остьяціи. По всей вѣроятности это тѣже самые вопросы, которые приведены въ Кастреновыхъ *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre*, 1836, p. 137. Образчики эти были мои первыя замѣтки; притомъ мы очень спѣшили.

№ 1 *üge kajbos* (бу *kajbos*, ты имѣешь) *chä' sär funnjä-sär* (сѣв. олень). *bisär* (братъ) *dagär kajbos*.

№ 2. *ab-chöm chä isdyb is, san amboksym* (завтра, а *en-pög* значитъ сегодня) *funnjä is isdyb*.

№ 3. *kisölchom* (вчера; буква *l* произносится твердо, какъ русское твердое *л*) *siir döge* (три, произносится почти какъ французское *dogue*).

№ 4. *ab-bisör chäm ädjade* (пѣное с).

№ 5. *bispuöm önam*.

№ 6. *ab öp ädjad*.

№ 7. *op-bisör noontschisbo*.

№ 8. *önda sär bögas eng* (произносится въ носъ) *bisör säg*. олень — *chögda*; два — *ynä*; три — *döge*; четыре — *ziä*; пять — *chäjä*; шесть — *aas* (мягкое *s*); семь — *öns* (мягкое *s*); восемь — *bösem*; девять — *débet*; десять — *désjat*;

двадцать — *ääks*; тридцать — *düngas*; большой — *chäjä*; малый — *funnjäs* (мягкое *s*); наибольший — *s'amuy chäjä*; палець — *tok*.

Вышеприведенное продиктовалъ мнѣ Сымскій Остякъ, Федоръ Алексѣевъ, въ Назимовѣ. Другой же Остякъ Сымской волости, Король Улиновъ Спиридонъ, при Васькѣ Василии *K^ä_yndjä* (что означало львиную голову??) привелъ мнѣ слѣдующія слова, отличающіяся отъ предъидущихъ: одинъ — *kógdo*; два — *ynp^ä_ang*; три — *döng^ä_ang*; четыре — *zi^ä_ang*; пять — *chä^ä_ang*; шесть — *aa's* (твердое *s*); семь — *öns*; восемь, девять, десять — по русски, какъ выше; одиннадцать — *chus^ä_ammagé*; двѣнадцать — *ynp^ä_ammagé*; тринадцать — *d^ö_yng^ä_ammagé*; шестнадцать — *äas'-ögge*; семнадцать — *öns'-ögge* (твердое *s*); восемнадцать — *wós'em-äge*; десять рублей — *chö gubljä*.

²⁾ Онъ очевидно указывалъ на переходъ къ бѣлокурымъ Остякамъ, какъ ихъ описываетъ Палласъ (*Reise III*, p. 39).

Этой подвижности глазъ соответствовала огмѣченная мною въ Осиновскомъ манера этихъ людей говорить урывками, и такая-же особенность во всѣхъ движеніяхъ, напр. въ поклонахъ. Восьми- или девятилѣтній остяцкій мальчикъ, изображенный въ профиль (на табл. I-ой нѣм. изд.), по смерти обоихъ родителей, умершихъ отъ нервической горячки (голоднаго тифа?), былъ усыновленъ русскими поселенцами. Если бы жители деревни пришли въ чумъ только днемъ позже, то всѣ три оставшіяся сироты умерли бы съ голоду.

У означеннаго мальчика была типичная финская фізіономія, съ финскими глазами, по монгольскимъ, почти кругообразнымъ очертаніемъ лица, совершенно черными волосами и темно-коричневымъ зрачкомъ, желтобуримъ цвѣтомъ лица, румяными щеками (потому что онѣ были вымыты). Превосходные зубы. Очень жирное лицо и толстое тѣло. Отсюда, можетъ быть, отчасти происходитъ особая, перекачивающаяся походка: очень маленькіе, быстрые шаги при незначительномъ подниманіи ногъ, какъ походка человѣка, который торопится перебраться чрезъ опасныя мѣста трясины и нигдѣ не рѣшается плотно наступить, чтобы не провалиться въ болото.

При этой походкѣ подошва ноги ложилась почти вдругъ, не начиная съ пятки.

Два другихъ Остяка, которыхъ я видѣлъ на Енисеѣ, также поражали своими неуклюжими головами и животами на тонкихъ ногахъ. Вслѣдствіе этого я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что не берусь отличить любой остяцкій черепъ отъ киргизскаго, по готовъ распознать ихъ скелеты.

На Курейкѣ, въ чертѣ полярнаго круга, я видѣлъ на Енисеѣ самыхъ сѣверныхъ Остяковъ, съ такимъ явно финскимъ лицомъ, что они чрезвычайно напомнили мнѣ Лапландцевъ. Я очень доволенъ тѣмъ, что нахожу въ своемъ дневникѣ слѣдующую замѣтку объ осѣдломъ Остякѣ въ Игарскомъ поселеніи (подъ 67^{2/3} с. ш.: изъ Байскаго рода): «вѣроятно это Самоѣлъ, потому что у него совершенно другая наружность, чѣмъ у Остяка, котораго я третьяго дня видѣлъ на Курейкѣ».

Одежда Сымскихъ Остяковъ была русская, также какъ и названія чиселъ 8, 9 и 10; только обувь свидѣтельствовала о быстроногомъ охотникѣ первобытнаго лѣса.

Въ то время, около половины Февраля, люди плохо питались зайцами, которыхъ ловили въ ловушкахъ. Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ, какъ Остяковъ у Бахтинскаго поселенія. Въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отпускаютъ слишкомъ мало зерноваго хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ и тѣмъ лишаютъ ихъ возможности отправляться въ болѣе лѣсистыя мѣстности, для добыванія мѣховъ и пищи. Одинъ изъ нихъ съ большимъ трудомъ, и только благодаря поддержкѣ со стороны поселенцевъ, перенесъ голодный тифъ, и страдалъ еще болѣе въ икрахъ. Мнѣ разсказывали, что умирали не только отдѣльныя лица, но даже цѣлыя чумы. Одинъ Остякъ, обратившійся ко мнѣ за милостынею, оставилъ въ чумѣ семь душъ, получивъ, правда, въ Январѣ 10 пудовъ муки, но въ Февралѣ только 70 фун-

товъ, потому что задолжалъ казнѣ болѣе 300 руб. асс., и убитъ въ теченіи зимы всего 20 бѣлокъ.

Повторялась старинная исторія о постепенной гибели этихъ народовъ. Они погибли при соприкосновеніи съ развитіемъ культуры, въ особенности съ наплывомъ золотыхъ приисковъ и неизбежнаго съ ними разгула. Казна, въ теченіи многихъ лѣтъ слишкомъ великодушно поддерживавшая ихъ изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, этимъ деморализовала ихъ. О возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. За тѣмъ насталъ періодъ, обнаружившій, что большая часть завасовъ все-таки растрочена въ видахъ обогащенія чиновниковъ. Когда наконецъ бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ все болѣе должавшимъ (у нѣкоторыхъ долгъ простирался до 1000 руб.), прекратили выдачу продовольствія, то они стали умирать съ голоду.

Я отмѣтилъ у себя въ дневникѣ, что при такихъ данныхъ, по моему мнѣнію, нельзя требовать отъ государства иной помощи, какъ распредѣленія дѣтей между русскими поселенцами. Заправляющую всѣмъ водку вѣдь все-таки нельзя запретить.

Во время печатанія вышеназложеннаго, я успѣлъ ознакомиться съ изслѣдованіемъ Кастрена о языкѣ Енисейскихъ Остяковъ, просмотрѣннымъ и изданнымъ г. акад. Шифнеромъ ¹⁾. Въ немъ указывается близкое сродство Енисейскихъ Остяковъ съ Ариннами и Коттами, изъ которыхъ Кастрену удалось еще отыскать всего пять человѣкъ, жившихъ на притокѣ Кана.

Кастренъ различаетъ (стр. VIII) два главныхъ нарѣчія Енисейскихъ Остяковъ: 1) Сымское (на р. Сымѣ и между деревнею Анциферово и Каменной Тунгуской); 2) Имбацкое (отъ Бахты до Курейки). Затѣмъ (стр. 157) Кастренъ говоритъ еще о Бахтинскомъ поднарѣчьи Имбацкаго діалекта и о Назимовскомъ поднарѣчьи Сымскаго діалекта.

Во всякомъ случаѣ образчики языка, помѣщенные мною на предыдущихъ страницахъ, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что сообщенные мною портреты безспорно изображаютъ Енисейскихъ Остяковъ.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ.

Имя Самоѣдовъ впервые по-видимому является въ печати въ 1246 году у Платона Карпини, хотя этотъ народъ сталъ извѣстенъ уже 50 лѣтъ до того. Ремезову [см. Приложение къ его первой картѣ Сибири] въ то время были извѣстны только три самоѣдскихъ племени, тогда какъ у Якутовъ онъ приводитъ семь племени.

¹⁾ Castrén, Versuch einer Jenisej-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre, 1838.

Въ мое время, согласно отчетамъ управленія Туруханскаго округа, по переписи, произведенной въ 1838 году, считалось Самоѣдовъ и Юраковъ:

	муж. пола.	женск. пола.
1) Тымско-Караконскихъ Остяцкихъ Самоѣдовъ.....	325	300
2) Байскихъ ¹⁾)	109	30
3) Карасинскихъ)		
4) Хаптайскихъ)		
5) Береговыхъ Юраковъ.....	75	69
6) Тазскихъ или Березовскихъ Юраковъ.....	166	163
7) Авамскихъ Самоѣдовъ.....	202	214
8) Водеевскихъ Самоѣдовъ.....	44	44
	1151	1034
Далѣ Енисейскихъ Остяковъ:		
9) Верхне-Имбацкихъ.....	151	108
10) Нижне-Имбацкихъ.....	162	129
11) Карасинскихъ.....	52	49
	365	286

Въ чрезвычайной ненадежности этой переписи я убѣдился при сравненіи ея съ прежнею переписью 1834 года. Даже крещенные Остяки сами жаловались мнѣ, что главный священникъ ихъ внесъ указанныхъ ими покойниковъ только въ видѣ исключенія. При всемъ томъ эта перепись сходна съ Кривошапкинскимъ ²⁾ исчисленіемъ народа за 1860 годъ, нѣсколько увеличившимся. Не сходны показанія о Береговыхъ Юракахъ ³⁾.

Значащіяся въ табл. II (см. атласъ картъ нѣм. изд. предлежащаго Путешествія) мѣста пребыванія ихъ показаны правильно; но очертанія красками требуютъ исправленія согласно лингвистическому распредѣленію, значащемуся на стр. 635 и слѣд.

Тѣ, которые полагаютъ, что «къ сѣверу Самоѣды простираются до Ледовитаго океана» явно ошибаются (ошибка эта неоднократно повторяется и у Кастрена), потому что въ области р. Енисея, а въ особенности въ Таймырскомъ краѣ, Самоѣды нигдѣ не простираются до Ледовитаго океана. Въ глѣдствіе этого, глѣтомъ 1843 года, мнѣ удалось только слегка ознакомиться съ этимъ народомъ, такъ какъ въ срединѣ глѣта я подвигался въ безлюдную пустыню. До сѣвернаго берега Таймырскаго озера, равно какъ до Нижняго Таймыра, Самоѣды уже не простирались.

24-го Юля, согласно уговору, нагналъ меня въ послѣдній разъ мой пріятель Тойчумъ, старшина Асинскихъ Самоѣдовъ, съ расторопнымъ парнемъ Авамской орды. Оба они, какъ предприимчивые люди, заглянули дальше всѣхъ къ полюсу, и на

¹⁾ 1 и 2 приводились подъ именемъ Остяковъ. Самъ Кастренъ называетъ ихъ Остяцкими Самоѣдами.

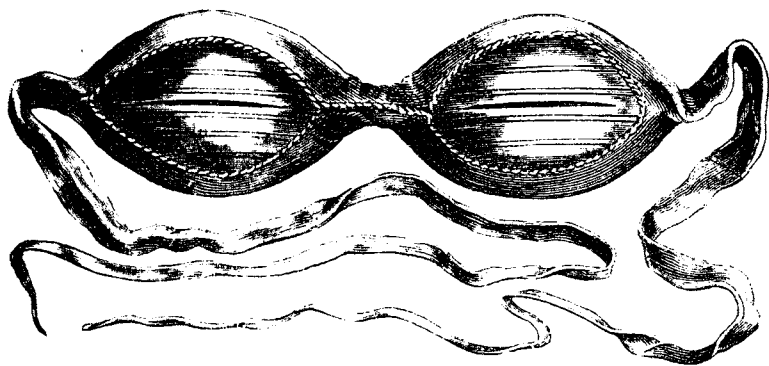
²⁾ Енисейскій округъ и его жизнь, 1863, II, стр. 146.

³⁾ Такъ какъ Кривошапкинъ насчитываетъ у нихъ только 29 душъ мужск. и 23 души женскаго пола, то эта разница совершенно непонятна.

прощание, съ высоты горнаго хребта, указали мнѣ мѣсто, гдѣ Нижній Таймыръ вѣроятно прорѣзаетъ горы или, какъ они выразились, «ломаеть камень». Сами они, преслѣдуя сѣв. оленей, добрались только до западныхъ глубокихъ заливовъ Таймырскаго озера и поспѣшно возвратились, наткнувшись на слѣды прежняго пребыванія тамъ людей, на могилы, съ стоящими надъ ними памятниками, саними, снова пробудившими въ нихъ вѣру въ обращавшійся между ними страшныя преданія о дальнемъ глубокомъ сѣверѣ. Когда-то давно, такъ гласило преданіе, оттуда прибыли и Чукчи, не для завоеванія страны, а для того, чтобы взглянуть на нее. Были они народъ одноногій, а между тѣмъ ни одинъ Самоѣдъ не могъ обогнать ихъ при бѣганіи въ запуски. Жили они по направленію къ полюсу, по ту сторону моря¹⁾. Пріятель Тойчумъ умолялъ меня не забираться слишкомъ далеко и не оставаться тамъ слишкомъ долго. Что въ умной головѣ его мрачныя преданія все-таки не успѣли заглушить всѣ зачатки запретныхъ сомнѣній на счетъ этихъ догматовъ, это доказывали отеческія наставленія, которыя давалъ мнѣ Тойчумъ, поручая мнѣ, куда бы я ни пришелъ, хорошенько обращать вниманіе въ той преисподней на мѣста, гдѣ проходятъ сѣв. олени, особенно на тѣ, гдѣ они перебираются чрезъ воды, на линяющихъ гусей и утокъ, на передвиженія рыбъ и т. п.

Такимъ образомъ мои сношенія съ Самоѣдами ограничивались проѣздомъ туда и обратно, и часто приводили меня отъ одного нарѣчія на слѣдующій день къ другому, котораго спутники мои не понимали болѣе. Вотъ отчего мои замѣтки такъ незначительны.

Первыхъ Самоѣдовъ я встрѣтилъ 26-го Марта на Енисей, въ поселеніи Игарскомъ ($67\frac{2}{3}^{\circ}$ с. ш.). Ихъ называли Юраками, но это

Мѣдныя сѣтковые очки.

были **Енисейскіе Самоѣды** Байскаго рода. Въ сравненіи съ Енисейскими Остяками, за которыми они слѣдовали, они произ-

водили очень пріятное впечатлѣніе. Одѣтые съ головы до ногъ въ превосходныя двойныя мѣховыя рубахи, они являлись какъ бы броненосцами, мѣдныя сѣтковые очки казались забраломъ, а огромный пришитый башлыкъ надежнымъ шлемомъ, который по временамъ откиды-

¹⁾ Не стану входить гутъ въ разсмотрѣніе того, что такое могло бы значить нѣкогда болѣе западное распространеніе Чукчей, но не могу не замѣтить, что я былъ весьма пораженъ, когда въ первый разъ услышалъ, что

Асины зовутъ топоръ $\text{towa} \frac{h}{k}$ а. Это очень напоминаетъ томагаукъ сѣверо-американскихъ туземцевъ.

вается назадъ и обнаруживаетъ находящіяся подъ нимъ и тѣсно прилегающія къ головѣ шапочки [изъ ибжнскихъ телячьихъ шкурокъ]. Богатый мѣдный поясъ жоака, неизмѣнное копье въ 3 саж. длины, для управленія сѣв. оленями, висящій рядомъ лукъ на саняхъ, и лыжи подъ исподомъ саннаго сидѣнія дополняютъ вооруженіе. Впечатлѣніе это усиливалось какъ-бы военнымъ порядкомъ и однообразіемъ вооруженія. Большею частью они сидѣли на саняхъ, поджавъ подъ себя обѣ ноги, или держа одну изъ нихъ на головѣ на полозьяхъ.

Въ наши тяжело-нагруженныя нарты они впрягали по три сѣв. оленя, очевидно требуя отъ послѣднихъ слишкомъ много. Возлѣ каждой нарты усаживался возница на высокихъ саняхъ, въ которыя впрягались два сѣв. оленя. Возжею управлялось только лѣвое животное, впряженное въ нарту, а оно тянуло за собою двухъ остальныхъ, недоуздокъ которыхъ прикрѣплялась къ подпругѣ сосѣда (срав. стр. 498). Сѣв. олени, не успѣвшіе еще сбросить всѣ рога, открытымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ своимъ производили тяжелое впечатлѣніе.

Лица этихъ Самоѣдовъ (табл. II и III вверху) отличались отъ тунгусскихъ менѣ выдающимся, особенно впередъ, скулами. Ширина лба хотя и была меньше широты лица въ скулахъ, но разница эта была незначительна; у Тунгусовъ же верхняя часть лица и черепа имѣла пирамидальную, суживающуюся кверху форму (срав. напр. Юагира по табл. I), или при широкомъ, какъ бы четырехугольномъ лбѣ оказывалась всежъ еще большая ширина въ скулахъ.

Рѣзцы большею частью косо выдавались впередъ; вслѣдствіе этого губы были вздернуты, хотя верхняя челюсть не выдавалась замѣтно впередъ. Губы, въ связи съ чрезвычайно темнымъ цвѣтомъ кожи, придавали странному виду этихъ людей что-то негроподобное. Тѣ части тѣла, которыя обыкновенно прикрываются, отличались однако довольно свѣтлою кожею.

Необыкновенная подвижность и суетливость ихъ весьма поражала, въ сравненіи съ Остяками. Все дѣлалось почти бѣгомъ. Едва только успѣешь нѣсколько остановиться, какъ уже каждый немедленно соскакивалъ, выколачивалъ полость и постелью саней, чтобы она оставалась сухой, и небольшою сабелькою, сдѣланною изъ рога сѣв. оленя, соскабливалъ съ ремней на сѣв. оленяхъ грязь, снѣгъ и ледъ.

Кромѣ Игарскаго поселенія, къ сѣверу, я на возвратномъ пути (13-го Ноября) въ Плахинѣ (68° с. ш.) возобновилъ знакомство съ этими Самоѣдами Байскаго рода ¹⁾ (табл. III вверху), признававшими себя сородичами Карасинскихъ Самоѣдовъ.

Распрошеннаго мною старшину ихъ звали Кјеллота; при крещеніи ему дано было имя Гаврилы, потому что родъ ихъ постоянно крестился. По его словамъ они сами называютъ себя Ваѣ (-Тудшо, т. е. Орда).

Хантайскихъ Самоѣдовъ они называютъ . . . . . S'omátu;

¹ Они называются также подгородными, потому что живутъ около Туруханска, на рѣчкахъ Байха. Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

Береговыхъ Юраковъ (Толстоносскихъ Самоѣдовъ)	Lóbbö;
Авамскихъ Самоѣдовъ.....	Tābo;
Водеевскихъ Самоѣдовъ.....	Tābo-os's'ja;
Тунгусовъ.....	Os's'ja;
Долгановъ.....	Dolgāne;
Якутовъ.....	Jakúta;
Остяковъ.....	Bágo.

Еписей они называли Djéddos'i.

Они занимаются рыболовствомъ, вмѣстѣ съ Хантайскими Самоѣдами, главнымъ образомъ на р. Кетáрфъ; закалываютъ лишь небольшое количество сѣв. оленей на водныхъ переправахъ; убиваютъ такъ мало гусей, что на зиму остаются безъ запасовъ; не имѣютъ неводовъ. Хотя они говорятъ, что Остяки стрѣляютъ изъ луковъ лучше ихъ, но сами все-таки нападаютъ на медвѣдя въ берлогѣ его.

Между Плахинымъ и Лузинымъ (69° с. ш.) я познакомился съ некрещеными **Хантайскими** Самоѣдами. Старшину ихъ звали $\frac{A}{y}$ nkúlej Olo win. Онъ вносилъ ясакъ въ Лузинѣ и принадлежалъ къ роду Ямки. По его словамъ, у него самого было только до 30 сѣв. оленей (?), а у сородичей по 10 — 20 головъ. Одинъ изъ нихъ впрочемъ славился особеннымъ богатствомъ по части сѣв. оленей.

Кормились они преимущественно рыболовствомъ, которымъ занимались въ озерахъ и небольшихъ рѣкахъ до перваго расширенія Енисея (Толстый Носъ), главнымъ же образомъ въ рѣкахъ Кетáрфъ (Русскіе называютъ ее Кетой) и Соленой, источники которыхъ они не посѣщаютъ и не знаютъ. Самое большое озеро ихъ края называется Nā-dād; въ окружности оно простирается верстъ на 150. Въ него заходятъ всякаго рода лохи, но не заходятъ ни омули, ни осетры, ни стерляди. Самоѣды эти не посѣщаютъ ни р. Таза, ни моря, и простираются никакъ не дальше втораго расширенія устья Енисея, и по другую его сторону до Пыры. Тоже самое мы находимъ уже 100 лѣтъ тому назадъ, въ лагъ-букахъ Минина. Ни къ западу, ни къ востоку, они не сталкиваются съ какими-нибудь сосѣдями. Страна ихъ плоска и лишь послѣ переправы чрезъ второе расширеніе на правый берегъ Енисея, они доходятъ (подъ 72° с. ш.) до черныхъ слонистыхъ скалъ. До нихъ они считаютъ 20 аршиной, т. е. кормовокъ сѣв. оленей или дней ѣзды.

Къ югу сосѣди ихъ—Карасинскіе Самоѣды, старшина которыхъ Балайка (Русскіе называли его Филькой) раскинулъ свой чумъ въ 2 геогр. миляхъ отъ Лузина.

Они, Хантайскіе Самоѣды, сами называютъ себя S'ómātu (tý^d_{sh}ju, т. е. родъ); Карасинскихъ Самоѣдовъ зовутъ Вāѣ, а Береговыхъ Юраковъ — Lówwōo (Juráki tý^d_{sh}ju).

Енисей называется ими Djéddos'i, а Русскіе Ljuotscha, такъ что это названіе, за незначительными измѣненіями, встрѣчается отъ Китая до Таймырскаго края.

Переводчика, помогавшаго мнѣ объясняться съ ними, звали Соваловымъ; слѣдовательно онъ назывался точно также, какъ старшина, съ которымъ сто лѣтъ тому назадъ приходилось имѣть дѣло моряку Минину, что доказываютъ лагъ-буки ¹⁾). Слѣдовательно у этихъ Самоѣдовъ фамильная имена.

О татуированіи эти люди не имѣли никакого понятія; для обозначенія «города» у нихъ не было выраженія.

Луки свои, если они не были куплены у Остяковъ, изготовляли они сами; кромѣ того они считались хорошими кузнецами, которые сами дѣлали наконечники копій и стрѣлы, огнива и разныя украшения, а потому они были очень падки на желѣзо и гвозди.

Тѣмъ болѣе меня поразило извѣстіе, что женщины покупаютъ рыбій клей на Енисеѣ.

Лишь при началѣ Пясины (у Веденскаго поселенія) я познакомился въ Ноябрьскѣ съ Береговыми Юраками. Юракъ, служившій мнѣ переводчикомъ, находился на службѣ поселенца Лаптукова и назывался Манёрра (срав. табл. IV нѣм. изд.); отца его звали Вѣмья; общаго фамильнаго имени у нихъ не было.

Береговые Юраки сами называютъ себя Jöndjög;

Хангайскихъ Самоѣдовъ зовутъ . . . . . Māndu;

Авамскихъ » » . . . . . Tágg^ö_ys';

Водеевскихъ » » . . . . . Tágg^ö_ys os's'ja;

Тунгусовъ » » . . . . . oss'ja;

Долгановъ » » . . . . . tingus';

Якутовъ » » . . . . . Jakút.

Енисей они называли Jentas'i.

Старшина ихъ Саббіа вносилъ ясакъ въ Толстомъ Носѣ (70² с. ш.). Орда жила частью на лѣвомъ берегу нижняго Енисея, преимущественно же на малой Кетѣ, частью на правомъ берегу, гдѣ къ сѣверу у нея не было сосѣдей, а рядомъ съ ними жили Хангайскіе Самоѣды.

Лодки, даже луки и стрѣлы, они покупали. Волосы на головѣ они болѣею частью стригли, оставляя только кайму съ длинными прядями позади ушей.

Въ Веденскомъ-же я познакомился и съ Тавгынскими ²⁾ или Авамскими Самоѣдами. Старшина ихъ N̄goagó Tgudágin, прозванный при крещеніи Іудой Укусниковымъ, изображенъ на табл. XV-ой нѣм. изд., рис. I, въ шутовскомъ костюмѣ, т. е.

¹⁾ И у А. Шренка (I, стр. 629) мы встрѣчаемъ иля Апицынъ, которымъ называлось аристократическое самоѣдское семейство сѣверной Европы. Это-же самое имя я встрѣчалъ также въ старыхъ лагъ-букахъ.

²⁾ Русскіе называютъ ихъ Тавскими или Авамскими Самоѣдами. Но называли ихъ также дикой ордой.

въ своемъ нарядномъ мундирѣ (срав. стр. 650). Къ послѣднему принадлежалъ еще дурацкій колпакъ изъ очень толстаго, чернаго, желтаго и краснаго сукна, съ бѣлой каймой вокругъ лица. Его родичи везли меня изъ лежащаго на полпути отъ Дудина поселенія Коева до Введенскаго.

Орда состоитъ, говорятъ, изъ 20 чумовъ и расположена на тундрахъ праваго берега Енисея, отъ котораго она далеко и не уходитъ. На сѣверѣ она простирается до впадающей въ Пясину рѣки Фыры (Пыры), за которую рѣдко уходитъ; во всякомъ случаѣ она никогда не добирается до моря; на западъ рѣдко доходитъ до р. Голчихи ($71\frac{1}{2}$ с. ш.); на востокъ столь-же рѣдко до Агáпы, или даже до р. Таймыра ¹⁾.

На вопросъ мой, почему они не доходятъ до моря, они пресерьозно отвѣчали мнѣ, что неоднократно пытались сдѣлать это, но что тамъ бродятъ бѣлые медвѣди цѣлыми стадами и постоянно опять вытѣсняють Самоѣдовъ. Они говорили о нихъ, какъ объ особой націи, умѣющей удержаться въ своей странѣ. Если вышлешь туда 8 человекъ, то бѣлые медвѣди немедленно высылають противъ нихъ 12 человекъ своей братіи.

Вскорѣ оказалось, что эта орда говоритъ на языкѣ, отличающемся отъ языка Хантайскихъ Самоѣдовъ, и конечно приписывала себѣ употребленіе настоящаго самоѣдскаго языка.

Авамскіе Самоѣды сами называли себя Njä- (Táns'a, т. е. орда);

Хантайскихъ Самоѣдовъ они зовутъ S'omätu;

Береговыхъ Юраковъ » » Lóbbö (Juráki-Táns'a);

Водеевскихъ Самоѣдовъ » » A'ssjä, или также Njä-äja (т. е. Тунгусскіе Самоѣды);

Тунгусовъ » » Äja;

Долгановъ » » Dolgáne.

Имя Табо, которымъ Хантайскіе Самоѣды называютъ Авамскихъ, послѣдніе сами произносятъ Таѣвö. Они увѣряли меня также, что Юраки зовутъ ихъ Таѣсс'öб, а не Tagg^ös', какъ мнѣ продиктовали сами Юраки.

Тавгынскіе или Авамскіе Самоѣды были малаго роста; среднимъ числомъ не выше $4\frac{2}{3}$ англ. фут. Физиономія ихъ напоминала финскій типъ и далеко не казалась такою монгольской, какъ физиономія тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ на восточномъ берегу Бѣлаго моря, въ Европейской Россіи. Носъ и у нихъ отличался самоѣдскимъ характеромъ, т. е. былъ коротокъ, со впадиною по срединѣ, и безъ малаго могъ бы быть названъ некрасивымъ вздернутымъ кверху носомъ. Въ глазахъ почти не было ничего монгольскаго. Въслѣдствіе меньшаго, чѣмъ у Монголовъ, и обращеннаго книзу выступа скулъ, очертаніе лица получаетъ кругловатую форму. Кроме того, эти Самоѣды, у кото-

¹⁾ Кастренъ получилъ точѣйшія свѣдѣнія о мѣстахъ пребыванія Тавгынскихъ Самоѣдовъ: кроме одного рода на Пырѣ, кочевали два рода на берегахъ Пясины и 5 родовъ при р. Таймырѣ. Все эти роды, равно

какъ и 19 ясачныхъ Самоѣдовъ на Хатангѣ, говорятъ на одномъ и томъ-же нарѣчій и въ лингвистическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга (см. вышеупом. сочиненіе, стр. 245, 266, 278).

рыхъ лобъ округленъ равномернѣе, отличаются отъ Тунгусовъ, у которыхъ лобъ часто кажется угловатымъ.

Впрочемъ и въ этой ордѣ встрѣчались нѣкоторые гораздо болѣе монгольскіе черепа; особенно женскій полъ отличался по-видимому болѣе монгольскимъ отпечаткомъ. Зоотехническія наблюденія позволяютъ предполагать, что при несомнѣнно происходившей тутъ помѣси преобладало вліяніе монгольскихъ предковъ съ отцовской стороны. Вслѣдствіе еще мало-развитаго жевательнаго органа, дѣти и молодья дѣвушки также кажутся довольно красивыми, въ смыслѣ монгольскаго покроя; во всякомъ случаѣ послѣдніа красивѣе молодыхъ Лапландокъ. Финскіе признаки выступаютъ отчетливѣе подъ старость, при исчезаніи жироваго слоя. Старухи отвратительно дурны собою. Одинъ старикъ до такой степени былъ похожъ на знакомаго Эста моей родины, что и слуга мой вскорѣ воскликнулъ: «да въдь это Kortet hone Jütti!» Лица чрезвычайно бураго цвѣта; но когда начнешь разсматривать ихъ въ чумѣ и сравнивать съ стѣнами его, то все-таки наковецъ задаешь себѣ вопросъ, не закончена ли кожа на лицахъ точно также, какъ дубленая замшевая кожа чума.

Меня очень поразили три сѣдыхъ старика, потому что до того времени мнѣ не случалось еще видѣть ни одного туземца съ сѣдинами.

Въ первый разъ мнѣ представился случай взглянуть на домашнюю жизнь Самоѣдовъ, такъ какъ они, ради ускоренія моей поѣздки чрезъ Малую Низовую Тундру, поставили посреди ея 4 шалаша (чума) для смѣны упряжныхъ животныхъ.

Эти Самоѣды были снаряжены лучше Долганъ, въ хорошихъ шубахъ и какъ бы въ вооруженіи (ср. стр. 663 и политипажъ на стр. 556); по этому они и казались выше того роста, который показывала мѣрильная лента. Это былъ расторопный, веселый, добродушный народъ; особенно молодежь. Притомъ я впоследствии узналъ, что Авамскіе Самоѣды считаются не только самымъ богатымъ изъ всѣхъ Самоѣдскихъ племенъ, но и самымъ искуснымъ, потому что они сами ковали даже наконечники для своихъ копій, а на глубокомъ сѣверѣ это искусство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ съ нимъ связано богатство по части желѣза. Дѣйствительно у нихъ были желѣзные капканы, кое-гдѣ тунгусскія желѣзные трубки, а у самой богатой женщины была даже желѣзная цѣпочка, служившая вмѣсто ремня для возжанія сѣв. оленей и производившая въ этой тундрѣ такой-же эффектъ, какой производитъ на нашихъ балахъ самая роскошная бриллиантовая діадима.

Съ женщинами по-видимому обращались хорошо; но онѣ находились въ такомъ подчиненіи, что не претендовали даже на водку. За то онѣ постоянно держали трубку въ зубахъ. Какъ хорошія хозяйки, онѣ забирали рыбы шкурки, которыя мы при бѣдѣ бросали въ сторону. Юпки ихъ были обвѣшаны плетеными ремнями и ниспадавшими съ пояса, въ перемежку, черными и красными ремешками. Краски для окрашиванія послѣднихъ онѣ покупали отъ торгашей. Женщинъ сразу можно было узнавать по ихъ бѣлымъ колпакамъ, внутренняя кайма которыхъ была украшена длинноволосымъ чер-

нымъ мѣхомъ. Несчастныя жертвы этой моды воспитывались въ образѣ маленькихъ, тѣвгающихъ, черныхъ спицовъ, которые держались въ чумѣ на привязи. На исподней одеждѣ тѣло было покрыто 4 — 6 серпообразными мѣдными пластинками, на бедрахъ находилось съ полдюжины мѣдныхъ поперечныхъ полосокъ, сверху и снизу оканчивавшихся неподвижнымъ кольцомъ, посредствомъ котораго эти полоски были пришиты къ женскимъ штанамъ. Справа болталось огниво, слѣва мѣдный игольникъ. Разныя другія металлическія привѣски чрезвычайно звонкимъ стучаніемъ и брянчаніемъ своимъ свидѣтельствовали о подвижности женщинъ и служили для возбужденія вниманія окружающихъ ихъ лицъ.

Маленькія дѣти лежали голыми передъ огнемъ, въ чумѣ, на небольшихъ шкурахъ; водяной мохъ (*Sphagnum*) принималъ въ себя нечистоты. Мѣшки изъ шкуры налива висѣли на готовѣ для укладки въ нихъ дѣтей на время похода. Дѣти, которыя были по старше, носили штанишки, около паха также обшитыя кольцами, а на шеѣ разныя жестыя украшенія и стекляныя бусы. При всемъ томъ они удовлетворяли естественныя потребности свои въ чумѣ, на глазахъ передъ всѣми. Мальчики, которые были по старше, пріятельски боролись между собою, замахивались руками другъ на друга, вверхъ и внизъ, дрались на кулачкахъ или пытались колотить одинъ другаго по лицу.

Сильная дѣтская любовь выражалась у обоихъ половъ посредствомъ цѣлованія, и самъ отецъ перѣдко укачивалъ дѣтей. Старшина посылалъ ко мнѣ дѣтей, выпрашивать хлѣба. Цѣлованіе очевидно составляло принадлежность высшаго свѣтскаго обращенія: каждый членъ орды, входившій въ чумъ, подходилъ къ старшинѣ и отпускалъ ему по поцѣлюю въ обѣ щеки.

Вѣроятно вслѣдствіе большей численности этой орды, мнѣ въ разныхъ мѣстахъ представлялись все новыя знатныя особы, которыя рассчитывали на угощеніе, напр. десятскій (какъ мнѣ сказалъ переводчикъ) $K_{\bar{y}}^{\bar{o}}w_{\bar{y}}^{\bar{i}}ss'i$, старшина $\bar{N}g_{\bar{e}}^{\bar{o}}g_{\bar{y}}^{\bar{i}}gm\bar{i}$, и наконецъ еще другой старшина (по авамски: *Vār wōtu*), князецъ по имени *Laturánta*, также въ шутовской одеждѣ и дурацкомъ колпакѣ.

Его Степенство, импонировавшее ростомъ своимъ въ 5 футовъ (слѣдовательно великанъ между карликами), изволило принять меня въ чумѣ съ такимъ чувствомъ собственного достоинства, что мнѣ къ счастью легко было не расхохотаться. Слѣва, въ глубинѣ чума, разложена была для меня шкура сѣв. оленя. Справа, по нѣсколько позади его, усѣлась весьма невзрачная супруга его; на лѣво отъ него, т. е. между нами обоими, усадили переводчика.

Съ достоинствомъ, не хуже любыхъ европейскихъ владыкъ, Латуранта сталъ спрашивать меня о новостяхъ всемірнаго города, которымъ на этотъ разъ оказывался Туруханскъ. Онъ настойчиво допытывался, на сколько справедливъ слухъ о томъ, что на Тунгускѣ появилась оспа¹⁾, наконецъ вынулъ недавно полученную имъ бумагу, т. е.

¹⁾ То была краснуха, которая вскорѣ послѣ того сыграла надо мною такую плохую шутку.

предписаніе начальства, и попросилъ меня истолковать ему пустое содержаніе этой бумаги. На вопросъ, что-же ему собственно слѣдуетъ дѣлать, я передалъ Его Степенству иголку и показалъ ему, какъ такого рода бумаги, если бы онѣ еще стали поступать къ нему, нужно панизовать одну на другую на нитку, присовокупивъ, что этимъ онъ исполнитъ долгъ хорошаго вѣрноподданнаго. Здравому природному уму Его Степенства угодно было разразиться такимъ козлиноголосымъ смѣхомъ, что я слышу его, чудится мнѣ, еще до сихъ поръ. Оправившись нѣсколько, онъ вынулъ, изъ обитаго жестью ящика, квитанціи въ уплатѣ ясака, которыя имъ тщательно берегались. Потомъ онъ подкрѣпилъ себя ржаными лепешками¹⁾, которыя жена его сняла съ огня, и за тѣмъ начался судъ.

Выступилъ истецъ и съ разстановкою сталъ излагать свое дѣло. Старшина отвѣчалъ, растягивая послѣдніе слоги словъ. Неоднократно мнѣ слышалось протяжное *аѵ*. Разинувъ рты, всѣ въ благоговѣйной тишинѣ прислушивались къ приговору оракула. Между тѣмъ у судьи языкъ неожиданно развязался: какъ мельничное колесо уста его быстро съ крикомъ извергали рядъ словъ и вдругъ замолкли. Судья, такъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, приказалъ истцу пока пріостановить искъ за отсутствіемъ отвѣтчика. Дѣло шло о какомъ-то мнимомъ обманѣ. По окончаніи своихъ владѣтельскихъ обязанностей, Его Степенство изволило обогрѣться рюмкою водки, которая развязала ему языкъ и побудила его вступить со мною въ непринужденную бесѣду. Онъ много рассказывалъ о голодѣ, бывшемъ лѣтъ 30 тому назадъ и уничтожившемъ половину всей орды. Тогда и рыболовство и охота на сѣв. оленей были неудачны. На слѣдующій же годъ корму всякаго рода и пушныхъ животныхъ было такое изобиліе, какъ и комаровъ. Въ другой разъ случился падежъ домашнихъ животныхъ, такъ что одной части его орды пришлось прозимовать въ землянкахъ на лѣтнемъ предѣлѣ ихъ охотничьихъ угодій. Однимъ изъ такихъ несчастныхъ явился ко мнѣ Койпѣда. Ему приводилось разводить огонь въ землянкѣ только разъ въ недѣлю. Въ тундрѣ я встрѣтилъ такого рода землянку съ пристройкой, сложенной изъ камней въ видѣ изогнутаго хода, для предохраненія землянки отъ метелей. Много лѣтъ тому назадъ, рассказывали мнѣ, и Русскіе бывали тамъ, на глубокѣмъ сѣверѣ. Такимъ образомъ одно столѣтіе успѣло уже обратить память о громадныхъ экспедиціяхъ въ какое-то смутное преданіе.

Этихъ Самоѣдовъ называли «дикими», вѣроятно потому, что они противились крещенію, мало сходились съ поселенцами и, сознавая свое богатство и независимость, дѣйствовали самостоятельно. Не только главнаго священника, но и неограниченнаго повелителя Туруханскаго края, засѣдателя, они бросили въ тундрѣ (за то, что онъ по-барски обходился съ ними, а, можетъ быть, и колотилъ ихъ) и ушли съ своею упряжью, ссылаясь въ послѣдствіи на то, что голодъ заставлялъ ихъ уйти, потому что эти господа не хотѣли подѣлится съ ними свои ржаные сухари.

¹⁾ Такъ называемые *Röski* сѣверной Финляндіи.

Суевѣріе проявлялось тутъ въ видѣ самыхъ разнообразныхъ тяжелыхъ грѣховъ. Голову убитаго дикаго сѣв. оленя нужно было съѣдать сырою, потому что грѣшно варить ее; грѣшно было, что наша собака обгрызала кости дикихъ сѣв. оленей и т. п. Эта орда находилась совершенно подъ вліяніемъ своего шамана: дошло до того, что при возвращеніи моемъ Асинскіе Самоѣды рассказывали мнѣ, что изъ зависти къ славѣ великаго шамана, которую я снискалъ себѣ въ тундрѣ въ качествѣ волшебнаго стрѣлка, врачавателя и тѣмъ, что ежедневно имѣлъ чародѣйныя сношенія съ приборами неба и земли, ультрамонтанскій авамскій шаманъ, подстрекаемый злокозненнымъ асинскимъ товарищемъ своимъ, запретилъ своему племени выставить мнѣ къ началу зимы сѣв. оленей на возвратный путь, какъ мы уговорились съ ними весною. Вслѣдствіе этого я отправилъ асинскаго парня, передавъ ему ножны отъ моего охотничьяго ножа, продѣвъ въ ихъ кольца мою собачью плетку, и поручилъ ему отнести мою посылку къ Авамскимъ Самоѣдамъ да сказать имъ, что я, старикъ (срав. стр. 640, примѣч.), намѣренъ получить ее обратно на условленномъ мѣстѣ.

Въ теченіи лѣта я на столько сдѣлался Самоѣдомъ, что узналъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступать. Мою символическую посылку вполне поняли и оцѣнили. Я засталъ сѣв. оленей, гдѣ слѣдовало, среди безпредѣльной тундры; вмѣстѣ съ тѣмъ возвратились ко мнѣ и ножны мои.

Поведеніе Латуранты, исполненное достоинства своего рода, чрезвычайно отличалось отъ кланчанія стариковъ его орды. Правда, что дѣло шло о томъ, какъ бы добыть хоть одинъ глоточекъ жизненнаго эликсира. Одинъ изъ стариковъ не ограничился умильнымъ поглядываніемъ на боченокъ, чмоканіемъ, облизываніемъ губъ, медвѣжьимъ ворчаніемъ, а растянулся на свѣгѣ во всю длину, чтобы, лежа на спинѣ, увидѣть снизу хоть частичку бочки, потому что сверху на партѣ она была обвязана шкурами. Украдкой намъ, то тутъ, то тамъ, стали показывать сначала пару лапокъ, а потомъ и цѣлую шкуру песка, чтобы побудить насъ къ промѣну.

Латуранта взималъ, въ моемъ присутствіи, свой пай, т. е. десятую долю пойманной рыбы, но ему и въ голову не приходила мысль угостить хотя бы своихъ гостей изъ собственной орды. Отъ меня, какъ важнаго сановника, по-видимому, ожидали угощенія, почти какъ обязанности.

De Samojedden zyn in omgang de beesten schier gelyk.
Witsen. 1692, II, стр. 343.

De Volken Piasidaer genaemt zyn de slimste Duivel-dinaers...
..van Gods Heilige Engel weten deze Luiden niets to zeggen.
Witsen. 1703, II, p. 639, 640.

Больше всего мнѣ пришлось имѣть дѣло съ Водеевскими Самоѣдами или съ Асями, потому что они кочуютъ въ рѣчной области Боганиды, Дудыпты ¹⁾ и Верхняго Таймыра, и доходятъ лѣтомъ до южнаго берега Таймырскаго озера (74½ с. ш.); слѣдовательно, это самые сѣверные жители Таймырскаго края. На юго-западъ сосѣди ихъ — Авамскіе Самоѣды. Енисей они называютъ Djäntagë.

Въ тундрѣ всѣ единогласно утверждали, что Водеевцы не настоящіе Самоѣды. Мы дѣйствительно видѣли, что всѣ самоѣдскія племена, Бап, Береговые Юраки, Авамскіе Самоѣды, Долгане и Якуты одинаково называютъ ихъ Тавгынскими (Авамскими) Тунгусами. Сами они называли себя Асями.

Нѣсколько поколѣній тому назадъ, такъ рассказывалось въ тундрѣ, Тунгусы, предки Асей, по случаю тяжелаго времени въ хребтахъ, переселились съ истоковъ Хеты и Хатанги къ сѣверу въ тундру. Въ дѣйствительности этого факта нельзя было сомнѣваться, и если, какъ полагаетъ Кастрень, Тавгынское племя прежде простиралось дальше на западъ, то во всякомъ случаѣ это могло относиться только къ Авамскимъ и Енисейскимъ Самоѣдамъ. Но и Аси утверждали, что въ прежнее время ихъ было больше и что они распространялись дальше по р. Таймыру. Впрочемъ упомянутое происхожденіе ихъ казалось невѣроятнымъ, потому что въ нихъ нельзя было подмѣтить ничего тунгусскаго, и по наружному виду, по одеждѣ, образу жизни и языку, это были Самоѣды. Они были Самоѣды въ такой-же степени, въ какой былъ сотоварищъ ихъ по зимнимъ квартирамъ Окò, котораго при всемъ томъ считали Долганомъ. Въ главѣ о Долганахъ объяснена эта путаница.

На Асяхъ я снова замѣтилъ упомянутыя уже выше (стр. 624) особенности наружнаго вида Самоѣдовъ. И у нихъ рѣзко выступали монгольскія черты лица, особенно у дѣвушекъ, тогда какъ у мужчинъ онѣ часто совершенно отступали на второй планъ. Я сказалъ у дѣвушекъ, желая обратить также вниманіе на то, что монгольскій типъ выдается тѣмъ рѣзче, чѣмъ полнѣе лицо, благодаря молодости, либо хорошему питанію. Вслѣдствіе этого кажется, что у старухъ менѣе проявляются монгольскія черты лица. Стоитъ только привыкнуть къ кошачьему очертанію монгольскаго лица и даже Европейцу, пожалуй, понравятся иныя свѣжія лица молодыхъ дѣвушекъ. Широкая, почти четырехугольная верхняя часть лица оканчивается внизу клиномъ. Изъ продолговатыхъ, обра-

¹⁾ Эту рѣку они называли Tudıptu, а Таймырское озеро, подобно каждому морскому заливу, Djäma. Скалы которыхъ мѣсть у Асей значатся на специальной картѣ Таймыра въ атласѣ картъ нѣм. изд. (у Таймырскаго озера) они звали Nu^{dd}/_ri. Названія нѣ-

щенныхъ внаружу и кверху, узенькихъ глазныхъ щелей выглядываютъ быстрые, темные, съ виду маленькіе, глаза. У мушницъ почти всегда остроконечный носъ, непосредственно выдающійся изъ плоскаго углубленія между глазными впадинами.

Волоса, безъ исключенія черные и жесткіе, образуютъ у мушницъ очень рѣденькіе усы, которые часто ограничиваются нѣсколькими волосками въ углахъ рта; вмѣсто бороды также кое-гдѣ являются волоски подъ подбородкомъ. Но и эти немногіе волоски, особенно козлиной бородки, нерѣдко стригутся.

Аси также отличаются очень маленькими ногами. Они ходятъ па кривыхъ, вывернутыхъ внаружу, и обхватывающихъ одна другую ногахъ. Это очевидно слѣдствіе сидѣнія на совершенно поджатыхъ подъ тѣло ногахъ.

Проживъ съ Асями нѣсколько мѣсяцевъ, я успѣлъ подмѣтить только единственный признакъ, по-видимому свидѣтельствовавшій о происхожденіи ихъ отъ Тунгусовъ: национально-тунгусскую пляску, исполненную ими всего одинъ разъ и безъ всякаго одушевленія, со сплетенными руками. Восклищая *heiga*, *hojna*, они притаптываютъ ногами ¹⁾. Такъ какъ эта пляска, говорятъ, неизвѣстна Авамскимъ Самоѣдамъ, которые во всемъ остальномъ почти тождественны съ Асями, то это дѣйствительно возбуждаетъ наше вниманіе ²⁾. Какъ бы то ни было, но настоящею любимою пляскою Асей была чисто самоѣдская медвѣжья пляска, съ которою мы тутъ познакомимся нѣсколько ближе.

Мушницы, женщины и дѣти въ перемежку берутся за руки и составляютъ кругъ. Поворачивая всѣ, въ одинъ темпъ, лѣвую руку и лѣвое плечо во внутрь круга, и выдвигая въ тоже время правое плечо внаружу, они приподнимаютъ правую ногу на столько, что она лишь пальцами касается земли и медленно описываютъ ею полукругъ передъ лѣвой ногой, потомъ переносятъ тяжесть тѣла на правую ногу и быстрымъ урывчатымъ движеніемъ влѣво откидываютъ лѣвую ногу на бокъ, по направленію круга пляшущихъ. При первомъ темпѣ правое плечо, вмѣстѣ съ правой ногой, подвигается вовнутрь, къ центру круга, а при второмъ темпѣ опять быстро отставляется назадъ. Въ постоянномъ повтореніи этихъ двухъ эволюцій и заключается вся пляска, шикъ которой очевидно основанъ на переходѣ отъ возможно медленнаго перваго темпа къ самому по возможности быстрому и урывчатому выполненію втораго темпа. Столь-же важную роль играетъ и музыка, которою сопровождается пляска: при первомъ темпѣ требуется напряженное, возбуждаемое втягиваніемъ воздуха, хрипѣніе, которое должно быть какъ можно болѣе глубоко и сильно. Другой-же темпъ подкрѣпляется испусканіемъ втянутаго воздуха и отрывчатымъ откашливаніемъ въ родѣ хрюканія. Музыка несомнѣнно должна выражать медвѣжье ворчаніе, а второй темпъ — прыжокъ на противника, послѣ того какъ при первомъ темпѣ медвѣдь приподнял тѣло на заднія лапы. Миѣ привелось видѣть, какъ они исполняли эту пляску во время сильной метели на открытой тундрѣ съ такимъ благоговѣйнымъ усердіемъ, что

¹⁾ *Castrén, Reiseber. und Briefe, p. 246.*

²⁾ Этому обстоятельству я готовъ былъ придать болѣе важное значеніе; но къ моему удивленію ни Тиманскіе, ижега, ни Каицискіе Самоѣды не были знакомы съ медвѣжьей пляской, а знали только тунгусскую съ восклицаніемъ *heiga*.

наконецъ, свѣгъ былъ утопанъ какъ токъ, и съ пляшущихъ ручьемъ струился потъ. «*Tout comme chez nous*», пробормоталъ я про себя и сталъ напѣвать Гейне-скій стихъ: «*tanzen um die Bundeslade;... tanzen betend mit den Füßen*».

Чтобы исчерпать запасъ свободныхъ искусствъ у моихъ полярныхъ друзей, я считаю нелишнимъ сообщить еще ноты къ баснѣ, которую я передалъ гг. лингвистамъ и которая частью распѣвалась, частью произносилась речитативомъ.

Пѣсня поется сильно въ носъ и интонація звуковъ весьма шатка.

Затѣмъ возвратимся къ тунгусскому происхожденію Асинскихъ Самоѣдовъ. На сколько языкъ ихъ вполне согласовался съ языкомъ Авамскихъ Самоѣдовъ, на столько тунгусскій языкъ былъ имъ совершенно незнакомъ. Выселеніе ихъ изъ горъ совершилось, должно быть, весьма давно¹⁾, и перемѣна главнымъ образомъ произведена самоѣдскими женщинами. Старшина ихъ, единственный крещеный въ ордѣ, нарѣченный Михайломъ Портнягинымъ, прозывался $N_{\frac{0}{y}}^{\frac{0}{g}} g_{\frac{0}{s}}^{\frac{0}{i}}$. Онъ кое-какъ коверкалъ русскій языкъ, хорошо говорилъ по якутски, но при всемъ томъ не понималъ тунгусскаго языка. Онъ принялъ крещеніе, само собою разумѣется, потому, что былъ самый хитрый, а потому былъ также шаманомъ своей орды. Такое скопленіе несогласныхъ между собою должностей встрѣчалось въ тундрѣ нерѣдко и напоминало Европу.

19-го Мая стар. ст. я тронулся съ этими Асями, которые, сильно пострадавъ отъ эпидеміи, теперь уже довольно поздно покинули свои зимовья на Боганидѣ съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ защиты лѣснаго предѣла, и постепенно послѣдовать за тянувшимися къ сѣверу дикими сѣв. оленями и перелетными птицами. Во главѣ каравана двигался, въ арматурѣ, описанной выше на стр. 663, пріятель мой Тойчумъ, ростомъ всего въ 4 фута, но честный человѣкъ и умная голова.

Шагомъ, и только изрѣдка мелкою рысцею, мы ежедневно проѣзжали отъ 3 до 4 геогр. миль, особенно потому, что за недостаткомъ сѣв. оленей, приходилось впрягать даже коровъ, недавно отелившихся, и молодой скотъ.

Важнымъ гусинымъ шагомъ слѣдовалъ длинный въ полсотню рядъ саней нашего каравана. Во главѣ, какъ сказано, Тойчумъ, торжественно, съ поднятымъ вверхъ копьемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служить пицой, бичемъ, тормазомъ, опорой при крутыхъ боковыхъ покатосяхъ, справщикомъ сбруи, и даже ломомъ, когда нужно добыть воду. Вслѣдъ за вожаконъ ѣхали женскія сани²⁾, въ которыя впряжены были наиболѣе спо-

¹⁾ Въ 1614 году Таймырскихъ Самоѣдовъ впервые облажили податью (Müller, Samml. Russ. Gesch. VIII, p. 49). Были ли это Авамскіе Самоѣды? или тогда участвовали въ этомъ уже и Аси?

²⁾ Т. е. по формѣ. Женскія сани, на которыя кладется поклажа, выше и шире мужскихъ. Вся длина ихъ составляла 99", высота подпорокъ 27" до дна саяи, и на 8" выше для поддерживанія боковыхъ досокъ сидѣнья. Ширина

койные на ходу сѣв. оленя: на этихъ саняхъ лежали крошечныя санки, въ которыхъ тщательно припрятанъ былъ идолъ орды. Затѣмъ слѣдовала пара мужскихъ саней, за ними наши нарты, потомъ опять мужскія сани, за которыми тянулся длинный рядъ женскихъ саней съ поклажей, и наконецъ еще стадо съ погонщиками, скакавшими то вправо, то влѣво, чтобы стогнать животныхъ.

Самоѣдскій, набитый волосомъ, хомутъ сѣв. оленя.

На одной части женскихъ саней лежали стойки для шалашей, шкуры для покрывки ихъ (pjuik), запасы топлива, лодки¹⁾ съ двулопастными веслами, разнаго рода снасти для ловли животныхъ и домашняя утварь. Другія сани были тщательно покрыты шкурами и обвязаны ремнями; въ нихъ находились сѣстные припасы. На нѣкоторыхъ разложены были мѣха для удобнаго сидѣнья больныхъ, для женщинъ и дѣтей. Даже нѣсколько мѣховыхъ собакъ сидѣло на саняхъ, тогда какъ большая часть, на привязи, бѣжали возлѣ саней.

По временамъ вожакъ другому, смѣняющему его лицу указываетъ направленіе пути, а самъ скачетъ на возвышеніе, выкуриваетъ трубку, посматриваетъ во всѣ стороны и, подобно полководцу, пропустивъ мимо себя весь караванъ, вслѣдъ затѣмъ опять отправляется во главу шествія. Tout comme chez nous. Въ качествѣ вожаковъ они считаютъ себя важными лицами, да и дѣйствительно задача ихъ не легка, потому что необходимо позаботиться и объ оленьемъ мѣхѣ, и о льдѣ для воды, и о топливѣ, хотя бы это были однѣ только криворослыя ивы, и о возможно лучшемъ успѣхѣ по части ловли рыбъ, сѣв. оленей и песцовъ, и о защитѣ отъ непогоды.

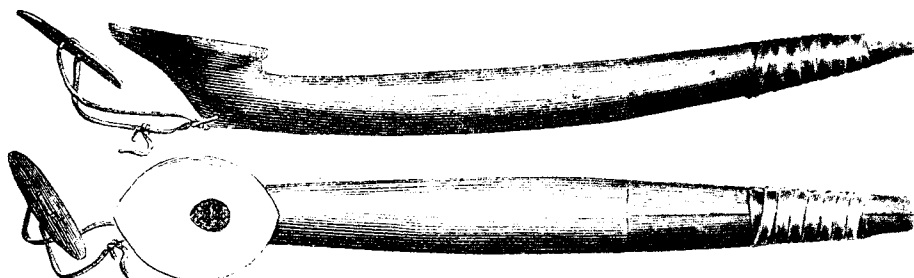
Наконецъ, сообразивъ порядкомъ все это, онъ втыкаетъ въ снѣгъ копые свое, притягиваетъ къ себѣ, не сходя съ саней, впряженныхъ въ нихъ сѣв. оленей, развязываетъ имъ ремни и отпускаетъ ихъ въ тундру. Затѣмъ, неподвижно продолжая сидѣть на поджатыхъ подъ себя ногахъ, онъ съ удивительнымъ спокойствіемъ вытаскиваетъ изъ-за голенища мѣховыхъ сапоговъ своихъ трубку²⁾ изъ мамонтовой кости, изображенную тутъ въ половину настоящей величины. Пуговка съ ремешкомъ служитъ для лучшаго привѣшиванія трубки.

сидѣнья была на днѣ въ 35", сверху въ 32". Спинка возвышалась надъ боками на 8" и находилась всего на 36" надъ дномъ. Отъ него подъ него конецъ полозьевъ, отъ подпорки въ 19" до самой задней изъ трехъ, отстоящихъ одна отъ другой на 13".

¹⁾ M̄nduj, лодка; tuōis'a, весло.

²⁾ Въ мое время за такую трубку платили отъ полупесца до цѣлаго песца; за мѣдный нагрудникъ или на бедерникъ также песца; за лодку до 20 песцовъ.

Мунштукъ составляетъ раздвоенная трубка изъ лиственничнаго дерева, которую въ крайней нуждѣ растирають въ табакъ. Впрочемъ, потребность въ курительномъ матеріалѣ чрезвы-

Мамонтова трубка въ полвеличины.

чайно незначительна, потому что въ трубкѣ едва помѣщается треть того, что входитъ въ наперстокъ, да кромѣ того, изъ шубы вырываются волосы, которыя кладутся подъ табакъ и, вмѣстѣ съ трутомъ, усиливають дѣйствіе его. Дѣлается нѣсколькихъ глубокихъ по самыя легкія затяжекъ, часто сопровождающихся наркотическимъ самозабвеніемъ или даже одуреніемъ, и куренію конецъ. Но тѣмъ чаще оно повторяется. Прекрасный полъ (въ особенности старыя вѣдьмы) также постоянно передають другъ другу трубку, хотя бы она и была набита только шерстью сѣв. оленей и стружками. Но это, конечно, дѣлается не на привалахъ, потому что въ то время, когда мужчины не трогаются съ мѣста и цѣлыми часами сидятъ при шумѣ непогодъ, не теряя терпѣнія и не понукая, изрѣдка даже спать, съжившись на саняхъ и запрятавъ ноги въ мѣховой мѣшокъ¹⁾, въ то время женщины находятся въ лихорадочномъ движеніи. Онѣ устраивають чумъ, который снимается очень скоро, но нерѣдко устанавливается лишь съ величайшимъ усиліемъ.

Сгребають снѣгъ, разстилають на землѣ двѣ-три доски, съ прекрасно изолирующими рогожами, сплетенными изъ прутьевъ, и покрывають ихъ полержанными шалапными шкурами. Ставятъ конусообразно стойки въ видѣ продолговатаго, расширяющагося по бокамъ овала, и вдвигаютъ дощечку порогомъ для дверей. Чрезвычайной ловкости требуетъ, особенно при степной бурѣ, прикрѣпленіе шалашныхъ шкуръ, которыя внизу обкладываются снѣгомъ. Дверное отверстіе, въ случаѣ надобности, завѣшивается вдвое. При слишкомъ сильномъ дымѣ, съ подвѣтренной стороны устраивается отверстіе. Затѣмъ садятся на мягкія шкуры. Долго Европейецъ не въ состояніи удерживаться отъ смѣха, когда новый обитатель чума на четверенькахъ вползааетъ чрезъ низенькое дверное отверстіе, усаживается, приподнимаетъ вверхъ ноги, показывая всей компаніи ту часть тѣла, гдѣ спина лишается честнаго своего имени, потомъ съ такимъ-же шумомъ, какъ напр. пѣтухъ, хлопающій крыльями, бьетъ одну ногу объ другую, чтобы стряхнуть въ огонь

¹⁾ Руколь, такъ называется сшитая спереди мѣшкомъ шкура сѣв. оленя, висящая сзади на спинѣ саней и служащая полостью и спальнымъ мѣшкомъ.

приставшии къ нимъ снѣгъ и затѣмъ спокойно поджигаетъ подъ себя ноги, подобно раку, какъ складной ножикъ — недостижимо для самаго благовоспитаннаго салоннаго Европейца.

Между тѣмъ женщины уже нарубили дровъ и льду, или осенью подъ снѣгомъ отыскали криворослыя ивы, навѣшиваютъ котелокъ ($Nitt^a$) и разводятъ огонь¹⁾, при чемъ неустанно дѣйствуетъ неизбежный мѣхъ²⁾; но на перекоръ ему часто сырое, даже грубое, топливо до того наполняетъ чумъ дымомъ и ѣдкимъ чадомъ, что глаза суживаются въ крошечную щелку, мускулы въ лицѣ судорожно сжимаются и Дарвиніанецъ смѣло могъ бы доказывать, что отъ этого-то и происходитъ монгольская форма глазъ, подобно тому, какъ широкое лицо средне-азиатскихъ Монголовъ приписывалось расширенному отъ верховой ѣзды тазу, въ которомъ развивается зародышъ.

Въ котлѣ почти всегда варится мясо сѣв. оленя, которое, если въ шалашѣ ждутъ еще другія семейства, часто уже вынимается полусырымъ. Наваръ остается въ котлѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ чашей и тарелкой. Смотря по надобности, этотъ наваръ употребляютъ какъ питье. Столъ-же просто устроено дѣло съ ложкой; для черпанія употребляется большой желѣзный ковшикъ ($Bäss'a-kitta$), изъ котораго непосредственно хлебаютъ супъ. Корыто ($siljā^{ch}_k a$), деревянная чаша ($kitta$) и ложка изъ мамонтовой кости (kuj) въ обыденной жизни принадлежатъ уже къ предметамъ роскоши. Мясо хватаютъ пальцами, запускаютъ въ него зубы и пожевъ отрѣзываютъ кусокъ снизу вверхъ, передъ самымъ кончикомъ носа.

Кто въ добавокъ хочетъ вытереть запачканные пальцы, тому, вмѣсто полотенца, подають тѣльные перья бѣлыхъ куроцатокъ.

Если охота неудачна, то являются на сцену, небольшими порціями, запасы послѣдняго сезона: мороженныя или слегка копченныя рыбы³⁾, либо также вяленныя⁴⁾, рубленныя, сохраненныя въ салтѣ и рыбьемъ жирѣ, и высушенные вѣтромъ гуси (некопченые), зашитые въ мѣшки изъ шкуръ почти безчешуйной кунджи⁵⁾. Въ видѣ лакомствъ являются также колбасообразныя рыбы шкуры, набитыя жирными брюшными и спинными кусками лоховъ⁶⁾, или колбасы, начиненныя лакомымъ надбрюшнымъ и кишечнымъ жиромъ сѣв. оленей, или гусинымъ жиромъ, составляющимъ прекраснѣйшій десертъ.

1) Трутнемъ служитъ имъ трава ch
 r или (вѣроятно $Ag-$
 $temisia Tilesii$ Ledeb.), натираемая углемъ.

2) $kāāj$, конечно безъ клапановъ.

3) Такъ называемая вообще $Jukola$, которую Аси называютъ $Fägö$.

4) Юликта русскихъ поселенцевъ; Аси называютъ F
 Ch $ugs'u$.

5) $Nilimā$.

6) Вѣрка русскихъ поселенцевъ; у Асей: $s'öbo$.

Весьма оригинальны сосуды, изъ которыхъ вынимаются съѣстные припасы и лакомства. То мѣшъ подавали для наливаия водки флаконъ, снятый съ ноги лебеда или служившій сѣв. оленю желчнымъ пузыремъ, то сосудъ изъ гусяиной шкуры, разрѣзанной сзади между ногами, выпотрошенной и, по перевязкѣ шеи, ногъ и крыльевъ, начиненной фаршемъ; то является бочка, сдѣланная изъ приготовленной такимъ-же образомъ шкуры олененка, которая выпотрошена черезъ ротъ и у которой потомъ, когда ее начинять, презабавно торчатъ четыре под-

Лебединая нога для храненія жира.

мѣ двухгодовое животное исчезаетъ за однимъ ужиномъ. Часто мушкетеры только слишкомъ лѣнны, чтобы трогаться съ мѣста. Обрѣченнаго на закаланіе олененка я спасъ тѣмъ, что уговорилъ спутниковъ своихъ не убивать его; отправился человекъ въ степь, въ озаренную солнцемъ ночь и черезъ нѣсколько часовъ привезъ двадцать съ чѣмъ-то бѣлыхъ куронокъ, которыхъ онъ загналъ въ сѣть. Вскорѣ отъ нихъ остались однѣ кишки, висѣвшія надъ очагомъ для копченія. Климатъ требуетъ обильной пищи и стараніе начинить желудокъ обращается въ обычай. Притомъ мясная пища переваривается такъ легко, что я вскорѣ началъ съѣдать порціи, вѣсомъ чуть-ли не втрое болѣе того, что я привыкъ ѣсть дома.

Когда наступаютъ тяжкія времена—а рѣдко проходитъ весна, которая за беззаботную небрежливость не наказывала бы нуждою,—то съѣдаютъ волковъ, лисицъ и песцовъ. Одинъ Самоѣдъ выпросилъ у насъ выброшенные нами кишки сѣв. оленей, которыя уже цѣлую недѣлю гнили возлѣ нашего чума подъ лучами незаходящаго солнца. Правда, что мѣсяца два спустя мы дорого бы дали, если бы сами могли съѣсть ихъ.

Вообще котлу приходится работать меньше, чѣмъ бы можно было думать, потому что рыбы большею частью поѣдаются въ сыромъ, свѣжемъ или замороженномъ видѣ. Голову убитаго дикаго оленя нужно съѣдать въ сыромъ видѣ, если не хочешь совершить

вязанныхъ обрубка ногъ; то рыбныя шкуры, кишки сѣв. оленей и т. п. При необыкновенно ловкомъ снятіи кожи и разрѣзкѣ добытаго мною сѣв. оленя, желудокъ очистили, калитку закрыли, закрутивъ ее и задржавъ кольщикомъ, и затѣмъ тщательно наполнили кровью.

Народъ слишкомъ легко принимается за закалываніе олененка, и при маломальски наполненномъ людьми чу-

грѣха. Уши, спинной жиръ, вымя, печень и кишечный жиръ убитаго сѣв. оленя, составляющіе чрезвычайно лакомые кусочки, охотники любятъ съѣдать сырыми на мѣстѣ боя; глотаютъ даже часть пищи, содержащейся въ кишечномъ каналѣ, считая ее средствомъ противъ цынги. На ухахъ, которыя были отданы мнѣ, какъ счастливому стрѣлку, убитшему оленя, я чуть-было не выломалъ себѣ зубовъ и все-таки не могъ справиться съ ними, но печенью, которая еще дымилась, я не могъ вдоволь насладиться. По ушамъ Аси узнаютъ, жиренъ-ли сѣв. олень, или нѣтъ. У перехода отъ ушнаго хряща къ затылку, слѣдовательно вокругъ подъемнаго мускула уха, набирается отлагающійся въ клетчатую ткань жиръ, который ощупывается въ видѣ каната. Тутъ-то и кроется вся суть распознаванія жирности животнаго ощупью ушей.

Растительная пища, даже мука, по-видимому не пользовалась почетомъ. Только во время голода весною я встрѣтилъ Самоѣда, который откапывалъ и съѣдалъ въ сыромъ видѣ корни, какъ мнѣ казалось, астрагалуса. Онъ увѣрялъ меня, что иногда они и варятъ ихъ.

Мушны ловятъ рыбу, охотятся и стерегутъ сѣв. оленей; послѣдніе каждый вечеръ стоняются къ чуму, обыкновенно-же сами собираются, часто становятся чрезвычайно нахальными и при всякомъ внезапномъ испугѣ, того и гляди, чуть не опрокидываютъ шалашей. Въ дурную погоду чинятся сани, шесты и приборы. Важную роль играетъ колдоворотъ, который долженъ находиться на всѣхъ мужскихъ саняхъ, потому что большая часть починокъ производится перевязками.

Если бы Самоѣды были лучше вооружены, то они несравненно успѣшнѣе могли бы устроить свое хозяйство. Стрѣльба ихъ изъ луковъ, какъ мы уже замѣтили (стр. 600), весьма неудовлетворительна, а желѣзо на р. Таймырѣ такъ рѣдко, что, благодаря двумъ-тремъ гвоздямъ, я сдѣлался благодѣтелемъ Асинца, котораго постигло несчастье, что онъ не могъ отыскать выпущенную имъ послѣднюю стрѣлу. Какъ ни искусенъ способъ загонки сѣв. оленей, но онъ лишь тогда сопровождается лучшимъ успѣхомъ, когда удается принудить животныхъ къ переправѣ черезъ значительныя водныя пространства. Только приборы для ловли песцовъ могутъ быть названы удовлетворительными, потому что щемилки изъ привезенныхъ съ предѣла древесной растительности стволовъ, на которые кладутся камни, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію, чѣмъ онѣ проще и, слѣдовательно, чѣмъ больше ихъ тинется по всей тундрѣ въ видѣ почти непрерывнаго, часто даже параллельно идущаго, ряда ловушекъ. Съ другой стороны у Самоѣдовъ нѣтъ также недостатка въ лисьихъ капканахъ, которые разставляются передъ выходами изъ песцовыхъ норъ и наконецъ должны достигнуть своей цѣли, хотя иной тертый калачъ заставляетъ ждать себя дня три, прежде чѣмъ нужда заставитъ его влѣзть въ капканъ.

При всемъ томъ слѣдовало-бы облегчить пріобрѣтеніе лисьихъ капкановъ и во всякомъ случаѣ было бы необходимо развить его при помощи возможно большаго распространенія хорошо наставленныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, а въ особенности волчьихъ капкановъ (срав. стр. 557), къ которымъ не мѣшало бы еще присоединить стрих-

нинъ. Волки и росомахи—злѣйшіе враги сѣвернаго оленеводства, большею частью не падаются въ ловушки.

Недостаетъ также у Самоѣдовъ неводовъ, и вся ихъ рыбная ловля, по крайней мѣрѣ въ Таймырскомъ краѣ, ограничивается жалкими ставными сѣтями. Главный спросъ долженъ бы быть на пеньковую пряжу, а между тѣмъ торговля и тамъ, въ глуши, преимущественно избираетъ предметы роскоши и во время осенняго довольства Самоѣдовъ надѣляетъ и соблазняетъ этихъ часто голодающихъ, иногда даже умирающихъ съ голоду, дѣтей природы, табакомъ, мѣдными украшеніями, стеклянными бусами, полосками сукна и т. п., охотнѣе же всего водкою. Купцы производятъ рыбную ловлю лучше на собственный счетъ, при помощи обѣднѣвшихъ кочевниковъ, en gros.

Большіе невода были бы тѣмъ болѣе умѣстны, что Самоѣды привыкли заниматься ловлею сообца. Только въ началѣ лѣта стояло нѣсколько отдѣльныхъ шалашей на Верхнемъ Таймырѣ, и мы явились къ нимъ кстати неустанными передавателями извѣстій между сосѣдями, которые вовсе не видѣлись между собою и жадно распрашивали насъ о житьѣ-бытьѣ своихъ родичей, тѣмъ болѣе, что въ то время эпидемія похитила много жертвъ. Но уже въ концѣ Юля Асинцы на Верхнемъ Таймырѣ стали собираться цѣлыми обществами, которыя на общій счетъ сгоняли сѣв. оленей на воды, загоняли линявшихъ гусей въ разставленные сѣти и т. п.

Это не должно удивлять насъ, потому что коммунистическій обычай, сложившійся изъ первоначальнаго гостепрѣимства первобытныхъ порядковъ, какъ ракъ, разъѣдаетъ самоѣдское хозяйство. Я разумѣю дѣлежъ добычи на доли. За каждымъ хорошимъ охотникомъ слѣдуютъ праздные бѣдняки, потому что всякій, являющійся къ хозяину убитаго животнаго въ то время, когда охотникъ еще не успѣлъ разрѣзать добычу, вправѣ не только участвовать въ ѣдѣ, но и получить долю шкуры. Такимъ образомъ случилось, что Тойчумъ въ продолженіи всего лѣта ничего не получилъ и что первую шкуру, которая пришлась на его долю, доставилъ ему мой выстрѣлъ въ концѣ лѣта. Мой сотоварищъ по охотѣ Комисси собственноручно закололъ четырехъ сѣв. оленей при переправѣ ихъ черезъ воду, а все-таки ему досталась доля, т. е. шкура и половина мяса, лишь отъ десятаго животнаго, убитаго имъ въ теченіи лѣта 1843 года. Рядомъ съ этимъ коммунистическимъ обычаемъ губятъ ихъ религіозный обычай, снабжать покойниковъ въ дальній путь принадлежавшимъ имъ имуществомъ, а въ особенности поминки, для которыхъ убивается огромное количество сѣв. оленей, сѣдаемыхъ при этомъ оставшимися въ живыхъ.

Податями обложены были Асинцы очень умѣренно: имъ приходилось платить каждому только по парѣ песцовыхъ шкуръ, которая оцѣнивалась въ 5 руб. асс., тогда какъ сосѣди ихъ, Тунгусы и Долгане, должны были вносить ясакъ изъ 4 песцовъ. Прежде Асинцы удерживали даже морду съ лапками, но теперь на это смотрѣли строже. Въ мое время песцовая лапа употреблялась какъ размѣнная монета и составляла $\frac{1}{12}$ часть единицы, т. е. цѣлаго песка, шкура котораго цѣнилась въ 2 руб. 40.

При взиманіи подати старшины, по-видимому, поступали весьма прилично, тогда Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

какъ на казенныхъ сборщиковъ податей, казацкихъ унтеръ-офицеровъ и казаковъ, жаловались, что они не умѣютъ писать прямо, какъ я пишу. Такой-то и такой-то, говорили мнѣ, «пишетъ слишкомъ криво», такъ что приходится всегда платить больше, а иногда и еще во второй разъ».

Власть старшинъ, въ качествѣ главныхъ судей, по-видимому была очень велика. Очевидно это расширенная патріархальная власть, потому что однажды Око сильно поколотилъ своего женатаго сына, жившаго отдѣльно отъ него. Это было единственное наказаніе, которое мнѣ привелось видѣть у Самоѣдовъ. Уваженіе къ старшему выражалось у Асинцевъ впрочемъ только тѣмъ, что какъ мужчины, такъ и женщины, подходили къ нему и цѣловали его, если они встрѣчались съ нимъ лѣтомъ въ первый разъ. Старшины судятъ и наказываютъ по усмотрѣнію и по существующимъ обычаямъ. При моемъ незнакомствѣ съ послѣдними, я иногда затруднялся рѣшеніемъ вопроса, относившагося къ наслѣдственнымъ раздѣламъ, поступавшимъ ко мнѣ на апелляцію. Со мною вполне соглашались въ томъ, что изъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, двоюродный братъ, усыновленный сынъ и племянникъ должны получать свою часть. Но общее недоразумѣніе возбуждалъ мой приговоръ, чтобы изъ имущества умершаго въ мое время старшины, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ, одна треть была отдана тремъ самымъ бѣднымъ сиротамъ племени.

Одна вдова получила въ наслѣдство сѣверныхъ оленей своего мужа, а весь охотничій приборъ его достался тому, который принялъ вдову къ себѣ въ чумъ. Казалось, что останься вдова бездѣтной, все перешло бы къ родственникамъ покойнаго мужа.

Большое затрудненіе заключается для пріѣзжаго въ томъ, что у Асинцевъ, также какъ у Береговыхъ Юраковъ (срав. стр. 665), нѣтъ фамильныхъ названій. Этимъ для нашего брата, да очень скоро и для Самоѣдовъ, прекращается всякая преемственность. Отца Тойчума звали напр. Тонкова. Кромѣ приведенныхъ уже прежде именъ, считаю нелишнимъ, ради образца, привести имена моихъ асинскихъ сотоварищей по охотѣ; ихъ звали: Nantúa, Naturánta, Nauránta, Motlja, Mohná, Nakaraka.

Стоитъ сказать еще нѣсколько словъ о женщинахъ.

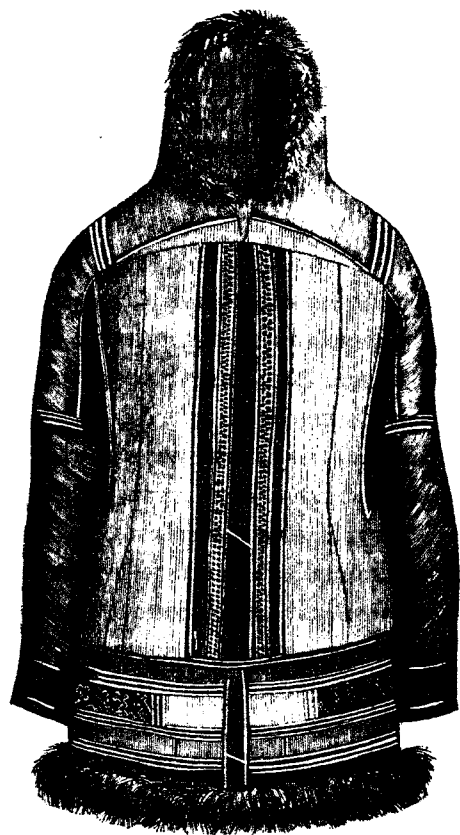
Женщины дубятъ, шьютъ, чинятъ, вышиваютъ, какъ только выдается свободная минута. О произведеніяхъ ихъ по части шитья мы уже говорили на стр. 647. На слѣдующей страницѣ изображенъ обыденный нарядъ Асинца, собственно лѣтняя одежда, называемая $\text{p}^{\text{h}}\text{ad}^{\text{a}}\text{ly}$. Жена для Самоѣда также необходима, какъ нашимъ знатымъ барамъ камердинеръ, камеръ-юнгферъ, главный поваръ, дворникъ, модный портной, обойщикъ и т. п. Все это самоѣдская женщина соединяетъ въ одномъ лицѣ. Безъ женской свиты ни одинъ Самоѣдъ не тронется въ путь, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда онъ увѣренъ, что наткнется на готовый ночлегъ, на чумы.

Да, такая трудолюбивая жена кладъ, и потому умный Самоѣдъ, ели ему маломальски позволяютъ средства — а это рѣдко случается — заводитъ себѣ двухъ женъ. Если

онъ самъ не нуждается въ двухъ женщинахъ, то одну отдаетъ въ наймы, что бываетъ особенно выгодно въ такомъ случаѣ, когда кромѣ собственнаго пая, слѣдующаго ему,

Полшубокъ Асиискаго Самоѣда сзади.

Тотъ-же полшубокъ спереди.

какъ хозяину, по обычаю достается еще другой пай на долю жены. Такъ объяснилъ мнѣ это семейное дѣло тунгусскій старшина Сантаулъ, счастливецъ, успѣвшій заpastись четырьмя женами. Конечно, что все это значитъ въ сравненіи съ униженіемъ женщины на основаніи средневѣковаго права *seigneurie* у европейскаго земскаго дворянства.

Если такой Крезъ по части стады, какъ напр. Окд, въ состояніи нанять себѣ въ ба-траки Самоѣда, то онъ, кромѣ харчей и новой одежды съ головы до ногъ, обязанъ дать ему сѣв. оленя, за годовые труды его, считая срокъ отъ одного лѣта до другаго. Такое вознагражденіе соотвѣтствуетъ высокой рентѣ.

Чтобы добыть себѣ жену, нуженъ капиталъ, да притомъ большой капиталъ. Дочь-невѣста не тягость, а дорогое сокровище; это своего рода капиталъ. Нѣтъ ничего легче, какъ пріискать ей мужа. Поэтому нужно содержать ее хорошо. Почти за полстолѣтіе до меня, сестра старшины Натуранты, который и въ мое время счастливо правилъ своимъ народомъ, всюду была извѣстна своею разсудительностью, бережливостью и безпреко-

словностью—буквально такъ перевелъ мнѣ рассказъ переводчикъ мой. Тщетно домогался ея руки цѣлый рядъ жениховъ. Цѣна за нее была слишкомъ высока. Наконецъ одинъ Самоѣдъ, слывшій въ то время за богача, купилъ ее для своего сына въ качествѣ второй жены. Онъ далъ отцу 5 голубыхъ песцовъ, 45 песцовъ, 5 волковъ, стадо въ 90 сѣв. оленей, 8 аршинъ красного сукна. не говоря уже о котлахъ и о всей принадлежности домашняго хозяйства. Кромѣ того цѣлое собраніе женскихъ мѣдныхъ панцирныхъ пластинокъ было замѣнено сѣв. оленями¹⁾. Громко раздавалась слава такой женщины и ясно доказывала, что Самоѣдъ, хотя и отдаетъ жену свою въ наймы, все-таки лучше инаго Европейца умѣетъ цѣнить умственные достоинства женщины.

Старшій сынъ богача Окó женился на Авамской Самоѣдкѣ, заплативъ за нее 16 песцовъ, 2 волковъ, 40 сѣв. оленей, шкуры для чума, котлы и т. п. снаряды.

Пріятель мой Тойчумъ, хотя и старшина, но былъ бѣднякъ. За свою дочь онъ получилъ только 30 песцовъ, 2 волковъ и 20 сѣв. оленей, но въ свою очередь долженъ былъ отдать на обзаведеніе 10 сѣв. оленей, котлы и др. принадлежности. Но по опыту, говорилъ онъ, ему извѣстно, что сѣв. олени, приобретенные такимъ путемъ, какъ-то не идутъ въ прокъ, т. е. дохнутъ, разрываются волками и т. д.

Иногда приданое невѣсты, по-видимому, очень понижаетъ цѣну за нее. Такъ напр. видно было изъ разсказа, что невѣста должна имѣть на готовѣ новую одежду для жениха, т. е. полшубокъ, совершенно бѣлые сапоги съ красными суконными каемками и т. д., что она должна получить въ приданое два отдѣленія новыхъ покрывшекъ на чумъ и домашніе приборы всякаго рода, наполняющіе обыкновенно отъ 8 до 10, а въ экстренныхъ случаяхъ до 20 саней, изъ которыхъ въ каждые впряжено по 1, а въ невѣстины 2 сѣв. оленя. Все это достается молодой четѣ.

Слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ устраивается мѣна, да и на слѣдующій годъ молодая чета посѣщаетъ родителей и обязана привезти имъ новый нарядъ, и за это получаетъ отъ нихъ 2 сѣв. оленя.

Что основу брака составляетъ идея обмѣна, это доказываетъ также слѣдующій случай. Второй сынъ Окó, слѣдовательно сынъ очень богатаго человѣка, женился на дочери старшины Натуранты, т. е. на аристократкѣ. За нее отецъ Окó отдалъ свою дочь, т. е. сестру жениха, служившую Натурантѣ до тѣхъ поръ, пока онъ выдалъ ее замужъ ради своей пользы.

Переговоры часто длятся съ полгода и больше. Сватъ получаетъ за свои хлопоты сѣв. оленя.

Церемоній сватовства, сговора и приводовъ невѣсты, которыхъ мнѣ самому не удалось видѣть, потому что все это дѣлается во время зимняго отдыха, я не стану описывать. Хотя ихъ и можно считать гражданскимъ бракомъ, но онѣ несравненно сложнѣе европейскихъ, и при всемъ томъ, бракъ легко разстраивается, конечно, при удовлетворительномъ возвращеніи вещей.

¹⁾ Кастренъ, въ упом. соч. стр. 36, также сообщилъ намъ высокую цѣну жены у Остяковъ.

Вообще съ женщиною, несмотря на униженіе ея, обращаются хорошо. Никогда я не видѣлъ, чтобы женщины истязали; даже бранныя слова большая рѣдкость. Какъ нѣчто неслыханное рассказывали, что Окò колотить жену свою, да преимущественно изъ ревности. Вдова, невѣстка Тойчума, лишившаяся уже двухъ мужей, хвалила мнѣ обоихъ, но все-таки увѣряла, что если бы сынишка не былъ такъ молодъ и уже умѣлъ бы ловить бѣлыхъ куропатокъ, то она не стала бы болѣе помышлять о третьемъ мужѣ.

Затѣмъ обратимся снова къ рассмотрѣнію того, что женщины шьютъ и вышиваютъ. Къ наряду принадлежитъ, какъ извѣстно, рубашкоподобная исполняя одежда, обращенная мѣхомъ во внутрь и заступающая мѣсто нашего фланелеваго бѣлья; есть нѣсколько видовъ ея ¹⁾; затѣмъ штаны (Fonlā) и такъ-называемые чулки (Tōngada). Женскіе штаны, украшенные на поясъ шитымъ узоромъ, нераздѣльно соединены съ грудною частью ²⁾, которая сдерживается подтяжками, оставляя спину открытою. Верхнія женскія шубы не смыкаются въ видѣ рубашки, а открыты спереди; да и шапка ихъ не соединяется съ верхней шубой.

Въ шалашѣ въ хорошее время года люди часто ходятъ голыми, въ однихъ только штанахъ; особенно они голыми ложатся спать въ свои спальныя мѣшки, да обыкновенно вдвоемъ.

Кромѣ кистевыхъ ремней и различныхъ украшеній, на спинной части полубубка (см. рисунокъ на стр. 681), шкура еще расписана красками. Обыкновенно, а въ особенности на дѣтскихъ одеждахъ, которыя болѣе всего разукрашиваются, изображены четырехугольныя фигуры на спинѣ и сдѣланныя въ видѣ подтяжекъ полоски черезъ плечи. Бѣлая и красная краски смѣняются поочередно. Ремневья косички также состоятъ изъ черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ полосокъ.

Особенно отличается, какъ и у нашихъ дамъ, головной уборъ; но онъ неизмѣнно строго слѣдуетъ модѣ. Вышеупомянутое убранство шапки, съ длиннымъ чернымъ собачьимъ волосомъ мохнатыхъ спицовъ, оканчивается и спереди чѣмъ-то въ родѣ пушистаго хвостика, который отчасти прикрываетъ лицо, но при вѣтрѣ важно развѣвается, какъ перья на шлемѣ.

Впрочемъ, женщины, когда онѣ принарядятся, совершенно обвѣшаны мѣдными бляхами и вплетенными въ косы бубенчиками и бусами. Но я разъ только нашелъ, что онѣ дѣйствительно являли статный видъ, т. е., когда онѣ насъ посѣтили среди дѣта и когда въ буквальномъ смыслѣ ихъ нельзя было узнать, потому что онѣ вымылись.

Татуированіе лица, въ видѣ украшенія, у Самоѣдовъ, по-видимому, дѣйствительно не въ употребленіи. Между Асинцами я встрѣтилъ, однакоже, трехъ молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ на правой рукѣ, отчасти на внутренней сторонѣ локтеваго сгиба, отчасти косо, вдоль поверхностной вены, были три черныхъ пятна въ рядѣ. Онѣ вшиваются съ ранней

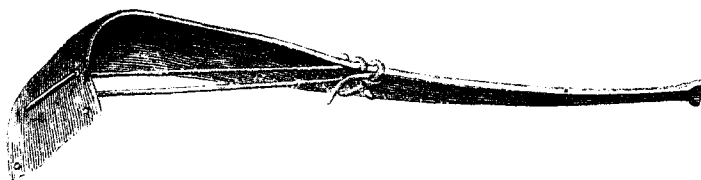
¹⁾ Коротенькій тулупъ съ шапкой мнѣ назвали пі-
táku; длинный tónn^o.

²⁾ Вајку. Покрой ея какъ въ Германіи у мальчиковъ сельскихъ жителей.

молодости посредством жидких волоконъ, вычерпанныхъ углемъ. Можетъ быть, это употребляется въ видѣ предохранительнаго средства отъ болѣзней, потому что противъ столь обычнаго въ чумахъ, чрезвычайно чувствительнаго лома въ поясищѣ татуирный шовъ служить какъ отводное средство; вслѣдствіе этого спина Натуранты представляла цѣлый рядъ образчиковъ такого рода. Кромѣ лома въ поясищѣ, которымъ и я сильно страдалъ, нерѣдкою болѣзною оказывалась парша. Что жесткія невзгоды, которыми подвергаютъ себя эти люди, не позволяютъ имъ достигать старости, это доказывалось тѣмъ, что во всей Асиинской ордѣ былъ одинъ только старикъ. Онъ страдалъ неспособностью поднимать верхніе вѣки, но сумѣлъ помочь своему горю искусно придуманной повязкой въ видѣ буквы Т, которая спереди расходилась вилкообразно мимо обѣихъ сторонъ носа и подтягивала вѣки вверхъ.

Впрочемъ, кожа на тѣлѣ этихъ людей татуирована еще иначе, чѣмъ мы тотчасъ описали, а именно въ видѣ кровавыхъ точекъ, благодаря безчисленнымъ обитателямъ ихъ одежды, съ которыми они тщетно борются (срав. стр. 53 и 653). Къ точкамъ присоединяются рубцы, образующіеся отъ расчесыванія тѣла. Это страданіе заставило ихъ обзавестись особымъ инструментомъ, который въ чрезвычайно утонченныхъ туалетныхъ магазинахъ нашихъ встрѣчается въ видѣ длинной, изогнутой щетки, изображающей спинную скребницу.

Прототипъ этого рафинированнаго инструмента является у Самоѣдовъ въ видѣ тонкаго обрѣзка отъ рога сѣв. оленя, конецъ котораго передъ огнемъ согнутъ подъ прямымъ угломъ и ремнями удерживается въ этомъ положеніи. Чтобы объяснить значеніе этой скребницы, я

Спинная скребница Асиинскаго Самоѣда.

мѣтки о «пожираниі» и щелканіи, онъ продолжаетъ: «Если же они (т. е. Ительмяны) хотятъ вполне ублажить себя, то они снимаютъ куклянку, садятся голыми передъ огнемъ, «берутъ веревку, сплетенную изъ сухихъ корней *Alsines marinae portulacaefoliae*, водятъ ее обѣими руками по спинѣ и отъ удовольствія дѣлаютъ умильнѣйшія фізіономіи».

Вознесемъ отъ этихъ земныхъ горестей и радостей къ болѣе высокимъ предметамъ. Религіозный интересъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на удачѣ и неудачѣ въ охотѣ и ловлѣ, хотя домашнему истукану приходится заботиться еще о многомъ другомъ. Выше (стр. 647) мы уже имѣли случай ознакомиться съ двумя домашними истуканами. Ни Окѣ,

¹⁾ Beschreibung des Landes Kamtschatka, 1774. стр. 199.

ни Тойчумъ не рѣшился показать мнѣ своихъ домашнихъ божковъ, освященныхъ шаманомъ. Это были какія-то куклы. Одинъ изъ моихъ казаковъ рассказывалъ мнѣ, что какой-то Береговой Юракъ возилъ съ собою, за истукана, отца своего, высохшаго въ черную мумію. Меня посѣтилъ А синецъ, у котораго на шеѣ, на ремнѣ висѣлъ въ видѣ амулета, крошечный мѣшечекъ, наполненный золою особаго рода.

Кромѣ такихъ истукановъ А синцы поклоняются также естественнымъ достопримѣчательностямъ. На высокомъ берегу р. Таймыра я нашелъ камень, изображающій, если дать волю фантазіи, верхнюю часть человѣческаго тѣла. Вокругъ него были навалены необыкновенно большія окаменѣлости и такъ-называемыя причуды природы: изъ нихъ одинъ камень, который долженъ былъ изображать птицу, искусственно нѣсколько былъ подтесанъ. Уваженіе къ Тойчуму и зависимость отъ него не позволяли мнѣ присвоить себѣ и увезти неизвѣстный дотогѣ видъ между упомянутыми окаменѣlostями; онъ и теперь еще лежитъ тамъ. На этомъ жертвенникѣ мнимыя уста фигуръ густо были обмазаны жиромъ и кровью¹⁾. При этомъ случаѣ я узналъ, что на р. Агапѣ, на высокомъ остромъ холмѣ, среди безлѣсной тундры, поставлена довольно большая засохшая ель съ сучьями. Каменный фундаментъ, въ который она упирается, обмазанъ кровью и жиромъ; рядомъ лежатъ принесенныя въ жертву деньги, бусы, мѣдныя кольца, стрѣлы и т. д. На Енисеѣ, ниже Дудина, на равнинѣ лежитъ, говорятъ, огромной величины камень. При немъ также совершаются приношенія и Самоѣды оправдывали ихъ тѣмъ, что «въдъ такой тяжелый камень могъ привести туда только самъ Творецъ лично». Въ честь домашняго истукана по временамъ совершаются также возліянія.

Грѣховъ насчитывается безчисленное множество; тутъ также признается за грѣхъ варить голову убитаго сѣв. оленя, или не откидывать глазъ его далеко за себя, черезъ плечо. Если уши не сѣдаются тотчасъ-же, то ихъ необходимо отбрасывать такимъ-же образомъ или сѣдать уже впоследствии, когда пройдетъ время травли сѣв. оленей; ѣсть убитыхъ животныхъ собаки не смѣютъ, волки-же и лисицы могутъ; убивать животное, подлежащее закаланію, иначе, чѣмъ посредствомъ задушенія, грѣшно и заставляетъ человека хворать и т. д. Но различныя племена, повидимому, различно относятся къ такимъ охотничьимъ заповѣдямъ. Такъ, напр. Хантайцы ѣли чаекъ и поморниковъ, какъ лакомство, тогда какъ Авамцы не смѣли ихъ ѣсть. А синцы питали отвращеніе къ большому нырку (*Eudytes glacialis*) и увѣрили, что онъ убиваетъ людей, другія же племена охотились на него.

Болѣе всего опасны отношенія всего священнаго къ женщинамъ, которыхъ пологительно считаютъ нечистыми. Живо припоминаю выраженіе ужаса на лицѣ моего пріятеля Тойчума, которое я не умѣлъ объяснить себѣ. Въ пылу наблюденій я положилъ свой Шмалькальденскій компасъ на сани, чтобы удобнѣе занести въ дневникъ градусы,

¹⁾ Самоѣды ограничиваются по крайней мѣрѣ символическимъ откармливаніемъ своихъ истукановъ, по нѣкоторыя киргизскія племена примѣняютъ эту процедуру

и къ своимъ почтеннымъ гостямъ (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. II, стр. 284).

которые онъ показывалъ. «Женскія сани», воскликнулъ Тойчумъ, «ты ужасно грѣшишь въ отношеніи къ твоему идолу». Чтобы успокоить пріятеля, мнѣ пришлось совершить надъ моимъ компасомъ систематическія очистительныя церемоніи, точно, какъ будто я находился въ Римѣ. Женщина ни за что не смѣетъ перерѣзать путь каравану; она должна притаиться къ стѣпѣ, когда мужчина хочетъ выдти изъ чума и т. п.

Такой-же щекотливый пунктъ составляетъ обереганіе охотничьихъ снарядовъ, крыльевъ для травли сѣвери, оленей, и остальныхъ охотничьихъ принадлежностей, отъ оскверненія женщинами. Случается, что охота нѣсколько разъ шла не такъ, какъ желали. Начинаютъ допрашивать богослова и чародѣя, шамана, который, благодаря непосредственному божественному откровенію, все знаетъ и, вслѣдствіе непосредственнаго сношенія съ божествомъ, можетъ узнать еще и больше того. На первый разъ онъ отвѣчаетъ, что «крылья устали». Они должны отдохнуть, хотя великолѣпнѣйшая для охоты погода какъ разъ приглашаетъ васъ воспользоваться кратковременностью глубокаго сѣвера. Но тутъ, конечно, ничего не подѣлаешь; остаешься въ чумѣ и спишь цѣлый день. И я долженъ былъ остаться въ чумѣ, но легко успѣлъ обуздать свое нетерпѣніе, вспомнивъ о жарко-сухихъ воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ на родинѣ, въ самое горячее время сѣнокоса въ дождливые годы. При всемъ томъ однакоже охота опять - таки неудачна. Снова допрашиваютъ шамана и на этотъ разъ онъ отвѣчаетъ: «слѣдуетъ теперь допросить боговъ, безъ нихъ я не знаю болѣе что дѣлать». Тогда возбуждается вопросъ: «надъ сколькими сѣв. оленями слѣдуетъ шаманствовать?» Встрѣчаются иногда такіе важные случаи, когда шаманствуютъ даже надъ 20 сѣв. оленями; въ такомъ случаѣ церемонія можетъ продолжаться дня три. Money and time. Шаманъ приводитъ себя въ восторженное состояніе, показываетъ свои извѣстные фокусы, позволяетъ даже отрѣзать ему голову, заговариваетъ больныхъ, которымъ истинная вѣра и помогаетъ и т. п. Наконецъ, сѣв. оленей закалываютъ, рты боговъ порядкомъ смазываютъ жиромъ и подкрашиваютъ кровью, шаманъ открываетъ кутежъ и все кидается на жертвенное мясо, исчезающее, какъ по волшебному мановенію, между зубами людей, незадолго передъ тѣмъ предававшихся умиленному благоговѣнію. Остатки дѣлаются достояніемъ шамана.

Само собою разумѣется, что шаманъ играетъ главную роль и тогда, когда приходится проложить путь усопшему къ будущей жизни, и опять все дѣло вертится на пированіи.

Во время странствованія моего съ Асинцами умерла старуха. Вмѣстѣ съ лучшею ея одеждою, въ такомъ-же сидячемъ положеніи, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейскихъ могилахъ каменнаго періода, ее зашили и притомъ (такъ какъ, благодаря нашей экспедиціи, ей удалось быть схороненной великолѣпнѣйшимъ образомъ) въ кусокъ старой парусины. Затѣмъ ее завернули въ часть шалашной покрывки, вынесли изъ чума чрезъ боковое отверстіе (но ни за что на свѣтѣ въ дверь) и посадили на женскія сани, украшенныя кусками красной кожи, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей лично скарбомъ, мѣдными украшениями и т. п. Впрягли двухъ сѣв. оленей, которыми правили изъ другихъ саней.

Въ такомъ видѣ отправились въ тундру, куда и нашъ старшина поѣхалъ въ этотъ день, потому что ему приходилось копьемъ своимъ заколотъ двухъ сѣв. оленей — а вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣсть лучшіе куски. Такъ какъ покойница была бѣдная женщина, оставившая по себѣ дочь съ маленькимъ сыномъ, то съ единственною частью шалашной покрывки¹⁾, съ санями, разными приборами и одеждою, и съ сѣв. оленями, покойной отдана была для будущей жизни большая часть ея имущества.

У осиротѣвшихъ, которые, вслѣдствіе похоронъ, лишились большей части своего добра, осталось всего 3 сѣв. оленя. Какъ ни жалко было положеніе, въ которомъ находились наследники, они однакоже не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ горя, ничѣмъ не проявляли, что съ ними произошло нѣчто необычайное. Но все-таки они цѣлую недѣлю должны были провести въ особомъ, устроенномъ для нихъ шалашѣ, прежде нежели имѣли право приняться опять за обычные занятія. Европейцу не слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣтельствуетъ о равнодушіи. По прошествіи года они опять посѣщаютъ могилу своихъ родныхъ. Мнѣ неоднократно приводилось видѣть величайшую заботливость о большихъ родичахъ, доказательства нѣжливѣйшей любви къ дѣтямъ, которая на европейскій манеръ выражается въ нѣжномъ цѣлованіи. Однажды отецъ, держа больного ребенка на рукахъ, съ выраженіемъ самой искренней заботливости о немъ, упрасивалъ меня помочь больному. Находясь далеко отъ чума и отъ походной аптеки мосей, я старался объяснить ему, что ничего не могу сдѣлать для него, но онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, когда я, уступая его настойчивымъ просьбамъ, «положилъ руку мою на ребенка», потому что ощупываніе мною пульса они принимали за существенную часть леченія.

Пустыни тундры, подобно безпредѣльно обширному кладбищу, были усыяны самоѣдскими могильными памятниками, далеко отстоявшими другъ отъ друга. Въ одномъ мѣстѣ уединенно торчали мужскія, въ другомъ женскія сани, а мѣстами и символическое изображеніе дѣтскихъ санокъ. На послѣднихъ также находилось миниатюрное оружіе, лукъ и стрѣлы, для употребленія въ будущей жизни. Котлы и желѣзные ковши сохранились тамъ, гдѣ, несмотря на охранительный климатъ, деревянныя вещи уже успѣли развалиться. Часто можно было еще ясно различать мѣста, на которыхъ были разведены очистительные огни. На свѣжихъ могилахъ мѣхъ отъ одежды и упряжи сѣв. оленей первый дѣлался добычею волковъ и лисицъ, которые съѣдали даже тѣло покойника, если въ часъ его смерти земля еще была ненарушимо мерзла и тѣло либо оставалось на саняхъ, либо клалось въ снѣгъ²⁾. Это даже считается хорошимъ признакомъ, но если окажется, что могила разрыта людьми, то это принимается за весьма дурное предзнаменованіе.

¹⁾ Въ тундрѣ она известна подъ названіемъ Njuk; по самоѣдски: djöi, изъ чего у сѣв. Якутовъ вѣроятно образовалось слово dshie. — Покрытый шкурами шалашъ въ тундрѣ вообще называется чумъ; очевидно по связи съ словомъ чуми, которое, по крайней мѣрѣ у Хантайскихъ Самоѣдовъ, значило очагъ.

Мидделдорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

²⁾ Кастренъ (Reiseberichte und Briefe, стр. 168 и 389) поступилъ совершенно справедливо, исправивъ въ послѣдствіи самъ свое показаніе, что сѣверные Самоѣды вѣроятно кладутъ своихъ покойниковъ въ нѣдра земли.

Для устройства могилы обыкновенно выбирается вершина холма. Но когда мы собирались устроить свой шалашъ на болѣе продолжительное время у р. Таймыра, на полувысокомъ береговой покатости, и я усѣлъ принесть для него довольно сухое мѣстечко съ прежнимъ очагомъ, то мы не мало удивились, что по снятіи нѣкоторыхъ каменныхъ плитъ для уравненія мѣста подъ нашу стоянку, и вслѣдствіе разгребанія земли моею собою, добрался до сайбы или до самоѣдскаго потаеннаго хранилища запасовъ. Дѣйствительно, вскорѣ появилось маховое гусиное перо, но подъ нимъ, среди кучки валуновъ, мы открыли не запасъ собственныхъ припасовъ, а зашитое въ шкуры мертвое тѣло. Оно было стянуто въ сидячемъ положеніи, т. е. схоронено точно такъ, какъ хоронились тѣла и въ Европѣ во время каменнаго періода. Оказалось, что это было тѣло дѣвушки въ полномъ облаченіи лучшаго наряда; горѣлое же мѣсто было остаткомъ заупокойной тризны.

Переводчикъ нашъ увѣрялъ, что гусиное перо кладутъ въ могилу несовершеннолѣтнихъ.

Въ дополненіе къ сказанному мною на стр. 626, 630, 632, 634, 663, 666, 667 и 671, относительно формы Самоѣдскихъ череповъ и лицъ, я считаю нелишнимъ присовокупить тутъ, что въ настоящее время предо мною фотографическіе снимки съ 8 Самоѣдовъ Нижняго Енисея, у которыхъ преобладаютъ монгольскія черты лица, и фотографія съ Самоѣда Большеземельской тундры, изъ превосходнаго фотографическаго атласа, приложеннаго къ описанію поѣздки графа Вильчека въ Новую Землю. Самыя замѣчательныя изъ нихъ я надѣюсь сообщить въ концѣ этого тома.

Долганы.

Съ напряженнымъ любопытствомъ я разсматривалъ кочевниковъ этого беспословнаго племени, съ которымъ впервые мнѣ удалось встрѣтиться на Енисеѣ, въ Дудинѣ (69½ с. ш.); туда явились Долганскіе старшины, чтобы ближе условиться на счетъ того, какимъ образомъ и чрезъ какія пространства Авамекой тундры они мнѣ помогутъ перенестись на своихъ упряжныхъ животныхъ.

Вскорѣ оказалось, что Долганы живутъ на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ можно было предполагать по ихъ немногочисленности, равно какъ по неизвѣстному имени ихъ, и что они не только были кочевники, но отчасти занимали также самыя сѣверныя поселенія всего Таймырскаго края.

Сначала я скоро пришелъ къ тому заключенію, что Долганы — сами они называли себя Долгашъ — представляютъ совершенно особое по формѣ лица народное племя, т. е.

типъ совершенно отличный отъ типа всѣхъ Остяковъ, Юраковъ, Самоѣдовъ и Тунгусовъ, которыхъ я до того времени имѣлъ случай видѣть и измѣрять и съ которыхъ, по моему распоряженію, снимались портреты. Этотъ типъ изображенъ на VI-ой таблицѣ прилагаемыхъ рисунковъ, и даже того, кто мало привыкъ подмѣчать этнографическіе признаки, должно поразить, какъ мало это лицо Мани (З), старшины Долганскаго племени ¹⁾ *Yuhhi-gádjadj* (у Русскихъ, по тамошнему произношенію: Дзиганская орда), служить представителемъ съ одной стороны финскаго, съ другой — монгольскаго типа. Скулы выдаются весьма умѣренно; глазное отверстіе хотя и узко, но не целообразно, да и не идетъ вкось, а лежитъ горизонтально. Но всякому сближенію съ монгольскимъ типомъ поразительнѣе всего противорѣчитъ длина лица, отъ глазъ до подбородка, слѣдовательно высота верхнечелюстной кости, да длина носа. Последний, въ основаніи своемъ, правда, широкъ, но отнюдь не плосокъ, а, напротивъ того, уже въ основаніи своемъ образуетъ острый хребетъ, оканчивающійся длиннымъ, полуразвитымъ орлинымъ носомъ. Это по-ложительно татарское лицо кавказской породы.

Къ такому заключенію я пришелъ сначала, какъ уже замѣтилъ, но вскорѣ долженъ былъ измѣнить свой взглядъ: стали являться такія лица, которыя заставили меня отмѣтить въ дневникѣ слѣдующее: «теперь я все-таки болѣе не берусь сразу отличить любаго Долгана отъ Тунгуса». Въ административные списки правительства Долганы внесены подъ названіемъ Тунгусовъ. Дѣйствительно, на сколько въ фізіономіи Мані и во многихъ другихъ, похожихъ на него, лицахъ легко было замѣтить особый типъ, на столько становилось труднымъ отыскать общія черты, послѣ того, какъ мнѣ встрѣтились такіе экземпляры, какъ Пальковъ (таб. VI, 2) и другіе.

Полгода спустя все это, конечно, стало мнѣ ясно, какъ день, но пусть читатель приметъ въ соображеніе, что я явился прямо изъ Европы и ѣхалъ безостановочно въ Таймырскій край. При совершенномъ незнакомствѣ моемъ съ Якутами и при сходствѣ образа жизни всѣхъ кочующихъ Долгановъ съ образомъ жизни Тунгусовъ, меня должно было сбить съ толку неправильное обозначеніе въ административныхъ спискахъ. Но еще болѣе поддерживали меня въ моей ошибкѣ единственные извѣстія, которыя у меня были въ рукахъ относительно происхожденія этого загадочнаго народа. Тѣ изъ нихъ, которые были по разумію, повторяли, что по преданію они родомъ съ Олейской стороны.

Фишорова Сибирская исторія дѣйствительно говоритъ намъ, что въ 1632 году Бекетовъ поплылъ внизъ по Ленѣ и положилъ дань на Долганскихъ да Жиганскихъ Тунгусовъ. Это преданіе, казалось мнѣ, заслуживаетъ вѣроятія тѣмъ болѣе, что въ рукописномъ дневникѣ Редовскаго, хранящемся въ Академіи Наукъ, подъ 1806 годомъ, отмѣчено, что въ Тавуискѣ, слѣдовательно далеко на востокъ отъ Охотскаго моря, «5 отдѣловъ Тунгусовъ вносятъ ясакъ: 3 отдѣла Долганскихъ и 2 отдѣла Угайскихъ, занимающихся охотою въ горахъ при р. Тавуи и Ямѣ».

¹⁾ Орда или племя по долгански называется: *ägbyl*.

Только впоследствии, когда я сталъ сравнивать языкъ Долгановъ, оказалось, что кочующіе съ Тунгусами Долганы хорошо умѣли объясняться съ ними не потому, что языкъ ихъ принадлежалъ къ тому-же корню, или что Долганы понимали по-тунгуски (что впрочемъ также имѣло мѣсто), а еще гораздо больше потому, что Тунгусы усвоили себѣ долганскій языкъ. Последний же, какъ вскорѣ оказалось, былъ почти чисто-якутскій языкъ.

И такъ эта «Дзиганская орда», дѣйствительно, первоначально переселилась изъ окрестностей города Жиганска, лежащаго подъ полярнымъ кругомъ на р. Лена, вѣроятно въ то время, когда казаки Мангазейскіе и Якутскіе старались перещеголять другъ друга въ грабежахъ на р. Лена и предводители ихъ оспаривали другъ у друга порабощеніе первобытныхъ жителей долины р. Лены, т. е. не только воевали между собою, но и отбирали ясакъ у коренныхъ жителей съ той и съ другой стороны (1633 г.). Вѣроятно въ то время якутскія и тунгусскія племена вмѣстѣ двинулись на западъ, потому что въ административныхъ свѣдѣніяхъ Тунгусы въ Норильскихъ горахъ названы Жиганскими Тунгусами¹⁾. Къ тому времени, какъ извѣстно, относится также движеніе Якутовъ съ средняго теченія Лены въ область прибрежій Ледовитаго океана.

Слѣдовательно, въ мое время Долгановъ можно было считать небольшою вѣтвью выселившихся Якутовъ, которая сверхъ двухъ поселеній на Енисей²⁾ занимала самыя западныя мѣста пребыванія этого племени въ рѣчной области Пясины и Хатанги, но не простиралась далѣе низовьевъ этихъ рѣкъ и уже никакъ не доходила до устьевъ ихъ или до моря.

Они кочевали въ верховьяхъ упомянутыхъ рѣкъ, въ горахъ, окружающихъ Норильскія озера, и пользовались своими угольями сообщая съ Жиганскими Тунгусами, усвоивъ себѣ ихъ образъ жизни, а отчасти и языкъ. Самыя сѣверные родичи ихъ, всего впрочемъ три чума, въ мое время кочевали на Авамской тундрѣ, при р. Авамѣ и на Дудыптѣ. Лѣтомъ эти Долганы отправлялись еще далѣе на сѣверъ, вверхъ по Дудыптѣ, и внизъ по Пясинѣ, даже по Горбинѣ, въ область истоковъ р. Таймыра, прилегающую къ области рѣки Пясины и окаймляющую лѣвый берегъ истоковъ Таймыра горнымъ краемъ, тогда какъ по правому берегу тянется ровная тундра. Такимъ образомъ, эти Долганы съ запада окружали Асиинскихъ Самоѣдовъ, Долгане же, придерживавшіеся болѣе р. Хатанги, граничили съ тѣми-же Самоѣдами съ востока, когда въ лѣтнее время на лѣвомъ берегу Хатанги откочевывали къ низовью Болохни и даже за нее³⁾ до р. Блудной⁴⁾, гдѣ находилась осенняя переправа кочующихъ сѣв. оленей,

¹⁾ Срав. атласъ картъ, приложенный къ этому сочиненію, табл. II.

²⁾ До зимовья Портнягина.

³⁾ Срав. въ главѣ о Якутахъ сказанное о Якутскихъ поселенцахъ у Туруханска.

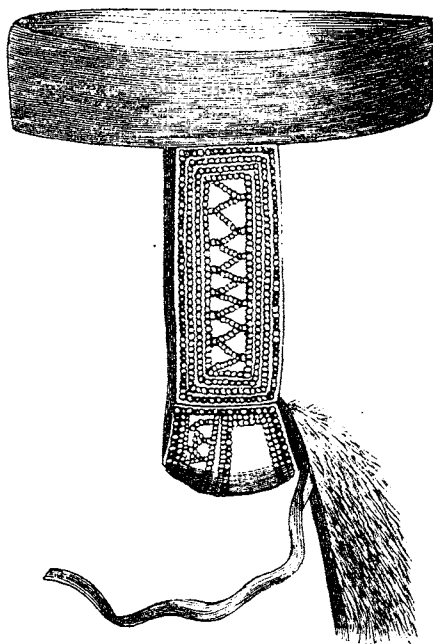
⁴⁾ Въ мое время впрочемъ только патриархъ-Крѣзь Окó и прямыя его потомки. Въ 1740 году Лантевъ при устьѣ Блудной засталъ уже «осѣдлыхъ Тунгусовъ», безъ сомнѣнія этихъ Долгановъ.

которыхъ они тамъ подстерегали. Отъ этой рѣки, къ югу, вдоль Хатанги, даже до источниковъ рѣки Попигая и Анабара, и до Норильскихъ горъ, бродили Долганы.

Эти кочующіе Долганы, хотя мѣстами и устраивали себѣ на время зимніе шалаши, юрты ¹⁾, въ родѣ тунгусскихъ, но еще менѣе чѣмъ Тунгусы придерживались такихъ постоянныхъ жилищъ, и, не стѣсняясь ими, бродили какъ попало. Отчасти они тѣсно примкнули къ Тунгусамъ, подобно имъ заводили лишь небольшое число сѣв. оленей и потому только крайне неохотно выходили изъ горъ своихъ на плоскую тундру, многочисленныя волки которой въ одну почъ могли отбить у нихъ все стадо. Они увѣрили, что благодаря волкамъ, болѣзнямъ и вызваннымъ нуждою закалываніямъ животныхъ, они и лишились стада, которыми нѣкогда владѣли предки ихъ. Питались они, главнымъ образомъ, отчасти рыбами, отчасти крупною дичью, но вовсе не добывали, по ихъ увѣренію, пушныхъ животныхъ. Последнее было, пожалуй, ложное показаніе по необходимости, которое при сношеніяхъ съ корыстолюбивыми чиновниками, священниками и казаками, должно было обратиться въ привычку. Ясакъ свой они уплачивали впрочемъ палочными деньгами.

Съ перваго же взгляда они напоминали Тунгусовъ въ томъ отношеніи, что носили при себѣ виштовки и имѣли жесткіе черные волосы, связанные въ длинную косичку, которая была обмотана ремнями и обвѣшана на концѣ стеклянными бусами, да и въ томъ еще отношеніи, что доходившіе лишь до половины икоръ, слѣдовательно болѣе короткіе чѣмъ у Самоѣдовъ, тулупы состояли изъ шкуръ темнаго цвѣта. Безъ сомнѣнія это можно приписать столько-же болѣе темному цвѣту горныхъ сѣв. оленей, сколько свободному выбору, потому что въ области лѣсовъ темный цвѣтъ меньше отдѣляется отъ цвѣта прочей обстановки. А для охотника это чрезвычайно важно.

О якутскомъ нарядѣ напоминалъ шитый мѣховой набо-

Якутскій и долганскій начельникъ, нашечникъ и набордникъ.

родникъ ²⁾, сдерживавшійся повязкою въ видѣ Т, оба бедра которой шли вдоль щекъ къ прилегавшему къ головѣ начельнику. Къ этому начельнику прикрѣплялись и свѣтловые очки, которые у одного состояли даже изъ зеленыхъ стеколъ, чего я въ Сибири нигдѣ болѣе не видѣлъ. По всей вѣроятности это старинная наследственная вещьца, перешедшая изъ Якутска, а

¹⁾ Домики изъ поставленныхъ торчмя бревенъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ такихъ домиковъ было: у Долганскаго рода 20, у Жиганскаго 16.

²⁾ Срав. ниже якутскія названія.

можетъ быть и относящаяся ко временамъ ученыхъ экспедицій, совершенныхъ сто лѣтъ тому назадъ. На табл. XV, рис. 3 нѣм. изд. изображенъ великолѣпный головной уборъ Долганки, который привѣшивается къ концу косички и въ качествѣ такого украшенія косы пользуется у Тунгусокъ особеннымъ почетомъ.

Страннымъ показалось мнѣ, что у Долгановъ башлыкъ тулупный могъ затягиваться вокругъ мѣховой шапки при помощи продѣтаго ремня: эта особенность не встрѣчалась мнѣ у другихъ кочевниковъ и, вѣроятно, составляетъ моду у полярныхъ Якутовъ Восточной Сибири. Точно также я произвожу отсюда весьма поразительный въ Самоѣдской тундрѣ Долганскій способъ держать копье, т. е. шестъ для погонянія сѣв. оленей, въ правой рукѣ; по этому и заправной сѣв. олень въ четверкѣ припрягается у нихъ съ правой стороны, да и ѣздятъ они также справа отъ другихъ саней, если таковыя подчинены ихъ присмотру и впряженные въ нихъ животныя не хотятъ порядкомъ слѣдовать сзади на привязи.

Хотя они по русски знали больше Тунгусовъ Норильскаго края, но они строже ихъ придерживались старинныхъ нарядовъ, обычаевъ и правовъ. Всѣ они также, не исключая даже старшинъ Мани и Тыльцяхана, твердо устояли противъ сильнаго искушенія принять крещеніе. Это былъ живой, подвижной, ловкій, услужливый народъ, съ большимъ достоинствомъ. Въ единоборствѣ онъ отличался ловкостью, такъ что Долганы одерживали верхъ надъ монги казакими. Между кочующими Долганами больше всего встрѣчались неподдѣльно якутскія физіономіи. При всемъ этомъ они физически слились съ Тунгусами не менѣе, чѣмъ въ отношеніи правовъ и образа жизни. Этому я приписывалъ и встрѣчавшіяся между ними значительныя различія въ ростѣ, хотя большая часть Долгановъ были малаго роста. Съ Тунгусами они слились до такой степени, что въ мое время Долганъ тунгусской Ялегринской орды, постоянно жившій въ Авамскомъ поселеніи, былъ выбранъ въ помощники старшины, т. е. въ десятники.

Тѣ члены этого рода, которые доходили до самыхъ крайнихъ полярныхъ предѣловъ его (главнымъ представителемъ ихъ былъ Крезъ Око, изъ области рѣки Болухни), сообразно плоской тундрѣ, до такой степени приняли виѣшность Самоѣдовъ, что даже дѣти Око, очевидно подъ вліяніемъ матери, Самоѣдки, не понимали и подавно не говорили по долгански. Око самъ понималъ только нѣсколько долганскихъ словъ. Дѣти слѣдались пастухами сѣв. оленей и могли удержаться на тундрѣ только въ качествѣ такихъ обладателей и охранителей большихъ стадъ. Они говорили по самоѣдски и вооружены были только лукомъ да стрѣлами. Охота ихъ ограничивалась, какъ у Самоѣдовъ, добываніемъ сѣв. оленей и гусей. Рыбною ловлею они занимались только какъ совершенно второстепеннымъ дѣломъ.

Третью, весьма важную категорію Долгановъ составляли осѣдлые поселенцы, занимавшіе все пространство, можно почти сказать поперечный путь, отъ Дудина до Хантагскаго погоста. Лѣтомъ, правда, они отправлялись также на тундренныя озера, къ сѣверу, но и тамъ любили строить себѣ маленькіе шалани. Отсюда-то они эксплуатиро-

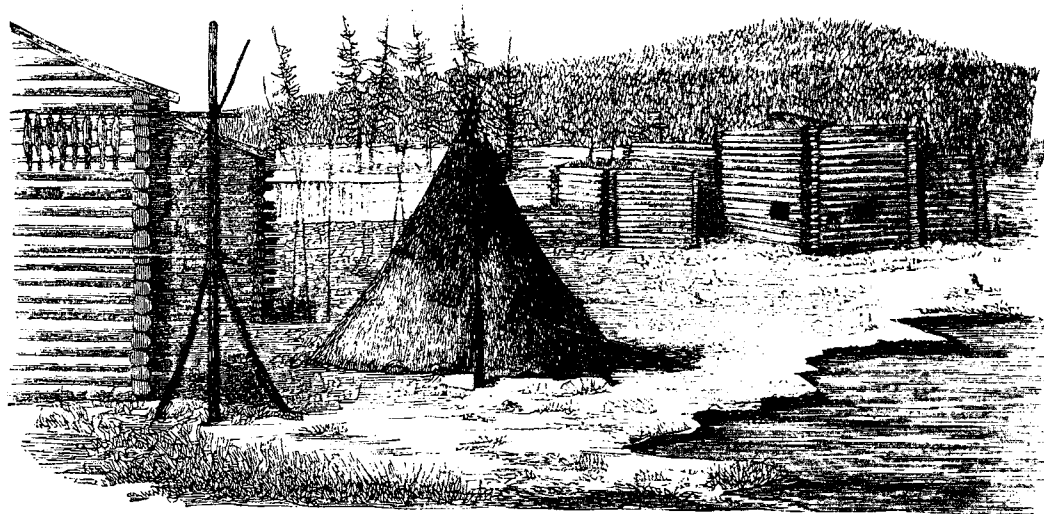

вали безчисленное множество разбѣянныхъ кругомъ богатыхъ рыбою озеръ, заготовляли запасы на зиму. Они питались преимущественно рыбами и хотя свободно кочевавшіе родичи ихъ поглядывали на нихъ какъ-бы съ чувствомъ собогѣзнованія, но преимущества обеспеченнаго существованія, осѣдлости, связаннаго съ нею заготовленія большихъ запасовъ, сношеній съ проѣзжавшими по временамъ чиновниками, купцами и священниками, выгоды крещенія и т. д. давали имъ такое превосходство надъ кочующими, что они положительно были самыми замѣчательными членами этого рода и не мало гордились тѣмъ, что въ тяжкія времена спасаютъ странствующихъ собратьевъ своихъ отъ голодной смерти. Происходитъ это, говорили они неоднократно, оттого, что кочевники полагаются на ненадежное охотничье счастье, вмѣсто того, чтобы заняться надежною рыбною ловлею, которую я не могъ не приравнять къ разведенію картофеля въ неблагоприятныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ.

Между этими поселенцами поэтому-то и находилось двое старшинъ Долганскихъ, вліятельный Арця, по ту сторону Хатанги ¹⁾ и долганскій старшина на Боганидѣ ²⁾. Арця уплачивалъ ясакъ своей орды, за 80 душъ.

Хотя въ поселеніяхъ того или другаго Долгана прямо называли Якутомъ — почему, этого мнѣ не удалось дознаться — но какъ разъ тутъ-то можно было замѣтить наибольшее смѣшеніе.

Такъ напр. сынъ Арци былъ женатъ на Русской, самъ же отличался несомнѣнно тунгусскою физиономіей. Другой Долганъ, въ Хатангскомъ Погостѣ, былъ женатъ на дочери покойнаго священника, слѣдовательно также на Русской. Повсюду по-

Долганское поселеніе на предѣлѣ лѣсной растительности.

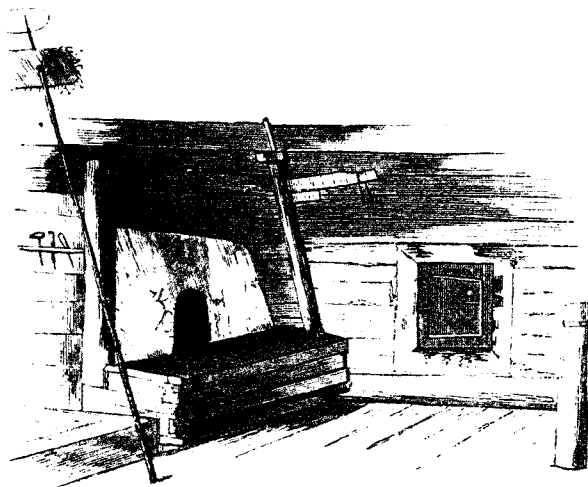
¹⁾ Въ Убойномъ, еще на два дня пути далѣе отъ Хатангскаго погоста.

²⁾ Въ Горбуновѣ.

селенія указывали на свое родство между собою, хотя жители причисляли себя то къ Русскимъ, то къ Якутамъ или Долганамъ. Не исключали себя также кочевники и поселенцы. Изображенный на табл. VI, 2, Гаврила Пальковъ совершенно поселился на Боганидѣ, тогда какъ родители его еще кочевали между Хетой и озерами, лежащими за Хатангой. Изображенный на XI таблицѣ иѣм. изд. братній сынъ его Прысъ Пальковъ поселился на Хетѣ¹⁾, на которой, впрочемъ, нѣсколько прежнихъ поселеній были покинуты. Два сына вышеупомянутаго Долгана Око были женаты на Самоѣдкахъ, равно какъ и Долганъ, котораго я засталъ совершенно осѣдлымъ на р. Хетѣ, среди Якутовъ.

Помѣщенный выше рисунокъ можетъ дать понятіе о видѣ, какой представляетъ хорошо устроенное поселеніе около предѣла лѣсной растительности. Всегда оно лежитъ около воды; вмѣсто крыши зимовье обыкновенно довольствуется горизонтальной бревенчатой настилкой, покрытой дерномъ; безъ шалаша изъ шкуръ сѣв. оленей нельзя обойтись; одну изъ существеннѣйшихъ принадлежностей составляютъ жерди, на которыхъ сушатся распластанныя рыбы. Мы покончили со всѣмъ и намъ больше не о чемъ упоминать въ этой глуши.

Мы влѣзаемъ въ бревенчатый кубъ; пробраться въ него иначе нельзя, какъ сильно согнувшись, такъ какъ дверь доведена до возможно меньшаго размѣра съ тѣмъ, чтобы морозъ не прорывался непрошеннымъ гостемъ вмѣстѣ съ человекомъ. Внутри главнымъ образомъ поражаетъ очагъ, который по натурѣ своей

Долганскій очагъ.

каминь, но по огромному размѣру печка. Передъ нимъ находится посыпанный пескомъ ящикъ, а на послѣднемъ висѣлица, на которую навѣшивается котелъ, и которую, по усмотрѣнію, можно поворачивать къ огню,

или отворачивать отъ него, точно такъ, какъ это еще до сего времени дѣлается въ швейцарскихъ сыроварняхъ. Пламя выбиваетъ изъ печки далеко впередъ. Наверху, въ потолкѣ, заступающемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крышу, на которой весною нерѣдко тоночатъ сѣв. олени, находится отверстіе — дымовое окно — которое прежде, чѣмъ весь дымъ успеетъ выдти, закрывается при помощи жерди, съ затычкою на концѣ, состоящею изъ

¹⁾ Напротивъ занятаго Русскими поселенія Корги, покинуто было поселеніе Орлаво, равно какъ Романа рѣкѣ, выше Медвѣжьего поселенія. Между ними вѣха, лежащая по рѣкѣ еще выше Корги.

шкуры сѣв. оленя. Вокругъ стѣнъ идутъ лавки для сидѣнія, на которыхъ также спятъ и надъ которыми въ ростъ человѣческой прикрѣпленъ рядъ досокъ, служащій для удержанія сажки, падающей съ потолка и стѣнъ. Небольшое пространство, которое заключаетъ въ себѣ постройка, биткомъ набито людьми, приборами и снарядами. Одинъ только невыносимый, но дезинфицирующій дымъ зимою спасаетъ отъ удушающаго, зловоннаго испаренія, а лѣтомъ отъ кровожадныхъ небесныхъ сонмовъ комаровъ.

Въ мое время въ административныхъ спискахъ по-видимому совершенно отказались отъ распредѣленія жителей по національностямъ, потому что въ Туруханскомъ округѣ, кромѣ:

1) Долганскаго (также Долгано-Тунгусскаго) рода, по последней ревизіи.....	82 души ¹⁾
2) Жиганскаго рода.....	73 » ²⁾
значились еще:	
3) Бродячихъ (есейской управы ³⁾).....	174 »
4) » Боганидской ».....	55 » ⁴⁾
<hr/>	
384 души	

Первые два отдѣла платили ясакъ по 2 руб. 15 коп. (ассигн.), послѣдніе два только по 1 руб. 43 коп. съ души; этимъ высказывалось, что первые считались ловцами соболей, а послѣдніе только ловцами песцовъ.

Впрочемъ, въ мое время, согласно ревизіи 1834 года, подъ № 1 насчитывалось лишь 35, а подъ № 2 только 26 душъ мужескаго пола, отъ 18 до 15 лѣтъ отъ роду, платившихъ ясакъ.

На этомъ останавливаются замѣтки въ моемъ дневникѣ, писанномъ 30 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ о Долганахъ сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія, въ особенности гг. Кривошапкинымъ и Третьяковымъ, которые, первый въ званіи врача, а второй въ качествѣ начальника Туруханскаго округа, довольно долго жили въ тѣхъ мѣстахъ и составили весьма замѣчательныя монографіи.

Здѣсь же я начну съ немногихъ замѣтокъ Кастрена ⁵⁾, такъ какъ съ ними скорѣе всего можно покончить. Онъ говоритъ, что Долганами называютъ три маленькихъ якутскихъ племенн, которыя сами называютъ себя: 1) Долганы, живущіе въ Хатангскомъ краѣ; 2) Адъяны, по-русски Жиганы; 3) Донготы; послѣдніе два рода живутъ у Норильскихъ озеръ. Хотя всѣ принимаютъ ихъ за Тунгусовъ, но они говорятъ на чисто

¹⁾ По другому официальному дописанію 90 душъ, по третьему 91, изъ которыхъ 33 платятъ ясакъ, а 36 моложе 18 или старше 50 лѣтъ. На это количество приходится 96 душъ женскаго пола.

²⁾ При 83 душахъ женскаго пола.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

³⁾ По другому чтенію 168 душъ, изъ которыхъ 80 платятъ ясакъ. При этомъ 144 души женскаго пола.

⁴⁾ По другому извѣстію 38 душъ, при 30 душахъ женскаго пола.

⁵⁾ Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1843 -- 1849, herausgegeben von Anton Schiefner, 1856.

якутскомъ языкѣ. Начало свое они производятъ отъ трехъ братьевъ: Галкинга, Сакагина и Бійка, переселившихся, по ихъ словамъ, изъ Якутскаго края. Вслѣдствіе этого поздняго переселенія Самоѣды называютъ Долгановъ и Тунгусовъ «Ая», т. е. младшими братьями.

У Кривошапкина ¹⁾ число Долгановъ, на основаніи относящихся къ 1860 году официальныхъ донесеній начальника округа Третьякова, сочиненіе котораго появилось въ печати позднѣе, показано слѣдующимъ образомъ ²⁾:

	муж. пола	женск. пола
Тунгусовъ Боганидскаго рода	59	49
» Долгано-Іесейскаго рода	195	187
» Жиганскаго рода	74	70
» Долганскаго рода	108	83
	<hr/>	<hr/>
	436	389

Кривошапкинь ошибается, утверждая, что Долганы говорятъ на языкѣ, похожемъ на тунгусскій, но все-таки, въ противоположность другому начальственному лицу, князю Кострову, отдѣляетъ ихъ отъ настоящихъ Тунгусовъ, опираясь на нашъ академическій авторитетъ.

По его мнѣнію ³⁾ фізіономія Долгановъ выразилась менѣе отчетливо, одежда ихъ проще, чѣмъ у Тунгусовъ. Да и христіанское крещеніе Долганы принимаютъ охотнѣе ⁴⁾, такъ что всѣ считаются христіанами, тогда какъ Тунгусы едва на половину христіане. Впрочемъ, значеніе этого свѣдѣнія поясняется тѣмъ, что и христіане не могутъ обойтись безъ шамановъ. Третьяковъ присовокупляетъ ⁵⁾, что туземцы пользуются полною религіозною свободою, но что тѣ, которые принимаютъ крещеніе, освобождаются на три года отъ податей.

Болѣе извѣстій мы находимъ у Третьякова ⁶⁾. Особенный вѣсъ я придаю тому, что, перечисляя ⁷⁾ названіе мѣсяцевъ у разныхъ кочевниковъ, онъ приводитъ также долганскія имена мѣсяцевъ, которые совершенно отличны отъ якутскихъ названій.

Число Долгановъ по 10-й переписи составляетъ у него 303 души мужскаго и 270 душъ женскаго пола ⁸⁾, а именно:

	муж. пола	женск. пола
Долгано-Іесейскаго рода	195	187
Долгано-Тунгусскаго рода	108	83

Первые живутъ по обѣимъ сторонамъ Хатанги и Хеты, послѣдніе у Норильскихъ озеръ и въ Авамской тундрѣ. Онъ напоминаетъ о томъ ⁹⁾, что въ 1633 году Корытовъ

¹⁾ Енисейскій округъ и его жизнь, изданіе Имп. Русск. Геогр. Общ. 1865.

²⁾ Тамъ же I, стр. 355; II, стр. 31.

³⁾ Тамъ же II, стр. 33, примѣч.

⁴⁾ Тамъ же II, стр. 41.

⁵⁾ Стр. 372.

⁶⁾ Туруханскій край, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1869, стр. 216 и слѣд.

⁷⁾ Тамъ же стр. 291.

⁸⁾ Тамъ же стр. 333, 373, 375.

⁹⁾ Тамъ же стр. 353.

заставил Долганскаго старшину Диканга платить двойную дань и увелъ одного изъ сыновей его заложникомъ.

Долганы, перенявшіе у Якутовъ всѣ обычаи, даже покроей одежды¹⁾, называютъ себя, говоритъ онъ, Тагалъ, по преданію происходятъ отъ Тунгусовъ и переселились изъ верховьевъ Хатанги въ то время, когда знаменитый богатырь Сюрдюкъ-сюга-тоіонъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Русскими. Нѣкогда племя это, говорятъ, было воинственно, потому что герои его носили кольчуги (куяк), защищавшіе лѣвый бокъ отъ шеи до колѣнъ. Къ этому вооруженію, кромѣ того, принадлежали головная защита (лаба) и прикрытіе лица (бастынга).

Сверхъ медвѣжьей рогатины (Batás), у нихъ въ колчанѣ (kogäk) было 9 различныхъ видовъ стрѣлъ; 1) S'ogús', съ пирамидальнымъ наконечникомъ; 2) Onohós', съ притупленнымъ наконечникомъ²⁾; 3) Más' onohós' (Tamár у остальныхъ кочевниковъ), также съ тупымъ концомъ, но вся изъ дерева; 4) Bürgos', съ шилообразнымъ наконечникомъ; 5) Ok, съ типическимъ наконечникомъ; 6) Dshani, съ ножеподобнымъ наконечникомъ; 7) S'ile, съ двумя заостренными ребрами; 8) Djäna, вся изъ мамонтова зуба; 9) Tokó, съ раздвоеннымъ наконечникомъ.

Причина, по которой Долганы утратили свой природный языкъ, заключается, по мнѣнію Третьякова, въ близкихъ сношеніяхъ ихъ съ Якутами, у которыхъ они брали женъ своихъ; не смотря на это у Долгановъ, увѣряетъ онъ, болѣе тунгусскій, чѣмъ якутскій типъ лица: умное, нѣсколько серьезное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, добродушное выраженіе; гладкій и высокій лобъ. Они носятъ тунгусскій, богато украшенный бусами, нагрудникъ (Tügüllük) и поясъ.

По единогласному отзыву лучшихъ путешественниковъ, Долганы не имѣютъ никакого понятія о христіанской религіи³⁾, хотя половина туземцевъ приписана къ ней; они даже рѣдко удерживаютъ имена, которыя даются имъ при крещеніи. Вѣронсовѣданіе ихъ представляетъ смѣсь христіанскихъ и языческихъ понятій.

Тунгусы и большая часть Долгановъ, да Якутовъ ѣздятъ, по Третьякову, верхомъ на сѣв. оленяхъ.

Этими новѣйшими извѣстіями вообще подтверждаются, но, къ сожалѣнію, мало пополняются свѣдѣнія, заключающіяся въ моемъ дневникѣ. Предположеніе, что Долганы около половины 17-го столѣтія переселились съ востока въ теперешнія мѣста своего пребыванія, чтобы укрыться отъ гнета чужеземцевъ въ недоступныхъ пустыняхъ, пріобрѣтаетъ все болѣе вѣроятія, но не можетъ быть вполне доказано.

Странна разница въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ относительно названія ихъ. Кастренъ

¹⁾ Тамъ же стр. 406 и слѣд. — ²⁾ На Боганидѣ мнѣ показывали стрѣлу съ тупымъ наконечникомъ, подл. якутскимъ названіемъ Aandās. — ³⁾ Loc. cit. стр. 420 и 523.

пишет Dolgán; Долганы Авамской тундры продиктовали мнѣ названіе Dolgásch; по словамъ же Третьякова, они сами называютъ себя Тагаль. Отчего происходитъ эта разница?

Мнѣніе Кривошапкина, принимающаго языкъ Долгановъ за тунгусскій, во всякомъ случаѣ ошибочно; они несомнѣнно говорятъ на чистомъ якутскомъ языкѣ. Необходимо только объяснить, почему названія мѣсяцовъ несходны съ якутскими. Звучатъ они дѣйствительно по тунгусски и подлежатъ сравненію съ языкомъ Береговыхъ или Ламскихъ Тунгусовъ. Всѣ другія слова, мимоходомъ приводимыя Третьяковымъ, какъ-то: названіе различныхъ стрѣлъ, разныхъ одеждъ, божества и т. д. совершенно сходны съ якутскими.

Съ предположеніемъ Третьякова, что Долганы промѣняли свой первоначальный природный тунгусскій языкъ на якутскій, я не могу согласиться, тѣмъ болѣе, что у нихъ, какъ я замѣтилъ, преобладалъ именно якутскій типъ лица и притомъ въ такой сильной степени, что я не счелъ нужнымъ замѣнить лицо Долгана Мани (см. табл. VI. 3), служащее типомъ якутскаго лица, другимъ болѣе типичнымъ якутскимъ лицомъ¹⁾. Рассматривая обезьянье лицо Гаврилы Палькова (см. табл. VI. 2), который, впрочемъ, былъ весьма порядочный человѣкъ, вѣроятно никто не отыщетъ на немъ восхваляемаго Третьяковымъ высокаго, гладкаго лба Долгановъ. На стр. 634 о немъ уже говорилось.

Долганы, какъ я замѣтилъ уже выше, положительно, весьма интересный смѣшанный народъ, у котораго во всемъ явно высказывается преобладаніе якутскаго элемента. Мы не должны забывать при этомъ, что нѣкогда существовали весьма дѣятельныя сношенія между Якутскомъ и пресловутымъ Іесейскимъ озеромъ въ верховьяхъ Хатанги, да и внизъ по теченію этой рѣки. Еще въ мое время въ устахъ поселенцевъ на р. Боганидѣ сохранились преданія о престыяхъ Іесейскаго озера. Кривошапкину²⁾ говорить, что оспа и тифъ одолевали жителей и съ тѣхъ поръ сношенія прекратились.

Тунгусы (см. табл. IV и V).

На сколько численность ихъ незначительна, на столько чрезвычайно обширно распространеніе ихъ по всей Восточной Сибири, въ области р. Амура, въ горахъ острова Сахалина и еще дальше за предѣлами Сибири. На среднемъ теченіи Енисея они стали

¹⁾ Въ какой однакоже степени тутъ происходили ли мѣси, это доказываютъ не только вышеприведенныя свѣдѣнія, но и преданіе, сообщаемое Третьяковымъ (стр. 376). Между Затундренскими Якутами (говоритъ онъ) существуютъ еще доселѣ потомки трехъ тунгусскихъ братьевъ «Симилеръ», которые въ свое время были извѣстные бойцы.

Въ началѣ прошлаго столѣтія комиссаръ Тюпринъ,

при помощи священника, уговорилъ этихъ Тунгусовъ принять крещеніе и поселиться на Хатангѣ, при впаденіи Жданихи, гдѣ Русскіе поселенцы были перебиты. Тунгусы окрещены были на имя Тюприна и поселились въ означенномъ мѣстѣ. Потомки ихъ превратились въ Якутовъ, вѣроятно вслѣдствіе браковъ съ ними.

²⁾ Loc. cit. I, стр. 369.

даже перебираться на лѣвый его берегъ, въ Западную Сибирь. Въ одномъ Таймырскомъ краѣ они предоставили самую сѣверную часть Самоѣдамъ, на востокъ-же, сдерживаемые только Чукчами, они занимаютъ гористую часть до береговъ Ледовитаго океана, а нѣ-когда жили даже, можетъ быть, на островахъ этого океана¹⁾. Вслѣдствіе такого обшир-наго ихъ распространенія, я не только встрѣчалъ ихъ мимоходомъ на Енисеѣ и въ области р. Пясины, но сталкивался съ тунгусскими семействами и на южномъ берегу Охотскаго моря, повсюду на Становомъ хребтѣ и на притокахъ Амура.

А. Сѣверные Тунгусы.

По переписи 1838 года, на основаніи официальныхъ донесеній, въ Туруханскомъ краѣ находились слѣдующія тунгусскія племена:

	Душъ мужск. пола.	Душъ женск. пола.
1) Нижнечумскіе Тунгусы, съ присоединенными къ нимъ Тунгусами I-го лѣтняго рода.....	42	40
2) Илимпейскіе Тунгусы.....	208	189
3) Чапогиры.....	129	112
4) Усть-Курейскіе.....	39	36
5) Тунгусы II-го лѣтняго рода.....	86	82
6) » III-го » »	59	53
7) » IV-го » »	57	64
8) Боганидскіе Тунгусы.....	58	50
	678	626

Мѣста ихъ пребыванія значатся въ атласѣ картъ, приложенномъ къ нѣмецкому изданію, на табл. II-й.

Подъ 62 $\frac{1}{2}$ ° с. ш., въ поселеніи Бахтинскомъ, на Енисеѣ, я увидѣлъ первыя тунгусскія лица. Во-первыхъ изображенную на табл. IV-й Черемокъ, изъ рода Чапоги-ровъ. Поселенецъ взялъ ее къ себѣ въ семейство почти тринадцатилѣтнею дѣвочкою. Чрезвычайно хвалили ея правдивость. Уже въ теченіи 8 мѣсяцевъ она научилась рус-скому языку. Точно такъ, какъ въ Енисейскихъ Остякахъ (стр. 640, 659), и въ ней меня поразило быстрое, и въ особенности урывчатое произношеніе словъ. Столь-же урывчато она и крестилась. Мнѣ показалось это весьма характеристичнымъ обстоятельствомъ. Она, да изображенный на IX-ой таблицѣ нѣм. изд. Илимпейскій Тунгусъ Оедотъ были татуиро-ваны и рассказали мнѣ, что она, будучи дѣвочкой лѣтъ 7 или 8, была связана по рукамъ и по ногамъ, въ то время когда старуха производила надъ ней весьма чувствительную опе-рацію при помощи льняной нитки, натертой углемъ. Такъ какъ Оедотъ, вслѣдствіе

¹⁾ Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ было нѣсколько танги (Зап. Гидрогр. деп. IX, стр. 301; Сиб. Вѣстн. I, осѣдлыхъ Тунгусовъ на р. Блудной, которая подъ бо- стр. 79, 83).
лѣе, чѣмъ 73° с. ш., впадаетъ съ востока въ устье Ха-

болѣ, сталъ сопротивляться, то его не татуировали болѣе, хотя между мужчинами ихъ рода встрѣчаются нѣкоторыя лица, татуированныя вокругъ лба и еще болѣе.

Затѣмъ, близъ устья Нижней Тунгуски, въ поселеніи Мироѣдинскомъ, я снова увидѣлъ двухъ Тунгусовъ, поразившихъ меня своими рѣзкими монгольскими чертами лица. При положительно монгольской формѣ глазъ и носа, равно какъ и монгольскомъ цвѣтѣ кожи, поражалъ ихъ широкой лобъ, казавшійся четырехугольнымъ. Самонадѣянность въ приемахъ ихъ рѣзко отличалась отъ всего видѣннаго мною до тѣхъ поръ. Оба они были статные, проворные парни, съ легкостью скользящіе на лыжахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ неуклюжіе Остяки проваливались.

У нихъ было, и это меня тотчасъ-же поразило, особое названіе для сѣры, а именно «Njutä», тогда какъ повсюду мнѣ приводилось слышать только русское названіе.

Въ предѣлахъ полярнаго круга, на Курейкѣ, я нашелъ двухъ, усыновленныхъ русскими поселенцами, высокоголовыхъ Тунгусовъ, изображенныхъ на табл. V, 1, 2.

Наконецъ увидѣлъ и самыхъ сѣверныхъ Тунгусовъ Туруханскаго края въ низовьяхъ Авама (притока Пясины). Въ Дудинѣ (69½° с. ш.) представился мнѣ старшина «лѣтнаго рода» Завыдда. Этихъ Тунгусовъ называли также Норильскими, по озерамъ, при которыхъ они жили. Они занимали до 10 чумовъ, изъ которыхъ у половины уже не было сѣв. оленей. У самого старшины также было всего 8 штукъ. Мѣста пребыванія имѣли у нихъ слѣдующія названія: озеро Пясины — Päsina-amút; одна впадающая въ него рѣка (вѣроятно Буструмина) — $\frac{\ddot{O}}{y}$ jan-djigⁱ_yn; вытекающая изъ озера Ol^d_ro^z_si (вѣроятно Рыбнаго) горная рѣка, Ol^d_ro^z_siBígga; наконецъ Amút-ol^d_ro (вѣроятно озеро Давыдово). Они жили рыбною ловлею, ловили изрѣдка песцовъ, а еще меньше соболей, которыхъ нѣкогда было больше.

Въ Авамскомъ поселеніи поджидалъ меня старшина Ялегринской орды ¹⁾ $\frac{S^2}{H}$ an-tául. Эта орда кочевала на востокъ отъ р. Авама до Хатанги, а къ югу до извѣстнаго Іесейскаго озера и до высшихъ горныхъ вершинъ этого края, въ верховьяхъ Хеты. Тамъ они находятся въ сношеніяхъ съ Бояграми, изъ которыхъ одинъ изображенъ на табл. V-ой. Правительство же совершенно раздѣляетъ обѣ орды, причисляя Боягровъ къ тому Якутскому старшинѣ (Арбай), чрезъ посредство котораго они вносятъ свой ясакъ. Ниже мы найдемъ членовъ этого рода не только на Вилюѣ и на сѣв. скатѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, но даже на Амурѣ.

На Дудыптѣ я познакомился наконецъ еще съ тунгусскимъ старшиной Епифаномъ Тюприно, Тильбянтябѣльскаго рода, Харитонова рода. Онъ устроилъ себѣ осѣдность при рѣкѣ, и проводилъ лѣто на сѣверѣ въ верховьяхъ р. Дудыпты ²⁾, въ то время какъ члены его орды, 23 души платившія ясакъ, въ приблизительно 10 чумахъ,

¹⁾ Къ этой ордѣ былъ присоединенъ родъ Малгача-грянскихъ Тунгусовъ, состоявшій примѣрно изъ 9 душъ, вносившихъ ясакъ.

²⁾ Между Фирсомъ и Бородино, у Иркутскаго поселенія. Ясакъ вносился въ Аксеновъ.

занимались охотою въ южныхъ горахъ, вмѣстѣ съ Ялеграми, и только зимою спускались съ горъ къ сѣверу.

Ялегры только что выбрали себѣ въ десятскіе Долгана (Уксуеникова), который устроился на р. Авамѣ и разставлялъ свои песцовыя ловушки по всей Авамской тундрѣ, островамиобразно лежащей внутри предѣла лѣсной растительности. У него было стадо сѣв. оленей, придававшее ему извѣстное значеніе, такъ какъ у большей части Тунгусовъ этой орды было ихъ только по нѣскольку штукъ.

Эти Тунгусы называли Авамѣ, Виску, Иссейское озеро тѣми-же именами, которыя употребляются Русскими, но

Дудыпту	они называли	Dydýpta;
Волочанку	»	»
Хатангу	»	»
Курейку	»	»
		Wolots'janka;
		Kōtuj (amút);
		Njúma.

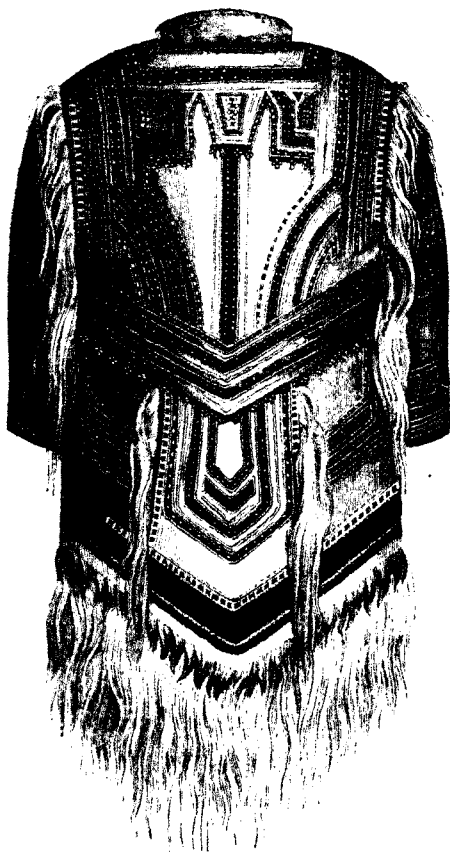
Всѣ жаловались на уменьшеніе количества «звѣря» въ ихъ краѣ, за исключеніемъ сѣв. оленей. Песцы, говорили они, встрѣчаются рѣдко, соболі почти совершенно истреблены. Ялегринская орда утверждала, что до Апрѣля ей удалось добыть всего 9 соболей и до 40 песцовъ. Миѣ хотѣли этимъ дать понять, что казенный долгъ свой въ 160 пудовъ муки они никакъ не въ состояніи заплатить.

У всѣхъ были монгольскія лица и широкіе черепа въ такомъ родѣ, какъ у $\frac{S'}{h}$ aptailla, чрезъ кожу котораго просвѣчивалъ нѣжный оттѣнокъ яркаго румянца. Правда, что лицо его было умыто и волосы причесаны, какъ это повсюду принято у Тунгусовъ. Чрезвычайно красиво ихъ приличіе въ движеніяхъ, открытый характеръ ихъ. Хотя они были очень услужливы, но, не смотря на скромность, во всемъ видно было, что они сознавали свое достоинство. Это высказывалось и наружно въ томъ отношеніи, что одежда ихъ, хотя она и не была такъ разукрашена, какъ на сородичахъ ихъ, живущихъ на Нижней Тунгускѣ, но была въ большемъ порядкѣ, красиво обшита и такого покроя, который обрисовывалъ стройную, осанистую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкую фигуру ихъ. Лицо было умыто, жесткіе черные волосы причесаны, потому что національная коса исчезла съ пріобрѣтеніемъ русскихъ рубашекъ и шейныхъ платковъ. Волоса были подрѣзаны на половину. Въ отличіе отъ Самоѣдовъ, они дорожили теплыми верхними тулупами изъ темноцвѣтныхъ шкуръ сѣв. оленя. Кромѣ того, у нихъ былъ якутскій набордникъ (см. изобр. на стр. 691) и колпакъ не соединялся съ верхнимъ тулупомъ, а составлялъ дорогой головной уборъ изъ блестящихъ лисьихъ ногъ, украшенный шкурами росомахи. Такой колпакъ стоилъ столько-же, сколько сѣв. олень.

Оригинальный покрой тунгусской первобытной одежды изображаютъ два прилагаемыхъ при семъ рисунка. Такъ какъ фракоподобный кафтанъ узокъ и спереди открытъ, то нагрудникъ составляетъ нераздѣльную часть его. Эти части одежды сверху до низу со вкусомъ расшиты и совершенно симметрично, но далеко не пестро, укра-

шены разноцвѣтными бусами. Въ мое время такой нарядъ стоилъ ни больше, ни меньше, какъ 25 руб. асс.

Остякъ или Самоѣды въ такомъ нарядѣ были бы похожи на медвѣдя въ шутовской одеждѣ, Тунгуса же, при его тонкомъ, ловкомъ, приличномъ обращеніи, этотъ нарядъ чрезвычайно красить. Такое впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ, безъ исключенія ¹⁾. Кастрень (стр. 250) выразился очень вѣрно, сказавъ, что Тунгусовъ можно назвать дворянами Сибири. Они дѣйствительно большіе охотники до рыцарскихъ упражненій, потому что въ Авамской тундрѣ, при малѣйшемъ привалѣ, не было конца бѣганію въ запуски потому что загонять оленей посредствомъ махалокъ, какъ это дѣлаютъ Самоѣды, не позволяла лѣсистая мѣстность.

Тунгусскій обыкновенный фракъ съ Нижней Тунгуски.

и состязанію въ единоборствѣ.

Хотя Тунгусы самыя сѣверныя верховыя ѣздоки на сѣв. оленяхъ, но они мастерски умѣли управлять ими и въ упряжи, держали однакоже шесть не въ лѣвой рукѣ, какъ Самоѣды, а въ правой. Они мало обращали вниманія на сильную метель, но при всемъ томъ и въ тундрѣ не сбивались съ дороги, хотя охотничьимъ угодемъ ихъ были высокія горы, какъ это вполне доказывали красивыя ложки ихъ, вырѣзанныя изъ рога горной овцы (цивукунь). Къ дикимъ оленямъ они прикрадывались, по-

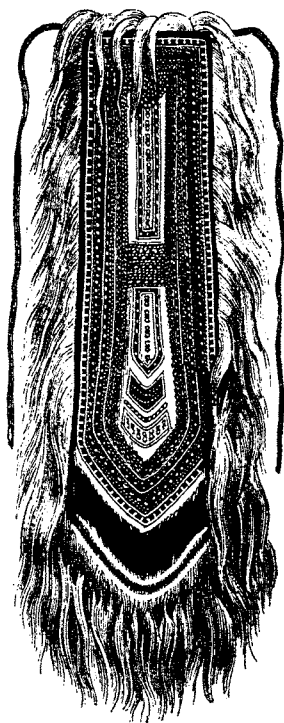
Мѣдныя украшенія въ косъ, равно какъ ожерелье молодой дѣвушки, обставленное

¹⁾ Уже безъ малага 130 лѣтъ тому назадъ моряки наши сообщали (Зап. Гидрогр. Дея. IX, стр. 36): «мужествомъ, и человѣчествомъ, и смысломъ. Тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ. По вѣхъ Тунгусовъ состоятъ Якуты». Ганстенъ (стр. 35)

говоритъ о прекрасномъ впечатлѣніи, которое на него произвели Тунгусы, и отъ Рааде у меня есть письмо, въ которомъ онъ высказываетъ свой восторгъ объ этой націи.

старыми пуговицами ¹⁾, и мѣдная головка отъ трубки, пріобрѣтенныя всѣ въ Якутскѣ, свидѣтельствовали объ огромныхъ пространствахъ, которыя проходятъ эти Тунгусы. Притомъ эти Ялегринскіе Тунгусы говорили порядочно по-якутски; иные знали даже нѣсколько русскихъ словъ, хотя всѣ они придерживались вѣры предковъ и не принимали крещенія. Тѣмъ страннѣе, что у нихъ были постоянныя юрты, устроенныя на якутскій ладъ. Свой юртъ старшина выдвинулъ къ тундрѣ дальше всѣхъ другихъ, къ Волочанкѣ. Небольшая пристройка охраняла его отъ непосредственнаго прониканія вѣтра.

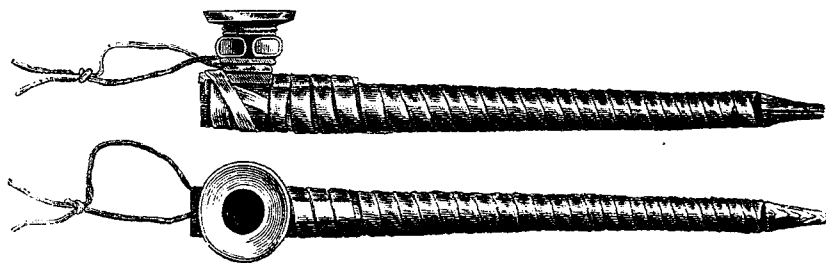
Покойниковъ своихъ они хоронили въ гробахъ, которые въ ростъ человѣ-

Нагрудникъ того-же Тунгуса.

чeskій отстояли отъ земли и втиснуты были между двухъ деревьевъ; на тризну, по значительной стоимости упряжныхъ и верховыхъ сѣв. оленей, употребляли не больше двухъ сѣв. оленей. По небольшой сѣнарѣзами палочкѣ отсчитывали праздники, а въ особенности день поминокъ.

Этимъ и ограничилось бы мое знакомство съ сѣверными Тунгусами, если бы въ Якутскѣ мнѣ не представился случай увидѣть двухъ Юкагировъ, жившихъ по близости отъ впаденія Индигирки въ

Тунгусская трубка Таймырскаго края, сдѣланная въ Якутскѣ.

Ледовитый океанъ. Ихъ сослали въ Якутскъ за смертоубійство. Оба были очень похожи другъ на друга. Одинъ изъ нихъ, Архипъ Бурнашевъ, изображенъ на табл. 1-й. 2. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, представляющаго смѣсь юракскихъ и тунгусскихъ элементовъ. Коренная часть носа была чрезвычайно плоска. Ростъ былъ вышиною въ 4' 9". Нѣкогда Юкагиры составляли, говорятъ, многочисленное

¹⁾ Головы оленей и пуделей на этихъ пуговицахъ въ глазахъ много странствовавшихъ обладателей ихъ были опять фигуры мнеческихъ животныхъ. Срав. стр. 649.

племя. Въ 1842 году случилось небывалое дѣло: богатый Чукочъ женился на дочери Юкагира. Это снова доказываетъ, что даже самые строгіе ревнители чистоты расъ, какъ напр. Чукчи, съ теченіемъ времени, все-таки допускаютъ помѣси расъ. Женихъ сразу уплатилъ разными мѣхами болѣе 1,000 рублей, которые Юкагиръ задолжалъ кушамъ.

Оба Юкагира, не смотря на то, что они были преступники, все-таки приходили въ ужасъ отъ безчестности и низости людей въ столицѣ Якутскѣ.

В. Южные Тунгусы.

Прежде, чѣмъ я перейду къ тѣмъ главамъ моего дневника, которыя описываютъ мое знакомство съ южными Тунгусами, т. е. съ Тунгусами Становаго хребта, слѣдовательно касаются странъ, находящихся на нѣсколько тысячъ верстъ отъ Таймырскаго края, я считаю нужнымъ забѣжать нѣсколько впередъ. Мнѣ хочется предпослать объясненіе, что, не смотря на чрезвычайно дальнее распространеніе этого малочисленнаго народа, въ немъ, повсюду, гдѣ бы мы ни встрѣтились съ нимъ, высказывается все тотъ-же характеръ, который нами выше описанъ.

Во-первыхъ это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ Альповъ. Они обладаютъ извѣстной выправкой, исполнены приличія, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

Если мы хотимъ продолжать сравненіе съ европейскими горными народами, то мы должны отправиться въ Альпы дальше на западъ, чтобы встрѣтиться съ беззаботною удалью Тунгуса, который въ своей первобытности, главнымъ образомъ, хлѣбосоль, любитель удовольствій и вѣтренникъ.

Правда, что эта страсть къ удовольствіямъ (въ особенности у южныхъ Тунгусовъ), причинявшая мнѣ не мало горя, вѣроятно потому только такъ поразила меня, что я наткнулся на нихъ какъ разъ въ періодъ осенняго раздолья и годовичныхъ сходовъ, составляющихъ блестящія точки въ совершенно уединенной, трудовой и опасной обыденной жизни этихъ людей. Я не знаю другого народа, у котораго бѣольшую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ напр., въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значить: я разставляю луки по близости. Если стрѣла смотритъ вкось кверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая такимъ-же образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ раз-

стоянии. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный на такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ устраивать тутъ чумъ. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.

Въ случаѣ болѣзни или гибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Разговоръ съ Тунгусами, мимоходомъ, касается того или другого случая подобнаго рода, какъ будто это такъ и должно быть. Находятъ скелеты или замѣчаютъ, что недостаетъ знакомыхъ: всѣ они погибли безслѣдно.

Такъ я встрѣтилъ три совершенно обѣднѣвшихъ тунгусскихъ семейства; у одного изъ нихъ былъ всего одинъ сѣв. олень, у другого три, а у третьяго ихъ вовсе не было; эти три семейства соединились между собою, чтобы помогать другъ другу ¹⁾.

Какъ ни уединенно Тунгусъ живетъ въ своей горной глуши, все-таки онъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое, и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно, большею частью весьма небольшими переходами, посѣщаетъ самыя отдаленныя мѣстности и сходится съ самыми разнообразными сосѣдями. Я набрелъ на Тунгуса, пропавшаго безъ вѣсти съ двумя мальчиками. У него не было оленей и потому, выступая на лыжахъ, онъ тащилъ добро свое за собою на санкахъ. При всемъ томъ онъ забрался въ Китайскія области дальше всѣхъ другихъ русскихъ Тунгусовъ.

Жизнь Тунгуса представляетъ поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не упускаетъ случая въ теченіи года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого на болѣе, чѣмъ тысячу, даже болѣе двухъ тысячъ верстъ, тутъ занимаясь обильной ловлей рыбъ, заходящихъ изъ морей въ рѣки, тамъ охотясь на лучшихъ соболей. Но съ другой стороны онъ любитъ также постоянно возвращаться на зиму въ тѣ-же нагорныя долины, гдѣ онъ на нѣсколько дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки, устраиваетъ ямы, и гдѣ онъ издавна, по крутымъ скатамъ горъ, знаетъ обычные ходы кабарги, которою онъ питается.

Отсюда-то и происходитъ мнимое противорѣчіе, что Самоѣду, кочевая жизнь котораго почти за все время его существованія ограничивается однимъ шахматнымъ ходомъ: на лѣто къ сѣверу, а на долгую зиму опять назадъ къ предѣлу криворослаго лѣса, известна только жизнь въ чумѣ. Совершенно иначе складывается жизнь Тунгуса, который не довольствуется тѣмъ, что устроить себѣ шалашъ лѣтомъ изъ бересты, въ болѣе суровое

¹⁾ Указъ 1823 года, найденный мною въ Архивѣ Удскаго Острога, предписывалъ Тунгусамъ дѣйствовать сообща, чтобы уничтожать дикихъ кошекъ (вѣроятно тигровъ или пантеръ). Должно быть, что приходилось плохо отъ нихъ.

Среди моего странствованія, я набрелъ на пустой тунгусскій шалашъ. На слѣдующій день я узналъ, что отецъ

и мать недавно, почти въ одно время, умерли отъ повальной болѣзни, оставивъ трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего семь лѣтъ. Куда дѣлись дѣти? Мы вернулись верхами назадъ, но въ шалашѣ все еще никого не было. Повѣсивъ мѣшокъ съ мукой между стойками шалама и поставивъ возлѣ шалаша лясью ловушку, мы уѣхали. Это все, что можно было сдѣлать.

время года изъ шкуръ, а нерѣдко въ лѣсной глуши строятъ себѣ небольшой постоянный срубъ [ūtān], на якутскій ладъ ¹⁾, изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ. Но онъ и не привязывается неразлучно къ этому дому и, если нужно, тотчасъ покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иной разъ и навсегда. Это его охотничій замокъ, а не жилище съ домашнимъ очагомъ. Мы, рожденные въ домахъ, испытывали необыкновенно пріятное чувство, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ пустыни неожиданно находили себѣ кровъ. Тунгусъ очевидно не испытывалъ этого чувства, такъ что въ этомъ смыслѣ мѣстныхъ управленія справедливо причисляютъ его къ третьему отдѣленію, т. е. къ бродячимъ кочевникамъ.

При совершенномъ недостаткѣ картъ низовьевъ Амура мнѣ нисколько не помогали ни мои постоянные разспросы въ Якутскѣ, ни способность нѣкоторыхъ Якутовъ, растопыривая пальцы, объяснять на суставахъ, или изображать наглядно, посредствомъ складыванія вѣтокъ, сближеніе верховьевъ рѣкъ, водораздѣлы и проходы. Только на мѣстѣ я успѣлъ убѣдиться, на какія громадныя пространства этотъ предприимчивый и подвижной народъ распространяетъ свои кочеванія, и какъ далеко онъ забирался въ мѣстности, признававшіяся за Китайскія области, куда ходить имъ строго запрещено было тогда нашими управленіями.

Но возвратимся опять къ регулярному топографическому ходу моего путешествія и, по этой нити, прослѣдимъ мое постепенное ознакомленіе съ южными Тунгусами.

Еще до переправы черезъ Алданъ, въ мѣстечкѣ Уранъ-Айдакъ, въ Алданскихъ горахъ, на р. Милѣ, я впервые встрѣтилъ южныхъ Тунгусовъ. Они принадлежали къ Кюрбюрдинскому роду Учурскаго племени, и поселились при рѣкѣ въ юртахъ (ūtān), потому что только у двухъ-трехъ Тунгусовъ было еще по нѣскольку сѣв. оленей. Живя ближе къ центрамъ управленія, они были окрещены уже въ концѣ прошлаго столѣтія и мало по малу сдѣлались бѣдными рыбаками. На всемъ Алданскомъ хребтѣ находилась только одинъ Тунгусъ, у котораго было 70 сѣв. оленей, за исключеніемъ живущаго на дальнемъ побережьи Гарамзина. У этого аристократа, предки котораго играли роль уже въ прошломъ столѣтіи, и въ мое время насчитывалось еще 600 сѣв. оленей. Его стада сохранились, не смотря на страшную копытную болѣзнь, потому что лѣтомъ охлаждались сначала позднимъ льдомъ Охотскаго моря, а потомъ, во второй половинѣ лѣта, наледными долинами на горныхъ высотахъ. Срав. сказанное на стр. 566.

Старшина Кюрбюрдинскаго рода на столько-же былъ полонъ претензій и надуть, на сколько онъ былъ жалокъ; при навьючиваніи нашихъ животныхъ, онъ самъ не помогая, а изволилъ только приказывать. Болѣе жалкихъ Тунгусовъ я не видалъ. Правда, что это было время голоданія въ началѣ весны. Крещеніе этихъ Тунгусовъ, также какъ и другихъ ихъ соплеменниковъ, отзывалось обычнымъ образомъ: осенью, когда меня по-

¹⁾ Ближайшія свѣдѣнія см. въ главѣ о Якутахъ. Тунгусъ не возитъ съ собою, какъ Самоѣдъ, стоекъ для шалаши, которыхъ требуется до 30. На хорошихъ кормовыхъ мѣстахъ часто можно встрѣтить основанія для шалашей, поставленныя другими; если же ихъ нѣтъ, то лѣсъ представляетъ обиліе по части стоекъ.

разило, что Учурскіе Тунгусы, горячо о чемъ-то спорившіе, одного все называли $\frac{ш}{с}$ -маномъ, и когда я попросилъ растолковать мнѣ причину этого, они сознались, конфузясь и какъ бы оправдываясь: «да это не великій». Но живость характера вскорѣ побудила ихъ рассказать мнѣ потомъ о чудныхъ подвигахъ «великаго». Само собою разумѣется, что при этомъ играютъ роль разныя охотничьи суевѣрія подъ подставнымъ названіемъ «грѣха». Кабаргу я могъ получать только безъ головы, соболей безъ мяса, до тѣхъ поръ, пока длится на нихъ охота, иначе эта охота въ текущемъ году будетъ неудачна. Иные Тунгусы до такой степени придерживаются этого шабаша, что изъ-за того же опасенія даже не рѣшаются платить купцамъ деньги до тѣхъ поръ, пока весна не закончитъ срока охоты.

Такимъ-же образомъ, во время свиманія шкуры съ животнаго, никто не смѣетъ перешагнуть черезъ огонь, разведенный въ чумѣ, или внести въ чумъ свѣжаго снѣга, потому что это опять портитъ охоту. Не хорошо также, если кладутъ палку поперекъ слѣда, если срубленное дерево повалится поперекъ Тунгусской тропинки и т. п. Тунгусъ никому не дастъ огня изъ своего чума, и не возвращаетъ дикихъ сѣв. оленей или лосей — потому что все это грѣхъ.

Съ такимъ-же благочестіемъ, какъ Якуты, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліанія въ честь злыхъ духовъ, и при этомъ выливаетъ даже единственный глоточекъ водки, который у него остается.

Въ Удскомъ Острогѣ, равно какъ во время моего лѣтнаго плаванія по Охотскому морю, я совершенно потерялъ изъ виду Тунгусовъ, и только въ началѣ Сентября, когда я на р. Тугурѣ распростился съ своей байдарой и приступилъ къ зимнему странствованію на сѣв. оленяхъ по Амурскому краю, я встрѣтилъ ихъ сборные пункты. Они сошлись изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ и занимались заготовленіемъ зимнихъ запасовъ. Безчисленное множество кеты, забиравшейся вверхъ по рѣкамъ, представило удобный случай скоро справиться съ этимъ дѣломъ. Часть рыбной ловли была окончена; тѣ семейства, которыя запоздали, собирались пополнить свои рыбные запасы въ области р. Амура. Они готовились къ переправѣ черезъ плоскій водораздѣлъ, съ Тугура къ Немилену (притоку Амура), куда кета заходитъ позднѣе, потому что ей приходится совершить туда изъ моря гораздо болѣе длинный путь. Стало ночью морозить и все предвѣщало, что настаетъ время попытать счастье въ охотѣ на соболей «съ собачьими ногами». Всѣ начали готовиться.

Какъ только мы прибыли на сборный пунктъ Буруканъ, при изгибѣ Тугура, какъ мой караванъ встрѣтили винтовочной пальбой. Собравшіеся Тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои тщательно сберегавшіеся пороховые запасы. *Noblesse oblige*. Желая положить конецъ безполезной дѣтской пальбѣ (не отношу этого къ крѣпостямъ высокоцивилизованныхъ гаваней и къ военнымъ кораблямъ), я назначилъ преміи за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгусскіе стрѣлки на 95 шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали

ружье на подставку. При этомъ нѣкоторые держали лѣвую руку трубнообразно надъ прицѣломъ. Тринадцатилѣтніе мальчики также принимали участіе въ стрѣльбѣ. Но какъ далеки были эти подвиги отъ хвастливаго преданія, которое сами Тунгусы считали дѣйствительнымъ фактомъ. Мнѣ показывали посеребренный поясъ, перешедшій къ теперешнему его владѣльцу отъ дѣда. Послѣдній былъ вызванъ въ Петербургъ къ Императрицѣ, которая приказала прикрѣпить монету къ шпилью церковной башни. Тунгусъ попалъ въ монету и получилъ поясъ на память отъ Императрицы.

За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ. Если уже Самоѣды при этомъ дохlopотались до поту, дѣйствуя спокойно и по-видимому разгорячаясь только отъ усиленнаго дѣйствія внутренняго напряженія, то въ Тунгусахъ окончательно разразилось плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ, какъ попало, безъ замѣтнаго вліянія половыхъ отношеній. Схватились за руки и началась безыскусственная пляска, заключающаяся въ передвиженіи ногъ въ сторону. Вскорѣ однакоже круговая пляска стала оживляться, движенія обратились въ прыжки и скачки, все тѣло покачивалось, лица разгорались, восклицанія становились все восторженнѣе, олинъ старался перекричать другого; сбросили полшубочки, сбросили набедреники. Въ заключеніе всѣхъ обуюло бѣшенство. Нѣкоторые еще пытаются противиться, но вотъ уже и у нихъ голова незамѣтно начинаетъ покачиваться то вправо, то лѣво, подъ тактъ, и вдругъ такой зритель, какъ будто прорвавъ твердый оплотъ, вторгается въ кругъ пляшущихъ. Все отрывочнѣе, все шумнѣе становятся движенія, да напѣвъ восклицаній: *hurjá, hurjá—hūgoj, hūgoj—hōgyj, hōgyj—hūmgoj, hūmgoj—hākā, hākā—āhandō, āhandō—hārga, hārga*. Наконецъ весь кругъ разстраивается только вслѣдствіе крайняго утомленія; ноги и голоса не дѣйствуютъ болѣе.

Демонская сила пляски на морскомъ побережьи увлекла даже глядѣвшихъ на нее неуклюжихъ Гиляковъ, отъ головы до ногъ закутанныхъ въ тяжелыя собачьи шубы. Поглазѣвъ нѣсколько времени, они, какъ медвѣди, ринулись въ кругъ и, обнаживъ волосатыя верхнія части своего тѣла, вскорѣ спустили верхнюю часть мохнатой шубы на поясъ.

За пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашихъ большихъ баловъ я долженъ замѣтить, что тѣ же самые Тунгусы, какъ бы преобразившись, соблюдали самое сдержанное приличіе. Ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ.

Затѣмъ, совершенно иначе, чѣмъ у нѣмыхъ Самоѣдовъ, настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи и теперешнія краснои многорѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. Когда я, съ своей стороны, въ прощальной рѣчи указалъ на то, что эта страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для Тунгуса, и что только по собственной винѣ они могутъ задолжать, терпѣть нужду, или даже умирать съ голоду, вмѣсто того, чтобы быть пребогатыми, то всѣ громогласно согласились, что я совершенно правъ. *Tout comme chez nous.*

Выше я замѣтилъ, что страсть Тунгусовъ къ удовольствіямъ причиняла мнѣ немало горя. Вотъ какъ это было.

У беззаботныхъ Тунгусовъ торговля сложилась иначе, чѣмъ у Самоѣдовъ. Благодаря содѣйствию чрезвычайно ловкихъ Якутовъ, охотниковъ поторговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ образовались регулярно повторяющіяся въ извѣстныя времена сходки, вслѣдствіе которыхъ такія пустынные мѣста по временамъ превращаются въ торговые пункты. Мы находимъ тамъ первые зачатки нашихъ ярмарокъ, потому что является конкуренція, которую торговцы стараются составлять другъ другу. Такъ какъ не можетъ быть рѣчи объ опредѣленныхъ дняхъ сходки и въ означенныхъ мѣстахъ приходится оставаться довольно долго, то вскорѣ строится также нѣсколько юртъ, въ которыхъ торговцы располагаются съ своимъ товаромъ. Затѣмъ является туда и Тунгуска съ своими якуто-тунгусскими дѣтьми (срав. стр. 630). Въ главѣ о Якутахъ мы вернемся опять къ этимъ торговцамъ, а тутъ замѣтимъ только, что такіе торговые пункты весьма естественно возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ самая большая ловля пушныхъ звѣрей, хотя бы это было очень далеко, среди ужаснѣйшей глуши.

Отсюда-то пристекаетъ пріятная привычка вѣтренниковъ, въ теченіе послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь кое-гдѣ по пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Затѣмъ вскорѣ опять сходятся. Такое странствованіе сообща представляетъ непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего больше не останется; никто не оставляетъ компаніи до тѣхъ поръ, пока весь запасъ не истощится. При такомъ коммунистическомъ хлѣбосольствѣ горше всѣхъ приходится солидному европейскому путешественнику, экономно рассчитавшему и распредѣлившему все для себя и для спутниковъ своихъ по недѣлямъ и днямъ, по фунтамъ и лотамъ. Гостепріимный обычай Тунгусовъ похожъ на священнодѣйствіе, а кто, даже въ Европѣ, сталъ бы поступать на перекоръ ему, хотя бы это было самое бессмысленное суевѣріе. Попробуйте-ка въ хорошемъ англійскомъ обществѣ поступить не gentleman-like, напр. въ отношеніи блага цвѣта галстука, или держанія вилки и т. п. Въ пустыни же европеецъ зависитъ отъ дикаря. Тутъ я могу присовѣтовать только одно: съ самаго начала раздѣлить всѣ запасы по порціямъ, уложить ихъ отдѣльно въ разные мѣшки и по-іезуитски, какъ этого требуетъ культъ, повеселомъ окончаніи вскрытаго мѣшка, опустошеніе котораго разгоняетъ всѣхъ гостей, на дальнѣйшемъ пути снова приняться за бережливое расходованіе другаго.

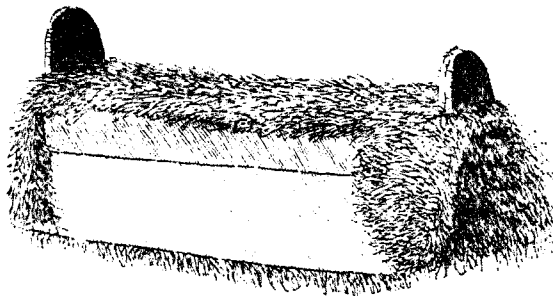
Извлекаю изъ дневника моего нѣсколько пояснительныхъ данныхъ. Сдѣлать предварительный расчетъ, записалъ я, невозможно, потому что никогда не знаешь, сколько будетъ гостей. Вотъ отчего въ пустыняхъ и приходится такъ много голодать. Нашъ спутникъ, Захаръ, сдѣлалъ находку, поймавъ сбѣжавшую лошадь; едва успѣли ее зарѣзать, какъ на пиръ явились другіе Тунгусы; на слѣдующій день отъ нея не осталось уже ни одного кусочка. Когда я купилъ лошадь, то и со мною случилось тоже самое. На Тугурѣ явился купеческій прикащикъ; онъ прожилъ двѣ недѣли на счетъ Тун-

гусовъ. Тунгусскій старшина Аѳанасій присоединился къ намъ. Весь его запасъ заключался въ полуляшкѣ сѣв. оленя. Я сталъ возставать противъ этого дикаго обычая; неизбежнымъ слѣдствіемъ этого было то, что вожакъ моего каравана, Ваньчѣ, сталъ кормить его изъ запасовъ владѣльца сѣв. оленей, своего хозяина. Затѣмъ пристали еще два Тунгуса, Константинъ и Прокопій, у которыхъ всего было по нѣскольку сушеныхъ рыбъ. Они пасѣли на Гиляковъ и отправились на Дьелотикитъ, чтобы посѣтить рыбачившихъ Тунгусовъ, набить себѣ пузо, да забрать себѣ кое-что на обратный путь къ намъ. Хотя уже всѣ они ежедневно питались нашимъ чаемъ и нашими сухарями, которыми очевидно нельзя было не угощать ихъ, но вскорѣ намъ пришлось все-таки допустить къ нашей трапезѣ еще 3 Тунгусовъ и 4 Гиляковъ. Вслѣдствіе такихъ странствующихъ посѣтителей лавина по временамъ нарастаетъ на 4—6 и даже до 11 душъ или собственно желудковъ. У насъ гости; у вожака свои. Вскорѣ у вожака истощаются нѣкоторыя принадлежности его запасовъ. Стоило ли уговариваться, что онъ самъ долженъ кормить и себя и своихъ погонщиковъ сѣв. оленей: мнѣ приходится многое удѣлять ему, а самому довольствоваться уменьшенными порціями.

Мы снимаемся съ мѣста. Да, но отъ этого намъ не лучше, потому что вся компанія провожаетъ насъ: она идетъ съ нами. Страшная стужа. Къ нашимъ 40 сѣв. оленямъ прибавилось еще 40 другихъ. Начинается суматоха. Впереди женщины съ развѣвающимися косами, серебряными поясами, разнаго рода привѣсками, съ обнаженными или вложенными въ ножны медвѣжьими рогатинами. Сбоку пристегнута люлька, плотно обвязанная мѣхами, подъ которыми тихохонько дремлетъ грудной ребенокъ. За матерью слѣдуетъ пятилѣтній мальчуганъ, составляющій добавокъ къ кладѣ и сидящій сверху на сѣв. оленѣ. Онъ на видъ не столько высокъ, сколько широкъ. Шуба его мѣшаетъ ему опустить руки; онѣ растопырены горизонтально, точь въ точь какъ у огороднаго чучела. Рукава его кабарговой шубы зашиты въ видѣ обрубковъ и только прорѣха съ боку позволяетъ просунуть руку. Шапка оставяла бы небольшую часть лица раскрытой, если бы и эта часть не была припрятана за бѣличье боа.

У другой бездѣтной женщины позади на сѣдлѣ забавный на видъ снарядъ: это тунгусскіе щипцы, домашній приборъ, безъ котораго никакъ нельзя обойтись.

Другія женщины еще укладываются; даже дѣти усердно таскаютъ свернутую бересту ²⁾, между тѣмъ какъ мужчины не заботятся о такомъ бабьемъ дѣлѣ и почти въ

Женское сѣдло ¹⁾.

лѣтнихъ нарядахъ, сгорбивъ спину, такъ что косички далеко оттопыриваются, сидятъ на корточкахъ передъ огнемъ. Одинъ осматриваетъ, хороша ли его медвѣжья

¹⁾ Срав. стр. 300.

²⁾ Tinsy, сѣвны шапаша.

рогатина, и ею скоблить себѣ зубѣ. Мальчики лѣтъ 6—8 играютъ съ собаками; съ оленьимъ шестомъ въ рукѣ, они садятся затѣмъ на годовалыхъ или двухъ годовалыхъ оленятъ. Везутся лыжи, самострѣлы, ружья и т. д., наваленныя на вьючныя сѣдла. Проѣзжаетъ также, въ видѣ добавленія къ поклажѣ, собака, привязанная на сѣв. оленѣ на сѣдлѣ. Слѣдуетъ верхомъ старикъ Тунгусъ. Всѣ эти сѣв. олени разряженные проходятъ мимо насъ; за ними бѣгутъ свободно, съ сильнымъ хрипомъ, почти хрюкая, нѣсколько оленятъ, которые безпокойно скачутъ то туда, то сюда «Пага, пага», зовутъ впереди женщины и, желая приманить ихъ, стараются по возможности лучше поддѣлаться подъ голосъ смолкшихъ оленецъ, на которыхъ сами сидятъ.

«Каѣ, каѣ», кричатъ погоняя мужчины, которые, держа въ рукѣ медвѣжью рога тину, большею частью ведутъ на поводѣ своихъ собакъ и пѣшкомъ плетутся позади. Немилосердыми толчками они погоняютъ своихъ чрезъ глубокой снѣгъ, проносясь мимо отстающихъ, потому что при этомъ они считаютъ себя точно такими-же молодцами, какъ у насъ человѣкъ, несущійся въ щегольскомъ экипажѣ.

Впрочемъ, эта непрошенная компанія все-таки была чрезвычайно интересна, а именно ее составляли: 1—4) Гиляки, идущіе съ нами недалеко, для осмотра сѣлковъ въ прибрежныхъ горахъ; 5—6) Тунгусъ съ сыномъ, отправляющійся за высокія горы къ дальнимъ верховьямъ Силимдаки; 7—8) Тунгусъ съ сестрой, хотя и собирающійся идти въ совершенно противоположномъ направленіи, но, ради пріятной компаніи, не дорожающій потерей нѣсколькихъ дней и совершающій лишняго пути; 9) старикъ Тунгусъ, который доселѣ проводилъ зимы на Амгуни, т. е. въ Китайскихъ краяхъ, но узнавъ, что мать его захворала, отправляется къ ней, къ верховьямъ Торома; 10) Тунгусскій старшина, занимавшійся ловлею тюленей и теперь собирающійся сначала еще половить рыбу въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ (на р. Амгуни), а потомъ двинуться на ловлю соболей къ верховьямъ этой рѣки; 11 и 12) Маньскій Тунгусъ, прибывшій изъ новой гавани Аяна, съ интересными извѣстіями объ адмиралѣ Завойкѣ и собирающійся съ товарищемъ также на Амгуни за соболями, которыхъ у него на родинѣ нѣтъ; наконецъ 13) Якутъ Сергѣй Соловьевъ, пользующійся почетомъ торговцевъ. Вотъ весь комплектъ гостей, идущихъ съ нами часть пути. Впослѣдствіи сцена неоднократно мѣняется и мы проходимъ большія пространства, на которыхъ нѣсколько недѣль сряду не набредешь на слѣдъ человѣка. Наконецъ потребность собрать свѣдѣнія, необходимыя для ориентированія, становится такъ велика, что мы 6 дней сряду идемъ по слѣдамъ Тунгуса, какъ по слѣдамъ звѣря въ степи, пока намъ удастся настигнуть его.

Упомянутые гости были непрошены. Но не слѣдуетъ думать, что они безъ дальнѣйшаго брали все, что имъ вздумалось. Это весьма приличный и благоправный людъ. Тунгусъ влѣзаетъ въ чумъ и располагается у огня; это само собою разумѣется. Онъ у перваго встрѣчнаго беретъ трубку изъ рта (стр. 703); это также весьма понятно точно такъ, какъ у насъ принято предлагать чужимъ свою табакерку или папиросницу. Этимъ они и довольствуются. Но за тѣмъ приличіе и обычай требуютъ, чтобы гостю предло-

жили отвѣдать, и тогда только онъ начинаетъ кушать. Къ счастью они умѣренны въ ѣдѣ; намъ нужно было болѣе для своего содержанія. При всемъ томъ они рассказали мнѣ, съ явнымъ самодовольствомъ, про одного изъ своихъ хорошихъ охотниковъ, нынѣ уже покойника, что онъ, не переставая, т. е. въ одинъ присѣсть или въ одинъ обѣдъ, съѣдалъ трехлѣтняго медвѣдя, либо двухголового дикаго сѣв. оленя. Тогда котель на огнѣ бывала обставленъ одними вертелами.

Весельчаки такъ беззаботны, что ни старикъ Тунгусъ, у котораго все-таки было восемь сѣв. оленей, ни жена его, съ взрослымъ сыномъ и дочерью да еще двумя маленькими дѣтьми, не забрали съ собою ни одной рыбы, а шли съ нами, полагаясь на запасы и хлѣбосольство вожака моего каравана. Двѣ изъ его оленецъ снабжали дѣтей молокомъ. Въ крайнемъ случаѣ онъ принимается за небольшое количество своихъ сѣв. оленей.

Пока есть возможность предположить, что у кого-нибудь еще найдутся запасы, только съ трудомъ можно убѣдить этотъ беззаботный людъ заняться охотою. Упомянутаго старика Тунгуса нельзя было уговорить, чтобы онъ разставлялъ сѣть нашу болѣе одного раза въ день. Мы проходили мимо утокъ, даже тетеревовъ, но провожавшая насъ компанія считала слишкомъ затруднительнымъ подкрадываться къ нимъ, имѣя въ виду наши мѣшки съ запасами. За этою лѣнью, повидимому, крылась боязнь, что они могутъ прозѣвать нашъ чай; по крайней мѣрѣ мнѣ привелось видѣть, что они не заботились спутать уже согнанныхъ сѣв. оленей, а полезли въ шалашъ за чаемъ, предоставивъ сѣв. оленямъ возможность разбѣжаться въ разные стороны. Другой изъ-за чая не поздоровался со своимъ семействомъ, съ которымъ онъ встрѣтился у насъ послѣ мѣсячнаго отсутствія. Кромѣ того, пользуясь гостеприимствомъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго желанія показать, что они считаютъ себя обязанными, такъ что угощаемые нами не помогали намъ (развѣ только, что на нихъ находила охота) ни рубить дрова, ни навьючивать поклажу, ни строить плотъ и т. п. Такимъ-же образомъ мнѣ привелось видѣть, что сестра, усерднѣйшимъ образомъ принимавшая участіе въ устройствѣ чума, спокойно глядѣла, какъ братъ рылъ яму для храненія запасовъ. Это была не ея работа, это до нея не относилось. Такое строгое распредѣленіе труда свойственно всемъ первобытнымъ людямъ, и никакія соображенія о благодарности не въ состояніи измѣнить эти порядки (срав. стр. 646).

При подобныхъ обстоятельствахъ случайная добыча часто должна выручать изъ бѣды. Такого рода добыча кстати познакомила меня съ установленными обычаемъ законами этого охотничьяго народа относительно права пользоваться долею (сравн. стр. 652 и 679).

Моя тунгусская собака Уорчакъ остановила лося. Мы подкрались къ нему и я застрѣлилъ его; только что мы успѣли разрѣзать его, какъ явился Тунгусъ и заявилъ свои права на добычу, утверждая, что раненный его самострѣломъ лось, за которымъ онъ гнался, очевидно долженъ быть этотъ самый. Надрѣзъ въ шкурѣ былъ подозрѣваемъ за рану, произведенную стрѣлою. Долго продолжался дальнѣйшій осмотръ шкуры и мяса; упорно,

но спокойно и съ величайшимъ приличіемъ, предъавлялись и взвѣшивались въ этомъ спорномъ вопросѣ доводы и возраженія. Со стыдомъ я припоминаю иные охотничьи споры въ Европѣ. Такъ какъ въ минимой ранѣ отъ стрѣлы не оказывалось необходимаго подтека крови, то претендентъ былъ устраненъ. Въ заключеніе на другой день при осмотрѣ слѣда оказалось, что нашъ лось пришелъ издалека: тогда Ваньча, вожакъ моего каравана, распредѣлилъ лося, согласно обычаю, слѣдующимъ образомъ: одну половину назначили мнѣ, признавъ возможнымъ, что справедливыя права свои я могу передать моимъ людямъ; другую половину получилъ Тунгусъ, странствовавшій съ нами уже нѣсколько дней, а именно: 1) какъ спутникъ, 2) какъ старшій между нами, и 3) какъ отецъ большого семейства, которое все шло съ нами.

Подъ половиной разумѣлись: 1) полншкура ¹⁾; 2) половина грудной части и 3) половина спиннаго куска ²⁾; 4) полголовы; 5) ползатылка; 6) половина крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ; 7—12) половина сердца, легкихъ, печени и крови, почекъ и кишечнаго жира.

Другой Тунгусъ, еще старше предыдущаго, но не принадлежавшій къ нашей компаніи, а случайно пришедшій къ раздѣлу, получилъ зашеекъ и одну ногу со шкурой къ этой ногѣ. Панданъ къ нему достался другому Тунгусу съ сыномъ. Вожакъ моего каравана съ товарищами и два погонщика нашихъ сѣв. оленей получили каждый ляшку съ ногой.

Позвонки были разобраны по одиночкѣ и распредѣлены поровну между всѣми, причемъ самые средніе четыре поясничныхъ позвонка считались лакомствомъ, а послѣдній посмѣшищемъ судьбы. Кровь слили и хранили въ желудкѣ; внутренности тотчасъ-же отправились въ котелъ. Черепъ и копыта развѣшены были въ видѣ трофеевъ на мѣстѣ раздѣла. Въ нагорныхъ лѣсахъ мы нерѣдко встрѣчали гнѣзоподобные столы изъ хвороста, устроенные между двумя деревьями, близко стоящими одно возлѣ другаго или на виллообразныхъ шестахъ, и обставленные черепами и когтями медвѣдей, лосей и сѣв. оленей ³⁾.

На этомъ обычаѣ дѣлить добычу основано право всякаго, кто находитъ въ тунгусскихъ самострѣлахъ или ловушкахъ убитаго звѣря, брать безъ малѣйшаго опасенія сколько ему нужно, до половины всего животнаго. Шкуру же и голову онъ обязанъ оставить на мѣстѣ, и вмѣстѣ съ оставшимся мясомъ тщательно укрыть отъ хищныхъ звѣрей. Если же онъ по необходимости присвоить себѣ все мясо, то расчеты предъавляются только въ такомъ случаѣ, когда законный хозяинъ вслѣдствіе этого самъ попалъ въ бѣду и долженъ былъ заколотъ своего собственнаго сѣв. оленя.

Съ кабаргой поступаютъ иначе. Она не подлежитъ распредѣленію на доли. Ее

¹⁾ Шкуры съ ногъ только зимою составляютъ нераздельную часть всей шкуры; относительно сѣв. оленя это постоянное правило, потому что шкура его не пол-

лежитъ раздѣлу на двѣ части.

²⁾ Ребра отдѣляются отъ позвоночнаго столба.

³⁾ Dölkön у Капгаласцевъ; Gilik у Инкагировъ.

можно взять только в случаѣ крайней нужды, но оставивъ голову и переднія ноги, иначе на будущее время ловъ не удастся, какъ и тогда, когда будетъ взята соболь. Если кто по необходимости долженъ былъ взять ее, то при первомъ-же свиданіи съ хозяиномъ ея, онъ говоритъ ему уже издалека: я взялъ твою кабаргу. Этого требуетъ обычай, котораго строго придерживаются.

Всѣ, въ особенности мой половинщикъ, торжественно благодарили меня за мой «таланъ». Что означало это выраженіе: талантъ или счастье? Но много ли проку было для моего половинщика въ его счастье? По доброму тунгусскому обычаю онъ тотчасъ-же долженъ былъ отдать голову и шею на пирушку, къ которой пригласили и меня, тѣмъ болѣе, что вожакъ моего каравана принималъ живѣйшее участіе въ приготовленіи и снаряженіи пира. Усѣлись въ кружокъ и передъ каждымъ (маленькій тунгусскій мальчикъ также принялъ участіе въ пирушкѣ) разостлали въ видѣ скатерти сѣдельную попону сѣв. оленя (кумаланъ). Сначала подали котель съ густой горячей кашею, состоявшей изъ раскрошеннаго на мелкіе кусочки мяса, которое жарилось въ мозгу и кишечномъ жрѣ. Котель обошелъ весь кружокъ, каждый бралъ полную ложку и передавалъ котель сосѣду. Опять соблюдалось высшее приличіе, съ спокойнымъ выжиданіемъ очереди. За кашею послѣдовали куски мяса разнаго рода, которые усердно поѣдались. Меня отличили тѣмъ, что мнѣ дали самые лакомые кусочки, какъ то: жиръ отъ грудной кости, мозгъ изъ костей (въ сыромъ видѣ Tschānga) и языкъ. И старикамъ, то туда, то сюда, раздавались лакомые кусочки. Если кто не могъ съѣсть все, данное ему распорядителемъ пира, что бы то ни было, то онъ бралъ остатки съ собою, для жены и дѣтей, точно такъ какъ уже прежде это дѣлали Тунгусы и Гиляки съ нашими сухарями и съ чаемъ. Самый счастливый ловъ очень скоро прибирается и нѣтъ ничего характеристичѣе отвѣта на вопросъ: хорошо ли было тамъ-то или тамъ-то тому или другому лицу. Тунгусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ примѣрно такъ: «мы съѣли тамъ четырехъ лосей».

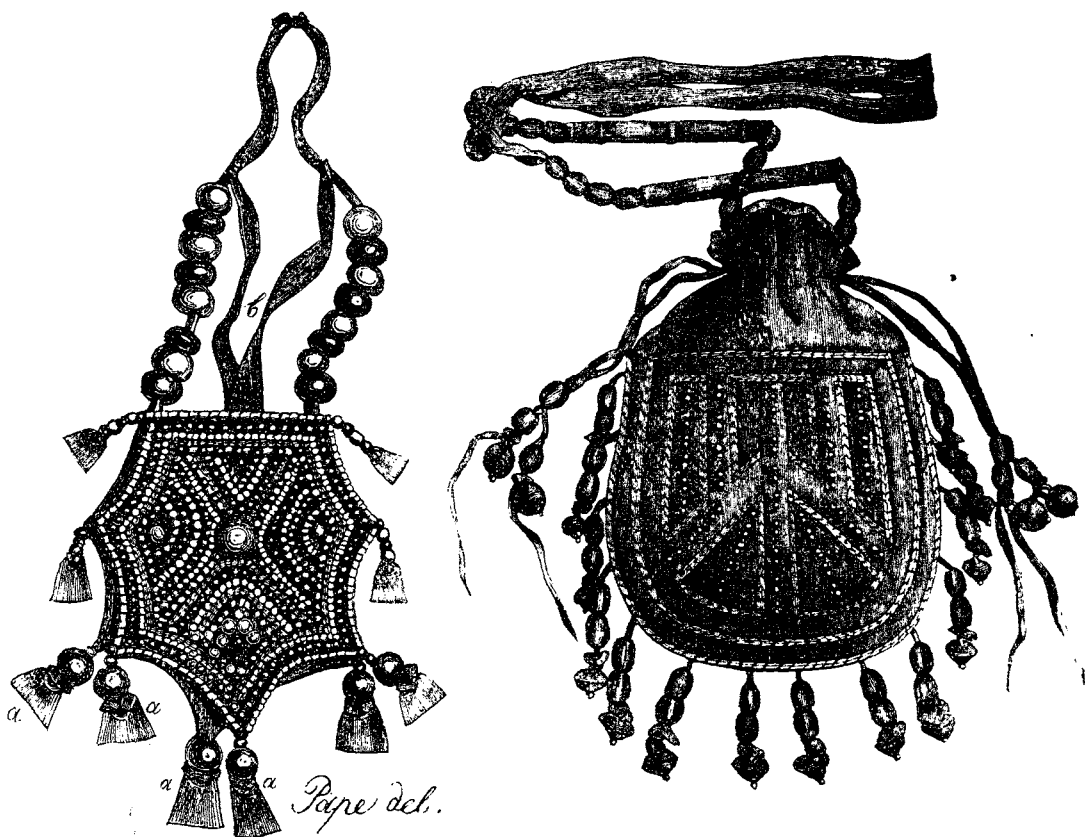
Тунгуса нельзя лучше угостить, какъ жиромъ, и за тѣмъ мукою. По этому мука, поджаренная на жирѣ или маслѣ, т. е. извѣстный по всей Сибири саламатъ, такая божественная пища, съ которою ничто не можетъ сравниться.

Заговоривъ о кушаньяхъ, считаю еще нелишнимъ замѣтить, что мясо большихъ животныхъ разрѣзается на длинныя полоски въ палецъ толщины, которыя весною натыкаются на колышки и сушатся на солнцѣ, а во время появленія мухъ вѣшаются въ дымъ¹⁾. За тѣмъ еще считаю нужнымъ упомянуть, что меня угощали брусникой, которую хорошая тунгусская хозяйка растираетъ съ икрой въ тѣсто и въ такомъ видѣ хранитъ на зиму. Точно также растираются ягоды черемухи; добытое изъ нихъ тѣсто мѣшаютъ съ небольшимъ количествомъ масла, сплюсциваютъ въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Заморажи-

1) Такое сушеное мясо называется у Кангаласцевъ: олжонко, у Учурекскихъ Тунгусовъ; hulūktō.

ваютъ также черемуховую кашу, разведенную на молоко сѣв. оленницы. Такимъ образомъ прекрасно сохраняется пріятный вкусъ синильной кислоты ¹⁾.

Чтобы исчерпать немного, отмѣченное мною въ дневникѣ относительно тунгусскихъ женщинъ, я замѣчу тутъ, что южные Тунгусы, хотя женами своими и обшиваются въ обтяжку и щегольски, но далеко не бываютъ такъ нарядны, какъ Тунгусы на Нижней Тунгускѣ (см. стр. 702 и 703), которые очевидно самые большіе щеголи. Не смотря на всѣ сходки, я встрѣчалъ мужчинъ только въ обыденной одеждѣ, что однакоже не исключало щегольскихъ принадлежностей, въ родѣ купленныхъ мною тамъ кисетовъ (см. прилагаемый рисунокъ), густо покрытыхъ разноцвѣтными бусами.

Кисеты южныхъ Тунгусовъ.

У кисета, изображеннаго съ лѣвой стороны, особаго рода покроя, такъ что собственно маленькій, незамѣтный тутъ, мѣшокъ виситъ на обонхъ, показанныхъ на

¹⁾ Тщетно я разспрашивалъ объ упомянутомъ у Герги обыкновеніи ѣсть лѣтскій послѣдъ варенымъ и жаренымъ. Оба названія, равно какъ слово Daniga, были

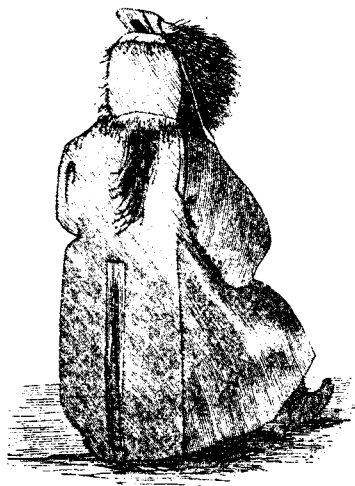
совершенно неизвѣстны. Но помпючная ѣда Schitugar была еще въ полномъ употребленіи.

рисункѣ, внутреннихъ ремняхъ (b) и, въ случаѣ надобности, вытаскивается ввизъ изъ плотной, шитой оболочки.

Но я очень удивился, когда увидѣлъ, что не только женщины, но и мужчины, отправляясь въ путь, надѣвали замшевыя перчатки ¹⁾. Повидимому, это означало высшую степень щегольства. Въ самомъ дѣлѣ эти перчатки были такъ ловко сшиты и украшены шелковыми узорами по швамъ, что въ качествѣ дорожныхъ перчатокъ онѣ и у насъ удостоивались бы вниманія.

Сильно разряжены были женщины, а въ особенности дѣвушки, тѣмъ болѣе, что онѣ уже употребляли сукна. Красныя юбки были обшиты широкими синими каемками, которыя и сзади охватывали высоко заходившую вверхъ прорѣху, составляющую отличие народа, ѣздящаго верхомъ. Если юбки были другаго цвѣта, то онѣ по крайней мѣрѣ были обшиты красными каймами. У тѣхъ, которыя были по богаче и находились въ сношеніяхъ съ китайскими пограничными народами, вмѣсто каемокъ были выпушки, шитыя желтымъ или зеленымъ шелкомъ. Вообще, влѣдствіе различныхъ соприкосновеній съ разными пограничными сосѣдями, Тунгусы очевидно утеряли свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Гдѣ не преобладало сосѣдство Китая, тамъ вездѣ якутскіе торговцы распространили свои узоры. Такъ напр. изображенную тутъ Тунгуску по наряду нельзя отличить отъ Якутки.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ шапка, на которой, по красному сукну, серебряными нитками, вышиты пальмовыя листья, а рядомъ съ этимъ тропическимъ мвѣомъ основаніемъ шапки послужилъ родной рысь, роскошной опушкой ея росомаха. Да и широкій мѣдный посеребренный поясъ, съ узорчатымъ серебрянымъ ожерельемъ ²⁾ въ два пальца толщиной, очевидно якутскаго происхожденія. Причатаго футляра. Затѣмъ слѣдуютъ серьги; изъ нихъ значащіяся на прилагаемомъ рисункѣ съ лѣвой стороны по формѣ сходны съ якутскими; показанныя справа состоятъ изъ се-

Тунгуска въ якутскомъ костюмѣ.

стужѣ его замѣняетъ боа изъ бѣличьихъ хвостовъ, которое носятъ и мужчины и женщины, обвивая его либо вокругъ шеи, либо вокругъ лба. На совершенно полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ ³⁾.

Большую роль играетъ украшеніе для косы, которое бываетъ или въ родѣ якутскаго (см. табл. XV, рис. 3 пѣм. изд.), или повидимому чисто-тунгусское, состоящее изъ серебрянаго либо посеребреннаго труб-

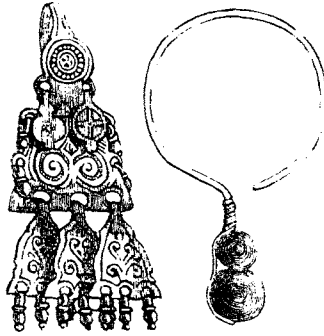
¹⁾ Табакъ, для отличія отъ рукавицъ kokoldgo срав. рисунокъ на стр. 646.

²⁾ Стоитъ 10 рублей.

³⁾ Въ такомъ случаѣ оно стоитъ 3 рублей.

ребриной проволоки съ двумя большими стеклянными бусами и кажутся миѣ чисто тунгусскими. Кроме того женщина обвѣшена кистями, мѣховыми украшениями и разными предметами убранства, какъ то: игольникомъ, сѣрной коробкой, серебряной цѣпочкой отъ трубки и т. д. Страстишка Тунгусокъ пожно быть, эгонистичѣе Самоѣдокъ, потому что наряжаютъ только самихъ себя и своихъ оленей, и далеко не хлопочуть такъ о своихъ мужьяхъ, какъ Самоѣдки. Еще менѣе онѣ заботятся объ убранствѣ своихъ ребятъ, которые большею частью должны довольствоваться обносками и потому часто ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагими и оцѣпенѣвшими отъ холода; иначе это и быть не можетъ, потому что напр. волось на парѣ изношенныхъ штановъ у хорошаго охотника остается очень мало.

этой части доходить до того, что онѣ даже сѣв. оленямъ продѣваютъ въ уши нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. О сношеніяхъ съ китайскими Тунгусами свидѣтельствуютъ китайскія монеты на одеждѣ, привѣски по краямъ юбки и т. п.

Миѣ вообще казалось, что южныя Тунгуски, дол-

У изголовья Тунгуской люльки вѣшались для успокоенія ребенка погремушки изъ зубовъ сѣв. оленей, соболиныхъ челюстей да козюльихъ копытъ. Ребенокъ лежитъ въ люлькѣ всегда на хорошо высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣхъ. Люльку въ шалашѣ иногда качаютъ; чѣмъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, высказывается нѣжная любовь родителей къ дѣтямъ.

Не только при дубленіи кожъ (стр. 643), но и при воспитаніи дѣтей можно замѣтить важное значеніе, которое кочевники придаютъ разрѣшающей и содѣйствующей пищеваренію силѣ слюны. Даже молоко сѣв. оленей кипятилось, бралось матерью въ ротъ и вылевывалось ребенку. Впрочемъ обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью года три сряду, такъ что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не конфузясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ.

Однолѣткамъ, для лучшаго прорѣзанія зубовъ, привязывается къ рукѣ кость сѣв. оленя.

Тунгусскій ребенокъ, которому наступаетъ третій годъ, еще совершенно неповоротливъ, хотя зади къ одеждѣ его и придѣлана кожаная косичка съ привѣской; но мальчикъ, которому еще не было пяти лѣтъ, въ опасномъ мѣстѣ уже умѣлъ крикнуть сѣв. оленю свое «осторожно», даже соскакивалъ съ сѣдла, разумно болталъ, помогалъ. Маленькія дѣвочки уже были разукрашены всевозможными привѣсками и кушаками.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, Тунгусы не кочуютъ, ради самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ крайней надобности кочеванія,

через несколько часов дѣлается привалъ и разводится большой огонь. На это время они очень дорожатъ срубленнымъ домикомъ. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ крошечныя существа въ состояніи сохранить собственное тепло. Мнѣ привелось видѣть, какъ при самой сильной стужѣ, въ шалашѣ, сквозившемъ какъ рѣшето, брали изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго существа подвергалась той разницѣ въ температурѣ, съ которой мы ознакомились на стр. 457. Не смотря на это, ребенокъ не хотѣлъ возвращаться въ люльку, изъ которой онъ протягивалъ голыя ручки свои. Лучистая теплота огня въ шалашѣ дѣйствуетъ такъ приятно, что и для взрослыхъ кочевниковъ нѣтъ лучше удовольствія, какъ сидѣть передъ огнемъ и подвергать дѣйствию его обнаженные туловище и ноги, прикрывая спину накиннутымъ на плечи полшубкомъ. Чувствуешь, какъ съ каждой минутой пропадаютъ бѣловыя ревматическія боли. Впрочемъ Тунгусы, хотя и они сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, далеко не страдаютъ такъ отъ ревматическихъ болей, какъ Самоѣды; очевидно потому, что они много ходятъ. Но боль въ спинѣ и въ крестцѣ появляется вслѣдствіе напряженія силъ при трудной ходьбѣ по глубокому снѣгу.

Иногда мнѣ случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ. При этомъ дѣлаютъ такое твердое, какъ камень, масло, что оно звенитъ, какъ монета, когда его бросаютъ въ котелъ.

При такихъ климатическихъ и шалашныхъ условіяхъ представьте себѣ повальную корь, какую я засталъ. Изъ 15 лицъ, помѣщавшихся въ чумѣ, большихъ и малыхъ, 12 были больны корью, да еще въ декабрѣ.

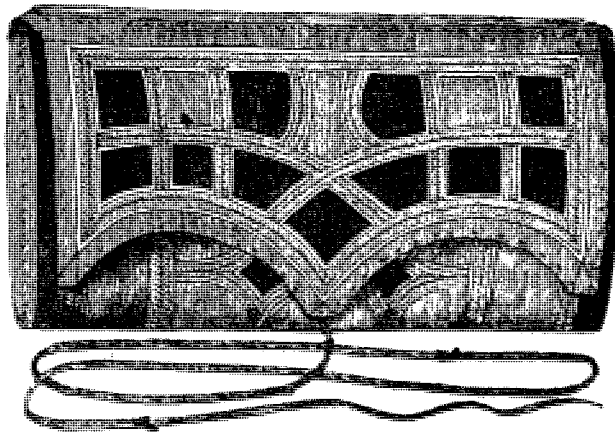
Нужно удивляться, какъ человѣческой организмъ выноситъ такія сильныя невзгоды. Нельзя также не удивляться, какъ, не смотря на глядѣніе въ огонь съ ранней молодости, не смотря на часто невыносимый дымъ въ чумѣ, отъ котораго иной тунгусскій мальчуганъ реветъ во всю глотку, взрослые хрюкаютъ, а женщины отъ слезъ не могутъ шить, какъ, не смотря на все это, глаза служатъ отлично и до глубокой старости. Если старикъ Тунгусъ жалуется, что «онъ болѣе ничего не видитъ», то это обыкновенно значитъ, что онъ все еще въ состояніи различать предметы несравненно лучше нашего брата. Все-таки гораздо губительнѣе дѣйствуетъ на организмъ вліяніе нашей культурной жизни! Столь-же мало, какъ рысьи глаза Тунгусовъ, страдаетъ и превосходно обоняющій носъ ихъ собакъ, хотя онѣ всегда садятся такъ близко къ огню, что для того, чтобы выдержать дѣйствию его, поворачиваютъ голову то вправо, то влево, и лапой мажутъ себѣ по мордѣ, но при всемъ томъ бѣлая шерсть ихъ, пригорая, становится желтобурою. Отъ снѣжнаго сверканія глаза животныхъ, въ особенности сѣв. оленей, защищаются, какъ бы снѣговыми очками, тѣмъ, что зрачокъ ихъ суживается въ едва замѣтную щель.

Въ сравненіи съ мотовскими суммами, которыя расточаютъ Тунгусы, цѣны, платимыя ими за женъ, чрезвычайно умѣренны. Тунгусъ, которому было ни по чемъ тутъ

задолжать тысячу рублей, тамъ столько-же считать за другимъ, купилъ себѣ жену за 20 сѣв. оленей. Но за то она принесла ему въ приданое 10 штукъ, да новую одежду и шалашную покрывку изъ замшевыхъ кожъ (Injukap). Такая шалашная покрывка (а на маленькій шалашъ нужны по меньшей мѣрѣ три шкуры) не дешева. Каждую покрывку составляютъ шкуры отъ 5 до 6 годовыхъ или двухъ годовыхъ лосятъ, да еще шкура для приставки. Въ мое время подобная покрывка стоила отъ 35 до 40 рублей.

Свертки же изъ бересты (Tiks'a), которыми покрывается лѣтній шалашъ, не имѣютъ значенія. Ихъ берутъ со всего объема березы, т. е. до 3' ширины, и обшивають кожаными полосками въ три пальца ширины. Въ обработкѣ бересты Тунгусы очень искусны, какъ это доказываетъ изображенный тутъ дорожная сумочка, на которой фигуры были тисненныя.

Въ соединеніи съ шитьемъ бусами и съ нѣкоторыми узорами, какъ напр. на принадлежавшемъ Тунгускѣ футлярѣ для чайнаго прибора (см. рисунокъ на слѣдующей страницѣ), берестовая под-

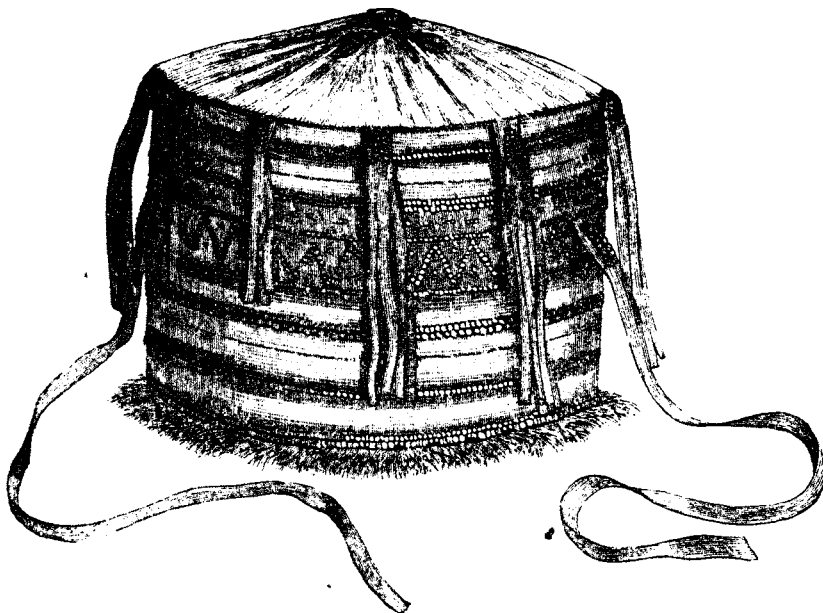
Дорожная сумочка изъ бересты.

кладка прекрасна.

Но весь такой домашній скарбъ, составляющій приданое невѣсты, не имѣетъ большой цѣнности, и я считаю нужнымъ замѣтить именно, что воздается не одинаковою мѣрою, такъ какъ же-

нихъ не вправѣ обращать вниманіе на то, каковы сѣв. олени, которыхъ ему приносить будущая жена. Если не сдѣлано особаго уговора, то, по принятому обычаю, даже оленьца, которая скоро должна отелиться, считается за двѣ головы, Отъ жениха же принимаются только отборные сѣв. олени.

Изъ-за средствъ, необходимыхъ для покупки жены, бѣдный паренъ на Становомъ хребтѣ лишенъ былъ возможности завести свое собственное хозяйство тѣмъ болѣе, что при естественныхъ богатствахъ въ горахъ недостатокъ средствъ для женитьбы почти равнялся неспособности добывать себѣ пропитаніе, и мотовству; съ другой же стороны первобытная честность была еще такъ велика, что похищеніе невѣсты или побѣгъ ея не могли дойти до такихъ размѣровъ, какіе Кастренъ засталъ у Остяковъ. Поэтому упомянутый паренъ счелъ себя счастливымъ, когда ему представился случай добыть сироту, выросшую у священника въ Удскомъ Острогѣ. Онъ хвалилъ великодушіе послѣдняго, такъ какъ отдѣлался уплатою 5 соболей и 10 половинокъ лосиныхъ шкуръ, но правда долженъ былъ взять жену почти нагую, даже безъ платочка, бѣдную, пребѣд-

Футляръ для чайнаго прибора.

ную. При всемъ томъ онъ и эту жену добылъ себѣ большею частью при помощи долговъ. Дѣло въ томъ, что когда сынъ отдѣляется отъ отцовскаго чума, то онъ уходитъ съ тѣмъ, что ему принесла жена. Только богатые родители надѣляютъ его еще сѣв. оленями.

Насъ провожала вдова съ сыномъ и взрослою дочерью. Умри мать, говорили мнѣ, покупную цѣну за дѣвушку получить братъ, равно какъ воспитатель ея, который ей не сродникъ.

Возвратимся къ разсмотрѣнію занятій мужчинъ.

Устройство обширныхъ засѣкъ требуетъ много времени и труда. Вечеръ проходитъ въ изготовленіи луковъ и стрѣлъ¹⁾. Твердое листовичное дерево сначала обрубается медвѣжьей рогатиной, а потомъ одинаково обдѣлывается пожею и скобелемъ. Наконецъ въ видѣ пробы, дерево гнутъ и смотрятъ гдѣ его еще слѣдуетъ подстругать, чтобы оно сгибалось совершенно равномерно. На изготовленіе десяти луковъ уходитъ цѣлый день. Если хотятъ, чтобы вещь была сдѣлана поглаже, какъ этого во всякомъ случаѣ требуютъ напр. стрѣла, шомполъ и т. п., то прибѣгаютъ къ изображенной тутъ деревянной «настругѣ», у которой нижняя плоскость сдѣлана въ видѣ жолобка. Вкладывая острие ножа то въ ту, то въ другую зарубку, и потому захватывая имъ то глубже, то косѣе,

¹⁾ Желѣзные наконечники стрѣлъ покупались у якутскихъ торговцевъ по полтинѣ за штуку. Поэтому иногда еще употреблялись костяные наконечники.

когда вы проводите на-
стругу по дереву, кото-
рое подлежит поли-
ровкѣ, вы дѣйствуете
какъ стругомъ.

Наструга, по-якутски: Копѣк.

Короткій зимній день
почти весь уходитъ на

такихъ задержкахъ уже случалось, что находили разомъ по 10, по 15, даже по 20 жи-
вотныхъ. Лѣтомъ это не должно случаться, а всё мѣста, гдѣ происходитъ ловля, дол-
жны быть осматриваемы никакъ не позже, какъ на третій или на четвертый день.

За недостаткомъ времени, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стоить устраивать засѣки, рѣдко
обращаютъ вниманіе на бѣлку, рѣдко разставляютъ чирканъ (см. стр. 611). Но и ка-
барги любятъ ходить по обратнымъ слѣдамъ, и потому самострѣлы разставляютъ по
ихъ слѣду.

Осмотръ засѣчныхъ проходовъ, съ горы на гору, въ разъединенныхъ, поросшихъ
первобытными лѣсами горахъ, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ, тяжелая работа. Поэтому,
не смотря на сильную стужу, доходившую до замерзанія ртути, мы встрѣчали одного Тунгуса,
одѣтаго въ легкой, спереди открытый, замшевый лѣтній кафтанчикъ. При каждомъ движе-
ніи, подъ отодвигавшимся нагрудникомъ, выглядывало неприкрытое тѣло всего передняго
туловища. Человѣкъ, о которомъ я теперь особенно вспоминаю, провелъ такимъ обра-
зомъ три ночи въ лѣсу около сильного огня. Шкуру для подстилки онъ носилъ при
себѣ. Тунгусъ безъ сомнѣнія самый закаленный изъ всѣхъ кочевниковъ. Только лицо
оберегается разсмотрѣнною нами на стр. 691 начельною, нащечною и подбородочною по-
вязкою; только плечи защищаетъ Тунгусъ въ холодно-сырую погоду медвѣжьимъ во-
ротникомъ, устраняющимъ промоканіе.

За тѣмъ, при той-же неблагоприятной поверхности почвы, нужно добычу отнести
домой, потому что никакихъ санокъ нельзя употребить въ дѣло. Каждому охотнику при-
ходится нести до трехъ кабаргъ. При этомъ голова и ноги отрубаются и укладываются
рядомъ, иначе онѣ лежатъ слишкомъ неудобно. Встрѣчаются, говорятъ, Тунгусы, кото-
рые на плечѣ несутъ домой до 5 кабаргъ.

Очень трудно и даже опасно охотничье ремесло Тунгусовъ. Потому я и не встрѣ-
чалъ между ними ни одного толстяка. Но дѣятельный образъ жизни сохраняетъ ихъ
здоровье до глубокой старости. Со мною цѣлую недѣлю странствовали два Тунгуса, изъ
которыхъ у одного, 60 лѣтъ отъ роду, были также сѣдые волосы, что у нихъ состав-
ляетъ большую рѣдкость. Младшему его сыну шелъ всего третій годъ. Другой Тунгусъ,
хотя постарше (говорили, что ему 70 лѣтъ), былъ еще бодръ и крѣпокъ на ногахъ.
Отецъ его, которому, какъ говорили, было сто лѣтъ, жилъ еще и года два тому назадъ
былъ еще бодръ, пока наконецъ ослѣпъ и за тѣмъ поочередно черезъ годъ жилъ у од-
ного изъ своихъ сыновей, удержавъ за собою стадо въ 20 сѣв. оленей, для котораго

нанималъ особую пастушку. Шестидесяти и семидесятилѣтніе старики нерѣдко представлялись мнѣ отцами грудныхъ дѣтей; иногда даже матерью оказывалась первая, уже очень съжившаяся жена. Неоднократно я встрѣчалъ въ живыхъ отъ 7 до 9 дѣтей. Если бы жены не кормили дѣтей грудью по нѣскольку лѣтъ, то приплодъ былъ бы еще многочисленнѣе. Тяжелое возвращеніе дѣтей, въ особенности же періодическое появленіе оспы, кори, краснухи и скарлатины, одолавающихъ и старыхъ и молодыхъ, равно какъ тифъ, сильно уничтожаютъ населеніе. Въ мое время повсюду господствовалъ коклюшъ. Въ архивной бумагѣ 1816 года насчитывалось 631 лицо Кангаласкихъ Тунгусовъ, которымъ не была привита оспа. Съ тѣхъ поръ это дѣло врядъ-ли улучшилось¹⁾.

Распространена была также такъ называемая «Radesyge», хотя первичная сифилитическая зараза занесена была только въ Удской Острогъ ссыльными, въ чумахъ же не была извѣстна. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи столь значительная въ то время изолированность этихъ горъ имѣла еще большія преимущества предъ Западною Сибирью. Легкомысленный характеръ Тунгусовъ усилилъ бы зло, подвергшее погибели туземцевъ Западной Сибири.

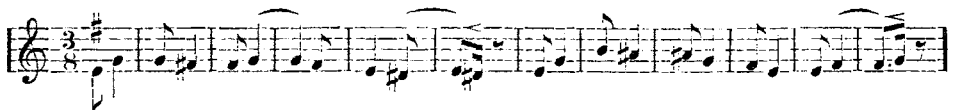
На стр. 653 была рѣчь о необузданности эротическаго воображенія, оживляющаго тунгусскія пѣсни. Небольшой образецъ, слышанный мною, помѣщенъ акад. Шифнеромъ въ Кастреновой *Tungusische Sprachlehre* (въ концѣ). Большая часть текстовъ, впрочемъ, говорятъ, импровизируется. Вотъ записанная мною на мѣстѣ мелодія пѣсни, слышанной на р. Килѣ:

Другая пѣсня распѣвалась по слѣдующей мелодіи:

Была еще третья мелодія, у которой послѣдній тонъ всегда оканчивался чрезвычайно отрывочно:

Какъ мало Тунгусы способны устоять противъ искушеній, это показываетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе ихъ экономическихъ условій. Правда, что искушенія, которымъ

¹⁾ Сомнѣвающихся въ пользѣ осприванія я послалъ бы непривитыми къ кочевникамъ. Тамъ, при первой же эпидеміи, они навсегда забавились бы отъ всякаго сомнѣнія.

подвергается ихъ легкомысліе, слишкомъ велики. По возможно точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною во время пребыванія на Становомъ хребтѣ, оказалось, что въ 1844 году, на принадлежащемъ къ Якутскому краю сѣверномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта, со включеніемъ области прилегающихъ притоковъ р. Силимджи, торговало 25 купцовъ, съ приблизительно 80 прикащиками и полуприкащиками¹⁾. Товары свои, назначенные для южнаго ската, эти торговцы привозили въ горы на примѣрно 700 сѣв. оленяхъ. Изъ нихъ приводилось до 300 головъ, для продажи Тунгусамъ въ качествѣ выючныхъ животныхъ, и между ними находилось отъ 50 до 100 болѣе дорогихъ сѣв. оленей (Ламскихъ²⁾), изъ Алданскихъ горъ; прочіе получались съ Вилюя. Остальные 400 частью закалывались торговцами, частью служили имъ для возвращенія въ Якутскъ. На каждые 3 шалаша я насчитывалъ по торговцу.

Кромѣ сѣв. оленей въ горы приводились и лошади. На пути туда онѣ дѣйствительно служили выючными животными, но до осени почти всѣ тамъ откармливались³⁾ и потомъ продавались на убой, потому что у Тунгусовъ онѣ считаются самымъ лакомымъ мясомъ, которое предпочитается всякому другому мясу. Осенью 1844 года изъ выючныхъ лошадей, отправленныхъ изъ Якутска въ Удской Острогъ, проданы были: часть въ Удскомъ, 10 вверхъ по Галламу, 10 вверхъ по Чонгару (притоку р. Уди), 15 на Инкань, въ верховьяхъ р. Силимджи, а нѣсколько штукъ погнали къ Тугуру и тамъ продали Тунгусамъ на убой⁴⁾. Къ этимъ лошадямъ нужно еще прибавить неопредѣленное, но незначительное, число лошадей, которыя оставлены были въ горахъ китайскими Даурцами, приходящими съ юга.

Эти выючныя животныя подвозили Тунгусамъ масло, жиръ, муку, чай, сахаръ, табакъ, порохъ и свинецъ, ружья, ружейные замки, котлы, сковороды, медвѣжьи рога-тины, ножи, топоры и т. п.

Этимъ однакоже нисколько не исчерпанъ перечень подвозимыхъ сѣвѣтныхъ припасовъ. Съ юга тѣ-же Даурцы, подобно Якутамъ, привозятъ топленое масло⁵⁾, но и замо-

¹⁾ Кромѣ этихъ купцовъ, около ста другихъ Тунгусскихъ торговцевъ отправилось по разнымъ, не относящимся къ нашему вопросу направленіямъ, отыскивая Тунгусовъ.

²⁾ Для пополненія сказаннаго о Ламскихъ сѣв. оленяхъ на стр. 514, сообщаю тутъ слѣдующее сопоставленіе размѣровъ ихъ. Ламскій сѣв. олень имѣлъ въ холкѣ $48\frac{1}{2}$, въ крестцѣ $45\frac{1}{2}$ дюйма; Вилюйскій сѣв. олень $42\frac{1}{2}$ и $41\frac{1}{2}$ дюйм. Кромѣ разницы въ величинѣ, этимъ указывается на болѣе косое направленіе спиной линіи Ламскаго сѣв. оленя, у котораго холка поднимается выше.

³⁾ И тутъ также лошади быстро разжирѣли не отъ сочныхъ горныхъ травъ, а опять таки отъ знаменитаго хвоща сибиктэ (срав. стр. 536, примѣч. 1-е). Особенно хорошими хвощевыми полями славилась горныя рѣчки

Орчій, Хатаннахъ, Кысайканъ (притокъ р. Шивили) и Оттукъ, равно какъ Бейтюмъ, притокъ Галлана.

⁴⁾ Три года перелѣтъ число проданныхъ лошадей было гораздо значительнѣе. Поближе къ мѣстамъ пребыванія Якутовъ еще гораздо больше лошадей попадаетъ подъ ножъ Тунгусовъ. Каждая лошадь разрѣзается на 6 частей и каждая шестая доля, смотря по состоянію откормки, стоитъ отъ 20 до 25 руб. При покупкѣ цѣлой лошади она продается за 100 рублей. — Изъ всего этого видно, какое значеніе можно придать извѣстію, что Тунгусы считаютъ величайшимъ грѣхомъ ѣсть конину (см. Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1858, III, 22, стр. 150).

⁵⁾ Примѣрно литру за соболя. Для масла у Тунгусовъ нѣтъ другаго названія, кромѣ якутскаго (ату) или русскаго.

роженую сметану въ видѣ блинковъ въ палецъ толщины и въ тарелку величины ¹⁾, да свиные окорока ²⁾. Некоторые китайскіе Бурало-Тунгусы также вымѣниваютъ соболей на товары.

Кромѣ подвоза съ сѣвера и съ юга, уже въ мое время являлся подвозъ съ запада, потому что ежегодно къ такъ называемой Солорнекой ³⁾ сходкѣ прїѣзжало около ста казаковъ.

Со всѣхъ трехъ сторонъ Тунгусамъ подвозилась мука, но никакъ нельзя было узнать, какъ велико потребление ея. Повидимому она вообще составляетъ болѣе предметъ роскоши, чѣмъ дѣйствительной потребности питанія, и большая часть подвозимой муки идетъ вѣроятно на прокормленіе прикащиковъ и погонщиковъ сѣв. оленей.

Главные сборныя мѣста были: 1) на Темтѣнѣ, гдѣ собирались уже въ началѣ Октября, и потомъ вторично весною, со сходомъ сѣвга; 2) на Давукытѣ (или Давукакытѣ), въ началѣ Января; 3) на Тикси, въ началѣ Декабря. Впрочемъ тѣ-же самые торговцы посѣщали также ярмарки на Учурѣ (отъ половины Мая до половины Юня); въ Удскомъ Острогѣ (въ Августѣ); на Чогарѣ, впадающемъ въ Удь (въ Декабрѣ); около Бурукана (въ Январѣ). Чириринъ (притокъ Уди) также служилъ торговцамъ, возвращавшимся въ Мартѣ съ Инкани, послѣднимъ сборнымъ мѣстомъ, которое посѣщали Тунгусы.

Какъ мало Тунгусы стѣснялись огромными разстояніями, это можетъ доказать слѣдующее обстоятельство: на Давукытѣ я встрѣтилъ тунгусскихъ торговцевъ, объяснившихъ мнѣ, что хотя оттуда къ Аянской гавани ближе, но что изъ-за лучшихъ кормовъ они охотнѣе запасаются всѣми необходимыми предметами на Темтѣнѣ, гдѣ такія-же цѣны, какъ тамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представился старшина, который пришелъ къ Давукыту изъ Якутска, черезъ Аянь, и сообщилъ новѣйшія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ гавани.

Въ мое время въ главныхъ сборныхъ пунктахъ оказывались слѣдующія цѣны:

	На Темтѣнѣ (прит. Алдана) въ верховьяхъ.	На Давукытѣ (на р. Килѣ, прит. Дзени).	На Тукси (прит. р. Нары).	У Солорнѣ (слѣдов. Забайк. товаръ).	На Учурѣ (прит. Алдана).	Въ Аянской гавани ⁴⁾ .
	Р	у	б	л	е	й.
Муки, пудъ	8	10	15	5	6—10	5
Масла »	15	30	35	30	20—25	30
Жиру »	13	25	30	10	15	20—25
Табаку фунтъ . .	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	въ видѣ придачи	2—2 ¹ / ₂	—
Чай съ сахаромъ.	10	15	15—20	10	15	—

¹⁾ Также стоитъ соболя.

²⁾ Каждый окорокъ стоитъ соболя.

³⁾ Подъ Солорномъ очевидно разумѣли торговое мѣсто на рѣчкѣ, впадающей въ Амуръ поверхъ Албазина, или самихъ казаковъ, отправлявшихся туда изъ Забайкалья; слѣдовательно примѣрно и компанію кон-

трабандистовъ, схватить которую я считалъ для себя счастьемъ, потому что такимъ образомъ мнѣ удалось замѣнить уже негодныхъ сѣв. оленей моихъ лошадьми. Срав. стр. 726.

⁴⁾ Осенью 1844 года въ Аянь собралось до 20 чумовъ Тунгусовъ, прїѣхало 6 казаковъ для торговли, про-

Если иногда случалось, что товаровъ было больше, чѣмъ покупателей, то цѣны наконецъ понижались на $\frac{1}{4}$ обыкновенной стоимости.

На Темтѣнѣ цѣны оказывались гораздо дешевле не только потому, что это мѣсто лежитъ еще на сѣверномъ скатѣ, но и потому въ особенности, что до него товары доставляются на вьючныхъ лошадяхъ, а оттуда развозятся дальше на сѣв. оленяхъ. Мнѣ разсчитывали, что каждую лошадь до Темтѣна слѣдуетъ считать на 10 рублей расходовъ по перевозкѣ тяжести, и что слѣдовательно перевозка моего транспорта изъ Якутска до Давукакыта за $12\frac{1}{2}$ руб. съ пуда обоилась очень дешево.

Сѣв. олень и хорошая собака стоили рублей 100. За хорошее ружье платили еще больше и до 150 рублей, а за ружейный замокъ 10 руб., хотя между Тунгусами былъ ружейный мастеръ, а другой Тунгусъ, у котораго пружина лопнула, тотчасъ-же при мнѣ замѣнилъ ее маленькимъ лукомъ изъ упругаго дерева. За пеньковыя нитки для ставной сѣти платили 5 рублей, но Тунгусъ могъ связать себѣ изъ нихъ двѣ сѣти.

Медвѣжьи рогатины, топоры, ножи съ обитыми мѣдно ножнами, и 20 питокъ мелкихъ бусъ стоили по 5 рублей.

Должно казаться страннымъ, что въ моемъ спискѣ цѣны не значатся ни порохъ, ни свинець. Это происходитъ оттого, что на каждого тунгусскаго стрѣлка казна отпускаетъ вообще только по одному фунту пороху, хотя требовалось гораздо больше (фунтовъ до 5). Тунгусу приходилось платить 5 рублей за свой фунтъ пороху, который старшина ему привозилъ изъ магазиновъ. Но такъ какъ подати не уплачивались регулярно, то мѣстное Якутское управленіе уже два года не отпускало болѣе пороху.

Что же вы дѣлаете? спросилъ я съ любопытствомъ. «О, мы беремъ порохъ отъ Солорщевъ (слѣд. Забайкальскій), гдѣ онъ также не дорогъ». Какъ затрудненіе добывать порохъ, такъ и довольно большой калибръ ихъ ружей, да страхъ пропустить выстрѣлъ болѣе доходный, удерживали Тунгусовъ, на южномъ скатѣ, отъ охоты на глухарей, рябчиковъ и т. п., которыхъ тамъ безчисленное множество, или также на бѣлокъ. Когда я вымѣнялъ себѣ собаку, то фунтъ пороху, который я далъ за нее сверхъ другихъ предметовъ, мнѣ все-таки разсчитали въ 10 рублей.

Что касается свинца, то часто слышалась жалоба, что онъ слишкомъ твердъ и портитъ ружейное дуло. Хорошъ былъ только свинець, получавшійся изъ Нерчинска.

Распоряженіе мудраго начальства о запрещеніи продавать порохъ не смутило Тунгусовъ, тѣмъ болѣе, что они уже успѣли смекнуть, что забайкальскіе покупатели, подобно китайскимъ, не были еще такъ избалованы хорошими собольими шкурами, какъ якутскіе, да и вообще мало знали толку въ хорошемъ товарѣ. Поэтому худые и попорченныя соболи шли туда и доставляли продавцамъ отъ 20 до 25 руб., тогда какъ якутскіе торговцы предлагали за нихъ только по 5 рублей. Притомъ тамъ сбывались шкуры безъ

давшихъ 11 лошадей; въ предшествовавшую зиму Тунгусы купили тамъ и зарѣзали до 30 лошадей.

Мускусовые мѣшки принимались въ тамошней торговлѣ по $3\frac{1}{2}$ до 3 рублей, бѣлки по 30 — 50 копѣекъ.

хвостовъ и лапъ, даже такія шкуры, которыя вычернены были котельной сажеей. Но зато тамъ и за самую лучшую шкуру платили не дороже 40 рублей.

Всѣ цѣны изъ году въ годъ оставались почти тѣ-же, только на кабарговья струи сильно мѣнялся курсъ. Такъ напр. онѣ стоили въ горахъ:

въ 1839 году 2½ руб.   въ 1841 году 6 руб.   въ 1843 году 4 руб.
 » 1840   » 5   »   » 1842   » 5   »   » 1844   » 3   » и дешевле.

Цѣны же на лосинья, собольи и др. шкуры не измѣнялись. Привсемъ томъ, число ежегодно убиваемыхъ кабаргъ вѣроятно остается почти одно и то же, такъ какъ въ альпійскихъ хребтахъ кабарга составляетъ главную основу ежедневнаго пропитанія Тунгусовъ.

Жизнью Тунгуса руководятъ два соображенія: необходимость добывать пищу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соболемъ. Такъ какъ то и другое не вездѣ можно найти въ одномъ мѣстѣ, то явилась необходимость въ разные времена года эксплуатировать мѣстности, очень далеко отстоящія одна отъ другой, а эта необходимость поддерживала страсть уходить далеко.

Но эта страсть издавна приняла два совершенно опредѣленныхъ направленія, потому что главный барышъ доставляли Становой альпійскій хребетъ и южные его скаты. Кромѣ соболя тамъ-же, на крутыхъ вершинахъ, водилась кабарга, а въ глубоко вѣзающихся долинахъ сѣв. олени и лоси. Вотъ что составляло основы тунгусскаго существованія. Гдѣ на южномъ скатѣ не было больше кабарги, гдѣ сѣв. олень уже рѣже начиналъ встрѣчаться, тамъ къ лосю присоединялись олень и козуля, а далѣе, внизъ по рѣкѣ, даже кабанъ, мѣстами въ видѣ рѣдкой придачи, мѣстами же и очень часто, какъ напр. въ низовьяхъ Ура. Преслѣдовать кабана далѣе, въ южной его родинѣ, не позволяютъ прекращеніе соболя и невозможность прокормить домашняго сѣв. оленя на лишенной моховъ низменности по причинѣ слишкомъ южнаго положенія мѣстности. Тамъ, по ту сторону Бысы (притока Спалмджи) и на Тырмѣ (притокѣ Буреи), Конные Тунгусы Китайской имперіи, подвигающіеся съ юга вверхъ, являются естественными сосѣдями Оленныхъ Тунгусовъ. Вслѣдствіе травяныхъ палей, нерѣдко распространяющихся по мшистымъ высоколежащимъ сосновымъ лѣсамъ, они отодвигаютъ Оленныхъ Тунгусовъ въ горы еще выше, чѣмъ это обусловливалось первобытною природою. Впрочемъ не только Конные Тунгусы устраивали такія пали (Kigunḡ), чтобы улучшать кормовыя мѣста для своихъ лошадей, но и наши Тунгусы жгли низменности, для полученія сочныхъ луговъ, на которыхъ они потомъ подстерегаютъ оленей.

Эти китайскіе Конные Тунгусы, называемые также Буралами (или Быралами), и наши Оленные Тунгусы, кажется, взаимно давали другъ другу названіе Тō-hálj (тотъ народъ). Они устраивали свои засѣки на правомъ берегу Амура, но поздно осенью взбирались высоко къ подошвѣ Становаго водораздѣльнаго хребта, а иногда даже лѣтомъ, въ челнокахъ, напр. по Уру. Такъ какъ они весь южный берегъ этого хребта

считали своимъ, т. е. китайскимъ краемъ, то въ мое время разныя мелкія столкновѣнія не всегда ограничивались одиѣми угрозами, а нерѣдко выражались въ жалобахъ на отнятіе огнестрѣльнаго оружія, на умерщвленіе верховыхъ и выючныхъ животныхъ и т. п.¹⁾ Во всякомъ случаѣ собственно виновными тогда были наши Тунгусы, позволявшіе себѣ своевольничать все болѣе и болѣе. Такъ какъ я самъ былъ на запрещенномъ пути, за который два года спустя спутнику моему Ваганову пришлось поплатиться жизнью, то къ сожалѣнію я находился также въ неловкомъ положеніи, заставлявшемъ меня импонировать Бураламъ. Одному Буралу, который сталъ требовать у меня отчета о томъ, куда я отправляюсь, я отвѣтилъ угрозами и удачнымъ выстрѣломъ на лету. Потомъ мы сдѣлались хорошими друзьями.

Этотъ Буралъ причислялъ себя, если я его вѣрно понялъ, къ Манигирьскому роду, а другой, на Буреѣ, къ Гураграмъ. У перваго была чисто тунгусская физіономія. По словамъ его, онъ не стригъ головы своей и не носилъ косы потому, что мать его умерла. Ясакъ платили они (китайскому правительству) по одному соболу и получали за это муки, примѣрно на 40 руб. на наши деньги. Если представленный соболь былъ слишкомъ плохъ, то чиновникъ отрѣзалъ лапу, вслѣдствіе чего шкура теряла цѣну свою въ торговлѣ.

Благодаря безумной неурядицѣ, которая дорожитъ только минутой и уничтожаетъ все, что ей попадаетъ подъ руки, не щадя по пословицѣ «ни денегъ въ сундукъ, ни теленка въ коровѣ», Тунгусы изъ году въ годъ все болѣе истребляютъ животныхъ, такъ что съ каждымъ годомъ наши Оленные Тунгусы подвигались все далѣе на юго-востокъ, гдѣ въ мое время первоначальное изобиліе первобытной природы еще сохранилось почти въ прежнемъ видѣ, потому что въ этомъ углу жители придерживались отчасти морскихъ прибрежій, отчасти Амура съ его значительными притоками и большихъ озеръ. Болѣе чѣмъ щедро питаемые рыбами, тюленями и выброшенными на берегъ китами, они мало по малу сдѣлались рыбаками и предоставили горы этой страны ихъ собственной судьбѣ.

Соболей и лосей въ этомъ благодатномъ уголкѣ земли было безчисленное множество. Когда нужны были съѣстные припасы, то отправлялись на Амгунь, въ которомъ кишмя кишѣла и кета. Въ Бурею она не заходила.

Лосей, увѣряли меня Тунгусы, съ горныхъ хребтовъ часто можно видѣть сразу по 30 головъ, хотя они ходятъ по одиночкѣ, а не стаями. Приэтомъ, дѣйствительно, можно было помириться съ недостаткомъ кабарги. О множествѣ соболей мы будемъ говорить ниже. Подобно калифорнской, австралийской и другимъ золотопромышленнымъ лихорадкамъ, горячка охватила и Тунгусовъ, такъ что все повалило въ пресловутое Эльдorado²⁾.

¹⁾ Сравни уже сказанное о Буралахъ или Быралахъ въ примѣчаніи къ I му тому нѣмецкаго изданія этого сочиненія, стр. 167. Жалоба ихъ 1780 года (см. тамъ-же, стр. 163) также относится сюда.

²⁾ Наши Тунгусы отправились туда отчасти по долигѣ р. Бурея, отчасти чрезъ мѣстечко Буруканъ Мидлендорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

на Тугурѣ, чрезъ Укакыгъ на Немилень, потомъ вверхъ по Амалу, а оттуда къ Ахрани, которая по болотамъ вела къ Амгуню.

Въ мое время къ Амгуню велъ новый путь отъ Хамбикана на Немилень, ввизъ по Нилану.

Вѣроятно это случилось бы уже гораздо раньше¹⁾, если бы не оказалось одно неудобство: чѣмъ ближе къ прибрежью, тѣмъ меньше стоили соболи.

Лучшими соболями считались въ торговлѣ тѣ, которые шли съ Темтена, т. е. съ той части сѣвернаго ската и западной половины Становаго водораздѣльнаго хребта, гдѣ берутъ начала верховья и притоки Алдана, Дзен и Ура. Эти шкуры составляли верхн или такъ называемыя головки собольихъ сороковъ и цѣнились каждый въ 100 рублей. За ними слѣдовали соболи съ верховьевъ р. Уди, но они рѣдко продавались за 80 руб.; обыкновенно же за нихъ платили по 60 руб. Еще дальше на востокъ, въ верховьяхъ Бурей, встрѣчались уже только шкуры похуже предыдущихъ, хотя тамошнія горы высоки и идутъ отвѣсными гребнями. Къ этому разряду принадлежали также соболи «золотаго края», съ прославленныхъ верховьевъ Амгуни, въ Бурейскихъ горахъ. Такого рода качество немѣрно уменьшало доходы отъ множества добытыхъ соболей, тѣмъ болѣе, что по временамъ въ верховьяхъ Уди²⁾ бывалъ очень хорошій уловъ, такъ какъ тамъ чащи кустарнаго кедра предохраняли соболей отъ истребленія.

Разсмотримъ теперь по одиночкѣ затронутые нами вопросы, принявъ за исходную точку болѣе сѣверныя мѣста пребыванія южныхъ Тунгусовъ.

Къ сѣверу отъ Половинной (притока р. Уди) въ мое время уже не было болѣе лосей; на Алданскомъ хребтѣ они, можно сказать, были почти совершенно истреблены, такъ что прибрежнымъ или Ламскимъ³⁾ Тунгусамъ приходилось довольствоваться дикими сѣв. оленями, зайцами и бѣлыми куропатками. Кое-гдѣ попадалась горная овца, но нигдѣ у нихъ не встрѣчались кабарги, предѣлъ распространенія которыхъ прекращается южнѣе. Безчисленныя массы морскихъ рыбъ, заходившихъ въ рѣки, представляли основу хозяйства. Этимъ я никакъ не хочу сказать, чтобы иногда у нихъ не было раздолья по части мяса сѣв. оленей, какъ напр. весной 1844 года, когда снѣгъ такъ плохо спекался, что Учурскіе Тунгусы убивали по 30, 40 и даже по 60 сѣв. оленей на человѣка. Но за такой быстро прокученной рѣзней слѣдуетъ, само собою разумѣется, неудачная охота на сѣв. оленей нѣсколько лѣтъ сряду. Впрочемъ, домашніе сѣверные олени, которые въ Алданскихъ горахъ росли столь-же хорошо, какъ и дикіе, служили также поддержкою для пропитанія, и кромѣ того шли въ продажу, потому что вслѣдствіе особенной ихъ величины за нихъ дорого платили.

Соболи были почти совершенно истреблены. Тѣмъ быстрѣе размножались бѣлки, вознаграждая часть утеряннаго промысла. Осенью до моего пріѣзда было напр. такое неслыханное количество бѣлокъ на рѣкахъ Аимъ, что человѣку можно было убить до 2000 штукъ, а такъ какъ каждая стоила 30 к., то это уже составляло порядочный доходъ.

Сравнимъ теперь съ этими данными нѣкоторыя свѣдѣнія съ южнаго ската водораз-

¹⁾ Что движеніе началось уже въ прошломъ столѣтіи, слѣд., особенно же стр. 160—162-ой I-го отдѣла этой части, это доказываетъ наше 4-е прилѣчаніе на стр. 366, а ²⁾ А именно притоковъ Шивили и Галламъ.

³⁾ Въ буквальный переводъ: «Морскіе Тунгусы».

дѣльнаго хребта, гдѣ замѣтимъ гуть-же, горныя воды повсюду были запружены плотинами или «заезками»¹⁾ и доставляли богатую придачу къ питанію мясомъ.

А. Тунгусъ, проводившій лѣто въ нагорной части у перехода отъ верховьевъ Алдамы (притока Учуря) къ Дзеѣ (тамъ регулярно выпадаетъ очень глубокой снѣгъ, такъ что лѣто благопріятно и для домашнихъ и для дикихъ сѣв. оленей), подкрадывался на сѣв. оленей, или ходилъ на нихъ также съ собакою на привязи. Въ Августѣ онъ, свистя на скрученной берестѣ, подманивалъ тамъ кабаргу, которая, какъ самецъ, такъ и самка, подбѣгала на зовъ. Осеннею зимою онъ спускается съ горъ къ югу, охотится на соболей «на собачьихъ ногахъ» и обходитъ лосей, направляясь по ихъ слѣду, а иногда дѣлаетъ кругъ и идетъ противъ вѣтра, такъ какъ и лось идетъ противъ вѣтра. Если онъ заберется далеко внизъ по рѣкѣ, то иной разъ ему подвернется и олень. Зимою главную его пищу составляетъ кабарга, а потому онъ въ это время опять забирается высоко въ горы и разставляетъ до 100 передвижныхъ самострѣловъ²⁾, потому что у него не устроены засѣки. Только собою, которому онъ не ставитъ приманки, а разставляетъ самострѣлы передъ его норой или на обратномъ слѣдѣ, онъ не позволяетъ обходить ловушку, втыкая кругомъ прутья.

Такимъ образомъ онъ ежегодно добываетъ среднимъ числомъ около 30 сѣв. оленей и лосей, по крайней мѣрѣ 100 кабаргъ и отъ 10 до 15 соболей. Существенную помощь оказываютъ домашніе сѣв. олени, которыхъ у него 30 штукъ. Чѣмъ дальше онъ уходитъ внизъ по рѣкѣ, тѣмъ больше преобладаетъ количество лосей, тѣмъ меньше онъ убиваетъ сѣв. оленей.

Въ обыденной жизни кабарга, будучи сварена, составляетъ обѣдъ для него, для жены, для сына, работницы и трехъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ богатой добычи, устраиваются два обѣда, въ противномъ случаѣ только одинъ. На выручку является запасное сушеное мясо краснаго звѣря.

Въ годъ этотъ тунгусскій чумъ расходовалъ: 1) муки 10 пудовъ; 2) масла 5 пудовъ; 3) жира отъ 2 до 3 пудовъ; 4) чаю 5 фунтовъ и сахару 10 фунтовъ; 5) пороху 4 фунта и свинца 8 фунтовъ; 6) табаку 20 фунтовъ; 7) одежды рублей на 100.

В. Другой Учурскій Тунгусъ, жившій въ верховьяхъ Чонгара, Уди, Шивили и Галлама, потому что тамъ горы наиболѣе богаты кабаргами, добывалъ ихъ каждую зиму отъ 80 до 200 и даже 250 штукъ, если ему удавалось разставить 200 самострѣловъ. Столь-же богаты кабаргами были, говорили мнѣ, прибрежныя горы неподалеку отъ южнаго берега, въ верховьяхъ Уякона и Мальмасина.

С. На Ынѣ (притокѣ Нимана) и Исв (прит. Бысы) три брата разставили до 200 самострѣловъ и убили въ прошломъ году до 30 сѣв. оленей, 10 лосей и 200 кабаргъ.

¹⁾ По-тунгусски: Dalig; по-якутски: Вуһуҕ.

²⁾ Количество разставленныхъ самострѣловъ Тунгусъ понимаетъ такъ, что оно означаетъ такое-же количество слѣдовъ. Если лужъ убьетъ своего звѣря, и потомъ опять

ставится на томъ-же мѣстѣ, то онъ все-таки считается за тотъ-же лужъ.

При засѣкахъ количество лужовъ означаетъ количество проходовъ въ засѣкѣ.

Д У Тунгуса на Киле (прит. Дзен) главную часть добычи уже составляли олени. Онъ убивалъ ежегодно штукъ 15; остальное количество необходимаго для него запаса доставляли лоси, козули и весьма многочисленныя кабарги. Козуль ежегодно добывалось до 25 штукъ, особенно во время переправы ихъ вплавь при ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ странствованіяхъ.

Поддержкою хозяйства являлось богатство рѣкъ и озеръ по части тайменей, ленокъ, щуекъ и окуней, которыхъ Тунгусы ловили тамъ съѣтими¹⁾.

Соболи встрѣчались очень рѣдко; тѣмъ болѣе было рысей и росомахъ. Главный промыселъ составляли неокрѣпшіе олени роговые зачатки (töntü), которые китайскіе Бурахо-Тунгусы и Даурцы покупали у нихъ за большія деньги, трехконечные по 50, а четырехконечные по 70 — 80 рублей. Этыхъ оленей убивали на прикличку.

Олени шкуры, подобно шкурамъ сѣв. оленей, не раздѣляются на двѣ части и цѣнятся въ 5—10 рублей, хотя не поступаютъ въ продажу, а расходуются въ хозяйствѣ²⁾. Десять рублей стóятъ большія, осеннія, совершенно коротковолосыя олени шкуры, которыя считаются самыми дорогими. Столько-же стоитъ каждая изъ обѣихъ половинокъ лосиной шкуры.

Е. Тунгусы на Кѣрокѣ. Лѣтомъ они уходятъ на озера р. Уръ, около которыхъ водится много лосей, оленей и козуль. Первыхъ охотникъ убиваетъ до 30 штукъ; кромѣ того еще отъ 5 до 8 кабановъ. Зимомъ они возвращаются къ своимъ засѣкамъ. Туда лишь очень рѣдко заходятъ соболя. Взамѣнъ того они убиваютъ бѣлокъ. Медвѣдей очень много, но ихъ убиваютъ такъ-же рѣдко, какъ выдръ, рысей и росомахъ. Лисицы вовсе не встрѣчаются. Волки тутъ уже появляются, преслѣдуя козуль.

Каждый чумъ ежегодно расходуетъ примѣрно 3 пуда муки.

Е. Тунгусъ на Отобокѣ (прит. Нижняго Киле). Добываетъ на половину сѣверныхъ оленей, на половину лосей. Въ цѣлый годъ онъ убилъ только одного оленя. Козули вовсе не встрѣчаются.

Соболей прежде въ хорошей годъ убивалось около 15 съ собакой и 10 въ самострѣлахъ, и среднимъ числомъ они продавались рублемъ за 25. Теперь соболи стали рѣдки и мѣсто ихъ заняли 50 — 200 бѣлокъ.

Онъ употребляетъ ежегодно 2 пуда муки и платитъ 10 руб. за фунтъ пороху.

Дальше внизъ, къ Амуру, Тунгусы стрѣляютъ, говорятъ, почти только бѣлокъ, много занимаются рыбною ловлею и употребляютъ много муки, которая тамъ дешева.

Г. Тунгусъ на Джесѣ (прит. Тымги, прит. Дзен). Онъ ежегодно убиваетъ отъ 15 до 20 сѣв. оленей и лосей (преимущественно послѣднихъ), до 5 оленей, 10 козуль и 50 кабаргъ, разставляя 100 самострѣловъ.

¹⁾ Они ловили также рыбу Ласюю, но называли ее Якутскѣ, гдѣ за шкуру сѣв. оленя, вслѣдствіе привоза съ Колымы и изъ прибрежныхъ странъ Олонецкаго моря, платили отъ 4 до 2½ рублей.

²⁾ Онъ былъ тутъ дороже, чѣмъ въ главномъ городѣ

Домашнихъ сѣв. оленей бывало у него отъ 3 до 20, смотря по годамъ; въ плохое время онъ закалывалъ до 10 штукъ, вмѣсто которыхъ потомъ покупалъ другихъ.

Муки онъ расходовалъ отъ 2 до 3 пудовъ.

Весною вырываютъ пойманные въ силкахъ глухари.

Н. Якутъ на Кебели (срав. ниже) въ годъ расходовалъ на свой чумъ (2 мужчинъ, 2 женщинъ и 1 мальчика) 10 пудовъ муки, отъ 3 до 4 пудовъ масла; столько-же жиру; 10 фунтовъ чаю; 15 фунтовъ табаку (сынъ не курить, что составляетъ неслыханное дѣло).

Такимъ образомъ на мѣстахъ хорошаго улова на восточной половинѣ южнаго ската значительнѣйшихъ возвышенностей Становаго хребта и его развѣтвленій сходятся Тунгусы сѣвернаго ската изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей (срав. стр. 711).

Такъ мы встрѣтили тамъ Кангаласскихъ Тунгусовъ изъ Якутскаго округа, Учурскихъ Тунгусовъ (Бытальскій и Эдъянскій¹⁾ роды) и Ламутовъ, т. е. Прибрежныхъ Тунгусовъ изъ Алданскихъ горъ. Ламуты и Эдьянцы не носили косъ²⁾, какъ Кангаласцы и Бытальцы, и поэтому ихъ можно было отличать съ перваго-же взгляда. По языку оказывалась также значительная разница между Кангаласскими и Учурскими Тунгусами. У послѣднихъ почти одно и тоже нарѣчье съ Икагирами; рассказывали, что и Олекминскіе Тунгусы могутъ хорошо объясняться съ ними, у Ламутовъ же самый своеобразный языкъ.

Изъ всѣхъ Тунгусовъ, говорятъ, особенно Икагиры, нѣкогда, были несравненно многочисленнѣе. На плясовомъ лугу, рассказывали мнѣ, который 50 верстъ ниже Удскаго Острога окружаетъ холмъ Дяраканъ, они бывало плясали круговую и, держа другъ другъ за руку, своимъ кругомъ оцѣпляли весь холмъ. Оттого, говорили, еще до сихъ поръ совершенно ясно видны натопанные слѣды. Не въ мѣру, говорятъ, они гордились своею многочисленностью, какъ вдругъ появилась оспа и истребила всѣхъ, за исключеніемъ двухъ семействъ, потомки которыхъ теперь находились передо мною.

Рѣчную долину Амгуни въ китайскихъ предѣлахъ въ мое время посѣщали главнымъ образомъ Эдьяне съ нѣсколькими Лалегирами³⁾.

Кромѣ вышеупомянутыхъ Тунгусовъ, я встрѣтилъ дальше къ западу на р. Бургаи Тунгусовъ слѣдующихъ родовъ: 1) Ниниганъ (во множ. числѣ Нинигаттеръ),

¹⁾ По официальнымъ извѣстіямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, въ 1844 году въ третьемъ Эдъянскомъ родѣ считалось 118 податныхъ душъ, изъ которыхъ у 78 были сѣв. олени, тогда какъ остальные были осѣдлые рыбаки.

• Въ Бытальскомъ родѣ было 142 души, изъ которыхъ у 79 были олени (316 штукъ).

²⁾ По-видимому это было слѣдствие русскаго вліянія и главнымъ образомъ слѣдствие головныхъ наскѣвокъ, потому что у нѣкоторыхъ волосы на головѣ были об-

стрижены и оставленъ только рѣдкѣйшій вѣнокъ длинныхъ волосъ по краямъ.

³⁾ Въ мое время въ Удскомъ Острогѣ насчитывались слѣдующіе Тунгусы: 1) Лалегиры, 92 души муж. и 67 женск. пола; 2) Иккагиры, 20 душъ муж. и 11 женск. пола; 3) Эдьянъ, 39 душъ муж. и 32 женск. пола. Кромѣ того Якуты Шерскаго отдѣла, 20 душъ муж. и 16 женск. пола. — Цифры эти я считаю весьма сомнительными.

которыхъ было 33 податныхъ души: 2) Сологонъ съ 17. и 3) Муригаткаръ съ 4 податными лицами муж. пола.

Ниниганьцы, у которыхъ было еще довольно много сѣв. оленей, ради нихъ проводили лѣто у верховьевъ Килё, Олдó, Ливёръ и нѣкоторыхъ, впадающихъ въ Олекму, горныхъ ручьевъ сѣвернаго ската. Они добывали весьма изобилующихъ тамъ дикихъ сѣв. оленей, а зимою кабаргъ.

Къ осени они отправлялись въ долины, убивать бѣлокъ; при этомъ попадалось и нѣсколько соболей, которые въ верховьяхъ Олдó уже вовсе не встрѣчались. Въ хорошиіи годы они расходовали на человѣка до 6 фунтовъ пороху, который въ самой Горбицѣ, составлявшей центр ихъ пребыванія, продавался не дешевле 5 руб. за фунтъ. Въ хорошіе годы человѣкъ убивалъ до 150, въ худые иногда только 50 бѣлокъ. Такъ какъ тамъ почти не было ни лосей, ни оленей, то трапезу пополняли зайцы и глухари. Около 10 тунгусскихъ семействъ этого рода, не имѣвшихъ сѣв. оленей, жили на р. Уричи. Между ними я встрѣтилъ впервые Тунгуса, который со слезами на глазахъ рассказалъ мнѣ, что имъ приходится очень жутко. Не смотря на значительный подарокъ, данный ему изъ состраданія, этотъ человѣкъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь намъ при сломкѣ нашего чума (срав. стр. 712).

Эти Ниниганьцы обращали на себя вниманіе чертами лица, отличавшимися отъ физиономіи болѣе восточныхъ Тунгусовъ, и поразительно напоминали особенности единственнаго семейства Норильскихъ Тунгусовъ, которое и на сѣверѣ стояло совершеннымъ особнякомъ между прочими Тунгусами. Черты лица ихъ носили на себѣ признаки монгольскаго типа, измененные вліяніемъ кавказскаго племени. Лицо было овальнѣе, скулы менѣе выдавались впередъ, глаза менѣе были прорѣзаны вкось. Да и рѣзко-черные волосы, которые особенно выдавались въ высоко-выгнутыхъ, густыхъ бровяхъ, казались иначе, чѣмъ у другихъ, прежде видѣнныхъ мною Тунгусовъ: они блестѣли и потому казались еще чернѣе, тогда какъ у другихъ Тунгусовъ были чернобурыя, менѣе густыя брови.

Откуда взялись такія качества, этого мнѣ не удалось узнать, тѣмъ болѣе, что Ниниганьцы были приписаны здѣсь лишь 17 лѣтъ тому назадъ, а потому и очень жаловались на затрудненія, которыя они встрѣчаютъ въ сношеніяхъ со сборщиками податей вслѣдствіе незнанія одними тунгусскаго, другими русскаго языка. Недостатокъ посредческаго якутскаго языка былъ весьма чувствителенъ. Въ подтвержденіе своего разсказа о ихъ происхожденіи, старшина вынулъ бумагу отъ Якутскаго управленія 1683 года. Послѣ долгаго времени мнѣ опять, какъ въ Якутскѣ, впервые оказали честь тѣмъ, что свили меня съ сѣдла. Металлическіе посеребренные кушаки напоминали о своемъ происхожденіи изъ Якутскаго края.

Съ уменьшеніемъ соболяго лова появилась у нихъ бѣличья монетная система, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе положительность. Они были хорошо одѣты, даже въ бумажныхъ кафтанахъ, но самый большой долгъ простирался не свыше 400 бѣлокъ, т. е.

по тогдашнимъ цѣнамъ на этихъ животныхъ, особенно высоко цѣнимыхъ изъ этой мѣстности, немногимъ больше 200 рублей. Такъ какъ каждый чумъ ежегодно расходовалъ отъ 4 до 15 пудовъ муки, то сбереженіе происходило оттого, что уже вовсе не требовалось масла и употреблялось только отъ $\frac{1}{2}$ до 2 пудовъ жиру. Большею частью не было также расхода на чай. Пили его лишь въ 5 чумахъ, употребляя ежегодно отъ 4 до 6 фунтовъ.

Тутъ начиналось употребленіе ружей большаго калибра, про которыя прежде мнѣ часто рассказывали, называя ихъ Солонрискими ружьями. Они были гораздо дороже маленькихъ впитовокъ и цѣнились, если пользовались извѣстностью, до 200 руб.

Не только въ восточной и средней части водораздѣльнаго хребта, но и въ западной происходили такіа-же передвиженія населенія, о какихъ мы говорили выше. Козаки въ верховьяхъ Амура увѣряли меня, что въ прежніе годы не было Тунгусовъ въ той полосѣ земли, которая заключается между Аргунью, верховьями Амура и Албазихой, что лѣтъ 12 тому назадъ Солонрискіе ¹⁾ Тунгусы, жившіе прежде по ту сторону Олдо, въ верховьяхъ Дзеи, вслѣдствіе голоднаго года перешли на правый берегъ Амура, гдѣ не только много звѣрей, годныхъ для ѣды, но и много соболей, и что года четыре тому назадъ за ними послѣдовали также Бѣлыоты, душъ 12 Кангаласской орды, платящихъ ясакъ. Послѣдніе, такъ увѣряли меня Тунгусы, первоначально жили на Алданѣ, но выселились оттуда изъ-за тяжкаго времени и чтобы избавиться отъ притѣсненій. Такъ какъ они уже давно не платили ясака, то изъ Якутска послали въ погоню за ними козаковъ, которые однакоже не успѣли нагнать ихъ.

Версть 12 ниже начала Амура (Усть-Стрѣлка) я самъ встрѣтилъ Боягра, поселившагося тамъ въ срубленномъ домикѣ. Онъ принадлежалъ къ тому-же роду, какъ другой Тунгусъ, сдѣлавшій мнѣ челнокъ близъ Удскаго Острога. И его также требовали, такъ какъ онъ со времени учрежденія ясачной комиссіи не платилъ податей, но ему все удавалось отдѣлываться. Третій Боягръ также не платилъ и жилъ на золотыхъ пріискахъ на Тугпирѣ (притокъ р. Олекмы). Родъ ихъ разбрелся во всѣ стороны, потому что Боягры жили на Дабукытѣ, на Олдо, Урѣ, Ботамѣ, Темтѣнѣ и Алданѣ. Четыре брата этого рода въ мое время были записаны даже на Вилюѣ и тамъ вносили свой ясакъ. Всѣхъ ихъ было 74 человекъ, платившихъ подати.

Одного Учурскаго Тунгуса я встрѣтилъ при Улбаньскомъ заливѣ между 3 Гиляками. Восемь лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе смерти жены, онъ лишился ея приданого и потому поселился на берегу рыбакомъ. Сначала онъ при случаѣ пересылалъ ясакъ, но потомъ пересталъ вносить его.

Между Тугуромъ и Немиленомъ, въ мѣстечкѣ Хамбыканѣ, въ то время считавшемся китайскимъ, я также встрѣтилъ Учурскаго Тунгуса, который поселился тамъ уже

¹⁾ Нѣкоторые козаки называли ихъ Сологовцами.

лѣтъ 10 тому назадъ, занимался охотою въ верховьяхъ Нимилена, и не обращалъ вниманія ни на какія требованія.

На р. Кебели (притокъ Нимани) жилъ Якутъ лѣтъ 8. Онъ построилъ себѣ юрту и помѣщеніе для склада товаровъ, и осенью жилъ тутъ, запрудивъ рѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ по близости занимался ловлею соболей. Въ верховьяхъ Бысы онъ въ прошломъ году разставилъ 300 самострѣловъ, давшихъ ему однакоже только 80 кабаргъ (изъ нихъ $\frac{1}{4}$ съ сумками), 6 лосей и 5 сѣв. оленей. Соболей онъ добылъ только 10, потому что снѣгъ спекся и тѣмъ совершенно испортилъ охоту съ собаками.

И черезъ горы, лежащія на лѣвомъ берегу Шилки, приходили Тунгусы съ Олекмы (Тунгусы произносятъ Оіосһпа) и съ Тунгира на сѣв. скатѣ. Другіе Тунгусы и козаки называли ихъ Айнѣками и Орочонами. Съ рыбной ловли въ верховьяхъ Амалжара, который они запружали, они приходили въ Чучугайскую, для покупки муки (на чумъ расходовалось до 20 пудовъ), которая продавалась тамъ очень дешево, т. е. по рублю или нѣсколько дороже, тогда какъ въ Олекминскомъ округѣ приходилось платить за нее 5 и даже до 15 рублей.

Между Тунгусами были явные дармоѣды: развитые эпизоды гостепрѣимства. Такъ я встрѣтилъ одного, проѣвшаго своихъ сѣв. оленей въ верховьяхъ Дзеи. Съ женою и двумя дѣтьми онъ въ лодкахъ спустился по Дзеѣ до Эльгеи и жилъ на счетъ тамошнихъ Тунгусовъ до тѣхъ поръ, пока они, какъ онъ очень наивно рассказывалъ, «уже слишкомъ обѣднѣли и не могли далѣе кормить его», хотя тамъ уже встрѣчалось много кабановъ. За тѣмъ, спасаясь отъ комаровъ, онъ отправился въ лодкѣ вверхъ по Уру и пѣшкомъ внизъ по Олдо, чтобы отпраздновать тамъ сходку и прискаты себѣ хлѣбосола, у котораго онъ и пристроился.

Эти порядки однакоже до такой степени держались на основахъ коммунистическаго гостепрѣимства, что мнѣ ни отъ одного Тунгуса не приходилось слышать жалобу на дармоѣдство родичей. Но довольно часто они жаловались на якутскихъ торговцевъ и на свое собственное легкомысліе. Тѣ, которые были по разсудительнѣе, проклинали этихъ поживлявшихся на ихъ счетъ друзей, проклинали ихъ за то, что они удерживали ихъ отъ ловли животныхъ и соблазняли ихъ на частые легкомысленные кутежи. Но, всматриваясь въ дѣло внимательнѣе, легко можно было замѣтить, что такъ отзѣвались только болѣе богатые, у которыхъ была задняя мысль, т. е. желаніе вмѣсто Якутовъ самимъ обогатиться посредствомъ торговли и монополіи ея. Разумно и въ тоже время неэгоистично было ихъ сердечное желаніе, чтобы Якуты не слѣдовали за ними въ зимовья, а ограничивались ярмарочными пунктами. Бѣдные же Тунгусы все-таки твердили, что сами не въ состояніи помочь себѣ и пропали бы въ случаѣ неприбытія торговцевъ.

При всемъ томъ они неоднократно подавали начальству жалобы на различныя притѣсненія со стороны Якутовъ, но всѣ жалобы ихъ оставались тщетными. Хитрые Якуты умѣли обходить начальство.

Уже въ 1744 году внушено было нашимъ Тунгусамъ не переходить за китайскую

границу, не обижать и не обворовывать тамошних народов¹⁾. Распоряженіе это послѣдовало очевидно вслѣдствіе того, что китайское правительство вступилось за своихъ подданныхъ. Не смотря на это, въ 1794 году было получено донесеніе о ежегодныхъ столкновеніяхъ Охотскихъ и Майскихъ Тунгусовъ съ Нигидальцами. Дѣйствительно, уже въ 1784 году, старшина Эдянцевъ занимался ловлею звѣрей на Шангарскихъ островахъ. Въ 1780 году жаловались и китайскіе Бурало-Тунгусы особенно на Якутовъ, такъ что на слѣдующій годъ прямо послѣдовало запрещеніе пускать Якутовъ черезъ Удь на кочевья Тунгусовъ. Ослушниковъ приказывалось отсылать въ Якутское правленіе. Это были только послѣдствія прежнихъ порядковъ, потому что уже въ 1744 году присылались въ Удской острогъ указы разыскать нѣкоторыхъ скрывшихся Якутовъ различныхъ племенъ, о которыхъ извѣстно было, что они жили на Китайской землѣ. Съ тѣхъ поръ послѣдовало множество подобныхъ указовъ, такъ что въ девяностыхъ годахъ изъ Удскаго острога присылались въ Якутскій нижній окружный судъ то 15, то 20, даже по 30 и болѣе Якутовъ²⁾.

Теперь вѣроятно уже не одно лишь нарушеніе границъ причиняло начальству столько хлопотъ, а стали появляться также жалобы русскихъ Тунгусовъ. Въ архивѣ Удскаго Острова оказалось множество такихъ жалобъ, относившихся къ періоду времени около 1792 года. Тунгусы жаловались на то, что Якуты въ Удскомъ краѣ, особенно на рѣкахъ Галламѣ, Шивелеѣ и т. д. торгуютъ, обманываютъ и ловятъ звѣря. Еще положительнѣе вызваны строгія мѣры вѣроятно тѣми громадными переходами на китайскую землю въ 1787 году, о которыхъ мѣстами упоминается.

Эти перекочевки приводили начальство въ отчаяніе, потому что много Тунгуса не только нѣсколько лѣтъ сряду нельзя было развѣдать, не говорю уже отыскать, но даже нерѣдко тотъ или другой совсѣмъ не возвращался, а поселялся на южномъ скатѣ въ такихъ мѣстахъ, которыя принимались за китайскую землю.

Начальство очевидно не было въ состояніи услѣдить за подвижностью Тунгусовъ, а это увеличивало путаницу до невозможнаго. Такъ напр. на южномъ скатѣ я встрѣтилъ въ прежнемъ старшинѣ Боягровѣ очень разсудительнаго и много видѣннаго на своемъ вѣку Тунгуса. Онъ доказалъ мнѣ, что изъ 77 ясачныхъ душъ, представителемъ которыхъ ему доводилось быть, только 37 еще жили на сѣверномъ скатѣ, а 40 уже успѣли перебраться на южный. вмѣсто того, чтобы возить ясакъ въ Горбицу на Шилкѣ, слѣдовательно непосредственно въ Иркутскъ, что и для него и для родичей его было бы весьма легко, приходилось вносить его, по прежнему, въ Якутскъ, т. е. на 8 градусовъ широты сѣвернѣе и на столько же градусовъ долготы къ востоку. Старшина, конечно, не преминулъ отказаться отъ своей должности, потому что весь годъ уходилъ на пере-

¹⁾ Срав. примѣчанія къ 4 му отдѣлу этого сочиненія. стр. 139 и 160.

²⁾ Зауеръ (Voyage, II, стр. 223) говоритъ даже о Миддендофѣ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

6000 Якутахъ, перешедшихъ съ Олекмы и Вилюя. Въ китайскихъ источникахъ вѣроятно можно найти самыя вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ случаѣ.

бѣды туда и обратно, при чемъ ему удавалось убивать развѣ только мелкихъ звѣрей, напр. бѣлокъ. Рѣдко, говорилъ онъ, случалось убивать сѣв. оленя, потому что приходилось торопиться, чтобы въ теченіи года проѣхать 2000 верстъ до Якутска, да 2000 верстъ обратно. Нужно было тѣмъ болѣе торопиться, что въ противномъ случаѣ торговцы подспѣютъ раньше и заберутъ себѣ добытыхъ соболей. При этомъ ему, хотя онъ и странствуетъ съ 30 сѣв. оленями, приводится неоднократно запасаться провизіей, покупать ее дорого, убивать собственныхъ домашнихъ животныхъ. Изъ прежнихъ его 50 сѣв. оленей дѣйствительно уже пропало 20, и не отдѣлайся онъ отъ своей должности, онъ уже теперь, какъ справедливо увѣрялъ, былъ бы такимъ-же нищимъ, какъ его родичъ, который, какъ старшина, поручился за своихъ и потомъ долженъ былъ отвѣчать за неплату ясака.

Это одна сторона дѣла. Другая заключается въ выгодахъ, происходящихъ оттого, что старшины, подобно многимъ богатымъ соплеменникамъ, въ тоже время занимаются торговлею и притомъ безошлинно. Къ этому еще нужно прибавить обычные подарки.

Да, правда, отвѣчалъ онъ мнѣ, вмѣсто содержанія я получалъ отъ соплеменниковъ моихъ подарки, но послѣдніе болшею частью опять уходили въ городѣ. Зачѣмъ же ты давалъ? спросилъ я. «Вотъ видишь», продолжалъ онъ, «тѣ, которые въ городѣ, говорятъ, что имъ приходится хорошо одѣваться, хорошо жить, хорошо ѣсть, ну вотъ каждый и даетъ: много, у кого побольше, мало, кто не можетъ столько дать. Ты ничего не требуешь, тебѣ я ничего и не даю». Наслово повѣрилъ я ему, зная, что мой переводчикъ, какъ переводчикъ, бралъ подарки. Повѣрилъ ему, потому что когда мнѣ понравился колчанъ, который я хотѣлъ купить, то Тунгусъ отвѣтилъ: «пусть онъ его беретъ». Когда же я наставлялъ на томъ, что хочу купить его, то Тунгусъ не зналъ, что запросить съ меня, пока я наконецъ, къ величайшему прискорбію его, отказался отъ покупки, потому что я и такъ уже посулилъ за нее черезъ чуръ много¹⁾.

Наводя Тунгусовъ все снова на тотъ-же предметъ, я понемногу успѣлъ понять, что дѣйствительно каждый Тунгусъ считалъ своею обязанностью давать старшинѣ подарокъ; исключались только самые бѣдные. Иной старшина былъ извѣстенъ тѣмъ, что умѣетъ выжимать подарки. Дѣло всетаки опять сводилось на то, что нечего дѣлать, нужно дать соболя. «Не стану же я его рѣзать», сказалъ Тунгусъ, когда я замѣтилъ, что это слишкомъ много. Вѣдь ясакъ, говорилъ онъ, уплачивается только соболями, и

¹⁾ Но зачѣмъ я выставляю на позоръ его, дикаря. Точно тоже со мною неоднократно продѣлывали сибирскіе чиновники. Прошу я напр. выручить меня изъ бѣды, уступить мнѣ сани, и встрѣчаю величайшую готовность и предупредительность. Проходитъ добрый часъ времени, пока растолкуешь, что ни въ какомъ случаѣ не пряму подарка. Наконецъ цѣну назначаютъ — вчетверо дороже, почти непомѣрно. Это первобытные порядки человеческого общества.

Козакій урядникъ, прежній «командиръ» Удскаго Острога, за часомъ съ пушемъ проткровенно рассказывалъ мнѣ, какъ онъ поступалъ. «Является такой старшина съ ясакомъ, все соболя, навязанные на ремнѣ въ пучки; вотъ я ему и говорю: Да вѣдь этотъ слишкомъ плохъ. Такого царю вѣдь не дашь. Я вставляю за него моихъ собственныхъ, а ты останешься мнѣ ихъ должнымъ». Стоило ему только сознать, что онъ остался въ долгу, и все дѣло было въ шляпѣ, лавина росла на ходу.

такъ какъ сдачи не даютъ ¹⁾, а старшина остальное беретъ себѣ за свои труды, то нужно быть дуракомъ, чтобы отдать хорошаго; дать худаго неприлично, да и старшина бранить, ну и даешь соболя средняго разбора. Расчетливый же старикъ высчитывалъ, что выгоднѣе поступать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, т. е. платить бѣлками и кабарговыми сумками. Въ такомъ случаѣ и старшина долженъ довольствоваться тѣмъ, что получить на свою долю одну или двѣ сумочки. Развѣ только тогда, когда старшина цѣлый годъ у него не былъ, онъ даетъ ему соболя, да и то, конечно, средней доброты. Если къ этому онъ добавитъ еще кабарговую струю, то вѣдь это все, что можно дать.

Кромѣ ясачнаго соболя, богачи давали старшинѣ еще одного соболя за его хлопоты и въ вознагражденіе за расходы въ пользу тѣхъ его соплеменниковъ, съ которыхъ онъ къ сроку не могъ собрать ясакъ. Кромѣ того прежде старшина былъ обязанъ принимать для своего племени и раздавать ему запасы пороха и свинца, что требовало отъ него не только особыхъ хлопотъ, но и лишнихъ вьючныхъ животныхъ.

Какъ бы то ни было, но тоже самое, что мнѣ прежде привелось видѣть у Самоѣдовъ, повторилось и тутъ. Помимо неизбѣжныхъ подарочныхъ соболей, Тунгусскій старшина заплатилъ подати по 8 руб. 8 коп. асс. съ души, тогда какъ въ Нерчинскѣ я увидѣлъ изъ податныхъ списковъ, что его племя обязано было уплатить за 33 человекъ, всего 43 руб. 42³/₄ коп. сер. т. е. почти въ шесть разъ меньше. Это происходитъ оттого, что козакъ не умѣетъ прямо писать, сказали бы опять мои добродушные Самоѣды. У Тунгусовъ же я встрѣтилъ нѣсколько сильно озлобленныхъ лицъ, утверждавшихъ, что не можетъ же быть, чтобы недоимки взыскивались снова, когда подати постоянно вносились аккуратно. Вѣдь они давно сполна уплатили даже такъ называемыя недоимки, откуда же опять берутся новыя? Тунгусы шумѣли ²⁾.

¹⁾ Ясачная Коммиссія оцѣнила тамошнихъ соболей втораго сорта въ 20 рублей. На этомъ и остановились. Между тѣмъ соболя шкуры съ тѣхъ поръ стали вавое дороже, а на бѣлочки мѣха цѣна почти не измѣнилась.

²⁾ Инымъ можетъ показаться, что указанія эти, равно какъ на стр. 736 и 686, не довольно основательны. Для нихъ сообщаю еще нѣкоторыя извлеченія изъ моего дневника. 1) Въ одно время со мною въ Туруханскѣ находился окружный судья, для производства слѣдствія о мышахъ, уничтожившихъ хлѣбъ въ казенныхъ запасныхъ магазинахъ. Тоже самое приписывалось также медвѣдю. Судья этотъ умеръ до окончанія слѣдствія. 2) Такъ какъ меня приняли за чиновника сенатора Толстаго, которому поручена была ревизія Сибирскаго управленія, то помощникъ Туруханскаго окружнаго начальника зарѣзался въ бытность мою въ Туруханскѣ. 3) Въ Енисейскѣ одинъ изъ болѣе важныхъ чиновниковъ откровенно рассказалъ мнѣ, что онъ не привялъ должности окружнаго пристава, потому что ее оцѣняютъ слишкомъ высоко. Вновь открытые тамъ золотые приiski оцѣнива-

ются въ 200,000 рублей, тогда какъ они могутъ дать развѣ $\frac{1}{10}$ этой суммы, изъ которой $\frac{2}{3}$ нужно отдать выше. 4) Туруханскій отдѣльный засѣдатель жаловался мнѣ, что на его счетъ постоянно присылаются нарочные изъ Енисейска въ наказаніе за недоставленіе донесеній, которыхъ невозможно доставить. Эта жалоба согласовалась съ жалобой поселенцевъ. Они должны были ставить подводы, но никогда гроша не получали за нихъ, а деньги клалъ себѣ въ карманъ чиновникъ, пользовавшійся кромѣ того торговымъ доходомъ, потому что его нарочный возилъ въ Туруханскъ товаръ. 5) Какъ козакъ, такъ и торговцы увѣряли меня, что чиновникъ по особымъ порученіямъ, посланный изъ Якутска на ярмарку на Учурѣ, для разбора разныхъ жалобъ, при укладкѣ собранныхъ имъ на обратный путь соболей, взялъ съ собою болѣе 800 штукъ. 6) Стоитъ только прочесть (въ 3-мъ томѣ эт. соч.) Отчета Ува ровскаго, какъ онъ, по должности правителя канцеляріи тамошняго губернатора, получалъ въ мѣсяцъ всего 5 руб. содержанія (стр. 18), и сообразить при этомъ, что въ тоже самое время для

Но Тунгусъ по всему своему природному характеру гораздо отважнѣе тихаго Самоѣда. Съ самаго Тугура я часто встрѣчалъ въ лѣсу развѣшенные въ видѣ трофеевъ медвѣжья черена, свидѣтельствующіе о геройской храбрости лицъ, охотящихся въ одиночку. Что для Самоѣда конье въ отношеніи къ беззащитному сѣв. оленю, то для Тунгуса медвѣжья рогатина: родъ универсальнаго прибора, служащій ему топоромъ, для проложенія пути чрезъ первобытную чащу и для срубкн лѣса на топливо, ножомъ для изготовленія самострѣловъ, верховою палкою, когда онъ садится на сѣв. оленя, пешнею для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Кольчуги, встрѣчающіяся еще у нѣкоторыхъ Тунгусовъ, наминаютъ этому народу о геройскихъ подвигахъ прежняго времени. По этому разбой или смертоубійство, которыя между Самоѣдами неслыханны, у Тунгусовъ не большая рѣдкость. Въ мое время былъ такой случай: одинъ Тунгусъ застрѣлилъ другого на охотѣ и присвоилъ себѣ его сѣв. оленей, но былъ выданъ женою и дѣтьми убитаго, которымъ удалось уйти, и преданъ суду. Нѣсколько лѣтъ спустя бѣдный спутникъ мой Вагаповъ и товарищи его во время сна были застрѣлены исподтишка Тунгусами; вскорѣ послѣ того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиціи, которая снаряжена была для изслѣдованія Становаго пограничнаго хребта, подъ начальствомъ проф. Шварца. Нельзя вмѣнять это горнымъ сынамъ въ слишкомъ большое преступленіе, потому что они привыкли встрѣчать одобреніе за убійство бѣглецовъ изъ Нерчинскихъ рудниковъ. Соблазнъ великъ, искусство подкрасться къ жертвѣ изучено превосходно, пуля бьетъ мѣтко, первобытный лѣсъ молчаливъ, преслѣдованіе слабо.

Взглянувъ еще разъ на бытъ Тунгусовъ, мы найдемъ, что онъ, какъ уже было сказано, похожъ на образъ жизни лотерейнаго игрока, которому почти цѣлое столѣтіе сряду большею частью чрезвычайно везло, а когда стали выходить пустые билеты, снова удалось срывать значительные выигрыши даже еще больше прежнихъ.

Разказы о множествѣ соболей, водившихся на южномъ скатѣ еще пятьдесятъ лѣтъ, а мѣстами и двадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ, доходили до баснословнаго. Я бы и не повѣрилъ такимъ охотничьимъ разказамъ, если бы мнѣ не называли нѣсколько разъ времени, мѣста и лицъ и если бы всѣ показанія не были согласны между собою.

Для примѣра сообщаю два-три случая. Въ верховьяхъ и на притокахъ Силимджи, гдѣ въ то время виднѣлись соболян тропинки, какъ заячьи слѣды въ снѣгу, четыре брата, производившіе тогда ловлю на счетъ своего отца, лѣтъ за 20 до моего пріѣзда, въ одинъ годъ убили болѣе 200 соболей. Одинъ изъ нихъ, безъ малаго лѣтъ 10 тому

Тунгусовъ не существовало другой единицы, какъ соболю, т. е. 25 руб. Этимъ все сказано, все остальное тутъ ничего не значить. — Въ послѣднее время все это, говорятъ, стало лучше. О значительности оборотовъ въ соболямъ царствѣ можно судить по тому, что какъ при Козьминѣ, въ 1829 году, такъ еще и въ мое время, на Учурской ярмаркѣ въ оборотѣ было до 4000 соболей и 13,000 кабарговыхъ струй (сумочекъ).

назадъ, добылъ съ собакою болѣе 30, а всего въ одинъ и тотъ-же годъ поймалъ и продалъ до 50 соболей.

Старые Якуты, которые въ качествѣ торговцевъ мимоходомъ участвовали въ осенней ловлѣ соболей, подтвердили тоже самое. Сначала случалось нерѣдко, что Якутъ съ собакою убивалъ до 40 соболей, а отецъ одного Якута (его звали Сергѣемъ Соловьевымъ) самъ въ годъ убилъ безъ малаго 100 соболей. Срав. стр. 83.

Положимъ, что эти случаи служили выраженіемъ возможно большей удачи въ тогдашнія времена, но во всякомъ случаѣ они не составляли главнаго выигрыша, кое-когда выпадавшего на долю того или другого счастливица, а большая часть выигрывала, не сегодня, такъ завтра, столько-же или почти столько-же.

Осенняя охота съ собакою была положительно самая удачная. Но успѣхъ ея зависитъ не только отъ множества соболей, но главнымъ образомъ и отъ благопріятной погоды, а именно отъ количества и качества выпавшаго снѣга. Снѣгъ не долженъ быть очень глубокъ, чтобы собака не утомлялась, потому что подъ густыми, прилипшими къ землѣ сучьями, прикрытыми снѣгомъ, собою легко укрываться. Слой снѣга не долженъ быть также и слишкомъ тонокъ, т. е. менѣе трехъ четвертей или даже фута, иначе собою легко бѣгать по немъ. Въ мою бытность уже 27-го октября слякоть положила конецъ охотѣ на соболя съ собакой, такъ какъ на другой день снѣгъ слегка спекся и соболю не проваливался. Это было плохо, но выпавшій за тѣмъ снѣгъ явился на выручку (срав. стр. 615).

Нерѣдко и самострѣлы съ избыткомъ вознаграждали за неудачу охоты съ собакой. Такъ лѣтъ 10 тому назадъ Якутъ, съ которымъ мы встрѣтились на Инкани, убилъ съ собакою только 14 соболей, но самострѣлы прибавили къ нимъ еще 62, такъ что онъ всего продалъ 76 штукъ. Въ прошломъ году онъ убилъ только 15 соболей, потому что на снѣгѣ образовалась кора. Если соболю разлакомились на павшую кабаргу, то случается, что одинъ и тотъ-же самострѣлъ убиваетъ отъ 3 до 4 соболей.

Въ прошедшемъ году охота съ собакой была чрезвычайно неудачна и продолжалась безъ малаго мѣсяцъ. При всемъ томъ вожакъ моего каравана совершенно мимоходомъ убилъ 6, а товарищъ 13 соболей. Потомъ мой вожакъ въ туже зиму разставилъ 20 самострѣловъ, уѣхалъ по дѣламъ, освидѣтельствовалъ свои самострѣлы лишь по прошествіи мѣсяца и нашелъ въ нихъ 9 соболей.

Однимъ словомъ, мы видимъ (срав. главу о Якутахъ), что въ мое время каждый Тунгусъ все-таки ежегодно могъ рассчитывать среднимъ числомъ по меньшей мѣрѣ на дюжину, и даже на гораздо большее количество соболей, дававшихъ ему, при продажѣ, среднимъ числомъ по 25 руб., слѣдовательно, всего до 300 рублей, къ которымъ прибавлялось еще не менѣе 100 рублей за шкуры, оленьи рога и кабарговья сумки. На европейскую мѣрку это необыкновенно большой доходъ, такъ какъ при этомъ еще добывались мясная пища и одежда, при даровомъ помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи.

Не смотря на это, во время моего путешествія оказывалось, что у всѣхъ Тунгусовъ были большіе долги; притомъ (это было чрезвычайно знаменательно и казалось без-

смыслицею) долги ихъ постоянно были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ богаче считался Тунгусъ. Выраженіе «у него только 100, 200, 300 руб. долгу» равнялось словамъ «это бѣднякъ». Правда, что это какой-то міръ на изнанку, но онъ и въ Европѣ не составляетъ рѣдкости, которую даже можно отыскать не въ одномъ студенческомъ быту.

У нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ я разспрашивалъ, было до 2000 руб. долгу. Это были богачи, очевидно потому, что кредитъ ихъ, который они вполне истощали, былъ очень великъ. За самыми богатыми насчитывали болѣе 3000 руб. долговъ и столько потому, что кредитъ ихъ былъ столь великъ. Тунгусъ, который на прибрежьи изготавилъ мнѣ челнокъ изъ ствола тополя за 25 рублей и котораго я упрекнулъ за то, что онъ труды цѣлой недѣли прокутилъ въ два дня, отвѣтилъ мнѣ недовольнымъ тономъ: «ну, такъ что же, стоитъ мнѣ только добыть чернобурую лисицу или дожждаться хорошаго собольяго года, такъ я заплачу всѣ мои долги, которые не составляютъ даже 500 рублей, и буду богачемъ». Это было чрезвычайно характеристично. Эта монетная единица въ 25 рублей (и вчетверо больше), т. е. соболь, и случайная удача въ ловлѣ его, испортили народъ. На западной половинѣ Становаго хребта, гдѣ водились лишь бѣлки и въ случаѣ удачи можно было рассчитывать не болѣе какъ на 250 бѣличьихъ шкуръ, долги доходили только до одной десятой части вышеприведенной суммы.

Въ продолженіи всего моего путешествія я видѣлъ только одного Тунгуса, котораго считали богатымъ и у котораго все-таки не было долговъ. Впрочемъ онъ перенялъ у Якутовъ искусство наживаться торговлею.

При своемъ легкомысленномъ, беззаботномъ характерѣ отцы ихъ, да и сами они, приучились нѣкогда расточать ежегодно, при даровомъ содержаніи, громадный доходъ, примѣрно въ 1000 руб. Мефистофели-Якуты предлагали имъ все, чего душа требовала, прежде особенно водку и во всякое время кредитъ. Но дѣтская душа первобытнаго челоука проситъ все, что видитъ, особенно у Тунгуса, охотника до нарядовъ и удовольствій. Онъ утопаетъ въ раздолбѣ, наслаждаясь жирными рыбами и жирною дичью, а все-таки Якутъ долженъ привозить ему на убой лошадей и сѣв. оленей, Даурецъ — окорока, все-таки ему необходимъ подвозъ масла и жира. Еще теперь вижу передъ собою сладкую физиономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ Тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе Даурцамъ дорогія деньги за сметану. «Безцѣнно; вовсе не жаль дать соболя», говорилъ онъ, причмокивая.

Кирпичный чай, который я взялъ съ собою, я и не рѣшался вынимать изъ мѣшка. «Это чай втораго сорта», замѣтилъ Тунгусъ, прихлебывая, когда я дѣйствительно вытаскилъ второй сортъ, потому что мой кирпичный чай оказывался здѣсь не годнымъ и долженъ былъ припрятаться. Нужно было доставать самые лучшіе припасы для этихъ «дикарей», между которыми самые богатые, т. е. наиболѣе надѣлавшіе долговъ, возили съ собою обитые металлическими пластинками ящички съ фарфоровой посудой для чая, потому что они въ годъ употребляли его до 10 фунтовъ, слѣдовательно, на 150 рублей.

Какъ же поступаютъ бѣдняки? спросилъ я. Бѣднякъ Тунгусъ не пьетъ чаю, отвѣтилъ спрошенный, но прибавилъ къ этому: если онъ поймаетъ соболя или найдетъ себѣ кредитъ, то ужъ онъ навѣрное тотчасъ-же купитъ себѣ чаю.

Тоже самое было и съ одеждою. Даурцы должны были привозить на продажу Тунгусамъ мѣха лисицъ и росомахъ для обшивокъ; даже весьма непрочныя одѣяла изъ заячьего мѣха, покрытыя ситцомъ, продавались Тунгусамъ изъ Якутска рублей за 15—30. Но сукно съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стало входить въ употребленіе, люди по богаче начали одѣваться въ полупелюшковые зипуны и когда однажды на Шилкѣ, въ Горбицѣ, я нашелъ, что такой зипунъ слишкомъ дорогъ, потому что за него требовали 20 рублей, то какой-то засаленный Тунгусъ тотчасъ-же перекупилъ его. О разныхъ мелкихъ украшеніяхъ, поясахъ и цѣпочкахъ, а по давню женскихъ нарядахъ нечего и говорить.

Сильный ремонтъ сѣв. оленей посредствомъ покупки новыхъ также увеличивалъ легкомысленно надѣланные долги; кромѣ того Тунгусы всегда тотчасъ-же готовы зарѣзать и разыгривать подлежащее убою животное. Полное пренебреженіе къ мяснымъ животнымъ, высказывавшееся въ пированіяхъ и неограниченномъ долевымъ надѣлѣ, соблазняло Тунгусовъ не обращать вниманія на несоразмѣрную дороговизну домашнихъ животныхъ.

Затѣмъ сильно нарастали проценты, которые при каждой производившейся по частямъ уплатѣ долга уравнивались посредствомъ соболя. Положимъ, что за прошлый годъ Тунгусъ остался должнымъ 80 руб.; уплачивая теперь изъ нихъ 50 рублей, онъ приплачиваетъ соболя въ видѣ процента. Соболю, слѣдовательно 25 рублей, составлялъ ихъ монетную единицу, какъ при покупкѣ, такъ и при подаркахъ.

Но хлѣбосоольство, коммунизмъ хлѣбосоольства, чего онъ стоитъ? вѣдь бѣдный (долгами) имѣетъ точно такія-же потребности, какъ богатый (долгами), и все-таки долженъ жить на счетъ послѣдняго.

Такимъ образомъ Тунгусъ все болѣе и болѣе входить въ долги, потому что (такъ требуетъ этого обычай), онъ должнаетъ только одному и тому-же торговцу. Послѣдній распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормится запасами Тунгуса, но заставляетъ его платить за все, что онъ ему привозитъ. Является отдача въ закладъ лица, иго кабалы. Умираетъ только должникъ, но кабала безсмертна.

Сынъ, наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги своего отца, и въ мое время всѣ приходили въ ужасъ отъ бывшаго при мнѣ случая, когда сынъ отказался не только отъ всего наслѣдства, но и отъ собственнаго добра и имущества, и твердо рѣшился уйти въ одной только одѣждѣ, которая на немъ была, но быть свободнымъ. Нужно было поступить такъ, какъ поступилъ тотъ, который теперь сидѣлъ передо мною. Отецъ умеръ, оставивъ 900 рублей долговъ, но и сѣв. оленей да мѣха; сынъ уплатилъ всѣ долги, а потому торговецъ и не бросилъ его, а ссудилъ его на цѣлый годъ необходимымъ запасомъ то-

варовъ. Въ какомъ же положеніи дѣло теперь? спросилъ я. Да у меня только немногимъ больше 2000 рублѣй долгу, отвѣтилъ онъ.

Контролировать такіе долги было нетрудно, потому что долговья книги вездѣ были раскрыты. Частью долги всегда признавались самымъ честнымъ и откровеннымъ образомъ, частью торговцы, на случай смерти должника, обезпечивали себя тѣмъ, что количество долговъ дѣлалось извѣстнымъ и при случаѣ признавалось также при свидѣтеляхъ. Но свѣжіе долги текущаго года, тѣ до слѣдующаго года еще не считались долгами, не входили въ общій счетъ; таковъ уже былъ обычай.

Такимъ образомъ при одной сходкѣ въ моемъ присутствіи нетрудно было сосчитать, что менѣе подвижные Кангаласцы далеко не надѣлали столько долговъ, сколько предприимчивые Учурцы. Только одинъ изъ Кангаласцевъ задолжалъ болѣе 1000 руб., другіе удовольствовались 700, 500 руб. и т. д. На за то эти Тунгусы задолжали казнѣ больше всѣхъ другихъ тунгусскихъ племенъ.

При такихъ порядкахъ, само собою разумѣется, въ казенныхъ податяхъ оказывались недоимки. Торговцы всегда уже раньше успѣли побывать у Тунгусовъ и соболѣй не было. Запретили торговцамъ торговать и стали высылать казаковъ для сбора податей. Торговцы начали прикрывать свои дѣлишки, говоря, что они отправляются на охоту или за сборомъ прежнихъ долговъ и вскорѣ казаки обратились въ ихъ прикащиковъ или стали торговать на свой собственный счетъ. Послали чиновниковъ. Тѣ стали дѣлать тоже самое, только въ гораздо высшемъ стилѣ (срав. стр. 737, примѣч. 2-е), но встрѣтили опасныхъ соперниковъ, успѣвшихъ опередить ихъ. Это были священники. Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что Тунгусамъ, какъ я случайно узналъ отъ нихъ, необходимо отправляться въ Тылыгыльръ-Ваньчя къ священнику, такъ какъ онъ, живя въ 180 верстахъ отъ Якутска, при впаденіи Синеи въ Лену, не смѣетъ ѣздить дальше. Дальше ему не выдавали подорожнаго бланка, потому что Тунгусамъ пришлось наконецъ жаловаться, что часто они должны выставять подводы въ 8 сѣв. оленей для любящаго разѣзжать священника, который такъ толстъ, что сѣв. олень не въ состояніи возить его на себѣ верхомъ. Къ удивленію моему я услышалъ разсужденія дикарей, глубоко посвященныхъ въ бюрократическія дразги, объ архіереѣ, Земскомъ Судѣ, Окружномъ Правленіи и т. д. Священникъ въ Горбицѣ также вѣнчалъ и крестилъ только на мѣстѣ. Поэтому я встрѣчалъ Тунгусовъ, которые женились по тунгусскому обычаю и собирались когда-нибудь при случаѣ справить церковное вѣнчаніе, да и крещеніе трехъ или четырехъ дѣтей своихъ. Одинъ Тунгусъ явился къ вѣнчанію съ 7 дѣтьми, подлежавшими крещенію.

Тоже самое повторялось и съ ясакомъ; уплату его откладывали и намѣренія внести его всегда были прекрасны.

Управленіе все-таки возвращалось опять къ единственно правильной системѣ: къ требованію ясака всего племени отъ старшины. Не смотря на большіе барыши, которыми послѣдній при этомъ пользовался, только третій человѣкъ умѣлъ извлекать изъ нихъ

выгоду для себя (срав. стр. 737); онъ долженъ былъ дѣлиться съ другими, потому что самъ дѣлался чиновникомъ и потому что ему приходилось въ восточной столицѣ пополнять подарки торговцевъ, отъ которыхъ доходы уменьшились. Но къ великой чести Якутска я долженъ сказать, что торговля водкой въ то время почти совершенно вывелась, тогда какъ на забайкальскомъ концѣ хребта я къ великой радости своей замѣтилъ близость [тайно промышляющихъ виномъ] казаковъ по пьяному Тунгусу, котораго я встрѣтилъ среди первобытнаго лѣса. Плеться верхомъ впереди своего каравана, я бѣжалъ озабоченный изъ отдаленнѣйшей безлюдной глуши, и мы уже перестали встрѣчать кормовыя мѣста для нашихъ сѣв. оленей.

У своихъ соплеменниковъ старшина не легко терялъ свои ссуды, но на скользкомъ пути, на который вступили Тунгусы, уже въ мое время не могли не встрѣчаться случаи, позорившіе весь тунгусскій народъ: иной Тунгусъ сталъ скрываться отъ своего кредитора и брать товары у другихъ торговцевъ, или сѣв. оленей, которыми, по тунгусскому обычаю, одинъ другаго безпрекословно выручалъ, не были возвращаемы или не замѣнялись другими и т. д. Однимъ словомъ первобытный коммунизмъ, основанный на честности и довѣрїи, сталъ расшатываться.

Для друга человѣчества прискорбно видѣть, что у Енисейскихъ Остяковъ (срав. стр. 660 — 661) казенныя недоимки наконецъ дошли до того, что выродившихся и изнемогшихъ туземцевъ придется предоставить неизбѣжной гибели, но почти столь-же прискорбно и во всякомъ случаѣ еще болѣе возбуждается наше участіе, когда мы видимъ, что такихъ энергическихъ людей, какъ Тунгусовъ, за подобныя-же долги, но не казнѣ, а своимъ-же торговцамъ, неминуемо ожидаетъ самый положительный банкротъ, предвѣстники котораго начали также деморализовать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не лишать ихъ увѣренности въ самихъ себя. Если Тунгусы своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія (а онъ едва-ли болѣе будетъ открытъ для нихъ, когда мясныя и пушныя животныя исчезнутъ еще больше прежняго), т. е. на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣв. оленей, то они, не смотря на замѣчательныя природныя дарованія, также обречены на гибель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство сумѣло справиться съ великой задачей. Еще время не ушло ¹⁾.

¹⁾ Въ главѣ о Якутахъ мы покажемъ, какъ медленно происходитъ истребленіе соболей, такъ что времени еще вдоволь, чтобы приступить къ преобразованіямъ экономическихъ данныхъ.

Нигидадьское племя.

Проѣхавъ по Тугуру вверхъ до м. Бурукана, лежащаго на изгибѣ Тугура, я совершилъ небольшую поѣздку чрезъ невысокій водораздѣлъ къ Нимилѣну, притоку Амгуни, и такимъ образомъ перебрался въ область р. Амура, чтобы познакомиться съ тунгусскимъ племенемъ, которое находилось въ китайскомъ подданствѣ и о которомъ неоднократно говорили наши Тунгусы. Это было племя Нигидадь, во множ. числѣ Нигидаттеръ¹⁾.

Мое, при тогдашнихъ условіяхъ, не безопасное предпріятіе облегчилъ мнѣ разумный Нигидадецъ, отецъ котораго уже живалъ на томъ-же мѣстѣ. Признавъ положеніе свое, какъ крайній форпостъ противъ Русской имперіи, не совсѣмъ безопаснымъ, онъ охотно согласился, по случаю проѣзда священника по Тугуру, принять крещеніе, но только лично, не впутывая въ это дѣло семейства, чтобы на всякій случай обезпечить себя. Онъ хорошо помнилъ и свое крестное имя Егора Лапатина, и входилъ въ сношенія съ нашими Тунгусами, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный человекъ его племени, который обзавелся сѣв. оленями. Племя его составляло главнымъ образомъ осѣдлый рыболовный народъ, у котораго охота являлась второстепеннымъ дѣломъ.

Лѣтъ 10 тому назадъ еще два другихъ семейства его-же племени рѣшились перенестись съ Амгуни и поселиться въ этомъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого они ушли далеко отъ своихъ соплеменниковъ, потому что на Немилѣнѣ не было селеній, и ближайшіе ихъ сосѣди жили только на Амгуни, на два дня пути отъ впаденія притока Амѣля, до котораго они считали 4 дня пути. Слѣдовательно имъ нужно было пройти всего 6 дней пути, чтобы встрѣтить людей своего племени; послѣдніе жили отъ мѣста впаденія Амгуни въ Амуръ, вверхъ въ семи ночевкахъ ѣзды на лодкѣ. Съ этого устья Амгуни, говорили они, на Амурѣ нѣтъ ихъ соплеменниковъ, а живутъ только Гиляки.

Нигидадьское племя дѣлилось на 9 родовъ: 1) Муктегры, къ которымъ принадлежалъ Егоръ; 2) Аюмканы, отъ которыхъ происходили его товарищи; 3) Алчакѣлы, которые соединились съ 4) Торѣмконами; 5) Чѣкчагеры; 6) Ньясекагры; 7) Удданы; 8) Чемакогры; 9) Тапкалы, жившіе уже на Амурѣ, тогда какъ Торѣмконы жили на Амгуни выше всѣхъ другихъ. Всѣ эти роды были малочисленны, за исключеніемъ Ньясекагровъ и Аюмкановъ. Нѣсколько Муктегровъ жило между Шамграми. Кочевья ихъ были разбросаны; въ одномъ мѣстѣ было не болѣе 4 юртовъ.

¹⁾ Срав. сказанное уже о нихъ въ первой части этого сочиненія, т. I, стр. 169, прим. 1.

Я скоро познакомился со старикомъ, котораго звали $\frac{\ddot{O}}{y}$ ljtuŋgab; отецъ его назывался S'ältitschān; сыновья S'irpin и M̄ynji; жена Njōgen. Дѣтямъ даетъ имена отецъ. Такъ какъ я эти имена записалъ, то онъ пожелалъ узнать и мое имя, нѣсколько разъ повторялъ его, повторяя, снова спрашивалъ, такъ-ли онъ говоритъ и наконецъ очень довольный остановился на томъ, что меня зовутъ Эндбромъ.

Это былъ веселый, общительный старикъ, съ неиспорченнымъ любезнымъ первобытнымъ характеромъ, какой развивается въ лѣсномъ уединеніи. Въ сравненіи съ нимъ, наши Тунгусы казались какими-то субъектами, извращенными ложною житейскою мудростью. Не только мытый, но и гладко причесанный, съ косою старикъ съ полною готовностью объяснялъ мнѣ все, что меня интересовало. Амуръ они называли Mámgu, но и S'ilkirj. Самихъ себя они называли Ylkān; нашихъ Тунгусовъ Dumgūka; Гиляковъ Giljāka; Шамагровъ S'amagr; Якутовъ Iōko.

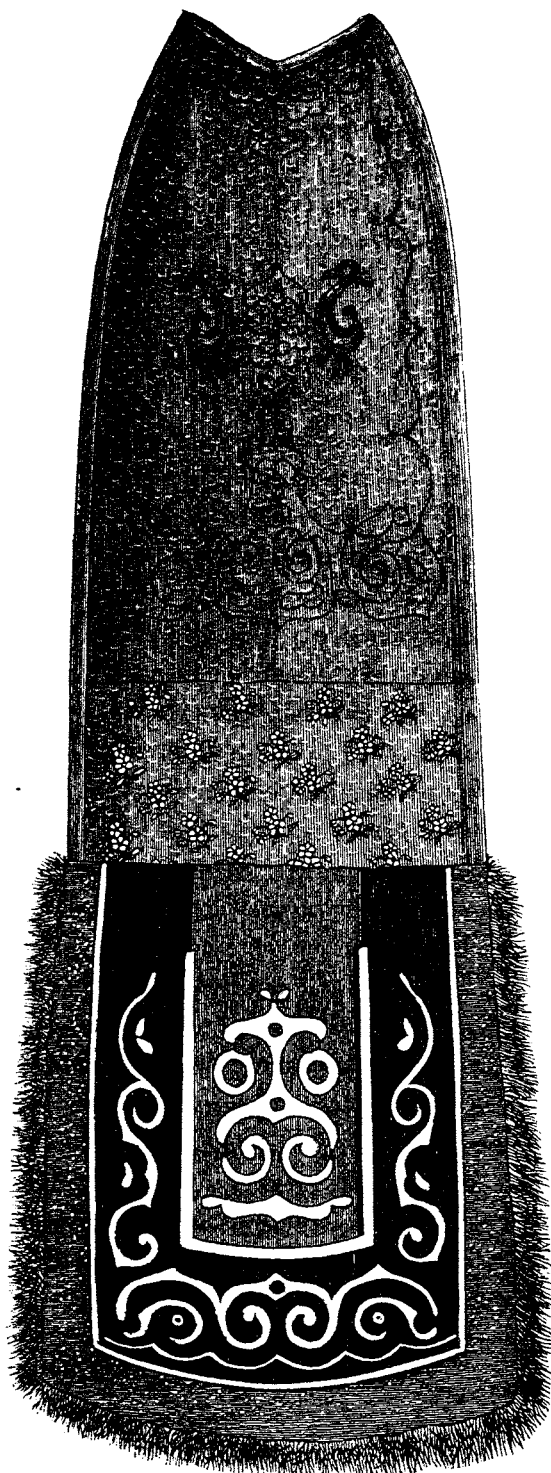
Все ихъ хозяйство опиралось главнымъ образомъ на рыбную ловлю. Основаніе ея составляли кета и горбуша. Дальше внизъ по Амгуни встрѣчались еще разные другіе странные виды. Соболей они хотя никогда много не ловили, но изъ году въ годъ добывали меньше съ тѣхъ поръ, какъ наши Тунгусы стали забираться все дальше; на ихъ долю оставались только лисицы и выдры на зиму, когда имъ было время заниматься этою ловлею и конкурренты удалялись. Я охотно повѣрилъ имъ, когда они жаловались, что наши Тунгусы, которые намъ — вѣдь мы пріѣхали изъ цивилизованнаго міра — казались чрезвычайно честными, совѣмъ не вели себя какъ люди и обманывали. Споръ между пограничными сосѣдями, объяснили мнѣ, начался съ того, что одинъ изъ нашихъ Инкагировъ выдалъ дочь свою за Нигидадьца, но потомъ опять взялъ ее у него. Чтобы получить то, что было заплачено за невѣсту, Нигидадецъ захватилъ ружье Инкагира, съ порохомъ и табакомъ. Нигидадьцы были чрезвычайно рады, что я не иду на нихъ войною за это, потому что лишь у весьма немногихъ были ружья и они должны были добывать себѣ порохъ да свинець у русскихъ Тунгусовъ, потому что китайскій порохъ былъ слишкомъ дурень. Поэтому они и знали русскія названія порохъ и свинець и даже отличали temātna¹⁾, т. е. русскія деньги, отъ Dsihā, т. е. китайской мѣды.

Впрочемъ Шамагры были посредниками въ торговлѣ, пріѣзжая лѣтомъ въ лодкахъ, а зимою на собачьихъ санкахъ. Нѣкогда даже Манджурскій купецъ отправился вверхъ по Амгуни, но онъ умеръ, не оставивъ наслѣдника. Между тѣмъ вмѣсто него, до моего пріѣзда, въ первый разъ Нгатку[ецъ] на нартахъ, въ которыя впряжены были 10 собакъ, доѣхалъ до Немилена, торгуя преимущественно табакомъ и китайскими матеріями (Даба). Въ послѣднее время Нигидадьцы покупали кое-что и у нашихъ Тунгусовъ. Вверхъ по Амгуни привозилось не мало муки и проса. Чай въ такомъ видѣ, въ какомъ его пьютъ Манджурцы, они не любили, но нашъ подслащенныйчай они пили съ удовольствіемъ.

1) Меня поразило это тѣмъ болѣе, что какъ Якуты, такъ и Тунгусы называютъ наши деньги харчи.

Когда, передъ отъѣздомъ моимъ, начался торгъ и со мною, потому что мнѣ хотѣлось приобрести разныя этнографическія бездѣлушки, то безыскусственная первобытность этого небольшого народа высказалась въ непритворномъ выраженіи его страстишки къ тому, что имъ нравилось. Такимъ образомъ я приобрѣлъ изображенные ниже предметы главнымъ образомъ въ обменъ на ситцы и бусы. На мой вопросъ: что же онѣ станутъ дѣлать съ этими матеріями, въ которыя онѣ вѣдь не наряжаются, женщины отвѣчали, что это имъ нужно на смертный одръ, если не понадобится на свадьбу дочерей.

Онѣ старались торговаться совершенно по восточному, приносили мнѣ левешку въ

Нагрудникъ.

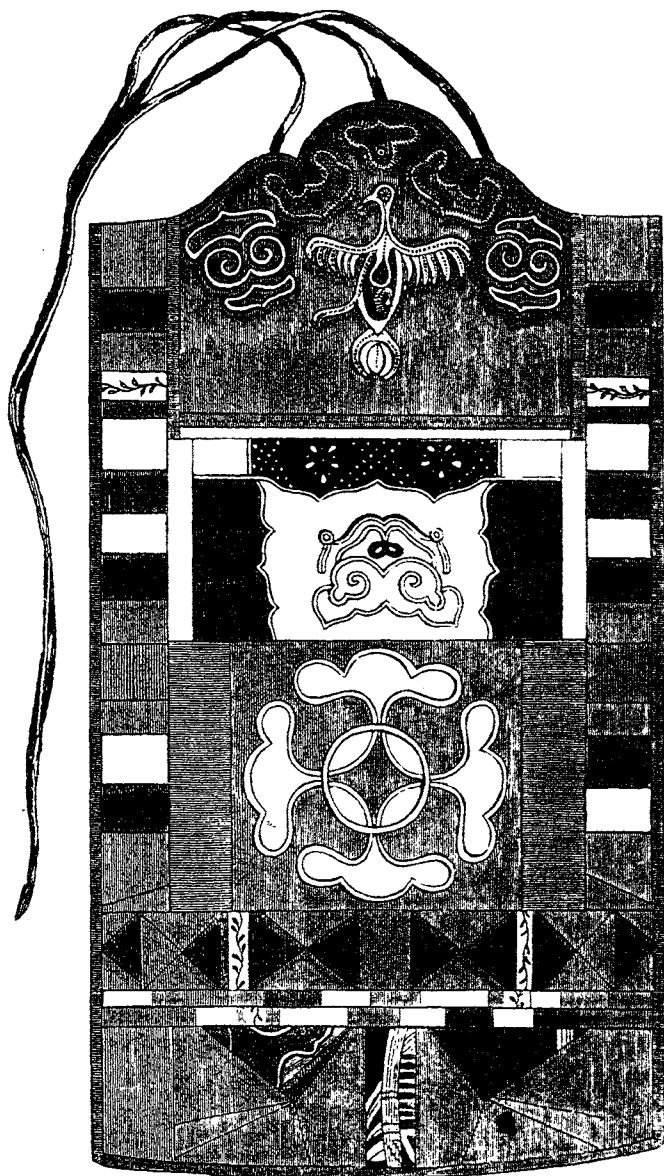
черемухи и требовали за него всевозможное. Встрѣчая отказъ, онѣ нисколько не чувствовали себя обиженными, а оставались веселыми и не отбирали у меня левешку, ловко оговариваясь, что такъ какъ мнѣ его прислать маленькій сынокъ, то онѣ не станутъ же опять брать его домой. Затѣмъ онѣ клали двѣ три незначительныя мелочи и требовали за нихъ цѣлое ситцевое платье; но какъ только я моталъ на это головой, такъ онѣ поскорѣе клали втрое противъ прежняго.

Нѣкоторыми изъ своихъ вещей онѣ чрезвычайно дорожили, говоря, что это остатки отъ стараго времени, или серебро, которое Мацджурцы болѣе не возятъ и т. д. За невзрачную пару серегъ (S'eldūh-hun), изображен-

ную на стр. 717, мнѣ пришлось дать 10 аршинъ ситцу, шейный платокъ и пару серегъ, потому что онѣ были сдѣланы изъ серебряной проволоки. Да разставаться и съ мѣдными привѣсками на юбокѣ стоило имъ очень много труда. Но онѣ показывали свои сокровища съ большимъ удовольствіемъ и неоднократно жалѣли, что лучшія вещи оставили въ своихъ зимнихъ мѣстопребываніяхъ.

Хотя языкъ ихъ по-видимому отличался отъ тунгусскаго языка русскихъ поданныхъ только незначительными діалектическими особенностями, новсе-жепроизводилъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я находился посреди новаго народа. Это происходило отчасти оттого, что Нигидальцы были почти исключительно рыболовный народъ, отчасти же и оттого, что они тяготѣли уже къ Китаю.

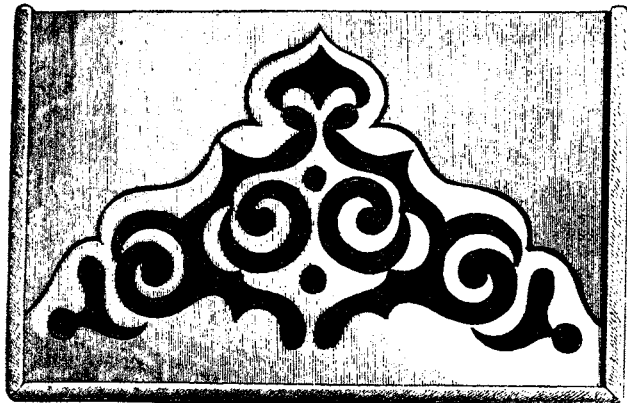
Форма ли-

Нагрудникъ.

ца хотя и была тунгусская съ высокаго ловымъ направлениемъ, но здоровенные усы напоминали, вопреки рѣдѣнькимъ бородкамъ, близость, да вѣроятно происходившую по временамъ примѣсь крови, сильно обросшихъ волосами жителей прибрежій и острововъ. Хотя у самого $\frac{\text{Ö-lj-}}{\text{y}}$ tūngav'a, у прочихъ его товарищей, да и у старшаго сына, были такіе же монгольскіе глаза, какіе составляютъ принад-

лежность монголю-тунгусского типа, но за то у младшего сына, Синина, были такіе приподнятые вверх наружные глазные углы, какіе и до тѣхъ поръ видѣлъ только на произведеніяхъ

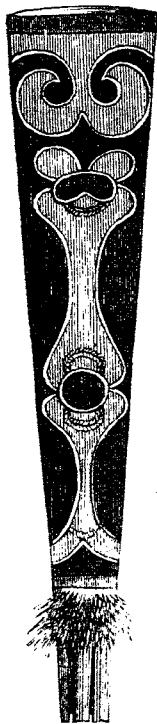

Отворотъ рукава.

стр. 746 нагрудникъ своеобразными фигурами своими свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ исходилъ не изъ того моднаго центра, которому подчинялись наши Тунгусы.

А тутъ на второмъ нагрудникѣ¹⁾, изображенномъ на предъидущей страницѣ, даже еще явился одноголовый орелъ, вышитый мало извѣстнымъ у сѣверныхъ Тунгусовъ матеріаломъ, шелкомъ (S'éltakēn), который имъ привозятъ Манджуры. Впрочемъ сюда стносилось еще множество мѣдныхъ привѣсокъ самыхъ странныхъ формъ, равно какъ зацѣпья и т. п.

Выше показанная часть неоконченной работы, отворотъ рукава²⁾, также можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ новыхъ образцовъ, особенно если мы сравнимъ ихъ съ купленными у Нигидаль-

Футляръ для ножа.

китайской живописи. Вѣроятно такіе глазные углы были у покойнаго Манджурскаго купца.

Затѣмъ отборнѣйшія моды также сильно напоминали о Китаѣ. Изображенный на

цевѣ-же рукавицами, изображенными на стр. 646, и сопоставимъ съ русско-тунгусскимъ шитьемъ, изображеннымъ на стр. 702 и 714.

Наконецъ я считаю нелишнимъ помѣстить тутъ еще рисунокъ вышитаго уже на китайской шелковой матеріи футляра для ножа³⁾. Тѣхъ, которыми эти признаки зашедшаго изъ Китая эстетическаго вкуса могутъ показаться не довольно доказательными, вполнѣ убѣждать покроей изображенной на слѣдующей страницѣ женской стеганной шапки⁴⁾, сдѣланной изъ шелковыхъ матерій, и женскій башмакъ, изображенный на той-же страницѣ. Я выра-

1) S'alla Нигидальцевъ

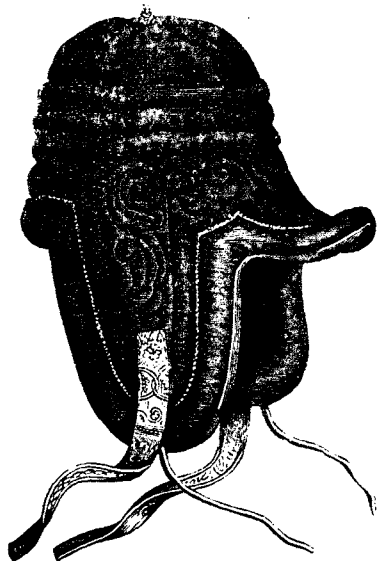
2) Ngās'urpūn.

3) $\frac{\ddot{u}}{o} \frac{n}{y} \frac{\ddot{o}}{ku}$.

4) Awuц.

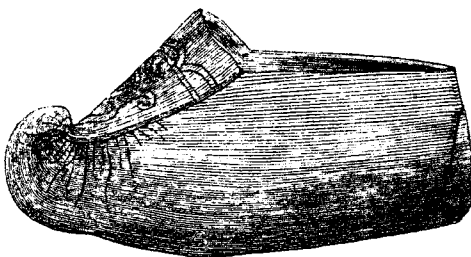

зиль мнѣніе, что они привезены готовыми, но мнѣ объяснили, что дѣйствительно нужна особенно искусная жена на то, чтобы изготовить такія вещи, и представили мастерицу, которая оказалась женою одного изъ Нигидальцевъ. Такимъ шапкамъ онѣ придавали особенную цѣну еще потому, что, согласно обычаю, носили ихъ и дома. Въ обыденномъ употребленіи былъ родъ ночныхъ

Женская шапка.

кроя, съ которымъ я уже познакомился на побережьи, у Гиляковъ, происходилъ съ Амура. Это былъ кисетъ изъ выдѣланной въ родѣ подошвы тюленьей шкуры, для хранения табака и огня. Верхняя половина, въ видѣ крышки, надвигалась на нижнюю; въ Сибири эта форма нигдѣ не встрѣчалась, но переходъ къ ней составляетъ тунгусскій кисетъ, изображенный на стр.

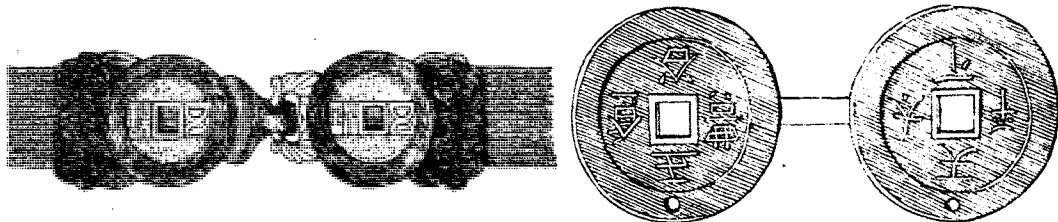
Женскій башмакъ.

чепцовъ, защищавшихъ затылокъ и очень похожихъ на гельголандскій Nordwester. Стеганная шапочка надѣвалась на этотъ чепецъ.

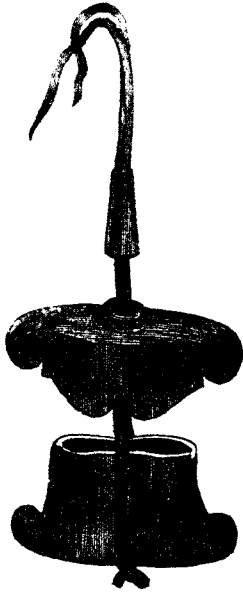
Женскій башмакъ изъ желтой кожи также напоминалъ Китай, а китайскія монеты, служившія пряжками на поясъ изъ конскихъ волосъ, или на подвязкахъ¹⁾, носили на себѣ отпечатокъ своего происхожденія.

Приборъ другого прибора другого покроя, у Гиляковъ, происходилъ съ Амура. Это былъ кисетъ изъ выдѣланной въ родѣ подошвы тюленьей шкуры, для хранения табака и огня. Верхняя половина, въ видѣ крышки, надвигалась на нижнюю; въ Сибири эта форма нигдѣ не встрѣчалась, но переходъ къ ней составляетъ тунгусскій кисетъ, изображенный на стр. 714. и описанный на стр. 715.

Футляръ для ножа, сдѣланный изъ хвоста броненосной рыбы, также свидѣтельствовалъ о своемъ приморскомъ происхожденіи, потому что тунгусскіе футляры

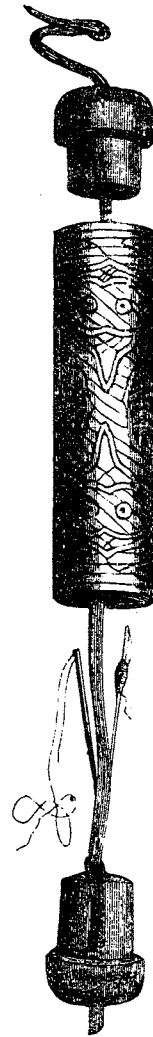
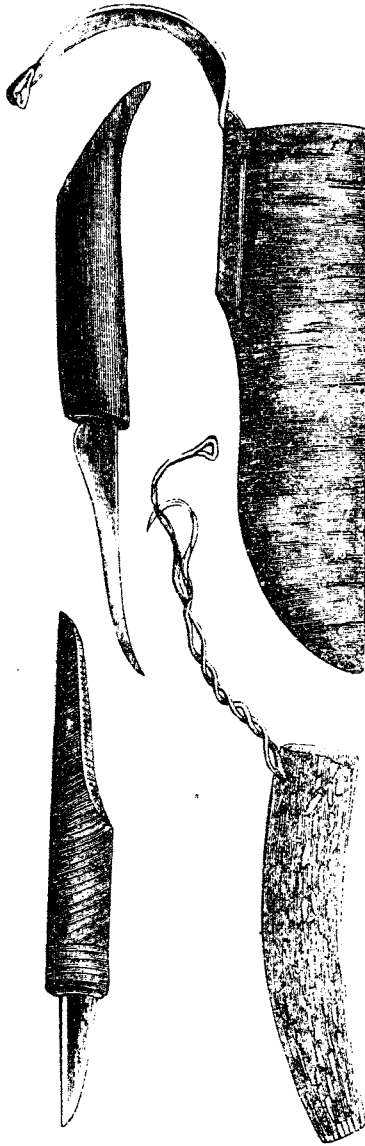
1) $o \frac{g}{h} n \frac{\delta}{y} ki$.

Касеть.

дѣлаются изъ бересты. Железо было рѣдкій товаръ, такъ что лезвiя употреблялись въ дѣло до послѣдняго кусочка.

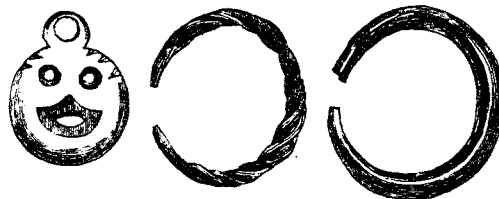
На Гиляковъ указывалъ также игольникъ, отличающійся какъ оригинальною формою, такъ и своеобразными фигурами, которыми онъ украшенъ. Фигуры эти явно похожи на тѣ, которыя преобладаютъ на островахъ Южнаго океана, и очевидно должны считаться подражанiемъ столь употребительной тамъ формы мертвой головы, положительно находящейся въ связи съ каннибализмомъ и

Игольникъ.

трофеями изъ человѣческихъ череповъ.

Съ Амура были также кольца и похожая на голову мертвеца пуговица съ обшивки, украшающей нижнюю кайму юбокъ.

Подобныя-же мѣшныя украшения, но въ видѣ маленькихъ пустыхъ полушариковъ, на короткихъ ремешкахъ были пришиты къ изображенному тутъ кафтану¹⁾, въ видѣ каймы.

Рыбья шкура обрабатывалась при помощи тяжелаго, клиновиднаго, слѣдовательно гонорообразнаго, деревяннаго молотка, которымъ вколачивали ихъ въ соотвѣтственно устроенную форму, вырѣзанную въ кускѣ дерева.

Кафтавъ изъ шкуры кѣгы.

Тотъ-же кафтавъ спереди.

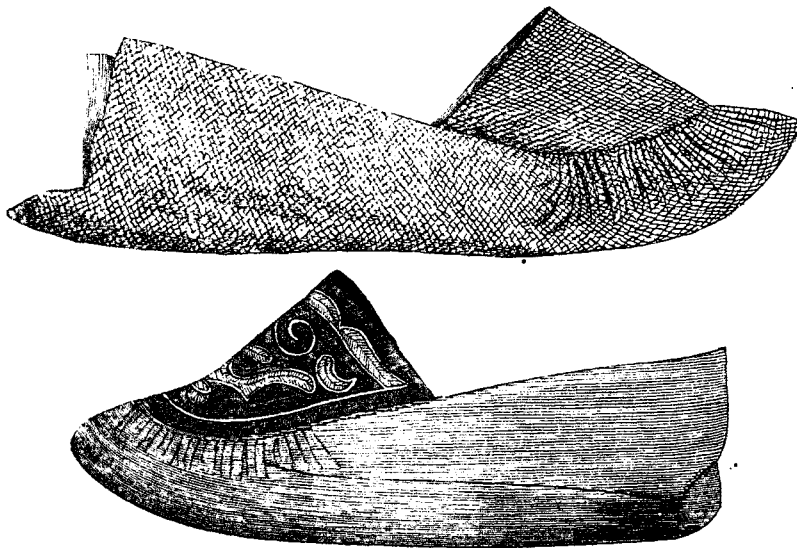
Послѣ долгаго толченія шкуры освобождаются отъ своихъ чешуй, за тѣмъ скоблятся тѣми-же самыми дубильными приборами, съ которыми мы ознакомились на стр. 642, порядочно еще растираются руками, и въ заключеніе гладко и бѣло шлифуются пемзой, которую имъ доставляютъ Ньгатку. Послѣдніе находятъ ее, говорятъ, на берегахъ Амура, въ видѣ изверженія, что указываетъ, слѣдовательно, на существованіе иѣкогда вулкана при одномъ изъ его притоковъ.

¹⁾ Uzjkŭllin.

Мидлендорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

Черною краскою является тутъ уже китайская гушь; для желтаго цвѣта употребляется желчь лосягъ. Всѣ одежды шьются не крапивными нитками, а жилами. Рыбьи шкуры служатъ главнымъ образомъ для женской одежды; для мужской предпочитаютъ болѣе носкую лосинную шкуру.

Кроятся и застегиваются кафтаны точно также, какъ сибирскіе зипуны вообще, и показываютъ намъ, откуда взялся покрой передней части нашихъ русскихъ кучерскихъ кафтановъ. Съ этимъ покроємъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и чисто-тунгусскій нагрудникъ, который превращается въ женскій передникъ, бывающій обыкновенно короче европейскаго.

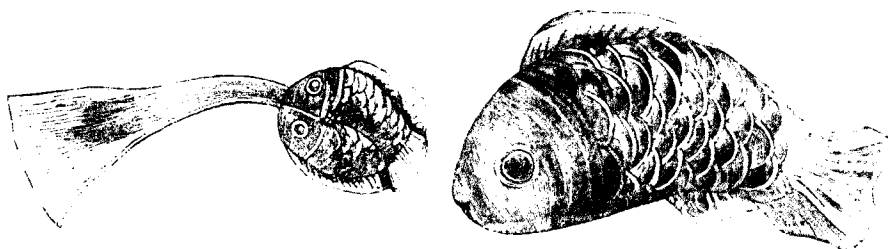
Мужскіе башмаки.

Къ вышеуказанному кафтану принадлежитъ еще цѣлый нарядъ изъ рыбьихъ шкуръ. Сообщаю тутъ рисунокъ мужскихъ башмаковъ ¹⁾ Нигидальцевъ, чтобы наглядно показать измѣненіе покроя, потребовавшееся для женщинъ (см. стр. 749), безъ различія матеріала, т. е. безъ различія того, сдѣланы ли они изъ рыбьей шкуры, или изъ замшевой дубленой лосины. У Тунгуса даже обувь должна быть сдѣлана аккуратно и щеголевато.

Хорошія шкуры добываютъ какъ съ кеты, такъ и со шукъ ²⁾, но тонкую крашеную шкуру, употребляемую на шитую парадную одежду, даетъ рыба кетакытъ, которую изображаетъ, говорятъ, показанное на слѣдующей страницѣ китайское стеклянное украшеніе, и которая, слѣдовательно, повидимому принадлежитъ къ карпамъ.

¹⁾ Ōnta; набедренникъ къ нимъ называется Gājn.

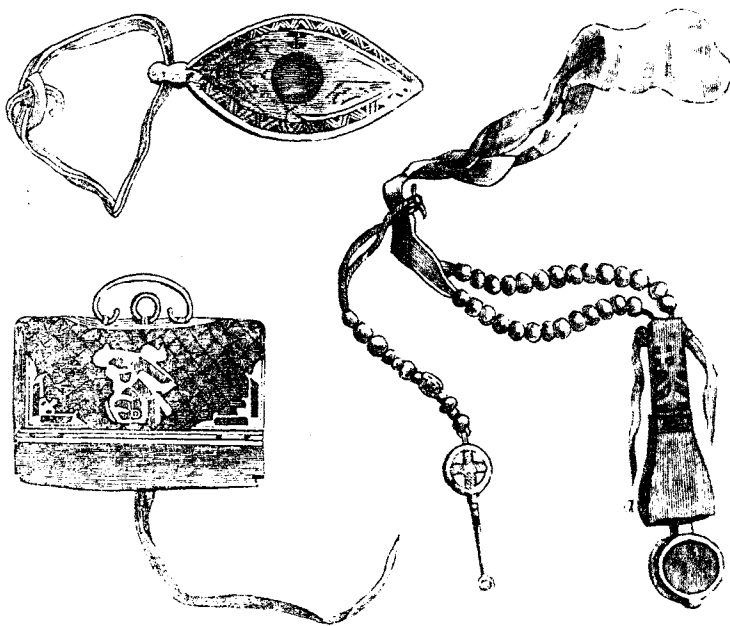
²⁾ Kujtschän (у нашихъ Тунгусовъ Mutkän).

Стекляное украшеніе.

Эти указанія на Китай мы окончимъ изображеніемъ китайскаго огнива, которое рядомъ съ издѣліями горныхъ жителей казалось вещцею, взятою изъ европейскаго магазина.

Объ сѣр-
ницы ока-
зываются
рукодѣль-
ными про-
изведені-
ми гор-
ныхъ жи-
телей. Од-
на изъ
нихъ плос-
кая костя-
ная чашеч-
ка; другая
деревян-
ная, съ
ручкою,
украшен-
ною ли-

Огниво и сѣрницы.

гымъ свин-
цомъ, и
предохра-
няемая отъ
сырости
кожанымъ
футля-
ромъ, ко-
торый мо-
жетъ быть
спущенъ.
Не берусь
рѣшить,
состав-
ляетъ ли
ушная ло-
жечка,
привѣшан-
ная къ это-
му необхо-

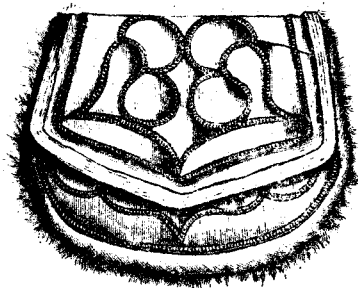
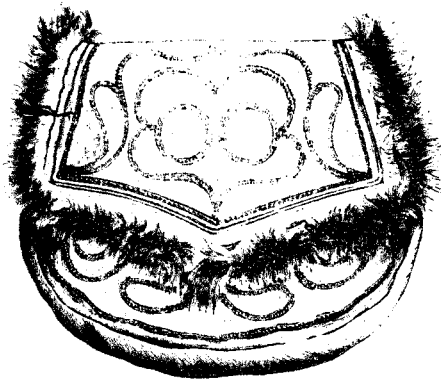
димѣйшему прибору Тунгуса, предметъ роскоши востока или запада.

Чисто Нигидальскимъ произведеніемъ я нашегъ шитье на двухъ чрезвычайно от-
четливо и красиво сдѣланныхъ кошелькахъ для храненія огнива и трута (S'iltik). Фигуры
вышиты блестящими бѣлыми нитками, которыя Нигидальскія женщины умѣютъ на-
матывать изъ внутренней кожи главной артеріи (Aorta) сѣв. оленей или лосей.

Кайма къ нимъ подобрана чрезвычайно удачно изъ самыхъ нѣжныхъ, — съ прекрас-
нѣйшими цвѣтными переливами, и по возможности съ металлическимъ отблескомъ, —

перьевъ красивыхъ птицъ, разнообразныя чучела которыхъ находятся у нихъ въ употребленіи ¹⁾. Эти перья, искусно подобранныя, дѣйствительно чрезвычайно красятъ парадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, какъ спокойны Нигидальцы отъ моли, какъ воздушны ихъ лачуги.

Столь-же своеобразны, но въ другомъ направленіи, были художественныя произведенія Нигидальскихъ женщинъ, сдѣланныя изъ бересты. У рабочаго мѣшка, изображеннаго на

Косельки для огня и трута.

весьма красивый видъ. Шалаашъ, сдѣланный изъ того-же матеріала, можно сравнить съ карточнымъ домикомъ. Висящій при входѣ берестовый занавѣсъ изображаетъ дверь. Съ противоположной стороны другая дверь такого-же рода. Вмѣсто потолка, покрыто множествомъ тоненькихъ жердей, разложенныхъ въ видѣ рѣшетки, для копченія рыбъ и въ особенности рыбьей икры. На покатоѣ берестовой крышѣ на самомъ верху приспособлено четырехугольное отверстіе, служащее дымовой трубой.

На полу, по обѣ стороны хода, ведущаго къ очагу и противоположной двери, также разложены берестовые ковры. На палецъ разстоянія въ нихъ сдѣланы поперечныя надрѣзы, чтобы нельзя было поскользнуться. Такъ какъ они, подобно очагу, обложены

сдѣлующей страницъ ²⁾, были растяжныя боковыя вставки изъ рыбьей шкуры.

Приходится одинаково удивляться и симметрическому вкусу и удачности выполненія. При помощи небольшого ножичка, поперекъ вставленнаго въ черенокъ, и держа рядомъ, для разграниченія, большой палецъ свободной руки, женщина вырѣзала фигуры отъ руки на мнѣхъ глазахъ. Вслѣдствіе этой ловкости въ изготовленіи бересты у Нигидальцевъ все принимаетъ

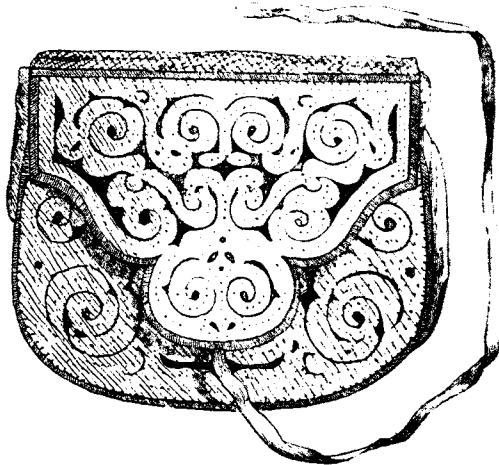
¹⁾ По-видимому это были большею частью утки и ширки, которыхъ Нигидальцы называли сдѣлующимъ образомъ: 1) Koiŋgaslan An. sponsa?; 2) Älgatschan; 3) İdgi; 4) Mōmnan; 5) Tajmi; 6) Sō'sⁱ-l, самка котораго называлась Is'enen; 7) Kängū; 8) Akūny (Podiceps); 9) Tschōtema (An. boschas). Такія птицы шкуры вообще назывались Моңгōks'o. Тетерева Ка-

gāka (Tetr. falcipennis) нашихъ Тунгусовъ они называли Assūmja.

²⁾ Kūpta; въ видѣ мѣшка онъ назывался S'okōtjon. Такой-же, но еще больній мѣшокъ, сшитый изъ шкурокъ сѣв. оленячь, и являвшійся уже огромнымъ рабочимъ мѣшкомъ, назывался: hōkko; наконецъ родъ футляра для шелковой матеріи: Uki^{tseh}/_zjāk.

жердями, то внутренность шалаша производит впечатлѣніе большаго порядка, даже щеголеватости. Но какъ только сядешь, такъ къ сожалѣнію вспомнишь, что осѣдлый человѣкъ однимъ мучителемъ, однимъ быстроногимъ домашнимъ насѣкомымъ богаче кочевника, у котораго оно не можетъ завестись.

Лѣтнее помѣщеніе очень пусто. Все вертится на сѣтяхъ. Последнія дѣлаются изъ крапивы¹⁾, пышно разрастающейся благодаря остаткамъ отъ рыбной ловли. Стебли ея вырываются съ корнями, сушатся и, ножеподобно обдѣланными костями, расщепляются пополамъ; потомъ каждая изъ этихъ

Женскій рабочий мѣшокъ.

желобкообразныхъ половинокъ выглаживается тѣми-же костями. Затѣмъ въ корневомъ концѣ стебель надламывается такъ, что кора отдѣляется отъ мязи; последнюю отдираютъ и тотчасъ-же прядутъ изъ нея нитки, изъ которыхъ потомъ скручиваютъ веревки.

Веретено, которымъ прядутъ, состоитъ изъ деревянной круглой пластины и служащей ей осью палки, на одномъ концѣ которой находится поперечный сучокъ. Къ последнему отодранное привязывается, веретено быстрымъ катаніемъ нижняго конца оси, на колѣнѣ, приводится въ круговое движеніе и такимъ образомъ совершается пряженіе. Для скручиванія полученныхъ нитокъ въ шнурки, вертится вокругъ оси инструментъ, похожій на приборы для наматыванія мѣрильныхъ веревокъ, лаговъ и т. п.

Пока мы старались объясняться другъ съ другомъ, отъ души хохотали и знакомились, старикъ преспокойно продолжалъ вязать свою сѣть, что пріятно отличалось отъ бездѣльничанія шалашныхъ Тунгусовъ. При всемъ томъ онъ повторялъ нѣсколько разъ: если бы мы могли порядкомъ объясниться другъ съ другомъ, то намъ можно бы было о многомъ поговорить. Иголка, которою вязалась сѣть, была такая-же, какою у насъ вяжутъ сѣти. Ячейки въ ладонь ширины пазначались для таймепей и лекоковъ.

Стоящіе на сваяхъ амбары доказывали, что въ нихъ съ успѣхомъ складывались большіе запасы на зиму. Челноки изъ бересты (срав. изображеніе на стр. 581) были длиною въ 20', а шириною только въ 1½'; по концамъ они были покрыты, какъ для удержанія волнъ, такъ и для защиты поклажи отъ промоканія. Просто, по весьма прак-

¹⁾ hilt^ö_y, какъ у нашихъ Тунгусовъ.

тично защемлявше бересты между тонкими расщепленными деревянными планочками, въ замѣнъ шва и рамки.

Меня угощали смѣсью сушеныхъ и толченыхъ черемуховыхъ ягодъ (Inöktö) съ сушеной кетой, которую обливали холодною водою. Въ поджаренномъ видѣ сушеная кета мнѣ чрезвычайно нравилась. Такъ какъ я отозвался объ этомъ съ похвалою, то мнѣ на дорогу дали хорошенькую корзиночку изъ бересты, наполненную лакомствами и прикрытую, взамѣнъ крышки, черемуховымъ порогомъ.

Въ то время, какъ я ѣлъ, трехлѣтній ¹⁾ босой, подобно всѣмъ дѣтямъ, мальчуганъ, который, глядя на ѣду, почувствовалъ аппетитъ, подошелъ къ матери и довольно безцеремонно самъ вытаскилъ себѣ свою ѣду изъ-за ея нагрудника, что нисколько не смутило компанію. Едва онъ успѣлъ управиться съ этимъ, какъ потребовалъ морскаго сухаря, который я привезъ съ собою. Когда ему замѣтили, что сухарь для него слишкомъ крѣпокъ, онъ отвѣтилъ: хотя онъ и крѣпокъ, но я все-таки его раскушу, и показалъ при этомъ рядъ прекрасныхъ зубовъ. Голова его, за исключеніемъ косы, была выбрита.

Почетвая дубина.

Когда я завелъ рѣчь о любопытномъ ихъ способѣ рѣшенія дѣлъ, касающихся чести и взаимныхъ споровъ, мой любезный старикъ съ величайшею готовностью вытаскилъ на сцену изображенный тутъ прототипъ нашихъ рапиръ. Этотъ мукечій дѣлается изъ самаго крѣпкаго мѣстнаго дерева, т. е. изъ каменной березы. Какое значеніе имѣетъ желобокъ *a* на спинкѣ, этого я не могъ узнать. Мукечи нѣсколько шероховатъ для того, чтобы при парированіи удары не скользили слишкомъ легко.

Съ пылкимъ усердіемъ, которое сдѣлало бы честь самому задорному студенту, съ сверкающими глазами, мой добрый старикъ показывалъ мнѣ, какъ эту деревянную саблю держать обѣими руками и какъ, направляя ее то туда, то сюда, парируютъ удары. У каждаго Нигидальца, говорятъ, по крайней мѣрѣ, по одному мукечи. Совершенно на европейскій рыцарскій ладъ игра продолжается до перваго появленія крови, при чемъ иногда, говорятъ, переламываются пальцы и разсѣкается кожа на головѣ. Tout comme chez nous.

Теперь, говорилъ мой другъ, существуютъ только небольшіе шаманы, но мой собственный отецъ былъ очень большой шаманъ.

¹⁾ Въ то время я не зналъ, что Манджуры и Монголы страннымъ образомъ считаютъ лѣта не со дня рожденія, а со дня зачатія. По-этому я теперь не знаю, не слѣдуетъ-ли во всѣхъ моихъ показаніяхъ возраста отсчитывать $\frac{3}{4}$ года.

Въ лѣсу я встрѣчалъ гробы, которые были втиснуты между деревьями, или стояли на двухъ столбахъ, соединенныхъ перекладинами.

Относительно народовъ, съ которыми въ мое время сталкивались тунгусскія племена южнаго ската водораздѣльнаго хребта, я могъ собрать только самыя незначительныя свѣдѣнiя, потому что я не встрѣчался ни съ однимъ изъ такихъ народовъ.

Ньгатку описывались какъ народъ, жившiй при Амурѣ, выше устья Амгуни, и говорившiй на другомъ, чѣмъ тунгусскiй, языкѣ.

Шамагры ежегодно въ выдолбленныхъ челнокахъ прѣзжали вверхъ по Немилену до Хамбыкана, издалека, какъ говорили, съ той стороны Амгуни.

Буралы были очевидно Тунгусы, въ китайскомъ подданствѣ, потому что говорили на языкѣ, близко походившемъ на языкъ нашихъ Бытало-Тунгусовъ. Голову они брили, оставляя только косичку. Старшину ихъ китайское правительство отличало кисточкой на шапкѣ. Они были конные Тунгусы и отдѣлялись отъ нашихъ Оленныхъ Тунгусовъ свойствомъ кормовыхъ мѣстъ. Но такъ какъ они, въ интересахъ произрастанiя травяной растительности, занимались спаливанiемъ весною прошлогодней травы, то пали ихъ иногда опустошали большiя пространства лѣса, да и болѣе сухiя кормовыя мѣста сѣв. оленей на южныхъ предѣлахъ той области, до которыхъ возможно пробраться на сѣв. оленяхъ. Отсюда происходили столкновенiя и наши Тунгусы горько жаловались на это, забывая, что они сами находились на запретной границѣ.

У Бураловъ были только фитильныя ружья и мало лошадей, такъ что послѣднихъ цѣнили высоко, т. е. въ 6 — 9 соболей, тогда какъ Даурцы продавали своихъ коней гораздо дешевле.

На Ниманѣ, впоследствии на Долдеканѣ, да и на Бысѣ, были сборные пункты, на которыхъ зимою они сходились съ нашими Тунгусами. Изъ году въ годъ это стало дѣлаться рѣже; да и Даурцы перестали приходить къ Инкани, гдѣ прежде ихъ много бывало.

Буралы по-видимому жили главнымъ образомъ близъ самого Амура; самый сѣверный при впаденiи Бысы въ Силвджи. При устьѣ Уричи (впадающаго въ Амуръ, выше Албазина) я встрѣтилъ Бурала, на котораго не могъ однакоже обратить вниманiя, потому что мы были какъ разъ на самомъ ходу. Ихъ должно быть много, потому что они жили на правомъ берегу Амура, между Албазиной и Хангой.

Нашихъ Тунгусовъ они называютъ Tõhálj, а Даурцевъ Dahñhalj, тогда какъ наши Тунгусы называютъ Даурцевъ Djulú.

Якуты.

О Якутахъ уже столько писано, что мы не намѣрены прибавлять къ прежнимъ поверхностнымъ извѣстіямъ еще новое неполное описаніе. Между сибирскими туземцами этотъ народъ занимаетъ такое важное мѣсто, что ему слѣдовало бы посвятить обширное самостоятельное сочиненіе, которое могло бы стать на ряду съ изслѣдованіемъ акад. Бѣтлингга о языкѣ Якутовъ. Такое сочиненіе можетъ быть названо дѣйствительною потребностью тѣмъ болѣе, что до самого послѣдняго времени писатели отчасти съ выраженіемъ удивленія упоминаютъ о поразительныхъ будто бы странностяхъ кочевой жизни Якутовъ, частью распространяютъ даже совершенно ложныя извѣстія о характерѣ якутскаго народа, и въ нѣкоторыхъ, недавно появившихся, статьяхъ присоединяютъ Якутовъ къ числу тѣхъ сибирскихъ народовъ, которые обречены на неизбежную погибель.

Мои замѣтки ограничатся тутъ сообщеніемъ такихъ свѣдѣній изъ моихъ сношеній съ Якутами, которыя способны пролить настоящій свѣтъ на этотъ интересный народъ. Образцовое и въ свое время исчерпавшее всѣ данныя изслѣдованіе Бѣтлингга (въ 3-мъ томѣ нѣм. изд. этого Путешествія), а въ особенности сообщенный Уваровскимъ якутскій текстъ, хотя и приправленный нѣкоторыми восточными прикрасами, представляютъ превосходное основаніе для ознакомленія съ Якутами. Въ главахъ «Общія свѣдѣнія», «Долганы» и «Тунгусы» мною также неоднократно говорено о Якутахъ.

Подобно Тунгусамъ, я и Якутовъ встрѣчалъ какъ на глубокомъ сѣверѣ Таймырскаго края, такъ и на отдаленнѣйшемъ юго-востокѣ Сибири, даже на Амурѣ, область котораго въ то время еще вполне принадлежала Китайской имперіи.

Не подготовленный путешественникъ удивится, услышавъ что на Енисеѣ, на нѣсколько тысячъ верстъ отъ главнаго пребыванія Якутовъ, онъ встрѣтитъ совершенно ослѣдлый обломокъ этого племени, какъ скоро тронется изъ Туруханска внизъ по Енисею.

Всего въ 35 верстахъ отъ Туруханска, въ поселеніи Шорохинѣ, вы очутитесь среди колоніи, которая имѣетъ полнѣйшее право считаться особымъ якутскимъ родомъ, Шорохинскимъ. Въ мое время насчитывали 17 душъ муж. и 16 душъ женск. пола. Вотъ и все. По общему наружному виду они преобразились въ Русскихъ; это тѣмъ болѣе не удивительно, что половина новыхъ дворовъ, составлявшихъ Шорохино, была занята чисто-русскими поселенцами.

Какими судьбами, когда и какимъ путемъ этотъ родъ, происшедшій вѣроятно отъ одного и того-же семейства, заброшенъ на самый крайній западный форпостъ, это мнѣ

къ сожалѣнію не удалось развѣдать при быстромъ моемъ проѣздѣ ¹⁾. Какъ островъ, онъ находится среди обширнаго океана совершенно разнородныхъ народовъ, но сохранилъ для своей внутренней жизни свой языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и многое, связанное съ нимъ, не смотря на то, что уже въ мое время русскій языкъ у этого рода ио видимому успѣлъ пріобрѣсти право гражданства.

Такимъ образомъ намъ пока можно пріобрѣсти къ двумъ предположеніямъ. Или ихъ постигла та же судьба, какой подвергнулись жители почти всѣхъ поселеній въ низовьяхъ Енисея, т. е. ихъ насильно, можетъ быть въ наказаніе за проступки, переселили на эту рѣку (на извѣстныхъ разстояніяхъ), чтобы сдѣлать возможнымъ сообщеніе между Туруханскомъ и поселеніями, лежащими дальше внизъ; или передъ нами добровольное переселеніе этого неугомоннаго народа, изъ Таймырскаго края, а еще вѣроятнѣе съ знаменитаго Есейскаго озера, которое нѣкогда поддерживало дѣятельныя сношенія между Вилюемъ, городомъ Якутскъ и самымъ южнымъ Таймырскимъ краемъ. Въ мое время еще не угасли разнородныя воспоминанія объ этихъ сношеніяхъ, да и на берегахъ этого богатаго дарами озера по-видимому еще сохранились остатки Якутскаго народа ²⁾.

Изъ Шорохина нужно отправиться за 4 градуса широты къ сѣверу и далеко на востокъ, чтобы за тундрами встрѣтить опять Якутовъ, которые тамъ, числомъ около 500 душъ, въ видѣ острова занимаютъ рѣчныя области Хатанги и Анабара ³⁾. Официально они называются Нижне-Затундренскими, что составляетъ плеоназмъ, какъ потому, что нѣтъ Верхне-Затундренскихъ Якутовъ, такъ и потому, что тундра, по ту сторону которой они живутъ, называется «Большой Низовой», т. е. собственно глубоко-сѣверной.

Мѣста пребыванія Якутовъ означены въ нашемъ атласѣ картъ на табл. II-ой нѣм. изд. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ нѣтъ сѣв. оленей (одинокіе), живутъ осѣдло въ срубкахъ, на берегахъ текущихъ водъ. Между всѣми туземцами эти Якуты были единственный народъ, который въ официальныхъ спискахъ составлялъ первую категорію «осѣдлыхъ туземцевъ». Самое большое ихъ поселеніе было Коренное Филиповское, на Боганидѣ, исходный пунктъ моихъ дальнѣйшихъ странствованій на сѣверъ; тамъ я устроилъ метеорологическую станцію, которая осталась на мѣстѣ въ теченіи лѣтней половины года.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи вопросъ не разъясненъ и новейшими монографіями Туруханскаго края, т. е. ни Костровымъ, ни Третьяковымъ, ни Кривошапкинымъ.

²⁾ По словамъ Кривошапкина (Енисейскій округъ, 1863, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. I, стр. 371) тамъ еще и теперь живутъ Якуты.

³⁾ У Палласа (Reise, III, p. 324) число Якутовъ Туруханскаго края, которые въ то время большею частію уже были крещены, простирается до 127 душъ муж. пола. Но изъ соч. Георги (Beschrg. des Russ. Reichs,

II, стр. 1013), вышедшаго въ 1799 году, видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія тамъ было 229 крещеныхъ и 70 языческихъ душъ муж. пола. Степановъ (Енис. губ. I, стр. 160) насчитывалъ еще почти такое-же число, т. е. 296 душъ муж. пола. Съ тѣхъ поръ, слѣдовательно, количество очевидно уменьшилось, потому что Костровъ насчитываетъ 234 Якутовъ и 236 Якутокъ, кромѣ Шорохинскихъ. У Кривошапкина (I. с. I, стр. 353) и Третьякова (I. с. стр. 373 и слѣд.) значится за 1860 годъ увеличеніе до 263 душъ муж. и 272 душъ женскаго пола.

Тѣ изъ тамошнихъ Якутовъ, у которыхъ есть сѣв. олени, пользуются этимъ упряж-нымъ животнымъ и уѣзжаютъ на лѣто далеко на сѣв. равнины, въ область притоковъ Таймыра, и, не будучи стѣсняемы конкурентами, занимаются тамъ закалываніемъ сѣв. оленей и избіеніемъ гусей. Они очевидно заняли прежнія кочевья Самоѣдовъ и оттѣснили ихъ все дальше и дальше въ самыя крайнія пустыни глубокаго сѣвера, т. е. принудили ихъ къ тѣмъ обширнымъ лѣтнимъ странствованіямъ, которыя теперь сдѣлались правиломъ, потому что зимою оба народа живутъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ.

Хотя упомянутые Якуты, имѣющіе сѣв. оленей, въ официальныхъ спискахъ причисляются къ «кочующимъ туземцамъ», но любовь ихъ къ осѣдлымъ жилищамъ такъ развита, что и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ лѣтнія промысловыя странствованія сталкиваются съ крайними предѣлами ихъ зимнихъ ловушекъ (срав. стр. 609), они любятъ устраивать себѣ маленькія хаты, или по крайней мѣрѣ срубы — лѣтовье или отъѣзжее, — сколачивая ихъ изъ бревенъ, которыя съ большимъ трудомъ привлекаются съ предѣла лѣсной растительности къ тундрѣ.

Впрочемъ не одни эти лѣтнія и охотничьи редищенціи, но и главныя жилища свои (зимовья), они покидаютъ съ легкостью, напоминая Тунгусовъ. Условія ловли или семейныя обстоятельства, гнетъ со стороны слишкомъ часто проѣзжающихъ сборщиковъ податей, важныхъ чиновниковъ или священниковъ и т. д. очень легко побуждаютъ весьма еще неусидчивый характеръ къ перемѣнѣ мѣста жительства. По-этому у путешественника, при началѣ его разспросовъ, слагается неизбѣжное понятіе, что передъ нимъ очень густо населенная рѣчная область. Вскорѣ, когда ближе вникаешь въ дѣло, является мысль, что происходило вымирание. Фактически же, вслѣдствіе довольно медленнаго наращенія, количество населенія, пожалуй, мало измѣняется¹⁾. Бурная жизнь этихъ Якутовъ переноситъ ихъ то туда, то сюда, хотя вслѣдствіе неприютности края и повальныхъ болѣзней дѣйствительно иное поселеніе совершенно теряетъ свое населеніе. Въ

¹⁾ Исчисливъ примѣрно рядъ зимовьевъ, которыя, какъ я узналъ по разспросамъ, расположены были на Хатангѣ и Хетѣ, но, какъ потомъ оказалось, не были постоянно заняты: На Хатангѣ сверху внизъ: 1) Крестовское, при устьѣ Хеты; 2) Носовское; 3) Козачье; 4) Ждановское (последнія три въ одинаковомъ разстояніи отъ Хатангскаго погоста); 5) Хатангскій погостъ, съ 4 дворами; 6) Проточное, на рукавѣ главной рѣки; 7) Лѣтовье; 8) Кытасово Нижнее; 9) Убовно; 10) Нижнеостровское; 11) Лукино; 12) Крестовское; 13) Рыбное; 14) Попигайское; 15) Портнягино или Болохинское (единственное зимовье, лежащее на лѣвомъ берегу, на добрый день пути отъ № 14); 16) Новое, вверхъ по Попигаю (добрый день пути); 17) Озерское Лѣтовье, которое на зиму большею частью покидаютъ.

На Хетѣ отъ устья вверхъ: 1) Крестовское, о которомъ уже было говорено выше (оно состоитъ изъ 3 дворовъ); 2) Назоново, всего одинъ дворъ; 3) Проточное; 4) Соколово, изъ 5 дворовъ; 5) Прилучино, въ которомъ дѣйствительно никого не было, потому что всѣ жители этого поселенія, до послѣдняго человѣка, вымерли года за два до моего приѣзда; 6) Ковона, четыре двора съ тѣхъ поръ, какъ туда перебрался переселенецъ изъ Прилучина; 7) Александрово или Кирилово, четыре двора; 8) Рябово, два двора; 9) Назоново второе; 10) Назоново первое; 11) Корговское; 12) Медвѣжье; 13) Орлово.

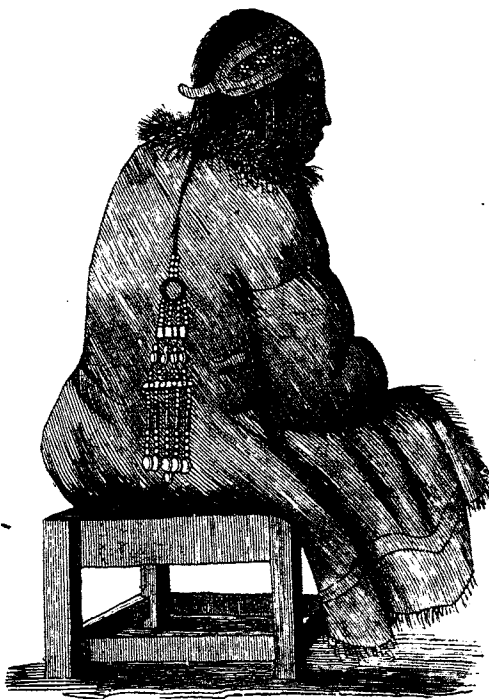
За исключеніемъ Назтанова и Назонова второго, всѣ эти поселенія лежали на правомъ, высокомъ берегу Хеты.

устахъ народа однакоже извѣстія о такихъ событіяхъ слишкомъ выдвигаются на первый планъ и обобщаются, такъ что проѣзжій долженъ составлять себѣ объ этомъ ложныя понятія.

Свѣжо сохранившееся у этихъ глубоко-сѣверныхъ Якутовъ преданіе о томъ, что предки ихъ удалились въ эти пустыни издалика отъ притѣсненій, подтверждается неутомностью ихъ.

Объ устройствѣ домовъ въ этихъ поселеніяхъ мы говорили въ главѣ о Долганахъ. Замѣчательно, что это блокгаузы на русскій ладъ, т. е. срубленные изъ горизонтально лежащихъ другъ надъ другомъ бревенъ, тогда какъ во всемъ остальномъ якутская ма-
нера одержала верхъ надъ русскою. На Хетѣ я нашелъ даже, что первоначально русскіе поселенцы до такой степени преобразились въ Якутовъ, что якутскій языкъ сдѣлался ихъ настоящимъ роднымъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что поселенцы русскаго происхожденія женились на Якуткахъ.

Хотя, по части нѣкоторыхъ мужскихъ нарядовъ, и замѣтны кое-какіе слѣды обращенія Якутовъ съ русскими поселенцами и торговцами, но прилагаемый рисунокъ мощеніемъ, усвоены и даже развиты ими съ рѣдкою добросовѣстностью. Вошло въ законъ до того спать по безчисленнымъ праздникамъ, что только ѣда и послѣдствія ея могли нарушать эту зимнюю спячку. Верхъ этихъ порядковъ заключался въ томъ, что, очевидно, вслѣдствіе нашего пріѣзда, по временамъ являлись гости для того, чтобы по-

Якутка съ Хеты.

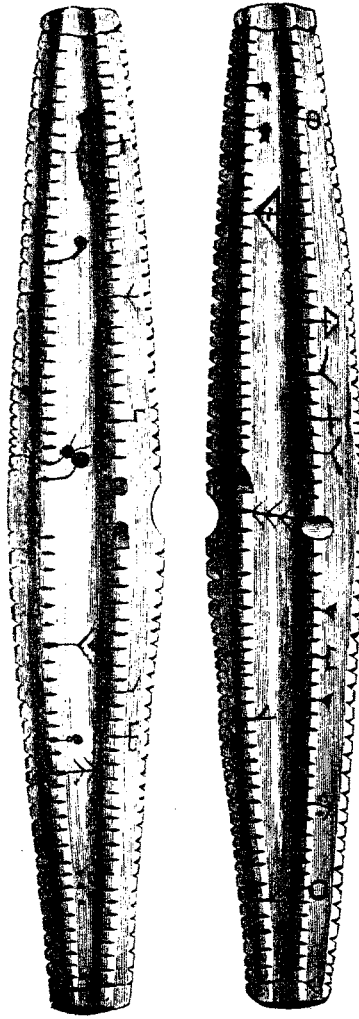
жетъ служить доказательствомъ, что особенно женщины въполнѣ придерживаются стараго порядка. Нарядъ ихъ, на изготовленіе котораго онѣ употребляютъ много старанія, не можетъ не перейти и на русскихъ женщинъ.

Вслѣдствіе продолжительности зимней ночи на глубокомъ сѣверѣ, склонность всѣхъ первобытныхъ людей къ бездѣльничанію и баклушничанію развилась у этихъ поселенцевъ до величайшей виртуозности. Вслѣдствіе этого успѣхи новаго ученія, добытые кре-

спать въ гостяхъ. По-видимому другъ друга приглашали на такое парадное спанье.

Это дѣлалось къ концу зимы. Люди какъ бы старались спать про запасъ. Когда въ лѣтней половинѣ года наступаютъ подвиги тундры, когда и ночь не въ состояннн отодвинуть солнечный кругъ подъ горизонтъ, тогда тѣ же зимніе сони пробуждаются къ самой усиленной, почти непрерывающей дѣятельности.

Такъ какъ, слѣдовательно, Якуты должны дрожить тѣмъ, чтобы особенно во время упомянутой глубокой зимней спячки не проспять важныхъ дней самаго отборнаго сна, то у нихъ

Якутскій календарь карди.

завелся календарь пустыни, какъ высшій даръ цивилизаціи. Очевидно, они усвоили его себѣ отъ Русскихъ поселенцевъ. Это такъ называемый карди (русская насхапія), изъ мамонтовой кости. Зарубки служатъ скользящему по нимъ пальцевому ногтю мѣстами остановки, по которымъ тщательно отсчитывается число дней, отъ знака до знака. Между этими знаками напр. слѣва на верху очертаніе животного означаетъ медвѣдя, т. е. день св. Георгія (23-го апрѣля)¹⁾. Счетъ идетъ внизъ по порядку и потомъ переходитъ на лежащій справа рядъ зарубокъ, назадъ къ противоположному концу и т. д.

¹⁾ Для могущихъ интересоваться этимъ предметомъ, сообщаю еще слѣдующія указанія + Крещеніе;

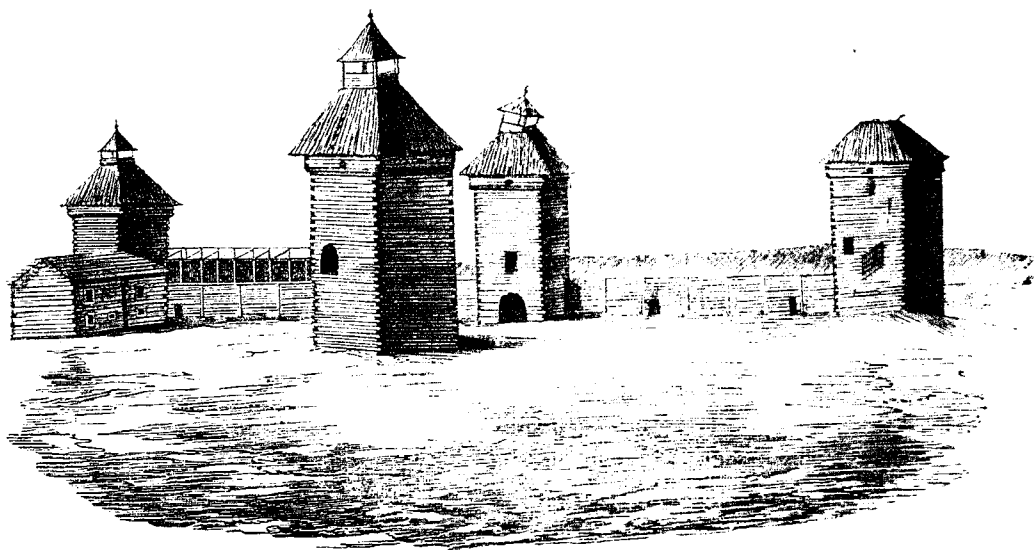
† Аввакумъ день; ♀ Аксеья; № Трехъ Святителей; ∷ Срѣтенье; С Евдокея; ∴ Сорока Святыхъ;
 † Алексѣя; У Благовѣщенье; ♀ Марія Египетской и т. д.

Найдется мало хитрых Русскихъ, которымъ кое-гдѣ удалось бы обмануть дикаря Якута.

Уваровскій, см. нѣм. изд. этого Путеш. III, стр. 62.

Длинное, предлинное путешествіе, обратно къ Енисею, вверхъ по немъ, наконецъ черезъ Иркутскъ, привело меня отъ вышеразсмотрѣннаго, столь далеко занесеннаго обломка якутскаго народа, за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Якутскъ, въ средоточіе этого народа.

Говорятъ, что уже въ концѣ 14-го столѣтія Якуты были отгѣснены Бурятами отъ Байкальскаго озера и заняли рѣчную долину Лены и притоковъ этой рѣки.

Остатки старинной крѣпости въ Якутскѣ, въ 1844 году.

Первое столкновеніе русскихъ удалцовъ-завоевателей съ Якутами произошло лишь въ 1620 году¹⁾.

Для поясненія сообщеннаго ниже преданія, я помѣщаю тутъ вѣрное изображеніе послѣдняго изданія возведенныхъ противъ Якутовъ крѣпостныхъ сооруженій въ Якутскѣ. Столько сохранилось отъ нихъ еще весною 1844 года.

¹⁾ Къ періоду, предшествовавшему этому времени, относится нижеслѣдующее преданіе, рассказанное мнѣ Якутомъ за огонькомъ въ первобытномъ лѣсу.

Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ очень богатый Якутъ по имени Огоньомъ. У него были двѣ дочери;

одну изъ нихъ онъ очень любилъ, другую не любилъ. Плывъ внизъ по Ленѣ на сдѣланномъ изъ кожъ суднѣ, его часто посѣщали Буряты, по имени Эльяй, потому что они были большіе друзья. Огоньомъ предложилъ что они были большіе друзья. Огоньомъ предложилъ ему ту изъ своихъ дочерей, которая ему понравится.

Уже до 1700-го года Якуты жили на Омолонѣ, потому что на Ремезовской картѣ (срав. т. I, стр. 36) возлѣ рѣки Омолоевой написано: «и при этихъ рѣкахъ живутъ Якуты разныхъ волостей».

Такимъ образомъ по этому пути Якуты, вслѣдъ за Юкагирами, мало по малу погибшими отъ междоусобій и оспы, простираются вплоть до Ледовитаго океана¹⁾. Но это было только на крайнемъ востокѣ, гдѣ не было Чукчей. Если Якуты уже въ 1710 г. являются и на устьѣ Колымы, то все-таки столѣтіе спустя Сарычевъ сообщаетъ, что Якуты, придя съ Индигирки, лишь недавно прибыли къ Верхней и Средней Колыме²⁾. Слѣдовательно распространеніе ихъ съ востока на западъ сравнительно шло медленно; да и едва-ли удастся доказать, добрались-ли они до Таймырскаго края съ Вилюя, или вдоль побережья Ледовитаго океана. Вѣроятноже, какъ мнѣ кажется, они пришли съ Вилюя, потому что уже ранѣе половины 18-го столѣтія моряки застали довольно значительное число Якутовъ въ Таймырскомъ краѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ низовьяхъ Оленека и на Анабарѣ. По-видимому въ то время происходили главныя сношенія между низовьями Оленека и Хатангой, хотя побережье между Оленекомъ и Леной не было занято.

Во всякомъ случаѣ, при графическомъ изображеніи распространенія Якутовъ, оно представилось бы въ видѣ червообразныхъ фигуръ, тянущихся на картѣ вдоль большихъ рѣкъ и вдоль морскаго побережья. То же самое явленіе представляютъ на европейскомъ сѣверѣ Зырянне, вытѣсняющіе Самоѣдовъ, хотя ни тѣ ни другіе не могутъ быть названы моряками. По первоначальному мѣсту своего пребыванія Якуты были коневодами. Такими-же хорошими наѣздниками, содержащими по нѣскольку тысячъ лошадей, какими ихъ зналъ уже старикъ Витсенъ³⁾, они и доселѣ еще остаются въ главныхъ мѣстахъ своего пребыванія. Овечьи стада, которыя безъ сомнѣнія были у нихъ въ первобытныхъ мѣстахъ пребыванія, совершенно погибли въ лѣсной полосѣ сѣвера. На стр.

Эльяй выбралъ не любимую дочь. Осерчавъ на это еще болѣе, отецъ далъ ему въ приданое только кобылу и бурю корову. Между тѣмъ умерла и любимая дочь. Жена стала уговаривать Огоньма навѣстить зятя, говоря, что самъ онъ (Огоньмъ) уже становится слабъ. Старикъ не хотѣлъ вѣрить этому. Но однажды Эльяй, посѣтивъ его, колышками кругомъ прикололъ къ землѣ кастанъ тестя. Огоньмъ взялъ полную чашу съ кумысомъ, но, стараясь встать, пролилъ все, что въ ней было. Понявъ поэтому, что онъ началъ слабѣть, онъ помирился съ Эльяемъ и навѣстилъ его.

Сынъ Эльяя назывался Тыгын'омъ и былъ сильный, могущественный правитель. Въ это время первые Русскіе прибыли въ край по рѣкѣ, но ихъ было немного. Тыгынъ убилъ всѣхъ, кромѣ одного, который былъ слачъ и взялъ въ батраки. Послѣдній убѣждалъ и за тѣмъ прибыло очень много Русскихъ на большомъ суд-

нѣ и долго вели войну съ Тыгын'омъ. Они построили крѣпость съ башнями и сверху стрѣляли. Тогда Якуты скрутили изъ конскаго волоса огромный канатъ и попытались обрушить башни. Но Русскіе скатывали сверху бревна. Они взяли Тыгына въ плѣнъ и повѣсили его. Въ то время у Тыгына родился сынъ Эбэрэ, отъ котораго происходитъ существующій еще доселѣ родъ Кангаласцы же потомки братьевъ Тыгына.

1) Упомянутое около 1735 года названіе рѣки Хара-Улахъ, впадающей въ Ледовитый океанъ (Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 151), убѣдительно всего доказываетъ, что въ то время Якуты успѣли уже проникнуть до береговъ Ледовитаго океана.

2) Сарычевъ, Путеш. I, стр. 63 и слѣд. — О движеніи ихъ къ Зашиверску и Верхоянску, срав. стр. 548 этой части.

3) II, стр. 542.

570 я уже замѣтилъ, что длина теперешней единицы путевой и кочевой мѣры — кѣсь нынѣшнихъ Якутовъ — весьма вѣроятно указываетъ на прежнее существованіе овечьихъ стадъ.

Характеристику чертъ Якутскаго лица мы сообщили на стр. 631. Чѣмъ болѣе мнѣ удавалось видѣть Якутовъ, тѣмъ болѣе оправдывались указанные мною отличительные признаки. Они оказывались несомнѣнною принадлежностью первоначальныхъ турко-татарскихъ якутскихъ лицъ и могутъ быть сведены на то, что жевательное продолженіе яремныхъ костей, какъ своею значительною вышиною (слѣдовательно длиною соотвѣтственной части лица), такъ и нѣкоторымъ выступаніемъ впередъ, главнымъ образомъ обуславливаетъ незначительно выдающееся положеніе скуловыхъ костей. Это выступаніе скуловыхъ костей гораздо незначительнѣе и меньше обращено внаружу, чѣмъ у настоящихъ Монголовъ.

Благодаря тому, что въ юго-восточной Сибири мнѣ часто случалось разсматривать сравнительно Якутовъ рядомъ съ Тунгусами, вскорѣ оказалось, что у послѣднихъ сильное выдаваніе скуловыхъ костей обуславливается не столько основою яремной кости, сколько тѣмъ, что самая яремная дуга выступаетъ и отстоитъ далеко отъ основы яремной кости; при чемъ эта яремная дуга, по-видимому, часто бываетъ очень тонка. Первобытное татарское лицо Якутовъ очевидно близко сродно съ формою лица нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ.

Но не слѣдуетъ полагать, что первобытное татарское лицо Якутовъ, такъ рѣзко выдававшееся среди другихъ народностей Таймырскаго края, встрѣчается повсюду у большей части Якутовъ. Это можетъ быть бываетъ или бывало преимущественно только въ центрѣ главнаго ихъ пребыванія и у чистокровныхъ старшинъ. Въ Якутскомъ краѣ, напротивъ того, мнѣ привелось главнымъ образомъ имѣть дѣло какъ разъ съ тѣми Якутами, которые находились въ наиболѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Тунгусами. Помѣсь съ послѣдними происходила часто, поводомъ къ ней служили не только частыя поѣздки и обусловленное ими продолжительное отсутствіе изъ дому ¹⁾, но и обычай, указывающій на южно-азіятское отвращеніе къ бракамъ между сородичами, т. е. обычай, не позволявшій Якуту выбирать себѣ жену изъ одного съ нимъ рода, и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже изъ одного съ нимъ племени. Какъ бы то ни было, но между Якутами, особенно между младшимъ поколѣніемъ, часто встрѣчались преобладающія монгольскія, преимущественно же тунгускія черты лица. Для этихъ формъ лица мнѣ удавалось розыскивать, безъ исключенія, тунгусскихъ матерей или бабокъ. Такія помѣси.

¹⁾ Срав. стр. 632. Къ приведеннымъ тамъ причинамъ исчезновенія типическихъ особенностей, мы присоединимъ тутъ еще неоднократно повторявшееся переписываніе и приписываніе въ казенныхъ спискахъ. Въ моей Барабѣ (см. стр. 89 русск. изд.) я указалъ, какъ такимъ

образомъ между казаками встрѣчаются киргизскія лица. Сарычевъ (Путеш. I, стр. 123) упоминаетъ о томъ, что подобнымъ-же образомъ на р. Маѣ Якутовъ записываютъ Тунгусами.

пошли въ ходъ въ началѣ этого столѣтія, и въ особенности на Алданскомъ хребтѣ составляли самое обыкновенное явленіе.

Меня должно было поразить, что при такомъ происхожденіи лицо главнымъ образомъ и даже волигъ подчинялось монгольскому типу; лобъ вмѣстѣ съ лремною костью и носомъ были укорочены; перѣдко лобъ покато подавался назадъ отъ высокостоящихъ бровей; отъ сильно выдающейся лремной дуги и, вслѣдствіе того, яблокообразно выпучивающихся щекъ очертаніе лица рѣзко скашивалось внизъ къ острому подбородку.

Носъ становился вздернутымъ кверху толстымъ комомъ, глазныя щели дѣлались косые, вся голова была какъ-то меньше въ сравненіи съ величиною тѣла.

Относительно величины тѣла Якуты составляли, въ общей сложности, нѣчто среднее между Русскими и Тунгусами, изъ которыхъ послѣдніе, среднимъ числомъ, были приблизительно на $\frac{3}{4}$ фута короче Русскихъ, и очевидно имѣли болѣе тонкія кости, а потому и были легче ихъ¹⁾.

У типичныхъ Якутовъ и Якутокъ ноги и руки были больше, чѣмъ у Тунгусокъ, равно какъ у имѣвшихъ монгольской складъ Гилячекъ, которыя въ этомъ отношеніи походили на Самоѣдокъ (срав. стр. 639).

Изъ всего сказаннаго видно, что еще въ мое время типичныхъ, первобытныхъ Якутовъ никакъ не слѣдовало смѣшивать съ Монголами, отъ которыхъ они явно отличались, тогда какъ главную массу Киргизовъ, по вѣшнему ихъ виду, я никогда не затруднялся приурочивать къ Монголамъ, хотя языкъ ихъ и противорѣчитъ этому²⁾. Изъ прежнихъ своихъ селищъ Якуты вытѣснены настоящими Монголами, Бурятами. На сколько они въ прежнія столѣтія, вслѣдствіе соприкосновеній съ Бурятами, подверглись примѣси монгольской крови, это трудно сказать, но даже между Долганами я встрѣтилъ двѣ-три чисто бурятскія фizioноміи; отмѣтивъ себѣ незнакомыя мнѣ особенности этихъ лицъ, я отложилъ замѣтки свои въ сторону, пока наконецъ поѣздка моя по Бурятскимъ степямъ разъяснила мнѣ давнишнюю загадку мою. Далѣе, какъ я замѣтилъ, уже въ мое время, т. е. тридцать лѣтъ тому назадъ, якутскій народъ сильно омонголивался Тунгускими женщинами. Не только дочери, но именно сыновья такихъ смѣшанныхъ браковъ стали походить, уже въ первомъ поколѣніи, главнымъ образомъ на мать. Но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, мы должны предполагать, какъ сказано было выше, что въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ, не говорю уже о еще раншемъ времени, происходило гораздо болѣе продолжительное омонголиваніе посредствомъ бурятской крови. Это мы вправѣ предполагать не только на основаніи вышеприведеннаго преданія (см. стр. 763, примѣч.), которое уже давно опережено другими сказаніями подобнаго-же рода, но и вслѣдствіе древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о Восточной Сибири, указывающихъ на

¹⁾ Среднимъ числомъ Русскіе въ Якутскѣ были ростомъ приблизительно въ 67 дюймовъ, Якуты отъ 63 — 64, а Тунгусы отъ 59 — 60 дюймовъ.

²⁾ Это по-видимому доказываетъ, что Киргизы физи-

чески омонголились въ давнее время. Вѣроятно они уже давно подверглись тому-же самому процессу, зарожденіе котораго я застаю у Якутовъ. Срав. мое изслѣдованіе: Бараба, стр. 87.

тѣсныя связи между обоими народами. Такъ напр. искусство Якутовъ по части обработки металловъ вообще, въ особенности же по части гравированія серебра и выкладыванія имъ, приписывается вліянію Бурятовъ ¹⁾. Но что такая номѣсь продолжалась уже нѣсколько столѣтій сряду, объ этомъ еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ якутскій языкъ, какъ это подробно доказалъ и положительно подтвердилъ акад. Бѣтлингъ въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія.

По моему мнѣнію даже весьма вѣроятно, что въ теченіи тридцати лѣтъ, протекшихъ со времени моего посѣщенія Якутовъ, физическое омонголеніе этого народа успѣло усилиться до такой-же степени, какъ это случилось съ Киргизами.

Если мы за тѣмъ обратимся къ характеристикѣ умственныхъ особенностей Якутовъ, то прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная склонность и превосходная способность къ торговлѣ. Въ этомъ отношеніи невольно является сравненіе съ іудейскимъ народомъ, и мы готовы бы были назвать ихъ жидами сѣверо-восточной Азіи, если бы они въ весьма многихъ отношеніяхъ не отличались значительно отъ жидовъ другими, не менѣе характеристичными особенностями.

Но лучше всего не забѣгать впередъ, а предоставить читателю случай, изъ нижесообщаемой нами писанной съ натуры картины якутскаго быта, самому составить себѣ правильное понятіе объ этомъ народѣ.

Точнѣ охарактеризовать бытъ его я считаю себя обязаннымъ потому, что этотъ народъ безспорно не можетъ быть причисленъ къ исчезающимъ. Во первыхъ, онъ съ начала этого столѣтія, не смотря на всѣ препятствія, размножился почти вдвое, т. е. состоитъ изъ слишкомъ ста тысячъ душъ, а во-вторыхъ, не смотря на указанное мною сильное физическое омонголеніе, ассимиляціонная сила этого татарскаго смѣшаннаго народа такъ велика, что, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, онъ оякучиваетъ даже русскихъ поселенцевъ, главнымъ образомъ, конечно, по части языка, образа мыслей и направленія склонностей.

Тѣмъ, которымъ это покажется преувеличеніемъ, я припомню оякученныхъ русскихъ поселенцевъ Таймырскаго края, даже не исключая семейства священника въ Хатангскомъ погостѣ, укажу на Амчинскую слободу, большое село, опирающееся все-таки на близъ-лежащій главный городъ Якутскъ, укажу на самый Якутскъ, гдѣ въ мое время на чиновничьихъ и купеческихъ вечеринкахъ много говорили по якутски ²⁾.

¹⁾ Müller, Samml. Russ. Gesch. III, стр. 370.

²⁾ Нѣкоторые мѣстные чиновники сравнивали его, по этому, съ салоннымъ французскимъ языкомъ. Въ присутствіи чужаго лица, онъ можетъ быть употреблялся чаще, потому что былъ для него непонятенъ. Укоренился якутскій языкъ между Русскими очевидно вслѣдствіе якутской прислуги, которая встрѣчалась часто уже въ 1733 году (Müller, Samml. russ. Gesch. III, p. 523), равно какъ въ необразованности женщинъ, которыя всю Мидлевдорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

жизнь свою оставались въ кругу привычекъ дѣтской обстановки. Кроме того я предлагаю господамъ лингвистамъ заняться разрѣшеніемъ вопроса, на сколько дѣйствительно особенности русскаго языка меньше подошли къ мѣстнымъ условіямъ, чѣмъ простой, вышедшій изъ жизни и быта кочевниковъ, удобный, потому что не вышколощенный, якутскій языкъ. Срав. прекрасно выраженные замѣчанія Генз по этому предмету (V. Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere, 1871, p. 18).

Наконецъ самое лучшее и неопровержимое доказательство можно найти очевидно въ третьемъ томѣ нѣмецкаго изданія этого сочиненія. Сынъ одного изъ болѣе значительныхъ чиновниковъ, впоследствии самъ, днемъ и ночью, занимавшійся переписываніемъ бумагъ, высшимъ канцелярскимъ и административнымъ дѣломъ, сильнѣе всего увѣковѣчилъ справедливость моихъ словъ написаннымъ имъ Якутскимъ текстомъ. Якутскій языкъ соотвѣтствуетъ душѣ Уваровскаго лучше всякаго другаго; говоря о Якутахъ въ третьемъ лицѣ, онъ невольно на каждой страницѣ высказываетъ взгляды добродушнаго Якута, въ котораго самъ онъ превратился.

Но не одни только Русскіе научаются якутскому языку: даже въ Амурскомъ краѣ, на р. Урѣ, я встрѣтилъ Тунгусовъ, которые никогда не видали Якута, а между тѣмъ очень бойко объяснялись съ моими оленевожатыми на якутскомъ языкѣ. Хотя они и находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русскими прибайкальскаго края, но кое-какъ знали только нѣсколько русскихъ словъ. Между тѣмъ они сочли полезнымъ научиться у сродственныхъ имъ Тунгусовъ якутскому языку. Въ формахъ и духѣ обоихъ языковъ заключается, должно быть, сходство, облегчающее Тунгусамъ изученіе этихъ чуждыхъ звуковъ, хотя между словарями того и другаго языка нѣтъ ничего общаго.

Указанному нами преобладанію якутскаго языка нисколько, впрочемъ, не противорѣчить то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ у Якутовъ множество словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка. Относительно предметовъ и порядковъ, которые не были извѣстны Якутамъ до соприкосновенія ихъ съ Русскими, это само собою разумѣется¹⁾. Не трудно также понять, что тѣ Якуты, которые находятся въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ господствующей націи, хвастаютъ знаніемъ русскихъ словъ, какъ это ясно показываетъ нижесообщенная хоровая пѣсня.

Иначе, кажется, должно смотрѣть на слово *s'iegej*, т. е. сѣрый. Вѣроятно оно понадобилось Якутамъ позднѣе, когда они научились правильно оцѣнивать незначительныя различія въ темныхъ цвѣтахъ. Поводъ къ такому предположенію подаетъ намъ стр. 649. Слово *kägä*, означающее сѣровато-козулій цвѣтъ, искони существовало въ якутскомъ языкѣ.

Но особенно поражаетъ меня то, что слово баранъ также перешло въ якутскій языкъ непосредственно изъ русскаго. Хотя это сильно противорѣчитъ моему предположенію, высказанному на стр. 570, но послѣднее все-таки можно подтвердить разными свидѣтельствами. Такъ напр. я тщетно доискивался первобытнаго якутскаго слова для обозначенія тумана, весьма сильно преобладающаго въ Якутскомъ краѣ. Для тумана у

¹⁾ Въ видѣ дополненія ко множеству примѣровъ, приведенныхъ Бѣтлингомъ въ 3-мъ томѣ нѣмецк. изданія этого сочиненія, я могу привести еще слѣдующіе: *patrus'ka* (пороховница), *s'obon'uk*, (забойникъ), *erarka* (отвертка), *teгка* (мѣрка пороховая), *moschokä* (мѣшокъ для дробі), *meňok* (кошелекъ сто рублей), *etärbes* (гор-

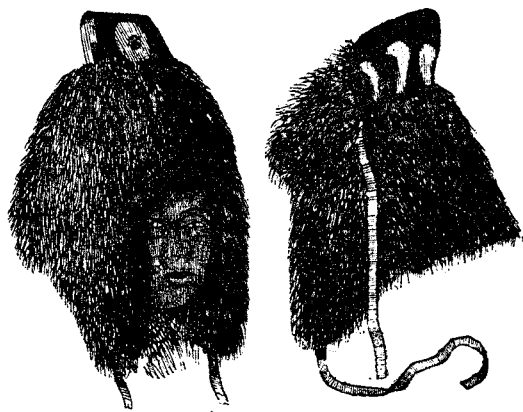
бась, сапогъ), *bitschugujä* (бичевка, петля на стрѣлѣ, скрученная изъ конопляныхъ волоконъ), *karal* (напразъ, вожакъ каравана), *görok* (городъ), *tshäs'tujä* (часто), *otsjägäk* (очередь), *s'uolkö* (шелкъ), *perremepno* (непрежъвно), *odnako* (однако), *budto* (будто), *perwoje dälo* (первое дѣло).

Якутовъ не было другого слова, какъ русское туманъ. Тоже самое встрѣчается у Киргизовъ, говорилъ мнѣ спутникъ мой Вагановъ, который семь лѣтъ провелъ у Киргизовъ. И съ челнокомъ Якуты не были знакомы въ своей первобытной родицѣ: кромѣ ту онъ называется у нихъ чаще всего *tóngus'*, т. е. Тунгусомъ или тунгусскимъ именемъ *oŋgotschó*. Это столь-же убѣдительно говоритъ въ пользу появленія Якутовъ изъ безводной степи, сколько напр. слово *kug'sá*, которое у Монголовъ означаетъ степную лисицу, корсака, а Якутами глубокаго сѣвера употребляется для обозначенія тундроваго жителя, песца, мѣста пребыванія котораго отстоять отъ мѣстъ, гдѣ водится корсакъ, болѣе чѣмъ на 15 градусовъ широты.

Если мы, принявъ въ соображеніе только-что сказанное, взглянемъ за тѣмъ на густо-опушенную мѣхомъ конусообразную шапку на головѣ богатаго Якута и увидимъ на ней тотъ-же колпачекъ, по которому мы узнаемъ Татарина, и который въ такой-же степени свойственъ Киргизамъ; если мы далѣе послѣдуемъ удивленію моего спутника, долго жившаго между временемъ и обстоятельствами разъединенія обоихъ народовъ. Стоитъ только отъправиться къ Якутамъ этнографическаго изслѣдователя, поручивъ ему побывать сперва у Киргизовъ, а потомъ у Бурятовъ, и дать ему возможность основательно изучить якутскій народъ, не только въ главныхъ мѣстахъ его пребыванія, но и въ самыхъ отдаленныхъ развѣтвленіяхъ его распространенія. Это было бы навѣрное благодарная задача.

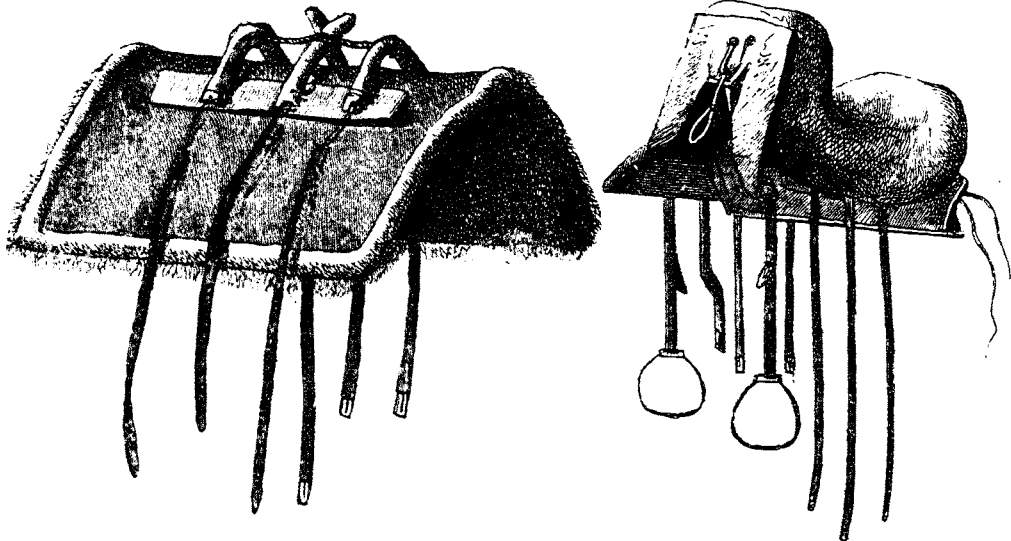
Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію Якутовъ моего времени, необходимо бросить взглядъ на два внѣшнихъ обстоятельства, которыя не могли не развить природныхъ способностей этого народа.

Припомнимъ сперва, что до 1807 года, когда *Sloop Diana* была отправлена въ Охотскъ, всѣ припасы для флота Восточнаго океана, цѣлое столѣтіе сряду, перевозились сухимъ путемъ изъ Якутска въ Охотскъ. Одинъ уже провіантъ, который доставлялся для войска, находившагося въ Охотскѣ и въ Камчаткѣ, вѣсилъ 34 тысячи пудовъ. Ежегодно одна казна забирала на подводы десять тысячъ, а Американская компанія до трехъ

ду Киргизами и постоянно опять, по новымъ признакамъ, находившаго, что въ языкѣ, одеждѣ, нравахъ, наклонностяхъ и т. д. обоихъ народовъ чрезвычайно много сходнаго, поневолеи задаешься вопросомъ, нельзя-ли это сходство опредѣлить точнѣйшимъ образомъ и объяснить

тысяч лошадей¹⁾. Обстоятельства сами дѣлали Якутовъ подводчиками и торговцами для самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Но уже въ то время дѣла сложились такъ, что хотя купцы платили отъ 35 до 45 рублей за каждую подводную лошадь и за каждые пять нудовъ, Якутамъ это все-таки мало доставляло барыша²⁾. Ежегодно начальству

Вьючное сѣдло

Якутовъ.

Верховое сѣдло

¹⁾ Шемелинъ, Путешествіе I, стр. 203.

²⁾ Тоже самое оказалось при ближайшемъ разсмотрѣніи условій, на которыхъ Якуты взяли доставить мою экспедицію на 72 лошадей изъ Якутска въ Удской Острогъ. Рядчикъ платилъ жожаку по 15 рублей съ каждой лошади, а помощнику его по 12 рублей. Каждый погонщикъ получилъ по 30 руб. за лѣто, на хозяйскихъ харчахъ. Считалось хорошимъ запасомъ, что на всю дорогу они взяли по 6 пуд. муки, по 6 пуд. якутскаго масла и по 1½ пуд. сала.

Были еще разные посторонніе расходы. Такъ напр. на р. Учурѣ пришлось многихъ уморившихся лошадей замѣнить новыми у Тунгусовъ, которые взяли хорошую надбавку; нужно было взять съ собою не входившихъ въ счетъ запасныхъ лошадей; за нихъ не платилось точно также какъ за лошадей, которыя везли поклажу и провизію жожаковъ. Подкормка лошадей для путешествія обходилась отъ 5 до 10 рублей за каждую.

Заправляющій всѣмъ поѣздомъ и люди его отвѣчаютъ за тѣхъ лошадей, которыя могли бы пропасть, но не отвѣчаютъ за тѣхъ, которыхъ приходится оставлять вслѣдствіе ихъ утомленія, за тѣхъ, которыя тонуть при переправахъ, и т. д.

Оказывалось, что главный барышъ рядчика заключался въ томъ, что онъ получалъ въ руки наличныя деньги, а людей своихъ разсчитывалъ товаромъ, заставляя отработывать прежніе долги, которые въ противномъ случаѣ остались бы неплаченными, и наконецъ опять связывалъ ихъ новыми долгами. Выдача денегъ впередъ до такой степени входила въ расчетъ сѣблонъ съ Якутами, что даже въ казенныхъ дѣлахъ рядчикамъ выдавались $\frac{2}{3}$ условленной цѣны.

Что наемъ лошадей для моей экспедиціи происходилъ не при исключительныхъ обстоятельствахъ, это доказываетъ стр. 725. Къ этому я могу еще присовокупить, что въ мое время купецъ Стручковъ постоянно строилъ плоты на р. Учурѣ, которые по ней и по Алдану сплавлялъ до стараго казеннаго тракта, т. е. за 50—60 верстъ до урочища Чепандá, и отсюда возвращался въ Якутскъ на наемныхъ лошадяхъ, за которыхъ платилъ среднимъ числомъ рублей 12 (отъ 10 до 15), смотря по конкуренціи.

Отъ Учюра до Хотуньи самъ я тщетно предлагалъ по 30 рублей провозной платы за каждую лошадь.

приходилось посылать казаковъ на эту дорогу, сожигать павшихъ лошадей, которыя заражали воздухъ ¹⁾).

Для пополненія относящихся сюда политипажей на стр. 537 и 544, тутъ изображены якутскія сѣдла, какъ самыя подходящія эмблемы этого народа. Широкою изображенного тутъ верхового сѣдла обуславливается столь смѣшная поза всадника на стр. 544.

Другимъ обстоятельствомъ, послужившимъ къ развитію Якутовъ въ упомянутомъ отношеніи, служила натура тунгусскаго населенія. Необыкновенно подвижной, простодушный и легкомысленно преданный удовольствію народъ, какъ Тунгусы, представлялъ для предприимчиваго торговаго духа Якутовъ такую пищу, какую нельзя бы было создать лучше съ этою собственною цѣлью. Умѣнье Якутовъ легко принаравливаться ко всѣмъ условіямъ посѣщаемыхъ ими народовъ исключало почти всякую конкуренцію, даже русскую, такъ какъ требовалось пробраться въ потаенное захолустье народа, живущаго особнякомъ, и обратиться съ нимъ въ Тунгуса.

Якуты мастерски умѣли утратить и учетверять свои барыши. На видъ они платили Тунгусамъ за мѣха дороже всякаго другаго, но въ нѣсколько разъ возмѣщали это на чрезвычайно высокихъ цѣнахъ своихъ собственныхъ товаровъ; торгуя, въ то же время сами принимались, вмѣстѣ съ Тунгусами, за ловлю звѣрей, но, эксплуатируя коммунистическое гостепрѣимство первобытнаго человѣка, въ это время большею частію жили на счетъ Тунгусовъ и при такихъ выгодныхъ условіяхъ находили необходимый досугъ и случай подбивать своихъ хозяевъ постоянно на новыя издержки для удовлетворенія прихотей, пока наконецъ у Тунгуса уже нечего было продавать и онъ при радушно предложенномъ ему кредитѣ легкомысленно бралъ товаръ въ долгъ. Но это апогей всякаго торговаго такъ называемыхъ дикарями; съ этой поры торговецъ становится дознаннымъ торговымъ пріятелемъ. Другими словами: теперь Тунгусъ закабаленъ въ монополію, вправѣ продавать свой товаръ только ему, заимодавцу, и покупать только у него. Цѣны назначаетъ продавецъ по своему произволу, мѣрять товаръ на свой аршинъ. Продаетъ онъ напр. Тунгусу сѣв. оленя не дешевле 80—100 рублей, принимаетъ же отъ него не иначе, какъ за 50 рублей. Подарки, идущіе въ уплату, взамѣнъ процентовъ за долги,

¹⁾ Четыре года до моего проѣзда, на дорогѣ къ Учурю, изъ числа лошадей, везшихъ обозы съ товарами якутскихъ купцовъ, погибло болѣе 200 животныхъ вълѣдствіе того, что неожиданно выпало очень много снѣга. Это поясняетъ огромное значеніе, придаваемое Якутами слову *as'yuk*, кормовище, о которомъ у нихъ постоянно идетъ разговоръ.

Опасность такихъ невзгодъ никакъ нельзя приписывать безпечности Якутовъ. За неимѣніемъ кормежекъ, покрывшихся наледью, срубается множество деревъ, чтобы воспользоваться бородастыми мхами, которыми они покрыты. На стр. 340 мы уже говорили, какъ тщательно

разгорячившимся или подготавливаемымъ въ дорогу лошадямъ высоко подвязываютъ головы; на стр. 343 упоминали, какъ превосходны потники. Прибавимъ тутъ еще, что предосторожность при подвязываніи головы весною соблюдается такъ строго, что сначала послабъ небольшого лишь переѣзда, лошади приходится стоять подвязанной отъ 6 до 8 часовъ, прежде нежели ей позволяютъ пасться. Даже на 10 й день ее заставляютъ стоять часа четыре. Иначе, говорятъ они, легкія становятся совершенно бѣлыми, печень точно варенною. Лѣтомъ и осенью Якуты гораздо менѣе опасались подвергаться такимъ невгодамъ.

возрастають свыше ста процентовъ. Дѣло выиграно, потому что «дикарь» слишкомъ честенъ, чтобы обманывать, да и слишкомъ честенъ, чтобы не быть обманутымъ чрезвычайно легко. Пока съ него можно взять что-нибудь, онъ станетъ давать все, что у него есть, и все, что у него будетъ.

Послушаемъ, какъ шло дѣло, по словамъ прекрасной, честной души, управлявшей моимъ караваномъ, человѣка, который велъ дѣло въ качествѣ прикащика, но, не смотря на барыши, въ первый годъ потерпѣлъ убытокъ рублей въ 300, забывъ условиться, что угощеніе и заимообразная выдача денегъ должны идти на счетъ и на рискъ хозяина. Дѣло въ томъ, что для такого промысла онъ былъ слишкомъ честенъ и добродушенъ. Послушаемъ рассказъ его:

Нанялся я на зиму за 60 рублей; харчи хозяйскія да и одежда, потому что я могъ пользоваться шкурами бойныхъ выючныхъ животныхъ, коли мнѣ не удастся самому убить столько лосей или сѣв. оленей, чтобы добыть себѣ нарядъ. Наймись я на цѣлый годъ, я получилъ бы — правда товаромъ, какъ всегда — 100 рублей содержанія и пастъ бы лѣтомъ сѣв. оленей на горахъ. Но мой хозяинъ отыскалъ Тунгуса, который взялся пастъ сѣв. оленей по 4 рубля съ головы. За пропажу сѣв. оленя отвѣчалъ Тунгусъ, а за болѣзнь не отвѣчалъ. Но на такое дѣло соглашается только такой Тунгусъ, которому приходится уже очень плохо.

Провизіи полагается въ мѣсяць не болѣе 1 пуда муки и 30 фунтовъ сала. Остальное должны дополнять результаты собственной охоты и тунгусское гостепріимство.

Съ восемью сѣв. оленями моего хозяина, на которыхъ навьюченъ былъ товаръ, я тронулся въ путь такъ рано, что во-время могъ еще поспѣть къ осенней ловлѣ соболя «на собачьихъ ногахъ». Тутъ охота уже даетъ, что Богъ пошлетъ. Потомъ я отправился къ своему пріятелю Тунгусу, которому я кое-когда помогалъ также осматривать его засѣки и самострѣлы. Меня Тунгусъ кормить, потому что ѣда у нихъ не идетъ въ счетъ. Я же разставляю мои приборы на соболей, и эту охоту каждый ведетъ на свой счетъ. Убью я случайно мясное животное: мясо идетъ въ пользу юрты, а шкура и рога принадлежать мнѣ. Я везу съ собою муку, чай, табакъ, порохъ, свинець, до которыхъ иной разъ, пожалуй, также доходить очередь, равно какъ и до того или до другого изъ моихъ сѣверныхъ оленей, но такъ какъ это купленные вещи, которыя мнѣ не принадлежатъ, то онѣ ставятся моему Тунгусу особо въ счетъ, хотя я ими также пользуюсь. Когда подойдетъ время, я отправляюсь на сборное мѣсто и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Если люди ничего не хотятъ брать, такъ угостишь ихъ, тогда сердце ихъ растаетъ. Сначала они рѣшатся, можетъ быть, спросить только кремь, но потомъ является одно за другимъ. Когда угостишь ихъ хорошенько, такъ они берутъ все, что ни вытащишь, а на цѣны они соглашаются безъ дальнѣйшаго. Главное дѣло угощеніе. Заваришь чаю, подашь сахару, сухарей, масла, и въ заключеніе сварить большой котель сала мата. Вотъ что радуеть Тунгуса непомѣрно и уже онъ на-вѣрное изъ благодарности подаритъ соболя; самый бѣдный и тотъ принесетъ по крайней мѣрѣ кабарговую струю. За тѣмъ

торгъ идетъ какъ по маслу и Тунгусъ дешевле отдастъ соболей. Коль у него ихъ нѣтъ въ то время, то это ничего не значитъ, и какъ даровой, такъ и продажный соболь ставятся въ счетъ. Если же можешь дать водки, то все получишь; но она рѣдка и ее нужно провозить въ маслѣ, потому что она запрещена. Тунгусъ такой человѣкъ, что если я знакомому поклонюсь полпудомъ сала, такъ онъ уже непременно отвѣтитъ на мой поклонъ соболемъ. Встрѣчается, правда, кое-гдѣ и такой Тунгусъ, который, хотя его и угостишь, не считаетъ себя за это въ долгу, но такихъ осуждаетъ общее мнѣніе.

Вотъ что разказалъ мнѣ добродушный мой вожакъ.

Тунгусъ, котораго я разспрашивалъ о томъ, что онъ добылъ въ году, откровенно сообщалъ все, пока я не спросилъ: сколько же онъ наловилъ соболей въ эту зиму. Тутъ все застряло, человѣкъ какъ будто переродился. Уже впоследствии я узналъ, что какъ онъ только успѣлъ залѣзть въ чумъ, такъ мои оленоводы стали разспрашивать дѣтей его, есть ли у отца мѣха. Къ чему послужила бѣднику его осторожность? На другой день, когда онъ уѣхалъ, я узналъ, что помощникъ моего вожакаго уничтожилъ всѣ добрыя намѣренія первобытнаго человѣка и наконецъ все-таки выманилъ у него два мѣха.

Впрочемъ изъ Якутскихъ купцовъ только немногіе торговали мѣхами собственно отъ себя; въ мое время лишь трое, платившіе подати какъ купцы третьей гильдіи. Это были давно-извѣстныя личности (Басинъ, Стручковъ и Новгородовъ), въ сопровожденіи нѣсколькихъ Якутскихъ мѣщанъ и множества Капгаласскихъ Якутовъ. Такихъ второстепенныхъ торговцевъ я насчиталъ, какъ уже замѣтилъ выше (стр. 723), около сотни.

Что всѣ запрещенія¹⁾ ни къ чему не вели, это доказываетъ донесеніе Уваровскаго, которое я читалъ въ Якутскомъ архивѣ. Въ 1827 году онъ засталъ 47 семействъ, въ 84 души, которыя торговали, вопреки запрещенію, въ Удскомъ Острогѣ и изъ которыхъ нѣкоторыя находились тамъ уже лѣтъ 30, не смотря на всѣ указы и на отсылку недостаточныхъ на родину. Уваровскій самъ тщетно выслалъ въ Якутскъ 11 такихъ человѣкъ. Да и я вскорѣ убѣдился, что дѣйствіе запрещеній не простиралось далѣе бу маги указовъ. Уже съ ноября шныряли якутскіе торговцы въ горахъ, отыскивая Тунгусовъ въ самыхъ затаенныхъ закоулкахъ, вмѣсто того, чтобы строго держаться ярмарочныхъ мѣстъ. Они успѣвали забирать всѣ мѣха и сборщикамъ податей приходилось уходить съ пустыми руками. Какъ ловкіе люди (срав. эпитафья на стр. 763), якутскіе торговцы всегда были у мѣстныхъ властей на довольно хорошемъ счету.

При этомъ Якутскій и Иркутскій край сами по себѣ такъ устроились, что не мѣшали другъ другу взаимной конкуренціей. Тутъ и тамъ эксплуатировали другихъ кочевниковъ и знали другъ о другѣ только по совершенно неопредѣленнымъ наслышкамъ, такъ что мои разспросы о мѣстностяхъ, лежащихъ при верховьяхъ Амура, до тѣхъ поръ

¹⁾ Ярмарочные сборы были назначены: на Учурѣ съ 1-го мая до 1-го іюня; на Маѣ съ 15-го іюня до 15-го іюля; въ Удскомъ Острогѣ съ 1-го августа до 1-го сеп- тября, и потому приказано было не пускать купцовъ изъ Якутска ранѣе февраля.

не разъясняли мнѣ дѣла, пока я вдругъ, совершенно неожиданно, не очутился среди длинной вереницы забайкальскихъ казаковъ, бойко торговавшихъ на запретной Китайской землѣ. Да и условія, при которыхъ они вели свою торговлю, цѣны и т. д. были совершенно другія ¹⁾.

На сколько Якутъ, сообразно вышеприведенному эпитафю, хитрѣ Русскаго, это вскорѣ показали первые посредники между сбытомъ товара на востокъ, и на западъ. Какъ занимающіеся имъ Якуты, такъ и вожаки моихъ оленей, вскорѣ подмѣтили, что въ сущности казаки все-таки невѣжи по части торговли, которые не умѣютъ цѣнить самый отборный товаръ и не достойны его. На моихъ глазахъ собольи шкуры съ кабарной стороны смачивались теплою водою, растягивались, напаяливались на доску, сушились передъ огнемъ ²⁾ и красились. «Вѣдь даже подуть противъ волосъ и узнать рѣдки-ли волосы казакъ не умѣетъ», говорили Якуты и, усѣвшись, вставляли въ плохія до негодности выгоня мошонки мѣховыя заплатки, панизовали ихъ вмѣстѣ съ хорошими на ремень, но самыя вѣсистыя вытаскивали и откладывали въ сторону для Якутска. «Эти слишкомъ хороши и полны; ихъ-то казаки и будутъ считать поддѣлками и искусственно набитыми. Вѣдь тутъ всякая мошонка стоитъ 5 рублей, какая бы она ни была». Такъ говорили они.

Болѣе опасными для Якутовъ конкуррентами, чѣмъ казаки, стали являться китайскіе Даурцы, которые нѣкогда начали торговать довольно успѣшно полушелковыми матеріями, камлотомъ, нанкою и окороками. Якуты жаловались на это и наши чиновники помогали имъ въ преслѣдованіи этихъ стѣснителей ихъ монополіи.

Сказанное достаточно показываетъ, что мы были вправѣ, сравнивъ якутскихъ торговцевъ съ еврейскими торгашами. Торгуютъ они до послѣдней минуты передъ отправленіемъ въ путь. По подвижности, смѣтливости и ловкому знанію людей они не уступаютъ Евреямъ, по части же хитрости иной Якутъ, можетъ быть, еще перещеголяетъ Еврея. Но у Якута нѣтъ той благодатной способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ Еврей; а это много значить.

Якутъ въ состояніи подвизаться съ любымъ кочевникомъ: въ необыкновенной сдержанности, когда этого требуетъ необходимость; въ умѣніи терпѣливо, даже весело, переносить ужаснѣйшія невзгоды, которымъ его подвергаютъ климатъ и первобытная природа; въ самой напряженной дѣятельности, когда приходится преодолевать тысячи

¹⁾ Казаки со Стрѣлки между Шилкой и Аргунью покупали муку, которую везли, отъ крестьянъ, поселившихся въ деревняхъ нѣсколько выше на Аргуни. Послѣдніе зимними путями привозили ее къ Стрѣлкѣ, и продавали тутъ по 1½ — 2 рубля (дома стоила она отъ 90 коп. до 1 руб.). Помоль также доставлялъ барышъ, потому что зерновой хлѣбъ былъ 20 или 30 коп. дешевле. Но у казаковъ были только ручныя мельницы, тогда какъ у крестьянъ работа производилась водяными мельницами. Въ мѣховой торговлѣ казаки промѣивали

пудъ муки на 10 бѣловъ, изъ которыхъ Аргунскія оценивались купцами по 60, а всѣ прочія въ этомъ краѣ по 45 — 50 копѣекъ.

Водка, которая въ Якутской области почти совершенно устранена, тутъ продолжала еще свою деморализующую роль. Слѣдовательно, самые крайніе составы огромнаго государственнаго организма съумѣли оправиться въ этомъ отношеніи скорѣе, чѣмъ тѣ части членовъ, которыя лежатъ ближе къ туловищу.

²⁾ Срав. поддѣлки, о которыхъ говорено на стр. 616.

разныхъ трудностей и опасностей, которыя ему противопоставляетъ суровый первобытный характеръ непріютныхъ горъ. Онъ не страшится никакой опасности.

Но заглядывающая вдаль бережливость, забота о запасѣ, о дальнемъ будущемъ, продолжительныя хлопоты, не вызванныя одною лишь неотвратимою необходимостью, ему совершенно чужды. Онъ главнымъ образомъ человекъ, живущій настоящимъ и для наслажденія.

Замѣчательно, что даже неутомимо подвижной вожакъ моего каравана, не страшившійся самыхъ утомительныхъ трудовъ, вдругъ превращался какъ будто въ другаго человека, коль скоро дѣлалась дневка. Страстно прищуривъ глаза, онъ растягивался во всю длину, какъ олицетворенная бездѣльничая лѣнь. Въ это время онъ лишь съ величайшею неохотою отвѣчалъ на вопросы, ворчалъ и начиналъ грубить, совершенно на перекоръ своему обыкновенному характеру. Но въ такомъ родѣ они были всѣ; торговцы же, которые были побогаче другихъ, вели уже совершенно лѣнивую сатрапскую жизнь. Они считали лишнимъ трогаться съ мѣста и тревожили или Тунгусовъ или своихъ жепъ, а сами лежали на мѣстѣ и большею частью спали. Проснувшись, они проводили время въ пріятномъ бездѣльѣ, болтовнѣ, игрѣ въ карты и пированіи въ компаніи. При всемъ томъ я встрѣтилъ между ними двухъ братьевъ, которые дали другъ другу слово не пить крѣпкихъ напитковъ, впрочемъ чрезвычайно практично, только до извѣстнаго срока.

Въ главѣ о Тунгусахъ (стр. 741) мы видѣли деморализующее вліяніе того, что соболья шкура, означавшая тоже, что 25 рублей, являлась монетной единицей въ тунгусской торговлѣ. Когда я сначала подѣхалъ съ копѣчными счетами, то Якутами овладѣлъ явный ужасъ. Это превосходило у нихъ всякое понятіе; на столько не хватало ихъ микроскопъ и когда я сталъ напирать на нихъ, то восклицаніемъ: «да вѣдь я же не стану разрѣзать соболью шкуру» они быстро старались выходить изъ затруднительнаго положенія. Даже кабарговья струн, не говоря уже о бѣличьихъ шкуркахъ, нанизывались на ремни въ большія единицы цѣнности. Чѣмъ ближе мы пододвигались къ предѣламъ распространенія соболя, чѣмъ исключительнѣе бѣличья шкуры составляли главный предметъ охотничьей добычи, тѣмъ болѣе чрезвычайныя особенности въ торговлѣ Якутовъ стали опять отступать на задній планъ, хотя бѣлка, эта наименьшая единица, все-таки еще по стоимости равнялась полтиннѣ.

О сумасбродствѣ, которое это обстоятельство возбуждало въ людяхъ, можно судить не только по сравнительно громаднымъ суммамъ, о которыхъ они говорили шутя, но и по тысячи, двумъ тысячамъ, тремъ тысячамъ рублей долгу, о которыхъ упоминалось вскользь, какъ о самой обыкновенной вещи (срав. стр. 740). Столь-же рѣзко явилось мнѣ неожиданно это сумасбродство съ другой стороны. Первый и притомъ громадный, глубоко втоптанннй въ болото, медвѣжій слѣдъ, встрѣченный мною на Алданскомъ хребтѣ, поразилъ меня колодою картъ, которая тамъ, въ этой безлюдной пустынѣ, лежала въ немъ, какъ бы оправдывая этимъ преданіе о заколдованномъ старикѣ. Колоду эту потеряли проѣзжіе Якуты. Лентяйничанье, бездѣльничанье, кутежи и легкое

наживаніе денегъ посредствомъ охоты и торговли, привели Якутовъ къ карточной игрѣ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я, возвратясь съ развѣдки къ привалу, услышалъ, какъ якутскій торговецъ, громко крича, жаловался на фальшивую игру моего козацкаго урядника: распросивъ о ближайшихъ обстоятельствахъ, я узналъ, что эти два молодца играли въ семерку (S'etteli), да еще не меньше, какъ по 5 руб. очко, такъ что, въ нѣсколько часовъ проигрышъ простирался почти до 200 руб.

Карточная игра завелась у Якутовъ въ прошломъ столѣтіи. Уже въ 1808 году (какъ я совершенно случайно узналъ изъ архивныхъ бумагъ) купецъ Стручковъ, въ числѣ другаго товара, отправилъ 25 дюжины карточныхъ колодъ въ горы, на ярмарку на р. Учурѣ.

Въ одинъ присѣсть проигрывали до 1000 рублей, что не удивительно, когда узнаешь, что бостонъ, отъ полтины до рубля финшъ, считался очень невысокою игрою. Упомянутая же игра въ семерку (S'etteli) игралась по 10, 15, 25 и даже по 100 руб. карта. По этому образцу можно судить о страстности игры. Игра S'etteli, называемая также Kosurdu^{ch}/_k (вмѣстѣ съ тѣмъ это доказываетъ, что игра обязана своимъ происхожденіемъ русскимъ наставникамъ), основана на томъ, что сдающій открываетъ седьмую карту, и она служитъ козыремъ. Непокрытыя карты накаплиются ко вреду того, кто играетъ.

Были также въ ходу игры шаегас (mariage) и biät¹⁾.

Вожаки моихъ оленей также, при всякомъ малѣйшемъ поводѣ тотчасъ предлагали другъ другу бится объ закладъ и ставка у этихъ бѣдняковъ почти всегда была не меньше 10 рублей.

На мои увѣщанія мнѣ всегда возражали: «да чтоже такое? Хорошая охота на соболей, или пожалуй олень-панты, или чернобурая лисица, я и богачъ». Tout compte chez nous.

Когда я рассчитывалъ торговцамъ, какъ велики ихъ доходы и сколько тысячъ они должны бы были имѣть, то они соглашались съ этимъ, а все-таки оказывалось, что ничего не было сбережено. На кутежи и удовольствія уходилъ весь огромный барышъ отъ мѣховой торговли; даже Якутскимъ купцамъ она не приносила настоящей пользы, не смотря на почти 40,000 рублей, которые, по ихъ словамъ, Якуты и Тунгусы въ мое время имъ были должны. Побочныхъ расходовъ было также не мало, потому что прикащикъ, откровенно высказывавшійся, не только платилъ 55 руб. казенныхъ податей, но со включеніемъ этаго заплатилъ всего 220 рублей на убогатореніе разныхъ чиновниковъ.

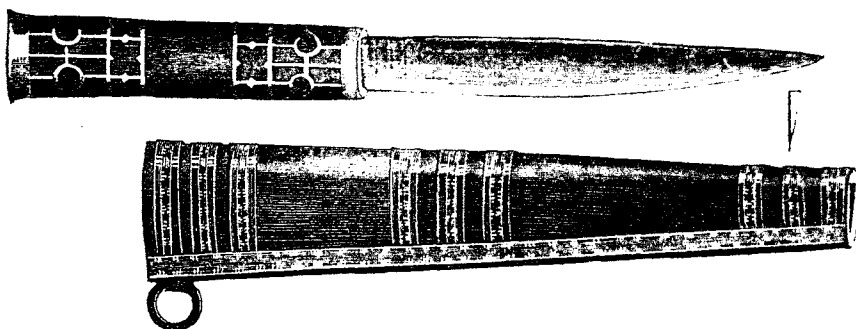
Если мы покинемъ торговый районъ Якутовъ и заглянемъ въ главныя мѣста ихъ пребыванія, то мы поймемъ, что случай, который имъ представился, для развитія торговаго духа, имѣлъ на нихъ не благотворное, а деморализующее вліяніе.

Государству, имѣющему въ виду развитіе доставшійся ему безконечно обширный

¹⁾ Игрныя карты (ojniksch kätty) обозначались отчасти названіями, взятыми съ русскаго, напр. bubnaj, tschierbä, отчасти чисто-якутскими именами: abbiäpnäsch (сердцеобразные наконечники стрѣлъ, т. е. пикн) и tuorä

(поперечное, т. е. трефы), tojonö (король), shotunä (дама), klutä (валетъ); очки, ^{ch}/_k aragä, считаются; только tús²⁾ взято прямо изъ русскаго языка.

Сибирскій край, должны быть особенно дороги свойства осѣдлаго рода, задатки котораго также имѣются въ этомъ даровитомъ народѣ (срав. стр. 759 и 760). Эти-то свойства несомнѣнно ставятъ Якута, умѣющаго справлять тяжелую и продолжительную работу, гораздо выше Еврея, съ которымъ у него, кромѣ торговаго духа и способности къ торговлѣ, одинаковая степень ловкости въ руководѣльныхъ работахъ, равно какъ склонность и способность къ самымъ разнообразнымъ ремесламъ. Якуты хорошіе плотники и камено-

Якутскій ножъ.

тесы. За тѣмъ они дѣлаютъ не только упомянутыя выше рѣзныя, красиво убранныя серебромъ, металлическія издѣлія, какъ напр. поясы, серьги и т. д., но и топоры, рога-тины, ножи, серпы (Chotúr), ножицы, трубки, огнива и т. д., которыя всѣ разукрашены узорами и свидѣтельствуютъ о мастерскомъ исполненіи.

Взглянемъ напр. на изображенный тутъ ножъ, который служитъ Якутамъ какъ для собственной надобности, такъ и для продажи Тунгусамъ. Это приборъ самаго обыденнаго употребленія и самаго простаго свойства. Рѣзныя мѣдныя полоски на пластинкахъ, служащихъ для большей крѣпости ноженъ и свинцовыя спайки, украшающія рукоятку, вмѣстѣ съ тѣмъ придерживающія въ ней клинокъ, ясно указываютъ намъ, каковъ мастеръ, который ихъ изготовляетъ. Но узнавъ, что желѣзо для клинковъ добывается изъ руды самымъ первобытнымъ образомъ тѣмъ-же самымъ Якутомъ¹⁾, что при этомъ два кожаныхъ мѣшка [для сбереженія масла] изъ которыхъ поочередно выпускается воздухъ²⁾, замѣняютъ раздувательный мѣхъ, и что весь приборъ столь-же простъ, чита-

¹⁾ Въ 1839 году въ одномъ Кангазаскомъ улусѣ насчитывались 64 плотника, 90 кузнецовъ и 3 столяра.

Руда добывалась въ двухъ округахъ (Nas'lég'акъ): Хачикатскомъ и первомъ Шемконскомъ. Въ Хачикатскомъ округѣ, на р. Ботамѣ, а именно въ урочищахъ: Даркылахъ, Шестаковскѣ и Кюртагія добывалось въ годъ 1400 пудовъ желѣза. Въ Шемкон-

скомъ округѣ, при рѣчкѣ Лютягѣ, добывалось до 190 пудовъ.

²⁾ Мѣшокъ для масла (S'imir) сшивается изъ полудубленыхъ конченыхъ кожъ. Широкое отверстіе его закрывается двумя пальцами въ родѣ портмоне. Соединивъ обѣ палки, переложивъ ихъ черезъ третью палку и за тѣмъ связавъ ихъ, Якутъ получаетъ совершенно

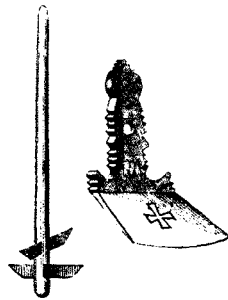
тель навѣрное не преминетъ признать даровитость этого народа¹⁾. Это признаніе еще усилится, когда мы при ближайшемъ разсмотрѣніи узнаемъ, какъ показываетъ изображенный разрѣзъ клинка, что при изготовленіи этого клинка только одна плоскость его направляется подъ острымъ, другая же подъ прямымъ угломъ къ клинчному хребтику, на подобіе рѣзака на нашемъ рубанѣ. Въ связи съ этой уловкой и при помощи изображенной на стр. 721 деревяшки, чрезвычайная гибкость, которую Якутъ умѣетъ придать клинку своего ножа, въ состояніи замѣнить ему множество разнообразныхъ инструментовъ. Надобно напр. сдѣлать чашку, Якутъ тотчасъ-же сгибаетъ ножикъ свой обѣ стволъ дерева въ видѣ дуги, и съ руки, прежде чѣмъ успѣешь оглянуться, вытаскиваетъ чашку изъ дерева лиственицы.

Потребуйте, чего хотите, Якутъ все смастеритъ: чайникъ ли, или болѣе сложный самоваръ, или винтовку съ нарѣзнымъ дуломъ и съ замкомъ.

Что бы онъ ни вырѣзалъ, во всемъ у него особый шикъ: будетъ ли это столь-же удобная, какъ простая, но все-таки красивая рыбная ложка (либировка), которую онъ дѣлаетъ для Русскаго, или большая ступка для толченія, которая также

быть зацеplена обоими колѣнами, и придѣлывается къ ней ручку. Другой, живущій въ затопляемыхъ низменностяхъ, гдѣ нѣтъ пней, но есть много ивъ, осуществляетъ идею (см. фигуру справа), возможную только на полюсѣ крайней стужи, гдѣ какъ разъ чловѣкъ этотъ живетъ. Сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ корзина скрѣпляется сверху и снизу деревяннымъ обручемъ, а промежутки замазываются тѣстомъ изъ глины и лошадиного помета. За тѣмъ вся штука эта, будучи нѣсколько разъ опущена въ воду, покрывается толстою, крѣпко пристающею, ледяною глазурью и вотъ готовъ стекловидный сосудъ, глазурь котораго, какъ только пожелаєте, можетъ быть возобновлена.

Совершенно другую форму имѣетъ ступка для нюхательнаго табаку, Melliere; но оригинальнѣе всего, кажется, придумана ея соперница, которую изображаетъ послѣдній

Мutowka (по якутски тывъ)
и рыбная ложка.

дѣлается изъ дерева. Помѣстивъ на слѣдующей страницѣ рядомъ четыре рисунка этого столь простаго, но необходимаго для Якута, прибора, нельзя не согласиться, что тутъ не можетъ быть рѣчи о механической подражательности. Вездѣ проглядываетъ своеобразность. Одинъ, вырѣзая себѣ ступку изъ дерева, устраиваетъ ножку ея (см. рисунокъ съ лѣвой стороны) такъ, что она удобно можетъ

плотный мѣшокъ. Въ такомъ мѣшкѣ превосходно сохраняется якутское масло, которое отъ времени до времени освѣжается холодною водою. Кромѣ того онъ такъ плотенъ, что достаточно вставить трубку, поставить рядомъ два мѣшка и поочереднымъ выдавливаніемъ воздуха замѣнить раздувательный мѣхъ. При приподни-

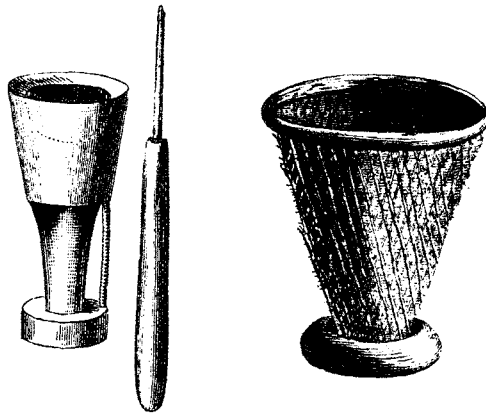
маніи мѣшка отверстіе его немедленно широко раскрывается.

¹⁾ Мою байдару я сдѣлалъ также при помощи двухъ Якутовъ, имѣвшихъ случай раздѣлать на такихъ судахъ въ бывшихъ владѣніяхъ нашей Северо-Американской компаніи.

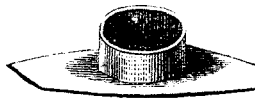
рисунокъ. Кито-
вый позвонокъ вы-
долбленъ шаро-
образно. Такъ какъ
стѣнки его, подоб-
но отвердѣвшей
губкѣ, по всѣмъ
направленіямъ не-
пещрены черво-
образно извиваю-
щимися трубчаты-
ми ходами разнаго
рода, то позвонокъ
представляетъ ше-
роховатую поверх-
ность, напоминаю-
щую поверхность
лучшихъ прирейн-
скихъ жернововъ,
приготавливаемыхъ
изъ лавы. Главная
польза отъ выбора
такого, притомъ
чрезвычайно лег-
каго на вѣсъ, по-
звонка, мнѣ стала
понятна лишь по-
слѣ долгаго зна-
комства съ нимъ,
довольно забав-
нымъ образомъ.
При коммунисти-

нующекъ. Уменьшить достоинство послѣднихъ не могло даже то обстоятельство, что
губчатость ступки, для устраненія слишкомъ большой бережливости ея, была набита
самыми сильными порціями золы, прежде чѣмъ дѣлю доходило до растиранія табака.

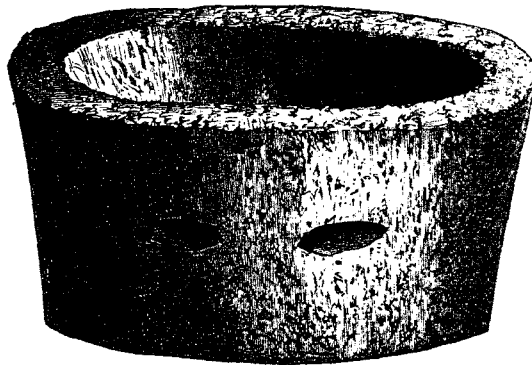
Что Якутъ все еще не помышляетъ серьезно объ осѣдлости, это съ перваго-же
раза доказываетъ зимнее его жильё. Взглядъ на послѣднее, при нѣкоторомъ знакомствѣ

по якутски Епег¹⁾.

по якут.: Melliere.

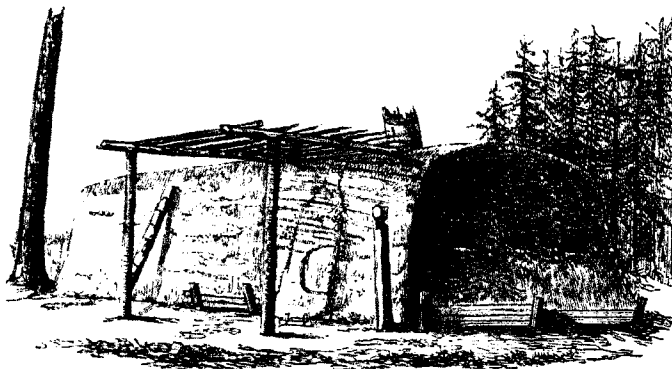
ступка изъ ягюваго позвонка.

Ступки разнаго рода.

ческихъ поряд-
кахъ, существую-
щихъ среди перво-
бытной природы,
табачные запасы
мало по малу со-
вершенно истоща-
лись, такъ что
страстные нюхаль-
щики приходили
въ отчаяніе. То-
гда эта позвоноч-
ная ступка усерд-
но должна была
выручать ихъ изъ
бѣды. Цѣлья не-
дѣли сряду, во вре-
мя ночныхъ при-
валовъ, ее слегка
постукивая, воро-
чали надъ подстав-
кою по всѣмъ воз-
можнымъ направ-
леніямъ, цѣлья не-
дѣли сряду зага-
дочно изогнутые
меандрообразные
ходы въ стѣнкѣ
ступки снова вы-
пускали изъ себя
при этихъ прие-
махъ нѣсколькопо-

¹⁾ Ступка, изображенная съ правой стороны, называется также, говорятъ, Keli.

съ остальнымъ бытомъ этого народа, долженъ возбуждать подозрѣніе, что этотъ народъ нѣкогда прибылъ сюда изъ болѣе южныхъ странъ, что онъ когда-то

Зимнее жилище бѣднаго Якута.

его, а удовольствовался только расширеніемъ его ¹⁾.

Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вмѣсто горизонтальнаго) положеніи бревенъ. Это даетъ возможность употреблять молодой лѣсъ (не болѣе $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фута въ стойкѣ) и облегчаетъ рубку, отеску и подвозку лѣса. Такой способъ постройки рассчитанъ на силы одиноко живущаго Тунгуса, у котораго нѣтъ ни лошадей, ни воловъ для подвозки бревенъ, и который помышляетъ о томъ, какъ бы ему при удобномъ случаѣ спокойно покинуть свое жилище.

Шесть отвѣсно впущенныхъ въ землю, но нѣсколько наклоненныхъ во внутрь, столбовъ, изъ которыхъ четыре по угламъ, а два, на футъ длиннѣе прочихъ, по срединѣ, составляютъ главный остовъ; лежащее поперекъ обонхъ среднихъ столбовъ, прикрѣпленное шипами бревно придаетъ всему стойкость, и отъ него идетъ бревенчатая рама, соединяющая между собою свободные концы всѣхъ столбовъ. Къ этой рамѣ приставляются столбы какъ можно плотнѣе одинъ къ другому и составляютъ стѣну; другіе, положенные сверху, образуютъ слегка покатыи потолокъ, исполняющій вмѣстѣ съ тѣмъ роль крыши. Все это обмазывается смѣсью изъ глины и помета отъ лошадей да рога-таго скота, и обсыпается землей, зимою же прибѣгаютъ къ прекрасному матеріалу, снѣгу, для лучшаго удержанія тепла, предварительно покрывъ подстилку замерзающею водяною поливою. съ тѣмъ, чтобы чрезъ нее не сочился тающій въ концѣ зимы снѣгъ.

Для вставки оконныхъ ледяныхъ глыбъ оставляютъ одно или нѣсколько отверстій, величиною не болѣе квадратнаго фута. Слюду рѣдко встрѣчаешь, но при уменьшеніи холода, въ оконное отверстіе вставляется, чрезвычайно практично, плотно сплетенная изъ конскихъ волосъ сѣтка; она употребляется въ теченіе лѣтней половины года, пропускаетъ воздухъ и удерживаетъ комаровъ. Дверь болѣею частью была также не болѣе двухъ футовъ въ квадратъ. Столь-же просто устроенъ каминъ, состоящій изъ стѣнки

жили въ кибиткахъ, но подлѣ полюсомъ, вслѣдствіе сильнѣйшей стужи, бросялъ ихъ, и перенялъ у Тунгусовъ ихъ зимнее жилище, *Ūtān*, но не передѣлалъ

¹⁾ На сѣверѣ они усвоили себѣ русскій блокгаузъ. Срав. стр. 761.

отвѣсныхъ, но кверху нѣсколько отогнутыхъ назадъ, столбовъ, которые глиняною обмазкою, скрѣпленною посредствомъ вставленныхъ въ нее камней, предохраняются отъ возгоранія. Такъ какъ передъ этой односторонней, лишь въ $2\frac{1}{2}$ фута ширины, но согнутой въ полутрубу, стѣной, которая наверху становится дымовой трубой, стоитъ глиняный въ футъ вышины ящикъ, на которомъ полѣнья ставятся отвѣсно къ стѣнѣ, то дерево горитъ превосходно и при окончѣвшихъ членахъ ничто на свѣтѣ не можетъ сравниться съ ярко пылающимъ огнемъ такого громко трещащаго, хорошо обставленнаго камина.

На южномъ скатѣ Становаго пограничнаго хребта встрѣчается даже примѣненіе взятаго у Гиляковъ принципа провода трубы посреди идущаго вокругъ стѣны глинянаго прилавка, которая долѣе удерживаетъ тепло. Это, какъ мы сказали, заимствованная задача, тогда какъ первоначально къ такому жилью принадлежитъ только холодный прилавокъ, для спанья, идущій вдоль стѣны. Такой прилавокъ встрѣчается повсюду, вплоть до самаго глубокаго сѣвера и очевидно былъ вызванъ не только потребностью сидѣть и лежать, но главнымъ образомъ чрезвычайно разнообразными климатами внутри самого строенія. Не рѣдко разница между температурой на полу и температурой подъ потолкомъ бываетъ въ 50—60 градусовъ Цельсія. Когда привстанешь, то легкія задыхаются отъ жары, а ноги зябнуть. Не рѣдко начинаешь спать на полу, безъ одежды, растянувшись на шкурѣ сѣв. оленя, и все-таки обливаешься потомъ. Пробираешь встать, но падаешь отъ чада. Вскорѣ въ просонкахъ начинаешь прикрываться, потомъ невольно взберешься на прилавокъ, гдѣ опять приходится сбросить одежду. Утромъ же васъ не защититъ уже никакая шуба, и только пылающій каминъ въ состояніи согрѣть окончѣвшие члены.

Такія постройки я засталъ еще посреди прославленнаго села Амгипска, хотя для тамошнихъ русскихъ поселенцевъ, для священника и казаковъ были построены удобные русскіе блокгаузы. Напротивъ того, само собою разумѣется, что Якуты, у котораго есть скотъ, все болѣе и болѣе расширяетъ свое жилье, потому что рогатый скотъ, не привыкшій къ сѣверной зимѣ, ему приходится пристраивать въ своемъ жильѣ, т. е. по нашему въ своей комнатѣ. Непривычнаго къ такимъ порядкамъ Европейца ночью часто будить возня животныхъ. Повсюду происходятъ взрывы.

Передъ домомъ оставляютъ нѣсколько несрубленныхъ деревь, къ которымъ привязываютъ лошадей. Вскорѣ дерево засыхаетъ; его срубаютъ въ ростъ человѣческой и столбъ готовъ; часто впрочемъ къ нему придѣлываютъ рѣзную головку. Этимъ не ограничивается употребленіе деревь, на томъ мѣстѣ, гдѣ сооружается постройка. Внутри строенія встрѣчаются то столы на стволахъ, сидящихъ корнями еще въ землѣ, то колыбели, висящія между высокими обрубками и т. д. Возлѣ строенія весною возвышается высокій валъ изъ выволоченнаго помета.

Несравненно уютнѣе бываетъ лѣтомъ въ просторныхъ, прохладныхъ и довольно красиво сдѣланныхъ изъ бересты шалашахъ (Uros'á), которыя сооружаются посреди при-

вѣтливой мѣстности, на хорошихъ настищахъ, вдали отъ зимняго мѣстопробыванія, такъ какъ окрестности послѣдняго приходится тщательно оберегать отъ пастбы. Длинную выросшую траву животныя легко разгребаютъ подъ снѣгомъ, потому что запасы сѣна Якутъ заготавливаетъ, какъ мы уже замѣтили, только для рогатаго и молодаго скота (срав. стр. 547).

Это упоминаніе объ Якутахъ, въ качествѣ скотоводовъ, — а такими этихъ первоначальныхъ пастуховъ стали дѣлать неблагоприятныя условія полярнаго климата — это упоминаніе, говорю я, приводитъ насъ къ естественному главному назначенію этого народа въ отношеніи къ государственному хозяйству Сибири. Возвращаясь снова къ прежнему сравненію его съ Евреями (см. стр. 773), мы приходимъ къ такимъ качествамъ Якутовъ, по которымъ они стоятъ несравненно выше Евреевъ и потому тѣмъ болѣе заслуживаютъ полнаго вниманія правительства.

При значительной иниціативѣ и ассимиляціонной силѣ Якутовъ, о которой мы говорили уже выше (стр. 767), этотъ даровитый народъ обладаетъ такою необыкновенною способностью принаравливаться къ естественнымъ условіямъ и къ обычаямъ другихъ странъ и другихъ народовъ, что въ этомъ отношеніи онъ составляетъ полнѣйшую противоположность къ неподвижному національному характеру Евреевъ, которые вездѣ такъ долго остаются одними и тѣми-же. Среди первобытныхъ порядковъ тунгусскихъ или самоѣдскихъ, Якутъ въ самое короткое время становится Тунгусомъ или Самоѣдомъ, но не останавливается на этомъ превращеніи или не погрязаетъ въ немъ, а напротивъ вскорѣ въ этомъ новомъ своемъ качествѣ начинаетъ превосходить другихъ. Желѣзное, закаленное тѣло его позволяетъ ему браться за любую работу въ новой его обстановкѣ, а превосходство его изворотливаго, живаго ума вскорѣ возвышаетъ его надъ этой обстановкой. Мирно властвуя надъ пріотившими его, онъ въ скоромъ времени начинаетъ эксплуатировать ихъ. Являясь среди Русскихъ, онъ вскорѣ пріучается возвышаться до ихъ уровня; за тѣмъ, благодаря своему знанію людей и хитрости, быстро подмѣчаетъ ихъ слабости и тотчасъ-же ловко принаравливается къ новымъ условіямъ. Какъ только онъ попадаетъ подъ гнетъ чиновнаго взяточничества, такъ онъ съ замѣчательною быстротою осваивается со всею грязью оффиціальнаго бумажнаго прикрывательства и надувательства, знакомится съ тонкостями разныхъ формальностей и дѣловаго хода, эксплуатируетъ взяточничество и, подъ самолюбивымъ руководствомъ своихъ пастѣдственно посвященныхъ во все это наставниковъ, становится однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ кляузниковъ и крючкотворовъ. Немало удивился я, когда Тунгусъ въ дебряхъ Становаго хребта сталъ спрашивать моего совѣта, хорошо ли составлена бережно припрятанная бумага, которую онъ предъявлялъ. Это было прошеніе, написанное для Тунгуса Якутомъ города Якутска среди глуши Амурскаго края, обращенное ни къ кому иному, какъ прямо къ министру государственныхъ имуществъ, въ лежащей за десять тысячъ верстъ столицѣ, и начинавшееся словами: «Съ тѣхъ поръ какъ Якуты имѣютъ счастье находиться подъ скипетромъ Русскаго» и т. д. Отсюда видно, что Якуты несправедливо под-

ведены подъ приравленные къ дѣтскому состоянію особые законы, изданные для кочующихъ народовъ, а могли, и даже должны бы были подчинены общимъ узаконеніямъ государства.

Упомянутыя нами способности поддерживаются такимъ терифіемъ, что мы встречаемъ Якутовъ во главѣ какъ земледѣлія, такъ и скотоводства Сѣверной Сибири. Имъ удалось даже пробраться за предѣлы успѣшнаго развитія этихъ двухъ отраслей промышленности, еще дальше къ сѣверу, и вездѣ дѣла ихъ идутъ хорошо.

Въ какомъ бы плохомъ видѣ ни находилось тамъ земледѣліе — въ отдѣлѣ «Растительность Сибири» (стр. 676, Прибавл. I, стр. III; Прибавл. II, стр. VII) мы изложили это на сколько могли¹⁾ — не слѣдуетъ упускать изъ виду двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, Якуты въ первобытныхъ, болѣе южныхъ мѣстахъ пребыванія своего едва-ли когда-либо воздѣлывали землю, а во вторыхъ, имъ приходится въ настоящее время дѣлать опыты земледѣлія при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, подъ полюсомъ самой суровой зимней стужи, въ ледяной почвѣ, промерзшей на значительную глубину и никогда не оттаивающей. Будучи родомъ изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ даже первобытный человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться для насъ образцомъ по части орошенія земли, Якуты проявляютъ свое умѣніе приравливаться къ обстоятельствамъ, тѣмъ, что здѣсь напротивъ того, выпускаютъ воду изъ озеръ (см. напр. Растительность Сибири, Прибавл. II, стр. VII; Прибавл. IV, стр. XXI, XXIII и т. д.).

Съ другой стороны Якуты-же, въ качествѣ пастуховъ, сумѣли распространить лошадь до береговъ Ледовитаго океана, и притомъ на самомъ крайнемъ сѣверо-востокѣ (стр. 535)²⁾, тогда какъ въ болѣе теплой Западной Сибири правительство лишь при помощи жертвъ успѣло, не говорю водворить лошадь подъ полярнымъ кругомъ, а только выдвинуть на столько въ качествѣ добытаго издалека упряжнаго животнаго.

И съ рогатымъ скотомъ Якуты являются на крайнемъ полярномъ предѣлѣ скотоводства, а это имъ удалось только благодаря тому; что они мало по малу изъ пастуховъ сдѣлались скотоводами³⁾. Сдѣлались же они скотоводами въ полномъ смыслѣ этого слова съ тѣхъ поръ, какъ со скотомъ своимъ пробрались въ такія неприютныя мѣстности, гдѣ

1) Въ мое время Якуты сѣяли въ воздѣланныя земли по 10 пуд. ячменю на десятину, а въ слѣдующіе годы по 8 пудовъ. Одинъ изъ нихъ собралъ напр. въ 1842 году съ 21 пуда посѣва 300 пудовъ, а въ 1843 году съ 8 пудовъ посѣва 100 пудовъ ячменю, не смотря на множество сарапчи (якут. as'uyngá). За два года до моего пріѣзда собрано было 20-е зерно, а три года раньше, слѣдовательно около 1839 года, не удалось даже собрать посѣва.

Въ Амгинской слободѣ въ мое время платили рабочему по 25 руб. въ годъ; 10 руб. за зиму.

2) О важномъ значеніи коневодства у Якутовъ нами говорено на стр. 769.

Въ Верхоянскомъ округѣ въ 1859 году лошадь стоила Миддепдорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

только отъ 20 — 40 руб. асс.: въ Якутскѣ въ 1844 году уже 35 — 40 руб.; въ Кангаласскомъ улусѣ, въ 1859 году, лошадь, которая шла на убой, дѣлилась на пять частей или «мѣсть» и каждое мѣсто продавалось по 4 руб. сер. Въ Айтанскомъ наслегѣ лошадь стоила въ то время 15 руб. сер.

3) Для сравненія съ мѣрами, сообщенными на стр. 532 въ примѣчаніи, помѣщаю тутъ измѣренія тѣла якутской коровы на р. Билирѣ, въ Алдаскихъ горахъ:

Высота у холки	53"
» » крестца	49"
Вся длина	75"
Отъ холки внизъ до груди, какъ разъ между передними ногами	33".

имъ приходится заботиться о своевременномъ заготовленіи какъ зимняго жилища, такъ и запасовъ сѣна на зиму, да еще по 100 пудовъ и даже болѣе на каждую скотину¹⁾, при чемъ само собою разумѣется, какъ это дѣлается во всей Сибири, за косу принимаются только тогда, когда грава доходить человѣку по крайней мѣрѣ до половины бедра.

Такъ какъ возка сѣна зимою по временамъ причиняетъ имъ много хлопотъ, то они предпочитаютъ устройство, сверхъ главнаго жилища своего, еще нѣсколькихъ другихъ палатокъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находятся самые лучшіе запасы сѣна. Они перебираются туда съ своимъ скотомъ и стараются извернуться, какъ могутъ.

Не смотря на такія затрудненія, скотоводство ихъ довольно значительно²⁾ и, кромѣ мяса, молоко и масло составляютъ весьма существенную часть ихъ пищи³⁾ и сбыта.

Вслѣдствіе очевидныхъ выгодъ, доставляемыхъ скотоводствомъ, уже и въ мое время нѣкоторые Алданскіе Тунгусы начали слѣдовать хорошему примѣру и въ особенности на верховьяхъ Ман стали заниматься скотоводствомъ, такъ какъ хлѣбопашество въ Амгинскѣ доставляло имъ по сноснымъ цѣнамъ необходимое для того количество зерноваго хлѣба. Но они не успѣли еще пройти школу горькихъ опытовъ, которую прошли Якуты, прежде чѣмъ научились совладать съ препятствіями. Мнѣ самому привелось встрѣтить Тунгуса, которому удалось развести 30 штукъ рогатаго скота, пока весною, когда я проѣзжала, напоръ льда, запрудившаго Алданъ, внезапно не унесъ всего. Въ нѣсколько часовъ погибли плоды многихъ лѣтъ; разбогатѣвшій прогрессистъ вдругъ сдѣлался бѣднякомъ и нищимъ. Проложить путь прогрессу, благоденствовать пѣонеромъ, вовсе не такъ легко, какъ иному, можетъ быть, кажется.

Присоединимъ къ нашимъ замѣткамъ о скотоводствѣ Якутовъ, нѣсколько сообра-

¹⁾ По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ бывшимъ Якутскимъ губернаторомъ, другомъ моимъ, тайнымъ совѣтникомъ докторомъ фонъ Штубендорфомъ, въ 1839 году косили сѣна въ наслегѣ Сасыль до 37 пудовъ, въ наслегѣ Игидей до 81 пуда, въ наслегѣ Байгантай до 103 пудовъ на каждую скотину. Кромѣ того они заготовляли запасы сѣна для жеребятъ, равно какъ и для лошадей, которыхъ рано въ году приходилось готовить къ дальнимъ транспортнымъ походамъ.

²⁾ Въ наслегѣ Игидей считали на семейство по 42, въ наслегѣ Ожекѣно-Богорѣвъ по 39, въ наслегѣ Сасыль по 19 штукъ рогатаго скота.

Быкъ цѣнился въ Верхонскомъ округѣ въ 13 — 20, корова въ 13 — 16 руб. асс.; въ наслегѣ Айтанъ штука цѣнилась въ 10 руб. сер., пудъ мяса въ 60 — 90 коп.

³⁾ При такихъ затруднительныхъ условіяхъ якутская корова свѣждойная даетъ 3 и не болѣе 6 литровъ въ день. Доятся коровы только съ мая до октября и не далѣе ноября и весь удой можно разсчитать лучше всего потому, что бѣднѣйшіе Якуты Мегинскаго улуса принимаютъ дойныхъ коровъ отъ богатыхъ съ тѣмъ усло-

віемъ, что они обязываются во время пописа до 1-го октября внести хозяину 30 фунтовъ масла и подбочки (Chas'as), т. е. 8 — 10 пудовъ простокваши (Tag). Самихъ себя они содержатъ на счетъ остающагося излишка, кормятся имъ и сверхъ того заготавливаютъ запасы на зиму.

Пудъ топленаго масла стоитъ у Якутовъ (Кангаласкаго и Мегинскаго улусовъ) отъ 3 — 4 руб.; пудъ такъ называемаго якутскаго масла, содержащаго много сырыхъ частей (Chas'ach) 1¹/₃ руб.; полубочка простокваши 1¹/₂ — 2 руб.; литра молока (Besmep, т. е. 2¹/₂ фута) 1¹/₂ коп.

Отъ кобылъ Якуты постояннымъ доеніемъ добываютъ, смотря по обстоятельствамъ, столько-же молока, сколько отъ коровъ. Якуты убѣрали меня даже, что можно довести дѣло до ведра въ день. Но это достигается только частымъ доеніемъ. Обыкновенно доятъ отъ 3 до 6 разъ въ день. Если здоровыя кобылы стоятъ на жирномъ, спокойномъ, огороженномъ травяномъ мѣстѣ, то ихъ доятъ до 8 разъ въ день, и только вечеромъ допускаютъ жеребенка къ сосцамъ.

женій о ихъ способѣ пропитанія, и воздадимъ при этомъ случаѣ должное уваженіе тому неожиданному обстоятельству, что тотъ самый Якутъ, который не гнушается ни попортившагося мяса, ни самаго затхлаго творогу, ни невыносимо прогорьклаго якутскаго масла, умѣетъ отличать самыя мелкіе отгѣнки разныхъ сортовъ чая. Во время нашихъ переходовъ Якутъ, гостившій у насъ, замѣтилъ: «этотъ чай хуже вчерашняго». Топографъ мой и я, мы ничего не замѣтили, но этотъ парень былъ правъ; оказалось, что вмѣсто пачки въ 7 руб. за фунтъ начата была новая пачка по 6½ руб. При всемъ томъ они готовятъ приправу изъ *Eriofolium*'а, но употребляютъ ее только въ крайнемъ случаѣ¹⁾.

Количество годовыхъ припасовъ богатаго якутскаго семейства заключается, по общеннымъ мнѣ свидѣніямъ, въ слѣдующемъ:

Фамильнаго чаю.....	20 до 30 фунтовъ
Бѣлаго сахару.....	40 » 80 »
Водки.....	5 (и болѣе) ведеръ
Копишы.....	30 пудовъ и болѣе
Коровьяго мяса.....	20 до 30 пудовъ
Масла { топленнаго.....	10 » 15 »
{ якутскаго.....	5 » 7 »
Творогу-простокваши...	25 пудовъ.

Сверхъ того еще уловъ рыбы, охотничья добыча и т. д.; рѣдко мука²⁾.

Въ бѣдныхъ же якутскихъ семействахъ мы уже находимъ меньшую степень раздолья, какая не замѣчалась у коренныхъ жителей, разсмотрѣнныхъ нами прежде. Улучшеніе культурнаго быта, заставляющее заводить съ трудомъ запасы на зиму, приводитъ Якута изъ прежняго состоянія первобытныхъ коммунистическихъ порядковъ къ той роковой разницѣ въ удобствахъ образа жизни, которая постоянно встрѣчается на западѣ. Разсматривая образъ жизни бѣдныхъ якутскихъ семействъ, я вспомнилъ, что имъ, равно какъ Тунгусамъ и Самоѣдамъ, могли бы очень пригодиться паппіанскіе горшки, для лучшаго употребленія суррогатовъ муки, и остатковъ отъ закалываемыхъ

1) Вслѣдствіе употребленія чая у Якутовъ вошли въ честь разные настои.

При непродолжительности моего пребыванія у нихъ мнѣ удалось замѣтить только, что настой на папоротникѣ (*kawäl*) давали съв. оленямъ, когда они смотрѣли уныло и казались больными. Овъ же хорошо помогаетъ, говорятъ, человѣку противъ хроническаго кашля. — *Luscorodium* же употреблялся только для вытиранія посуды.

Настой на травѣ, которая по тунгусски называется *Tschukuktä*, употребляется при ранахъ, опухоляхъ

и ушибахъ. Настой медвѣжьей печени, заваренной на кипяткѣ, принимается противъ боли въ печени, равно какъ и медвѣжья желчь, а еще гораздо охотнѣе, желчь отъ дикой овцы.

2) Въ Кангаласскомъ улусѣ продавали пудъ ячменя по 40 коп., пудъ пшеницы по 1 руб. Смолотымъ это зерно продавалось 20-ю копейками дороже съ пуда, такъ какъ употребляются только ручныя мельницы.

Пудъ нельмы или тайменя стоилъ отъ 1½ до 1¾ рубля.

животных, хотя при этом и такъ пропадаетъ очень мало. Но даже въ Европѣ эта полезная посуда еще не успѣла распространиться.

Соотвѣтственно тому, что сказано выше, добавочная ѣда богатаго Якута становится главною пищею бѣдняка и такъ какъ даже богачъ рѣдко употребляетъ муку, то бѣдняку приходится довольствоваться суррогатами, которые ему представляютъ главнымъ образомъ сосновая кора, и сверхъ того разные дико-растущіе корни.

Сосновая кора употребляется двоякимъ образомъ: отчасти толченою на крупноподобныя крохи¹⁾ — Jögä —, отчасти въ видѣ муки²⁾ — Ady'ı —. Въ годъ бѣдное якутское семейство употребляетъ до 10 пудовъ крупъ перваго рода и до 6 пудовъ муки изъ сосновой коры; сверхъ того еще необходимо нужны двѣ полубочки творогу-простокваши.

Пища изъ сосновой коры, которая совѣтъ не дурна на вкусъ, готовится слѣдующимъ образомъ. Въ глиняный сосудъ, вмѣщающій въ себѣ около ведра воды, кладутъ 1½ фунта Jögä, ½ фунта Ady'ı, 3 фунта творогу, если возможно паливаютъ еще ½ фунта прѣснаго молока, а для сгущенія и лучшаго вкуса прибавляютъ 3 щепотки муки Undshulä³⁾, все это хорошенько перемѣшиваютъ и варятъ съ водою. Счастливы тотъ, кто можетъ подбавить муки, отъ которой кушанье становится вкуснымъ Butugas'омъ. Изъ коры лиственницы или, правильнѣе, изъ заболони этого дерева, также готовится мука, хотя и рѣже.

Корки эти толкутся въ ступкахъ разнаго рода (стр. 779) и, замѣшивая ихъ, главнымъ образомъ нужно прилежно разбалтывать похлебку. Но этому у Якутовъ встрѣчаются мутовки всѣхъ возможныхъ формъ; если онѣ слѣданы изъ дощечки, то всегда просверливаются дырочки самымъ практичнымъ образомъ.

Вожатый нашего каравана и его помощники питались главнымъ образомъ мучною похлебкою. Неполюную горсть сала на человѣка распускали въ небольшомъ количествѣ воды, къ которому потомъ подмѣшивали добрую горсть муки, прибавляли опять воды и снова варили. Если къ этому удавалось добавлять вяленое на морозѣ мясо, то оно придавало кашницѣ вкусъ, крѣпость и цвѣтъ.

Овощами и пряпостями служили: кислица (kislä), дикій лукъ и луковницы, которые назывались хрѣномъ. Русскія названія ихъ очевидно доказываютъ, что Якуты стали употреблять эти овощи лишь недавно.

Въ кашу эту подбавляли также ягоды разнаго рода.

¹⁾ Толкутъ ее въ большихъ ступкахъ, изображенныхъ на стр. 779. Эту крупу называютъ также, говорятъ, Кугвашик.

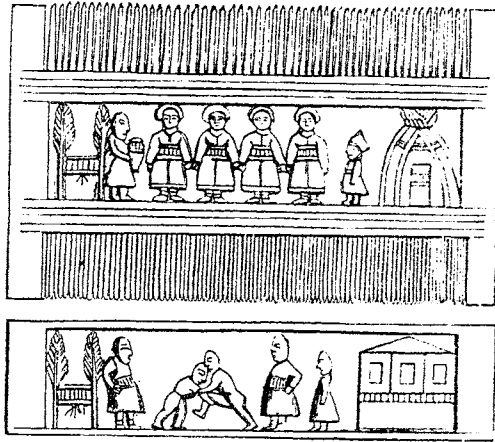
²⁾ Для помола употребляются ручныя мельницы, изъ которыхъ въ день можно смолоть отъ 25 до 40 фунтовъ ячменя.

³⁾ Это растеніе называется также Kjöı as'ä (озерная пища) и, судя по описанію, можетъ быть корневищемъ Nymphaea. Кромѣ этихъ корней Якуты называли явѣ еще другіе нигательно-съѣдомые корни, какъ-то:

1) Ymyjäch, 2) Butä, 3) Makaarschin (вѣроятно известная макарша), которые они ѣдятъ и сырыми и вареными, но Makaarschin почти только какъ лекарство, противъ поноса; 4) Chogün (вѣроятно сарана); они любятъ варить его въ молокъ, которое становится отъ того мучнистымъ. Его выкапываютъ изъ мышинныхъ норъ, 5) Тунгусы рассказывали мнѣ еще о корнѣ Scheniklä, котораго Якуты не знали подъ этимъ названіемъ. Не есть ли это какой-нибудь видъ oxytropis?

Но апогеемъ всѣхъ наслажденій языка и утробы является божественная пища саламатъ. Приготавливается она очень просто: въ котлѣ распускаютъ масло, по немногу подбавляютъ муки, постоянно мѣшая ее, все это порядкомъ жарятъ, и наконецъ, не переставая мѣшать, до тѣхъ поръ подбиваютъ кипятку, пока вся каша не получитъ двойнаго объема. Тогда чудесная пища эта готова. Но иногда мнѣ казалось, что людямъ этимъ чистое топленое масло нравилось все-таки еще больше; притомъ извѣстно ¹⁾, что Якуты не прочь за одинъ присѣтъ съѣсть съ пудъ топленого масла. Саламату конечно

врядли столько можно съѣсть. Видѣлъ я также Якутовъ, которые вдоволь наѣвшись саламату, клали остатокъ въ горячій чай, такъ что масло выдѣлялось, плавало сверху и за тѣмъ могло быть спущено съ усладительнымъ чаемъ, осаждая на днѣ муку, уже не умѣщавшуюся въ утробѣ.

Мамонтовый гребень съ изображеніемъ празднествъ.

яго языка; 7) коровьей почки и вымени, жареныхъ въ маслѣ; 8) саламата.

Такая роскошь, усиленная серебряными ложками и фарфоровою посудою, рѣзко контрастируетъ съ грязнымъ приготовленіемъ кушанья и съ окончательнымъ облизываніемъ (на манеръ усердныхъ собакъ) посуды, а въ особенности котла, въ которомъ потомъ исчезаетъ вся голова.

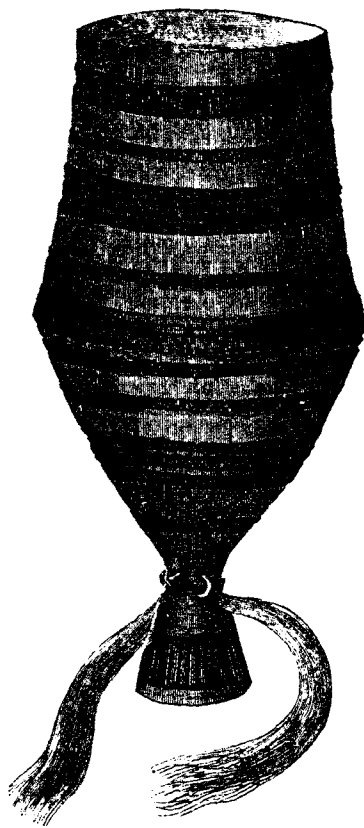
У другаго богатаго Якута дѣло происходило болѣе въ стилѣ первобытномъ: за рыбой слѣдовали олени языки, за тѣмъ оленья губа, потомъ конина и наконецъ саламатъ.

О передаваемомъ Гмелнымъ обычаѣ якутскихъ отцовъ съѣдать, какъ лакомство, послѣдъ собственнаго новорожденнаго ребенка, уже не знали болѣе. Все-же Европейцу не могъ не быть противенъ способъ, какъ они убивали убойный скотъ: не смотря на строжайшее запрещеніе, объявленное именнымъ Высочайшимъ указомъ, и въ мое время животному живо распарывали животъ, запускали въ него руку, хватали аорту и сжимая, да переворачивая ее, убивали животное. Говорили впрочемъ, что животныхъ иногда закалывали заостренной палкой, а иногда задушали посредствомъ притягиванія къ дереву, смотря по мѣстнымъ обычаямъ.

¹⁾ Уже Эрманъ, Гейне (Expedition, III, 1857, стр. 33) и другіе говорятъ объ этомъ.

Обѣдъ, которымъ меня угостилъ богатый якутскій торговецъ, состоялъ изъ: 1) горшка густыхъ и желтыхъ вареныхъ сливокъ; 2) замороженныхъ сливокъ; 3) кусочковъ замороженнаго масла, составлявшихъ особое блюдо; 4) вареной рыбы; 5) масла, распущеннаго въ кипятокъ; 6) глухаря и оленья

Такъ какъ лѣтнее время я провелъ опять среди Тунгусовъ, то мнѣ не удалось принять участіе въ извѣстныхъ якутскихъ празднествахъ и пирушкахъ, изображенныхъ на предыдущей страницѣ на барельефахъ художественнаго произведенія, сдѣланнаго Якутомъ изъ мамонтовой кости. Кромѣ любимыхъ въ Средней Азіи единоборствъ и скачекъ, эти празднества, поясненныя ниже сообщенными хоровыми пѣснями, главнымъ образомъ сводятся на непомѣрное употребленіе кобыльаго молока. Кумысъ, который подносится въ изображенный, сценъ, распивается изъ огромныхъ, въ нѣсколько литровъ, кружекъ, красно вырѣзанныхъ изъ лиственничнаго дерева. Такую кружку, подобно древнимъ рогамъ для питья, приходится осушать до дна, потому что ножка ея, которую скорѣе можно назвать ручкой, не служитъ кружкѣ твердой подставкой. Ручка обвязана имѣющимъ особое значеніе воло- товара до сдѣланнаго изъ бересты поплавка для невода, всѣ такія приношенія богамъ угодны, но безъ лошадиного волоса, либо скрученнаго, либо привѣшаннаго, какъ на изображенной тутъ кружкѣ, такъ и на полавкѣ на слѣдующей страницѣ, дѣло уже никакъ не можетъ обойтись ¹⁾. Если подъ рукою нѣтъ ничего болѣе подходящаго, то при- бѣгаютъ даже, какъ мнѣ случилось видѣть, къ изображенной на страницѣ 790-ой кисти, служащей какъ для сметанія пыли, такъ и для чистки лошадей, да къ защитѣ отъ укушенія насекомыхъ. Всякаго рода конскій волосъ сперва проводятъ по воздуху надъ огнемъ въ шалаши, бормоча при этомъ: «Нечистота, выходи въ трубу» и этимъ очищаютъ, освящаютъ его.

Кружка на пирахъ.

сами изъ лошадиной гривы, связанными въ пучокъ, и свидѣтельствующими о томъ, что кружка освящена, потому что Якутъ повсюду считаетъ себя окруженнымъ духами.

Особенно это бываетъ тогда, когда Якутъ перебирается чрезъ гребень водораздѣльнаго хребта. Заблаговременно подумавъ объ этомъ событіи, Якутъ, кочующій съ сѣв. оленями, уже изъ дому запасся пучкомъ лошадиныхъ волосъ, которые отчасти сами по себѣ, будучи привязаны къ сучьямъ ближайшихъ къ перевалу деревьевъ, посвящаются духамъ и бѣсамъ, отчасти служатъ къ подвязыванію всевозможныхъ приношеній. Начиная съ дорогаго пушнаго

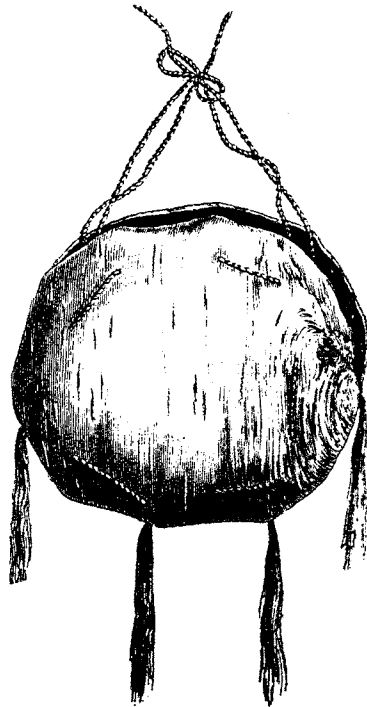
¹⁾ Сарычеву (Путеш. I, стр. 27), равно какъ Хвостову и Давыдову (I, стр. 59) привелось видѣть тоже самое.

Безъ длинныхъ рѣчей впрочемъ также нельзя обойтись Якуту, когда онъ желаетъ, чтобы горные духи благоволили къ нему. Такъ какъ въ третьемъ томѣ пѣмецкаго изданія этого сочиненія не помѣщены ни текстъ такихъ рѣчей, которыя мнѣ довелось слышать, ни хоровая пѣсня при кумысовомъ праздникѣ, ни записанная мною сказка, то я хочу сообщить ихъ тутъ въ подробности.

Рѣчь, произнесенную помощникомъ моего вожатаго, чистѣйшимъ Якутомъ, при переходѣ чрезъ водораздѣль, приведшемъ насъ черезъ крутой хребетъ, примѣрно въ 5000' вышины, отъ рѣчной области южнаго побережья Охотскаго моря въ область рѣки Амура, рѣчь эту я сперва долженъ передать тѣми же самыми словами, которыми я сообщилъ свѣжее впечатлѣнiе свое въ письменномъ моемъ путевоомъ донесеніи. Я замѣчу тутъ только, что поднимаясь по рѣчкѣ Кербѣ къ верховьямъ ея, мы въ то время собирались перейти на пути, проложенные Буреей.

Вотъ что сказано было стоящей въ кругу дорожной компаніи, приподнимаетъ къ небу горячій саламатъ, это божественное лакомство Якутовъ; представьте себѣ брызжущее и трещащее въ огнѣ, какъ бы отвѣтъ призываемаго духа, обѣтное масло саламата, наконецъ вообразите себѣ, какъ потомъ, по окончаніи рѣчи, ложку, которою масло вливалось въ огонь, приподнимаютъ при постоянныхъ восклицаніяхъ и за тѣмъ бросаютъ вверхъ: она падаетъ, и въ видѣ счастливаго предзнаменованія обращается къ небу вогнутою стороною, а за этимъ раздается громкое «уруй» (ура), и пискливый, воеподобный, усердно поддерживаемый хоромъ, радостный крикъ оратора, который ставитъ ложку отвѣсно позади затылка.

Конскіе волосы на поплавкѣ въ видѣ привошенія.

въ моемъ донесеніи¹⁾: Представьте себѣ надъ нами голыя вершины отвѣснаго Бурейскаго хребта; ближайшею обстановкою ихъ дикія ущелья, покрытыя частью хаотически разбросанными глыбами скалъ, частью огромными первобытными лѣсами; на первомъ планѣ нашихъ пасущихся съв. оленей, жертвенное дерево, щедро украшенное привезенными издали волосами лошадиныхъ гривъ, и за тѣмъ, оратора, закутаннаго въ мѣха и обращеннаго къ долинь, Якута, произносящаго эту посвятельную рѣчь предъ пылающимъ огнемъ, и предъ нимъ другаго Якута, который, среди

¹⁾ Какъ въ Академическомъ Бюлетенѣ, такъ и въ заимствованной изъ него статьѣ въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches, IX, 2, 1855, стр. 634.

Вдругъ вслѣдъ за тѣмъ настаетъ противоположная, напоминающая животныхъ, сцена глоганія саламата, оканчивающаяся собакоподобнымъ обгрызаніемъ и облизываніемъ ложекъ, тарелокъ, котловъ, доходящимъ до соскребанія постѣднихъ слѣдовъ полуды при помощи особыхъ устроенныхъ именно для этого костяныхъ лопаточекъ — представьте себѣ сказанное и вы можете себѣ составить приблизительное понятіе о томъ, какое сильное впечатлѣніе должна была произвести на меня эта рѣчь, которая вѣроятно займетъ почетное мѣсто между извѣстными рѣчами вождей воинственныхъ племенъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ.

Рѣчь эта гласила слѣдующее:

Бабушка Кербѣй, престарая ты, и ты, бабушка Бурей, равная ей по лѣтамъ! Надѣлите благомъ насъ, странствующихъ въ вашихъ затаянныхъ ущельяхъ, охраните насъ, пошлите намъ счастья и дайте намъ ваше благословеніе. Вѣдь мы идемъ во имя великаго духа. Вы, которые, питаясь, явились съ высотъ, ваши имена ведутъ насъ; देंте разъ счастливы да будетъ нашъ походъ;

А ты, при дорогахъ живущая, ты подобная повсюду быстро появляющемуся или исчезающему снѣгу, непостижимо быстрая волшебная дѣва Сырынай, ты скороходъ Курхачи, ты Сул-кунъ-Экинъ, ты быстрогонъ горный духъ Хапдѣ и вы духи, обитающіе справа въ девяти, и опять слѣва въ восьми горахъ, здравствуйте!

Я угощаю всѣхъ васъ вмѣстѣ¹⁾ — оставайтесь — наслаждайтесь — кушайте — не разбитый Барыллахъ: еще при утреннихъ сумеркахъ укажи намъ темный пушистый товаръ, съ ранней зарей ярко блестящій мѣхъ, дорогіе мѣха! наполни тугу нашъ широчайшій мѣшокъ, панижи соболя къ соболу на нашъ самый длинный ремешъ.

Дай намъ встрѣтить крупную дичь.

Вѣдь ты подарилъ сивку тому, у котораго не было ничего кромѣ деревянной избушки; гнѣдаго ты подарилъ тому, которому принадлежала только мазанка. Такъ взгляни и теперь, улыбнись сюда весело.

Якут. Daibé.

райте разборчивымъ языкомъ — довольствуйтесь этимъ — празднуйте небесною ѣдою саламата недавно выпавшую повину²⁾.

Даруйте благодать тойюнамъ³⁾, чтобы они счастливо и радостно достигли цѣли. Вѣдь это воли царя!

Умоляя васъ, восклицаю: ведите насъ благополучно, чтобы мы были равны лучшимъ, чтобы мы превзошли посредственныхъ.

Ты же, властвующій здѣсь духъ-охранитель Байтъ, старина горы, Байяйи, ты пребо-

¹⁾ При этомъ льютъ въ огонь три ложки масла саламатнаго изъ котла, который все это время торжественно приподнимаютъ вверхъ.

²⁾ За нѣсколько дней передъ тѣмъ выпалъ первый снѣгъ.

³⁾ Старшины, чиновники. Подъ этимъ названіемъ разумѣли меня и моего топографа.

Ты же¹⁾, престарѣлый духъ Чандай, не порази суставовъ хромотой, не напади на нашихъ шестнадцатиконцовыхъ, не моргай, не гляди сюда пристально сверкающимъ глазомъ — да умолкнетъ языкъ твой.

Счастье и благополучіе на дорогу!

Такую форму, въ какой я передалъ доселѣ посвятительную рѣчь помощника нашего вожатаго, она приняла въ путевомъ моемъ дневникѣ. Толмачемъ мнѣ служилъ самъ вожатый, также, какъ и тотъ, природный Якутъ, но съ малыхъ лѣтъ сиротой выросшій у священника въ Удскомъ острогѣ. При всемъ томъ онъ говорилъ по якутски несравненно лучше чѣмъ по русски. Такимъ образомъ было не столько трудно добиться смысла рѣчи, сколько слово за словомъ слѣдить за сказаннымъ и уяснить себѣ способъ выраженія.

По-этому становится понятнымъ, что мой почтенный другъ Бётлингъ, добывъ болѣе полный матеріалъ, не включилъ въ свой трудъ²⁾ ни одной рѣчи, ни одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя мною записаны. Не сдѣлалъ онъ этого «потому что часто связь была прервана, а иногда даже нельзя было добиться значенія словъ». Бётлингъ самъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «Это никого не должно удивлять, если принять въ соображеніе чрезвычайную трудность съ одной стороны записать быстро проговоренную рѣчь, а съ другой медленно повторить такую рѣчь тѣми-же словами, не путаясь самъ при этомъ и не теряя терпѣнія при этомъ занятіи. Рѣдкія, и, пожалуй, совершенно вышедшія изъ употребленія слова, которыя вѣроятно не всегда и воспроизведены совершенно правильно, также, можетъ быть, затруднили мнѣ пониманіе смысла».

Никто, надѣюсь я, не приметъ этого, весьма справедливаго, замѣчанія Бётлинга за желаніе выгородить меня, если вспомнить, что на мои лингвистическія занятія, къ которымъ я нисколько не былъ подготовленъ, мнѣ можно было удѣлять только небольшія частички времени и случая, отрываемыя отъ главныхъ моихъ работъ. Почтенному читателю стоитъ только задаться задачей, при совершенномъ незнаніи англійскаго языка, записать за глотающимъ слова, необразованнымъ сыномъ Альбіона, то, что послѣдній успѣлъ сказать, особенно когда это дѣлалось въ возбужденномъ состояніи, или лилось изъ устъ такъ, какъ школьники обыкновенно говорятъ отъ слова до слова витверженныя уроки. Такъ, не переводя духу, Якутъ мой говорилъ свои рѣчи. Уже въ пылу обыкновеннаго разговора, нѣкоторыя слова расплывались въ неясныя сокращенія, какъ напр. часто вставляемое *dōg* (вм. *djugōg*, пріятель) — пожилымъ людямъ говорится *ogopnjōg* — или выраженіе *būrduk* (вмѣсто *bu kirduk*, въ этомъ направленіи), которое въ этомъ случаѣ совершенно совпадаетъ съ якутскимъ названіемъ муки. Не рѣдко, казалось мнѣ, слова не могли довольно быстро слѣдовать за полетомъ мысли, такъ что ораторъ позволялъ себѣ вольности, которыя затрудняли якутскимъ слушателямъ пониманіе сказаннаго.

1) За тѣмъ слѣдуетъ злой принципъ.

2) Въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома шведск. изд. этого сочиненія, стр. XLVII.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что фразы, записанныя мною для узнанія грамматическихъ правилъ, Бёглингъ нашелъ вполне пригодными ¹⁾ и что изъ грамматическаго моего наброска онъ замѣтствовалъ нѣсколько существенныхъ указаній, то есть нѣкоторая вѣроятность, что и остальные мои тексты могутъ содержать годный матеріалъ, хотя искаженный тѣмъ, что нѣкоторые слова слились, а другія не разслышаны, какъ слѣдуетъ.

Особенную важность я придаю этнологическому значенію записаннаго мною текста и возвращаюсь къ нему тѣмъ болѣе, что очень часто, когда я начиналъ догадываться, что въ рѣчахъ, говорившихся по разнымъ случаямъ, то или другое выраженіе слишкомъ уклоняется отъ обыденной рѣчи, и за тѣмъ обращался съ распросами къ моимъ наставникамъ, послѣдніе мнѣ отвѣчали: «вѣдь это такъ слѣдуетъ; это именно такъ-то и прекрасно; это изстари такъ нужно». Притомъ такія рѣчи вовсе не были вполне понятны остальнымъ Якутамъ, и оратору потомъ часто предлагали разные вопросы, въ которыхъ пытлиное слово «*du*»? играло главную роль.

Точно также я не могъ не замѣтить, что на распросы мои о свойствахъ различныхъ духовъ и бѣсовъ, которые упоминались въ разговорѣ и названія которыхъ сопровождались каждое совершенно особыми прилагательными, люди мои не были въ состояніи сообщить мнѣ ближайшія свѣдѣнія, а при настойчивости съ моей стороны, объясняли, что такъ это было нѣкогда. Такимъ образомъ — въ этомъ я убѣждался постоянно — въ обычаяхъ и въ языкѣ Якутовъ было много стариннаго, преемственнаго, чего народъ уже въ точности не понималъ. Болѣе развитое нѣкогда ученіе о божествахъ пришло въ забвеніе и передо мною являлись только обломки развалинъ давно забытаго ученія.

Это, конечно, все болѣе и болѣе уменьшало степень моего уваженія къ ораторскому таланту Якутовъ, такъ какъ многія составныя части ихъ замѣчательной способности къ импровизаціи очевидно сводились на хорошую память, на знаніе старинныхъ выраженій и формъ, на схематическія, бѣдныя смысломъ, аллитераціи, на поэтическія вольности, основанныя на непрочномъ образованіи и на большомъ богатствѣ формъ. Дѣлаемые слушателями поправки и вставки, которыя я замѣтилъ, не позволяли сомнѣваться въ томъ, что основу рѣчи составляли изстари употреблявшіяся выраженія, между тѣмъ одобрительная улыбка свидѣтельствовала объ импровизованныхъ добавленіяхъ. Но чѣмъ болѣе кумысовый праздникъ Якутовъ (см. стр. 799), единственно имъ свойственный, отличается отъ всѣхъ обычаевъ Тунгусовъ, Самоѣдовъ и Остяковъ, тѣмъ болѣе хорошее пѣніе ихъ напоминаетъ о подобныхъ обычаяхъ Киргизовъ, точно такъ какъ богатырскія сказки такого-же рода, какъ якутскія, поются у Киргизовъ и Татаръ южной Сибири, напр. у Минусинскихъ Татаръ ²⁾.

Такіе остатки прежнихъ понятій и порядковъ, остатки стариннаго быта, тѣмъ бо-

¹⁾ Немногія изъ нихъ онъ привелъ на стр. XXLVIII; остальные помѣщены мною ниже вслѣдъ за сказками.

²⁾ Вѣстникъ Ишпер. Русск. Геогр. Общ. 1855 г. Кн. VI, стр. 187.

лѣе, казалось мнѣ, имѣли значенія въ этнографическомъ отношеніи, что со временемъ ближайшее знакомство съ народами Средней Азии все-таки можетъ намъ дать возможность вывести положительныя заключенія, которыя могутъ указать на первобытныя сношенія и мѣстопребыванія Якутовъ. Что они относятся къ чрезвычайно отдаленнымъ временамъ, это намъ показали изслѣдованія Бѣтлинга, несомнѣнно доказавшія, что между извѣстными до появленія его труда членами семейства тюрко-татарскихъ языковъ существуетъ значительно меньшая разница, чѣмъ между любымъ изъ этихъ членовъ и Якутскимъ языкомъ. Слѣдовательно Якуты первые отдѣлились отъ нераздѣленныхъ еще, по языку, тюрко-татарскихъ членовъ семейства, такъ что Бѣтлингъ счелъ бы удобнымъ семейство, распавшееся теперь на такое множество членовъ, обозначить названіемъ тюрко-якутскаго ¹⁾).

Тѣмъ болѣе я считаю себя вправѣ напечатать остатокъ моихъ якутскихъ матеріаловъ, который Бѣтлингомъ не былъ изданъ. Я считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это, такъ какъ самъ Бѣтлингъ ²⁾ заявилъ, что я въ этомъ томѣ буду подробнѣе говорить о происхожденіи Якутовъ. Правда, что планъ этотъ, задуманный въ молодые годы, навсегда разстроило протекшее между тѣмъ время: съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у Якутовъ, прошло тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ я ограничиваюсь добросовѣстнымъ изданіемъ содержанія веденнаго мною тогда дневника, изъ котораго и Бѣтлингъ счелъ полезнымъ напечатать образчикъ аллитераціи въ хоровомъ пѣніи ³⁾).

Считаю нужнымъ заявить тутъ-же, что по части якутскаго языка я ничего не знаю, слѣдовательно знаю меньше Эрмана, но при этомъ все-таки выражаю надежду, что слѣдующія строки не поставятъ меня на одну доску съ Эрманомъ, который, по словамъ Бѣтлинга, зналъ по этой части больше, чѣмъ ничего.

И такъ мысль, побуждающая меня напечатать нижеслѣдующее, та, что всякій отрывочекъ древняго и недревняго времени, который, можетъ быть, отыщется въ такой рѣчи или въ такой пѣсни, можетъ идти въ параллель несмѣшанной первобытной формы якутскаго черепа, которую я старался выяснить ⁴⁾. Въ этомъ отношеніи, полагаю я, лингвистамъ всякій отрывокъ, какъ бы искаженъ онъ ни былъ, долженъ быть также дорогъ, какъ зоологамъ иное совершенно попорченное чучело, а палеонтологамъ какой-нибудь кусочекъ кости или раковины, какъ бы онъ ни былъ поврежденъ.

¹⁾ При всемъ томъ сродство всѣхъ этихъ членовъ между собою такъ велико, что и я, тридцать лѣтъ спустя, благодаря одному только посредству якутскаго языка, при чтеніи новѣйшихъ извѣстій о Туркестанѣ, могъ ориентироваться въ значеніи названій мѣстностей и другихъ именъ.

Уже старикъ Витсенъ (II, стр. 342) замѣтилъ, что «Якуты говорятъ на очень зоманномъ татарскомъ языкѣ». Сарычевъ подтвердилъ это самымъ положительнымъ образомъ, сообщивъ (Путеш. I, стр. 21), что сопровождавшій его Татаринъ понималъ Якутовъ.

²⁾ См. нѣмецк. изд. этого сочиненія, т. III; отд. 2, стр. XXXVI.

³⁾ Тамъ-же, стр. 203. Изслѣдованіе акад. Шмѣгера, напечатанное въ декабрѣ 1874 года въ Бюллетенѣ Акад. Наукъ, стр. 210, показываетъ мнѣ, что мои тунгусскіе матеріалы, записанные несравненно послѣнѣе, оказались пригодными не только прежде (см. выше стр. 621, примѣч.), но и въ послѣднее время.

⁴⁾ См. стр. 632 и 763.

Записываемыя слова я съ величайшею, сколько могъ, добросовѣстностью стараюсь разслушивать у людей, которые ихъ произносили. Правда, что вслѣдствіе появленія образцоваго труда Бётлинга, нижеслѣдующіе отрывки изъ моего дневника, записанные до составленія моего грамматическаго эскиза, въ особенности же мои переводы, сдѣлались какими-то чудовищами: при всемъ томъ я намѣренъ ихъ напечатать безъ всякаго измѣненія, опасаясь по недоразумѣнію испортить то, что можетъ пригодиться; спеціальному петрудно будетъ исправить что пужно.

Якутскія слова я передалъ въ моемъ дневникѣ посредствомъ смѣси русскіхъ и латинскихъ буквъ, которую я не могъ удержать послѣ того, какъ Бётлингъ весьма своеобразно и основательно приспособилъ русскую азбуку для своей цѣли. По этому я передѣлалъ русскую часть буквъ моего дневника на латинскія, выразивъ *e* посредствомъ *s'*, *je* посредствомъ *dsh*, *ы* посредствомъ *y* и т. д. Хотя я въ дневникѣ рядомъ съ русскими *ю* и *я* употреблялъ также *jü*, *jü*, *jä* и т. д., но я опасуюсь, что отъ неудачнаго примѣненія упомянутыхъ двухъ буквъ кое-гдѣ могло произойти неправильное толкованіе произношенія.

При всемъ томъ я не думаю, чтобы этимъ способомъ можно было объяснить большую часть, не говорю уже всѣ различія, которыя Бётлингъ пытается разрѣшить такимъ образомъ ¹⁾; полагаю, что этимъ не всегда можно объяснить и тѣ случаи, когда я согласную, являющуюся въ соединеніи съ мягкими гласными, принималъ за смягченную и посредствомъ прибавленія *j* означалъ, что она смягчена.

Произносимый въ носъ звукъ *j*, принятый Бётлингомъ ²⁾ и обозначенный имъ буквою *j*, не только означенъ мною то посредствомъ *nj*, то чрезъ одно *j*, но и несомнѣнно слышанъ мною такимъ различнымъ образомъ ³⁾.

Ученый другъ мой позволитъ мнѣ высказать предположеніе, что въ его превосходномъ трудѣ якутскій языкъ легче поддался подъ нго замѣчательно искусно открытой лингвистомъ законной правильности, чѣмъ это дѣлается въ первобытномъ лѣсу. Какъ строитель новаго зданія средя языка первобытной природы, онъ конечно не могъ не отнестись нѣсколько самодержавно къ правиламъ, которыя умъ его извлекъ изъ глубины необработаннаго языка. Охотно признавая въ якутскомъ языкѣ замѣчательное преобладаніе созвучія гласныхъ и отсутствіе діалектическихъ различій ⁴⁾, я все-таки считаю себя вправе обратить вниманіе на то, что гдѣ я въ разныхъ мѣстахъ одно и тоже слово записалъ различнымъ образомъ, я и слышалъ, должно быть, что его произносили различ-

¹⁾ См. вѣмецк. изд. т. III, 2, стр. XLVIII.

²⁾ См. тамъ-же, стр. 100.

³⁾ Можетъ быть Бётлингъ и правъ, что не признаетъ *e* рядомъ съ *ä*, но я удержалъ обѣ буквы, чтобы остаться вѣрнымъ дневнику моему.

⁴⁾ См. тамъ-же, стр. LII. Вѣроятно впрочемъ это

нельзя понимать такъ безусловно. Замѣчательна, правда, однородность, которую вообще сохранилъ якутскій языкъ, не смотря на чрезвычайно сильное раздѣленіе членовъ этого народа, но при всемъ томъ мнѣ разсказывали о различіяхъ, встречающихся, говорить, при ближайшемъ сравненіи улусовъ между собою.

нымъ образомъ ¹⁾. Не говорю уже о столь свойственномъ первобытнымъ народамъ глухомъ колебаніи произношенія, мы слышимъ, какъ это колебаніе различно расходится по разнымъ направленіямъ. Поразительнѣе всего въ якутскомъ языкѣ расходится такимъ образомъ колебаніе относительно *s'*; вмѣсто него часто является звукъ *h*, который развился лишь недавно ²⁾ и навѣрное станетъ подвигаться далѣе, а въ теченіи прошедшихъ съ того времени 30 лѣтъ безъ сомнѣнія уже и подвинулся впередъ. Это измѣненіе *s'* въ *h* также не составляетъ исключенія, а оказывается, если не ошибаюсь, преобладающей формой у Кангаласскихъ Якутовъ. Кромѣ того *h* не ограничивается однимъ этимъ образованіемъ изъ *s'*. Слово *ugāsh* (далеко) перѣдко, казалось мнѣ, произносилось *ugāh*. Да и самое измѣненіе не останавливается на этомъ, а влечетъ за собою другія перемѣны; такъ напр. вмѣсто *bušach* (также *bušuja*, пожегъ) одинъ изъ моихъ Якутовъ постоянно говоритъ *bušāk*. Во многихъ случаяхъ *sh* легко превращается въ *k*; въ словѣ *ugāh* изъ *a* сдѣлалось *ä*.

Еще новѣе, чѣмъ *h*, долженъ быть звукъ *w*, который является между двумя гласными въ замѣнѣ *b*, но и *m* да *g* ³⁾, и встрѣчался мнѣ только въ словахъ *Dawukūt* (названіе мѣстности); *tērwēs*, кольцо; *dīwīnj*, говорю я; *dīwūt* (им. *diller*), они говорятъ; *ata-w-ut*, *owonjor* (стр. 796) и *kowal*, значеніе котораго я уже не въ состояніи разобрать въ дневникѣ.

Относительно Бётлингова *ya*, которое мною передано очень различно, я ничего не умѣю сказать и потому ссылаюсь только на примѣчаніе къ стр. 108 въ 1-мъ отдѣлѣ 3-го тома нѣмецкаго изданія этого сочиненія. Въ доказательство того, что не только это *ya*, но даже *ü* и *ö* могутъ звучать различно, я замѣчу, что окончаніе *ügöi* записано у меня въ дневникѣ то $\frac{ü}{y}gel$, то $\frac{u}{y}get$.

Отú malasynna, Освященіе привала.

Еб̄ām	«Kerbī»	Emāachśin,	Burojā	ebām,	Burojā	emāachśin,	$\frac{dsh}{j}ol$	$\frac{ü}{y}rd\frac{ü}{y}gōr!$
Бабушка	Кербі	старуха ⁴⁾	Бурей	бабушка	Бурей	старуха	благо	сверху
kōragas̄	kōbutan	kiniśér	chorgotón ⁵⁾	turaṅgyn	$\frac{dsh}{j}ol$	tabā	tūtтар	šorg $\frac{ü}{y}rd\frac{ü}{y}gōr$
тѣпо	спрятаны ⁶⁾	мы идемъ	охранн	сгоя	благо	св. олень	держи	благо сверху

¹⁾ За примѣрами дѣло не станетъ, такъ какъ ихъ беретъ чрезвычайно много при ближайшемъ сравненіи сообщенныхъ ниже текстовъ. Здѣсь я укажу только на слѣдующія:

s'üšch, произносилось это слово и такимъ образомъ, но отчетливѣе всего въ формѣ *s'uo^hg*, обыкновенно же только *s'üšch*. Такъ у меня является *gōgok*; вмѣсто этого Бётлингъ читаетъ *guogad*. Вмѣсто *is'eller* говорилось также *eheller* (они слѣдуютъ) и т. п.

²⁾ См. нѣмецк. изд. т. III, 2, стр. 97, 139.

³⁾ См. тамъ-же, стр. 138.

⁴⁾ Въ обыкновенномъ разговорѣ часто слышишь только: *Māachśin*, хотя собственно слѣдуетъ *Emāachśinyn*. моя жена. *Māachśinā*, эта старуха, вѣжливо, при обращеніи къ ней.

⁵⁾ *Chorgojdo maskā*, спрятался подъ деревомъ (напр. отъ дождя); *berd* или *berdkā chorgotunḡ*, спрячь меня хорошенько.

⁶⁾ *Kōbūt*, отложи, сбереги; *kōbutanherābin*, я берегу, укладываю.

ütüönén ailán ás $\frac{ü}{y}$ rd $\frac{ü}{y}$ gör isägý to $\frac{h}{g}$ ús tutachtäch šuolgan-itschitā utschugojd $\frac{ü}{y}$ k
хорошо съ Богомъ пищу сверху пьете девять отправленія дорожно-горный духъ добродушно

elmísj šorg $\frac{ü}{y}$ rd $\frac{ü}{y}$ gör baharān isigi äkytynān $\frac{ü}{y}$ rd $\frac{ü}{y}$ gör $\frac{dsh}{j}$ ol butūn $\frac{ü}{y}$ rdöd šorg ubúng
ведн благо сверху 1) желаю вашимъ именемъ сверху благо возвысь благо

$\frac{ü}{y}$ rdöd baštynyn 2) $\frac{b}{p}$ ara-t-ungör ortó Baít $\frac{ö}{y}$ tschitā Bajanjāj ogonnjór küöch
возвысь лучшимъ пару 3) по ту сторону подлень Ваить- 4) родъ Баянй- старикъ голубая

šarsirdā, küöch klannachtā 5), karā šarsirdā 6) karā klannäch 7) ardaј
утренняя заря прекрасный 8) мѣхъ темная утренняя заря темный мѣхъ сѣроватый

ašyllachtā yján, kulū djorgonō 9)-šotollochto tošujón kulū más balagannäch
пушный звѣрь укажи дай высоковогий крупный звѣрь встрѣчный дай деревянный балаганъ имѣющій

ata-w-yt maŋgan, ata $\frac{w}{m}$ ytán anták körön külümкyn bettächkór mitschikкyn
козя найденаго 10) сиваго козя на бокъ взгляни, улыбнись въ эту сторону, улыбается,

ungórdeki to $\frac{h}{g}$ ús $\frac{ch}{k}$ ajá itschitā; chaŋgásdeki to $\frac{hü}{gy}$ š $\frac{ch}{k}$ ajá itschitā ürä
на право девять скалистыхъ горъ духи, на лѣво девять скалистыхъ горъ духи, радуясь

chalyng kün dül $\frac{ö}{y}$ tym isjäechā aššatym äch $\frac{tsch}{z}$ jöch šannamāng šalamatynnān
здравствуй дѣлаю угощать васт кормлю 11) довольпо 12) не думайте ничего 13) саламатъ

ašatym bū sónnor $\frac{ch}{k}$ aar $\frac{ü}{y}$ rd $\frac{ü}{y}$ gör utschugojdyk ällä š $\frac{e}{y}$ ryt Tschādaj o $\frac{w}{g}$ onnjór šüsiochta $\frac{hä}{gä}$
пищу, этотъ новый снѣгъ сверху, счастливо возьми ступай злой духъ 14) старикъ, суставы

1) Šorg или dšhol ürdügör bar, ступай съ счастьемъ. напутствие уходящему охотнику.

2) Baštyn tegnä', догона передняго. Tegnäš'tüm, я догоняю. Tegnäš'j, догони. Tegñér bajdarö, одинаково богатъ.

3) $\frac{B}{P}$ ara, пара, съ русскаго. Вѣроятно должно не такъ понимать.

4) Baít, почти тоже самое, что Bajanjāj. Духъ богатства.

5) Должно бы было произнести kulannachtā, по у проглядывалось.

6) Утренние сумерки.

7) Подъ этимъ названіемъ разумѣется какъ медвѣжья шкура, такъ и вообще темный, следовательно самый дорогой мѣхъ.

8) Въ первомъ значеніи: голубой и зеленый; во второмъ какъ въ текстѣ.

9) Djorgoni, на высокихъ ногахъ. Сюда принадлежатъ сѣв. олень, лось, кабарга. Медвѣдя считаютъ уже животнымъ на короткихъ ногахъ.

10) Найти потеряннаго козя считается особеннымъ знакомъ счастья.

11) Aš'atym, я кормилъ; aš'ä, ѣшь; s'ibin, я ѣмъ.

12) Обращено къ бѣсамъ, чтобы они не требовали еще болѣе.

13) Т. е. дураго. Не раздумывайте.

14) Кромѣ Чадая, Якуты рассказывали мнѣ еще о бѣсахъ Ütschikta и S'ubčitka. Но оба не были, кажется, первобытно якутскими бѣсами, а перешли къ нимъ отъ Русскихъ; первый вѣроятно водяной бѣсъ, второй очевидно домовый, сосѣдка Русскихъ. Тщетно я разспрашивалъ про нечистую силу; мученій отъ давленій домового (Alp) эти счастливые дѣти природы казались, не знали.

büdürí tīmā atar^{dsh}_jäch muostächpyn ararm^ä_y kylymannag^ö_y $\frac{tsch}{z}$ ip $\frac{tsch}{z}$ ilytymā
 спотыкаться кончи, вылообразно рога несущихъ не отгоняй, не моргай, не заколдуй ¹⁾
 uottäch charach ut^o_ary körümā tyllahō ätätimā etāng^ä_a ellä šyryt.
 съ пылающими глазами, пристально ²⁾ не гляди, языкомъ ³⁾ молчи; благополучно возьми ступай ⁴⁾.

Вторая посвятельная рѣчь того-же Якута.

To^h_guš tutachtäch šuolgā-n-itschitā ⁵⁾ šyry chār šyrynāj ⁶⁾ tyrg^ö_ynj,
 Девять отправленіе дорожно-горный духъ, пространный спѣтъ, внезапно являясь, быстрая
 Šyrynaj-kŷs, Kurohatschí-šürük, Kurolaj-bärgenj, Šulkún-äkín
 Сырнай дѣвушка Корохачи-бѣсъ-быстробѣгущій, Куролай-бѣсъ мѣтко попадающій, Сумлунъ разное (?)
 älik Chāndá asān šiēn ⁷⁾ turung tofottörbút $\frac{dsh}{j}$ ól $\frac{ü}{y}$ rd^ü_ygör üräng kötön ⁸⁾
 быстрый Ханда-бѣсъ пейте ѣдите стойте, чиновникамъ ⁹⁾ благо сверху радостный полетъ
 utschugojdyk tiecha ürächtabyt $\frac{dsh}{j}$ ól ungor utschugojdyk eljäsš ¹⁰⁾. Baj
 благополучно прибыть ¹¹⁾ къ царю благо по ту сторону благополучно веди. Богатый
 Barylläch - ogonjór kiäng ¹²⁾ marbanŷ kiäptā usün tišigt tolorón buor
 Барыллахъ старикъ, широкій мѣшокъ наполни, длинную веревку ¹³⁾ наполненную ¹⁴⁾ глино-
 dshielläch borong ¹⁵⁾ ata-w-ytyng.
 домовладѣлецъ гвѣдаго козя подарилъ.

1) Посредствомъ глаза.

2) Прямо.

3) Tyllach kis'i, разговорчивый человекъ.

4) Переведено также: «сохрани на память».

5) Есть Kajá itschitá, горные духи; Ü-itschitá, водяные духи; Mas' itschitá, древесные духи; Š'ir-itschitá, земляные духи; Balagan-itschitá, домовые и т. д. Срав. примѣч. 14-е на стр. 796.

6) На превосходную аллитерацію эту обратили мое вниманіе.

7) Š'ibin, я ѣмъ плотную пищу. As'annerebin, я ѣмъ жидкую пищу или кашу.

8) Kötör kötön, птица летать. Kötüm, я лечу.

9) Этимъ разумѣли насъ.

10) Ellahhebin elläs'abin, eläbin, я веду. Elljābarōm, я буду вести. Elljāatim, я хотѣлъ бы вести. Elljā eläis', да ведегъ, да уведетъ.

11) Tidim, я прибываю. Tibit, онъ прибылъ. Tiehush, я прибуду.

12) Kiängtännerabin, я натягиваю (свѣжую соболью шкуру на подставку).

13) На которую наизыываютъ связку соболой.

14) Tolorobun, я укладываю. Tolór, укладывай. Tolu, полный, напр. Tolop, большіе, сильные люди, костистыя лошади.

15) На прелестъ этой аллитераціи обратили мое вниманіе, также какъ и на другую въ más' balagannāach — maŷgan. Якутамъ казалось, что эти мѣста особенно хороши.

Третья посвятельная рѣчь (произнесенная въ верховьяхъ Лахарытты).

Lacharyt^ö_ä ebām! ah^y_ös ilāch, ah^y_ös šagalāch ān-dojdu ašynān

Лахарытэ бабушка восьми-рукая, восемь воротовъ носящая, свободное мѣсто, проходи мимо

turuŋg ašynāchyd bollagnā t^ö_ylkaljō^{ch}_k tjöp tüerā^{ch}_k, olór
 стовнѣ мы, сжалиться надъ нами да сонзвольшь, согласно судьбѣ порядкомъ ложка ¹⁾, погоди
 ašynāchyd šuoch buollagna tūngnāhin.
 сжалиться если пѣть, пусть она упадетъ на голову ²⁾.

Рѣчь при подбрасываніи ложки (въ другой разъ).

Tölköljōsch tjōpt tjörächpyn uroŋg kulū kötjögón šyljām

Судьбы опредѣленіе порядкомъ ³⁾ брошенное уложи ⁴⁾ дай быть подпятымъ ⁵⁾ я пойду ⁶⁾

kurdúk Aillāch altān, tjörächpín šükojdān šyljachpyn argaşpar

такъ съ Богомъ ⁷⁾ золотой брошенные ⁸⁾ на плечо поднятые ⁹⁾ мы будемъ ѣхать на затылокъ ¹⁰⁾

uroŋg kulūng. Uruj.

кладешь ¹¹⁾ дайте мнѣ. Ура.

¹⁾ При этомъ ложку подбрасывали вверхъ.

²⁾ Т. е. выпуклою стороною вверху.

³⁾ Пусть ложка упадетъ порядкомъ, т. е. вогнутою стороною вверху.

⁴⁾ Uroŋm, я поднимаю, напр. тяжелую ношу другому на плечо.

⁵⁾ Kötjögopnerābin, я поднимаю; kötjögohnm, я поднимаю; kötjōsch, подними.

⁶⁾ Min s'yljābin, s'ildjānerābin, я иду, страствую. S'ildjābatach s'irim, s'iriŋg, s'irā; мѣсто гдѣ я, ты, онъ прежде не былъ. S'ildjābyt s'irim, мѣсто, по которому я ходилъ (извѣстное); s'ildjābāt, онъ не страствуетъ; s'ildjātügöt miācha, пощайте меня.

⁷⁾ Ai, создатель, въ качествѣ языческаго бога, по видимому противопоставляется аналогическому христіанскому небесному богу, taŋgarā.

⁸⁾ Tjörächtänperegin, брось счастливый жребій. Tjögächta, кинь, на счастье.

⁹⁾ S'ük, подними на плечо, отъ слова s'ükojdūbin.

¹⁰⁾ Такъ говорится подобнымъ-же образомъ: s'üt per, лягъ на спину.

¹¹⁾ Urobyŋ, я кладу; ān uroŋg, ты кладешь; kinī uroḡā, онъ кладетъ; bis'igi urobyŋ, мы кладемъ; is'igi uroḡyt, вы кладете; kinilér urallār, они кладутъ; kinilér urdullār, они клали; urbyŋum, я клалъ; ūr, клади.

Ys'äch Töguljú¹⁾ или хороводная хоровая пѣсня, которая поется особенно въ кумысовый праздникъ.

Первая пѣсня.

Eägyj tshjédu tshjäl burán tshjäl gōk šanga dshil šalalynnā ütūō dshil
 Эһ! пу! сочный лугъ, сочная зелень²⁾, новый годъ³⁾ верпулся⁴⁾, хорошій годъ
 ongojdō unār kunjās' ojnūtā kütäng kunjās'
 глядитъ на насъ, марево солнечнымъ тепломъ усилилось, дрожаніе воздуха⁵⁾ солнечнымъ тепломъ,
 šiärej šebirdāk šillegilātā mutō^{ch}/_k sch^{ch}/_{s'}olkó mu^{tsch}/_zjuktā munitātá
 сѣрый⁶⁾ древесный листъ распутился, кисть шелковая⁷⁾ почка совсѣмъ раскрылась,
 tomtór šir torolojdā bättiämā bergätā kyrdál šir otó
 круговатая⁸⁾ травяная кочка выросла, хвощъ подросъ, продолговатого травяного мѣста трава
 kyttyštā ergā dshil epk^ō/_yjdā modún dshil bochtōtō kür būs' kōtōglünnā
 переросла; старый годъ ушелъ⁹⁾, холодный годъ остался¹⁰⁾, множество льда¹¹⁾ поднято,
 kürdshu^{ch}/_k chār kōtūrlünnā kara muš' ch^{ch}/_kammaridā; chalka^h/_{s'}ā
 сгрѣбанный въ сторону сѣгъ развалился, черный ледъ на куски разломался, растаявшій ледъ
 buolla chajdannā ky^h/_{s'}yl muš' kyrbaštannā kydshimāk buolla kyjdannā
 увлечень, красный ледъ на кусочки распался, развалившійся иглами ледъ унесень,
 kotōl-šir¹²⁾ ch^{ch}/_kojunnā otó ojnūr o^{tsch}/_zerat¹³⁾ korülürj kelienā¹⁴⁾ ulán ujgutā
 низменное мѣсто густо поросло травой. Играть очередь, играть часть, сѣрко доится

1) Ys'äch ys'eai у кунулар, кумысовый праздникъ пить собираются они. Въ другой разъ похоже было на Is'äch is'eary (is'ächcha).

2) Съ такимъ совершенно мягкимъ произношеніемъ оно заступило мѣсто, говорятъ, обыкновеннаго твердаго kōōch.

3) Весна. Годъ начинается у Якутовъ съ весны. Около Троицы, т. е. какъ скоро соберутся, начинается кумысовый праздникъ.

4) Содержитъ, кажется, понятіе о возвращеніи.

5) Какъ знакъ сильнаго солнечнаго тепла.

6) Взято съ русскаго, какъ поэтическій эпитетъ.

7) Взято съ русскаго (мотокъ шелку).

8) Выше burán означалъ большой лугъ на сухомъ мѣстѣ, а tomtor šir относится къ сырому мѣсту, также

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч. II.

какъ и слово kyrdál-s'ir, означающее впрочемъ продолговатую кочку.

9) Обыкновенно употребляется глаголъ ās'tum, я прохожу мимо: ergā dshil ās'ta.

10) Въ мѣсто bochtōtō, встрѣчающагося, можетъ быть, только въ пѣснѣ, употребляется, кажется, tochtōtō; такъ напр. lumū, холодъ, или вѣтеръ tochtōtō. Tochtōtun, я оставаиваюсь; tochtō, остановився; tochtotum, я остановился.

11) Mūs' чаще употребляется. Būs' поэтическая форма.

12) Углубленіе, стокъ. Можетъ быть, заимствовано изъ русскаго (котель, котловина).

13) Взято съ русскаго (очередь).

14) Не смотря на мои возраженія, толмачъ мой оставался при томъ, что это слово также взято съ русскаго;

kārā kāsītā šāmál kumýš ũschurdulaach mongoldjē ũsj-
савраска одарилъ ¹⁾; запасной ²⁾ кумысь, трижды подплетенный ³⁾ берестовый шалашъ, трижды

dulgaläch tüördon tügachtäch otút tohonán ortolöch
подпертый, съ сорока нижними свертками коры, съ тридцатью средними свертками коры,

šürbā tōbölöch ũon uraläch ũšj
съ двадцатью верхними свертками бересты, съ десятью самыми верхними свертками бересты, съ тремя

ülüşjtäch $\frac{dsh}{j}$ äräk- $\frac{ä}{a}$ nnäch djielläch djergaläch djäptaläch,
дымовыми отверстиями ⁴⁾, изъ пестрой бересты дверь, полосато сшитая, въ нѣсколько слоевъ сшитая,

ušuordäch oronnöch erēn i $\frac{tsch}{z}$ ig $\frac{ä}{a}$ nnäch šatý dalbarýn
съ узорами ⁵⁾ съ лежанками ⁶⁾ пестро обвѣшанная ⁷⁾ съ ножкой большой кумысовый сосудъ ⁸⁾

tardān āš telgān bār dshon aššatān aragāš tschetschi-
поставленъ, бѣлая лошадиная шкура разложена, собранная толпа кормится, желто-зеленныя березки ⁹⁾

rín anján anjā $\frac{ch}{k}$ tután $\frac{tsch}{z}$ jorón tohuján
посажены воокругъ, праздничные кубки ¹⁰⁾ приподнимаются, праздничныя кружки держатся вверхъ ¹¹⁾

belkäj tután to $\frac{h}{g}$ uš kulohulach šälätin tīrān tuoräch
кубочки приподнимаются, девяносто ¹²⁾ елинушекъ на веревкѣ ¹³⁾ натянута, подобно еловымъ шишкамъ,

должно тутъ разумѣть, говорилъ онъ, слово колѣно въ смыслѣ: отъѣла музыкальнаго произведенія.

¹⁾ Т. е. ожеребилась.

²⁾ Кумысь обыкновенно квасится въ маленькихъ сосудахъ и изъ нихъ выливается въ большой сборный сосудъ; когда въ немъ, по немногу, наберется порядочный запасъ, то его называютъ s'amál kumýs'.

³⁾ По установкѣ конусообразно поставленныхъ стоекъ лѣтняго шалаша, ихъ связываютъ между собою тремя поперечными рядами прутьевъ, изображающихъ стропила крыши. Эту плетевку обтягиваютъ берестовыми свертками.

⁴⁾ Такъ какъ устройство остова берестоваго шалаша начинается съ установки трехъ самыхъ длинныхъ стоекъ, то дымовое отверстие считается состоящимъ изъ трехъ частей. ũlüş'j, дымовое отверстие.

⁵⁾ Можетъ быть взято съ русскаго (узоръ); или не зашло-ли первоначально это слово изъ татарскаго языка въ русскій?

⁶⁾ Служать для спанья.

⁷⁾ Надъ лежанками проводятъ отъ одной стойки къ другой ремни, на которыхъ висятъ занавѣски.

⁸⁾ Онъ сдѣланъ также изъ бересты, равно какъ и большой сосудъ для s'amál-kumýs'a, имѣющей, говорятъ, до 2½ футовъ въ поперечникѣ, и до 4 фут. глубины. Кора сшивается тонкимъ шнуркомъ, который скручивается изъ лошадиныхъ волосъ. Швы заливаются особую замазкою, которая готовится такимъ образомъ, что мелко расщепленные слои самыхъ внутреннихъ частей бересты, съ примѣсью сметаны, сильно варятся въ глиняномъ горшкѣ, крышка котораго, замазанная глиной, плотно прилаживается къ нему.

⁹⁾ Какъ у насъ къ Троицѣ дома украшаютъ березками, такъ у Якутовъ украшаютъ кумысовый сосудъ.

¹⁰⁾ Такой кубокъ изображенъ на стр. 788.

¹¹⁾ Говорится такъ только объ этомъ кубкѣ.

¹²⁾ ũon (десять), которое должно бы слѣдовать за to $\frac{h}{g}$ uš', подразумѣвается.

¹³⁾ Веревка натягивается между двумя деревьями; къ ней привязываются клинья, которыми прикрѣпляются жеребята.

kolunūn tután kjögnörūn olordōn ¹⁾ kögolzjōr biätin ütūn kouñjōron
 жеребчкн (на этомъ) держатся, кожаный чанъ поставленъ, сѣрая какъ сталь кобыла доится, заѣвшено,
 kömiölän kömjōlj ütunán ütūnān oṅgoron ysō^{ch}_k tután
 разсыпалось на комочки, разбавлено водою, съ молокомъ приготовлено, посвящая они держать ²⁾,
 bar ^{dsh}_jonnūn a^h_satān širihit šietihān šiellā^{ch}_k
 вся толпа народа кормится, большие кожаные чаны ³⁾ стоять рядомъ, большой праздничный кубокъ ⁴⁾,
 anjahūn ajgā tután zjorohonūn tangarā tohujan kāhā
 большую кружку къ небу держать они, кубочекъ къ Богу они приподнимаютъ вверхъ; кукушка
 k^k_gäksietā ötōn ütā toiōn tschorgujdā kurhatsché kujardā kūrühōj kol^{tsch}_zujdā,
 зоветь, горлица воркуеть, орелъ крахтитъ, маленькая ржанка ⁵⁾ свицеть, жаворонокъ дѣлаеть тредн,
 dālbarāj dajdā turujā njondojdō chās kanylastā kytalyk kyttyštā,
 птица изъ гвѣзда взлетаетъ, журавль идетъ шагомъ аиста, гусь тянется веревницей, аистъ сходится,
 erien chotohojdōch ärgyjdā dabydallāch šalalynnā chōlboj kuor^s_{sch}un-
 пестроперые ⁶⁾, окрыленные возвратились, предплечистые ⁷⁾ вернулись, стаи перстовос-
 nāch cholbōstō ūrjbā-kōgullāch ūrdūštā oṅgotschō kuturuktach orohōstō
 цевь ⁸⁾ собрались, стадо чубоватыхъ ⁹⁾ стоять въ кучѣ, судя ¹⁰⁾, хвостатые идутъ вмѣстѣ,
 šiellā^{ch}_k šyllamnātā šibiktā h^h_sirdāch u^{tsch}_zōr-chonnujalāch omnon ottōch
 гривистые ¹¹⁾ грѣются на солнцѣ ¹²⁾, мѣста хвощевыя, кочко-болотное настбище ¹³⁾, хвощевая лужайка,

¹⁾ Olór, сядь.

²⁾ Передъ влою, саламать въ котлѣ и кумысь въ кружкѣ, которую берутъ за ножку (срав. рисун. на стр. 787—8), посвящая держать вверхъ къ небу (tután) и пронзосать посвятельную рѣчь (alga). Три отборныхъ здоровыхъ и чистыхъ паря ставятся одинъ за другимъ, всѣ лицомъ на востокъ: передній держитъ кружку (anjach), второй кубокъ (tschjogon), послѣдній кубочекъ (Belkāj); у всѣхъ этихъ сосудовъ впрочемъ одинаковая форма.

³⁾ Такой чанъ содержитъ около 350 литръ; онъ гораздо больше упомянутого прежде kjögnögün и украшенъ нарисованными да вышитыми фигурками.

⁴⁾ Ножка его обвита шлейфомъ изъ лошадиныхъ волосъ; ее берутъ обѣими руками и все-таки онъ, по возможности, долженъ быть такъ великъ, что приходится

растянуть руки, чтобы пышій губами могъ дотронуться до края. Онъ содержитъ въ себѣ около 11 литръ.

⁵⁾ Numenius phaeopus.

⁶⁾ Перелетная птицы.

⁷⁾ Кости, на которыхъ держатся маховыя перья.

⁸⁾ Кости, на которыхъ держатся маховыя перья передней части крыла.

⁹⁾ Якуты весною стригутъ кобыламъ гривы, оставляя только чубъ, вдоль лба.

¹⁰⁾ Подобно лодкѣ имѣющія сзади руль.

¹¹⁾ Šyllaj š'iölügö'g = животныя съ гривой.

¹²⁾ Бокомъ, какъ широкой стороной, обращенныя къ солнцу.

¹³⁾ Рѣдкій лѣсъ, на неровной, скалистой, покрытой мхомъ, почвѣ, на которой такъ любитъ расти извѣстный хвощъ сибиктѣ.

tutumāng, kamnalagū $\frac{ch}{k}$ annylāng $\frac{ch}{k}$ agedagūch $\frac{ch}{k}$ araimang šinjelāgū
 не держите, кисейно-одѣтые ¹⁾ становитесь попарно, лохмотно-потертыхъ оставляйте ²⁾, носящихъ
 швы, вышитые гривой сѣв. оленя, ведите, тѣхъ, у которыхъ кушакъ изъ конскихъ волосъ, не ведите.
 šieting šitilāg $\frac{ö}{y}$ sietimāng.

Вторая тсня: Ot-töguljú, травы пѣсня.

Ähögej ogollör kürd $\frac{ö}{y}$ ch kūr šaimmýt körö bnólla kjö $\frac{ch}{g}$ -ot
 Эй! путга! веселье ³⁾ повсюду, лѣтняя пора ⁴⁾, весело становится ⁵⁾ зеленая трава
 köljtschujdā, aragās altán-ot āngaryjdā ikkē-šallalā $\frac{ch}{k}$ ierögoj-ot iedöjdā
 выглядываетъ ⁶⁾, желтая золотая трава колышется ⁷⁾ двулиственно, канавка-трава пышно выросла ⁸⁾
 üšj šallalāch ükör ot üöšj-chäetā tüörd šallalāch löglömöd tölö $\frac{h}{s}$ juidā biečj šalla-
 три-листная, ükör-трава выходить, четыре-листника выдающийся пучокъ выросъ, пяти-лист-
 lāch bettiemöd berke šidā, altā šallalāch aragās-ot alystāta, šiettā šalla-
 ный хвощевой колосъ прекрасно выросъ, шести-листная желтая трава огромная стала, семи лист-
 lāch šierēj-ot šilligiläetā, o $\frac{h}{g}$ ys šallalāch atschā-ot āngaryjdā to $\frac{h}{g}$ ús šallalāch, šolkó-ot
 ная сѣрая трава полноросла, восьми-листная ача-трава выросла, девяти-листная шоль-трава ⁹⁾
 nuorajdā uon šallalāch unār-ot unarsýjdā.
 прилагла, десяти-листная колышущаяся трава мерцаетъ ¹⁰⁾.

Третья тсня: Mās-tögulju, деревъ пѣсня.

Höegyj ogollör ān-dojdu āngarsýjdā ulū-dojdu unarsýjdā kerirj
 Айда! путга! свѣтлая мѣстность ¹¹⁾ блеснить, великая мѣстность блеснить, густой

¹⁾ Китайская пеньковая матерія для женской одежды.

²⁾ Šaraim, мѣть пужно.

³⁾ Kürdjösch (въ такомъ видѣ это слово записано въ другой разъ), веселый. Kürdjösch kis'i, шутникъ.

⁴⁾ Š'ai, лѣто. Для усиленія ставится, говорятъ, передъ š'ai, также k $\frac{ö}{y}$ (веселіе).

⁵⁾ Т. е. теплый лѣтний день вызываетъ на игры.

⁶⁾ Köljtschujäneger, цукаетъ ростки.

⁷⁾ Ängariēnerer или ängaryjäneger, колышется; напр. колосъ на полѣ.

⁸⁾ Iedöjäneger, пышно растетъ вверхъ.

⁹⁾ Даетъ лучшее, преимущественно зеленое сѣно.

¹⁰⁾ Также ängarsýjdā. Колебаніе и дрожаніе предметовъ, повленіе ихъ вдали. Сравн также примѣч. 7-е.

¹¹⁾ Än-dojdu, свѣтлая, сухая, веселая, на проточной водѣ, мѣстность, какую Якуты выбираютъ для своихъ поселеній.

t̄yo k̄ierkyjdā, tumúl tyo tugustā, tietim ogotō titirik
 лѣсъ ¹⁾ щеголяеть, холмистый лѣсъ разувраслся ²⁾, лиственничные молодые ³⁾, молодыхъ лиственницъ
 ojūr šilligiläetā chategym ogotó chachyjāh-ojūr changatā behim ogotó berdshigās-
 чаща позеленѣла, березовые молодые березовая чаща выросла, сосновые молодые молодыхъ сосенъ
 ojūr bejberejdā ūetim ogotó talāch ojūr namulōjdā.
 чаща частить, ивовые молодые ивовая чаща нависла.

Öeg^öj ogollór kerā-k^ulūn k̄ähejtigér knjāster-din k̄äkkellegie^hŷyng keré
 Айда! нутка! саврасья жеребята народились, внязья всѣ сидятъ чинно, то и се
 tyllā k̄äpsetiehāng šur-kulummūt tuškotugár tojottordūn tschuogua^huohūng
 говорятъ болтовню, караовые жеребята родились (?) чиновники сошлись,
 šonnún-tyllā tolkujdahyagyng ⁴⁾ šäl̄yr-kulummūt šamalā tschartschignalyn šāngā tylla
 новое говорятъ, толкуютъ о нихъ, буланые жеребята. Старшины ⁵⁾ новости въ раз-
 šāngāryehyng karā kulummūt ^{ch}/_kannylašnyt kaprāl̄yn channlyehyng ^{ch}/_kannylāch
 говорѣ возвѣщаютъ, вороные жеребята соединились, капралы ⁶⁾ стоять рядомъ, по порядку
 šāngartā āngarsyehyng ulān-kulummūt ujtuttögör uolattardyn oojnuohūng
 новости болтаютъ, сивые жеребята бѣгаютъ туда и сюда. Молодежь мы празднуемъ празд-
 kyttyömyt kymmy^hŷygör kyrgytardyn kyttyhyegyng.
 никъ, перводойныя кобылицы къ кумысу, съ дѣвушками мы соединимся.

Öeg^öj ogollór tüergānj tschelgiän šjälā tennién togús kullogullāch tuo-
 Айда! нутка! загородка ⁷⁾ просторное мѣсто, казатъ растянемъ девяти-клинчатый ⁸⁾, какъ
 rāch kulún iillillān kō^hgör kōtög^hllān behiejegā
 шишен жеребята привязаны, большой кожаный мѣшокъ приподнять вверхъ ⁹⁾ съ мукой коры

¹⁾ Молодые, высокіе, гладкіе стволы котораго живо-
 писно окаймляютъ лужайку.

²⁾ Позеленѣлъ.

³⁾ Стволы лиственницы. Tit, лиственница.

⁴⁾ Съ русскаго толковать.

⁵⁾ Срав. примѣч. 8-е на стр. 802.

⁶⁾ Вожакъ транспортъ, перевозимыхъ на вьючныхъ
 лошадаяхъ; также помощникъ старшины при сборѣ по-

латей, и въ такомъ случаѣ къ каждому роду пристав-
 ленъ свой капралъ.

⁷⁾ Огороженное мѣсто.

⁸⁾ Срав. стр. 800, примѣч. 12-е.

⁹⁾ Во время доенія онъ виситъ на веревкѣ, къ кото-
 рой придѣлано кольцо; когда доеніе окончено, мѣшокъ
 подтягивается кверху, такъ что до него нельзя дотро-
 нуться.

bitiēn kannylāch chaljalāch irīm-dirīm tū^h_süljgälāch dalbar
 переи́мшано вѣсколькими мутовками, трои́чныя березки вставлены, большой берестовый сосудъ
 tardyllynnā tshoktschojlāch $\frac{tsh}{z}$ lorón-ajāch tshuogujdā kākojullāch
 притащень ¹⁾, выпуело рѣзняя праздни́чныя кружки, большія, составлены, рѣзбою украшенные,
 kerien ājā^{ch}_k kākālāetā pároj ²⁾ ullāch mattātschāk parallāatā ymyjā
 березовые кубки стоять рядами, парой убранные кубочки ³⁾ стоять попарно, большой деревян-
 yngyrystā šiellāch anjā^{ch}_k šietistā yhöch
 ный сосудъ притащень, конскимъ волосомъ обвитые праздни́чныя кубки разносятся праздновать кумы-
 yngyrystā šāmál-kymys' tardyllynnā $\frac{k}{x}$ ojú kymys' kutulunnā širhit
 совый праздни́къ сованы, запасный кумысъ притащень, густой кумысъ налить, большой ко-
 širityjdā a^h_syŕ-at buollā aragás' arý adiritschŷ bud-
 жанный сосудъ поставленъ на мѣсто, кислой ⁴⁾ нищей сталъ, желтое масло плаваетъ комками, свернув-
 schurutschú kutulunnā i^h_seašyng ibirák buollá ojnjúŕ uotscharat buollá šangarar
 шееса налито, станемъ ѣсть, готово есть, праздновать очередь есть, поболтать
 tshāštyjā buollá kyr-šaimnu körügör körüö^{hc}_k dshón kör^ä_üläe-
 часть есть, полное гѣто мы привѣтствуемъ торжествуя, праздни́чная толпа народа празд-
 tebit šabānnāch šaimnybyt šalyölygör šangaristybyt.
 нуемъ, дождливое ⁵⁾ гѣто празднуемъ мы.

Wiljuj Tögulju. Пѣсня въ честь рѣки Вилюя.

Öeg^ö_j ogollór, kiellemā-chotún kerā dshoruó kulunnún kiērgātiä^h_gŷn
 Айда! нутка! Киеллемэ⁶⁾-госпожа, саврасые иноходцы родились разгуливая,
 innigör kärir kākā kāmāmytún ogollór kammahát ebām karā dshoruó kulun-
 право, кругомъ въ рядахъ лѣснаго обилия; нутка, Каммахать бабушеа, вороные иноходцы роди-

1) На столикъ.

2) Съ русскаго.

3) Болѣе широки, чѣмъ высоки, и отверстіе уже туля. Рѣзняя фигуры, которыми украшена наружная часть,

называются, когда они виты, toptorgö, а если въ видѣ окопечекъ, s'uras'ŷn.

4) Имѣетъ еще значеніе: готовое.

5) Потому что цѣтъ болѣе снѣгу.

6) Рѣка или рѣчка въ области Вилюя.

nún $\frac{ch}{k}$ amsietyā^hyn innigōr $\frac{ch}{k}$ annylāch chatyngnamyttyn ogollór suól-ebām sūr
лись, гордо шагают¹⁾, право, въ густомъ березовомъ лѣсу, путка, Суоль-бабушка, кара-
 $\frac{dsh}{j}$ oruó kulunnún tukšaryähyn innigōr tomoruón maštamyttyn ogollór
ковыя вноходцы родились щегольскіе, право, въ толстоствольномъ лѣсу, путка,
siellemā-ebām šīery $\frac{dsh}{j}$ oruó kulunnún sitteriehyn innigōr tschāgiān tscharaŋgna-
Сиеллема-бабушка, сѣрые вноходцы родились безуиречные, право, въ здоровомъ березовомъ
myttyn ogollór.
лѣсу, право.

Öeg^öj ogollór Tāt-ebām kytajkā³⁾ kyrdalāch kyrtās sirdāch
Айда! путка! Татъ²⁾-бабушка, китайкѣ подобное высокое мѣсто, свободное мѣсто;
cholustā⁴⁾ chonnulāch chordohoj cho^{tsch}/_zollōch Tāt-ebām altān allāstāch
холсту подобно открытое поле, покатоое ровное поле, Татъ-бабушка, мѣдная лѣсная лысинка,
s̄yō šy^h/_syllāch Tāt ebām motuōch solkō mutuntatā mungutātā šierej
какъ сало гладкій свободный берегъ, Татъ-бабушка, мотокъ шелку, почка раскрылась, сѣрый
solkó šābirdāgā šiliglāetā tschoptschú kōmūs̄j tuora^h/_g torolujdō karā kōmūs̄j
шелкъ, листъ распустился, шарикъ-пуговка серебряная, шнурки стали велки, черное серебро,
chatyryg^ā/_ö kangātā Tāt ebām ütūō dojdū kihilin kerā $\frac{dsh}{j}$ onnún
бора уютеллась, Татъ-бабушка, хорошее мѣсто, люди веселы⁵⁾, пароднаго собранія
duoraŋgā⁶⁾ ān dojdū buolān chotuttardyn $\frac{ch}{k}$ amsyk ulū dojdū buola uolot-
дорога, свободное мѣсто будучи, госпожъ важничающихъ всякое мѣсто, будучи парин
tardyn uluetuk Tāt ebām.
молодые гордые, Татъ-бабушка.

Ütūō dojdū ötōng kyllāch kerā dojdū kāgā kyllāch tollū dojdū
Прекрасное мѣсто голуби-птицы, веселое мѣсто кукушки-птицы, хорошо обставленное мѣсто
toīōn kyllāch kytý dojdū¹⁾ kytallýk kyllāch modun dojdū mochšoolg kyllāch turū
орлы-птицы, береговое мѣсто журавли⁷⁾-птицы, необузданное мѣсто соколы-птицы, родное

¹⁾ $\frac{Ch}{k}$ ams'iebut, щеголяетъ.

²⁾ Название рѣки.

³⁾ Съ русскаго. Значить: гладко и чисто какъ китайка.

⁴⁾ Съ русскаго.

⁵⁾ Собственно значить, говорягъ, красно желтый.

⁶⁾ Съ русскаго.

⁷⁾ Самый большой; можетъ быть leucogerynos.

dojdu turujög kylläch kiēng dojdu chās kylläch kütür dojdu kōgōng kylläch allā
мѣсто журавли ¹⁾-птицы, просторное мѣсто гуси-птицы, дурное мѣсто селезни-птицы, низкое

dojdu and^ög kylläch mängä dojdu birginnjāk kylläch tjoktyrgón uläch
мѣсто черныя утки-птицы, пустынное мѣсто крикушки-птицы, кочковатое водяное мѣсто

tshorkoj kylläch unār dojdu orulóst kylläch šalыр dojdu šachšá kylläch.

чирки-птицы, сухой тумалъ мѣсто утки (?) -птицы, котель-мѣсто утен (вида?)— птицы ²⁾.

Eäg^öj tshjédu tshjäl burán tshjälkök, bērt dojdu berdér kylläch, šašyl
Айда! путка! зеленый холмъ сочно-зеленый, прекрасное мѣсто рысь-дичь, лисье

dojdu šārba kylläch šieröj dojdu tm kylläch bödōng dojdu borōh kylläch ulachán dojdu
мѣсто соболь-дичь, сѣрое мѣсто бѣлка-дичь, большое мѣсто волкъ-дичь, большое мѣсто

ulū kylläch djerán dojdu tabá kylläch talajgon uläch tārban kylläch šūr
лось-дичь, ключевое мѣсто сѣв. олень-дичь, ? ³⁾ сонная сурьковая дичь, сѣрое какъ шиферъ

dojdu šolongkól kylläch šandár chonnú šašyl kylläch kyrymák
мѣсто хорьковая ⁴⁾ дичь, просвѣчивающій лѣсъ на равнинѣ лисья дичь, осенній снѣжный пушокъ

chonnuläch kyršá kylläch baštýng dojdu barán kylläch $\frac{ch}{k}$ otól chon-
на свободномъ мѣстѣ песцовая дичь, превосходнѣйшее мѣсто баранъ звѣрь, котель— сво-

nuläch kohól kylläch nedjer^ö $\frac{ch}{k}$ onnuläch šibinjō ⁵⁾ kylläch yrās chonnuläch
бодное мѣсто козель-звѣрь, лужи мѣсто свинья-звѣрь, чистое свободное мѣсто

anā^{ch} kylläch kyrdāl chonnuläch šylgý kylläch eägyj tshjälguök.

корова-звѣрь, дерповое свободное мѣсто кобыла-звѣрь, эй! сочно-зелено!

Въ такомъ родѣ бываютъ рѣчи и пѣсни Якутовъ. Хотя эти, полные жизни, наблюдатели природы готовы пѣть во всякое время, но единственные музыкальные инструменты, которые я встрѣчалъ у нихъ, были изображенные на стр. 808 скрипка и варганъ. Оба очевидно заимствованы у Русскихъ. Музыка, сопровождающая ихъ пляску, заключается въ вышесообщенныхъ пѣсняхъ и, судя по обращению, который мнѣ самому привелось

¹⁾ Сѣрые съ бѣлой головой.

²⁾ Кромѣ множества указанныхъ выше названій мѣстъ и тѣхъ, которыя значатся въ словарѣ, я слышалъ еще: Chotschō, свободное мѣсто при ручейкѣ.

³⁾ Якутскіе мои спутники, также какъ и самъ пѣвецъ,

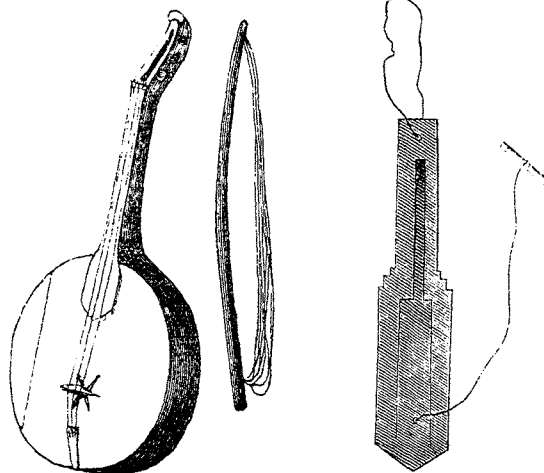
Миддепдорфъ, Путешеств. по Сиб., ч. II.

не умѣли объяснить мнѣ значеніе этого слова; «оно изъ стари принято», говорили они.

⁴⁾ Сибирскій хорекъ, Must. sibirica.

⁵⁾ Взято съ русскаго, также какъ и слова barán и kohól.

видѣть, прекрасно идетъ къ ней, потому что пляска ихъ состоитъ не въ порывистомъ прыганіи, какъ у Тунгусовъ, а въ повтореніи той торжественной поступи, которую мы видѣли у Самоѣдовъ. Медленно и торжественно движется составленный кругъ; участвующіе въ немъ,

Якутск.: Комосс.

постоянно кланяясь, стараются привести себя въ какое-то одуряющее головокруженіе, а запѣвала произносить свои воззванія, которыя вся толпа подхватываетъ хоромъ.

О раздрающей слухъ музыкѣ этого рода можно судить по нижеслѣдующимъ нотамъ, которыя я записалъ какъ средній результатъ сердечныхъ изліяній помощника моего вожака; ни въ словахъ, ни въ мелодіи не было ничего опредѣленнаго.

Хотя тотчасъ-же узнавалось прежде слышанное, но все-таки можно было различать и варианты.

За этими пѣснями сообщаю еще сказку, которая впрочемъ записана наскоро и при болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ сообщенное мною выше. И въ сказкѣ нѣкоторыя роли произносятся на распѣвъ, такъ что я не мало удивился, когда среди темной ночи въ лѣсу меня разбудило громкое пѣніе изъ раскинутаго по близости шалаша Якута. На мой вопросъ, что это за пѣніе, мнѣ отвѣтили: «это старикъ, онъ рассказываетъ сказки. Теперь поетъ дѣвушка, теперь лошадь» и т. д.

Eren toion, Eberätschí chotún uolà Eredelj, bergän, širten tut

Храброго ¹⁾ вождя Эберэчи жены сынъ Эредель, мѣтко попадая, отъ земли крѣпко держа

¹⁾ Переводчикъ постоянно возвращался къ значенію «пестрый».

ulluktāch, challantan šitimnāch, ūrūng kōmūšj balagannāch, ūrūng kōmūšj ūrūtāch,
 бедристый, отъ неба съ веревкой, бѣло-серебряный балаганъ, бѣло-серебряная покрывка,
 dolgujbát muoštallāch, chotun dshächtar ošochtó uót uottullān diätāgnā
 не колеблясь перекнутый мостомъ, госпожа, женщина, въ печи огонь развести приказала,
 uottulān kelér arahas šyšy šāhá stuollāch ōgurūmōr ohus būdüriā tüspū-
 затопить идти желтый тащится такой большой какъ столъ, четырехлѣтній бѣкъ спотыкаясь падаетъ
 tūnj kurduk modsholāch šiettā kiši tābān turan aspāt dshiellāch
 на колѣни подобно порогу; семь человекъ упряясь тѣснятся, не могутъ открыть дверь,
 šielilāchhāt šitpāt šielbāt kürjöllāch, a^h_gys kiši a^h_gapāt chalgannāch
 рысакъ обѣгаетъ не рысью, сѣни; восемь человекъ не открываютъ ворота
 altān, ūšj kiši olujān aspāt oldurdāch uolān kiši šadāch igirdāch
 мѣдвня, три человека двигая не открываютъ задвижку, молодые люди; дубъ тугой ¹⁾
 bošchó bulgunāgy urān kābišpit kurduk ōngyrdāch kybāch kyttybattāch
 бездревесный, какъ холмъ наложенный оставленъ какъ бы сѣдло; отъ метели выпущенный
 kyšā^{s'}_kalach ^{ch}_kommurāch chommotóch tuššalāch toion kiši kinkinitschi
 дворникъ, вьюги свободное мѣсто скотный дворъ, какъ важные люди громкогласно
 kāpsetān turarýn kurduk šergelāch baštyn šergetigór Bar kyllāch orto
 разговариваютъ стоять точно какъ рядомъ, на первомъ столбѣ Баръ (²)-птица, на среднемъ
 šergetigór kāha kyllāch bullytān bysā šürān kirbit bystāch kūnten
 столбѣ кукушка птица, ? огорода бѣгутъ быстро огороженное, какъ солнцемъ
 küejā širenj kirbitiu kurduk künnāch challantān kajá šürbütün kurduk
 отрѣзанное мѣсто, зашедшимъ подобно солнцу; отъ неба скала отдѣлившись ³⁾ подобно
^{ch}_ka^h_salā^{ch}_k Allabulla attāch kurbu dšerbí cholunnach chān-tāngará chan-targatá ūnnjāch
 копышня, Аллабулла лошадь, ? ? подруга кроваваго бога кровь гоняя узда,
 tjört tōšūnnjāch kōntōštāch ulu ūrā^{ch}_k togojdonnōn tüspütünj kurduk njäriilyr
 четыре узды поводъ ⁴⁾, большой рѣки изгибъ извивающійся подобно дубъ

¹⁾ Igig значитъ еще, какъ говорятъ, столбъ, на кото-
 рый вѣшаютъ вещи.

²⁾ Баспословная птица.

³⁾ Šürbüty, отъ убѣжалъ.

⁴⁾ Вмѣстѣ съ поводомъ, изъ конскаго волоса.

muos̄ šaläch üs̄j ürūmittebättäch ütj kjölläch kará $\frac{dsh}{j}$ áj s̄ystybatā
 рога вѣтвь, три не покрывающіяся льдомъ молочныя озера, темная грязь приставать ¹⁾

buolloha kara dalain u - tühör chaštanimán kjöch dalajgar ahys̄ attachtäch
 не смѣла бы, чернаго потока къ водѣ смыль ²⁾ у прекраснаго моря; на восьми столбахъ

aranga^{s̄}_hyggar šalgynga šajá a^h_gys̄ tarán älin djekiten etér-bulyt
 запасной амбаръ обвѣваемый вѣтромъ пребываетъ, восемь чешутся на востокъ громовыя тучи ³⁾

šongryttan tschuo bulyt tschuoguján ürdügör tiän kelän orto tünän by^h_{s̄}a
 плачутъ, кучевныя облака сгучиваются на верху подхожда около полуночи раздѣляется

baran ongojön turdá kiniächa tyl ättä: šoronán kellim ongo^h_{s̄}ün änj akár
 врозь раскрываясь начиная къ нему слова сказала: нарочно я пришелъ приготовься ты ?

ol dojdū^h_ga ol dojduttán chollonokún bulba tahkyn min iächa ildshīt kellim
 изъ того міра въ этотъ міръ ⁴⁾ тебѣ подобнаго исхать ? я къ тебѣ посломъ прихожу,

kjā^h_{s̄}yynnyn kyrrötynnan bilän, s̄ainym šamyrynán bilän uol ki^{s̄}_hi uo^h_ga
 зиму по инею узнавая, лѣто по дождю узнавая, молодой человѣкъ въ молодости

uruschäl buolán ädär beiem emgenien kelim nutschä ki^h_{s̄}i chuollutunan
 уставшимъ сдѣлавшимся, млажавое тѣло дряхлое приходитъ, русскіе люди по обычаю

šū^h_{s̄}ün $\frac{ch}{k}$ aba ortotunan chuolodā tünük charraktäch nutschä kišī bór chor-
 на лбу прямо по срединѣ оковница съ большимъ окномъ такой глазъ, русскіе люди глину ко-

ruér kurdhagyn kurduk tistäch tangälain $\frac{ch}{k}$ aba ortotügör kōchö arbyjä tistäch
 пая лопатъ подобный зубъ въ крѣпкомъ нѣбѣ прямо по срединѣ врюкастое тѣло зубомъ

tüā^h_{s̄}ünj $\frac{ch}{k}$ aba ortotügör buoläch ililäch šamagyn $\frac{ch}{k}$ aba ortotügör attachtäch
 грудной кости прямо по срединѣ пмѣя руку, у таза прямо по срединѣ нога,

šir byštybutyn kurduk širidäch kajá chajdybutyn kurduk cha-
 глыбѣ земли оторванной подобно; отдѣльно стоящей верхушкѣ скалы треснувшей подобно глазъ

rachtäch šyllaštygás šymmys̄sachtäch alys̄-dienj kišī šüölj-dienj
 имѣющей, скалящую нижнюю губу. Весьма необыкновенный человѣкъ, весьма замѣчательный

¹⁾ S̄ys̄tybut, пристало; s̄ys̄tybat, не приставая.

³⁾ Опъ говорить изъ облаковъ.

²⁾ Chas'ta, грязь. — Anjānperer, онъ смываетъ или стм-
раетъ.

⁴⁾ Соответствуетъ, говорятъ, выраженію «за триде-
вать земель» въ русскіихъ сказкахъ.

kiši kelen turar Erejdelj bergänj än akár kelím albán ukuján
 человекъ идетъ стоитъ тамъ Эрейдель, мѣтко попадающій; я ? пришелъ краше ?

dshon dshagadyjen berejdā-bergänj tiritä tibätj kur-
 народъ ? мѣтко попадающій, сирой кожѣ, которая не хочетъ болѣе растягиваться, по-
 duk kysyrbýt maŋgajkan alläch tylын kördördä minigin bäs̄j tscherpatyn kurduk
 добно озлобленный; крошечный, быстро языкъ показать онъ, я, еловой щепелѣ, половѣ подобно,
 ót chodulun kurduk šannatagyn kurduk šulumäch ochpunan byjeryn
 сѣна остаткамъ подобно, мыслямъ подобно, одноконечной стрѣлой прострѣливая печень
 chabá ortotunan kara^hg-allan túsüräjabyn kurduk dügör inän dügalitän suo^hc-á ājannan
 прямо по среднѣ держашейся, брошенной подобно ? ? убирайся, не стану отпускать,
 attannaryäm suo^hc-á üönnär üöjächtatäm chommurduos̄par kuahonḡ notuom suo^hc-á
 позволять ѣхать ¹⁾ не стану, червямъ буду кормить, водянымъ жукамъ не стану
 bu kiši ulú tumuligör tús̄jtäbeietä Erejdelj bergänj ahyš̄ šylḡy
 этого человека; съ большого мяса спустился Эрейдель мѣтко падая, восемь лошадей
 mäldshī šildjibyttör khatyn šalyn et̄n āniänā chotū brachtын šüötün
 откормленных ²⁾ пасущихся грудной жиръ, сало, мясо внизъ ³⁾ съ отлогости бросаю, лошадь
 šys̄y ch^ok-otū kötör šürär as̄an siēn ch^ok-otū songurú temirien bārbyt
 внизъ на равнину, звѣрю бѣгающему ⁴⁾ въ пищу наѣвшись къ сѣверу и къ югу взлетѣли все вмѣстѣ,
 šiettä šichtächširi is̄iti ajman-šajman kumys̄yn törgū šimirähā
 изъ семи шитыхъ кожъ большіе мѣха палиты туда и сюда ⁵⁾ кумысъ на подпругѣ въ малень-
 tohon-chorón tolорón barán atyn kinigör üšj-kun̄gagár ignārān
 комъ кожаномъ мѣшкѣ ⁶⁾ небрежно налиты будучи, коню своему тре-ухому пестрому
 käbišpitā et̄n šür kurduk šimmämittäch kurduk taŋnybyt bārbyt kys̄ynын
 сунулъ онъ мясо ? подобно, въ полномъ вооруженіи какъ бы празднично одѣтый всю зиму

¹⁾ Attanabyn, сажусь на коня.

²⁾ Не употребленныхъ на работу и къ дурное время года получавшихъ добавочный кормъ.

³⁾ Онъ ѣсть только чистое сало, и откидываетъ прочь мясо. Chaŋajā chotū chaltarytты, внизъ съ холма они скатили.

⁴⁾ Означаетъ, говорятъ, преимущественно дикихъ звѣрей, которыхъ Якуты вскармливаютъ для своего употребленія.

⁵⁾ Также ajmanān šajmanān.

⁶⁾ Š'imirtschäch, еще меньшій Š'imirj.

kyrystynöm bilänj šasnyñ šamuryñan bilänj örlī-ötörli keljbitärin bilbä-
 по инею ¹⁾ узпавал, веспу по дождю узпавал, долго-ли, скоро-ли странствующаго пе-
 täch и т. д.
 знаю.

На этомъ я прерываю передачу якутскаго текста, ограничиваясь сообщеніемъ дальнѣйшаго хода сказки въ приблизительномъ переводѣ.

Однажды герой высмотрѣлъ другаго великана, который убѣждалъ передъ нимъ. Онъ погналъ свою лошадь, чтобъ преслѣдовать его.

Но во время скачки передній выставилъ цѣлую гору, чтобы заградить дорогу. Другой схватилъ лукъ и стрѣлою да топоромъ просѣкъ всю гору, такъ что образовалось ущелье, по которому онъ продолжалъ свое преслѣдованіе. Прибывъ на верхушку горы, онъ увидѣлъ серебряный юртъ и красивыхъ дѣвушекъ, которыя плясали по якутски. Какъ только онѣ увидѣли его, такъ и исчезли. Онъ подѣхалъ къ юрту и вотъ изъ него выпли всѣ девять дѣвушекъ и каждая изъ нихъ подала ему кружку съ кумысомъ. Онѣ подали ему и сказали: мы поджидаемъ тебя уже девятой годъ, такъ какъ ты очень славенъ и силенъ. Онѣ попросили его остановиться и посмотрѣть на нихъ добрымъ взглядомъ. Ты, продолжали онѣ, странникъ, ты долженъ отдохнуть у насъ, переночевать и мы покажемъ тебѣ дорогу къ тому, котораго ты преслѣдуешь.

Намѣреваясь остановиться, онъ стянулъ свою лошадь, но она не пошла къ столбу, а сказала: господинъ, не слушайся ихъ, не то мы погибнемъ тутъ оба. Онъ поворотилъ лошадь, слезы проливая съ горя, что ему приходится разставаться.

Не знаемъ, долго-ли или недолго онъ продолжалъ свое преслѣдованіе — опять предъ нимъ гора, опять онъ пробилъ себѣ черезъ нее дорогу, добрался до вершины и увидѣлъ семь дѣвушекъ. (За тѣмъ слѣдуетъ повтореніе выше-сказаннаго).

Отправляясь далѣе, онъ увидѣлъ прекрасныя мѣстности, луга, лѣса, птицъ и животныхъ особаго рода, безчисленное множество стадъ, въ которыхъ у телятъ и жеребятъ были серебряные и золотые намордники. Онъ увидѣлъ юртъ въ 30 этажей и безчисленное множество народа, который плясалъ, пѣлъ, игралъ и боролся. На бѣлыхъ коняхъ подѣхали къ нему три человѣка, каждый съ кнутомъ въ рукѣ. Откуда ты идешь? наша душа никого терпѣть не можетъ.

Я пріѣхалъ сюда для Вашей славы, помѣряться съ Вами въ кулачномъ бою и добыть себѣ невѣсту. Отъ этого слова всѣ трое отшатнулись назадъ и весь народъ, сколько его тамъ ни было, спрятался, такъ что онъ никого не нашелъ. Юртъ былъ запертъ. Онъ

¹⁾ Образовавшійся на бородѣ ипей.

привязать свою лошадь къ столбу и столбъ погнулся; онъ повѣсилъ лукъ и стрѣлы на другой столбъ и тотъ согнулся подъ тяжестью. Онъ же злобно ходилъ туда и сюда и отъ гнѣва провалился въ землю по колѣна.

Примѣчаніе. Помѣщая тутъ сборникъ словъ, которыя въ якутско-нѣмецкомъ словарѣ (во 2-ой части 3-го тома нѣм. изд. этого сочиненія) или сразу не отыскиваются или не значатся по крайней мѣрѣ въ указанномъ выше значеніи или формѣ. Если кое-гдѣ и окажется, можетъ быть, излишекъ добра, то онъ все-таки не можетъ принести вреда.

- ai. . . . . великій духъ, создатель.
 aṅgár (вм. aṅgará); на-
 пр. Liwér aṅgar
 (поль) šalata . . . . . одинъ изъ двухъ, напр.
 Ливѣра, притока въ
 верховьяхъ (изъ двухъ).
 atā kem? или atā chan-
 nýk? . . . . . имя какое? какъ тебя
 зовутъ?
 atschī, вм. atschigyj,
 напр. toión.
 ateleahým . . . . . я куплю.
 ānārahā . . . . . по ту сторону.
 annanagý; напр. barý
 šír künj annanagý . . . . . обращенный, напр. всѣ
 мѣстности, обращен-
 ные къ солнцу,
 ararānnerābin . . . . . я раскалываю.
 āriég . . . . . деревянная ступка.
 arguj . . . . . осторожно.
 ajannán isābin . . . . . странствуя иду я.
 aljatým . . . . . я разломалъ.
 aljatā . . . . . онъ разломалъ.
 aljanna . . . . . разломано.
 aljamyt . . . . . разломано, разорвано,
 напр. чулки.
 allā . . . . . подпруга сѣв. оленя (изо-
 бражена на стр. 498).
 āš, напр. šarym āš или
 ahál miächa . . . . . подай, напр. сапоги по-
 дай мнѣ.
 āš вм. türör . . . . . поставь.
 āš . . . . . поѣзжай.
 ašá . . . . . ѣшь.
 āštyn . . . . . пусть онъ ѣсть.
 āsannerābin . . . . . я совершаю путь, перехо-
 жу, напр. черезъ рѣку.
 āsannerābin . . . . . я ѣмъ.
 āšpytým . . . . . я ѣхалъ.
 āšabytým, āštyn . . . . . пусть онъ (мимо) ѣдетъ
 (= ajannatyn).
 āšyehum . . . . . буду ѣхать.
 āšyehum . . . . . буду ѣсть.
 ašbe . . . . . косоплетка (изобр. натабл.
 XV, рис. 3 нѣм. изд.).
 āak . . . . . да.
 āppitej tuohú . . . . . ты сказалъ что?
 также tuohú etér.
 ābān, напр. ābān āt или
 ābān kārpsā; ābān
 šaban . . . . . прибавь; напр. говори
 подробности; прежде
 чѣмъ закроешь (мѣ-
 шокъ) добавь.
 āb, напр. mašká . . . . . добавь, напр. дровъ (къ
 огню).
 ābārā или ābiāch bu-
 olta . . . . . онъ хотѣлъ добавитъ.
 ābygdā chatým . . . . . каменная береза.
 āmšchirā . . . . . тунгусскіе полусапожки
 (по тунгусски: olot-
 schi, по русски: чор-
 тоходы).
 ārieg . . . . . деревянная ступка.
 kin(i)-ältin . . . . . пусть увезетъ.
 ogúṅ вм. uṅgór . . . . . по ту сторону.
 otschegó . . . . . въ то время.
 ontón . . . . . оттуда, далѣе.
 dshontón . . . . . отъ народа.
 oṅgojú (также кунугу) мошка.

Въ юртѣ у хозяина дома была восьмидесятилѣтняя старушка, выгребавшая навозъ изъ хлѣбовъ. Она выступила съ лопатой, встала возлѣ очага и сказала хозяину ¹⁾: Ты такъ разсудителенъ и уменъ; зачѣмъ ты не встрѣчаешь героя, окруживъ себя сыновьями и дочерьми? Ступайте ему на встрѣчу, возьмите его за бѣлыя ручки, разстелите бѣлыя лошадиныя шкуры и посадите его въ юртѣ на лежанку.

Хозяинъ напустился на нее: Ты что же пришла меня учить. Ступай сама встрѣчать его.

Старуха не могла открыть дверь, а потому пролѣзла подъ порогомъ въ сѣни и взглянула на чужаго. Увидѣвъ его, она побѣжала назадъ, опять остановилась у очага и воскликнула: что ты знаешь, хозяинъ! къ намъ подѣхалъ верхомъ человекъ, который добромъ не уѣдетъ, потому что ростомъ онъ въ лиственницу, лядвеи его похожи на толстыя бревна, руки его подобны стволамъ; сегодня мы въ послѣдній разъ живемъ. Какъ ты думаешь раздѣлаться съ нимъ?

oṅgotschó	деревянная лодка.	iipurunuj }	котораго я разспраши-
oṅgojänneräbin	я гляжу на.	iiputtym }	валъ.
oṅgoidüm	я глядѣлъ на.	yüt	спроси.
orochā	красть.	iipukynuj }	разспрашивалъ онъ.
ōrda	онъ укралъ.	iiputtaj }	
mannā orbatter	здѣсь не крадутъ.	iipatyn	я не разспрашиваю.
olōm	бродъ.	ikkeni buolbut	мы нашли двухъ.
ōidebopin (ōidüō)	не понимаю смысла того, что ты говоришь.	ikkeli	по два.
ištibāpin	не понимаю (твоего) языка.	ikkihiṅg = ikkišj	второй.
biļbāpin	не знаю (этого).	ininnā	сперва.
yṅgyr	позови его.	ašyr ininnā	передъ обѣдомъ.
yutyṅg	отпустите.	tigiriṅg ininnā	прежде чѣмъ ты со- шьешь это.
ytýk	мутовка.	ṅgororūṅg ininnā	прежде чѣмъ ты сдѣ- лаешь это.
yt o ^h ol ^á _o	сукинъ сынъ.	argujō ininnā	въ то время какъ.
yt ogotó	кобель.	innigör	впереди.
ymmunach	чесотка.	uot innigör	передъ огнемъ (напр. сушить).
yjänerý, также jānerý	охотничий ремень.	kinnigör, напр. ba-	
yrāch	давно; дорого.	riächā	позади, напр. идти.
ienā, напр. Iwan ienā	принадлежащій.	iš	идти. Глаголь этотъ ка- зался мнѣ неполнымъ, потому что какъ скоро нужно было сказать: они пойдутъ вездѣ,
iennerā, напр. mien-			
nerā; Utschur ien-			
nerā	(притоки).		
iitannerer	онъ спрашиваетъ.		

¹⁾ Рѣчь старухи произносилась на распѣвъ.

Гдѣ, вскричалъ старикъ, мои восемь сыновей, гдѣ мои восемь дочерей? ступайте встрѣчать его почтительно, чтобы онъ насъ не притѣснялъ.

Старикъ-хозяинъ спросилъ старуху: ты, старуха, лучше знаешь, какъ намъ слѣдуетъ обращаться съ нимъ? Она отвѣчала: вымойте меня хорошенько въ тепломъ молокѣ и я стану красавицей; отведите меня по скорѣе къ кузнецу Батамаю, онъ перекуетъ мнѣ руки и зубы. Онъ увезетъ меня, а нѣкоторыхъ другихъ, можетъ быть, убьетъ; противъ этого ничего не подѣлаешь.

Но въ переднемъ углу юрты лежитъ свать Харланъ Моксоголъ, лежитъ столько времени, что постель его вся покрылась плесенью; онъ слышитъ все, сильно испуганъ и говоритъ хозяину: когда же ты мнѣ отдашь дочь свою? вѣдь я лежу здѣсь вотъ уже 30 лѣтъ и жду, а ты затягиваешь дѣло.

Освободи насъ отъ великана.

Почему же нѣтъ? я его живаго разорву на куски. Онъ потянулся, выдавилъ при

	всегда употреблялось слово <i>källiächterá</i> .	<i>üšjkiäbít</i> , напр. <i>bašpar</i>
<i>uottach</i> , напр. <i>tāš</i> ...	огонь дающій, напр. камень.	<i>ālbäch byt</i> ..... умножились, напр. вши на головѣ.
<i>uottonneräbin, uottom</i>	я развожу (разводилъ) огонь.	<i>kāha</i> ..... каша.
<i>uottór</i>	онъ разводитъ огонь.	<i>kārätik</i> ..... разное, то и сѣ.
<i>uot-uottum</i>	я разведу огонь.	<i>käsibin (min)</i> ..... я дарю (особенно подарокъ гостю).
<i>uot-uottun</i>	разведи огонь.	<i>käsitā</i> ..... онъ подарилъ.
<i>uṅgoritäch</i>	по ту сторону.	<i>kohäk</i> ..... скребница (изображ. на стр. 721).
<i>unán</i>	орошень.	<i>kō^hül^g</i> ..... отдѣльные длинные волосы, оставляемые при обритой головѣ.
<i>ulachan kiší</i>	зватный или богатый человекъ.	<i>kötönnišellér</i> ..... летать роємъ.
<i>ügör</i>	по направленію.	<i>köbušanneräbin</i> ..... я не трогаю.
<i>ürdügör</i>	вверхъ; напр. слишкомъ высоко попалъ.	<i>kōra^hāšiličhaptšchan</i>
<i>allera-t-ügör</i>	сверху внизъ; напр. слишкомъ низко попалъ (выстрѣломъ).	<i>šir</i> ..... ущелье.
<i>išät-ügör</i>	снизу вверхъ.	<i>kōran baran</i> ..... было узко.
<i>bir, üšj, tüörd-ügöt-angará</i>	$1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$.	<i>kōrulan isér bardallar</i> массами идутъ они.
<i>ühä</i>	выше.	<i>köstör</i> , напр. <i>sārbá</i> .. въ виду соболя.
отъ <i>ürdjúk</i>		<i>Burukan köstör-du?</i> Буруканъ въ виду?
<i>bār^d ühā, bār^d ür- djúk</i>	чрезвычайно высоко.	<i>kyty-dékin</i> ..... вдоль морскаго прибрежья.
<i>ütā (taba)</i>	доится сѣв. олень.	<i>kyttyehýn</i> , напр. <i>kyt- tyehýn isér</i> ..... вмѣстѣ; онъ (птицы) тянутся вереницами.
<i>ürj</i>	радуйся	103

этомъ половину юртовой стѣны, присѣлъ на свою лежанку и поскакалъ къ прибывшему прямо на встрѣчу. Откуда ты явился, несчастный? слышалъ ты обо мнѣ? и они начали бороться. Одинъ приподнялъ другаго черезъ ногу свою, такъ что онъ упалъ на всѣ четверинки, но этотъ приподрился, вскочилъ съ крикомъ и накинулся на одоляющаго такъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ справиться съ другимъ. Злобно схватилъ свать своего соперника за бокъ и вырвалъ у него восемь реберъ. Послѣдній вскрикнулъ: какое ты мнѣ нанесъ оскорбленіе! кинулся на свата, сталъ его давить, схватилъ его за носъ за голову и оторвалъ ее у него. Вотъ тебѣ, сказалъ онъ хозяину, голова твоего жданнаго зятя, и бросилъ его въ юртъ какъ мячикъ.

Славно, молодець, спасибо тебѣ, что ты его побѣдилъ; тебя давно я ждалъ. Онъ бросилъ бездыханный трупъ въ яму, принесъ дровъ и сжегъ его.

Нѣтъ-ли еще кого-нибудь тамъ, въ юртѣ? не убѣжалъ-ли кто? я догоню его, хочу побороться съ нимъ.

kunnaräbin, kunnaräbin . . . . . я хочу.
 kunnarynnym . . . . . я хотѣлъ.
 kyrgytär (безъ ед. ч.) дѣвушка. Въжливо вмѣсто kyštär.
 kitschain bāi . . . . . тщательно завяжи.
 kinitén isér . . . . . ступайте сзади.
 tošujon isér.
 kimten tachšör . . . . . изъ какой (рѣки) вытекаетъ онъ, т. е. въ какую течетъ онъ.
 kildäch . . . . . грязно.
 kuotar^ännerräbin . . . . . я отпускаю.
 kuotoryng . . . . . не гонись за.
 kumuljäch . . . . . половинка лосиной шкуры.
 kujär kiši . . . . . дуралей, негодай, шалунъ.
 kütür . . . . . дурное, трудно проходимое мѣсто (гора, болото, чаща).
 künjjäs² . . . . . удушливо жаркій лѣтній день.
 külümkönnym . . . . . я улыбаюсь.
 kjärgenabyn . . . . . я удаляю.
 kjärgyn . . . . . удали.
 kjördäbin . . . . . я срубая (дерево).
 iti mahä kjört . . . . . это дерево сруби.

kjös . . . . . глиняный горшокъ.
 (срав. Якутскій словарь, стр. 438, подъ словомъ byštynġ.)
 chaitabyn . . . . . я колю.
 chaitala . . . . . расколи.
 channylaspyt, напр.
^{dsh}/_jonnór . . . . . стоящая рядами толпа.
 chamyehyng . . . . . мы собираемся.
 chär . . . . . убой, настъ.
 chararännerer . . . . . снѣгъ сходить или исчезаетъ.
 chär, tü^hör, tüsännerer, tüstā . . . . . паль.
 chärnanneräbin . . . . . я давлюсь, я подавился чѣмъ.
 chaljä . . . . . дощечка для покрышки, большею частью узорчатая. Чтобы отверстіе кожанаго сосуда, въ которомъ взбалтывается кумысъ, не закрывалось, въ него вставляется такая дощечка и чрезъ продѣланное посреди ея от-

За тройнымъ замкомъ въ балаганѣ стоитъ огненный крылатый конь; коли ты одо-
лѣшь его, твое все, что мнѣ принадлежитъ.

Онъ побѣжалъ туда, и при напорѣ выбилъ дверь; выскочилъ конь и прямо на него.
Онъ схватилъ его за уши и понеслись они по полю, но на всемъ скаку онъ оторвалъ
коню голову и бросилъ ее хозяину, говоря: сохрани это на память. Народъ глядѣлъ на
это издали, разбѣжался и спрятался; хозяинъ же послалъ герою своего гонца съ запро-
сомъ, что ему угодно, двуногое-ли, скоть-ли или имущество.

Всего этого мнѣ не нужно; хотѣлось бы мнѣ только взглянуть на твою младшую
дочь, куторую ты никому не показываешь.

Какъ не показать, отвѣтилъ онъ; охотно даю ее тебѣ. Всѣ торжественно пошли
на встрѣчу ему, герою. Отъ столба до постели разостлали ему рысьи шкуры съ лапами
и хвостами, на постель также положили рысьи шкуры.

Между тѣмъ старуха отправилась къ невѣстѣ и сказала ей: ты пропала, твой ко-

	веретіе кумысъ раз- балтывается.	Elgejá-tén kutschu- guj . . . . . меньше Эльгеи.
chaj вм. chaja, напр.		tarpytym . . . . . я курилъ.
chaj-déki	гдѣ, куда.	tās-solúr . . . . . каменный котель.
chajänneräbin	я посыпаю.	taštäch-solúr . . . . . котель, въ которомъ ле- жать камни.
напр. charnán	снѣгомъ.	tärwēs . . . . . кольцо туловищной части штановъ, къ которому, посредствомъ ремня šyrká подвязывается бедренная часть шта- новъ.
chottung (minigín)	ты обсчиталъ меня.	tongno . . . . . замерзло.
chonnuktäch	ночной приваль.	tōš . . . . . береста.
bir chonnuktach	одна ночевка, т. е. два дня пути.	tögürük . . . . . круглое, именно кумы- совый сосудъ, подобно tumtaj.
bir künnjäch	одинъ день пути.	tölötung . . . . . распустите (руки).
chojdonnerér	свертывается, скисаетъ, сгущается (напр. ка- ша).	tuohū etāhin? (etāhin) что ты говоришь? tuóg ättin? . . . . . что ты сказалъ? tuoch-ka? . . . . . для чего? tuchšannerer . . . . . покрывается листвою. tuttarabýn, напр. tut- tarbytym- . . . . . я передаю, поручаю. du-šuooh-du? . . . . . отдалъ я тебѣ или нѣтъ? tuttardā-du? . . . . . отдалъ онъ? turtojbyt, напр. bašá. побѣдѣлый, напр. голова. turgandyk . . . . . быстро.
gō, напр. Tugúr-go ki- rér.	въ, до; въ Тунгуръ те- кутъ они.	
Burukán-go	до Бурукана.	
tachšannerer (küñj)	всходить (солнце).	
Kilé, Dshej-üräch- ten tachšár	Киле впадаетъ въ Дзею.	
küñj kirennerer	солнце заходить.	
tabaläch (üšj tabalach taba)	сѣв. олень, стоящій трехъ сѣв. оленей.	
tartyllar šällätin	они натягиваютъ ремень.	
tén	оттуда.	
baigál-tén	съ моря.	

нецъ близокъ. Тогда со старухой поступили, какъ она потребовала и она стала точно семнадцатилѣтняя. Она одѣлась и сѣла на невѣстино мѣсто, а настоящей невѣстѣ она сказала: возьми сосудъ съ топленнымъ масломъ, брось его въ огонь, приговаривая: «пусть я сдѣлаюсь колдуньей и вымечу въ трубу». Не успѣла она сказать это, какъ оно и совершилось. Старухѣ же расчесали волосы, заплели ихъ въ три косички, и привѣсили къ нимъ три серебряныя привѣски.

Хозяинъ приказалъ впустить зятя, пригласилъ его сѣсть и переночевать. Такъ и сдѣлано.

Около одиннадцати часовъ ночи въ сѣняхъ постучались. Кто тамъ? спросили. Это сосѣдка, невидимка, которая всегда ночью беспокоитъ пріѣзжихъ, сказала старуха. Невѣста я; старуха, не запачкай моей постели; я тутъ на дворѣ совсѣмъ замерзла. Такъ оговзвалось за дверь, но старуха осталась при своемъ объясненіи.

Утромъ, умывшись, новобрачные принялись пировать; пили, ѣли, веселились и

tüsüljgönö, напр. turo-rännerer	столонакрывающій— онъ ставится.	nälbi	дождевой воротъ (обыкновенно изъ медвѣжьей шкуры).
tüsüljgö	подано.	(tuöchpún) ngorunguj?	сдѣлать ли мнѣ?
$\frac{tsch.}{z}$ ip $\frac{tsch.}{z}$ ilyt.	моргаетъ.	njondohór, напр. kiší ogollór	шеголяя — человекъ, право.
tscháttschumtscha	скоро, еще немного по года.	mannā, напр. ngor (ongor)	сдѣлай это. Если приказаніе точно исполнено, то удовольствіе выражается словомъ
tschoguján turdullár	толпой стоять они.	šitti или šol kurduk	такъ.
tschugás, напр. bīr kōsj-du? tschugás-du?	близко? напр. 10 верстъ ли, или ближе?	mongoldjē	берестовый шалашъ.
daibé	кисть изъ конскаго хвоста (изобраз. на стр. 788).	minér (minerä) tabá	верховой сѣв. олень.
dabydalā	кости передней части крыльевъ, на которой сидятъ chodohoj.	min minerym šoochdu?	моего верховаго сѣв. оленя нѣтъ?
du	ли, но въ обыкновенной рѣчи соответствуетъ и русскому ка.	(Отвѣтъ: channygún? или chaj-ollerún, который? karā? bár.)	
dulgá	подпора.	mitschikkynnym	я улыбаюсь.
djādinū	бѣдный.	mungutabýt (kiší)	чрезвычайно богатый человекъ.
djarāng	Numenius.	munjastannereller	собираются, напр. на ярмарку.
djorgö, напр. kiší	молодецъ.	bar-buolluochterā	есть, пожалуй, нѣкоторые.
njöl $\frac{tsch.}{z}$ ātā	пухъ.		
(nuolakai, мягкій).			
bierderäbin	приказываю (?) отдать.		

старухѣ въ приданое дана была половина всего, одежды, скота и прислуги. Они отпра- вились въ путь. На первой ночевкѣ повторяется та-же самая ночная чертовщина и т. л.

Сказка оканчивается тѣмъ, что у старухи герой отрываетъ голову, онъ женится на заколдованной и они живутъ счастливо.

Въ заключеніе сообщаю еще нѣсколько сказокъ, рассказанныхъ мнѣ за ночнымъ огонькомъ моимъ якутскимъ проводникомъ.

I.

На Майдѣ находится ущелье между отвѣсными скалами. Взбираясь по естествен- нымъ выступамъ одной изъ скалистыхъ стѣнъ, два Тунгуса, пришедшіе туда охотиться, добрались до входа въ обширныя пещеры. Они вошли и очутились въ жалищахъ под- земныхъ духовъ, гдѣ они бродили цѣлый день. Совершенно ослѣпленные видѣнными ими чудесами, они возвратились домой. На обращенные къ нимъ вопросы они отвѣчали,

baharbatergyn da. . .	ты не хочешь, но	(tymny) buolta buollar	если бы было холодно.
ngor	дѣлай.	(tuochpyn) busumuj.	варить мнѣ?
bararym-du, barba-		bušta	уже сварилось.
tym-du?	идти ли мнѣ?	bušar	варить.
barytyn, напр. tuttala-		bäsiäch	мутовка для молока.
tym	я поймалъ всѣхъ.	šä-chäta	чехоль для ружья.
bargá	вяленая рыба, порса.	šäga	употребляется также вм.
baštarnán	путешествуя по (рѣч- нымъ) верховьямъ.	anğaga.	
bašby	недоуздокъ сѣв. оленя (изображ. на стр. 498).	šamal-kumys.	готовый кумысъ, неодно- кратно перелитый.
bäiberidä	семенить ногами; поэти- чески говорится о гус- томъ лѣсѣ, въ кото- ромъ одно дерево тѣс- нить другое.	šáp	закрой (дверь).
bäjäng	самъ.	šap	довольно.
bärkesjännerer	преуспѣваетъ.	šabannäch	мелкій дождь.
bäšerik	молодые сосны.	šalaly, šalalynnym	я возвратился.
bir	одинъ.	šalaly	возвратись.
bir ahylık	сплошныя кормовыя мѣс- та.	šäbirdäch	вѣроятно всякій широкій листъ, потому что такъ называются не только древесныя, но и ка- пустныя листья.
bir kirer	сливаются (рѣки).	šolú	подпруга сѣв. оленя.
bul	находить.	šutygan čarjâ	воночая ель, т. е. бѣлая ель, пихта.
bultung-du?	нашелъ ты?	šuppytá (отъ šutyar)	онъ лежалъ.
bullum	нашелъ.	šyt	лежи.
bulúm šooch	не найду.	šyljâ	короткіе штаны, набед- реники.
bulbatým	я не нашелъ.	šyttä	запахъ.

$\frac{h}{g}$ ám yhldjér.

тецъ хвораетъ.

baltá ölljō или tangaralat $\frac{o}{a}$.

сестра умерла ¹⁾).

$\frac{h}{g}$ ám biitā (initā) kūrūatā.

отца старшій братъ (младшій братъ) убѣжалъ.

inim attara ulachattar min aham attaratén (или atteryunnagár).

младшаго брата лошади больше моего отца лошадей.

it. — Aty tutumā. — Aty tutung $\widehat{du}$, suoch-du? — Chašan aty
лови. — Лошадь не лови. — Лошадь ловишь-ты, или нѣтъ? — Когда лошадь

tutunguj? — Bu atý tutuōng $\widehat{suo}$ $\frac{h}{g}$ a.

ты поймашь ²⁾? — Эту лошадь поймашь не.

bāga $\frac{s}{h}$ ā bultú ťyljybyttým, ān dshiehár chālbytyng; bügünj min dshiehā
вчера (на) ловлю отправился, ты дома остался; сегодня я дома

chal $\frac{o}{y}$ m; ān baryng bultú.

останусь; ты пойдешь на ловлю.

uolúm birgā äingy ngýtta barsy $\frac{h}{g}$ ā.

сынъ вмѣстѣ съ тобою въ одно время ³⁾ поидеть.

ällärā k $\frac{u}{n}$ j ininä balygy bultabypýt; šarsyn āmā bultuochput.

и третьяго дня день назадъ, рыбы ловили мы; завтра опять будемъ рыбалить ⁴⁾).

ān uolattaryng bultannereller (bultullár); balygyn $\frac{ā}{g}$ n bišigi ašatyächpýt
я твои сыновья идутъ рыбалить; эти рыбы мы отдадимъ съѣсть ⁵⁾

chamnatschitarbyn (ch... bytyn).

нашимъ батракамъ ⁶⁾).

Ölänneräbin, я умираю: öhyldjännereller, они умираю; öljähým, я умру; öljbüüm или öllüm, я умеръ. Chašan tutumuj, когда ты поймашь? min tutlarā, я не буду пойманъ.

Meiñg у ngýtta, вмѣстѣ со мною; bišigini gytta, ѣ съ нами.

⁴⁾ Bultubün, я иду на ловъ. Bultuebým, bultuächterä.

⁵⁾ As's'apytým, я кормилъ; as'át, корми.

⁶⁾ Chamnatschitar $\frac{o}{y}$, батраки.

Chamnatschitargá (chamnatschitargytygór) bušarye^{ch}_ká (kōštüöchā)¹⁾ šaṅgá ašalyk-ta
 Батракамъ слѣдуетъ сварить новую пищу,

(или ašalyk, или ašalygy), ärgä (или urukū) šämitä (šäbittér).
 старая съѣдена (они съѣли).

Šarsyn kötörö bultuochpút; bu kötördörö goroka atylyehym²⁾.
 Завтра дичь мы наловимъ, этихъ птицъ въ городѣ (Якутскѣ) мы продадимъ.

Bišig^h-i tabanán (tabaga)-dú, aktá-dú ajannäech^{ch}_ká (ajann^{aa}_ypýt-du).
 Мы на сѣв. оленѣ-ли? на конѣ-ли? ѣхать (мы поѣдемъ).

Bylyryn (bylyryṅgý dshíl) gorokka baröm (barrytým) ulachán šyrgá tabatyrytinän
 Прошлый годъ въ городѣ я былъ большія сани съ шкурами сѣв. оленей
 (älbäch tašagašynán).
 (съ большою поклажею).

Aný (byj-yl) ämä älbäch tällägy atylým goroka.
 Впредь (этотъ годъ) опять много шкуръ продамъ въ городѣ.

Tälläch atytä äljäbit (üürdjäbit).
 Шкуръ цѣна увеличилась (повысилась).

Min siäbin ikkⁱ_e balygy; min uolúm šir üšj balygy; äñ bā^h_gasä šäbiting^g tüörtj balygy;
 Я ѣмъ двѣ рыбы; мой сынъ ѣсть три рыбы; ты вчера ѣлъ четыре рыбы;
 bišigi künnätä šiebit (или ašybyt) ikilitä; išigi birdí (bir küñj birdä
 мы ежедневно ѣдимъ по два раза; вы по одному разу (каждый день по
 или birdí küñj) ašygt; atynnar (šoróch dshón) küngä üšjtütä (üšjtülümä) ašyllar.
 одному разу) ѣдите; другіе (другой народъ) ежедневно по три раза ѣдятъ.

Bišigi aný birditā (birdä или innibitigór) ašyächpút (ašyr buoluchpút).
 Мы впредь по одному разу будемъ ѣсть (ѣсть намѣрены).

Min šarsyn tabá ätinj šiem или ašyäm; min šylgý ätin ärä^{ha}_{gö}r (älbächtäch)
 Я завтра сѣв. оленя мясо буду ѣсть; я лошади мясо всегда (часто)
 ašatým (ašabytým, šiatím).
 ѣлъ.

¹⁾ Kōs'tā, варить.

Миддендорфъ, Путешеств. по Сиб. ч.

²⁾ Atylyächka, продавать.

Что въ старинныя изрѣченія многое внесено посредствомъ любимой внезапной импровизаціи, объ этомъ убѣдительно все свидѣтельствуютъ изысканная вставка русскихъ словъ въ старинныя пѣсни. Замѣчательную ассимиляціонную силу якутскаго языка, о которой мы говорили уже прежде (стр. 767), я могу подтвердить еще тѣмъ, что благозвучіе аллитераціи усвоили себѣ и Русскіе въ Восточной Сибири, какъ напр. въ часто повторяемой поговоркѣ: оводъ, холодъ и голодъ, которою выражается непривѣтливость сѣвера ¹⁾). При всемъ томъ Якутъ конечно любитъ щеголять знаніемъ русскихъ словъ ²⁾), какъ мы это часто видимъ въ кумысовой пѣсни, въ особенности тамъ, гдѣ хвастаютъ русскимъ нарядомъ. За тѣмъ мы встрѣчаемъ подражанія повелительнымъ словамъ непремѣнно, первое дѣло, привычныя восклицанія однако, будто, и даже такія фразы, какъ *та́š náda šoch*, дровъ не надо.

Разскащику сказокъ слушатели внимаютъ съ большимъ напряженіемъ: каждое отдѣльное предложеніе разсказа вызываетъ со стороны слушателей глухо пробормоченное сквозь зубы *гм — гм*, въ знакъ одобрительнаго пониманія; живое участіе высказывается постоянно и прерываетъ разскащика упомянутыми уже выше фразами на *ди*, цѣль которыхъ заключается въ разспрашиваніи частныхъ происшествія, чтобы убѣдиться, вѣрно-ли понятъ разскащикъ. Послѣдній въ этомъ случаѣ вдается въ самыя мелкія подробности и иногда прибѣгаетъ къ выразительнымъ пантоминамъ.

Не рѣже вопросительнаго *ди*, въ разсказы вставляется слово *dir* (говорить), или въ видѣ вопроса *tūsch-dir*, что онъ говорятъ? или наконецъ поправка или подтвержденіе сказаннаго въ видѣ *tūsch-ta*, что я сказалъ.

Вопреки ожиданію, я нашелъ, что усвоить себѣ языкъ Якутовъ не легко. Прежде всего васъ поражаетъ чрезмѣрное богатство формъ. Разнообразіе способа пониманія представляетъ большое затрудненіе даже въ совершенно неважныхъ вопросахъ. Слыша въ первый разъ, что говорятъ *a^hŷs'*, *siettä*, т. е. восемь, семь, не знаешь, какъ быть съ этимъ, хотя и нетрудно догадаться, что Якутъ, желая, какъ въ настоящемъ случаѣ, сказать отъ семи до восьми, всегда сперва ставитъ большее число. Слѣдовательно (преувеличивая свой разсказъ) онъ убавляетъ, а не повышаетъ, какъ мы, число.

Точно также васъ смущаетъ множество различныхъ значеній, которое имѣетъ одно и то же слово. Грамматика и словарь представляютъ по этой части большое количество примѣровъ. Напомнимъ тутъ, что въ самомъ началѣ словаря слогъ *as'* означаетъ въ одно и то же время: вскрывать или открывать, колоть, накалывать, засовывать, далѣе: волоса,

¹⁾ Русский языкъ, хотя діалектически онъ также постояненъ какъ якутскій (срав. примѣч. на стр. 795), подвергается въ Сибири сильному вліянію отъ разнообразія природы въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Такъ напр. на сѣверѣ слово *звѣрь* безспорно всегда означаетъ волка (*звѣрь съѣлъ*), а въ горахъ южной Сибири, гдѣ вѣтъ волковъ, подъ названіемъ *звѣрь* разумѣютъ только сѣв. оленя.

Слово *ура* въ примѣняется въ Сибири ко всѣмъ горнымъ хребтамъ; но положимъ, вамъ даже удалось узнать и это, все-таки сначала вы теряете терпѣніе, когда вы, подобно мнѣ, спрашиваете о бытѣ и происхожденіи Даурцевъ, и вамъ отвѣчаютъ, что это Уральскіе казаки.

²⁾ У Бѣтлингга мы находимъ большой выборъ такъихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, напр. на стр. 121, 143, 153, 163, 164, 186, 189, 192 и т. д.

кушанье, пищу; за тѣмъ: проходить, протекать мимо; также: голодь и голодать, голодный и проголодавшійся; при всемъ томъ еще: бѣлый (сѣдой) цвѣтъ; наконецъ: дай, подай, равно какъ: поѣзжай; но и: поставь. Этого примѣра достаточно. Это также самая путаница, какъ съ безчисленными рѣчками, называемыми въ горахъ $Ejg\bar{g}\bar{a}$, что по тунгусски, говорятъ, значить: «сдавленный между крутыми скалистыми берегами».

Кромѣ того якутскій языкъ очень богатъ выраженіями по части разнообразія природы. Каждая форма лѣса, или непокрытой лѣсомъ мѣстности, отличается отъ другихъ особыми названіями; наберется болѣе дюжины именъ для разныхъ пучковъ травы на кочкахъ; у каждаго годоваго возраста невзрослыхъ домашнихъ животныхъ, особенно сѣв. оленей, даже у каждаго рода ихъ, есть свое особое названіе; пѣніе всякой нѣсколько выдающейся птицы обозначается особымъ глаголомъ; у всякаго вида образующагося или распадающагося льда есть свой особый терминъ, а за тѣмъ Европейецъ не можетъ не сбиться съ толку, слушая пѣни, въ которыхъ, совершенно непостижимо, прославляются не только зеленныя и синія, но и сѣрыя древесныя листья, да воспѣвается не только зеленый и синий, но и черный и красный ледъ. Въ подобныхъ вольностяхъ и въ изобиліи синонимовъ аллитераціонная импровизація Якутовъ, по вилмому, находятъ свою главную опору.

Съ одной стороны такой преизбытокъ, а съ другой необыкновенный лаконизмъ. Слышу я, идетъ разговоръ про kalatschikter. Что это такое? спрашиваю я, и узнаю, что подъ этимъ разумѣютъ русское слово калачъ, въ уменьшительномъ калачикъ. Наконецъ изъ разныхъ перекрестныхъ вопросовъ оказывается, что къ нему, безъ дальнѣйшаго, прибавлено окончаніе якутскаго множественнаго числа ter. Разговоръ продолжается, и я спрашиваю наконецъ въ отчаяніи: но что же это значить, вы говорите то kus'agan (худые) kalatschikter, то kus'agätter kalaktschikter, то kus'agan kalätschik, то kus'agatter kalatschik, хотя вы и этотъ разъ говорите о нѣсколькихъ калачахъ? $B\bar{I}r$ (одно), отвѣчаютъ мнѣ отрывисто; $b\bar{I}r$, повторяютъ еще разъ, когда я не удовлетворился отвѣтомъ, и только въ третій разъ прибавляютъ $s' \bar{i}n\ b\bar{I}r$ (все одно), чтобы увѣрить меня, что можно сказать либо такъ, либо иначе. Въ другой разъ я спрашиваю, толи мѣсто или другое ближе отъ того, гдѣ я стою. Tschugás' (близко), отвѣчаютъ мнѣ по отношенію къ нервому, что значить: оно ближе. За тѣмъ я ставлю вопросъ иначе и стараюсь узнать, какъ нужно спрашивать: «въ десяти-ли верстахъ оно, или ближе?» Опять мнѣ отвѣчаютъ: $b\bar{I}r\ k\bar{o}s'j\text{-}du?$ $t\bar{s}chugas'\text{-}du?$ т. е. 10 верстъ-ли? или близко-ли? Оказывается, что пѣтъ сравнительной степени, и чтобы вполне выяснить дѣло, нужно по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ другому слову, въ родѣ $b\bar{a}rt$ (чрезвычайно, должно значить: ближе) или $a\bar{n}e\bar{g}a\bar{h}\bar{e}$ ($a\bar{n}a\bar{g}a\text{-}h\bar{e}$ у, по ту сторону, должно значить: дальше). Или путешественникъ слышитъ, что произносятся два слова: $b\bar{u}\ p\bar{r}i\bar{k}l\bar{a}d\bar{t}\bar{a}ch\text{-}du?$ а при этомъ указываютъ на какого нибудь сѣв. оленя. Оказывается, что Якутъ, безъ дальнѣйшаго, къ русскому слову прикладъ (добавку къ клади) прищелъ свою обычную при-

бавочную частицу *āch*, вставилъ для благозвучія *l*, присоединилъ вопросительную частицу *du*, и такимъ образомъ сочинилъ вопросъ: навьючена ли на этого сѣв. оленя добавочная кладь? Но не можетъ ли это также означать вопросъ: не слѣдуетъ ли на этого сѣв. оленя еще навьючить кладь, или не слишкомъ ли много клады навьючено на него? Вѣд., конечно, отвѣчаютъ мнѣ. Приходится тебѣ, любезный странникъ, умѣть отгадывать подобныя вещи, точно также, какъ выше, нужно было угадать, которое значеніе слогъ *as'* долженъ имѣть въ данномъ случаѣ изъ тѣхъ 12 — 20 значеній, какія онъ имѣетъ.

При этомъ случаѣ считаю нелишнимъ замѣтить, что даже Якуты, подобно Тунгусамъ и Самоѣдамъ, первоначально не имѣли слова для выраженія благодарности. И теперь еще они ограничиваются русскимъ словомъ спасибо, искаженнымъ въ *ras'ibo* или *rañibo*. У Тунгусовъ я слышалъ, какъ они, вслѣдствіе прямаго предложенія моихъ спутниковъ, употребляли слово *ajá*, хорошо, для выраженія слова «благодарю». У Самоѣдовъ вовсе не было такого выраженія; въ этомъ я убѣждался неоднократно, досадуя сначала на казавшееся равнодушіе, съ какимъ они принимали самые щедрые подарки мои. При спокойномъ наблюденіи нельзя было не замѣтить возбужденной въ нихъ радости. Низкія степени того-же естественнаго равнодушія, которое, вслѣдствіе извѣстій о нравахъ сѣверо-американскихъ такъ-называемыхъ Индѣйцевъ, стало считаться высшимъ стоицизмомъ, очевидно встрѣчались и въ сѣверной Сибири до меня. Какъ о благодарности, такъ и о привѣтствіи или прощаніи, тамъ не было рѣчи, и даже Якутамъ пришлось у Русскихъ заимствовать и усвоить слово *bugas'ty* (прости).

Во всякомъ случаѣ такой образъ дѣйствій чрезвычайно отличается отъ обыкновенныхъ, сангвиническихъ пріемовъ Якутовъ, ибо при всей своей энергіи, на какую они способны, они все-таки нерѣдко, совершенно внезапно, по какому-нибудь ничтожному поводу, впадаютъ въ полнѣйшее отчаяніе, или предаются неукротимому пылу и необузданному веселію. Бѣднымъ сѣв. оленямъ частенько приходится испытывать свирѣпую горячность Якутовъ; мнѣ случилось видѣть, какъ объ голову сѣв. оленя разлетѣлся въ куски ружейный прикладъ.

Пѣсни и сказки Якутовъ свидѣтельствуютъ о превосходной памяти человѣка первобытной природы, но еще болѣе способность припоминать мѣстность, въ которой имъ случалось быть разъ въ жизни, или положеніе которой имъ описано также только одинъ разъ. Старикъ Якутъ, бывшій въ китайской Дауріи всего разъ, лѣтъ за 25 передъ тѣмъ, умѣлъ мнѣ не только описать рѣки, рѣчки и ручейки, и означить разстоянія посредствомъ числа дней, необходимыхъ на совершеніе пути, но и перечислить всѣ ихъ имена, даже названія мѣстностей на Амурѣ. Вниманіе первобытнаго человѣка не разсѣвается неограниченнымъ кругомъ знанія, память его не обременяется разнымъ школьнымъ балластомъ, съ самой ранней молодости.

И тутъ также, рядомъ съ воровскими наклонностями, сосланными до Удскаго Острога, я встрѣчалъ между туземцами безпредѣльную честность, встрѣчалъ ее въ

томъ-же самомъ человѣкъ, который не могъ удержаться отъ искушенія въ моихъ глазахъ запустить зубы въ масло, которое онъ мнѣ несъ, не могъ удержать слезъ отъ горя и досады, что я заставилъ его, не смотря на всѣ его отговорки, дать мнѣ кусочикъ масла на мазь для раны сѣв. оленя.

Неограниченная власть отца надъ семействомъ, эта прелюдія власти старшинъ и тоіоновъ надъ народомъ, дѣйствуетъ такъ глубоко, что невольно удивляешься той безусловной, извѣстной въ Европѣ лишь въ военномъ быту, дисциплинѣ, съ которой среди первобытной природы всякое слово старшаго считается обязательнымъ, и быстро выполняется. Такъ это бываетъ у Самоѣдовъ и Тунгусовъ, такъ и у Якутовъ. Раздаются слова *S'ol kurduk* или *s'itti kurduk* (точно такъ) и приказаніе исполняется безъ всякаго возраженія, если даже дѣло идетъ о самыхъ странныхъ для нихъ требованіяхъ науки. Не спрашивая, они послушно подчиняются высшему благоусмотрѣнію ¹⁾. При всемъ томъ Якуты бьютъ своихъ дѣтей не очень часто, хотя и чаще Тунгусовъ, которые почти вовсе не били ихъ. Теперь, когда между Якутскими дѣтьми находятся, говорятъ, даже гимназисты, теперь кое-гдѣ вѣроятно все приняло другой видъ. Уже въ мое время проявлялось у нихъ желаніе, чтобы дѣти ихъ, которые вообще бойки и любознательны, обучались въ школѣ; я зналъ торговца, содержавшаго для своего лишь семилѣтняго сына учителя, которому онъ, кромѣ дароваго содержанія, платилъ въ мѣсяцъ по 5 рублей. Вскорѣ я пересталъ удивляться этому, познакомившись съ панданомъ въ лицѣ человѣка, котораго Тунгусамъ начальство ихъ навѣзало въ писаря, и которому эти лѣсные отшельники охотно платили 400 руб. жалованья, такъ какъ онъ прежде служилъ въ главномъ управленіи и даже дослужился до титулярнаго совѣтника. Они считали его своимъ избавителемъ, потому что предмѣстнику его платили по 1000 руб. въ годъ. Канцелярская переписка была доведена до замѣчательныхъ тонкостей, между тѣмъ какъ пачальникъ такого важнаго писца прибѣгалъ къ упомянутому на стр. 704 языку знаковъ.

Хотя всѣ Якуты принимаютъ крещеніе, но все христіанство ихъ заключается въ даныхъ имъ при крещеніи именахъ, которыя они часто такъ коверкаютъ, что ихъ и узнать нельзя. Такъ какъ по принятому у нихъ обыкновенію, крещеному давали фамилію свідѣтеля и крестнаго отца, то между Якутами и Тунгусами встрѣчалось безчисленное множество Поповыхъ, Надѣиныхъ, Стручковыхъ и т. д., что уже въ то время подавало поводъ ко многимъ ошибкамъ. Мнѣ было забавно встрѣтить въ горахъ даже Гаузена, который въ прошломъ столѣтіи принялъ фамилію чиновника Гольцаузена. Это напоминаетъ мнѣ слово *Halstuch*, обратившееся въ русское галстукъ, и занесенное къ Якутамъ, у которыхъ оно въ кумысовой пѣснѣ, на берегу Тихаго Океана, появилось въ якутской формѣ *ältys'*.

Когда я сталъ спрашивать про Отче нашъ, то его никто не зналъ, ни по русски,

¹⁾ Срав. стр. 656.

ни по якутски, и катихизисъ, на который Бётлингъ ссылается ¹⁾, вызывалъ неоднократно совѣщанія, вслѣдствіе которыхъ мнѣ объявили, что священникъ въ Амгинскѣ былъ правъ, сказавъ, что катихизисъ непонятенъ. Мнѣ говорили, что изо всего можно понять лишь нѣкоторыя слова, и что часто не только выраженія, но и смыслъ совершенно непонятны.

Только разъ, когда ледъ перерѣзалъ нашу кожаную лодку и мы находились въ большой опасности, одинъ старикъ Якутъ произнесъ слѣдующее воззваніе, которое, по его мнѣнію, должно было вызвать на помощь всѣхъ святыхъ. Тап̄ага, Nikólo, bá-tjusehka! воскликнулъ онъ, т. е. Боже небесный, Никола, батюшка! признавая св. Николая, по примѣру многихъ русскихъ простолюдиновъ въ Сибири, за самое сильное божество. Встрѣчаются также мѣстами въ пустыпѣ могилы съ крестомъ, но рядомъ на деревья повѣшены люлька умершаго ребенка, да медвѣжьи черепа и т. д., потому что важнѣе всего, чтобы эти жертвенные дары, которые развѣшиваются на особыхъ, большею частью вилообразныхъ, шестахъ, не обгрызались собаками. Въ Сибири медвѣдью повсюду оказываютъ божескія почести. Въ юртѣ Якута висятъ медвѣжьи когти, а передъ нею переднія части череповъ зайцевъ и другихъ сѣдомыхъ животныхъ, въ качествѣ трофеевъ, по которымъ исчисляется земная добыча. Мѣсто бѣлаго медвѣдя, который на глубокомъ сѣверѣ является наиболѣе страшнымъ звѣремъ (срав. стр. 666), тутъ, на южномъ скатѣ водораздѣльнаго хребта, заступаетъ тигръ. Какъ тамъ является зубъ бѣлаго медвѣдя, такъ тутъ къ хвосту сѣв. оленя привязывается кусочикъ тигровой шкуры, который долженъ предохранять это животное отъ нападенія медвѣдей и волковъ.

Само собою разумѣется, что такое суевѣріе никакъ не можетъ остановиться на этомъ, а охотно принимаетъ болѣе отвлеченныя формы; такъ напр. отрубленный стволъ дерева можно класть въ огонь только толстымъ концемъ впередъ и т. д., какъ мы упоминали уже, говоря о Тунгусахъ (срав. стр. 707).

Еще въ мое время покойникамъ клали въ ротъ погребальную пищу (k̄_yngs'í), чему, впрочемъ, нельзя удивляться, потому что мнѣ привелось видѣть тоже самое въ нашей столицѣ; кромѣ того между Якутами сохранилось еще воспоминаніе о томъ, что прежде при погребеніи убивали лошадей и хоронили ихъ, съ сѣдломъ и украшеніями, рядомъ съ ихъ хозяиномъ. Сохранилось даже еще преданіе о томъ, что нѣкогда вмѣстѣ съ знатными покойниками живьемъ хоронили также прислугу ихъ.

Кромѣ этихъ обрядовъ, указывающихъ на Среднюю Азію, и кромѣ разныхъ горныхъ духовъ, воспѣваемыхъ въ посвященныхъ рѣчахъ, Якуты въ прежнія времена, менѣе 150 лѣтъ тому назадъ, поклонялись также примѣчательнымъ явленіямъ природы ²⁾, какъ это еще въ мое время случалось встрѣчать у Самоѣдовъ.

¹⁾ См. нѣм. изд. этого соч. т. III отд. 1, стр. XXXIX.

²⁾ Въ Запискахъ Гидрографич. Департ. IX, стр. 37, говорится: На рѣкѣ Вилюѣ, близъ вершины живущіе Якуты желѣзо дѣлаютъ котлы... по если какую вещь

странную смынуть въ тундрѣ, о которой смыслъ не достигнетъ, какъ тамъ она есть; взявъ причитаютъ богомъ, котораго къ какому благополучію назовутъ — тѣмъ и слыветъ

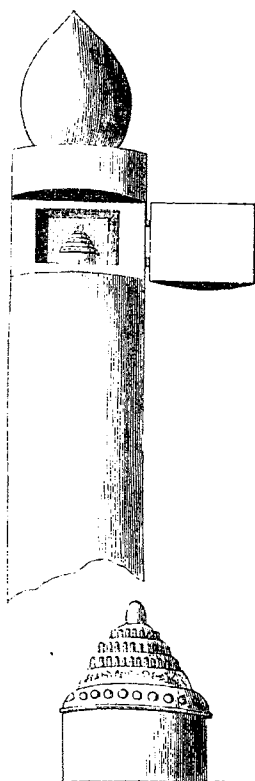
И такъ, на сѣверномъ своемъ предѣлѣ, Якуты уже издавна, какъ мнѣ кажется, успѣли усвоить себѣ религіозныя воззрѣнія своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Не слишкомъ далеко отъ юго-западнаго предѣла самыхъ крайнихъ форпостовъ ихъ, я встрѣтилъ въ уединенной Бурятской степи изображенный здѣсь столбъ, стоявшій съ своей стороны форпостомъ противъ сѣвера, въ качествѣ ламаѣйской часовни. На глиняномъ храникѣ находилась, какъ мы видимъ, идущая вѣнкомъ надпись.

Въ заключеніе сообщаю еще нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ одеждѣ, бракахъ и обычномъ правѣ Якутовъ по раздѣлу наслѣдства.

Вида, какъ на крайнемъ, такъ сказать, предѣлѣ тогдашнихъ «Kus'agáttar», да и въ пѣсни въ честь кумыса говорится, что плохощестьные должны быть прогнаны. Выраженія dshadaŋgū, дѣйствительно значащаго «бѣдный», мнѣ въ этихъ случаяхъ не приводилось слышать.

Само собою разумѣется, что эта сграсть щеголять преимущественно проявляется въ парадѣ женщинъ, платье которыхъ, у богатыхъ Якутовъ, въ мое время, стоило до 300 рублей. Да и мужья были не прочь поважничать богатыми нарядами своихъ женъ.

Какъ вездѣ, такъ и тутъ, головной уборъ, какъ вывѣска, составляетъ суть дѣла, и дѣйствительно, довольно оригинально, соотвѣтствуетъ климату полюса стужи. По этому-то, вѣроятно, наши европейскія, задающія тонъ, героини, еще не экспликутировали его, хотя Якутки и въ юртѣ не снимаютъ своихъ гренадерскихъ шапокъ (не смотря на то, что послѣднія даже съ внутренней стороны тепло подбиты бѣличьимъ мѣхомъ), и при торжественныхъ случаяхъ не разстаются съ этимъ главнымъ нарядомъ, говорятъ, даже лѣтомъ. Мы не станемъ останавливаться на описаніи мѣховой шапки Якутокъ, придерживаемой повязками, такъ какъ устройство ихъ упомянуто уже на стр. 716, а форма ея изображена на стр. 716 и 749. Когда ей суждено быть въ полномъ блескѣ, то на помощь медвѣдеподобному мѣху росомахи являются боберъ и соболь, а посреди краснаго

наго міра, въ Удскомъ Острогѣ, командиръ (срав. прим. на стр. 737), т. е. казацкій унтеръ-офицеръ важничалъ самыми щегольскими, убранными соболемъ, нарядами, какъ рядилась другая, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя, знатная фамилія этого захолустья, т. е. семья священника, жена котораго являлась въ прекрасной, покрытой чернымъ шолкомъ, лисьей шубѣ, съ превосходнѣйшимъ собольнымъ ворстинкомъ, вскорѣ пересташь удивляться сильной расточительности Якутовъ. Не берусь рѣшить вопроса, на сколько у нихъ страсть щеголять прирождена, на сколько она перенята, по не подлежитъ сомнѣнію, что съ нею связано совпаденіе выраженій «бѣдный» и «худой». Бѣдныхъ называли

сукна выдающейся пирамиды видѣется кокарда либо крестъ изъ чернаго бархату. Для разнообразія встрѣчаются также рысьи шапки.

Когда эту шапку снимаютъ, то на сцену выступаетъ богато убранныя головная повязка (Gojtau), изображенная на стр. 761, или чепчикоподобный сръзанный конусъ, который сверху открытъ и нерѣдко надѣвается также мущинами въ дорогѣ. Представьте себѣ скроенный въ видѣ трапеціи кусокъ матеріи, обѣ сходящіяся стороны котораго вверху, внизу и по срединѣ, связываются посредствомъ размѣщенныхъ другъ противъ друга ленточекъ. Вслѣдствіе конической формы этого чепца, онъ приходится на любую голову. Подъ нимъ торчатъ серебряныя, или по крайней мѣрѣ посеребренныя, тяжелыя серьги, которыя висятъ на кольцахъ въ $1\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ, и гравированныя пластинки которыхъ, посредствомъ маленькихъ колечекъ соединены въ нѣсколько этажей въ такомъ родѣ, какъ у насъ показано на стр. 716. Хотя ушные мочки болѣею частью проколоты въ двухъ мѣстахъ, все-таки тяжесть привѣски непомѣрно растягиваетъ ушную раковину. Добавьте къ этому обмотанную ремешками косу и привѣшанное къ нему подобное-же, тяжелое украшеніе косы, состоящее также изъ гравированныхъ посеребренныхъ пластинокъ, висящихъ въ нѣсколько этажей на кольцѣ, въ палецъ толщины, или такой, украшенный бусами, уборъ, какой изображенъ на табл. XV, рис. 3, нѣм. изд. и принадлежалъ уже къ числу болѣе легкихъ украшеній. За тѣмъ, въ такомъ-же стилѣ отдѣланъ широкій, составленный изъ гравированныхъ квадратныхъ пластинокъ, поясъ, съ разными привѣсками, между которыми мнѣ особенно бросались въ глаза неизбѣжная ушная ложечка и трубка. Последняя между красавицами часто переходила изъ рукъ въ руки. Всѣ металлическія принадлежности въ мое время оцѣнивались въ 100 руб. и болѣе; это еще не много, если припомнишь, что богатые мущины носили на своихъ кафтанахъ пуговицы изъ чистаго серебра и сидѣли на окованныхъ серебромъ сѣдлахъ.

На кафтанѣ¹⁾ разрѣзъ, съ красными, зелеными или синими обшивками, свидѣтельствуесть, что это народъ наѣздническій, у котораго жены также привыкли ѣздить верхомъ. Но кафтанъ не всегда ограничивается одиными красными выщущками. Мнѣ показывали дѣвичій нарядъ изъ голубой шелковой матеріи, украшенный самыми разнообразными фигурами, которыя были вышиты серебряными нитками. На спинѣ былъ вышитъ чернобурый крестъ изъ чрезвычайно уважаемаго мѣха росомахи. Такой-же крестъ изъ мѣха росомахи, съ присоединеніемъ полумѣсяца на затылочной части, вышиты были въ мѣховой кафтанѣ изъ волчьей шкуры съ обращенными наружу волосами. Рукавицы довершаютъ щегольской нарядъ.

Волчій сапнаяхъ невѣста должна имѣть на готовѣ для своего будущаго жениха.

У мужчинъ такая-же шапка, какъ у женщинъ, а съ головною повязкою мы также ознакомились уже на стр. 761. Но у богачей подъ шапкой выглядываетъ плотно приле-

¹⁾ Сапнаяхъ. Гдѣ на одеждѣ является замшъ, тамъ зола растворяется и кашеобразный составъ этотъ силь- послѣдней придаетъ красивый оранжевый цвѣтъ тѣмъ, во втирается ладонью. что ольховая кора посредствомъ кипятка и прижѣси

гающая татарская ермолка, которую съ края обвиваетъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ (стр. 710) и которая, вслѣдствіе этого, похожа на черкесскую шапку. Волосы на головѣ коротко стригутъ; только у нѣкоторыхъ оставляютъ кругомъ, за исключеніемъ неосѣненного лба, занавѣсъ, состоящей изъ прозрачнаго ряда краевыхъ волосъ. Тунгусы и Юраки точно также носятъ свои волоса, которые въ этомъ видѣ изображены на табл. III-ей.

Животъ богачи содержали въ теплѣ посредствомъ особаго кушака (Bätschi), въ двѣ пяди ширины, который удерживался въ своемъ положеніи посредствомъ подтяжекъ. Это былъ положительный прототипъ набрюшника Тирольскаго. Богатые торговцы щеголяли въ дорогихъ мѣховыхъ кафтанахъ, которые они даже лѣтомъ неохотно снимали. Когда становилось слишкомъ жарко, то Якуты снимали одну часть своего наряда за другою.

Во всѣхъ этихъ украшеніяхъ мы не завидовали Якутамъ, но скоро усвоили себѣ превосходную, непромокаемую обувь ихъ, сары, о которыхъ нами говорено уже на стр. 644. Этимъ именемъ называются также почки и крестецъ лошадиной шкуры, гдѣ она, говорятъ, толще всего. Красивый и плотный черный цвѣтъ свой сары принимаютъ отъ примѣси сала и красильнаго вещества, наростовъ, образующихся на березахъ. Зимую сары замѣняются высокими мѣховыми сапогами на мягкой подошвѣ.

Слѣдовательно вообще, какъ видно, удерживались старинныя, національныя части одежды, покрои и узоры ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ то время, проложили себѣ путь къ Якутамъ принадлежности русскаго платья, и даже цѣлыя наряды (срав. стр. 651 и 740). Большимъ почетомъ пользовались уже жилетки, по возможности съ красною спинкою, и тамъ гдѣ появлялась цвѣтная или пестрая сорочка, она свидѣтельствовала о своемъ происхожденіи, служа верхнимъ платьемъ, т. е. прикрывая на половину штаны.

Старикъ Витсенъ ¹⁾ говоритъ: Het is aenmerkens-waerdig det de Volkeren hoog Noorden woonende, aen de Vlieten Lena en Jenisea, gewoon zin slapende op den buik te leggen om die warm te houden, daer zy de gesontheit achten in te bestaen, zonder zorg te dragen of de rug bedekt is of niet. Это вполне согласуется съ тѣмъ, что нами сказано было на стр. 324, но какая разница между такою способностью переносить стужу и непомѣрно щедрою мѣховою одеждою Якутовъ, которая нами выше описана и даже не совѣмъ уступаетъ дѣйствию лѣтняго тепла!

Сочтя мальчика, которому было 15 лѣтъ, нѣсколькими годами моложе, я очень удивился, когда мнѣ подтвердили, что у Якутовъ дѣвушекъ обручаютъ съ 10-го года и сватовство начинается даже у восьмилѣтнихъ дѣтей. Я смѣрилъ такую, представленную мнѣ даму, которая уже второй годъ была невѣстой, и нашель ее всего 49 дюймовъ вышины, такъ что ей недоставало около $\frac{1}{5}$ полнаго роста. Она изображена на табл. X-ой нѣм. изд. Такъ называемый кильтегангъ составлялъ у нихъ, какъ меня увѣряли, общій обычай. Я говорилъ съ Якутами, которые такимъ образомъ, благодаря попечительности своихъ родныхъ или пріемныхъ отцовъ, были обручены на 12-мъ и 13-мъ году. Четыре или пять

¹⁾ Второе изданіе, стр. 88.

лѣтъ спустя совершена была свадьба. Рассказывали о перемѣнѣ женѣ, которая производилась рѣдко, хотя въ прежнія времена она была въ большомъ употребленіи. У одного богатаго Якута было въ живыхъ 3 сына и 9 дочерей, а 6 дѣтей уже умерло.

За невѣсту всегда вносится одинаковое количество разнаго скота, примѣрно 4 вола, 4 коровы, 4 мерина, 4 кобылы и т. д., но большею частью въ такомъ случаѣ 2 вола, 4 коровы, 2 мерина, 4 кобылы и т. д. опять возвращаются въ видѣ приданого. Далѣе изъ 8 коней, которыхъ богатый женихъ долженъ дать на свадебный пиръ, двухъ, говорятъ, родители невѣсты опять возвращаютъ. Такимъ образомъ и тутъ дѣло больше похоже на мѣну, чѣмъ на покупку; при всемъ томъ мнѣ жаловались, что иной зажиточный парень свадьбою совершенно разстраиываетъ свои дѣла, потому что за невѣсту нерѣдко приходится вносить по 10 головъ каждаго рода скота; наименьшая цѣна 500 руб., но случается, что платятъ иногда до 5000 рублей.

У сѣверныхъ Якутовъ цѣна за невѣсту не была очень высока, а простиралась примѣрно до 16 сѣв. оленей, къ которымъ присоединялся еще одинъ для закланія на свадебномъ пиру. Кромѣ того жениху приходилось угощать водкой.

По смерти мужа выкупъ невѣсты опять переходитъ въ руки вдовы, которая за тѣмъ не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на наслѣдство мужа и обыкновенно остается у своихъ родныхъ либо сводныхъ дѣтей, хотя можетъ итти, куда ей угодно.

Отецъ нерѣдко уже при жизни дѣлитъ свое состояніе между дѣтьми, когда у него бываетъ много взрослыхъ сыновей, которые потомъ продолжаютъ вести свое хозяйство на собственный счетъ. Обыкновенно же, т. е. когда не болѣе одного или двухъ взрослыхъ сыновей, они остаются у отца, даже если они сами уже женаты и имѣютъ дѣтей. Отецъ снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ для существованія, но и беретъ себѣ все что добывается. Патриархальная власть отца доходитъ до того, что женатаго сына, хотя бы со времени свадьбы прослужившаго отцу 10 лѣтъ, онъ все-таки имѣетъ право лишить наслѣдства. По существующему обычаю, отецъ дѣлитъ свое имущество на равныя части, но онъ имѣетъ полное право предпочесть того или другаго сына. Сынъ или сыновья, по смерти отца, получаютъ въ наслѣдство какъ имущество его, такъ и неуплаченные имъ долги. Раздѣлъ совершается между наслѣдниками поровну. Только въ спорныхъ случаяхъ старшіе члены рода, или старшины племени, принимаютъ на себѣ уравниеніе наслѣдства. Они же обязаны вступать въ должности попечителей при расточительности вдовъ, оставшихся съ малолѣтними дѣтьми. Если по смерти отца оказывается взрослый сынъ, то онъ заступаетъ мѣсто отца при малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ, которые ему обязаны служить бесплатно; а хозяинъ дома съ своей стороны долженъ поженить и выдать ихъ за мужъ и вообще поставить ихъ на ноги. Наслѣдство умершихъ дѣтей переходитъ къ отцу, или, если его нѣтъ въ живыхъ, къ братьямъ; мать же право имѣетъ только на выкупъ невѣсты.

И въ глазахъ Якутовъ женщина еще вполне подчиненное существо.

Уже два столѣтія тому назадъ, прилежный компиляторъ, почтенный Витсенъ, замѣтилъ ¹⁾: *Het Volk dat omtrent de Vliet Piasida of Peisida, die in de Ys-zee uitstort, woont, zijn uit den bruin-geele, kloeke Luiden, hebben kleine oogen, en platte aengezichten.* Онъ былъ совершенно правъ: монгольская раса, отчасти чистокровная, отчасти въ самыхъ разнообразныхъ помѣсяхъ, распространилась отъ Южнаго до Сѣв. Ледовитаго Океана по всей Азіи. Она забралась и въ Европу. По плодовитости и размноженію своему она превосходитъ Европейцевъ. Кто рѣшится предсказать, какая роль во всемірной исторіи предназначена монгольской расѣ, когда ей, чистокровной или при благопріятной помѣси съ кавказской расой, опять вздумается или придется обратить вниманіе на Европу.

Послѣ всего сказаннаго мною въ текстѣ на стр. 631 — 634 нижеслѣдующіе рисунки уже не требуютъ особаго объясненія.

Выраженная мною на стр. 688 надежда успѣла между тѣмъ осуществиться: благодаря Императорскому Русскому Геогр. Обществу я могъ небольшое число принадлежащихъ мнѣ фотографій пополнить нѣсколькими фотографіями изъ этнографическаго портфеля этого Общества и такимъ образомъ присоединить еще одну таблицу рисунковъ (II-ую). Рисунки эти сдѣланы съ фотографій, которыми, сколько мнѣ извѣстно, мы обязаны путешествію горнаго инженера г. Лопатина.

Всѣ они изображаютъ Самоѣдовъ, живущихъ въ низовьяхъ Енисея. Физиономія № 1 отличается чисто монгольскимъ типомъ. Въ № 2 кроется, какъ мнѣ кажется, какая-нибудь европейская примѣсь, кавказскаго племени. № 3 — 7 типичныя Самоѣдскія лица, финно-монгольской помѣси, между которыми № 4 поразительно похожъ на Ngegūgmī нашей V-ой таблицы Нѣмецк. Изданія. № 8 и 9 я считаю положительною помѣсью славянско-самоѣдскаго происхожденія. Такія физиономіи я встрѣчалъ неоднократно. Отличительную черту этихъ лицъ составляютъ усы, борода и совершенно оригинальный носъ: большой, кеглеобразнаго очертанія, но выдающійся и съ рѣзко-выступающимъ гребнемъ. Тѣже самыя особенности мы встрѣчаемъ на Самоѣдскомъ лицѣ № 68 и 110 въ превосходной фотографической путевой портфели графа Вильчека; къ сожалѣнію она еще не издана, хотя во всякомъ случаѣ это весьма желательно.

¹⁾ Второе изданіе, стр. 666.

Рис. съ нат. Брантъ.

Лит. Ивансона, С.П.Б.

1. Остякъ (Уктá) рѣки Имбакъ. — 2. Юкагиръ р. Колыма.

САМОШЬДЫ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

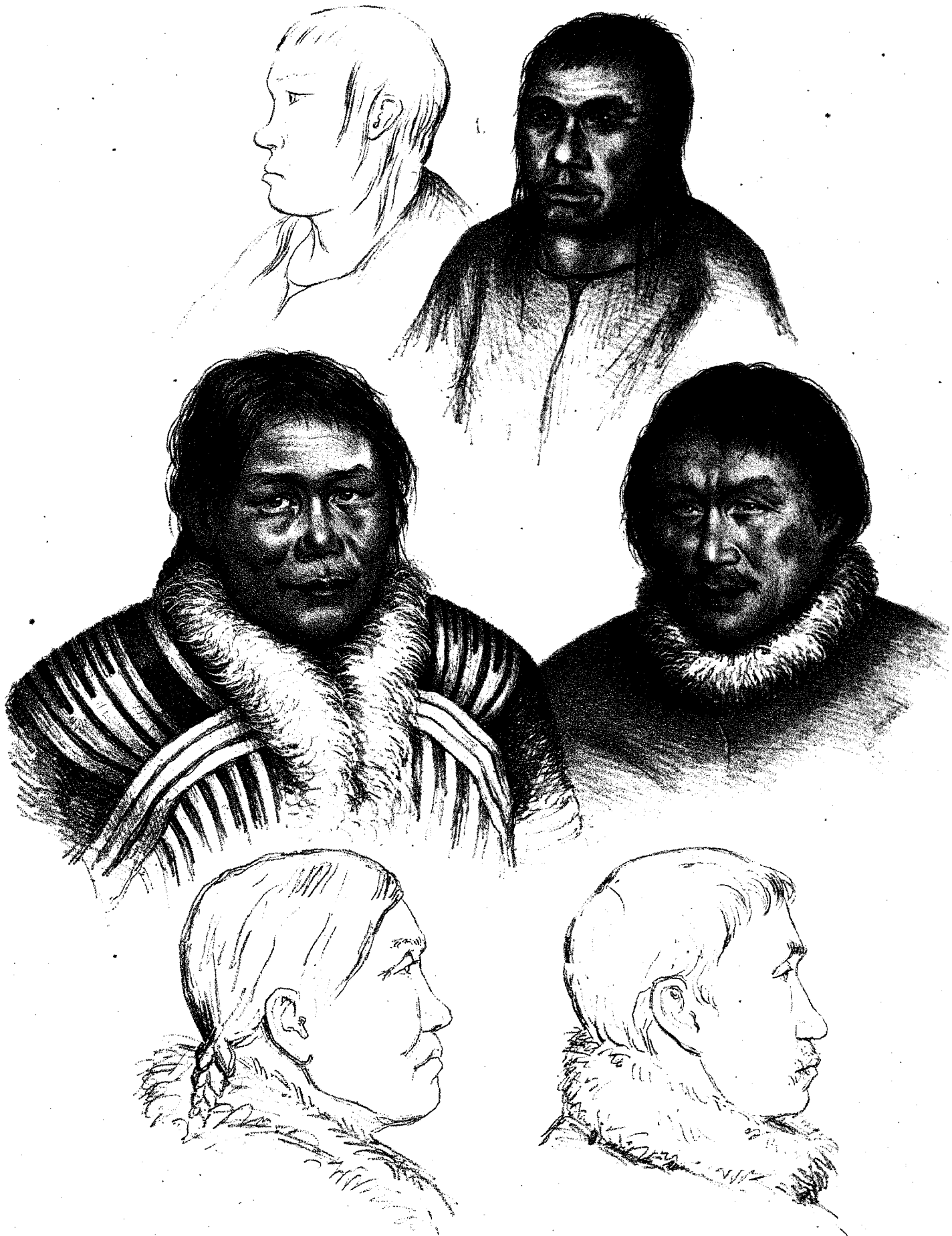
8.

9.

1. САМОУДЪ р.Тазъ.
(Пейка.)

(Ньидзяко.)

САМОУДЫ КАНИНСКІЕ.
(Паркулевъ.)

(Гаврила.)

Рис. на кам. Э. Иванова СЛБ.

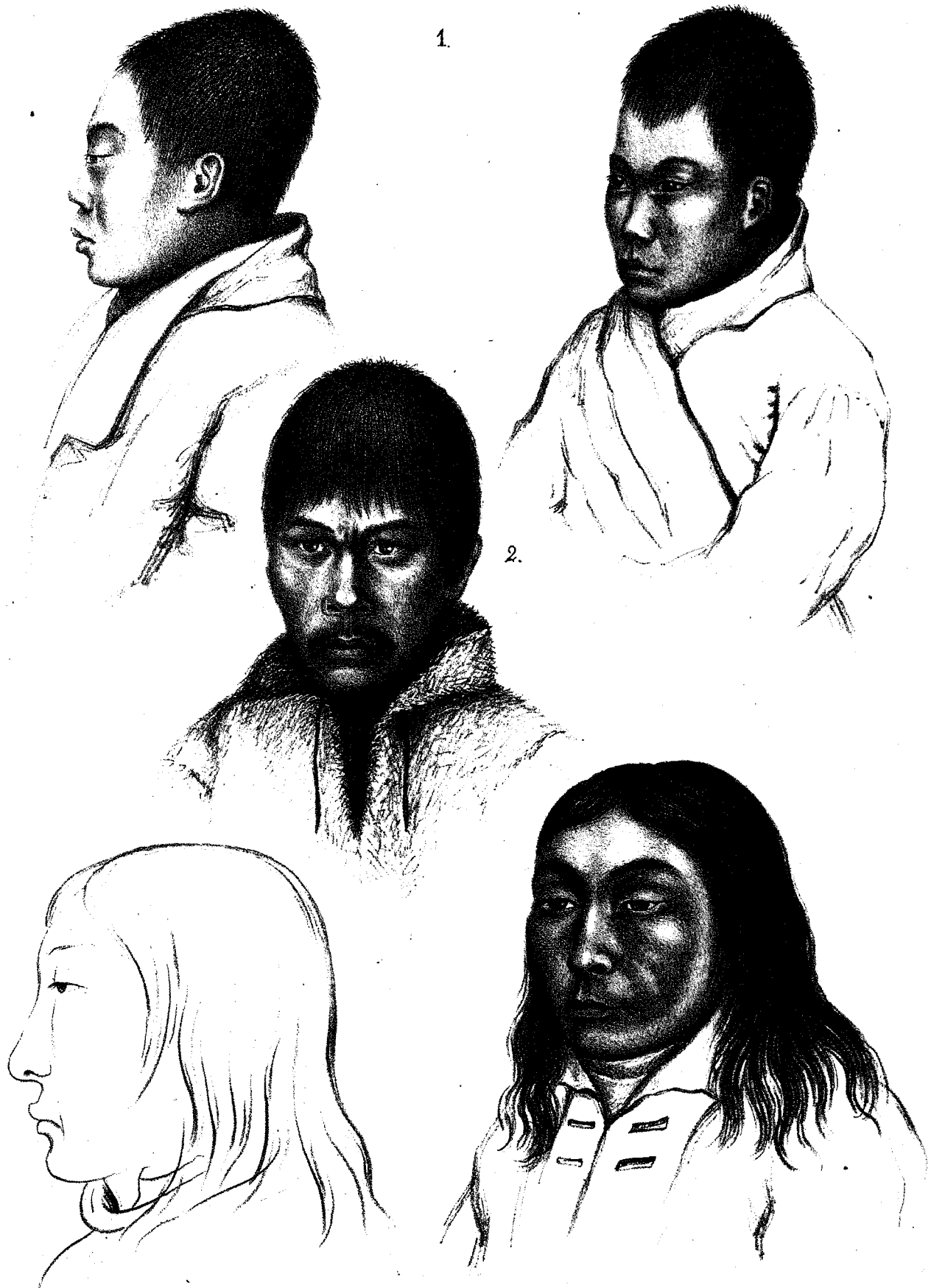

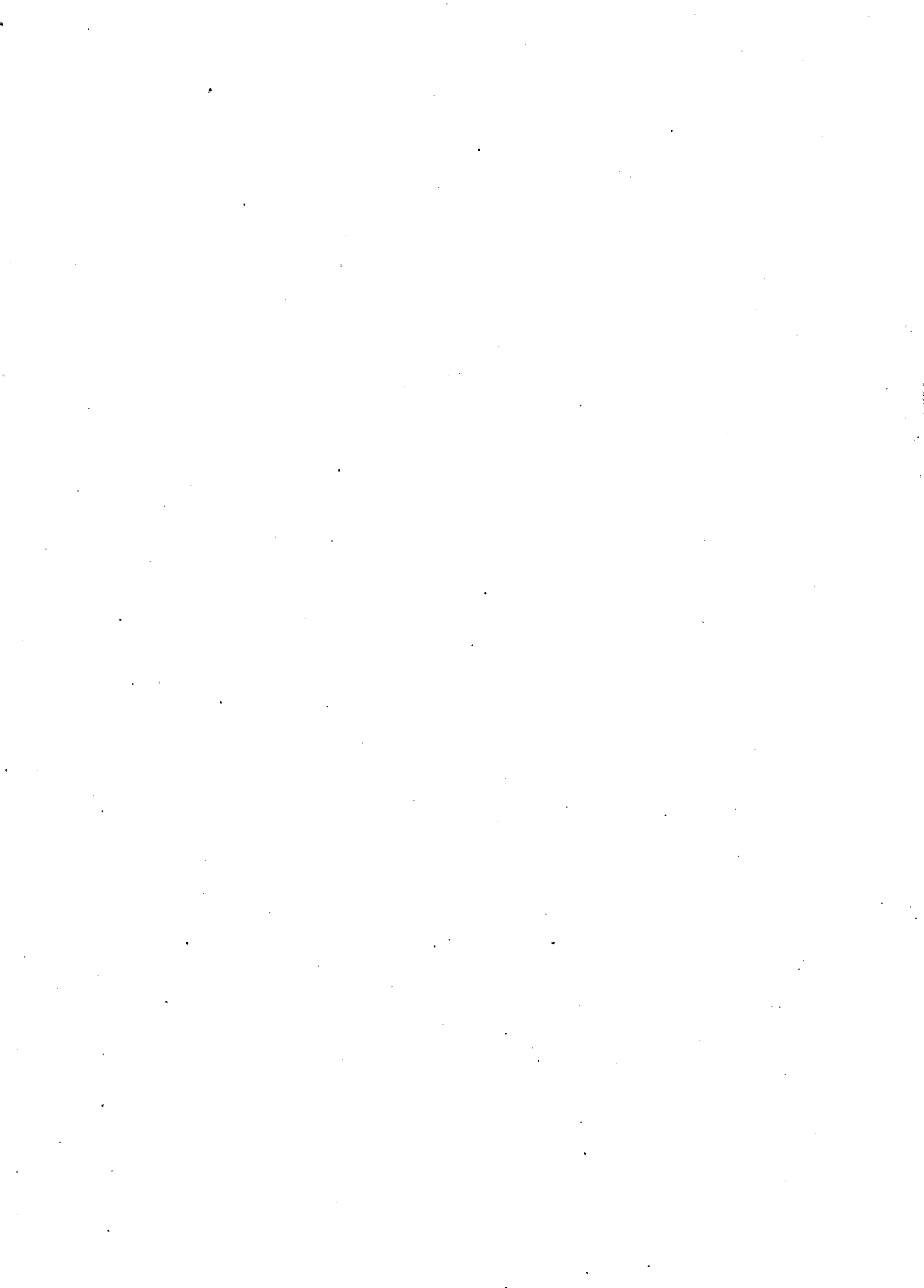

САМОЪДЫ ТИМАНСКІЕ
(Варайко Хамянь.) (Малафей Апицинъ.)

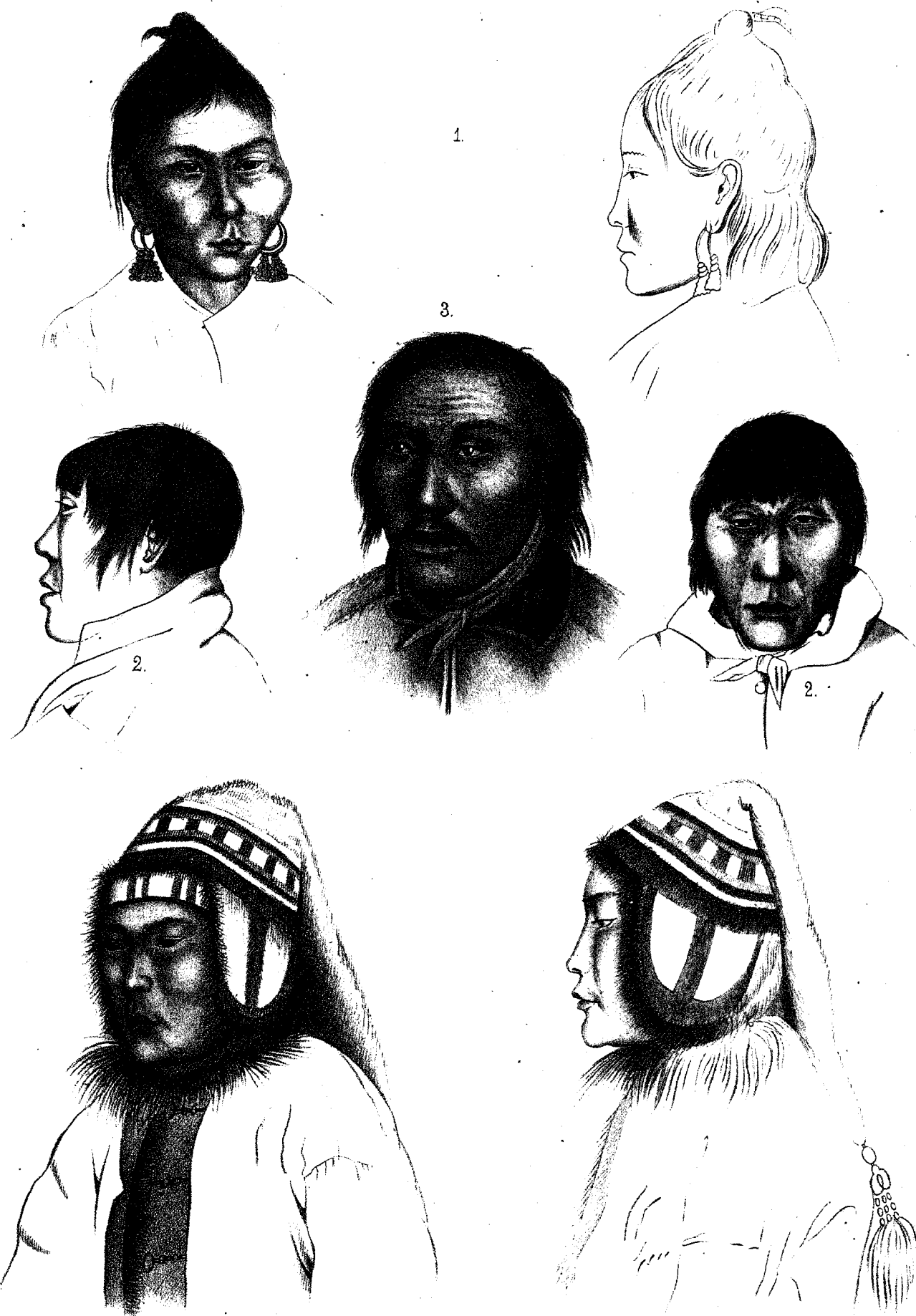
Рис. на кам. Э. Ивансонъ СПб.

Рисъ съ нату. Врандъ.

Лит. Ивансона С. ПБ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	Стран.
Обзоръ картъ, съомоевъ и плановъ.....	VII — IX
Введеніе	1 — 10
Снаряженіе, цѣль и ходъ путешествія	11 — 27
Наблюденія надъ температурой земли стр. 13 — 14. — Спутники стр. 15 — 16. —	
I. Таймырское путешествіе стр. 16 — 22. — II. Путешествіе къ Охотскому морю, въ	
область Амура и обратно стр. 22—26. — Составъ сочиненія стр. 26—27.	
Географія и Гидрографія	24 — 188
Древнѣйшія карты Сибири стр. 29 — 39. — Казаккіе «Доѣзды» стр. 39 — 44. — Ста-	
ринныя измѣренія Сибири стр. 44—45. — Съемки новѣйшихъ временъ стр. 46 — 48. —	
Сѣверная экспедиція XVIII столѣтія стр. 48 — 54. — Первыя опредѣленія широтъ стр.	
55. — Невѣрность долготъ на картахъ стр. 56—58. — Топографическіе результаты стр.	
59. — Таймырскій край стр. 60—81. — Енисей стр. 81—88. — Пясина стр. 88—89. —	
Рѣка Таймыра и Таймырское озеро стр. 90—95. — Юго-восточная часть Сибири стр. 95.	
— Шантарскіе острова стр. 95—112. — Южный берегъ Охотскаго моря стр. 112 — 123.	
— Якутскъ и Алданскій хребетъ стр. 124 — 136. — Становой водораздѣлъ и выходяще	
изъ него сѣверные протоки Амура стр. 136—186.	
Заключеніе	187 — 188
Карты, съемки и планы:	
Ремезова, чертежъ всѣхъ Сибирскихъ градовъ и земель стр. 34. — Листы III, IV, V	
стр. 76. — Листъ VI стр. 86. — Листъ VII стр. 72. — Листы VIII, IX стр. 125. — Листы	
X—XII стр. 129. — Листъ XIV стр. 128. — Листъ XVI. стр. 134. — Листъ XVII стр. 175.	
— Листъ XVIII стр. 138.	
Прибавленіе I. Журналъ Хар. Лаптева.....	I — XI

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Орографія и Геогнозія	189 — 314
A. Орографія	189 — 223
Высота Сибири надъ моремъ была сначала преувеличена, потомъ донынѣ слишкомъ	
убавлена, стр. 189—190 (также стр. 194—195).	
Орографія Таймырскаго края	191 — 195
Хребетъ Сыверма и его сѣверные отроги стр. 191. — Хребетъ Бырранга и его	
отроги стр. 192—195.	
Низменность по рѣкѣ Оби	195 — 196
Горная окраина, отъ Алтая до Оби.....	197 — 199

Алтайскіе ледники, единственные въ Сибири. — Высота Байкала.

Становой хребетъ . . . . . 199 — 220

Становой водораздѣлъ; до сихъ поръ неправильно назывался Яблоннымъ. — Хребты Олекминскій и Зеинскій. — Становой водораздѣлъ — страна плоско-возвышенныхъ хребтовъ, а не Альпійская страна стр. 203—205. — Западный склонъ Становаго хребта постоянно отложе, чѣмъ восточный стр. 205—209. — Амурскій край, по Семенову, страна уступовъ; сѣверная граница луговой равнины стр. 205—209. — Прямоугольность, характеристическая черта хребтовыхъ возвышеній юго-восточной Сибири стр. 210. — Хребетъ Силимджи, Шантарскій береговой хребетъ стр. 211. — Береговой хребетъ Мевачанъ; кекуры или отпрыдыши стр. 212—213. — Глубина моря у южныхъ береговъ Охотскаго моря стр. 214. — Алданскій хребетъ; высота его; побочныя цѣпи стр. 215—220.

Хребты между Енисеемъ и Леной . . . . . 220 — 223

Тунгусскій хребетъ; продолженіе его на сѣверъ хребтомъ Сыверма; высота его.

В. Геогнозія . . . . . 223 — 314

Тихое теченіе въ области нижней Оби; гнилой застой воды стр. 223 — 224. — Рукава рѣкъ и разныя ихъ названія стр. 224—226. — Весенніе разливы и изсяканіе воды зимою стр. 227—229. — Подвижность русла рѣкъ; правый берегъ — высокій стр. 229—234. — Подъемъ береговъ Ледовитаго моря; ископаемыя раковины; допотопный лѣсъ; ятарь; ископаемый уголь; подземныя гари стр. 235—248. — Плащикъ на высокихъ хребтахъ и на морѣ; образуемыя имъ плотины; заносъ ихъ на берегахъ моря; разрушеніе ихъ водою стр. 249—251. — Образованіе баровъ предъ устьями рѣкъ; заносные камни стр. 251 — 253. — Разрушеніе каменныхъ породъ 254—255.

Сибирскіе мамонты . . . . . 255 — 276

Московскій скелетъ мамонта стр. 256—257. — Скелеты съ остатками мягкихъ частей стр. 258—260. — 20,000 мамонтовъ въ Сибири въ два столѣтія стр. 261—263. — Мѣры для предотвращенія ихъ гибели стр. 264—266. — Мамонтъ, найденный мною на Таймырѣ; отношенія его къ допотопному лѣсу, къ ископаемымъ раковинамъ, къ глиняному наносу и къ переноснымъ камнямъ стр. 267—271. — Климатъ во время жизни мамонтовъ былъ почти или совсѣмъ такой-же, какъ нынѣ стр. 271—272. — Мамонтовые берега стр. 273. — Мамонтовая кость, только-что вынутая изъ земли, мягка; вѣсъ мамонтовыхъ клыковъ не превосходитъ вѣса слоновыхъ клыковъ стр. 273—274. — Смѣшеніе мамонтовыхъ остатковъ съ остатками отъ лошадей, быковъ и овецъ стр. 274—275. — Дополнительное свѣдѣніе о мѣстоахожденіи Адамсова мамонта стр. 275—276.

Опытъ геогностическихъ соображеній для будущихъ изслѣдованій сѣвера восточной Сибири . . . . . 276 — 304

Переносные камни въ Таймырскомъ краѣ стр. 277—278. — Песчаные холмы въ видѣ кровли въ сѣверной тундрѣ стр. 279—280. — Третичные слои въ бассейнѣ Лены стр. 281. — Юрская формація между Енисеемъ и Леной стр. 282 — 284. — Триасъ въ сѣверной Сибири; наблюденіе самаго процесса образованія комьевъ съ окаменѣlostями стр. 284—286. — Угольная формація въ бассейнѣ Лены стр. 286—290. — Силжурійскіе и девонскіе пласты; сѣро-ваквовыя формаціи, известняковыя почки; мѣстоахожденія золота по берегамъ Ледовитаго моря стр. 290—298. — Кристаллическія и плутоическія породы; высота Тунгускаго хребта; миндаликъ на Таймырѣ; послѣдовательность разныхъ подъемовъ, одного за другимъ, стр. 298—303. — Мѣловая и пермская формаціи въ Сибири — нерѣшенный вопросъ; обратное отношеніе сравнительно съ Сѣверной Америкой стр. 303—304.

Сравненіе сѣвернаго конца Алданскаго хребта съ его южнымъ концомъ . . . . . 304 — 309

Южный берегъ Охотскаго моря и Становой водораздѣлъ . . . . . 310 — 313

Возмущенія пластовъ и куски, какъ бы запеченные внутри скалъ, по южному берегу; догадка о подъемѣ трахита въ Становомъ водораздѣлѣ.

Сланцеватая глина въ области рѣки Онона . . . . . 313 — 314

Прибавленіе II. Журналъ Семена Челюскаго . . . . . XIII — XX

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Климатъ Сибири	315 — 489
Температура воздуха	315 — 349

Стран.

Вліаніе Сибирскаго климата на Европу стр. 315 — 321. — Недостатокъ наблюденій и необходимость содѣйствія со стороны не-специалистовъ. Невѣровъ, какъ образецъ тако-го содѣйствія стр. 317—319. — Сибирскій климатъ — эксцессивный и несоразмѣрно холодный; таковъ отчасти даже восточный берегъ Сибири стр. 320 — 324. — Крайняя степень холода, найденная наблюденіями; ея дѣйствіе стр. 324—328. — Якутскъ — средоточіе наибольшаго холода. «Теплый вѣтеръ». Далекое распространіе холода къ югу. Южный склонъ Становаго хребта между Охотскимъ моремъ и Амуромъ холодитъ сѣверо-ваго; тамъ Декабрь самый холодный мѣсяць стр. 329 — 332. — Вся страна, протекаемая Енисеемъ находится подъ ошутительнымъ вліаніемъ краткой Европейской зимы стр. 332 — 334. — Якутскъ — самый лучший образецъ материковаго климата: холодная зима, жаркое лѣто. Непомѣрные холода стр. 334—335 — Большой объемъ колебаній температу-ры; онъ здѣсь постояннѣе, чѣмъ въ Аразо-Каспійской области. Скачки температуры стр. 336—338. — Полюсь холода и мѣсто наибольшей зимней стужи стр. 339 — 341. — Внутри Сибири Апрель теплѣе Октября. Вліаніе морскаго льда стр. 342—343. — Сред-няя температура осени внутри Сибири почти равна средней годичной температурѣ стр. 344. — Климатическія противоположности на западѣ и востокѣ Сибири стр. 345. — Та-блица среднихъ температуръ стр. 346. — Климатъ Таймырскаго края стр. 347—349.

Тяжесть и движеніе воздуха	349 — 363
---	-----------

Низкое стояніе барометра въ теченіе лѣта стр. 349 — 352. — Муссоны во всѣхъ при-брежныхъ странахъ Сибири стр. 353 — 356. — Сѣверо-западные и сѣверо-восточные вѣ-тры, по Веселовскому у. Недалекое распространіе и непостоянство сильныхъ движеній воздуха на глубокомъ сѣверѣ. Внезапные возвраты вѣтра стр. 357 — 359. — Вѣтры въ Таймырскомъ краѣ и на Охотскомъ морѣ. «Теплый вѣтеръ» (ср. стр. 329) стр. 360—363.

Метели или бураны	363 — 370
--------------------------------	-----------

Бываютъ только въ безлѣсныхъ тундрахъ. Метель, выюга. Снѣговья волны—заструги—признаки господствующихъ вѣтровъ стр. 363—366.—Столбчатые снѣды звѣрей. Дорож-ныя насыпи. Настъ и убой снѣга стр. 367—368. — Метель со снѣжными вихрями или буранъ стр. 368—370.

Содержаніе паровъ въ воздухѣ и ихъ осадки	370 — 391
--	-----------

Сухость атмосферы. Морозный туманъ. Прозрачность воздуха; видимость спутниковъ Юпитера и причина того. Сушка платья на снѣгу стр. 370 — 373. — Влажность воздуха по Сибирскимъ берегамъ. Воздушныя отраженія. Волшебное ясновидѣніе. Туманные при-зраки. Побочныя солнца и луны стр. 373—381. — Большое различіе содержанія паровъ въ сосѣднихъ между собой странахъ. Странное показаніе психрометра. Грозы. Роса стр. 382—384.—Постоянные дожди въ Охотскомъ морѣ стр. 383—387. — Количество снѣга; зависитъ по преимуществу отъ мѣстныхъ обстоятельствъ; простирается до 14'; зависитъ отъ направленія вѣтровъ стр. 387—391.

Температура земли	392 — 414
--------------------------------	-----------

Шергинская шахта. Температура въ ней. Надежность ея показаній. Прибыль темпера-туры по мѣрѣ глубины ея скорѣе, чѣмъ въ Европѣ. На глубинѣ 7' суточные колебанія температуры уже не замѣтны стр. 392 — 396. — Въ глубину 23' дѣйствіе наибольшей лѣтней теплоты достигаетъ лишь черезъ 6 мѣсяцевъ. Среднимъ числомъ 7 или 8 дней пужно на то, чтобы измѣненіе температуры воздуха проникло въ глубину пространство въ одинъ футъ. Неизмѣнный слой находится въ глубинѣ около 80' и градуса на 3 теп-лѣ средней годичной температуры воздуха стр. 396—398.—Талой почвы можно ожи-дать только на глубинѣ отъ 600' до 1000'. Вычисленія доктора Петерса. Сомнѣнія акад. Бэра съ примѣчаніями въ отвѣтъ на нихъ. Различіе состоянія земной температуры въ разныхъ мѣстностяхъ. Окрестности Якутска. Забайкалье стр. 398—402. — Теплопровод-ность разныхъ слоевъ земли. Теплопроводность снѣговаго покрова стр. 403 — 406. —

- Предѣлъ вѣчныхъ снѣговъ. Перелетки снѣга стр. 406 — 413. — Отсутствие глетчеровъ въ сѣверной Сибири стр. 413—414.
- Накипны и ледяныя долины** . . . . . 414 — 427
 Глетчеры на Алтаѣ, не смотря на сухость воздуха. Гольцы и бѣлки. Ледъ на прочихъ хребтахъ Сибири. Образование Сибирскихъ ледяныхъ долинъ походить на начало образованія глетчеровъ въ Европѣ стр. 414—417. — Ледяная долина на Маломъ Аимѣ стр. 416—417. — Ледяная долина на Селендѣ стр. 417 — 421. — Ледяныя долины принадлежатъ къ навишнимъ стр. 422—424. — Натёки воды на льду. Повсемѣстность накалиней и свойства ихъ стр. 424—427
- Ледъ на днѣ рѣкъ** . . . . . 428 — 431
 Образуется только на мелководныхъ быстринахъ. Ледяныя плотины и наросты льда со два. Ледъ на днѣ мелкихъ озеръ.
- Толщина ледяного полотна и промерзаніе водъ до дна** . . . . . 431 — 434
 Ледяной покровъ бываетъ не толще 8'. Превращеніе рѣкъ въ рядъ прудовъ.
- Вскрытіе и замерзаніе водъ** . . . . . 435 — 450
 Ледъ механически разрушается суровостью зимы; отъ того ледяное полотно на озерахъ весьма рѣдко переживаетъ лѣто стр. 435 — 438. — Продолжительность ледяного покрова. Таблицы стр. 438 — 444. — Разная продолжительность по различію широтъ, и тѣмъ больше, чѣмъ дальше къ сѣверу. Печора, Обь и Енисей сходны между собой. Устье Пясины наименѣе остается открытымъ: оно вскрывается наипозднѣе. Колыма, Тавуй и Гижига наименѣе бываютъ безъ ледяного покрова стр. 445—447. — Мѣстности, на которыхъ Ангара остается открытою во всю зиму. Вліяніе сборныхъ бассейновъ, служащихъ истокомъ, и направленія теченія рѣкъ. Натёки водъ зимой на ледяное полотно рѣкъ. Черная, коренная вода и снѣжница стр. 447—450.
- Температура воды въ озерахъ и въ рѣкахъ** . . . . . 451 — 459
 Неожиданно высока. Таблица. Вода безъ ледяного покрова холоднѣе, чѣмъ подъ нимъ, въ средней годичной температурѣ несравненно теплѣе воздуха, и теплѣе также почвы фута на два ниже дна. На самомъ днѣ вода самая теплая. Температура озеръ въ Финляндіи. Ледяной холодъ на днѣ озеръ съ водой негодной для питья, у Якутска стр. 451—459.
- Воды, образовавшіяся чрезъ просачиваніе** . . . . . 459 — 465
 Настоящіе родники имѣются даже за полярнымъ кругомъ. Множество безводныхъ руслъ ручьевъ стр. 459 — 461. — Теплые ключи въ Становомъ хребтѣ стр. 461. — Таблица температуръ въ родникахъ стр. 461 — 463. — Самородный селитряный растворъ стр. 464. — Температуры колодцевъ стр. 464—463.
- Географическое распространеніе ледяной почвы** . . . . . 466 — 476
 Протяженіе изогеотермъ стр. 466. — Ледяная почва, сплошная и въ видѣ острововъ 467—469. — Южная граница ледяной почвы стр. 470—471.
- Обзоръ выводовъ изъ вышеизложенныхъ изслѣдованій о температурѣ земли** . . . . . 472 — 477
 Толстота ледяной почвы до 1000' стр. 472. — Вліяніе большихъ массъ воды стр. 473. — Южная граница ледяной почвы легче можетъ быть опредѣлена не прямо. Ледяная почва въ видѣ каменной породы стр. 474. — Трещины отъ мороза и утекъ озеръ стр. 475—476.
- Морская температура, морской ледъ и морскія теченія** . . . . . 477 — 489
 Температура моря у Колы, въ Бѣломъ морѣ, у Новой Земли, у Таймырскихъ полуострововъ стр. 477—479. — Высота приливовъ стр. 479—480. — Ледяныя массы у южнаго берега Охотскаго моря стр. 481—483. — Теченія у южнаго берега Охотскаго моря. Разныя температуры ихъ стр. 483—486. — Колебанія морской температуры больше колебаній температуры воздуха стр. 487—489.
- Дополненія къ тексту сочиненія** 490
 Къ стр. 197. Объ опредѣленіи высотъ на Алтаѣ. — Къ стр. 199. О томъ-же на Байкалѣ. — Къ стр. 400. О ненадежности наблюденій Шергина.

Прибавленія	Стран. I — XXV
I. Наблюденія температуры на Енисей стр. I—XIII. — II. Метеорологическія наблюденія на Платоновскомъ приискѣ у рѣчки Актюликъ стр. XIV—XVII. — III. Наблюденія температуры въ Амгинской слободѣ, произведенныя въ 1846 году стр. XVIII—XIX. — IV. Наблюденія температуры въ разныхъ мѣстахъ южнаго берега Охотскаго моря осенью 1844 года стр. XX—XXIII. — V. Наблюденія температуры на Становомъ водораадѣ, по уступамъ, ограничивающимъ съ сѣвера луговую низменность Амура, стр. XXIV—XXV.	

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Растительность Сибири	491 — 758
-----------------------------	-----------

Главные виды деревъ въ сибирскихъ лѣсахъ	491 — 546
--	-----------

Лиственница стр. 492 — 506. — Сибирская ель стр. 506 — 510. — Аянская ель стр. 510—512. — Сибирская пихта стр. 513—516. — Сосна стр. 516—521. — Сибирскій кедръ стр. 521 — 524. — Кустарный кедръ или кедровый сланецъ стр. 524 — 529. — Обыкновенный (малорослый) можжевельникъ стр. 528—529. — Даурскій можжевельникъ стр. 529. — Бѣлая береза стр. 529—532. — Березка или березовый сланецъ стр. 532. — Эрманова береза стр. 532 — 534. — Даурская черная береза, бѣлая ольха стр. 534. — Кустарная ольха стр. 534—535. — Благовонная тополь стр. 535—536. — Осина стр. 536 — 537. — Ива стр. 537. — Липа стр. 537—538. — Стебельный дубъ стр. 539—541. — Орѣшникъ стр. 542. — Кленъ стр. 543. — Яблоня стр. 543 — 545. — Черемха стр. 545. — Рябина стр. 545—546.

Направленіе предѣла лѣсной растительности	546 — 557
---	-----------

Неточность прежнихъ извѣстій стр. 547—548. — На предѣлѣ лѣсной растительности подъ различными долготами растутъ различныя древесныя породы стр. 549 — 550. — Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ сильнѣе расходятся полярные предѣлы различныя древесныхъ породъ стр. 551—552. — На обоихъ берегахъ Берингова пролива лѣсъ отодвигается отъ морскаго прибрежья стр. 552—553. — На предѣлѣ древесной растительности въ сѣверной Америкѣ нѣтъ ни одного европейско-азиатскаго хвойнаго дерева, а встрѣчаются только европейско-азиатскія лиственныя деревья стр. 553. — Первые замѣняются другими видами тѣхъ-же самыхъ породъ стр. 554 — 555. — Направленіе предѣла лѣсной растительности въ сѣверной Америкѣ стр. 556.

Общія соображенія о предѣлахъ лѣсной растительности	557 — 559
---	-----------

Близъ полярнаго предѣла древеснаго распространенія ростъ деревьевъ преимущественно обуславливается мѣстными второстепенными обстоятельствами стр. 557. — Уменьшеніе толщины деревъ преобладаетъ надъ уменьшеніемъ роста ихъ въ высоту; вслѣдствіе этого происходитъ неправильная оцѣнка долговременности деревъ стр. 558—559.

Полярный предѣлъ древесной и лѣсной растительности	560 — 575
--	-----------

Кривоколье. Въ Таймырскомъ краѣ лѣсъ простирается до $72\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., слѣд. далѣе къ полюсу, чѣмъ гдѣ-либо на земной поверхности стр. 560. — Безвѣтвенная криворослая лиственница стр. 563. — Шпалерная лиственница стр. 564. — Важное значеніе защиты отъ вѣтра стр. 566. — Твердость и хрупкость дерева; жукъ, протачивающій кору, но въ свою очередь уничтожаемый другимъ паразитомъ (*Bracon Middendorffii*); деревья подвержены болѣзни круженія стр. 568. — Предѣлъ древеснаго произрастанія не совпадаетъ съ предѣломъ лѣсной растительности. Изображеніе приникшаго къ землѣ малорослаго ствола стр. 570. — Криворослая лиственница на горахъ и берегахъ, окаймляющихъ Охотское море стр. 571. — Снѣговой покровъ сохраняетъ крайнія деревья стр. 574. — Невозможность искусственно выдвинуть предѣлъ древесной растительности далѣе къ полюсу стр. 574—575.

Лѣсные группы на предѣлѣ и за предѣломъ древесной растительности	575 — 579
--	-----------

Часто встрѣчаются они мила на 3 или 4 къ полюсу отъ теперяшняго предѣла древесной растительности стр. 576. — Они происходятъ не отъ чрезмѣрно суровыхъ зимъ,

а отъ нѣсколькихъ неблагоприятныхъ лѣтъ сряду стр. 577. — На остр. Исландіи лѣса погибли вслѣдствіе измѣненія климата. Уничтоженіе лѣсовъ человѣкомъ стр. 578.

Очертаніе предѣла лѣсной растительности . . . . . 579 — 581

Имѣетъ форму язычковъ или стрѣлокъ, потому что слѣдуетъ теченію рѣкъ. Сопровождается группами деревьевъ, являющихся въ видѣ острововъ стр. 579. — Сравненіе съ экваторіальными предѣлами лѣсной растительности по направленію къ степи стр. 580.

Вертикальный предѣлъ древесной растительности въ Сибири . . . . . 581 — 597

На Алданскомъ хребтѣ нѣтъ абсолютнаго вертикальнаго предѣла стр. 582—585. — Вертикальный предѣлъ, обуславливаемый трахитовыми камнями стр. 585. — Кустарный кедръ стр. 586—587. — Лиственница стр. 588—590. — Древесный кедръ стр. 590—592. — Сибирская пихта стр. 592 — 593. — Обыкновенная сибирская ель. Сосна стр. 593. — Бѣлая береза стр. 595. — Разныя другія лиственничныя деревья стр. 596—597.

Нарастаніе древесины и срокъ существованія Сибирскихъ деревьев . . . . . 597 — 609

Въ Сибири путешественникъ не испытываетъ впечатлѣнія, какое производятъ тысячелѣтніе первобытные лѣса. Самое толстое дерево, которое я встрѣтилъ, былъ тополь въ 6' въ поперечникѣ. Крайній срокъ существованія деревъ — три или четыре столѣтія стр. 597—599. — Таблица измѣренныхъ годичныхъ колець стр. 601. — Годичныя кольца полуподземнаго ствола на крайнемъ предѣлѣ древесной растительности стр. 601, примѣч. 1. — Дереву на крайнемъ полярномъ предѣлѣ пришлось бы расти 2000 лѣтъ, чтобы изъ него могла быть выпиlena доска въ футъ ширины. Неблагоприятныя условія почвы при болѣе благоприятномъ климатѣ производятъ такое-же дѣйствіе на сосну возвышенныхъ моховиковъ стр. 603. — Различное значеніе названій Mänd и Päd daja, которыя носить сосна стр. 604. — Значеніе деревьевъ глубокаго сѣвера въ отношеніи ихъ годности. Корабельный лиственничный лѣсъ съ сѣверной Печоры вѣроятно твердь, но хрупокъ стр. 605 — 607. — Континентальный климатъ не благоприятствуетъ древесному росту, который достигаетъ высшаго развитія лишь въ морскомъ климатѣ стр. 607—608.

Естественный порядокъ, въ которомъ смѣняются различныя древесныя породы въ первобытныхъ лѣсахъ . . . . . 609 — 619

Безсиліе человѣка среди первобытнаго лѣса. Лѣсныя бури стр. 609—610. — Лѣсные пожары стр. 611. — Выжиганіе травы стр. 613. — Переѣвное хозяйство въ первобытныхъ лѣсахъ стр. 614 — 615. — Вмѣшательство человѣка въ дѣйствія природы стр. 617. — Человѣкъ содѣйствуетъ умноженію лиственничныхъ деревъ стр. 618.

Связь между климатомъ и древеснымъ ростомъ . . . . . 619 — 655

Многія растенія выносятъ самую сильную зимнюю стужу на земномъ шарѣ. Замерзаніе содержанія клѣточекъ не уничтожаетъ растеній и стѣнки клѣточекъ не разрываются стр. 619 — 620. Полнѣйшая зимняя спячка, которая искусственнымъ образомъ вѣроятно можетъ быть продлена нѣсколько лѣтъ сряду. Деревья вслѣдствіе мороза превращаются въ совершенныя муміи стр. 621. — Ивовыя сережки при 20° мороза вслѣдствіе проявленія самостоятельной жизненности въ оконечностяхъ вѣтокъ стр. 622. — Зеленѣющія лиственницы и цвѣтушія альпійскія розы при замерзшихъ корняхъ стр. 623. — Среднія температуры лѣтнихъ мѣсяцевъ на предѣлѣ лѣсной растительности. Два мѣсяца, въ теченіе которыхъ тамъ вовсе нѣтъ морозовъ стр. 623. — Съ каждымъ градусомъ широты срокъ лѣтнихъ безморозныхъ недѣль сокращается на нѣсколько дней. Подъ 70³/₄° с. ш. теплота въ тѣни доходитъ до 21° F.; четырьмя градусами сѣвернѣе она понижается на половину стр. 626. — На долю деревьевъ на предѣлѣ лѣсной растительности приходится лѣто въ болѣе чѣмъ 10 недѣль стр. 627. — Безразличная точка прозябанія нѣкоторыхъ растеній повидимому находится ниже точки замерзанія стр. 628. — Невозможно въ точности исчислить «полезную теплоту», приходящуюся на долю растеній глубокаго сѣвера. Вліяніе температуръ предыдущаго лѣта стр. 629. — Сходство деревъ и растеній глубокаго сѣвера съ нашими весенними цвѣтами; отсюда происходитъ внезапное появленіе растительности на глубокомъ сѣверѣ стр. 630. — Малорослая березка глубокаго сѣвера пользуется для своего произрастанія только по-

ловною тамошняго лѣтнаго времени. *Ranunculus nivalis*, *Sieversia glacialis*, *Androsace septentrionalis* употребляютъ на процессъ своего прозябанія три недѣли стр. 633. — Деревья, растущія на ледяной почвѣ, не зависятъ отъ средней температуры почвы стр. 634. — Средняя часть ствола получаетъ наибольшія суммы тепла стр. 635. — Сила непосредственнаго солнечнаго освѣщенія. Она дѣйствуетъ и черезъ воду стр. 636. — Большія различія въ температурѣ, которымъ на глубокомъ сѣверѣ подвержены отдѣльныя части растеній, въ особенности корневища. На этомъ, можетъ быть, основано необыкновенно быстрое появленіе растительности стр. 637. — Отъ низкой температуры въ тѣни происходитъ недостатокъ въ подросткѣ лѣса и однообразіе стр. 638. — На глубокомъ сѣверѣ растенія согрѣваются почвою не больше, чѣмъ воздухомъ, какъ это бываетъ на Альпахъ стр. 640. — Тучныя мѣста, образовавшіяся посредствомъ дренажа, удобренія, разрыхленія, орошенія и затопленія почвы стр. 641. — Перемена времени въ появленіи на лиственницѣ цвѣтовъ и иголъ на различныхъ горныхъ высотахъ стр. 642—643. — Солъ и яркіи цвѣтъ растеній глубокаго сѣвера стр. 644. — Каждая древесная порода, имѣющая большое распространеніе, вырождается въ криворосли. Форма деревъ вырождается отъ неблагоприятныхъ условій одной какой-либо составной части климата стр. 645. — Вредное вліяніе влажнаго воздуха и вѣтра на глубокомъ сѣверѣ стр. 646. — Шпалерная лиственница глубокаго сѣвера и изгородная лиственница Охотскаго моря. Образованію послѣдней содѣйствуютъ осадки воды и снѣга стр. 648—649. — Снѣжные сугробы полезны болѣе тѣмъ, что сокращаютъ лѣто, нежели тѣмъ, что защищаютъ растенія отъ морозовъ стр. 651. — Предѣлъ произрастанія лиственницы идетъ параллельно прибрежью стр. 652. — Важность защиты отъ вѣтра стр. 654.

Флора по сѣю и по ту сторону предѣла древесной растительности . . . . . 655 — 663

Незначительное число новыхъ растеній, свойственныхъ глубокому сѣверу. Центръ распространенія нѣкоторыхъ видовъ вѣроятно все-таки находится на глубокомъ сѣверѣ; мало по малу они распространились вокругъ полюса стр. 656. — Мѣстности близъ Удскаго Острога съ явно лапландскимъ характеромъ растительности стр. 658. — Сходство южно-сибирской флоры съ сѣверо-американскою. Провалившаяся промежуточная полоса стр. 658—659. — Разнообразіе растеній въ низовьяхъ р. Мекензи. Предполагаемый токъ воздуха съ юга стр. 660. — Таймырская флора въ сравненіи съ альпійскими стр. 661. — Тождество нѣсколькихъ арктическихъ и антарктическихъ растеній стр. 662.

Кормовыя травы по сѣю и по ту сторону предѣла лѣсной растительности . . . . . 663 — 673

Изобиліе ягодъ. Полярный предѣлъ ихъ почти совпадаетъ съ полярнымъ предѣломъ лѣса стр. 663. — Съѣдомыя растенія глубоко-сѣверной флоры стр. 666. — Растительные студени въ водѣ (*Nostoc pruniforme*) и съѣдомые лишайники стр. 668. — Почти ни одно растеніе глубокаго сѣвера не ядовито стр. 669. — Наши корнеплодные растенія родятся и на глубокомъ сѣверѣ, потому что переносятъ влажность воздуха стр. 670. — Картофель стр. 671. — Огурцы стр. 672.

Полярный предѣлъ лучшихъ хлѣбныхъ растеній въ Сибири . . . . . 673 — 695

На полярномъ предѣлѣ далѣе всѣхъ выдвигается ячмень, потому что переноситъ влажность воздуха стр. 673. — Полярный предѣлъ ячменя стр. 673 — 674. — За ячменемъ слѣдуетъ овесъ и яровая рожь, совпадающія съ нимъ въ континентальномъ климатѣ стр. 678 — 679. — Полярный предѣлъ озимой ржи, конопли, лука, яровой пшеницы, гороха стр. 679—680. — Очеркъ исторіи земледѣлія въ Сибири стр. 681. — Охота и земледѣліе могутъ очень выгодно дѣйствовать другъ на друга стр. 684. — Сомнительность успѣховъ земледѣлія на полярномъ его предѣлѣ стр. 688. — Необходимо позаботиться о сѣменахъ стр. 689. — Хлѣбъ на сибирскомъ полярномъ предѣлѣ своемъ растетъ и созрѣваетъ не скорѣе, чѣмъ въ сѣверной части средней Европы. Безуспѣшное стараніе добыть для Сибири европейскія хлѣбныя сѣмена внутри полярнаго круга стр. 689. — Крайности разнаго рода. — Въ восточной Сибири полярные предѣлы различныхъ хлѣбныхъ породъ сливаются между собою стр. 691. — Необходимо на зиму прикрывать посѣвы навозомъ стр. 692. — Мѣстныя и второстепенныя условія преобладаютъ надъ климатическими отношеніями стр. 695.

Тундра глубокаго сѣвера ..... 696 — 718

Большая и малая низовыя тундры. Авамская тундра. Затундренскіе жители стр. 696. — Большая кругополарная тундра стр. 697. — Меньшія островообразныя тундры стр. 697—698. — Определеіе понятія тундры стр. 699. — Отношеніе тундры къ степи стр. 700 (и 710). — Преобладаніе травъ въ тундрѣ; между ними встрѣчаются наши лучшія кормовыя травы. Предложеніе перевести холмогорскій скотъ и на Печору стр. 702. — Видъ высокой Таймырской тундры стр. 702. — Лайда стр. 704—705. — Прелесть и разнообразіе цвѣтовъ стр. 705. — Арктическій кустарникъ. Политриховыя тундры стр. 706. — Лишайная тундра. Сухая высокая тундра стр. 707. — Возвышенныя моховики стр. 709. — Сравненіе тундръ со степями (стр. 700) стр. 710. — Ни въ тундрахъ, ни въ степяхъ нѣтъ сплошнаго дерна стр. 711. — Пышная растительность на влажной почвѣ низменной степи стр. 712. — Степная растительность измѣняется сообразно подпочвѣ и временамъ года стр. 713. — Черноземныя степи южной Россіи стр. 715. — Степи сѣверной Африки. Степи рѣчныхъ дельтъ стр. 715 — 716. — Ланды и марши. Американскія степи стр. 716—718.

Общій обзоръ предыдущихъ отдѣловъ ..... 718 — 756

Недостатокъ въ биологически-метеорологическихъ наблюденіяхъ стр. 719. — Лиственница стр. 720. — Сосна стр. 723. — Кустарный кедръ стр. 725. — Ель стр. 726. — Пихта стр. 726. — Древесный кедръ стр. 727. — Лиственныя деревья стр. 727. — Затруднительность разведенія въ Европѣ Амурскихъ растений стр. 732. — Ливніи растительности стр. 734. — Различія въ послѣдовательномъ порядкѣ предѣловъ древесной растительности стр. 736. — Предѣлы древеснаго произрастанія могутъ быть сведены въ четыре главныя группы стр. 739. — Вертикальныя предѣлы древесной растительности и хлѣбопашества стр. 741. — Климатическія условія древеснаго произрастанія отличаются отъ климатическихъ условій хлѣбопашества стр. 743. — Мифніи Купфера и Кеплена о связи между земледѣліемъ и климатомъ стр. 744. — Въ отношеніи земледѣлія житницы Европы столь-же ненадежны, какъ Сибирь стр. 747. — Созрваніе зеренъ и количество содержащагося въ нихъ крахмала на полярномъ предѣлѣ земледѣлія стр. 748. — Быстрое развитіе растительности на глубокомъ сѣверѣ стр. 749. — Необходимо создать новую систему биологически-метеорологическихъ наблюденій стр. 750. — Суммы тепла, соответствующія произрастанію различныхъ хлѣбныхъ породъ стр. 751. — Вліяніе непосредственнаго солнечнаго освѣщенія стр. 752. — Ночныя морозы. Защита отъ вѣтра стр. 753. — Наблюденія, сдѣланныя въ Алжирѣ, согласуются съ наблюденіями, произведенными на древесномъ предѣлѣ тундръ и степей стр. 754. — Вода составляетъ главную причину бездревесности степей во всѣхъ странахъ свѣта. Необходимо охранить окраины степей отъ хлѣбныхъ опустошеній стр. 755.

Дополненія ..... 757 — 758

Прибавленіе I. Хлѣбопашество въ Якутскѣ ..... I — VI

Прибавленіе II. Хлѣбопашество въ Амгинскѣ ..... VII — XI

Прибавленіе III. Хлѣбопашество и скотоводство въ Удскомъ-Острогѣ ..... XII — XX

Прибавленіе IV. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ осушкѣ и орошеніи луговъ и полей въ Сибири ..... XXI — XL

Долина, нынѣ озеро Мыра стр. XXI. — Высохшія озера (уолбут) стр. XXIII. — Лайда стр. XXIV. — *Elymus pseudagropyrum* и *Hedysarum fruticosum* слѣдовало бы попытаться развести въ Европѣ стр. XXVIII. — Байкальскія степи стр. XXIX. — Выщелочиваніе почвы посредствомъ орошенія стр. XXXI. — Оросительныя каналы близъ Верхнеудинска стр. XXXII. — Сухія высокія степи Забайкалья современемъ посредствомъ орошенія могутъ быть воздѣланы стр. XXXVII.

Прибавленіе V ..... XLI — LIV

1) Ностокъ подъ $74\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш. въ Таймырскомъ краѣ стр. XLI. — 2) Цвѣтной или красный снѣгъ въ Россіи стр. XLII.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

	Стран.
Сибирская фауна	1 — 618
Бѣдность и однообразіе ея; сходство съ европейскою фауною	1 — 5
Изобилующіе животными оазисы на глубокомъ сѣверѣ, какъ подъ тропиками стр. 2. — Извѣстные сборные пункты въ извѣстные періоды времени, а потому мѣстами и пустыни стр. 4. — Хвойные лѣса также бываютъ пустынями стр. 4. — Исные пожары оживляютъ мѣстность стр. 5.	
Сибирскія позвоночныя животныя, попадавшіяся мнѣ на пути	5 — 7
Необходимо отличать два отдѣла путешествія. Южная Сибирь несравненно разнообразнѣ по части животныхъ, чѣмъ глубокой сѣверъ.	
Объемъ видового понятія	7 — 15
Естествоиспытатели дробятъ и соединяютъ виды стр. 7. — Это привело къ убѣжденію, что одно и то-же животное водится на сѣверѣ какъ древняго, такъ и новаго міра стр. 8. — Слѣдуетъ придерживаться общаго видового названія, а географическія уклоненія обозначать только видоизмѣненіями. Противуположности между сѣверо-американскими и весьма сходными съ ними европейско-азиатскими животными стр. 10. — Тщательное наблюденіе существующихъ пилѣ животныхъ необходимо для составленія выводовъ о способности первобытныхъ формъ подвергаться видоизмѣненіямъ стр. 11. — Невозможно заранѣе опредѣлить существенна ли или несущественна разница въ отличительныхъ признакахъ животныхъ. То что теперь несходно въ видовомъ отношеніи, произошло, можетъ быть, отъ прежнихъ измѣненій одного и того-же вида, и на оборотъ. Болѣе всего нужно имѣть въ виду обобщеніе видовъ стр. 11—12 — Поэтому здѣсь видъ животнаго разсматривается въ обширномъ значеніи этого слова стр. 13. — Попытки производить плодovitыя полѣси стр. 13. — Опредѣленные и рѣзко-ограниченные виды стр. 13.	
Видоизмѣненія Сибирскихъ животныхъ	15 — 41
Видоизмѣнители и видохранители стр. 15. — Видоизмѣненія не всегда бываютъ послѣдствіемъ климатическихъ условій стр. 16. Ростъ стр. 17. — Увеличивающее вліяніе Азіятскаго материка; оно не зависитъ отъ лучшей пищи стр. 17. — На глубокомъ сѣверѣ водятся большая и меньшая разновидности стр. 18. — Меньшія разновидности вѣроятно образуются отъ позднихъ выводовъ стр. 19 и 25. — Большія разновидности на перекорѣ климату стр. 20. — Рослость горныхъ животныхъ, въ противность европейскому правилу стр. 21. — Чрезвычайная сложность причинъ. Ростъ животныхъ соответствуетъ величинѣ материковъ (стр. 18 и 23). — Рослость животныхъ на берегахъ «Берингова пролива» стр. 23. — Зависимость роста отъ питанія стр. 24—26.	

Цвѣтъ стр. 27. — Зависимость его отъ свѣта и тепла. Обиліе свѣта въ полярныхъ странахъ во время перемены покрова животныхъ. Не смотря на обиліе свѣта на Альпахъ, на нихъ все-таки встрѣчаются разновидности черного и тусклаго цвѣта стр. 28. — Блескъ сибирскихъ мѣховъ. Совпаденіе весенняго и осенняго линянія на глубокомъ сѣверѣ стр. 29. — Только за предѣломъ лѣсной растительности преобладаютъ животныя, бѣлѣющія на зиму, стр. 30. — Черныя разновидности часто встрѣчаются между животными, бѣлѣющими на зиму, стр. 31. — Сходство цвѣта животныхъ съ цвѣтомъ почвы. Степной цвѣтъ стр. 32—33. — Черныя и темныя разновидности. Причина этихъ цвѣтовъ стр. 34. — Бѣловатость въ противоположность выцвѣтанію стр. 35—36. — Преобладаніе темнаго цвѣта стр. 37—38. — Существованіе климатическихъ разновидностей стр. 39—40.

Единство области распространенія каждаго животнаго . . . . . 41 — 47

Рѣзкія исключенія изъ этого правила, которыя обыкновенно можно объяснить до-историческими отдѣленіями, стр. 41—42. — Доказательствомъ этому служитъ фауна острова Сахалина стр. 42. — Необходимо допустить центры распространенія стр. 44. — *Risa suana* стр. 45. — Зубрь, ворка и миньсь стр. 46—47.

Данныя для исторіи распространенія Сибирскихъ животныхъ . . . . . 48 — 129

а) Истребленіе. Исчезли наиболѣе рослые животныя. Бѣдствія отъ вредныхъ насѣкомыхъ, пронсходящія вслѣдствіе нарушенія челоѣкомъ равновѣсія въ природѣ, стр. 48—49. — Страданія, причиняемыя москитами. Истребленіе ихъ посредствомъ уничтоженія болотъ стр. 49—52. — Страданія отъ вшей стр. 53—54. — Истребленіе многихъ млекопитающихъ животныхъ преимущественно на экваторіальныхъ предѣлахъ ихъ въ Европѣ. Травоядныя животныя истреблены прежде другихъ стр. 55—57. — Стеллера морская корова стр. 56—68. — Морской бобръ, сивучъ и котикъ стр. 61—66. — Морская корова обладала особенными способностями сдѣлаться домашнимъ животнымъ стр. 67. — Истребленіе материковыхъ животныхъ стр. 68—69. — Овца-аргали стр. 70. — Бородастый ягнятникъ стр. 70—71. — Бобръ стр. 71—76. — Соболь стр. 77—84. — Списокъ убитыхъ животныхъ стр. 85. — Дикая кошка стр. 87. — Волки оказываются истребителями лисицъ стр. 88. — Отсутствие волка въ мѣстностяхъ, отличающихся глубокимъ снѣгомъ. — Дорогу къ нимъ пролагаетъ ему культура стр. 89—90. — Медвѣдь стр. 90. — Лось стр. 91—93. — Сайга стр. 93—94.

б) Сохраненіе и исчезающихъ животныхъ, равно какъ самостоятельное распространеніе и введеніе неводившихся прежде животныхъ. Лося сдѣдало бы сдѣлать домашнимъ животнымъ стр. 95. — Верблюды на Алданскомъ хребтѣ стр. 95—96. — Якъ стр. 96—97. — Зоологическій садъ въ Сибири стр. 97—98. — Дѣйствія Сѣверо-Американской Компаніи по части ухода за дикими животными. Морскіе бобры, котики, песцы и суслики стр. 99—100. — Рѣчной ракъ. Стерлядь стр. 101—106. Пасюкъ и черная крыса стр. 107—111. — Воляныя крысы стр. 111—112. — Тараканы стр. 112—115. — Воробьи стр. 115—116. — Совершенно различныя виды животныхъ ведутъ совокушную жизнь стр. 117. — Общіе выводы о паразитахъ стр. 117—119. — Области распространенія животныхъ измѣняются вслѣдствіе челоѣческой дѣятельности, корыстолюбія, религіозныхъ воззрѣній челоѣка и т. д. стр. 120—125. — Измѣненія областей распространенія животныхъ до появленія челоѣка стр. 125—128.

Кругополярная фауна. Гиперборейская кругополярная фауна . . . . . 129 — 196

Атлантическій и Беринговъ рукава полярнаго водоема стр. 130. — Мѣстности вокругъ полюса чрезвычайно богаты животными стр. 131—135 и 141—146. — Дѣйствительныя и предполагаемыя центры распространенія на самомъ полюсѣ стр. 135. — Виды полярныхъ животныхъ. Атлантически- и Берингово-полярныя виды. Азіятски- и Американски-полярныя виды стр. 136. — Кругополярныя безпозвоночныя животныя стр. 138—140. Гиперборейская фауна, въ особенности Сибирская стр. 140. — Она богата видами и особями стр. 141—146.

Гиперборейскія морскія животныя стр. 146. — Бѣлуха стр. 146. — Косатка стр. 149. — Длиннорукий китъ стр. 150. — Нарвалъ стр. 153.

гиперборейскія ледовитыя животныя стр. 153 — Тюлени стр. 154. — Моржи стр. 154. — Белый медвѣдь стр. 158.

Гиперборейскія материковыя животныя стр. 160. — а) Обитатели тундръ стр. 161. — Песецъ стр. 162. — Песцовая копытная мышь стр. 167. — Мускусный быкъ стр. 169. — б) Далеко распространенныя гиперборейскія животныя суши стр. 170. — Сѣверный олень стр. 170. — Заяц бѣлякъ стр. 183.

Гиперборейскія птицы стр. 185. — а) Гиперборейскія водныя птицы стр. 185. — б) Гиперборейскія материковыя птицы стр. 187.

Гиперборейскія рыбы стр. 190. — Гиперборейскія высшія морскія животныя стр. 191. — Гиперборейскія высшія прѣсноводныя животныя стр. 193.

Кругоборейскія Сибирскія животныя . . . . . 197 — 229

а) Кругоборейскія тундренскія животныя стр. 197. — Обскій леммингъ стр. 198. — Россомаха стр. 201. — Волкъ стр. 204. — Горностай стр. 207. — Маленькая ластка стр. 207. — Кругоборейскія тундренскія птицы стр. 208.

б) Кругоборейскія лѣсныя животныя стр. 209. — Простая лисица стр. 210. — Обыкновенный бурый медвѣдь стр. 213. — Рѣчная выдра стр. 223. — Рысь стр. 224. — Лось стр. 223. — Бобръ, черная крыса, пасюкъ, домова я мышь стр. 227. — Кругоборейскія лѣсныя птицы стр. 228.

Фауна горныхъ возвышенностей въ сравненіи съ фауною глубокаго сѣвера . . . . . 230 — 238

Различіе между полярнымъ и горнымъ климатомъ стр. 230. — Гиперборейскіе виды рядомъ съ своеобразными сибирско-альпійскими видами стр. 232. — Изъ гиперборейскихъ тундренскихъ обитателей ни одно млекопитающее животное не встрѣчается въ то-же время и на альпійскихъ возвышенностяхъ; птицы же встрѣчаются все, безъ исключенія стр. 233. — Прѣжняя связь между альпійскими животными средней Азіи, Кавказа, Альповъ и Пиренеевъ стр. 234. — «Далеко-распространенныя» гиперборейскія млекопитающія и все кругоборейскія животныя встрѣчаются также на горныхъ высотахъ стр. 236. — Затруднительность разрѣшенія вопроса относительно *Sylvia suecica*, *Al. alpestris*, *Fr. linaria*, *Charadr. morinellus*, были ли это первоначально гиперборейскія или альпійскія птицы стр. 236—237. — *Lagomys alpinus*, *Spermophilus Eversmanni*, *Gypaetos barbatus* несомнѣнно альпійскія животныя стр. 237—238.

Полярныя и борейскія животныя . . . . . 238 — 247

Существованіе полярныхъ видовъ еще подвержено сомнѣнію стр. 239. — Борейскіе виды стр. 241. — Енисей и Уралъ въ качествѣ рубежей стр. 242. — Южно-европейскія степныя животныя стр. 244. — Арало-каспійскія степныя животныя стр. 245. — Средне-азіатскія степныя животныя стр. 246.

Древне-борейскія животныя . . . . . 248 — 272

Древне-борейскія млекопитающія и птицы стр. 248. — Древне-борейскія амфибіи стр. 252. — Древне-борейскія рыбы и насѣкомыя стр. 255.

а) Беринго-борейскія животныя стр. 255. — б) Лепско-океанійскія животныя стр. 262. — в) Енисейско-океанійскія, д) Иртышско океанійскія и е) Урало-океанійскія животныя стр. 263 — 264. — ф) Скандинаво-океанійскія животныя стр. 265. — (Исключительно-) европейскія животныя стр. 269. — Уралъ страдательная пограничная черта стр. 269.

Передвиженія областей распространенія . . . . . 272 — 286

Скандинавскія животныя сибирскихъ породъ и германскаго происхожденія стр. 272. — Животныя, которыхъ вѣтъ въ Ирландіи, Крыму, Камчаткѣ и Сахалинѣ, стр. 277. — Нарушеніе непрерывности областей распространенія оленя, козули и кабана стр. 278. — Байкальскій тюлень стр. 284.

Общій обзоръ . . . . . 287 — 299

Различіе взглядовъ на число видовъ стр. 287. — Распространенныя доселѣ ошибочныя понятія о Сибирской фаунѣ стр. 288. — Неудовлетворительность прѣжнихъ зоологическо-географическихъ распредѣленій стр. 289. — Сходство въ способѣ распространенія птицъ

и мотыльковъ стр. 292. — Первобытная довѣрчивость животныхъ въ безлюдныхъ мѣстностяхъ стр. 293. — Пассивное безстрашіе и сознательная довѣрчивость стр. 298.

- Дополненія** ..... 300 — 310
- ✓ **Сохраненіе теплоты въ Сибирскихъ животныхъ** ..... 311 — 332
 Мракъ. Отраженіе свѣга стр. 311—313. — Суровость зимней стужи стр. 314—315. — Убыль теплоты въ тѣлѣ животнаго и предохраняющія отъ нея приспособленія стр. 315—324. — Норы и зимняя спячка стр. 323—332.
- Кочеваніе** ..... 332 — 364
 Недостатокъ въ пищѣ стр. 332—340. — Измѣненіе температуры стр. 340—342. — Вредныя насѣкомыя стр. 342—345. — Борьба за существованіе стр. 345—346. — Прирожденная страсть къ кочеванію стр. 347—349. — Кочеваніе до смерти стр. 349—353. — Выселеніе стр. 353—356. — Сила природнаго кочеваго влеченія возрастаетъ отъ накопленія животныхъ въ одномъ мѣстѣ и отъ случайныхъ кочеваній стр. 357—360. — Осѣдло-переходныя животныя стр. 360—361. — Изображенія лоховъ стр. 363 и 364.
- Направленіе и пути кочеванія** ..... 365 — 395
 Въ горахъ стр. 365. — Регулярность проходовъ стр. 366. — Пути перелетныхъ птицъ стр. 367—368. — Вліяніе гидрографической конфигураціи и другія уклопенія стр. 369—371. — Сравненіе путей кочеванія съ развѣтвленіями деревь стр. 371—372. — Поперечныя пути стр. 372—373. — Арало-Каспійско-Обскій путь; Волжско-Тобольскій путь стр. 373. — Нило-Каспійскій путь стр. 376. — Селеуго-Ангарскій и Ленскій пути стр. 377. — Горные проходы и острова стр. 378—380. — Направленіе путей перелета обозначается бросающимися въ глаза видами птицъ стр. 381—384. — На него указываютъ взлупительныя линіи стр. 386. — Пути кочеванія рыбъ стр. 387—388. — Способность человѣка узнавать направленіе стр. 388—391. — Направленіе вѣтра стр. 391—392. — Почтовые голуби стр. 393—395.
- Размѣры путей кочеванія** ..... 396 — 416
 Сѣв. олени стр. 396—399. — Скитающіяся кочующія животныя стр. 399—400. — Скитающіяся зимоупорныя перелетныя птицы стр. 400—403. — Сѣверный предѣлъ зимованія стр. 403—407. — Пути кочеванія длиною въ 35—50 градусовъ широты стр. 408. — Меридіанныя птицы стр. 409—410. — Вліяніе положенія, которое птица занимаетъ въ системѣ, вліяніе климата и горныхъ формъ стр. 411—413. — Разстоянія, проплываемыя рыбами, стр. 413—416.
- Времена кочеванія** ..... 416 — 451
 Излупители стр. 416—425. — Средніе дни прибытія стр. 420—421. — Времена кочеванія сѣв. оленей стр. 426—427. — Внезапный напоръ птицъ стр. 428—429. — Заповдавшіе выводки задерживаютъ родителей стр. 430. — Самцы прилетаютъ раньше стр. 431. — Ранній прилетъ стр. 432—433. — Поздній прилетъ стр. 436. — Времена кочеванія рыбъ стр. 440—450.
- Дополненія** ..... 451 — 488
 Обиліе животныхъ на побережьяхъ Великаго океана стр. 452. — Цвѣтъ животныхъ въ качествѣ основы видоваго отличія стр. 453. — Экваторіальный предѣлъ лося и куснаго животнаго стр. 453—454. — Волкъ избѣгаетъ обилія свѣга. Воробей. Пугливныя птицы ставовятся смѣлыми. Вторженіе *Syrnhaptis* стр. 454 (и стр. 464). — *Lagoceros montanus* простирается до Енисея стр. 455. — Слово «маръ». Свѣжная слѣпота. Возбужденное развитіе тепла стр. 456—457. — Стерлядь, заходя въ рѣки, не принимаетъ пищи. Горные сѣв. олени сильнѣе другихъ. Кочеваніе лоховъ до смерти стр. 459. — Кочеваніе лемминговъ и зайцевъ стр. 460. — Поликлиническія животныя стр. 461. — Нѣкоторыя перелетныя птицы на время дѣлаются осѣдлыми стр. 462. — Взаимныя отношенія между извѣстными видами растеній и птицъ стр. 463. — Въ древности перекочевки были сильнѣе и обширнѣе стр. 466. — Бѣдухи въ большихъ рѣкахъ стр. 467. — Кочеваніе козуль и сѣв. оленей. Древне-борейскіе виды въ Гренландіи стр. 468. — Экваторіальные предѣлы гиперборейскихъ птицъ стр. 470. — Арктическій поперечный путь. Прилетъ птицъ въ Уссурийскомъ краѣ стр. 471. — Перелетныя птицы не рѣшаются пе-

ребираться через степь Гоби. Пути переходовъ стр. 472. — Пути кочеванія рыбъ. Предчувствія рыбъ стр. 474. — Голубиная почта стр. 475. — Стремленіе къ родинѣ Предчувствія птицъ и грызуновъ стр. 477—479. — Кочеваніе тугуна. Измѣреніе быстроты путешествія стр. 481—482. — Налимъ зимняя рыба стр. 483. — Время метанія икры стерлядьми находится въ связи съ половодьемъ Волги стр. 485. — Порядокъ, въ которомъ рыбы кочуютъ въ Енисей, стр. 486. — Замѣтки на возраженія Пальмена относительно метода, развитаго въ Изепцтезахъ, стр. 487—488.

Верховья и упряжные животныя Сибирскихъ кочевниковъ. . . . . 489 — 570

Сѣв. олень въ упряжи стр. 489. — Измѣненія цвѣта стр. 490—491. — Отсутствие приятныхъ активныхъ качествъ душевныхъ стр. 492. — Необыкновенная быстрота бѣга стр. 493. — Выючный и верховой сѣв. олень стр. 494. — Поимка его стр. 497. — Способъ сидѣнья на цемъ стр. 503. — Болотистыя точи стр. 503. — Переправа вбродъ. Способность помнить мѣстность, и чутье стр. 507. — Сопротивленіе стр. 508. — Быстрота стр. 511—512. — Горные или ламскіе сѣв. олени стр. 514—515. — Сидланіе и сбрасываніе роговъ стр. 516 — 517.

Лось стр. 518—519.

Собака стр. 519. — Собака и сѣв. олень взаимно дополняютъ другъ друга стр. 520. — Упряжь полсичная стр. 521. — Быстрота стр. 522. — Разновидности стр. 526 — Происхожденіе стр. 527. — Тунгуская собака стр. 528.

Лошадь стр. 532. — На глубокомъ сѣверѣ стр. 535. — Якутская лошадь стр. 536. — Дикая степная упряжь стр. 538. — Подготовленіе посредствомъ голода (выдержка) стр. 540. — Переправа вбродъ и вплавь стр. 542. — Ужѣице приравливаются къ ширинѣ выюковъ стр. 543.

Верблюды, оселъ и рогатый скотъ стр. 545. — Сладкія травы на крайнемъ сѣверѣ стр. 547. — Якъ стр. 549.

Домашнія животныя съ точки зрѣнія культурнаго государства стр. 550. — Камчатка и Удской Острогъ стр. 551. — Запрещеніе держать упряжныхъ собакъ стр. 554. — Хищныя животныя стр. 555. — Правильный сбытъ стр. 559. — До 150 личинокъ оленьяго овода стр. 561. — Необходимо убивать больше рогатаго скота стр. 562. — Суевѣрный убой скота. Соль. Сѣнные сараи стр. 563. — Переходъ отъ пастушества къ скотоводству стр. 563. — Собака и сѣв. олень дышагъ, не потѣють стр. 567. — Обыкновенная мѣра путешествія 4—6 геогр. миль въ день стр. 569.

Повозки и суда кочевниковъ. . . . . 571 — 582

Гибко-упругое устройство стр. 571. — Лыжи стр. 573. — Нарта стр. 575. — Байдара стр. 577. — Челюки стр. 579.

Рыболовство въ Сибири. . . . . 583 — 592

Суда на Енисей стр. 583. — Уменьшеніе количества омулей стр. 586. — Галыгъ мѣсто метанія икры стр. 588. — Гарпуны, лежащіеся поперекъ, стр. 589. — Сидьбака стр. 591.

Охота въ Сибири. . . . . 593 — 618

Охотничій пылъ Самоѣдовъ стр. 594. — Временное прекращеніе охоты стр. 595. — Огнестрѣльное оружіе изъ Китая стр. 596. — Лукъ стр. 598. — Стрѣлы стр. 600. — Рогатины стр. 601. — Травля безъ с. бакъ, пѣшкомъ стр. 602. — Травля на оленьихъ санкахъ стр. 603. — Махалки стр. 604. — Засѣки стр. 605. — Самострѣлы стр. 606. — Пастники стр. 609. — Лизаніе соли и разведеніе костровъ стр. 613. — Труба для призыва оленей стр. 614. — Охота на соболей стр. 615. — Соколиная охота стр. 617.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Коренные жители Сибири.

Общая свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ Сибири. . . . . 619 — 657

Потера составленнаго мною собранія черепныхъ измѣреній стр. 619. — Измѣренія Бурятскихъ и Самоѣдскихъ череповъ стр. 620. — Лингвистическій матеріалъ стр. 621. —

Глухое произношеніе словъ первобытными народами. Шепеляніе стр. 621—622. — Различныя взгляды путешественниковъ на одинъ и тотъ-же предметъ стр. 622—623. — Смѣшеніе типовъ; возвращеніе къ первоначальному типу стр. 624. — Рефератъ (1847 года) о портретахъ Сибирскихъ туземцевъ. Самоѣды смѣсь финскихъ и монгольскихъ народовъ. Лингвистическая и соматическая этнографія. Измѣреніе головъ живыхъ людей. Важность типа лица стр. 624—629. — Чрезвычайно благоприятныя условія для скрещиванія типовъ кочевыхъ народовъ. Сымскій Остякъ чисто-финскій типъ стр. 630—631. — Каннискій Самоѣдъ съ такимъ-же типомъ. Напротивъ того, татарско-якутское лицо съ преобладаніемъ верхней челюстной части. Третій типъ съ монгольскими широкими и высокими черепами стр. 631—633. — Смѣсь финской и монгольской крови стр. 633—634. — Самоѣдскія нарѣчія по Кастрену. Не смотря на его сомнѣнія, лингвистическая и соматическая антропология приводитъ къ одинаковымъ результатамъ стр. 634—638. — Зыряне, Русскіе, Якуты вытѣсняють другіе народы. Маленькая нога Самоѣдовъ и Тунгусовъ (Монголовъ?) стр. 639. — Цвѣтъ кожи. Отсутствіе дородности у сѣв. кочевниковъ стр. 639—640. — Урывчатое дѣйствіе мускуловъ (см. также стр. 659). Совершенства первобытныхъ порядковъ, указывающія на тысячелѣтнія постепенныя усовершенствованія, стр. 640—641. — Мастерское дубленіе шкуръ стр. 641—643. — Практичныя моды (спальный мѣшокъ, туловищныя штаны, сары, разрѣзъ въ рукавицѣ) стр. 643—645. — Раздѣленіе труда стр. 646. — Деспотическое господство моды въ нарядахъ первобытныхъ народовъ; съ другой стороны простѣйшіе идолы. Неумѣнье отличать цвѣта стр. 646—650. — Татуированіе стр. 650—651 (срав. также стр. 684 и 699). — Согласіе, коммунизмъ стр. 651—652. — Условность приличій стр. 652—653. — Честность вслѣдствіе столѣтняго варварскаго воспитанія, стр. 654—655. — Деморализація, порождаемая соприкосновеніемъ съ культурою, стр. 655. — Повиновеніе при отсутствіи строгости въ воспитаніи. Различіе прирожденныхъ способностей. Страсть къ свободному передвиженію стр. 656—657.

Енисейскіе Остяки ..... 657 — 660

Нѣкогда сильный, нынѣ вымирающій народъ, во всемъ отличающійся отъ прочихъ Остяковъ. Признаки. Урывчатое дѣйствіе мускуловъ. Своеобразная походка стр. 657—659. Постепенная гибель стр. 660.

Самоѣды со включеніемъ Юраковъ ..... 660 — 688

Общая свѣдѣнія о нихъ. Самоѣды не простираются до Ледовитаго Океана стр. 660—661.

Енисейскіе Самоѣды стр. 662—664.

Хантайскіе Самоѣды. У нихъ фамиліныя имена стр. 664—665.

Береговые Юраки. Стриженная голова съ каймою длинныхъ прядей позади ушей стр. 665.

Тавгынскіе или Авамскіе Самоѣды. Боятся бѣлыхъ медвѣдей. Физиономія имѣетъ несравненно болѣе финскій типъ, чѣмъ на восточномъ берегу Бѣлаго Моря. Сѣдые волосы. Шпицы, мѣхъ которыхъ служитъ для украшенія колпаковъ. Любовь къ дѣтямъ. Судебный приговоръ старшины. Сопротивленіе крещенію. Суевѣріе. Жреческіе происки шамановъ. Охотники до водки стр. 665—670.

Водеевскіе Самоѣды или Ася. Происходятъ отъ Тунгусовъ. Крошечныя ноги (срав. также стр. 639). Медвѣжья пласка. Мелодія. Походъ и вожаки каравана. Приваль. Пища. Легкомысленное закалываніе животныхъ. Лакомые куски. Лисьи и волчьи капканы. Слѣдовало бы озаботиться о пеньковой пряжѣ, о неводахъ. Большой вредъ коммунизма при дѣлѣ добычи на доли. Обычай относительно наслѣдства. Отсутствіе фамиліныхъ названій. Отдача женъ въ наемъ. Цѣна невѣсты. Татуированіе (срав. также стр. 650 и 699). Спиная скребница. Поклоненіе естественнымъ достопримѣчательностямъ. Женщины считаются нечистыми. Дармоѣды-чародѣи. Погребеніе стр. 671—688. Относительно портретовъ на табл. II-й срав. стр. 333.

Долганы ..... 688 — 698

Своеобразная форма лица стр. 688. — Зашли съ востока стр. 689. — Зимніе шалаши стр. 691. — Якутскій нарядъ стр. 691—692. — Некрещены. Ловкость въ единоборствѣ.

Значительныя различія въ ростѣ. Помѣя. Осѣдлые стр. 692—693. — Свѣдѣнія, сообщаемыя Кастрепомъ, Кривошапкинъ и Третьяковымъ, стр. 695—697. — Долганы родомъ Якуты стр. 698.

Тунгусы ..... 698 — 743

Сѣверные Тунгусы стр. 699. — Тѣуриваніе. Особое названіе для сѣры. Высокоголовые Тунгусы стр. 699—700. — Ягры. Ялегры. Помѣя съ Долганами стр. 700. — Одежда. Нарядная осанка. Простируются до Якутска стр. 701—702. — Похороны. Юкагры стр. 703—704.

Южные Тунгусы. Горный народъ: гостепримны, любители удовольствій, легкомысленны стр. 704. — Живутъ удлинено. Объясненіе посредствомъ знаковъ. Гибнутъ. Дальнія странствованія, за 200 верстъ стр. 705. — Юрты. Кюрбюдинскій родъ Учурскаго племени. Мало ов. оленей стр. 706. — Еще 600 сѣв. оленей у Охотскаго моря. Шаманы у крещеныхъ. Суевѣріе. Осеннее странствованіе стр. 706—707. — Стрѣльба въ цѣль. Пляска стр. 707—708. — Нравственность. Рѣчи. Торговцы. Пирушки стр. 708—709. — Неразсчитываемая жизнь сообщая стр. 709. — Отправленіе въ походъ. Беззаботность стр. 710—711. — Доли въ дѣлѣхъ лося. Пища стр. 712—714. — Одежда и нарядъ женщинъ и дѣтъ стр. 715—717. — Глаза не страдаютъ отъ огня въ чумѣ стр. 718. — Цѣна цевѣсты стр. 719—720. — Работа мужчинъ закаляетъ челоуѣка стр. 721. — Эротическія пѣсни стр. 722. — Легкомысліе, поддерживаемое торговцами, стр. 723. — Экономическія условія стр. 723—725. — Запрещеніе пороха стр. 725. — Китайскіе Буралы и Гурагры стр. 726—727. — Распредѣленіе тогдашней дичи. Рыболовство стр. 727—730. — Инакиры, Ямиганъ. Сологонъ (Солоръ), Мурингакъ стр. 731—732. — Ружья большаго калибра. Чѣмъ меньше соболей, тѣмъ меньше долговъ. Бельоты стр. 732—733. — Боягры съ Билюя, на Амурѣ. Орочоны стр. 733. — Пограничныя затрудненія и торговыя запрещенія стр. 734—735. — Сборщики податей стр. 735—737. — Отвага. Медвѣжья рогаина. Мой спутникъ Вагановъ убитъ. Вымогательства чиновниковъ стр. 738. — Обиліе соболей и легкомысленное дѣланіе долговъ стр. 738—741. — Казаки, чиновники, священники являются торговцами стр. 742. — Предстоитъ разореніе, если вскорѣ не будутъ устроено скотоводство, стр. 743.

Нигидалское племя Китайскихъ Тунгусовъ ..... 744 — 757

Деять родовъ стр. 744. — Соприкосновенія и столкновенія. Шамагры въ качествѣ торговцевъ; торговля стр. 745—747. — Рыболовный народъ. Китайскіе образцы одежды. Рыбья икура. Береста стр. 747—755. — Пища. Почетная дубина стр. 756—757. — Ныгатку Шамагры, Буралы стр. 757 (срав. также стр. 726).

Якуты ..... 758 — 833

Зафрощенный обломокъ на Евисей, у Туруханска стр. 758—759. — Якуты Таймырскаго края, тѣсящія Самоѣдовъ. Поселенія. Количество населенія не измѣняется. Срубы, зимовья, стр. 760—761. — Зимняя спячка. Календарь стр. 761—762. — Старинная крѣпость Якутскъ стр. 763. — Простираются до Ледовитаго Океана въ качествѣ коневодовъ стр. 764. — Черты лица: первобытныя и съ примѣсью монгольскаго типа стр. 765—766. — Не могутъ быть причислены къ исчезающимъ народамъ. Ассимиляционная сила стр. 767. — Намеки на прежнія, болѣе южныя мѣста пребыванія стр. 768—769. — Подводники стр. 770. — Умѣнье приравливаться ко всѣмъ условіямъ. Способность торговать и умѣньесоблазнять Тунгусовъ стр. 771—773. — Отсутствіе той способности довольствоваться малымъ и той бережливости, которыми обладаетъ еврейскій торгошъ, стр. 774. — Долги, азартныя игры стр. 775—776. — Способность къ ремесленнымъ занятіямъ стр. 777—779. — Усвоеніе тунгусскихъ построекъ стр. 780—782. — Умѣнье приравливаться къ условіямъ (срав. также стр. 771), способности, земледѣліе, скотоводство стр. 782—784. — Хозяйство стр. 785 — Суррогаты муки стр. 785—786. — Роскошные пиры стр. 787—788. — Рѣчи, жертвенныя приношенія стр. 789—790. — Жертвенныя рѣчи на горныхъ перевалахъ стр. 790—791. — Старинныя условныя выраженія въ рѣчахъ стр. 792—793. — Трудность пониманія стр. 794. — Освященіе привала стр. 795—798. — Хороводная хоровая пѣсня при кумысовомъ праздникѣ стр. 799—807. — Мелодія. Сказ-

ви. Сборникъ словъ стр. 808—819. — Предѣія стр. 819—821. — Фразы стр. 821—823. — Разнообразное значеніе одного и того же слова стр. 824. — Превытокъ значеній и лаконизмъ стр. 825. — Недостатокъ словъ для передачи выражений благодарности и прощанія стр. 826. — Память. Честност. Послушаніе при патриархальныхъ порядкахъ стр. 826—827. — Любознательность. Крестьяне стр. 827. — Суевѣріе стр. 828. — Совпаденіе выраженій бѣдный и худой стр. 829. — Наряды. Одежда стр. 829—831. — Способность переносить стужу. Браки стр. 831—82. — Цѣна невѣсты. Наслѣдованіе стр. 832. — Будущее вѣшество стр. 833.

Портреты изображенныхъ на II-й таблицѣ Саоѣдовъ съ низовьевъ Енисея.